ДЖЕЙМС КЛАВЕЛЛ

ШАМАЛ

Ф

Annotation

Охваченный революцией Иран представлял собой клубок сложных противоречий.

«Зеленые повязки» и сторонники имама дрались с партией Туде и ее ликвидаторами. Исламские марксисты и «зеленые повязки» воевали с курдами. Все они, вместе взятые, и аятолла вели непримиримую борьбу против шахских войск «бессмертных» и чужеземцев, то есть неверных.

Каждая из группировок вершила над врагами балаганный суд – тупой, слепой, невежественный и фанатичный. Не обошлось и без происков разведок из Советского Союза и Великобритании, служб из Израиля и США, а также присутствия агентов Благородного дома, семьи Струан.

На фоне этого поля брани развивались истории любви пилотов вертолетов и иранских красавиц – Шахразады и Азадэ.

В итоге вертолетная компания вынуждена была срочно спасать имущество и жизни сотрудников, реализовав операцию «Шамал».

- Джеймс Клавелл
  - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
  - КНИГА ПЕРВАЯ
    - ПЯТНИЦА
      - ГЛАВА 1
      - ГЛАВА 2
      - ГЛАВА 3
    - СУББОТА
      - ГЛАВА 4
      - ГЛАВА 5
      - ГЛАВА 6
      - ГЛАВА 7
      - ГЛАВА 8
    - ВОСКРЕСЕНЬЕ
      - ГЛАВА 9
      - ГЛАВА 10

        - ГЛАВА 11
        - ГЛАВА 12
        - ГЛАВА 13
    - ПОНЕДЕЛЬНИК
        - ГЛАВА 14
        - ГЛАВА 15
        - ГЛАВА 16
        - ГЛАВА 17
        - ГЛАВА 18
        - ГЛАВА 19
        - ГЛАВА 20
    - ВТОРНИК
        - ГЛАВА 21
        - ГЛАВА 22
        - ГЛАВА 23
        - ГЛАВА 24
        - ГЛАВА 25
        - ГЛАВА 26
    - СРЕДА
        - ГЛАВА 27
        - ГЛАВА 28
        - ГЛАВА 29
- КНИГА ВТОРАЯ
    - СУББОТА
        - ГЛАВА 30
        - ГЛАВА 31
        - ГЛАВА 32
        - ГЛАВА 33
    - ВОСКРЕСЕНЬЕ
        - ГЛАВА 34
        - ГЛАВА 35
        - ГЛАВА 36
        - ГЛАВА 37
        - ГЛАВА 38
    - ВТОРНИК
        - ГЛАВА 39
        - ГЛАВА 40

        - ГЛАВА 41
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Джеймс Клавелл
Шамал. В 2 томах. Т.1. Книга 1 и 2

Посвящается
ШИГАЦУ

Так как они сеяли ветер,
То и пожнут бурю.
Осия 8:7

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Этот рассказ о событиях, происходивших в охваченном революцией Иране в период с 9 февраля по 4 марта 1979 года, задолго до возникновения кризисной ситуации с захватом заложников. Я старался, чтобы моя история получилась как можно более реалистичной, но книга – художественное произведение, где персонажи вымышлены и многие из мест выдуманы. В мои намерения не входило делать намеки на какое-либо лицо или компанию, которые являлись или являются частью нашей эпохи. Разумеется, тени противоборствующих гигантов, его императорского величества шаха Мохаммеда Пехлеви (и его отца, Реза-шаха) и имама Хомейни, ложатся на созданные мною персонажи и являются жизненно важной частью этого повествования, хотя сами лидеры в нем и не изображены. Я постарался воссоздать точную, пусть и выдуманную, картину тех времен, тех разных типов людей, коим выпало их пережить, тех мнений, которые существовали и могли бы быть высказаны, но ничто из написанного мною в этой книге не было продиктовано неуважением.

Это мой рассказ; и он не о том, как события происходили на самом деле, а о том, какими они представлялись мне в эти двадцать четыре дня…

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЯТНИЦА
9 февраля 1979 года

ГЛАВА 1

Горы Загрос. Закат. Солнце коснулось горизонта, и всадник устало натянул поводья, радуясь, что настало время молитвы.

Хусейну Ковисси, крепко сбитому иранцу, было тридцать четыре года; кожа у него была светлая, глаза же и борода – темные, почти черные. Из-за плеча выглядывал советский АК-47. Путник закутался от холода; поверх перепачканного дорожной грязью халата ремнем был перехвачен грубый овчинный полушубок из тех, что носили кочевники-кашкайцы, на голове – белая чалма, на ногах – поношенные сапоги. Уши были плотно прикрыты, поэтому он не слышал далекого пронзительного воя реактивных двигателей приближавшегося вертолета. Привязанная к лошади усталая вьючная верблюдица нетерпеливо дернула за веревку, требуя корма и отдыха. Он рассеянно обругал ее, спешиваясь.

На этой высоте, почти две с половиной тысячи метров, воздух был разреженным и холодным, очень холодным. Снег лежал толстым покровом; ветер гнал поземки, задувая снег на дорогу и делая ее предательски скользкой. За его спиной эта мало кому известная тропа, петляя, убегала к долинам далеко внизу и тянулась дальше, к Исфахану, откуда он держал свой путь. Впереди она забиралась вверх, опасно извиваясь между скал, потом спускалась в другие долины, простиравшиеся до самого Персидского залива, и выводила к городку Ковиссу, где он родился, где теперь жил и по имени которого начал называть себя, когда стал муллой.

Его не тревожили ни опасности пути, ни холод. Эта опасность была для него чистой, такой же чистой, как холодный воздух вокруг.

Будто снова кочевником стал, подумал он, и перед глазами возникла картина прошлого: дед, ведущий их по горным склонам, как в старые времена, когда все кашкайские племена могли свободно кочевать с зимних пастбищ на летние, у каждого – и конь, и ружье, и скота в достатке, наши отары овец, стада коз и верблюдов не знали

счета, наши женщины ходили, не закрывая лица, наши племена жили свободными, как десятками веков до нас жили наши предки, покорные одной лишь воле Бога – старые времена, которым пришел конец каких-то шестьдесят лет назад, говорил он себе, чувствуя, как в нем поднимается злоба. И конец этот положил им Реза-хан, этот солдат-выскочка, который с помощью подлых британцев захватил трон, провозгласил себя Реза-шахом, основав династию Пехлеви, а потом, опираясь на свой казацкий полк, обуздал нас и постарался стереть с лица земли.

То промысел Божий, что со временем Реза-шах был унижен и сослан своими нечестивыми британскими хозяевами, чтобы умереть в забвении; то промысел Божий, что Мохаммед-шах был принужден бежать из страны несколько дней назад; то промысел Божий, что Хомейни вернулся, дабы возглавить Его революцию; на то воля Аллаха, чтобы завтра, или через день, или на следующий день я принял мученическую смерть; Аллаху угодно, чтобы всех нас подхватил Его вихрь, и чтобы ныне все счеты были сведены с шахскими прихвостнями и всеми иноземцами.

Вертолет теперь был ближе, но иранец по-прежнему не слышал его: шум двигателя тонул в завываниях ветра. Хусейн с чувством удовлетворения вытащил коврик для молитвы и расстелил его на снегу, ощущая, как заныли оставленные кнутом рубцы на спине, потом зачерпнул пригоршню снега. Согласно ритуалу, он совершил омовение рук и лица, готовясь к четвертой молитве дня, повернулся на юго-запад, лицом к священной Мекке, лежавшей в Саудовской Аравии за тысячи миль отсюда, и направил свои помыслы к Богу.

– Аллаху акбар, Аллаху акбар. Ля иляха илла-ллах ва Мухаммаду расулу-ллах… – Повторяя слова шахады[1], он пал ниц, давая арабским словам целиком завладеть собой: Бог велик. Бог велик. Нет (никакого) божества, кроме Бога, и Мухаммад – посланник Бога.

Ветер усилился, став еще холоднее. И тут сквозь закрывавшую уши ткань молящийся уловил пульсирующий звук реактивного двигателя. Он упорно нарастал, пока не проник к нему в мозг, изгнав оттуда умиротворение и разрушив сосредоточенность. Хусейн в гневе открыл глаза. Приближающийся вертолет шел всего метрах в шестидесяти над землей, поднимаясь прямо на него.

В первое мгновение он подумал, что вертолет может быть военным, и им вдруг овладел страх: ищут его. Потом разглядел британские цвета – красный, белый и синий – и знакомую эмблему на фюзеляже: заглавные буквы S-G вокруг красного королевского льва Шотландии – та же вертолетная компания, что действовала с воздушной базы в Ковиссе и по всему Ирану, – тогда страх покинул его, но гнев остался. Он неотрывно следил за вертолетом, ненавидя все, что тот олицетворял. Вертолет должен был пройти прямо над ним, но опасности для него не представлял – Ковисси вообще сомневался, что люди на борту его заметят, – и все равно все его существо было возмущено этим вторжением в его покой и разрушением его молитвы. И вместе с нарастающим, бьющим по ушам визгом двигателя в нем заклокотала злоба.

– Ля иляха илла-ллах… – Он попытался вернуться к молитве, но вспарываемый лопастями воздух забросал лицо снегом.

За его спиной конь испуганно заржал и взвился на дыбы; спутанные ноги не удержались на тропе и заскользили вбок. Вьючная верблюдица, тоже перепуганная, почувствовала, как задергался ее повод, с ревом поднялась, спотыкаясь и топчась на трех ногах, немилосердно перетряхивая поклажу и путая веревки.

Его ярость прорвалась наружу.

– Нечестивец! – проревел он вертолету, уже почти перевалившему через гору, вскочил на ноги, схватил автомат, толкнул вниз предохранитель, дал очередь, сделал поправку и выпустил весь рожок.

– САТАНА! – выкрикнул он посреди внезапно наступившей тишины.

Когда первые пули хлестнули по вертолету, молодого пилота Скота Гаваллана на миг будто парализовало и он тупо уставился на дыры в пластиковом фонаре кабины.

– Боже милосердный… – охнул он; в него еще никто никогда не стрелял.

Но его восклицание покрыл голос человека на переднем сиденье сбоку от него, чья реакция была отточенной и по-боевому мгновенной.

– Давай вниз! – взревела команда в наушниках пилота. – Вниз, – снова прокричал Том Локарт в свой подвесной микрофон, потом, поскольку своих рычагов управления у него не было, он накрыл левую

руку пилота на рычаге управления общим шагом винта вертолета и толкнул ее вниз, резко сбросив мощность и подъемную силу.

Вертолет пьяно качнулся, тут же потеряв высоту. В этот момент их накрыла вторая автоматная очередь. Сверху и сзади раздался зловещий хруст, где-то еще пуля с визгом чиркнула по металлу, двигатели поперхнулись, и вертолет начал падать.

Вертолет был марки AB 206 «Джет Рейнджер»: один пилот, четыре пассажира – один впереди, три сзади, – и сейчас в нем сидели все пять человек. Час назад Скот обычным порядком забрал их, вернувшихся после месячного отпуска, в аэропорту Шираза милях в пятидесяти к юго-востоку; теперь же обыденность превратилась в сущий кошмар, и гора всей массой ринулась на них, потом, чудом пропустив их за край, вдруг покатилась вниз, и вертолет нырнул в ложбину, что дало ему передышку на долю секунды, которой хватило, чтобы снова оседлать воздух и обрести частичную управляемость.

– Осторожней, черт подери! – рявкнул Локарт.

Скот и сам увидел опасность, но не так быстро. Его руки и нога пустили затрясшуюся всем корпусом машину по крутой дуге вокруг высоко торчащего впереди камня. Левая лыжа шасси вскользь ударилась о него, протестующее взвизгнув, и они снова понеслись вниз, скользя буквально в нескольких футах над неровной поверхностью из камней и деревьев, которая то проваливалась куда-то, то опять надвигалась.

– Давай вниз, и быстро, – говорил Локарт, – вон туда, Скот… нет, вон туда, смотри, вдоль того гребня и в ущелье… Тебя задело?

– Нет, нет вроде. А тебя?

– Нет. У тебя сейчас все в порядке, спускайся в ущелье, давай быстрее!

Скот Гаваллан послушно заложил вираж и пустил машину в указанном направлении – слишком низко и слишком быстро, – все еще не вполне придя в себя. Во рту горчило, сердце колотилось в груди. Из-за перегородки за спиной он, сквозь рев двигателей, слышал крики и чертыхания остальных, но обернуться не рискнул и лишь тревожно спросил в микрофон:

– Там кого-то ранило, Том?

– Забудь про них, сосредоточься, следи за гребнем, я ими займусь! – настойчиво проговорил тот, рыская глазами во все стороны.

Ему было сорок два года: канадец, бывший пилот Королевских ВВС, бывший наемник, а теперь старший пилот их базы, «Загрос-3». – Следи за гребнем и будь готов в любой момент снова увернуться. Приникни к земле и держи машину низко. Гляди в оба!

Гребень был чуть выше них и надвигался слишком быстро. Гаваллан увидел каменный клык, выросший прямо по курсу. Он едва успел уйти вбок, как вдруг сильный порыв ветра швырнул их опасно близко к отвесной стене ущелья. Он слишком пережал рычаг управления, выравнивая машину, услышал в наушниках грязное ругательство, выровнял вертолет, увидел вдруг впереди деревья, камни и неожиданно возникший конец ущелья и понял, что им не спастись.

Все вокруг него разом остановилось, зависло, словно включили замедленное воспроизведение.

– Боже мило…

– Круто влево… обходи камень!

Скот почувствовал, как его руки и ноги подчинились, и увидел, как вертолет проскочил мимо в каких-то дюймах от скалы, метнулся к деревьям, взмыл над ними и вырвался на простор.

– Сажай его вон там, так быстро, как только сможешь.

Он уставился на Локарта, открыв рот; в животе у него крутилась тяжелая карусель.

– Что?

– Что слышал. Сажай. Надо посмотреть, все проверить, – настаивал Локарт, мучаясь тем, что рычаги управления не у него. – Я слышал, как что-то сломалось.

– Я тоже слышал, только вот как насчет шасси? А если там уже оторвало все.

– Ты подержи машину на весу, шасси не нагружай. Я выскочу, проверю. Если шасси в порядке, вертолет посадим, и я его быстренько осмотрю. Так целее будем. Один Бог знает, чего там натворили эти пули: маслопровод перебили или кабель задели. – Локарт увидел, как Скот отвел взгляд от площадки внизу и оглянулся на пассажиров. – К чертям их всех, я же сказал. Разберусь я с ними, – резко бросил он. – Сосредоточься на посадке.

Он увидел, как молодой человек вспыхнул, но подчинился. Потом, борясь с внезапно накатившей тошнотой, Локарт обернулся, ожидая увидеть повсюду брызги крови, вывернутые внутренности, услышать

чьи-то вопли – вопли, тонувшие в реве моторов, – зная, что ничего не сможет сделать, пока они не достигнут спасительного убежища и не сядут: неизменная и первейшая обязанность вертолетчиков – безопасно посадить машину.

С огромным облегчением – даже голова заныла – он увидел, что три человека на заднем сиденье: два механика и еще один пилот, как будто не пострадали, хотя все сидели пригнувшись, и у Джордона, механика, скрючившегося прямо за его спиной, лицо было белым как мел, и голову он сжимал обеими руками. Локарт отвернулся.

До земли оставалось метров пятнадцать; они заходили на посадку по хорошей траектории, быстро снижаясь. Поверхность площадки была голой и белой, ни одного кустика травы не торчало над снегом, которого по бокам площадки нанесло целые сугробы. На первый взгляд – хороший выбор. Вполне достаточно места для маневра и посадки. Но как определить глубину снежного покрова и то, насколько ровной была земля под ним? Локарт знал, как бы на месте пилота поступил он. Но рычаги управления находились не у него, и не он командовал этим вертолетом, хотя и был старшим по должности.

– Сзади все в порядке, Скот.

– Слава богу, – выдохнул Скот Гаваллан. – Ты готов на выход?

– Как тебе эта площадка?

Скот уловил предостережение в голосе Локарта, тут же прекратил маневр, добавил мощности и завис над землей. Господи, подумал он, едва не запаниковав от собственной глупости, если бы Том меня не одернул, я бы сел прямо тут, а одному Богу известно, насколько тут снег глубокий и что там вообще под ним прячется! Он поднялся до тридцати метров и огляделся.

– Спасибо, Том. Как насчет вон того места?

Новая площадка в нескольких сотнях метров от них на другой стороне лощины была не такой просторной; она располагалась ниже по склону и открывала хороший путь для отхода, если он им вдруг понадобится. Поверхность была почти чистой от снега, не совсем ровной, но вполне подходящей.

– Мне оно тоже больше нравится. – Локарт сдвинул наушник с одного уха и повернулся: – Эй, Жан-Люк, – прокричал он, перекрывая шум моторов, – ты в порядке?

– Ага. Я слышал, как что-то хрустнуло к чертям.

– Мы тоже. Джордон, ты живой?

– Конечно, твою мать, живой, ч-черт, – раздраженно прокричал в ответ Джордон, тощий, жилистый австралиец, мотая головой, словно собака. – Только вот башкой долбаной приладился, ну? Ч-черт бы побрал эти гребаные пули! Скот вроде говорил, что жизнь, черт, налаживаться стала, когда этот хренов шах смотался, а Хомейни, твою мать, вернулся. Это она так налаживается? Теперь они по нам, твою мать, пальбу открыли! Раньше такого не было. Чего ж это, твою мать, делается-то, а?

– А мне откуда знать? Наверное, какой-нибудь идиот, у которого палец на курке чешется. Сиди, не высовывайся, я выскочу, взгляну быстренько, что и как. Если шасси в порядке, сядем нормально, и ты с Родом сможешь все проверить.

– Че там с долбаным давлением масла? – прокричал Джордон.

– Стрелка на зеленом. – Локарт автоматически скользнул взглядом по приборной доске, посадочной площадке, небу: влево, вправо, вверх, вниз. Они аккуратно опускались, до площадки оставалось метров шестьдесят. В наушниках он услышал, как Гаваллан монотонно гудит какую-то мелодию себе под нос. – Ты все сделал как надо, Скот, молодец.

– Черта с два, – ответил молодой человек, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно и буднично. – Я бы грохнулся. Когда пули ударили, меня просто парализовало, и если б не ты, я бы свалился.

– Вся эта свистопляска из-за меня приключилась, главным образом. Толкнул «шаг-газ» без предупреждения. Ты уж извини, но нужно было срочно убрать нас с линии огня этого ублюдка. Я этому еще в Малайе выучился. – Локарт провел там год в составе британских сил, сражавшихся с повстанцами-коммунистами. – Времени не было тебя предупредить. Садись давай как можно скорее. – Он одобрительно посмотрел, как Гаваллан завис, внимательно изучая местность под собой.

– Ты видел, кто в нас стрелял, Том?

– Нет. Хотя опять же я и не ждал встретить тут противника. Где думаешь садиться?

– Вон там, подальше от поваленного дерева. О'кей?

– Вроде подходит. Давай. Так быстро, как только сможешь. Подержи машину примерно в футе над землей.

Зависание Скот выполнил идеально: машина замерла в нескольких дюймах над снежным покровом, неподвижная, как камни под ней, несмотря на порывистый ветер. Локарт открыл дверцу. Внезапный холод пробрал его до самых костей. Он застегнул молнию на своей утепленной летной куртке и осторожно выскользнул наружу, пригибая голову от вращавшихся лопастей.

Передок полозкового шасси был весь в царапинах и вмятинах и немного погнут, но заклепки, крепившие его к стойкам на дне фюзеляжа, сидели крепко. Он быстро осмотрел другую сторону, еще раз проверил поврежденную часть шасси и показал большой палец. Гаваллан чуть сбросил обороты и мягко, как пушинку, посадил машину.

Тут же три человека с заднего сиденья друг за другом выбрались из вертолета. Жан-Люк Сессон, пилот-француз, нырнул в сторону, чтобы оба механика могли начать осмотр, один по левому борту, другой – по правому, от носа к хвосту. Ветер от крутящихся лопастей дергал их за одежду, хлестал нещадно. Локарт залез под вертолет, отыскивая глазами следы утечки масла или топлива, но ничего не нашел, поэтому выбрался и последовал за Родригесом. Родригес был американцем и классным спецом – его собственный механик, который вот уже год как обслуживал 212-й, на котором Локарт обычно летал. Родригес открыл защелки на панели для осмотра двигателя и заглянул внутрь, его тронутые сединой волосы и одежда плескались на ветру.

Правила и нормы безопасности компании S-G были самыми высокими среди всех вертолетных компаний Ирана, поэтому хитросплетения проводов, труб, топливопроводов выглядели чисто, аккуратно – и в полном порядке. Но тут Родригес вдруг ткнул внутрь пальцем. На поддоне картера виднелась глубокая царапина – след от рикошетившей пули. Он еще раз показал куда-то вглубь, посветив себе фонарем. Один из маслопроводов задело. Когда он вытащил оттуда руку, она вся была в масле.

– Черт! – выругался он.

– Глушим мотор, Род? – прокричал Локарт.

– Черт, нет. Может, тут где-то еще эти стрелки-идиоты попрятались, да и ночевать тут нам не с руки. – Родригес вытащил кусок ветоши и гаечный ключ. – Посмотри там сзади, Том.

Локарт оставил его заниматься своим делом и обеспокоенно огляделся, прикидывая, где можно было бы укрыться на ночь. У другого края площадки Жан-Люк невозмутимо мочился на поваленное дерево, пожевывая сигарету.

– Смотри не отморозь, Жан-Люк! – крикнул он и увидел, как тот в ответ добродушно поводил струйкой туда-сюда.

– Эй, Том! – Джордон махал рукой, подзывая его к себе.

Локарт тут же поднырнул под хвост вертолета и подошел к механику. Его сердце на мгновение остановилось. Джордон снял осмотровую панель со своей стороны. В фюзеляже зияли два пулевых отверстия, прямо над топливными баками. Господи Иисусе, опоздай мы на долю секунды, и баки бы рванули, подумал он. Если бы я тогда не толкнул вниз рычаг общего шага, мы бы все уже были на том свете. Это как пить дать. Если б не толкнул, куски наших тел валялись бы сейчас по всем окрестным скалам. Главное – за что?

Джордон дернул его за рукав и показал пальцем еще раз, следуя направлению пуль. На колонке несущего винта сверкала еще одна царапина.

– Чтоб я сдох, если знаю, как этот кретин не попал по этим долбаным лопастям, – прокричал он; красная шерстяная шапочка, в которой он ходил постоянно, была натянута на самые уши.

– Видно, наше время еще не пришло.

– Чего?

– Ничего. Обнаружил еще что-нибудь?

– Пока ни хрена. Ты сам-то в порядке Том?

– Конечно.

Внезапно раздался громкий треск, и все испуганно обернулись, но это оказалась лишь огромная ветвь дерева, обломившаяся под тяжестью снега.

– *Espèce de con,* – грязно выругался Жан-Люк по-французски и пристально посмотрел в небо, отчетливо понимая, как быстро потемнеет кругом, потом, в ответ на свои мысли, пожал плечами, закурил еще одну сигарету и отошел, притопывая замерзшими ногами.

Джордон со своего бока других повреждений не нашел. Минуты текли. Родригес все еще бормотал и чертыхался себе под нос, неловко засунув одну руку глубоко в чрево отсека. Позади него остальные сгрудились в кучку и наблюдали за ним, стоя на безопасном

расстоянии от лопастей винта. Было шумно и неуютно; света пока хватало, но это было ненадолго. Им оставалось лететь еще двадцать миль, и в этих горах никакой навигационной системы у них не было, кроме небольшого приводного радиомаяка, который иногда работал, а иногда нет.

– Ну, давай же, черт возьми, – пробормотал кто-то.

Да уж, подумал Локарт, пряча свою тревогу.

В Ширазе улетавшая группа из двух пилотов и двух механиков, которых они подменяли, торопливо помахала рукой на прощанье и бегом бросилась к 125-му – восьмиместному двухмоторному реактивному самолету, который их компания использовала для перевозки пассажиров или специальных грузов, – тому самому, на котором прилетели сюда через залив из международного аэропорта Дубая, возвращаясь после месячного отпуска, Локарт и Джордон – из Англии, Жан-Люк – из Франции, а Родригес – с сафари в Кении.

– Черт, куда это они так торопятся? – спросил тогда Локарт, глядя, как маленький самолет закрыл дверцу и покатил прочь.

– Аэропорт до сих пор так и работает только частично, все бастуют, но ты не беспокойся, – ответил Скот Гаваллан. – Им просто нужно успеть взлететь, прежде чем этот въедливый сукин сын – ко всякой дыре затычка, – который сидит в диспетчерской вышке и мнит себя даром Господа иранской службе управления полетами, отменит их разрешение на взлет. Нам бы тоже лучше сматываться отсюда побыстрее, пока он и нас не начал мочалить. Грузите свое хозяйство.

– А как же таможня?

– Все еще бастует, старина. Вместе со всеми остальными. Банки тоже закрыты. Ладно, через неделю-другую все образуется.

– *Merde*[2], – выругался Жан-Люк. – Французские газеты пишут, что Иран – это полная *catastrophe*[3]*:* с одного боку Хомейни со своими муллами, армия готова устроить переворот хоть завтра, коммунисты всех раскачивают, заводят до упора, правительство Бахтияра бессильно, гражданской войны не избежать.

– Да чего они там во Франции знают, старина, – мимоходом заметил Скот Гаваллан, помогая им перетаскивать вещи в вертолет. – Фран…

– Французы-то знают, *mon vieux*[4]. Все газеты в голос твердят, что Хомейни с правительством Бахтияра никогда дел иметь не будет,

потому что Бахтияр – ставленник шаха, а всем, кто связан с шахом, конец. Крышка. Этот старый факир-огнеглотатель уже сто раз говорил, что не станет работать ни с кем, кого назначил шах.

– Я тут три дня назад в Абердине виделся с Энди, Жан-Люк, – сказал Локарт, – и он настроен оптимистично: мол, теперь, когда Хомейни вернулся, а шах сбежал, в Иране все скоро опять придет в норму.

Скот просиял.

– Во, слыхал? Уж если кто и знает, так это Старик. Как он там, Том?

Локарт ухмыльнулся в ответ.

– Отлично, все такой же неугомонный. – Энди они называли Эндрю Гаваллана, отца Скота, президента и исполнительного директора компании S-G. – Энди говорил, что у Бахтияра армия, флот, ВВС, полиция и САВАК, так что Хомейни придется как-нибудь договариваться. Иначе – гражданская война.

– Господи, – пробормотал Родригес, – а какого черта мы тогда вообще назад приперлись?

– Деньги.

– *Bullmerde!*[5]

Все рассмеялись: Жан-Люк был убежденным пессимистом. Потом Скот заметил:

– Да какая, к дьяволу, разница, Жан-Люк? Нас ведь здесь пока еще никто ни разу не трогал, а? При всей этой кутерьме нас по-настоящему никто не пытался достать. Все наши контракты – с «Иран Ойл», а это правительство, будь там Бахтияр, Хомейни или Генерал Кто Угодно. Неважно, кто у власти, им всем нужно скорее возвращаться к нормальной жизни. Любому правительству нефтедоллары нужны будут до зарезу, так что без вертолетов им не обойтись, без нас им не обойтись. Черт возьми, не идиоты же они!

– Нет, но Хомейни фанатик, и ему на все наплевать, кроме ислама, а нефть – это не ислам.

– А как же Саудовская Аравия? Эмираты, ОПЕК тот же, ну? Они ведь мусульмане, а цену каждому баррелю знают. Да черт с ним, со всем этим, лучше послушайте! – Скот широко улыбнулся. – «Герни Авиэйшн» ушла со всей территории Загросских гор и полностью сворачивает деятельность в Иране. Под ноль!

Это привлекло внимание каждого из них. «Герни Авиэйшн», огромная американская вертолетная компания, была их основным конкурентом. Если «Герни» уйдет, работы прибавится вдвое, а все иностранные сотрудники S-G в Иране получали зарплату по премиальной системе, которая была привязана к доходности иранских операций.

– Это точно, Скот?

– Точно, Том. У них с «Иран Ойл» по этому поводу столько крику было, что только держись. В конце концов «Иран Ойл» им говорит: ладно, хотите уходить – уходите, но все вертолеты переданы по лицензии нам, так что они останутся, и все запчасти! Ну, «Герни» им и говорит: да подавитесь вы. Закрыла свою базу в Геше, все вертолеты законсервировала и отчалила.

– Я в это не верю, – покачал головой Жан-Люк. – У «Герни» по контрактам здесь должно быть полсотни машин, даже они не могут себе позволить просто взять и списать такое их количество.

– Все равно мы на прошлой неделе уже три рейса сделали, которые раньше обслуживала исключительно «Герни».

Жан-Люк перебил ликующие возгласы:

– А почему «Герни» вдруг ушла, Скот?

– Наш бесстрашный вождь в Тегеране думает, что у них духу не хватило, не выдержали давления или не захотели упираться. Если разобраться, Хомейни свою злобу изливает в первую очередь именно на Америку и американские компании. Мак-Айвер считает, что они спасают, что можно спасти, а для нас это просто здорово.

– Мадонна, если они не смогут вывезти свои вертолеты и запчасти, влипнут по самую макушку.

– Нам-то что гадать, зачем да почему, старина, наше дело простое, бери да летай. Если упремся и не двинемся с места, получим все их контракты и заработаем вдвое больше в одном только этом году.

– *Tu en parles mon cul, ma tête est malade!*

Они все захохотали. Даже Джордон знал, что означала эта фраза: «Скажи это моей заднице, голова-то болеет».

– Не переживай, старина, – сказал Скот.

Локарт убежденно кивнул; он стоял на площадке, горный холод до него еще не добрался. Энди и Скот правы, скоро все опять станет нормально, должно стать, думал он. Английские газеты так же были

убеждены, что теперь ситуация в Иране быстро нормализуется. Если только Советы открыто не вмешаются. А их предупредили. Так что в Иран не полезут ни американцы, ни Советы, и иранцы теперь смогут сами и по-своему улаживать свои дела. Это правда: кто бы ни пришел к власти, им срочно понадобится стабильность и доходы, а это означает нефть. Да. Все будет хорошо. Она в это верит, а если она верит, что все будет чудесно, как только шаха свергнут, а Хомейни вернется, то почему бы и мне в это не верить?

Ах, Шахразада, как же мне тебя не хватало этот месяц.

Из Англии позвонить ей было невозможно. Телефоны в Иране и так никогда особенно хорошо не работали в силу огромной перегруженности линий – результат слишком скорой индустриализации. Но за последние восемь месяцев, с тех пор как начались беспорядки, из-за практически постоянных забастовок работников телефонных компаний связь как внутри страны, так и на международных линиях становилась все хуже и хуже, пока не перестала работать почти совсем. Когда Локарт был в штаб-квартире компании в Абердине, где он проходил очередной регулярный медосмотр, ему, после восьми часов непрерывных попыток, удалось послать ей телекс. Он отправил его на имя Дункана Мак-Айвера в Тегеран, где она сейчас находилась. В телексе, впрочем, много не скажешь: скоро увидимся, скучаю, люблю…

Милая моя, теперь уже скоро, а по…

– Том?

– А, Жан-Люк? Что там?

– Скоро снег пойдет.

– Да.

Жан-Люк, узколицый, кареглазый, с крупным галльским носом, был худым, как все пилоты, которые каждые шесть месяцев должны были проходить медосмотр с пристрастием у врачей, для которых избыточный вес не имел оправданий в принципе.

– Кто в нас стрелял?

Локарт пожал плечами.

– Я никого не видел. А ты?

– Тоже нет. Надеюсь, какой-нибудь спятивший одиночка. – Жан-Люк в упор посмотрел на него. – В какой-то момент мне показалось, что я снова в Алжире – эти горы от тех не сильно отличаются, – опять

в ВВС, опять воюю с феллагами и ФНО[6], будь они прокляты. – Он раздавил окурок каблуком. – Побывал я на одной гражданской войне, мало не показалось. Но у меня тогда хоть были бомбы и пулеметы. Не хочется мне оказаться гражданским, который влип еще в одну, и которому не на что больше положиться, кроме как на свое умение быстро сматываться.

– Это был просто спятивший одиночка.

– Думаю я, нам придется иметь дело с целой прорвой спятивших одиночек, Том. У меня с самого отлета из Франции на душе паршиво. За тот месяц, что нас не было, тут все стало только хуже. Мы-то с тобой на войне побывали, а большинство остальных – нет. Мы беду носом чуем, ты и я, и мой мне говорит, что нам здесь придется очень туго.

– Да нет, ты просто устал.

– Это, конечно, верно. А Энди действительно так оптимистично настроен?

– Очень. Шлет огромный привет, говорит, чтоб не сбавляли обороты!

Жан-Люк рассмеялся, потом подавил зевок:

– Мадонна, до чего же есть хочется. Что там Скот приготовил к нашему возвращению?

– Натянул над ангаром транспарант «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

– На ужин, *mon vieux.* На ужин.

– Скот говорил, он с ребятами из деревни на охоту ходил, так что у него для твоих заботливых рук припасена задняя нога оленя и пара зайцев – ну, и угли для барбекю будут уже готовы.

У Жан-Люка загорелись глаза:

– Хорошо. Послушай, я привез бри, чеснок – целый килограмм, – копченый окорок, анчоусы, лук, потом несколько кило макарон, томатное пюре в банках, и жена дала мне новый рецепт от Джанни из Сен-Жана, эт-то просто что-то невероятное. И вино.

Рот Локарта наполнился слюной. Кулинария была хобби Жан-Люка, и, под настроение, он творил у плиты с истинным вдохновением.

– Я понабрал банок со всем, что только пришло в голову, в «Фортнум и Мейсон»[7] и привез виски. Хей, я соскучился по твоей стряпне.

И по твоей компании, подумал он. Когда они встретились в Дубае и пожали руки, он спросил:

– Как отпуск?

– Я был во Франции, – произнес Жан-Люк с важным видом.

Локарт тогда позавидовал, как у француза все было просто. Англия ему радости не принесла: погода, еда, отпуск, дети, она, Рождество – все выходило плохо, как он ни старался. Ладно. Я вернулся и скоро буду в Тегеране.

– Ты сегодня готовишь, Жан-Люк?

– Конечно. Как я могу прожить без нормальной пищи?

Локарт расхохотался:

– Как весь остальной мир живет.

Они наблюдали за Родригесом, который по-прежнему работал не покладая рук. Шум реактивных двигателей стал глуше, лопасти хлестали по нему тугими струями воздуха. Локарт показал большой палец Скоту Гаваллану, который терпеливо ждал в кабине. Скот в ответ предъявил свой, потом указал на небо. Локарт кивнул, пожал плечами, потом опять стал наблюдать за Родригесом, понимая, что помочь ничем не может, оставалось только стоически ждать.

– Когда ты отправляешься в Тегеран? – спросил Жан-Люк.

Сердце Локарта забилось быстрее:

– В воскресенье, если снег не пойдет. У меня отчет для Мак-Айвера и почта для них. Я возьму 206-й; весь завтрашний день уйдет на то, чтобы все проверить. Скот сказал, нам надо подготовиться, чтобы мы в любой момент могли начать полеты в полном объеме.

Жан-Люк уставился на него.

– Насири сказал в полном объеме?

– Да. – Насири, сотрудник компании «Иран Ойл», государственной монополии, которой принадлежала вся нефть в стране, и на земле и под землей, был их иранским посредником и директором базы; через него они получали все заказы, он же давал разрешения на полеты. S-G работала по контракту с «Иран Ойл», проводя воздушную разведку, подвозя людей, припасы и оборудование на нефтяные вышки, разбросанные по всему горному массиву, а также занимаясь эвакуацией пострадавших при неизбежных несчастных случаях и чрезвычайных ситуациях. – Из-за погоды я сомневаюсь, что

мы будем много летать на следующей неделе, но думаю, на 206-м я должен суметь выбраться.

– Ага. Тебе понадобится проводник. Я тоже полечу.

Локарт рассмеялся:

– Никак не выйдет, дружище. Ты мой заместитель и дежуришь две следующие недели.

– Но я там буду не нужен. На три денька, а? Посмотри на небо, Том. Я должен убедиться, что с нашей квартирой все в порядке. – В нормальные времена Тегеран был местом базирования для всех пилотов с их семьями; пилоты две недели работали, одну отдыхали. Многие выбирали два месяца работы и месяц отпуска дома, особенно англичане. – Мне очень важно попасть в Тегеран.

– Я проверю твою квартиру, если хочешь, и, если ты пообещаешь готовить три ужина в неделю, я тебе потихоньку выкрою два дня, когда вернусь. Ты же только что целый месяц отгулял.

– А, но то ж дома. Теперь я должен подумать о *mon amie*[8]. Она, конечно же, места себе не находит, когда меня в Тегеране нет, измучилась, целый месяц без меня прожила. И говорить нечего. – Жан-Люк наблюдал за Родригесом. Потом снова поднял глаза на небо. – Мы можем ждать еще десять минут, Том, потом придется разбивать лагерь, пока еще светло.

– Да.

– Однако возвращаясь к вещам более важным, Том, по…

– Нет.

– Мадонна, будь же ты французом, а не англосаксом. Целый месяц ведь! Подумай о ее чувствах!

Родригес со щелчком закрепил панель на месте и вытер руки.

– Дуем отсюда ко всем чертям! – крикнул он и забрался в вертолет. Они быстро последовали за ним. Родригес все еще пристегивал ремень безопасности, чувствуя, как ноют спина и шея, когда они поднялись в воздух и понеслись к своей базе за следующим горным хребтом. Потом увидел, что Джордон пристально смотрит на него. – Ты чего уставился, Долбарь?

– Как же ты залатал этот долбаный маслопровод, приятель? Там же гребаная дырища насквозь.

– Жвачкой.

– Чего?

– Жевательной резинкой. А как же еще, черт подери. Это работало в паршивом Вьетнаме, стало быть, и здесь, черт подери, сработает. Наверное. Потому что у меня ее имелось совсем чуть-чуть, но надо же было что-то делать, чтоб уж потом, черт подери, молиться. И, ради бога, прекрати ты материться, а?

Они благополучно сели на базе, когда снегопад только-только начинался. Работники наземной службы включили посадочные огни, на всякий случай.

База состояла из четырех трейлеров, в которых жили люди, кухни, ангара, вмещавшего их 212-й – четырнадцатиместный вертолет, использовавшийся для перевозки людей или грузов – и два 206-х, и посадочных площадок. Тут же стояли склады с запчастями для буровых установок, мешками цемента, насосами, генераторами и всевозможным вспомогательным оборудованием для вышек, включая бурильные трубы. База располагалась на небольшом плато на высоте две тысячи триста метров над уровнем моря, лесистом и очень живописном, в чаше, наполовину окруженной заснеженными пиками, вздымавшимися на три с половиной тысячи метров и выше. В полумиле от базы находилась деревня Яздек. Жители принадлежали к небольшому племени из числа кочевых кашкайцев, лет сто назад осевшем в этих краях, на пересечении двух небольших караванных путей из тех, что пересекали Иран вдоль и поперек в течение трех, а то и четырех тысячелетий.

S-G содержала здесь свою базу в течение семи лет по контракту с «Иран Ойл», сначала проводя разведку и топографическую съемку местности для прокладки нефтепровода, потом помогая строить и обслуживать нефтяные вышки на близлежащих богатых нефтяных месторождениях. Это было уединенное, дикое и красивое место, где летать было интересно и безопасно, а часы работы были удобными – иранские предписания, действовавшие на всей территории Ирана, допускали проведение полетов только в светлое время суток. Летом здесь было чудесно. Большую часть зимы снег отрезал их от остального мира. Рядом лежали рыбные озера с кристально чистой водой, в лесах было полно дичи. Отношения с жителями Яздека установились отличные. Если не считать почты, снабжение у них, как правило, было хорошее, и они ни в чем не нуждались. И, что для всех

них было очень важно, штаб-квартира компании в Тегеране была далеко отсюда, почти все время вне зоны радиосвязи, так что они вполне были предоставлены сами себе – и очень этим довольны.

Едва Скот выключил зажигание и несущий винт остановился, Родригес и Джордон снова сняли панель для осмотра. В следующий миг на их лицах застыло выражение ужаса. Весь низ отсека был залит маслом. К нему примешивался тяжелый запах вертолетного топлива. Трясущейся рукой Родригес пошарил внутри, потом посветил фонарем. На одном из швов на краю топливного бака виднелся крошечный разрыв, который они просто никак не могли заметить во время экстренной посадки на горном склоне. Тонкая струйка топлива сбегала вниз, смешиваясь с маслом.

– Господи Иисусе, Долбарь! Смотри сюда, черт, это же натуральная бомба с часовым механизмом, – проскрипел он. Позади него Джордон едва не потерял сознание. – Одна искра и… Долбарь, тащи шланг скорей, Христа ради, я тут все водой залью, пока мы не взлетели к чертям собачьим…

– Я принесу, – сказал Скот, потом добавил дрожащим голосом: – Да, похоже, одной жизнью у нас теперь меньше. Осталось восемь.

– Ты, видно, везунчиком родился, капитан, – сказал Родригес, чувствуя сильную тошноту. – Ага, именно везунчиком. Эта крошка…

Он вдруг замолчал и прислушался. Все вокруг сделали то же самое – Локарт и Жан-Люк, стоявшие возле командного трейлера с Насири и полудюжиной наземных работников-иранцев, поварами и грузчиками. Стало очень тихо. Потом со стороны деревни донеслась еще одна автоматная очередь.

– Проклятье! – пробормотал Родригес. – За каким чертом мы только вернулись на эту вшивую помойку?

ГЛАВА 2

Абердин, Шотландия. Вертолетный аэродром компании «Мак-Клауд». 17.15. Огромный вертолет, стрекоча лопастями, опустился, возникнув из сумерек, и сел рядом с «роллсом», припаркованным возле одной из заливаемых дождем вертолетных площадок, – весь аэродром был охвачен кипучей деятельностью: другие вертолеты садились и взлетали с вахтами нефтяников, работниками и грузами; на

всех бортах и на всех ангарах гордо красовалась эмблема S-G. Дверь кабины открылась и два человека в летных комбинезонах и спасательных жилетах спустились по гидравлическому трапу, наклонившись вперед навстречу ветру и дождю. Прежде чем они дошли до машины, шофер в униформе вышел и открыл им дверцу.

– Отлично прокатились, не правда ли? – радостно сказал Эндрю Гаваллан, высокий мужчина, крепкий и очень подтянутый для своих шестидесяти четырех лет. Он легко выскользнул из своего надувного жилета, стряхнул дождевые капли с воротника и сел в машину рядом со своим спутником. – Чудесная машина, все, как обещали изготовители. Я тебе говорил, что мы первые посторонние люди, которым довелось принять участие в ее испытательных полетах?

– Первые, последние – мне все равно. Мне показалось, что нас чертовски трясло и было чертовски шумно, – раздраженно ответил Линбар Струан, с трудом пытаясь стащить с себя спасательный жилет. Ему было пятьдесят. Песочного цвета волосы, голубые глаза. Глава компании «Струанз», огромного конгломерата со штаб-квартирой в Гонконге, прозванного Благородным домом, которому тайно принадлежал контрольный пакет акций вертолетной компании S-G. – Я по-прежнему считаю, что инвестиции в расчете на одну машину слишком велики. Чрезмерно велики.

– В экономическом смысле ставка на Х63-й самая перспективная; машина идеально подходит для Ирана, Северного моря и вообще любого места, где мы перевозим большие грузы, особенно Ирана, – терпеливо ответил Гаваллан, не желая, чтобы его ненависть к Линбару омрачила удовольствие от безукоризненно прошедшего испытательного полета. – Я заказал шесть штук.

– Я еще не дал добро на покупку! – вскинулся Линбар.

– Твое разрешение не обязательно, – произнес Гаваллан, и взгляд его карих глаз стал суровым. – Я член Внутреннего кабинета «Струанз», ты и Внутренний кабинет одобрили покупку еще в прошлом году при условии успешного прохождения испытаний, если я дам такую рекомендацию, а…

– Ты пока еще не дал такой рекомендации!

– Я даю ее сейчас, и дело с концом! – Гаваллан сладко улыбнулся и откинулся на спинку сиденья. – Контракты будут у тебя на заседании совета через три недели.

– Делу-то как раз конца нет и, видно, не будет, Эндрю, а? Черт бы побрал тебя и твое проклятое честолюбие!

– Я для тебя угрозы не представляю, Линбар, давай по…

– Согласен! – Линбар зло схватил микрофон для связи с водителем по ту сторону звуконепроницаемой стеклянной перегородки. – Джон, высадите мистера Гаваллана у офиса, потом езжайте в замок Авис-ярд. – Автомобиль тут же тронулся с места и покатил к трехэтажному административному зданию по другую сторону от группы ангаров.

– Как там Авис-ярд? – отрешенно спросил Гаваллан.

– Лучше, чем в твои времена… извини, что тебя и Морин в этот раз не пригласили на Рождество, может быть, в следующем году. – Он взглянул в окно и указал большим пальцем в сторону огромного вертолета. – И с этим тебе лучше не пролететь. Да и вообще ни с чем не пролетать.

Лицо Гаваллана сморщилось: он постоянно был на страже, но шпилька про жену кольнула его ниже щита.

– Уж если говорить о пролетах, то как насчет твоих катастрофических вложений в Южной Америке, твоей глупой ссоры с «Тода Шипинг» из-за их танкерного флота, как насчет контракта на строительство тоннеля в Гонконге, который достался «Пар-Кон/Тода», как насчет предательства наших старых друзей в Гонконге в результате твоих манипуляций с акция…

– Предательство, чушь собачья! «Старые друзья», чушь собачья! Им всем больше двадцати одного, да и что они для нас сделали хорошего в последнее время? Шанхайцы вроде должны быть посообразительнее нас, кантонцев, люди с большой земли, понимаешь ли, ты сам это говорил миллион раз! Я, что ли, виноват, что у нас нефтяной кризис, или что весь мир взбеленился, или что Иран катится ко всем чертям, или что арабы вместе с японцами, корейцами и тайваньцами нас на кресте распинают! – Линбар вдруг задохнулся от злобы. – Ты забываешь, мы теперь живем в другом мире, Гонконг стал иным, весь мир изменился! Я – тайпэн «Струанз», я обязан заботиться о благополучии Благородного дома, и у каждого тайпэна бывали неудачи, даже у твоего растреклятого сэра, черт бы его побрал, Иэна Данросса, а уж у него-то их и еще будет с этими его бреднями о нефтяных богатствах Китая. Даже…

– Иэн прав насч…

– Даже у Ведьмы Струан бывали неудачи, даже у самого нашего проклятого основателя Дирка Струана, чтоб и ему в аду гореть! Не моя вина, что мир взял и испортился к чертям. Думаешь, у тебя бы вышло лучше? – кричал Линбар.

– Раз в двадцать! – отрезал Гаваллан.

Линбара теперь трясло от злости.

– Я бы тебя уволил, если бы мог, да не имею права! Я по горло сыт тобой и твоим коварством, усталый ты, старый, отсталый болван. Ты через женитьбу в семью пролез, ты по-настоящему не являешься ее членом, и если есть Господь на небесах, однажды ты сам себя уничтожишь! Я – тайпэн, а тебе, клянусь Богом, им никогда не бывать!

Гаваллан замолотил кулаком в перегородку, и машина резко остановилась. Он распахнул дверь и выбрался наружу.

– *Дью не ло мо*[9], Линбар! – процедил он сквозь зубы и в бешенстве зашагал прочь под проливным дождем.

Их ненависть друг к другу началась в конце пятидесятых – начале шестидесятых, когда Гаваллан работал на «Струанз» в Гонконге, перед тем как переехать сюда по тайному распоряжению тогдашнего тайпэна, Иэна Данросса, брата покойной жены Гаваллана Кэти. Линбар завидовал ему до нервной дрожи, потому что Гаваллан пользовался доверием Данросса, а он – нет, и еще главным образом потому, что шансы Гаваллана унаследовать однажды титул тайпэна всегда рассматривались как очень высокие, тогда как у Линбара, по общему мнению, шансов не было вовсе.

В компании «Струанз» испокон века существовал нерушимый закон, согласно которому тайпэн обладал абсолютной и непререкаемой исполнительной властью, а также непреложным правом самому выбрать время своего ухода и назначить своего преемника – который должен был являться членом Внутреннего кабинета и поэтому, в каком-то смысле, членом семьи, – но как только это решение принималось, тайпэн был обязан уступить преемнику все полномочия. Иэн Данросс мудро правил компанией десять лет, потом выбрал себе на смену своего двоюродного брата, Дэвида Мак-Струана. Четыре года назад, в самом расцвете сил, Дэвид Мак-Струан, страстный альпинист, погиб, совершая восхождение в Гималаях. Перед самой смертью и в присутствии двух свидетелей он, ко всеобщему изумлению, назвал

своим преемником Линбара. Его смерть стала объектом полицейского расследования – британского и непальского. Над его веревками и альпинистским снаряжением кто-то поработал.

Оба расследования закончились одним вердиктом: «несчастный случай». Горный склон, по которому поднимались альпинисты, находился в удаленном месте, падение произошло внезапно, никто толком не знал, что именно случилось, ни альпинисты, ни проводники, погодные условия были вполне хорошими, и, да, сахиб был человеком здоровым и мудрым, не из тех, кто станет глупо рисковать, «но, сахиб, наши горы в Верхних Землях не такие, как другие горы. Наши горы имеют духов и время от времени гневаются, сахиб, а кто может предсказать, что вдруг сделает дух?» Пальцем ни на кого конкретно не показывали, веревки и снаряжение, «возможно», никто и не трогал, просто их не содержали в должном порядке. Карма.

Кроме проводников-непальцев, все двенадцать альпинистов в группе были людьми из Гонконга, друзья и деловые партнеры, британцы, китайцы, один американец и два японца: Хиро Тода, глава «Тода Шипинг Индастриз», давний личный друг Дэвида Мак-Струана, и один из его партнеров, Нобунага Мори. Линбара среди них не было.

Рискуя жизнью, два человека и один проводник спустились в щель и добрались до Дэвида Мак-Струана прежде, чем он умер: Пол Чой, баснословно богатый директор «Струанз», и Мори. Оба показали, что перед смертью Дэвид Мак-Струан официально сделал Линбара своим преемником. Вскоре после того, как понурая группа вернулась на Гонконг, исполнительный секретарь Мак-Струана, разбираясь в его рабочем столе, обнаружила подписанный им обычный лист с печатным текстом, датированный несколькими месяцами ранее и засвидетельствованный Полом Чоем, который подтверждал это назначение.

Гаваллан помнил, как он был тогда потрясен, как были потрясены все они – Клаудия Чен, исполнительный секретарь тайпэна на протяжении поколений и родственница его собственного исполнительного секретаря Лиз Чен, больше, чем кто-либо.

– Это совсем не похоже на тайпэна, мастер Эндрю, – сказала она ему тогда, уже старушка, но при этом ни на йоту не утратившая остроты ума. – Тайпэн никогда бы не оставил документ такой важности в рабочем столе, он убрал бы его в сейф в Большом доме

компании вместе с… вместе со всеми другими документами, не предназначенными для чужих глаз.

Но Дэвид Мак-Струан его не убрал. И предсмертное распоряжение вкупе с этим подтверждающим документом придали всему законный характер, так что теперь Линбар Струан был тайпэном Благородного дома, и говорить больше не о чем, но все равно *дью не ло мо* на Линбара, его мерзкую жену, его китайскую любовницу-дьяволицу и его гнусных друзей. Я по-прежнему готов жизнь поставить на то, что Дэвида если и не убили, то каким-то образом обманули. Но зачем Полу Чою лгать, или Мори, с какой стати, они же ничего от этого не выигрывают…

Внезапный порыв ветра ударил в него, и он коротко охнул, очнувшись от своих мыслей. Сердце все еще учащенно стучало в груди, и он обругал себя за то, что потерял самообладание и позволил Линбару сказать то, чего тот не должен был говорить.

– Дурень ты несчастный, ты мог бы удержать его от этой вспышки, как всегда делал, ведь тебе с ним и его присными работать еще годы и годы – ты и сам виноват! – произнес он вслух, потом пробормотал себе под нос: – Сукину сыну не следовало меня подкалывать насчет Морин…

Они были женаты три года, их дочери исполнилось два. Его первая жена, Кэти, умерла девять лет назад от рассеянного склероза.

Бедная добрая Кэти, с горестью подумал он, как же тебе не повезло.

Он прищурился, вглядываясь в дождь, и увидел, как «роллс» выехал за ворота аэродрома и исчез. Чертовски обидно из-за Авис-ярда, я так люблю это место, подумал он, вспоминая те славные времена, когда жил там со своей Кэти и их двумя детьми, Скотом и Мелиндой. Замок Авис-ярд был родовым поместьем Дирка Струана, который он завещал приходящим на смену тайпэнам на время их пребывания в должности. Бессистемно построенное и прекрасное, оно занимало больше тысячи гектаров в графстве Айршир. Обидно, что нам – Морин, мне и маленькой Электре – туда теперь не попасть, уж точно, пока Линбар остается тайпэном. Жалко, конечно, но такова жизнь.

– Ладно, этот прыщ не вечен, – сказал он ветру и почувствовал себя лучше, произнеся это вслух. Затем вошел в здание управления и

прошел в свой кабинет.

– Привет, Лиз, – бросил он. Лиз Чен была симпатичной евразийкой пятидесяти с небольшим лет, которая переехала сюда вместе с ним из Гонконга в 63-м и знала все секреты «Гаваллан Холдингз», изначального фасада, под прикрытием которого он строил свою деятельность, S-G и «Струанз». – Что новенького?

– Ты поругался с тайпэном, и ладно. – Она протянула ему чашку чая, ее голос звучал живо и весело.

– Черт возьми, верно. Дьявольщина, а ты откуда знаешь? – Она просто рассмеялась в ответ, и он улыбнулся вместе с ней. – А, ну его к черту. Ты дозвонилась до Мака? – Речь шла о Дункане Мак-Айвере, который возглавлял иранское отделение S-G и был старейшим другом Гаваллана.

– У нас тут парнишка поставлен набирать его номер с утра до вечера, но иранские линии по-прежнему дают короткие гудки. Телекс тоже не отвечает. Дункану, должно быть, не меньше, чем тебе, не терпится поговорить. – Она приняла его плащ и повесила на крючок в его кабинете. – Твоя жена звонила, она заберет Электру из яслей и хотела знать, ждать ли тебя к ужину. Я ей сказала, что, думаю, ты приедешь, только, возможно, задержишься – через полчаса у тебя селектор с «ЭксТекс».

– Да. – Гаваллан опустился за стол и приготовил нужную папку. – Проверь, пожалуйста, работает ли уже связь с Маком по телексу, Лиз.

Она тут же начала набирать номер. Кабинет у него был просторный и опрятный, окна выходили на летное поле. На чистом рабочем столе стояло несколько семейных фотографий в рамках: Кэти с маленькими Мелиндой и Скотом на фоне огромного замка Авис-ярд; Морин с их крошкой на руках. Милые лица, улыбающиеся лица. Одна-единственная картина маслом кисти Аристотеля Квэнса с изображенным на ней тучным китайским мандарином – подарок Иэна Данросса в честь первой посадки на нефтяной платформе в Северном море, которую успешно осуществил Мак-Айвер, и начала новой эры.

– Энди, – сказал тогда Данросс, заваривая всю эту кашу. – Я хочу, чтобы ты взял Кэти и ребятишек и перебрался из Гонконга домой, в Шотландию. Я хочу, чтобы ты притворился, будто уходишь из компании «Струанз» – разумеется, ты останешься членом Внутреннего кабинета, но это на время станет для всех секретом. Я хочу, чтобы ты

отправился в Абердин и потихоньку начал скупать недвижимость, лучшее, что только есть: причалы, площадки для производственных предприятий, небольшое летное поле, потенциальные аэродромы для вертолетов – Абердин пока еще считается глухим захолустьем, так что самое лучшее можно будет приобрести совсем недорого. Это будет тайное предприятие, только ты и я. Несколько дней назад я познакомился с одним странным парнем, его зовут Керк, он сейсмолог. Так вот, он убедил меня в том, что Северное море лежит над огромными залежами нефти. Я хочу, чтобы Благородный дом был готов обслуживать морские нефтяные платформы, когда эти залежи начнут разрабатываться.

– Бог мой, Иэн, да как нам это удастся? Северное море? Даже если там и есть нефть, что кажется совершенно невероятным, хуже этих вод большую часть года во всем мире не найти. Обслуживать этот район круглый год будет просто невозможно, да и в любом случае расходы окажутся такими, что на этом не заработаешь ни пенса! Как бы мы могли все это осуществить?

– Это уже твои проблемы, парень.

Гаваллан вспомнил его хохоток и брызжущую через край уверенность, и как всегда почувствовал, что у него теплеет на сердце. Поэтому он оставил Гонконг – Кэти была просто счастлива уехать оттуда – и исполнил все, что от него требовалось.

Почти сразу же, словно по волшебству, добыча нефти в Северном море начала расцветать в полную силу, и крупнейшие американские нефтяные компании, возглавляемые «ЭксТекс», гигантским техасским нефтяным конгломератом, и BP, «Бритиш Петролеум», ринулись туда с огромными инвестициями. Он оказался в отличном положении, чтобы воспользоваться всеми преимуществами этого нового Эльдорадо, и первым понял, что единственным эффективным способом обслуживания открываемых месторождений были вертолеты, первым же – опираясь на власть Данросса – собрал огромные средства, необходимые для лизинга вертолетов; первым загнал крупнейших производителей вертолетов в рамки неслыханных дотоле стандартов в отношении размеров, безопасности, приборной оснащенности и эксплуатационных характеристик, и первым доказал практическую осуществимость всепогодных полетов в этих жутких водах. Последнее для него сделал Дункан Мак-Айвер, который сам осуществлял полеты

и разработал необходимые приемы пилотирования, ранее совершенно неизвестные.

Северное море повлекло за собой Персидский залив, Иран, Малайзию, Нигерию, Уругвай, ЮАР – целую корону стран, жемчужиной которой был Иран с его громадным потенциалом, высокой рентабельностью, с самыми тесными связями в высшем эшелоне власти, при дворе, который, как уверяли его их иранские партнеры, сохранит достаточную долю былого влияния даже теперь, когда шах свергнут.

– Энди, – сказал ему вчера генерал Джавада, старший партнер, обосновавшийся в Лондоне, – не тревожься понапрасну. Один из наших партнеров приходится родственником Бахтияру, и на всякий случай у нас есть контакты на самом высоком уровне в ближайшем окружении Хомейни. Конечно, новая эра окажется дороже минувшей…

Гаваллан улыбнулся. Ничего, что расходы вырастут и что с каждым годом партнеры становятся чуть-чуть жаднее; того, что остается, более чем достаточно, чтобы Иран оставался нашим флагманом – если, конечно, страна быстро вернется к нормальной жизни. Ставка, которую сделал Иэн, тысячекратно оправдала себя для Благородного дома; жаль, что он ушел так рано, хотя, с другой стороны, он тащил «Струанз» на своих плечах десять лет. Этого срока хватило бы любому, даже мне. Линбар прав, когда говорит, что я хочу получить этот срок. Если он не достанется мне, клянусь Богом, он достанется Скоту. А тем временем – вперед и вверх. Вертолеты Х63 поставят нас далеко впереди «Империал» и «Герни» и сделают нас крупнейшей компанией по лизингу вертолетов в мире.

– Через пару лет, Лиз, мы всех перерастем, – с полной уверенностью сказал он. – Х63 – это просто супер! Мак будет вне себя от радости, когда я ему расскажу.

– Да, – ответила она и положила трубку. – Извини, Энди, линия по-прежнему занята. Нас известят сразу же, как только установят связь. Ты сообщил тайпэну все остальные хорошие новости?

– Момент был не очень подходящий, ну и ладно. – Они оба рассмеялись. – Приберегу их для заседания совета директоров.

Старые корабельные часы на бюро начали отбивать шесть часов. Гаваллан протянул руку и включил многодиапазонное радио, стоявшее

на шкафу для папок с документами позади него. Раздался звон Биг-Бена, отмерявшего полный час…

Тегеран. Квартира Мак-Айвера. Звон последнего удара замер, сигнал был очень слабым, едва пробивался сквозь треск радиопомех. «В эфире международная служба Би-би-си, Гринвичское среднее время семнадцать часов…» Пять часов вечера в Лондоне означали половину девятого по местному иранскому времени.

Оба находившихся в комнате мужчины автоматически взглянули на свои часы. Женщина просто пригубила свою водку с мартини. Все трое сгрудились вокруг большого коротковолнового переносного радиоприемника, сигнал которого был слабым и сопровождался громким треском. За стенами квартиры была темная ночь. Издалека донеслась автоматная очередь. Никто не обратил на нее внимания. Женщина в ожидании сделала еще глоток. В квартире было холодно, центральное отопление отключили еще несколько недель назад. Единственным источником тепла теперь служил маленький электрический камин, который, как и потускневшие электрические лампочки, работал вполсилы.

«…девятнадцать тридцать по Гринвичу мы транслируем специальное сообщение о ситуации в Иране от нашего собственного корреспондента…»

– Хорошо, – пробормотала она, и все кивнули. В свои пятьдесят один она выглядела моложе своего возраста: привлекательное лицо с голубыми глазами в обрамлении светлых волос, подтянутая фигура, очки в темной оправе. Гиневра Мак-Айвер, для близких – просто Дженни.

«…но сначала краткий обзор мировых новостей: в Британии девятнадцать тысяч рабочих бирмингемского завода „Бритиш Лейленд“, крупнейшей автомобильной компании страны, вновь объявили забастовку, требуя повышения зарплаты: профсоюзные переговорщики, представляющие работников госсектора, достигли соглашения о повышении зарплаты на шестнадцать процентов, хотя лейбористское правительство премьер-министра Каллагана хочет сохранить эту цифру на уровне восьми и восьми десятых процента; королева Елизавета вылетает в понедельник в Кувейт, чтобы начать

свой трехнедельный визит в страны Персидского залива; в Вашингтоне прези…»

Сигнал пропал совершенно. Тот из двух мужчин, что был повыше ростом, чертыхнулся.

– Терпение, Чарли, – мягко сказала она. – Сигнал вернется.

– Да, Дженни, ты права, – ответил Чарльз Петтикин.

Вдалеке протрещала еще одна автоматная очередь.

– Немного рискованно посылать королеву в Кувейт сейчас, разве нет? – заметила Дженни. Кувейт был невероятно богатым эмиратом по ту сторону Персидского залива, соседствующим с Саудовской Аравией и Ираком. – Довольно глупая затея в такое время, а?

– Чертовски глупая. Наше дурацкое правительство засунуло голову себе в задницу по самые плечи, – проворчал Дункан Мак-Айвер, ее муж. – До самого, черт их возьми, Абердина.

Она рассмеялась:

– Это получится довольно глубоко, Дункан.

– По мне, так можно было бы и поглубже, Джен! – Мак-Айвер был плотным мужчиной пятидесяти восьми лет с лохматыми седыми волосами и телосложением боксера. – Каллаган – полный тупица, а уж… – Он замолчал, заслышав глухой металлический лязг тяжелой военной техники, проходившей по улице. Квартира находилась на верхнем, пятом, этаже нового жилого дома в северном пригороде Тегерана. Мимо прогрохотала еще одна машина.

– По звуку, похоже, еще танки, – заметила она.

– Танки и есть, Дженни, – кивнул Петтикин. Ему было пятьдесят шесть, бывший пилот Королевских ВВС, родом из Южной Африки, темные волосы серебрились сединой, старший пилот в Иране и начальник программы S-G по подготовке вертолетчиков для иранской армии и ВВС.

– Похоже, впереди у нас еще один трудный день, – сказала она.

Последние несколько недель каждый день оказывался трудным.

Сначала в сентябре было объявлено военное положение, все публичные собрания были запрещены, а введенный шахом комендантский час с девяти вечера до пяти утра лишь вызвал у людей еще более сильное возмущение. Особенно в Тегеране, в нефтяном порте Абадане и религиозных центрах Куме и Мешхеде. Многих убили. Последовала эскалация насилия, шах колебался, потом в самом

конце декабря неожиданно отменил военное положение и назначил премьер-министром Бахтияра, политика умеренных взглядов, пошел на уступки, а затем произошло нечто совсем уже невероятное: 16 января он покинул Иран, отправившись «в отпуск». Бахтияр после этого сформировал свое правительство, но Хомейни, все еще находившийся в ссылке во Франции, осудил это правительство и всех, кто его поддерживал. Уличные беспорядки набирали силу, число жертв увеличивалось. Бахтияр попытался вести переговоры с Хомейни, но тот отказался встречаться или говорить с ним. В народе и в армии росло беспокойство, потом все аэропорты закрыли, чтобы не допустить возвращения Хомейни, а через некоторое время открыли их для него. Затем, и в это было столь же трудно поверить, восемь дней назад, 1 февраля, Хомейни вернулся в страну.

С тех пор все дни были очень трудными, подумала она.

В то утро она, ее муж и Петтикин находились в международном аэропорту Тегерана. Это был четверг, день выдался очень холодный, но ясный, с разбросанными тут и там островками снега, легким ветром. На севере возвышались горы Эльбурс; восходящее солнце окрашивало их снеговые шапки в цвет крови. Они стояли втроем возле 212-го на открытой бетонированной площадке на значительном расстоянии от взлетно-посадочной полосы перед зданием аэропорта. Еще один 212-й расположился на другом конце летного поля, тоже готовый к немедленному взлету – оба вертолета были заказаны сторонниками Хомейни.

По эту сторону терминала людей не было, за исключением примерно двух десятков нервничающих работников аэропорта, большинство из них с автоматами; они в ожидании стояли рядом с большим черным «мерседесом» и машиной радиосвязи, настроенной на волну диспетчерской башни. Здесь было тихо, эта тишина отчаянно контрастировала с тем, что происходило внутри терминала и по ту сторону ограды аэропорта. Внутри терминала собрался приветственный комитет из примерно тысячи человек, в состав которого входили специально приглашенные политики, аятоллы, муллы, корреспонденты, а также сотни полицейских в форме и особых исламских стражей, носивших зеленые повязки, – их так и называли «зелеными повязками», – которые образовывали незаконную личную

революционную армию мулл. Всех остальных с территории аэропорта удалили, все подъездные пути были перекрыты, на них возвели баррикады и разместили вооруженную охрану. Но сразу же за этими баррикадами собрались десятки тысяч сгорающих от нетерпения людей всех возрастов.

Большинство женщин пришли в чадрах, длинных, похожих на саван халатах, закрывавших их с головы до пят. Позади этих людей, вдоль всего десятимильного маршрута от аэропорта до кладбища Бехеште-Захра, где аятолла должен был произнести свою первую речь, были расставлены пять тысяч вооруженных полицейских, а вокруг них, скучившись на балконах, в окнах, вскарабкавшись на стены, теснясь на улицах, бурлило живое море, самое большое собрание людей, которое когда-либо видел Иран – почти все население Тегерана. В столице и ее окрестностях проживало около пяти миллионов человек. Все были взволнованы, все нервничали, все боялись, что в последний момент произойдет какая-нибудь задержка или что аэропорт могу снова закрыть, чтобы не пустить его в страну, или что ВВС вдруг собьют его самолет – по приказу или без приказа.

Премьер-министра Шахпура Бахтияра, членов его кабинета и генералов, командовавших всеми видами вооруженных сил в аэропорту не было. По их собственному выбору. Не было там и их офицеров или солдат. Эти люди ждали в своих казармах, на военных аэродромах или на кораблях – все они пребывали в том же волнении и с тем же нетерпением ожидали команды действовать.

– Лучше бы тебе было остаться дома, Джен, – встревоженно сказал Мак-Айвер.

– Лучше бы нам всем было остаться дома, – заметил Петтикин, тоже чувствуя себя неуютно.

За неделю до этого с Мак-Айвером связался один из сторонников Хомейни и потребовал выделить вертолет для доставки Хомейни из аэропорта в Бехешт-Захру.

– Извините, это невозможно. У меня нет полномочий, чтобы сделать это, – ответил он в ужасе.

Через час иранец вернулся в сопровождении «зеленых повязок», которые заполнили кабинет Мак-Айвера и все остальные помещения офиса – молодые, суровые люди с обозленными лицами, двое с

советскими АК-47 на плече, один с американской автоматической винтовкой М16.

– Вы выделите вертолет, как я сказал, – высокомерно потребовал иранец. – На случай, если с толпой станет слишком трудно справляться. Разумеется, весь Тегеран выйдет, чтобы приветствовать аятоллу, да прибудет с ним благословение Аллаха.

– Как бы мне ни хотелось, я не в состоянии сделать это, – осторожно ответил ему Мак-Айвер, стараясь выиграть время. Он оказался в крайне уязвимом положении. Хомейни разрешали вернуться, но и только: если правительство Бахтияра узнает, что S-G предоставила их главному врагу вертолет для триумфального возвращения в их столицу, они разозлятся не на шутку. Да даже если правительство и согласилось бы, вдруг что-то случится, вдруг аятолла пострадает, будет ранен, во всем обвинят S-G, и тогда их жизни медного гроша не будут стоить. – Все наши машины арендованы, а у меня нет необходимых полномочий, чтобы по…

– Я даю вам необходимые полномочия от имени аятоллы, – сердито оборвал его иранец, повышая голос. – Аятолла – единственная власть в Иране.

– Тогда вам должно быть нетрудно получить вертолет от иранской армии или военно-воздушных сил, и…

– Молчать! Вам выпала великая честь, что к вам обратились. Вы сделаете все, что вам говорят. Во имя Аллаха*, революционный комитет* принял решение, что вы выделите 212-й с вашими лучшими пилотами, чтобы доставить аятоллу куда мы скажем, когда мы скажем и как мы скажем.

Мак-Айвер тогда впервые столкнулся с одним из этих комитетов – небольших групп молодых фундаменталистов, – которые появились словно по волшебству, едва только шах покинул Иран, в каждой деревне, селе, малом или большом городе, чтобы взять власть в свои руки, устраивая нападения на полицейские участки, выводя толпы людей на улицы, устанавливая свой контроль везде, где только могли. Часто их возглавлял мулла. Но не всегда. Про комитеты на нефтяных промыслах Абадана говорили, что они левого толка и состоят из *федаин* – дословно «тех, кто жертвует собой во имя веры».

– Вы подчинитесь! – Иранец помахал перед его лицом револьвером.

– Для меня несомненная честь, что вы почтили меня доверием, – произнес Мак-Айвер; его обступили со всех сторон, тяжелый запах пота и нестиранной одежды окутывал его плотным облаком. – Я обращусь к правительству за разре…

– Правительство Бахтияра незаконно и неприемлемо для народа, – проревел иранец. Остальные тут же подхватили этот клич, и атмосфера стала накаляться. Один из иранцев сбросил автомат с плеча на руку. – Вы согласитесь, или комитет предпримет дальнейшие действия.

Мак-Айвер послал телекс Эндрю Гаваллану, который немедленно дал свое разрешение при условии, что с ним согласятся их иранские партнеры. Партнеров вдруг оказалось невозможно нигде отыскать. В отчаянии Мак-Айвер связался с британским посольством и попросил совета: «Ну-у, старина, вы, конечно, можете обратиться к правительству, официально или неофициально, но ответа никакого не получите. У нас даже нет полной уверенности в том, что Хомейни действительно позволят совершить посадку в аэропорту, или что военно-воздушные силы не возьмут все в свои руки. В конце концов, этот чертов парень – революционер до мозга костей, открыто призывающий к восстанию против законного правительства, признаваемого всеми остальными, включая и правительство ее величества. В любом случае, если вы окажетесь достаточно глупы, чтобы сделать этот запрос, правительство, безусловно, запомнит, что вы поставили его в неловкое положение, и это вам выйдет боком, что так, что эдак».

В итоге Мак-Айвер достиг приемлемого компромисса с комитетом.

– В конце концов, – указал он с огромным облегчением, – это выглядело бы очень странно, если бы ваш почитаемый лидер был доставлен в город на британском вертолете. Конечно же, будет лучше, если вертолет будет принадлежать иранским ВВС и пилотировать его будет иранец. Я, разумеется, прослежу, чтобы одна наша машина, даже, собственно, две, стояли наготове на случай аварии или чего-то непредвиденного. С нашими лучшими пилотами. Вы просто свяжетесь с нами по рации, запросите помощь для экстренной эвакуации, и мы тут же откликнемся…

И вот теперь он здесь, ждет и молится, чтобы не было никакой экстренной эвакуации, на которую им пришлось бы откликаться.

Огромный «Боинг-747» компании «Эр Франс» появился из розоватого марева. Двадцать минут он закладывал круги, ожидая разрешения на посадку.

Мак-Айвер по рации 212-го слушал, что происходит на диспетчерской вышке.

– Все еще какие-то проблемы с безопасностью, – говорил он двум своим спутникам. – Погодите-ка… Самолет получил добро на посадку!

– Начинается, – пробормотал Петтикин себе под нос.

Они наблюдали, как 747-й заходит на посадку. Лайнер был ослепительно белым, национальные цвета Франции сверкали. Он медленно опускался к полосе по идеальной траектории, потом, в самый последний миг, пилот вдруг включил двигатели на полную мощность, и «боинг» начал опять набирать высоту.

– Что за игры он затеял, черт возьми! – воскликнула Дженни, чувствуя, как забилось сердце.

– Пилот говорит, что хотел получше все рассмотреть, – пояснил ей Мак-Айвер, вслушиваясь в голос в наушниках. – Наверное, и я бы поступил так же… просто чтобы быть уверенным. – Он бросил взгляд на Петтикина, который должен был пилотировать вертолет при любом экстренном вызове от комитета. – Господи, надеюсь, ВВС не выкинет какой-нибудь совсем безумный трюк.

– Смотрите! – вскрикнула Дженни.

Самолет вновь зашел на посадку и на этот раз приземлился, из-под взвизгнувших шин порхнул дым, мощные двигатели взревели, переходя на обратную тягу для торможения. К самолету тут же рванулся «мерседес», и по мере того как новость облетала всех, кто находился в терминале, переносилась оттуда на блокпосты и дальше на улицы, всю бесчисленную массу людей охватывало безумное ликование. Со всех сторон начали скандировать: «Аллаху акбар… Ага ухмад» – «Бог велик… Учитель вернулся…»

Казалось, целая вечность прошла, пока к самолету подкатил трап, и дверь открылась, и по ступеням, поддерживаемый одним из французских стюардов, спустился старик с густой бородой и суровым лицом под черной чалмой. Он прошел мимо почетного караула, торопливо собранного из нескольких мулл и иранских сотрудников «Эр Франс», и его окружили приближенные помощники и

нервничающие служащие аэропорта, после чего он быстро сел в машину, которая тут же покатила к терминалу.

Там его встретил настоящий бедлам: ликующие, вопящие, потерявшие контроль над собой люди толкали и отпихивали друг друга, чтобы пробраться поближе к нему, дотронуться до него, журналисты со всего мира дрались друг с другом за лучшее место для съемки, сверкали вспышки фотоаппаратов, поблескивали объективы телекамер, все кричали, «зеленые повязки» и полиция пытались как-то защитить его от напирающей толпы. Дженни увидела его на какое-то мгновение – недвижимого кумира посреди бушующего неистовства, – потом людская масса поглотила его.

Дженни потягивала свой мартини, вспоминая; ее глаза неотрывно смотрели на радиоприемник, она пыталась усилием воли заставить передачу возобновиться, пыталась стереть из памяти тот день и речь Хомейни на кладбище Бехешт-Захра, выбранном для этой цели потому, что там были похоронены столь многие из тех, кто погиб в «кровавую пятницу», – он называл их мучениками.

Стереть из памяти увиденные ими позже телевизионные кадры с бушующим морем тел, окружавшим кортеж автомобилей, который продвигался вперед буквально по дюймам – все соображения безопасности безнадежно утрачены, – десятки тысяч мужчин, женщин, молодых людей, кричащих, толкающихся, дерущихся, чтобы пробраться поближе к нему, карабкающихся со всех сторон на микроавтобус «шевроле», в котором он ехал, пытающихся дотянуться до него, коснуться его, сам аятолла сидит на переднем сиденье с видимым спокойствием, время от времени вздымая руки навстречу этому поклонению. Люди ползут по капоту, по крыше, плача и крича, взывая к нему, отпихивая и сталкивая других, кто пытается забраться на автомобиль, водитель совершенно не видит дороги, то резко тормозит, чтобы стряхнуть народ, то вдруг жмет на газ, слепо посылая машину вперед. Стереть из памяти кадры с юношей в грубом коричневом костюме, который взобрался на капот, но прочно ухватиться не смог и медленно сполз под колеса.

Таких, как этот юноша, были десятки. В конце концов «зеленые повязки» пробились к автомобилю, окружили его и вызвали по рации вертолет; она помнила, как этот вертолет быстро и безжалостно

опустился прямо в толпу, которая подалась прочь от вращающихся лопастей, повсюду тела, повсюду раненые, потом – аятолла, шагающий в центре кольца из своих стражей ислама, бесстрастный, со строгим лицом, вот ему помогают сесть в вертолет, и вертолет взмывает в небо под нескончаемые «Аллаху-у-у акбар… Ага ухмад…»

– Я налью себе еще, – сказала она и поднялась, чтобы унять дрожь. – Тебе что-нибудь принести, Дункан?

– Спасибо, Джен.

Она направилась к кухне за льдом.

– Чарли?

– Я в порядке, Дженни, я сам потом налью.

Она замерла, когда радио вдруг очнулось и заговорило громко и чисто: «…Китая сообщает о серьезных стычках на границе с Вьетнамом и осуждает эти нападения как новое свидетельство советской гегемонии: во Франц…» Сигнал снова исчез, оставив в динамиках один треск.

Через секунду Петтикин заговорил:

– Я выпил бокальчик в клубе по дороге сюда. Среди журналистов ходят слухи, что Бахтияр готовится к решающей схватке. Еще говорят, что в Мешхеде идут настоящие бои после того, как толпа вздернула начальника полиции и с полдюжины его людей.

– Ужасно, – сказала она, возвращаясь из кухни. – Кто контролирует эти толпы, Чарли, кто в действительности управляет ими? Коммунисты?

Петтикин пожал плечами.

– Точно, похоже, никто не знает, но партия коммунистов Туде должна как-то стоять за этими беспорядками, запретили ее там или нет. Да и все левые, особенно *моджахедин-аль-Хальк,* которые верят в некий брачный союз между религиями ислама и Маркса; их финансируют Советы. Шах, США и большинство западных правительств *знают,* что это все они, при помощи и серьезном подстрекательстве Советов с той стороны северной границы, поэтому, разумеется, вся иранская пресса с этим согласна. Как и наши иранские партнеры, хотя они от страха уже наделали в штаны, не зная, в какую сторону им податься, пытаясь поддержать и шаха, и Хомейни одновременно. Господи, как бы я хотел, чтобы все это утряслось уже. Иран – отличное место, и я не планирую отсюда уезжать.

– А что пресса?

– Зарубежная пресса неединодушна. Некоторые из американцев согласны с шахом в отношении того, кого следует винить. Другие говорят, что это все Хомейни, носит чисто религиозный характер и возглавляется им и его муллами. Потом есть еще и такие, кто возлагает вину на левых федаин, или на закоренелых фундаменталистов из «Мусульманского братства», – был даже один чудак, француз, если не ошибаюсь, который утверждал, что Ясир Арафат и ООП… – Он умолк. Радио ожило было на секунду, но тут же опять захрипело. – Должно быть, это из-за пятен на солнце.

– Беда, хоть кровью харкай, – кивнул Мак-Айвер.

Как и Петтикин, он в свое время служил в Королевских ВВС. Он был первым пилотом, который начал работать в S-G, а теперь являлся директором иранского отделения компании, кроме того, он был исполнительным директором ИВК – Иранской вертолетной компании – совместным, пятьдесят на пятьдесят, предприятием с обязательными иранскими партнерами, которому S-G передала свои вертолеты в лизинг, компании, которая получала их контракты, заключала их сделки, держала у себя их деньги – без которой никакого иранского отделения просто бы не было. Он подался вперед, чтобы подкрутить ручку настройки, потом передумал.

– Сигнал вернется, Дункан, – уверенно сказала Дженни. – Я согласна, что Каллаган полный тупица.

Он улыбнулся ей. Они были женаты тридцать лет.

– А ты ничего, Джен. Даже очень ничего.

– За это тебе можно еще виски.

– Спасибо, только на этот раз налей с вод…

«…витель министерства энергетики сообщает, что с новым повышением цен странами ОПЕК на четырнадцать процентов импорт нефти в следующем году обойдется США в пятьдесят один миллиард долларов. Также из Вашингтона передают, президент Картер объявил, что ввиду ухудшающейся ситуации в Иране отряд авианосцев получил приказ направиться от Филипп…» Голос диктора заглушила другая станция, потом обе станции пропали.

В молчании они ждали, ждали очень напряженно. Мужчины поглядывали друг на друга, стараясь скрыть испытанный обоими шок. Дженни подошла к бутылке с виски, стоявшей на буфете. Здесь же на

буфете, занимая большую часть места, стоял высокочастотный радиоприемник: средство связи Мак-Айвера с вертолетными базами по всему Ирану – когда условия позволяли. Квартира была просторной и уютной: три спальни и две гостиных. В эти последние несколько месяцев, после введения военного положения и эскалации насилия на улицах, Петтикин переехал к ним – после развода год назад он теперь жил один, – и это всех замечательно устроило.

Легкий ветерок пошевелил оконными стеклами в рамах. Дженни выглянула наружу. В домах напротив тускло светились несколько окон, ни один фонарь не горел. Низкие крыши огромного города расстилались под ней до бесконечности. На них и на земле лежал снег. Большинство из пяти-шести миллионов жителей города прозябали в нищете и грязи. Но в их районе, к северу от Тегерана, лучшем районе, где жили иностранцы и преуспевающие иранцы, полиция исправно следила за порядком. Есть ли что-то неправильное в том, чтобы жить в лучшем районе города, если ты можешь себе это позволить? – спрашивала она себя. Этот мир – очень странное место, с какого края на него ни посмотри.

Она разбавила виски, долив побольше содовой, и принесла бокал мужу.

– Будет гражданская война. Мы никак не сможем продолжать здесь работать.

– Все у нас будет в порядке, Джен. Картер не допустит… – Внезапно свет погас, и электрический камин выключился.

– Ч-черт, – пробормотала Дженни. – Слава богу, у нас есть газовая плитка.

– Может, это отключение ненадолго. – Мак-Айвер помог ей зажечь свечи, которые уже были расставлены по местам. Он бросил взгляд в сторону входной двери. Рядом с ней стояла канистра с пятью галлонами дизельного топлива – их запас на крайний случай. Ему была очень не по душе идея хранить в доме солярку, это никому из них не нравилось, особенно учитывая, что по вечерам они чаще всего были вынуждены зажигать свечи. Но вот уже несколько недель им приходилось тратить от пяти до двадцати четырех часов в очереди на заправочных станциях, и даже когда подходил их черед, продавец-иранец чаще всего давал им от ворот поворот, потому что они были иностранцами. Много раз из бака их машины топливо сливали –

никакие замки не помогали. Им еще больше повезло, чем массе других, потому что у них был доступ к топливу на аэродроме, но для обычного человека, особенно иностранца, очереди на заправках превращали жизнь в мученье. На черном рынке цена на дизтопливо доходила до ста шестидесяти реалов за литр – два доллара за литр, восемь за галлон, и это когда удавалось его достать. – Поосторожнее с НЗ, – сказал он, хохотнув.

– Мак, может, тебе на него свечку поставить, вспомнить добрые старые времена? – отозвался Петтикин.

– Не искушай его, Чарли! Ты начал что-то говорить про Картера.

– Беда в том, что, если Картер ударится в панику и введет сюда даже немного войск – или самолетов – для поддержки военного переворота, это сорвет крышку с болтов напрочь. Все развопятся, как ошпаренные коты, больше всех Советы, и им придется как-то отреагировать, после чего Иран превратится в запал для третьей мировой.

Мак-Айвер заметил:

– Третью мировую, Чарли, мы ведем с самого сорок пятого го…

Треск в радиоприемнике оборвал его на полуслове, потом вновь зазвучал голос диктора: «…за незаконную разведывательную деятельность. Из Кувейта начальник штаба кувейтских вооруженных сил сообщает, что Советский Союз осуществил поставки оружия Кувейту…»

– Господи, – пробормотали оба мужчины.

«…Из Бейрута передают, Ясир Арафат, лидер ООП, объявил, что его организация продолжит активно содействовать революции аятоллы Хомейни. На пресс-конференции в Вашингтоне президент Картер еще раз повторил, что США поддерживает иранское правительство Бахтияра и „конституционный процесс“ в стране. И, наконец, сообщение из самого Ирана, аятолла Хомейни выступил с угрозой арестовать премьер-министра Бахтияра, если тот не подаст в отставку. Он обратился с призывом к народу „уничтожить эту чудовищную монархию и ее незаконное правительство“ и к армии „восстать против офицеров, которыми управляют чужеземцы, и бежать из казарм вместе с оружием“. На Британских островах необычайно сильные снегопады, ветра и наводнения нарушили коммуникации на большей части территории страны, аэропорт Хитроу закрыт и полеты не

производятся. На этом мы завершаем наш краткий обзор новостей. Следующий полный обзор будет передаваться в восемнадцать часов по Гринвичу. Вы слушаете международную службу Би-би-си. А сейчас сообщение от нашего международного сельскохозяйственного корреспондента, „Птица и свинина“. Мы начинаем…»

Мак-Айвер протянул руку и щелкнул выключателем.

– Черт подери, весь мир разваливается на куски, а Би-би-си подсовывает нам свиней.

Дженни рассмеялась.

– Да что бы ты делал без Би-би-си, телевизора и почтового футбольного тотализатора? Сильные ветра и наводнения. – Она подняла трубку телефона, надеясь на удачу. Трубка молчала, как обычно. – Надеюсь, с детьми все хорошо. – Их сын и дочь, Хэмиш и Сара, уже обзавелись своими семьями и жили самостоятельно, у каждого уже был свой ребенок. – Крошка Карен так легко простужается, и Сара! Даже в двадцать три года кто-то должен ей напоминать, чтобы она одевалась как следует! Неужели это дитя никогда не повзрослеет?

– Просто ужас, что нельзя позвонить, когда хочется, – сказал Петтикин.

– Да уж. Ладно, пора за стол. Рынок сегодня опять был почти пустой, третий день подряд. Так что выбор стоял между жареной старой бараниной опять с рисом или чем-то особенным. Я выбрала особенное и использовала две последние банки. Я готовлю пирог с говяжьей тушенкой, цветную капусту с сыром, обжаренную в сухарях, песочный пирог с патокой и на закуску сюрприз. – Она взяла свечу и ушла на кухню, закрыв за собой дверь.

– Интересно, почему нас всегда потчуют цветной капустой с сыром в сухарях? – Мак-Айвер смотрел на отблески свечи на двери в кухню. – Терпеть ее не могу! Я ей пятьдесят раз говорил… – Что-то в ночном пейзаже вдруг привлекло его внимание. Он подошел к окну. Из-за отключения электроэнергии в городе не было видно ни огонька. Но небо на юго-востоке теперь отсвечивало красным. – Джалех. Опять, – сказал он просто.

Пять месяцев назад, 8 сентября, десятки тысяч людей вышли на улицы, протестуя против введения шахом военного положения. Люди крушили все и вся, особенно в Джалехе, бедном, густонаселенном

пригороде Тегерана, где на улицах заполыхал огонь и появились баррикады из горящих автомобильных покрышек. Когда прибыли силы безопасности, неистовствующая, кипящая толпа людей отказалась разойтись, выкрикивая: «Смерть шаху!» Столкновение было жестоким. Слезоточивый газ не дал результатов. Результаты дал автоматный огонь. Число жертв составило от девяносто семи человек по официальным данным до двухсот пятидесяти по свидетельствам некоторых очевидцев и до двух или трех тысяч по оценкам различных воинствующих оппозиционных групп.

В ходе репрессий, последовавших за «кровавой пятницей», было арестовано и брошено в тюрьмы множество оппозиционных политиков, диссидентов и враждебно настроенных лиц – позже правительство признало цифру в тысячу сто шесть человек, – среди которых были два аятоллы, что вызвало у людей еще большее возмущение.

Мак-Айвер глубоко опечалился, наблюдая за заревом. Если бы не аятоллы, подумал он, особенно Хомейни, ничего этого не случилось бы.

Много лет назад, когда Мак-Айвер впервые приехал в Иран, он спросил у своего друга в Британском посольстве, что означает слово *аятолла.*

– Слово арабское, «аяталла(х)», и означает «знамение Бога».

– Так это священник?

– Вовсе нет, в исламе священников не существует, название их религии – еще одно арабское слово – означает «добровольное вверение себя Богу», покорность воле Аллаха.

– Что?

– Ну, – сказал его друг с улыбкой, – я объясню, но тебе придется запастись терпением. Во-первых, иранцы не арабы, а арийцы, и большинство из них – мусульмане шиитского толка, это такая изменчивая, иногда мистическая секта раскольников. В большинстве своем арабы – ортодоксальные сунниты, именно они составляют большую часть из миллиарда живущих сегодня на земле мусульман; эти секты иногда немного напоминают протестантов и католиков и воюют друг с другом столь же беспощадно. Но обе они имеют общие постулаты веры, что есть только один Бог, Аллах по-арабски означает «Бог», что Мухаммад, человек родом из Мекки, живший с 570 по 632

годы нашей эры, является Его Пророком, и что слова Корана, провозглашенные им и записанные другими на протяжении многих лет после его смерти, исходят непосредственно от Бога и содержат все наставления, необходимые в жизни как отдельному человеку, так и всему обществу.

– Все? Это же невозможно.

– Для мусульман возможно, Мак, сегодня, завтра, всегда. Но «аятолла» – это титул шиитского законоведа и даруется он единодушным волеизъявлением людей, собирающихся в *мечети*[10] – еще одно арабское слово, которое, как мне говорили, означает «место встречи, собрания», чем мечеть, собственно, и является, просто местом встречи, ни в коем случае не церковью, – этот титул даруется мулле, сочетающему в себе все те качества, которыми восхищается и которые стремится развить в себе любой шиит: набожность, бедность, ученость, однако только в отношении священных книг, Корана и Сунн – и умение вести людей за собой, с большим упором на это последнее умение. В исламе религия и политика не разделяются, такого разделения просто не может быть, и шиитские муллы в Иране с самого начала были фанатичными хранителями заповедей Корана и Сунн, фанатичными лидерами и, при необходимости, сражающимися революционерами.

– Если аятолла или мулла не священник, то кто же он?

– *Мулла* означает «господин», человек, который ведет молитвы в мечети. Любой может стать муллой при условии, что он мужчина и мусульманин. Любой. В исламе нет духовенства, оно полностью отсутствует, никто не стоит между тобой и Богом, это одна из его прекрасных сторон, но не для шиитов. Шииты верят, что после Пророка землей должен править харизматичный полубожественный правитель, *имам,* «предстоятель», который выступает посредником между человеческим и божественным – именно из-за этого и произошел великий раскол между суннитами и шиитами, и их войны друг с другом были столь же кровавыми, как войны Плантагенетов. Там, где сунниты верят в единодушие, консенсус, шииты готовы признать власть имама, если бы таковой существовал.

– Тогда кто избирает человека имамом?

– В этом-то вся проблема. Когда Мухаммад умер – кстати, он никогда не заявлял, что был кем-то, кроме смертного Пророка, хотя и

последнего из них, – он не оставил ни сына, ни избранного им наследника, *халифа.* Шииты верили, что власть должна остаться за семьей Мухаммада, и халифом мог быть только Али, его двоюродный брат и зять, который женился на Фатиме, его любимой дочери. Но ортодоксальные сунниты, следуя исторически сложившимся племенным обычаям, которые соблюдаются и по сей день, считали, что вождем может быть только человек, избранный по всеобщему согласию. Они оказались сильнее, поэтому первых трех халифов выбирали народным голосованием; двух из них убили другие сунниты, потом – долгожданный день для шиитов – халифом стал Али, которого они ревностно почитают как первого имама.

– Они говорили, что он был полубогом?

– Был направляем Богом, Мак. Али продержался пять лет, затем его убили – шииты верят, что он принял мученическую смерть за веру. Имамом стал его старший сын Хасан, которого потом сбросил с трона узурпатор-суннит. Его второй сын, почитаемый двадцатипятилетний Хусейн, собрал небольшую армию против узурпатора, но был истреблен – принял мученическую смерть – со всеми своими людьми, включая двух малолетних сыновей своего брата и его собственных детей, пятилетнего сына и грудного младенца. Это произошло в десятый день месяца мухаррам в 650 году нашей эры по нашему летоисчислению, 61-м году по мусульманскому, и день мученичества Хусейна до сих пор отмечается ими как день траура.

– Это тот день, когда они устраивают процессии и бичуют себя, вонзают в себя крюки, умерщвляют плоть?

– Да, безумие, с нашей точки зрения. Реза-шах объявил этот обычай вне закона, но шиизм – религия страстная, нуждающаяся во внешнем выражении раскаяния и скорби. Мученичество в шиизме коренится глубоко, а в Иране оно почитается как святое. И борьба с узурпаторами тоже.

– Значит, битва началась. Правоверные против шаха?

– О да. И ведется фанатично с обеих сторон. Для шиитов мулла – единственный посредник в толковании божественного, что дает ему огромную власть. Он и толкователь, и законодатель, и судья, и учитель. И величайшие из мулл становятся аятоллами.

А Хомейни – это великий аятолла, думал Мак-Айвер, глядя на кровавое зарево над Джалехом. Все дело в нем, и нравится это кому

или нет, все убийства, всю пролитую кровь, все страдания и безумства нужно положить у его порога, оправданы они или нет…

– Мак!

– О, извини, Чарли, – пробормотал он, возвращаясь к действительности. – Что-то я совсем задумался. Что случилось? – Он посмотрел на дверь в кухню. Она была по-прежнему закрыта.

– Тебе не кажется, что Дженни лучше увезти из Ирана? – тихо спросил Петтикин. – Дело, похоже, действительно пахнет керосином.

– Черт, да она не уедет. Я уж ей раз пятьдесят говорил, просил ее раз пятьдесят, но она упряма как мул, дьявол меня возьми, как твоя Клэр, – так же тихо ответил Мак-Айвер. – Черт, она просто улыбается и говорит: «Когда ты уедешь, тогда и я уеду». – Он допил свой виски, бросил взгляд на дверь и торопливо налил себе еще. Покрепче. – Чарли, вот ты бы с ней поговорил. Тебя она послу…

– Как же, послушает, черта с два.

– Ты прав. Эти женщины, черт побери, такое, черт побери, упрямство. Все они, черт побери, одинаковы. – Они рассмеялись.

Помолчав, Петтикин спросил:

– Как там Шахразада?

Мак-Айвер на мгновение задумался.

– Том Локарт счастливчик.

– Почему она не уехала вместе с ним в отпуск и не осталась в Англии, пока ситуация в Иране не уляжется?

– Куда она поедет? У нее там ни родственников, ни друзей. Она хотела, чтобы он побыл с детьми, Рождество там, и все такое. Она говорила, у нее было такое чувство, что если она поедет, она там только все взбаламутит и будет всем мешать. Дердра Локарт все еще злится из-за развода, да и потом у Шахразады здесь семья, а ты знаешь, что такое семья для иранцев. Она не поедет, пока Том не уедет, да и тогда, не знаю, поедет ли. Что до Тома, если бы я попытался его перевести, он бы ушел из компании, я думаю. Он останется здесь навсегда. Как и ты. – Мак-Айвер улыбнулся. – Ты вот тут чего торчишь?

– Лучшее место работы, которое у меня было в жизни, когда жизнь тут шла нормально. Летать могу сколько хочу, зимой лыжи, летом парус… Но давай смотреть правде в глаза, Мак, Клэр здешнюю жизнь не выносила. Годами она проводила в Англии больше времени,

чем здесь, чтобы быть поближе к Джейсону и Беатрис, ее собственной семье, нашей внучке. По крайней мере, расстались мы мирно. Пилотом вертолетов жениться вообще не следует, если уж на то пошло, слишком много приходится кочевать с места на место. Я родился, чтобы жить на чужбине, таким и умру. Не хочу возвращаться в Кейптаун – я и города-то этого толком не знаю – и терпеть не могу эти проклятые английские зимы. – В полутьме он сделал глоток пива из своего бокала. – Иншаллах, – произнес он с непреложностью. – Если будет на то воля Аллаха. – Эта мысль доставила ему удовольствие.

Телефон внезапно затрезвонил, заставив их обоих вздрогнуть. Уже много месяцев телефонная связь работала с перебоями – последние несколько недель она вообще сделалась невозможной и почти отсутствовала: линии накладывались одна на другую, номера соединялись не те, гудок в трубке пропадал, потом без всякой видимой причины все вдруг начинало работать, это длилось день или час, затем так же необъяснимо телефон замолкал, будто накрытый саваном.

– Ставлю пять фунтов, что это по оплате счетов звонят, – сказал Петтикин, улыбаясь Дженни, которая вышла из кухни, как и они, пораженная звуком телефонного звонка.

– Это что за пари, Чарли! – Банки бастовали и были закрыты вот уже два месяца в ответ на призыв Хомейни к всеобщей забастовке, поэтому никто – ни отдельные лица, ни компании, ни даже правительство – не мог раздобыть наличные, а большинство иранцев расплачивались именно наличными, а не чеками.

Мак-Айвер снял трубку, не зная, чего ему ожидать. Или кого.

– Алло?

– Боже милосердный, эта чертова штука работает, – произнес голос в трубке. – Дункан, ты меня слышишь?

– Да-да, слышу. Еле-еле. Кто это?

– Талбот, Джордж Талбот из Британского посольства. Извини, старина, но, боюсь, из унитаза поперло вовсю. Хомейни назначил Мехди Базаргана премьер-министром и призвал Бахтияра уйти в отставку, пока не поздно. На улицах Тегерана прямо сейчас собралось около миллиона человек, и у всех чешутся кулаки. Мы слышали, на базе Дошан-Таппех взбунтовались летчики, и Бахтияр сказал, если они не утихомирятся, он вызывает «бессмертных». – «Бессмертными» называли элитные подразделения фанатично преданной шаху

Имперской гвардии. – Правительство ее величества, вместе с американским, канадским и всеми остальными, советует всем иностранцам, пребывание которых в Иране не является необходимым, немедленно покинуть страну…

Мак-Айвер постарался, чтобы его лицо не выдало шока, который он испытал. Прикрыв трубку рукой, он беззвучно зашевелил губами, повернувшись к остальным:

– Талбот из посольства.

– Вчера американец из «ЭксТекс Ойл» и иранский чиновник-нефтяник попали в засаду и были убиты «неизвестными вооруженными лицами» на юго-востоке страны, недалеко от Ахваза, – сердце Мак-Айвера опять провалилось куда-то. – …Вы ведь все еще работаете в тех краях, да?

– Рядом с теми местами, в Бендер-Деламе на побережье, – ответил Мак-Айвер все тем же ровным голосом.

– Сколько британских подданных у тебя здесь, исключая членов семьи?

Мак-Айвер на мгновение задумался.

– Сорок пять. Из общего контингента в шестьдесят семь человек, это двадцать шесть пилотов, тридцать шесть механиков/инженеров, пять человек административного персонала – для нас это состав близкий к минимальному.

– А остальные кто?

– Четыре американца, три немца, два француза и один финн – все пилоты. Два механика-американца. Но мы готовы рассматривать их как британцев, если понадобится.

– Члены семей?

– Четыре человека, все жены, детей нет. Остальных мы вывезли три недели назад. Дженни пока еще здесь, одна американка в Ковиссе и две иранки.

– Иранских жен лучше завтра же доставить в их посольства. Вместе со свидетельствами о браке. Они в Тегеране?

– Одна – да, другая в Тебризе.

– Тебе бы надо постараться как можно быстрее раздобыть им новые паспорта.

Согласно иранскому законодательству, все граждане Ирана, возвращающиеся из-за границы, должны были сдавать свои паспорта в

иммиграционную службу по месту въезда в страну, где те хранились до тех пор, пока их владельцы не изъявляли желания снова отправиться за рубеж. Чтобы выехать из страны, они должны были лично обращаться в соответствующее правительственное ведомство за выездной визой, для чего требовалось действительное удостоверение личности, удовлетворительное обоснование своего желания совершить поездку за границу и, если они путешествовали самолетом, действительный заранее оплаченный билет на конкретный рейс. Получение выездной визы могло занять несколько дней или недель. Обычно.

– Слава богу, у нас этой проблемы нет, – сказал Мак-Айвер.

– Бога мы можем благодарить за то, что мы британцы, – продолжал Талбот. – У нас, по счастью, нет раздоров ни с аятоллой, ни с Бахтияром, ни с генералами. И все же любым иностранцам здесь может сильно не поздоровиться, поэтому мы официально советуем вам отослать всех членов семей, ноги в руки, не теряя ни минуты, и сократить остальной состав до минимума – на время. Начиная с завтрашнего дня в аэропорту будет не протолкнуться: по нашим оценкам, иностранцев здесь все еще около пяти тысяч, главным образом американцев, но мы попросили «Британские авиалинии» оказать нам содействие и увеличить количество рейсов для нас и британских подданных. Главная беда состоит в том, что гражданские авиадиспетчеры, все до последнего, до сих пор бастуют. Бахтияр приказал выделить военных авиадиспетчеров, но они оказались еще большими педантами и занудами, если такое только возможно. Мы уверены, что нас тут ожидает повторение «исхода из земли египетской».

– О Боже!

Несколько недель назад, после месяцев нагнетания истерии и угроз в адрес иностранцев – главным образом американцев, потому что Хомейни постоянно нападал на американский материализм, называя его «Великим Сатаной», – в промышленном городе Исфахане, где размещался огромный сталелитейный комплекс, нефтеперегонный и нефтехимический заводы, заводы по производству боеприпасов и вертолетов, и где проживала и работала большая часть из примерно пятидесяти тысяч американских экспатриантов и членов их семей, бесчинствующая толпа впала в неистовство. Толпа сожгла банки –

Коран запрещал давать деньги в долг под проценты, винные магазины – Коран запрещал употребление алкогольных напитков и два кинотеатра – рассадники «порнографии и западной пропаганды», постоянные особые мишени для гнева фундаменталистов, потом набросилась на заводские помещения, забросала четырехэтажный офис компании «Грумман Эйркрафт» бутылками с «коктейлем Молотова», спалив его до основания. Это послужило причиной «исхода».

Тысячи людей стекались в аэропорт Тегерана, большей частью члены семей экспатриантов, заполнив его до отказа в качестве готовящихся к отлету пассажиров, заняв те немногие сиденья, что там были, превратив аэропорт в зону стихийного бедствия: мужчины, женщины и дети жили и спали, не сходя со своих мест из боязни их потерять, теснота была такая, что невозможно было даже присесть, люди терпеливо ждали, спали, толкались, жаловались, кричали или просто стоически переносили все эти мучения. Расписания не действовали, никому никаких преимуществ, на каждый самолет билетов продано в двадцать раз больше, чем он мог вместить, никакой продажи билетов через компьютеры, только неторопливое их выписывание от руки горсткой надувшихся служащих, большинство из которых не скрывали своего враждебного настроения и отказывались говорить по-английски. Аэропорт быстро запаршивел, люди озлобились, и атмосфера накалилась.

В отчаянии некоторые компании заказывали собственные чартерные рейсы, чтобы вывезти своих людей. Транспортные самолеты ВВС США прибыли, чтобы забрать членов семей военнослужащих, а все посольства тем временем старались приуменьшить масштабы эвакуации, чтобы не ставить шаха, их верного союзника на протяжении двадцати лет, в еще более неловкое положение. Хаоса добавляли тысячи иранцев, стремившихся выбраться из страны, пока это было еще возможно. Недобросовестные и богатые пытались пролезть без очереди. Многие служащие богатели, потом становились жаднее и богатели еще больше. Затем началась забастовка авиадиспетчеров, и аэропорт полностью закрылся.

Два дня ни один самолет не взлетал и не садился. Массы людей текли прочь или оставались. Потом некоторые диспетчеры вернулись к работе, и все началось сначала. Слухи о прибывающих рейсах. Люди

бросались в аэропорт с детьми и багажом, накопленным за многие годы, или без багажа, в расчете на гарантированное место, которое им так и не доставалось, потом назад в Тегеран, в очереди на такси перед тобой полтысячи человек, в конце концов возвращение в отель, где твой номер уже давно продали другому, ни один банк не работает, и негде взять денег, чтобы подмазать вечно протянутые требовательные руки.

Со временем большинство иностранцев, которые хотели уехать, уехали. Те, кто остался, чтобы продолжать свои бизнес, обслуживать нефтяные месторождения, пилотировать самолеты, строить атомные электростанции, поддерживать работу химических заводов, движение танкеров – и защищать свои громадные инвестиции, – старались держаться незаметно, особенно если были американцами. Хомейни говорил: «Если чужеземец хочет уехать, пусть уезжает; это не он, а американский материализм является Великим Сатаной…»

Мак-Айвер услышал, как громкость в трубке немного упала, и плотнее прижал ее к уху, опасаясь, что соединение прервется.

– Да, Джордж, так ты говорил?

– Я просто сказал, Дункан, – продолжил Талбот, – что, по нашему твердому убеждению, все рано или поздно образуется. Нет ни единого шанса, что эта кубышка разлетится на куски полностью и окончательно. Неофициальный источник сообщает, что уже есть договоренность о том, что шах отречется в пользу своего сына Резы Кира – это компромисс, который поддерживается правительством ее величества. Переход к конституционному правлению может быть слегка шероховатым, но особенно тревожиться не о чем. Извини, надо бежать. Дай мне знать, что ты решишь.

Телефон замолчал.

Мак-Айвер выругался, безуспешно пощелкал тумблерами на аппарате и пересказал Дженни и Петтикину все, что услышал от Талбота. Дженни сладко улыбнулась:

– Не гляди на меня, мой ответ – нет. Я согла…

– Но, Джен, Тал…

– Я согласна, что остальные должны уехать, но я остаюсь. Ужин почти готов. – Она вернулась на кухню и закрыла дверь, оборвав все дальнейшие возражения.

– Короче, поедет как миленькая, и кончен разговор, – сказал Мак-Айвер.

– Ставлю годовое жалованье, что не поедет. Пока ты не уедешь. Ради бога, почему бы вам действительно не уехать? Я тут сам за всем присмотрю.

– Нет. Спасибо, но нет. – Лицо Мак-Айвера вдруг просияло в полутьме. – Вообще-то у меня такое чувство, что мы будто снова на войне, а? Снова эта чертова светомаскировка. Только и забот, что делать свое дело, присматривать за личным составом да подчиняться приказам. – Мак-Айвер, нахмурившись, посмотрел на свой бокал. – В одном Талбот прав: нам чертовски повезло, что мы британцы. Янки приходится туго. Это нечестно.

– Да, но наших-то ты прикрыл как мог.

– Надеюсь, что так. – Когда шах уехал, и насилие в стране повсюду поползло вверх, Мак-Айвер выдал всем американцам британские удостоверения личности. – У них все должно быть в порядке, если только «зеленые повязки», полиция или САВАК не сверят их данные с их летными свидетельствами.

По иранскому законодательству все иностранцы были обязаны иметь открытую визу, действие которой прекращалось, когда они покидали страну, действующее удостоверение личности, где была указана их принадлежность к той или иной компании, а все пилоты еще и действующее, ежегодно возобновляемое летное свидетельство. В качестве дополнительной меры безопасности Мак-Айвер договорился об изготовлении корпоративных удостоверений личности, подписанных главой их иранских партнеров в Тегеране генералом Валиком. Проблем с ними пока что не возникало. Американцам Мак-Айвер сказал: «Будет лучше, если вы при необходимости сможете показать вот это, – и отдал приказ всем сотрудникам постоянно носить с собой фотографии и Хомейни, и шаха. – Смотрите только, какую показываете, когда вас остановят!»

Петтикин безуспешно пытался вызвать Бендер-Делам по высокочастотному радио.

– Попробуем еще раз попозже, – сказал Мак-Айвер. – Все базы будут ждать нашего выхода на связь в восемь тридцать, до этого у нас есть время подумать и решить, что делать. Господи, легко нам не будет,

это уж как пить дать. Как ты думаешь? Статус-кво, кроме членов семьи?

С очень озабоченным лицом Петтикин поднялся, взял свечу и вгляделся в карту их операций в Иране, пришпиленную к стене. Карта показывала состояние их баз, количество пилотов, наземного персонала, вертолетов. Базы были разбросаны по всему Ирану: учебные для пилотов ВВС и сухопутных сил в Тегеране и Исфахане, обслуживавшие добычу нефти в горах Загрос, лесозаготовительные работы на северо-востоке страны, геологическую разведку урановых руд рядом с афганской границей, прокладку маршрута нефтепровода на каспийском побережье, четыре нефтедобывающих предприятия в Персидском заливе или рядом с ним, и последняя, далеко на юго-востоке, база в Ленге в Ормузском проливе. Из них только пять были действующими в настоящее время: Ленге, Ковисс, Бендер-Делам, Загрос и Тебриз.

– У нас пятнадцать 212-х, включая два, которые проходят техосмотр после двух тысяч часов полетов, семь 206-х и три «Алуэтта», все в данный момент должны быть в действии…

– И все сданы в аренду по юридически обязательным к исполнению контрактам, ни один из которых не был аннулирован, хотя ни по одному из них нам не платят, – раздраженно заметил Мак-Айвер. – Мы никаким образом не можем перевести их всех в Ковисс. Мы даже не можем законно вывезти ни одну машину без разрешения нашего подрядчика или одобрения наших дорогих партнеров, если только мы не сможем объявить форс-мажор.

– Пока его и нет. Придется держаться статуса-кво, так долго, как получится. Талбот говорил вполне уверенным тоном. Статус-кво.

– Хотелось бы мне, чтобы это был статус-кво, Чарли. Господи, в это время в прошлом году у нас тут работало сорок 212-х машин и все остальные. – Мак-Айвер плеснул себе еще виски.

– Ты бы не налегал, – тихо заметил Петтикин. – А то Дженни тебе устроит. Ты же знаешь, что у тебя повышенное давление и пить тебе запретили.

– Это же лекарство, черт возьми меня совсем. – Свеча затрещала и погасла. Мак-Айвер встал и зажег другую, потом вернулся к карте и продолжил ее рассматривать. – Думаю, нам лучше вернуть сюда Азадэ и Летающего Финна. Его 212-й налетал полторы тысячи часов, так что

на пару дней его можно вытащить. – Речь шла о капитане Эрикки Йокконене и его жене-иранке Азадэ и их базе под Тебризом в провинции Восточный Азербайджан далеко на северо-западе, рядом с советской границей. – Почему бы не взять 206-й и не слетать за ними? Это избавило бы их от необходимости трястись триста пятьдесят миль по кошмарным дорогам, к тому же нам нужно отвезти ему кое-какие запчасти.

Петтикин просиял:

– Спасибо, я мог бы слетать. Сегодня вечером передам план полета по высокочастотке и вылечу на рассвете, дозаправлюсь в Бендер-э-Пехлеви и прикуплю нам икорки.

– Размечтался. Но Джен бы порадовалась. Знаешь, что я думаю обо всем этом? – Мак-Айвер отвернулся от карты. – Мы очень уязвимы, Чарли, если дела примут дурной оборот.

– Только если все действительно к этому идет.

Мак-Айвер кивнул. Блуждая, его взгляд упал на телефон. Он поднял трубку. И услышал гудок. В возбуждении он начал вертеть диск: 00, международная линия; 44, Британские острова; 224, Абердин, Шотландия; 754-8080. Он ждал и ждал, вдруг лицо его осветилось.

– Господи, я дозвонился!

– Вертолетная компания S-G, оставайтесь на линии, пожалуйста, – произнесла оператор, прежде чем он успел вставить хоть слово, и переключила его в режим ожидания. Он ждал, кипя от возмущения. – Вертолетная…

– Говорит Мак-Айвер из Тегерана, дайте мне Старика, пожалуйста.

– Он разговаривает по телефону, мистер Мак-Айвер. – Девушка шмыгнула носом. – Я соединю вас с его секретарем.

– Привет, Мак! – почти тотчас же раздался голос Лиз. – Погоди секундочку, сейчас я позову Самого. Ты в порядке? Мы тут уже несколько дней пытаемся до тебя дозвониться, погоди.

– В порядке, Лиз.

Секундная пауза, потом он услышал радостный голос Гаваллана:

– Мак? Господи, как тебе удалось дозвониться? Ужасно рад тебя слышать… У меня тут один парень специально только тем и занят, что накручивает твой номер, номер твоего офиса, твоей квартиры, по десять часов в день. Как Дженни? Как тебе удалось прорваться?

– Просто повезло, Энди. Я дома. Я лучше расскажу тебе все побыстрей, пока нас опять не разъединили.

Мак-Айвер передал ему большую часть того, что он услышал от Талбота. Ему приходилось тщательно выбирать выражения, поскольку, по слухам, САВАК, иранская тайная полиция, часто прослушивала телефонные разговоры, особенно иностранцев. Последние два года в их компании было заведено общее правило: исходить из того, что тебя прослушивают: САВАК, ЦРУ, британская разведка MI5, КГБ – кто-нибудь.

Последовало короткое молчание.

– Во-первых, выполни предписание посольства и немедленно вывези всех наших членов семей. Свяжись с финским посольством по поводу паспорта для Азадэ. Скажи Локарту, чтобы ускорил дела с паспортом для Шахразады… я его заставил подать заявление две недели назад, так, на всякий случай. Кстати, у него, э-э, для тебя кое-какая почта.

Сердце Мак-Айвера учащенно забилось.

– Хорошо, он будет тут завтра.

– Я здесь выйду на «Британские авиалинии», попробую сделать для них гарантированные места. Для подстраховки пошлю 125-й нашей компании. Он должен вылететь в Тегеран завтра. Если у тебя возникнут проблемы с БА, отправляй всех членов семей и лишний персонал на 125-м начиная с завтрашнего дня. Тегеран ведь пока открыт, не так ли?

– Сегодня был открыт, – осторожно ответил Мак-Айвер.

Он услышал, как Гаваллан произнес так же осторожно:

– Слава богу, власти держат все под контролем.

– Да.

– Мак, что ты рекомендуешь в отношении наших иранских операций?

Мак-Айвер набрал в грудь побольше воздуха.

– Статус-кво.

– Хорошо. Здесь все показатели, включая высший уровень, указывают на то, что все скоро должно вернуться в норму. У нас в Иране хорошая репутация. И будущее. Послушай, Мак, эти слухи про компанию «Герни» подтвердились.

Мак-Айвер заметно повеселел:

– Ты уверен?

– Да. Несколько минут назад я получил телекс от «Иран Ойл», подтверждающий, что мы получим все контракты «Герни» на Харке, в Ковиссе, Загросе и Ленге, для начала. Видимо, распоряжение подоить нас поступило с самого верха, и мне действительно пришлось внести щедрый *пешкеш* в фонд «накладных расходов» наших партнеров. – Пешкеш был древней иранской традицией, заранее преподносимым подарком за услугу, которая могла быть оказана. Такой же древней традицией было законное право любого чиновника оставлять себе пешкеш, получаемый им в ходе выполнения своей работы. А как еще ему прожить? – Но это ерунда, мы учетверим наши доходы в Иране, парень.

– Это замечательно, Энди.

– И это еще не все. Мак, я только что заказал еще двадцать 212-х и сегодня подтвердил наш заказ на шесть Х63-х – это чудо, а не вертолет!

– Господи, Энди, это же здорово… но ты, получается, торопишь события?

– Иран может переживать… э… временные трудности, но весь остальной мир перепуган до глухого запора проблемой резервных источников нефти. Янки уже наделали в штаны по самую резинку, парень. – Его голос зазвучал живее. – Я только что подтвердил еще одну огромную сделку с «ЭксТекс» на новые контракты в Нигерии, Саудовской Аравии и на Борнео и другую с «Ол-Галф Ойл» в Эмиратах. В Северном море только мы, «Герни» и «Империал Хеликоптерз». – «Империал Хеликоптерз» была дочерним предприятием компании «Империал Эйр», второй полугосударственной авиакомпании, противостоящей «Британским авиалиниям». – Крайне важно, чтобы ты в Иране поддерживал все на стабильном уровне – наши контракты, машины и запчасти являются частью дополнительного обеспечения для покупки новых вертолетов. Ради всего святого, смотри, чтобы наши партнеры не сходили с пути праведного. Как поживают эти дорогие, милые люди?

– Как обычно.

Гаваллан знал, это означает, что они ведут себя как всегда отвратительно.

– Я только что сам беседовал с генералом Джавадой в Лондоне. – Джавада уехал из Ирана со всем своим семейством год назад, как раз перед тем как проблемы в стране выплеснулись наружу. За последние три месяца два их других иранских партнера и их семьи стали частенько наведываться в Лондон «по причинам медицинского характера», еще четыре находились в Америке, тоже с семьями. Три партнера оставались в Тегеране. – Он настроен оптимистично, хотя и предрекает увеличение расходов.

Мак-Айвер перевел разговор на более важные проблемы.

– Энди, мне позарез нужны какие-то деньги. Наличными.

– Найдешь в конверте.

Мак-Айвер услышал сочный хохот, и на душе у него потеплело.

– Да пошел ты, Китаец! – Китайцем близкие друзья прозвали Гаваллана, который до переезда в Абердин большую часть своей жизни провел китайским торговцем, поначалу в Шанхае, потом в компании «Струанз» в Гонконге, где они с Мак-Айвером и познакомились. В те времена Мак-Айвер возглавлял в колонии небольшую, едва сводившую концы с концами вертолетную фирму. – Нет, серьезно, мы здорово отстаем по выплате зарплаты наземному персоналу, потом еще все расходы пилотов, почти все приходится покупать на… – Он вовремя спохватился и замолк. Вдруг кто-то подслушивает. Он собирался сказать «на черном рынке». – Чертовы банки по-прежнему закрыты, а те небольшие запасы наличных, которые у меня еще остались, я берегу для *хьюнь* йо. – Он воспользовался кантонским выражением, которое дословно означало «благоухающий жир», деньги, предназначенные для подмазки нужных людей.

– Джавада пообещал, что генерал Валик в Тегеране завтра передаст тебе полмиллиона риалов. Я получил телекс с подтверждением.

– Но это едва шесть тысяч долларов, а у нас счетов на сумму в двадцать раз больше.

– Знаю, парень, знаю. Но он говорит, что и Бахтияр, и аятолла хотят, чтобы банки открылись, так что не позже чем через неделю они начнут работать. Как только они откроются, он клянется, что ИВК выплатит все, что они нам должны.

– А он тем временем уже дал разрешение на использование фонда «А»? – Это было кодовое выражение, которым Мак-Айвер и Гаваллан пользовались, когда говорили о средствах ИВК, хранившихся за пределами Ирана, почти шесть миллионов долларов. ИВК была должна S-G почти четыре миллиона.

– Нет. Утверждает, что ему для этого необходимо официальное согласие всех партнеров. Патовая ситуация сохраняется.

Ну и слава богу, подумал Мак-Айвер. Для снятия средств с этого счета требовались три подписи, две от партнеров и одна от S-G, таким образом, ни одна из сторон не могла распоряжаться этими средствами без согласия другой.

– Все это весьма рискованно, Энди. С проплатой первого взноса за новые машины, платежами за аренду используемой нами здесь техники ты оказываешься на краю, не так ли?

– Вся жизнь проходит на краю, Мак. Но будущее окрашено розовым цветом.

Да, подумал Мак-Айвер, для вертолетного бизнеса в целом. Но здесь, в Иране? В прошлом году партнеры заставили Гаваллана передать фактическое право собственности на все вертолеты и запчасти S-G в Иране Иранской вертолетной компании. Гаваллан согласился при условии, что он будет иметь право выкупить все это назад в любой момент, а они будут не вправе отказать ему в этом случае, и что они будут своевременно производить арендные платежи и выплатят все старые долги. Когда разразился кризис и все банки позакрывались, ИВК оказалась неплатежеспособной, и Гаваллан осуществлял платежи за аренду всех вертолетов, размещенных в Иране, из фондов S-G в Абердине – партнеры заявили, что это, мол, не их вина, что банки закрылись, Джавада и Валик наперебой твердили, что, как только все наладится, они, разумеется, все вернут, «не забывай, Эндрю, мы же тебе все эти годы добывали лучшие контракты; правда ведь, добывали же; без нас S-G не может работать в Иране. Как только все нормализуется…»

Гаваллан продолжил:

– Наши иранские контракты по-прежнему очень прибыльны, тут нам партнеров винить не в чем, а с контрактами «Герни» мы вообще будем как свиньи в корыте с ботвой! – Да, мысленно согласился Мак-Айвер, хотя они нас доят и доят, и с каждым годом наша доля

становится все меньше, а их – все больше. – Они-то знают, что у них в стране творится, всегда знали, и клянутся всем, что у них есть святого, что все уляжется. Для обслуживания нефтепромыслов вертолеты им необходимы. Тут каждый говорит, что все утрясется. Министр, их посол, наш. Да и почему нет? Шах сделал все, что мог, чтобы модернизировать страну, доходы населения выросли, неграмотность снижается. Доходы от нефти огромные – и вырастут еще больше, когда весь этот бардак закончится, говорит министр. То же самое утверждают мои контакты в Вашингтоне, даже старик Вилли в «ЭксТекс», черт возьми, а уж кому и знать, как не ему. Ставят пятьдесят к одному, что через шесть месяцев все придет в норму, шах отречется в пользу своего сына Резы и конституционной монархии. Я тем временем думаю, нам сле…

Связь оборвалась. Мак-Айвер возбужденно потыкал в рычажки пальцем. Когда сигнал вернулся, это был уже просто долгий гудок. Он сердито бросил трубку. Внезапно вспыхнул электрический свет.

– Дьявольщина, – сказала Дженни, – со свечами гораздо красивее.

Петтикин улыбнулся и выключил свет. Комната выглядела приятнее, теплее, уютнее, столовое серебро, расставленное Дженни на столе, мягко посверкивало.

– Ты права, Дженни, опять права.

– Спасибо, Чарли. Получишь за это добавки. Ужин почти готов. Дункан, можешь налить себе еще виски, только не такого крепкого, как тот, что ты выпил тайком… и не строй из себя невинного младенца, после разговора с нашим бесстрашным вождем даже мне бывает нужна дополнительная подпитка. Ты можешь рассказать мне, что он сказал, за ужином. – Она вышла.

Мак-Айвер пересказал Петтикину большую часть того, что услышал от Гаваллана; Петтикин не входил в совет директоров S-G или ИВК, поэтому Мак-Айверу по необходимости приходилось в большинстве случаев держать многое при себе. В глубокой задумчивости он подошел к окну, довольный, что поговорил со старым другом. Много лет уже прошло, подумал он. Четырнадцать.

* * *

Летом 65-го, когда колония балансировала на грани революции, наблюдая, как красногвардейцы Мао Цзедуна бесчинствуют на всем материковом Китае, раздирая родину на куски и переливаясь через край на улицы Гонконга и Коулуна[11], пришло письмо от Гаваллана. К этому времени вертолетный бизнес Мак-Айвера был на краю гибели, он уже просрочил несколько арендных платежей за свой маленький вертолет, а Дженни пыталась справиться с их двумя детьми-подростками в крошечной шумной квартирке в Коулуне, где уличные беспорядки были самыми ожесточенными.

– Ради бога, Джен, ты только посмотри на это!

Письмо гласило:

Дорогой мистер Мак-Айвер, может быть, вы помните меня, мы встречались раз или два на скачках, когда я работал в «Струанз» несколько лет назад, – мы еще оба выиграли тогда изрядную сумму, поставив на мерина по кличке Китаец. Тайпэн, Иэн Данросс, посоветовал мне написать вам, поскольку у меня есть большая и экстренная нужда в вашем опыте – я знаю, что вы научили его пилотировать вертолет, и он вас очень сильно рекомендует. Нефть Северного моря – свершившийся факт. У меня есть теория, что единственным способом доставки людей и грузов на морские платформы является вертолет. В настоящее время это невозможно – кажется, у вас это называется Правилами полетов по приборам, ППП. Мы могли бы сделать это возможным. У меня есть нужная погода, у вас есть нужные умения и навыки. Тысяча фунтов в месяц, контракт на три года с возможностью продления или расторжения по окончании этого срока, премия в зависимости от успеха, оплата переезда в Абердин для вас и вашей семьи и ящик виски «Лох Вэй» на Рождество. Пожалуйста, позвоните мне как можно быстрее…

Не говоря ни слова, Дженни небрежно сунула письмо ему обратно в руки и двинулась к двери из комнаты; несмолкаемый гул большого города – шум машин, звук клаксонов, крики уличных торговцев, гудки пароходов, рев самолетов, гремящая нестройная китайская музыка – врывался через окна, постукивавшие рамами на ветру.

– Ты это куда направилась?

– Собираться. – Тут она рассмеялась, подбежала к нему и заключила в объятия. – Это дар небес, Дункан, давай, звони ему, звони ему быстрее…

– Но Абердин? ППП в любую погоду? Господи, Джен, никто никогда этого еще не делал. Приборов-то таких нет, я и не знаю, возможно ли э…

– Для тебя возможно, дружок. Ну конечно. Так, куда, дьявол меня забери, подевались Хэмиш и Сара?

– Сегодня суббота, они отправились в кино, а…

В одно из окон со звоном и грохотом влетел кирпич, и с улицы снова донесся звук распаляющей себя толпы. Их квартира находилась на третьем этаже и выходила окнами на узенькую улочку в густонаселенном районе Коулуна Монг-Кок. Мак-Айвер потянул Дженни за руку в безопасное место, потом осторожно выглянул наружу. Внизу на улице тысяч пять-десять китайцев, скандируя: «Мао, Мао, *Квай ло! Квай ло* — Чужеземный дьявол! Чужеземный дьявол» – обычный их боевой клич, быстро двигались к полицейскому участку в сотне метров впереди, где позади баррикады их молча поджидал маленький отряд китайских полицейских в форме и три британских офицера.

– Бог мой, Джен, они вооружены! – охнул Мак-Айвер. Обычно полиция обходилась просто дубинками. Вчера швейцарский консул и его жена сгорели заживо неподалеку отсюда, когда толпа перевернула их машину, а потом подожгла ее. Вчера вечером по радио губернатор предупредил, что приказал полиции предпринимать любые меры, какие могут понадобиться для прекращения беспорядков. – На пол, Джен! Подальше от окон…

Его слова утонули в реве полицейских громкоговорителей: суперинтендант на кантонском и английском приказывал бушующей толпе разойтись. Толпа не обратила на предупреждение никакого внимания и набросилась на баррикаду. Еще один приказ разойтись остался без ответа. Затем раздались выстрелы, и те, кто был впереди, в панике заметались и были сбиты с ног остальными, которые, толкаясь, пытались скорее выбраться оттуда. Вскоре улица опустела, лишь десятка полтора тел остались лежать в грязи. На острове Гонконг произошло то же самое. На следующий день спокойствие в колонии было восстановлено; серьезных беспорядков больше не возникало, лишь несколько групп фанатиков-красногвардейцев пытались разжечь толпу, но их быстро выслали.

В течение недели Мак-Айвер продал свою долю в вертолетном бизнесе, вылетел в Абердин раньше Дженни и с жаром взялся за свою новую работу. У нее ушел месяц на сборы, продажу квартиры и всего, что им было не нужно. К ее приезду он нашел идеальную квартиру рядом с вертолетным аэродромом Мак-Клауд, которую она быстро отвергла:

– Ради всего святого, Мак, да от нее до ближайшей школы миллион миль. Квартира в Абердине? Теперь, когда ты так же богат, как Данросс, мы, дружочек, мы снимаем дом…

Он улыбнулся про себя, вспоминая те первые дни; Дженни была счастлива вернуться в Шотландию – Гонконг никогда ей по-настоящему не нравился, жить там на скудный доход и растить детей было так трудно, – он был рад своей работе, работать с Гавалланом и на него оказалось здорово, вот только Северное море он невзлюбил со всем его холодом и сыростью и ноющей болью, которую приносил напитанный морской солью воздух. Но пять с лишним лет, проведенные там, того стоили; он возобновил старые контакты и приобрел новые во все еще тесном мировом сообществе вертолетчиков – большинство пилотов были из числа бывших летчиков Королевских ВВС Великобритании, Канады, Австралии, ВВС США – с прицелом на тот день, когда их компания станет расширяться. На Рождество всегда щедрая премия, которую они аккуратно откладывали на старость, и неизменно коробка «Лох Вэй». «Энди, именно это условие меня тогда всерьез и зацепило!» Гаваллан оставался главной движущей силой всегда и во всем, на личном примере демонстрируя придуманный им для компании девиз: «Будь смел». Сегодня в восточной Шотландии от Абердина до Инвернесса и на юг до самого Данди Гаваллана знали как Хозяина, чьи щупальца протянулись в Лондон, Нью-Йорк, Хьюстон – везде, где имела силу нефть. Да, старый Китаец – парень хоть куда, и еще он может вертеть тобой и большинством людей как захочет, подумал Мак-Айвер без всякой злобы. Вспомни, как ты тут оказался…

– Послушай, Мак, – сказал как-то Гаваллан в начале 60-х, – я тут на охоте познакомился с одним большим генералом из иранского генштаба. Генерал Бени-Хассан. Отличный стрелок, набил двадцать пар против моих пятнадцати! В выходные я провел с ним много времени и продал-таки ему идею о вертолетах непосредственной

огневой поддержки для пехотных и танковых частей вместе с целой программой подготовки для их сухопутных сил и ВВС – и еще о вертолетах для снабжения их нефтяных промыслов. Так что мы в деле, приятель, раз – и в дамки.

– Но у нас нет оборудования и техники, чтобы выполнить даже половину того, что ты тут наговорил.

– Бени-Хассан – мировой парень, а шах – монарх, который резину тянуть не любит, у него большие планы модернизации. Ты что-нибудь знаешь про Иран?

– Нет, Китаец, – ответил Мак-Айвер, с подозрением глядя на него: ему был знаком этот радостно подмигивающий настрой. – А что?

– Тебе забронированы билеты на пятницу в Бахрейн, тебе и Дженни… погоди, погоди минутку, Мак! Что ты знаешь про «Шейх Авиэйшн»?

– Дженни очень нравится в Абердине, ей не хочется никуда переезжать, дети оканчивают школу, мы только что внесли первый платеж за дом, мы никуда не поедем, и Дженни тебя убьет.

– Конечно, – безмятежно бросил Гаваллан. – «Шейх Авиэйшн»?

– Это маленькая, но добротная вертолетная компания, которая обслуживает регион Персидского залива. У них три 206-х и несколько машин для обслуживания местных рейсов, базируются они в Бахрейне. Хорошая репутация. Много работают на АРАМКО, «ЭксТекс» и, кажется, «Иран Ойл». Владелец и управляющий – Джок Форсайт, бывший воздушный десантник и пилот, который создал эту компанию в пятидесятых на пару с моим старым приятелем Скрэгом Скраггером, австралийцем. Скрэг является подлинным владельцем, бывший пилот Королевских ВВС Австралии, дважды награжден Крестом Военно-воздушных сил, дважды – крестом «За летные боевые заслуги», сейчас – фанатик вертолетного дела. Сначала у них контора была в Сингапуре, где я со Скрэгом и познакомился. Мы тогда… э-э… изрядно нагрузились, и я уже не помню, кто первым начал, но все потом говорили, что вышла ничья. Потом они перебрались в район залива с одним бывшим директором из «ЭксТекс», у которого на руках случайно оказался отличный контракт, сразу давший им хороший разгон. А что?

– Я их только что приобрел. С понедельника ты принимаешь дела как новый исполнительный директор. Скраггер и все их пилоты и

наземный персонал остаются или не остаются, это тебе решать, но я думаю, нам понадобятся их знания – я с ними со всеми познакомился, славные ребята. Форсайт счастлив удалиться на покой и поселиться в Девоне. Любопытно, Скраггер не упоминал, что вы знакомы, с другой стороны, я с ним говорил всего несколько минут, а все дела вел с Форсайтом. С сегодняшнего дня мы «S-G Хеликоптерз Лимитед». Я хочу, чтобы в следующую пятницу ты слетал в Тегеран… да погоди ты, ради бога… в пятницу, чтобы открыть там головной офис. Я договорился о твоей встрече с Бени-Хассаном, познакомишься с ним и подпишешь бумаги по сделке с ВВС. Он сказал, что с удовольствием представит нас нужным людям – везде и всюду. А, да, ты получаешь десять процентов от всей прибыли, десять процентов акций новой дочерней компании в Иране, ты – исполнительный директор по Ирану, это пока что будет включать весь регион Персидского залива…

Конечно, Мак-Айвер поехал. Эндрю Гаваллану он противиться никогда не мог и наслаждался каждой секундой этого разговора, но вот чего он так и не узнал, это как Гаваллану удалось уговорить Дженни. Когда он вернулся домой в тот вечер, она встретила его с бокалом виски с содовой и с нежной улыбкой.

– Привет, дорогой, хорошо день прошел?

– Да, ты это к чему? – спросил он, подозрительно прищурившись.

– Я это к тому. Энди говорит, что для нас открылись новые чудесные возможности в каком-то месте под названием Тегеран в какой-то стране под названием Персия.

– Иран. Она раньше называлась Персией, Джен, современное название – Иран. Я… э… я поду…

– Как интересно! Когда мы уезжаем?

– Э-э… ну-у, Джен, я тут подумал, мы сначала все обговорим, и, если хочешь, я договорился так, что мне можно будет работать два месяца там, один здесь, и…

– А что ты намерен делать два месяца по вечерам и в выходные?

– Я… э-э… ну, мне придется там крутиться как угорелому, так что у меня не бу…

– «Шейх Авиэйшн»? Ты и старина Скраггер к востоку от Суэца на пару пьете и гоняетесь за юбками?

– Кто? Я? Да брось ты, там работы будет столько, что у нас не…

– Нет уж, не выйдет, дружочек. Ха! Два месяца там, один здесь? Только через труп Энди, и я имею в виду именно мертвое тело. Мы едем всей семьей, клянусь Богом, или никуда не едем, клянусь Богом! – И еще нежнее: – Ты разве не согласен, сердечко мое?

– Погоди, Джен, послушай…

Не прошло и месяца, как они опять все начинали с нуля, но все было очень здорово – лучшее время его жизни: он встречался с разными интересными людьми, захлебывался от хохота со Скраггером и остальными, нашел Чарли, и Локарта, и Жан-Люка, и Эрикки, превратил компанию в самую эффективную и безопасную вертолетную службу в Иране и во всем Персидском заливе, кроя ее по своему собственному усмотрению. Его детище. Только его и ничье больше.

«Шейх Авиэйшн» была первым из многочисленных поглощений и слияний, осуществленных Гавалланом.

– Черт возьми, откуда у тебя берется такая прорва денег, Энди? – спросил он однажды.

– Банки. Откуда же еще? Мы имеем рейтинг риска три А, и вдобавок мы шотландцы.

Лишь много времени спустя он обнаружил, совершенно случайно, что буква «S» в названии их компании «S-G Хеликоптерз» означала «Струанз», которая была также тайным источником всего их финансирования и коммерческой информации, и что S-G является ее дочерним предприятием.

– Как ты узнал, Мак? – резко спросил Гаваллан.

– Старый друг в Сиднее, бывший военный летчик, сейчас работает в горной промышленности, написал мне, что слышал, как Линбар разглагольствовал о том, что S-G, мол, часть Благородного дома – я не знал, но, похоже, Линбар управляет деятельностью «Струанз» в Австралии.

– Пытается управлять. Мак, между нами, Иэн хотел, чтобы об участии «Струанз» никто не знал. Дэвид хочет продолжать в том же ключе, поэтому я бы предпочел, чтобы ты держал все это при себе, – тихо сказал Гаваллан. Дэвидом был Дэвид Мак-Струан, тогдашний тайпэн.

– Конечно, даже Дженни не узнает. Но это многое объясняет, и это вдохновляющее чувство – знать, что нас прикрывает Благородный дом.

Я часто спрашивал себя, почему ты ушел.

Гаваллан улыбнулся, но не ответил.

– Лиз, разумеется, знает про «Струанз»; еще Внутренний кабинет, и все.

Мак-Айвер никогда никому об этом не рассказывал. S-G процветала и росла вместе с нефтяным бизнесом. Росли и прибыли. Росла и стоимость акций иранской компании. Когда он уйдет на отдых лет через шесть-семь, ему не о чем будет беспокоиться.

– Не пора ли уходить? – каждый год спрашивала его Дженни. – Денег уже больше чем достаточно.

– Не в деньгах дело, – неизменно отвечал он…

Мак-Айвер смотрел на багровый отсвет над Джалехом на юго-востоке, который теперь стал гуще цветом и расползся вширь. Его разум взбудораженно метался. То, что сейчас происходит в Джалехе, наверняка разнесется по всему Тегерану, думал он.

Он сделал глоток виски. Никакой особенной нужды нервничать нет, подумал он, чувствуя, как все это гнетет его. Что, черт побери, собирался сказать Китаец, когда связь пропала? Он найдет способ сообщить мне, если это важно, – пока ему это всегда удавалось. Ужасно жаль Стэнсона. За последние несколько месяцев это уже третий человек из гражданских, все американцы, которого убили «неизвестные вооруженные лица» – двое из «ЭксТекс» и один из «Герни». Интересно, когда они примутся за нас – иранцы ненавидят британцев не меньше, чем янки. Где же раздобыть еще наличных? Мы не можем работать на полмиллиона риалов в неделю. Каким-то образом мне нужно нажать на партнеров, но они ребята ушлые, таких еще поискать, а в умении блюсти свой интерес дадут фору любому.

Он допил последний глоток виски. Без партнеров мы упремся лбом в стену, даже после всех этих лет – это они знают, с кем нужно говорить, чью руку подмазывать и какой суммой или каким процентом, кому льстить, кого вознаграждать. Они говорят на фарси, они наши контакты. И все равно Китаец был прав: кто бы ни выиграл, Хомейни, Бахтияр или генералы, им обязательно понадобятся вертолеты…

На кухне Дженни едва не плакала. Банка с хаггисом, которую она полгода так тщательно прятала и которую только что открыла,

оказалась испорченной. А Дункан так его любит. Как он может это любить: месиво из овечьих сердца, печени и легких, прокрученных с овсянкой, луком, нутряным салом, приправами и крепким костным бульоном, которое запихивают в мешок, изготовленный из желудка бедной несчастной овцы, и потом варяг несколько часов. «Бррр! Да провались все к дьяволу!» Она попросила Скота Гаваллана – он дал ей клятву держать ее просьбу в секрете – привезти эту банку, когда он в последний раз ездил в отпуск, привезти как раз для этого особого случая.

Сегодня у них годовщина свадьбы, и хаггис был ее тайным сюрпризом для Дункана. Черт, черт, черт!

Скот не виноват, что проклятая банка оказалась с дефектом, горестно думала она. И все равно, черт, черт, черт! Я планировала этот ужин месяцами, а теперь все пропало. Сначала окаянный мясник меня подвел, хотя я и заплатила ему вперед вдвое больше обычного – чтоб он провалился к дьяволу со своим Иншаллах, – потом из-за того, что дерьмовые банки закрыты, у меня нет денег, чтобы подкупить конкурента этого гнусного ублюдка и купить ногу доброй свежей ягнятины, а не старую баранину, которую он мне обещал, потом универсам вдруг объявляет забастовку, потом…

Окно маленькой кухни было приоткрыто, и она услышала еще одну автоматную очередь. На этот раз ближе. Затем ветер донес далекие гортанные звуки толпы, скандировавшей «Аллах-х-ху акбар-р-р… Аллах-х-ху акбар-р-р…» раз за разом, раз за разом. Она поежилась, в этих звуках ей почудилась странная угроза. До того как начались беспорядки, крик муэдзина, пять раз в день призывавшего правоверных на молитву, обычно действовал на нее успокаивающе. Но не теперь, когда эти слова вырывались из глоток толпы.

Теперь я ненавижу этот город, думала она. Ненавижу автоматы, ненавижу угрозы. Сегодня в почтовом ящике оказалась еще одна, уже вторая полученная ими – как и первая, она была плохо отпечатана, а потом размножена на самой дешевой бумаге. «Первого декабря мы дали тебе и твоей семье месяц на то, чтобы уехать из страны. Вы все еще здесь. Теперь вы наши враги, и мы будем бороться с вами категорически». Без подписи. Почти каждый экспатриант в Иране получил такое послание.

Ненавижу автоматы, ненавижу холод, холодные батареи и негорящие лампочки, ненавижу их поганые туалеты и сидение на корточках, словно какое-нибудь животное, ненавижу всю эту тупую жестокость и разрушение того, что было по-настоящему очень славным. Ненавижу стояние в очередях. К дьяволу все очереди! Чума на того паршивого ублюдка, который плохо закрыл банку с хаггисом, чума на эту вонючую крохотную кухню и чума на пирог с говяжьей тушенкой! Чтоб мне провалиться, если я понимаю, как он может нравиться мужчинам! Смешно! Говяжья тушенка из банки, перемешанная с вареной картошкой, немного лукового масла и молока, если они у тебя есть, сверху – хлебные крошки, выпекать до появления коричневой корочки. Бррр! А что до цветной капусты, то меня тошнит от одного ее запаха, когда она готовится, хотя я читала, что она полезна при дивертикулите, а любому ясно, что Дункан не так здоров, как следовало бы. Такой глупый – думает, меня можно провести. Разве ему удалось провести Чарли? Сомневаюсь. Что касается Клэр, она полная дура, что оставила такого замечательного человека! Интересно, Чарли узнал про ее роман с этим пилотом из «Герни»? Особой беды в таком романе нет, я полагаю, если только не попадаться – трудно подолгу оставаться одной, особенно если это именно то, что тебе нужно. Но я рада, что они расстались друзьями, хотя и считала тогда, что она повела себя очень эгоистично.

Дженни заметила себя в зеркале. Не думая, поправила волосы и уставилась на свое отражение. Куда подевалась вся твоя молодость? Не знаю, но куда-то подевалась. Моя, по крайней мере, у Дункана – нет, он все еще молод, то есть молод для своего возраста. Черт бы побрал Гаваллана! Впрочем, нет, Энди – человек неплохой. Я так рада, что он женился во второй раз на такой славной девочке. Морин сумеет держать его в руках, и маленькая Электра тоже. Я так боялась, что он женится на этой своей китайской секретарше. Бррр! Энди хороший, и в Иране было хорошо. Было. Теперь пора уезжать и тратить деньги в свое удовольствие. Определенно. Но как?

Она рассмеялась вслух. Всегда одним и тем же способом, надо полагать.

Дженни аккуратно приоткрыла дверцу духовки, заморгала, когда в лицо ей ударили жар и сытный запах, потом снова ее закрыла.

– Терпеть не могу пирог с говяжьей тушенкой, – раздраженно сказала она себе самой.

Ужин удался на славу, пирог с говяжьей тушенкой подрумянился сверху, как раз как они любили.

– Ты не откроешь вино, Дункан? Оно персидское, к сожалению, но это последняя бутылка. – Обычно у них имелись приличные запасы французских и персидских вин, но толпа разгромила и сожгла все винные магазины Тегерана, напутствуемая муллами и следующая непреклонному фундаментализму Хомейни: Коран запрещает употребление любых алкогольных напитков. – Человек на базаре сказал мне, что по закону теперь ничего нигде не продается, пить официально запрещено даже в западных отелях.

– Это ненадолго, этого люди долго терпеть не станут, как и фундаментализма, – сказал Петтикин. – Они просто не смогут, только не в Персии. Исторически шах всегда был терпим в этом отношении, да и почему бы нет? Почти три тысячи лет Персия славится красотой своих женщин – посмотрите только на Азадэ или Шахразаду – и своими виноградниками и вином. А «Рубайят» Омара Хайяма? Разве это не гимн вину, женщине и песне? Да здравствует Персия, говорю я.

– «Персия» звучит гораздо лучше, чем «Иран», Чарли, гораздо экзотичнее, какой эта страна и была, когда мы впервые приехали сюда, гораздо более приятной, – сказала Дженни. На миг ее отвлекла вновь начавшаяся на улицах стрельба, потом она продолжила, чтобы звуком собственного голоса прогнать поднимавшуюся в ней нервную дрожь: – Шахразада говорила мне, что сами они всегда называли ее «Иран» или «Айран». Похоже, что Персией ее называли древние греки, Александр Македонский и всякие такие ребята. Большинство персов были рады, когда Реза-шах объявил, что Персия отныне будет называться Ираном. Спасибо, Дункан, – сказала она, принимая от него бокал вина; она полюбовалась его цветом и улыбнулась мужу.

– Все великолепно, Джен, – сказал он и слегка приобнял ее.

Вино с удовольствием смаковали. Как и пирог. Но веселья не было.

Слишком уж о многом приходилось задумываться. Внизу с лязгом и грохотом проходили новые танки. Опять стрельба. Зарево над Джалехом разрасталось. Издалека доносился монотонный гул людских

толп. Затем, посередине десерта – бисквит с вином под взбитыми сливками, еще одно любимое блюдо Мак-Айвера, – в комнату ввалился один из их пилотов, Ноггер Лейн; его одежда была порвана, на лице багровели кровоподтеки, он поддерживал под руку девушку в мятой одежде, высокого роста, темноволосую, с темно-карими глазами. Девушка была в шоке, она жалобно бормотала что-то по-итальянски, один рукав ее пальто был почти оторван, вся одежда, руки, лицо, волосы были перепачканы грязью, словно она упала в канаву.

– Мы оказались между… между полицией и какой-то толпой ублюдков, – Ноггер говорил так быстро, что слов было почти не разобрать. – Какой-то сукин сын слил бензин у меня из бака, поэтому… но толпа, их там были тысячи, Мак. Только что улица была нормальной, как вдруг все рванули куда-то, а они… толпа, они появились из переулка, и у многих было оружие… и все нараспев скандировали как заведенные это свое проклятое «Аллах-у акбар, Аллах-у акбар», просто кровь в жилах стыла… я бы в жизни… потом пошли в ход камни, зажигательные бомбы, слезоточивый газ – все дела, – это когда прибыли полиция и войска. И танки. Я насчитал три штуки, уж думал, эти сволочи сейчас из пушек огонь откроют. Потом кто-то начал стрелять из толпы, тут уж загремело со всех сторон… и тела по всей улице. Мы бросились бегом куда подальше, а тут кучка этих ублюдков нас заметила, да как заверещит «Американский Сатана» – и за нами, загнали нас в угол в проулке. Я им попытался объяснить, что я англичанин, а Паула итальянка, что мы не… а они напирают, меня окружили, и… и если бы не мулла, здоровенный такой сукин сын с черной бородой и в черной чалме, этот… этот хрен их отозвал, и, господи, что вы думаете, они нас отпустили. А мулла нас проклял и говорит, валите, мол, отсюда… – Ему подали бокал с виски, и он сделал большой глоток, стараясь перевести дух; его руки и ноги теперь бесконтрольно тряслись, но он этого совершенно не замечал.

Мак-Айвер, Дженни и Петтикин слушали его, пораженные ужасом. Девушка тихо всхлипывала.

– Никогда, никогда еще не был посреди такого кошмара, Чарли, – дрожащим голосом продолжал Ноггер Лейн. – Солдаты все были такими же юнцами, как и те ублюдки в толпе, по виду все перепуганы до полусмерти, слишком уж много на их долю выпадает ночь за ночью, толпа беснуется, кидает камни… Одному солдату бутылка с

«коктейлем Молотова» попала прямо в лицо, он и заполыхал весь, визжит сквозь пламя, и не… а потом эти ублюдки окружили нас, начали Паулу лапать, все пытались до нее добраться, хватали, одежду вон порвали. Я тут и сам взбеленился, схватил одного – и по роже, я знаю, что достал его хорошо, потому что у него нос в морду вплющился, и если бы не этот мулла…

– Успокойся, приятель, – озабоченно проговорил Петтикин.

Но парень не обратил на него никакого внимания и торопливо продолжал:

– …если бы не этот мулла, который меня от него отодрал, я бы так и молотил кулаками, пока не уделал бы этого сукина сына в труху. Я хотел ему глаза выцарапать, Господь милосердный, я и в самом деле попытался, честно, я бы ему… Господи Иисусе, я же в жизни никого не убивал своими руками, никогда и не хотел до сегодняшнего дня, а тут захотел, и убил бы… – Дрожащей рукой он откинул светлые волосы с глаз, голос его теперь звенел, как натянутая струна, и становился все громче. – Эти ублюдки, у них никакого права не было нас трогать, а они хватали Паулу и… и… – Из глаз у него хлынули слезы, рот беззвучно открывался и закрывался, в уголках губ заблестела пена, – и… и… убить… я хотел уби-и-ить…

Петтикин резко подался вперед и наотмашь хлестнул молодого человека по лицу тыльной стороной ладони, опрокинув его на диван, куда он упал, разметав руки. Остальные от неожиданности подскочили на месте, Лейн на мгновение оцепенел, потом выбрался с дивана, вскочил на ноги и бросился на своего обидчика.

– Стоять, Ноггер! – рявкнул Петтикин.

Команда заставила юношу остановиться на ходу. Он тупо уставился на своего более старшего противника, подняв сжатые кулаки.

– Какогочертачегоэтонатебянашло, тымнечертчутьчелюстьнесломал, – в ярости выпалил он. Но слезы перестали течь, и взгляд очистился. – А?

– Извини, парень, но ты улетал, терял рассудок, я видел, как такое бы…

– Черта с два, – угрожающе проговорил Лейн; самообладание вернулось к нему, но им понадобилось немало времени, чтобы все ему

объяснить и успокоить и его, и девушку. Ее звали Паула Джанкани, высокая девушка, стюардесса с рейса компании «Алиталия».

– Паула, дорогая, вам лучше остаться на ночь здесь, – сказала Дженни. – На улице уже комендантский час. Вы понимаете?

– Да, я понимаю. Да, я говорю по-английски, я ду…

– Пойдемте, я вам одолжу кое-что из вещей. Ноггер, вы расположитесь на диване.

Позже Дженни и Мак-Айвер лежали в постели с открытыми глазами, оба устали, но обоим не спалось; где-то в ночи продолжали стрелять, откуда-то из темноты доносилось монотонное гудение толпы.

– Хочешь чаю, Дункан?

– Хорошая мысль. – Он поднялся вместе с ней. – О черт, я совсем забыл. – Он подошел к бюро и отыскал в нем маленькую коробку, неопрятно обернутую в подарочную бумагу. – С годовщиной тебя. Тут не бог весть что, просто браслет, который я купил на базаре.

– Ой, спасибо тебе, Дункан. – Разворачивая подарок, она рассказала ему про хаггис.

– Черт, вот невезуха! Ладно. На следующий год съедим его в Шотландии.

Она достала браслет: неограненные аметисты, вправленные в серебро.

– О, он такой красивый, как раз какой я хотела. Спасибо, милый.

– Тебе тоже, Джен. – Он обнял ее и рассеянно поцеловал.

На поцелуй она не обратила внимания. Большинство поцелуев теперь, включая ее собственные, были просто дружескими, словно любимую собаку за ухом потрепать.

– Что тебя тревожит, дорогой?

– Да нет, все в порядке.

Она слишком хорошо его знала.

– Что… чего я еще не знаю?

– Тут становится все опаснее и опаснее. С каждым часом. Когда ты вышла из комнаты вместе с Паулой, Ноггер рассказал нам, что они приехали из аэропорта. Ее рейс «Алиталии» – чартерный самолет, зафрахтованный итальянским правительством для вывоза их граждан, который два дня продержали в аэропорту, – получил разрешение на взлет в полдень, поэтому он поехал ее проводить. Взлет, разумеется,

все откладывался и откладывался, потом, когда уже почти стемнело, рейс опять отменили, весь аэропорт закрыли, и всем сказали ехать обратно. Весь иранский персонал тут же исчез. Затем, почти сразу же, все помещения стали заполняться группой до зубов вооруженных людей, и он действительно имел в виду увешанных оружием революционеров. Большинство из них носили зеленые повязки, но у некоторых на повязках было написано ИООП, Джен, Ноггер раньше таких не видел. «Иранская организация освобождения Палестины».

– О Боже, – охнула она, – значит, это правда, что ООП помогает Хомейни?

– Да, а если они тут замешаны, то игра идет совсем другая. Гражданская война началась, и мы в самой ее гуще.

ГЛАВА 3

База «Тебриз-1». 23.05. Эрикки Йокконен голым лежал в сауне, которую он построил собственными руками, температура была около ста градусов, пот струйками сбегал с него, его жена Азадэ лежала рядом, тоже убаюканная теплом. Сегодняшний вечер получился отменным: много еды и две бутылки лучшей русской водки, которую он купил на черном рынке в Тебризе и разделил с двумя своими механиками-англичанами и директором их базы Али Даяти.

– А теперь – сауна, – объявил он всем перед самой полуночью. Однако они по обыкновению отказались, сил у них едва осталось на то, чтобы, пошатываясь, добрести до своих коек. – Пошли, Азадэ!

– Только не сегодня, ну пожалуйста, Эрикки, – взмолилась она.

Но он только рассмеялся и подхватил ее своими огромными руками, обернул вокруг нее шубу и вынес ее через входную дверь их домика, зашагав мимо отяжелевших от снега сосен; на воздухе температура была чуть ниже нуля. Нести ее было легко, и он вместе с ней вошел в небольшую бревенчатую пристройку позади их домика, прямо в тепло предбанника, потом, сняв одежду, в саму сауну. И вот теперь они лежали здесь: Эрикки – совершенно расслабившись, Азадэ, даже после года замужества, – ощущая себя не вполне привычно посреди этого ночного ритуала.

Он приподнялся на вытянутую руку и посмотрел на нее. Она лежала на толстом полотенце на скамье напротив. Ее глаза были

закрыты, он видел, как поднимается и опускается ее грудь, видел ее красоту – волосы цвета воронова крыла, точеные арийские черты, прелестное тело и молочно-белая кожа – и как всегда при виде нее, совсем крошечной рядом с его метром девяносто пятью, его наполняло ощущение чуда.

Боги моих предков, благодарю вас за то, что вы дали мне эту женщину, думал он. Какое-то мгновение он не мог сообразить, на каком языке он это подумал. Он говорил на четырех языках: финском, шведском, русском и английском. Да какая разница? – сказал он себе, снова погружаясь в блаженное тепло и отпуская свое сознание плавать вместе с паром, который поднимался от камней, уложенных им с предельной аккуратностью. Ему доставляло огромное удовлетворение то, что эту сауну он построил сам – как и положено мужчине, – срубив и обтесав сосновые стволы, как его предки делали это веками.

Это было первое, что он сделал, когда получил назначение сюда четыре года назад, – отобрал и повалил деревья. Остальные считали, что он сошел с ума. Он добродушно пожимал плечами: «Без сауны жизнь – ничто. Сначала ты строишь сауну, потом дом; без сауны дом не дом; вы, англичане, вы ничего не понимаете, то есть не понимаете про жизнь». Его подмывало рассказать им, что он и родился-то в сауне, как многие финны – да почему бы и нет; если разобраться, это вполне разумно: сауна самое теплое место в доме, самое чистое, тихое, почитаемое. Им он этого так и не рассказал, только Азадэ. Она поняла. О да, думал он с глубоким удовлетворением, она понимает все.

Снаружи на краю леса было тихо, на ночном небе – ни облачка, звезды ярко сияли, снег приглушал звук шагов. В полумиле от них проходила единственная дорога через горы. Дорога, извиваясь, выходила к Тебризу, до которого было десять миль, оттуда вела на северо-восток, к советской границе еще несколькими милями дальше. В юго-восточном направлении дорога петляла через горы и в конечном счете, пробежав триста пятьдесят миль, выводила к Тегерану.

База, «Тебриз-1», служила домом для двух пилотов – второй сейчас был в отпуске в Англии, – двух механиков-англичан и иранцев: двух поваров, восьми поденных рабочих, радиста и директора базы. За холмом лежала их деревня Абу-Мард, а в долине ниже стояла целлюлозная фабрика, принадлежавшая лесозаготовительной монополии «Иран Лес», которую они обслуживали по контракту. Их

212-й доставлял лесорубов и оборудование в лес, помогал строить лагери и прокладывать маршруты тех немногих дорог, что могли быть построены, потом обслуживали эти лагеря, доставляя сменные вахты лесорубов и оборудование и вывозя пострадавших на лесоповале. Для большинства лагерей 212-й был их единственным связующим звеном с внешним миром, и к пилотам относились с большим почтением. Эрикки любил свою жизнь здесь и эти места, настолько похожие на Финляндию, что иногда ему казалось, будто он вернулся домой.

С сауной ему больше нечего было желать. Их домик загораживал спрятавшуюся позади него крошечную двухкомнатную избушку от других домиков, и построена она была согласно традициям, со мхом, проложенным между бревен, чтобы хранить тепло. Топившаяся дровами печка, на которой разогревались камни, имела отличную тягу. Часть камней, самый верхний слой, он привез из Финляндии. Его дед вытащил их со дна озера, оттуда брали самые лучшие камни для саун, и отдал ему, когда Эрикки последний раз был дома в отпуске полтора года назад. «Возьми их, сын мой, вместе с ними в твою сауну обязательно переберется добрый финский банный тонто – маленький коричневый эльф, дух сауны, – хотя зачем ты хочешь жениться на одной из этих иностранок, а не на девушке своего народа, я так и не понимаю».

– Когда ты увидишь ее, дедушка, ты тоже станешь ее боготворить. У нее сине-зеленые глаза, темные волосы и…

– Если она подарит тебе много сыновей… что ж, посмотрим. Тебе, конечно, давно уже пора жениться, такому статному молодцу, как ты, но на иностранке? Ты говоришь, она учительница в школе?

– Она член Иранского учительского корпуса, это молодые люди, мужчины и женщины, которые добровольно работают на государство; они едут в деревни и учат читать и писать деревенских жителей и их детей, но большей частью детей. Шах и шахиншахиня основали этот корпус несколько лет назад, и Азадэ вступила в него, когда ей был двадцать один год. Она родом из Тебриза, где я работаю, преподает в нашей наспех построенной школе. Я познакомился с ней семь месяцев и три дня тому назад. Ей тогда было двадцать четыре…

Эрикки засветился изнутри, вспоминая тот первый раз, когда он увидел ее: в аккуратной форме, волосы волнами сбегают на плечи, она сидела на лесной поляне в окружении ребятишек, потом улыбнулась

ему, он прочел в ее глазах изумление – его размеры поразили ее – и тут же понял, что именно эту женщину ждал всю свою жизнь. Ему тогда было тридцать шесть. Ах, подумал он, лениво глядя на нее, в очередной раз благословляя лесного тонто, который в тот день направил его в ту часть леса. Всего три месяца еще, а потом два месяца отпуска. Будет здорово, что я смогу показать ей Суоми.

– Пора, Азадэ, милая, – сказал он.

– Нет, Эрикки, еще нет, еще рано, – пробормотала она в полудреме, убаюканная теплом, но не алкоголем, потому что она не пила. – Пожалуйста, Эрикки, еще не…

– Тебе вредно слишком перегреваться, – твердо сказал он. Между собой они всегда говорили по-английски, хотя она так же бегло говорила и по-русски – ее мать была наполовину грузинкой, родом из приграничного района, где знать два языка было и полезно, и умно.

Еще она знала турецкий, этот язык был наиболее употребительным в этой части Ирана, азербайджанский и, разумеется, фарси. Он, за исключением нескольких слов, не знал ни фарси, ни турецкого. Эрикки сел на скамье, отер с себя пот, чувствуя в душе полное умиротворение, потом наклонился вперед и поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй и задрожала, когда его руки стали искать ее тело, а ее руки – его.

– Ты такой плохой, Эрикки, – сказала она и сладко потянулась.

– Готова?

– Да.

Она приникла к нему, когда он легко, как пушинку, поднял ее на руки и вышел с нею из сауны в предбанник, там он толкнул ногой дверь и вышел на морозный воздух. Она охнула на холоде и сжала зубы, когда он зачерпнул пригоршню снега и растер им ее тело, от чего ее кожа начала гореть, словно тысячи иголочек кололи ее, но не больно. В считанные секунды она вся засветилась и внутри, и снаружи. Вся зима ушла у нее на то, чтобы привыкнуть к растиранию снегом после горячей сауны. Теперь без него сауна уже была неполной. Быстро она сделала то же самое для него, потом радостно бросилась назад в тепло, оставив его барахтаться и кататься в снегу еще несколько секунд. Он не заметил группу мужчин и муллу, которые потрясенно наблюдали за ними с пригорка в пятидесяти шагах, полускрытые деревьями, которые росли вдоль тропы. Только закрывая

за собой дверь, он увидел их. Ярость захлестнула его. Он с грохотом захлопнул дверь.

– Там какие-то люди из деревни. Они, должно быть, подсматривали за нами. Ведь в деревне знают, что сюда нельзя!

Она разозлилась не меньше него, и они торопливо оделись. Он натянул штаны, толстый свитер, меховые унты, схватил огромный топор и выскочил наружу. Люди стояли на том же месте, и он с ревом ринулся в их сторону, подняв топор высоко над головой. Они бросились врассыпную. Потом один поднял автомат и выпустил короткую очередь в воздух; громкое эхо запрыгало по горам. Эрикки остановился как вкопанный, весь его гнев разом улетучился. Еще никогда ему не угрожали оружием, никогда ствол автомата не смотрел ему в живот.

– Поклади топор, – сказал человек на плохом английском, – а то убиваю.

Эрикки стоял в нерешительности. В этот миг подбежавшая Азадэ кинулась между ними, отпихнув автомат в сторону, и закричала на турецком:

– Как вы смели прийти сюда! Как вы смели прийти с оружием – вы кто, бандиты? Это наша земля, убирайтесь с нашей земли, или я отправлю вас за решетку! – Она закуталась в тяжелую шубу поверх платья, но сейчас буквально тряслась от ярости.

– Эта земля принадлежит народу, – сердито проговорил мулла, держась от нее подальше. – Покрой свои волосы, женщина, покрой св…

– Кто ты, мулла? Ты не из моей деревни! Кто ты?

– Меня зовут Махмуд, мулла мечети Хаджста в Тебризе. Я не один из твоих лакеев, – зло проговорил он и тут же отпрыгнул в сторону, увернувшись от Эрикки, который бросился на него.

Человек с автоматом потерял равновесие, но другой, находившийся на безопасном расстоянии, щелкнул затвором своей винтовки:

– Клянусь Аллахом и Пророком, останови эту чужеземную свинью, или я отправлю вас обоих в ад, где вам и место!

– Эрикки, подожди! Оставь этих собак мне! – выкрикнула Азадэ по-английски, потом прокричала им: – Что вам здесь нужно? Это наша земля, земля моего отца Абдоллы-хана, хана рода Горгонов,

родственника Каджаров, которые правили здесь веками. – Ее глаза уже привыкли к темноте, и она вглядывалась в незваных гостей. Их было десять человек, все молодые, все вооружены, все не из этих мест, все за исключением одного, *каландара* — бродячего дервиша. – Каландар, как ты посмел прийти сюда!

– Простите, ваше высочество, – извиняясь, ответил тот, – но мулла сказал, что я должен отвести его сюда по этой тропе, а не по главной дороге, и поэто…

– Что тебе нужно, паразит? – спросила она, поворачиваясь к мулле.

– Говори с уважением, женщина, – ответил мулла с еще большей злобой. – Скоро власть будет у нас. В Коране есть закон, карающий наготу и распутство: побиение камнями и кнут.

– В Коране есть законы, карающие непрошенное появление на чужой земле, разбой, угрозы в адрес мирных людей и бунт против своего вождя и законного повелителя. Я тебе не одна из твоих запуганных неграмотных бедолаг! Я знаю, кто вы на самом деле и кем вы были всегда: паразитами, сидящими на шее деревень и простых людей. Что тебе нужно?

Со стороны базы к ним спешили люди с фонарями в руках. Их возглавляли два механика с мутными глазами, Диббл и Арберри, позади которых осторожно семенил Али Даяти. Все были заспанными, наспех одетыми и встревоженными.

– Что здесь происходит? – требовательно спросил Даяти, вглядываясь в них сквозь толстые очки на носу. Его семья была под защитой ханов рода Горгон и служила им много лет.

– Эти псы, – горячо заговорила Азадэ, – прокрались в темно…

– Придержи язык, женщина, – сердито оборвал ее мулла и повернулся к Даяти. – Ты кто?

Когда Даяти увидел, что перед ним мулла, его поведение изменилась, и он сразу же преисполнился почтения. – Я… я управляющий компании «Иран Лес» в этих краях, ваше превосходительство. Что случилось, пожалуйста, что я могу сделать для вас?

– Вертолет. На рассвете он мне нужен, чтобы облететь все лагеря.

– Простите, ваше превосходительство, машина разобрана на части для капитального ремонта. Это политика чужеземцев и…

Азадэ сердито прервала его:

– Мулла, по какому праву ты осмелился прийти сюда среди ночи и…

– Имам Хомейни отдал прика…

– Имам? – переспросила она в шоке. – По какому праву ты называешь аятоллу Хомейни этим титулом?

– Он имам. Он приказал и…

– В каком месте Корана или шариата говорится, что аятолла может объявить себя имамом, может приказывать правоверным? Где гово…

– Разве ты не шиитка? – гневно спросил мулла, ощущая напряженное молчание, с которым слушали их его люди.

– Да, я шиитка, но не безграмотная дура, мулла! – Она произнесла это слово как ругательство. – Отвечай!

– Прошу вас, ваше высочество, – взмолился Даяти. – Пожалуйста, предоставьте это мне, пожалуйста, умоляю вас.

Но она разразилась гневными нападками, мулла столь же яростно отвечал ей, другие присоединились к спору, атмосфера стала быстро накаляться, пока Эрикки не поднял свой топор и не исторг из себя оглушительный рев ярости, взбешенный тем, что не понимал ни единого слова из того, что говорилось. Все разом замолчали, потом еще один человек щелкнул затвором своего автомата.

– Что нужно этому ублюдку, Азадэ? – спросил Эрикки.

Она рассказала ему.

– Даяти, скажи ему, что мой 212-й он не получит и чтобы убирался с нашей земли или я вызываю полицию.

– Пожалуйста, капитан, прошу вас, позвольте мне все уладить, капитан, – заговорил Даяти, потея от страха и торопясь закончить прежде, чем Азадэ успеет прервать его. – Пожалуйста, ваше высочество, пожалуйста, уйдите сейчас. – Он повернулся к обоим механикам. – Все в порядке, вы можете возвращаться к себе и ложиться. Я все улажу.

Только тут Эрикки заметил, что Азадэ все еще босая. Он подхватил ее на руки.

– Даяти, скажи этому выблядку, – Эрикки вставил русское ругательство, – и всем остальным, что, если они еще раз придут сюда ночью, я им шеи посворачиваю, а если он или любой из них тронет

хоть волос на голове моей жены, я за ним хоть в ад пролезу, если нужно будет. – Он зашагал прочь, огромный в своем гневе; оба механика последовали за ним.

Его остановил голос, заговоривший по-русски:

– Капитан Йокконен, может быть, вы согласитесь поговорить со мной через минуту-другую?

Эрикки оглянулся. Азадэ у него на руках сжалась и напряглась. Говоривший стоял позади всех, рассмотреть его было трудно, по виду он не слишком отличался от остальных, одетый в неприметную куртку-парку.

– Хорошо, – сказал ему Эрикки по-русски, – но не входите в мой дом с автоматом или ножом. – Он ушел.

Мулла приблизился к Даяти, взгляд у него был каменным.

– Что там говорил этот чужеродный дьявол, а?

– Он сказал грубость, все чужеземцы грубы, ее высо… женщина тоже была груба.

Мулла сплюнул в снег.

– Пророк устанавливает законы и наказания против такого поведения, у народа есть законы против наследственного богатства и кражи земель, земля принадлежит народу. Скоро правильные законы и наказания будут управлять всеми нами, давно пора, и Иран пребудет в мире. – Он повернулся к остальным. – Голая в снегу! Выпячивая себя напоказ вопреки всем законам скромности. Блудница! Кто такие Горгоны, как не лакеи предателя шаха и его пса Бахтияра, а? – Его взгляд вернулся к Даяти. – Что за лживые слова ты говоришь нам по поводу вертолета?

Стараясь не выдать своего страха, Даяти тут же принялся объяснять, что плановое техобслуживание после полутора тысяч часов полетов было правилом чужеземцев, навязанным ему и распространявшимся на все вертолеты, и официально закрепленным шахом и правительством.

– Незаконным правительством, – прервал его мулла.

– Конечно, конечно, незаконным, – тут же согласился Даяти и, нервничая, проводил его в ангар и включил свет; база имела свой небольшой автономный генератор. Двигатели 212-го были аккуратно разложены, деталь за деталью, согласно предписаниям.

– Я тут ни при чем, ваше превосходительство, чужеземцы делают что хотят. – Потом он торопливо добавил: – И хотя мы все знаем, что «Иран Лес» принадлежит народу, шах забрал с собой все деньги. У меня нет никакой власти, чтобы распоряжаться ими, чужеземными дьяволами или их правилами. Я ничего не могу поделать.

– Когда машина будет готова к полетам? – спросил на чистом турецком человек, говоривший по-русски.

– Механики обещают, что через два дня, – ответил Даяти и начал молиться про себя в великом страхе, который, однако, изо всех сил старался не показать. Теперь ему было понятно, что эти люди принадлежали к левым моджахедин, последователям спонсируемой Советами теории о том, что ислам и марксизм совместимы. – Все в руках Бога. Два дня; чужеземные механики ждут какие-то запчасти, которые уже должны бы быть здесь.

– Что за запчасти?

Нервничая, он рассказал ему. Какие-то мелкие детали для лопастей рулевого винта.

– Сколько часов наработал рулевой винт?

Даяти дрожащими пальцами полистал журнал.

– Тысяча семьдесят три.

– Бог с нами, – сказал человек, потом повернулся к мулле. – Мы спокойно можем использовать старый винт еще как минимум пятьдесят часов.

– Но срок службы винта… сертификат летной годности недействителен, – не думая, проговорил Даяти. – Пилот не станет поднимать машину в воздух, потому что правила полетов требу…

– Правила Сатаны.

– Верно, – вмешался тот, который говорил по-русски, – некоторые из них. Но законы безопасности много значат для народа, и, что еще более важно, Бог заповедал правила в Коране для верблюдов и лошадей и как ухаживать за ними, и эти правила могут также применяться к самолетам и вертолетам, которые тоже являются даром Бога и тоже несут нас, чтобы исполнять Божий труд. Поэтому мы должны правильно заботиться о них. Ты не согласен, Махмуд?

– Конечно, – нетерпеливо бросил мулла и впился взглядом в Даяти, которого начала бить дрожь. – Я вернусь через два дня на рассвете. Пусть вертолет будет готов, и пусть пилот будет готов

исполнить Божий труд для народа. Я побываю в каждом лагере в горах. Там есть другие женщины?

– Только… только две жены рабочих и… моя жена.

– Носят ли они чадру и закрывают лицо?

– Конечно, – тут же ответил Даяти.

Закрывать лицо было против законов Ирана. Реза-шах запретил чадру и хиджаб в 1936 году и сделал их ношение вопросом личного выбора, а Мохаммед-шах в 1964 дал женщинам дополнительные свободы.

– Хорошо. Напомни им, что Бог и народ все видят, даже в богомерзких владениях чужеземцев. – Махмуд круто повернулся и затопал прочь; остальные потянулись за ним.

Оставшись один, Даяти вытер лоб, благодаря судьбу за то, что он был одним из правоверных и что его жена теперь носила чадру, была послушна и поступала так, как поступала его мать, была скромна, а не носила джинсы, как ее высочество. Как мулла назвал ее прямо в лицо? Да защитит его Господь, если Абдолла-хан услышит об этом… хотя, конечно, мулла прав, и, конечно же, прав Хомейни, да охранит его Аллах.

В доме Эрикки. 23.23. Оба мужчины сидели за столом напротив друг друга в большой комнате. Когда этот человек постучал в дверь, Эрикки сказал Азадэ, чтобы она ушла в спальню, но оставил дверь приоткрытой, чтобы она могла все слышать. Он дал ей свою винтовку, с которой ходил на охоту.

– Не бойся нажать на курок. Если он войдет в спальню, я уже буду мертв, – сказал он. Его *пукко* в ножнах торчал за поясом посередине спины. Пукко, нескладывающийся нож, был традиционным оружием всех финнов. Считалось, что мужчина, который не носит его, отгоняет удачу и накликает беду. В Финляндии закон запрещал носить его открыто – это могло рассматриваться как вызов. Но люди все равно носили его с собой, а уж в горы брали непременно. Нож Эрикки Йокконена размерами соответствовал фигуре хозяина.

– Что ж, капитан, прошу прощения за вторжение. – Человек был темноволосым, ростом около метра восьмидесяти, с обветренным лицом и темными южнославянскими глазами – где-то в его

родословной угадывалась монгольская кровь. – Меня зовут Федор Ракоци.

– Ракоци был венгерским революционером, – резко заметил Эрикки. – А ты, судя по акценту, грузин. Ракоци – не грузинское имя. Как твое настоящее имя… и звание в КГБ?

Человек рассмеялся.

– Это верно, акцент у меня грузинский, и я русский из Грузии, из Тбилиси. Мой дед приехал из Венгрии, но он не был родственником этому революционеру, который в старые времена стал князем Трансильванским. Не был он и мусульманином, как мой отец и я. Ну вот, видишь, мы оба немного знаем свою историю, хвала Богу, – сказал он располагающим тоном. – Я инженер, работаю на ирано-советском газопроводе, живу сразу по ту сторону границы, в Астаре на берегу Каспия – и я за Иран, за Хомейни, да пребудет он благословен, и против шаха и против американцев.

Он был рад, что его заранее ознакомили с личным делом Эрикки. Часть его легенды была правдой. Он действительно приехал из Грузии, из Тбилиси, но мусульманином не был, и настоящая его фамилия была не Ракоци. В действительности его звали Дмитрий Мзитрюк, и он был капитаном КГБ, специалистом, прикрепленным к 116-й воздушно-десантной дивизии, которая была развернута на самой границе, севернее Тебриза, – один из сотен тайных агентов, которые пробрались в Северный Иран в течение последних месяцев и теперь действовали там почти свободно. Ему было тридцать четыре года, кадровый офицер КГБ, как и его отец, и он провел в Иранском Азербайджане полгода. Он хорошо говорил по-английски, свободно на фарси и по-турецки и, хотя сам пилотом не был, многое знал о советских армейских вертолетах непосредственной поддержки с поршневыми двигателями, которые были приписаны к его дивизии.

– Что же до моего звания, – добавил он самым мягким тоном, – то оно именуется «друг». Мы, русские, добрые друзья финнов, не так ли?

– Да-да, это правда. Русские – да, только не члены партии. Святая матушка Россия была другом в прошлом, да, когда мы были великим княжеством в ее составе. Советская Россия стала другом после семнадцатого года, когда мы получили независимость. Советская Россия – друг и сейчас. Да, сейчас. Но не в тридцать девятом. Не во время «зимней войны». Нет, тогда – нет.

– Как не были вы друзьями и в сорок первом, – резко произнес Ракоци. – В сорок первом вы объявили нам войну вместе с вонючими нацистами. Вы встали на их сторону против нас.

– Верно, но только затем, чтобы вернуть себе наши земли, нашу Карелию, которую вы у нас украли. Мы не пошли на Ленинград, как могли бы пойти. – Эрикки чувствовал серединой спины нож за поясом и был этому очень рад. – Ты вооружен?

– Нет, ты сказал приходить без оружия. Свой автомат я оставил у двери снаружи. Финки у меня нет, как нет и нужды ею пользоваться. Клянусь Аллахом, я друг.

– Хорошо. Человеку нужны друзья. – Эрикки наблюдал за гостем, ненавидя все, что тот олицетворял: Советскую Россию, которая безо всякого повода вторглась в Финляндию в тридцать девятом, сразу же, как только Сталин подписал советско-германский Договор о ненападении. Маленькая финская армия сопротивлялась в одиночку. Она отбивала советские орды в течение ста дней «зимней войны», потом ее задавили числом. Отец Эрикки погиб, защищая Карелию, юго-восточную область страны, где род Йокконенов жил веками. Советская Россия тут же аннексировала эту область. И тут же все финны покинули ее. Все до одного. Ни один не согласился остаться под советским флагом, так что финнов там не стало. Эрикки тогда было всего десять месяцев, тысячи людей погибли во время того переселения.

Погибла его мать. Морозы в ту зиму были самыми жестокими, какие только помнили жившие тогда люди.

А в сорок пятом, думал Эрикки, сдерживая гнев, в сорок пятом Америка и Англия предали нас и отдали наши земли агрессору. Но мы не забыли. Как помнят эстонцы, латыши, литовцы, восточные немцы, чехи, венгры, болгары, югославы, румыны – список бесконечен. Настанет день, когда Советам придется заплатить по всем счетам, о да, однажды обязательно придет день расплаты с Советами – и самый большой счет предъявят русские, которые больше всех страдают от их плетей.

– Для грузина ты много знаешь про Финляндию, – спокойно заметил он.

– Финляндия важна для России. Разрядка между нами дает результаты, она надежна и служит уроком всему миру, доказывая, что

антисоветская пропаганда американского империализма – миф.

Эрикки улыбнулся.

– Сейчас не время для политики, а? Уже поздно. Чего ты от меня хочешь?

– Дружбы.

– А-а, попросить ее легко, но, как ты наверняка знаешь, дать ее для финна непросто. – Эрикки дотянулся рукой до буфета, на котором стояла почти пустая бутылка водки и две стопки. – Ты шиит?

– Да, но не очень хороший, да простит меня Аллах. Я иногда пью водку, если ты об этом.

Эрикки наполнил две рюмки.

– Твое здоровье. – Они выпили. – А теперь, пожалуйста, давай к делу.

– Бахтияра и его американских лакеев не сегодня завтра выкинут из Ирана. Скоро Иранский Азербайджан закипит, как котел, но тебе бояться нечего. Люди о тебе высокого мнения, как и о твоей жене и ее семье, и мы бы хотели, чтобы ты… чтобы ты помог принести мир в эти горы.

– Я просто пилот вертолета, который работает на британскую компанию по контракту с «Иран Лес», и я вне политики. У нас, финнов, нет политики, разве ты забыл?

– Мы друзья, да. У нас общие интересы: установить мир во всем мире.

Огромный кулак Эрикки с грохотом обрушился на стол, неожиданность этого всплеска ярости заставила русского вздрогнуть; бутылка опрокинулась, покатилась по столу и упала на пол.

– Я дважды вежливо просил тебя перейти к делу, – спокойно произнес Эрикки. – У тебя десять секунд.

– Очень хорошо, – процедил Ракоци сквозь зубы. – Нам требуются ваши услуги для доставки групп в лагеря в течение нескольких следующих дней. Мы…

– Что за группы?

– Муллы из Тебриза и их сторонники. Нам требу…

– Я получаю распоряжения от компании, не от мулл, не от революционеров и не от людей, которые приходят ночью и с оружием. Тебе это понятно?

– Вы обнаружите, что будет лучше, если вы научитесь понимать нас, капитан Иокконен. Как это обнаружат и Горгоны. Каждый из них, – со значением сказал Ракоци, и Эрикки почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. – «Иран Лес» уже повержена и на нашей стороне. Они дадут вам необходимые распоряжения.

– Хорошо. В этом случае я подожду и посмотрю, что это будут за распоряжения. – Эрикки поднялся и выпрямился во весь свой огромный рост. – Спокойной ночи.

Русский тоже встал и уперся в него обозленным взглядом.

– Вы и ваша жена слишком умны, чтобы не понимать, что без американцев и их вонючего ЦРУ Бахтияру конец. Этот сумасшедший выродок Картер перебросил американских морских пехотинцев и вертолеты в Турцию, послал американский военный флот в Персидский залив, оперативное соединение в составе атомного авианосца с кораблями сопровождения, морскими пехотинцами, самолетами с ядерным оружием на борту, целый военный флот и…

– Я этому не верю!

– Можешь поверить. Клянусь Богом, они, несомненно, пытаются развязать войну, потому что мы, конечно же, вынуждены отреагировать, мы должны противопоставить военным играм военные игры, потому что они, разумеется, станут использовать Иран против нас. Это полное безумие… нам не нужна атомная война… – Ракоци всем сердцем верил в то, что говорил, слова вылетали сами по себе. Всего несколько часов назад его начальник сообщил ему, что все советские вооруженные силы в приграничном районе приведены в состояние повышенной боевой готовности – всего один шаг до полной – из-за приближающегося к Персидскому заливу авианосного флота, и все базы ракет с ядерными боеголовками получили аналогичные приказы. Хуже всего, были отмечены массовые передвижения китайских войск вдоль всей пятитысячемильной границы с Китаем. – Эта сука Картер с его долбаным Договором о дружбе с Китаем собирается стереть нас с лица земли при малейшей возможности.

– Что будет, то будет, – произнес Эрикки.

– Иншаллах, да, но зачем становиться псом на побегушках у американцев или у их столь же подлых союзников, англичан? Народ победит, мы победим. Помогите нам, и вы не пожалеете об этом, капитан. Нам лишь нужны ваши навыки на несколько дней…

Внезапно он замолчал. Стала слышна поступь приближавшегося бегом человека. В тот же миг нож оказался в руке Эрикки, с кошачьей быстротой он выскользнул из-за стола и встал между входной дверью и дверью в спальню. Входная дверь распахнулась.

– САВАК! – выдохнул человек с порога, потом повернулся и исчез.

Ракоци метнулся к двери, схватил свой автомат.

– Нам требуется ваша помощь, капитан. Не забудьте! – Он растворился в темноте.

Азадэ вошла в комнату. Палец на курке, лицо белое как мел.

– Что он там говорил про флот? Я не поняла.

Эрикки рассказал ей. Она была явно потрясена.

– Это значит, будет война, Эрикки.

– Да, если это случится. – Он надел свою парку. – Оставайся здесь.

Он вышел и закрыл дверь за собой. Теперь он видел свет приближающихся автомобильных фар, машины неслись по ухабистой грунтовой дороге, соединявшей базу с шоссе Тебриз – Тегеран. Когда его глаза привыкли к темноте, он различил две легковые машины и армейский грузовик. Через мгновение головная машина остановилась, и полицейские и солдаты, разворачиваясь веером, двинулись в ночную тьму. Командовавший ими офицер отдал честь.

– А-а, капитан Йокконен, добрый вечер. Мы слышали, здесь появились какие-то революционеры или коммунисты из Туде, нам докладывали об автоматной стрельбе, – сказал он на безукоризненном английском. – Ее высочество в порядке? Проблем нет?

– Нет, теперь нет, спасибо, полковник Мазарди. – Эрикки довольно хорошо знал его. Полковник был двоюродным братом Азадэ, начальником полиции в этом районе Тебриза. Но САВАК? Это что-то новое, беспокойно подумал он. Если он в САВАК, значит, в САВАК, я ничего не хочу об этом знать. – Входите.

Азадэ была рада видеть родственника, она поблагодарила его за появление, и они рассказали ему, что произошло.

– Русский сказал, что его зовут Ракоци, Федор Ракоци? – спросил Мазарди.

– Да, но это была явная ложь, – сказал Эрикки. – Он должен быть из КГБ.

– И он так и не сказал вам, зачем им понадобилось облетать все лагеря?

– Нет.

Полковник на минуту задумался, потом вздохнул.

– Значит, мулле Махмуду захотелось полетать, а? Глупая это идея так называемому служителю Бога отправляться в полет. Очень опасная, особенно для мусульманина-марксиста – какое святотатство! Мне рассказывали, что, летая на вертолете, очень легко вывалиться из него. Наверное, нам нужно пойти навстречу его пожеланиям. – Полковник был высоким, очень красивым мужчиной на пятом десятке, его мундир выглядел безупречно. – Не волнуйтесь. Эти подстрекатели скоро вернутся в свои изъеденные вшами лачуги. Скоро Бахтияр отдаст нам приказ приструнить этих собак. И этот крикун Хомейни – мы быстро заткнем ему пасть. Французы должны были надеть на него намордник сразу же, как он у них появился. Эти безвольные дураки. Глупцы! Но, с другой стороны, они всегда были слабаками, лезли всюду, выступали против нас. Французы всегда относились к Ирану с ревностью. – Он поднялся. – Дайте мне знать, когда ваш вертолет будет готов подняться в воздух. В любом случае мы вернемся сюда через два дня перед рассветом. Будем надеяться, что мулла и его друзья, особенно этот русский, возвратятся.

Полковник вышел. Эрикки поставил чайник вскипятить воду для кофе. В задумчивости он сказал:

– Азадэ, упакуй сумку с вещами на одну ночь.

Она непонимающе уставилась на него.

– Что?

– Мы возьмем машину и поедем в Тегеран. Выезд через несколько минут.

– Нам не нужно уезжать, Эрикки.

– Если бы вертолет был готов, мы бы воспользовались им, но мы не можем.

– Нет причин тревожиться, дорогой. Русские всегда зарились на Иранский Азербайджан и всегда будут зариться – цари, Советы, нет никакой разницы. Им всегда хотелось заполучить Иран, а мы их сюда не пускали, и не пустим. Незачем тревожиться из-за горстки фанатиков и одного русского, Эрикки.

Он взглянул на нее.

– Меня тревожит американская морская пехота в Турции, американское ударное авианосное соединение и то, почему КГБ считает, что «вы и ваша жена слишком умны», почему этот человек так нервничал, почему они столько знают обо мне и о тебе и почему им «требуются» мои услуги. Иди, собирай сумку, дорогая, пока есть время.

СУББОТА
10 февраля

ГЛАВА 4

На военно-воздушной базе в Ковиссе. 03.32. Возглавляемая муллой Хусейном Ковисси орущая толпа напирала на запертые, залитые светом главные ворота и примыкающую к ним часть забора из колючей проволоки, который опоясывал огромную базу по всему периметру. Ночь была темной, очень холодной, всюду лежал снег. Их собралось у ворот три или четыре тысячи человек, в большинстве своем молодежь, некоторые с оружием, несколько молодых женщин в чадрах в самых первых рядах, присоединявших свои голоса к бушующему морю криков: Бог велик… Бог велик…

С внутренней стороны ворот, лицом к толпе были расставлены взводы охраны из нервничающих солдат с автоматическими винтовками наготове, другие взводы стояли в резерве, все офицеры с револьверами в руках. Два танка «центурион» в боевой готовности ждали посередине дороги, урча двигателями; комендант гарнизона и группа офицеров стояли неподалеку. Позади них были видны грузовики, в которых сидели еще солдаты; зажженные фары машин были направлены на ворота и колючую проволоку – числом солдаты уступали толпе раз в двадцать-тридцать. Позади грузовиков стояли ангары, здания управления базы, казармы, офицерская столовая, повсюду толклись группки взволнованных военнослужащих, все наспех одетые, потому что толпа появилась каких-нибудь полчаса назад, требуя передать базу под ее контроль от имени аятоллы Хомейни.

Снова в громкоговорителях раздался голос коменданта гарнизона:

– Приказываю всем немедленно разойтись!

Голос был суровым и угрожающим, но его перекрывал монотонный рев толпы:

– Аллах-у акбаррр…

Ночь выдалась облачной, нельзя было разглядеть даже южные предгорья увенчанных снеговыми шапками гор Загрос, высившихся

позади базы. База была основной штаб-квартирой S-G в южном Иране, здесь также располагались две эскадрильи F4-х Иранских ВВС и, с введением военного положения, несколько «центурионов» и армейских подразделений. За забором с восточной стороны на сотни акров раскинулся гигантский нефтеперерабатывающий завод, его трубы дымили, из многих в ночное небо вырывались языки пламени, когда сжигался избыточный газ. Хотя весь завод бастовал и был закрыт, некоторые его участки были освещены: стачечный комитет разрешил минимальному штату европейцев и иранцев попытаться поддерживать завод, питающие его трубопроводы и складские резервуары в рабочем состоянии.

– Бог велик… – снова прокричал Хусейн.

Толпа тут же подхватила клич, и снова он проник в сознание и сердца солдат. Одним из стоявших в первой шеренге был Али Беведан, призывник, как и все остальные, такой же юный, как и все остальные, в недалеком прошлом деревенский парень, как и все остальные рядом с ним и по ту сторону колючей проволоки. Да, думал он, чувствуя, как от боли разламывается голова и сердце молотом стучит в висках, я на стороне Бога и готов принять мученическую смерть за веру и Пророка, да славится имя Его! О Аллах, позволь мне стать мучеником и попасть прямо в рай, как это обещано правоверным. Сделай так, чтобы моя кровь пролилась за ислам и Хомейни, а не в защиту злых прислужников шаха!

Живые слова Хомейни не смолкая стучали у него в ушах, слова с магнитофонной кассеты, которую мулла дал им послушать в мечети два дня назад: «…Солдаты, присоединяйтесь к своим братьям и сестрам, взявшимся за Божий труд, бегите из казарм со своим оружием, не подчиняйтесь незаконным приказам генералов, свергните незаконное правительство! Вершите Божий труд, Бог велик…»

Молодой солдат даже не осознавал, что кричит теперь вместе с толпой, не сводя глаз с муллы, который стоял по ту сторону ворот, на стороне Бога, снаружи, вцепившись пальцами в стальные прутья, ведя за собой тех, в ком видел своих братьев и сестер, пытаясь повалить тяжелые створки. Стоявшие рядом с Али солдаты, его братья, беспокойно зашевелились, не осмеливаясь произнести ни слова, рев толпы проникал и в их головы и сердца. Многие из стоявших по эту сторону ворот хотели бы их распахнуть. Многие бы так и сделали,

если бы не офицеры и сержанты и неизбежное наказание, даже смерть, ожидавшее, как все знали, любого бунтовщика.

«На стороне Бога, на той стороне…»

Молодому солдату показалось, что его мозг взорвался от этих слов, и он уже не слышал сержанта, что-то закричавшего ему, не видел его, он видел только ворота, которые были закрыты на пути правоверных. Швырнув винтовку на асфальт, он побежал к воротам, до которых было метров пятьдесят. На какое-то мгновение над базой повисла полная тишина, все взгляды в ошеломлении приковались к нему.

Командир гарнизона полковник Мохаммед Пешади стоял рядом с головным танком, стройный седеющий мужчина в безупречно опрятном мундире. Он смотрел на юношу, вопящего: «Аллаххх-у аккбаррр…» – единственный раздававшийся сейчас голос.

Когда юноша был в пяти шагах от ворот, полковник махнул рукой старшему сержанту рядом с ним.

– Убей его, – тихо сказал он.

Уши сержанта наполнял боевой клич молодого солдата, который уже вцепился в засовы на воротах. Одним плавным движением он выдернул автомат у ближайшего солдата, передернул затвор, на секунду прислонился к боку танка, поймал на мушку затылок юноши и нажал на курок. Он видел, как лицо солдата взорвалось, забрызгав тех, кто стоял по ту сторону ворот. Потом тело обмякло и непристойно повисло на опутывавшей ворота колючей проволоке.

На миг тишина сделалась еще более глубокой. Потом, вся разом, с Хусейном впереди, толпа ринулась вперед – ревущее, бесчувственное, обезумевшее существо. Те, что были впереди, вцепились в колючую проволоку, не обращая внимания на шипы, распарывавшие им ладони. Теснимые задними рядами, они начали карабкаться вверх.

Где-то среди них застучал автомат. В этот момент полковник ткнул пальцем в офицера в танке.

Тут же из четырехдюймового орудия вырвался язык пламени. Наведенная поверх голов толпы пушка была заряжена холостым снарядом, но внезапность раздавшегося грохота заставила нападавших в панике отшатнуться от ворот. Полдюжины солдат, столь же ошарашенных, уронили свои винтовки, некоторые пустились бежать, многие из безоружных зевак, пришедших с толпой, бросились

врассыпную. Второй танк выстрелил из своего орудия, наведенного ближе к земле, и второй язык пламени полыхнул ниже первого.

Толпа распалась. Мужчины и женщины ринулись прочь от ворот и забора, топча друг друга в суматохе. Головной танк снова выстрелил: опять язык пламени и опять этот разрывающий уши грохот, и толпа удвоила свои усилия, стремясь убраться подальше. Только мулла Хусейн остался у ворот. Он пьяно покачнулся, на мгновение ослепнув и оглохнув, потом его ладони поймали стойки ворот, и он вцепился в них мертвой хваткой. В тот же миг многие инстинктивно подались вперед, чтобы помочь ему: солдаты, сержанты и один офицер.

– Ни с места! – проревел полковник Пешади, он схватил микрофон на длинном шнуре и двинул кнопку переключателя на полную громкость. Его голос разорвал темноту ночи. – Всем солдатам стоять на месте! Оружие на предохранитель! ОРУЖИЕ НА ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ! Всем офицерам и сержантам взять своих людей под контроль! Сержант, за мной!

Еще не оправившись от потрясения, сержант догнал своего командира, двинувшегося в сторону ворот, и зашагал рядом с ним. Перед воротами с той стороны были разбросаны два-три десятка тел, затоптанных в давке. Основная масса людей остановилась шагах в ста от них и начала снова собираться воедино. Несколько человек, настроенных наиболее фанатично, двинулись назад к воротам, переходя на бег. Страсти быстро накалялись.

– СТОЯТЬ! ВСЕМ СТОЯТЬ И НЕ ДВИГАТЬСЯ!

На этот раз команде подчинились. Немедленно. Полковник чувствовал, как по спине сбегает пот, сердце бешено колотилось в груди. Бросив быстрый взгляд на труп, повисший на колючках, радуясь за него – разве юноша не принял смерть мученика с именем Бога на устах и потому разве он уже не был в раю? – он резко заговорил в микрофон:

– Вы трое… да, вы трое, помогите мулле. ЖИВО! – Тут же те люди, на которых он показал, бросились исполнять его приказание. Он гневно ткнул пальцем в нескольких солдат. – Вы! Открыть ворота! Вы, унесите тело!

Ему снова беспрекословно подчинились. За его спиной несколько групп солдат двинулись было вперед, и он прорычал:

– Я сказал, НИ С МЕСТА! ЛЮБОЙ, КТО ШЕВЕЛЬНЕТСЯ БЕЗ МОЕГО ПРИКАЗА, – МЕРТВЕЦ!

Все замерли. Все.

Пешади подождал секунду, почти вызывающе ожидая, не тронется ли кто с места. Никто не пошевелился. Тогда он оглянулся на Хусейна, которого хорошо знал.

– Мулла, – тихо произнес Пешади, – вы целы?

Теперь он стоял с ним рядом. Ворота были открыты. В нескольких шагах поодаль застыли, словно окаменев, три деревенских парня, которых он подозвал к мулле.

Голова Хусейна раскалывалась от чудовищной боли, в уши словно вколотили по гвоздю. Но он слышал и видел, и, хотя руки его были в крови от стальных колючек, он осознал, что невредим и еще не стал мучеником, которым надеялся стать, о чем неустанно молился.

– Я требую… – ослабевшим голосом проговорил он, – я требую передать эту… эту базу от имени Хомейни.

– Вы немедленно пройдете ко мне в кабинет, – прервал его полковник; его лицо и голос были мрачными. – И вы трое тоже, в качестве свидетелей. Мы будем говорить, мулла. Я буду слушать, а потом вы будете слушать. – Он опять включил громкоговоритель и объяснил, что последует дальше. – Он и я, мы будем говорить. Мы будем говорить мирно, а потом мулла вернется в мечеть, а вы все отправитесь по домам и будете молиться. Ворота останутся открытыми. Ворота будут охраняться моими солдатами и моими танками и, клянусь Богом и Пророком, да славится имя Его, если хоть один из вас ступит по эту их сторону или непрошенным полезет через забор, мои солдаты убьют его. Если больше двадцати человек из вас попытаются ворваться на мою базу, я поведу свои танки в ваши деревни и сожгу ваши дома вместе с вами в них! Да здравствует шах!

Он круто повернулся и зашагал прочь, мулла и три перепуганных деревенских парня медленно пошли за ним следом. Больше никто не шевельнулся.

На веранде офицерской столовой капитан Конрой Старк, старший среди работников S-G на базе, протяжно выдохнул.

– Господь милосердный, – восхищенно пробормотал он, не обращаясь ни к кому конкретно, – вот это мужество!

05.21. Старк стоял у окна в офицерской столовой, наблюдая за зданием штаба Пешади на другой стороне улицы. Мулла еще не вышел. Здесь, в большой комнате офицерской столовой, было очень холодно. Фредди Эйр вжался глубже в кресло, плотнее запахиваясь в свою летную куртку, и посмотрел снизу вверх на рослого техасца, который тихонько покачивался на каблуках.

– Что скажешь? – спросил он устало, подавив зевок.

– Скажу, что через часок с небольшим совсем рассветет, старина, – рассеянно проговорил Старк.

Он все еще был в летной куртке и теплых летных унтах. Оба пилота расположились у крайнего окна в углу комнаты на втором этаже, откуда база была видна почти целиком. В разных местах комнаты сидело с дюжину иранских офицеров, которым тоже было приказано оставаться в готовности. Большинство из них спали в креслах, закутавшись в летные куртки или армейские шинели – отопление на базе было отключено уже несколько недель в целях экономии топлива. Усталые ординарцы, тоже в шинелях, убирали со стола остатки товарищеского ужина, прерванного появлением толпы.

– Я чувствую себя выжатым как лимон. А ты?

– Пока нет, но как так всегда получается, что мне постоянно выпадает дежурить в праздники и выходные, а, Фредди?

– Прерогатива бесстрашного командира, старина, – ответил Эйр. Он был заместителем руководителя группы сотрудников S-G, бывший военный летчик, красивый мужчина двадцати восьми лет с темно-синими, как терновые ягоды, глазами и оксфордским выговором. – Служит прекрасным примером для солдат.

Старк бросил взгляд в сторону главных ворот. Все без изменений: их по-прежнему усиленно охраняли. Снаружи около полутысячи деревенских жителей все еще не расходились, сбившись в тесную кучу, чтобы было теплее. Его взгляд опять вернулся к зданию штаба. Там тоже все без перемен. На верхнем этаже, где располагался кабинет Пешади, горел свет.

– Я бы месячное жалованье отдал за то, чтобы послушать да повстревать в их терки, Фредди.

– Что? Что означает это слово?

– Послушать, о чем говорят Пешади и этот мулла.

– О! – Фредди посмотрел в окно на штабное здание. – Я, знаешь ли, подумал, что нам конец, когда эти несчастные балбесы полезли на проволоку. Черт подери! Я уже готов был пятки смазать да двинуть к старушке Нелли, запустить мотор и помахать на прощанье Кублай-хану и его монгольским ордам! – Он беззвучно хохотнул, представив себя бегущим к своему 212-му. – Конечно, – сухо добавил он, – тебя бы я дождался, Дюк. – Эту кличку они дали Старку, потому что он был из Техаса, как Джон Уэйн, был так же сложен, как Джон Уэйн, и так же красив.

Старк рассмеялся.

– Спасибо, старина. Раз уж на то пошло, то, прорвись они внутрь, я бы впереди тебя улепетывал.

Его голубые глаза сощурились от широкой улыбки, техасский акцент был едва заметен. Он опять повернулся к окну, скрывая свою тревогу. Это было уже третье столкновение базы с толпой, которой всякий раз предводительствовал мулла; каждое последующее было серьезнее предыдущего. А сегодня – первая преднамеренная смерть. И что теперь? Эта смерть приведет к следующей, потом к следующей. Если бы не полковник Пешади, кто-нибудь еще побежал бы к воротам и получил бы пулю, и сейчас там все было бы устлано трупами. О, Пешади бы победил – на этот раз. Но скоро он побеждать уже не сможет, если только не обломает муллу. Чтобы обуздать Хусейна, ему придется его убить. В тюрьму его не посадишь, толпа совсем взбеленится, если он его убьет, она тоже взбеленится, и если вышлет его отсюда, она взбеленится и в этом случае – как ни крути, эту партию ему не выиграть. А что бы я сделал на его месте?

Не знаю.

Он оглядел комнату. Иранские офицеры, судя по виду, сильно не переживали. Он знал большинство из них в лицо, но близко ни с кем знаком не был. Хотя S-G присутствовала на базе с того дня, когда она была построена лет восемь назад, у них было мало общих дел с армейскими и с личным составом эскадрилий. С тех пор как Старк был назначен старшим пилотом в прошлом году, он попытался расширить контакты работников S-G с остальным контингентом базы, но безуспешно. Иранцы предпочитали держаться друг друга.

Да это и нормально, подумал он. Это их страна. Вот только они ее раздирают на части, а мы торчим прямо посередке, а теперь и Мануэла

тут. Он был вне себя от радости, когда увидел жену, которая прибыла с вертолетом пять дней назад – Мак-Айвер не доверил ее автомобильным дорогам, – хотя и немного разозлился, что она выклянчила себе местечко на одинокий рейс «Британских авиалиний», который проскользнул в Тегеран.

– Черт возьми, Мануэла, ты здесь в опасности!

– Не больше, чем в Тегеране, Конрой, милый. Иншаллах, – ответила она с лучезарной улыбкой.

– Но как ты уговорила Мака пустить тебя сюда?

– Я ему просто улыбнулась, сладкий мой, и пообещала отправиться первым же возможным рейсом назад в Англию. А пока, дорогой, пойдем в кроватку.

Он улыбнулся про себя и предоставил мыслям течь свободно. Это был его третий двухгодичный срок в Иране и одиннадцатый год в компании S-G. Одиннадцать хороших лет, подумал он. Сначала Абердин и Северное море, потом Иран, Дубай и Эль-Шаргаз по ту сторону залива, потом опять Иран, где он тогда планировал остаться. Самые лучшие годы – здесь, подумал он. Но теперь больше нет. Иран изменился с 73-го года, когда шах увеличил цену на нефть в четыре раза, с одного до почти четырех американских долларов. Для Ирана это было так же, как для нас до Рождества Христова и после. До этого они были дружелюбными, всегда готовыми помочь людьми, среди которых было приятно жить и с которыми было хорошо работать. После? Все более высокомерными, все больше раздувавшимися от постоянно насаждаемых шахом мыслей о «врожденном превосходстве иранцев» в силу их трехтысячелетней цивилизации, о том, как через двадцать лет Иран станет мировым лидером, реализовав свое божественное право – выйдет на пятое место в мире как индустриальная держава, станет единственным хранителем перекрестка всех путей между Востоком и Западом, будет иметь лучшую армию, лучший военно-морской флот, лучшие ВВС, больше танков, вертолетов, холодильников, заводов, телефонов, дорог, школ, банков, коммерческих предприятий, чем любая другая страна здесь, в центре мира. И, опираясь на все это, Иран под его руководством станет истинным арбитром между Востоком и Западом, подлинным фонтаном мудрости – его мудрости, – и весь остальной мир, затаив дыхание, будет внимать ей.

Старк вздохнул. С годами эта мысль стала ему предельно понятна, но он благословлял Мануэлу за то, что она согласилась вместе с ним очертя голову окунуться в иранский образ жизни, учить фарси, везде бывать, все видеть – новые достопримечательности, новые вкусы, новые запахи, тонкости персидского ковроткачества, черная икра, вина, легенды, новые друзья, – а не проживать свою жизнь, как это делали многие из иностранных пилотов и инженеров в Иране, которые предпочитали оставлять свои семьи дома, два месяца работать, один отдыхать и сидеть на своих базах в выходные, экономя деньги и ожидая, когда наступит время отпуска и можно будет уехать домой – где бы этот дом ни был.

– Отныне наш дом здесь, – сказала она тогда. – Здесь мы и будем жить, я и ребятишки, – добавила она, тряхнув головой.

Он так любил этот ее жест, и черноту ее волос, и страстность ее испанской крови.

– Какие ребятишки? У нас пока никаких ребятишек нет, и с теми деньгами, которые я зарабатываю, мы их пока не можем себе позволить.

Старк улыбнулся. Этот разговор случился у них сразу после свадьбы десять лет назад. Он вернулся в Техас, чтобы жениться на ней, сразу же, как только его место в компании S-G было гарантировано. Теперь у них было трое детей, два мальчика и девочка, и у него хватало денег на них всех, в обрез. Теперь? Что будет теперь? Моя работа здесь под угрозой, большинство наших иранских друзей уехали, там, где раньше было изобилие, теперь стоят закрытые магазины, там, где когда-то звучал только смех, теперь поселился страх.

Черт бы побрал Хомейни и этих проклятых мулл, думал он. Он уж точно испортил замечательный образ жизни и замечательную страну. Надо бы, чтобы Мануэла забрала детей и уехала из Лондона, улетела домой в Лаббок, пока в Иране все не утрясется. Лаббок находился недалеко от «отростка» в западной части штата Техас, где его отец до сих пор держал семейное ранчо. Восемь тысяч акров земли, немного коров, немного лошадей, немного зерновых и овощей, достаточно, чтобы семья жила в достатке. Как бы я хотел, чтобы она была уже там, хотя опять же письма оттуда идут неделями, да и по телефону не дозвониться. Черт бы побрал Хомейни, который так перепугал ее

своими речами, – интересно, что он скажет Богу и что Бог скажет ему, когда они встретятся, а встретятся они обязательно.

Старк потянулся и откинулся на спинку кресла. Он увидел, что Эйр смотрит на него мутными глазами.

– Ты и в самом деле прилично нарезался.

– У меня был выходной, даже два выходных, по сути, и я никак не планировал стычку с ордой. Вообще-то я намеревался напиться до забвения, мне так не хватает моей лучшей половины, храни ее Господь, и в любом случае Хогманей для нас, шотландцев, очень важен, и…

– Хогманей – это канун Нового года, а сегодня десятое февраля, и ты такой же шотландец, как я.

– Дюк, да будет тебе известно, что Эйры – древний клан, а я могу играть на волынке, старина. – Эйр широко зевнул. – Господи, как я устал. – Он глубже вжался в кресло, стараясь устроиться поудобнее, потом выглянул в окно. В один миг всю его усталость как рукой сняло. Из дверей штаба вышел иранский офицер и торопливо направился в их сторону. Он узнал майора Чангиза, заместителя командира базы.

Когда майор появился в комнате, лицо у него было напряженным.

– Всем офицерам прибыть к командиру в семь часов, – сказал он на фарси. – Всем офицерам. В восемь часов на плацу – полное построение личного состава всех армейских и военно-воздушных подразделений базы. Любой, кто не явится… любой, – мрачно добавил он, – за исключением больных, которым я заранее лично подпишу разрешение, может ожидать немедленного и строгого наказания. – Его взгляд заскользил по комнате, пока не нашел Старка. – Пожалуйста, следуйте за мной, капитан.

У Старка глухо стукнуло сердце.

– Зачем, майор? – спросил он на фарси.

– Командир вызывает вас к себе.

– Зачем я ему понадобился?

Майор пожал плечами и вышел.

– Наверное, стоит предупредить всех наших. И Мануэлу. А? – тихо сказал Старк Эйру.

– Понял, – ответил Эйр, потом пробормотал: – Господи Иисусе.

Шагая через улицу и вверх по лестнице, Старк чувствовал на себе взгляды со всех сторон, так давившие на него, будто они имели

физический вес. Благодарение Богу, я гражданский и работаю на британскую компанию, а не на армию США, как раньше, лихорадочно думал он. «Черт возьми», – пробормотал он себе под нос, вспомнив год, проведенный им во Вьетнаме еще в те времена, когда никаких американских войск там не было, только несколько советников. Черт! И этот тупой, надраенный, как бляха, сукин сын капитан Ритман, приказавший выкрасить все вертолеты на нашей базе – базе, развернутой в глухих джунглях за миллион миль от чего угодно, черт бы его подрал, – под звездно-полосатый флаг, самыми яркими красными, синими и белыми красками. «Да, черт меня возьми, от носа до хвоста! Пусть эти мартышки увидят, кто мы есть, и тогда они будут драпать, поджав хвосты, до самой растреклятой России!» Вьетконговцы могли нас разглядеть за пятьдесят миль, мою машину изрешетили, как сито, пока я успел сгонять в ад и обратно, и мы потеряли три «хьюи» со всеми экипажами, пока этого ублюдка не перевели в Сайгон, с повышением перевели. Неудивительно, что мы проиграли эту чертову войну.

Он вошел в здание штаба, поднялся по ступеням, миновал трех остолбеневших селян, которых изгнали в приемную, и вошел в логово коменданта.

– Доброе утро, полковник, – осторожно сказал он по-английски.

– Доброе утро, капитан Старк. – Пешади перешел на фарси. – Позвольте познакомить вас с муллой Хусейном Ковисси.

– Мир вам, – сказал Старк на фарси, очень отчетливо воспринимая брызги крови молодого солдата, все еще пятнавшие белую чалму и черный халат иранца.

– Мир вам.

Старк протянул руку для рукопожатия, как предписывал обычай. Лишь в самый последний момент он увидел запекшиеся рваные раны на ладони муллы, оставленные там колючей проволокой. Старк сделал свое пожатие очень легким. Но и в этом случае он увидел, как по лицу муллы промелькнула боль.

– Извините, – сказал он по-английски.

Мулла просто в упор посмотрел на него, и Старк остро почувствовал его ненависть.

– Вы вызывали меня, полковник?

– Да. Прошу, садитесь. – Пешади указал на пустой стул напротив его стола.

Обстановка в кабинете была спартанской, чистота – безукоризненной. Единственным украшением служила фотография шаха и его жены Фарах в парадном облачении. Мулла сидел спиной к портрету. Старк опустился на стул лицом к нему и коменданту.

Пешади закурил и увидел, как неодобрительный взгляд Хусейна упал на сигарету, потом гневно уставился ему в лицо. Он так же прямо смотрел в лицо мулле. Коран запрещал курение – по некоторым его толкованиям. Они спорили с муллой на этот счет больше часа. Потом он сказал непререкаемым тоном:

– Курение в Иране не запрещено, пока что. Я солдат. Я дал клятву выполнять приказы. Ира…

– Даже незаконные приказы.

– Повторяю: приказы его императорского величества шахиншаха Мохаммеда Пехлеви или его представителя, премьер-министра Бахтияра, все еще являются законными по законам Ирана. Иран еще не является исламским государством. Пока еще нет. Когда он таким станет, я буду исполнять приказы любого, кто станет во главе исламского государства.

– Вы подчинитесь имаму Хомейни?

– Если аятолла Хомейни станет нашим законным правителем, то конечно. – Полковник благодушно кивал, но про себя думал: прежде чем этот день настанет, много, много будет пролито крови. – А мне, если меня изберут законным главой этого возможного исламского государства, мне вы будете подчиняться?

Хусейн не улыбнулся.

– Главой исламского государства будет имам, вихрь Аллаха, а после него другой аятолла, потом следующий.

Каменный, бескомпромиссный взгляд муллы по-прежнему обжигал его, и Пешади хотелось вбить муллу в землю по самую макушку, взять свои танки и раздавить всех, кто откажется подчиняться приказам шахиншаха, их Богом данного властелина. Да, подумал он, нашего богоданного правителя, который, как и его отец, поднялся против вас, мулл, и ваших тянущихся к власти рук, который обуздал ваш устаревший догматизм и привел Иран из глухого Средневековья к положенному ему по праву величию, который в

одиночку, как бульдозер, сплотил ОПЕК, чтобы противостоять огромной власти иностранных нефтяных компаний, который вышвырнул русских из Азербайджана после Второй мировой войны и даже держал их на сворке, пока они лизали ему руки, как прирученные псы.

Клянусь Богом и Пророком, в ярости говорил он себе, глядя на Хусейна теми же немигающими глазами, что и тот на него, я не могу понять, почему эти блудливые муллы до сих пор не признают правды об этом выжившем из ума старике Хомейни, который лживо вопит со своего смертного одра, не поймут, что это Советы оплачивают его, кормят его, защищают его, чтобы он подталкивал их раздувать недовольство в крестьянах с целью развалить Иран и сделать его советским протекторатом.

Нам нужен лишь один-единственный приказ: немедленно покончить с мятежом!

Получив такой приказ, клянусь Богом, в три дня я верну в Ковисс и все земли на сто миль в округе покой, мир и процветание; муллы с радостью вернутся в мечети, где им и место, правоверные будут молиться пять раз в день – через месяц вооруженные силы сделают Иран таким, каким он был в прошлом году, и проблема Хомейни будет решена раз и навсегда. В течение минуты после получения такого приказа я бы арестовал его, публично обрил бы ему половину головы, раздел донага и прокатил по улицам в телеге с навозом. Я бы показал его народу таким, каков он есть: сломленным, разбитым стариком. Представь его неудачником, и все люди отвернутся от него и перестанут его слушать. Потом пришли бы обвинители от аятолл, которые обожают жизнь, любовь, власть, землю, разговоры, пришли бы обвинители от мулл и от народа и вместе они бы его прикончили.

Так просто разобраться с Хомейни или с любым муллой – клянусь Аллахом, моя бы воля, я бы еще месяцы назад приволок его сюда из Франции. Он попыхивал сигаретой и очень тщательно следил за тем, чтобы его мысли не проявились на его лице или в его глазах.

– Что ж, мулла. Капитан Старк здесь. – Потом он добавил, словно это не имело большого значения: – Вы можете говорить с ним на фарси или на английском, как пожелаете. Он говорит на фарси так же, как вы на английском. Бегло.

Мулла повернулся к Старку.

– Стало быть, – произнес он по-английски с американским акцентом, – вы из ЦРУ?

– Нет, – ответил Старк, тут же насторожившись. – Вы учились в Штатах?

– Я был там студентом, да, – кивнул Хусейн. Потом из-за боли и усталости его нервы не выдержали. Он перешел на фарси, и его голос посуровел: – Зачем вам было учить фарси, если вы не шпионите за нами для ЦРУ? Или ваших нефтяных компаний, а?

– Ради собственного интереса, просто из интереса, – вежливо ответил Старк на фарси; он говорил правильно и почти без акцента. – Я гость в вашей стране, меня пригласило сюда ваше правительство, чтобы работать на ваше правительство в партнерстве с иранцами. Это признак вежливости, когда гости знакомятся с запретами и обычаями тех, кто их пригласил, учат их язык, особенно если страна им нравится, и они надеются пробыть здесь гостями много лет. – Его голос стал резче. – И это не мои компании.

– Они американские. Вы американец. ЦРУ американское. Все наши проблемы пришли из Америки. Алчность шаха американская. Все наши проблемы пришли из Америки. Годы и годы американцы плевали на Иран.

– Чушь собачья, – отрезал Старк по-английски, разозлившись не меньше иранца и понимая, что единственный способ справиться с громилой – это самому начать размахивать кулаками. Немедленно. Он увидел, как иранец вспыхнул. Старк без страха посмотрел на него в ответ, давая паузе затянуться. Секунды шли. Он смотрел прямо в глаза мулле. Но не смог подчинить его своей воле. Стараясь выглядеть спокойным, несмотря на охватившую его тревогу, Старк перевел взгляд на Пешади, который ждал и смотрел на них, молча покуривая сигарету. – Что все это значит, полковник?

– Мулла попросил один из ваших вертолетов, чтобы посетить все нефтяные вышки в округе. Как вам известно, мы не планируем маршруты ваших полетов и не участвуем в вашей деятельности. Вы выделите для этого одного из ваших лучших пилотов. Сегодня, начиная с полудня.

– Почему не взять один из ваших вертолетов? Возможно, я смог бы предоставить навига…

– Нет. Один из ваших вертолетов с вашими людьми. В полдень.

Старк повернулся к мулле.

– Извините, но я получаю приказы только от «Иран Ойл», через нашего директора базы и их местного представителя Эсвандиари. Мы работаем по контракту с ними, и они являются нашим эксклю…

– Вертолеты, на которых вы летаете, они иранские, – грубо оборвал его мулла, усталость и боль снова накатывали на него, он хотел закончить этот разговор. – Вы выделите один, как требуется.

– Они зарегистрированы как иранские, но являются собственностью компании «S-G Хеликоптерз» из Абердина.

– Зарегистрированы в Иране, летают в иранском небе, заправляются иранским горючим, получают разрешения на полеты от иранцев, обслуживают иранские вышки, качающие иранскую нефть, клянусь Богом. Они иранские! – Тонкие губы Хусейна искривились. – Эсвандиари выдаст необходимые предписания на проведение полетов к полудню. Сколько времени уйдет на то, чтобы облететь все ваши объекты?

После паузы Старк сказал:

– Время в воздухе, может быть, часов шесть. Сколько времени вы планируете проводить при каждой посадке?

Мулла взглянул на него.

– После этого я хочу пролететь вдоль трубопровода до Абадана и приземляться там, где я укажу.

У Старка расширились глаза. Он кинул взгляд на полковника, но увидел, что тот по-прежнему с подчеркнутой сосредоточенностью разглядывает завитки дыма, поднимавшегося от его сигареты.

– С этим будет труднее, мулла. Нам необходимы разрешения. РЛС не работает, большая часть этого воздушного пространства контролируется авиадиспетчерской службой Киша, а она… э-э… подчинена военно-воздушным силам.

– Какие разрешения понадобятся, вы получите, – сказал Хусейн, заканчивая разговор, и обратил свой немигающий взгляд на Пешади. – Во имя Аллаха, я вернусь в полдень, если вы встанете на моем пути, заговорят ружья.

Старк чувствовал, как колотится его сердце, и мулла чувствовал, как колотится его сердце, то же самое чувствовал и Пешади. Только мулла был спокоен – ему не из-за чего было тревожиться, он был в руках Господа, вершил Божий труд, подчинялся приказам: «Давите на

врага всеми способами. Будьте как вода, текущая с горы к дамбе. Напирайте на дамбу узурпатора шаха, его лакеев, его солдат. Мы должны склонить их на свою сторону, склонить мужеством и кровью. Давите на них всеми возможными способами, вы вершите Божий труд…»

Ветер загремел оконной рамой, и, невольно, все трое бросили взгляд на окно и на ночь за окном. Ночь была все еще темной, звезды сверкали, но на востоке уже забрезжил рассвет, солнечный диск подкрался снизу к самому краю неба.

– Я вернусь в полдень, полковник Пешади, один или со многими. Вам решать. – Хусейн говорил тихо, но Старк ощутил скрытую в словах угрозу – или обещание – всем своим существом. – Но сейчас, сейчас настало время молитвы. – Хусейн заставил себя подняться на ноги, ладони горели от ран, боль в спине, голове и ушах по-прежнему была чудовищной. На миг ему показалось, что он потеряет сознание, но он поборол головокружение и боль и твердым шагом вышел из кабинета.

Пешади встал из-за стола.

– Вы сделаете, как он просит. Пожалуйста, – добавил он в виде великой уступки. – Это временное перемирие и временный компромисс, пока мы не получим заключительные распоряжения от законного правительства его императорского величества, когда мы положим конец все этой ерунде. – Дрожащими руками он прикурил новую сигарету от окурка последней. – У вас проблем не возникнет. Он раздобудет все нужные разрешения, так что это будет обычный ВИП-полет. Самый обычный. Вы обязательно должны согласиться, потому что я, конечно же, не могу позволить, чтобы один из моих военных вертолетов обслуживал муллу, особенно Хусейна, который широко известен как подстрекатель и мятежник! Конечно же, не могу! Это был гениально тонкий ход с моей стороны, и вы не посмеете его разрушить. – Он злобно затушил сигарету, ткнув ею в переполненную пепельницу – воздух в кабинете был тяжелым от никотина, – и почти прокричал: – Вы слышали, что он сказал. В полдень! Один или со многими. Вы хотите, чтобы снова пролилась кровь? А?

– Разумеется, нет.

– Хорошо. Тогда делайте, что вам говорят! – Пешади, грохоча сапогами, вышел.

Нахмурившись, Старк подошел к окну. Мулла занял свое место рядом с воротами, воздел руки и, как каждый муэдзин с каждого минарета с каждым рассветом в исламе, призвал правоверных на первую молитву дня на освященном веками арабском языке:

– Спешите на молитву! Спешите к спасению! Молитва лучше сна! Нет Бога, кроме Аллаха…

Старк видел, как Пешади благочестиво занял свое место во главе всего личного состава базы, людей всех званий, которые послушно и с очевидной радостью вышли из казарм. Солдаты клали оружие на землю рядом с собой, крестьяне за воротами вели себя столь же благочестиво. Затем, следуя примеру муллы, они все повернулись в сторону Мекки и начали обязательные движения, поклоны, чтение шахады:

«Нет (никакого) божества, кроме Бога, Мухаммад – посланник Бога…»

Когда молитва завершилась, наступила глубокая тишина. Все ждали. Потом мулла громко крикнул:

– Бог, Коран и Хомейни! – Он прошел через ворота и направился в сторону Ковисса. Толпа послушно последовала за ним.

Старк против воли поежился. Этот мулла так переполнен ненавистью, что она сочится через поры его кожи. И такая масса ненависти обязательно должна взорваться и похоронить под собой что-нибудь или кого-нибудь. Если я полечу с ним, это, возможно, сделает его ненависть еще сильнее. Если я назначу кого-нибудь или вызову добровольца, это будет нечестно, потому что это моя обязанность.

– Я должен лететь с ним, – пробормотал он. – Должен.

ГЛАВА 5

Недалеко от Ленге. 06.42. 212-й с двумя пилотами и полным комплектом из тринадцати пассажиров выполнял обычный рейс, направляясь в Ормузский пролив со своей базы S-G в Ленге. Он летел над спокойными водами залива в сторону разрабатываемого французами нефтяного месторождения Сирри. Солнце только что встало над горизонтом, обещая еще один ясный, безоблачный день, хотя легкий туман, обычное в заливе явление, снижал видимость до нескольких миль.

– Борт EP-HST, говорит центр радиолокационного контроля Киша, поверните на двести шестьдесят градусов.

Вертолет послушно поменял направление.

– Двести шестьдесят, высота тысяча, – ответил Эд Восси.

– Держитесь на тысяче. Доложите, когда будете над Сирри.

В отличие от большей части территории Ирана, радиолокационный контроль здесь работал исправно, станции располагались на островах Киш и Лаван и были укомплектованы отличными операторами из иранских ВВС, которые прошли подготовку в ВВС США, – оба конца Персидского залива имели одинаковое стратегическое значение и одинаково хорошо обслуживались.

– HST, – Эд Восси был американцем: тридцать два года, бывший военный летчик, здоровый и рослый, как полузащитник в американском футболе. – Радарщики сегодня что-то дерганые, а, Скрэг? – сказал он другому пилоту.

– Дерганые и есть. Наверное, геморрой замучил.

Впереди показался небольшой остров Сирри. Он был пустынным, голым, низменным, с короткой фунтовой взлетно-посадочной полосой, несколькими бараками для рабочих и скоплением огромных резервуаров для нефти, которая поступала сюда по трубам, проложенным по морскому дну от нефтяных платформ, разбросанных в заливе к западу от острова. Остров лежал примерно в шестидесяти милях от иранского побережья, у самой международной границы, которая проходила по Ормузскому проливу и отделяла иранские воды от вод Омана и Объединенных Арабских Эмиратов.

Прямо над резервуарами вертолет плавно завис, глядя носом на запад; их первая остановка была в нескольких милях отсюда на нефтяной платформе, которая называлась «Сирри-3». В настоящий момент на месторождении работали шесть платформ, оператором на всех шести был французский полугосударственный консорциум EPF, который разрабатывал это месторождение для «Иран Ойл» под договоренность о будущих поставках нефти.

– Центр радиолокационного контроля Киш, HST над Сирри на высоте тысяча футов, – сказал Восси в подвесной микрофон.

– Понял вас, HST. Держитесь на тысяче, – тут же прозвучало в ответ. – Доложите перед посадкой. Впереди на десять часов воздушное

движение на взлете, набирают высоту.

– Видим их. – Оба пилота проводили взглядом четыре истребителя, тесной группой забиравшихся в высокое небо и направлявшихся мимо них в сторону устья пролива.

– Торопятся, – произнес пилот постарше и шевельнулся на своем сиденье.

– И не говори. Стой! Черт, да ведь это F15-е, ВВС США! – Восси был поражен. – Черт, я и не знал, что они бывают в этих краях. Ты видел их раньше, Скрэг?

– Нет, приятель, – ответил Скрэг Скраггер, встревоженный не меньше напарника.

Он слегка подрегулировал громкость своих наушников. В свои шестьдесят три, Скраггер был старейшим пилотом в компании S-G, старшим пилотом базы в Ленге, с сухим морщинистым лицом, очень худой, очень крепкий, с седеющими волосами и глубоко посаженными светло-голубыми австралийскими глазами, которые, казалось, постоянно высматривают что-то на горизонте. У него был интересный акцент.

– Хотел бы я знать, чего тут затевается. Радарщики чего-то нервничают, словно кенгуру с колючкой под хвостом, и это уже третья группа самолетов, которую мы встретили с тех пор, как поднялись в воздух, хотя и первая американская.

– Должно быть, какая-нибудь тактическая группа, Скрэг. Или, может, это истребители сопровождения, которые США послали в Саудовскую Аравию вместе с АВАКСами.

Скраггер сидел слева, выполняя функции капитана-инструктора. Обычно для 212-х использовалась конфигурация с одним пилотом, который сидел справа, но Скраггер распорядился, чтобы на этот вертолет поставили сдвоенное управление для тренировочных целей.

– Что ж, – сказал он со смешком, – пока нам не попадутся МиГи, можно особенно не переживать.

– Красные сюда технику не пошлют, как бы им ни хотелось заполучить пролив. – Восси говорил очень уверенно. Он был почти вдвое младше Скраггера и почти вдвое больше его размерами. – Не пошлют, покуда мы им говорим, что нечего им тут делать, и имеем самолеты, ударные группировки и волю, чтобы ими воспользоваться. – Он прищурился, высматривая что-то в тумане. – Эй, Скрэг, погляди-ка!

Громадный супертанкер был тяжело нагружен и сидел низко в воде, задумчиво пробираясь в сторону острова Хормоз. – Готов поспорить, что это полумиллионник, а то и больше.

Несколько секунд они наблюдали за огромным судном. Шестьдесят процентов нефти свободного мира проходило через этот мелкий, узкий пролив между Ираном и Оманом – едва пятнадцать миль от берега до берега в том месте, где суда могли пройти. Двадцать миллионов баррелей в день. Каждый день.

– Как ты думаешь, Скрэг, когда-нибудь построят танкер в миллион тонн?

– Конечно. Конечно построят, если захотят, Эд. – Корабль прошел под ними. – Под флагом Либерии идет, – рассеянно обронил Скрэг.

– Ну и глаз у тебя!

– Это все от здорового образа жизни, парень.

Скраггер бросил взгляд назад в салон. Все пассажиры сидели на своих местах: ремни пристегнуты, обязательные спасжилеты надеты, защитные наушники на ушах; одни читали, другие смотрели в иллюминаторы. Все нормально, подумал он. Да, показания приборов в норме, все шумы и звуки как должны быть, я в норме и Эд тоже. Тогда почему я так нервничаю? – спросил он себя, поворачиваясь обратно.

Из-за ударной группировки, из-за радара на Кише, из-за пассажиров, из-за того, что у тебя сегодня день рождения, и больше всего из-за того, что ты в воздухе, а единственный способ остаться в живых, когда ты в воздухе, это все время нервничать. Аминь. Он рассмеялся вслух.

– Ты это чего, Скрэг?

– Ничего, тебя вспомнил. Ты, стало быть, думаешь, что ты пилот, так?

– Ну, так, Скрэг, – осторожно проговорил Восси.

– О'кей. «Сирри-3» видишь?

Восси ухмыльнулся и показал на платформу вдалеке, едва различимую в тумане, чуть восточнее скопления резервуаров.

Скраггер ухмыльнулся.

– Тогда закрой глаза.

– О-о, да ладно тебе, Скрэг. Я понимаю, контрольный полет и все такое, только, может, ты да…

– Беру управление на себя, – радостно сказал Скраггер. Восси тут же убрал руки с рычагов. – А теперь закрой глаза, потому что это учебное задание.

С уверенным видом молодой человек в последний раз внимательно взглянул на платформу вдалеке, поправил наушники, снял черные очки и подчинился.

Скраггер передал Воссу специально сделанные по его заказу защитные очки с темными круглыми линзами.

– Держи. Надень их, но глаз не открывай, пока я не скажу. Приготовься взять управление на себя.

Восси надел очки и плавным движением, не открывая глаз, вытянул руки и ноги к органам управления, едва их коснувшись, – он знал, что Скраггер это оценит. – О'кей. Я готов, Скрэг.

– Принимай.

Восси тут же овладел ручкой управления и педалями, твердо и без нажима, и остался доволен тем, что передача прошла гладко: машина даже не шелохнулась. Сейчас он летел только по слуху, стараясь уловить малейшие изменения в тоне работающего двигателя – понижения или повышения, – которые означали бы, что он забирает вверх или уходит вниз. Вот звук стал чуть-чуть другим. Он вовремя уловил изменение, почувствовав, почти до того, как это произошло, что тон стал выше, а значит, двигатели набирали обороты, и значит, вертолет пошел вниз. Он скорректировал обороты и выровнял машину.

– Хорошо, приятель, – одобрительно произнес Скраггер. – А теперь открой глаза.

Восси полагал, что на нем обычные тренировочные очки, ограничивавшие внешнюю видимость, но позволявшие видеть приборную панель. Он открыл глаза и очутился в кромешной тьме. Шок вызвал панику, его сосредоточенность мигом улетучилась, а вместе с ней и координация движений. На долю секунды он потерял всякую ориентацию, желудок куда-то провалился, когда он осознал, что сейчас так же провалится и вертолет. Но этого не произошло. Ручка управления осталась недвижима, как скала, в руках Скраггера, которые Восси даже не почувствовал.

– Гос-с-с-споди, – выдохнул Восси, борясь с приступом дурноты, и машинально потянулся рукой к очкам, чтобы сорвать их.

– Не трогай очки! Эд, ситуация критическая: ты – пилот, единственный пилот на борту, и у тебя проблема – ты ни черта не видишь. Что ты будешь делать? Принимай управление! Давай! Ситуация критическая!

Восси почувствовал во рту вкус желчи и сплюнул, руки и ноги нервно подергивались. Он взял управление на себя. Передавил ручку, едва не вскрикнул от ужаса, когда машина клюнула носом и понеслась вниз, потому что думал, что Скраггер его все еще подстраховывает. Но тот не вмешивался. Восси скорректировал обороты, но сбросил слишком много, полностью дезориентированный. На этот раз Скраггер поправил его ошибку.

– Успокойся, Эд, – приказал он. – Слушай чертов двигатель! Подстрой под него свои руки и ноги! – Потом добавил, уже мягче: – Спокойнее, у тебя все получается, не дергайся. Проблюешься потом. У тебя внештатная ситуация, ты должен посадить машину, и у тебя за спиной тринадцать пассажиров. Что до меня, то я здесь рядом с тобой, но я не умею летать на этом чертовом вертолете. Итак, что ты будешь делать?

Восси восстановил координацию рук и ног, напряженно вслушиваясь в звук двигателей.

– Я ничего не вижу, но ты видишь?

– Верно.

– Значит, ты можешь говорить мне, как мне садиться.

– Правильно! – Голос Скраггера звучал резко. – Конечно, тебе нужно будет задавать мне правильные вопросы… Центр радиолокационного контроля Киш, HST уходит с тысячи к «Сирри-3».

– Понял вас, HST.

Скраггер заговорил, изменив голос:

– Меня теперь зовут Берт. Я подсобный рабочий с одной из платформ. Я ничего не смыслю в пилотировании, но могу читать показания приборов – если ты мне скажешь, куда надо смотреть.

Восси радостно окунулся в эту игру, задавая правильные вопросы. Берт заставлял его лазать по самым дальним закоулкам его знаний о пилотировании, органах управления, устройстве кабины, расположении приборов, вынуждая его задавать только те вопросы, которые был способен понять и на которые мог дать ответ самый обыкновенный работяга. Время от времени, когда вопросы Восси

оказывались недостаточно точны, Берт впадал в истерику и начинал вопить:

– Господи, я не могу найти этот прибор. Который тут кружок со стрелкой нужен, они все одинаковые, черт бы их подрал! Объясни еще раз, помедленнее только… о Боже, мы все разобьемся…

Для Восси тьма питалась тьмой. Время растянулось, ни одна шкала, ни одна стрелка не возникали перед глазами, чтобы по-дружески его успокоить, не было ничего, кроме голоса, который загонял его к самым пределам сознания.

Когда они были на высоте пятьдесят футов на подлете к платформе, и Берт выкрикивал информацию для посадки, Восси, холодея от ужаса в темноте, почувствовал, что его сейчас вырвет: крошечный пятачок посадочной площадки на нефтяной платформе неумолимо надвигался на него. Еще есть время, чтобы прервать посадку, прибавить мощности, убраться отсюда к черту и подождать на высоте, вот только как долго?

– Ты сейчас на высоте десять футов и в десяти ярдах от площадки, как ты и хотел.

Восси тут же перевел вертолет в режим зависания; пот лил с него ручьями.

– Здорово, прямо над самым «яблочком», точно, как ты хотел.

Тьма сгустилась сильнее, чем прежде. Как и его страх. Восси забормотал молитву. Он начал понемногу сбрасывать мощность. Ему показалось, что прошла целая жизнь, потом еще одна и еще, а потом полозья шасси коснулись металла, и они сели. Какое-то мгновение он не мог в это поверить. Облегчение было таким огромным, что он едва не зарыдал от радости. Потом, откуда-то издалека, он услышал настоящий голос Скраггера и почувствовал, что управление машиной у него забрали.

– Машина у меня, приятель! Ты чертовски хорошо справился, Эд. Десять баллов из десяти. Управление теперь у меня.

Эд Восси стащил с глаз очки. Его рубашка была насквозь мокрой от пота, лицо – белое как мел. Он обмяк на сиденье, почти не видя движения людей на работающей платформе, толстой веревочной сети, разложенной на посадочной площадке, составлявшей в диаметре едва тридцать ярдов. Боже милосердный, я сел, мы сели, и мы все целы и невредимы.

Скраггер перевел двигатели на холостой ход, глушить их не имело смысла: остановка была короткой. Он мурлыкал себе под нос «Вальсирующую Матильду»[12], что бывало с ним, только когда он был очень доволен. Парень справился прекрасно, думал он, летает на пять. Но вот как быстро он придет в себя? Всегда важно это знать – и еще, не тонка ли у него кишка, – когда ты летишь с кем-то на пару.

Он повернулся и показал большой палец человеку, сидевшему в салоне на переднем сиденье сбоку, одному из французских инженеров, которому нужно было проверить электронасосное оборудование, установленное на этой платформе. Остальные пассажиры терпеливо ждали. Четверо из них были японцами – гости французских чиновников и инженеров из компании EPF. Скраггер ощущал беспокойство, перевозя японцев; его тянуло к воспоминаниям о днях, проведенных им на войне, о потерях австралийцев во время боевых действий в Тихом океане и о тысячах военнопленных, умерших в японских концентрационных лагерях и на строительстве железной дороги в Бирме. Скорее убитых, чем умерших, мрачно отметил он про себя, потом переключил внимание на разгрузку.

Инженер-француз открыл дверцу и теперь помогал рабочим-иранцам выгружать упаковочные ящики из грузового люка. Жаркий и влажный воздух на палубе отнимал силы и был пропитан парами нефти. В кабине было по обыкновению удушающе жарко, влажность высокая, но Скраггер не ощущал никакого дискомфорта. Двигатели ровно работали на холостом ходу, их звук ласкал ему слух. Краем глаза он взглянул на Восси, тот все еще бесформенной грудой сидел в своем кресле, забросив руки за голову, приходя в себя.

Он хороший парень, подумал Скраггер. Тут его внимание привлек громкий голос, раздававшийся в салоне за его спиной. Голос принадлежал Жоржу де Плесси, старшему среди французских чиновников и региональному директору EPF. Он сидел на подлокотнике одного из кресел салона и читал очередную из своих нескончаемых лекций, на этот раз – японцам. Уж лучше им, чем мне, усмехнулся про себя Скраггер. Де Плесси он знал уже три года, и француз ему нравился – французской провизией, которую тот поставлял, и качеством своей игры в бридж, который оба они очень любили, но никак не своими разговорами. Нефтяники все одинаковы, нефть – это единственное, что они знают, и единственное, что они

хотят знать, и, насколько это касается их, все остальное человечество существует на земле для того, чтобы потреблять ее и платить за нее безумные деньги, пока мы не отдадим концы, да и в этом случае большинство крематориев все равно работают на мазуте. Черт побери! Цены на нефть взлетели до четырнадцати долларов восьмидесяти центов за баррель, а ведь еще пару лет назад она продавалась по четыре восемьдесят, а за несколько лет до этого – по доллару восемьдесят. Дьявольщина, да это же бандиты с большой дороги, вся их чертова шайка, и ОПЕК, и «Семь сестер», и даже североморская нефть!

– Все эти платформы стоят на опорах, которые уходят в глубь до самого дна, – говорил де Плесси. – Все французского производства и эксплуатируются французами, каждая обслуживает одну скважину…

Он был в униформе цвета хаки, песочного цвета волосы редкой каймой обрамляли сверху сожженное солнцем лицо. Остальные французы оживленно болтали и о чем-то спорили между собой – и это все, чем они тут занимаются, подумал Скраггер, помимо того, чтобы есть, пить вино да забираться под юбки любой девахе, не сказав при этом даже простого «извините за беспокойство». Совсем как этот старый хрен Жан-Люк, первый кочет среди них всех! И все же у них у всех есть индивидуальность, у всех до единого – совсем не как у этих других сукиных детей. Японцы как на подбор были все низкорослые, худые и очень аккуратные с виду, все одеты одинаково: белые рубашки с коротким рукавом, темные галстуки, темные брюки и темные ботинки, у всех одинаковые цифровые часы и черные очки; единственное различие – возраст. Как сардины в банке, подумал Скраггер.

– …Море здесь, как и во всем заливе, очень мелкое, мсье Касиги, – говорил де Плесси. – Глубина здесь всего около ста футов, и нефть залегает неглубоко, на какой-то тысяче футов. В этой части месторождения, которое мы называем «Сирри-3», у нас шесть скважин, все они соединены трубопроводами и качают нефть прямо в нефтехранилища на острове Сирри. Емкость каждого резервуара три миллиона баррелей, и все они сейчас заполнены.

– А причал для танкеров на Сирри, мсье де Плесси? – поинтересовался Касиги, седеющий руководитель японской группы;

он выговаривал английские слова четко и аккуратно. – Я его не видел, когда мы пролетали над островом.

– На данный момент мы грузимся в море. Строительство причала запланировано на следующий год. А до тех пор с загрузкой ваших танкеров среднего размера проблем не возникнет, мсье Касиги. Мы гарантируем быстрое обслуживание, быструю загрузку. В конце концов, мы же французы. Завтра сами увидите. Ваш «Рикомару» не задерживается?

– Нет. Танкер будет здесь завтра в полдень. Каковы конечные запасы нефти на этом месторождении?

– Они безграничны, – со смехом ответил француз. – Сейчас мы добываем лишь семьдесят пять тысяч баррелей в день, но, *mon Dieu*[13], под морским дном целое озеро нефти.

– Ваше превосходительство капитан! – У бокового окна со стороны Скраггера появилась сияющая физиономия молодого Абдуллы Турика, одного из пожарных на платформе. – Я очень хорошо, очень-очень хорошо. Вы?

– Отлично, мой юный друг. Как дела?

– Я довольный вас видеть, ваше превосходительство капитан.

Примерно год назад база Скраггера в Ленге получила по радио сообщение, что на одной из платформ требуется экстренная эвакуация.

Сообщение поступило посреди ненастной ночи, директор-иранец говорил, что у одного из пожарных, видимо, прорвался аппендикс, и не могли бы они прилететь как можно скорее после рассвета – ночные полеты в Иране были запрещены, за исключением чрезвычайных ситуаций. Скраггер в ту ночь был дежурным по базе и вылетел сразу же – немедленные вылеты, даже в условиях минимальной видимости, были политикой компании и частью особых услуг, которые она предоставляла. Он забрал молодого человека с платформы, доставил его прямиком в иранский военно-морской госпиталь в Бендер-Аббасе и уговорил тамошних врачей заняться им. Если бы не Скраггер, паренек бы умер.

С тех самых пор этот юноша всякий раз выходил к вертолету, чтобы его поприветствовать, а раз в месяц на базу привозили свежую козлятину, как Скраггер ни пытался это прекратить, понимая, сколько это стоило. Однажды он посетил деревню недалеко от Ленге, откуда молодой иранец был родом. Деревня была самой обычной: никаких

санитарных удобств, никакого электричества, земляные полы в домах, глинобитные стены. В Иране за городской чертой жизнь была самой примитивной, но и в этом случае жилось тут лучше, чем в деревнях других государств Персидского залива. Семья Абдуллы была похожа на все остальные семьи, ничем не лучше и не хуже. Много детей, роящиеся мухи, несколько коз и куриц, несколько акров поросшей кустарником земли, а скоро, сказал отец семейства, однажды в скором времени у нас будет своя школа, ваше превосходительство летчик, и свой водопровод, а когда-нибудь – электричество, и да, это правда, что нам живется гораздо лучше, потому что есть работа от нашей нефти, которую эксплуатируют чужеземцы – хвала Аллаху, что он дал нам нефть. Хвала Аллаху, что мой сын Абдулла выжил. На то была воля Бога, чтобы он выжил, воля Бога убедила его превосходительство летчика взять на себя столько трудов и хлопот. Благодарение Богу!

– Как дела, Абдулла? – повторил Скраггер; юноша ему нравился, он был современным, не как его отец.

– Хорошо. – Абдулла подошел ближе, почти просунул лицо в кабину. – Кап'тан, – запинаясь, произнес он уже без улыбки и так тихо, что Скраггеру пришлось податься вперед, чтобы услышать его. – Скоро большая беда… Коммунист Туде, моджахедин, может, федаин. Стрелять и взрывать… может, корабль в Сирри. Опасность. Пожалуйста, очень, не скажи ничего, кто тебе говорит, да? – Он опять нацепил на лицо улыбку и громко воскликнул: – Счастливых посадок и прилетай опять скоро, ага. – Он один раз махнул рукой и, пряча свой страх, вернулся к остальным.

– Конечно-конечно, Абдулла, – пробормотал Скраггер. Несколько иранцев стояли неподалеку, глядя на вертолет, но это было делом обычным. Пилотов ценили, потому что они были единственным связующим звеном при эвакуации пострадавших. Он увидел, как начальник посадочной площадки поднял два больших пальца, давая ему добро на взлет. Скраггер машинально обернулся и проверил еще раз, все ли надежно закреплено, и все ли пассажиры на своих местах. – Мне повести машину, Эд?

– Да, конечно, Скрэг.

Поднявшись на тысячу футов, Скраггер выровнял вертолет и взял курс на «Сирри-1», где должны были высадиться остальные пассажиры. Он был очень встревожен. Черт подери, думал он. Одна

бомба могла бы утопить остров Сирри в заливе. Впервые до него дошли слухи о возможных беспорядках. Нефтепромысел Сирри не подвергся ни единой забастовке, которые привели к закрытию всех остальных месторождений, главным образом, по мнению иностранных специалистов, в силу того, что французы предоставили убежище Хомейни.

Саботаж? Япошка как будто говорил о танкере, который должен прийти завтра? Точно говорил. Что же делать? Ничего в данный момент, просто отложить Абдуллу на потом – сейчас, когда ты в полете, не время об этом думать.

Скраггер посмотрел на Восси. Эд сработал хорошо, очень хорошо, лучше, чем… чем кто? Он мысленно перебрал всех пилотов, которых помог подготовить за эти годы. Сотни человек. Сам он летал с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать. Королевские австралийские ВВС в семнадцать лет в 33-м году, «спитфайеры» в 39-м и погоны капитана авиации, потом, в 45-м, он пересел на вертолеты, Корея в 49-м, потом, после двадцати лет службы, отставка, все в том же капитанском чине, все с тем же вспыльчивым характером и всего лишь тридцати семи лет от роду. Он рассмеялся. В военной авиации у него всегда были плохие отношения с начальством.

– Ради всего святого, Скраггер, ну зачем, зачем ты полез к вице-маршалу авиации[14]? На этот раз тебе крышка…

– Но, господин полковник, англичашка первый начал, этот сукин сын заявил, что все мы, австралийцы, воры, на запястьях у нас кандальные отметины и произошли мы все от зэков!

– Вон как! Эти проклятые англичане все одинаковы, Скрэг, хотя в твоем случае он, наверное, был прав: твоя семья в наших краях испокон века обитается, только все равно в звании тебя опять понизили, и если ты не исправишься, я тебя вообще навсегда от полетов отстраню!

Но так и не отстранил. Да и как отстранить? Два Креста Военно-воздушных сил, два креста «За летные боевые заслуги», шестнадцать сбитых самолетов и втрое больше боевых вылетов, которые он совершал с радостью, как и все в Королевских ВВС Австралии. И до сих пор летает, а больше ему в целом мире ничего не надо; все так же старается быть лучшим и самым надежным пилотом и все так же мечтает выжить со всеми пассажирами после аварийной посадки. Если

летаешь на вертолетах, то поломок оборудования избежать никак невозможно, подумал он, понимая, что ему очень, очень сильно везло. В отличие от других пилотов, ничем не хуже его, чье везение кончилось. Без везения хорошим пилотом быть нельзя.

Скраггер снова посмотрел на Восси, радуясь, что не было войны – самого главного испытательного полигона для летчика. Не хотелось бы мне потерять юного Эдда, он один из лучших в S-G. Так, с кем лучше него тебе доводилось летать? Чарли Петтикин, конечно, но ему, с другой стороны, иначе и не положено: буш-пилот, к тому же воевал и в каких только передрягах не побывал. То же самое Том Локарт. Подлый Дункан Мак-Айвер до сих пор лучший из всех, хотя уже и не летает, чтоб он провалился со своими ежеквартальными медосмотрами, – хотя и я был бы так же безжалостен и так же осторожен с ним, если бы сам сидел на земле, а он бы летал туда-сюда в шестьдесят три года, словно зеленый курсантик. Бедолага.

Скраггер передернулся. Если Управление гражданской авиации протащит свои новые правила, касающиеся возраста и обязательного выхода на пенсию, мне конец. В тот день, когда меня отстранят от полетов, я направлюсь прямиком к вратам рая, тут и думать нечего.

«Сирри-1» оставался еще далеко впереди. Уже с год или больше того он садился там три раза в неделю. И все равно он планировал свой заход на посадку так, словно делал это в первый раз. «Безопасность случайной не бывает, ее надо готовить». Сегодня мы аккуратно и мягко зайдем по низкой траектории…

– Скрэг.

– Да, сын мой!

– Ты меня перепугал до полусмерти.

Скраггер хохотнул.

– Ты сам себя перепугал до полусмерти, это тебе урок номер один. Что еще ты усвоил?

– Полагаю, как чертовски легко удариться в панику, каким себя чувствуешь одиноким, беспомощным и как нужно ценить свои глаза, – Восси выпаливал слова почти скороговоркой. – Думаю, я понял, насколько я смертен, черт возьми, Скрэг, мне было страшно… так страшно.

– Когда это случилось со мной, я обделался прямо в штаны.

– А?

– Я тогда летел из Кувейта, на 47G2, еще в старые времена, в шестидесятые годы. – 47G2 был маленьким трехместным вертолетом с кабиной, похожей на мыльный пузырь, и поршневым двигателем Белла, сейчас это главная рабочая лошадка для дорожной и обычной полиции. – Чартер был заказан для врача и инженера из «ЭксТекс». Им нужно было добраться до оазиса за Вафрой, где произошел несчастный случай – какой-то бедолага попал ногой под бур. В общем, летим мы без дверей, как обычно, на дворе лето, жара градусов под пятьдесят и сухо, для человека и вертолета так погано, как только может быть погано в пустыне – хуже, чем в австралийской глубинке, и намного. Но нам посулили двойную оплату и премию, так что мой старый приятель Форсайт меня записал добровольцем. Для пустыни денек выдался еще не самым худшим, Эд, хотя ветер жег как раскаленная железка, налетал порывами и подличал по обыкновению, знаешь, то вдруг завихрится и песок подымет в пылевую тучу, то смерч закрутит. Я был на высоте примерно триста футов, заходил на посадку, когда мы попали в пылевую тучу – пылинки такие мелкие, что и не разглядишь. Как эта пыль забралась ко мне под очки, ума не приложу, только вот в один момент у нас все нормально, а в следующий – все начали кашлять и плеваться, а мне оба глаза так засыпало, что я ослеп начисто, как Костыль Пит в мультике про Микки-Мауса.

– Да брось ты!

– Нет, честно. Богом клянусь! Ни хрена не вижу, глаз открыть не могу, а пилот я один, и два пассажира на борту!

– Господи, Скрэг. Сразу оба глаза?

– Оба глаза, и нас мотало по всему небушку к чертям собачьим, пока я машину кое-как не выровнял, а сердце назад за грудину не вернулось. Док глаза мне прочистить не может, и каждый раз, когда пытается, или я пытаюсь, нас кидает так, что мы чуть кверху брюхом не переворачиваемся – ты же знаешь, как с этими G2-ми трудно. Они, вслед за мной, тоже в панику, а толку от этого никакого. Тогда-то я и сообразил, что наш единственный шанс – сажать машину вслепую. Ты говорил, тебе было страшно, что ж, когда наши полозья опустились на песок, у меня в мочевом пузыре не оставалось ни капли, ни единой капелюшечки.

– Господи, Скрэг, так ты и в самом деле его посадил? Совсем как сегодня, только взаправду, слепой от пыли на оба глаза? Без вранья?

– Я заставил их все мне говорить, так же, как с тобой сегодня… по крайней мере, врач мне говорил, тот второй бедолага грохнулся в обморок. – Рассказывая, Скраггер ни на секунду не выпускал из глаз платформу, на которую они должны были садиться. – Как она на твой взгляд? – спросил он.

– Пара пустяков.

«Сирри-1» лежала прямо по курсу, посадочная площадка раскинулась над водой. Они могли разглядеть начальника посадочной площадки и обязательную команду пожарных, выстроившуюся рядом. «Колдун»[15] надулся наполовину и не шевелился.

Обычно Скраггер доложил бы в центр радиолокационного контроля и начал постепенно снижаться. Вместо этого он сказал:

– Сегодня мы останемся сверху, приятель, зайдем под большим углом и опустим машину вниз.

– Зачем это, Скрэг?

– Так, для разнообразия.

Восси нахмурился, но промолчал. Он еще раз пробежался взглядом по шкалам приборов, высматривая неожиданные показания. Ничего не обнаружил. За исключением некоторой странности в поведении старика.

Когда они заняли нужную позицию высоко над платформой, Скраггер щелкнул передатчиком:

– HST вызывает центр радиолокационного контроля Киш, ухожу с тысячи к «Сирри-1».

– Вас понял, HST. Доложите, когда будет готовы к взлету.

– HST.

Они приготовились к заходу на посадку под крутым углом, который обычно использовался, когда место посадки было окружено высокими зданиями или деревьями. Скраггер сбросил точно необходимое количество мощности. Вертолет начал плавно опускаться, безукоризненно управляемый пилотом. Девятьсот футов, восемьсот, семьсот, пятьсот… четыреста… триста… Вибрацию в органах управления оба пилота почувствовали одновременно.

– Господи, – охнул Восси.

Однако Скраггер уже круто качнул машину носом вниз и вдавил рычаг управления общим шагом винта в пол. Вертолет тут же и очень быстро полетел вниз. Двести футов, сто пятьдесят, сто, вибрация

усиливалась. Глаза Восси прыгали со шкалы на шкалу, на посадочную площадку, опять на приборы. Он напрягся и застыл на своем сиденье, мозг истошно вопил: рулевой винт вышел из строя или коробка передач рулевого винта…

Посадочная площадка неслась им навстречу, люди внизу в панике бросились врассыпную, пассажиры замерли, испуганные неожиданной крутизной снижения, Восси вцепился руками в край сиденья, чтобы удержаться. Теперь вибрировала вся приборная панель, тон двигателей поменялся. В любую секунду Восси ждал, что рулевой винт откажет полностью, и тогда им конец. Альтиметр показывал шестьдесят футов… пятьдесят… сорок… тридцать… двадцать, и его руки потянулись, чтобы схватить ручку управления и начать выравнивание, но Скраггер опередил его на долю секунды, перевел двигатели на полную мощность и идеально выровнял машину перед посадкой. На секунду вертолет, казалось, застыл неподвижно в трех футах над площадкой под оглушительный вой двигателей, потом опустился, ударившись, но не слишком сильно, рядом с наружным краем круга, юзом протащился вперед и остановился в шести футах от центра.

Скраггер выругался себе под нос.

– Господи, Скрэг. – Восси едва мог говорить. – Это было идеально.

– О нет, ничего подобного, я промахнулся на шесть футов. – С усилием Скраггер отлепил руки от рычагов управления. – Заглуши двигатель, Эд, и как можно быстрее! – Скраггер открыл дверцу со своей стороны, быстро выскользнул наружу, прошел назад к дверце салона, не обращая внимания на хлеставшие его воздушные потоки от винта, и открыл ее. – На секундочку задержитесь на своих местах, – прокричал он поверх ослабевающего воя реактивных двигателей; его спина покрылась потом от облегчения, когда он увидел, что все сидят пристегнутые и никто не пострадал. Пассажиры послушно остались в своих креслах, лица у двух из них были нездорового серого цвета. Четыре японца бесстрастно смотрели на него. До чего же невозмутимый народ, черт их возьми, подумал он.

– *Mon Dieu,* Скрэг, – выкрикнул де Плесси. – Что случилось?

– Не знаю, думаю, рулевой винт… как только лопасти остановятся, мы тут же…

– Черт бы тебя побрал, Восси, что за игры ты тут затеял! – Это был Гафари, иранский начальник посадочной площадки, его перекошенное от ярости лицо тряслось рядом с окном пилота. – Как ты посмел выполнять учебные упражнения на этой платформе? Я доложу, что ты использовал опасные приемы пилотирования!

Скраггер круто повернулся.

– Машину пилотировал я, а не капитан Восси! – Разом огромное облегчение, которое Скраггер испытал от того, что безопасно посадил машину, смешалось с его давней неприязнью к этому человеку, и он потерял контроль над собой. – Вали отсюда, Гафари, вали немедленно, или я тебя отделаю раз и навсегда! – Его руки сжались в кулаки, и он был готов это сделать. – ВАЛИ ОТСЮДА!

Остальные в ужасе наблюдали за этой сценой. Восси побледнел. Гафари, выше ростом и тяжелее, чем Скраггер, поколебался мгновение, потом затряс кулаком у лица Скраггера, поливая его проклятиями на фарси, потом крикнул по-английски, желая его спровоцировать:

– Чужеземная свинья! Как ты смеешь браниться на меня, угрожать мне! Да я добьюсь, чтобы тебя отстранили от полетов за опасное пилотирование и выкинули вон из Ирана. Вы, собаки, возомнили, что наше небо принадлежит вам…

Скраггер метнулся вперед, но перед ним неожиданно вырос Восси и своим огромным торсом остановил его.

– Эй, старина, ну надо же, как бывает? Эй, ты уж извини, Скрэг, – безмятежно произнес он, – только нам бы лучше взглянуть на рулевой винт. Скрэг, эй, Скрэг, старина, рулевой винт, а?

Прошло несколько секунд, прежде чем взгляд Скраггера очистился. Сердце колотилось в груди, он видел, что все на него смотрят. Огромным усилием он подавил в себе гнев.

– Ты… ты прав, Эд. Да. – Он повернулся в Гафари. – У нас… э… у нас возникла аварийная ситуация. – Рот Гафари начал издевательски кривиться, и ярость снова заклокотала в Скраггере, но на этот раз он справился с ней.

Они прошли к хвосту. Вокруг уже собралась толпа работников нефтяной платформы, европейцев и иранцев. Рулевой винт остановился. Одна из его лопастей была дюйма на четыре короче, разлом торчал острым концом. Когда Восси потрогал главный

подшипник, оказалось, что тот болтается совершенно свободно – огромная сила биения, вызванного разбалансировкой лопастей винта, разрушила его. За спиной Восси один из пассажиров подбежал к краю платформы и его буквально вывернуло наизнанку.

– Господи, – пробормотал Восси, – да я его двумя пальцами могу сорвать.

Гафари нарушил молчание своим ревом:

– Очевидный недосмотр при обслуживании, поставивший под угрозу жи…

– Замолчите, Гафари, – сердито оборвал его де Плесси. – *Merde,* мы все живы, и мы все обязаны жизнью капитану Скраггеру. Никто не мог этого предвидеть, стандарты компании S-G самые высокие в Иране.

– Я доложу об этом происшествии, мистер де Плесси, и…

– Да, пожалуйста, доложите и помните, что я буду с огромной похвалой отзываться о мастерстве нашего пилота. – Разгневанный де Плесси выглядел впечатляюще. Гафари он терпеть не мог, считая его подстрекателем, который в один момент открыто выступал за Хомейни и подталкивал рабочих к забастовке, при условии, что поблизости не было поддерживающих шаха военных или полицейских, а в другой раболепствовал перед шахскими властями и наказывал рабочих за малейшую провинность. Чужеземная свинья, вон как? – Не забывайте также, что это совместное франко-иранское предприятие, а Франция не… как бы это выразиться… Франция не осталась недружелюбной к Ирану в тяжелый для вашей страны час.

– Тогда вы должны настоять, чтобы Сирри обслуживали только французы, а не старики! Я немедленно доложу об этом происшествии. – Гафари повернулся и зашагал прочь.

Прежде чем Скраггер смог сказать или сделать что-нибудь, де Плесси положил руки ему на плечи и поцеловал в обе щеки, а потом с той же сердечностью пожал ему руку.

– *Спасибо, mon cher ami*[16]*!*

Раздались громкие приветственные крики французов, которые поздравили друг друга, а потом обступили Скраггера и по очереди торжественно его обняли. Затем вперед выступил Касиги.

– *Домо*[17], – произнес он официальным тоном, и, к еще большему смущению Скраггера, все четыре японца разом поклонились ему,

вызвав новый взрыв приветствий со стороны французов и многочисленные похлопывания по спине.

– Спасибо, капитан, – торжественно сказал Касиги. – Да, мы понимаем, и благодарим вас. – Он улыбнулся и протянул ему свою визитку, держа ее обеими руками и сопровождая все это еще одним легким поклоном. – Ёси Касиги, компания «Тода Шипинг Индастриз». Благодарю вас.

– Да ничего такого страшного, мистер… э… мистер Касиги, – ответил Скраггер, стараясь преодолеть смущение; гнев у него прошел, и он полностью овладел собой, хотя и пообещал себе, что как-нибудь отловит Гафари одного на берегу. – Мы… э… у нас есть все необходимое, чтобы держаться на воде, и места было полно, так что мы могли сесть и на воду. Это наша работа, наша работа безопасно посадить машину. И Эд тоже. – Он широко улыбнулся Восси, понимая, что, вклинившись между ним и иранцем, молодой человек спас его от потасовки, из которой он вряд ли вышел бы победителем. – Капитан Восси сделал бы то же самое. Это было не слишком опасно… я просто не хотел, чтобы вы промокли, хотя вода приятная и теплая, правда, никогда не знаешь про всякие там «челюсти»…

Напряженность исчезла, и все они рассмеялись, хотя и немного нервно: воды залива и устья рек, в него впадавших, кишели акулами. Теплая вода и изобилие пищевых отходов и канализационных вод, которые страны Персидского залива тысячелетиями сбрасывали в него, привлекали рыб всех форм и видов, особенно акул. И поскольку все пищевые отходы и продукты жизнедеятельности с нефтяных платформ сбрасывались прямо в море, акулы обычно держались поблизости.

– Вам доводилось видеть здесь крупные экземпляры, капитан?

– А как же. У берегов острова Харк, например, живет здоровая акула-молот. Я работал на тамошней базе пару лет, и она мне попадалась на глаза, ну, раз или два каждые несколько месяцев. В ней было футов двадцать пять, может, тридцать. Гигантских скатов я видел много, но из крупных акул – только ее.

Де Плесси передернулся.

– *Merde* на всех акул. Меня на Сирри одна чуть не сцапала, а я, как вы это говорите, просто балакался у берега. Но акула ринулась на меня прямо по мелководью, причем с такой скоростью, что аж выбросилась на берег. Было в ней метра два с половиной. Мы всадили

в нее шесть пуль, но она продолжала биться и все пыталась до нас добраться. Умирала несколько часов, да и потом ни один из нас не рискнул к ней приблизиться. Фуф, акулы! – Он оглянулся на сломанную лопасть. – Я, скажем, очень рад, что оказался на платформе.

Все согласились. Французы заговорили между собой, жестикулируя, потом двое пошли вытаскивать из вертолета какие-то корзины с крышками, а третий отправился помогать человеку у ограждения, которого все еще рвало. Рабочие разошлись. Японцы ждали и смотрели.

Восси суеверно коснулся лопасти.

– На удачу, а, Скрэг?

– Почему бы и нет? Если и ты, и пассажиры остались целы, значит, посадка прошла нормально.

– Почему лопасть обломилась? – спросил де Плесси.

– Не знаю, дружище, – ответил Скраггер. – У «Сирри-3» пролетала стая мелких морских птиц, по-моему крачек. Одна из них могла попасть в винт и создать точку концентрации напряжения. Я совершенно ничего не почувствовал, но, с другой стороны, это никак и не ощущается. Я знаю, что винт был в идеальном состоянии сегодня утром, потому что мы оба его проверяли – обычная процедура. – Он пожал плечами. – Форс-мажор.

– *Oui. Espèce de con!* Я, скажем, не люблю быть в такой близи от форс-мажора. – Нахмурившись, он посмотрел на посадочную площадку. – Сможет 206-й или «Алуэтт» вывезти нас отсюда партиями?

– Мы пошлем за другим 212-м, а нашу птичку припаркуем вон там. – Скраггер показал на внутреннюю часть площадки рядом с высоко торчащей работающей буровой вышкой. – В багажном отделении у нас есть колеса, так что большого труда это не составит, и у вас задержки не будет.

– Хорошо. Хорошо, тогда я вас оставлю. Пойдемте со мной, – важно обратился де Плесси к остальным пассажирам. – Думаю, нам всем не помешает чашка кофе и бокал холодного «Шабли».

– Я полагал, что на всех платформах действует сухой закон, – сказал Касиги.

Брови де Плесси взлетели вверх.

– Так и есть, мсье. Разумеется. Для иранцев и нефранцузов. Конечно. Но наши платформы французские, и на них действует Гражданский кодекс Наполеона. – Он добавил с величественным видом: – Нам следует отпраздновать наше благополучное прибытие, и сегодня вы гости милой Франции, поэтому мы можем вести себя цивилизованно и немного изменить правилам – для чего же еще и существуют правила, как не для того, чтобы им изменять? Разумеется. Прошу вас, потом мы начнем осмотр и проведем брифинг.

Все последовали за ним, кроме Касиги.

– А вы, капитан? – спросил он. – Чем вы займетесь?

– Мы будем ждать. Вертолет доставит сюда запчасти и механиков, – ответил Скраггер, чувствуя себя не в своей тарелке: ему не нравилось быть в такой тесной компании с японцами, он никак не мог погасить в себе воспоминания о стольких друзьях, погибших на войне такими молодыми, тогда как он до сих пор жив-здоров, и постоянный, неотвязчивый вопрос: почему они, а не я? – Мы подождем, пока вертолет ремонтируют, потом отправимся домой. Почему вы спрашиваете?

– Когда это произойдет?

– До захода солнца. А что?

Касиги бросил взгляд через плечо на сломанную лопасть.

– С вашего разрешения, я бы хотел вернуться с вами.

– Это… это капитану Восси решать. Официально он капитан этого рейса.

Касиги повернулся к Восси. Молодой пилот знал, что Скраггер недолюбливает японцев, но понять этой неприязни не мог. Сегодня перед самым взлетом он сказал:

– Черт, Скрэг, Вторая мировая закончилась миллион лет назад. Япония теперь наш союзник, единственный большой союзник, который у нас есть в Азии.

Но Скраггер сказал тогда:

– Оставь ты эту тему, Эд.

И Восси ее оставил.

– Вам… э… лучше будет вернуться вместе с остальными, мистер Касиги, никто не знает, сколько времени мы тут пробудем.

– Вертолеты заставляют меня нервничать. Я бы предпочел полететь с вами, если вы не возражаете. – Касиги опять повернулся к

Скраггеру, каменный взгляд темных глаз на многое повидавшем лице. – Ситуация была очень опасной. У вас почти не было времени, и все же вы авторотировали на высоте едва в триста футов, чтобы идеально сесть на это мушиное пятно. Это невероятное мастерство. Единственное, чего я не понимаю: почему вы были под крутым углом, почему заходили на посадку сверху, под большим углом? – Он перехватил взгляд, который Восси бросил на Скраггера. Ага, подумал он, ты задаешь себе тот же вопрос. – В такой день, как сегодня, для этого нет никаких причин, не так ли?

Скраггер в упор смотрел на него, встревоженный еще больше.

– Вы летаете на вертолете?

– Нет, но я провел в них достаточно времени, чтобы знать, когда ситуация по-настоящему опасная. Мой бизнес – это танкеры, следовательно, нефтяные промыслы, здесь, в заливе, в Ираке, в Ливии, на Аляске – повсюду. Даже в Австралии. – Касиги дал поднявшейся волне ненависти прокатиться над ним. Он привык к ней. Он знал ее причину, потому что вел теперь большие дела в Австралии, очень большие дела. Часть этой ненависти заслужена, подумал он. Часть. Ну да ладно, австралийцы изменятся, им придется измениться. В конце концов, нам принадлежит значительная часть их сырьевых ресурсов на много лет вперед, а скоро будет принадлежать еще больше. Любопытно, что экономическими методами нам так легко удается добиться того, чего мы не смогли добиться методами военными. – Пожалуйста, почему вы сегодня решили заходить на посадку под большим углом? При обычном заходе на посадку мы бы сейчас все были под водой, на самом дне. Так почему?

Скраггер пожал плечами, ему хотелось прекратить этот разговор.

– Командир, – спросил Восси, – почему?

– Повезло.

Губы Касиги сложились в полуулыбку.

– Если вы позволите, я бы хотел вернуться с вами. Жизнь за жизнь, капитан. Пожалуйста, сохраните мою визитку. Может быть, однажды я смогу быть вам полезен. – Он вежливо поклонился и зашагал прочь.

11.56. – Взрывчатка на Сирри, Скрэг? – Де Плесси был потрясен.

– Возможно, – ответил Скраггер так же тихо. Они стояли на дальнем краю платформы, далеко от всех, и Скраггер только что сообщил де Плесси то, что прошептал ему Абдулла.

Второй 212-й уже давно прибыл и ожидал, когда де Плесси даст команду заводить двигатель, чтобы отвезти его и его группу на Сирри, где они должны были обедать. Механики уже разобрали большую часть хвоста на скраггеровском 212-м и с головой ушли в ремонт. Восси внимательно наблюдал за их работой. Новый винт и коробка передач уже были установлены.

Через секунду де Плесси беспомощно произнес:

– Взрывчатка может быть где угодно, в любом месте. Даже небольшое ее количество способно вывести из строя всю насосную систему. Мадонна, это был бы идеальный ход, чтобы отнять у Бахтияра – или Хомейни – последние шансы вернуться к нормальной жизни.

– Да. Но будьте осторожны, используя эту информацию. И, ради всех святых, держите ее при себе.

– Разумеется. Этот человек подошел к вам на «Сирри-3»?

– В Ленге.

– Да? Тогда почему вы не сказали мне об этом сегодня утром?

– Времени не было. – Скраггер огляделся, чтобы убедиться, что их по-прежнему никто не слышит. – Что бы вы ни предприняли, будьте осторожны. Этим фанатикам ровным счетом наплевать на все, человеческая жизнь для них не стоит и пенса, и если они узнают об утечке информации, о том, что кто-то настучал… трупы будут плавать по всему заливу отсюда до Хормоза.

– Согласен. – Де Плесси был сильно встревожен. – Вы кому-нибудь говорили?

– Нет, приятель.

– *Mon Dieu,* что мне делать? Служба безопасности… да какая служба безопасности может у нас быть в Иране? Хотим мы этого или нет, мы в их власти. – Помолчав, он добавил: – Спасибо вам, уже второе за сегодня. Должен сказать, что я ожидал серьезного саботажа на Харке и в Абадане, – левым на руку добавить побольше хаоса, – но я никак не думал, что они и сюда доберутся.

Он задумчиво облокотился на перила, глядя вниз на море, лениво плескавшееся у опор платформы. Кругами ходили акулы, подъедая

плавающие в море отбросы. Теперь нам угрожают террористы. Хранилища и насосные станции Сирри – хорошая мишень для диверсии. А если на Сирри что-нибудь произойдет, мы потеряем годы тщательного планирования, годы поставок нефти, в которой Франция отчаянно нуждается. Нефти, которую нам, возможно, придется покупать у этих вонючих англичан с их вонючими месторождениями в Северном море – как они смеют быть такими везучими со своим миллионом триста тысячами баррелей в день, да еще прибавлять добычи!

Почему нефти нет около наших берегов или у Корсики? Эти растреклятые англичане с их двуличным, двоедушным подходом к жизни! Прав был де Голль, что не пускал их в Европу, а теперь, когда мы, по доброте сердечной, их приняли, хотя все мы знаем, что они лживые ублюдки, они и думать не думают делиться своей удачей с нами, своим партнером. Они только притворяются, что в ЕЭС они вместе с нами, – они всегда были и будут против нас. Великий Шарль был прав на их счет, но как же невероятно он ошибся с Алжиром. Если бы Алжир до сих пор был нашим, нашей землей и потому с нашей нефтью, мы были бы богаты, довольны, а Британия, Германия и все остальные вылизывали бы нам пятки.

Тем временем, что мне делать?

Отправляйся на Сирри и пообедай. После обеда ты лучше соображаешь. Благодарение Богу, мы все еще можем снабжаться через разумные, цивилизованные Дубай, Шарджу и Эль-Шаргаз. Каждый день из Франции свежий бри, камамбер, бурсен, свежий чеснок и масло и настоящее вино, без которого мы с тем же успехом просто могли бы отдать здесь Богу душу. Ну, почти с тем же, осторожно добавил он и тут заметил, что Скраггер внимательно на него смотрит.

– *Да, mon brave*[18]*?*

– Я говорю, что вы собираетесь предпринять?

– Распоряжусь провести учебную тревогу для охраны, – ответил он величаво. – Похоже, я забыл пункт 56/976 нашего первоначального франко-иранского контракта, который гласит, что каждые шесть месяцев в течение нескольких дней безопасность предприятий должна проверяться на предмет всех и всяческих проникновений посторонних лиц для… э… к вящей славе Франции и… э… Ирана! – Чистые глаза де Плесси просияли от красоты этой уловки. – Да. Разумеется, мои

подчиненные забыли напомнить мне об этом, но теперь мы все дружно впряжемся в эту работу с подлинно французским энтузиазмом. Везде, на Сирри, на платформах, на берегу, даже в Ленге! *Les crétins*[19]*!* Как они смеют думать, что им удастся саботировать то, во что вложены годы труда. – Он огляделся по сторонам. Рядом по-прежнему никого не было. Остальные члены группы собрались возле второго 212-го. – Мне придется рассказать все Касиги из-за его танкера, – тихо проговорил он. – Возможно, это и есть их цель.

– А ему можно доверять? Я имею в виду, сделать все без лишнего шума.

– Да. Иначе нельзя*, mon ami.* Нам придется его предупредить, да, нам придется это сделать. – Де Плесси почувствовал, как в животе у него заворчало. Боже, подумал он, всполошившись не на шутку, надеюсь, это просто голод, и меня не ожидает разлитие желчи, хотя после всего, что я сегодня пережил, это было бы не удивительно. Сначала у нас едва не случилась авария, потом наш лучший пилот едва не подрался с этим мешком навоза Гафари, а теперь еще и революция стучится в двери. – Касиги спрашивал, нельзя ли ему полететь с вами. Когда вы будете готовы?

– До захода солнца, но ему совсем не обязательно нас ждать, он может вернуться с вами.

Де Плесси нахмурился.

– Я понимаю, почему вы не любите японцев. Я, скажем, до сих пор не выношу немцев. Но мы должны быть практичными. Он хороший клиент, и раз уж он попросил, я был бы вам признателен, если бы вы… если бы вы… э… попросили Восси его отвезти, *mon cher ami.* Да, теперь мы близкие друзья, вы спасли наши жизни, и мы вместе пережили форс-мажор! И он – один из наших очень хороших клиентов, – твердо добавил он. – Очень хороших. Благодарю вас*, mon ami. Я* оставлю его на Сирри. Когда вы будете готовы, вы сможете забрать его оттуда. Расскажите ему все, что вы рассказали мне. Отлично, значит, решено, и будьте уверены, что я расскажу о вашем мастерстве властям и самому лорду Гаваллану в самых лестных выражениях. – Он вновь просиял. – Ну, мы полетели, я увижу вас завтра.

Скраггер посмотрел ему вслед. Выругался про себя. Де Плесси был самым главным, так что поделать Скраггер ничего не мог и позже

днем весь путь до Сирри просидел в салоне вертолета, потея и ненавидя быть пассажиром.

– Господи, Скрэг, – ошеломленно вскинулся Восси, когда Скраггер сказал ему, что полетит сзади. – Пассажиром? С тобой все в порядке? Ты уверен, ч…

– Просто хочу посмотреть, на что это похоже, – раздраженно ответил Скраггер. – Заталкивай свою задницу на капитанское сиденье, забирай этого гада с Сирри и сажай машину в Ленге, словно перышко, черт подери, а не то я тебе такого понапишу в отчете…

Касиги ждал на вертолетной площадке. Укрыться от солнца было негде, ему было жарко, донимала пыль. Песчаные дюны тянулись за его спиной до трубопровода и комплекса нефтехранилищ, грязно-бурые от пыли. Скраггер смотрел на песчаных дьяволов – небольшие песчаные смерчи – танцующих над землей, и благодарил свою судьбу за то, что он мог летать и не должен был работать в таком месте. Да, вертолеты – это всегда много шума, постоянная вибрация, и никогда не знаешь, что они выкинут, думал он, и да, я скучаю по полетам в высоком небе, в самолете, один на один с целым небом, пикирования и перевороты, то падаешь камнем, как орел, то вновь взмываешь ввысь, но полет – это всегда полет, и я до сих пор терпеть не могу сидеть в этом чертовом пассажирском салоне. Ради всех святых, здесь лететь еще хуже, чем в обычном самолете! Он ненавидел летать, не управляя машиной, и никогда в этом случае не чувствовал себя в безопасности; и это лишь добавило ему дискомфорта, когда он махнул рукой Касиги, чтобы тот садился рядом с ним, и с грохотом захлопнул за ним дверцу. Оба механика дремали в сиденьях напротив, их белые комбинезоны были покрыты пятнами пота.

Когда они поднялись в воздух, Скраггер наклонился поближе к Касиги.

– Иначе как в спешке рассказать не получится, поэтому слушайте: возможно, что Сирри, одна из платформ или, может, даже ваш корабль подвергнется террористическому нападению. Де Плесси попросил меня предупредить вас.

Воздух со свистом вырвался изо рта Касиги.

– Когда? – спросил он, перекрывая сильный шум в салоне.

– Не знаю. Де Плесси тоже не знает. Но это более чем возможно.

– Как? Как они намерены осуществить диверсию?

– Понятия не имею. Оружие или взрывчатка, может быть, бомба с часовым механизмом. Так что вам лучше усилить охрану.

– Она и так оптимальна, – тут же ответил Касиги и увидел, как в глазах Скраггера промелькнула злость. Какое-то мгновение он не мог понять почему, потом вспомнил, что он сказал секунду назад. – А, извините, капитан, я и не думал хвастаться. Просто у нас всегда очень высокие стандарты в этой области, а в этих водах мои корабли ведут себя… – он едва не сказал «как на войне», но вовремя спохватился, сдерживая раздражение, которое у него вызывала чувствительность собеседника. – В этих водах все ведут себя более чем осторожно. Пожалуйста, извините меня.

– Де Плесси хотел, чтобы вы были в курсе. И еще, чтобы вы держали эту информацию при себе и не привлекали в помощь иранцев.

– Понимаю. Я буду надежно оберегать вашу информацию. Еще раз спасибо.

Касиги увидел, как Скраггер коротко кивнул, затем откинулся на спинку сиденья. Большая часть японца тоже хотела коротко кивнуть в ответ и все на этом закончить, но поскольку австралиец спас жизнь его спутникам и ему самому, позволив им таким образом и дальше послужить своей компании и своему лидеру, Хиро Тоде, он чувствовал, что его долг – попробовать залечить вражду.

– Капитан, – произнес он так тихо, как только мог, чтобы шум двигателей не заглушил его слова, – я понимаю, почему австралийцы ненавидят нас, японцев, и приношу извинения за все сингапурские Чанги, все бирманские железные дороги и все злодеяния. Могу лишь сказать вам правду: все это широко преподается в наших школах и не забывается. Нашему народу стыдно, что эти вещи имели место.

Это правда, зло подумал он. Совершение этих злодеяний было глупостью, даже хотя эти дураки и не понимали, что творят злодеяния – в конце концов, враги были трусами, большинство из них, и, как овцы, сдавались в плен десятками тысяч, утратив свои права человека, согласно бусидо, нашему кодексу, который гласит, что для солдата нет большего бесчестья, чем сдаться врагу. Несколько ошибок, совершенных горсткой садистов, кучкой необразованных крестьян, служивших охранниками в лагерях, большинство из которых к тому же были тупыми пожирателями чеснока, корейцами, – и все японцы

обречены страдать вечно. Это позор Японии. И еще один, самый глубокий позор из всех, заключался в том, что наш верховный военачальник не выполнил своего долга и поэтому принудил императора к позору, которым было прекращение войны.

– Прошу принять мои извинения за всех нас.

Скраггер не мигая смотрел на него. После паузы он просто сказал:

– Извините, но я не могу. С одной стороны, мой бывший партнер Форсайт был первым, кто вступил в Чанги; он так никогда и не оправился от того, что там увидел; с другой, слишком многие из моих друзей, не только военнопленные, лишились жизни. Слишком многие. Я не могу забыть. И более того, я не хочу. Не хочу, потому что, если бы я забыл, это было бы для них последним предательством. Мы предали их в дни мира – какого мира? Мы предали их всех, так я думаю. Извините, но так я чувствую.

– Я понимаю. И все же между нами может быть мир, между вами и мной. Нет?

– Может быть. Может быть, со временем.

А, время, подумал Касиги, погружаясь в свои мысли. Сегодня я снова был на грани смерти. Сколько времени у нас осталось, у тебя, у меня? Разве время не иллюзия, а вся жизнь не иллюзия внутри иллюзии? А смерть? Предсмертное стихотворение его почитаемого предка-самурая выразило все это совершенно: Что есть облака, / Как не оправдание неба?/ Что есть жизнь, / Как не побег от смерти?

Этим предком был Ябу Касиги, даймё Идзу и Бака и сторонник Ёси Торанаги, первого и величайшего из сёгунов клана Торанага, которые, от отца к сыну, правили Японией с 1603 по 1871 год, когда император Мэйдзи наконец уничтожил сёгунат и поставил вне закона весь класс самураев. Но Ябу Касиги в их роду помнили не за его верность своему повелителю и не за мужество, проявленное в битве, – как помнили его знаменитого племянника Оми Касиги, который сражался за Торанагу в великой битве при Сэкигахаре: Оми оторвало руку, но он продолжил вести солдат за собой в атаку, которая сломила сопротивление противника.

О нет, Ябу предал Торанагу, или попытался его предать, поэтому Торанага приказал ему совершить сэппуку, ритуальное самоубийство посредством вспарывания живота. Ябу почитали за каллиграфию его предсмертного стихотворения и за его мужество во время совершения

сэппуку. В тот день, стоя на коленях перед собравшимися самураями, он с презрением отверг услуги второго самурая, который должен был стоять позади него с длинным мечом, чтобы быстро прервать его мучения, отрубив ему голову и таким образом избавив от позора, которым считался крик боли. Ябу взял короткий меч, глубоко вонзил его себе в живот, потом неторопливо совершил четыре режущих движения, самое трудное сэппуку из всех – поперек, вниз, снова поперек и вверх, – потом вынул руками собственные кишки и умер не сразу, так и не издав ни звука.

Касиги передернулся, представив себя на его месте, он знал, что таким мужеством он не обладал. Современная война – ничто по сравнению с теми днями, когда твой повелитель мог по своей прихоти приказать тебе умереть таким образом.

Он увидел, что Скраггер наблюдает за ним.

– Я тоже был на войне, – непроизвольно признался он. – Авиация. Я летал на «зеро» в Китае, Малайе и Индонезии. И в Новой Гвинее. Мужество на войне не такое, как… как мужество в одиночку… я хочу сказать, не в бою, не правда ли?

– Я не понимаю.

Я много лет не думал о своей войне, думал Касиги, и внезапная волна страха прокатилась по нему; он вспомнил свой постоянный ужас перед тем, что он умрет или останется калекой, ужас, который поглощал его целиком, совсем как сегодня, когда он был уверен, что все они погибнут, и вместе со своими спутниками оцепенел от страха. Да, и сегодня мы все поступили так же, как поступали все те годы на войне: вспоминали свое наследие в Стране Богов, проглатывали свой ужас, как нас этому учили в детстве, притворялись спокойными, изображали гармонию, чтобы не опозорить себя перед другими, вылетали ради императора на задания против врага и выполняли их как можно лучше, а потом, когда он сказал, что мы должны сложить оружие, мы сложили его с благодарностью, как бы стыдно нам ни было.

Для некоторых этот стыд оказался невыносим, и они убили себя древним способом, с честью. Потерял ли я честь, потому что не последовал их примеру? Нет, и еще раз нет. Я подчинился императору, который приказал нам вынести невыносимое, потом поступил работать в фирму моего двоюродного брата, как то было

предопределено, и служил ему преданно, преумножая славу Японии. Из руин Иокогамы я помог выстроить транспортную компанию «Тода» и сделать ее одной из величайших фирм Японии, строящую огромные корабли, изобретшую супертанкеры, которые становились больше год от года – скоро на стапелях будет заложен первый миллионник. Теперь наши суда повсюду. Они доставляют в Японию сырье и вывозят готовую продукцию. Мы, японцы, по праву считаемся чудом света. Но мы так уязвимы – мы должны иметь нефть, или мы погибнем.

В одном из иллюминаторов он заметил танкер, который, дымя трубой, двигался в глубь залива, другой направлялся в Ормузский пролив. Мост продолжает работать, подумал он. Как минимум, один танкер на каждые сто миль отсюда до самой Японии, день за днем, чтобы питать наши заводы, без которых мы умрем с голоду. Все члены ОПЕК знают это, они только туже затягивают удавку и злорадствуют. Как сегодня. Сегодня мне понадобилась вся моя воля, чтобы сохранять внешнее спокойствие на переговорах с этим… этим гнусным французом, от которого разит чесноком и этой тошнотворной, вонючей, полужидкой блевотиной, которую называют бри, когда он нахально потребовал два доллара восемьдесят центов сверх и без того чудовищной цены в четырнадцать восемьдесят за баррель, а я, потомок древнего самурайского рода, вынужден был торговаться с ним, как какой-нибудь гонконгский китаеза.

– Но, мсье де Плесси, вы, безусловно, должны понимать, что по этой цене плюс фрахт и…

– Извините, мсье, но у меня инструкции. Как мы договорились, три миллиона баррелей нефти из Сирри предлагаются вам первым. У нас уже запросили котировки «ЭксТекс» и еще четыре крупнейших компании. Если вы хотите отказаться…

– Нет, но контракт специально оговаривает «текущую цену ОПЕК», и мы…

– Да, но вы, конечно, знаете, что все поставщики-члены ОПЕК взимают дополнительную комиссию. Не забывайте, что саудовцы планируют снизить добычу в этом месяце, что на прошлой неделе все крупнейшие нефтяные компании распорядились провести новую широкую волну форс-мажорных сокращений поставок, что Ливия тоже сокращает свою добычу. BP увеличила у себя сокращение до сорока пяти процентов…

Касиги хотелось зареветь от ярости, когда он вспомнил, как в конечном счете согласился при условии, что все три миллиона баррелей будут отпущены по той же цене, на что француз сладко улыбнулся и сказал:

– Разумеется, при условии, что вы погрузите их за семь дней, – хотя оба они знали, что это невозможно. Знали они и то, что румынская государственная делегация находилась в эти дни в Кувейте, добиваясь поставки трех миллионов тонн сырой нефти, не говоря уже о трех миллионах баррелей, чтобы сбалансировать потерю иранской нефти, которая поступала к ним по ирано-советскому трубопроводу. И что были другие покупатели, десятки покупателей, ждавших, чтобы перехватить его опцион на нефть Сирри, да и все его другие опционы – на нефть, сжиженный природный газ, нафту и прочую нефтехимическую продукцию.

– Очень хорошо, семнадцать шестьдесят за баррель, – благодушно кивнул Касиги. Но про себя поклялся, что найдет способ свести счеты.

– Только для этого одного танкера, мсье.

– Конечно, для этого танкера, – еще любезнее произнес он.

А теперь этот австралийский пилот нашептывает мне, что и этот танкер может оказаться в опасности. Странный он старик, слишком стар, чтобы летать, и при этом такой мастер, столько знает и умеет, так открыт и так глуп – глупо быть таким открытым, потому что ты таким образом отдаешь себя во власть другого человека.

Он посмотрел на Скраггера.

– Вы говорили, что, возможно, со временем между нами может быть мир. Сегодня время у нас обоих едва не вышло – если бы не ваше мастерство и ваше везение, хотя мы называем это кармой. Я и правда не знаю, сколько времени нам отпущено. Может быть, мой корабль завтра взорвут. Я буду на борту. – Он пожал плечами. – Карма. Но давайте будем друзьями, только вы и я… я не думаю, что мы предадим наших боевых товарищей, ваших и моих. – Он протянул руку. – Прошу вас.

Скраггер посмотрел на протянутую руку. Касиги усилием воли заставил себя ждать. Потом Скраггер уступил, полукивнул и крепко пожал руку японца.

– Хорошо, приятель, давай попробуем.

В этот момент он увидел, что Восси повернулся к нему и подзывает его. Скраггер тут же прошел в кабину.

– Да, Эд.

– Экстренная эвакуация, Скрэг, запрос с «Сирри-3». Один человек из палубной команды упал за борт…

Они тут же полетели туда. Тело плавало в воде рядом с опорами платформы. Его подняли наверх на лебедке. Акулы уже потрудились над ногами, одна рука отсутствовала. Тело покрывали огромные синяки, лицо было непонятным образом обезображено. Это был Абдулла Турик.

ГЛАВА 6

Неподалеку от Бендер-Делама. 16.52. Тени становились длиннее. Землю за дорогой покрывали кустарники, а за ними каменистые предгорья поднимались к горам, увенчанным снеговыми шапками, – северному участку Загросских гор. По эту сторону дороги, вдоль речушки и болот, протянувшихся на несколько миль до самого порта, лежал один из нефтепроводов, которые крест-накрест пересекали всю эту местность. Трубы были стальные, двадцати дюймов в диаметре, они лежали на бетонной эстакаде, которая вела вниз, в дренажную трубу под дорогой, потом уходили под землю. Примерно в миле к востоку лежала деревня – бедная, пыльная, землистого цвета, с домами из кустарных глиняных кирпичей, – и с той стороны приближался небольшой автомобиль. Машина была старая и разбитая и двигалась медленно; мотор, впрочем, звучал почти как новый, слишком новый для такого кузова.

В машине сидели четыре иранца. Они были молоды, чисто выбриты и одеты лучше, чем обычно, хотя все были в пятнах пота и сильно нервничали. Рядом с дренажной трубой автомобиль остановился. Молодой человек в очках, сидевший на переднем сиденье, вышел из машины и притворился, что справляет малую нужду у обочины, пока его глаза внимательно осматривали все вокруг.

– Все чисто, – сказал он.

Тут же два молодых человека с заднего сиденья быстро выбрались из машины и, держа с двух сторон грубую тяжелую сумку, нырнули вниз по земляной насыпи в трубу. Молодой человек в очках застегнул

пуговицы на штанах, потом неспешно прошел к багажнику и открыл его. Из-под куска рваного брезента выглядывал короткий ствол чехословацкого пистолета-пулемета. Молодой человек почувствовал себя немного спокойнее.

Водитель вышел, расстегнул штаны и направил в канаву мощную струю.

– Я тоже хотел, Масхуд, да не смог, – проговорил молодой человек в очках, завидуя своему товарищу. Он вытер пот с лица и поправил очки.

– А у меня перед экзаменами никогда не получается, – ответил Масхуд и рассмеялся. – Дай Бог, университет скоро снова откроется.

– Бог! Бог – это опиум для народных масс, – произнес молодой человек в очках с сухой непреложностью, потом перевел взгляд на дорогу. Она была по-прежнему пуста в обе стороны, насколько хватало глаз. В нескольких милях к югу солнце отражалось в водах залива. Он закурил сигарету. Пальцы его дрожали. Время тянулось очень медленно. Кругом роились мухи, от их жужжания тишина казалось еще более глубокой. Вдруг он заметил облако пыли на дороге, по ту сторону деревни. – Смотри!

Оба прищурились, вглядываясь в даль.

– Это фуры… или грузовики, армейские грузовики? – встревоженно спросил Масхуд, потом подбежал к краю дренажной трубы и крикнул: – Эй, вы, там, давайте быстрее. Что-то едет в нашу сторону!

– Хорошо, – отозвался голос снизу.

– Мы почти закончили, – добавил второй.

Два парня внизу открыли сумку и уже укладывали плоские пакеты взрывчатки тут и там вдоль сварного шва стальной трубы нефтепровода. Труба была одета в чехол из просмоленной холстины для защиты от ржавления.

– Давай сюда взрыватель и шнур, Али, – сдавленно приказал тот, что был постарше. Они оба здорово перепачкались, по грязной коже сбегали ручейки пота.

– Держи. – Али осторожно протянул ему взрыватель; его рубашка прилипла к спине. – А ты уверен, что знаешь, как это делается, Биджан?

– Мы же столько часов изучали брошюру. Даже отрабатывали это на практике с закрытыми глазами, помнишь? – Биджан натянуто улыбнулся. – Мы как Роберт Джордан из «По ком звонит колокол». Точь-в-точь как он.

Его напарник поежился.

– Надеюсь, колокол звонит не по нам.

– Даже если и по нам, какая разница? Партия выстоит, и народные массы победят. – Неопытные пальцы Биджана неуклюже притиснули хрупкий глицериновый детонатор к одному из взрывпакетов, подсоединили рядом конец запального шнура и навалили сверху оставшиеся пакеты, чтобы он держался.

Сверху снова раздался голос Масхуда, еще более настойчивый.

– Скорей! Это… нам кажется, что это армейские грузовики с солдатами!

На миг оба юноши внизу застыли словно парализованные, потом размотали шнур, спотыкаясь друг о друга от испуга. Они не заметили, как конец шнура, укрепленный рядом с детонатором, выскользнул. Отмерив три метра шнура на земле, они подожгли дальний конец и бросились бежать. Биджан оглянулся, чтобы все проверить, увидел, что с их конца шнур уверенно искрит и дымится, и тут с ужасом заметил, что второй конец шнура безвольно болтается вдоль края эстакады. Он метнулся назад, дрожащими руками впихнул шнур поближе к взрывателю, поскользнулся и задел взрыватель, который ударился о бетон.

Нитроглицерин взорвался, пакет с взрывчаткой рядом с ним сдетонировал, потом еще один, и еще, потом взорвались все остальные, разорвав Биджана на куски вместе с шестью метрами трубопровода, разнеся свод дренажной трубы, перевернув машину, убив двух из оставшихся парней и оторвав ногу третьему.

Из трубы потоком хлынула нефть. Сотни баррелей в минуту. Нефть должна была загореться, но не загорелась – взрывчатка была заложена и подорвана слишком неумело, – и когда два армейских грузовика опасливо остановились в ста метрах, нефтяное озеро уже достигло реки. Более легкие фракции, летучие, легко испаряющиеся, поплыли по поверхности, тяжелая сырая нефть начала впитываться в берега реки, в болотистую почву, отравляя всю местность вокруг, делая ее крайне опасной.

В двух угнанных грузовиках находилось около двух десятков «зеленых повязок» Хомейни, большинство из них с бородами, остальные небритые, – крестьяне, несколько рабочих с нефтяных промыслов, обученный в ООП командир и мулла, – все вооружены, все в поту, грязи и крови после схватки, несколько раненых, капитан полиции в мундире, еще живой, связанный и с кляпом во рту, валялся на полу кузова. Они только что атаковали и захватили полицейский участок к северу отсюда и теперь направлялись в Бендер-Делам, чтобы продолжать войну там. Их задача состояла в том, чтобы помочь другим группам установить контроль над гражданским аэропортом в нескольких милях к югу.

Возглавляемые муллой, они подошли к краю взорванной трубы. Несколько секунд смотрели на хлещущую нефть, потом их внимание привлек протяжный стон. Сбросив с плеч автоматы, они осторожно приблизились к перевернутой машине. Юноша с оторванной ногой лежал наполовину придавленный ею и быстро умирал. Мухи поднимались роем, садились и опять поднимались, повсюду кровь и обрывки человеческих внутренностей.

– Кто ты? – спросил мулла, грубо встряхнув молодого человека. – Зачем сделал это?

Юноша открыл глаза. Без очков все вокруг размыло, как в тумане. Он слепо пошарил возле себя, пытаясь их отыскать. Тут страх смерти поглотил его. Он попробовал произнести слова шахады, но изо рта вырвался лишь вопль ужаса. Кровь поднялась к горлу, он начал давиться ею.

– На все воля Бога, – сказал мулла, отворачиваясь. Он заметил в грязи разбитые очки и поднял их. Одна линза треснула, другая вылетела из оправы.

– Зачем им понадобилось это делать? – спросил один из «зеленых повязок». – У нас ведь нет приказа взрывать трубопроводы. Сейчас нет.

– Должно быть, они коммунисты или эта исламско-марксистская падаль. – Мулла швырнул очки на дорогу. Лицо его было в синяках, длинный халат в нескольких местах разорван, и он очень хотел есть. – По виду студенты. Пусть Аллах убьет всех своих врагов так же быстро.

– Эй, поглядите-ка сюда, – крикнул другой боец. Он обыскивал машину и нашел три пистолета-пулемета и несколько гранат. – Все чехословацкое. Только левые бывают так хорошо вооружены. Эти собаки и вправду враги.

– Хвала Аллаху. Хорошо, это оружие нам пригодится. Грузовики смогут объехать эту яму сбоку?

– Да, без труда, хвала Аллаху, – отозвался его водитель, плотный бородатый иранец. Он был рабочим на одном из нефтяных месторождений и кое-что знал о нефтепроводах. – Нам лучше сообщить об этом взрыве, – нервно добавил он. – Вся эта местность теперь может взлететь на воздух. Я мог бы позвонить на насосную станцию, если мы найдем где-нибудь работающий телефон, или передать сообщение, тогда они смогут остановить утечку. Нам лучше поторопиться. Здесь сейчас смертельно опасно, и нефть быстро зальет все кругом ниже по течению.

– На все воля Бога. – Мулла смотрел на разливающуюся нефть. – Все равно будет неправильно попусту терять богатства, которые Бог послал нам. Хорошо, мы постараемся позвонить из аэропорта.

Из булькающего горла юноши вырвался еще один крик о помощи. Они оставили его умирать.

Аэропорт Бендер-Делама. 17.30. Гражданский аэропорт не охранялся, был заброшен и не работал, за исключением представительства компании S-G, которое перебралось сюда несколько недель назад с острова Харк. Аэропорт имел две короткие взлетно-посадочные полосы, маленькую диспетчерскую вышку, несколько ангаров, двухэтажное административное здание, несколько жилых бараков, а теперь еще и несколько современных трейлеров – собственность S-G – в качестве временного пристанища для сотрудников и головного офиса. Он ничем не отличался от десятков других гражданских аэропортов, которые шах понастроил для местных авиалиний, обслуживавших весь Иран: – «У нас будут аэропорты и современное обслуживание», – объявил шах, и его распоряжение было выполнено. Но с тех пор как шесть месяцев назад начались беспорядки и на всех местных авиалиниях были объявлены забастовки, самолеты по всему Ирану перестали летать и аэропорты закрылись. Наземный персонал и сотрудники администрации исчезли. Большинство

самолетов оставили под открытым небом, без обслуживания и ухода. Из трех двухмоторных турбореактивных самолетов, запаркованных на площадке перед зданием аэропорта, два стояли на спущенных шинах, у одного было разбито стекло кабины пилота. Керосин изо всех топливных баков слили воры. Самолеты имели вид грязный, почти заброшенный. И печальный.

Разительным контрастом на их фоне смотрелись пять сверкающих вертолетов S-G – три 212-х и два 206-х, – выстроившихся идеально ровной шеренгой; они проходили свою ежедневную помывку и последний осмотр за день.

Капитан Рудигер Лутц, старший пилот, перешел к последней машине и осмотрел ее так же тщательно, как и все предыдущие.

– Очень хорошо, – произнес он наконец. – Можете убирать их назад.

Он смотрел, как механики и наземные работники-иранцы покатили вертолеты назад в ангары, которые так же сверкали чистотой. Он знал, что многие из сотрудников за его спиной смеялись над ним из-за его пристрастия к чистоте и порядку, но это не имело значения – до тех пор, пока они выполняли его приказы. Это наша самая большая проблема, думал он. Как добиться, чтобы они подчинялись, как нам функционировать в военной обстановке, когда нами управляют не армейские правила, когда мы – просто гражданские лица, оказавшиеся в самой гуще войны, хочет Дункан Мак-Айвер открыто признать это или нет.

Сегодня утром Дюк Старк из Ковисса передал по высокочастотной связи краткую информацию от Мак-Айвера в Тегеране о слухах про нападение на тегеранский аэропорт и восстание на одной из авиабаз в тех краях – из-за расстояния и гор Бендер-Делам не мог напрямую говорить с Тегераном или со своими другими базами, только с Ковиссом. Встревоженный, Лутц собрал всех работавших у него иностранцев – четыре пилота, семь механиков, из них семь англичан, два американца, один немец и один француз – в таком месте, где их не смогут подслушать, и рассказал им последние новости.

– Дело не столько в том, что Дюк говорил, а в том, как он это говорил. Все время называл меня «Рудигер», хотя всю жизнь звал просто «Руди». Голос у него был какой-то встревоженный.

– Быть встревоженным на Дюка не похоже, если только дерьмо действительно не попало в вентилятор, – обеспокоенно произнес Джон Тайрер, американец и заместитель Руди. – Думаешь, у него проблемы? Думаешь, нам стоит слетать поглядеть, что там в Ковиссе?

– Возможно. Но мы подождем, пока я не поговорю с ним сегодня вечером.

– Я лично думаю, что нам лучше подготовиться к полуночному отлету, Руди, – с уверенностью сказал механик Фаулер Джойнс. – Да. Если старина Дюк нервничает… нам лучше быть готовыми смазать пятки, свалить отсюда.

– Ты с ума сошел, Фаулер. У нас тут в жизни не было никаких неприятностей, – возразил ему Тайрер. – Весь этот район более-менее спокоен, полиция и войска здесь дисциплинированные и держат все под контролем. Черт, да у нас тут пять баз ВВС в радиусе двадцати миль, а это все элита и целиком за шаха. Скоро обязательно будет выступление лоялистов, какой-нибудь переворот.

– А ты когда-нибудь оказывался посреди переворота? Они же, черт бы их побрал, стрелять будут друг в друга, а из меня вояка никакой!

– Хорошо, скажем, тут начнется серьезная заваруха, что вы предлагаете?

Они обсудили разные варианты и возможности. По земле, по воздуху, по морю. До границы с Ираком едва сотня миль, и до Кувейта легко добраться через залив.

– Предупредят нас заранее, и время у нас будет. – Руди говорил уверенным тоном. – Мак-Айвер узнает, если готовится переворот.

– Послушай, сынок, – сказал Фаулер более кисло, чем обычно. – Я знаю компании. Это то же, что твои чертовы генералы! Если действительно запахнет жареным, про нас никто и не вспомнит и останемся мы тут одни-одинешеньки, так что нам лучше выработать план. Я не хочу, чтобы мне башку отстрелили за шаха, Хомейни или даже за господа-бога Гаваллана. Я говорю, если что, драпать нам надо, уносить ноги!

– Черт подери, Фаулер, – вскинулся один из пилотов-англичан, – ты что, предлагаешь нам угнать один из наших собственных вертолетов? Да нас за это навсегда от полетов отстранят!

– Может, так оно и лучше, чем в рай стучаться!

– Нас могут сбить, черт подери. У нас никак не получится… ты же знаешь, как контролируются все наши полеты и какой тут радар дерганый…черт, еще хуже, чем в Ленге! Мы в воздух не можем подняться, не спросив разрешения завести двигатели…

В конце концов Руди попросил их представить ему чрезвычайные предложения на случай, если понадобится срочная эвакуация по суше, по воздуху или по морю, и оставил их спорить дальше.

Весь день он в тревоге размышлял, что ему делать, что стряслось в Ковиссе и в Тегеране. Как старший пилот он отвечал за свою команду, а также за дюжину иранских рабочих и Джахана, его радиста, которым он не платил зарплату уже полтора месяца, и за все вертолеты и запчасти к ним. Нам чертовски повезло, что мы выбрались с Харка практически без потерь, думал он, чувствуя, как сжимается желудок. Перевод представительства прошел гладко: все их машины, все важные запчасти и кое-какие из их транспортных средств перевезли сюда в течение четырех дней, не нарушив их плотного графика контрактных полетов и экстренных эвакуаций.

Выбраться с Харка было легко, потому что все хотели оттуда уехать. И как можно быстрее. Даже до начала беспорядков Харк был непопулярной базой, где нечего было делать, кроме как работать и ждать отпуска в Тегеране или дома. Когда начались проблемы, все знали, что Харк для революционеров был главной мишенью. Там было много массовых беспорядков, немного стрельбы. Недавно среди бунтующего населения стали замечать все больше повязок ИООП, и командующий вооруженными силами на острове пригрозил, что расстреляет каждого крестьянина на Харке, если беспорядки не прекратятся. С тех пор как они оставили остров несколько недель назад, на Харке было тихо, зловеще тихо.

И обстановка во время перевода базы не была по-настоящему чрезвычайной, напомнил он себе. Как же нам быть, если она такой станет? На прошлой неделе он летал в Ковисс, чтобы забрать кое-какие специальные запчасти, и спросил Старка, как он намерен действовать в Ковиссе, если ситуация серьезно накалится.

– Так же, как и ты, Руди. Постараюсь действовать в рамках правил компании, от которых в этом случае толку нет, – ответил высокий техасец. – У нас тут есть пара преимуществ: почти все из наших ребят раньше служили в том или ином качестве, так что какая-то командная

цепочка есть… Только, черт меня возьми, можно сколько угодно планировать и все равно ночами не спать, потому что, когда дерьмо ударит в вентилятор, все будет, как всегда бывает: некоторые из ребят расклеятся, другие нет, и никогда заранее нельзя сказать, кто как себя проявит, и даже как ты сам на все отреагируешь.

Руди не был на такой войне, где стреляют, хотя его служба в германской армии в пятидесятых проходила на границе с Восточной Германией, а в Западной Германии ты никогда не забывал о стене, железном занавесе и всех твоих братьях и сестрах по ту сторону, и о нависших в ожидании советских легионах и легионах их сателлитов с десятками тысяч танков и ракет позади них – все в каких-то шагах от тебя. И всегда помнил о немецких фанатиках по обе стороны границы, которые боготворят своего мессию Ленина, и о тысячах шпионов, выедающих нам кишки.

Печально.

Сколько их из моего родного города?

Он родился в небольшом городке под Плауэном, недалеко от чехословацкой границы, который теперь находился в Восточной Германии. В 45-м ему было двенадцать, его брату шестнадцать, и тот уже находился в армии. Годы войны были для него и его младшей сестры и матери не слишком суровыми. Еды в сельской местности хватало. Но в 45-м им пришлось бежать, спасаясь от советских орд, и они взяли с собой лишь то, что могли унести, присоединившись к огромным массам немцев, бежавших на запад: два миллиона из Пруссии, еще два с севера, четыре из центральной части, еще два с юга, вместе с миллионами чехов, поляков, венгров, австрийцев, болгар – людей со всей Европы, голодных, перепуганных, борющихся за то, чтобы остаться в живых.

Да, остаться в живых, подумал он.

В пути, продрогший, усталый, почти сломленный, он помнил, как ходил с матерью на мусорную свалку где-то под Нюрнбергом. Запомнилась изуродованная войной земля, города, лежавшие в руинах. Мать отчаянно хотела найти на свалке чайник. Их собственный украли предыдущей ночью, новый купить было невозможно, даже если бы у них были деньги. «У нас должен быть чайник, чтобы кипятить воду, иначе мы умрем! – восклицала она. – Мы заболеем тифом или дизентерией, как другие. Нам не выжить без кипяченой воды».

Поэтому он отправился с ней, в слезах, убежденный, что это пустая трата времени, но чайник они действительно нашли. Он был старый и помятый, носик погнут, ручка болтается, но крышка была при нем, и он не протекал. Теперь этот чайник, чистый и сверкающий, стоял на почетном месте на каминной полке в кухне их сельского дома под Фрайбург-им-Брайсгау, где жили его жена, сыновья и мать. И раз в год, в ночь перед Новым годом, мама готовила чай на воде, вскипяченной в этом чайнике. И, если он был дома, они вместе улыбались, она и он. «Если верить достаточно сильно, сын мой, и пытаться, – каждый раз произносила она шепотом, – ты обязательно найдешь свой чайник. Никогда не забывай, это ты нашел его, а не я».

Внезапно раздались тревожные крики. Он круто обернулся и увидел, как три армейских грузовика ворвались в ворота, один понесся к диспетчерской вышке, другие – к его ангарам. Грузовики, визжа тормозами, остановились, и революционеры с зелеными повязками попрыгали из кузовов и рассыпались по всей базе, двое побежали в его сторону с автоматами наперевес, крича что-то на фарси, которого он не понимал, остальные начали сгонять его людей в один из ангаров. Холодея от ужаса, он поднял руки; сердце бешено колотилось в груди от внезапности этого нападения. Два человека с зелеными повязками, бородатые и потные от смеси страха и возбуждения, ткнули стволы своих автоматов ему в лицо, и Руди отшатнулся.

– Я безоружен, – выдохнул он. – Что вам нужно? А?

Ни один из них ему не ответил, оба просто продолжали держать его под прицелом. За их спиной ему было видно, как его людей выгоняли из их жилых трейлеров и собирали на бетонированной площадке перед ангарами. Другие из нападавших забирались в вертолеты и выпрыгивали из них, обыскивая машины, грубо копаясь внутри. Лутц заметил, как один из них вышвыривает аккуратно скатанные спасжилеты из карманов на сиденьях. Вспыхнувшая ярость пересилила страх. Прежде чем он успел сообразить, что делает, он отпихнул стволы автоматов в сторону и бросился к машинам. Секунду казалось, что оба иранца сейчас выстрелят, но они просто побежали за ним следом, догнали и рывком развернули к себе лицом. Один поднял автомат, чтобы ударить его прикладом в лицо.

– Отставить!

Иранец замер.

Человеку, выкрикнувшему эту команду по-английски, было тридцать с небольшим. Это был крупный мужчина в грубой одежде с зеленой повязкой на рукаве, короткой бородой, черными вьющимися волосами и темными глазами.

– Кто здесь главный?

– Я! – Руди высвободился от державших его повстанцев. – Что вы здесь делаете? Что вам нужно?

– Мы берем аэропорт под свой контроль во имя ислама и революции. – Человек говорил с акцентом. – Сколько здесь солдат, сотрудников аэропорта?

– Ни одного. Никаких солдат… из диспетчеров тоже никого, здесь никого нет, кроме нас, – ответил Руди, стараясь отдышаться.

– Нет солдат? – В голосе иранца появились опасные нотки.

– Нет, ни одного. У нас тут были патрули с тех пор, как мы сюда прибыли несколько недель назад. Они появляются время от времени. Но постоянно здесь не находятся. И военных самолетов и вертолетов тоже нет. – Руди ткнул пальцем в направлении ангара. – Скажите этим… этим людям, чтобы они бережнее обращались с моими вертолетами, от этих машин зависят жизни людей, не только наши, но и иранцев.

Человек обернулся и увидел, что там творилось. Он прокричал еще одну команду, обругав своих людей. Они без всякой опаски заорали на него в ответ, потом помедлили минуту и вылезли из машин в сгущающиеся сумерки, оставив за собой хаос.

– Пожалуйста, извините их, – сказал мужчина. – Мое имя Затаки. Я возглавляю комитет Абадана. С Божьей помощью мы теперь управляем Бендер-Деламом.

В животе у Руди творилась кутерьма. Его команда экспатриантов и иранских рабочих стояла, замерев, рядом с низеньким административным зданием в окружении направленных на них автоматов.

– Мы работаем на британскую компан…

– Да, мы знаем о «S-G Хеликоптерз». – Затаки повернулся и прокричал еще один приказ. С явной неохотой несколько человек из его группы направились к воротам и начали занимать оборонительные позиции. Он опять обернулся к Руди – Ваше имя?

– Капитан Лутц.

– Вам нечего бояться, капитан Лутц, ни вам, ни вашим людям. У вас здесь есть оружие?

– Нет, за исключением легких пистолетов системы Вери, они входят в летный комплект. Сигнальные пистолеты, для подачи сигнала в случае аварии.

– Принесите их. – Затаки повернулся, подошел поближе к группе сотрудников S-G и встал там, изучая их лица. Руди видел, как напуганы его иранцы, повара, наземные рабочие, слесари, Джахан и Йемени, менеджер из «Иран Ойл».

– Это все мои люди, – проговорил он, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. – Все они – работники S-G.

Затаки взглянул на него, потом подошел вплотную, и Руди пришлось напрячь всю свою волю, чтобы опять не отшатнуться.

– Вы знаете, что такое моджахедин-аль-Хальк? Федаин? Туде? – тихо спросил иранец; Затаки был мощнее Руди и вооружен автоматом.

– Да.

– Хорошо.

Затаки продолжил внимательное изучение иранцев. Одного за другим. Молчание нарастало. Внезапно он ткнул пальцем в одного из них, слесаря. Человек осел под его взглядом, потом сломя голову бросился бежать, что-то крича на фарси. Его быстро схватили, и после нескольких ударов он потерял сознание.

– Комитет будет судить его и приговорит во имя Аллаха. – Затаки бросил взгляд на Руди. – Капитан, – сказал он, и его губы сложились в жесткую улыбку, – я просил вас принести ваши пистолеты Вери.

– Они в сейфе, под надежным замком, – ответил Руди так же жестко, совсем не чувствуя в себе храбрости. – Вы можете забрать их, когда пожелаете. Вертолету они придаются только на время полета. Я… я хочу, чтобы этого человека освободили!

Без предупреждения Затаки развернул свой автомат в руках и ударил Руди прикладом в голову, но Руди среагировал молниеносно: одной рукой он перехватил автомат, отведя его в сторону, вырвал его из рук иранца и, прежде чем автомат успел упасть на землю, натренированное ребро его второй ладони рубануло Затаки по незащищенному горлу. Но Руди в последнее мгновение остановил смертельный удар, едва коснувшись кожи иранца. Он отступил назад,

совершенно не представляя, что ему теперь делать. Все автоматы были наведены на него.

Тишина сгущалась. Его люди оцепенели от ужаса. Затаки сверлил Руди взглядом, полным ярости. Тени вытянулись, легкий ветерок играл «колдуном», издавая негромкое потрескивание.

– Поднимите автомат!

В еще более пронзительном безмолвии Руди услышал в голосе иранца угрозу и обещание и понял, что его жизнь – жизнь каждого из них – висит на волоске.

– Фаулер, выполняйте! – приказал он, молясь про себя, что сделал правильный выбор.

Фаулер медленно выступил вперед.

– Есть, сэр, так точно, иду! – Ему показалось, что двадцать шагов, которые он проделал, заняли очень много времени, но никто его не остановил, а один из иранцев даже шагнул в сторону, пропуская его. Он поднял автомат, привычным движением поставил его на предохранитель и аккуратно протянул Затаки, прикладом вперед. – Он не погнулся и… э… совсем как новый, сынок.

Иранец взял автомат и толкнул предохранитель вниз; щелчок прозвучал для всех как удар грома.

– Вы разбираетесь в оружии?

– Да… да, вообще-то. Мы… все механики были… мы все проходили курсы в ВВС… в Королевских военно-воздушных силах то есть, – произнес Фаулер, не сводя глаз с глаз Затаки, и подумал: «Какого дьявола я тут делаю, корчу храбреца перед этим вонючим отродьем левой титьки базарной шлюхи?» – Можно нам разойтись? Мы же гражданские, сынок, не солдаты там какие, прошу прощения. Нейтралитет у нас.

Затаки дернул большим пальцем в сторону группы.

– Возвращайтесь на место. – Потом он повернулся к Руди. – Где вы научились карате?

– В армии. В немецкой армии.

– А, немецкой. Вы немец? Немцы хорошо относились к Ирану. Не то что британцы или американцы. Кто здесь ваши пилоты, их имена и национальности?

Руди поколебался, потом показал пальцем:

– Капитан Дюбуа, француз, капитаны Тайрер, Блок и Форсайт, англичане.

– Американцев нет?

Руди опять почувствовал, как его желудок куда-то провалился. Джон Тайрер был американцем и имел фальшивое удостоверение личности. В этот момент его ухо уловило звук приближающегося вертолета, он узнал характерное «транк-транк» 206-го и непроизвольно посмотрел на небо вместе со всеми остальными. Затем один из «зеленых повязок» крикнул что-то и вытянул руку вверх, остальные бросились занимать оборонительные позиции, все разбежались, кроме экспатриантов. Они узнали маркировку на борту.

– Все в ангар, – приказал Затаки. Вертолет появился над летным аэродромом на высоте тысячи футов и начал кружить. – Один из ваших?

– Да. Но не с этой базы. – Руди прикрылся от заходящего солнца. Сердце забилось чаще, когда он разобрал маркировку. – Это EP-HXT из Ковисса, с нашей базы в Ковиссе.

– Что ему нужно?

– Очевидно, сесть.

– Узнайте, кто на борту. И без фокусов.

Они вместе прошли к аппарату УВЧ-связи в его кабинете.

– HXT, вы меня слышите?

– HXT, слышу вас хорошо. Говорит капитан Старк из Ковисса. – Пауза. Потом: – Капитан Лутц?

– Да, это капитан Лутц, капитан Старк, – сказал Руди, поняв по официальности обращения, что на борту наверняка находятся враждебные лица, так же как и Старк теперь поймет, что здесь тоже не все в порядке.

– Прошу разрешения на посадку. У меня кончается топливо и требуется дозаправка. Я получил разрешение абаданского центра радиолокационного контроля.

Руди бросил взгляд на Затаки.

– Спросите, кто на борту? – произнес иранец.

– Кто у вас на борту?

Пауза.

– Четыре пассажира. А в чем проблема?

Руди ждал. Затаки не знал, что делать. Любая из военных баз могла их сейчас прослушивать.

– Разрешайте посадку… рядом с ангаром.

– Посадку разрешаю, НХТ. Сажайте машину рядом с восточным ангаром.

– НХТ.

Затаки наклонился вперед и выключил рацию.

– Впредь радиосвязью вы будете пользоваться только с разрешения.

– Мы должны передавать регулярные сообщения на радары Абадана и Киша. Мой радист работает у нас в тече…

Кровь бросилась в лицо Затаки, и он заорал:

– До дальнейших распоряжений радиосвязью пользоваться только в присутствии одного из нас! И никаких взлетов или посадок без нашего разрешения. Вы за это отвечаете. – Его ярость улетучилась так же быстро, как и возникла. Он поднял автомат. Предохранитель был все еще снят. – Если бы вы не остановили удар, вы сломали бы мне шею, проломили горло, и я бы умер. Так?

Помолчав, Руди кивнул:

– Так.

– Почему вы остановили руку?

– Я… я никого раньше не убивал. Не хотел начинать.

– Я убил многих. Исполняя труд Божий. Многих, хвала Богу. Многих. И убью еще многих врагов ислама, с Божьей помощью. – Затаки щелкнул предохранителем. – То, что удар был остановлен, всего лишь воля Бога. Не больше. Я не могу возвратить вам того человека. Он иранец, это Иран, он враг Ирана и ислама.

Они наблюдали из ангара, как 206-й опускался на площадку. На борту было четыре пассажира. Все гражданские, все вооружены автоматами. Переднее сиденье занимал мулла, и натянутые нервы Затаки немного ослабли, но не его гнев. Едва вертолет коснулся бетона, его революционеры выскочили из укрытий и, с автоматами наготове, окружили его.

Мулла Хусейн выбрался из машины. Его лицо посуровело, когда он увидел враждебность Затаки.

– Мир вам. Я Хусейн Ковисси из ковисского комитета.

– Добро пожаловать на мой участок, во имя Бога, мулла, – ответил Затаки, его лицо еще больше помрачнело. – Я полковник Затаки из абаданского комитета. Мы правим в этой местности и не одобряем, когда люди ставят себя между нами и Богом.

– Сунниты и шииты – братья. Ислам есть ислам, – сказал Хусейн. – Мы благодарны нашим братьям на абаданских нефтепромыслах за их поддержку. Давайте отойдем и поговорим, наша исламская революция еще не одержала победы.

Затаки натянуто кивнул, отозвал своих людей и махнул рукой мулле, чтобы тот последовал за ним туда, где их не могут услышать.

В ту же секунду Руди торопливо подбежал под вращающийся винт.

– Что, черт возьми, происходит, Руди? – спросил Старк из кабины. Он заканчивал остановку двигателя, чувствуя, как ноют плечи.

Руди рассказал ему.

– А у тебя?

Так же быстро Старк рассказал ему, что произошло ночью на базе и в кабинете полковника Пешади.

– Мулла и эти головорезы вернулись в полдень, и их чуть удар не хватил, когда я отказался брать на борт вооруженных людей. Да, брат, думаю, пусть меня прикончат, но вооруженных людей я не повезу. Это делает нас сообщниками революционеров, а революции этой еще очень далеко до победы: по дороге сюда мы видели сотни солдат и блокпостов на дорогах. – Тяжелым взглядом он окинул базу и группки «зеленых повязок» тут и там; остальные члены команды все еще стояли под охраной возле своих трейлеров, слесарь-иранец все так же лежал без сознания. – Сволочи, – произнес он и вылез из кабины. Он потянулся, размял затекшие плечи и почувствовал себя лучше. – В конце концов мы пришли к компромиссу. Автоматы они оставили при себе, но я собрал их магазины и сложил в багажном отде… – Он замолчал. К ним приближался высокий мулла, Хусейн; лопасти винта теперь лениво пробегали над их головами, замедляя свое вращение.

– Ключ от багажного отделения, пожалуйста, капитан, – сказал Хусейн.

Старк передал ему ключ.

– Нам не хватит времени, чтобы вернуться в Ковисс, и не хватит времени, чтобы долететь до Абадана.

– Вы разве не можете летать ночью?

– Могу, но это против ваших правил. Вы надевали наушники, вы слышали, как здесь работает радар. Мы едва успеем подняться в воздух, как нас со всех сторон облепят военные вертолеты и самолеты. Я заправлюсь, и мы переночуем здесь. По крайней мере, я переночую. Если вам нужно в город, вы всегда можете взять машину у своих здешних приятелей.

Хусейн вспыхнул.

– Времени у тебя совсем мало осталось, американец, – сказал он на фарси. – У тебя и всех твоих империалистических паразитов.

– На все воля Бога, мулла, на все воля Бога. Я буду готов к отлету после первой молитвы. После нее я улетаю, с вами или без вас.

– Ты доставишь меня в Абадан, подождешь там, а потом вернешься в Ковисс, как нужно мне и как приказал полковник Пешади!

Старк резко бросил, переходя на английский:

– Если вы будете готовы лететь после первой молитвы! Только мне Пешади ничего не приказывал – я не подчиняюсь его приказам или вашим, – «Иран Ойл» попросила меня перевезти вас на этом чартерном рейсе. Мне нужно будет дозаправиться на пути назад.

– Очень хорошо, – раздраженно ответил Хусейн, – мы вылетаем на рассвете. Что касается дозаправки… – Он подумал секунду. – Мы сделаем это на Харке.

И Руди, и Старк в ошеломлении уставились на него.

– Как мы сможем получить разрешение для перелета на Харк? Харк лоялен… э… все еще под контролем ВВС. Вы только добьетесь, что нам головы снесут.

Хусейн лишь взглянул на них.

– Вы будете ждать здесь, пока комитет не примет решение. Через час я хочу связаться с Ковиссом по ВЧ. – Он, негодуя, зашагал прочь.

– Эти сукины дети слишком хорошо организованы, Руди, – тихо произнес Старк. – Мы по уши в дерьме – и без весла.

Руди почувствовал, как у него слабеют ноги.

– Нам нужно сорганизоваться, приготовиться свалить отсюда к чертовой матери.

– Займемся этим после ужина. Ты в порядке?

– Я думал, мне конец. Они собираются прикончить всех нас, Дюк.

– Не думаю. По какой-то причине мы для них очень важные персоны. Они нуждаются в нас, именно поэтому Хусейн уступил. Как и твой Затаки. Они могут крепко нас тряхнуть при случае, чтобы мы не вольничали, но по крайней мере на ближайшее время мы для них почему-то очень важны. – Старк еще раз попытался прогнать ноющую боль и усталость в спине и плечах. – Эх, сейчас бы к Эрикки в его сауну. – Они оба обернулись, услышав торжествующую пальбу, несколько «зеленых повязок» стояли, задрав автоматы в воздух. – Эти сукины дети совсем рехнулись. Из того, что мне удалось подслушать, ясно, что эта операция – часть всеобщего восстания против вооруженных сил. Оружие против оружия. Как у вас тут радиоприем? Би-би-си или «Голос Америки»?

– Между неустойчивым и очень плохим, их глушат день и ночь. Радио «Свободный Иран», понятное дело, как всегда, проходит громко, без помех. – Это была советская радиостанция, развернутая сразу по ту сторону границы, в Баку на берегу Каспийского моря. – И «Радио Москвы», как всегда, звучит так, будто разместилось у тебя в саду на заднем дворе.

ГЛАВА 7

Недалеко от Тебриза. 18.05. В заснеженных горах далеко на севере, рядом с советской границей, 206-й Петтикина быстро перевалил через возвышенность, продолжая подниматься на перевал. Вертолет скользил над верхушками деревьев, следуя извивам дороги внизу.

– «Тебриз-1», вас вызывает HFC из Тегерана. Как слышите? – повторил он уже в который раз.

Опять молчание. Быстро темнело, предвечернее солнце пряталось за плотной завесой облаков, раскинувшейся всего в нескольких сотнях футов над его головой, серой, тяжелой от снега. Он еще раз попытался вызвать базу. Петтикин чувствовал глубокую усталость, его лицо покрывали кровоподтеки, донимала тупая боль от полученных ударов. Ему было неудобно нажимать на кнопку радиопередачи в перчатках, под которыми к тому же мучительно саднили ободранные до крови костяшки пальцев.

– «Тебриз-1», HFC из Тегерана. Как слышите меня?

Снова никакого ответа, но это его особо не тревожило. Связь в горах всегда была плохой, его здесь никто не ждал, и ни у Эрикки Йокконена, ни у начальника базы не было никаких причин устанавливать радиовахту. Дорога ползла вверх, поэтому облачное покрывало опускалось ему на голову, но Петтикин с облегчением увидел, что вершина перевала была все еще свободна от облаков, а по ту сторону дорога убегала вниз, и там, в полумиле от вершины, лежала база.

Сегодня утром дорога до небольшой военной базы в Гелег-Морги неподалеку от Тегеранского международного аэропорта заняла у него гораздо больше времени, чем он думал, и, хотя из квартиры он вышел еще до рассвета, Петтикин добрался туда, когда холодное солнце уже довольно высоко поднялось в грязном, сером от дыма небе. Ему много раз приходилось сворачивать и двигаться в объезд. Столкновения на улицах все еще продолжались, и многие дороги были перекрыты, некоторые обстоятельно, с настоящими баррикадами, другие, таких было больше, наспех перегорожены обгоревшими остовами машин или автобусов. Множество тел валялось на покрытых снегом тротуарах и дорогах, он видел массу раненых, дважды сердитые полицейские заворачивали его обратно. Но он не отступал, выбирая еще более длинные объездные маршруты. Когда Петтикин добрался до места, он с удивлением обнаружил, что ворота, которые вели на тот участок базы, где располагалась их летная школа, были открыты и никем не охранялись. Обычно там всегда стояли часовые из солдат BBC. Он проехал внутрь и поставил машину в безопасном месте у ангара S-G, но не увидел никого из обязательной минимальной команды механиков или дежурного наземного персонала.

День выдался холодным и ясным, и Петтикин был одет для полетов в зимнее время. Снег покрывал летное поле и большую часть взлетно-посадочной полосы. Ожидая, пока кто-нибудь появится, он проверил стоявший в ангаре 206-й, на котором собирался лететь. Машина была в полном порядке. Запасные части для Тебриза – рулевой винт и два гидравлических насоса – находились в багажном отделении. Баки были полные, что давало ему от двух с половиной до трех часов в воздухе – от двухсот до трехсот миль, в зависимости от ветра, высоты и используемой мощности. Ему все равно придется дозаправляться на маршруте. План полета предписывал ему сделать

это в Бендер-э-Пехлеви, порте на каспийском побережье. Без особых усилий он выкатил 206-й на площадку перед ангаром. В следующий миг вокруг начался настоящий ад, и он едва не очутился в гуще сражения.

Грузовики с солдатами на полной скорости ворвались в ворота и помчались через поле под градом пуль со стороны основной части базы, где располагались ангары, казармы и административные здания. Другие грузовики понеслись по дороге вдоль периметра базы, стреляя на ходу, потом к ним присоединился гусеничный бронетранспортер «Брен», изрыгая огонь из своих пулеметов. Ошеломленный Петтикин с ужасом узнал на касках эмблему «бессмертных» и разглядел их погоны. Следом за ними появились бронированные автобусы с военизированной полицией и еще какими-то людьми, которые рассредоточились на его стороне базы, оцепив ее. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, четверо из них схватили его и потащили к одному из автобусов, что-то крича на фарси.

– Ради всего святого, да не говорю я на фарси, – кричал он им в ответ, стараясь вырваться из их рук.

Тогда один из них ударил его кулаком в живот, и он рыгнул, вырвался на свободу и ударил своего обидчика в лицо. Другой тут же выхватил пистолет и выстрелил. Пуля пробила ворот его парки и с жутким взвизгом срикошетила от автобуса, оставив после себя крупинки горящего кордита. Петтикин замер. Кто-то наотмашь хлестнул его по губам, остальные принялись осыпать его ударами и пинками. В этот момент рядом появился полицейский.

– Американец? Ты американец? – зло спросил он на плохом английском.

– Англичанин, – выдохнул Петтикин. Его рот был полон крови, он пытался вырваться от иранцев, прижавших его к капоту автобуса. – Я из вертолетной компании S-G, и это моя…

– Американец! Диверсант! – полицейский сунул пистолет в лицо Петтикину, и тот увидел, как палец напрягся на курке. – Мы в САВАК знаем, вы, американцы, – причина всех наших бед!

Тут сквозь марево обуявшего его ужаса Петтикин услышал голос, прокричавший что-то на фарси, и почувствовал, как державшие его железные руки ослабли. Не веря своим глазам, он увидел возникшего перед ними молодого британского капитана-десантника в защитном

комбинезоне и красном берете и двух невысоких тяжело вооруженных солдат с восточными лицами, с гранатами на портупее, рюкзаками за спиной. Капитан с безмятежным видом подбрасывал в левой руке гранату, словно это был апельсин; чека гранаты была на месте. На поясном ремне у капитана висел револьвер и странной формы нож в ножнах. Внезапно он прекратил играть гранатой и показал сначала на Петтикина, потом на 206-й, сердито заорал на полицейских на фарси, повелительно махнул рукой и отдал Петтикину честь.

– Черт подери, смотрите на них построже, капитан Петтикин, – быстро произнес он с приятным шотландским выговором, потом сбил руку полицейского с руки Петтикина. Один из полицейских начал было поднимать автомат, но остановился, увидев, как капитан выдернул из гранаты чеку, продолжая удерживать скобу на месте. В тот же миг два его солдата щелкнули затворами своих автоматических винтовок, держа их небрежно, но наготове. Тот из двоих, что был постарше, широко улыбнулся и проверил, легко ли вынимается нож из ножен. – Ваша вертушка готова к взлету?

– Д-да… да, готова, – промямлил Петтикин.

– Заводите ее, и как можно быстрее. Дверцы оставьте открытыми, а когда будете готовы взлетать, дайте мне знак, покажите большой палец, и мы все к вам заберемся. Приготовьтесь уходить отсюда низко и быстро. Давайте! Тензин, пойдешь с ним. – Офицер ткнул большим пальцем в вертолет, стоявший от них в пятидесяти шагах, повернулся назад, опять перешел на фарси, обругал полицейских и приказал им убираться на другую сторону базы, где перестрелка стала чуть менее ожесточенной. Солдат, которого он назвал Тензином, зашагал рядом с Петтикином, все еще не вполне пришедшим в себя.

– Пожалуйста, быстрее, сахиб, – сказал Тензин и прислонился к одной из дверец, держа винтовку наготове. Петтикин в понуканиях не нуждался.

Мимо пронеслись еще какие-то бронированные машины, но не обратили на них никакого внимания, как и группы полицейских и солдат, с отчаянной поспешностью пытавшихся закрепиться на базе и удержать ее против толпы, приближение которой они уже могли слышать. За их спиной офицер полиции сердито спорил с десантником-британцем, остальные нервно поглядывали через плечо туда, откуда доносился нарастающий гул: «Аллаху-у-у-у акбар-р-р-р!»

К этому гулу теперь примешивались частая стрельба и несколько взрывов. В двухстах шагах от забора на окружавшей базу дороге передние ряды толпы подожгли припаркованную машину, и та взорвалась.

Двигатели вертолета ожили, и этот звук привел полицейского в ярость, но в этот момент фаланга вооруженных молодых людей в гражданском ворвалась в ворота с противоположной стороны. Кто-то крикнул: «Моджахедин!» Тут же все по эту сторону базы сконцентрировались, чтобы их перехватить, и открыли огонь. Воспользовавшись этим как отвлекающим маневром, капитан и второй солдат бросились бежать к вертолету, запрыгнули в него, Петтикин дал полный газ и понесся в нескольких дюймах над травой, принял в сторону, увернувшись от горящего грузовика, и, пьяно раскачиваясь, поднялся в небо. Капитана качнуло, он едва не выронил свою гранату, попробовал вставить чеку, промахнулся из-за резкого крена, который заложил Петтикин, уходя из-под огня. Десантник сидел на переднем сиденье, отчаянно стараясь удержаться. Он открыл дверцу и аккуратно выбросил гранату за борт, проводив ее взглядом.

Она разорвалась, никому не причинив вреда.

– Славненько, – произнес британец, захлопнул дверцу, пристегнул ремень безопасности, проверил, все ли в порядке у его двух солдат и показал Петтикину большой палец.

Петтикин едва его заметил. Как только они выбрались за пределы Тегерана, он посадил машину среди редкого кустарника, подальше от дорог и деревень, и осмотрел ее, отыскивая повреждения от пуль. Ничего не обнаружив, он с облегчением вздохнул.

– Господи, не знаю как вас и благодарить, капитан, – произнес он, протягивая руку; голова у него раскалывалась. – Поначалу я вас вообще принял за чертов мираж. Капитан?..

– Росс. Это сержант Тензинг и капрал Гуэнг.

Петтикин пожал руки и поблагодарил их обоих. Они были низкорослыми, с улыбчивыми лицами, но при этом крепкими и ловкими. Тензин был старше своего напарника, ему было лет пятьдесят с небольшим.

– Мне вас небо послало, вас всех.

Росс улыбнулся; зубы на его загорелом лице блеснули ослепительной белизной.

– Я не слишком хорошо себе представлял, как нам удастся выбраться из этой передряги. Не очень-то благовидно это бы смотрелось: прикончить полицейских, любых полицейских, если уж на то пошло, даже САВАК.

– Согласен. – Петтикин ни у кого в жизни не видел таких голубых глаз; он прикинул, что капитану было лет под тридцать. – Что за чертовщина творилась там на базе?

– Часть личного состава ВВС взбунтовалась, и с ними несколько офицеров, лоялисты примчались наводить порядок. Мы слышали, что сторонники Хомейни и левые подтягивались, чтобы помочь бунтовщикам.

– Ну и каша! Спасибо вам от всего сердца. А откуда вам известно мое имя?

– Мы… э… прослышали о выданном вам разрешении на полет в Тебриз через Бендер-э-Пехлеви и хотели попросить, чтобы вы нас туда подбросили. Мы сильно задержались и уже думали, что вас не застали… нам пришлось сделать черт-те какой крюк, чуть не сгинули. Однако вот мы здесь.

– Благодарение Богу за это. Вы гуркхи?

– Просто… э… случайные ребята, так сказать.

Петтикин кивнул с задумчивым видом. Он обратил внимание, что ни у одного из них не было погон или знаков отличия, только капитанские звездочки у Росса и их красные береты.

– А каким образом случайные ребята могут прослышать о планах полетов?

– Даже и не знаю, – безмятежно обронил Росс. – Я просто подчиняюсь приказам. – Он огляделся. Местность вокруг была ровная, каменистая, открытая, на земле лежал снег, и было холодно. – Может, нам стоит двинуться дальше? Мы тут как на ладони.

Петтикин забрался назад в кабину.

– А что в Тебризе?

– Вообще-то, нам бы высадиться, немного не долетая Бендер-э-Пехлеви, если вы не возражаете.

– Конечно. – Петтикин механически начал процедуру подготовки к взлету. – А что там творится?

– Давайте скажем так: нам нужно повидать одного человека насчет собаки.

Петтикин рассмеялся, молодой капитан ему нравился.

– Собак тут везде полно! Что ж, Бендер-э-Пехлеви так Бендер-э-Пехлеви, и я брошу приставать с расспросами.

– Извините, но вы знаете, как это бывает. Я бы также был вам благодарен, если бы вы забыли, как меня зовут и что мы были у вас на борту.

– А если меня спросят… власти? Наш отлет провожала глазами целая толпа народу.

– Имени я вам не назвал. Просто приказал лететь, – Росс ухмыльнулся. – Прибегнув к грязным угрозам!

– Хорошо. Но вашего имени я не забуду.

Петтикин посадил машину в нескольких милях от порта Бендер-э-Пехлеви. Росс сам выбрал место приземления по карте, которую носил с собой. Это был пляж с песчаными дюнами, на приличном удалении от любых деревень; голубые воды Каспийского моря лежали спокойным покрывалом, пестрея рыбацкими суденышками; огромные кучевые облака громоздились в солнечном небе. Здесь местность была почти тропической, воздух влажный, полный насекомых, и – никакого снега, хотя на горах Эльбурс по ту сторону Тегерана лежали тяжелые снеговые шапки. Посадка без разрешения была серьезным нарушением правил, но Петтикин дважды вызывал аэропорт Бендер-э-Пехлеви, где он должен был дозаправляться, и ни разу не получил ответа, поэтому он подумал, что особой бедой ему это не грозит: он всегда мог сослаться на аварийную ситуацию.

– Удачи вам, и еще раз спасибо, – сказал он, пожимая им руки. – Если вам когда-нибудь понадобится услуга, любая услуга, я в вашем распоряжении. – Они быстро выбрались из вертолета, закинули за спины свои рюкзаки и направились в дюны. Больше он их никогда не видел.

– «Тебриз-1», вы слышите меня?

Петтикин беспокойно кружил на положенных семистах метрах, потом спустился ниже. Никаких признаков жизни – и нигде ни огонька. Испытывая странную тревогу, Петтикин посадил вертолет у ангара. Он остался в машине, готовый в любую секунду снова подняться в воздух, не зная, чего ожидать: новость о бунте военнослужащих в Тегеране, особенно в ВВС, считавшихся элитными

войсками, глубоко встревожила его. Но к вертолету никто не подошел. Ничего не произошло. Скрепя сердце он очень тщательно зафиксировал органы управления и выбрался из кабины, оставив двигатели на ходу. Это было крайне рискованно и против правил – крайне рискованно потому, что, если фиксаторы ослабнут, вертолет мог крутануться на земле и стать неуправляемым.

Но я не хочу, чтобы меня застали врасплох, угрюмо подумал он, еще раз проверил блокировку и быстро зашагал к офису, хрустя снегом. Внутри никого не оказалось, в ангарах – пусто, не считая выпотрошенного 212-го, в жилых трейлерах тоже ни души и никаких признаков человеческого присутствия или следов борьбы. Немного успокоившись, он торопливо обошел весь лагерь. На столе в домике, где жил Эрикки Йокконен, Петтикин обнаружил пустую бутылку из-под водки. Полная бутылка стояла в холодильнике. Ему ужасно хотелось выпить, но алкоголь и полеты никак не сочетались. Петтикин также нашел в холодильнике воду в бутылках, немного иранского хлеба и вяленую ветчину. Он благодарно припал к бутылке с водой. Поем потом, когда все здесь кругом осмотрю, решил он.

В спальне он увидел, что кровать заправлена, но один ботинок лежал рядом с ней, а другой – в углу. Постепенно его глаза отыскали другие признаки того, что дом был покинут в спешке. Осмотр других трейлеров дал ему новые подсказки. Никаких транспортных средств на базе он не обнаружил, и красный «рейнжровер» Эрикки тоже исчез. Было ясно, что люди торопливо уходили с базы. Но почему?

Петтикин оценивающе посмотрел на небо. Ветер усилился, и он слышал его завывания в заснеженном лесу поверх приглушенного ворчания работавших на холостом ходу двигателей. Холод забирался под его летную куртку, в утепленные штаны, в летные ботинки. Тело мучительно ныло, требуя горячего душа – еще лучше сауны Эрикки, – еды, постели, горячего грога и восьмичасового сна. Ветер пока не проблема, подумал он, но дневного света, чтобы дозаправиться и вернуться через перевал вниз, в долину, у меня осталось не больше часа. Или мне остаться на ночь здесь?

Петтикин не был лесным человеком, не был человеком гор. Он знал пустыню и буш, джунгли, вельд и мертвые земли Саудовской Аравии. Безбрежные равнинные просторы никогда его не смущали. А вот холод беспокоил. И снег. Сначала дозаправка, решил он.

Но топлива на базе он не нашел. Ни капли. Сорокагаллонных бочек на складе полно, но все до одной пустые. Ладно, подумал он, борясь с паникой. На сто пятьдесят миль до Бендер-э-Пехлеви у меня в баках топлива хватит. Оттуда я мог бы добраться до аэропорта Тебриза или попробовать умыкнуть немного топлива со склада «Экс-Текс» в Ардебиле, но это, черт подери, слишком близко к советской границе.

Он снова посмотрел на небо. Черт! Я могу заночевать либо здесь, либо где-нибудь по пути. Так где же?

Здесь. Это будет безопаснее.

Петтикин заглушил двигатели и откатил свой 206-й в ангар, заперев дверцу вертолета. Тишина навалилась, стала оглушительной. Он помедлил мгновение, потом вышел, закрыв дверь ангара за собой.

Ботинки захрустели по снегу. Петтикин направился к трейлеру Эрикки; ветер сердито дергал его за куртку и штаны. На полпути он вдруг остановился и ощутил в животе холодный ком. Ему показалось, что он чувствует на себе чей-то взгляд. Петтикин повернулся кругом, вглядываясь и вслушиваясь в лес, в здания базы. «Колдун» танцевал и дергался под порывами ветра, который трепал верхушки деревьев, поскрипывал стволами, с воем носился по лесу, и Петтикин вдруг вспомнил, как Том Локарт, сидя у костра в Загросских горах, куда они иногда ездили кататься на лыжах, рассказал канадскую легенду о Вендиго, злом духе леса, рожденном на крыльях дикого ветра, который прячется в верхушках деревьев, воет, ждет, как бы захватить тебя врасплох, потом вдруг камнем обрушивается вниз, и ты впадаешь в ужас и бросаешься бежать, но убежать никак не получается, ты чувствуешь спиной его ледяное дыхание и бежишь, несешься, все удлиняя шаги, пока твои ноги не превращаются в кровавые культи, и тут Вендиго хватает тебя, уносит на верхушки деревьев, и ты умираешь.

Он вздрогнул всем телом, остро чувствуя свое одиночество. Любопытно, я никогда не думал об этом раньше, но я почти никогда не бываю один. Всегда есть кто-то рядом, механик, или пилот, или друг, или Дженни, или Мак, или Клэр в былые дни.

Он продолжал напряженно вглядываться в лес. Где-то вдалеке залаяли собаки. Ощущение, что там, за темными ветвями, кто-то есть, было сильным и никак не проходило. Сделав над собой усилие, он прогнал от себя тревогу, вернулся к вертолету и отыскал легкий

пистолет Вери. Шагая к дому Эрикки, он, не пряча, сжимал короткоствольный, огромного калибра пистолет в руке и чувствовал себя теперь гораздо спокойнее. И ощутил еще большую радость, когда запер на задвижку дверь трейлера и задернул занавески.

Ночь опустилась быстро. С наступлением темноты звери вышли на охоту.

Тегеран. 19.05. Мак-Айвер шагал по пустынному, усаженному деревьями жилому бульвару, усталый и голодный. Ни один фонарь на бульваре не горел, и он продвигался в полутьме с большой осторожностью; у стен богатых домов по обе стороны дороги намело небольшие сугробы. Издалека холодный ветер донес звуки стрельбы и раскатистое «Аллаху-у-у акбар-р-р». Он повернул за угол и едва не врезался в танк «центурион», заехавший гусеницей на половину тротуара. Яркий свет фонаря ударил в лицо, на секунду ослепив его. Из засады выдвинулись солдаты.

– Кто вы, ага? – спросил молодой офицер на хорошем английском. – Что вы здесь делаете?

– Я капитан… Я капитан Мак-Айвер, Дункан… Дункан Мак-Айвер, я иду домой из своего офиса, и… моя квартира на другой стороне парка, за следующим углом.

– Документы, пожалуйста.

Мак-Айвер осторожно залез рукой в грудной карман. Рядом с удостоверением личности он нащупал две фотографии, одна – шаха, другая – Хомейни, но после всех слухов о мятежах, которые он слышал сегодня, ему было трудно решить, какую из них выбрать, поэтому он не стал доставать ни ту, ни другую. Офицер, светя себе фонариком, внимательно ознакомился с его удостоверением. Теперь, когда глаза Мак-Айвера немного привыкли к темноте, он заметил усталость на лице иранца, небритую щетину на щеках и мятый мундир. Другие солдаты молча наблюдали за ними. Ни один из них не курил, что показалось Мак-Айверу странным. «Центурион» возвышался над ними, зловещий, словно готовый прыгнуть вперед.

– Благодарю вас. – Офицер вернул ему изрядно потертую карточку удостоверения. Снова послышалась стрельба, на этот раз ближе. Солдаты ждали, всматриваясь в ночь. – Вам лучше не выходить из дома после наступления темноты, ага. Спокойной ночи.

– Да, спасибо. Спокойной ночи. – Мак-Айвер с благодарностью продолжил свой путь, гадая про себя, кто были эти люди: лоялисты или мятежники. Господи, если одни части взбунтуются, а другие останутся верными шаху, начнется такое, что чертям тошно станет. Он снова повернул, дорога и парк за углом были также погружены в темноту и пустынны, хотя не так давно в это время здесь всегда было многолюдно и очень светло, не только от фонарей, но и от света, струившегося из окон зданий; слуги, люди, дети – все с радостными лицами, смеются, спешат, торопятся туда и сюда. Вот этого мне не хватает больше всего, подумал он. Смеха. Интересно, вернутся ли к нам эти времена когда-нибудь снова?

День у него вышел безрадостный: телефоны не работали, радиосвязь с Ковиссом была плохой, а с другими базами ему вообще не удалось связаться. Снова никто из сотрудников офиса не появился на работе, и это его еще больше разозлило. Несколько раз он пытался отправить телекс Гаваллану, но так и не дождался соединения.

– Завтра все наладится, – вслух произнес он и ускорил шаг: пустынные улицы действовали на нервы.

В их доме было пять этажей, и они занимали один из пентхаусов. Лестницу освещала тусклая лампа, электричество опять подавали с половинным напряжением, лифт не работал уже несколько месяцев. Он тяжело двинулся вверх по ступеням, скудность освещения делала подъем еще более угрюмым. Но войдя в квартиру, он увидел, что свечи уже ярко горят, и настроение у него поднялось.

– Привет, Дженни! – крикнул он, запер за собой дверь и пристроил на крюк свою старую офицерскую зимнюю шинель. – Наливай!

– Дункан! Я в столовой, зайди на минутку.

Он прошел по коридору, остановился в дверях и разинул рот от удивления. На обеденном столе громоздилась дюжина иранских блюд и вазы с фруктами; свечи повсюду. Дженни лучезарно улыбалась ему. И так же лучезарно улыбалась Шахразада.

– Господь благословенный! Шахразада, это твоя работа? Как же я рад тебя видеть, ко…

– О, я тоже рада тебя видеть, Мак, ты молодеешь с каждым днем, вы оба молодеете, вы уж извините меня за вторжение, – искрящейся, радостной скороговоркой выпалила Шахразада, – но я вспомнила, что

вчера у вас была годовщина свадьбы, а это как раз за пять дней до моего дня рождения, а я помню, как ты любишь *хореш* из ягнятины, и праздничный *поло,* и другую всякую всячину, вот мы их и принесли, Хасан, Дэва и я, и еще свечки. – Росточку в ней было чуть больше полутора метров – тот тип персидской красавицы, который Омар Хайям обессмертил в своих стихах. Она поднялась с кресла. – Ну вот, ты вернулся, и я побежала.

– Погоди, погоди минутку, а почему ты не останешься с нами, не поужинаешь и…

– Ой, я не могу, хотя мне очень бы хотелось. Отец сегодня устраивает прием, и я должна там быть. Это просто маленький подарок, и я оставляю Хасана, чтобы он прислуживал за столом, а потом все убрал, и я так надеюсь, что вы проведете чудный вечер! Хасан! Дэва! – громко позвала она, потом обняла Дженни и Мак-Айвера и побежала к двери, где двое слуг уже ждали ее. Один распахнул перед ней шубу. Она скользнула в нее, потом набросила сверху темную чадру, послала Дженни еще один воздушный поцелуй и заторопилась прочь в сопровождении второго слуги. Хасан, высокий иранец тридцати лет в белой длинной рубахе, черных штанах и с широкой улыбкой на лице, запер за ней дверь.

– Прикажете подавать ужин, мадам? – обратился он к Дженни на фарси.

– Да, пожалуйста, через десять минут, – ответил она со счастливой улыбкой. – Но сначала господин выпьет виски.

Хасан тут же подошел к буфету, налил виски, принес воды, поклонился и оставил их.

– Бог мой, Джен, совсем как в старые времена, – с широкой ухмылкой произнес Мак-Айвер.

– Да. Забавно, правда? Ведь всего несколько месяцев прошло, а? – До этого у них в доме жила чета слуг: жена – образцовый шеф-повар, изумительно готовившая европейские и иранские блюда, что компенсировало беспечное отлынивание от работы под предлогом болезни, характерное для ее мужа, которого Мак-Айвер окрестил Али-Бабой. Оба они внезапно исчезли, как и почти все слуги в домах иностранцев. Ни объяснений, ни записки. – Как ты думаешь, у них все в порядке, Дункан?

– Ну конечно. Али-Баба тот еще жулик, у него уж точно в кубышке припрятано столько, что им надолго хватит. Паула улетела?

– Нет, она остается еще на одну ночь. А Ноггер – нет. Они отправились поужинать с кем-то из ее итальянского экипажа. – Дженни выгнула брови дугой. – Он полагает, что она созрела, метит ей между ног, наш Ноггер. Надеюсь, он ошибается. Паула мне нравится. – Из кухни до них донеслось звяканье посуды, с которой возился Хасан. – Ах, в целом свете нет звуков милее для моих ушей.

Мак-Айвер улыбнулся ей в ответ и поднял бокал:

– Хвала Создателю за Шахразаду и за то, что не будет возни с грязной посудой!

– Это самое приятное. – Дженни вздохнула. – Такая славная девушка, такая заботливая. Том такой счастливчик. Шахразада говорит, он должен прилететь завтра.

– Надеюсь. У него должна быть для нас почта.

– Ты дозвонился до Энди?

– Нет, так и не дозвонился пока. – Мак-Айвер решил ничего не говорить про танк. – Как ты думаешь, ты могла бы позаимствовать Хасана или кого-нибудь из других ее слуг на пару дней в неделю? Это здорово бы тебе помогло.

– Я не стану просить ее, ты сам знаешь, как теперь обстоят дела.

– Наверное, ты права, черт побери. Как это все меня достало. – Сейчас иностранцам практически невозможно было найти прислугу, какие бы деньги они ни предлагали. Всего лишь несколько месяцев назад было так легко отыскать прекрасных, заботливых слуг, после чего, с их помощью и благодаря нескольким словам на фарси, ведение домашнего хозяйства превращалось в радость, походы по магазинам – в легкие прогулки.

– Это едва ли не самое славное, что было в Иране, – сказала она. – Такая огромная получалась разница: все муки житья в такой чужой стране пропадали разом.

– Ты все еще считаешь ее чужой? После стольких лет?

– Больше чем когда-либо. Вся эта доброта, вежливость у тех немногих иранцев, с которыми мы встречались… мне всегда казалось, что это все было лишь на поверхности, что именно сейчас их подлинные чувства вырвались наружу. Я, конечно, не имею в виду всех и каждого, не говорю о наших друзьях: взять Аннуш, например, я

мало кого знаю, кто был бы милее и добрее нее. – Аннуш была женой генерала Валика, старшего из их иранских партнеров. – Большинство жен чувствовали то же самое, Дункан, – добавила она, погруженная в воспоминания. – Может быть, именно поэтому экспатрианты здесь всегда держатся друг друга: эти групповые выезды на теннис, катание на лыжах, прогулки под парусом, уик-энды на Каспийском море – и слуги, которые носят корзины с едой и посудой на пикниках и убирают за нами. Думаю, мы жили как в раю, но теперь это в прошлом.

– Все вернется. Я от души надеюсь, – ради них самих так же, как и ради нас, – что все вернется. Сегодня по дороге домой я вдруг осознал, чего мне теперь не хватает больше всего. Смеха, всего этого смеха. Теперь люди словно разучились смеяться. Я имею в виду на улицах, даже детишки. – Мак-Айвер маленькими глотками потягивал свой виски.

– Да, этого смеха мне тоже очень не хватает. И шаха тоже жалко. Жалко, что ему пришлось бежать: все было так хорошо налажено, упорядочено, если говорить о нашей жизни, и так еще недавно. Бедняга, и до чего же отвратительно мы с ним обошлись, с ним и с его очаровательной женой. И это после всей той дружбы, которой он одаривал нашу сторону. Знаешь, мне ужасно стыдно: он действительно делал все, что мог, для своего народа.

– К сожалению, Джен, для большинства из них того, что он делал, было недостаточно.

– Знаю. Грустно все это. Жизнь иногда очень грустная штука. Ладно, что толку горевать по убежавшему молоку. Ты голоден?

– Еще как.

От свечей в столовой было тепло и уютно, промозглый холод нетопленной квартиры растаял без следа. Задернутые портьеры не пускали ночь в дом. Хасан тут же принес дымящиеся глубокие чашки с разными хорешами – буквально это слово означало суп, но на самом деле хореш представлял собой густое рагу из ягнятины или курицы с овощами, изюмом и всевозможными специями, – и поло, изумительный иранский рис, который сначала слегка обваривался, а потом запекался в смазанном маслом блюде до образования твердой золотисто-коричневой корочки – одно из их любимейших блюд. – Благослови Господь Шахразаду, увидишь ее – и сердце радуется.

Дженни улыбнулась ему.

– Да, она такая, и Паула тоже.

– Ты и сама ничего, Джен.

– Ладно тебе, но за эти слова тебе можно будет выпить еще стаканчик перед сном. Ну, как говорит Жан-Люк, *bon appétit!*[20] — Они с энтузиазмом принялись за еду, блюда были восхитительные и напомнили им те ужины, которые они устраивали в своем доме для друзей.

– Джен, я сегодня за обедом столкнулся с Кристианом Толлоненом, ты помнишь его? Друг Эрикки из финского посольства? Он сказал мне, что паспорт Азадэ готов. Это хорошо, но знаешь, что меня ошарашило? Он заметил – так, между делом, – что восемь человек из каждого десятка его иранских друзей или знакомых уже уехали из Ирана, и если этот исход будет продолжаться теми же темпами, совсем скоро в стране останутся одни только муллы и их паства. Тут я стал своих знакомых подсчитывать и, знаешь, пришел примерно к тому же соотношению, если брать тех, кого можно было бы отнести к среднему и зажиточному классам.

– Я не виню их за то, что они уезжают. Я бы сделала то же самое. – Потом она невольно добавила: – Не думаю, что Шахразада уедет.

Мак-Айвер уловил в ее голосе подспудные интонации и изучающее посмотрел на нее.

Дженни поиграла кусочком золотистой рисовой корочки на тарелке и изменила свое решение ничего ему не говорить.

– Только ради всего святого не говори Тому, а то его удар хватит… да я и не знаю, сколько в этом правды, а сколько идеалистических фантазий юной девушки… но она тут мне радостно нашептала, что провела большую часть сегодняшнего дня в Дошан-Таппехе, где, по ее словам, началось настоящее восстание, с автоматами, гранатами и всем остальным…

– Господи!

– …всей душой на стороне, как она их называла, «наших славных борцов за свободу», к которым, как я понимаю, относятся солдаты и курсанты ВВС, несколько офицеров, «зеленые повязки», поддержанные тысячами людей из гражданского населения, против полиции, верных шаху войск и «бессмертных»…

ГЛАВА 8

Аэропорт Бендер-Делама. 19.50. С заходом солнца прибыли новые группы вооруженных революционеров, и теперь охрана стояла у всех ангаров и на всех подходах к аэропорту. Затаки сказал Руди Лутцу, что сотрудникам S-G запрещено покидать территорию аэропорта без разрешения, что они должны продолжать работать как обычно и что один или несколько из его людей будут сопровождать теперь каждый полет.

– Ничего не произойдет, если вы все будете подчиняться приказам, – говорил Затаки. – Эта ситуация временная, пока идет смена незаконного правительства шаха на новое народное правительство. – Иранец старался держаться уверенно, но его нервозность и нервозность его плохо обученных людей выдавала его с головой.

Старк слышал, как иранцы приглушенно переговаривались между собой, и сообщил Руди, что повстанцы в любой момент ждут появления верных шаху войск и начала контратаки. К тому времени, когда ему, Руди и второму американскому пилоту, Джону Тайреру, удалось добраться до радиоприемника в трейлере Руди, сводка новостей почти закончилась, и то немногое, что они услышали, не сулило ничего хорошего.

«…и правительства Саудовской Аравии, Кувейта и Ирака опасаются, что политическая неразбериха в Иране приведет к дестабилизации ситуации во всем регионе Персидского залива, а султан Омана, как нам сообщают, заявил, что проблема заключается не только в опасности распространения смуты, что это еще одно удобное прикрытие для попыток Советской России использовать свою группу государств-прихлебателей для создания в Персидском заливе ни много ни мало колониальной империи, конечная цель которой – обладание Ормузским проливом.

Из Ирана сообщают, что ночью велись ожесточенные бои между взбунтовавшимися, поддерживающими Хомейни курсантами тегеранской базы ВВС в Дошан-Таппехе, на помощь которым пришли тысячи вооруженных гражданских лиц, и полицией, верными шаху войсками и „бессмертным“, элитным подразделением шахской императорской гвардии. Впоследствии к бунтовщикам

присоединились свыше пяти тысяч левых из марксистской группы „Сайкал“, часть которых прорвалась в арсенал базы ВВС и вынесла оттуда все оружие…»

– Господи! – вырвалось у Старка.

«…Тем временем аятолла Хомейни вновь потребовал отставки правительства в полном составе и призвал общественность поддержать его выбор премьер-министра, Мехди Базаргана, убеждая всех солдат, летчиков и моряков выступить в его поддержку. Премьер-министр Бахтияр опроверг слухи об опасности военного переворота, но подтвердил концентрацию советских вооруженных сил в приграничных районах…

Цена на золото достигла рекордной отметки в двести пятьдесят четыре доллара за унцию, а курс доллара резко упал по отношению ко всем валютам. На этом мы заканчиваем выпуск новостей из Лондона».

Руди выключил приемник. Они сидели в гостиной трейлера. В одном из ящиков хранилась запасная высокочастотная рация, которую, как и радиоприемник, Руди собрал своими руками. На буфете стоял телефон, подключенный к телефонной линии авиабазы. Он не работал.

– Если Хомейни одержит победу в Дошан-Таппехе, то вооруженным силам придется выбирать, – убежденно произнес Старк. – Переворот, гражданская война или сдача.

– Они не сдадутся, это же будет самоубийство, да с чего, черт подери, им сдаваться? – вспыхнул Тайрер, расхлябанный американец из Нью-Джерси. – И не забывайте про элиту ВВС, про тех, с которыми мы встречались, ну. Этот бунт – всего лишь кучка местных тупоголовых бузотеров. Главное, что ошарашило, так это примкнувшие к ним марксисты, надо же, пять тысяч! Господи Иисусе! Если они сейчас на свободе и при оружии! Мы, черт побери, совсем из ума выжили, если до сих пор сидим тут, а?

– Хочу сказать, что мы тут, однако, по своей воле, – заметил Старк. – Компания говорит, если кто захочет уехать, стаж за ними сохранится. Написано черным но белому. Ты хочешь уехать?

– Нет-нет, пока еще нет, – раздраженно бросил Тайрер. – Но только что нам делать-то?

– Пока что не попадаться под руку Затаки, – сказал Руди. – Этот сукин сын – псих.

– Это ясно, – кивнул Тайрер, – но нам нужен план.

Раздался резкий стук, и дверь распахнулась. На пороге стоял Мухаммед Йемени, директор их базы, представлявший «Иран Ойл», симпатичный, чисто выбритый мужчина на пятом десятке, который проработал здесь год. Его сопровождали два охранника.

– Ага Кияби на связи по ВЧ. Он хочет немедленно говорить с вами, – произнес Йемени с неподобающей ему властностью в голосе. Кияби был директором «Иран Ойл» по их региону и самым большим чиновником в южном Иране.

Руди тут же щелкнул тумблером высокочастотной рации, которая связывала его со штаб-квартирой Кияби неподалеку от Ахваза к северу от Бендер-Делама. К его огромному удивлению аппарат не включился. Он несколько раз щелкнул тумблером, пока Йемени не сообщил с открытой издевкой:

– Полковник Затаки приказал отключить электроэнергию и вашу рацию. Вы воспользуетесь аппаратом в главном управлении базы. Немедленно.

Никому из них не понравился этот тон.

– Я буду через минуту, – сказал Руди.

Йемени нахмурился и обратился к охранникам на грубом фарси:

– Поторопите эту чужеземную собаку!

Старк резко выпалил на фарси:

– Это шатер нашего правителя. Священный Коран устанавливает очень четкие законы о защите вождя племени в его шатре против людей с оружием. – Оба охранника остановились, ошарашенные. Йемени разинув рот уставился на Старка, он никак не ожидал, что американец говорит на фарси; он отступил на шаг, когда Старк поднялся во весь свой рост и продолжил: – Пророк, да будет имя его благословенно, положил правила приличий в отношениях меж друзьями, но также и меж врагами, и еще Он говорил, что собаки – животные нечистые. Мы люди Книги, и мы не нечистые животные.

Йемени залился краской, круто повернулся на каблуках и вышел. Старк вытер о штаны вспотевшие ладони.

– Руди, давай посмотрим, что там с Кияби.

Они последовали за Йемени, сопровождаемые охранниками. Ночь была ясной, и Старку, после тесноты крошечного офиса, воздух казался особенно сладостным и свежим.

– Что у вас вышла за перепалка? – спросил Руди.

Старк объяснил, думая о своем, всем сердцем желая оказаться опять в Ковиссе. Ему страшно не хотелось оставлять Мануэлу, но он решил, что там она будет в большей безопасности, чем в Тегеране.

– Милая, – сказал он перед самым уходом. – Я тебя вытащу, и глазом моргнуть не успеешь.

– Мне здесь ничего не грозит, дорогой. Словно в Техасе. Спешить мне некуда, дети живыми-здоровыми добрались до Лаббока – я оставалась в Англии, пока не получила подтверждения, что они дома, а ты знаешь, что дедушка Старк за ними присмотрит как надо.

– Это ясно. С детьми все будет в порядке, но я хочу, чтобы ты покинула Иран как можно скорее.

Он услышал голос Руди, который спрашивал:

– А что это за люди Книги?

– Христиане и евреи, – ответил он, размышляя, как ему сделать так, чтобы 125-й полетел в Ковисс. – Мухаммад считал нашу Библию и Тору тоже Священными Книгами: многое из того, что есть в них, есть и в Коране. Многие ученые, наши ученые, полагают, что он просто переписал их, хотя мусульманская легенда гласит, что Мухаммад не умел ни читать, ни писать. Он воспроизводил Коран по памяти, весь целиком, можешь себе представить? – Это достижение до сих пор вызывало у Старка восхищение. – Другие записали его слова, уже через много лет после его смерти. Говорят, на арабском текст фантастически прекрасен, это поэзия.

Впереди они видели трейлер управления базы, куривших в двери охранников, и Старк ощутил приятное чувство удовлетворения от того, что поставил на место Йемени и в течение всего дня успешно справлялся с муллой Хусейном – пятнадцать посадок, все выполнены безукоризненно, ожидание на платформах, где мулла горячо призывал рабочих встать на сторону Хомейни и где не появилось ни одного солдата, полицейского или человека из САВАК, хотя они ждали их появления в любую секунду и уж точно при следующей посадке. Йемени – куриный помет в сравнении с Хусейном, подумал он.

Затаки и оба муллы ждали их внутри трейлера. Джахан, радист, сидел у ВЧ-рации. Затаки обосновался за рабочим столом Руди. Раньше в кабинете всегда было очень чисто. Теперь в нем царил кавардак: ящики с папками выдвинуты, кругом бумаги, грязные чашки,

сигаретные окурки в них и на полу, недоеденная еда на столе – рис с козлятиной. Воздух пропитался табачным дымом.

– *Mein Gott!!* – гневно воскликнул Руди. – Это же *verrückte*[21]свинарник, и в…

– МОЛЧАТЬ! – взорвался Затаки. – У нас военная обстановка, нам нужно все обыскать, – потом добавил, уже спокойнее. – Вы… вы можете прислать одного из своих людей, чтобы он тут прибрался. Кияби про нас вы ничего не скажете. Будете вести себя как обычно и следовать моим указаниям, будете все время смотреть на меня. Вам понятно, капитан?

Руди кивнул с каменным лицом. Затаки сделал знак радисту, который заговорил в микрофон:

– Ваше превосходительство Кияби, капитан Лутц у аппарата.

Руди взял у него микрофон.

– Слушаю, Босс, – сказал он, воспользовавшись придуманным ими для него прозвищем. И он, и Старк знали Юсуфа Кияби уже несколько лет. Кияби окончил техасский сельскохозяйственный и механический университет, потом обучался в «ЭксТекс», прежде чем стать руководителем южного сектора, и у них с ним были хорошие отношения.

– Добрый вечер, Руди, – произнес голос по-английски с американским акцентом. – У нас утечка на трубопроводе, где-то севернее вас. Серьезная – только что зарегистрирована на наших насосных станциях. Один Бог знает, сколько баррелей уже потеряно или сколько еще остается в трубе. Я не объявляю экстренную эвакуацию, но хочу, чтобы на рассвете вертолет ее обнаружил. Вы сможете забрать меня пораньше?

Затаки согласно кивнул, поэтому Руди ответил:

– О'кей, Босс. Прилетим сразу после рассвета, так быстро, как только получится. Какая машина вам понадобится, 206-я или 212-я?

– 206-я, буду я и мой главный инженер. Прилетайте сами, хорошо? Возможно, это диверсия, а может быть, поломка. У вас в Бендер-Деламе никаких проблем не возникло?

Руди и Старк очень остро ощутили присутствие в комнате автоматов.

– Да нет, не больше, чем обычно. До завтра.

Руди торопился закончить разговор, зная, что Кияби обычно не стеснялся в выражениях, когда говорил о революционерах. Он не одобрял неповиновения, не одобрял фанатизма Хомейни и просто ненавидел, когда все это нарушало работу их нефтяного комплекса.

– Погодите минутку, Руди. Мы слышали, в Абадане новая волна беспорядков. И до нас доносились звуки стрельбы в Ахвазе. Вы не знали, что вчера американец-нефтяник и один из наших собственных людей попали в засаду и были убиты недалеко от Ахваза?

– Да, Томми Стэнсон. Гнусное дело.

– Очень. Да ниспошлет Аллах проклятье на всех убийц! Туде, моджахедин, федаин – всех, кто бы они ни были, будь они прокляты!

– Извините, Босс, надо бежать, увидимся завтра.

– Да. Хорошо, поговорим завтра. Иншаллах, Руди. Иншаллах!

Рация замолчала. Руди с облегчением выдохнул. Он, кажется не услышал того, что могло бы повредить Кияби. Если только эти люди не были тайными членами Туде – или одной из других экстремистских сект, – а не сторонниками Хомейни, как они утверждали. «Все наши экстремисты используют мулл в качестве ширмы, или стараются их использовать, – говорил ему Кияби. – К сожалению, в большинстве своем муллы – бедные, тупоумные крестьяне и оказываются легкой добычей для подготовленных подстрекателей. Да будет проклят Хомейни…»

Руди почувствовал, как у него вспотела спина.

– Один из моих людей полетит с вами, и на этот раз вы не станете забирать магазин его автомата, – сказал Затаки.

Нижняя челюсть Руди выдвинулась вперед, а атмосфера в комнате сгустилась.

– Я не полечу с вооруженными людьми. Это противоречит правилам моей компании, правилам полетов и в особенности распоряжениям Иранского управления гражданской авиации. Нарушение распоряжений Управления влечет за собой отзыв наших лицензий, – сказал он, глядя на них с открытой неприязнью.

– Может, мне пристрелить одного из ваших людей, если вы не подчинитесь? – Затаки в ярости смахнул чашку со стола, и она запрыгала по комнате.

Старк выступил вперед с тем же выражением гнева на лице. Автомат Затаки повернулся в его сторону.

– Разве сторонники аятоллы Хомейни убийцы? Разве таков закон ислама?

Какое-то мгновение Старк думал, что Затаки сейчас нажмет на курок, потом со своего места поднялся мулла Хусейн.

– Я полечу на вертолете. – Мулла повернулся к Руди. – Вы клянетесь, что не будете хитрить и вернетесь сюда без всяких уверток?

После недолгой паузы Руди нервно пробормотал:

– Да.

– Вы христианин?

– Да.

– Поклянитесь Богом, что не обманете нас.

Снова пауза.

– Хорошо, – сказал Руди. – Клянусь Богом, что я не обману вас.

– Как можно ему верить?

– Я не верю, – просто сказал Хусейн. – Но если он обманет Бога, Бог накажет его. И его спутников. Если мы не вернемся, или он привезет с собой беду… – Мулла пожал плечами.

Абердин. Поместье Гаваллана. 19.23. Они сидели в комнате с телевизором и смотрели на большом экране запись сегодняшнего перенесенного матча по регби между сборными Шотландии и Франции – Гаваллан, его жена Морин, Джон Хогг, обычно пилотировавший их 125-й, небольшой реактивный самолет, принадлежавший компании, и еще несколько пилотов. Счет был 17: 11 в пользу Франции, время шло к середине второго тайма. Мужчины разом застонали, когда шотландец не удержал мяч, французский форвард перехватил его и продвинулся на сорок ярдов.

– Ставлю десять фунтов, что Шотландия все равно выиграет! – объявил Гаваллан.

– Идет, – откликнулась его жена и расхохоталась, увидев выражение его лица. Она была высокой, рыжеволосой, в элегантном зеленом платье в тон ее глаз. – В конце концов, я наполовину француженка.

– На четверть. Твоя бабушка была нормандкой, *quelle horreur*[22], и она…

Оглушительный взрыв ликования прокатился по комнате, заглушив его остроту: шотландский полузащитник схватки завладел

мячом, перебросил его крыльевому, тот – следующему игроку, который оторвался от кучи, сшиб со своего пути двух соперников и устремился к зачетной зоне в пятидесяти шагах впереди, уворачиваясь, с фантастической ловкостью меняя направление, вот он споткнулся, но каким-то чудом удержался на ногах и метнулся вперед в последнем волнующем, великолепном броске, чтобы нырнуть за линию – и тут же быть погребенным под кучей тел и громом рукоплесканий. Попытка! Счет теперь 17:15. А успешная реализация доведет его до ничейного.

– Шотландия вперрре-о-о-о-о…

Дверь открылась, появился слуга. Гаваллан тут же поднялся с места, с болезненным нетерпением проследил за ударом, который принес нужные очки, и облегченно выдохнул.

– Удвоим ставку, Морин? – крикнул он поверх бури воплей и заторопился из комнаты.

– Идет! – выкрикнула она ему вдогонку.

Придется-таки ей расстаться с двадцаткой, подумал он, крайне довольный собой, пересек коридор большого, беспорядочно выстроенного старого дома, который был обставлен добротной мебелью со старой кожей, хорошими картинами и прекрасным антиквариатом – многие предметы были привезены из Азии, – и вошел в свой кабинет напротив. В кабинете его шофер, а также заряжающий на охоте и человек, пользовавшийся его полным доверием, поднял трубку одного из двух телефонов.

– Извините, что прерываю, сэр, мне…

– Вы дозвонились до него, Уильямс? Здорово… счет ничейный, семнадцать-семнадцать.

– Нет, сэр, сожалею, все линии по-прежнему заняты… но я подумал, что этот звонок достаточно важен… Сэр Иэн Данросс.

Разочарование Гаваллана мигом улетучилось. Он взял трубку. Уильямс вышел и закрыл за собой дверь.

– Иэн, как здорово, что ты позвонил, вот уж приятный сюрприз.

– Привет, Энди, ты не мог бы говорить погромче? Я звоню из Шанхая.

– Я думал, ты в Японии, тебя я слышу хорошо. Как идут дела?

– Великолепно. Лучше, чем я ожидал. Послушай, мне нужно спешить, но у меня тут прозвенел один звоночек, даже два. Первый:

тайпэну срочно нужен какой-нибудь финансовый успех, чтобы вытащить себя и «Струанз» из дыры в этом году. Что у нас с Ираном?

– Все утверждают, что там все успокоится, Иэн. Мак контролирует ситуацию, насколько это возможно; нам пообещали передать все контракты «Герни», поэтому со своей стороны мы дадим все и даже больше, даже удвоим прибыль, если только не случится какого-нибудь форс-мажора.

– Наверное, тебе следует исходить из того, что может и случиться.

Приподнятое настроение Гаваллана тут же испортилось. Раз за разом его старый друг частным образом передавал ему какое-нибудь предупреждение или информацию, которая позже оказывалась поразительно точной – он так и не узнал, откуда Данросс берет эти сведения или от кого, но ошибался он крайне редко.

– С этой минуты я так и буду действовать.

– Следующее. Я только что узнал, что отдано тайное распоряжение – на очень высоком уровне, возможно, даже уровне кабинета – о перестановках, как финансовых, так и административных, в «Империал Эйр». Это вас как-то коснется?

Гаваллан помедлил с ответом. «Империал Эйр» была владельцем «Империал Хеликоптерз», его главного конкурента в Северном море.

– Не знаю, Иэн. По моему мнению, они попусту растрачивают деньги налогоплательщиков; реорганизация им точно бы не помешала – мы бьем их одной левой по всем статьям, какие только приходят в голову: безопасность, тендеры, оборудование… я, кстати, заказал Х6З-й.

– Тайпэн знает?

– От этой новости у него чуть зад не прорвало. – Гаваллан услышал знакомый хохоток и на миг почувствовал себя в Гонконге, в старые дни, когда Данросс был тайпэном, когда жизнь шла по натянутой проволоке, но была дико интересной, когда Кэти была Кэти и ничем не болела. Йосс, подумал он, и снова сосредоточился. – Все, что касается «Империал Эйр», – важно. Я немедленно все проверю. Другие новости бизнеса отсюда очень хорошие. Новые контракты с «ЭксТекс». Я собирался объявить о них на следующем заседании правления. «Струанз» ведь опасность не грозит, правда?

Снова этот хохоток.

– Благородный дом всегда в опасности, парень! Я просто хотел тебя проинформировать… нужно бежать… передай Морин мою любовь.

– И Пенелопе. Когда мы увидимся?

– Скоро. Я позвоню, как получится. Передай большой привет Маку, когда его увидишь. Пока.

Погруженный в раздумье, Гаваллан присел на край своего дорогого рабочего стола. Его друг всегда говорил «скоро», и это могло означать месяц, или год, даже два года. Уже больше двух лет прошло с тех пор, как я последний раз с ним пересекся, подумал он. Жалко, что он уже не тайпэн – до чего ж обидно, что он ушел; с другой стороны, для всех нас приходит время двигаться дальше и освобождать место. «С меня довольно, Энди, – сказал ему тогда Данросс. – „Струанз“ чувствует себя лучше некуда, семидесятые обещают быть фантастической эрой для роста и экспансии, и… ну, все это перестало быть увлекательным». Этот разговор состоялся сразу после того, как ненавистный соперник Данросса Квиллан Горнт, тайпэн компании «Ротуэлл-Горнт», утонул во время несчастного случая на яхте у берегов Шатянь в гонконгских новых территориях.

«Империал Эйр»? Гаваллан взглянул на часы, потянулся к телефону, но рука его замерла, когда он услышал негромкий стук в дверь. Морин просунула голову в комнату и просияла, увидев, что он не говорит по телефону.

– Я выиграла, двадцать один – семнадцать. Ты занят?

– Нет, заходи, дорогая.

– Не могу, нужно проверить, готов ли ужин. Через десять минут? Можешь заплатить мне сразу, если хочешь!

Он рассмеялся, поймал ее, крепко обнял.

– После ужина! Вы сногсшибательная пташка, миссис Гаваллан.

– Хорошо, смотри только, не забудь. – Ей было уютно в его объятиях. – С Маком все в порядке?

– Это Иэн звонил. Просто передать привет. Из Шанхая.

– Ага, вот еще один очень милый человек. Когда мы его увидим?

– Скоро.

Снова она рассмеялась вместе с ним, ее глаза танцевали, кожа отливала цветом молока. Они впервые встретились семь лет назад в замке Авис-ярд, где тогдашний тайпэн, Дэвид Мак-Струан, давал бал в

канун Нового года. Ей было двадцать восемь, она только что развелась, детей не было. Ее улыбка сдула тогда все паучьи тенета, опутывавшие его сознание, и Скот прошептал ему на ухо: «Пап, если ты не притащишь вон ту женщину к алтарю, значит, ты и вправду с ума сошел». Его дочь Мелинда сказал ему то же самое. И вот три года назад все так и получилось, и каждый день с тех пор был днем счастья.

– Десять минут, Энди? Ты уверен?

– Да, мне нужно сделать всего один звонок. – Гаваллан увидел, как она нахмурилась, и быстро добавил: – Обещаю. Всего один, а потом за звонками сможет следить Уильямс.

Она быстро чмокнула его и упорхнула. Он набрал номер.

– Добрый вечер, сэр Перси свободен? Это Энди Гаваллан. – Сэр Перси Смедли-Тейлор был директором холдинга «Струанз», членом парламента; поговаривали, что его прочат на должность министра обороны, если консерваторы победят на следующих выборах.

– Энди, хеллоу. Рад тебя слышать. Если речь о том, чтобы поохотиться в следующую субботу, я готов. Извини, что не сказал тебе раньше, но дел было довольно много, учитывая, что это так называемое правительство усердно толкает страну под откос, и эти несчастные профсоюзы тоже, черт бы их побрал, уф, если бы они только знали.

– Совершенно согласен. Я не помешал?

– Нет, ты меня едва застал – собираюсь в палату на очередное ночное голосование. Эти недоумки хотят, чтобы мы вышли из НАТО, помимо всего прочего. Как прошли испытания Х63-х?

– Замечательно! Лучше, чем они заявляли. Эта машина – лучшая в мире!

– Мне бы хотелось прокатиться, если ты сможешь это устроить. Чем я могу быть полезен?

– Мне тут нажужжали, что идет тайная, на самом высоком уровне реорганизация «Империал Эйр». Ты ничего об этом не слышал?

– Бог мой, старина, хороши же у тебя контакты, ничего не скажешь. До меня самого слухи об этом дошли только сегодня днем, шепнул под строжайшим секретом один непотопляемый источник из оппозиции. Чертовски любопытно! Поначалу это мне мало о чем говорило – интересно, что они там задумали. У тебя есть что-то конкретное?

– Нет. Только слухи.

– Я проверю. Занятно… интересно, уж не готовят ли потихоньку эти остолопы «Империал Эйр» к тому, чтобы официально ее национализировать, а следовательно, и ее вертолетную компанию, а следовательно, и тебя, и вообще все Северное море?

– Боже милосердный! – Гаваллан всерьез встревожился. Эта мысль не приходила ему в голову. – А они могли бы это сделать, если бы захотели?

– Да. Проще простого.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
11 февраля

ГЛАВА 9

Неподалеку от Бендер-Делама. 06.55. Только что рассвело. Руди посадил машину в стороне от развороченной взрывом дренажной трубы, и теперь они вчетвером стояли на краю. Раннее солнце было ясным и теплым, и пока все проходило без проблем. Нефть все еще выливалась из трубы, но уже не под давлением.

– Это просто остатки того, что было в трубе, – пояснил Кияби. – Через час перестанет течь совсем. – Ему шел шестой десяток: волевое лицо, чисто выбритое, очки, поношенное военное обмундирование, пластиковая каска на голове. Он рассерженно огляделся. Земля вокруг напиталась нефтью, от ее паров было почти нечем дышать. – Вся эта местность стала смертельно опасной. – Он двинулся к перевернутой легковой машине. Рядом с ней лежали три истерзанных тела, которые уже начинали пахнуть.

– Любители? – проговорил Руди, отгоняя рукой мух. – Рвануло раньше времени?

Кияби не ответил. Он спустился в трубу. Дышать было тяжело, но он внимательно осмотрел место взрыва, потом выбрался назад на дорогу. – Я бы сказал, что ты прав, Руди. – Он бросил взгляд на Хусейна. – Ваши?

Мулла оторвал взгляд от легковушки.

– Имам не отдавал приказа взрывать нефтепроводы. Это дело рук врагов ислама.

– У ислама много врагов, которые объявляют себя последователями Пророка, которые берут Его слова и выворачивают их наизнанку, – с горечью произнес Кияби, – предавая Его и предавая ислам.

– Согласен, и Бог найдет их и покарает. Когда Иран будет управляться по законам ислама, мы найдем их и покараем их для Него. – Взгляд Хусейна был таким же твердым. – Что вы можете сделать с разлившейся нефтью?

У них ушло два часа на то, чтобы найти источник утечки. Они кружили на высоте нескольких сот футов, ужасаясь размерам аварии: нефть заполнила речушку и широко разлилась по ее болотистым берегам; вода уже унесла ее на несколько миль ниже по течению. Пока на ее пути была только одна деревня. В нескольких милях дальше к югу стояло еще несколько деревень. Река была для местного населения источником питьевой воды, воды для мытья и канализацией.

– Выжжем ее всю. Как можно быстрее. – Кияби посмотрел на инженера. – А?

– Да-да, конечно. Но как быть с деревней, ваше превосходительство? – Инженер, средних лет иранец, нервничал и беспокойно поглядывал на муллу.

– Жителей эвакуировать. Скажите им, чтобы уехали, пока тут не будет безопасно.

– А если деревня загорится? – спросил Руди.

– Значит, она загорится. Воля Аллаха.

– Да, – сказал Хусейн. – Как вы ее будете выжигать?

– Одной спички будет достаточно, чтобы сделать большую часть работы. Конечно, при этом ты и сам сгоришь. – Кияби на мгновение задумался. – Руди, у тебя на борту есть пистолет Вери?

– Есть. – Руди настоял на том, чтобы взять пистолет с собой, заявив, что он входит в комплект обязательного оборудования на случай аварии. Все пилоты подтвердили его слова, хотя и знали, что это не так. – И четыре сигнальных патрона. А вы что, хо…

Все четверо задрали головы, услышав быстро приближавшийся рев реактивных двигателей. Два истребителя, низко и на высокой скорости, пронеслись над ними, направляясь в сторону залива. Руди по их курсу прикинул, что они идут прямо на Харк. Истребители были штурмовые, и он разглядел ракеты «воздух-земля» на пилонах под крыльями. Не для Харка ли эти ракеты предназначены? – спросил он себя, почувствовав, как еще больнее сжалось горло. Революция и там нанесла свой удар? Или это просто рядовой полет?

– Что скажешь, Руди? Харк? – спросил Кияби.

– Харк в той стороне, Босс, – ответил Руди, не желая вмешиваться во все это. – Если так, то это будет обычный полет. Когда мы там были, каждый день проводились десятки взлетов и посадок. Вы хотите использовать сигнальные ракеты, чтобы поджечь нефть?

Кияби его почти не слышал. Его одежду покрывали пятна пота, походные ботинки почернели от нефтяной жижи. Он думал о восстании в ВВС на базе Дошан-Таппех. Если эти два пилота тоже из повстанцев и собираются обстрелять Харк и нарушить работу наших предприятий на острове, думал он, едва не задыхаясь от ярости и отчаяния, Иран откатится на двадцать лет назад.

Когда Руди рано утром прилетел, чтобы забрать их, Кияби был потрясен, увидев с ним муллу. Он предложил объясниться. Когда мулла гневно потребовал, чтобы Кияби немедленно закрыл все предприятия и заявил о поддержке Хомейни, он едва не потерял дар речи.

– Но это же революция. Это означает гражданскую войну!

– Такова воля Бога! – ответил Хусейн. – Вы иранец, а не чужеземный лакей. Имам приказал идти на столкновение с вооруженными силами, чтобы усмирить их. С Божьей помощью, первая подлинно исламская республика со времен Пророка, да пребудет с ним благословение Аллаха, появится через несколько дней.

Кияби хотел сказать то, что много раз говорил до этого в частных беседах: «Это мечта безумца, и ваш Хомейни – злобный, выживший из ума старик, которым движет жажда личной мести всем Пехлеви: Реза-шаху, чья полиция, как он считает, убила его отца, и Мохаммеду-шаху, чей САВАК, как он верит, убил его сына в Ираке несколько лет назад. Он – всего лишь узколобый фанатик, который хочет вернуть нас, весь народ и особенно женщин, во мрак Средневековья…»

Но сегодня этому мулле он не сказал ни слова. Вместо этого он заставил свой мозг заниматься проблемами деревни.

– Если деревня загорится, они потом легко ее отстроят. Главное здесь – их имущество. – Он спрятал подальше свою ненависть. – Вы можете помочь, если хотите, ваше превосходительство. Я был бы благодарен вам за помощь. Вы могли бы поговорить с ними.

Жители деревни отказались уходить. Кияби трижды пытался втолковать им, что огонь – единственный способ сохранить их источник воды и спасти другие деревни. Потом с ними говорил Хусейн, но они все равно отвечали, что останутся. К этому часу настало время полуденной молитвы, и мулла помолился вместе с ними и снова попросил покинуть берега реки. Старейшины посовещались между собой и сказали:

– На все воля Бога. Мы остаемся.

– На все воля Бога, – согласился Хусейн. Он круто повернулся и зашагал к вертолету.

Они еще раз приземлились неподалеку от дренажной трубы. Теперь нефть из трубы чуть сочилась тоненькой струйкой.

– Руди, – распорядился Кияби, – отойди против ветра, насколько выстрела хватит, и пусти сигнальную ракету в трубу. Потом еще одну – в реку, прямо в середину. Сможешь?

– Могу попробовать. Я никогда не стрелял из пистолета Вери.

Руди зашагал в поросшую кустами пустыню. Остальные вернулись к вертолету, который он посадил на безопасном удалении. Отойдя на нужное расстояние, он засунул большой патрон в пистолет, прицелился и нажал на курок. Отдача оказалась гораздо сильнее, чем он ожидал. Фосфорная сигнальная ракета белым метеором пронеслась низко над землей, ударилась о землю, не долетев до цели, подскочила и нырнула в трубу. Какое-то мгновение ничего не происходило, потом земля взорвалась, пламя взметнулось вверх и во все стороны, превратив легковушку в погребальный костер. Перегретая ударная волна захлестнула Руди, но промчалась дальше, не причинив вреда. Ядовитый черный дым клубами устремился в небо. Огонь начал расползаться, быстро продвигаясь к речке.

Вторая ракета описала высокую дугу и упала в реку. Река вспыхнула. Они поняли это больше по звуку, разглядеть что-то было уже трудно, но когда поднялись на вертолете, огибая реку с наветренной стороны, то увидели, что огонь быстро катится вниз по течению. Огромные клубы черного дыма отмечали его путь. Над деревней они сделали круг. Мужчины, женщины, дети бежали со всем, что только могли унести. На их глазах пламя поглотило деревню.

Четверо в вертолете полетели домой.

Домом для Кияби служило региональное управление «Иран Ойл» недалеко от Ахваза – аккуратный комплекс из белых бетонных строений с хорошо поливаемыми газонами и посадочной площадкой для вертолета, окруженной высоким проволочным забором.

– Спасибо, Руди, – сказал Кияби, чувствуя тоску в сердце.

Вертолет кольцом окружили вооруженные людей, выскочившие из своих укрытий, едва лишь машина коснулась земли. Они кричали и

тыкали в их сторону стволами автоматов. Позади Кияби мулла играл костяшками четок.

Кияби расстегнул ремень безопасности. Воля Бога, подумал он. Я делал что мог, молился правильно и знаю, что нет божества, кроме Бога, и Мухаммад – посланник Бога. Когда придет время умирать, я умру, проклиная врагов Бога, главного среди них – Хомейни, лжепророка, убийцу, и всех, кто следует за ним.

Он обернулся. Его инженер с посеревшим лицом сидел застыв на своем сиденье рядом с Хусейном.

– Мулла, я предаю тебя Божьему отмщению. – Кияби вышел из вертолета.

Они расстреляли Кияби и уволокли инженера прочь. Потом, потому что мулла попросил об этом, они позволили вертолету улететь.

ГЛАВА 10

База ВВС в Ковиссе. 17.09. Мануэла торопливо шагала по территории S-G к одноэтажному административному зданию, которое выглядело чистым и аккуратным в лучах дневного солнца. Башня радиосвязи возвышалась над ним вторым этажом. Она была в летном комбинезоне с эмблемой S-G на спине, и ее золотисто-рыжие волосы были убраны под летную кепку с длинным козырьком, но ее походка просто кричала о том, что это женщина.

В наружном помещении офиса она увидела трех их иранских сотрудников. Они вежливо встали и улыбнулись, посматривая на нее из-под тяжелых век.

– Добрый день, ваше превосходительство Павуд, – с улыбкой произнесла она на фарси. – Капитан Эйр хотел меня видеть?

– Да, мадам госпожа. Его превосходительство в башне, – ответил старший клерк. – Окажите мне честь, позволив проводить вас? – Она поблагодарила его и отказалась, а когда она прошла по коридору и поднялась по спиральной лестнице, Павуд произнес, презрительно скривив рот: – Возмутительно, как она себя перед нами выставляет напоказ… нарочно это делает, чтобы подразнить нас.

– Хуже публичной женщины в Старом Квартале, ваше превосходительство, – отозвался другой иранец с тем же отвращением. – Клянусь Аллахом, изо всех неверных нет никого хуже

американцев и их женщин. А эта, эта напрашивается, просто отчаянно напрашивается на неприятности…

– Она напрашивается на добрый иранский суд, – произнес низкорослый иранец, почесываясь.

– Она должна носить чадру, и покрывать себя целиком, и ходить скромно. Мы же все здесь мужчины. Мы все произвели на свет потомство. Она что, думает, что мы евнухи?

– Ее следовало бы высечь за то, что она дразнит нас.

Павуд аккуратно поковырял пальцем в носу.

– С Божьей помощью, скоро и высекут. Публично. Все будут подчиняться законам ислама и его наказаниям.

– Говорят, у американских женщин на лобке волосы не растут.

– Да нет, они просто там себя бреют.

– Есть там волосы, нет ли, ваше превосходительство старший клерк, хотел бы я вставить ей, пока она не завопит. От радости, – сказал коротышка, и все они рассмеялись.

– Этот остолоп-верзила, ее муж, так и делает каждую ночь, с тех пор как она приехала. – Глаза старшего клерка сверкнули. – Я слышал ночью их стоны. – Павуд прикурил сигарету от старого окурка, поднялся и подошел к окну. Сквозь очки он пристально вглядывался в небо, пока не заметил вертолет, заходивший на посадку. Смерть всем иностранцам, подумал он, потом добавил в самом потаенном уголке своего сердца: и смерть Хомейни и его своре паразитов! Да здравствует Туде и революция народных масс!

Диспетчерская вышка с окнами по всем четырем сторонам была небольшой и хорошо оборудованной. Это место служило постоянной базой S-G уже много лет, и у компании было время оснастить ее некоторыми современными приборами для обеспечения безопасности полетов и посадки машин в любую погоду. Фредди Эйр, исполнявший в отсутствие Старка обязанности старшего пилота, ждал Мануэлу.

– HXB заходит на посадку, – сообщил он, когда она поднялась по лестнице. – Он…

– О, чудесно, – прервала его Мануэла со счастливой улыбкой. Они весь день безуспешно пытались связаться со Старком. «Ты не волнуйся, – успокаивал ее Эйр, – высокочастотная связь у них часто отключается, у нас то же самое». Единственным сообщением, которое

они получили с прошлого вечера, сразу после наступления темноты, был краткий доклад Старка о том, что он ночует в Бендер-Деламе и свяжется с ними сегодня.

– Извини, Мануэла, но Дюка на борту нет. Машину ведет Марк Дюбуа.

– Произошла авария? – вырвалось у нее, и весь мир покатился куда-то из-под ног. – Он ранен?

– Господи, нет, ничего подобного. Когда Марк был на связи, несколько минут назад, он сообщил, что Дюк остался в Бендер-Деламе, ему велели привезти муллу и его людей назад.

– И все? Ты уверен?

– Уверен. Смотри, – Эйр показал рукой в окно, – вон он.

206-й красиво возник из солнечного света. Позади вертолета к небу вздымались горы Загрос. Ниже торчали трубы большого нефтеперерабатывающего завода, на них негаснущими свечами плясало пламя сжигаемых газов. Вертолет приземлился точно в центре посадочной площадки номер один.

– HXB. Выключаю двигатели, – долетел по радио голос Марка Дюбуа.

– Вас понял, HXB, – ответил дежурный S-G по диспетчерской вышке Массил Тугул, палестинец, проработавший в компании уже много лет. Он переключился на основную частоту базы. – База, других машин в системе сейчас нет. Подтверждаю, что HVU и HCF вернутся до заката.

– О'кей, S-G.

Возникла короткая пауза, потом по основному каналу базы они услышали хриплый голос на фарси, вклинившийся в трансляцию с 206-го. Голос говорил секунд тридцать, потом замолчал.

– Иншаллах! – пробормотал Массил.

– Кто это был, черт его возьми? – вскинулся Эйр.

– Мулла Хусейн, ага.

– Что он сказал? – спросил Эйр, забыв, что Мануэла говорит на фарси.

Массил замялся. Мануэла, страшно побледнев, ответила вместо него:

– Мулла говорил: «Во имя Аллаха и во имя вихря Божьего, разите!» снова и снова, просто раз за… – Она замолчала.

С противоположного конца летного поля донеслись приглушенные звуки автоматной стрельбы. Эйр тут же схватил микрофон.

– *Marc, à la tour, vite, immédiatement*[23], — приказал он на прекрасном французском, потом, прищурившись, посмотрел в сторону базы в полумиле от них.

Из казарм выбегали люди. Некоторые держали в руках автоматы. Несколько человек упали, когда другие люди открыли по ним огонь. Эйр распахнул одну из створок окна, чтобы лучше слышать. Чуть слышные крики «Аллах-у акбаррр» смешивались с хриплым треском автоматических винтовок.

– Что это там? Рядом с воротами, с главными воротами? – спросила Мануэла.

Массил вскочил на ноги и стоял рядом с ней, столь же потрясенный и изрядно испуганный.

Эйр протянул руку к биноклю, навел окуляры.

– Боже всемогущий, солдаты стреляют по базе, и… грузовики штурмуют главные ворота… их штук шесть… «зеленые повязки», муллы, солдаты выпрыгивают из них…

На канале базы вдруг возник возбужденный голос, что-то кричавший на фарси, потом так же внезапно оборвался. Мануэла снова перевела:

– «Во имя Аллаха, убивайте всех офицеров, которые против имама Хомейни, и берите в свои руки…» Это революция!

Внизу они увидели, как из вертолета выбрались мулла Хусейн и двое его людей из «зеленых повязок», с автоматами в руках. Мулла махнул Марку рукой, чтобы тот вылез из кабины, но пилот лишь помотал головой, ткнул пальцем вверх, показывая на вращающиеся лопасти, и продолжал процедуру отключения. Хусейн на мгновение растерялся.

На всей территории S-G работа остановилась. Люди высовывались из окон или выбегали на бетон и стояли там безмолвными небольшими группами, глядя вдаль через летное поле. Стрельба становилась громче. Неподалеку джип и автоцистерна с топливом, которые должны были обслуживать приземлившийся 206-й, остановились, визжа тормозами, едва только началась стрельба. Хусейн, знаком приказавший джипу остановиться, двинулся к нему,

оставив одного человека охранять вертолет. Водитель увидел его, выскочил из машины и бросился наутек. Мулла послал ему вдогонку проклятье и вместе с «зеленой повязкой» забрался в джип, сел за руль и на полном газу понесся по дороге вдоль периметра базы в сторону дальних казарм.

Дюбуа взлетел по лестнице, прыгая через три ступеньки. Ему было тридцать шесть лет – высокий, худой, темноволосый, с проказливой улыбкой. Он тут же вытянул руку и обменялся рукопожатием с Эйром.

– Мадонна, ну и денек, Фредди! Я… Мануэла! – Он тепло расцеловал ее в обе щеки. – С Дюком все в порядке, *chérie.* Он просто разругался с муллой, который сказал, что больше с ним не полетит. Бен-дер-Делам не… – Он замолчал, вдруг остро ощутив присутствие Массила и не доверяя ему. – Мне нужно выпить, а? Давайте пойдем в столовую, а?

До столовой они не дошли. Марк вывел их на бетонированную площадку и свернул за угол здания, где они могли за всем наблюдать, не опасаясь быть услышанными.

– Нельзя быть уверенным, на чьей стороне Массил… э-э… да и вообще большинство из наших сотрудников. Если они и сами могут это сказать, бедолаги.

На другом краю поля раздался громкий взрыв. Из одного из подсобных строений вырвалось пламя, заклубился дым.

– *Mon Dieu,* это что, топливный склад?

– Нет, где-то рядом с ним. – Эйра переполняло беспокойство.

Еще один взрыв отвлек его внимание, потом к беспорядочной автоматной стрельбе примешался тяжелый, гортанный раскат пушечного выстрела. Танки.

Джип с муллой за рулем уже исчез за бараками. Рядом с главными воротами в беспорядке стояли армейские грузовики; прибывшие на них взбунтовавшиеся солдаты и «зеленые повязки» исчезли внутри бараков и ангаров. Несколько тел лежало в пыли. Солдаты танкового подразделения охраняли здание, где размещался кабинет командира гарнизона, полковника Пешади, пригнувшись возле входа, с автоматами наготове. Другие ждали у окон второго этажа. Один из тех, что были наверху, дал автоматную очередь, когда полдюжины вопящих солдат, армейских и из ВВС, бросились в атаку через площадь. Еще

одна очередь, и все они полегли, мертвые, умирающие или тяжело раненные. Один из раненых то ползком, то карабкаясь на четвереньках, попытался выбраться с площади. Танковая охрана дала ему добраться почти до самого края. Потом изрешетила пулями.

Мануэла простонала, и они отвели ее подальше за здание, где они прятались.

– Со мной все в порядке, – сказала она. – Марк, когда Дюк возвращается?

– Руди или Дюк позвонят сегодня вечером или завтра, я гарантирую. *Pas problème!*[24] Великий Дюк в полном порядке. *Mon Dieu,* а вот сейчас я бы выпил!

Они подождали минуту, стрельба затихала.

– Пошли, – сказал Эйр. – В бунгало будет безопаснее.

Они торопливо пересекли территорию S-G и забежали в одно из красивых бунгало, окруженных выбеленными известкой заборами и аккуратными садиками. В Ковиссе не содержали жилых помещений для женатых. Обычно пилоты жили парами в бунгало с двумя спальными комнатами.

Мануэла ушла, чтобы приготовить выпивку.

– Так, теперь, что произошло на самом деле? – тихо спросил Эйр.

Француз быстро рассказал ему о нападении, о Затаки, о храбрости Руди.

– Этот старый фриц действительно достоин медали, – с восхищением произнес он. – Но слушай, вчера вечером революционеры расстреляли одного из наших поденщиков за то, что тот оказался из федаин. За четыре минуты они провели судебное заседание и привели приговор в исполнение. Сегодня утром другие ублюдки застрелили Кияби.

Эйр был в ужасе.

– Но за что?

Дюбуа рассказал ему о диверсии на нефтепроводе, потом добавил:

– Когда Руди и мулла вернулись, Затаки нас всех построил и объявил, что Кияби был казнен справедливо как «пособник шаха, пособник слуг Сатаны американцев и англичан, который годами осквернял Иран и потому был врагом Бога».

– Бедный старина Босс. Господи, он так мне нравился, он был хорошим человеком!

– Да. И открыто говорил против Хомейни, а теперь у этих ублюдков есть оружие – в жизни не видел столько автоматов, а они все *stupides*[25], сумасшедшие. – Лицо Дюбуа сморщилось. – Старина Дюк принялся орать на фарси на них всех; вчера вечером у него уже была стычка с Затаки и муллой. Мы не знаем, что он им там сказал, но кончилось все скверно: эти ублюдки набросились на него, принялись пинать, орать. Мы, конечно, бросились было на них, потом вдруг громыхнула автоматная очередь, и мы замерли. И они тоже, потому что стрелял Руди. Он каким-то образом отнял автомат у одного из них и дал еще одну короткую очередь в воздух. Он прокричал: «Оставьте его в покое, или я перестреляю вас всех», держа на мушке Затаки и ту группу, что была рядом с Дюком. Они и отошли. Обругав их всех — *ma foi, quel homme*[26], – он заключил с ними сделку: они оставляют нас в покое, мы не лезем в их революцию. Договорились, что я должен буду привезти муллу сюда, а Дюк – остаться там, а Руди оставит автомат себе. Он заставил Затаки и муллу поклясться Аллахом, что они не нарушат этого договора, но я бы им все равно не верил. *Merde,* они все – *merde, mon ami*[27]. Но Руди, о, Руди был великолепен. Он должен был родиться французом, этот парень. Я весь день старался дозвониться до него, но никто не отвечает…

С другой стороны летного поля, с одной из улиц в дальнем скоплении казарм, вылетел танк «центурион», прогрохотал на всех парах через поле и въехал на главную улицу напротив штаба базы и офицерской столовой. Там он остановился, глухо ворча двигателями: толстый, приземистый и смертоносный. Длинная пушка поплыла в сторону, отыскивая мишень. Внезапно гусеницы ожили, танк развернулся на месте и выстрелил; снаряд разнес все на втором этаже, где располагался штаб полковника Пешади. Оборонявшиеся в здании были ошеломлены этим неожиданным предательством. Танк выстрелил еще раз. Огромные куски кирпичной кладки разбросало во все стороны, и половина крыши обрушилась. Здание загорелось.

В этот момент с первого этажа и с части второго танк накрыл град пуль. Тут же два солдата-лоялиста выскочили с первого этажа с гранатами в руках, швырнули их в щели на корпусе танка и бросились назад. Обоих срезало бешеным автоматным огнем с другой стороны улицы, но внутри танка раздался страшный взрыв, из всех щелей и отверстий рванули дым и пламя. Металлический люк наверху

откинулся, и горящий человек попытался выбраться наружу. Его тело почти вырвало из танка ураганом автоматных пуль, ударивших из полуразрушенного здания. Ветер, долетавший с базы, нес с собой запах пороха, пожара и горелого мяса.

Бой продолжался больше часа, потом стих. Опускавшееся солнце окрасило все кровавым багрянцем, по всей базе лежали тела мертвых и умирающих, но восстание провалилось, ибо во время первой внезапной атаки восставшим не удалось убить ни полковника Пешади, ни его старших офицеров, потому что недостаточно людей перешло на их сторону – и только один из трех экипажей танков.

Пешади находился в головном танке и сумел удержать в своих руках диспетчерскую башню и всю радиосвязь. Он собрал верные ему войска и повел их в безжалостное наступление, выдавив революционеров из всех казарм и ангаров. И едва осторожное большинство, все выжидавшие и колебавшиеся – в данном случае солдаты и служащие ВВС, – поняли, что восстание проиграно, их сомнения растаяли без следа. Они тут же и с огромным рвением заявили о своей непреходящей, многолетней верности Пешади и шаху, подобрали оружие, которое побросали было на землю и с тем же рвением, во имя Аллаха, открыли огонь по «врагу». Но немногие из них стреляли на поражение, и, хотя Пешади знал это, он сознательно оставил открытым один путь для отхода и позволил нескольким повстанцам уйти. Единственный тайный приказ, отданный им самым доверенным своим бойцам, был убить муллу Хусейна.

Но Хусейн каким-то образом уцелел.

– Говорит полковник Пешади, – зазвучал голос по основному каналу базы и во всех громкоговорителях. – Хвала Аллаху, противник мертв, при смерти или захвачен в плен. Я благодарю все верные войска. Всем офицерам и солдатам собрать наших со славою павших товарищей, которые погибли, исполняя Божий труд, и доложить о потерях, а также о количестве уничтоженных врагов. Врачам и медперсоналу! Позаботиться обо всех раненых без исключения. Бог велик… Бог велик! Почти настало время вечерней молитвы. Сегодня я ваш мулла, я проведу молитву с вами. Быть всем, дабы воздать хвалу Аллаху.

В бунгало Старка Эйр, Мануэла и Дюбуа слушали полковника по внутренней системе связи. Она закончила переводить слова Пешади с

фарси. Теперь в динамиках был слышен только треск. Дым навис над базой густой пеленой, и воздух отяжелел от его запаха. Мужчины потягивали водку с баночным апельсиновым соком, она – минеральную воду. Переносная газовая горелка приятно согревала комнату.

– Любопытно, – задумчиво произнесла она, напрягая волю, чтобы не думать обо всех убитых сегодня и о Старке в Бендер-Деламе. – Любопытно, что Пешади не произнес под конец: «Да здравствует шах». Он ведь сегодня одержал несомненную победу? Должно быть, он напуган до безумия.

– Я бы тоже перепугался, – заметил Эйр. – У не…

Они все вздрогнули, услышав треньканье внутреннего телефона. Эйр снял трубку:

– Алло?

– Это майор Чангиз. Э-э… капитан Эйр, они появлялись на вашей стороне базы? Что у вас там происходило?

– Ничего. Никого из повстанцев здесь не было.

– Слава богу. Мы все переживали за вашу безопасность. Вы уверены, что у вас нет ни мертвых, ни раненых?

– Ни одного. Насколько мне известно.

– Хвала Аллаху. У нас их много. По счастью, среди врагов раненых нет.

– Ни одного?

– Ни одного. Вы не будете возражать, если я упомяну, что вы никому не должны докладывать или рассказывать об этом инциденте по радиосвязи – ни одному человеку, капитан. Высшая степень секретности. Вы понимаете?

– Прекрасно понимаю вас, майор.

– Хорошо. Пожалуйста, оставайтесь настроенными на нашу основную частоту. Что до безопасности, мы проследим за вашей. Пожалуйста, не пользуйтесь своей высокочастотной радиосвязью, не согласовав этого сначала с нами, пока ситуация остается чрезвычайной. – Эйр почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, но промолчал. – Пожалуйста, будьте у приемника в восемь часов, чтобы прослушать краткое сообщение полковника Пешади, а сейчас отправьте Эсвандиари и всех ваших правоверных на молитву. Немедленно.

– Обязательно, вот только выскоч… Эсвандиари ушел в отпуск на неделю. – Эсвандиари был директором их станции от «Иран Ойл».

– Очень хорошо. Пришлите остальных, поставьте Павуда старшим.

– Сейчас сделаю.

Телефон замолчал. Он пересказал им разговор с майором, потом вышел, чтобы передать людям распоряжение.

Массил на диспетчерской вышке чувствовал себя очень неуютно.

– Но капитан, ваше превосходительство. Я на дежурстве до захода солнца. Мы еще ждем возвращения двух наших 212-х и…

– Он сказал, всех правоверных. Немедленно. Ваши бумаги в порядке. Вы в Иране уже много лет. Майор знает, что вы здесь, поэтому вам лучше пойти, если только вам нечего бояться.

– Нечего. Совсем нечего.

Эйр заметил проступивший на лбу палестинца пот.

– Не волнуйтесь, Массил, – сказал он. – Я сам посажу ребят. Без проблем. И побуду здесь, пока вы не вернетесь. Это не займет много времени.

Он посадил оба своих 212-х, проследил, чтобы их откатили в ангар, и стал ждать с растущим нетерпением: Массил уже давно должен был бы вернуться. Чтобы убить время, он попробовал заняться бумагами, но быстро бросил это дело: в голове царила полная неразбериха. Единственным, что поднимало ему настроение, была мысль о том, что его жена и младенец-сын были в безопасности в Англии – и бог с ней, с паршивой погодой, и со штормами и бурями, и дождями, и гнусным холодом, и чертовыми забастовками, и чертовым правительством.

ВЧ-рация вдруг ожила. За окнами только что стемнело.

– Алло, Ковисс, говорит Мак-Айвер из Тегерана…

ГЛАВА 11

Тегеран. Управление компании S-G. 18.50. Мак-Айвер повторил:

– Алло, Ковисс, говорит Мак-Айвер из Тегерана, слышите меня?

– Тегеран, это Ковисс, режим ожидания один, – «один» на их языке означало «подождите минуточку».

– Хорошо, Фредди, – ответил Мак-Айвер и положил микрофон ВЧ-рации на стол.

Они с Томом Локартом, который прилетел днем из Загроса, сидели в его кабинете на верхнем этаже здания, где располагалась штаб-квартира S-G с тех самых пор, когда компания впервые начала работать в Иране почти десять лет назад. Здание было в пять этажей, с плоской крышей, на которой Дженни устроила восхитительный застекленный садик с креслами, столами и барбекю. Генерал Бени-Хассан, друг Эндрю Гаваллана, в свое время очень рекомендовал это здание:

– Только все самое лучшее для компании Энди Гаваллана. Рабочей площади на дюжину кабинетов, цена умеренная, есть место на крыше для установки собственного генератора и радиоантенны. Вы здесь рядом с главным шоссе, которое ведет в аэропорт, удобный базар, моя контора сразу за углом, удобная парковка, отели, запланированные к строительству, в удобной близости, а вот и главный козырь! – Генерал с гордостью показал Мак-Айверу туалет.

Туалет был обычный, не слишком чистый.

– А что в нем такого особенного? – невозмутимо поинтересовался Мак-Айвер.

– Он единственный во всем здании, остальные все для сидения на корточках – просто дырки в полу над канализационным сливом. А если вы не привыкли делать это на корточках, придется нелегко, даже совсем нелегко, особенно дамам, которые – были такие случаи – могут поскользнуться и провалиться в дыру с весьма неприглядным результатом, – весело пояснил генерал.

– И эти корточки повсюду?

– Даже в лучших домах. Повсюду за исключением современных отелей. Если поразмыслить об этом, Мак, то на корточках сидеть более гигиенично: никакая чувствительная часть тела не касается ничего чужеродного. Потом еще вот это. – Генерал указал на короткий шланг, прикрепленный к кранику на туалете. – Мы пользуемся водой, а не бумагой. Всегда пользуемся левой рукой, это грязная рука, правая – для еды, поэтому ты никогда ничего не предлагаешь и не протягиваешь левой рукой. Очень, очень невежливо, Мак. Никогда не ешь левой рукой и не держи в ней бокал или чашку в исламском мире, и не забывай, что в большинстве туалетов, как бы они ни были устроены,

шлангов ты не найдешь, поэтому приходится черпать воду из ведра, если оно вдруг есть. Как я уже говорил, дело это непростое, но так уж мы живем. Кстати, в исламе у нас нет ни одного левши. – Опять добродушный хохоток. – Большинство мусульман вообще не могут это сделать с удобством для себя, если не сидят на корточках. Поэтому многие забираются на западный унитаз с ногами, когда им надо облегчиться. Странно, не правда ли, но, с другой стороны, за чертой большинства городов, а порой и в их черте, практически на всей территории Азии, Ближнего Востока, Китая, Индии, Африки, Южной Америки даже канализация отсутствует…

– О чем задумался, Мак? – произнес Локарт.

Высокий канадец сидел напротив него в таком же старом уютном кресле. Электрическое освещение и камин были включены на полную, питаемые их собственным генератором.

Мак-Айвер хмыкнул.

– Я тут думал о туалетах, где приходится сидеть на корточках. Терпеть их не могу, и эту чертову воду. Просто никак не могу к ним привыкнуть.

– Меня это перестало беспокоить, я уже даже внимания не обращаю. У нас как раз такие в квартире. Шахразада сказала, что поставит «западный» туалет, если мне хочется, в качестве свадебного подарка, но я сказал ей, что справлюсь. – Локарт криво улыбнулся. – Сейчас-то я уже привык, но бог ты мой, в свое время эта штука Дердру просто из себя выводила.

– У всех жен то же самое. Ничто другое так их не доставало, всех их, и Дженни тоже. Но не моя же это вина, что большая часть мира делает это именно таким образом. Благодарение Богу, у нас в квартире настоящий туалет, а то бы Дженни точно взбунтовалась. – Мак-Айвер повертел на рации ручку громкости. – Ну давай, Фредди, – пробормотал он.

На стенах висело множество карт, ни картин, ни фотографий, хотя пыльное пятно на стене за столом напоминало об одной, которую недавно сняли – обязательный фотопортрет шаха. За окнами ночное небо было освещено пожарами, которые тут и там яркими пятнами расцвечивали силуэт погруженного в темноту города; ни огней в домах, ни горящих уличных фонарей – свет горел только у них в кабинете. Звуки стрельбы, ружейной и автоматной, перемешивались с

неумолкающим теперь в городе звуком – толпами людей, ревущих «Аллаххх-у акбарррррр…»

В динамике возник голос:

– Ковисс на связи, говорит капитан Эйр. Слышу вас хорошо, капитан Мак-Айвер.

Оба мужчины вздрогнули, Локарт выпрямился в кресле.

– Что-то не так, Мак, он не может говорить открыто, кто-то слушает рядом.

Мак-Айвер переключил рацию на передачу.

– Ты что, теперь сам себе радист, Фредди, – специально спросил он, чтобы исключить ошибку, – да еще и сверхурочно трудишься?

– Просто случайно оказался здесь, капитан Мак-Айвер.

– Все пять на пять? – Это означало максимальную силу проходящего радиосигнала или, на языке пилотов: «У вас все в порядке?»

После короткой паузы, которая сказала им «нет», последовал ответ:

– Да, капитан Мак-Айвер.

– Хорошо, капитан Эйр, – произнес Мак-Айвер, подтверждая, что все правильно понял. – Пригласите к аппарату капитана Старка, будьте добры.

– Виноват, сэр, не могу этого сделать. Капитан Старк все еще в Бендер-Деламе.

– Что он там делает? – резко спросил Мак-Айвер.

– Капитан Лутц приказал ему задержаться там и приказал капитану Дюбуа завершить перевозку особо важных персон, затребованную «Иран Ойл»… и выполнявшуюся по вашему разрешению.

Старку до отлета удалось связаться с Тегераном и объяснить Мак-Айверу проблему, возникшую с муллой Хусейном. Мак-Айвер дал разрешение на полет при условии, что он будет согласован с полковником Пешади, и сказал Старку, чтобы тот держал его в курсе.

– 125-й прибудет в Ковисс завтра, капитан Эйр?

– Это возможно, – ответил Мак-Айвер, – но кто может знать наверняка. – По плану 125-й должен был прибыть в Тегеран вчера, но из-за вспыхнувшего вблизи аэропорта бунта все прибытия были временно отменены до следующего дня, понедельника. – Мы работаем

над получением разрешения на прямой перелет в Ковисс. Дело сложное, поскольку военная служба управления полетами… недоукомплектована людьми. Тегеранский аэропорт… э-э… забит, поэтому мы не можем вывезти никого из членов семей наших сотрудников. Передайте Мануэле, чтобы была готова, на случай если мы получим разрешение. – Мак-Айвер поморщился, пытаясь решить, как много он может позволить себе сказать в открытом эфире, и тут увидел, что Локарт делает ему знак.

– Давай я, Мак. Фредди говорит по-французски, – шепнул Локарт.

Мак-Айвер посветлел лицом, с благодарностью подался вперед и передал Локарту микрофон.

– *Écoute*[28], Фредди, – начал Локарт на канадском французском, который, как он знал, даже Эйр, прекрасно говоривший по-французски, понимал с трудом. – Марксисты по-прежнему удерживают международный аэропорт, им помогают повстанцы из числа сторонников Хомейни и, предположительно, люди из ООП, диспетчерская вышка все еще у них в руках. Сегодня прошел слух, что будет переворот, что премьер-министр дал добро, что войска наконец двинулись по всему Тегерану, получив приказ подавлять любые беспорядки и стрелять на поражение. А у вас там что за проблемы? Все целы и невредимы?

– Да, никаких хлопот, – услышали они ответ на гортанном французском с многозначительными интонациями. – Я получил приказ ничего не рассказывать, но серьезных проблем здесь нет, можете поверить, хотя они нас слушают. В Отстойнике, – так они между собой называли Бендер-Делам, где в воздухе постоянно висел густой запах бензина, – проблем полно, а Босса отправили наверх до отпущенного ему срока…

Глаза Локарта расширились.

– Кияби застрелили, – пробормотал он Мак-Айверу.

– …но старина Руди полностью контролирует ситуацию, и Дюк в порядке. Нам лучше прекратить это, старина. Они слушают.

– Понимаю. Сидите тихо, и остальным передай то же самое, если сможешь. И еще, что мы тут живы-здоровы, – Локарт перешел на английский и добавил, не прерывая предложения, – и я повторяю, завтра мы перешлем наличку для ваших сотрудников.

Голос Эйра повеселел.

– Без балды, старина?

Локарт против воли рассмеялся.

– Без балды. Держите дежурную рацию включенной, мы будем сообщать о развитии ситуации. Передаю микрофон капитану Мак-Айверу. Иншаллах! – Он вернул микрофон Маку.

– Капитан, вы разговаривали с Ленге, вчера или сегодня?

– Нет. Пытались было с ними связаться, но не получилось. Наверное, солнечные пятна. Сейчас еще раз попробую.

– Спасибо. Передавайте привет капитану Скраггеру и напомните ему, что на следующей неделе у него медосмотр. – Мак-Айвер мрачно улыбнулся и добавил: – Проследите, чтобы капитан Старк связался со мной сразу же, как вернется. – Он завершил разговор.

Локарт передал ему то, что услышал от Эйра. Налил себе еще виски.

– А мне, черт подери, – раздраженно произнес Мак-Айвер.

– Но Мак, ты же зна…

– Только не начинай. И побольше содовой. – Локарт взял второй бокал, а Мак-Айвер встал, подошел к окну и выглянул наружу, ничего не видя перед собой. – Бедняга Кияби. Вот уж действительно хороший был мужик, таких еще поискать, хороший для Ирана и с нами был честен. За что они его убили? Безумцы! Руди «приказал» Дюку, «приказал» Марку – что это значит, черт побери?

– Только то, что возникли проблемы, но Руди с ними сумел разобраться. Фредди сказал бы, если бы у Руди не получилось; соображает он быстро и по-французски говорит свободно, так что нашел бы способ. Времени у нас хватало, даже хотя «они» и подслушивали, кто бы эти «они» ни были, черт бы их побрал, – сказал Локарт. – Может, там было как в Загросе.

На базу в Загросе жители деревни Яздек пришли на рассвете через день после возвращения Локарта из отпуска. Мулла их деревни получил приказ Хомейни начать восстание против «незаконного правительства шаха» и взять район под свой контроль. Мулла родился в этой деревне и хорошо знал горы, которые зимой снег запирал напрочь и куда можно было добраться лишь с большим трудом все остальное время в году. Опять же начальник полиции, против которого ему следовало вести восставших, доводился ему племянником, а Насири, директор вертолетной базы, тоже являвшийся мишенью для

революционеров, был женат на дочери сестры его жены, которая теперь жила в Ширазе. Но что еще важнее, оба они были из племени Галезан, мелкой ветви кочевников кашкайцев, которое – много столетий назад – мирно осело здесь, вокруг этого крошечного перекрестка путей, и начальник полиции, которого звали Ничак-хан, был еще и их каландаром.

Поэтому мулла поступил правильно и посоветовался с Ничак-ханом, и хан согласился, что восстание против их наследственного врага шаха Пехлеви должно произойти, что, дабы отпраздновать революцию, каждый, кто пожелает, мог вволю палить из своего оружия по звездам и что с рассветом он проведет обязательную реквизицию чужеземного аэродрома.

Они пришли на рассвете. С оружием. Все мужчины, сколько их было в деревне. Ничак-хан вместо полицейского мундира был облачен в одежду своего племени. Он был гораздо ниже ростом, чем Локарт, крепкий, худощавый, с железной хваткой и неутомимыми стальными ногами, перепоясанный через плечо патронташем и с винтовкой в руках. По предварительной договоренности, Локарт в сопровождении Жан-Люка Сессона – по просьбе хана – встретил их у двух наспех сложенных из камней колонн, которые символизировали ворота базы. Локарт отдал честь и признал Ничак-хана правителем всей базы, оба каменных столба церемониально развалили, со всех сторон раздались радостные крики и шумная пальба в воздух. Затем Ничак-хан преподнес букет цветов Жан-Люку Сессону как представителю Франции, поблагодарив его от имени всех галезан-кашкайцев за помощь и поддержку, оказанную Хомейни, который избавил их от их врага, шаха Пехлеви.

– Хвала Аллаху, что этот самозваный великий царь царей, который святотатственно постарался возвести свою родословную к царям Киру и Дарию Великому, мужам гордым и храбрым, этот светоч арийцев, этот лакей дьяволов-чужеземцев сбежал, как размалеванная наложница от своего иракского паши!

Потом с обеих сторон были произнесены храбрые речи, начался пир, и Ничак-хан, рядом с которым восседал мулла, обратился к Тому Локарту, вождю племени иноземцев на «Загрос-3», с просьбой продолжать работать, как и раньше, при новом режиме. Локарт с серьезным видом дал свое согласие.

– Будем надеяться, что Руди и его ребятам повезло так же, как тебе в Загросе, Том. – Мак-Айвер опять повернулся к окнам, понимая, что ничего не может сделать, чтобы им помочь. – Дела становятся все хуже и хуже, – пробормотал он. Убийство Кияби ужасно, и очень скверный знак для нас, думал он. Как, черт побери, мне вывезти Дженни из Тегерана, и куда, черт побери, подевался Чарли?

От Петтикина не было никаких известий с утра вчерашнего дня, когда он улетел в Тебриз. От наземного персонала в Гелег-Морги они получали самые путанные сообщения: что Петтикина похитили и заставили улететь с «тремя неизвестными лицами», или что «три пилота иранских ВВС угнали 206-й и полетели на нем к границе», или что «эти три пассажира – офицеры высокого ранга, которые бежали из страны». Почему в каждой истории фигурируют три пассажира? – спрашивал себя Мак-Айвер. Он знал, что Петтикин благополучно добрался до аэродрома здесь, в Тегеране, потому что его машина все еще стояла там, хотя баки были пусты, стекла разбиты, радиола вырвана, а сама машина помята и исцарапана. Бендер-э-Пехлеви, где он должен был дозаправиться, не отвечал – Тебриз вообще почти всегда был вне зоны радиосвязи. Он выругался про себя. День у Мак-Айвера вышел ни к черту.

Весь день ему досаждали гневные кредиторы, телефоны не работали, телекс забился, потребовалось несколько часов, чтобы его очистить, а его встреча днем с генералом Валиком, который, как обещал Гаваллан, должен был еженедельно снабжать их наличными деньгами, оказалась полной катастрофой.

– Как только банки откроются, мы заплатим все, что должны.

– Ради бога, вы твердите это уже несколько недель, – холодно сказал Мак-Айвер. – Деньги мне нужны сейчас.

– Как и всем нам, – прошипел в ответ генерал, трясясь от злости, но остро ощущая присутствие иранских сотрудников в соседнем офисе, которые, конечно же, подслушивали. – Идет гражданская война, и я не могу открыть банки. Вам придется подождать. – Валик, бывший армейский генерал, был полным, лысеющим, смуглолицым человеком, в дорогом костюме, на руке – недешевые часы. Он понизил голос еще больше: – Если бы не эти идиоты-американцы, которые предали шаха и убедили его держать наши славные вооруженные силы в узде, у нас бы сейчас не было этого бардака!

– Я британец, как вам хорошо известно, и этот бардак вызвали вы сами.

– Британцы, англичане – какая разница? Это все ваша вина. Вы на пару предали нашего шаха и Иран, и теперь вам придется за это расплачиваться!

– Чем, интересно? – едко парировал Мак-Айвер. – Все наши деньги – у вас.

– Если бы не ваши иранские партнеры, особенно я, у вас бы вообще никаких денег не было. Энди не жалуется. Я получил телекс от моего досточтимого коллеги генерала Джавадаха о том, что на этой неделе Энди должен подписать новые контракты вместо «Герни».

– Энди сказал, что получил от вас телекс, в котором вы подтвердили свое обещание обеспечивать нас наличностью.

– Я обещал постараться. – Генерал с усилием подавил в себе гнев, Мак-Айвер был ему нужен. Он промокнул лоб платком и открыл свой портфель. Портфель был набит риалами – купюры большого достоинства, – но он держал его так, чтобы Мак-Айвер не мог заглянуть внутрь. Валик достал тонкую пачку банкнот и закрыл портфель. С большой тщательностью он отсчитал пятьсот тысяч риалов, около шести тысяч американских долларов. – Вот, – произнес он картинно, выкладывая риалы на стол и убирая остальные. – На следующей неделе я или один из моих коллег привезет еще. Расписку, пожалуйста.

– Благодарю вас. – Мак-Айвер подписал расписку. – Когда мы можем ожи…

– На следующей неделе. Если банки откроются, мы сможем погасить всю задолженность. Наше слово всегда твердо. Всегда. Разве мы не договорились о передаче вам контрактов «Герни»? – Валик подался вперед и заговорил еще тише: – Так, мне нужен специальный чартер. Завтра мне понадобится 212-й, где-нибудь утром.

– И куда лететь?

– Мне необходимо проинспектировать некоторые предприятия в Абадане, – ответил Валик, и Мак-Айвер заметил, как на лбу у иранца выступил пот.

– И как же я получу необходимое разрешение, генерал? Когда все ваше воздушное пространство теперь контролируют военные, и у нас…

– Не беспокойтесь насчет разрешения, просто подготовь…

– Если у нас не будет плана полета, заранее утвержденного военными, рейс будет незаконным.

– Вы всегда можете сказать, что обращались за разрешением, и оно было дано вам в устной форме. Что тут сложного?

– Во-первых, это противоречит иранским законам, генерал. Вашим законам. Во-вторых, даже если получено устное разрешение и вертолет покидает воздушное пространство Тегерана, все равно необходимо сообщить диспетчеру на следующем военном радиолокационном центре ваш регистрационный номер – все планы полетов регистрируются в главном штабе ваших ВВС, а там к вертолетам относятся с еще большей подозрительностью, чем в Управлении гражданской авиации, – и если у вас такого номера не окажется, вам прикажут сесть на ближайшей военной базе и прибыть в тамошний диспетчерский пункт. И когда вы там сядете, они встретят вас в большом раздражении – и правильно, – целой вооруженной толпой, мой вертолет арестуют, а всех пассажиров и экипаж отправят в тюрьму.

– Тогда найдите способ. Это очень важная поездка. Э-э… контракты «Герни» зависят от нее. Просто проследите, чтобы 212-й был готов к девяти часам, скажем, в Гелег-Морги.

– Почему там? Почему не в международном аэропорте?

– Там удобнее… и сейчас спокойно.

Мак-Айвер нахмурился. Валику вполне хватало его полномочий, чтобы попросить и добиться получения разрешения на этот полет.

– Очень хорошо. Я попробую. – Он достал пачку чистых бланков для планов полетов, отметил, что последний касался полета Петтикина в Тебриз, и тревога снова накатила на него: куда, дьявол меня забери, он делся? В графе «пассажиры» Мак-Айвер поставил «Генерал Валик, председатель правления IHC» и протянул бланк иранцу. – Пожалуйста, подпишите внизу, где «Разрешаю».

Валик с высокомерным видом оттолкнул бланк от себя.

– Нет никакой нужды ставить на бланке мое имя. Просто напишите «четыре пассажира». Со мной будут моя жена и двое детей, и кое-какой багаж. Мы останемся в Абадане на неделю, потом вернемся. Просто приготовьте 212-й к девяти часам утра в Гелег-Морги.

– Извините, генерал, в разрешении должны быть указаны имена, иначе ВВС даже не примет план полета к рассмотрению. Должны быть указаны имена всех пассажиров. Я обращусь за разрешением, но больших надежд не питаю. – Мак-Айвер начал дописывать в бланк остальные имена.

– Нет, погодите! Не нужно заносить наши имена. Просто напишите, что рейс нужен для доставки запчастей в Абадан. У вас наверняка есть запчасти, которые вам нужно туда отправить. – Его лоб был покрыт крупными каплями пота.

– Хорошо, но сначала подпишите разрешение, указав имена пассажиров и конечный пункт назначения.

Лицо генерала побагровело.

– Просто оформите все без меня. Немедленно!

– Не могу. – Мак-Айвер тоже начинал терять терпение. – Повторяю, военным нужно будет знать все «кто» и «куда», они сейчас цепляются ко всему, как лента от мух. Нас и так замучают дополнительными вопросами и уточнениями, потому что в ту сторону у нас уже несколько недель не было никаких полетов. Тегеран – это не юг, где мы летаем круглыми днями.

– Это специальный рейс по доставке запчастей. Все просто.

– Совсем не просто. Часовые в Гелег-Морги вас не пропустят на борт без документов, диспетчерская тоже. Черт возьми, они же увидят, как вы садитесь в вертолет. – Мак-Айвер в раздражении уставился на него. – Почему вы не получите разрешения сами, генерал? У вас в Иране связи, как ни у кого другого. Это вы точно дали нам понять. Для вас это не должно составить труда.

– Это все наши вертолеты. Они принадлежат нам. Принадлежат нам!

– Да, принадлежат, – угрюмо кивнул Мак-Айвер. – Вам осталось только заплатить за них. Вы должны нам почти четыре миллиона долларов по просроченным счетам. Если вам нужно в Абадан, это ваше дело, но если вас при этом задержат на борту вертолета компании S-G с подложными документами, которые я должен буду заверить, вы окажетесь в тюрьме, ваша семья окажется в тюрьме вместе со мной и пилотом, все наши машины арестуют и компанию прикроют навсегда. – От одной мысли о тюрьме у него во рту начало горчить.

Если даже десятая доля того, что рассказывают про САВАК, – правда, от тюрьмы следовало держаться подальше.

Валик проглотил свой гнев. Он сел и разместил на лице кислую улыбку.

– Нам не стоит ссориться, Мак, мы через столько всего прошли вместе. Я… я предложу очень хорошую компенсацию, а? И вам, и пилоту. – Он открыл портфель. – А? Двенадцать миллионов риалов – на двоих.

Мак-Айвер тупо посмотрел на деньги. Двенадцать миллионов составляли около ста пятидесяти тысяч долларов, больше ста тысяч фунтов стерлингов. Ничего не соображая, он покачал головой.

Валик тут же сказал:

– Хорошо, двенадцать миллионов каждому плюс все расходы – половина сейчас, половина, когда мы благополучно сядем в аэропорту Кувейта, а?

Мак-Айвер был потрясен. Не только размерами суммы, но и тем, что Валик открыто произнес «Кувейт»; Мак-Айвер уже заподозрил, что все идет именно к этому, но гнал от себя эти мысли. Это слово означало поворот на сто восемьдесят градусов от всего, что Валик говорил последние несколько месяцев: месяцами он решительно заявлял, что шах сумеет раздавить оппозицию, потом покончит с Хомейни. И даже после невероятного отъезда шаха из страны и ошеломляющего возвращения Хомейни в Тегеран – бог мой, неужели это произошло всего десять дней назад? – Валик всякий раз утверждал, что волноваться не о чем, потому что Бахтияр и генералы Имперского штаба сосредоточили в своих руках полный баланс власти и ни в коем случае не допустят, чтобы «эта прикрытая Хомейни коммунистическая революция увенчалась успехом». Да и Соединенные Штаты этого не позволят. Никогда. В нужный момент вооруженные силы захватят власть и встанут у руля. Только вчера Валик убежденно повторил то же самое, сказал, что слышал, будто армия в любую минуту готова к массированному выступлению, и что появление «бессмертных» в Дошан-Таппехе, подавивших маленький бунт в ВВС, было первым тому свидетельством.

Мак-Айвер оторвал взгляд от денег и посмотрел в глаза человеку, сидевшему напротив.

– Что вам такое известно, чего не знаем мы?

– О чем вы говорите? – взорвался Валик. – Мне не известно ни…

– Что-то произошло. Что именно?

– Мне нужно уехать из страны вместе с семьей, – разом потухнув, произнес Валик, в его голосе зазвучали нотки отчаяния. – Слухи ходят ужасные. Переворот или гражданская война, Хомейни или нет, я… мы… мы обречены. Вы понимаете? Речь идет о моей семье, Мак, я должен выбраться отсюда, пока тут все не утихнет. Двенадцать миллионов каждому, а?

– Что за слухи?

– Слухи! – Валик едва не брызнул на него слюной. – Раздобудьте разрешения любым способом. Я заплачу вперед.

– Сколько бы денег вы не предлагали, я не стану этого делать. Все должно быть по правилам.

– Лицемерный идиот! По правилам? А как вы все эти годы работали в Иране? Пешкеш! Сколько денег вы сами передали под столом, заплатили таможенникам? Пешкеш! Как, по вашему мнению, вам достаются контракты, а? Контракты «Герни»? Пешкеш! Деньги, тихо передаваемые в нужные руки. Или вы такой тупой, что до сих пор не поняли, как делаются дела в Иране?

– Я знаю про пешкеш, – все так же угрюмо ответил Мак-Айвер, – я не дурак и знаю, что многое в Иране делается по-своему. О да, в Иране многое делается по-своему. Мой ответ – нет.

– Тогда кровь моих детей и жены падает на вашу голову. И моя тоже.

– О чем вы говорите?

– Боитесь правды?

Мак-Айвер в упор уставился на него: жена и двое детишек Валика были их с Дженни любимчиками.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Я… у меня есть родственник в полиции. Мы видели… тайный список САВАК. Меня должны арестовать послезавтра вместе со многими другими видными людьми в качестве подачки… подачки оппозиции. И всю мою семью. А вы знаете, как они обращаются… как они обращаются с женщинами и детьми в присутствии… – Валик замолчал.

Оборонительные укрепления Мак-Айвера рассыпались до основания. Они все слышали ужасающие истории о том, как жен и

детей пытали в присутствии арестованного, чтобы заставить его согласиться на все, что им было нужно, или просто ради дьявольского развлечения.

– Хорошо, – беспомощно произнес он, чувствуя себя отвратительно, понимая, что угодил в ловушку. – Я постараюсь, но не ждите, что удастся получить разрешение, и вам не следует выбираться южным маршрутом через Абадан. Ваш верный шанс – Турция. Может быть, нам удастся доставить вас вертолетом до Тебриза, оттуда вы сможете купить себе переезд через границу в грузовике. У вас должны быть там какие-нибудь друзья. И вам нельзя садиться в вертолет в Гелег-Морги – вы ни за что не проберетесь туда тайком с Аннуш и детьми, вам даже на военный аэродром не попасть, остановят обязательно. Вы… вас нужно будет забирать где-то за пределами Тегерана. Где-нибудь подальше от дорог, и где нас не достанет радар.

– Хорошо, но это должен быть Абадан.

– Почему? Вы урезаете себе шансы наполовину.

– Иначе нельзя. Моя семья… мои отец и мать пробрались туда на машине. Разумеется, вы правы насчет Гелег-Морги. Нас можно было забрать за городом в… – Валик на секунду задумался, потом торопливо продолжил: – в том месте, где южный нефтепровод пересекается с рекой Зехсан… дорог там рядом нет, и место безопасное. Мы там будем утром, в одиннадцать часов. Бог отблагодарит вас, Мак. Если… если вы обратитесь за разрешением для доставки запчастей, я… я устрою так, что вы его получите. Пожалуйста, умоляю вас.

– Но как быть с дозаправкой? Когда вы сядете, чтобы заправиться, офицер наземной службы обязательно вас заметит и вас арестуют через три секунды.

– Запросите дозаправку на военной базе в Исфахане. Я… я договорюсь насчет Исфахана. – Валик отер пот с лица.

– А если что-то пойдет не так?

– Иншаллах! Вы запросите разрешение на доставку запчастей, никаких имен в бланке, или я труп, а то и того хуже, и вместе со мной Аннуш, Джалал и Сетарем. Прошу вас!

Мак-Айвер знал, что это безумие.

– Я запрошу разрешение: только запчасти для Бендер-Делама. Мне необходимо знать до полуночи, будет ли оно дано: я пришлю

кого-нибудь, кто дождется его и отнесет ко мне на квартиру. Телефоны не работают, поэтому вам нужно будет прийти ко мне за подтверждением. Это даст мне время все хорошенько обдумать и решить, да или нет.

– Но вы…

– В полночь.

– Да, очень хорошо, я приду.

– Что насчет ваших партнеров?

– Они… они ничего об этом не знают. Эмир Пакнури или кто-то из других будут действовать от моего имени.

– А еженедельные выплаты наличности?

– Они заплатят. – Валик снова вытер лоб. – Благословения Бога да пребудут с вами. – Он надел пальто и направился к двери. Портфель остался на столе.

– Заберите это с собой.

Валик обернулся.

– А, вы хотите, чтобы я заплатил в Кувейте? Или в Швейцарии? В какой валюте?

– Никакой платы не будет. Вы можете дать разрешение на специальный рейс. Может быть, нам удастся доставить вас в Бендер-Делам. После этого вы будете сами по себе.

Валик недоуменно уставился на него.

– Но… даже и так, вам нужны будут деньги на расходы, чтобы заплатить… э-э… пилоту и вообще.

– Нет, но вы можете выдать мне авансом пять миллионов риалов в счет тех денег, которые партнерство нам должно; они нам отчаянно нужны. – Мак-Айвер написал расписку и протянул ее иранцу. – Если вас здесь не будет, эмир или остальные могут оказаться не столь щедрыми.

– Банки откроются на следующей неделе, мы в этом уверены. О да, вполне уверены.

– Что ж, будем надеяться, что вы правы, и мы получим причитающиеся нам деньги. – Он наблюдал за выражением лица Валика, наблюдал, как тот отсчитывает деньги, зная, что Валик считает его сумасшедшим, потому что он не принял пешкеш, зная также и то, что этот человек непременно попытается подкупить пилота, кто бы им ни был, чтобы тот доставил их до самого конца, если вертолет

выберется из воздушного пространства Тегерана, – и это было бы катастрофой.

И сейчас, в своем кабинете, глядя в ночь невидящими глазами, не слыша стрельбы, не замечая вспышек, которые время от времени освещали погруженный во тьму город, Мак-Айвер думал: Боже мой, САВАК? Я должен постараться помочь ему, должен. Эти несчастные ребятишки и бедная женщина. Я должен! И когда Валик предложит пилоту взятку, даже если я и предупрежу его заранее, устоит ли он? Если Валик предложил двенадцать миллионов сейчас, в Абадане эта цифра удвоится. Тому эти деньги были бы никак не лишними, Ноггеру Лейну тоже, да и мне, и вообще кому угодно. За короткий перелет через залив – короткий, но в один конец, возвращения не будет. И вообще, откуда у Валика столько денег наличными? Разумеется, из банка.

Уже несколько недель ходили упорные слухи о том, что за определенную мзду некоторые люди с большими связями могли получать и вывозить наличные деньги из Тегерана, хотя все банки – официально – и были закрыты. Или за еще большую мзду переводить деньги на номерные счета в Швейцарии, и что сейчас швейцарские банки ломились от наличности, утекавшей из страны. Миллиарды. Несколько миллионов в нужную руку, и все становилось возможным. Не то же ли самое мы видим по всей Азии? Будь честен, почему только Азии? Разве это не так для всего остального мира?

– Том, – устало произнес он, – попробуй связаться с военным диспетчерским центром и выяснить, получено ли разрешение для 212-го, о'кей?

Для Локарта это был самый обычный рейс: Мак-Айвер сказал ему лишь, что виделся сегодня с Валиком и генерал передал ему кое-какие деньги, и больше ни слова. Ему еще предстояло решить, кого послать пилотом. Как он хотел бы полететь сам, чтобы никого не подвергать этому риску. Растреклятые медосмотры! Чертовы правила, будь они прокляты!

Локарт направился к ВЧ-рации. В этот момент из приемной раздался шум, шарканье множества ног, и дверь распахнулась. На пороге стоял молодой человек с автоматом на плече и зеленой повязкой на рукаве. С ним было еще полдесятка бойцов, таких же молодых. Иранские сотрудники застыли, парализованные. Молодой

иранец посмотрел на Мак-Айвера и Локарта, потом сверился со списком.

– Салам, ага. Каптан Мак-Айвер? – обратился он к Локарту на неуверенном английском, с сильным акцентом.

– Салам, ага. Нет, это я капитан Мак-Айвер, – нервно произнес Мак-Айвер. Его первой мыслью было: не из той ли эти ребята группировки, которая расстреляла Кияби? Вторая мысль: Дженни нужно было улетать вместе с остальными, я должен был настоять на этом. Третья – о пачках риалов в его открытом дипломате на полу у стойки для шляп.

– А, хорошо, – вежливо произнес молодой человек. Под глазами у него залегли темные круги, лицо было волевым и сильным, и, хотя Мак-Айвер прикинул, что ему не больше двадцати пяти, было в его облике что-то от старика. – Опасность здесь. Вам здесь. Сейчас. Пожалуйста, идти. Мы комитет этот квартал. Пожалуйста, вы идти. Сейчас.

– Хорошо. Разумеется… э-э… спасибо. – Дважды до этого Мак-Айвер подумывал о том, что было бы разумно закрыть управление из-за беспорядков и людских толп на близлежащих улицах, даже несмотря на то что эти толпы – и это было поразительно, учитывая их огромные размеры, – вели себя очень дисциплинированно и наносили мало ущерба собственности или европейцам, за исключением машин, припаркованных на улицах. Сегодня впервые кто-то поднялся к ним наверх, чтобы предупредить его лично. Мак-Айвер и Локарт послушно оделись. Мак-Айвер защелкнул дипломат и вместе с остальными двинулся к выходу. Он выключил за собой свет.

– Как тут свет, когда нигде нет? – спросил командир иранцев.

– У нас свой собственный генератор. На крыше.

Молодой человек улыбнулся странной улыбкой, сверкнули ослепительно белые зубы.

– Иностранцы есть генераторы и тепло, иранцев нет.

Мак-Айвер хотел было что-то сказать, но решил, что лучше промолчать.

– Вы получали письмо? Письмо про уезжать? Сегодня письмо?

– Да, – ответил Мак-Айвер.

Одно послание пришло в управление, другое – на квартиру: Дженни обнаружила его в почтовом ящике. Оба письма были

короткими: «Первого декабря вас предупредили, чтобы вы уезжали. Почему вы все еще здесь, если вы здесь не как враг? У вас осталось мало времени. Университетские сторонники Исламской республики в Иране».

– Вы… э-э… представители университета?

– Мы ваш комитет. Пожалуйста, сейчас уходить. Враги лучше никогда не возвращаться. Нет?

Мак-Айвер и Локарт вышли. Революционеры последовали за ними вниз по лестнице. Лифты не работали уже много недель.

Улица была пустынна: ни толп, ни пожаров, вся стрельба доносилась издалека.

– Не приходить назад. Три дня.

Мак-Айвер уставился на него.

– Это невозможно. У меня столько де…

– Опасность. – Молодой человек и его остальные сверстники молча ждали и смотрели. Не все были вооружены автоматами. У двоих были дубинки. Двое держались за руки. – Не приходить назад. Очень плохо. Три дня, говорит комитет. Понимаете?

– Да, но одному из нас необходимо заправить генератор топливом, иначе телекс отключится, и тогда мы потеряем связь, и…

– Телекс неважный. Не приходить назад. Три дня. – Молодой человек терпеливо показал им, чтобы они уходили. – Здесь опасность. Не забывайте, пожалуйста. Спокойной ночи.

Мак-Айвер и Локарт сели в свои машины, запертые в гараже под зданием, чувствуя на себе завистливые взгляды. Мак-Айвер ездил в своем «ровере», купе 1965 года выпуска; он звал свою машину Лулу и содержал ее в безукоризненном состоянии. Локарт позаимствовал машину Скота Гаваллана, маленький потрепанный «ситроен», который специально сделали невзрачным с виду, хотя двигатель на нем стоял усиленный, тормоза работали идеально, и при необходимости он мог развивать очень высокую скорость. Они отъехали и, повернув второй раз за угол, остановились рядом друг с другом.

– Эти сукины дети не шутили, – зло сказал Мак-Айвер. – Три дня? Я не могу не приходить в офис три дня!

– Да. Что теперь? – Локарт бросил взгляд на зеркало заднего вида. Молодые иранцы появились из-за дальнего угла и стояли, наблюдая за

ними. – Нам лучше двигаться дальше. Я приду к тебе на квартиру, – торопливо произнес он.

– Да, но только утром, Том, сейчас мы ничего не можем сделать.

– Но я собирался вернуться в Загрос. Сегодня должен был улететь.

– Знаю. Останься здесь до завтра, полетишь на следующий день. Ноггер сможет выполнить этот специальный рейс, если разрешение придет, в чем я сомневаюсь. Приходи часов в десять.

Мак-Айвер увидел, что молодые люди двинулись в их сторону.

– Часов в десять, Том, – торопливо повторил он, отпустил сцепление и, ругаясь, уехал.

Молодые люди проводили их взглядом, и их командир, Ибрагим, был рад, что они уехали, поскольку он не хотел столкновения с иностранцами, не хотел убивать их или вести их на суд. Только САВАК. И виновных полицейских. И врагов Ирана внутри Ирана, которые хотели возвращения шаха. И всех предателей-марксистов, тоталитаристов, выступавших против демократии, и свободы вероисповедания, и свободы образования и университетов.

– О, как бы мне хотелось такую машину, – произнес один из них, едва не слабея от зависти. – Шестьдесят восьмого года выпуска, а, Ибрагим?

– Шестьдесят пятого, – ответил Ибрагим. – Когда-нибудь у тебя будет такая, Али, и бензин, чтобы залить в ее бак. Однажды ты станешь самым знаменитым писателем и поэтом во всем Иране.

– Этот иностранец поступает отвратительно, выставляя напоказ столько богатства, когда в Иране столько бедности и нищеты.

– Скоро они все уедут. Навсегда.

– Как ты думаешь, Ибрагим, эти двое завтра вернутся сюда?

– Надеюсь, что нет, – произнес Ибрагим с усталой усмешкой. – Если вернутся, я не знаю, что мы будем делать. Думаю, мы достаточно их напугали. Все равно мы должны проверять этот квартал не реже двух раз в день.

Молодой человек с дубинкой тепло обнял его за плечи.

– Я рад, что мы выбрали тебя главным. Ты идеально для этого подходишь.

Они все согласно закивали. Ибрагим Кияби был очень горд услышать это и горд тем, что был частью революции, которая положит конец всем бедам Ирана. Еще он гордился своим отцом, который был инженером-нефтяником и большим чиновником в «Иран Ойл», который терпеливо трудился много лет на благо иранской демократии, противодействуя шаху, и который теперь, конечно же, станет влиятельной персоной в обновленном и славном Иране.

– Пойдемте, друзья, – умиротворенно сказал он. – Нам еще нужно осмотреть несколько зданий.

ГЛАВА 12

Остров Сирри. 19.42. Немногим более семисот миль юго-западнее Тегерана заканчивалась погрузка пятидесятитысячетонного японского танкера «Рикомару». Над заливом ярко светила луна, ночь была благоухающей, со множеством звезд над головой, и Скраггер согласился составить компанию де Плесси и подняться на борт, чтобы поужинать с Ёси Касиги. Сейчас все трое стояли с капитаном на капитанском мостике, палуба внизу была залита светом, они наблюдали за палубными рабочими-японцами и главным инженером рядом с толстой нефтеналивной трубой, протянувшейся за борт к скоплению вентилей на плавучем нефтяном складе, закрепленном якорями в море на постоянной стоянке, рядом с которым расположился танкер. Огромная баржа тоже была ярко освещена.

Они находились примерно в двух сотнях ярдов от низкого острова Сирри; танкер был надежно зашвартован: две носовых цепи были закреплены на буях впереди, два якоря спущены с кормы. Нефть по трубе, проложенной по дну залива, перекачивалась с береговых хранилищ на плавучий склад, а оттуда, с использованием их собственных труб, – в резервуары танкера. Погрузка и разгрузка таили в себе немалую опасность, поскольку в резервуарах, в пространстве над поверхностью сырой нефти, скапливались летучие, крайне взрывоопасные газы. Порожние резервуары оставались еще более опасными, пока их не промывали. На большинстве современных танкеров для повышения безопасности в свободное пространство в резервуарах закачивался азот – инертный газ. На «Рикомару» такого оборудования не было.

Они слышали, как главный инженер прокричал работникам на барже: «Закрывайте вентиль», потом перевел взгляд на мостик и поднял вверх большой палец, капитан ответил ему тем же, повернулся к Касиги и сказал по-японски:

– Разрешение отплыть как можно скорее?

Капитан был худощавым мужчиной с неподвижно застывшим лицом, в белой накрахмаленной рубашке и шортах, в белых носках и ботинках, с эполетами и в фуражке с козырьком, как у морских офицеров.

– Да, капитан Морияма. Сколько это займет времени?

– Два часа, не больше – прибраться и взять носовые якоря на кат. – Это означало отправку катера к мертво закрепленным буям, чтобы открепить от них носовые якорные цепи танкера и затем вновь прикрепить эти цепи к якорям на судне.

– Хорошо. – Де Плесси и Скраггеру Касиги сказал по-английски: – Мы погрузились и готовы отплыть. Часа два, и мы уже будем в пути.

– Отлично, – отозвался де Плесси, испытывая такое же облегчение. – Теперь мы можем расслабиться.

Вся операция погрузки прошла очень хорошо. Меры безопасности были усилены на всем острове и на корабле. Все, что можно было проверить, проверили. На борт допустили только трех иранцев, без которых нельзя было обойтись. Каждый подвергся обыску, и за ними внимательно наблюдал член японского экипажа. Среди других иранцев, оставшихся на берегу, не было замечено никаких проявлений враждебности. Все вероятные места, где могла быть спрятана взрывчатка или оружие, были тщательно осмотрены.

– Может быть, этот юный бедняга с «Сирри-1» ошибался, Скрэг, *mon ami.*

– Может быть, – ответил Скраггер. – Все равно, приятель, я считаю, что Абдуллу Турика убили: ни у кого, кто свалится с платформы в спокойное море, не будет такого изуродованного лица, не будет выбитых глаз. Бедолага.

– Но акулы, капитан Скраггер, – заметил Касиги; он тоже был встревожен. – Акулы могли нанести ему все эти раны.

– Да, могли. Но я готов жизнь поставить на то, что это все из-за того, что он сообщил мне.

– Надеюсь, вы ошибаетесь.

– Готов поспорить, что правды мы никогда не узнаем, – печально произнес Скраггер. – Как там это ваше слово, мистер Касиги? Карма. У этого юного бедолаги карма оказалась короткой и совсем не ласковой.

Остальные согласно кивнули. В молчании они смотрели, как танкер отделяется от пуповины огромной баржи.

Чтобы рассмотреть все получше, Скраггер перешел на край мостика. В ярком свете прожекторов нефтяники кропотливо отвинчивали двенадцатидюймовую трубу от комплекса вентилей на барже. Их было шестеро. Двое из японской команды, три иранца и инженер-француз.

Впереди под ним во всю длину и ширь раскинулась плоская палуба танкера. Посередине этой палубы стоял его 206-й. Он посадил там машину по совету де Плесси и с разрешения Касиги.

– Чудненько! – сказал тогда Скраггер французу. – Я доставлю вас назад на Сирри или в Ленге, куда захотите.

– Ёси Касиги предлагает нам обоим заночевать на борту, Скрэг, и вернуться на берег завтра утром. Для вас это будет приятной сменой обстановки. Мы можем вылететь с танкера на рассвете и вернуться в Ленге. Летим на корабль. Я был бы вам очень признателен.

Поэтому он сел на танкере на закате, не очень четко представляя себе, почему он принял приглашение, но он заключил договор с Касиги и полагал, что должен его соблюдать. Опять же его не оставляло тошнотворное чувство вины за то, что случилось с Абдуллой Туриком. Вид изувеченного тела юноши глубоко его потряс и вызвал желание оставаться на Сирри, пока танкер не уйдет. Поэтому он прилетел и постарался быть хорошим гостем, наполовину соглашаясь с де Плесси, что смерть юноши, возможно, все-таки была простым совпадением, и принятые меры безопасности остановят любую попытку диверсии.

Они все были как на иголках с момента начала погрузки днем раньше. А сегодня вечером нервничали еще сильнее. Выпуск новостей Би-би-си опять был очень тревожным, сообщали о резкой эскалации противостояния в Тегеране, Мешхеде и Куме.

К этому добавилось сообщение от Мак-Айвера, которое Эйр аккуратно передал из Ковисса по-французски – новости о продолжающемся захвате тегеранского международного аэропорта, о

возможности государственного переворота и об убийстве Кияби. Смерть Кияби потрясла и де Плесси. И все это, в сочетании со слухами и опровергающими их слухами, которые носились среди иранцев, сделало вечер безрадостным. Слухи о готовящемся военном вторжении США, о готовящемся вторжении Советов, о покушениях на жизнь Хомейни, на жизнь Базаргана, выдвинутого им на должность премьер-министра, на жизнь законного премьер-министра Бахтияра, на жизнь американского посла, слухи о том, что в Тегеране сегодня ночью произойдет военный переворот, что Хомейни уже арестован, что все вооруженные силы сложили оружие, и Хомейни стал де-факто правителем Ирана, и что генерал Нассири, руководитель САВАК, был схвачен, подвергнут суду и расстрелян.

– Все эти слухи не могут быть правдой, – высказал Касиги их общее мнение. – Ничего не остается, кроме как ждать.

Он оказался прекрасным хозяином. Вся пища была японской. Даже пиво. Скраггер постарался скрыть, насколько ему не понравились поданые в качестве закуски суши, зато он получил огромное удовольствие от жареного на углях цыпленка в солоновато-сладком соусе, риса и креветок и овощей, обжаренных в кляре.

– Еще пива, капитан Скраггер? – угощал Касиги.

– Нет, спасибо. Одна бутылка – это все, что я позволяю себе, хотя признаю, что пиво хорошее. Может быть, не такое хорошее, как «Фостерз», но близко к нему.

Де Плесси улыбнулся этим словам:

– Вы не представляете себе, какой это комплимент, мистер Касиги. Для австралийца сказать, что какое-то пиво стоит близко к «Фостерз», – это высшая похвала.

– Да нет, на самом деле мне хорошо это известно, мистер де Плесси. В Австралии я тоже предпочитаю «Фостерз».

– Вы часто там бываете? – поинтересовался Скраггер.

– О да. Австралия – один из основных источников целого ряда сырьевых товаров для Японии. Моя компания владеет сухогрузами для перевозки угля, железной руды, пшеницы, риса, бобов сои, – ответил Касиги. – Мы импортируем огромное количество вашего риса, хотя большая его часть идет на производство нашего национального напитка – саке. Вы пробовали саке, капитан?

– Да, однажды попробовал. Но теплое вино… саке не отвечает моим вкусам.

– Согласен, – вставил де Плесси и торопливо добавил: – Разве что зимой, как горячий пунш. Вы говорили об Австралии.

– Мне очень нравится эта страна. К тому же мой сын учится в университете Сиднея, поэтому мы его время от времени навещаем. Это страна чудес – такая огромная, такая богатая, такая пустая.

Да, мрачно подумал Скраггер. Ты хочешь сказать, такая пустая, что прямо ждет, когда ее заполнят миллионы ваших рабочих муравьев? Благодарение Богу, нас разделяют тысячи миль, и США никогда не допустят, чтобы нас захватили.

– Чепуха! – сказал ему Мак-Айвер как-то во время дружеского спора, когда он, Мак-Айвер и Петтикин два года назад поехали в отпуск на неделю в Сингапур. – Если когда-нибудь в будущем Япония выберет подходящий момент, скажем, когда США станут что-то всерьез делить с Россией, Штаты не смогут и пальцем пошевелить, чтобы помочь Австралии. Я думаю, они пойдут на сделку и…

– Грязный Дункан растерял все шарики свои, Чарли, – сказал тогда Скраггер, покрутив пальцем у виска.

– Ты прав, – согласился Петтикин. – Он тебя просто подкалывает, Скрэг.

– А вот и нет. Ваш подлинный защитник – это Китай. Что бы ни случилось, если вас по-настоящему прижучит, Китай будет тут как тут. И только Китай будет в состоянии остановить Японию, если она когда-нибудь станет достаточно воинственной и сильной, чтобы двинуться на юг. Бог ты мой, Австралия – самый лакомый кусочек во всем Тихоокеанском бассейне, главный тихоокеанский сундук с сокровищами, вот только никто из вас, балбесов, в тех краях никак не возьмется за то, чтобы заглянуть вперед, начать планировать, пользоваться башкой по назначению. Все что вам, черт подери, нужно, это три выходных в неделю, да побольше чертовых денег, чтоб делать поменьше чертовой работы, да бесплатные школы, да бесплатное лечение, бесплатные пенсии, а на рожон пусть лезет какой-нибудь другой балбес – да вы хуже бедной чертовой старушки Англии, у которой вообще ничего нет! А главная про…

– У вас есть нефть в Северном море. Уж если это не дьявольская удача, то я не знаю…

– Главная проблема в том, что вы там, чертовы остолопы, не отличите свою задницу от дырки в стене.

– Ну-ка сядь, Скрэг! – угрожающе рявкнул Петтикин. – Ты согласился, чтобы без драки. Вообще без драки. Попробуй двинь Мака, когда он не в стельку пьян, и окажешься головой в унитазе. У него, может, давление и высокое, но черный пояс как был, так и остался.

– Чтобы я двинул Грязного Дункана? Ты что, шутишь, приятель? Я стариков не задираю…

Скраггер улыбнулся про себя, вспомнив их попойку, с которой закончились все попойки. Хорошо в Сингапуре, подумал он и вернулся мыслями к танкеру, чувствуя, что настроение у него поправилось, что поел он прекрасно и очень рад, что погрузка завершилась.

Ночь была великолепна. Высоко над головой он увидел проблесковые огни самолета, летевшего на запад, и на мгновение задумался, где он приземлится, что это за самолет, сколько пассажиров на борту. В темноте он видел превосходно и теперь заметил, что рабочие на барже почти отвинтили трубу. Как только ее лебедкой поднимут на борт, танкер сможет отправляться. К рассвету «Рикомару» будет в Ормузском проливе, а он снимется и полетит домой в Ленге вместе с де Плесси.

Вдруг его острый глаз разглядел несколько фигурок, бегущих прочь от полуосвещенного насосного узла на берегу у самой воды. Его внимание сосредоточилось на них.

Раздался негромкий взрыв, потом полыхнуло пламя, когда загорелась нефть. Все на борту в ужасе смотрели на происходящее. Пламя начало расползаться, и они услышали с берега крики – на французском и на фарси. Со стороны бараков и нефтехранилищ бежали какие-то люди. Внезапно сверкнула автоматная очередь, вслед за вспышкой до них долетел ее сухой противный треск. В динамиках на танкере загремел голос капитана, по-японски приказавший команде занять места по боевому расписанию.

Люди на барже в тот же миг удвоили усилия, цепенея от страха при мысли, что огонь каким-то образом может по трубе перекинуться на баржу и разнести ее в клочья. Едва только конец трубы отвалился от вентиля, иранцы спешно попрыгали в свою моторную лодку и заторопились прочь; их работа была закончена. Инженер-француз и

два японских моряка бросились вверх по трапу, а лебедка на палубе танкера со скрежетом ожила и потянула трубу на борт.

Внутри танкера команда торопливо занимала свои места по тревоге: одни бежали в машинное отделение, другие – на мостик, третьи – к центральному проходу. На короткое время три иранца, следившие за подачей нефти в различных частях корабля, остались одни. Все трое бросились наверх.

Один из них, Саид, притворился, что споткнулся, и упал рядом с впускной трубой главного резервуара. Убедившись, что его никто не видит, он торопливо расстегнул штаны и достал небольшое взрывное устройство с пластитом, которое японцы не нашли при обыске, когда он поднимался на борт. Взрывчатка была приклеена лентой к внутренней стороне бедра, почти в самой промежности. Дрожащими от спешки руками он активировал химический детонатор, который взорвется примерно через час, прилепил взрывчатку позади основного вентиля и побежал к лестнице. Выбравшись на палубу, он с ужасом увидел, что его люди на барже его не дождались, и теперь моторка была почти у берега. Два других иранца возбужденно переговаривались между собой, как и он, разъяренные тем, что их оставили на борту. Ни тот, ни другой не входили в его марксистскую ячейку.

На берегу разлившаяся нефть ярко полыхала; потушить огонь не удавалось, но поступление нефти остановили и загоревшийся участок изолировали. Три человека получили тяжелые ожоги: француз и два иранца. Закрепленная на грузовике передвижная пожарная установка заливала огонь морской водой, качая ее прямо из залива. Ветра не было, и удушливый черный дым еще больше затруднял борьбу с огнем.

– Добавьте туда пены, – прокричал Легранд, директор-француз. Взбешенный до предела, он пытался навести порядок, но все по-прежнему толкались без дела в свете прожекторов, не зная, чем заняться. – Жак, давай собери всех, проведем перекличку. Шевелись быстрее. – Полный штат сотрудников на острове включал семь французов и три десятка иранцев. Охрана в составе трех человек поспешила в ночную тьму, вооруженная одними только импровизированными дубинками, не зная, какую еще диверсию ожидать и откуда.

– Мсье! – Фельдшер-иранец жестами подзывал Легранда к себе.

Он спустился к берегу к хитросплетению труб и вентилей, с помощью которых баржа подсоединялась к нефтехранилищам. Фельдшер стоял на коленях рядом с двумя пострадавшими, без сознания лежавшими на куске холстины. У одного из них полностью выгорели волосы на голове, и была сильно обожжена большая часть лица. На второго попали брызги горящей нефти при первом взрыве, от чего на нем мгновенно загорелась вся одежда, вызвав ожоги первой степени на больших участках тела спереди.

– Мадонна, – пробормотал Легранд и перекрестился при виде почерневшей обожженной кожи, едва узнав своего иранского бригадира.

Один из его инженеров-французов сидел на корточках и глухо стонал, у него были обожжены руки. Его стоны перемешивались с нескончаемым потоком цветистых ругательств.

– Я отправлю тебя в больницу сразу же, как получится, Поль.

– Найди этих сук поганых и спали их, – огрызнулся инженер и опять провалился в свою боль.

– Конечно, – беспомощно пообещал Легранд, потом повернулся к медику. – Сделайте что можете, я запрошу экстренную эвакуацию пострадавших. – Он заторопился от берега к радиорубке, находившейся в одном из бараков. Его глаза понемногу привыкали к темноте. Он вдруг заметил двух человек на дальнем конце крошечной взлетно-посадочной полосы, бежавших по тропинке вверх на небольшой утес. За утесом находилась бухточка с маленьким причалом, который использовался для купания и плавания на парусных лодках. Готов поспорить, что ублюдков ждет там лодка, тут же подумал он и, почти обезумев от ярости, прокричал им вслед в темноту ночи: – Сволочиииии!

Когда прогремел первый взрыв, де Плесси бросился к рации, установленной на мостике для связи с берегом.

– Вы уже нашли этот пулемет? – спросил он заместителя директора базы по-французски. Позади него с такими же мрачными лицами стояли Скраггер, Касиги и капитан. Свет ламп на мостике был приглушен. Снаружи луна сияла в небе высоко и ярко.

– Нет, мсье. После первой очереди нападавшие исчезли.

– Какие повреждения в системе насосов?

– Я не знаю. Я жду… а, погодите минутку, подошел мсье Легранд.

Через секунду в рации снова зазвучала французская речь:

– Говорит Легранд. Три человека с ожогами. Два иранца – с тяжелыми, третий – Пол Болье, ожоги кистей и предплечий. Немедленно вызовите вертолет для срочной эвакуации пострадавших. Я видел двух человек, направлявшихся к маленькой бухте. Вероятно, диверсанты. И у них, скорее всего, там лодка. Я собираю всех, чтобы посмотреть, кто отсутствует.

– Да, безотлагательно. Какие повреждения?

– Небольшие. Если повезет, управимся с ними за неделю и уж точно к прибытию следующего танкера.

– Я прибуду на берег сразу же, как только смогу. Погодите минутку! – Де Плесси оглянулся на остальных и передал им то, что услышал от Легранда.

Скраггер тут же предложил:

– Я заберу пострадавших, не нужно никого вызывать.

– Доставьте обожженных на борт, у нас есть операционная и врач. Очень опытный специалист, особенно по ожогам, – сказал Касиги.

– Хорошо, спасибо! – Скраггер бросился вниз.

Де Плесси повернулся к микрофону:

– С эвакуацией мы решим вопрос прямо отсюда. Положите людей на носилки. Капитан Скраггер немедленно доставит их на борт. Здесь есть врач.

Молодой японский офицер из палубной команды подошел и о чем-то коротко доложил капитану, тот покачал головой и ответил весьма резко, потом повернулся к де Плесси и объяснил по-английски:

– Эти три иранца, которые остались на борту, когда остальные на барже удрали, хотят, чтобы их немедленно доставили на берег. Я сказал, что они могут подождать. – Он наклонился к переговорному устройству с машинным отделением и распорядился начать подготовку к отплытию.

Касиги напряженно смотрел на остров. И на башни нефтехранилищ на нем. Мне нужна эта нефть, думал он, мне нужно, чтобы этот остров был в безопасности. Но он остается в опасности, и ничего из того, что я могу предпринять, не сделает его безопасным.

– Я отправляюсь на берег, – сообщил де Плесси и ушел.

Скраггер уже стоял рядом с 206-м, отпирая задние дверцы.

– Что ты делаешь, Скрэг? – спросил де Плесси, торопливо приближаясь.

– Я могу разместить носилки на заднем сиденье и закрепить их там, чтобы они не свалились. Так будет быстрее, чем возиться с наружными подвесными стропами.

– Я полечу с тобой.

– Запрыгивай! – Они обернулись, услышав шум за спиной. Три иранца подбежали к ним и принялись что-то возбужденно втолковывать. Было ясно, что они хотят полететь на берег в вертолете. – Возьмем их с собой, Скрэг?

Скраггер уже сидел в кабине пилота, исполняя пальцами польку на кнопках и тумблерах приборной доски.

– Нет, ты – дело срочное, они – нет. Залезай, старина. – Он ткнул пальцем в заднее сиденье и махнул рукой иранцам, чтобы те отошли. – *На, аяле дарам.* Нет, спешу, – сказал он, воспользовавшись одной из нескольких фраз, которые знал на фарси. Двое из них послушно отошли. Третий, Саид, проскользнул на заднее сиденье и начал пристегиваться. Скраггер отрицательно помотал головой и знаком показал ему, что он должен выйти. Иранец оставил все это без внимания, быстро протараторил что-то, натянуто улыбнулся и показал пальцем на берег.

Скраггер нетерпеливо повторил свой жест, уматывай, мол, нажимая пальцем на кнопку запуска двигателя. Реактивный вой возник немедленно и начал нарастать. Иранец опять отказался подчиниться и, теперь уже озлобленно, ткнул пальцем в сторону берега; вой разгоняющихся двигателей заглушил его слова. В какой-то момент Скраггер подумал: черт с ним, почему бы и нет? Потом заметил капли пота, стекавшие по лицу иранца, его пропитанный потом комбинезон, и ему показалось, что он носом чувствует запах его страха.

– Вылезай! – рявкнул он, внимательно его разглядывая.

Саид не обращал на него внимания. Над их головами тяжелые лопасти винта медленно поплыли по кругу, набирая обороты.

– Да бог с ним, – крикнул де Плесси. – Нам нужно спешить.

Внезапно Скраггер прервал запуск двигателей и с силой, неожиданной в таком небольшом человеке, расстегнул ремень безопасности на Саиде и выволок иранца на палубу, полуоглушенного,

прежде чем кто-то успел сообразить, что происходит. Он сложил ладони рупором и крикнул в сторону мостика:

– Эй, там, наверху? Касиги! Этому шуту что-то больно уж не терпится попасть на берег. Он же вроде в трюме у вас побывал, нет? – Не дожидаясь ответа, Скраггер запрыгнул назад в кабину и ткнул пальцем в кнопку запуска.

Де Плесси с интересом смотрел на него.

– Что ты в нем такого разглядел?

Скраггер пожал плечами. Задолго до того как двигатели набрали полные обороты, моряки схватили Саида и двух остальных иранцев и погнали их на мостик.

206-й стрелой перелетел на берег. Оба пострадавших иранца уже лежали на носилках. Поперек заднего сиденья быстро укрепили пустые носилки и надежно примотали к ним носилки с первым пострадавшим. Скраггер помог обожженному французу – руки в бинтах – забраться на сиденье рядом с ним, стараясь не чувствовать тошнотворного запаха горелого мяса, аккуратно поднял машину в воздух, перелетел на танкер и опустил вертолет на палубу так легко, словно газовый платок уронил. Фельдшеры и врач уже ждали их с плазмой и шприцами морфия наготове.

Через несколько секунд Скраггер уже снова летел на берег. Еще несколько секунд – и вторые носилки закрепили в вертолете, и он полетел назад, посадив машину так же аккуратно. Снова врач с уколами был наготове, и снова он, пригнувшись под вращающимися лопастями, бросился бегом к носилкам. Только в этот раз шприцем он не воспользовался.

– А, прошу прощения, – сказал он на ломаном английском. – Этот человек мертв. – Потом, пригибая голову, он заспешил в свою операционную. Фельдшеры унесли тело.

Заглушив двигатели и проверив, что все в полном порядке и надежно закреплено, Скраггер подошел к борту танкера, и его здорово вывернуло. С тех самых пор как много-много лет назад он увидел, услышал и почувствовал носом запах пилота в разбившемся, горящем биплане, его не покидал животный ужас, что и с ним может случиться то же самое. Ему никогда не удавалось справиться с ощущением запаха паленых человеческих волос и кожи.

Через какое-то время он обтер рот, вдыхая чистый, сладкий воздух, и благословил свою удачу. Три раза его сбивали, дважды самолет при этом загорался, но ему всегда удавалось выбраться невредимым. Четыре раза ему пришлось совершать аварийную посадку, спасая себя и пассажиров, дважды – над джунглями, опускаясь на кроны деревьев, один раз – с горящим двигателем.

– Но мое имя в списке еще не стояло, – пробормотал он. – В те разы – еще нет.

Он услышал приближающиеся шаги. Обернувшись, увидел Касиги, шагавшего к нему через палубу с запотевшей бутылкой пива «Кирин» в руке.

– Прошу вас, извините меня, но вот, держите, – с угрюмым лицом произнес Касиги, протягивая ему бутылку. – Ожоги и на меня действуют так же. Меня тоже вырвало. Я… я спустился в операционную, чтобы посмотреть, как там раненые, и… и меня вырвало.

Скраггер благодарно припал к горлышку. Холодная, со вкусом хмеля жидкость, ядрено пузырясь и пощипывая язык и горло, вернула его к жизни.

– Господи Иисусе, до чего же хорошо-то. Спасибо, приятель. – И, раз произнеся это слово, он почувствовал, что ему легче повторить его снова. – Спасибо, приятель.

Касиги слышал его оба раза и счел это большой победой. Они посмотрели на матроса, спешившего к ним с листком переданного по телетайпу сообщения. Он вручил его Касиги, который подошел к ближайшему фонарю, надел очки и всмотрелся в наклеенные строчки. Скраггер услышал, как японец громко втянул в себя воздух, и увидел, как его лицо еще больше посерело.

– Плохие вести?

Помолчав секунду, Касиги произнес:

– Нет, просто… просто проблемы.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Касиги ему не ответил. Скраггер ждал. Он читал смятение в глазах японца, хотя на лице оно не отражалось, и был уверен, что Касиги сейчас решает, говорить ему или нет. Потом Касиги сказал:

– Нет, не думаю. Это… это касается нашего нефтехимического завода в Бендер-Деламе.

– Это тот, который строит Япония? – Как и почти все в Персидском заливе, Скраггер слышал об этом огромном предприятии стоимостью в три с половиной миллиарда, которое по завершении строительства легко станет крупнейшим нефтехимическим комплексом во всей Малой Азии и на Ближнем Востоке. Сердцем комплекса был завод по производству этилена мощностью триста тысяч тонн. Строительство велось с 71-го года и было почти, на восемьдесят пять процентов, закончено. – Да уж, завод так завод!

– Да, только строит его частный японский бизнес, а не правительство Японии, – заметил Касиги. – Завод «Иран-Тода» финансируется из частных средств.

– А, – кивнул Скраггер, увидев теперь связь. – Транспортная компания «Тода», «Иран-Тода»! Вы – одна и та же компания?

– Да, но мы только часть японского синдиката, который предоставлял деньги и техническое консультирование шаху… Ирану, – поправился Касиги.

Пусть все боги, большие и малые, проклянут эту землю, проклянут всех, кто на ней живет, проклянут шаха за то, что он создал все эти нефтяные кризисы, проклянут ОПЕК, проклянут всех в дурной день зачатых фанатиков и обманщиков. Он снова взглянул на сообщение и с удовольствием отметил, что руки у него не дрожат. Послание было написано их личным кодом и пришло от председателя правления его компании Хиро Тода.

Оно гласило: «СРОЧНО. Вследствие абсолютной и продолжающейся непримиримости сторон в Иране я наконец отдал распоряжение прекратить все строительные работы в Бендер-Деламе. Суммарные затраты на сегодняшний день превышают пятьсот миллионов долларов США и, вероятно, возрастут до одного миллиарда, прежде чем мы сможем начать производство. Выплаты процентов по кредитам составляют на сегодня четыреста девяносто пять тысяч долларов ежедневно. Из-за подлого тайного давления со стороны „Сломанного меча“, наш План чрезвычайных мер номер четыре был отвергнут. Немедленно отправляйтесь в Бендер-Делам и представьте мне ваш личный доклад. Главный инженер, член совета директоров Ватанабэ ждет вас. Пожалуйста, подтвердите получение».

Попасть туда невозможно, подавленно размышлял Касиги. И если План номер четыре отвергнут, нам конец.

План чрезвычайных мер номер четыре предполагал обращение Хиро Тода к японскому правительству с просьбой о предоставлении низкопроцентной ссуды, чтобы покрыть дефицит денежных средств, и одновременно, в частном порядке, попросить премьер-министра объявить комплекс «Иран-Тода» в Бендер-Деламе национальным проектом. Статус национального проекта означал, что правительство официально признает жизненную необходимость предприятия и обязуется проследить за его завершением. «Сломанный меч» в их шифре означал личного врага и главного соперника Хиро Тоды Хидзэёси Исиду, который возглавлял чрезвычайно могущественную группу торговых компаний под общим названием «Мицувари».

Пусть все боги проклянут этого завистливого, лживого сына грызуна-вредителя, думал Касиги, произнося тем временем вслух:

– Моя компания лишь одна из многих в синдикате.

– Я как-то пролетал над вашим заводом, – сказал Скраггер, – по пути с нашей базы в Абадан. Я перегонял машину, перегонял 212-й. У вас там проблемы?

– Кое-какие временные… – Касиги замолчал и уставился на него. Разрозненные кусочки плана соединились в общую картину. – Кое-какие временные проблемы… серьезные, но временные. Как вам известно, у нас с самого начала проблем было более чем достаточно, и все не по нашей вине. Сначала был февраль 71-го, когда двадцать три страны, производившие нефть, подписали ценовое соглашение ОПЕК, образовали свой картель и вдвое подняли цену до двух долларов шестнадцати центов… потом война Судного дня в 73-м, когда ОПЕК ввел эмбарго на поставку нефти в США и поднял цены до пяти долларов двенадцати центов. Потом катастрофа 74-го, когда поставки нефти из ОПЕК возобновились, но по цене опять выросшей более чем вдвое, до десяти долларов девяносто пяти центов, и в мировой экономике начался спад. Почему Соединенные Штаты позволили ОПЕК пустить под откос экономику всей планеты, когда они одни обладали достаточной мощью, чтобы раздавить ее, мы никогда не узнаем. *Баш!* А теперь мы все в вечной кабале у ОПЕК, когда в Иране, нашем крупнейшем поставщике, революция, нефть идет почти по двадцать долларов за баррель, и нам приходится платить эти деньги, приходится платить. – Он сжал кулаки, чтобы ударить ими по ограждению борта, потом разжал, испытывая к себе отвращение за

недостаточное владение собой. – Что касается компании «Иран-Тода», – произнес он, заставляя себя выглядеть спокойным, – как и все остальные, мы обнаружили, что с иранцами стало очень… очень трудно иметь дело в последние годы. – Он показал на листок с сообщением. – Мой председатель правления попросил меня поехать в Бендер-Делам.

Скраггер присвистнул:

– Да, это вам не раз плюнуть… сложно то есть.

– Да уж.

– А это важно?

– Да. Да, это важно. – Касиги оставил эту фразу висеть в воздухе, уверенный, что Скраггер предложит решение. На берегу пропитанная нефтью земля вокруг взорванного вентиля продолжала гореть ярким пламенем. Противопожарная установка теперь заливала ее пеной. Они увидели рядом с ней де Плесси, он беседовал с Леграндом.

Скраггер заговорил:

– Послушайте, старина, вы ведь важный клиент для де Плесси, а? Он может устроить для вас чартерный рейс. У нас есть запасной 206-й. Если он согласится, а все наши машины переданы по контракту «Иран Ойл», но на самом-то деле ему, возможно, мы могли бы получить разрешение службы управления полетами и доставить вас вверх по побережью – или, если бы вы смогли бы пройти паспортный и таможенный контроль в Ленге, может быть, мы смогли бы перебросить вас через залив в Дубай или Эль-Шаргаз. Там вам, возможно, удалось бы договориться о перелете в Абадан или Бендер-Делам. В любом случае, старина, он мог бы разрешить нам помочь вам начать это путешествие.

– Думаете, он стал бы это делать?

– Почему нет? Вы для него важная фигура.

Касиги думал: разумеется, мы для него очень важны, и он это знает. Но я никогда не забуду эту ужасно несправедливую надбавку в два доллара за баррель.

– Простите? Вы что-то сказали?

– Я говорю, а зачем вам вообще было начинать этот проект? От дома далеко, и он, должно быть, приносил с собой одни проблемы. С чего все началось?

– С мечты. – Касиги очень хотелось закурить сигарету, но курение на борту разрешалось только в определенных пожаробезопасных местах. – Одиннадцать лет назад, в 68-м году, человек по имени Бандзиро Каяма, старший инженер, работавший на мою компанию, и родственник нашего президента Хиро Тода ехал на машине по нефтяным промыслам вокруг Абадана. Это была его первая поездка в Иран, и везде, куда он ни приезжал, он видел высокие языки пламени от сжигавшегося попутного природного газа. Внезапно ему пришла в голову мысль: а почему нам не превратить этот попусту сжигаемый газ в нефтехимические продукты? У нас есть нужная технология, знания и опыт и привычка планировать с дальним прицелом. Брачный союз между японскими опытом и деньгами и иранским сырьем, которое сейчас попросту уничтожалось! Блестящая идея – уникальная и первая в своем роде! Три года ушло на проработку технико-экономического обоснования и планирование – достаточно долгий срок, хотя завистливые конкуренты утверждали, что мы слишком торопимся, и одновременно с этим пытались украсть наши идеи и настроить против нас других партнеров. Но было принято правильное решение, план компании Тода был одобрен, и три с половиной миллиарда долларов собраны. Разумеется, мы только часть синдиката «Гёкотомо-Мицувари-Тода», но корабли Тода повезут японскую долю продукции, в которой отчаянно нуждаются отрасли нашей промышленности. – Если нам вообще когда-нибудь удастся достроить этот комплекс, с отвращением подумал он про себя.

– А теперь мечта превратилась в кошмар? – спросил Скраггер. – Я вроде бы слышал… сообщали, что у проекта будто бы кончаются деньги.

– Враги распространяют самые разные слухи. – Среди ни на миг не умолкающего гула генераторов танкера его уши уловили начало вопля, которого он ждал – ждал, удивляясь, что его так долго нет. – Когда де Плесси вернется на борт, вы мне поможете?

– С радостью. Он как раз тот человек, который мог бы… – Скраггер замолчал. Опять сквозь гул прорезался высокий тон человеческого вопля. – Боль от ожогов должна быть ужасной.

Касиги кивнул.

Новая вспышка пламени на берегу привлекла их внимание. Они наблюдали за людьми вокруг пожарища. Теперь огонь был почти

потушен. Еще один вопль. Касиги пропустил его мимо ушей, его мысли были сосредоточены на Бендер-Деламе и ответе по телетайпу, который он должен немедленно отправить Хиро Тоде. Если кто и сможет решить наши проблемы, то это Хиро Тода. Он должен решить их. В противном случае мне конец, его ошибка станет моей.

– Касиги-сан! – Это был капитан, окликнувший его с мостика.

– *Хай?*

Скраггер слышал, как капитан что-то длинно прокричал Касиги; звук японской речи был ему неприятен.

Касиги охнул.

– *Домо,* – крикнул он в ответ и резко повернулся к Скраггеру, забыв обо всем остальном. – Пойдемте скорей! – Он первым бросился к лестнице, которая вела вниз. – Этот иранец, помните, тот самый, которого вы вышвырнули из вертолета? Он диверсант, и он заложил взрывчатку там внизу.

Скраггер последовал за Касиги через люк, вниз по металлической лестнице, прыгая через две ступеньки, пронесся по коридору, спустился еще на палубу ниже, потом еще на одну и тут вспомнил про вопли. То-то мне показалось, они доносились со стороны мостика, а не снизу! Что они с ним сделали?

Они догнали капитана и его главного инженера. Два обозленных моряка полутолкали-полуволокли перед собой помертвевшего от страха Саида. По его лицу катились слезы, он бормотал что-то нечленораздельное, одной рукой придерживая на себе штаны. Иранец остановился, дрожа и стеная, и показал рукой на вентиль. Капитан присел на корточки. Очень осторожно он протянул руку и пошарил за огромным вентилем. Потом выпрямился. Брикет взрывчатки как раз покрывал всю его ладонь. Часовой механизм был химическим – ампула, глубоко вставленная в пластит и крепко примотанная к нему изолентой.

– Отключи его, – гневно приказал он на неуверенном фарси и протянул брикет иранцу.

Тот отшатнулся, бормоча и подвывая:

– Его нельзя отключить. Время уже вышло, должно взорваться… вы что, не понимаете?

Капитан замер.

– Он говорит, время уже вышло!

Прежде чем кто-либо успел даже шевельнуться, один из матросов выхватил у него взрывчатку и, то волоча Саида рядом с собой, то толкая его вперед, бросился к лестнице – на этой палубе иллюминаторов не было, зато они были на следующей. Ближайший иллюминатор они обнаружили в углу коридора, задраенный металлической крышкой на двух болтах с барашковыми гайками. Он едва не расплющил о нее Саида, прокричав ему, чтобы тот ее открыл. Свободной рукой он начал отворачивать вторую гайку. Его гайка со стуком упала на пол, вслед за ней упала гайка Саида. Матрос распахнул иллюминатор. В этот миг раздался взрыв, который оторвал ему обе руки и большую часть лица и лишил головы Саида, забрызгав кровью дальнюю перегородку.

Остальных, спешивших следом, едва не швырнуло по лестнице вниз. Потом Касиги пробрался вперед и опустился на колени рядом с телами. Он тупо покачал головой.

Молчание нарушил капитан.

– Карма, – пробормотал он.

ГЛАВА 13

Тегеран. 20.33. Оставив Мак-Айвера неподалеку от управления компании Том Локарт приехал домой – несколько объездов, обозленная полиция, но ничего чрезмерно неприятного. Домом была прекрасная квартира в пентхаусе современного шестиэтажного здания в лучшем жилом квартале города – свадебный подарок от его тестя. Шахразада ждала его. Она порывисто обняла его, страстно поцеловала, умолила сесть перед камином и снять ботинки, побежала принести ему вина – ледяного, как раз как он любил, – захватила закуску, сказала, что ужин будет скоро готов, скрылась на кухню и своим напевным, текучим голосом поторопила слугу и повара, потому что господин уже дома и проголодался, потом вернулась и села у его ног – пол был покрыт толстыми великолепными коврами, – обняв руками его колени, обожая его.

– О, я так счастлива видеть тебя, Томми, я так по тебе скучала. – Ее английский звучал очаровательно. – О, я так интересно провела время вчера и сегодня.

Она была в легких шелковых персидских шароварах, длинной свободной блузе и, для него, до боли прекрасна. И желанна. Через несколько дней ей исполнялось двадцать три. Ему было сорок два. Они были женаты почти год, и он был приворожен с того самого мгновения, как впервые увидел ее.

* * *

Это случилось чуть больше трех лет назад, на званом ужине в Тегеране, который давал генерал Валик. Был ранний сентябрь, как раз закончились английские летние школьные каникулы, и Дердра, его жена, была в Англии с их дочерью, проводя время на праздниках и вечеринках, и не далее как тем же утром он получил от нее очередное гневное письмо, в котором она настаивала, чтобы он написал Гаваллану и потребовал немедленного перевода: «Я ненавижу Иран, больше не хочу там жить. Англия – это все, что мне нужно, все, что нужно Монике. Почему бы тебе для разнообразия не подумать о нас вместо своих чертовых полетов и своей чертовой компании? Вся моя семья здесь, все мои друзья и подруги здесь, и все друзья и подруги Моники тоже здесь. Я по горло сыта жизнью за границей и хочу, чтобы у меня был свой дом где-нибудь под Лондоном, с садом, или даже в городе: сейчас как раз предлагают суперпривлекательные варианты в Патни и Клапаме. Мне смертельно надоели иностранцы и то, что мужа постоянно отправляют работать за границу, мне уже просто в горло не лезет иранская еда и тошнит от всей этой грязи, жары, холода, их отвратительного языка, их мерзких туалетов и сидения на корточках, как какое-нибудь животное, от их ужасных обычаев, манер – от всего. Пора нам наконец расставить все по местам, пока я еще молода…»

– Ваше превосходительство?

Улыбающийся накрахмаленный официант почтительно предлагал ему поднос с напитками, главным образом безалкогольными. Многие иранцы, принадлежавшие к среднему классу и аристократии, пили у себя дома, некоторые – на людях; в Тегеране можно было купить всевозможные спиртные напитки и вина, они также свободно продавались в барах всех современных отелей. Не было никаких ограничений для иностранцев, которые запрещали бы им пить в

публичных местах или у себя дома, как в Саудовской Аравии и в некоторых из эмиратов, где любого, пойманного за распитием алкогольных напитков, любого без исключения, ожидало предписанное Кораном наказание кнутом.

– *Тешаккор,* спасибо, – вежливо ответил он и взял бокал белого персидского вина, высоко ценимого знатоками вот уже более трех тысячелетий, едва замечая официанта и других гостей, не в состоянии стряхнуть с себя угнетенность и злясь на себя за то, что согласился прийти сегодня на этот вечер вместо Мак-Айвера, которому пришлось срочно отбыть в их центральный офис в Эль-Шаргазе на другом берегу Персидского залива. – Но, Том, ты же говоришь на фарси, – безмятежно заметил Мак-Айвер перед отъездом, – а кому-то же обязательно надо там быть… – Да, думал он, но Мак мог с тем же успехом попросить и Чарли Петтикина.

Было почти девять, ужин еще не подавали, и он стоял у одной из открытых дверей, которые вели в сад. глядя на горящие свечи и на лужайки, покрытые дорогими коврами, на которых сидели и полулежали гости, тогда как другие стояли группками под деревьями и у небольшого пруда. Ночь была звездной и мягкой, дом – богатым и просторным, расположенным в районе Шемиран у подножия гор Эльбурс, и этот званый вечер был похож на все другие такие же вечера, куда его, благодаря его знанию фарси, обычно с удовольствием приглашали. Все иранцы были хорошо одеты, повсюду слышался смех, сверкали драгоценности, столы ломились от обилия блюд, как европейских, так и иранских, горячих и холодных. Разговоры велись о последней театральной постановке в Лондоне или Нью-Йорке, слышались реплики типа «вы едете в Сент-Мориц кататься на горных лыжах или в Канны на сезон?», или о цене на нефть и слухах из придворной жизни, «его императорское величество то, ее императорское величество это», и были щедро сдобрены подчеркнутой вежливостью, лестью и чрезмерными комплиментами, столь необходимыми во всем иранском обществе, – охраняя фасад спокойствия, вежливости и обходительности, за который редко удавалось проникнуть человеку постороннему даже из иранцев, не говоря уже об иностранце.

В то время он был расквартирован в Гелег-Морги, военном аэродроме в Тегеране, где обучал пилотов Иранских ВВС. Через десять

дней он должен был уезжать к месту своего нового назначения в Загрос, зная, что этот новый режим – две недели в Загросе, одна в Тегеране – еще больше разозлит его жену. Сегодня утром, в припадке ярости, он ответил на ее письмо и отправил заказным: «Если хочешь оставаться в Англии, оставайся в Англии, но прекрати сучиться и перестань поливать грязью то, о чем не имеешь никакого понятия. Покупай свой пригородный дом где тебе угодно – только я там НИКОГДА жить не буду. Никогда. У меня хорошая работа, и за нее нормально платят, мне она нравится, и говорить тут больше не о чем. У нас хорошая жизнь – ты увидела бы это, если бы открыла глаза. Ты знала, что я пилот, когда мы собирались пожениться, знала, что это жизнь, которую я для себя выбрал, знала, что я не стану жить в Англии, знала, что это единственное, что я умею делать, и меняться мне поздно. Прекрати ныть или пеняй на себя. Если хочешь перемен, так тому и быть…»

К чертям все это. С меня довольно. Господи, она говорит, что ненавидит Иран и все иранское, но ничего об Иране не знает, ни разу даже из Тегерана не выезжала, не хочу – и все тут, ни разу даже не попробовала их еду, только и ходила по гостям к этим своим британским женам – вечно одним и тем же, громогласному, зашоренному меньшинству, изолированному от всех и вся, в равной степени скучающему и скучному с их бесконечными бриджами и чаями – «Но, дорогой, как ты можешь носить хоть что-то, что не куплено в „Фортнум“ или „Маркс и Спенсер“…» – которые расфуфыриваются, получив приглашение в Британское посольство на очередной нудный ужин с неизменным ростбифом и йоркширским пудингом или на чай с бутербродами с огурцом и кексами с тмином, и все непоколебимо уверены, что все английское – самое лучшее в мире, особенно английская кухня: вареная морковь, вареная цветная капуста, вареная картошка, вареная брюссельская капуста, полусырой ростбиф или пережаренная ягнятина – пик совершенства, чтобы меня черти взяли…

– О, ваше бедное превосходительство, вы совсем не выглядите счастливым, – тихо произнесла она.

Он обернулся, и его мир стал другим.

– Что случилось? – спросила она, ее брови чуть заметно нахмурились.

– Простите, – выдохнул он, на мгновение потеряв ориентацию, сердце глухо стучало в груди, горло болезненно сжалось – он никогда не испытывал ничего подобного. – Мне показалось, что вы видение, что-нибудь из «Тысячи и одной ночи», что-то волшебное… – Он с усилием замолчал, чувствуя себя полным идиотом. – Извините, мои мысли были за миллион миль отсюда. Меня зовут Локарт. Том Локарт.

– Да, я знаю, – рассмеявшись, сказала она. В темно-карих глазах плясали искорки. Губы влажно блестели, зубы сверкали белизной, длинные волнистые темные волосы падали на плечи, ее кожа была цвета иранской земли, оливково-коричневая. Она была в белом шелке, пахла духами и доходила ему едва до подбородка. – Вы тот самый злой капитан-инструктор, который поджаривает и мучает моего бедного двоюродного брата Карима не реже трех раз в день.

– Что? – Локарт чувствовал, что никак не может сосредоточиться. – Кого?

– Вон он. – Она показала рукой в другой конец комнаты. Стоявший там молодой человек был в гражданском, он улыбался им, и Локарт не узнал в нем одного из своих учеников. Молодой иранец был очень красив, с темными курчавыми волосами, темными глазами и хорошо сложен. – Мой особенный двоюродный брат Карим Пешади, капитан Имперских иранских ВВС. – Она снова повернулась к Локарту; длинные черные ресницы. Его сердце опять куда-то провалилось.

Ради всех святых, возьми себя в руки! Что с тобой такое творится, черт подери!

– Я… э… ну, я стараюсь не поджаривать их, если только… э… если только они этого не заслуживают… это лишь для того, чтобы спасти им жизнь. – Он постарался вспомнить, насколько успешно проходил курс капитан Пешади, но ничего не вспомнил и в отчаянии перешел на фарси: – Но, ваше высочество, если вы удостоите меня редкой чести, если вы останетесь и поговорите со мной и окажете мне благоволение, назвав свое имя, обещаю, что я… – Он замолчал, подыскивая нужное слово, не нашел его и вместо него выпалил: – я буду вашим рабом до конца дней и поставлю его превосходительству вашему кузену наивысшие отметки на экзамене, выделив его перед всеми остальными!

Она в восторге захлопала в ладоши.

– О, ваше достопочтенное превосходительство, – ответила она на фарси, – его превосходительство мой двоюродный брат не сказал мне, что вы говорите на нашем языке! О, как прекрасно звучат эти слова, когда вы их произносите…

Почти вне себя, Локарт слушал ее чрезмерные комплименты, которые были общепринятой нормой на фарси, слышал, как сам отвечает в том же духе – благословляя Скраггера, который столько лет тому назад сказал ему, когда он начал работать на «Шейх Авиэйшн», демобилизовавшись из Королевских ВВС в 65-м году: «Ежели хочешь с нами летать, приятель, то давай учи фарси, потому как я его точно учить не собираюсь!» Впервые он осознал, насколько совершенным был этот язык для любви, для нюансов и недомолвок.

– Меня зовут Шахразада Пакнури, ваше превосходительство.

– Значит, ваше высочество все же вышли из «Тысячи и одной ночи».

– Ах, я не смогу поведать вам ни одной занятной истории, даже если вы поклянетесь, что отрубите мне голову. – Потом по-английски, со смехом: – По сочинениям у меня были самые плохие отметки в классе.

– Не может быть! – тут же произнес он.

– Вы всегда так галантны, капитан Локарт? – Ее глаза дразнили его.

Он услышал свой голос, говоривший на фарси:

– Только с самой прекрасной женщиной, какую я когда-либо видел в своей жизни.

Ее лицо залила краска. Она опустила глаза, и он в ужасе подумал, что все испортил, но когда она снова посмотрела на него, ее глаза улыбались.

– Благодарю вас. Вы делаете старую замужнюю женщину очень счас…

Он уронил свой бокал, чертыхнулся, поднял его, извинился, но никто, кроме нее, не заметил этой неловкости.

– Вы замужем? – вырвалось у него, потому что это не пришло ему в голову, но она, конечно же, должна была быть замужем, да и в любом случае он сам был женат, его дочери уже восемь лет, и какое он имел право расстраиваться? Бог мой, ты ведешь себя как сумасшедший. Ты совсем рехнулся.

Потом к его глазам вернулось зрение, а к ушам – слух.

– Что? Что вы сказали? – переспросил он.

– О, я сказала, что была замужем… то есть, я буду замужем еще три недели и два дня, и что Пакнури – это фамилия моего мужа. Моя собственная фамилия Бакраван… – Она остановила официанта, выбрала бокал вина с подноса и протянула ему. Опять слегка нахмуренные брови. – Вы уверены, что хорошо себя чувствуете, капитан?

– О да, да, вполне, – быстро произнес он. – Вы говорили? Пакнури?

– Да. Его высочество эмир Пакнури был таким старым, пятьдесят лет, друг моего отца, и отец и мать подумали, что было бы хорошо, если бы я вышла за него замуж, и он дал свое согласие, хотя я тощая, а не пышная и желанная, сколько бы я ни ела. Как угодно Богу. – Она пожала плечами, потом просияла, и мир, казалось, вновь наполнился для него светом. – Разумеется, я согласилась, но только при условии, что, если замужняя жизнь после двух лет мне не понравится, наш брак будет расторгнут. Так вот, когда мне исполнилось семнадцать, мы поженились, и мне это сразу же не понравилось, и я все плакала и плакала, а потом, поскольку после двух лет детей не было, как и после еще одного года, на который я согласилась, мой муж, мой господин, с благодарностью согласился развестись со мной, и теперь он, слава богу, готов жениться снова, а я свободна, но, к сожалению, уже такая старая и…

– Вы вовсе не старая, вы такая же юная, как…

– Да нет же, старая!

Ее глаза лукавили, и она притворялась расстроенной, но он видел, что на самом деле это не так, и словно со стороны смотрел, как он беседует с ней, смеется вместе с ней, потом приглашает ее двоюродного брата присоединиться к ним, цепенея от ужаса при мысли, что он и есть ее подлинный избранник, болтает с ними, узнает, что ее отец – видный *базаари* [29], купец, что ее семья большая и космополитичная, с большими связями, что ее матушка больна, что у нее есть братья и сестры, что училась она в школе в Швейцарии, но только полгода, потому что очень сильно скучала по Ирану и по домашним. Потом они вместе ужинали, он был любезен и счастлив, даже с генералом Валиком, и это был лучший вечер в его жизни.

Когда он ушел в ту ночь, он отправился не к себе домой, а свернул на дорогу в Дарбанд в горах, где было множество кафе в окружении прекрасных садов на берегах быстрой реки, с креслами, столиками, диванами, покрытыми толстыми коврами, где можно было отдохнуть, или поесть, или поспать, некоторые из них стояли на переброшенных через речку помостах, чтобы вода струилась под вами, журча и тараторя. Он лежал на таком диване, глядя на звезды, зная, что изменился, зная, что сошел с ума, но понимая, что нет такого препятствия, которое бы он не преодолел, нет таких мук, которые бы он не вынес, чтобы жениться на ней.

И он добился своего, хотя пройденный им путь был жесток и тяжел, и много раз у него вырывался крик отчаяния.

– О чем ты думаешь, Томми? – спросила она его сейчас, сидя у его ног на красивом ковре, который был свадебным подарком от генерала Валика.

– О тебе, – ответил он, любя ее, чувствуя, как ее нежность прогоняет все его заботы. В гостиной было тепло, как и во всей их огромной квартире, комната была мягко освещена, портьеры задернуты, многочисленные коврики и подушки в беспорядке разбросаны по всему полу, дрова весело трещали в камине. – С другой стороны, о тебе я думаю все время!

Она хлопнула в ладоши.

– Это так чудесно!

– Я полечу в Загрос не завтра, а на следующий день.

– О, да это еще чудеснее! – Она обняла его колени и положила на них голову. – Чудесно!

Он погладил ее волосы.

– Ты говорила, что у тебя сегодня был интересный день?

– Да, и вчера, и сегодня. Я была в твоем посольстве и получила паспорт, в точности как ты мне велел, а са…

– Здорово. Теперь ты канадка.

– Нет, любимый, иранка. Канадец – это ты. Послушай, самое лучшее – это то, что я была в Дошан-Таппехе, – с гордостью произнесла она.

– Господь Всемогущий, – вырвалось у него против воли, потому что она не любила, когда он поминал имя Господа всуе. – Извини,

просто… но это же безумие, там ведь вовсю стреляют, ты с ума сошла, что подвергла себя такой опасности.

– О, в сражении я не участвовала, – весело прощебетала она, встала и выпорхнула из комнаты со словами: – Сейчас я тебе покажу. – Через мгновение она вновь показалась в дверях. Она накинула серую чадру, которая покрывала ее с головы до пят и закрывала большую часть ее лица. Чадра на ней не понравилась ему совершенно. – Ах, господин, – сказала она на фарси, кружась перед ним, – вам не нужно за меня бояться. Аллах присматривает за мной, и Пророк, да будет имя Его благословенно тоже. – Она замолчала, увидев выражение его лица. – Что случилось? – спросила она по-английски.

– Я… я никогда не видел тебя в чадре. Это не… она тебе не идет.

– О, я знаю, что она уродлива, и никогда бы не стала надевать ее дома, но на улице в ней я чувствую себя спокойнее, Томми. Все эти ужасные взгляды, которые бросают мужчины. Пора нам всем вернуться к ней – и лицо закрывать тоже.

Он был в шоке.

– А как насчет всех прав и свобод, которые вы завоевали? Право голоса, право не носить чадру, свободу ходить куда вам хочется, выходить замуж за кого вам хочется, перестать быть невольницами, которыми вы были раньше? Если ты согласишься на чадру, то и все остальное потеряешь.

– Может, да, а может, и нет, Томми. – Она была рада, что они говорили по-английски, и она могла с ним немного поспорить: с мужем-иранцем это было немыслимо. И так рада, что решила выйти замуж за этого человека, который – просто невероятно – позволял ей иметь собственное мнение и – еще более невероятно – позволял ей открыто его выражать в разговоре с ним. Это вино свободы быстро ударяет в голову, подумала она, очень трудный, очень опасный напиток для женщины – как нектар в райском саду.

– Когда Реза-шах снял покрывало с наших лиц, – сказала она, – ему следовало еще изъять одержимость из мужских голов. Ты не ходишь на рынок, Томми, и не ездишь в машине, то есть, я хочу сказать, не как женщина. Ты не представляешь, что это такое. Мужчины на улицах, на базаре, в банке – повсюду. Они все одинаковые. Ты читаешь на их лицах одни и те же мысли, одну и ту же одержимость, в каждом из них – мысли обо мне, которые должны

возникать только у тебя. – Она сняла чадру, аккуратно сложила ее на стуле и снова села у его ног. – С сегодняшнего дня я буду носить ее, выходя на улицу, как моя мать и ее мать до нее, не из-за Хомейни, да охранит его Бог, а для тебя, мой любимый муж.

Она легко поцеловала его и села к нему на колени, и он понял, что для нее это вопрос решенный. Если только он не прикажет ей этого не делать. Но тогда мир и покой покинут их дом, потому что, если разобраться, это было ее право – принимать решения в подобных делах. Она была иранкой, его дом был иранским и всегда будет только в Иране – одно из условий, поставленных ее отцом, – поэтому и беда в доме будет иранской, и добиваться своего она тоже станет по-ирански: дни, наполненные вздохами и взглядами, полными душевной муки, редкая слезинка, отстраненное, рабское угождение ему, осторожные всхлипывания по ночам, новые терзающие вздохи, ни слова, ни взгляда, в которых читался бы гнев, – и все это оказывает просто убийственное воздействие на душевный покой мужа, отца, брата.

Иногда Локарту было трудно ее понимать.

– Поступай как хочешь, но больше никаких Дошан-Таппехов, – сказал он, гладя ее по волосам. Волосы были тонкие, шелковистые и сияли так, как может сиять только юность. – Что там происходило?

Ее лицо осветилось.

– О, было так интересно. «Бессмертные» – даже они, лучшие воины шаха, – не смогли прогнать правоверных. Стреляли со всех сторон. Я была в полной безопасности, со мной были моя сестра Лалех, двоюродный брат Али и его жена. Брат Карим тоже там был. Он объявил себя сторонником ислама и революции вместе с несколькими другими офицерами и рассказал нам, где и как нам встретиться. Там было еще примерно две сотни других женщин, все мы в чадрах, и мы не прекращая скандировали: Бог велик, Бог велик, а потом несколько солдат перешли на нашу сторону. Из «бессмертных»! – Ее глаза стали огромными. – Представляешь, даже «бессмертные» начинают прозревать истину!

Локарт пришел в ужас от опасности, которой она себя подвергла, отправившись туда, не спросив у него и ничего ему не сказав, хотя ее и сопровождали. До сих пор восстание и Хомейни ее как будто не коснулись, разве что в начале, когда беспорядки переросли в настоящие столкновения, и она стала смертельно бояться за отца и

родственников, которые были крупными купцами и банкирами на базаре и были хорошо известны своими связями со двором. Слава богу, ее отец быстро развеял все их страхи, шепнув на ухо Локарту, что он и его братья тайно поддерживают Хомейни и восстание против шаха и занимаются этим уже много лет. Но сейчас, думал он, если «бессмертные» дают трещину, и лучшие молодые офицеры вроде Карима открыто поддерживают восстание, прольются моря крови.

– Сколько человек перешло на вашу сторону? – спросил он, пытаясь сообразить, что ему делать.

– К нам присоединились только трое, но Карим сказал, что это хорошее начало, и в любой день теперь Бахтияр и его негодяи удерут из страны, как удрал шах.

– Послушай, Шахразада, сегодня британское и канадское правительства распорядились, чтобы все члены семей экспатриантов на время покинули Иран. Мак отправляет всех в Эль-Шаргаз, пока тут не станет поспокойнее.

– Это очень мудро, да, очень мудро.

– Завтра прилетает 125-й. Он заберет Дженни, Мануэлу, тебя и Азадэ, поэтому упакуй…

– О, я не поеду, дорогой, мне совсем не нужно уезжать. И Азадэ, зачем ей тоже уезжать? Нам здесь ничего не угрожает… Отец уж точно бы знал, если бы была хоть какая-то опасность. Ты не тревожься понапрасну… – Она увидела, что его бокал с вином почти пуст, поэтому вскочила, забрала его, наполнила и снова вернулась. – Я в полной безопасности.

– Но я думаю, тебе было бы безопаснее побыть за пределами Ирана какое-то вре…

– Это так чудесно, что ты переживаешь за меня, мой дорогой, но у меня нет никаких причин уезжать, и я обязательно спрошу завтра у отца, или ты можешь спросить… – Маленький алый уголек отвалился и упал на решетку. Он начал было вставать, но она уже была у камина. – Я все сделаю. Отдыхай, дорогой, ты, должно быть, устал. Может быть, завтра у тебя будет время повидать отца вместе со мной. – Шахразада умело поправила дрова в камине. Ее чадра лежала на стуле рядом. Она перехватила взгляд, который он бросил на чадру. По ее лицу промелькнула тень улыбки.

– Что?

Вместо ответа она снова улыбнулась, подняла чадру со стула, весело порхнула через комнату и пробежала по коридору в кухню.

Встревоженный, Локарт смотрел на огонь и старался выстроить свои доводы, не желая ничего ей приказывать. Но, если придется, я прикажу. Господи, столько проблем: Чарли исчез, в Ковиссе творится черт-те что, Кияби убит, а Шахразада оказывается в гуще восстания! Она сошла с ума! Чистое сумасшествие так рисковать! Если я ее потеряю, я умру. Господи, кто бы ты ни был, где бы ты ни был, защити ее…

Их гостиная была просторной. В дальнем конце стоял обеденный стол со стульями на двенадцать персон. Большей частью они пользовались этой комнатой по-ирански, сидя на полу, расстелив скатерть под блюда и тарелки, удобно опираясь на подушки. Они редко носили туфли, и она никогда не ходила на высоких каблуках, которые могли повредить толстый ковер. В квартире было пять спален, три ванных комнаты, две гостиных – в этой они проводили время каждый день или с компанией гостей, вторая, гораздо меньших размеров в дальнем конце квартиры, была привычным местом, куда она удалялась, если ему нужно было с кем-то поговорить о делах, или когда к ней в гости приходила сестра, или подруга, или родственники, чтобы их болтовня не мешала ему. Вокруг Шахразады всегда было нескончаемое движение, всегда кто-то из родственников, дети, няни, но только до заката, хотя родственники или близкие подруги часто оставались у них на ночь в комнатах для гостей.

Локарта это никогда не тяготило, потому что ее родственники всегда выглядели счастливыми и общительными – в его присутствии. Это тоже было частью его договоренности с ее отцом, что он станет прилежно и терпеливо перенимать иранские нравы и обычаи, будет терпеливо вести иранский образ жизни три года и один день. Потом, если ему потребуется, он сможет какое-то время жить с Шахразадой за пределами Ирана.

Потому что к тому времени, – мягко говорил ее отец, Джаред Бакраван, – с помощью Бога Единого и Пророка Бога, да живут Его слова вечно, к тому времени ты уже будешь знать достаточно, чтобы сделать правильный выбор, потому что к тому времени у тебя, конечно же, будут сыновья и дочери, ибо, хотя моя дочь худа, разведена и все еще не имеет детей, я не думаю, что она бесплодна.

– Но она еще так молода. Возможно, мы решим, что сейчас еще слишком рано заводить детей.

– Это никогда не бывает слишком рано, – резко ответил Бакраван. – Священные книги ясно говорят об этом. Дети нужны женщине. Дети нужны дому. Без детей женщина впадает в праздность. Это самая большая проблема моей любимой Шахразады, отсутствие детей. Некоторые из современных обычаев я одобряю. Некоторые – нет.

– Но если мы оба согласимся, я и она, что еще слишком ра…

– Такое решение – не ее ума дело! – Джаред Бакраван был потрясен. Это был невысокий округлый человечек с выпирающим животом, седыми волосами и бородой и непреклонным взглядом. – Было бы чудовищно даже говорить с ней об этом, настоящее оскорбление. Вы должны мыслить как иранец, иначе этот возможный брак никак не будет долгим. Или совсем не состоится. Никогда. А может быть, все дело в том, что вы не хотите детей?

– Нет-нет, конечно же, я хочу детей, но, мо…

– Вот и хорошо, значит, решено.

– Ладно, в таком случае можем мы решить это так: в течение трех лет и одного дня могу я решать, пришло время или еще нет?

– Подобная мысль глупа. Если вы не хотите де…

– О, но я, разумеется, хочу их, ваше превосходительство.

После долгого молчания старик с неохотой произнес:

– Год и один день. Но только если вы поклянетесь Богом Единым, что вы действительно хотите детей, что эта ваша поразительная просьба является именно временной! Ваша голова поистине наполнена ерундой, сын мой. С Божьей помощью, вся эта чепуха исчезнет, как снег на песке пустыни. Женщине нужны дети, тут и думать нечего…

Локарт рассеянно улыбнулся. Этот чудесный старикан будет с самим Богом торговаться в саду Эдема. А почему бы и нет? Разве не в этом заключается национальное времяпрепровождение иранцев? Но что я ему скажу уже через несколько дней, ведь год и один день почти миновали? Хочу ли я обременить себя детьми? Нет, пока еще нет. А вот Шахразада хочет. О, она согласилась с моим решением, и никогда не говорила об этом, но я не думаю, чтобы она его одобряла.

Он слышал приглушенные голоса ее и служанки из кухни, и та тишина, которую подчеркивали эти звуки, была, как всегда,

изумительна – такой контраст с кабиной вертолета, где протекала его другая жизнь. Подушки, на которые он опирался, были удобными, и он смотрел на огонь. Где-то в ночи раздавалась стрельба, но теперь она стала таким обычным делом, что он ее почти не слышал.

Я должен вывезти ее из Тегерана, думал он. Но как? Пока ее семья здесь, она ни за что не уедет. Может быть, она здесь в большей безопасности, чем в любом другом месте, но только не когда она участвует в бунтах. Дошан-Таппех! Она сумасшедшая. С другой стороны, они здесь все сейчас обезумели. Как бы я хотел знать, действительно ли армии отдан приказ подавить восстание. Бахтияру придется делать свой ход, и очень скоро, или ему конец. Но если он примет такое решение, начнется кровавая баня, потому что иранцы – жестокий народ, ищущий смерти. При условии, что отданная жизнь послужит исламу.

Ах, ислам! И Бог. Где он сейчас, Бог Единый?

В сердцах и умах всех правоверных. Шииты – правоверные. Как и Шахразада. И вся ее семья. А ты? Нет, пока еще нет, но я над этим работаю. Я пообещал старику, что буду над этим работать, пообещал прочесть Коран и держать свой разум открытым. И что?

Теперь пришло время задуматься об этом. Будь практичен, рассуждай здраво. Она в опасности. В чадре или нет, она обязательно во все это влезет. Но с другой стороны, почему бы и нет? Ведь это ее страна.

Да, она моя жена, и я прикажу ей ни во что не вмешиваться. Как насчет того дома, который ее отец держит на каспийском побережье, недалеко от Бендер-э-Пехлеви? Может быть, они возьмут ее туда с собой или отправят туда – погода там сейчас хорошая, не такой жуткий холод, как здесь, хотя дома у нас тепло, бак с мазутом всегда полон, есть дрова для камина, еда в морозильнике – все это благодаря ее старику и семье.

Господи, я стольким ему обязан, стольким обязан.

Легкий шум отвлек его. Шахразада стояла в дверях, облаченная в чадру, прикрыв лицо тонкой накидкой, которую он раньше не видел. Никогда еще ее глаза не были такими притягательными. Чадра свистяще зашуршала, когда Шахразада приблизилась к нему. В следующий миг ее полы распахнулись. Под чадрой на Шахразаде не было ничего. От ее вида воздух с шумом вырвался у него из легких.

– Ну! – Ее голос, как всегда, был мягким, пульсирующим, фарси звучал так нежно. – Итак, ваше превосходительство, мой супруг, как вам теперь нравится моя чадра?

Он протянул руку, чтобы коснуться ее, но она со смехом скользнула на шаг назад.

– Летом публичные женщины ночи носят чадру именно таким образом, люди говорят.

– Шахразада.

– Нет.

На этот раз он легко ее поймал. Ее вкус, сияние ее кожи, податливость ее тела.

– Может быть, господин, – сказала она между поцелуями, поддразнивая его, – может быть, ваша раба всегда будет носить свою чадру так, на улице, на базаре, многие женщины так и делают, люди говорят.

– Нет, одна мысль об этом сведет меня с ума.

Он хотел подхватить ее на руки, но она прошептала:

– Нет, любимый, давай останемся здесь.

И он ответил:

– Но слуги…

И опять она прошептала:

– Забудь про них, они нас не побеспокоят, забудь про них, забудь про все, молю тебя, любимый, помни лишь, что это твой дом, это твой очаг и я твоя вечная рабыня.

Они остались в гостиной. Как всегда ее страсть сравнялась с его, хотя он не понимал, как или почему, знал лишь, что с ней он поднялся в рай, по-настоящему, побывал в райском саду с райской гурией, а потом благополучно вернулся вместе с ней на землю.

Позже, за ужином их покой нарушил дверной колокольчик. Ее слуга Хасан пошел открывать, потом вернулся и прикрыл за собой дверь.

– Господин, это его превосходительство генерал Валик, – тихо доложил он. – Он извиняется за столь поздний визит, но дело важное, и он спрашивает, не уделит ли ваше превосходительство ему несколько минут.

Локарт почувствовал, как в нем вспыхнуло раздражение, но Шахразада нагнулась к нему, мягко коснулась его, и раздражение

исчезло.

– Прими его, любимый. Я подожду тебя в постели. Хасан, принеси чистую тарелку и разогрей хореш, его превосходительство наверняка голоден.

Валик долго и цветисто извинялся за поздний визит, дважды отказался от предложенного ужина, но на третий, разумеется, дал себя уговорить и с аппетитом поел. Локарт терпеливо ждал, выполняя свое обещание отцу Шахразады постоянно помнить об иранских обычаях – что семья всегда стоит на первом месте, что хорошие манеры требуют говорить о нужном обиняками, что никогда нельзя быть грубым и резким, нельзя быть прямолинейным. На фарси исполнять все это было гораздо легче, чем на английском.

Как только приличия позволили это, Локарт перешел на английский.

– Я очень рад видеть вас, генерал. Чем я могу быть вам полезен?

– Я только полчаса назад узнал, что вы вернулись в Тегеран. Этот хореш, без сомнения, вкуснейший из всех, что я пробовал за много лет. Мне так жаль, что я потревожил вас в столь поздний час.

– Это не беда.

Локарт дал молчанию расти, заполняя комнату. Его пожилой собеседник ел, не испытывая никакого неудобства от того, что ест один. Кусочек ягнятины повис у него на усах, и Локарт рассматривал его, поражаясь и гадая, сколько он там продержится. Валик вытер рот.

– Передайте мои комплименты Шахразаде – ее повар прекрасно выучен. Я расскажу об этом моему любимому кузену, его превосходительству Джареду.

– Благодарю вас. – Локарт ждал.

Опять молчание повисло между ними. Валик сделал глоток чая.

– Разрешение на полет для 212-го поступило?

– Когда мы уходили, его еще не прислали. – Локарт не был готов к этому вопросу. – Я знаю, что Мак послал посыльного, чтобы тот его дождался. Я бы позвонил ему, но, к сожалению, телефон не работает. А почему вы спрашиваете?

– Партнеры хотели бы, чтобы этот рейс выполнили вы.

– Капитан Мак-Айвер назначил капитана Лейна, при условии, что разрешение поступит.

– Оно будет дано. – Валик снова вытер рот и налил себе еще чаю. – Партнеры хотели бы, чтобы рейс выполнили именно вы. Уверен, Мак-Айвер не станет возражать.

– Извините, но мне необходимо вернуться в Загрос, я хочу убедиться, что все в порядке. – Он кратко рассказал генералу о том, что там произошло.

– Я уверен, что Загрос может подождать несколько дней. Уверен, Джаред будет доволен, что вы посчитали важным выполнить просьбу партнеров.

Локарт нахмурился.

– Я рад сделать что угодно. Что такого важного партнеры нашли в этом чартерном рейсе, немного запчастей, немного риалов?

– Все чартерные рейсы важны. Партнеры очень заботятся о том, чтобы обслуживание было на высшем уровне. Стало быть, мы договорились, так?

– Я… прежде всего, мне нужно обсудить это с Маком, во-вторых, я сомневаюсь, что разрешение будет выдано, в-третьих, мне действительно необходимо вернуться на базу.

Валик улыбнулся своей самой приятной улыбкой.

– Уверен, Мак даст свое разрешение. У вас будет разрешение покинуть воздушное пространство Тегерана. – Он поднялся. – Я сейчас отправляюсь к Маку и скажу ему, что вы не возражаете. Поблагодарите Шахразаду, и еще раз тысяча извинений за такой поздний визит, но времена нынче тяжелые.

Локарт не двинулся с места.

– Я все же хочу знать, что такого важного кроется в нескольких запчастях и сотне тысяч риалов.

– Партнеры решили, что рейс важен, поэтому, мой дорогой юный друг, услышав, что вы здесь, и зная о ваших тесных отношениях с моей семьей, я немедленно счел, что вы будете рады выполнить эту просьбу, если я обращусь с нею к вам лично. Мы ведь одна семья. Не так ли? – Последние слова были произнесены вполне безапелляционно, хотя улыбка на лице оставалась.

Локарт прищурился.

– Я рад сделать что угодно, но…

– Прекрасно, значит, решено. Благодарю вас. Прошу, не провожайте меня. – С порога Валик обернулся и окинул квартиру

многозначительным взглядом. – Вы очень счастливый человек, капитан. Я вам завидую.

Когда Валик ушел, Локарт сел у угасающего камина, глядя на языки пламени. Хасан и горничная убрали со стола, пожелали ему доброй ночи, но он не слышал их, как не услышал и Шахразады, которая появилась чуть позже, пристально посмотрела на него от двери и тихонько вернулась в постель, оставив его, как велел ее долг, наедине со своими мыслями.

Локарт томился сердцем. Он знал, что Валику известно, что все ценное в этой квартире вместе с самой квартирой было свадебным подарком от отца Шахразады. Джаред Бакраван даже передал ему фактическое право собственности на все здание – по крайней мере на получение арендной платы, взимаемой с других жильцов. Немногие знали о случившемся между ними споре:

– Как бы я ни ценил вашу щедрость, я не могу принять все это, сэр, – говорил тогда Локарт. – Это невозможно.

– Но это всего лишь материальные вещи, вещи, не имеющие значения.

– Да, но их слишком много. Я знаю, зарплата у меня не особенно высокая, но мы управимся. Правда.

– Да-да, разумеется. Но почему муж моей дочери не должен жить в приятной обстановке? Как еще вы сможете обрести покой, чтобы освоить иранский образ жизни и выполнить свое обещание? Уверяю вас, сын мой, все эти вещи представляют для меня малую ценность. Вы теперь часть моей семьи. Семья – это самое важное в Иране. Родственники заботятся о родственниках.

– Да, но это я должен заботиться о ней. Я должен, не вы.

– Конечно, и, с Божьей помощью, вы сумеете, со временем, обеспечить ей ту жизнь, к которой она привыкла. Но сейчас это для вас не является возможным, когда вы должны помогать своей бывшей жене и ребенку. Сегодня у меня есть желание: устроить все достойным, цивилизованным образом, по-нашему, по-ирански. Вы обещали мне жить так, как живем мы, разве нет?

– Да. Но, прошу вас, я не могу это принять. Дайте все, что вы хотите, ей, а не мне. Я должен получить возможность делать все, что в моих силах.

– Я уверен, что вы так и поступите. А тем временем, все это – мой дар вам, не ей. Благодаря этому, я могу отдать вам в дар свою дочь.

– Отдайте это ей, а не…

– На то воля Бога, чтобы мужчина был хозяином в доме, – резко произнес Джаред Бакраван. – Если это будет не ваш дом, вы *не* сможете быть в нем господином. Я должен настоять. Я глава семьи, и Шахразада поступит так, как я скажу, и ради Шахразады я должен настоять, или свадьба не сможет состояться. Я знаю, что вы, как человек западный, стоите перед дилеммой, хотя и не понимаю ее, сын мой. Но здесь иранский образ жизни доминирует во всем без исключения, и родственники заботятся о родственниках…

В просторном одиночестве гостиной Локарт кивнул сам себе. Это правда, и я выбрал Шахразаду, решил принять подарок, но… но этот сукин сын Валик ткнул мне всем этим в лицо и снова заставил чувствовать себя оплеванным, и я ненавижу его за это, ненавижу то, что мне не нужно ни за что платить, и знаю, что единственный подарок, который я могу сделать ей, это свобода, которой у нее иначе никогда бы не было, и свою жизнь, если понадобится. По крайней мере, теперь она канадка и может не оставаться здесь, если не захочет.

Не обманывай себя, она иранка и всегда будет ею. Чувствовала бы она себя как дома в Ванкувере со всеми его дождями, без семьи, без подруг, без всего иранского? Да, думаю, да; какое-то время я мог бы компенсировать отсутствие всего остального. Какое-то время, но не вечно.

Впервые он посмотрел в глаза настоящей проблеме, которая вырастала между ними. Наш Иран, старый Иран, шахский Иран, навсегда канул в прошлое. И не важно, окажется новый лучше или нет. Она приспособится, приспособлюсь и я. Я говорю на фарси, она моя жена, и Джаред – влиятельный человек. Если нам придется на время уехать, я смогу заполнить все, что она потеряет при этом недолгом расставании, тут проблем не будет. Будущее по-прежнему рисуется в розовом цвете, все должно быть хорошо, и я так люблю ее и благодарю за нее Бога…

Дрова в камине почти догорели, он вдыхал успокоительный запах сожженных поленьев и вместе с ним чуть уловимый след от ее духов. На подушках еще оставались вмятины от их тел, и, хотя он был полностью удовлетворен и выжат, ему до боли хотелось ее. Она и в

самом деле одна из гурий, духов рая, сонно подумал он. Я опутан ее чарами, и это чудесно, я не жалуюсь, и если мне суждено умереть сегодня ночью, я умру, познав, что такое рай. Она удивительная, Джаред удивительный, и со временем ее дети будут чудесными, и ее семья…

Ах, семья! Родственники заботятся о родственниках, это закон, мне придется сделать то, о чем просил Валик, нравится мне это или нет. Придется, ее отец ясно дал это понять.

Последний уголек затрещал, пламя на нем затрепетало и, прежде чем угаснуть, ярко вспыхнуло на миг.

– Что же такого важного в нескольких запчастях и нескольких риалах? – спросил он у огня.

Огонь ему не ответил.

ПОНЕДЕЛЬНИК
12 февраля

ГЛАВА 14

База «Тебриз-1». 07.12. Чарли Петтикин беспокойно спал, съежившись под тонким одеялом на матрасе, брошенном прямо на пол. Его руки были связаны перед собой. Только что рассвело, и в комнате было очень холодно. Охранники забрали переносную газовую печку с собой, а его заперли в закутке жилища Эрикки Йокконена, который обычно служил кладовкой. Внутренняя поверхность стекла в маленьком окошке покрылась инеем. Снаружи окно было зарешечено. На подоконнике лежал снег.

Его глаза открылись, и он рывком сел на матрасе, испуганно озираясь, не сообразив в первый момент, где находится. Потом память нахлынула, и он привалился к стене, чувствуя боль во всем теле.

– Черт, ну я и влип! – пробормотал он, пытаясь расправить затекшие плечи.

Обеими руками он неуклюже протер глаза, прогоняя остатки сна, провел по лицу, чувствуя себя грязным. Короткая щетина местами серебрилась сединой. Терпеть не могу, когда я небритый, подумал он.

Сегодня понедельник. Я прилетел сюда в субботу на закате, а поймали они меня вчера утром. Ублюдки!

В субботу вечером вокруг трейлера Петтикин слышал много всяких звуков, которые добавили ему беспокойства. Один раз он готов был поклясться, что слышал приглушенные голоса. Он потихоньку погасил свет, отодвинул засов и встал на верхней ступеньке крыльца, сжимая в руке сигнальный пистолет Вери. С большой тщательностью он принялся обследовать темноту вокруг. Увидел, или подумал, что увидел, какое-то движение шагах в тридцати от трейлера, потом еще одно, чуть подальше.

– Кто вы? – крикнул он, и его собственный голос отозвался странным эхом. – Что вам нужно?

Ему никто не ответил. Снова какое-то движение. Где? Шагах в тридцати-сорока – в темноте было трудно определить расстояние.

Смотри, вон опять! Человек? Или животное, зверь, а то просто тень от ветки? Или, может быть… а? Что это? Вон там, возле большой сосны.

– Эй, вы! Там! Что вам нужно?

Никакого ответа. Он никак не мог разглядеть, человек это был или нет. В ярости и даже немного напуганный, он прицелился и нажал на курок. Ему показалось, что ударил гром, грохот выстрела запрыгал по горам раскатистым эхо; ракета вспорола темноту красной лентой, ударилась в сосну, отскочила от нее, выбросив сноп искр, ударилась о соседнее дерево и упала в сугроб, шипя, плюясь огнем и разбрызгивая искры. Он подождал.

Ничего не произошло. Какие-то звуки в лесу, поскрипывание крыши ангара, шум ветра в верхушках деревьев, а то вдруг снег упадет с придавленной им ветки, и та, спружинив, подскакивает вверх, вновь свободная от гнета. Он с картинной злостью потопал ногами от холода, включил свет, перезарядил пистолет и закрыл дверь на засов.

– К старости ты начинаешь вести себя как старуха, – вслух проговорил он, потом добавил: – Кого ты хочешь обмануть?! Я не выношу тишины, ненавижу быть один, ненавижу снег, ненавижу холод, ненавижу бояться, и то, что случилось сегодня утром в Гелег-Морги, меня проняло до самых печенок, будь оно проклято, и это факт – если бы не молодой Росс, этот ублюдок из САВАК пристрелил бы меня, я знаю!

Он проверил запоры на двери и на всех окнах, задернул занавески, отгородившись от ночной тьмы, потом налил себе хорошую порцию водки, смешал ее с замороженным апельсиновым соком, который нашел в морозильнике, и уселся перед огнем, пытаясь собраться с духом и успокоиться. У него были яйца на завтрак, и он был вооружен. Газовая печка работала исправно. Внутри было уютно. Через какое-то время он почувствовал себя лучше, в большей безопасности. Прежде чем лечь спать в спальне для гостей, он еще раз проверил запоры. Вскоре заснул.

Утром ночные страхи пропали. Позавтракав яичницей, пожаренной вместе с хлебом, как он любил, он прибрался в комнате, надел свою утепленную летную куртку и штаны, отпер дверь и уперся носом в дуло автомата, которое ему сунули прямо в лицо; шесть революционеров ввалились в комнату, и начался допрос. Час за часом.

– Я не шпион, и не американец. Повторяю вам, я британец, – говорил он снова и снова.

– Ложь, ваши документы говорят, что вы из ЮАР. Клянусь Аллахом, они что, тоже фальшивые? – Командир группы, человек, называвший себя Федором Ракоци, был крепким мужчиной с непроницаемыми карими глазами, выше ростом и старше годами, чем остальные; по-английски он говорил с акцентом. Одни и те же вопросы раз за разом: – Откуда вы прибыли, зачем вы здесь, кто ваш начальник в ЦРУ, кто ваш связной здесь, где Эрикки Иокконен?

– Не знаю, я уже пятьдесят раз вам говорил, что не знаю… Здесь никого не было, когда я прилетел сюда вчера вечером, на закате. Меня прислали, чтобы забрать Эрикки и его жену. У них дела в Тегеране.

– Ложь! Они сбежали ночью, два дня назад. Зачем им было сбегать, если вы должны были прилететь, чтобы их забрать?

– Я уже говорил. Меня здесь не ждали. Почему им вообще пришлось бежать? Где Диббл и Арберри, наши механики? Где наш директор базы Даяти, и ку…

– Кто ваш связной ЦРУ в Тебризе?

– Нет у меня никакого связного. Мы – британская компания, и я требую встречи с британским консулом в Тебризе. Я тр…

– Враги народа ничего не имеют права требовать! Даже пощады. По воле Бога у нас идет война. На войне людей расстреливают!

Этот допрос продолжался все утро. Несмотря на его протесты, они забрали у него все документы, его паспорт с жизненно необходимыми разрешениями на выезд и на пребывание в стране, связали ему руки и бросили сюда, грозя самой страшной расправой, если он попытается сбежать. Позже Ракоци и два охранника вернулись.

– Почему вы не сказали мне, что привезли запчасти для 212-го?

– А вы не спрашивали, – зло ответил Петтикин. – И вообще, кто вы такой, черт вас подери? Верните мне мои документы. Я требую встречи с британским консулом. Развяжите мне руки, черт возьми!

– Бог поразит вас, если будете сквернословить и богохульствовать! На колени, и молите Бога о прощении. – Они поставили его на колени. – Молите о прощении!

Он подчинился, ненавидя их.

– Вы можете управлять не только 206-м, но и 212-м?

– Нет, – ответил он, неуклюже поднимаясь на ноги.

– Ложь! Это указано в вашей лицензии. – Ракоци швырнул документ на стол. – Почему вы лжете?

– А какая разница? Вы не верите ничему из того, что я говорю. Вы и правде не поверите. Разумеется, я знаю, что это указано в моей лицензии. Разве я не видел, как вы ее забрали? Конечно, я могу пилотировать 212-й, раз мне присвоена такая категория.

– Комитет будет судить вас и вынесет приговор, – сказал Ракоци с непреложностью, от которой у Петтикина мурашки побежали по спине. Потом они оставили его.

На закате ему принесли немного риса и супа и снова оставили одного. Он почти не спал и сейчас, на рассвете, понимал, как он беспомощен. В нем начал расти страх. Во Вьетнаме его один раз сбили, он попал в плен и был приговорен вьетконговцами к смерти, но его эскадрилья вернулась за ним с вертолетами огневой поддержки и «зелеными беретами»; они расстреляли всю деревню и вьетконговцев вместе с ней. Это был еще один раз, когда он избежал неминуемой смерти. «Никогда не ставь на смерть, пока ты живой. Только так, старина, – сказал ему тогда его молодой американский командир. – Только так ты сможешь спать по ночам». Командира звали Конрой Старк. Их вертолетная эскадрилья была смешанной: американцы, британцы, несколько канадцев. Базировались они в Дананге. Черт, там тоже была та еще заваруха!

Интересно, что сейчас поделывает Дюк? – подумал он. Везучий сукин сын. Небось в Ковиссе-то он в полной безопасности, да и Мануэла с ним – опять везение. Вот уж действительно потрясающая женщина, и сложена как медвежонок-коала – вся такая милая, с этими ее огромными карими глазищами, и изгибов на теле в самый раз.

Он отпустил свои мысли бродить бесконтрольно, размышляя о ней и о Старке, о том, куда подевались Эрикки с Азадэ, о той вьетнамской деревушке и о капитане Россе и его людях. Если бы не он! Росс был еще одним его спасителем. В этой жизни человеку необходимы спасители, чтобы уцелеть, эти удивительные люди, которые чудесным образом появляются в твоей жизни безо всяких видимых причин, появляются как раз вовремя, чтобы дать тебе шанс, в котором ты отчаянно нуждаешься, или спасти тебя от катастрофы, опасности, зла. Интересно, они появляются потому, что ты молишься, чтобы помощь пришла? Стоя на самом краю, человек всегда молится,

так или иначе, даже если молитва обращена и не к Богу! Но у Бога много имен.

Он вспомнил старину Сомса в посольстве и его: «Не забывай, Чарли, Пророк Мухаммад провозгласил, что Аллах – Бог – имеет три тысячи имен. Тысяча известна только ангелам, тысяча – только пророкам, три сотни содержатся в Торе, Ветхом Завете, еще триста – в Забуре, это псалмы Давида, еще три сотни – в Новом Завете и девяносто девять – в Коране. Итого получается две тысячи девятьсот девяносто девять имен. Одно имя сокрыто Богом. По-арабски оно называется *аль-исм алъ-азам* – Величайшее Имя Бога. Каждый, кто читает Коран, прочтет его, не зная об этом. Бог поступил мудро, что спрятал Свое Величайшее Имя, а?»

Да, если только Бог есть, подумал Петтикин, продрогший и измученный.

Перед самым полуднем Ракоци вернулся с двумя из своих людей. Петтикина поразило то, что Ракоци вежливо помог ему подняться на ноги и принялся развязывать веревку на руках.

– Доброе утро, капитан Петтикин. Очень прошу извинить за ошибку. Пожалуйста, следуйте за мной. – Ракоци прошел в главную комнату. Кофе стоял на столе. – Вы пьете кофе черным или по-английски, с молоком и сахаром?

Петтикин потирал саднящие запястья, пытаясь заставить свой мозг работать.

– Что это значит? Узника решили попотчевать обильным завтраком?

– Извините, я не понимаю.

– Да нет, ничего. – Петтикин во все глаза смотрел на Ракоци, все еще ожидая подвоха. – С молоком и сахаром. – Кофе был великолепным на вкус и вернул его к жизни. Он налил себе еще. – Стало быть, ошибка? Все это – ошибка?

– Да. Я… э… проверил ваш рассказ, и все подтвердилось, хвала Аллаху. Вы вылетаете немедленно. Чтобы вернуться в Тегеран.

У Петтикина сжалось горло от этой внезапной отсрочки приговора – видимой отсрочки, черт знает, что у них на уме, с подозрением подумал он.

– Мне нужно топливо. Все наше топливо украли, на складе нет ни капли.

– Ваш вертолет заправлен. Я сам проследил за этим.

– Вы разбираетесь в вертолетах? – Глядя на Ракоци, Петтикин спрашивал себя, с чего бы этому человеку так нервничать.

– Немного.

– Извините, но я… э… я не знаю, как вас зовут.

– Смит. Мистер Смит. – Федор Ракоци улыбнулся. – Вы вылетаете прямо сейчас, прошу вас. Немедленно.

Петтикин отыскал свои летные ботинки и натянул их на ноги. Остальные молча смотрели на него. Он обратил внимание, что они вооружены советскими автоматами. На столике у двери лежала его сумка с вещами для ночевки. Рядом с ней – его документы. Паспорт, виза, разрешение на работу, его летное свидетельство, выданное Иранской службой гражданской авиации. Стараясь, чтобы лицо не выдало его изумления, он тщательно проверил, все ли документы на месте, и засунул их в карман. Когда он шагнул к холодильнику, один из людей преградил ему дорогу и махнул рукой, чтобы он отошел.

– Я хочу есть, – сказал Петтикин, все еще настроенный очень подозрительно.

– Вы найдете чем перекусить в вертолете. Прошу вас, следуйте за мной.

Снаружи свежий воздух, напоенный запахами леса, подействовал на Петтикина очень благотворно, день был морозным и ясным, над головой ярко синело чистое небо. На западе собирались снеговые тучи. На востоке путь через перевал был безоблачным. Вокруг него лес сверкал и искрился, свет слепил, отражаясь от снега. Перед ангаром стоял его 206-й, колпак кабины и все иллюминаторы были чисто вытерты. Внутри ничего не трогали, хотя его планшет с картами был засунут в боковой карман, а не рядом с сиденьем, где он его обычно оставлял. С большой тщательностью он начал предполетную проверку.

– Пожалуйста, поторопитесь, – сказал Ракоци.

– Конечно. – Петтикин с большой нарочитостью начал изображать спешку, но на самом деле он не торопился, ничего не упустив во время осмотра; все его органы чувств были настроены на то, чтобы обнаружить хитро подстроенную аварию или даже подстроенную топорно. Топливо в норме, масло, все остальное. Он видел и чувствовал, что с каждой минутой иранцы нервничают все больше и больше. На базе, кроме них, по-прежнему никого не было. В ангаре

Петтикин мог видеть 212-й и аккуратно разложенные рядом детали его двигателя. Доставленные им запчасти сложили на верстаке рядом.

– Все, теперь вы готовы, – произнес Ракоци, словно отдавая приказ. – Садитесь в машину, дозаправку сделаете в Бендер-э-Пехлеви, как и раньше. – Он повернулся к остальным, торопливо обнял каждого из них и забрался на сиденье справа. – Запускайте двигатель и немедленно взлетайте. Я лечу в Тегеран вместе с вами. – Он сжал свой автомат коленями, пристегнул ремень безопасности, аккуратно захлопнул дверцу, потом снял наушники с крючка позади сиденья и надел – было ясно, что в кабине вертолета он далеко не первый раз.

Петтикин заметил, что двое товарищей Смита заняли оборонительные позиции лицом к дороге. Он нажал кнопку запуска двигателя. Скоро от воя двигателя, привычности обстановки и того факта, что Смит на борту и поэтому диверсия маловероятна, у него слегка закружилась голова.

– Поехали, – сказал он в подвесной микрофон и стремительно рванулся с места, плавно вошел в вираж и начал набирать высоту в направлении перевала.

– Здорово, – кивнул Ракоци, – очень здорово. Вы классно управляетесь с вертолетом. – Он как бы между делом положил автомат себе на колени, дулом к Петтикину. – Прошу вас, не управляйтесь с ним слишком классно.

– Поставьте оружие на предохранитель… или я совсем никуда не полечу.

Ракоци поколебался мгновение, потом щелкнул планкой.

– Согласен, во время полета это опасно.

На шестистах футах Петтикин выровнял машину, потом вдруг заложил крутой вираж и вернулся к поляне.

– Что вы делаете?

– Просто хочу сориентироваться. – Он сделал ставку на то, что хотя Смит и чувствовал себя в кабине как дома, 206-й он пилотировать не умел, иначе он сам бы на нем полетел. Его глаза шарили по лесу внизу, отыскивая причину нервозности его спутника и его явного стремления поскорее убраться оттуда. Поляна выглядела такой же, как и раньше. На основной трассе, которая вела на северо-запад к Тебризу, рядом с тем местом, где от нее ответвлялась узкая дорога к базе, он

увидел два грузовика. Оба двигались в сторону базы. Он без труда разглядел, что грузовики были военными.

– Я посажу машину, спрошу, что им нужно, – сказал он.

– Если вы это сделаете, – произнес Ракоци, не испугавшись, – это кончится для вас большой болью и пожизненным увечьем. Пожалуйста, берите курс на Тегеран… но сначала – Бендер-э-Пехлеви.

– Как ваше настоящее имя?

– Смит.

Петтикин не стал настаивать, сделал круг, потом полетел на юго-восток вдоль дороги на Тегеран, направляясь к перевалу и никуда не торопясь – теперь он был уверен, что где-то по дороге его время придет.

ГЛАВА 15

Тегеран. 08.30. Том Локарт осторожно пробирался на своем стареньком «ситроене» через завалы после ночных боев, направляясь в Гелег-Морги. Утро было хмурым и морозным, и он уже опаздывал, хотя выехал сразу, как только рассвело.

По дороге ему попадалось много тел и завывающих родственников, много сожженных автомобилей и грузовиков, некоторые из них еще дымились – последствия ночных столкновений. Группки вооруженных или полувооруженных гражданских лиц еще оставались на балконах домов и баррикадах, и Локарту раз десять приходилось искать объездной путь. Многие люди носили теперь зеленые повязки сторонников Хомейни. Все «зеленые повязки» были вооружены. Улицы зловеще пустовали: движения почти не было. Время от времени мимо с шумом проносились полицейские грузовики, какие-то еще машины и грузовики, но на него не обращали внимания, разве что зло гудели и осыпали проклятиями, требуя, чтобы он убрался с дороги. Он так же зло огрызался; ему было почти наплевать, что так он может вообще не добраться до аэропорта – это было бы идеальное решение стоявшей перед ним дилеммы. Только мысль о жене Валика и его двух детишках в руках САВАК заставляла его продвигаться дальше.

Как такая чудесная женщина как Аннуш, которая была так добра к нему, когда он стал членом семьи, могла выйти замуж за такого

ублюдка? И как эти двое замечательных ребятишек, которые обожали Шахразаду и называли Локарта ваше превосходительство дядя… Он крутанул рулем, чтобы избежать столкновения с машиной, вылетевшей из переулка на встречную полосу. Машина, даже не притормозив, помчалась дальше, и он про себя осыпал проклятиями и ее, и Тегеран, и Иран, и Валика и произнес вслух «Иншаллах», но облегчения не почувствовал.

Над головой висели хмурые, набрякшие снегом облака, которые ему совсем не нравились, он вспомнил тепло постели и Шахразаду, и как тяжело ему было расставаться с ними. Будильник затрезвонил перед рассветом, выдернув его из объятий сна.

– Я думала, ты сегодня остаешься, милый. Мне показалось, ты сказал, что улетаешь завтра.

– Появился неожиданный чартер, по крайней мере, я думаю, что появился. Валик как раз по этому поводу и приходил. Сначала мне нужно повидать Мака, но если придется лететь, то меня не будет несколько дней. Спи, милая. – Он побрился, торопливо оделся, быстро сварил себе чашку кофе и ушел.

На улице было еще темно, рассвет лишь только-только замаячил, серый и зловещий, воздух тяжело и едко пах дымом. Издалека время от времени доносился треск неизбежной стрельбы. Его вдруг охватили тяжелые предчувствия.

Мак-Айвер жил всего в нескольких кварталах. Локарт удивился, застав его полностью одетым.

– Привет, Том. Заходи. Разрешение на полет выдали где-то около полуночи, доставили с нарочным. Связей Валику, видно, и вправду не занимать – я был почти уверен, что у него ничего не получится. Кофе?

– Спасибо. Он к тебе вчера вечером заходил?

– Заходил. – Мак-Айвер проводил Локарта на кухню. Кофе уютно ворчал в кофеварке. Никаких следов Дженни, Паулы или Ноггера Лейна. Мак-Айвер налил кофе Локарту. – Валик сказал мне, что встречался с тобой и что ты согласился лететь.

Локарт хмыкнул.

– Я сказал, что полечу после того, как ты дашь свое разрешение, и после того, как я сам поговорю с тобой… если будет получено разрешение властей. А где Ноггер?

– Вернулся к себе на квартиру. Я отменил его вылет вчера вечером. Он пока еще не вполне пришел в себя после того, что им пришлось пережить.

– Могу себе представить. А что с девушкой? Как ее, Паула?

– Спит в свободной комнате. Ее рейс по-прежнему откладывается, но сегодня она, вероятно, улетит. Джордж Талбот из посольства забегал вчера вечером. Говорит, по слухам, аэропорт очищают от революционеров, и сегодня, если нам хоть немного повезет, какие-то рейсы будут отправлены и приняты.

Локарт в задумчивости покивал.

– Тогда, может быть, Бахтияр в итоге все же одержит верх.

– Будем надеяться, а?

Сегодня утром Би-би-си сообщила, что Дошан-Таппех по-прежнему в руках сторонников Хомейни, и что «бессмертные» просто берут аэропорт в кольцо и ничего серьезного не предпринимают.

Локарт передернулся, представив там Шахразаду. Она пообещала ему больше туда не ездить.

– А Талбот говорил что-нибудь про военный переворот?

– Только то, что Картер, по слухам, против… Если бы я был иранцем и генералом, я бы не раздумывал ни минуты. Талбот согласился со мной, сказал, что переворот произойдет не позже чем через три дня, должен произойти, революционеры раздобывают слишком много оружия.

Локарт почти видел внутренним взором Шахразаду, скандирующую лозунги вместе с многотысячной толпой, юного капитана Карима Пешади, объявляющего о своей поддержке Хомейни, трех дезертирующих «бессмертных».

– Не знаю, что бы я сделал, Мак, будь я на их месте.

– Слава богу, мы – не они, и это Иран, не Англия, где мы стоим на баррикадах. В любом случае, Том, если 125-й сегодня прилетит, я посажу Шахразаду на него. В Эль-Шаргазе ей будет лучше, по крайней мере пару недель. Она получила канадский паспорт?

– Да, только, Мак, я думаю, она не поедет. – Локарт рассказал ему о том, как Шахразада присоединилась к повстанцам в Дошан-Таппехе.

– Бог мой, да она с ума сошла. Я скажу Джен, чтобы она с ней поговорила.

– А Дженни летит в Эль-Шаргаз?

– Нет, – раздраженно ответил Мак-Айвер. – Моя бы воля, так она была бы там еще неделю назад. Я сделаю что смогу. Шахразада в порядке?

– С ней все чудесно, но, Господи, как бы я хотел, чтобы Тегеран наконец угомонился. Меня просто выворачивает от тревоги, что она здесь, а я в Загросе. – Локарт шумно отхлебнул большой глоток кофе. – Ладно, если лететь, так нечего время тянуть. Присмотри за ней, ладно? – Он взглянул на Мак-Айвера тяжело и в упор. – Что это за чартер, Мак?

Мак-Айвер с каменным лицом посмотрел на него в ответ.

– Повтори мне слово в слово все, что тебе вчера вечером говорил Валик.

Локарт рассказал ему. Дословно.

– Он настоящий сукин сын, что заставил тебя так потерять лицо.

– У него это здорово получилось. К сожалению, он все равно член семьи, а в Иране… ну, ты знаешь. – Локарт старался, чтобы его голос не выдавал душившей его обиды. – Я спросил у него, что такого важного в каких-то запчастях и горстке риалов, а он меня просто отшил, ничего толком не объяснив. – Он заметил, что лицо у Мака застыло, как-то постарело и отяжелело – никогда он его таким не видел, – и при этом стало решительней и жестче. – Мак, так что же все-таки такого важного в нескольких запчастях и нескольких риалах?

Мак-Айвер допил свой кофе и налил себе еще полчашки. Потом заговорил, понизив голос:

– Не хочу разбудить Дженни или Паулу, Том. Это строго между нами. – Он пересказал Локарту то, что произошло у него в кабинете. Слово в слово.

Локарт почувствовал, как кровь прилила к лицу.

– САВАК? Его, и Аннуш, и маленькую Сетарем, и Джалала? Боже милостивый!

– Вот почему я согласился попробовать. Должен был согласиться. Я в такой же ловушке, как и ты. Мы оба в ловушке. Но это еще не все. – Мак-Айвер рассказал ему про деньги.

Локарт охнул.

– Двенадцать миллионов риалов наличными? Или равную им сумму в Швейцарии?

– Потише ты. Да, двенадцать для меня, и еще двенадцать для пилота. Вчера вечером он подтвердил, что предложение остается в силе, и сказал, чтобы я не был наивным, – угрюмо добавил Мак-Айвер. – Если бы не Джен, я бы его вышвырнул из квартиры.

Локарт едва слышал его. Двенадцать миллионов риалов или равная сумма в любом другом месте? Мак прав. Если Валик предложил такие деньги здесь, в Тегеране, сколько он действительно готов заплатить, когда увидит на горизонте границу?

– Господи Иисусе!

Мак-Айвер внимательно наблюдал за ним.

– Что скажешь, Том? Все еще хочешь лететь?

– Отказаться я не могу. Не могу, и все. И уж тем более теперь, когда разрешение получено.

Бумага лежала на кухонном столе, и он взял ее в руки. На листе было написано: «Борту EP-HBC разрешен перелет в Бендер-Делам. Рейс первой очередности для доставки срочно необходимых запчастей. Дозаправка на базе ИИВВС в Исфахане. Экипаж – один человек: капитан Лейн». Слово «Лейн» было зачеркнуто, рядом приписка: «Болен. Сменный пилот…», дальше пустое место, кроме того, отсутствовала виза самого Мак-Айвера.

Мак-Айвер оглянулся на дверь в кухню, убедился, что она по-прежнему закрыта, и повернулся к Локарту.

– Валик хочет, чтобы его подобрали за пределами Тегерана, частным образом.

– Черт, это дело смердит все больше и больше. Где это место?

– Если вы доберетесь до Бендер-Делама, Том, а даже это маловероятно, он попытается уговорить тебя долететь до Кувейта.

– Разумеется. – Локарт в ответ не мигая уставился на Мак-Айвера.

– Он будет давить, используя любые доводы, семью, Шахразаду – любые. Особенно деньги.

– Миллионы. Наличными… которые, как мы оба знаем, мне бы пригодились. – Голос Локарта звучал ровно. – Но если я полечу в Кувейт без разрешения иранских властей, на зарегистрированном в Иране вертолете и без разрешения иранцев или компании, и еще с недозволенными пассажирами на борту, пытающимися бежать от их пока еще законного правительства, то я – угонщик, против которого можно выдвинуть одному Богу известно сколько уголовных обвинений

хоть здесь, хоть в Кувейте. Кувейтские власти арестуют вертолет, бросят меня в тюрьму и обязательно выдадут Ирану. В любом случае все свое будущее как пилота я выброшу коту под хвост и никогда не смогу вернуться в Иран и к Шахразаде – САВАК даже может схватить ее, поэтому я никак не собираюсь этого делать.

– Валик – опасный ублюдок. Он полетит вооруженным. Он может приставить ствол к твоей голове и заставить лететь дальше.

– Это возможно. – Голос Локарта не изменился, но внутри у него все ходило ходуном. – Выбора у меня нет. Я должен помочь ему, и помогу… но я не чертов идиот. – Помолчав секунду, он добавил: – Ноггер что-нибудь знает об этом?

– Нет.

Глубокой ночью, взвесив все возможные варианты, Мак-Айвер решил лететь сам и не подвергать риску Ноггера Лейна или Локарта. Черт с ним, с медицинским освидетельствованием, и с тем, что это будет незаконно, сказал он себе, весь этот рейс – сплошное безумие, так что еще немножечко сумасшествия не повредит.

План у него был простой: поговорив начистоту с Томом Локартом, он просто скажет ему, что решил не давать разрешения на этот рейс и не будет ставить свою визу на разрешении иранцев, скажет, что возьмет машину и доберется на ней до места, где будет ждать Валик с семьей, захватив с собой достаточно топлива, чтобы Валик смог проделать весь путь на автомобиле. Даже если Локарт вдруг захочет отправиться вместе с ним, будет нетрудно договориться с ним о встрече и потом не прийти на нее, а вместо этого отправиться прямиком в Гелег-Морги, вписать свое имя в разрешение и поднять вертолет в воздух. На месте встречи с Валиком…

– Что? – переспросил он.

– Есть только три возможности, – повторил Локарт. – Ты отказываешься визировать разрешение на рейс, ты разрешаешь лететь мне, или ты разрешаешь лететь кому-то другому. Ноггера ты отослал, Чарли здесь нет, так что остаемся только мы с тобой. Тебе нельзя лететь, Мак. Просто нельзя, это слишком опасно.

– Конечно, я не полечу, у меня же лицензия…

– Тебе нельзя лететь, Мак, – твердо повторил Локарт. – Извини. Нельзя, и все.

Мак-Айвер вздохнул, здравый смысл возобладал над одержимостью, над безумным желанием лететь, и он решил использовать план номер два.

– Да. Да, ты прав. Согласен. Поэтому слушай внимательно: если хочешь лететь, дело твое, я не приказываю. Я дам тебе разрешение, но у меня есть условия. Если ты доберешься до места встречи и все будет выглядеть чисто, забирай их. Затем бери курс на Исфахан. Валик говорил, что там он договорится. Если в Исфахане все пройдет гладко, лети дальше. Может быть, мистер Иран В Кармане именно там его и держит, всю страну. Именно на это нам и придется поставить.

– На это я и ставлю.

– Бендер-Делам – конечный пункт маршрута. Через границу ты не летишь. Договорились? – Мак-Айвер протянул руку.

– Договорились, – ответил Локарт, пожимая протянутую руку и молясь про себя, что сможет сдержать обещание.

Мак-Айвер рассказал ему о месте встречи, подписал разрешение и заметил, что у него дрожат руки. Если что-то сорвется, угадай, кем тогда займется САВАК? Нами обоими. И, может быть, даже Джен, подумал Мак-Айвер, вновь холодея от ужаса. Он не сказал Локарту, что вчера вечером она слышала, что говорил Валик, и потом додумала все остальное. «Но я согласна с тобой, Дункан, – произнесла она серьезно. – Это ужасно рискованно, но ты должен постараться помочь им, Том тоже, он в такой же ловушке. Выбора нет».

Мак-Айвер протянул разрешение Локарту.

– Том, я тебе прямо приказываю не пересекать границу. Если ты это сделаешь, я действительно считаю, что ты потеряешь все, включая Шахразаду.

– Вся эта затея – чистое сумасшествие, только поделать-то ничего нельзя.

– Да. Удачи.

Локарт кивнул, улыбнулся ему и ушел.

Мак-Айвер запер входную дверь. Надеюсь, я принял правильное решение, подумал он, чувствуя, как мучительно ноет голова. Было бы безумием лететь самому, и все же… Жаль, что полетит он, а не я. Жаль, что…

– О! – оторопело выдохнул он.

Дженни стояла у двери на кухню, накинув теплый халат поверх ночной рубашки. Она была без очков и смотрела на него близоруко прищурившись.

– Я… я так ужасно рада, что ты не полетел, Дункан, – сказала она чуть слышно.

– Что?

– О, да брось ты, глупенький, я слишком хорошо тебя знаю. Ты ведь глаз не сомкнул, пытаясь отыскать решение… как и я, тревожась за тебя. Я знаю, если бы я была на твоем месте, я бы полетела или хотела бы полететь. Но Дункан, Том сильный, и с ним все будет в порядке, и я так надеюсь, что он заберет Шахразаду и не станет возвращаться… – По ее щекам побежали слезы. – Как же я рада, что ты никуда не полетел. – Она смахнула слезы, подошла к плите и поставила греться чайник. – Черт, извини, я действительно иногда нервничаю по пустякам. Прости.

Он подошел и обнял ее сзади.

– Джен, если 125-й прилетит сегодня, ты полетишь на нем? Прошу тебя.

– Конечно, дорогой. Если ты тоже на нем полетишь.

– Но Джен. Ты должна.

– Дункан, погоди, послушай, прошу тебя. – Она обернулась, обняла его за шею, положила голову ему на грудь и продолжила тем же чуть слышным голосом, который его очень тревожил. – Три твоих партнера уже бежали со своими семьями и всеми деньгами, какие смогли собрать. Шах и его близкие уехали со всеми своими деньгами, тысячи других, большинство из тех, кого мы знаем, уехали, ты сам это говорил, а теперь если даже великий генерал Валик спасается бегством, и это при всех его связях, а уж они-то у него есть по обе стороны баррикады, и… и если даже «бессмертные» не раздавили это восстаньице в Дошан-Таппехе, где взбунтовались несколько кадетов летной школы и кучка плохо вооруженных гражданских, не раздавили практически на своей собственной территории, значит, пришло время закрываться и уезжать отсюда.

– Мы не можем, Джен, – вырвалось у него, и она услышала, как заколотилось его сердце в груди, и испугалась за него еще больше. – Это была бы катастрофа.

– Ненадолго, пока тут все не успокоится.

– Если я брошу Иран, это уничтожит S-G.

– Мне трудно об этом судить, Дункан, но решение, конечно же, будет принимать Энди, не ты – это же он нас сюда послал.

– Да, но он спросит, что я думаю, а я не могу рекомендовать все бросить, оставить здесь на тридцать с лишним миллионов долларов вертолетов и запчастей – в этой чехарде они не протянут и недели, их разграбят или поломают, – мы бы потеряли все, все… не забывай, Джен, все наши пенсионные деньги вложены в S-G, все до пенса.

– Но Дункан, неужели ты не видишь, что…

– Я не брошу наши вертолеты и запчасти. – Мак-Айвер ощутил, как горячая волна накрыла его, и на миг им овладела паника при этой мысли. – Я просто не смогу.

– Тогда забери их с собой.

– Ради всего святого, мы не можем их вывезти, нам не получить разрешения, не снять их с иранского учета… не получится… мы застряли здесь, пока война не кончится.

– Нет, не застряли, Дункан, ни ты, ни я, ни ребята, о них ты тоже должен подумать. Нам нужно выбираться отсюда. Нас все равно выкинут, кто бы ни победил, особенно Хомейни. – Дрожь пробежала по ее телу, когда она вспомнила его первую речь на кладбище: «Я молюсь, чтобы Аллах отсек руки всем чужеземцам…»

ГЛАВА 16

База «Тебриз-1». 09.30. Красный «рейнжровер» выехал из ворот дворца хана и покатил вниз по склону в сторону Тебриза и дороги на Тегеран. Эрикки сидел за рулем, Азадэ – рядом на переднем сиденье. Это ее двоюродный брат, полковник Мазарди, начальник полиции, уговорил Эрикки не ехать в Тегеран в пятницу.

– Дорога будет очень опасной… на ней и днем-то неспокойно, – сказал он. – Повстанцы теперь не вернутся, вы в полной безопасности. Будет гораздо лучше, если вы съездите повидать его высочество хана и спросите его совета. Это было бы гораздо разумнее.

Азадэ согласилась с ним.

– Эрикки, конечно же, мы поступим, как ты скажешь, только я действительно была бы рада гораздо больше, если бы мы съездили на ночь домой и повидали отца.

– Сестра права, капитан; конечно, вы можете поступать как вам заблагорассудится, но я клянусь Пророком, да сохранит Аллах его слова на веки вечные, что безопасность ее высочества для меня так же важна, как и для вас. Если вы склоняетесь к тому, чтобы ехать, поезжайте завтра. Уверяю вас, здесь вам опасность не грозит. Я выставлю охрану. Если этот так называемый Ракоци или любой другой иностранец или этот мулла появятся хотя бы в полумиле отсюда или от дома Горгонов, они пожалеют об этом.

– О да, Эрикки, пожалуйста, – с жаром попросила Азадэ. – Разумеется, мы поступим, как ты скажешь, милый, но, может быть, ты захочешь посоветоваться с его высочеством, моим отцом, о том, что ты планируешь делать.

Эрикки с неохотой уступил. Арберри и второй механик, Диббл, решили добраться до отеля «Интернешнл» в Тебризе и остаться там на уик-энд.

– Запчасти привезут в понедельник, капитан. Старый скупердяй Мак-Айвер знает, что наш 212-й должен вернуться к работе в среду, или ему придется присылать сюда другую машину, а это ему не понравится. Мы тут просто отсидимся тихонько, сделаем дело, подготовим машину к полетам. Мы британцы, нам особо переживать нечего, кто нас тронет? К тому же мы работаем на их правительство, кто бы там у них в этом долбанном правительстве ни сидел, и делить нам ни с кем из этих су… прошу прощения, долбарей, нечего. Так что вы за нас не переживайте, ни вы, ни ваша миссис. Мы тут будем сидеть тише воды, ниже травы, а вас будем ждать как раз к среде. Хорошо вам повеселиться в Тегеране.

Так что Эрикки и полковник Мазарди колонной двинулись в предместья Тебриза. Просторный дворец ханов клана Горгон расположился на холмах предгорья, посреди целых гектаров парков и садов, обнесенных высокой стеной. Когда они приехали, проснулся и собрался весь дом – мачеха, сводные сестры, племянницы, племянники, слуги, дети слуг, не было только Абдоллы-хана, отца Азадэ. Азадэ приняли с распростертыми объятиями, слезами, радостью, новыми слезами, и тут же был составлен план устроить на завтрашний день в обед пир, чтобы отпраздновать подарок судьбы – ее долгожданный приезд домой… «Но, о, какой ужас! Бандиты и отступник-мулла осмелились ступить на вашу землю? Разве его

высочество, наш досточтимый отец, не дарил бочонки риалов и акры земли разным мечетям в Тебризе и вокруг него?!»

Эрикки Йокконена приветствовали вежливо, но настороженно. Его побаивались из-за его огромного роста, ловкости, с которой он владел ножом, вспыльчивости характера; они никак не могли постичь, почему он бывает таким мягким с друзьями и почему прямо лучится от любви к Азадэ. Она была пятой из шести сводных сестер и сводного брата, еще младенца. Ее мать, умершая много лет назад, была второй из жен Абдоллы-хана. Ее родной обожаемый брат Хаким, на год старше ее, был изгнан Абдоллой-ханом и до сих пор жил в немилости на северо-западе – изгнан за преступления против хана, в которых, как клялись Хаким и Азадэ, он не был повинен.

– Сначала баня, – весело щебетали сводные сестры, – и ты нам расскажешь все, что произошло, во всех подробностях, во всех подробностях.

Хохоча, они увлекли Азадэ с собой. В уединении своей бани, теплой, полной неги и роскоши и совершенно запретной для любого мужчины, они болтали и сплетничали до рассвета.

– Мой Махмуд не занимался со мной любовью уже неделю, – пожаловалась, тряхнув головой, Наджуд, самая старшая из сводных сестер Азадэ.

– Здесь точно замешана другая женщина, дорогая Наджуд, – сказал кто-то.

– Нет, дело не в этом. С эрекцией у него не все ладно.

– Ах ты, бедняжка! А ты пробовала давать ему устрицы…

– Или втирать розовое масло в грудь…

– Или натирать его экстрактом джакаранды, носорожьего рога и мускуса…

– Джакаранда, мускус и рог носорога? Я о таком еще не слышала, Фазулия.

– Это совершенно новый состав, по старинному рецепту времен Кира Великого. Это большая тайна, но в молодую пору член у великого царя был весьма маленький, однако после того, как он покорил Мидийское царство, его уд чудесным образом стал предметом зависти всего двора! Похоже, он получил от мидян волшебный напиток, который, если его втирать на протяжении месяца… Их верховный жрец дал его Киру в обмен на свою жизнь, при условии,

что великий царь сохранит его тайну в своей семье. Веками этот секрет переходил от отца к сыну, а теперь, дорогие сестры, этот секрет продается в Тебризе!

– О, у кого, дражайшая милая сестра Фазулия, у кого же? Да пребудет с тобой вечно благословение Аллаха, у кого? У моего негодного мужа Абдуллы, да выпадут у него все три оставшихся зуба, уд не встает уже несколько лет. У кого?

– О, да успокойся же, Зади, как она может что-то сказать, когда ты тараторишь без умолку? Продолжай, Фазулия.

– Да уж, помолчи, Зади, и благослови свою удачу – у моего Хасана стоит утром, днем и ночью, и желание так переполняет его, что он не дает мне времени даже зубы почистить!

– Так вот, секрет эликсира привез сюда прапрадедушка нынешнего владельца, заплатив за него огромную цену. Мне говорили, целую пригоршню алмазов…

– Иииииии…

– …но сейчас можно купить маленький флакончик за пятьдесят тысяч риалов!

– О, это слишком дорого! Где же мне раздобыть столько денег?

– Как всегда, ты найдешь их в его кармане, и ты всегда можешь поторговаться. Разве может цена быть слишком высокой за такой напиток, когда других мужчин у нас быть не может?

– Если только он действительно поможет…

– Конечно поможет. Где его можно купить, дорогая милая Фазулия?

– На базаре, в лавке Абу Бакра ибн Хасана ибн Сайиди. Я знаю дорогу! Мы пойдем туда завтра. До обеда. Пойдешь с нами, милая Азадэ?

– Нет, спасибо, дорогая сестра.

Потом было много смеха, и одна из тех, что помладше, сказала:

– Бедной Азадэ не нужны джакаранда и *муксус* — ей нужно все как раз наоборот!

– Джакаранда и *мускус*, дитя, и рог носорога, – сказала Фазулия.

Азадэ расхохоталась вместе с ними. Они все расспрашивали ее, открыто или обиняком, все ли у ее мужа соответствовало его огромным размерам, и как ей, такой худенькой, такой хрупкой, удавалось выдерживать на себе его вес? «С помощью магии», отвечала

она самым юным, «без труда», говорила она серьезным и «с невообразимым блаженством, как будто я в райском саду», сообщала она завистливым и тем, кого терпеть не могла и втайне хотела подразнить.

Не все одобряли ее брак с инородным великаном. Многие пытались повлиять на ее отца, склоняя его против него и против нее. Но она одержала верх и хорошо знала, кто ее недоброжелательницы: ее помешанная на сексе сводная сестра Зади, лживая двоюродная сестра Фазулия с ее нелепыми преувеличениями и, больше всех в этой своре, медоточивая гадюка Наджуд, самая старшая ее сестра, и ее подлый муж Махмуд, пусть Аллах накажет их за их злые козни.

– Дражайшая Наджуд, я так счастлива снова оказаться дома, но теперь пришло время спать.

Стало быть – в постель. Все сразу. Некоторые с радостью, другие с печалью, третьи со злобой, четвертые с ненавистью, кто с любовью, кто к мужу, кто на одинокое ложе. Согласно Корану, мужчины могли иметь до четырех жен одновременно, при условии, что ко всем относились одинаково во всех отношениях, – только Пророку Мухаммаду, единственному из всех мужчин, было позволено иметь столько жен, сколько он пожелает. Легенда гласила, что у Пророка на протяжении его жизни было одиннадцать жен, хотя и не все в одно и то же время. Некоторые умерли, с некоторыми он развелся, а некоторые пережили его самого. Но каждая из них почитала его до самой смерти.

Эрикки проснулся, когда Азадэ скользнула под одеяло рядом с ним.

– Нам нужно выехать как можно раньше, Азадэ, милая моя.

– Да, – пробормотала она сквозь сон: постель была такая удобная, рядом с ним было так уютно. – Да, когда пожелаешь, но пожалуйста, не раньше чем после обеда, потому что дражайшая мачеха наплачет ведра сл…

– Азадэ!

Но она уже спала. Он вздохнул, испытывая то же умиротворение, и снова погрузился в сон.

В воскресенье, как он планировал, они не уехали – ее отец сказал, что это было неудобно, поскольку он желал сначала поговорить с Эрикки. Сегодня, в понедельник, на рассвете, после молитвы, которую провел ее отец, и после завтрака – кофе, хлеб, мед, йогурт и яйца – им

разрешили уехать, и теперь они свернули с горной дороги на шоссе, ведущее в Тегеран, и там увидели перед собой блокпост.

– Странно, – сказал Эрикки.

Полковник Мазарди пообещал встретить их здесь, но его нигде не было видно, да и на блокпосте не было ни одного человека.

– Полиция! – пробормотала Азадэ, зевнув. – Ее никогда нет там, где нужно.

Дорога поднималась вверх, к перевалу. Небо было голубым и чистым, вершины гор уже заливал солнечный свет. Внизу, здесь в долине, было еще темно, холодно и сыро, дорога была скользкой, на обочине скопился снег, но Эрикки это не пугало; «рейнжровер» имел полный привод, и он захватил с собой цепи на колеса. Некоторое время спустя, когда они подъехали к повороту на базу, он проехал мимо. Он знал, что база пустовала, с 212-м все было в порядке, машина ждала ремонта, перед отъездом из дворца он безуспешно попробовал связаться со своим директором, Даяти. Но это не имело значения. Эрикки откинулся на спинку сиденья, баки у него были полные и вдобавок еще шесть двадцатилитровых канистр, которые он наполнил на личной заправке Абдоллы.

Я легко доберусь до Тегерана еще сегодня, думал он. И вернусь к среде – если вернусь. От этого ублюдка Ракоци добра не жди.

– Кофе хочешь, милый? – спросила Азадэ.

– Спасибо. Посмотри, не удастся ли тебе поймать Би-би-си или «Голос Америки» на коротких волнах. – Он с благодарностью принял чашку горячего кофе из термоса, слыша доносившиеся из радиоприемника треск и свист настройки, громогласные советские станции и больше практически ничего. Иранские радиостанции все еще бастовали и были закрыты, за исключением тех, которые обслуживались военными.

За прошедшие выходные друзья, родственники, торговцы, слуги приносили самые разные слухи и слухи, опровергающие слухи, от предстоящей советской интервенции до предстоящей американской интервенции, от успешных военных переворотов в столице до почтительной сдачи всех генералов на милость Хомейни и отставки Бахтияра.

– Чушь! – сказал тогда Абдолла-хан. Это был дородный мужчина на седьмом десятке, с бородой, темными глазами и полными губами,

увешанный драгоценностями и богато одетый. – С какой стати Бахтияру уходить в отставку? Он этим ничего не выигрывает, значит, и смысла в этом нет, пока.

– А если Хомейни победит? – спросил Эрикки.

– На все воля Аллаха. – Хан полулежал на коврах в Большом зале, Эрикки и Азадэ сидели напротив него, за спиной хана стоял вооруженный телохранитель. – Но победа Хомейни будет лишь временной, если он ее добьется. Армия приструнит его и его мулл рано или поздно. Он старый человек. Скоро он умрет, чем скорее, тем лучше, потому что, хотя он и исполнил Божий промысел, избавив страну от шаха, чье время пришло, он мстителен, мыслит узко и поражен такой же манией величия, как и шах, если не большей. Он, без сомнения, убьет больше иранцев, чем их когда-либо убил шах.

– Но разве он не служитель Божий, истинно верующий и обладающий всеми качествами аятоллы? – осторожно спросил Эрикки, не зная, чего ему ожидать. – Зачем Хомейни делать это?

– Такова привычка тиранов. – Хан рассмеялся и положил в рот еще один кусочек халвы, турецкой сладости, которой он объедался.

– А шах? Что будет теперь? – С какой бы неприязнью Эрикки не относился к хану, он был рад возможности узнать его мнение. От хана зависело многое в жизни его и Азадэ в Иране, а Эрикки не хотел уезжать.

– Все в воле Аллаха. Шах Мохаммед принес Ирану невероятные блага, как и его отец до него. Но в последние годы он полностью ушел в себя, свернулся там клубком и перестал кого-либо слушать – даже шахбану, императрицу Фарах, которая была преданна ему и мудра. Если бы он хоть немного соображал, он бы немедленно отрекся в пользу своего сына Резы. Генералам нужен стяг, вокруг которого они могут сплотиться, они могли бы наставлять его, пока он не будет готов править сам – не забывай, Иран является монархией почти три тысячи лет, всегда в руках абсолютного правителя, кто-то скажет – тирана, обладающего абсолютной властью, отнять которую у него может только смерть. – Полный чувственный рот хана скривился в улыбке. – Из шахов Каджар, нашей законной династии, которая правила полтора столетия, только один, последний в роду, мой двоюродный брат, умер своей смертью. Мы – люди Востока, не Запада, которые понимают жестокость и пытки. О жизни и смерти мы судим не по вашим

меркам. – Его темные глаза, казалось, еще больше потемнели. – Может быть, воля Аллаха в том, чтобы Каджары вернулись, – во времена их правления Иран процветал.

Я слышал иное, подумал тогда Эрикки. Но вслух ничего говорить не стал. Не мне судить то, что здесь было или что здесь будет.

Все воскресенье Би-би-си и «Голос Америки» усердно глушили, в этом не было ничего необычного. «Радио Москвы», как всегда, вещало уверенно и чисто, как и «Радио свободного Ирана», которое вело свои передачи из Тбилиси севернее границы. Их сообщения на фарси и английском рассказывали о всеобщем неповиновении «незаконному правительству Бахтияра, подчиняющегося изгнанному шаху и его американским хозяевам во главе с поджигателем войны и лжецом президентом Картером. Сегодня Бахтияр попытался купить народную любовь, отменив ростовщические военные контракты на сумму тринадцать миллиардов долларов, навязанные стране смещенным шахом: контракты в США на восемь миллиардов, контракты на поставки британских танков „центурион“ на сумму два миллиарда триста миллионов, а также два французских атомных реактора и один из Германии еще на два с половиной миллиарда долларов. Это известие повергло западных лидеров в панику и, без сомнения, приведет их рынки ценных бумаг к заслуженному краху…»

– Простите, что обращаюсь к вам с вопросом, отец, но Запад что, действительно рухнет? – спросила в тот день Азадэ.

– На этот раз нет, – ответил хан, и Эрикки заметил, что выражение его лица стало более холодным. – Если только Советы не решат отказаться выплачивать те восемьдесят миллиардов, которые они должны западным банкам… и даже некоторым банкам Востока. – Он сардонически рассмеялся, поигрывая ниткой жемчуга, которую носил на шее. – Конечно, восточные ростовщики гораздо умнее; по крайней мере, они не такие жадные. Они ссужают деньги разумно, требуют дополнительное обеспечение, никому не доверяют, и уж конечно не верят мифу о «христианской благотворительности». – Все знали, что Горгонам принадлежат огромные земельные участки в Иранском Азербайджане, богатые нефтеносные земли, большая часть компании «Иран Лес», собственность на каспийском побережье, большая часть базара в Тебризе и большинство из городских коммерческих банков.

Эрикки вспомнил передаваемые шепотом слухи об Абдолле-хане, которые он слышал, когда пытался добиться разрешения жениться на Азадэ, слухи о его скаредности и безжалостности в делах: «Ищущему быстрого пути в рай или ад нужно лишь занять у Абдоллы Бессердечного один риал, потом не вернуть долг, ссылаясь на бедность, и остаться в Азербайджане».

– Отец, позвольте мне спросить, отмена такого количества контрактов вызовет хаос, разве нет?

– Не позволяю. Ты задала достаточно вопросов для одного дня. Женщине приличествует придерживать свой язык и слушать. Сейчас ты можешь идти.

Она тут же извинилась за свою оплошность и послушно вышла.

– Пожалуйста, извините меня.

Эрикки тоже поднялся, чтобы уйти, но хан остановил его:

– Я еще не отпустил тебя. Сядь. А теперь – с чего тебе бояться одного советского смутьяна?

– Его я не боюсь, только самой системы. Этот человек явно из КГБ.

– Тогда почему ты его просто не убил?

– Это бы не помогло, это бы причинило вред. Нам, базе, «Иран Лесу», Азадэ, возможно, даже вам. Ко мне его послали другие люди. Он знает о нас. Знает о вас. – Эрикки внимательно наблюдал за стариком.

– Я знаю многих из них. Русские, при Советах ли, при царе, всегда зарились на Восточный Азербайджан, но всегда были для Азербайджана хорошими клиентами – и помогали нам против вонючих британцев. Я предпочитаю русских британцам, их я понимаю. – Улыбка стала еще более натянутой. – Убрать этого Ракоци было бы нетрудно.

– Хорошо, тогда, пожалуйста, уберите это, – Эрикки расхохотался во все горло. – А заодно и всех их сразу. Вот уж действительно сделали бы Божье дело.

– Не согласен, – раздраженно вскинулся хан. – Это был бы труд Сатаны. Если бы не Советы, противостоящие им, американцы и их псы британцы диктовали бы свою волю нам и всему миру. И уж точно бы сожрали Иран – при шахе Мохаммеде это им почти удалось. Без Советской России, со всеми ее пороками, не было бы никакой узды для

поганой американской политики, их поганого высокомерия, поганых манер, поганых джинсов, поганой музыки, поганой пищи и поганой демократии, их отвратительного отношения к женщинам, к закону и порядку, их отвратительной порнографии, наивного подхода к дипломатии и их пагубной, да, это верное слово, их пагубной враждебности к исламу.

Меньше всего Эрикки сейчас была нужна еще одна ссора. Несмотря на твердое намерение избежать спора, он почувствовал, как и в нем самом закипает гнев.

– Мы договори…

– Это правда, клянусь Аллахом! – закричал на него хан. – Правда!

– Нет, не правда, и мы договорились перед лицом вашего Бога и моих духов, что никогда не станем обсуждать политику, ни вашего мира, ни моего.

– Это правда, признай это! – рычал Абдолла-хан с перекошенным от гнева лицом. Его рука потянулась к богато украшенному кинжалу за поясом, и в тот же миг телохранитель скинул автомат с плеча и навел его на Эрикки. – Клянусь Аллахом, ты называешь меня лжецом в моем собственном доме? – проревел хан.

– Я только напоминаю вам, ваше высочество, – сквозь зубы процедил Эрикки, – о чем мы договорились перед лицом вашего Аллаха!

Черные, налитые кровью глаза в упор смотрели на него. Эрикки уставился в них в ответ, готовый выхватить свой нож и убить или быть убитым; напряжение между ними сейчас было очень велико.

– Да-да, это тоже правда, – пробормотал хан, и приступ ярости прошел так же быстро, как и начался. Он посмотрел на охранника, сердито махнул ему рукой.

– Убирайся!

В зале стало очень тихо. Эрикки знал, что поблизости были другие охранники, а в стенах имелись потайные отверстия для наблюдения. Он чувствовал выступивший на лбу пот и ощущал серединой спины спрятанную там финку.

Абдолла-хан знал, что нож при нем и что Эрикки не задумываясь пустит его в ход. Но хан дал ему пожизненное разрешение оставаться вооруженным в его присутствии. Два года назад Эрикки спас ему жизнь.

* * *

Это случилось в тот день, когда Эрикки просил у него разрешения жениться на Азадэ и получил высокомерный отказ:

– Нет, клянусь Аллахом, мне не нужны неверные в семье. Покинь мой дом! Приказываю в последний раз!

Эрикки поднялся с ковра с бездонной тоской в сердце. В этот момент за дверью раздался шум, потом выстрелы, дверь распахнулась, и два человека, наемные убийцы, вооруженные автоматами, ворвались в зал, пока другие вели перестрелку в коридоре. Телохранитель хана успел убить одного, но второй буквально изрешетил его пулями и навел автомат на Абдоллу-хана, остолбенело сидевшего на ковре. Прежде чем убийца успел нажать на курок второй раз, он умер с ножом Эрикки в горле. Эрикки одним прыжком оказался возле него и вырвал автомат из рук и нож из горла как раз в тот миг, когда еще один убийца прорвался в зал, поливая все перед собой свинцом. Эрикки ударил его автоматом в лицо, убив наповал – удар был настолько силен, что почти оторвал человеку голову, – и выскочил в коридор, обезумев от ярости и жажды крови. В коридоре трое нападавших и два телохранителя лежали мертвые или умирающие. Оставшиеся в живых убийцы бросились наутек, но Эрикки срезал их длинной очередью и понесся дальше. Только когда он нашел Азадэ и увидел, что с ней все в порядке, кровавая пелена спала с глаз, разум очистился, и он успокоился.

Эрикки помнил, как оставил ее и вернулся в тот же Большой зал. Абдолла-хан все так же сидел на коврах.

– Кто были эти люди?

– Наемные убийцы… враги, как и охранники, которые позволили им прорваться сюда, – злобно ответил Абдолла-хан. – Это по воле Аллаха ты оказался здесь, чтобы спасти мне жизнь, это по воле Аллаха я до сих пор жив. Ты можешь взять Азадэ в жены, да, но, потому что ты мне не нравишься, мы оба поклянемся перед лицом Аллаха и… чему ты там у себя поклоняешься… никогда не говорить о религии или политике, твоего ли мира, моего ли; тогда, возможно, мне не придется приказывать, чтобы тебя убили.

И вот теперь те же черные холодные глаза в упор смотрели на него. Абдолла-хан хлопнул в ладоши. Дверь тут же отворилась, и на пороге возник слуга.

– Неси кофе! – человек заспешил прочь. – Я оставлю тему твоего мира и перейду к другой, которую мы можем обсуждать: моя дочь, Азадэ.

Эрикки насторожился еще больше, не зная наверняка, насколько велика власть, которой над нею обладает ее отец, или насколько велики его собственные права как ее мужа, пока он находится здесь, в Восточном Азербайджане. Если Абдолла-хан действительно прикажет Азадэ вернуться в отчий дом и развестись с ним, послушается ли она? Думаю, да, боюсь, что да – она отказывалась выслушивать хотя бы единое слово против отца. Она даже оправдывала его параноидальную ненависть к Америке, объясняя ему, чем она вызвана:

– Ему приказали поехать туда, учиться в университете, Эрикки, приказал его отец, – рассказала ему Азадэ. – Это было ужасное время для него, Америка, этот язык, который он должен был выучить, степень по экономике, которую должен был получить, как того требовал его отец, прежде чем позволить ему вернуться домой. Мой отец ненавидел других студентов, которые смеялись над ним, потому что он не умел играть в их игры, потому что был более грузным, чем они, что в Иране считается признаком преуспеяния и богатства, а в Америке – нет, и он медленнее них усваивал новое. Но больше всего он мучился из-за тех испытаний, которые его вынуждали выносить, вынуждали, Эрикки, есть нечистую пищу вроде свинины, что против нашей религии, пить пиво, вино и крепкие напитки, что против нашей религии, делать невыразимо неприличные вещи и слышать в свой адрес невыразимо неприличные слова. На его месте я бы тоже разозлилась. Пожалуйста, будь с ним терпелив. Разве, когда ты слышишь о Советах, у тебя не ложится кровавая пелена на глаза и на сердце из-за всего, что они сделали с твоим отцом, матерью, с твоей страной? Будь с ним терпелив, молю тебя. Разве он не дал согласия на наш брак? Будь терпелив с ним.

Я был очень терпелив, думал Эрикки, желая, чтобы этот разговор поскорее закончился, терпеливей, чем с любым другим человеком.

– Что насчет моей жены, ваше высочество? – Обычай требовал обращаться к хану таким образом, и Эрикки время от времени делал

это из вежливости.

Абдолла-хан холодно улыбнулся ему:

– Меня интересует будущее моей дочери. Это естественно. Каковы твои планы, когда вы приедете в Тегеран?

– Никакого плана у меня нет. Я просто думаю, что будет разумно увезти ее из Тебриза на несколько дней. Ракоци говорил, что им «требуются» мои услуги. Когда КГБ говорит такое, будь то в Иране, Финляндии или даже Америке, лучше всего сматывать удочки и готовиться к неприятностям. Если они похитят ее, я стану как глина в их руках.

– В Тегеране им ее похитить было бы гораздо легче, чем здесь, если это действительно их план… ты забываешь, что здесь Азербайджан, – его губы презрительно скривились, – а не земля Бахтияра.

Эрикки чувствовал себя беспомощным под его пристальным взглядом.

– Я знаю лишь то, что думаю, так для нее будет лучше всего. Я обещал оберегать ее ценой своей жизни и сдержу слово. До тех пор, пока политическое будущее Ирана не определится – вами или другими иранцами, – я думаю, это самый разумный путь.

– В таком случае поезжай, – сказал ее отец, и это прозвучало так неожиданно, что почти испугало его. – Если понадобится помощь, пришли мне зашифрованное послание. – Он на мгновение задумался. Его улыбка стала сардонической: – Пришли мне такое предложение: «Все люди созданы равными». Это ведь еще одна правда, не так ли?

– Не знаю, ваше высочество, – осторожно ответил Эрикки. – Если это так и если это не так, на все, конечно, воля Аллаха.

Абдолла громко расхохотался, встал и вышел, оставив его в Большом зале одного, и Эрикки почувствовал в сердце холодок, глубоко встревоженный этим человеком, чьи мысли ему никогда не удавалось прочесть.

– Тебе холодно, Эрикки? – спросила Азадэ.

– А? Нет-нет, вовсе нет, – ответил он, выходя из своей задумчивости; мотор работал уверенно и ровно, они поднимались по горной дороге к перевалу. Теперь они находились почти у самого гребня. Движение на дороге в обе стороны было редким. За поворотом

в стекла автомобиля хлынул солнечный свет, и они перевалили за гребень; Эрикки тут же переключил передачу и начал набирать скорость перед долгим спуском; дорога, построенная по приказу Реза-шаха, как и железная дорога, была инженерным чудом с кюветами, насыпями, мостами, крутыми подъемами и спусками, без ограждения со стороны обрыва, со скользкой поверхностью и снежными наносами по краям. Он еще раз переключил передачу, ведя машину быстро, но аккуратно, радуясь, что им не пришлось ехать ночью. – Можно мне еще кофе?

Она с радостью налила ему еще чашку.

– Я буду рада посмотреть Тегеран. Нужно будет многое купить, Шахразада там, и у меня целый список всякой всячины для сестер и еще крем для лица для мачехи…

Он едва слушал ее, мысли его были заняты Ракоци, Тегераном, Мак-Айвером и следующим шагом.

Дорога вертелась и петляла, уходя вниз. Он сбавил скорость и повел машину более осторожно, следом за ним тянулись несколько автомобилей. Впереди ехала легковушка, по обыкновению перегруженная, и ее водитель вел машину слишком близко к краю, слишком быстро, не убирая палец с клаксона, даже когда было ясно, что освободить ему дорогу было просто невозможно. Эрикки закрыл уши от этого иранского нетерпения, к которому так никогда и не смог привыкнуть, как не смог привыкнуть к совершенно бесшабашному стилю вождения, характерному для всех иранцев, даже Азадэ. Он преодолел очередной слепой поворот, после которого уклон дороги становился еще круче, и там, на прямом участке, увидел тяжело груженый грузовик, с натужным ревом поднимавшийся ему навстречу, и легковую машину, обгонявшую грузовик по встречной полосе. Он нажал на тормоз, прижимаясь к склону горы. В этот момент легковушка за его спиной рванулась вперед, обогнула его, возмущенно сигналя, и, ничего не видя впереди, выскочила на встречную полосу. Машины врезались лоб в лоб, их юзом стащило в пропасть, и, пролетев полтораста метров, они взорвались, ударившись о камни внизу. Эрикки прижался теснее к своему краю и остановился. Грузовик останавливаться не стал, все так же натужно кряхтя, он проехал мимо и двинулся дальше в гору, словно ничего не произошло, – остальные машины последовали его примеру.

Эрикки встал на краю и глянул вниз, в долину. Горящие остатки машин разбросало метров на двести вниз по горному склону, выжить после такого никто не мог, и не было никаких шансов спуститься вниз без серьезного альпинистского снаряжения. Вернувшись к машине, он удрученно покачал головой.

– Иншаллах, дорогой, – спокойно произнесла Азадэ. – Такова была воля Бога.

– Нет, это была не воля, это была чистой воды глупость.

– Конечно, ты прав, любимый, разумеется, это была чистая глупость, – тут же согласилась она своим самым успокаивающим тоном, видя его гнев, но не понимая его причины, как не понимала она многое из того, что происходило в голове этого мужчины, который был ее мужем. – Ты совершенно прав, Эрикки. Это была чистая глупость, но при этом – воля Бога, что глупость этих водителей привела к смерти их самих и тех, кто ехал вместе с ними. Это была воля Бога, иначе дорога была бы свободной. Ты был совершенно прав.

– Я был прав? – устало переспросил он.

– О да, конечно, Эрикки. Ты был абсолютно прав.

Они поехали дальше. Деревни, лежавшие рядом с дорогой или по обе ее стороны, были бедными или очень бедными: узкие улочки, лачуги и дома грубой постройки, высокие стены, несколько мечетей, уличных лавок, козы, овцы, куры и мухи, еще не ставшие тем бедствием, в какое они превращаются летом. На улицах и в *джубах* – канавах-арыках, вырытых вдоль дорог, – всегда полно отбросов, среди которых рыскают стаи запаршивевших бездомных собак, часто бешеных. Но снег делал пейзаж и горы живописными, и день по-прежнему был ясным, хотя и холодным; на синем небе понемногу собирались кучевые облака.

Внутри «рейнжровера» было тепло и уютно. Азадэ отправилась в путь в голубом утепленном лыжном костюме, надев под него кашемировый свитер того же цвета, на ногах – теплые ботинки. Теперь она сняла куртку и свою шерстяную лыжную шапочку, и ее пышные, от природы волнистые волосы рассыпались по плечам. Около полудня они ненадолго остановились перекусить у горной речушки. Потом ехали сквозь яблоневые, грушевые, вишневые сады – деревья стояли голые и унылые, – потом появились предместья Казвина, города с

населением около ста пятидесяти тысяч человек и множеством мечетей.

– А сколько мечетей во всем Иране, Азадэ? – спросил Эрикки.

– Мне как-то говорили, что двадцать тысяч, – сонно ответила она, открывая глаза и всматриваясь в лобовое стекло. – А, Казвин! Ты быстро добрался, Эрикки. – Сладко зевнув, она поворочалась, устраиваясь поудобнее. – Говорят, мечетей двадцать тысяч и пятьдесят тысяч мулл. Если так и дальше будем ехать, в Тегеране окажемся уже через пару часов…

Он улыбнулся, слушая ее полусонное бормотание. Теперь он чувствовал себя в большей безопасности, радуясь, что самая трудная часть пути осталась позади. После Казвина дорога до самого Тегерана ровная, хорошая. В Тегеране у Абдоллы-хана много домов и квартир, большинство из которых он сдавал иностранцам. Несколько держал свободными для себя и близких родственников, и перед их отъездом сказал Эрикки, что на этот раз, ввиду беспорядков, им позволено остановиться в квартире недалеко от того места, где жил Мак-Айвер.

– Спасибо, большое спасибо, – поблагодарил его тогда Эрикки.

Азадэ потом сказала:

– Не знаю, с чего он вдруг так раздобрился. Это… это на него не похоже. Он ненавидит тебя и ненавидит меня, что бы я ни делала, стараясь ему угодить.

– Он не ненавидит тебя, Азадэ.

– Прости, что я не соглашусь с тобой, но он меня ненавидит. Я еще раз говорю тебе, мой милый, это все моя старшая сестра, Наджуд, это она отравляет его сердце против меня. И против моего брата. Она и ее поганый муж. Не забывай, что моя мать была второй женой отца, почти вдвое моложе матери Наджуд и вдвое ее красивее, и, хотя мама умерла, когда мне было всего семь лет, Наджуд до сих пор источает свой яд – не при нас, конечно, для этого она слишком хитрая. Эрикки, тебе никогда до конца не постичь, какими скрытными, умными и могущественными могут быть иранские женщины, какими мстительными, несмотря на свои ох какие сладкие лица и повадки. Наджуд хуже змея в райском саду! Она причина всей враждебности отца к нам. – Очаровательные зелено-голубые глаза Азадэ наполнились слезами. – Когда я была маленькой, отец по-настоящему любил нас, моего брата Хакима и меня, и мы были его любимчиками.

С нами в нашем доме он проводил больше времени, чем во дворце. Потом, когда мама умерла, мы переехали жить во дворец, но никому из наших сводных братьев и сестер мы на самом деле никогда не нравились. Тогда все пошло по-другому, Эрикки. Это все из-за Наджуд.

– Азадэ, ты разрываешь себя на части этой ненавистью; в итоге страдаешь ты, а не она. Забудь о ней. У нее теперь нет над тобой никакой власти, и я повторяю тебе еще раз: у тебя нет никаких доказательств.

– Мне не нужны доказательства. Я знаю. И я никогда не забуду.

Эрикки не стал ее убеждать. Не было смысла спорить, повторять на разные лады то, что было источником такой ожесточенности и стольких слез. Лучше уж так, чем прятать все это глубоко в себе, лучше уж пусть она время от времени дает выход своему гневу.

Поля остались за спиной, и впереди дорога углублялась в Казвин, город, похожий на большинство других иранских городов: шумный, многолюдный, грязный, с отравленным выхлопами воздухом и бесконечными пробками на дрогах. Вдоль дорог, как и почти повсюду в Иране, тянулись джубы. Здесь эти каналы, местами забетонированные, были почти метр глубиной, они несли смесь из талого снега, льда, воды. Из них росли деревья, горожане стирали в них одежду, иногда брали из них воду для питья или пользовались как канализацией. За этими каналами поднимались стены. Стены, скрывавшие дома и сады, большие и маленькие, богатые и уродливые. Обычно городские дома были двухэтажными, похожими на большие обшарпанные коробки, некоторые из кирпича, порой необожженного, некоторые оштукатуренные, и почти все из них – скрытые от глаз. Полы в большинстве случаев были земляные, лишь немногие дома имели водопровод, электричество и какие-то санитарные удобства.

Движение на дороге сгустилось с ошеломляющей неожиданностью. Велосипеды, мотоциклы, автобусы, грузовики, легковые машины всех марок и размеров, от древних до очень старых, почти все помятые, залатанные, некоторые броско раскрашенные в разные цвета, с дополнительными огоньками там и сям в соответствии со вкусом владельца. За последние годы Эрикки много раз проезжал по этой дороге и знал, что могут возникнуть пробки. Но другого пути не было; окружная дорога, которую уже много лет планировали построить, так и не появилась. Он презрительно ухмыльнулся,

стараясь не слышать окружавший его со всех сторон шум, и подумал: окружная дорога здесь никогда не появится, казвинцы просто не вынесут тишины и покоя. Казвинцы и рештийцы – жители города Решт на Каспии – были традиционными тупицами иранских анекдотов.

Он обогнул обгоревший остов автомобиля, потом вставил в проигрыватель кассету с Бетховеном и прибавил звук, чтобы немного сгладить шум улицы. Но это не очень помогло.

– Движение еще хуже, чем всегда! Куда смотрит полиция? – спросила Азадэ; она уже совсем проснулась. – Пить хочешь?

– Нет-нет, спасибо. – Он искоса взглянул на нее; свитер и рассыпавшиеся волосы делали ее очень желанной. Он широко улыбнулся. – Пить не хочу, а вот тебя хочу!

Она рассмеялась и взяла его под руку.

– А я не просто хочу, я умираю от голода!

– Хорошо. – Они сидели, испытывая глубокое умиротворение.

Как обычно, дорога была вся в рытвинах, ямах и трещинах. Они покрывали ее тут и там, отчасти из-за износа, отчасти из-за бесконечных ремонтов и дорожных работ, которые редко огораживались или обозначались предупредительными знаками. Он вильнул, объезжая глубокую выбоину, потом осторожно протиснулся рядом с еще одной разбитой машиной, кое-как отодвинутой к обочине. В этот момент навстречу ему, яростно сигналя, вырулил помятый грузовик. Грузовик был ярко раскрашен, бампер подвязан проволокой, кабина без стекол, вместо крыши – кусок холстины. В кузове без бортов был высоко навален хворост, поверх которого кое-как держались три пассажира, рискуя свалиться в любой момент. Водитель в грязной овечьей дубленке съежился на сиденье, щурясь от ветра. Рядом с ним сидели еще два человека. Проезжая мимо, Эрикки с удивлением отметил, что все они посмотрели на него с открытой ненавистью. Через несколько метров навстречу ему попался битый перегруженный автобус. С большой осторожностью Эрикки прижался еще ближе к джубу, чтобы дать ему место, и остановился у самого края канала. Опять он увидел, как водитель и все пассажиры в упор посмотрели на него, проезжая мимо, женщины – в своих чадрах, молодые люди – с бородами, плотно закутавшиеся во что было можно

от холода. Один из них погрозил ему кулаком. Другой выкрикнул проклятье.

Раньше у нас подобных проблем не было, встревоженно подумал Эрикки. Всюду, куда он ни поворачивал голову, он натыкался на те же злые взгляды. Из машин и автобусов, с улицы. Ему приходилось продвигаться очень медленно из-за роя мотоциклистов, велосипедистов, влезающих где им вздумается между машинами, автобусами, грузовиками на дороге в одну полосу, запруженной до предела, не подчиняясь никаким правилам, кроме тех, которые устраивали их самих, а вот теперь еще и отара овец потекла на дорогу из боковой улочки, совсем перекрыв движение; водители орали на чабанов, чабаны сыпали проклятьями в ответ, все злились, нервничали, автомобильные гудки не смолкали ни на секунду.

– Чертова пробка! Тупые овцы! – раздраженно выпалила Азадэ. – Посигналь им, Эрикки!

– Терпение, милая, спи дальше. Мне тут все равно никого не обогнать, – прокричал он в ответ поверх неумолчного рева снаружи, явно ощущая окружавшую их недоброжелательность. – Потерпи!

У них ушло около получаса, чтобы проехать следующие триста метров, с обеих сторон прибывали новые и новые машины, замедляя движение еще больше. По бокам – уличные торговцы, прохожие, кучи мусора. Эрикки буквально по сантиметрам продвигался вслед за автобусом, который занял почти всю ширину дороги, чуть не задевая встречные машины, прижимаясь к самому краю джуба, нависая над каналом едва не половиной ширины колес. Мотоциклисты бесцеремонно проталкивались мимо, ударяясь в бока «рейнжровера» и других машин, чертыхаясь про себя и ругая всех вокруг, пинками отпихивая с дороги овец, которые, ошалев, разбегались во все стороны. Сзади в Эрикки ткнулась чья-то машина, ее водитель вдавил в руль кнопку сигнала вне себя от ярости, которая стрелой ударила в голову Эрикки, вызвав внезапный приступ бешеной злобы. Отключи уши, приказал он себе. Спокойно! Ты ничего не можешь сделать. Спокойно!

Но он обнаружил, что сохранять спокойствие становится все труднее и труднее. Через полчаса овцы свернули в проулок, и движение чуть-чуть оживилось. Но за следующим поворотов вся дорога была разрыта: трехметровая канава без всяких ограждений и

знаков, глубиной метра в полтора и наполовину заполненная водой, перекрывала ее напрочь. Несколько рабочих с нахальными лицами сидели на корточках рядом и орали ругательства в ответ водителям. И делали неприличные жесты.

Двигаться нельзя было ни вперед, ни назад, поэтому все машины вынуждены были отправляться в объезд по узкой боковой улочке; автобус впереди не вписался в поворот, остановился, начал сдавать назад под новый ураган яростных воплей и гудков, и когда Эрикки дал задний ход, чтобы освободить ему место, помятая голубая легковушка позади него круто повернула влево, чтобы объехать его по встречной полосе, где на секунду образовалось пустое пространство, заставив следующую встречную машину резко затормозить, отчего та пошла юзом. Одно из колес соскользнуло в джуб, и вся машина опасно накренилась. Теперь движение было окончательно перекрыто.

В ярости Эрикки дернул на себя ручник, рывком открыл дверцу, подошел к машине в канаве и, используя всю свою невероятную силу, вытащил ее назад на дорогу. Никто не стал ему помогать, люди лишь орали друг на друга, добавляя неразберихи. Эрикки повернулся и двинулся к голубой машине. В этот момент автобус протиснулся за угол, освободив дорогу, водитель голубой машины отпустил сцепление и с ревом проскочил мимо, показав Эрикки неприличный жест.

Сделав над собой усилие, Эрикки разжал кулаки. Машины с обеих сторон отчаянно сигналили ему. Он сел в «рейнжровер» и включил передачу.

– Держи, – встревожено сказала Азадэ, протягивая ему чашку кофе.

– Спасибо. – Он выпил кофе, ведя машину одной рукой, движение опять замедлилось. Голубая машина исчезла. Когда он смог говорить спокойно, он произнес: – Если бы я добрался до той машины, я разорвал бы ее и его в клочья.

– Да. Да, я знаю. Эрикки, ты заметил, как враждебно все на нас смотрят? С такой злобой?

– Заметил.

– Но почему? Мы Казвин проезжали раз двад… – Азадэ инстинктивно пригнулась, когда в стекло с ее стороны внезапно ударился комок отбросов, потом испуганно прижалась к нему, ища защиты. Он выругался, крутанул вверх ручку стеклоподъемника,

потом перегнулся через нее и запер дверцу с ее стороны. В ветровое стекло ударился кусок навоза.

– Черт подери, да что такое с этими долбарями драными? – пробормотал он. – Можно подумать, у нас на крыше американский флаг развевается, а сами мы портретами шаха размахиваем. – Из ниоткуда прилетел камень и с грохотом отскочил от металлической двери. Тут автобус впереди вырвался из тесного объездного переулка на широкую площадь перед мечетью, где стояли рыночные лавки и где движение шло в две полосы в каждую сторону. Эрикки с облегчением прибавил скорость. Машины по-прежнему двигались медленно, но двигались, и Эрикки переключился на вторую передачу, направляясь к выезду в сторону Тегерана на дальнем конце площади.

– Таких пробок мы еще не видели, – пробормотал он. – Что там, черт подери, творится?

– Наверное, еще одна авария, – сказала Азадэ, глубоко встревоженная. – Или дорожные работы. Может быть, нам лучше вернуться? В ту сторону машин поменьше.

– Времени у нас еще полно, – ответил он, пытаясь ее приободрить. – Минутка-другая, и мы отсюда выберемся. Как только проедем город, все будет в порядке.

Впереди машины опять притормаживали, глухой гул нарастал. Обе полосы быстро заполнялись, постепенно превращаясь в одну с частыми гудками, руганью, остановками, возобновлением движения, изматывающе медленного, со скоростью километров пятнадцать в час, уличные лавки и ручные тележки по обе стороны джуба создавали дополнительную толчею. Они были почти у выезда, когда сбоку к машине подбежали какие-то юнцы, начали выкрикивать оскорбления, включая очень грязные. Один из юнцов ударил ладонью по стеклу с его стороны:

– Собака американская…

– Амер'канская свинья…

К юнцам присоединились другие мужчины и несколько женщин в чадрах, вздымая кулаки. Эрикки был со всех сторон зажат в потоке машин, не мог ни свернуть, ни ускориться, ни притормозить, ни развернуться; он почувствовал, как от такой беспомощности в нем поднимается гнев. Люди молотили кулаками по капоту, бокам «рейнжровера», по стеклу с его стороны. Теперь их собралась целая

кучка, те, что были со стороны Азадэ, издевались над ней, показывали неприличные жесты, пытались открыть дверцу. Один из юнцов запрыгнул было на капот, но поскользнулся, упал под колеса и едва успел отползти в сторону, чтобы Эрикки его не переехал.

Автобус впереди остановился. Тут же возникла страшная куча-мала: одни люди, толкаясь и пихаясь, пытались влезть в автобус, другие отталкивали их, пытаясь выбраться из него. В этот момент Эрикки увидел просвет, нажал на газ, сбросив с «рейнжровера» еще одного иранца, объехал автобус, едва не подавив пешеходов, которые беспечно пробирались между машин, и круто свернул в боковую улочку, чудесным образом свободную от машин, пронесся по ней, свернул на другую, чуть-чуть не врезавшись в толпу мотоциклистов, и покатил дальше. Скоро он совершенно заблудился, потому что никакой системы в городской застройке не было, повторялись лишь кучи мусора, бродячие собаки и автомобильные пробки, но он ориентировался по теням от домов и в конце концов выбрался на улицу пошире, протолкался в поток машин, проехал еще дальше и вскоре очутился на улице, которая была ему знакома; эта улица вывела его на еще одну площадь с мечетью, а затем – на Тегеранскую трассу.

– Все в порядке, Азадэ, это были просто хулиганы.

– Да, – ответила она дрожащим голосом. – Их следует высечь.

Пока они ехали по городу, Эрикки внимательно разглядывал толпы перед мечетями, на улицах, в машинах и автобусах, пытаясь сообразить, в чем же могла быть причина столь неожиданной враждебности. Что-то было не так, как всегда, подумал он. Что же именно? И тут его желудок сжался в тугой комок.

– Я не видел ни одного солдата, ни одного армейского грузовика с тех пор, как мы выехали из Тебриза. Ни одного. А ты?

– Н-нет… теперь, когда ты о них заговорил, пожалуй, и не видела.

– Что-то случилось. Что-то серьезное.

– Война? Советы перешли границу? – Кровь отхлынула от ее лица.

– Сомневаюсь… мы бы увидели войска, двигающиеся на север, или самолеты. – Он взглянул на нее. – Ладно, ерунда, – сказал он, больше пытаясь убедить себя, чем ее, – в Тегеране мы чудесно проведем время, там Шахразада и много твоих подруг. Тебе самое

время сменить обстановку. Может, я возьму отпуск, который так и не отгулял… съездим в Финляндию на недельку-другую…

Они миновали центральную часть города и теперь ехали по пригороду. Пригород выглядел обветшалым, те же стены и дома, те же выбоины на дороге. Здесь шоссе на Тегеран расширялось до четырех полос, по две в каждую сторону, и хотя машин все равно было много и движение оставалось медленным, километров двадцать пять в час, не больше, его это не тревожило. Чуть дальше впереди на юго-запад ответвлялась дорога на Керманшах, и он знал, что это сильно разгрузит основное шоссе. Его глаза автоматически скользнули по стрелкам приборов, словно он был в кабине вертолета, и, уже не в первый раз с утра он пожалел, что они не в воздухе, недосягаемо высоко над всем этим безумием. Стрелка показывала, что топлива в баке чуть меньше четверти. Скоро нужно будет дозаправиться, но с этим проблем не возникнет, в машине полно запасных канистр с топливом.

Они притормозили, чтобы осторожно обогнуть очередной грузовик, который с наплевательским высокомерием остановился рядом с какими-то лавками у обочины, наполняя воздух тяжелым запахом отработанной солярки. Потом опять откуда-то прилетела пригоршня мусора и размазалась по ветровому стеклу.

– Наверное, стоит повернуть назад, Эрикки, и вернуться в Тебриз. Может, получится как-нибудь объехать Казвин.

– Нет, – ответил он, чувствуя, что ему становится жутко от страха, который слышался в ее голосе. Обычно Азадэ страха не ведала. – Нет, – повторил он еще мягче. – Мы поедем в Тегеран и выясним там, в чем проблема, потом будем решать.

Она подвинулась ближе к нему и положила руку ему на колено.

– Эти хулиганы напугали меня. Да проклянет их Аллах, – пробормотала она; пальцы другой руки нервно поигрывали бусами из бирюзы у нее на шее. Большинство иранских женщин носили бусы из бирюзы, или из бусин голубого цвета, или подвеску с одним синим камнем – от дурного глаза. – Сыновья собаки! Почему они так вели себя? Дьяволы. Да проклянет их Бог на веки вечные! – Сразу за чертой города располагался большой армейский учебный центр и примыкающая к нему авиабаза. – Почему здесь нет солдат?

– Мне бы тоже хотелось это знать, – ответил он.

Справа впереди показался поворот на Керманшах. Большая часть потока сворачивала в ту сторону. По бокам обеих дорог тянулись заборы из колючей проволоки, как и вдоль большинства основных дорог и магистралей Ирана. Эти заграждения были нужны, чтобы не пускать на дорогу овец, коз, коров, собак – и людей. Аварии случались часто, и смертность была очень высокой.

Но для Ирана это дело обычное, подумал Эрикки. Как те несчастные идиоты в горах, свалившиеся с обрыва, – никто и не узнает, никто не станет докладывать властям, никто даже не придет их похоронить. Кроме стервятников, диких зверей и стай запаршивевших собак.

Когда все это осталось за спиной, они почувствовали себя лучше. Местность снова стала открытой, за джубом и колючей проволокой опять появились сады. На севере поднимались горы Эльбурс, к югу лежали холмистые равнины. Однако вместо того чтобы набрать скорость, движение на обеих полосах замедлилось, стало плотнее, потом, против воли, слилось в одну полосу, добавляя толчеи, гудков и злобы.

Эрикки устало выругался, проклиная неизбежные дорожные работы, которые наверняка и вызвали этот затор, и переключился на пониженную передачу; его руки и ноги плавно двигались сами по себе, едва замечая эту бесконечную чехарду: встал, тронулся, встал, тронулся, продвигаясь вперед на какие-то сантиметры – моторы натужно ревели, перегреваясь, в каждой машине возникали и накапливались шум и раздражение. Азадэ вдруг показала рукой вперед.

– Смотри!

Метрах в ста перед ними показалась дорожная застава. Ее окружали группы мужчин. Некоторые были вооружены, все гражданские и бедно одетые. Блокпост был устроен в самом начале неприметной деревеньки с уличными лавками вдоль дороги и лугом напротив. Жители деревни, женщины и дети, стояли радом с заставой, перемешавшись с мужчинами. Все женщины были в серых или черных чадрах. Мужчины останавливали все машины подряд, проверяли документы, потом пропускали. Несколько автомобилей откатили с дороги на луг, и каждую обступило по нескольку человек, допрашивая

тех, кто находился внутри. Эрикки отметил, что среди этих мужчин вооруженных людей было больше.

– Это не «зеленые повязки», – сказал он.

– Не видно ни одного муллы. Ты видишь хотя бы одного?

– Нет.

– Значит, это Туде или моджахедин. Или федаин.

– Приготовь-ка свое удостоверение, – сказал он и улыбнулся ей. – Надень свою парку, чтобы не простудиться, когда я опущу окно, и шапочку. – Но не холод его тревожил. Его тревожили выпуклость ее груди, гордо поднимавшаяся под свитером, ее тонкая талия, рассыпавшиеся по плечам волосы.

В бардачке у него лежала небольшая финка в чехле. Ее он спрятал за голенищем правого ботинка. Другой нож, большой пукко, был под курткой посередине спины.

Когда наконец до них дошла очередь, «рейнжровер» окружили угрюмые бородатые люди. У нескольких из них были американские автоматические винтовки, у одного – АК-47. Вместе с ними к машине подошли женщины в чадрах. Они пристально разглядывали Азадэ, в черных бусинах глаз читалось хмурое неодобрение.

– Документы, – сказал один из мужчин на фарси, протягивая руку. У него дурно пахло изо рта, машину начал наполнять всепроникающий запах нестиранной одежды и немытых тел. Азадэ смотрела прямо перед собой, стараясь не замечать похотливых взглядов, бормотаний и близости посторонних мужчин – она еще никогда не оказывалась в подобной ситуации.

Эрикки вежливо протянул иранцу свое удостоверение и удостоверение Азадэ. Тот взял бумаги, посмотрел на них и передал юноше, который умел читать. Остальные молча ждали, тяжело глядя на них, притопывая ногами от холода. Наконец юноша заговорил на грубом фарси:

– Он иноземец, из какой-то страны под названием Финляндия. Он из Тебриза. Он не американец.

– А похож на американца, – сказал кто-то.

– Женщину зовут Горгон, она его жена… по крайней мере, так говорится в документах.

– Я и есть его жена, – резко ответила Азадэ. – Не…

– А кто тебя спрашивал? – грубо перебил ее первый. – Фамилия у тебя Горгон, это фамилия помещичья, и выговор у тебя заносчивый, как и повадки, и скорее всего ты – враг народа.

– Я никому не враг. Пожа…

– Закрой рот. Женщине пристало помнить о приличиях, носить чадру, быть скромной и послушной даже в социалистическом государстве. – Иранец повернулся к Эрикки. – Куда вы едете?

– Что он говорит, Азадэ? – спросил у нее финн.

Она перевела.

– В Тегеран, – спокойно ответил Эрикки бандиту. – Азадэ, скажи ему, что мы едем в Тегеран. – Он насчитал шесть винтовок и один автомат. Машины окружали его со всех сторон, прорываться некуда. Пока.

Она передала им то, что он просил, добавив: – Мой муж не говорит на фарси.

– Откуда нам знать? И откуда нам знать, что вы женаты? Где ваше свидетельство о браке?

– С собой у меня его нет. То, что я замужем, указано в моем удостоверении.

– Но это шахское удостоверение. Незаконное удостоверение. Где твое новое удостоверение?

– Удостоверение, выданное кем? Подписанное кем? – взорвалась она. – Верните нам наши документы и дайте проехать!

Ее твердость произвела впечатление на него и на других. Иранец заколебался.

– Вы должны понимать, прошу вас, что кругом полно шахских шпионов и врагов народа, которые должны быть схвачены…

Эрикки почувствовал, как сердце гулко застучало в груди. Хмурые лица, люди прямо из Средневековья. Уродливые. К «рейнжроверу» подошли другие мужчины. Один из них сердито и с руганью замахал рукой машинам и грузовикам позади «рейнжровера», чтобы те проезжали вперед для проверки. Никто не сигналил. Каждый покорно ждал своей очереди. Над всем затором на дороге висел безмолвно ворочающийся ужас.

– Что здесь происходит? – Сквозь толпу к ним протолкался приземистый иранец. Люди перед ним почтительно расступались. На плече у него висел чехословацкий автомат. Первый иранец объяснил

ситуацию и подал ему документы. Лицо у приземистого иранца было круглым и небритым, вокруг глаз – темные круги, одежда бедная и грязная. Внезапно грохнул выстрел, и все головы повернулись в сторону луга.

На земле рядом с маленькой легковушкой, которую повстанцы откатили на обочину, лежал человек. Один из боевиков стоял над ним с автоматом в руках. Второй пассажир машины с поднятыми руками стоял уткнувшись в дверцу. Неожиданно он рванулся, проскочил меж окруживших его людей и бросился наутек. Человек с автоматом поднял оружие и выстрелил, промахнулся, выстрелил снова. На этот раз бегущий вскрикнул и упал, корчась от боли; он попытался подняться, но ноги больше не служили ему. Человек с автоматом неторопливо приблизился и разрядил в него весь магазин, убивая его постепенно.

– Ахмед! – крикнул приземистый. – Зачем тратить пули, когда это можно сделать и сапогами. Кто они такие?

– САВАК! – По толпе повстанцев и крестьян прокатилось удовлетворенное бормотание, кто-то победно крикнул.

– Идиот! Тогда зачем было убивать их так быстро, а? Принеси мне их бумаги.

– У этих сыновей собаки в бумагах сказано, что они бизнесмены из Тегерана, но я-то знаю, когда человек из САВАК, стоит мне на него только посмотреть. Тебе нужны их фальшивые документы?

– Нет. Порви их. – Приземистый иранец повернулся к Эрикки и Азадэ. – Так будет, мы выкурим врагов народа и покончим с ними.

Она не ответила. Их собственные документы были в его ухватистой руке. Что, если и наши бумаги сочтут фальшивыми? Иншаллах!

Закончив изучать их удостоверения, приземистый иранец уставился на Эрикки. Потом на нее.

– Ты утверждаешь, что ты Азадэ Горгон Йох… Йокконен. Его жена.

– Да.

– Хорошо. – Он засунул их удостоверения в карман и, оттопырив большой палец, ткнул им в сторону луга. – Скажи ему, чтобы отъехал вон туда. Мы обыщем вашу машину.

– Но на…

– Скажи ему. БЫСТРО! – Приземистый иранец забрался на крыло, царапая краску сапогами. – Это что? – спросил он, показав на голубой крест на белом поле, нарисованный на крыше.

– Это финский флаг, – ответила Азадэ. – Мой муж – финн.

– Зачем он там?

– Ему нравится, что он там.

Приземистый иранец сплюнул, потом снова показал в сторону луга.

– Скорей! Вон туда. Когда они вырулили на свободное пространство, он соскользнул с крыла; толпа следовала за ними. – Выходите. Я хочу обыскать вашу машину, посмотреть, нет ли оружия или контрабанды.

– У нас нет ни оружия, ни контра… – начала было Азадэ.

– Выходите! А ты, женщина, прикуси язык! – Старухи в толпе одобрительно зашипели. Иранец сердито дернул пальцем в сторону двух тел, скорчившихся в истоптанной грязи. – Суд народа скор и окончателен, не забывайте об этом. – Он ткнул пальцем в сторону Эрикки. – Передай своему чудовищу-мужу то, что я сказал… если он тебе муж.

– Эрикки, он говорит, народный… суд народа скор и окончателен, не забывай об этом. Будь осторожен, дорогой мой. Нам… нам нужно выйти из машины… они хотят обыскать ее.

– Хорошо. Только перебирайся сюда, ты выйдешь с моей стороны.

Эрикки вышел и встал, возвышаясь над толпой. Он обнял Азадэ за плечи, защищая ее: мужчины, женщины и несколько детей напирали со всех сторон, оставляя им мало места. Вонь от немытых тел была невыносимой. Он чувствовал, как она дрожит, хотя и старалась не показывать страха. Вместе они смотрели, как приземистый иранец и его люди забрались в безупречно чистую машину, возя грязными сапогами по сиденьям. Другие открыли дверцу багажника, бесцеремонно вытаскивая и разбрасывая их вещи, жадные руки лезли в карманы, в его сумки, в ее сумки, не пропуская ничего. Один из них под крики и улюлюканье толпы высоко поднял ее прозрачное белье и ночную рубашку. Старухи опять неодобрительно забормотали. Одна из них вытянула руку и коснулась волос Азадэ. Та отшатнулась, но сзади сплошной стеной стояли люди. Эрикки тут же повернулся всем телом, чтобы помочь и дать ей место, но стена людей не шелохнулась, хотя те,

что стояли рядом вскрикнули от боли, едва не раздавленные им. Эти крики вызвали ярость у остальных, люди придвинулись еще теснее, угрожающе закричали на него.

Эрикки вдруг с полной ясностью осознал, впервые в жизни, что не может защитить Азадэ. Он знал, что сумеет прикончить десяток из них, прежде чем его одолеют и убьют, но ее это не защитит.

Осознание потрясло его.

Ноги стали ватными, и он ощутил непреодолимое желание мочиться; запах собственного страха душил его, и он напрягал все силы, чтобы побороть нахлынувший на него панический ужас. Он тупо смотрел, как пачкают и разбрасывают их вещи. Люди, мелко перебирая ногами, тащили прочь канистры с бензином, жизненно важные канистры, без которых им не добраться до Тегерана, потому что все заправочные станции бастовали и были закрыты. Он попытался заставить ноги двигаться, но они его не слушались, рот тоже отказывался подчиняться. Одна из старух закричала на Азадэ, которая в ответ лишь тупо покачала головой, мужчины подхватили этот крик, толкая его, толкая ее, тесня его; их зловоние лезло ему в ноздри, уши были забиты словами на фарси.

Он все еще обнимал ее одной рукой, и посреди этого гвалта она подняла голову, и он прочел ужас в ее глазах, но не услышал, что она сказала. Снова он попытался оттеснить толпу, чтобы освободить себе и Азадэ побольше места, и снова у него ничего не вышло. В отчаянии он попытался сдержать быстро нараставшую внутри, рвавшуюся наружу ярость запаниковавшего зверя, чувствуя, как потребность бить и сражаться одолевает его, понимая, что стоит ему начать, и вспыхнувшее безумство толпы уничтожит ее. Но у него не получилось справиться с собой, и он слепо ударил назад локтем свободной руки как раз в тот момент, когда низкорослая толстая крестьянка со странными, горящими от ярости глазами, протолкалась сквозь толпу и сунула в грудь Азадэ чадру, выплюнув в молодую женщину комок гневных слов на фарси; это отвлекло внимание людей от человека за спиной Эрикки, который рухнул как подкошенный и теперь лежал у них под ногами с проломленной локтем Эрикки грудью.

Толпа что-то кричала ему и ей, люди явно требовали, чтобы Азадэ надела чадру, Азадэ лишь вскрикивала: «Нет, нет, оставьте, не трогайте меня…», совершенно потеряв голову. За всю ее жизнь ей никто так не

угрожал, она никогда не оказывалась в толпе, подобной этой, никогда не стояла так близко от крестьян, не чувствовала такой враждебности.

– Надень ее, блудница…

– Именем Аллаха, надень чадру…

– Не Аллаха, женщина, именем народа…

– Бог велик, покорись слову Его…

– Плевать на Бога, именем революции…

– Покрой волосы, блудница и дочь блудницы…

– Покорись Пророку, да будет прославлено Его имя…

Крики и толчея усиливались, ноги топтали умирающего на земле, потом кто-то оторвал руку Эрикки от плеч Азадэ, она почувствовала, как его вторая рука потянулась за большим ножом за спиной, и закричала:

– Нет, Эрикки, нет, не делай этого, они убьют тебя…

В панике она оттолкнула от себя крестьянку и, путаясь в складках, облачилась в чадру, постоянно выкликая: «Аллах-у-у акбаррр». Это немного утихомирило тех, кто стоял рядом, оскорбления стали затихать, хотя задние ряды продолжали напирать, чтобы разглядеть ее получше, прижимая других к «рейнжроверу». В этой толкучке Эрикки и Азадэ отвоевали для себя чуть больше места, хотя путь им все так же был перекрыт со всех сторон. Она не смотрела на него, просто стояла рядом, вцепившись в него и дрожа, как замерзший щенок, облаченная с головы до ног в грубую накидку. Раздался взрыв хохота: один из мужчин растянул у себя на груди ее лифчик и засеменил кругом туда-сюда.

Вандализм продолжался, пока Эрикки вдруг не почувствовал, что атмосфера вокруг обрела некое новое свойство. Кряжистый иранец и его люди бросили потрошить его «рейнжровер» и стали напряженно всматриваться в сторону Казвина. Потом на глазах Эрикки они начали растворяться в толпе. Через несколько секунд они исчезли, как будто их и не было. Другие боевики рядом с дорожной заставой садились в машины и отъезжали в сторону Тегерана, быстро набирая скорость. Теперь и крестьяне из деревни повернулись к городу, следом за ними – другие, и вскоре вся толпа как завороженная смотрела в сторону Казвина. Оттуда по дороге сквозь плотно стоящие автомобили двигалась еще одна толпа, впереди которой шагали муллы. Некоторые из мулл и людей в толпе были вооружены. «Аллах-у акбаррр», –

кричали они. Потом раздалось: «Бог и Хомейниииии!», и толпа перешла на бег, бросившись на блокпост.

Хлопнуло несколько выстрелов, с заставы дали ответный залп, и противоборствующие силы схлестнулись, орудуя палками, камнями, кусками арматуры и каким было стрелковым оружием. Все остальные разбежались. Жители деревни бросились прятаться по домам, водители и пассажиры выскочили из машин и нырнули в канавы или растянулись на земле.

Крики и выстрелы с обеих сторон, шум, вопли этого маленького сражения разом вывели Эрикки из оцепенения. Он толкнул Азадэ к машине, торопливо подбирая ближайшие из разбросанных повсюду вещей, закинул их в багажник, захлопнул дверцу. С полдюжины крестьян тоже остались подбирать разбросанное, но он отпихнул их с дороги, вскочил на водительское сиденье, двигатель взревел, Эрикки дернул машину назад, потом вперед и помчался прямо через луг параллельно дороге. Впереди и чуть правее он увидел кряжистого иранца и трех его людей, которые садились в машину. Он вспомнил, что их документы остались у него. Долю секунды он раздумывал, не остановиться ли, но тут же отказался от этой мысли и направил машину к деревьям, которые росли вдоль дороги. В этот миг он увидел, как иранец скинул с плеча автомат, прицелился и выстрелил. Очередь прошла чуть выше, и обезумевший Эрикки, не раздумывая, крутанул руль и вдавил педаль газа в пол, бросив «рейнжровер» прямо на автомат. Массивный бампер вмял иранца в борт их автомобиля, искорежив и человека, и машину, автомат продолжал строчить, пока не опустел рожок, пули с визгом чиркали по металлу, веером прошлись по ветровому стеклу «рейнжровера», превратившегося в таран. Вне себя от бешенства, Эрикки сдал назад и снова бросил машину вперед, перевернув измятый автомобиль, убив всех, кто был в нем; он готов был выскочить и продолжать рвать их на куски голыми руками, но в этот момент увидел в зеркале заднего вида бегущих к нему людей, поэтому отъехал, развернулся и пустился наутек.

«Рейнжровер» был создан для бездорожья, его зимние шины уверенно цеплялись за твердую неровную поверхность. Через мгновение они достигли деревьев, где их было уже не догнать, и он свернул в сторону дороги, переключился на пониженную передачу, включил оба дифференциала и перебрался через глубокий джуб,

разорвав колючую проволоку на столбах забора. Выбравшись на шоссе, он убрал полный привод, переключил передачу и быстро покатил прочь.

Только когда они были уже далеко, кровавая пелена перед глазами очистилась. Холодея от ужаса, он вспомнил визг пуль, ударявших в машину, вспомнил, что Азадэ была с ним. В панике он повернул голову и посмотрел на нее. Но с ней все было в порядке, лишь страх парализовал ее, и она съежилась в углу сиденья, держась за дверцу обеими руками; в стекле и в крыше рядом с ней виднелись отверстия от пуль, но она была невредима, хотя в первый момент он ее не узнал и увидел перед собой просто иранку, обезображенную чадрой, – такую же, как любая из десятков тысяч, которых они видели в толпе.

– О, Азадэ, – выдохнул он, потом протянул руку и прижал ее к себе, ведя машину одной рукой.

Через мгновение он притормозил, прижался к обочине, остановил машину и сжал ее в объятиях, пока рыдания сотрясали все ее тело. Он сидел, не замечая, что стрелка бензина была почти на нуле, что машин становилось все больше, не замечая враждебных взглядов из проезжавших мимо автомобилей или того, что во многих из них сидели революционеры, удиравшие со своего блокпоста в Тегеран.

ГЛАВА 17

База «Загрос-3». 15.18. Четверо мужчин, лежа на санках, летели по снежному склону позади базы, Скот Гаваллан чуть впереди Жан-Люка Сессона, который катился голова в голову с Насири, директором базы; Ничак-хан отставал от них шагов на двадцать. Это был «кубок вызова», устроенный Жан-Люком, Иран против сборной мира, и все четверо отчаянно пытались увеличить скорость до максимума. Пушистый снег на склоне, легким покрывалом брошенный поверх твердого наста, был девственно чистым и нетронутым. Они все вскарабкались на вершину горы позади базы; Родригес и один из жителей деревни выполняли роль судей на старте. Приз победителю составлял пять тысяч риалов – около шестидесяти американских долларов – и одну из бутылок виски Тома Локарта: «Том не будет возражать, – великодушно объявил Жан-Люк. – Он себе устроил дополнительный отпуск, наслаждается злачными местами Тегерана,

пока мы тут торчим на базе! А я, разве я тут не за старшего? Разумеется, за него. Так вот, как начальник беру эту бутылку под свое начало к вящей славе Франции, ради благополучия моих подчиненных и наших славных повелителей, кашкаев Яздека», – добавил он под приветственные крики.

День выдался чудесным, солнечным; здесь, на высоте больше двух тысяч метров над уровнем моря, небо было безоблачным и ослепительно голубым, воздух – хрустящее свежим. Снегопад прекратился накануне ночью. Снег валил без перерыва все три дня с тех пор, как Локарт улетел в Тегеран. Теперь база и чаша гор вокруг превратились в сказочную страну сосен, снега и вершин, вздымающихся на четыре с лишним километра, присыпанную добрым полуметром свежего пушистого снежного покрова.

Склон внизу становился еще круче. Гонщики неслись, время от времени подпрыгивая на невидимых под снегом кочках, постоянно набирая скорость, иногда полностью исчезая в фонтанах снега, возбужденные, распластавшиеся на санках, настроенные только на победу.

Впереди появились сосны. Скот ловко притормозил носками своих лыжных ботинок, вцепившись руками в варежках в изогнутые передние стойки санок, и по плавной дуге объехал стоявшие тесной кучкой деревья, выровнял санки и понесся вниз по последнему широкому участку склона к линии финиша далеко впереди, где их ждали остальные работники базы и жители деревни, подбадривая саночников громкими криками. Насири и Жан-Люк притормозили на мгновение позже, обогнули деревья на секунду быстрее, выровняли свои санки, подняв тучу снежной пыли, и почти догнали его, отставая теперь всего на несколько дюймов.

Ничак-хан не стал ни тормозить, ни огибать деревья. В сотый раз поручив себя Аллаху, он закрыл глаза и пушечным ядром влетел под сосны.

– Иншаллах-а-а-а!

Первое дерево он проскочил в футе от него, второе – в десяти сантиметрах, открыл глаза как раз вовремя, чтобы вильнуть и не налететь в лоб на третье, миновав его впритирку, проломился через дюжину молоденьких сосенок, набирая скорость, внезапно взмыл в воздух, подскочив на кочке, пролетел над самым стволом поваленного

дерева, чудом его не задев, и грохнулся о землю так, что дух едва не вышибло из груди. Но он удержался на вздыбившихся санках, секунду ехал на одном полозе, восстановил равновесие и теперь, под восторженный рев своих собратьев, вырвался из-под деревьев на десять шагов впереди остальных, летя вниз на высокой скорости и по более прямой линии, чем они.

Четверо саночников теперь съезжались в одну линию, прижавшись к своим санкам в попытке выжать из них еще хотя бы чуть-чуть скорости, Скот, Насири и Жан-Люк понемногу нагоняли Ничак-хана. Ближе, ближе. Здесь снежный склон был не таким ровным, и они постоянно подскакивали на мелких кочках, еще крепче вжимаясь в санки. Двести метров до финиша, сто – иностранцы с базы и жители деревни кричат и молят Бога о победе – восемьдесят, семьдесят, шестьдесят, пятьдесят, и тут…

Огромный могул хорошо спрятался. Ничак-хан впереди был первым, кого он подбросил в воздух, лишая управления, и швырнул боком на наст так, что перехватило дыхание; Скот и Жан-Люк взлетели следом, чтобы так же беспомощно распластаться в туче снежной пыли на склоне рядом с санками, которые перевернуло вверх полозьями. Насири отчаянно попытался не врезаться в них и обогнуть кочку, дернув свои санки вбок, но справиться с ними на такой скорости было невозможно, полозья мгновение шли юзом, потом санки перевернулись, и Насири закувыркался вниз по склону, остановившись чуть вперед остальных и хватая ртом воздух.

Ничак-хан сел и вытер снег с лица и бороды.

– Хвала Аллаху, – пробормотал он, поражаясь, что не сломал ни руки, ни ноги, и оглянулся, отыскивая взглядом остальных. Они поднимались на ноги, Скот обессилено сгибался пополам от хохота, глядя на Жан-Люка, который тоже остался цел и невредим, но все еще лежал на спине, посылая в небо поток отборнейших французских ругательств. Насири в итоге воткнулся в рыхлый снег почти головой вперед, и Скот, все еще хохоча, пошел к нему, чтобы помочь выбраться из сугроба. Он, как и остальные, отделался одними синяками.

– Эй вы, там, – раздался голос из толпы внизу. Это был Долбарь Джордон. – А как насчет долбаной гонки? Она ведь вроде еще не закончилась!

– Давай, Скот… эй, Жан-Люк, да шевелись же ты, ради бога!

Скот забыл о Насири и бросился бежать к финишному шесту шагах в пятидесяти внизу, но поскользнулся и упал в глубокий снег, снова рванул вперед, опять упал, ноги будто свинцом налились. Жан-Люк пришел в себя и устремился вдогонку, Насири и Ничак-хан – за ним следом. Толпа болельщиков удвоила свои крики, подбадривая четверку, пробивающуюся вниз по глубокому снегу, соперники падали, выкарабкивались из снега, поднимались, падали опять, забыв о синяках и ушибах, продвигаться вперед было невероятно трудно. Скот был чуть-чуть впереди, вот его обогнал Ничак-хан, потом вперед вырвался Жан-Люк, потом – Насири; механик Фаулер Джойнс побагровел от крика, жители деревни подбадривали своих с неменьшим энтузиазмом.

Осталось десять метров. Старый хан был на три шага впереди остальных, когда споткнулся и упал плашмя в снег. Скот вырвался вперед, Насири был почти рядом с ним, Жан-Люк отставал от них на какие-то сантиметры. Все трое, тяжело дыша и пошатываясь, продвигались вперед, с трудом вытаскивая ноги из снега, и тут раздался восторженный рев: Ничак-хан преодолел последние несколько шагов на четвереньках, Жан-Люк и Скот в отчаянной попытке достать его просто прыгнули головой вперед, и все трое свалились одной большой кучей на финишной черте среди приветственных воплей своих болельщиков.

– Скот выиграл…

– Нет, Жан-Люк…

– Нет, выиграл старый Ничак…

Отдышавшись, Жан-Люк произнес:

– Поскольку единодушного мнения нет, и даже наш почтенный мулла сомневается, я, Жан-Люк, объявляю, что к финишу на ноздрю первым пришел Ничак-хан! – Его слова были встречены восторженными криками, которые стали еще громче, когда он добавил: – И поскольку проигравшие боролись так мужественно, я присуждаю им еще одну бутылку виски из запасов Тома, которую реквизирую для распития всеми экспатриантами сегодня на закате!

Каждый пожал руку каждому. Ничак-хан согласился на еще один «кубок вызова» через месяц и, поскольку он чтил закон и не пил спиртного, он после яростной торговли продал-таки выигранную им

бутылку виски Жан-Люку за половину ее подлинной стоимости. Вновь раздались приветствия, и тут кто-то встревоженно крикнул.

К северу, далеко в горах, в долину падала красная сигнальная ракета. Стало тихо в одно мгновение. Ракета исчезла. Потом другая взвилась красной дугой и начала медленно опускаться: SOS. Срочно.

– Экстренная эвакуация, – сказал Жан-Люк, вглядываясь в даль. – Должно быть, на вышке «Роза» или на «Беллиссиме».

– Иду. – Скот Гаваллан заторопился прочь.

– Я с тобой, – сказал Жан-Люк. – Возьмем 212-й, сделаем для тебя контрольный полет.

Через несколько минут они были в воздухе. «Роза» была одной из вышек, которые они получили по контракту, перешедшему к ним от «Герни», «Беллиссима» была одним из их регулярных клиентов. Все одиннадцать буровых вышек в их районе эксплуатировались итальянской компанией по контракту с «Иран Ойл», и хотя у всех была радиосвязь с «Загрос-3», из-за гор и эффекта рассеивания связь эта оказывалась не всегда надежной. Сигнальные ракеты заменяли ее в экстренных случаях.

212-й уверенно набирал высоту, миновав три километра, заснеженные долины посверкивали под ними на солнце, эксплуатационный потолок у машины составлял почти пять с половиной тысяч метров, в зависимости от нагрузки. Вышка «Роза» появилась впереди на небольшом безлесом плато на высоте три с половиной километра. Несколько трейлеров для жилья, сараи, в беспорядке разбросанные вокруг высокой вышки. И вертолетная площадка.

– Вышка «Роза», говорит Жан-Люк. Как слышите меня? – Он терпеливо подождал.

– Слышу тебя хорошо, Жан-Люк! – раздался радостный голос Миммо Серы, человека компании – самая высокая должность на участке – инженера, руководившего всеми работами. – Что ты нам везешь, а?

– *Niente*[30], Миммо! Мы увидели красную ракету и просто проверяем, что стряслось.

– Мадонна, экстренная эвакуация? Это не у нас.

Скот немедленно прервал заход на посадку, выровнял вертолет и взял новый курс, забираясь выше на горный гребень.

– «Беллиссима»?

– Проверим.

– Сообщите нам, а? Мы не выходили с ними на связь с начала пурги. Какие последние новости?

– Последнее, что мы слышали, это Би-би-си два дня назад: они говорят, что «бессмертные» подавили восстание кадетов летной школы и гражданских лиц на базе в Дошан-Таппехе. Никакой информации не было ни из тегеранского офиса, ни от кого-то еще. Если что получим, я свяжусь с вами по рации.

– А, грацие! Жан-Люк, начиная с завтрашнего дня, нам понадобятся еще двенадцать партий шестидюймовой трубы и обычное количество цемента. О'кей?

– *Bien sûr!*[31] — Жан-Люк был в восторге от дополнительного заказа и возможности доказать, что они лучше «Герни». – Как идут дела?

– Прошли до отметки две тысячи четыреста метров, все говорит о том, что тут еще одно золотое дно. Я хочу прогнать скважину в следующий понедельник, если это возможно. Ты можешь заказать для меня «Шлумбергера»?

«Шлумбергер» была всемирной компанией, производившей и поставлявшей скважинные приспособления, которые брали пробы и проводили, с огромной точностью, электронные измерения нефтеносного потенциала и свойств различных пластов, приспособления для направления бурового долота, приспособления для извлечения сломанных долот, приспособления для перфорации, посредством взрыва, стальных обсадных труб скважины, чтобы нефть могла течь в трубу, – вместе со специалистами, которые все это эксплуатировали. Очень дорого, но совершенно необходимо. Прогонка скважины представляла собой последнюю операцию перед цементированием обсадных труб и началом эксплуатации скважины.

– Где бы они ни были, Миммо, в понедельник мы их привезем… если будет на то воля Хомейни!

– *Mamma mia,* скажи Насири, что они нам просто необходимы.

Голос в наушниках быстро затухал.

– Нет проблем. Я свяжусь с тобой на обратном пути. – Жан-Люк посмотрел вниз через стекло кабины. Они шли над гребнем, поднимаясь все выше, и двигатели начинали работать с натугой. –

Merde, есть-то как хочется, – сказал он, потягиваясь на сиденье. – У меня такое ощущение, будто меня массажировали отбойным молотком, но, Господи, какая чудесная вышла гонка!

– Знаешь, Жан-Люк, а ты ведь пересек финишную черту на секунду раньше Ничак-хана. Как минимум.

– Ясное дело, но мы, французы, народ великодушный, *diplomatique*[32] и очень практичный. Я знал, что наш виски он нам продаст назад за полцены; а если бы его объявили побежденным, это бы обошлось нам в целое состояние. – Жан-Люк просиял. – Но если бы не этот могул, я бы не колебался, выиграл бы гонку без проблем.

Скот улыбнулся и промолчал, дыша легко, но ощущая свое дыхание. На высоте больше трех тысяч шестисот метров пилотам, согласно правилам, полагалось надевать кислородную маску, если они рассчитывали провести на этой высоте более получаса. Масок они с собой не брали, и никогда пока что ни один пилот не испытывал какого-либо особого дискомфорта, если не считать головной боли, более или менее продолжительной, хотя на то, чтобы акклиматизироваться для жизни на высоте двух тысяч трехсот метров, уходила неделя. Бурильщикам на «Беллиссиме» приходилось еще туже.

Их собственные остановки на «Беллиссиме» обычно были очень короткими. Просто грузили тысячу восемьсот килограммов полезной нагрузки, внутрь или под брюхо. Трубы, насосы, дизтопливо, лебедки, генераторы, химикаты, продовольствие, трейлеры, резервуары, люди, буровая грязь – общее название бурового раствора, закачивавшегося в скважину для очистки забоя, смазки бурового долота, сдерживания напора нефти или газа, когда придет время, без которого глубокое бурение было невозможным. Потом потихоньку летели назад, когда порожняком, когда с полным вертолетом людей или оборудования для замены или ремонта.

Мы просто нахальный, возомнивший о себе фургон для доставки грузов, подумал Скот, скользя взглядом по небу, приборной доске, местности внизу. Да, но как же это здорово – лететь, а не ехать. Голые скалы под ними были довольно близко, деревья остались далеко внизу. Они перевалили за последний гребень. Отсюда уже была видна вышка.

– «Беллиссима», говорит Жан-Люк. Как слышите меня?

Вышка «Беллиссима» была из всех здешних самой высокогорной – ровно три тысячи восемьсот метров над уровнем моря. Вся база ютилась на скалистой площадке под самым гребнем. С другой стороны площадки гора обрывалась вниз, почти отвесно, больше чем на два километра до горной долины шириной десять миль и длиной тридцать – зияющая рана на поверхности земли.

– «Беллиссима», говорит Жан-Люк. Как слышите меня?

Снова никакого ответа. Жан-Люк переключил канал.

– «Загрос-3», как слышите?

– Слышу вас хорошо, капитан, – тут же отозвался с базы голос их радиста-иранца Аливари. – Его превосходительство Насири рядом с аппаратом.

– Ждите нас на этой частоте. Экстренная эвакуация на «Беллиссиме», но на связь они не выходят. Будем садиться.

– Понял. На связи.

Как всегда на «Беллиссиме», Скотом овладевало благоговение при мысли о том титаническом сотрясении земной коры, которое привело к образованию долины внизу. И, как и все, кому довелось здесь побывать, он поражался громадности риска, трудов и денег, необходимых для того, чтобы найти месторождение, выбрать место, поставить вышку, а потом пробурить сотни, тысячи метров, чтобы сделать скважины рентабельными. Но прибыль они приносили, и огромную, как и весь этот район с его безмерными запасами нефти и газа, запертыми в известняковых конусах на глубине от двух тысяч двухсот до трех тысяч трехсот метров. А потом – новые огромные капиталовложения и новый риск при подсоединении этого месторождения к нефтепроводу, который протянулся через горы Загрос, связывая нефтеперерабатывающие заводы Исфахана в центре Ирана с такими же заводами в Абадане на побережье залива – еще одно поразительное инженерное достижение старой англо-иранской нефтяной компании, ныне национализированной и переименованной в «Иран Ойл». «Украденной, Скот, сынок, украденной – вот правильное слово», – много раз говорил ему отец.

Скот Гаваллан улыбнулся про себя, вспомнив отца, и на душе потеплело и посветлело. Черт, как же мне повезло, что он у меня есть, подумал он. Я все еще скучаю по маме, но я рад, что она умерла. Это ужасно, когда красивая, полная энергии женщина превращается в

беспомощную, прикованную к креслу, парализованную оболочку, в которой продолжает жить острый ум, ясный до самого конца. Каким кошмарным несчастьем была ее смерть, особенно для отца. Но я рад, что он снова женился. Морин классная, и отец у меня классный, и жизнь у меня потрясающая, и впереди все безоблачно: много полетов, много пташек, а через пару лет я женюсь – как насчет Тесс? Его сердце забилось быстрее. Дьявол, какая незадача, что Линбар – ее дядя, а она – его любимая племянница, с другой стороны, чертовская удача, что я с ним не пересекаюсь, ей всего восемнадцать, так что времени полно…

– Откуда будешь заходить на посадку, *mon vieux*? – раздался голос в наушниках.

– С запада, – ответил он, собираясь с мыслями.

– Хорошо. – Жан-Люк всматривался вперед. Никаких признаков жизни. Буровая площадка была укутана толстым слоем снега, почти погребена под ним. Только вертолетная площадка была расчищена. От одного из трейлеров тянулась вверх ниточка дыма. – Ага! Смотри!

Они увидели крошечную закутанную фигурку, человек стоял рядом с вертолетной площадкой и махал им руками.

– Кто это?

– Кажется, Пьетро. – Скот сосредоточил все внимание на посадке. На такой высоте и из-за расположения уступа всегда могли возникнуть внезапные порывы ветра, завихрения, смерчи – права на ошибку не было. Он зашел со стороны пропасти, вихревые потоки их слегка поболтали, он виртуозно выровнял машину, снизился и сел.

– Хорошо.

Жан-Люк снова перевел взгляд на закутанного человека, в котором теперь узнал Пьетро Фиери, одного из буровых мастеров, вторых по значению лиц на буровой после человека компании. Они увидели, как он провел рукой в районе горла – глуши двигатели. Значит, экстренная эвакуация на этот раз не предполагала немедленного отлета.

Жан-Люк знаком подозвал итальянца к окошку кабины и открыл его.

– Что стряслось, Пьетро? – спросил он, перекрикивая рев двигателей.

– Гинеппа слег, – прокричал в ответ Пьетро – Марио Гинеппа был человеком компании на этой буровой – и хлопнул себя по груди

слева. – Мы думаем, наверное, сердце. И это еще не все. Гляди! – Он показал рукой наверх.

Жан-Люк и Скот пригнулись, пытаясь заглянуть наверх через стекло кабины, но не увидели того, что приводило итальянца в такое возбуждение.

Жан-Люк расстегнул ремень безопасности и выбрался наружу. Холод со всех сторон ударил в него, и он поморщился, глаза заслезились от круговерти, производимой винтом вертолета, черные очки помогали совсем мало. Потом он увидел, в чем была проблема, и желудок у него неуютно заворочался. Метрах в ста чуть ниже гребня горы и практически над самим лагерем намело огромный козырек изо льда и снега.

– Мадонна!

– Ежели эта штука рухнет, лавина сползет по всему склону и, наверное, утащит с собой и нас, и вообще все, что тут есть, в долину внизу! – Лицо Пьетро посинело от холода. Это был плотный, очень сильный человек; карие глаза над темной, с проседью бородой внимательно поблескивали, хотя и превратились от ветра в узкие щелки. – Гинеппа хочет с тобой поговорить. Зайдем к нему в трейлер, а?

– А это? – Жан-Люк ткнул большим пальцем вверх.

– Ежели рухнет, так рухнет, – со смехом ответил Пьетро, его зубы белоснежно блеснули на темном фоне перепачканной нефтью парки. – Пошли! – Пригнувшись, он вынырнул из-под винта и зашагал прочь. – Давай пошли!

Жан-Люк беспокойно оглянулся на снежный козырек. Он мог проторчать там еще недели или обрушиться в любое мгновение. Над гребнем горы небо было безоблачным, но полуденное солнце почти не давало тепла.

– Останься здесь, Скот. Двигатели не глуши, – крикнул он и неуклюже последовал по глубокому снегу за Пьетро.

В двухкомнатном трейлере Марио Гинеппы было тепло и неприбрано, на стенах – карты, перепачканная нефтью одежда, толстые перчатки, пластмассовые каски на крючках, атрибуты ремесла нефтяника разбросаны по всей комнате, служившей одновременно и кабинетом, и гостиной. Сам хозяин в спальне лежал на кровати полностью одетый, только без ботинок. Марио был крупным высоким

мужчиной сорока пяти лет с впечатляющим носом: его лицо, обычно красное и обветренное, сейчас было мертвенно-бледным, губы приобрели странный синеватый оттенок. С ним находился буровой мастер из другой смены, Энрико Банастазио – маленький смуглый человечек с темными глазами и узким лицом.

– А, Жан-Люк! Рад тебя видеть, – устало произнес Гинеппа.

– А я тебя *mon ami.* – Изрядно встревоженный, Жан-Люк расстегнул свою летную куртку и сел рядом с кроватью. Гинеппа руководил работами на «Беллиссиме» уже два года – работа по полсуток через полсуток, два месяца на буровой, два месяца отпуск – и уже пробурил три производительных скважины и нашел место для четвертой. – Тебе, я смотрю, светит больница в Ширазе.

– Это не важно, первым делом – козырек. Жан-Люк, я хо…

– Мы эвакуируемся и оставляем этого *stronzo*[33] в руках Господа, – сказал Банастазио.

– Mamma mia, Энрико, – раздраженно проговорил Гинеппа. – Я повторяю, мне кажется, мы можем Господу в этом пособить. С помощью Жан-Люка. Пьетро согласен. А, Пьетро?

– Да, – ответил Пьетро с порога, пожевывая зубочистку. – Жан-Люк, я вырос в Аосте, это в итальянских Альпах, так что про горы и лавины я все знаю, и мне ка…

– *Si, e sei pazzo.* Да, и ты совсем рехнулся, – грубо бросил ему Банастазио.

– *Nel tuo culo.* В задницу тебя. – Пьетро небрежно сделал неприличный жест. – С твоей помощью, Жан-Люк, убрать этого *stronzo* будет пара пустяков.

– Что вы хотите чтобы я сделал? – спросил Жан-Люк.

Ему ответил Гинеппа:

– Возьми Пьетро и поднимись к гребню в то место, которое он тебе покажет на северном склоне. Оттуда он бросит в снег динамитную шашку и направит вниз лавину, которая избавит нас от этой опасности.

Пьетро просиял.

– Ррраз – и никакого тебе козырька.

Банастазио повторил еще более сердито, по-английски он говорил с выраженным американским акцентом:

– Ради всех святых, повторяю вам еще раз, это слишком рискованно, черт возьми. Нам нужно сначала эвакуировать базу, потом, если уж вам так хочется, взрывайте свой динамит.

Лицо Гинеппы сморщилось от накатившей боли. Одна рука потянулась к груди.

– Если нам эвакуироваться, придется все закрывать, а…

– Ну и что? Ну и закроем. Что тут такого? Если тебе на свою жизнь наплевать, подумай о наших. Я говорю, надо эвакуироваться отсюда, срочно. Потом уж динамит. Жан-Люк, разве так не безопаснее?

– Конечно безопаснее, – с осторожностью подбирая слова, ответил Жан-Люк, не жалея волновать больного. – Пьетро, ты говоришь, что все знаешь про лавины. Сколько эта штука там еще продержится?

– Скоро рухнет, носом чую. Очень скоро. Снизу появились трещины. Может, завтра, может, даже сегодня ночью. Я знаю, где ее рвануть, и чтобы все были в безопасности. – Пьетро посмотрел на Банастазио. – Я могу это сделать, что бы этот *stronzo* обо мне ни думал.

Банастазио поднялся на ноги.

– Жан-Люк, я и моя смена эвакуируемся. Пронто. Что бы вы тут ни решили. – Он вышел.

Гинеппа шевельнулся на кровати.

– Жан-Люк, поднимай Пьетро наверх. Прямо сейчас.

– Сначала эвакуируем всех на вышку «Роза». Тебя первого, – сухо произнес Жан-Люк. – Потом динамит. Если сработает, вернетесь назад. Если нет – на «Розе» временно места хватит всем вам.

– Нет, не сначала, потом… эвакуироваться не нужно.

Жан-Люк его едва слушал. Мысленно он уже прикидывал количество людей, которых придется перевозить. В каждой смене было девять человек – буровой мастер, помощник, специалист по буровому раствору, который следил за ним и принимал решения по его химическому составу и весу, бурильщик, следивший за процессом бурения, дизелист, отвечавший за все лебедки, насосы и так далее, и четверо подсобных рабочих, которые наращивали бурильную колонну или меняли шарошки. – У вас семь человек иранцев, повара и разнорабочие?

– Да. Только я говорю тебе, что эвакуировать людей не обязательно, – измученно произнес Гинеппа.

– Так безопаснее, *mon vieux*. – Жан-Люк повернулся к Пьетро. – Скажи всем, чтобы вещей много не брали и пошевеливались.

Пьетро опустил глаза на Гинеппу.

– Да или нет?

Гинеппа с отвращением кивнул и обессиленно откинулся на подушку.

– Спроси, может, команда добровольцев останется. Если никто не захочет, Матерь Божья, закрывай все.

Пьетро был явно разочарован. Продолжая жевать зубочистку, он вышел. Гинеппа снова шевельнулся на койке, стараясь устроиться поудобнее, и принялся ругаться. Он выглядел еще более больным, чем раньше.

– Лучше эвакуироваться, Марио, – тихо произнес Жан-Люк.

– Пьетро – человек толковый и умный, а этот *porco misero*[34] Банастазио набит дерьмом по самые ноздри, одни от него проблемы, и это он виноват, что радиостанция разбита, я точно знаю!

– Что?

– Ее разбили во время его смены. Теперь нам нужна новая, у тебя есть запасная?

– Нет, но я посмотрю, где ее можно достать. А эту отремонтировать нельзя? Может, кто-то из наших механиков по…

– Банастазио говорит, что поскользнулся и упал на нее, но я слышал, что он грохнул по ней молотком, когда она все не включалась… Mamma mia! – Гинеппа поморщился, опять схватился за грудь и снова начал чертыхаться.

– Как давно у тебя боли?

– Два дня уже. Сегодня что-то совсем худо. Этот *stronzo* Банастазио! – пробормотал Гинеппа. – Чего другого ждать, у них вся семья такая. А! Его семья наполовину американцы, нет? Я слышал, с американской стороны там есть связи с мафией.

Жан-Люк улыбнулся про себя, не веря ему, почти пропуская эту тираду мимо ушей. Он знал, что они ненавидят друг друга: Гинеппа, португальско-римский патриций, и Банастазио, сицилийско-американский крестьянин. Только чему тут удивляться, подумал он, сидят тут, как в клетке, двенадцать часов работы, двенадцать отдыха,

день за днем, месяц за месяцем, какие бы хорошие деньги за это ни платили.

Ах, деньги! Как бы мне пригодилась их зарплата! Господи, даже последний подсобник тут за неделю получает столько же, сколько я за месяц – несчастных тысячу двести фунтов в месяц мне, начальнику и руководителю учебной программы, у которого за спиной четыре тысячи восемьсот часов в воздухе! Даже с этой нищенской ежемесячной надбавкой в пятьсот фунтов за работу за рубежом денег не хватает на детей, плату за школу, на жену, деньги за дом и налоги, черт бы их побрал… не говоря уже о лучшей еде и вине и моей дорогой Сайаде. Ах, Сайада, как же мне тебя не хватает!

Если бы не Локарт…

Кусок дерьма! Том Локарт мог бы разрешить мне полететь с ним, и я мог бы прямо сейчас быть в Тегеране в ее объятиях! Господи, как же она мне нужна. И деньги. Деньги! Пусть у всех налоговиков яйца сморщатся и обратятся в пыль, а члены исчезнут! Мне и так едва хватает, а если Иран накроется, что тогда? Готов поспорить, S-G не выживет. Ну, это их проблемы, их беда – где-нибудь в мире всегда найдется работенка для такого отличного пилота, как я.

Он увидел, что Гинеппа внимательно смотрит на него.

– *Да, mon vieux?*

– Я полечу с последней партией.

– Лучше полететь с первой, на «Розе» есть фельдшер.

– Я в порядке. Честно.

Жан-Люк услышал, как его кто-то зовет снаружи, и поднялся, надевая свою куртку.

– Я могу для тебя что-нибудь сделать?

Человек на койке устало улыбнулся.

– Просто подними Пьетро наверх с его динамитом.

– Сделаем, но в последнюю очередь, если повезет, до темноты. Не тревожься.

Снаружи холод снова вцепился в него. Пьетро его ждал. Люди уже собрались возле вертолета с рюкзаками и сумками разного размера Мимо прошел Банастазио, ведя на поводке здоровую немецкую овчарку.

– Летчик сказал, много вещей с собой не брать, – обратился к нему Пьетро.

– А я и не беру, – также угрюмо ответил ему Банастазио. – Документы, моя собака, моя смена. Все остальное можно купить заново, за счет компании. – Он повернул голову к Жан-Люку. – У тебя полная загрузка, Жан-Люк, давай не будем терять времени.

Жан-Люк проследил за посадкой людей и собаки в вертолет, потом по рации связался с Насири и рассказал ему, что они собирались делать.

– О'кей, Скот, поехали. Сам полетишь, – сказал он, выбираясь из машины, и увидел, как у Скота широко раскрылись глаза.

– Ты хочешь сказать, сам, один?

– Почему же нет, *mon brave*[35]*?* Положенные часы ты налетал. Это твой третий контрольный полет. Надо же тебе когда-то начинать. Давай отправляйся.

Он наблюдал, как Скот взлетает. Не прошло и пяти секунд, как вертолет уже висел над пропастью, под ним две тысячи триста метров пустоты до дна долины, и Жан-Люк помнил, как это страшно и восхитительно: первый самостоятельный взлет с «Беллиссимы», завидуя тем чувствам, которые сейчас переживал пилот. Юный Скот того стоит, подумал он, критически наблюдая за его действиями.

– Жан-Люк!

Он оторвал взгляд от удалявшегося вертолета и обернулся, сразу почувствовав, что вокруг что-то изменилось, и пытаясь определить, что именно. Потом ответ пришел – тишина, такая глубокая, что ему показалось, будто она оглушила его. На какое-то мгновение он ощутил какую-то странную потерю равновесия, даже ощутил легкую дурноту, потом вой ветра стал нарастать, и все внутри снова встало на свои места.

– Жан-Люк! Сюда! – Пьетро стоял в тени с группой людей на противоположной стороне лагеря, подзывая его знаками. С трудом переставляя ноги в глубоком снегу, он добрался до них. Они как-то странно молчали.

– Смотри сюда, – нервно произнес Пьетро и показал наверх. – Вон там, под самым козырьком. Вон, видишь?! Ниже метров на шесть-восемь. Видишь трещины?

Жан-Люк их увидел. Его мошонка задвигалась и сжалась. Это были уже не трещины во льду, а глубокие разломы. Пока они смотрели на них, раздался низкий глубокий стон. Вся масса козырька словно

шевельнулась. От нее отвалился маленький кусок льда со снегом. Набирая вес и скорость, он загрохотал вниз по крутому склону. Они замерли в шоке. Лавина, теперь уже тонны снега и льда, остановилась в каких-то пятидесяти шагах от них.

Один из рабочих нарушил молчание:

– Будем надеяться, что вертолет не понесется назад, как какой-нибудь камикадзе, это может сработать как детонатор*, amico*. Даже легкий шум способен теперь оторвать этого stronzo от скалы.

ГЛАВА 18

В небе недалеко от Казвина. 15.17. После того как почти два часа назад Чарли Петтикин с Ракоци – человеком, которого он знал как Смита, – покинули Тебриз, Петтикин вел 206-й как можно прямее и ровнее, надеясь, что агента КГБ это убаюкает, и он уснет или по крайней мере станет менее бдительным. По той же причине он избегал разговоров, спустив наушники на шею. Через какое-то время Ракоци оставил свои попытки завязать беседу и просто смотрел в окно. Но все время оставался настороже и автомат держал у себя на коленях с пальцем возле планки предохранителя. И Петтикин все гадал про него: как его зовут, кто он такой, к какой банде революционеров принадлежит – федаин, моджахедин или сторонники Хомейни, – или он из лоялистов, полицейский какой-нибудь, или военный, или из САВАК, и если так, то почему ему так важно попасть в Тегеран. Петтикину ни разу не пришло в голову, что его пассажир может быть русским, а не иранцем.

В Бендер-э-Пехлеви, где дозаправка шла мучительно медленно, он не делал ничего, чтобы нарушить монотонность этого процесса, просто расплатился последними из оставшихся у него американских долларов и смотрел, как наполняются баки его вертолета, потом подписал официальную расписку компании «Иран Ойл». Ракоци попытался разговориться с заправщиком, но тот держался враждебно, явно опасаясь, что его могут увидеть, пока он заправляет этот чужеземный вертолет, и еще больше испугавшись при виде автомата, лежавшего на переднем сиденье.

Все время, что они провели на земле, Петтикин прикидывал, насколько велики его шансы, если он попробует завладеть автоматом.

Возможности так и не представилось. Автомат был чешский. В Корее он таких навидался полно. И во Вьетнаме. Господи, подумал он, кажется, миллион лет прошел с тех пор.

Он вылетел из Бендер-э-Пехлеви и сейчас держал курс на юг на высоте триста метров, следуя за дорогой на Казвин. К востоку ему был виден пляж, где он высадил двух десантников. В который раз он задумался, откуда им было известно, что он должен был лететь в Тебриз, и что у них было за задание. Господи, надеюсь, у них все получится – что бы там ни должно было получиться. Наверное, что-то очень срочное и важное. Надеюсь, я еще увижу Росса, хорошо было бы…

– Чему вы улыбаетесь, капитан?

Голос прозвучал в его наушниках. В этот раз при взлете он по привычке надел их как следует. Он посмотрел на Ракоци и пожал плечами, потом вернулся к своим приборам и наблюдению за местностью. Над Казвином он повернул на юго-восток следуя вдоль шоссе на Тегеран, и снова ушел в себя. Терпение, говорил он себе, и тут увидел, как Ракоци напрягся и придвинул лицо ближе к стеклу, глядя вниз.

– Возьмите влево… чуть-чуть влево, – возбужденно приказал Ракоци, целиком сосредоточившись на том, что увидел внизу. Петтикин слегка накренил машину влево; Ракоци оказался у нижнего борта. – Нет, больше! Разверните машину.

– Что там такое? – спросил Петтикин. Он увеличил крен, заметив вдруг, что его пассажир убрал руки с автомата на коленях. Его сердце забилось быстрее.

– Вон, внизу на дороге. Вон тот грузовик.

Петтикин не стал даже смотреть вниз. Он не сводил глаз с автомата, тщательно прикидывая расстояние, чувствуя, как сердце стучит в ушах.

– Где? Я ничего не вижу… – Он увеличил крен еще больше, чтобы быстро развернуться и лечь на новый курс. – Что за грузовик? Вы имеете в виду…

Его левая рука метнулась в сторону, ухватила автомат за ствол и неуклюже пропихнула его через раздвижное окошко в кабину позади них. В тот же момент его правая рука на ручке управления еще больше пошла влево, потом резко дернула ее вправо, еще раз влево-вправо,

яростно раскачивая вертолет. Ракоци был захвачен врасплох, его голова врезалась в борт, на мгновение оглушив его. Петтикин тут же сжал левую руку в кулак и неумело саданул его по челюсти, надеясь оглушить окончательно. Но Ракоци не зря занимался карате, реакция у него была отменной, и он успел поднять руку, блокируя удар. Ничего не соображая, он ухватил руку Петтикина за кисть, восстанавливая силы с каждой секундой; оба отчаянно пытались одолеть друг друга, а вертолет начал опасно заваливаться набок, по-прежнему оставляя Ракоци снизу. Сцепившись, они боролись; ремни безопасности мешали обоим. Оба прилагали бешеные усилия; Ракоци, у которого были свободны обе руки, понемногу начинал одолевать.

Петтикин ухватил ручку управления коленями и освободившейся правой рукой снова ударил Ракоци в лицо. Удар до конца не получился, но его сила заставила Петтикина потерять равновесие, колени не удержали ручку, толкнув ее влево, и тонкий баланс ног на педалях управления рулевым вином нарушился. Вертолет тут же завалился набок, потерял всякую подъемную силу – никакой вертолет не может лететь сам по себе даже секунду, – центробежная сила еще больше сместила его вес вбок, и в кутерьме схватки кто-то толкнул рычаг управления общим шагом винта вниз. Вертолет рухнул, потеряв всякое управление.

Петтикин в панике бросил бороться. Слепо орудуя руками и ногами, он попытался восстановить управление машиной, двигатели взвыли, стрелки приборов обезумели. Руки, ноги и подготовка – против паники. Он пережал ручку в одну сторону, потом пережал в другую. Они пролетели двести пятьдесят метров, прежде чем ему удалось выровнять машину и перейти в горизонтальный полет; сердце колотилось и ныло невыносимо, припорошенная снегом земля была под ними в пятнадцати метрах.

Его руки дрожали. Трудно было дышать. Потом он почувствовал, как что-то твердое больно ткнулось в бок, и услышал ругательства Ракоци. Он тупо осознал, что язык был не иранский, но не мог сказать, какой именно. Повернув голову, он увидел искаженное яростью лицо, тускло-серый металл короткого пистолета-пулемета и обругал себя за то, что напрочь о нем забыл. Сердитым жестом он попробовал отпихнуть его от себя, но Ракоци еще сильнее прижал дуло сбоку к шее.

– Прекрати это, или я тебе башку снесу ко всем чертям, мать твою!

Петтикин тут же заложил крутой вираж, но ствол еще сильнее вжался в шею, причиняя ему боль. Он услышал, как щелкнул предохранитель, потом затвор.

– Твой последний шанс!

Земля была совсем рядом, проносилась под ними с тошнотворной быстротой. Петтикин понял, что отделаться от ствола не удастся.

– Хорошо… хорошо, – сказал он, уступая, выровнял машину и начал набирать высоту. Дуло врезалось в шею еще сильнее, причиняя еще большую боль. – Ты делаешь мне больно, черт подери, и мешаешь сидеть ровно! Как я могу лететь, когда т…

Ракоци лишь снова ткнул его коротким автоматом, еще сильнее, ругаясь, крича ему в ухо проклятья, прижимая его голову к дверце.

– Да черт меня подери! – в отчаянии проорал Петтикин, пытаясь вернуть на место головные телефоны, съехавшие на шею во время драки. – Как мне вести машину, когда ты мне свою пушку в шею тычешь? – Давление ствола чуть-чуть ослабло, и он выровнял вертолет. – Да и кто ты такой вообще, черт бы тебя побрал?

– Смит! – Ракоци был перепуган не меньше него. Еще бы доля секунды, думал он, и нас бы размазало по земле, как коровью лепешку. – Ты что, думаешь, ты имеешь дело с каким-то долбаным любителем? – Прежде чем он успел остановить себя, рука сама хлестнула Петтикина по губам тыльной стороной ладони.

Голову Петтикина отбросило назад, и вертолет дернулся, но из-под контроля не вышел. Петтикин почувствовал, как по нижней части лица разливается жгучая боль.

– Еще раз сделаешь это, и я переверну машину вверх тормашками, – произнес он со спокойной непреложностью.

– Согласен, – тут же отозвался Ракоци. – Я приношу извинения за… за это… за эту глупость, капитан. – Он осторожно отодвинулся к двери, но взведенный пистолет-пулемет не опустил и на предохранитель ставить не стал. – Да, это было лишнее. Извините.

Петтикин тупо посмотрел на него.

– Вы извиняетесь?

– Да, прошу простить меня. Это было не нужно. Я не варвар. – Ракоци полностью овладел собой. – Если вы дадите мне слово, что не

будете пытаться на меня напасть, я уберу автомат. Клянусь, вам ничего не угрожает.

Петтикин задумался на секунду.

– Хорошо, – сказал он. – Если вы мне скажете, как вас зовут и кто вы такой.

– Даете слово?

– Да.

– Очень хорошо, я доверяю вашему слову, капитан. – Ракоци поставил оружие на предохранитель и убрал его в карман сиденья с дальней от Петтикина стороны. – Меня зовут Али ибн Хасан Каракозе, и я курд. Мой дом… моя деревня… стоит на склоне горы Арарат на иранско-советской границе. Благословением Аллаха я борец за свободу против шаха и любого, кто хочет поработить нас. Вы удовлетворены?

– Да… да, вполне. Тогда, если по…

– Потом, прошу вас. Сначала отправляйтесь туда, быстро. – Ракоци показал рукой вниз. – Выравнивайте машину и подбирайтесь поближе.

Они были на высоте двухсот пятидесяти метров справа от трассы Казвин – Тегеран. С милю позади них по обе стороны дороги стояла деревня, Петтикин видел, как дым клубится на сильном ветру.

– Куда?

– Вон туда, рядом с дорогой.

Сначала Петтикин не разглядел, куда показывал его спутник; в голове у него роились мысли и вопросы про курдов и многовековую историю их войн с персидскими шахами. Потом он увидел скопление машин и грузовиков, стоявших у обочины с одной стороны, и людей, окруживших современного вида внедорожник с голубым крестом на белом прямоугольнике на крыше; другие машины потихоньку проезжали мимо.

– Вы хотите сказать, туда? Хотите подойти к тем грузовикам и машинам? – спросил он; губы мучительно саднило, шея ныла. – Вон к тем машинам рядом с той, у которой голубой крест на крыше?

– Да.

Петтикин послушно заложил виражи и пошел на снижение.

– А что в них такого важного, а? – спросил он, потом поднял глаза. Он увидел, что Ракоци пристально смотрит на него с явным

подозрением. – Что? Теперь-то что не так, черт подери?

– Вы действительно не знаете, что означает голубой крест на белом поле?

– Нет, а что? Что это? – Петтикин рассматривал внедорожник, который был теперь гораздо ближе, отсюда он увидел, что это красный «рейнжровер», который окружала разозленная толпа, один человек бил прикладом винтовки в заднее стекло. «Это флаг Финляндии», – прозвучало в его наушниках, и в голове Петтикина тут же мелькнуло имя «Эрикки». – У Эрикки был «рейнжровер», – вырвалось у него; он увидел, как стекло разлетелось от очередного удара. – Вы думаете, это Эрикки?

– Да… да, это возможно.

Петтикин тут же пошел быстрее и ниже, забыв про боль. Возбуждение отодвинуло назад все внезапно возникшие вопросы про то, как и откуда этот борец за свободу знал Эрикки. Они увидели, как толпа вдруг повернулась в их сторону и бросилась врассыпную. Петтикин пролетел очень быстро и низко, но Эрикки не увидел.

– Вы его видите?

– Нет. Я не смог заглянуть внутрь кабины.

– Я тоже, – встревоженно сказал Петтикин, – но несколько из этих сволочей вооружены, и они били стекла. Вы их видите?

– Вижу. Это, должно быть, федаин. Один из них выстрелил в нас. Если вы… – Ракоци внезапно замолчал, вжавшись в сиденье, когда вертолет заложил крутой вираж, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов на высоте шести метров, и понесся назад. На это раз толпа из мужчин и нескольких женщин обратилась в бегство, сбивая и топча друг друга. Автомобили, двигавшиеся в обе стороны, попытались побыстрее убраться оттуда, то ускоряясь, то резко тормозя; один тяжело груженый грузовик юзом въехал в другой. Несколько машин свернули с дороги, и одна едва не перевернулась в джубе.

Поравнявшись в «рейнжровером», Петтикин вошел в крутой скользящий поворот на девяносто градусов и оказался к нему носом – снег взмело крутящимся облаком, – всего на секунду, но ее было достаточно, чтобы разглядеть Эрикки; потом еще один поворот на девяносто градусов, и вертолет взмыл в небо.

– Это он, точно. Вы видели пулевые отверстия в ветровом стекле? – потрясенно произнес Петтикин. – Дотянитесь до автомата

сзади. Я подержу машину ровно, а потом мы пойдем заберем его. Скорей, я не хочу, чтобы они успели прийти в себя.

Ракоци тут же расстегнул ремень безопасности и просунул руку в раздвижное окошко, устроенное в перегородке для общения с пассажирами, но автомат лежал на полу, и он не смог до него дотянуться. С большим трудом он вывернулся со своего сиденья и кое-как до половины протолкнулся в окошко, шаря по полу руками, и Петтикин осознал, что сейчас этот человек полностью в его власти. Так просто открыть дверцу и выпихнуть его наружу. Так просто. Но невозможно.

– Давай! – прокричал он и помог ему выбраться и снова усесться на сиденье. – Пристегивайся!

Ракоци подчинился, пытаясь отдышаться, благословляя свою удачу за то, что Петтикин оказался другом финна, зная, что, если бы он был на месте англичанина, он бы открыл дверцу без всяких колебаний.

– Я готов, – отозвался он, взводя автомат и бесконечно поражаясь про себя глупости Петтикина. Эти англичане, мать их ети, такие тупые; долбаные ублюдки заслуживают, чтобы им надавали по шее. – Чт…

– Поехали! – Петтикин на полной скорости бросил вертолет в падающий вираж. Несколько вооруженных мужчин все еще стояли около «рейнжровера», наведя на них автоматы. – Я их чуток разомну, а когда крикну «огонь», дайте очередь поверх их голов!

«Рейнжровер» стремительно надвинулся на них, потом передумал, пьяно отвалил в сторону – деревьев поблизости не было, – опять задумался и снова ринулся на них, пока вертолет танцевал вокруг него. Петтикин внезапно остановил машину в двадцати шагах от «рейнжровера» и в трех метрах от земли.

– Огонь! – приказал он.

Ракоци тут же дал очередь в открытое окно, целясь не поверх голов, а в группу мужчин и женщин, попрятавшихся сзади машины Эрикки, где Петтикин не мог их видеть. Он убил или ранил нескольких из них. Все вокруг в панике бросились врассыпную – крики раненых смешались с воем реактивных двигателей. Водители и пассажиры начали выскакивать из автомобилей, разбегаться кто куда в крутящейся поземке. Еще одна очередь, паника усилилась, теперь все спешили укрыться где-нибудь, движение на дороге смешалось окончательно. Со

стороны дороги из-за какого-то грузовика выскочили молодые люди с винтовками. Ракоци дал очередь по ним и тем, кто оказался рядом.

– Разворот на триста шестьдесят! – прокричал он.

Вертолет тут же совершил пируэт, но рядом никого не было. Петтикин увидел на снегу четыре тела.

– Я же сказал, поверх голов, черт возьми, – начал было он, но в этот момент дверца «рейнжровера» распахнулась, и из машины выскочил Эрикки с финкой в руке. Какой-то миг он стоял там один, потом рядом возникла женская фигура в чадре. Петтикин тут же опустился на снег, но держал машину почти на весу. – Сюда, – прокричал он и замахал им рукой.

Они побежали к вертолету, Эрикки почти нес Азадэ, которую Петтикин еще не узнал.

Рядом с ним Ракоци отпер боковую дверцу и соскочил вниз, открыл заднюю дверцу и резко обернулся, держа автомат наготове. С дороги протрещала еще одна очередь. Узнав Ракоци, потрясенный Эрикки остановился.

– Скорей! – кричал Петтикин, не понимая, почему Эрикки вдруг встал как вкопанный. – Эрикки, давай! – Тут он узнал Азадэ. – Боже милосердный… – выдохнул он и снова закричал: – Скорей, Эрикки!

– Быстро, у меня осталось совсем немного патронов! – прокричал Ракоци на русском.

Эрикки схватил Азадэ в охапку и бросился вперед. Мимо просвистело несколько пуль. У вертолета Ракоци помог Азадэ забраться в задний отсек, потом неожиданно оттолкнул Эрикки в сторону стволом автомата.

– Брось нож и садись на переднее сиденье! – приказал он по-русски. – Быстро.

Онемев от шока, Петтикин смотрел, как Эрикки колеблется; лицо финна было в багровых пятнах от ярости.

Ракоци резко бросил ему:

– Клянусь Богом, на тебя, ее и этого долбаного пилота патронов у меня хватит с лихвой. Забирайся!

Откуда-то из скопления машин на дороге начал бить автомат. Эрикки уронил нож в снег, влез в кабину, опустил свое огромное тело на сиденье. Ракоци пристроился рядом с Азадэ, Петтикин поднял

вертолет в воздух и помчался прочь, виляя над землей, как вспугнутый гусь, потом поднялся выше.

Когда к нему вернулся дар речи, он спросил:

– Что, черт возьми, здесь происходит?

Эрикки не ответил. Он повернулся в кресле, чтобы убедиться, что с Азадэ все в порядке. Она сидела, привалившись к борту и закрыв глаза, и шумно вдыхала воздух, пытаясь отдышаться. Он заметил, что Ракоци застегнул ее ремень безопасности, но когда Эрикки потянулся, чтобы коснуться ее, русский качнул автоматом, приказывая ему убрать руку обратно.

– С ней все будет хорошо, я обещаю, – сказал он по-прежнему на русском, – если только ты будешь вести себя так же, как твой приятель научился себя вести. – Не сводя с него глаз, Ракоци сунул руку в свою маленькую сумку и достал оттуда новый рожок для автомата. – Это чтобы ты был в курсе. А теперь, пожалуйста, повернись и смотри вперед.

Пытаясь справиться с обуревавшей его яростью, Эрикки подчинился. Он надел головные телефоны. Ракоци их никак не мог слышать – интеркома в заднем отсеке не было, – и оба они чувствовали себя странно: иметь такую свободу и при этом быть в таком капкане. – Как ты нашел нас, Чарли, кто тебя послал? – с усилием спросил Эрикки в микрофон гарнитуры.

– Никто не посылал, – ответил Петтикин. – Что там за чертовщина с этим ублюдком? Я полетел в Тебриз, чтобы забрать тебя и Азадэ, этот сукин сын сзади меня захватил, а потом погнал вместе с вертолетом в Тегеран. Ради бога, нам просто повезло. А с тобой-то что приключилось?

– Бензин кончился. – Эрикки вкратце рассказал ему обо всем, что с ними произошло. – Когда мотор заглох, я понял, что мне конец. Все словно с ума посходили. В один момент все шло прекрасно, а потом нас опять окружили, точно так же, как и у блокпоста. Я запер все дверцы, но это был лишь вопрос времени… – Он снова обернулся.

Азадэ открыла глаза и стянула чадру. Они измученно улыбнулась ему, потянулась вперед, чтобы коснуться его, но Ракоци ее остановил.

– Пожалуйста, извините меня, ваше высочество, – сказал он на фарси, – но прошу вас подождать, пока мы сядем. – Он повторил это

Эрикки по-русски и добавил: – У меня есть с собой немного воды. Вы хотите, чтобы я дал ее вашей жене?

Эрикки кивнул.

– Да, пожалуйста. – Он смотрел, как она с благодарностью припала к фляжке. – Спасибо.

– А вы не хотите?

– Нет, спасибо, – вежливо ответил он, не желая принимать никаких услуг для себя, хотя в горле у него пересохло. Он ободряюще улыбнулся жене. – Азадэ, прямо как манна с небес, а? Чарли-то, ну чем не ангел?

– Да… да. Такова была воля Аллаха. Я в порядке, теперь в порядке, Эрикки, хвала Аллаху. Поблагодари от меня Чарли…

Он скрыл свою тревогу. Вторая толпа напугала ее до безумия. И его тоже, и он поклялся, что если все-таки выберется из этой заварухи живым, то больше никогда не отправится в путь без оружия и, еще лучше, ручных гранат. Он увидел, что Ракоци смотрит на него. Кивнув, он отвернулся.

– Сукин сын, – пробормотал Эрикки себе под нос, механически проверяя взглядом показания приборов.

– Этот ублюдок – сумасшедший какой-то, зачем людей-то было убивать. Я ему сказал, чтоб стрелял поверх голов. – Петтикин слегка понизил голос, он чувствовал себя неуютно, говоря все открытым текстом, даже хотя Ракоци никак не мог их слышать. – Этот гад едва меня не прикончил пару раз. Откуда ты его знаешь, Эрикки? Ты или Азадэ, вы что, с курдами дело имеете?

Эрикки непонимающе уставился на него.

– Курдами? Ты имеешь в виду этого долбаного сукина сына сзади?

– Ну конечно, кого же еще… Али ибн Хасан Каракозе. Он с горы Арарат. Курдский борец за свободу.

– Курдюк он с дерьмом, а не курд. Он из Советского Союза и работает на КГБ!

– Господь милосердный! Ты уверен? – Петтикин был явно ошарашен.

– О да. Говорит, что он мусульманин, но готов поспорить, это тоже вранье. Мне он назвался Ракоци, еще одна ложь. Они все лжецы… по крайней мере, зачем им рассказывать нам, врагам, вообще что-нибудь?

– Но он поклялся, что это правда, и я дал ему слово. – Петтикин, сердито хмурясь, рассказал Эрикки о схватке в вертолете и о сделке, которую они заключили.

– Чарли, дураком выходишь ты, а не он… ты что, не читал Ленина? Сталина? Маркса? Он лишь поступает так, как поступает весь КГБ и все убежденные коммунисты: использует все и вся для торжества «священного дела» – абсолютной мировой власти коммунистической партии СССР, – а нам только веревку отмеряет, чтобы мы сами себя удавили и избавили их от лишней возни. Господи, мне бы сейчас водки полстакана!

– Двойной бренди было бы получше.

– А еще лучше и то и другое. – Эрикки посмотрел на местность внизу. Вертолет аккуратно летел на постоянной скорости, двигатели работали ровно, топлива было полно. Его глаза скользнули по горизонту, отыскивая Тегеран. – Теперь уже недолго. Он уже сказал, где садиться?

– Нет.

– Может, там у нас появится возможность.

– Да. – Опасения Петтикина возросли. – Ты говорил о блокпосте. Что там случилось?

Лицо Эрикки стало жестким.

– Нас остановили. Кто-то из левых. Пришлось прорываться. Мы лишились документов, Азадэ и я. Всех. Какой-то толстяк на дороге забрал их у нас, а вернуть назад у меня не было времени. – Эрикки передернулся всем телом. – Мне еще никогда не было так страшно, Чарли. Никогда. Я был беспомощен в той толпе, едва не обделался от страха, потому что не мог защитить ее. Этот вонючий толстый ублюдок забрал все: паспорт, местные удостоверения, летное свидетельство – все.

– Мак раздобудет тебе новые, а твое посольство выдаст вам паспорта.

– Я за себя не переживаю. А как быть с Азадэ?

– Тоже получит финский паспорт. Как Шахразада получила канадский. Никаких проблем.

– Она ведь все еще в Тегеране?

– Конечно. И Том тоже должен быть там. Он собирался вчера прилететь из Загроса, привезти почту из дома… – Странно, мимолетно

подумал Петтикин. Я все еще называю Англию домом, даже хотя Клэр рядом нет, и ничего нет. – Том только что вернулся из отпуска.

– Вот чего бы я хотел, так это отправиться в отпуск. Свой последний я так и не отгулял. Может, Мак сможет прислать замену. – Эрикки легонько ткнул Петтикина кулаком. – Ладно, завтра будет завтра, а? И, хей, Чарли, ты там показал прямо-таки высший пилотаж. Когда я тебя в первый раз увидел, подумал, что сплю или уже на том свете. Ты мой финский флаг заметил?

– Нет, это был Али… как ты его назвал? Рековски?

– Ракоци.

– Это Ракоци его узнал. Если бы не он, я бы так и не сообразил. Извини. – Петтикин бросил на него быстрый взгляд. – Чего ему от тебя нужно?

– Не знаю, но что бы это ни было, это нужно Советам. – Эрикки с полминуты матерился. – Стало быть, мы и ему обязаны жизнью тоже?

Петтикин помолчал, потом произнес:

– Да. Да, один бы я не справился. – Он оглянулся. Ракоци был начеку, Азадэ задремала, на ее милом лице залегли тени. Он коротко кивнул и принял прежнее положение. – Азадэ, похоже, в порядке.

– Нет, Чарли, нет, она не в порядке, – сказал Эрикки, чувствуя, как у него ноет душа. – Сегодняшний день для нее был ужасным. Она сказала, что никогда в жизни не была в такой близи от деревенских жителей… Я хочу сказать, окруженной со всех сторон, закупоренной, как в бутылке. Сегодня они достали ее до самого сердца. Она увидела подлинное лицо Ирана, то, что эти люди действительно из себя представляют в реальности… все это и еще то, что ее заставили надеть чадру. – По его телу снова пробежала дрожь. – Ее все равно что изнасиловали… изнасиловали ее душу. Теперь, я думаю, все будет по-другому для нее, для нас. Думаю, ей придется выбирать: семья или я, Иран или ссылка. Они не хотят видеть нас здесь. Пора уезжать, Чарли. Всем нам.

– Нет, ты ошибаешься. Может быть, ты и Азадэ – дело особое, но им все равно нужна будет нефть, поэтому им все равно будут нужны вертолеты. У нас все будет в порядке еще несколько лет, несколько хороших лет. С контрактами «Герни» и всеми… – Петтикин замолчал, почувствовав шлепок по плечу, и обернулся. Азадэ проснулась. Он не

слышал, что говорил Ракоци, поэтому сдвинул наушник с одного уха. – Что?

– Не пользуйтесь радиосвязью, капитан, и будьте готовы приземлиться на подлете к городу, где я вам скажу.

– Я… мне необходимо получить разрешение.

– Не будьте дураком! Разрешение от кого? Там внизу все сейчас слишком заняты. Аэропорт Тегерана в осаде, Дошан-Таппех – тоже, как и Гелег-Морги. Послушайте моего совета, после того как высадите меня, сажайте вертолет в маленьком аэропорту в Рудраме.

– Я должен доложить о своем прибытии. Военные настаивают.

Ракоци сардонически рассмеялся.

– Военные? И что вы им доложите? Что без разрешения приземлились возле Казвина, были соучастником в убийстве пяти-шести гражданских лиц и подобрали двух иностранцев, которые пытались сбежать. Сбежать от кого? От народа!

Петтикин с хмурым лицом повернулся, чтобы выйти на связь, но Ракоци подался вперед и грубо его встряхнул.

– Да проснитесь же вы наконец! Военных больше нет – все военные сдались!

Они тупо уставились на него. Вертолет качнуло. Петтикин торопливо выровнял машину.

– Что вы такое говорите?

– Вчера поздно вечером генералы приказали всем войскам вернуться в казармы. Всем родам войск, всему личному составу. Они оставили поле боя за Хомейни и революцией. Теперь между Хомейни и абсолютной властью не стоят ни армия, ни полиция, ни охранка. Народ победил!

– Это невозможно, – сказал Петтикин.

– Нет, – испуганно проговорила Азадэ. – Мой отец знал бы об этом.

– А, Абдолла Великий? – с насмешкой произнес Ракоци. – Сейчас-то уж точно знает… если он еще жив.

– Это неправда!

– Это… это возможно, Азадэ, – потрясенно выговорил Эрикки. – Это объясняет, почему мы не видели ни военных, ни полиции, почему толпа была так враждебна!

– Генералы никогда на это не пойдут, – дрожащим голосом произнесла она, потом повернулась к Ракоци. – Это было бы самоубийством, для них и для тысяч людей. Заклинаю Аллахом, скажите правду!

На лице Ракоци было написано ликование, ему доставляло огромное удовольствие вертеть словами, сея разлад и тревогу.

– Иран теперь в руках Хомейни, его мулл и «стражей революции».

– Это ложь.

Петтикин произнес:

– Если это правда, то Бахтяру конец. Ему нико…

– Конец? Да этот тупой слабак даже и не начинал! – Ракоци расхохотался. – Аятолла Хомейни напугал генералов так, что у них яйца поотмерзали, а теперь он вдобавок еще и глотки им всем перережет!

– Значит, война закончилась.

– А, война, – мрачно проговорил Ракоци. – Закончилась. Для некоторых.

– Да, – сказал Эрикки, пытаясь вывести его из себя. – И если то, что вы говорите, правда, то тогда конец и вам тоже, всем, кто в Туде, всем марксистам. Хомейни устроит вам всем кровавую баню.

– О нет, капитан. Хомейни был мечом, который уничтожил шаха, но меч этот держал в руке народ.

– Он со своими муллами и народ покончат с вами. Хомейни такой же враг коммунизма, как и всего американского.

– Будет лучше, если вы раскроете глаза и перестанете себя обманывать, а? Хомейни – человек практический и власть для него превыше всего, что бы он сейчас ни говорил.

Петтикин увидел, как побелело лицо Азадэ, и ощутил внутри себя такой же холод.

– А курды? – резко спросил он. – Как быть с ними?

Ракоци нагнулся вперед, на губах его появилась странная улыбка.

– Я курд, что бы финн ни наплел вам про Советы и КГБ. Может он доказать свои слова? Конечно, нет. Что касается курдов, то Хомейни постарается стереть нас с лица земли, если ему позволят, вместе со всеми мелкими племенами и религиозными группами, всеми иностранцами и буржуазией, помещиками, ростовщиками, сторонниками шаха и – добавил он с издевкой, – всеми и каждым, кто

не согласится с его толкованием Корана. И он прольет реки крови во имя *своего* Аллаха, не истинного Бога Единого, если этому сукину сыну позволят. – Он бросил взгляд вниз в иллюминатор, проверяя, где они находятся, потом добавил с еще большим сарказмом. – Этот еретический меч Бога сослужил свою службу и теперь превратиться в лемех плуга и уйдет в землю!

– Вы хотите сказать, будет убит? – спросил Эрикки.

– Уйдет в землю, – снова этот издевательский смех, – стоит народу лишь пальцем шевельнуть.

Азадэ вдруг словно очнулась и бросилась на него с ругательствами, пытаясь расцарапать лицо. Он без труда перехватил ее и крепко сжал, пока она пыталась вырваться. Эрикки смотрел на них с посеревшим лицом. Он ничего не мог сделать. Пока.

– Прекратите! – грубо рявкнул Ракоци. – Уж кому-кому, а вам-то первой следовало бы желать этому еретику смерти – он растопчет Абдоллу-хана, весь клан Горгонов и вас вместе с ним, если одержит победу. – Ракоци отшвырнул ее в сторону. – Возьмите себя в руки, или мне придется сделать вам больно. Я сказал правду, вам первой изо всех людей следовало бы желать ему смерти. – Он щелкнул затвором автомата. – Отвернитесь, вы оба.

Мужчины в кабине подчинились, ненавидя его и его автомат. Впереди, милях в десяти показались предместья Тегерана. Они летели параллельно шоссе и железной дороге, приближаясь к городу с запада, слева поднимались горы Эльбурс. Небо над ними было хмурым, тяжелым, плотные тучи совсем не пропускали солнца.

– Капитан, видите вон ту речушку, то место, где ее пересекает железная дорога? Мост?

– Да, вижу, – ответил Петтикин, пытаясь придумать какой-нибудь план, чтобы одолеть его. Эрикки думал о том же, прикидывая, сможет ли он развернуться и схватить его, но Ракоци был с неудобной стороны, у него за спиной.

– Сажайте машину в полумиле к югу, вон за тем холмом. Видите, где это?

Неподалеку от холма тянулась другая дорога в Тегеран, поуже; машин на ней было немного.

– Да. А дальше?

– Дальше будете свободны. Пока что. – Ракоци расхохотался и ткнул Петтикина сзади в шею дулом своего автомата. – С моей благодарностью. Только больше сюда не оборачивайтесь. Смотрите прямо вперед, оба, и ремни не расстегивайте, помните, я внимательно за вами слежу. Когда будете садиться, сажайте машину чисто и уверенно, когда я выскочу и отойду, взлетайте. Но не разворачивайтесь, потому что я могу напугаться. Перепуганные люди имеют привычку жать на курок. Вы меня поняли?

– Да, – Петтикин осмотрел место посадки. Поправил наушники на голове. – Эрикки, как тебе место, нормально?

– Да. Поаккуратнее с сугробами. – Эрикки старался, чтобы голос не выдал его нервного возбуждения.

– Нам бы нужен план.

– Думаю, он… он слишком умен, Чарли.

– Может быть, он сделает ошибку.

– Мне нужно, чтобы он сделал хотя бы одну.

Посадка была уверенной и чистой. Снег, поднятый лопастями винта, вращавшегося на холостом ходу, вьюжил за окнами кабины.

– Не оборачиваться!

У обоих пилотов нервы были взвинчены до предела. Они слышали, как открылась дверца, почувствовали струю холодного воздуха. Потом раздался вопль Азадэ:

– Эриккиииии!

Несмотря на приказ, они оба обернулись. Ракоци уже вылез из вертолета и тащил Азадэ за собой; она сопротивлялась, брыкалась, хваталась за край дверцы, но он без труда справлялся с ней. Автомат он закинул на плечо. Эрикки мгновенно распахнул свою дверцу и выскочил наружу, проскользнул под фюзеляжем и бросился на него. Но было слишком поздно. Короткая очередь фонтанчиками взметнула снег у него под ногами, и он замер. В десяти шагах, на безопасном удалении от винта стоял Ракоци: в одной руке наведенный на него автомат, другая мертво вцепилась в ее чадру на уровне шеи. На мгновение Азадэ замерла так же неподвижно, потом с удвоенными усилиями, крича и вопя, замолотила по нему руками, застав врасплох. Эрикки метнулся вперед.

Ракоци схватил ее обеими руками и бешено швырнул в Эрикки, остановив финна и повалив обоих на землю. В тот же момент он

отскочил назад, повернулся, пробежал несколько шагов и развернулся снова, держа автомат наготове: палец еще плотнее прижался к спусковому крючку. Но нажимать его было не нужно; финн и женщина были еще на коленях, полуоглушенные. Позади них пилот по-прежнему сидел на своем месте. Потом он увидел, как Эрикки пришел в себя и пихнул Азадэ себе за спину, защищая ее, готовый возобновить атаку.

– Стоять! – приказал Ракоци. – Или на этот раз я убью вас всех. СТОЯТЬ! – Он дал предупредительную очередь в снег. – Садитесь в вертолет. Оба! – Полностью придя в себя, Эрикки с подозрением смотрел на него. – Давайте, вы свободны. Садитесь!

Отчаянно перепуганная, Азадэ забралась в задний отсек. Эрикки отступал медленно, прикрывая ее своим телом. Автомат Ракоци смотрел в его сторону. Ракоци видел, как финн сел в дверной проем заднего отсека, упершись ногами в полоз шасси. Двигатели тут же начали прибавлять обороты. Вертолет чуть-чуть приподнялся над землей, медленно развернулся к нему носом; он услышал, как захлопнулась задняя дверца. Сердце застучало еще тяжелее. Вот он, этот миг, подумал он, умрете ли вы все, или мы останемся жить, чтобы сойтись в схватке в другой раз?

Ему показалось, что этот миг длился вечность. Вертолет пятился, фут за футом, все еще оставаясь такой притягательной мишенью. Его палец уперся в курок. Но он не додавил его на долю миллиметра. Вертолет отдалился еще на шаг, другой, третий, потом повернул, быстро пронесся над сугробами и взмыл в небо.

Хорошо, подумал он, и усталость едва не повалила его. Было бы лучше, если бы удалось оставить женщину у себя заложницей, но это не беда. Дочь Абдоллы-хана мы сможем взять и завтра или послезавтра. Она подождет, как подождет и Йокконен. А пока что есть страна, которой нужно завладеть, есть генералы, муллы и аятоллы, которых нужно убить… есть и другие враги.

ГЛАВА 19

Аэропорт Тегерана. 17.05. Мак-Айвер осторожно вел машину по дороге, которая тянулась вдоль ограды из колючей проволоки, направляясь к воротам, ведущим в грузовую зону. По краям дороги

лежали кучи снега, сама дорога была скользкой, нерасчищенной. Температура была чуть ниже нуля, небо – тяжелое и тусклое, до полной темноты оставалось не более часа. Он снова посмотрел на часы. Времени немного, подумал он, все еще кипя от негодования по поводу закрытия комитетом его офиса накануне вечером. Сегодня рано утром он попытался прокрасться внутрь здания, но оно по-прежнему охранялось, и все его мольбы и уговоры разрешить ему проверить телекс остались без внимания.

– Черт бы побрал этих людей! – сказала Дженни, когда он, возмущенно топая, вернулся в квартиру. – Не может быть, чтобы мы ничего не могли сделать. Как насчет Джорджа Талбота? Он бы не смог помочь?

– Сомневаюсь. Впрочем, попробовать стоит. Если бы Валик был… – Мак-Айвер замолчал. – Том теперь уже, наверное, дозаправился и почти прилетел на место, где бы оно ни было, это место.

– Будем надеяться, – сказала она, помолившись про себя, – надеяться на лучшее. Ты не видел, какие-нибудь магазины открылись?

– Нет, Джен. На обед – суп из консервов и бутылка пива.

– Извини, пиво у нас закончилось.

Он попробовал связаться с Ковиссом и другими базами по высокочастотной связи, но ответа ни от одной из них не получил. Как и не смог поймать ни Би-би-си, ни AFN, радиостанцию американских вооруженных сил. Он недолго послушал неизбежную антиамериканскую тираду «Радио свободного Ирана» из Тбилиси и с отвращением выключил приемник. Телефон умер. Он попробовал читать, но не смог; голову осаждали тревожные мысли о Локарте, Петтикине, Старке и всех остальных. Он мучился, будучи отрезанным от своего кабинета и телекса и на данный момент неспособным управлять ситуацией. Такого раньше никогда не случалось, никогда. Черт бы побрал шаха за то, что он уехал и позволил всему развалиться на части. Как раньше все было чудесно. Чуть что, и он несся в аэропорт, садился на челночный рейс до Исфахана, Тебриза, Абадана, Ормуза, Эль-Шаргаза или любого другого места, дальше – вертолетом, в любое время, стоило только захотеть. Иногда к нему присоединялась Дженни – обеды на природе, пикники, холодное пиво.

– Да пропади оно все пропадом!

Они едва закончили обедать, когда ВЧ-станция с громким потрескиванием вернулась к жизни. Это был Фредди Эйр из Ковисса, он передал сообщение, что 125-й прибудет в аэропорт Тегерана сегодня около пяти вечера рейсом из Эль-Шаргаза, крошечного независимого эмирата по ту сторону Персидского залива, где у S-G было свое представительство.

– Он не сказал, у него есть разрешение, Фредди? – возбужденно спросил Мак-Айвер.

– Не знаю. Наше представительство в Эль-Шаргазе сказало только: «Расчетное время прибытия в Тегеран – семнадцать часов, передайте Мак-Айверу, мы никак не можем с ним связаться», и так несколько раз.

– Как у вас-то дела?

– Пять на пять, – ответил Эйр. – Старк все еще в Бендер-Деламе, и у нас с ним никаких контактов не было, кроме короткого «все хорошо, прекрасная маркиза» с полчаса назад.

– Это Руди прислал? – Мак-Айвер старался, чтобы его голос звучал ровно.

– Да.

– Держите связь с ними и с нами. Что там сегодня с вашим радистом стряслось утром? Я пару часов пытался выйти на связь, но радости так и не испытал.

Последовала долгая пауза.

– Он задержан.

– Черт возьми, за что?

– Не знаю, Мак… капитан Мак-Айвер. Как только узнаю, сразу доложу. Также, как только смогу, верну Марка Дюбуа назад в Бендер-Делам, но, кхм, тут воздух не сильно свежий. Нам всем предписано не покидать территории базы, а на вышке… на вышке тут поставлен очаровательный и очень дружелюбный вооруженный охранник, все полеты отменены, кроме экстренной эвакуации, да и в этом случае нам предписано брать на борт охранников. И никакие вылеты не разрешены из нашей зоны.

– Что все это значит?

– Не знаю. Наш досточтимый командир базы, полковник Пешади, заверил меня, что это все временные меры, только на сегодняшний день, возможно, на завтрашний. Кстати, в пятнадцать часов

шестнадцать минут мы получили короткое сообщение от капитана Скраггера с борта Чарли Эхо Зулу-Зулу, выполняющего специальный чартерный рейс на Бендер-Делам.

– Какого черта ему там понадобилось?

– Не знаю, сэр. Старина Скра… капитан Скраггер сообщил, что с этой просьбой к нему обратился де Плесси на Сирри. Я… э-э, похоже, время у меня выходит. Наш дружелюбный охранник нервничает, но если вы сможете прислать 125-й сюда, полковник Пешади сказал, что даст разрешение на посадку. Я постараюсь отправить Мануэлу, но многого не ждите, она тут без вестей о Старке разнервничалась, как кролик в компании гончих на псарне.

– Могу себе представить. Скажите ей, что я отправляю Джен. Конец связи, одному Богу известно, сколько времени уйдет на то, чтобы добраться до аэропорта. – Он повернулся к Дженни. – Джен, собери сум…

– Что ты с собой будешь брать, Дункан? – сладко спросила она.

– Я не лечу, ты летишь!

– Не говори глупостей, дорогой. Если ты хочешь успеть встретить 125-й, тебе лучше поторопиться, только смотри, не забудь фотографии! О, кстати, забыла сказать тебе: пока ты пытался пролезть в свой кабинет, Шахразада прислала одного из своих слуг с приглашением на ужин.

– Джен ты летишь со 125-м, и кончен разговор!

Спор закончился очень быстро. Он отправился в путь и пробирался задворками, большинство основных перекрестков были запружены людскими толпами. Каждый раз, когда его останавливали, он поднимал фотографию Хомейни, под которой на фарси было написано ДА ЗДРАВСТВУЕТ АЯТОЛЛА, и его беспрепятственно пропускали, махнув рукой. Ему нигде не встретились ни войска, ни полиция, ни служба безопасности, так что фотография шаха с подписью ДА ЗДРАВСТВУЕТ СЛАВНЫЙ ИРАН ни разу не понадобилась. Тем не менее на дорогу, которая обычно занимала меньше часа, у него ушло два с половиной часа, и щемящее тревожное чувство, что он опаздывает, росло внутри с каждой минутой.

Но 125-го не оказалось ни на одной из параллельных взлетно-посадочных полос, ни на бетонированной площадке в грузовой зоне, ни рядом со зданием аэропорта на другом краю летного поля. Мак-

Айвер в который раз посмотрел на часы: семнадцать часов семнадцать минут. Светлого времени осталось не больше часа. Прилетают впритык, сказал он себе, если вообще прилетают. Видит Бог, власти уже могли развернуть самолет обратно.

Рядом со зданием аэропорта по-прежнему стояло несколько пассажирских авиалайнеров. Один из них, «Боинг-747» компании «Роял Ираниан Эйр», представлял собой искореженную развалину, выжженную изнутри дотла. Другие с виду были в порядке – Мак-Айвер был слишком далеко, чтобы разглядеть маркировку, но где-то среди них должен был находиться и борт «Алиталии», так и не получивший разрешения на взлет. Паула Джанкани по-прежнему жила у них, и Ноггер Лейн подолгу и весьма ощутимо находился рядом. Славная девушка, рассеянно подумал он.

Впереди показались ворота, которые вели в грузовую зону и к их складу. Склад был на замке с прошлой среды – он автоматически закрывался на четверг и пятницу (священный день и обязательный выходной для мусульман), которые являлись иранским уик-эндом, и ни ему, ни кому-то из их сотрудников не удалось пробраться сюда ни в субботу, ни в воскресенье. Он въехал на просторную площадку за воротами. Впереди был виден таможенный склад и рогатки, повсюду надписи на английском и фарси: ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН, ВЪЕЗД, ВЫЕЗД, ЗАКРЫТАЯ ЗОНА и вывески с названиями разных международных грузоперевозочных и вертолетных компаний, которые имели здесь свои постоянные представительства. Обычно проехать на эту площадку было почти невозможно. Полтысячи человек работали здесь круглосуточно, занимаясь огромным количеством грузов, гражданских и военных, каждый день вливавшихся в Иран в обмен на часть из тех девяноста миллионов долларов, которые составляли ежедневный доход страны от продажи нефти. Но сейчас здесь было пусто. Сотни деревянных и картонных ящиков всех размеров были разбросаны на снегу – многие были вскрыты и выпотрошены, большинство намокли от снега. Несколько брошенных легковых и грузовых автомобилей, некоторые совсем старые, один грузовик черный от огня. Пулевые отверстия в стенах складских помещений.

Ворота, которые вели на бетонированную площадку для самолетов и вертолетов, были закрыты и заперты на простой засов.

Знак на английском и фарси гласил: ВЪЕЗД ТОЛЬКО ПО РАЗРЕШЕНИЮ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ. Мак-Айвер подождал, потом посигналил, подождал еще. Никто не появился, поэтому он вылез из машины, открыл ворота пошире, проехал внутрь, остановился в нескольких шагах по другую сторону, еще раз вышел, запер ворота на засов и покатил к складам и офису S-G рядом с примыкающими к ним ангарами и мастерской, где можно было разместить четыре 212-х и пять 206-х и где сейчас стояли три 206-х и один 212-й.

Он с облегчением увидел, что двери главного входа были закрыты и заперты. Мак-Айвер боялся, что к ним могли вломиться и все разграбить или расколотить. Здесь находилось их основное хранилище запчастей и ремонтного оборудования в Иране – больше чем на два миллиона долларов запчастей и специальных инструментов, а также их собственные заправщики и подземные резервуары, хранившие подальше от чужих глаз пятьдесят тысяч галлонов вертолетного топлива, которые Мак-Айвер «потерял», когда беспорядки в стране стали по-настоящему серьезными.

Он посмотрел на небо. Ветер подсказывал ему, что 125-й должен садиться с западного направления на левую полосу, но самолета нигде не было видно. Мак-Айвер отпер дверь и торопливо прошел по холодному фойе в главный офис, где стоял телекс. Аппарат был выключен.

– Чертовы идиоты, – выругался он вслух. Его неизменное распоряжение требовало, чтобы телекс был включен в любое время. Он щелкнул кнопкой, включая аппарат. Ничего не произошло. Мак-Айвер пощелкал выключателем на стене. Тоже безрезультатно. – Проклятая страна. – В раздражении он подошел к ВЧ– и УВЧ-приемопередатчикам и включил их. Оба питались от батарей как раз на такой случай. Их ровное гудение успокоило его.

– Эхо Танго Лима-Лима, – отчетливо произнес он в микрофон, официальные позывные 125-го: ETLL. – Говорит Мак-Айвер, как слышите меня?

– Эхо Танго Лима-Лима, еще как слышим, старина, – тут же прозвучал лаконичный ответ. – Тут как-то одиноко наверху, мы уже полчаса пытаемся выйти на связь. Ты где?

– В складском офисе. Извини, Джонни, – произнес Мак-Айвер, узнав голос старшего пилота их самолетного флота. – Все на свете проклял, сюда добираясь. Только что приехал. Где вы?

– Семнадцать миль к югу, в «супе», проходим отметку две семьсот по стандартному заходу, ожидаем окончательного разрешения сесть на левую полосу. Что там творится, Мак? Мы не можем связаться с диспетчерской вышкой. На самом деле с нами никто ни разу не связался, после того как мы вошли в воздушное пространство Ирана.

– Бог ты мой! Что, даже РЛС на Кише?

– Даже они молчат, старина. Что стряслось?

– Не знаю. Вчера вышка работала. По крайней мере, до полуночи. Военные выдали нам разрешение на полет на юг. – Мак-Айвер был поражен: станция радиолокационного контроля на Кише всегда работала сверхпунктуально, следя за любыми перелетами в Иран и из Ирана, особенно через залив. – Тут на летном поле ни одного человека, что сильно настораживает. По дороге сюда видел толпы народа по всему городу, улицы перекрыты в нескольких местах, но ничего необычного, ни столкновений, ни беспорядков, ничего такого.

– А как насчет посадки? Проблемы есть?

– Сомневаюсь, что посадочные огни функционируют, как и все остальное, но облачность заканчивается где-то на высоте тысяча двести, видимость пятнадцать километров. Полоса выглядит нормально.

– Ну, и что ты думаешь?

Мак-Айвер взвесил все за и против посадки – без помощи и разрешения диспетчерской вышки. – На обратный путь топлива у вас хватит?

– О да. А у вас что, возможности заправиться нет?

– Только в экстренном случае. Пока что.

– Я прошел облака на высоте тысяча четыреста. Вы у меня в прямой видимости.

– О'кей, Эхо Танго Лима-Лима. Ветер восточный, около пяти метров в секунду. В обычных условиях вы бы садились на левую. Военная база, похоже, закрыта и брошена, так что других бортов в воздухе не предвидится – все гражданские рейсы отменены, как сюда, так и отсюда. Предлагаю пройтись разок, посмотреть сверху, если все выглядит нормально, заходите и садитесь, в небе болтаться не стоит,

тут полно шутов, у которых пальцы на курках чешутся. Как сядете, сразу разворачивайтесь для быстрого взлета, на всякий случай. Я подъеду к вам на машине.

– Эхо Танго Лима-Лима.

Мак-Айвер достал носовой платок и вытер руки и лоб. Но когда он поднялся со стула, сердце словно перевернулось у него в груди.

На пороге стоял таможенник, небрежно положив руку на кобуру пистолета. Мундир у него был грязным и мятым, круглое лицо покрывала жесткая щетка бороды, не бритой три-четыре дня.

– О, – выдохнул Мак-Айвер. – Салам, ага. – Он не узнал в иранце никого из тех, с кем они обычно работали.

Иранец зловеще переложил руку на кобуре, переводя взгляд с Мак-Айвера на рацию, потом обратно на Мак-Айвера.

Запинаясь, поскольку на фарси Мак-Айвер говорил плохо, он произнес:

– *Инглиси ме данид, Ага? Бе бак шид мани забан-е шома ра хуб нами данам.* Вы говорите по-английски? Пожалуйста, извините, но я не говорю на вашем языке.

Таможенник хмыкнул.

– Что делаешь тут? – спросил он на ломаном английском, показав коричневые от табака зубы.

– Я… я капитан Мак-Айвер, глава вертолетной компании S-G, – ответил он, произнося слова медленно и отчетливо. – Я просто… просто проверял телекс. Я здесь, чтобы встретить самолет.

– Самолет… какой самолет? Ка…

В этот момент 125-й прошел над самым аэропортом на высоте трехсот метров. Таможенник бросился к выходу и выбежал на площадку; Мак-Айвер следовал за ним по пятам. Они увидели изящные обводы двухмоторного реактивного самолета на фоне мглистых облаков и секунду смотрели, как он унесся прочь, чтобы заложить крутой вираж и приготовиться к посадке.

– Какой самолет? А?

– Это наш обычный рейс… обычный рейс из Эль-Шаргаза.

Название исторгло из иранца бурный поток брани.

– Простите, я не понимаю.

– Нет садился… нет садился, понятно? – Таможенник сердито ткнул пальцем в самолет, потом в офис с телексом. – Говори самолет!

Мак-Айвер спокойно кивнул и поманил его рукой за собой в офис. Он отсчитал десять тысяч риалов, около ста десяти долларов, и протянул их иранцу.

– Пожалуйста, примите плату за посадку… деньги, чтобы садиться.

Иранец с презрением отверг их, обрушив на него новый поток непонятных слов. Мак-Айвер положил деньги на стол и прошел мимо иранца на склад. Отперев дверь, он вошел в маленькую комнату, где специально для этой цели были припасены кое-какие запчасти и три полных двадцатилитровых канистры с бензином. Он взял одну из них и поставил ее у двери снаружи, вспомнив слова генерала Валика: пешкеш не взятка, это подарок и добрый иранский обычай. Подумав секунду, Мак-Айвер решил уйти и оставить дверь открытой – три канистры будут более чем достаточной гарантией, что проблем не возникнет.

– *Бе бак шид, Ага.* Пожалуйста, извините меня, ваше превосходительство. – Потом добавил по-английски: – Я должен встретить своих хозяев.

Он вышел из здания и сел в машину, не оглядываясь.

– Чертов сукин сын, у меня едва сердце не остановилось, черт бы его побрал! – пробормотал он, потом выбросил иранца из головы, выехал на рулежку и направился к точке, куда должен был подъехать севший самолет. Снежный покров не превышал десяти сантиметров, и ехать было нетрудно. Следы от его шин были единственными, снег на главных взлетно-посадочных полосах был таким же нетронутым. Ветер усилился, стало холоднее. Мак-Айвер не замечал этого, целиком сосредоточившись на самолете.

125-й круто развернулся, выпустив закрылки и шасси, уверенно скользнув на крыло, чтобы сбросить высоту и сократить дистанцию захода на посадку. Джон Хогг выполнил «подушку» и посадил машину, позволив ей катиться, пока скорость не упадает достаточно, да и потом воспользовавшись тормозами лишь с большой осторожностью. Он свернул на рулежку и прибавил обороты, двигаясь навстречу Мак-Айверу. Рядом с первым выездом назад на ВПП самолет остановился.

Когда Мак-Айвер подкатил сбоку, дверца была уже открыта, трап спущен, Джон Хогг ждал его у нижней ступеньки, закутанный в парку, притопывая замерзшими ногами.

– Привет, Мак! – крикнул он, аккуратный, худощавый человек с усами на узком лице. – Очень рад тебя видеть. Поднимайся, там нам теплее будет.

– Хорошая мысль. – Мак-Айвер торопливо выключил зажигание и поднялся следом за ним по трапу. Внутри было уютно: горел свет, пахло свежеприготовленным кофе, на полке лежали лондонские газеты. Мак-Айвер знал, что в холодильнике найдутся вино и пиво, в туалете стоит нормальный унитаз и висит рулончик мягкой туалетной бумаги – возвращение к цивилизации. Он обменялся с Хоггом горячим рукопожатием и махнул рукой второму пилоту. – Как же я рад тебя видеть, Джонни. – Тут челюсть у него отвалилась: в одном из вращающихся кресел в восьмиместном салоне, улыбаясь ему широкой улыбкой, сидел Энди Гаваллан.

– Привет, Мак!

– Бог мой! Бог мой, Китаец, вот это здорово, – заговорил Мак-Айвер, тряся ему руку. – Какого черта ты тут делаешь… почему не сказал, что прилетишь… что это за вы…

– Угомонись, парень. Кофе?

– Господи, да. – Мак-Айвер сел напротив него. – Как Морин… как крошка Электра?

– Здорово, чудесно! Ей скоро два исполняется, а она уже всех с ума сводит! Я подумал, что надо нам поболтать, так что сел на птичку, и готово дело.

– Даже выразить тебе не могу, как я рад. Выглядишь отлично! – сказал Мак-Айвер.

Так оно и было.

– Спасибо, парень, ты и сам вроде ничего. Как ты, Мак, как ты на самом деле? – спросил Гаваллан с нажимом.

– Отлично. – Хогг поставил перед Мак-Айвером чашку с кофе и маленьким стаканчиком виски. Второй стаканчик для Гаваллана. – А-а, Джонни, вот спасибо, – произнес Мак-Айвер, светлея лицом. – Ваше здоровье! – Он чокнулся с Гавалланом и благодарно опрокинул в себя чудесный напиток. – Я тут замерзаю, как на благотворительном балу. Только что схлестнулся с чертовым таможенником! Ты чего прилетел? Проблемы какие, Энди? О, и как нам быть со 125-м? И революционеры и лоялисты теперь все очень дерганые. И те и другие могут в любую минуту навалить толпой и арестовать машину.

– Джонни Хогг за ними приглядывает. О моих проблемах поговорим через минуту, просто я решил, что лучше мне прилететь и самому все посмотреть. Слишком много сейчас поставлено у нас на карту, и здесь, и за пределами Ирана, со всеми этими нашими новыми, грядущими контрактами и машинами. Х6З-й – это совершенное чудо, Мак; все, что они обещали, и даже лучше!

– Здорово, замечательно! Когда мы его получим?

– В следующем году, но об этом позже. Сейчас мой главный приоритет – Иран. Нам нужно разработать кое-какие планы на случай всяких непредвиденностей, договориться, как мы будем держать связь, и все такое. Вчера я несколько часов провел в Эль-Шаргазе, пытаясь получить у иранцев разрешение на перелет в Тегеран, но так ничего и не получил. Даже посольство у них было закрыто; я сам ездил в это их здание на Аль-Мулла, но там все закупорено плотнее, чем комариный зад. Я нашему представителю сказал, чтобы он позвонил послу домой, но тот, оказывается, обедал – весь день без перерыва. В конце концов я отправился в службу управления полетами Эль-Шаргаза и поговорил с ними по душам. Они все предлагали нам подождать, но я уговорил их дать нам разрешение на вылет и возможность рискнуть, вот мы и здесь. Во-первых, в каком состоянии тут наши дела?

Мак-Айвер рассказал ему все, что знал.

Хорошего настроения у Гаваллана заметно поубавилось.

– Значит, Чарли пропал, Том Локарт рискует головой и всем нашим иранским предприятием – по глупости или с отвагой, в зависимости от точки зрения, – Дюк Старк влип по полной в Бендер-Деламе вместе с Руди, Ковисс – на осадном положении, и нас вышвырнули из собственной штаб-квартиры.

– Да, – хмуро подытожил Мак-Айвер. – Я дал разрешение на полет Тому.

– Я сделал бы то же самое, наверное, будь я здесь, хотя это и не оправдывает ту опасность, которой теперь подвергается он, мы или этот чертов бедолага Валик со своей семьей. Но я согласен: САВАК любому придется не по нутру. – Гаваллан был явно потрясен, хотя прочесть это на его лице было невозможно. – Иэн снова оказался прав.

– Иэн? Данросс? Ты с ним виделся? Как поживает этот старый хрен?

– Он позвонил мне из Шанхая. – Гаваллан рассказал ему о разговоре. – Каковы последние новости о политической обстановке здесь?

– Вы должны знать об этом больше, чем мы. До нас настоящие новости доходят только через Би-би-си или «Голос Америки». Газет по-прежнему нет, кругом только слухи, – ответил Мак-Айвер, но сам вспоминал то славное время, которое провел с Данроссом в Гонконге. Он учил Данросса летать на маленьком вертолете за год до того, как присоединился к Гаваллану в Абердине, и хотя нельзя сказать, что они много общались вне работы, Мак-Айверу очень нравилась его компания. – Бахтияр по-прежнему главный, и за ним вооруженные силы, но Базарган и Хомейни щелкают зубами у самых пяток… О черт, забыл тебе сказать, Кияби убили.

– Господь милосердный, ужас какой! Но за что?

– Мы не знаем, за что, как или кто. Фредди Эйр рассказывал нам об этом полунамека…

– Извините, что прерываю, сэр, – раздался голос в динамиках; в ровном голосе Хогга тонкой ниткой натянулась тревога. – К самолету со стороны аэровокзала едут три машины, набитые людьми и оружием.

Оба мужчины в салоне выглянули в маленькие круглые иллюминаторы. Теперь и они видели эти машины. Гаваллан взял бинокль и поднес его глазам, наводя резкость.

– Человек пять-шесть в каждой машине. В головной на переднем сиденье – мулла. Это люди Хомейни! – Он повесил бинокль на шею и одним быстрым движением поднялся на ноги. – Джонни!

Хогг был уже у двери.

– Слушаю, сэр.

– План «Б». – Хогг тут же показал большой палец второму пилоту, и двигатели немедленно взревели, набирая обороты. Гаваллан, торопливо натянул теплую куртку и на бегу подхватил небольшую дорожную сумку. – Пошли, Мак! – Он первым спустился по трапу, прыгая через две ступеньки. Мак-Айвер не отставал. Едва оба оказались на бетоне, как трап втянули назад, дверца захлопнулась, рев двигателей стал еще тоньше, и 125-й покатил по рулежке, быстро набирая скорость. – Повернись к машинам спиной, Мак. Не смотри на них, смотри, как он взлетает!

Все произошло так быстро, что Мак-Айвер едва успел застегнуть молнию на своей парке. Одна из машин стала забирать вбок, чтобы перехватить самолет, но 125-й к этому моменту уже бежал по взлетно-посадочной полосе. Через несколько секунд он поднялся в воздух и начал набирать высоту. Теперь они стояли лицом к приближавшимся машинам.

– Что теперь, Энди?

– Это зависит от нашей группы по торжественной встрече дорогих гостей.

– Что это еще, черт подери, за план «Б»?

Гаваллан рассмеялся.

– Это лучше, чем план «Ц», парень. Там уж или пан или пропал. План «Б» такой: я выскакиваю, Джонни тут же взлетает и никому потом не рассказывает, что улетать пришлось в срочном порядке; завтра в то же время он вернется и заберет меня; если связи не будет, ни зрительной, ни по радио, то Джонни пропустит день и прилетит на час раньше – и так четыре дня по этой схеме. Потом садится себе на хвост в Эль-Шаргазе и ждет дальнейших указаний.

– План «А»?

– Это если бы нам удалось безопасно тут переночевать: им – сторожами в самолете, мне – у тебя.

Машины с визгом затормозили и остановились, мулла и «зеленые повязки» окружили их, держа под прицелом своих автоматов, что-то крича без перерыва. Неожиданно Гаваллан проревел:

– Аллаху акбар! – и все ошарашено замолчали. Широким жестом он поднял шляпу, приветствуя муллу, который был вооружен, как и остальные, достал официального вида документ, составленный на фарси, на котором внизу стояла тяжелая печать алого сургуча. Гаваллан протянул документ мулле. – Это разрешение совершить посадку в Тегеране от «нового» посла в Лондоне, – безмятежно сообщил он Мак-Айверу, пока иранцы толпились вокруг муллы, таращась на важную бумагу. – Я специально заскочил в Лондон, чтобы его забрать. Там говорится, что я – очень важная персона в Иране – по официальному делу и могу приезжать и уезжать беспрепятственно.

– Дьявол меня забери, как тебе удалось такое раздобыть?! – восхищенно спросил Мак-Айвер.

– Влияние, парень. Влияние и большой *хьёнг йо.* – Он аккуратно выговорил кантонский эквивалент пешкеша.

– Вы пойдете с нами, – произнес молодой парень, стоявший рядом с муллой; по-английски он говорил с американским акцентом. – Вы арестованы!

– За что же, мой дорогой сэр?

– Незаконная посадка без разре…

Гаваллан ткнул пальцем в бумагу.

– Вот официальное разрешение вашего собственного посла в Лондоне! Да здравствует революция! Да здравствует аятолла Хомейни!

Парень в нерешительности помолчал, потом перевел сказанное мулле. Последовал приглушенный обмен сердитыми фразами.

– Вы вместе поедете с нами!

– Мы поедем за вами в своей машине! Пошли, Мак, – твердо сказал Гаваллан и забрался на переднее сиденье справа.

Мак-Айвер включил зажигание. На мгновение иранцев словно парализовало, потом тот, который говорил по-английски, вместе с еще одним бойцом сели в их машину сзади. У обоих в руках были АК-47.

– Езжайте на вокзал! Вы арестованы.

В здании вокзала рядом со стойкой паспортного контроля они нашли еще одну группу враждебно настроенных людей и сильно нервничающего чиновника иммиграционной службы. Мак-Айвер тут же предъявил свой пропуск в аэропорт, разрешение на работу, объяснил, кто они с Гавалланом такие, сказал, что они вместе работают по лицензии с компанией «Иран Ойл», и попытался договориться, чтобы их пропустили, но ему повелительно махнули рукой, чтобы он замолчал. Задумчиво и тщательно чиновник изучал документ с печатью и паспорт Гаваллана, и все это время молодые люди с автоматами толпились вокруг них, наполняя воздух тяжелым запахом немытых тел. Потом чиновник открыл сумку Гаваллана и принялся грубо рыться в ней, но не нашел ничего, кроме бритвенных принадлежностей, чистой рубашки, пары белья и пижамы. И бутылку виски. Бутылка была немедленно конфискована одним из молодых людей, открыта и содержимое вылито прямо на пол.

– *Дью не ло мо,* – любезно произнес Гаваллан на кантонском, и Мак-Айвер едва не задохнулся. – Да здравствует революция.

Мулла расспросил чиновника, и они видели, как тот потел и боялся. Наконец юноша, говоривший по-английски, произнес:

– Власти оставляют документ и паспорт у себя, а вы потом объясните еще.

– Мой паспорт останется при мне, – небрежно заметил Гаваллан.

– Власти возьмут. Враги понесут кару. Те, кто нарушает закон – незаконные посадки и прилеты сюда, – понесут исламскую кару. Его превосходительство желает знать, кто на самолете с вами?

– Только мой экипаж из двух человек. Они указаны в манифесте, приложенном к разрешению на посадку. А теперь, будьте добры, мой паспорт и этот документ.

– Власти возьмут. Где вам жить?

Мак-Айвер назвал адрес.

Молодой человек перевел. Вновь последовал горячий спор.

– Я должен вам говорить: теперь ваши самолеты нельзя летать и садиться без разрешения сначала. Все самолеты Ирана… все самолеты теперь в Иране принадлежат государству и…

– Самолеты принадлежат их законным владельцам. Законным владельцам, – сказал Мак-Айвер.

– Да, – с издевкой произнес молодой иранец, – наше исламское государство владельцы теперь. Вам не нравится закон, уходите. Уходите из Ирана. Мы вас тут не просим.

– А, но вы ошибаетесь. Нас, вертолетную компанию S-G, сюда пригласили. Мы работаем на ваше правительство и обслуживаем «Иран Ойл» уже много лет.

Молодой иранец сплюнул на пол.

– «Иран Ойл» компания шаха. Исламское государство владельцы нефти, не чужеземцы. Вы скоро будете арестованы вместе со всеми другими за великое преступление: укража иранской нефти.

– Чепуха! Мы ничего не крали! – возмутился Мак-Айвер. – Мы помогали Ирану вступить в двадцатый век! Мы прине…

– Уходите из Ирана, если хотите, – повторил народный представитель, не обращая на его слова никакого внимания. – Теперь все приказы идут от имама Хомейни, да охранит его Аллах! Он говорит, никаких посадок или взлетов без разрешения. Каждый раз один страж Хомейни летит с каждым самолетом. Понятно?

– Мы понимаем, что вы говорите, – вежливо ответил Гаваллан. – Могу я попросить дать нам это в письменном виде, потому что правительство Бахтияра может не согласиться.

Молодой человек перевел, и раздался взрыв хохота.

– Бахтияра нет, – выговорил иранец сквозь собственный смех. – Этот шахский пес спрятался. Спрятался, понятно? Имам теперь правительство! Он один.

– Да, конечно, – ответил Гаваллан, не поверив ему. – Так мы можем идти?

– Уходите. Завтра приходите к властям.

– Куда… и к каким властям?

– Тегеранским властям. – Снова перевод, и снова все вокруг захохотали.

Мулла сунул паспорт и разрешение в карман и с важным видом удалился. Вооруженные охранники ушли с ним, прихватив с собой потного чиновника. Большинство остальных просто разбрелись кто куда, на первый взгляд безо всякой цели. Несколько человек остались и продолжали их рассматривать, лениво привалившись к стене, покуривая – на плечах у них болтались американские армейские автоматические винтовки. В холле аэропорта было очень холодно. И очень безлюдно.

– А ведь он, знаете ли, совершенно прав, – произнес чей-то голос.

Гаваллан и Мак-Айвер обернулись. Это был Джордж Талбот из британского посольства, невысокий сухонький человек пятидесяти пяти лет в толстом непромокаемом плаще и меховой шапке, похожей на русскую ушанку. Он стоял в дверях таможенного офиса. Рядом с ним высился широкоплечий мужчина лет шестидесяти с бледно-голубыми глазами, седыми усами, седыми же коротко стриженными волосами, одетый как на прогулку: шарф, вязаная шапочка, старый плащ. Оба курили.

– О, привет, Джордж, рад вас видеть. – Гаваллан подошел к нему, протягивая руку. Он знал Талбота много лет, и в Иране, и в Малайе – Талбот работал там до назначения в Иран, – где у S-G тоже было большое предприятие по обслуживанию нефтепромыслов. – Давно ты тут?

– Буквально несколько минут. – Талбот затушил сигарету, рассеянно прокашлялся. – Привет, Дункан! Ну, и как тебе вся эта

кадриль, славно, не правда ли?

– Да. О да. – Гаваллан бросил взгляд на второго иностранца.

– А, позвольте представить вам мистера Армстронга.

Гаваллан пожал незнакомцу руку.

– Здравствуйте, – сказал он, гадая, где он видел его раньше и как его звали – эти жесткие глаза и мужественное лицо. Пятьдесят фунтов против гнутой пуговицы, что он из ЦРУ, если он окажется американцем, подумал он. – Вы тоже из посольства? – небрежно спросил он, чтобы выяснить это.

Мужчина улыбнулся и покачал головой.

– Нет, сэр.

Гаваллан заранее навострил уши, но не услышал ни американского, ни английского выраженного акцента. Может быть и тем, и другим, или вообще канадцем, подумал он, с двух слов не разберешь.

– Ты здесь по долгу службы, Джордж? – спросил Мак-Айвер.

– И да, и нет. – Талбот подошел к двери, которая вела наружу, на бетонированную площадку перед зданием аэропорта, где стояла машина Мак-Айвера, уводя их подальше от любопытных ушей. – Вообще-то, едва мы услышали в эфире о вашем летящем сюда самолете, мы… э-э… поспешили сюда в надежде, что вы сможете захватить с собой кое-какие… э-э… депеши для правительства ее величества. Посол был бы крайне признателен, но… ну, мы как раз успели проводить ваш самолет взглядом. Жаль!

– Я был бы рад помочь, чем могу, – так же негромко ответил Гаваллан. – Может быть, завтра? – Он увидел, как его собеседники обменялись быстрым взглядом, и его еще больше заинтересовало, что же тут не так.

– Это возможно, мистер Гаваллан? – спросил Армстронг.

– Это возможно. – Англичанин, установил про себя Гаваллан, хотя и не до конца англичанин.

Талбот улыбнулся, механически кашлянул, даже не заметив этого.

– Вы намерены вылететь, имея или не имея разрешения иранских властей, или официальный документ с визой… или паспорт?

– Я… э-э… у меня есть дубликат официального документа. И еще один паспорт. Я подал заявление на получение запасного совершенно официально, в предвидении как раз такого поворота событий.

Талбот вздохнул.

– Не вполне по правилам, но очень мудро. Да… О, кстати, мне бы очень хотелось иметь копию вашего официального разрешения на посадку.

– Может быть, это не слишком удачная мысль – с официальной точки зрения. Никогда не знаешь, на какой подлог готовы пойти некоторые люди в наше время.

Талбот рассмеялся. Потом сказал:

– Если уж вы… э-э… летите завтра, мы были бы очень признательны, если бы вы любезно захватили с собой мистера Армстронга… Я так полагаю, Эль-Шаргаз будет первым пунктом вашего маршрута.

Гаваллан насторожился.

– Это официальная просьба?

Талбот улыбнулся.

– Официально неофициальная.

– Имея или не имея иранского разрешения, визы или паспорта?

Талбот коротко хохотнул.

– Вы совершенно правильно делаете, что спрашиваете. Я гарантирую, что бумаги мистера Армстронга будут в полном порядке. Как вы справедливо заметили, в наше время просто не уследить за всеми подлогами, на которые решаются некоторые люди, – подчеркнуто добавил он, заканчивая разговор.

Гаваллан кивнул.

– Очень хорошо, мистер Армстронг. Я буду с капитаном Мак-Айвером. Вам самому нужно будет позаботиться о том, чтобы связаться со мной. Самое раннее расчетное время вылета около семнадцати часов, но сидеть ждать вас я не буду. Договорились?

– Благодарю вас, сэр.

Гаваллан опять внимательно вслушался в его ответ, и опять не смог твердо определить акцент.

– Джордж, в самом начале нашего разговора вы сказали про того маленького заносчивого ублюдка, что он был совершенно прав. Прав в чем? Что я теперь должен разыскать и доложиться каким-то эфемерным властям в Тегеране?

– Нет. Что Бахтияр подал в отставку и находится в бегах.

Они оба уставились на него, разинув рот.

– Боже Всемогущий, вы уверены?

– Бахтияр официально подал в отставку пару часов назад и, что очень предусмотрительно с его стороны, исчез. – Голос Талбота звучал мягко и тихо, слова перемежались с выпускаемым сигаретным дымом. – Фактически обстановка вдруг сразу стала весьма чреватой всякими неприятностями, отсюда наше… э-э… острое желание по… э-э… впрочем, бог с ним, со всем этим. Вчера ночью начальник Генштаба генерал Гара-Баги, поддержанный другими генералами, приказал всем войскам вернуться в казармы, объявив, что вооруженные силы отныне сохраняют нейтралитет, оставив, таким образом, их законного премьер-министра беззащитным и отдав государство Хомейни.

– Нейтралитет? – эхом отозвался Гаваллан, отказываясь поверить услышанному. – Это невозможно… невозможно… для них это самоубийство.

– Согласен. Но это правда.

– Господи!

– Разумеется, приказу подчинятся лишь некоторые из воинских частей, другие будут драться, – продолжал Талбот. – На полицию и САВАК этот приказ, естественно, не распространяется. Они не сдадутся, хотя теперь, рано или поздно, они свою войну проиграют. Иншаллах, старина. А тем временем, кровушка по канавам рекой побежит, можете не сомневаться.

Мак-Айвер нарушил молчание.

– Но… если Бахтияр… получается ведь, что все закончилось? Закончилось, – повторил он, приходя в возбуждение. – Гражданской войне конец, и слава богу! Генералы предотвратили настоящую кровавую баню… поголовную резню. Теперь мы все можем вернуться к нормальной жизни и работе. Проблемам конец.

– О нет, любезный мой друг, – ответил Талбот еще более спокойным голосом. – Проблемы как раз только начинаются.

ГЛАВА 20

Буровая вышка «Беллиссима». 18.35. Закат был великолепен: окрашенные багрянцем облака у самого горизонта, чистое безоблачное небо, пронзительное сияние вечерних звезд, луна в третьей четверти.

Но здесь, на высоте три тысячи семьсот пятьдесят метров, было очень холодно, с востока уж надвинулась тьма, и Жан-Люк лишь с большим трудом разглядел приближающийся 212-й.

– Джанни, летит, голубчик, – крикнул он бурильщику.

Скот Гаваллан заканчивал свой третий за сегодня полет туда-обратно. Все – бурильщики, повара, три кошки, четыре собаки и канарейка, принадлежавшая Джанни Салубрио, – уже были благополучно доставлены на вышку «Роза»: оставались только Марио Гинеппа, который, несмотря на увещевания Жан-Люка, настоял на том, чтобы улететь последним, Джанни, Пьетро и еще два человека, которые занимались закрытием буровой.

Жан-Люк настороженно посматривал на козырек, который время от времени ворочался, отчего у француза бегали мурашки по коже. Когда вертолет вернулся в первый раз, они затаили дыхание, услышав громкий рокот его винта, хотя Пьетро и заверил всех, что это бабушкины сказки, и вызвать лавину может только динамит или высшая сила. И тогда, словно стремясь доказать, что он неправ, козырек сдвинулся снова, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы вызвать острый приступ дурноты у каждого, кто оставался на буровой.

Пьетро дернул за последний рубильник, и турбины дизельного генератора начали останавливаться. Он устало вытер лицо, оставив на лбу мазок машинного масла. Спина у него ныла, и руки ломило от холода, но скважину они запечатали и обезопасили насколько могли. В стороне над пропастью он увидел вертолет, осторожно заходивший на посадку.

– Поехали, – сказал он остальным по-итальянски. – Больше мы здесь уже ничего не можем сделать. Разве что взорвать эту глыбу дерьма к чертовой матери!

Остальные перекрестились и потянулись к вертолетной площадке, оставив его одного. Он посмотрел наверх, на гребень горы.

– Ты там, ни дать ни взять, живой прямо, – пробормотал он. – Чудище поганое, которому не терпится добраться до меня и моих чудесных скважин. Да только хрен тебе, ублюдок!

Он зашел в маленькую кладовку, где хранился динамит, и взял две приготовленные им гранаты – шесть палок динамита, обернутых вокруг тридцатисекундного взрывателя. Осторожно положил их в

небольшую сумку вместе с зажигалкой и коробком спичек на всякий случай.

– Матерь Божья, – незатейливо помолился он, – сделай так, чтобы эти штуковины сработали.

– Пьетро! Эй, Пьетро!

– Иду, иду, времени еще навалом! – Выйдя наружу, он увидел белое как мел лицо Джанни. – Что?!

– Гинеппа… ты лучше сам посмотри!

Марио Гинеппа лежал на спине, дыхание клокотало у него в горле, веки мелко подрагивали. Жан-Люк был рядом с койкой, держа руку на пульсе итальянца.

– Быстро колотится… а то вдруг вообще не могу нащупать, – встревоженно произнес он.

– Марио четыре недели назад прошел полное медицинское обследование. Ежегодное… кардиограмма там, все, что нужно. Очень серьезное. Сказали, он в полном порядке! – Пьетро сплюнул на пол. – Ну, врачи!

– Сглупил он, что решил торчать тут до последнего.

– Он начальник, что хочет, то и делает. Давайте его на носилки, и поехали. – Лицо Пьетро было мрачным. – Тут мы для него все равно ничего не сделаем. Черт с ним, с динамитом, рванем попозже или завтра.

Они аккуратно приподняли Гинеппу, укутали в теплое одеяло, вынесли из трейлера на носилках и пошли по сугробам к поджидавшему их вертолету. Как раз когда они подошли к площадке, гора издала громкий стон. Они посмотрели наверх. Куски снега и льда покатились вниз, набирая вес. Через какие-то секунды все это превратилось в настоящую лавину. Убежать они не успевали, оставалось только стоять и ждать. Грохот нарастал. Снег съехал по склону горы, подхватил дальний трейлер и один из огромных стальных баков с бурильным раствором и рухнул вместе с ними в пропасть. Потом все стихло.

– Mamma mia, – охнул Джанни и перекрестился. – Я уж думал, на этот раз все, конец.

Жан-Люк тоже перекрестился. Теперь козырек выглядел еще более зловеще, тысячи тонн нависли над буровой, часть скалы обнажилась. Струйки снега сбегали вниз беспрерывно.

– Жан-Люк! – Это был Гинеппа. Глаза у него были открыты. – Не… не ждите… динамит сейчас… должны… должны…

Пьетро кивнул:

– Он прав, сейчас или никогда.

– Прошу тебя… я в порядке… Mamma mia, давай сейчас! Я в порядке.

Они заторопились к вертолету. Носилки легли на передний ряд сидений, и их быстро закрепили ремнями. Остальные расселись, пристегнулись, Жан-Люк забрался на левое сиденье кабины и надел наушники.

– Все в норме, Скот?

– В полной норме, старина, – ответил Скот Гаваллан. – Как там Гинеппа?

– Не больно хорошо. – Жан-Люк проверил показания приборов. Все нормально, топлива хоть отбавляй. – *Merde!* Козырек вот-вот рухнет; будем приглядывать за восходящими и нисходящими потоками, нас скорее всего изрядно потрясет. *Allons-y!*[36]

– Держи. Я настроил их для Пьетро, пока ждал на «Розе». – Скот протянул Жан-Люку запасную пару наушников, которая теперь была соединена с их собственными.

– Передам ему, когда будем в воздухе. Мне тут не по себе. Взлетаем!

Скот тут же прибавил мощности, поднял 212-й над землей, чуть сдал назад, повернул и повис над пропастью. Пока он набирал высоту, Жан-Люк пробрался назад в пассажирский отсек.

– Вот, Пьетро, давай-ка надевай, теперь ты сможешь переговариваться с нами там, в кабине.

– Здорово, вот это здорово. – Пьетро сидел в кресле рядом с дверцей.

– Когда начнем, то ради Бога, моего здоровья и твоей матушки не вывались отсюда.

Пьетро нервно рассмеялся. Жан-Люк проверил Гинеппу, который как будто выглядел получше, вернулся на свое место в кабине пилотов и надел наушники.

– Слышишь меня, Пьетро?

– *Si. Si, amico.*

Вертолет с натужным рокотом поднимался по кругу. Теперь они были на одном уровне с гребнем горы. Отсюда козырек совсем не казался таким опасным. Их начало слегка покачивать, вверх-вниз, вверх-вниз.

– Поднимись повыше, еще метров на тридцать, *amico,* – раздался голос Пьетро в наушниках, – и чуть-чуть к северу.

– Понял, Пьетро. Ты теперь за навигатора, – ответил Скот.

Оба пилота сосредоточились. Пьетро показал им место на северном склоне, где взрыв динамита подрежет козырек и создаст лавину, которая пройдет в стороне от буровой.

– Может сработать, – пробормотал Скот.

Они сделали еще один круг, чтобы проверить все еще раз.

– *Amico,* когда будем над тем местом, зависни над ним метрах в тридцати. Я подожгу запал и брошу динамит. *Buono?*[37] — Они слышали, как у Пьетро дрожит голос.

– Дверцу только не забудь открыть, старина, – сухо сказал Скот.

В ответ послышалась длинная тирада итальянских ругательств.

Скот улыбнулся; в следующий миг нисходящий поток уронил их на пятнадцать метров, прежде чем он справился с ним. Через минуту они заняли нужную позицию на нужной высоте.

– Хорошо*, amico,* так держать.

Жан-Люк обернулся посмотреть. В пассажирском отсеке позади них остальные бурильщики завороженно смотрели на Пьетро. Он взял первую связку динамита и пальцами разгладил запальный шнур, чтобы он торчал ровно, мурлыча себе под нос марш из «Аиды».

– Матерь Божья, Пьетро, – выговорил Джанни, – а ты точно знаешь, что делаешь?

Пьетро сжал левый кулак, правую руку с динамитом положил поперек левого бицепса и ответил на вопрос выразительным жестом.

– Приготовьтесь там, впереди, – сказал он в микрофон и расстегнул ремень безопасности. Он еще раз внимательно посмотрел вниз, кивнул. – Хорошо, держите его ровно. Джанни, давай к дверце. Приоткроешь эту дуру чуть-чуть, а я сделаю все остальное.

Вихревые воздушные потоки задирали нос вертолета вверх. Джанни расстегнул свой ремень и подобрался к дверце.

– Давай скорей, – сказал он, сильно нервничая, потом добавил, обращаясь к ближайшему рабочему: – Держи меня за пояс!

– Открывай дверцу, Джанни! – Джанни поднатужился, приоткрыл ее на фут и стал удерживать в этом положении, забыв про больного на носилках. Воздух с ревом ворвался в салон. Вертолет развернуло, дополнительная тяга воздуха от открытой дверцы еще больше мешала Скоту контролировать машину. Пьетро поднял запал и щелкнул большим пальцем по зажигалке. Она не зажглась. Он щелкнул ею еще раз и еще, с каждым разом все более нетерпеливо и обеспокоенно.

– Матерь Божья, ну давай же!

Ручейки пота побежали по его лицу, когда зажигалка наконец вспыхнула. Фитиль зашипел и ожил. Держась одной рукой за сиденье, он наклонился к дверце, борясь с порывами ветра. Вертолет вдруг резко качнуло, и оба они пожалели, что им не хватило предусмотрительности захватить с собой страховочные ремни. Пьетро аккуратно выбросил динамит в дверную щель. Джанни тут же захлопнул дверцу и запер ее. Потом начал ругаться.

– Бомбы пошли! Мотаем отсюда! – приказал Пьетро, стуча зубами от холода, и уселся в свое кресло, пристегнувшись ремнем.

Вертолет тут же пошел вбок и вверх, и Пьетро испытал такое облегчение от того, что дело сделано, что разразился громким хохотом. К нему добавился истерический хохот остальных, и все они радостно прилипли к иллюминаторам и начали обратный отсчет:

– Шесть… пять… четыре… три… два… один! – Ничего не произошло. Смех умолк так же быстро, как и начался.

– Ты видел, как динамит падал, Жан-Люк?

– Нет. Нет, мы тут ничего не видели, – мрачно ответил француз: ему совсем не хотелось повторять маневр еще раз. – Может, он ударился о скалу и запал выскочил. – Про себя же он думал: тупой засранец-итальяшка, даже чертов запал к динамиту нормально прикрутить не может. – Мы проделаем все это снова, да?

– Почему бы нет, – с уверенностью ответил Пьетро. – Запал был в полном порядке. То, что динамит не взорвался, это дело рук дьявола. Да, тут и думать нечего… в снегу такое часто бывает. Много раз. Снег, он как шлюха, никогда не зна…

– Не вали вину на снег, Пьетро, и это было делом рук Божьих, а не дьявольских, – суеверно пробормотал Джанни, осеняя себя крестным знамением. – Клянусь мамой, хватит дьявола поминать, пока мы в воздухе болтаемся.

Пьетро достал вторую связку динамита и внимательно ее осмотрел. Проволока, который были обмотаны палки динамита, нигде не болталась, запал прочно сидел на месте.

– Вот, сам посмотри, все в полном порядке, как и на первой. – Он подбросил связку на руке, потом сильно ударил ею по ручке кресла, чтобы посмотреть, не выпадет ли запал.

– Mamma mia, – охнул один из рабочих, хватаясь за живот, – ты что, совсем рехнулся?

– Это ж тебе не нитроглицерин, *amico,* – просветил его Пьетро и еще сильнее ударил связкой взрывчатки по ручке кресла. – Вот видишь, все скручено намертво.

– Совсем как моя задница сейчас, – сердито выругался Джанни на итальянском. – Прекрати ты это, ради любви Пресвятой Девы!

Пьетро пожал плечами и выглянул в иллюминатор. Гребень горы снова приближался. Он видел нужное им место внизу.

– Приготовься, Джанни. – Потом – в микрофон: – Еще немного, сеньор летчик, чуть-чуть к востоку. Во, тут и держи… ровнее… а еще ровнее нельзя? Приготовься, Джанни. – Он поднял запал и поднес зажигалку к концу шнура. – Открывай эту долбаную дверцу!

Джанни в раздражении расстегнул ремень безопасности и подчинился. Вертолет качнуло, он вскрикнул, потерял равновесие, привалился всем телом к дверце, открывая ее шире, и вывалился наружу. Но сзади рабочий держал его за ремень на штанах, и Джанни повис в дверном проеме, наполовину снаружи, наполовину внутри; порывы ветра трепали их обоих. Едва Джанни приоткрыл дверцу, Пьетро щелкнул зажигалкой, и запал тут же загорелся, но, увидев, что случилось с Джанни, Пьетро на миг запаниковал, и это его отвлекло. Он тоже инстинктивно выбросил вперед руку, чтобы ухватить Джанни, и пальцы не удержали связку динамита. Все в вертолете с ужасом смотрели, как он ерзал по полу, засунув руку под сиденье, где взрывчатка каталась туда-сюда, весело искря фитилем. Наушники свалились у него с головы. Джанни, едва не теряя сознание от страха, ухватился рукой за край дверного проема и постарался вернуть себя в вертолет, леденея при мысли, что ремень порвется, и проклиная себя за то, что надел этот узенький, который жена подарила ему на Рождество…

Пальцы Пьетро нащупали динамит. Запал плевался, обжигая ему кожу, но боли он не чувствовал. Покрепче ухватив взрывчатку, он, не поднимаясь с пола, вывернулся из-под сиденья, ухватился другой рукой за опору снизу и швырнул динамит и то, что оставалось от запала, мимо Джанни наружу, потом освободившейся рукой ухватил друга за ногу и помог втащить его в вертолет. Другой рабочий захлопнул дверцу, и оба они, Пьетро и Джанни, кучей повалились на пол.

– Уводи машину, Скот, – слабым голосом произнес Жан-Люк.

Вертолет заложил вираж и оставил северный склон в шестидесяти метрах внизу. Какое-то мгновение гребень лежал под ними чистый, сверкающий, неподвижный. Потом раздался мощный взрыв, которого в вертолете никто не услышал и не ощутил. Снег взметнулся вверх и начал оседать. Потом по горам прокатился могучий рев, весь северный склон пополз вниз, лавина обрушилась в долину, срезая все на своем пути, как косой шириной в четверть мили, и остановилась внизу.

Вертолет развернулся.

– Господи, смотри! – воскликнул Скот, показывая рукой вперед. Козырек исчез. Над вышкой «Беллиссима» поднимался лишь чистый пологий склон, вся площадка осталась нетронутой, за исключением трейлера и бака с буровым раствором, которые унесла с собой первая лавина.

– Пьетро! – восхищенно воскликнул Жан-Люк. – Ты… – Он оборвал себя на полуслове. Пьетро и Джанни все еще сидели на полу, приходя в себя. Наушники Пьетро исчезли. – Скот, так они через свои иллюминаторы ничего не увидят. Подберись поближе и повернись, чтобы им было видно!

Жан-Люк в огромном возбуждении пробрался назад в пассажирский отсек и принялся молотить Пьетро по спине, поздравляя его. Сначала все лишь тупо смотрели на него, а потом, разобрав сквозь рев двигателей, что он им кричал, забыли свои страхи и бросились к иллюминаторам. И когда увидели, насколько идеально взрыв устранил нависшую над буровой опасность, разразились приветственными криками. Джанни вдохновенно обнял Пьетро, клянясь ему в вечной дружбе, благословляя его за то, что он спас ему жизнь, спас их всех, спас их рабочие места.

– *Niente, сагo*[38], – великодушно отвечал Пьетро. – Я же родом из Аосты.

Жан-Люк встал над носилками и мягко потряс Марио Гинеппу за плечо.

– Марио! У Пьетро получилось! Отлично все получилось. «Беллиссима» в полной безопасности…

Гинеппа ему не ответил. Он был уже мертв.

ВТОРНИК
13 февраля

ГЛАВА 21

Северный склон горы Сабалан. 10.00. Ночь была отчаянно холодной под безоблачным небом, усыпанным звездами и увенчанным яркой луной, и капитан Росс с двумя своими гуркхами осторожно пробирались под гребнем горы, следуя за проводником и человеком из ЦРУ. Солдаты замаскировались – белые комбинезоны поверх боевого обмундирования, – они были в перчатках и надели вниз утепленное белье, и все равно холод терзал их. Они находились на высоте двух тысяч четырехсот метров, продвигаясь с подветренной стороны к своей цели по другую сторону гребня, до которой оставалось около полумили. Над ними на высоту четырех тысяч восьмисот метров вздымался огромный конус погасшего вулкана.

– Месги, остановимся и передохнем, – сказал проводнику по-турецки человек из ЦРУ. Оба они были одеты в грубые одежды горцев.

– Если пожелаете, ага, пусть так и будет. – Проводник свернул с тропы и прошел по снегу к небольшой пещере, которую ни один из остальных даже не заметил. Он был старым и скрюченным, как древнее оливковое дерево, волосатым и худым, его одежда больше походила на лохмотья, и все же после почти двух дней подъема в горах он оставался из них самым сильным.

– Хорошо, – сказал человек из ЦРУ. Он повернулся к Россу: – Спрячемся здесь, пока не будем готовы.

Росс сбросил с плеча свой карабин, сел и с благодарностью оперся рюкзаком о землю: икры, бедра и спина мучительно ныли.

– Я превратился в одну сплошную болячку, – с отвращением проговорил он, – а ведь я вроде бы должен быть в хорошей физической форме.

– Вы в хорошей форме, сахиб, – с широкой улыбкой сказал сержант-гуркха по имени Тензинг. – В следующий отпуск пойдем с вами на Эверест, а?

– Держи карман шире, – ответил Росс по-английски, и три солдата хором рассмеялись.

Человек из ЦРУ задумчиво произнес:

– Наверное, это что-то – стоять на вершине этого сукина сына.

Росс увидел, как он всматривается в ночь и в тысячи метров горы под ними. Когда они впервые встретились в условленном месте недалеко от Бендер-э-Пехлеви два дня назад, Росс точно принял бы его за монгола, непальца или тибетца, если бы его не просветили заранее, потому что человек из ЦРУ был темноволосым, с желтоватой кожей, по-азиатски раскосыми глазами и одевался как кочевник.

– Вашим контактом в ЦРУ является Роузмонт, Вьен Роузмонт, он наполовину вьетнамец, наполовину американец, – сообщил ему полковник ЦРУ во время инструктажа. – Ему двадцать шесть, здесь уже год, говорит на фарси и турецком, в ЦРУ пошел по стопам родителей, и вы можете доверить ему свою жизнь.

– Похоже, именно это мне и придется сделать, сэр, так или иначе, вам не кажется?

– А? А, конечно. Да, видимо, так и есть. Вы встретитесь с ним южнее Бендер-э-Пехлеви, вот координаты места встречи. У него будет лодка. Вы пойдете на ней вдоль берега, пока не окажетесь чуть южнее советской границы, дальше – рюкзак за плечи и пешком.

– Проводником будет он?

– Нет. Он… э-э… он просто знает про «Мекку» – это наше кодовое название радиолокационной станции. Найти проводника – то его проблема, но не беспокойтесь, он его найдет. Если он не окажется на месте, ждите его всю ночь субботы. Если он не появится к рассвету, значит, он провалился, и вы сворачиваете операцию. О'кей?

– Да. А что за слухи ходят о восстании в Восточном Азербайджане?

– Насколько нам известно, произошли столкновения в Тебризе и в западной части. В Ардебиле все спокойно. Роузмонт расскажет вам подробнее. Мы… э-э… знаем, что Советы сосредоточились на границе и готовы вступить в Иран, если азербайджанцы вышвырнут сторонников Бахтияра. Все зависит от азербайджанских лидеров. Одного из них зовут Абдолла-хан. Если у вас возникнут проблемы, обратитесь к нему. Он один из наших – ему можно верить.

– Хорошо. А этот пилот, капитан Петтикин? Предположим, он не согласится нас взять.

– Уговорите его. Любым способом. Эта операция одобрена на самом верху, и вашими ребятами, и нашими, вот только на бумагу положить мы ничего не можем. Верно, Боб?

Второй человек, присутствовавший на инструктаже, некий Роберт Армстронг, которого Росс раньше тоже никогда не видел, согласно кивнул: – Да.

– А иранцы? Они дали свое разрешение?

– Это вопрос… э-э… национальной безопасности – и вашей, и нашей. И их безопасности тоже, только они… они сейчас очень заняты. Бахтияр, ну, он… может так получиться, что он долго не продержится.

– Значит, это правда. США выдергивают ковер у него из-под ног?

– Мне такие вещи не сообщают, капитан.

– Последний вопрос: почему вы не пошлете своих ребят?

За полковника ответил Роберт Армстронг:

– Они все заняты. В короткие сроки нам сюда больше никого не перебросить, я имею в виду с вашим элитным уровнем подготовки.

Да уж, подготовлены мы хорошо, подумал Росс, шевеля плечами, истерзанными ремнями от рюкзака, – карабкаться в гору, прыгать, ходить на лыжах, плавать под водой, убивать тихо или с большим шумом, накатываться подобно урагану на террористов или врагов государства, взрывать все до небес, если нужно, хоть на поверхности, хоть под водой. Но мне чертовски повезло, у меня есть все, что я хочу: здоровье, университет, военная академия «Сэндхерст», десантные войска, парашютно-десантные части особого назначения и даже мои любимые гуркхи. Он широко улыбнулся им обоим и отпустил смачное гуркхское ругательство на вульгарном диалекте, от которого гуркхи буквально зашлись в безмолвном приступе хохота. Тут он заметил, что Вьен Роузмонт и проводник смотрят на него.

– Прошу прощения, ваши превосходительства, – сказал он на фарси, – я просто говорил своим братьям, чтобы они вели себя как следует.

Месги ничего не сказал, просто снова начал разглядывать ночь вокруг них.

Роузмонт, стащив сапоги, разминал замерзшие ноги.

– Британские офицеры, которых мне доводилось видеть, со своими солдатами на дружеской ноге не держатся в отличие от вас.

– Наверное, мне повезло больше других.

Краем глаза Росс наблюдал за проводником, который поднялся на ноги и теперь стоял у входа в пещеру, прислушиваясь. За последние несколько часов старик стал вести себя заметно опасливее. Насколько я могу ему доверять? – подумал Росс. Он бросил взгляд на Гуэнга, сидевшего ближе всех. Маленький гуркха тут же понял его и ответил неуловимым кивком.

– Капитан – один из нас, сэр, – с гордостью говорил между тем Тензинг Роузмонту. – Как его отец и дед до него, а они оба были шенг-ханами.

– Кто это?

– Это гуркхский титул, – ответил Росс, пряча свою гордость. – Он означает «повелитель гор». Мало что значит за пределами полка.

– Три поколения служат в одной и той же части. Это обычное дело?

Конечно, необычное, хотелось сказать Россу; эти расспросы ему не нравились, хотя сам Вьен Роузмонт ему понравился. Лодка подошла вовремя, переход вдоль берега на север был быстрым и безопасным – всю дорогу они пролежали в лодке, прикрытые мешковиной. Без проблем высадились на берег в сумерках и прошли к месту встречи, где их ждал проводник, потом скорым шагом по холмам и дальше – в горы. Роузмонт ни разу не пожаловался на тяготы пути, упорно шел вперед и говорил мало, а не сыпал вопросами, как Росс ожидал.

Роузмонт терпеливо ждал, заметив, что Росс отвлекся. Потом он увидел, что проводник выскользнул из пещеры, постоял в нерешительности, вернулся назад и сел на корточки у входа, держа винтовку на коленях.

– Что там такое, Месги? – спросил Роузмонт.

– Ничего, ага. В долине скот пасется, козы и овцы.

– Хорошо. – Роузмонт с комфортом оперся спиной о каменную стену. Нам повезло, что мы нашли эту пещеру, подумал он, это хорошее место, чтобы спрятаться и переждать. Он поднял глаза на Росса, увидел, что тот смотрит на него. Помолчав, добавил: – Хорошо быть частью команды.

– Каков наш дальнейший план? – спросил Росс.

– Когда доберемся до входа в пещеру, я пойду первым. Вы и ваши люди останетесь сзади, пока я все не проверю, О'кей?

– Как угодно, только возьмите с собой сержанта Тензинга. Он прикроет вас сзади, а мы с Гуэнгом прикроем вас обоих.

После недолгой паузы Роузмонт кивнул:

– Конечно, хороший план. О'кей, сержант?

– Да, сахиб. Прошу сказать мне, что вы хотите, просто. Мой английский не хороший.

– Совершенно нормальный, – ответил Роузмонт, скрывая свое беспокойство. Он знал, что Росс оценивает его так же, как и он оценивает Росса – слишком много поставлено на карту.

– Нужно просто взорвать «Мекку» к чертям собачьим, – сказал ему его директор. – У нас есть команда специалистов, которые вам в этом помогут; мы не знаем, насколько они хороши, но они, черт побери, лучшие из тех, кого нам удалось раздобыть. Их командир – капитан Джон Росс, вот его фотография, с ним будет еще пара гуркхов, не знаю, говорят ли они по-английски, но рекомендуют их в самых лестных выражениях. Он профессиональный военный. Послушайте, вы раньше никогда не работали в тесном контакте с англичанами, поэтому хочу сразу предостеречь. Не спешите наладить личный контакт, дружеские отношения или перейти на ты – на всякие личные расспросы они реагируют, как кот, которому под хвост перо вставили, поэтому не форсируйте события, о'кей?

– Понятно.

– Насколько нам известно, «Мекку» вы найдете пустой. Наши другие станции ближе к турецкой границе еще работают. Мы рассчитываем пробыть здесь как можно дольше – к тому времени главные вояки договорятся с новыми шутами, будь то Бахтияр или Хомейни. Но «Мекка»… черт бы подрал тех мерзавцев, которые навлекли на нас такую опасность.

– Насколько она велика?

– Мы полагаем, они просто удрали в спешке, ничего не уничтожив. Вы же там сами были, черт возьми! «Мекка» под завязку набита таким количеством сверхсекретных штуковин, приборов для прослушивания, наблюдения, радаров дальнего действия, фиксированных шифров и кодов доступа к орбитальным спутникам, а также компьютеров, что наш недружелюбный начальник КГБ

Андропов будет выбран «Человеком года» – если их заполучит. Эти ублюдки просто дали деру, можете себе представить?!

– Государственная измена?

– Сомневаюсь. Просто чистой воды глупость, идиотизм. Черт подери, для Сабалана даже не был разработан план в экстренной ситуации. Да и для других точек тоже. Наверное, нельзя сказать, что они одни во всем виноваты. Никто из нас и не предполагал, что шах спасует так быстро, дьявол его возьми, или что Хомейни так быстро ухватит Бахтияра за яйца. Нас никто не предупредил – даже САВАК…

А теперь мы должны собрать все по кусочкам, думал Вьен, вернее, разнести все на куски. Он посмотрел на часы, чувствуя огромную усталость. Прикинул ночную темноту и состояние луны. Лучше подождать еще полчасика. Ноги ломило, болела голова. Он увидел, что Росс наблюдает за ним, и улыбнулся про себя: я-то не подведу, англичанин. А вот ты как?

– Еще час, потом выходим, – сказал Вьен.

– Зачем ждать?

– Луна нам больше поможет. Здесь безопасно, и время у нас есть. Вам ясно, что мы должны сделать?

– Заминировать в «Мекке» все, на что вы укажете, взорвать ее и вход в пещеру одновременно и драпать сколько сил есть, до самого дома.

Роузмонт улыбнулся и почувствовал себя лучше.

– А где для вас дом?

– Даже и не знаю толком, – произнес Росс, захваченный врасплох. Сам он себе никогда не задавал этого вопроса. Помолчав мгновение, больше для себя, чем для американца, он добавил: – Может быть, Шотландия, а может быть, Непал. Отец с матерью у меня в Катманду, они шотландцы, как и я, но живут там, с перерывами, с пятьдесят первого года, когда он вышел в отставку. Я даже родился там, хотя почти все годы учебы провел в Шотландии. – Для меня дом – обе эти страны, подумал он. – А для вас?

– Вашингтон, округ Колумбия. Вернее даже Фоллс-Чёрч, штат Виргиния, который почти является частью Вашингтона. Я там родился. – Роузмонту очень хотелось выкурить сигарету, но он знал, что это было бы опасно. – Па работал в ЦРУ. Сейчас он умер, но последние несколько лет проработал в Лэнгли, а это рядом совсем… в

Лэнгли штаб-квартира ЦРУ. – Он был рад поговорить. – Ма до сих пор в Фоллс-Чёрче, я там уже пару лет как не был. Вы когда-нибудь бывали в Штатах?

– Нет, еще нет.

Ветер немного усилился, и оба они несколько секунд всматривались в ночь.

– После полуночи он стихнет, – уверенно сообщил Роузмонт.

Росс увидел, что проводник опять поменял положение тела. Уж не собирается ли он отсюда улизнуть?

– Вы раньше работали с этим проводником?

– Конечно. Все горы в округе исходил с ним в прошлом году, провел тут целый месяц. Обычная работа. Много оппозиционеров проникают в страну через эти места, и мы пытаемся за ними приглядывать. Как и они за нами. – Роузмонт посмотрел на проводника. – Месги хороший парень. Курды не любят иранцев, как не любят и иракцев, и наших друзей по ту сторону границы. Но вы правильно делаете, что спрашиваете.

Росс перешел на непальский.

– Тензинг, осмотри все и приглядывай за следопытом, поешь потом. – Тензинг тут же выскользнул из рюкзака и растворился в темноте. – Я послал его покараулить.

– Хорошо, – сказал Роузмонт. – Он очень внимательно наблюдал за всей троицей во время подъема, и на него произвело впечатление то, как они работали одной командой: сменяли друг друга впереди, один – обязательно на фланге, каждый всегда знает, что нужно сделать, никаких приказов, предохранители всегда сняты. «Это же вроде бы опасно, нет?» – поинтересовался он в самом начале.

«Да, мистер Роузмонт. Если не знаешь, что делаешь», – ответил ему британец, и Роузмонт не уловил в ответе никакого высокомерия. Но когда за каждым деревом, углом или камнем может прятаться противник, разница между снятым и поставленным предохранителем может означать, кто кого убьет, ты или тебя.

Вьен Роузмонт вспомнил, как британец тогда бесхитростно добавил: «Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам, а потом вытащить вас оттуда», – и в который раз спросил себя, удастся ли им проникнуть внутрь, не говоря уже о том, чтобы выбраться. Прошла почти целая неделя с тех пор, как «Мекка» была оставлена.

Никто не знал, чего им ждать, когда они до нее доберутся. Она может оказаться нетронутой, уже разграбленной или даже занятой противником.

– Вы знаете, что вся эта операция – чистое сумасшествие?

– Наше дело – не гадать.

– Делать или умирать? Я думаю, эта присказка – дерьмо собачье.

– Я тоже думаю, что она – дерьмо собачье, если вам от этого легче.

Это был первый раз, когда они вместе рассмеялись. Роузмонт почувствовал себя гораздо лучше.

– Послушайте, раньше я этого не говорил, но я очень рад, что вы трое с нами.

– Мы… э-э… тоже рады быть здесь. – Росс скрыл свое смущение, выслушав этот откровенный комплимент. – Ага, – обратился он к проводнику, – пожалуйста, покушайте с нами.

– Спасибо, ага, но я не голоден, – ответил старик, не двинувшись от входа в пещеру.

Роузмонт опять обулся.

– У вас много специальных подразделений в Иране?

– Нет. С полдюжины – мы здесь занимаемся подготовкой иранцев. Думаете, Бахтияр пересидит эту непогоду? – Росс открыл рюкзак и раздал банки с говяжьей тушенкой.

– Нет. В горах племена говорят, что он слетит – вероятно, его пристрелят, – в течение недели.

Росс присвистнул:

– Настолько все хреново?

– Хуже. Говорят, что Восточный Азербайджан станет советским протекторатом не позже, чем через год.

– Черт меня подери!

– Вот-вот. Хотя, кто может знать наверняка. – Вьен улыбнулся. – Именно это и делает жизнь интересной.

Росс небрежно протянул ему фляжку.

– Лучший иранский горлодер, какой можно купить за деньги.

Роузмонт скривился и сделал осторожный глоточек, потом просиял:

– Да это же настоящий скотч!

Он уже приготовился приложиться к фляжке по-настоящему, но Росс был наготове и выхватил ее у него из рук:

– Полегче… полегче. Это все, что у нас осталось, ага.

Роузмонт ухмыльнулся. Они быстро поели. В пещере было уютно и безопасно.

– Вы когда-нибудь были во Вьетнаме? – спросил Роузмонт. Ему хотелось поговорить. Он чувствовал, что момент подходящий.

– Нет, не довелось. Один раз едва не попал туда, когда мы с отцом направлялись в Гонконг, но нас вместо Сайгона завернули в Бангкок.

– Вместе с гуркхами?

– Нет, это было много лет назад, хотя сейчас там у нас есть один батальон. Мне было, – Росс помолчал секунду, – мне было лет семь-восемь, у отца в Гонконге есть какие-то дальние родственники, Данроссы, да, именно так их и звали, и намечалось что-то вроде собрания всего клана. От Гонконга в памяти мало что осталось, разве что прокаженный, который лежал в грязи у морвокзала, с которого паром отходил. Мне пришлось проходить мимо него каждый день… ну, почти каждый день.

– Мой отец был в Гонконге в шестьдесят третьем, – с гордостью сказал Вьен. – Он был замдиректора местного офиса ЦРУ. – Вьен поднял с земли камешек, начал подбрасывать его на ладони. – Вы знаете, что я наполовину вьетнамец?

– Да, мне сказали.

– А что еще вам сказали?

– Только то, что я могу доверить вам свою жизнь.

Роузмонт криво усмехнулся:

– Будем надеяться, что они не ошиблись. – Он задумчиво начал проверять, исправно ли работает его М16. – Мне всегда хотелось побывать во Вьетнаме. Мой отец, настоящий отец, был вьетнамцем, фермером, но его убили до того, как я родился. Это было, когда французы владели Индокитаем. Вьетконговцы забили его насмерть совсем рядом с Дьенбьенфу… – Печаль спала с него, и он улыбнулся. – Матушка у меня американка до мозга костей, такая же, как бигмак, и, когда во второй раз вышла замуж, выбрала себе одного из самых великих. Никакой настоящий отец не мог бы любить меня больше…

Внезапно Гуэнг передернул затвор карабина.

– Сахиб! – Росс и Роузмонт схватились за оружие, но тут ветер донес тонкий вой, и Росс с Гуэнгом расслабились.

– Это Тензинг.

Сержант возник из темноты так же бесшумно, как и исчез в ней. Но теперь лицо у него было мрачным.

– Сахиб, внизу на дороге много грузовиков…

– По-английски, Тензинг.

– Да, сахиб. Много грузовиков, я сосчитал одиннадцать, колонной идут, по дороге на дне долины…

Роузмонт выругался:

– Эта дорога ведет в «Мекку». Как далеко они были?

Маленький гуркха пожал плечами. – На дне долины. Я перешел на другую сторону гребня, там есть… – Он произнес слово на непальском, и Росс подсказал ему английский перевод. – Выступ. Дорога в долине петляет, потом змеей поднимается в горы. Если хвост змеи в долине, а голова там, где дорога кончается, то четыре грузовика уже совсем миновали хвост.

Роузмонт чертыхнулся:

– Час, в лучшем случае. Нам ну…

В этот момент раздался легкий шорох, и их взгляды метнулись к выходу из пещеры. Они едва успели заметить убегающего проводника и бросившегося следом за ним Гуэнга.

– Что, черт подери, про…

– По какой-то причине он решил покинуть корабль, – сказал Росс. – Забудьте про него. Час времени дает нам какие-нибудь шансы?

– Конечно. Полно. – Они быстро надели рюкзаки, и Роузмонт передернул затвор своей автоматической винтовки. – А как быть с Гуэнгом?

– Он нас догонит.

– Мы идем прямиком туда. Я войду первым. Если у меня возникнут проблемы, вы уходите. О'кей?

Холод казался почти что физическим препятствием, которое им приходилось ежесекундно преодолевать, но Роузмонт уверенно вел их вперед, снега на петляющей тропе было немного, луна освещала путь, горные ботинки не скользили. Они быстро перевалили через гребень и двинулись вниз по противоположному склону горы. Здесь тропа стала более скользкой, их окружали голые камни с редкими пучками сорной

травы и каких-то растений, пытавшихся пробиться сквозь снег. Впереди виднелась разинутая пасть пещеры, дорога вела внутрь, на снегу отпечатались многочисленные следы автомобильных шин.

– Их могли оставить наши грузовики, – заметил Роузмонт, пряча тревогу. – Снегопада здесь не было пару недель.

Он знаком приказал остальным ждать, прошел вперед, вышел на дорогу и побежал ко входу. Тензинг так же быстро двинулся следом, используя неровности местности как прикрытие.

Росс видел, как Роузмонт исчез в черном проеме. Потом Тензинг. Чувство тревоги внутри нарастало. С того места, где он находился, дорога далеко не просматривалась, исчезая за выступом и круто уходя вниз. Яркий лунный свет придавал скалам и широкой долине зловещий вид, и он чувствовал себя голым и одиноким, ненавидя долгие минуты бездействия. Но уверенность не покидала его. «Если с тобой гуркхи, сынок, у тебя всегда есть шанс выбраться, – говорил ему отец. – Береги их. Они всегда будут беречь тебя. И все время помни, что, если повезет, однажды ты станешь шенг-ханом». Росс улыбнулся про себя, наполненный гордостью, титул этот присваивался очень редко и только тому, кто принес честь полку, в одиночку поднялся на достойный пик в горах Непала, использовал свой кукри в бою и спас жизнь гуркхе на службе великого раджи. Его дед, капитан Керк Росс, кавалер Военного креста[39], погибший в 1915 году в битве на Сомме, получил его посмертно; его отец, подполковник Гэвин Росс, кавалер ордена «За боевые заслуги», получил его в Бирме в 1943-м. А я? Ну, я поднялся на достойный пик – К4, – и пока что это все, но времени у меня впереди много…

Его отточенные органы чувств просигнализировали об опасности, и он выхватил кукри из ножен, но это был всего лишь Гуэнг. Маленький человечек стоял над ним, тяжело дыша.

– Недостаточно быстро, сахиб, – радостно прошептал он на непальском. – Я мог бы снять вас секунду назад. – Он поднял отрезанную голову и улыбнулся. – Я принес вам подарок.

Росс видел это в первый раз. Глаза были открыты. Лицо старика еще искажал животный ужас. Его убил Гуэнг, но приказ отдал я, подумал он, чувствуя дурноту. Был он просто стариком, который просто перепугался насмерть и попытался удрать, пока еще было

можно? Или он был шпионом и предателем, который торопился, чтобы сдать нас противнику?

– В чем дело, сахиб? – прошептал Гуэнг в недоумении.

– Так, ничего. Положи голову куда-нибудь.

Гуэнг отбросил ее в сторону. Голова немного скатилась по склону и остановилась.

– Я обыскал его, сахиб, и нашел вот это. – Гуркха протянул ему амулет. – Он висел у него на шее. И вот это, – он протянул ему маленький кожаный мешочек, – это висело у него между ног.

Амулет представлял собой всего лишь дешевый голубой камешек, который носили от дурного глаза. Внутри кожаного мешочка оказалась небольшая карточка, запаянная в пластик. Росс прищурился, рассматривая ее, и его сердце на миг остановилось. В эту секунду к шуму ветра снова примешался тонкий воющий звук, на этот раз другого тона. Они тут же подхватили оружие и побежали ко входу в пещеру: Тезинг сообщил им, что все чисто и нужно торопиться. Внутри прохода в пещеру темнота казалась более глубокой, потом, когда глаза немного привыкли, они увидели проблеск света. Это был фонарик с частично прикрытой линзой.

– Я здесь, капитан. – Хотя Роузмонт говорил тихо, его голос прокатился по пещере громким эхом. – Сюда. – Он повел их в глубь пещеры, и когда решил, что это безопасно, осветил фонарем каменные стены вокруг, чтобы сориентироваться. – Можно пользоваться фонарями. – Пещера была огромной, множество тоннелей и проходов вели в разные стороны, некоторые были природными, другие были пробиты людьми; свод пещеры смыкался у них над головами на высоте пятнадцати метров. – Это разгрузочная площадка, – сообщил Роузмонт. Найдя нужный ему тоннель, он посветил туда фонариком. В конце тускло блеснула металлическая дверь. Она была приоткрыта. – Дверь должна быть закрытой, – хрипло прошептал он. – Не знаю, оставили ее так, просто забыв запереть, или что, но нам с вами надо именно туда.

Росс сделал знак Тензингу. У того в руке тут же появился кукри, солдат двинулся вперед и исчез внутри. Росс и Гуэнг автоматически заняли оборонительные позиции. Против кого только? – беспомощно подумал Росс, чувствуя себя в ловушке. В любом из соседних тоннелей могли спрятаться хоть полсотни человек.

Секунды мучительно тянулись. Снова раздался негромкий вой. Росс бросился в дверной проем, следом за ним Гуэнг, потом Роузмонт. Пройдя через дверь, Роузмонт увидел, что Тензинг расположился поблизости, прикрывая их. Он захлопнул за собой дверь и включил свет. От неожиданности остальные тихо охнули.

– Аллилуйя! – воскликнул Роузмонт с явным облегчением. – Начальство прикинуло, что если генераторы еще работают, то шансы у нас хорошие. Эта дверь свет не пропускает. – Он задвинул тяжелые засовы и засунул фонарь за пояс.

Они оказались в другой пещере – гораздо меньших размеров, – над которой основательно поработали: пол был выровнен и наскоро покрыт ковровым покрытием, стены были лучше подтесаны и выглядели плоскими. Помещение напоминало приемную: столы, телефоны, повсюду мусор.

– Ребята точно не теряли времени, унося отсюда ноги, а? – с досадой произнес Роузмонт, торопливо пересекая пещеру и углубляясь в другой тоннель, который привел их в следующую пещеру: те же столы, несколько экранов радаров, телефоны, серые и зеленые.

– Серые – для внутренней связи, зеленые соединены с башней и мачтами на вершине горы, оттуда, по спутниковой связи с Тегераном, с нашим центральным коммутатором в посольстве и различными сверхсекретными местами. Все оснащены встроенными шифраторами. – Роузмонт поднял трубку с одного из телефонов. Линия была мертва. – Может быть, связисты все-таки сделали то, что от них требовалось. – В дальнем конце комнаты они увидели еще один тоннель. – Этот ведет в генераторную, которая обслуживает весь этот отсек. Здесь находится все оборудование, которое нам необходимо взорвать. Жилые помещения, кухни, столовые, ремонтные мастерские расположены в других пещерах, к которым ведут тоннели из разгрузочной зоны. Здесь круглосуточно работало человек восемьдесят.

– А другой выход отсюда есть? – спросил Росс. Ощущение, что он тут заперт наглухо, становилось все сильнее.

– Конечно. Наверху, куда мы и направляемся.

Грубые ступеньки вели наверх через сводчатый потолок. Роузмонт начал подниматься по ним. На площадке оказалась дверь: ОСОБО

СЕКРЕТНАЯ ЗОНА – ВХОД ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ. Эта дверь тоже была открыта.

– Черт, – пробормотал он.

Над этой пещерой потрудились еще прилежнее: пол был ровнее, стены выбелены известкой. Десятки компьютеров и радарных экранов, стойки с электронным оборудованием. Столы, стулья, телефоны, серые и зеленые. И два красных на столе в центре.

– А эти для чего?

– Прямая связь с Лэнгли по спутнику. – Роузмонт поднял трубку с одного из них. Гудка не было. В другом аппарате – тоже. Он достал лист бумаги и пробежал его глазами, потом подошел к панели с выключателями и нажал на некоторые из них. У него вырвалось еще одно ругательство, когда раздался негромкий гул, компьютеры ожили, разогреваясь, и три радарных экрана ярко вспыхнули: центральная белая линия побежала по кругу, оставляя за собой разбросанные точки. – Сволочи! Ублюдки! Надо же, оставили все как есть. – Он ткнул пальцем в четыре компьютера по углам. – Взрывайте вот этих раздолбаев, они – главные.

– Гуэнг!

– Да, сахиб. – Гуркха снял рюкзак и принялся выкладывать пластиковую взрывчатку и детонаторы.

– Запалы на полчаса? – произнес Роузмонт.

– Как скажете. – Росс пораженно смотрел на один из экранов. К северу ему была видна большая часть Кавказа, весь Каспий, к востоку даже часть Черного моря – и все это с удивительной четкостью. – Немалые пространства отсюда просматриваются.

Роузмонт подошел к клавиатуре и повернул выключатель.

На мгновение Росс потерял дар речи. Он с трудом оторвал взгляд от экрана.

– Теперь я понимаю, почему мы здесь.

– Это только часть.

– Господи! Тогда нам надо пошевеливаться. Как насчет входа в пещеру?

– У нас нет времени, чтобы сделать все обстоятельно, и по ту сторону нашей двери стоит обычное барахло, которое они уже и так сперли. Мы взорвем за собой тоннели и воспользуемся запасным выходом.

– А это где?

Американец подошел к другой двери. Она оказалась запертой. Он достал связку ключей и нашел нужный. Дверь распахнулась. Позади нее вверх спиралью уходила крутая лестница.

– Она ведет наружу, на гору.

– Тезинг, проверь, все ли там в порядке. – Тензинг заспешил вверх, шагая через ступеньку. – Что дальше?

– Шифровальная комната и сейфы, их мы заминируем. Потом связь. Генераторная напоследок, о'кей?

– Годится. – Россу все больше нравилась эта уверенная точность. – Прежде чем мы приступим, вам лучше взглянуть вот на это. – Он достал из кармана запаянную в полиэтилен карточку. – Гуэнг догнал нашего проводника. Это было при нем.

Роузмонт побледнел. На карточке стоял отпечаток большого пальца, какие-то строчки на русском и подпись.

– Это же удостоверение личности! – вырвалось у него. – Советское удостоверение! – Позади них Гуэнг на мгновение остановился.

– Мне тоже так показалось. А что именно тут написано?

– Не знаю, я тоже по-русски не читаю, но готов жизнью поклясться, что это какой-то пропуск. – Его замутило, и желудок заворочался, когда он вспомнил все те дни и ночи, что провел вместе со стариком, бродя по горам, ночуя вместе с ним под открытым небом, чувствуя себя в полной безопасности. И все это время он находился под слежкой. Роузмонт покачал головой. – Месги был с нами много лет. Он один из людей Али ибн Хасана Каракозе. Али – руководитель подполья и один из наших самых надежных и полезных контактов в горах. Отличный парень, который в своей работе забирается на север до самого Баку. Господи, может, его предали. – Он снова посмотрел на карточку. – Никак в голове не укладывается.

– Думаю, ясно, что нас могли подставить, вроде сидячих уток, – сказал Росс. – Может, колонна машин – часть их плана. Полные грузовики солдат, чтобы выследить нас. Нам тут лучше не засиживаться, а?

Роузмонт кивнул, пытаясь справиться со страхом, который захлестнул его с головой. Спокойствие напарника помогало ему.

– Да-да, вы правы. – Все еще потрясенный, он прошел по короткому проходу к еще одной двери. Заперто. Отыскивая нужный ключ на связке с ярлычками, он произнес: – Я должен извиниться перед вами и вашими людьми. Я не знаю, как нас… меня… обвели вокруг пальца или как этому сукину сыну удалось пройти наши проверки, но это ему удалось, и вы, возможно, правы: нас подставили. Извините, только, черт, что проку от этих извинений.

– Прок есть. – Росс улыбнулся, и страх оставил их обоих. – Есть прок. О'кей?

– О'кей. Спасибо, да, спасибо вам. Гуэнг его убил?

– Ну, – сухо сказал Росс. – Он принес мне его голову. Обычно они просто приносят уши.

– Господи. И давно вы с ними?

– С гуркхами? Четыре года.

Ключ скользнул в замок, и дверь открылась. В шифровальной комнате царил педантичный порядок. Телекс, телетайп, копировальные машины. Необычный компьютерный принтер с клавиатурой стоял на отдельном столе.

– Это дешифровщик. Стоит любых денег, какие вам вздумается запросить у противной стороны. – На рабочих столах аккуратными рядами были разложены карандаши. С полдюжины руководств. Роузмонт собрал их. – Боже милосердный… – Все они оказались шифровальными книгами с пометкой «„МЕККА“ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР». – Ну, по крайней мере, главный шифр под замком. – Он подошел к современного вида сейфу с электронным цифровым замком и клавиатурой цифр 0 до 9, который был вмурован в стену, прочел комбинацию на том самом листе бумаги и набрал ее. Но зеленый огонек, означавший ОТКРЫТО, не зажегся. – Может быть, я пропустил одну из цифр. Прочитайте их мне, пожалуйста.

– Конечно. – Росс начал читать длинную последовательность цифр. Сзади к ним бесшумно приблизился Тензинг. Ни один из них его не услышал. – … один двадцать пять семь двадцать один. – Потом оба ощутили постороннее присутствие и резко обернулись, на мгновение запаниковав.

Тензинг не дал выражению лица показать его восторг и закрыл уши от длинного ругательства в свой адрес. Разве Шенг-хан не велел ему обучить его сына и сделать его мудрым в делах скрытности и

убийства? Разве он не поклялся охранять его и быть его безмолвным учителем? «Только, Тензинг, ради всего святого, пусть мой сын никогда не узнает, что это я попросил тебя об этом. Пусть этот секрет останется между нами…» В течение многих недель им было очень трудно застать сахиба врасплох, радостно думал он. Но Гуэнг подловил его сегодня ночью, а теперь и я тоже. Гораздо лучше, если это сделаем мы, а не враг – а враги теперь роятся вокруг нас, как пчелы вокруг матки.

– Лестница ведет наверх, семьдесят пять ступеней, потом железная дверь, – произнес Тензинг самым дисциплинированным голосом рапортующего солдата. – Петли заржавели, но мне удалось ее открыть. За дверью – пещера, за пещерой – ночь. Хороший путь отхода, сахиб. Плохо то, что оттуда я увидел первые машины колонны. – Он сделал короткую паузу, не желая ошибиться. – Времени осталось, может быть, полчаса.

– Возвращайся к первой двери, Тензинг, той, которую мы заперли на засов. Заминируй тоннель по эту сторону двери, чтобы дверь при взрыве не пострадала. Запал на двадцать минут с этого момента. Скажи Гуэнгу, чтобы ставил все запалы в точности на то же время от сего момента. Передай Гуэнгу то, что я приказал.

– Да, сахиб.

Росс повернулся. Он заметил пот на лбу Роузмонта.

– Продолжаем?

– Конечно. Мы добрались до ста трех.

– Последние два числа шестьдесят шесть и тридцать один. – Он видел, как американец нажал соответствующие кнопки. Световой индикатор «ОТКРЫТО» замигал. Правая рука Роузмонта потянулась к ручке сейфа.

– Стойте! – Росс вытер пот со своего подбородка; золотистая щетина царапала кожу. – Полагаю, нет причин думать, что сейф заминирован?

Роузмонт уставился на него, потом на сейф:

– Это возможно. Разумеется, это возможно.

– Тогда давайте просто взорвем его к чертям собачьим и не будем рисковать.

– Я… я должен проверить. Я должен убедиться, находится главный шифр «Мекки» внутри или нет. Это и дешифровщик – самое

главное. – Он снова перевел взгляд на мигающую лампочку. – Возвращайтесь в другую комнату, найдите укрытие вместе с Гуэнгом, крикните мне, когда будете готовы. Я… это мое дело.

Несколько секунд Росс колебался. Потом кивнул, забрал оба рюкзака с взрывчаткой и детонаторами. – Где комната связи?

– Следующая после этой.

– Генераторная… она тоже важна?

– Нет. Только эта, дешифровщик и те четыре сукиных сына в соседней комнате. Хотя было бы лучше отправить в преисподнюю весь этот этаж. – Роузмонт посмотрел вслед удаляющемуся Россу, потом повернулся к нему спиной и уставился на ручку сейфа. В груди больно щемило. Эта сволочь Месги! Я был бы готов жизнь свою поставить на кон… собственно, так и сделал, мы все так и сделали, даже Али Каракозе. – Готовы? – нетерпеливо крикнул он.

– Погодите! – Желудок опять съежился и подскочил вверх. Росс, оказывается, вернулся и стоял у него за спиной – Роузмонт не слышал его шагов, – в руках у него был длинный тонкий нейлоновый канат, какими пользуются альпинисты. Он быстро накинул петлю на ручку сейфа. – Когда я скажу, поверните ручку, но дверцу не открывайте. Мы откроем ее за веревку вон оттуда. – Росс торопливо отбежал назад. – Давайте!

Роузмонт сделал глубокий вдох, чтобы унять бешеный ритм сердца, повернул ручку в положение «открыто» и пробежал по тоннелю в соседнюю пещеру. Росс знаком приказал ему лечь у стены.

– Я послал Гуэнга предупредить Тензинга. Готовы?

– Готов.

Росс натянул веревку, потом сильно потянул за нее. Веревка осталась натянутой. Он потянул еще сильнее, она подалась на фут, потом снова натянулась. Тишина. Ничего не произошло. Лица у обоих были покрыты бисеринками пота.

– Что ж, ладно, – сказал Росс с огромным облегчением и поднялся. – Лучше перестраховаться, чем потом кая…

Взрыв проглотил конец предложения, огромное облако пыли и кусочков металла ворвалось из тоннеля в их пещеру, вышибив весь воздух из легких, разметав столы и стулья. Все экраны радаров взорвались, свет погас, один из красных телефонов сорвало с места и швырнуло через всю комнату, пробив дыру в металлическом кожухе

стоявшего там компьютера. Понемногу пыль осела. Оба человека надрывно кашляли в кромешной темноте.

Роузмонт пришел в себя первым. Его фонарь все еще висел у него на ремне. Он нащупал его рукой.

– Сахиб? – встревожено крикнул Тензинг, врываясь в комнату с фонарем в руке; Гуэнг был с ним рядом.

– Я… я в порядке, – отозвался Росс, все еще натужно кашляя. Тензинг нашел его лежащим в груде обломков. Тонкая струйка крови стекала по лицу шотландца, но рана оказалась неглубокой: осколок стекла рассек кожу.

– Благословение всем богам, – пробормотал Тензинг и помог Россу подняться.

Росс с трудом удерживался на ногах.

– Боже всеблагой и милосердный! – Мгновение он тупо озирался посреди разрушенной комнаты, потом, неуклюже переставляя ноги, побрел вслед за Роузмонтом в шифровальную комнату. Сейф исчез, вместе с ним исчезли дешифровщик, шифровальные книги, телефоны – в сплошной скале, куда был вмонтирован сейф, зияла огромная дыра. Все электронное оборудование превратилось в месиво из искореженных металлических пластин и проводов. Кое-где уже разгорался огонь.

– Господи, – только и смог пробормотать Роузмонт. Его голос больше походил на скрип, сознание взбунтовалось от близости смерти, мозг кричал: удирай, уноси ноги из этого гнезда погибели…

– Бог и все его ангелы!

Роузмонт беспомощно напрягся, пытаясь произнести что-нибудь, не смог, ноги сами отнесли его в угол, где он согнулся пополам в сильнейшем приступе рвоты.

– Нам бы надо, – Росс обнаружил, что ему трудно говорить, в ушах все еще стоял звон, в голове стучал чудовищный молот, адреналин разгонял сердце; он отчаянно боролся с собственным желанием убежать отсюда подальше. – Тензинг, ты… ты закончил?

– Две минуты, сахиб. – Гуркха бросился назад.

– Гуэнг?

– Да, сахиб. Тоже две минуты. – Гуэнг заторопился прочь.

Росс отошел в другой угол, и его вырвало. Ему сразу полегчало. Он нашел рукой фляжку, сделал долгий глоток, вытер рот рукавом,

подошел к Роузмонту, который стоял, прислонившись к стене, и тряхнул его за плечо.

– Держите. – Он протянул ему фляжку. – Вы в порядке?

– Да. Конечно. – Роузмонт еще чувствовал тошноту, но мозг включился в работу. Во рту противно горчило, и он сплюнул эту гадость на каменное крошево под ногами. Тут и там плясали язычки пламени, бросая причудливые тени на стены и свод. Он осторожно пригубил виски. После короткой паузы произнес: – Ничто в целом свете не сравнится со скотчем. – Еще один глоток, и он вернул фляжку Россу. – Нам лучше убираться отсюда к чертовой матери. Он быстро посветил вокруг фонариком, проверяя, сделано ли дело, нашел искореженные останки столь важного дешифровщика, аккуратно пробрался с ними в соседнюю пещеру и положил их рядом с взрывчаткой у углового компьютера. – Чего я не понимаю, – беспомощно произнес он, – так это почему тут все вокруг не рвануло и не разнесло нас всех к чертям собачьим. Взрывчатки-то кругом вон сколько понатыкано.

– Я… прежде чем вернуться с веревкой и отослать Гуэнга к Тензингу, я сказал Гуэнгу, чтобы он для безопасности убрал взрывчатку и детонаторы.

– Вы всегда обо всем успеваете подумать?

Росс слабо улыбнулся.

– Работа такая, – ответил он. – Комната связи?

Ее заминировали быстро. Роузмонт посмотрел на часы. Восемь минут до взрыва.

– Генераторную оставим как есть.

– Хорошо. Тензинг, ты впереди.

Они поднялись по лестнице запасного выхода. Железный люк со скрежетом открылся. В пещере наверху место впереди занял Росс. Он осторожно выглянул наружу и внимательно огляделся. Луна стояла еще высоко. В трех-четырех сотнях шагов от них первый грузовик, натужно подвывая, начал взбираться по последнему участку дороги перед пещерой.

– Куда теперь, Вьен? – спросил Росс, и Роузмонт почувствовал, как его сердце наполняет тепло.

– Наверх, – ответил он, не пуская эту теплоту в свой голос. – Мы полезем наверх. Если у нас на хвосте повиснут солдаты, мы забудем

про побережье и двинемся на Тебриз. Если солдат не будет, сделаем круг и вернемся тем же путем, что и пришли.

Тензинг шел впереди. Он двигался с проворством горного тура, но выбирал самый легкий путь, зная, что Росс и Роузмонт еще не до конца пришли в себя. Склон здесь был крутым, но не слишком трудным для подъема, снега было немного, и он им не мешал. Они едва тронулись в путь, как гора вдруг вздрогнула у них под ногами, почти полностью поглотив звук первого взрыва. За первым толчком быстрой чередой последовали несколько толчков помельче.

Остался еще один, подумал Росс, радуясь холодному воздуху, который быстро приводил мысли в порядок. Последний взрыв – комната связи, – где они использовали всю остававшуюся у них взрывчатку, оказался гораздо мощнее, и гора по-настоящему содрогнулась. Ниже по склону справа от них часть горы провалилась, и из образовавшегося кратера повалил дым.

– Господи, – пробормотал Росс.

– Вероятно, вентиляционная шахта.

– Сахиб. Смотрите!

Первый грузовик остановился у входа в пещеру. Из него выпрыгивали люди, другие стояли, вглядываясь в горный склон, освещенный фарами машин, двигавшихся следом. Все были вооружены винтовками.

Росс вместе с остальными скользнул глубже в тень.

– Мы поднимемся вон на тот гребень, – тихо сказал Роузмонт, показывая рукой вверх и влево. – Там они нас не будут видеть, гора нас прикроет. Потом двинемся к Тебризу, почти прямо на восток. О'кей?

– Тензинг, давай вперед!

– Слушаюсь, сахиб.

Они взобрались на гребень, торопливо перевалили на ту сторону и снова начали карабкаться в гору, держа путь на восток, не разговаривая, сберегая силы, потому что им предстояло пройти еще много-много миль. Местность была тяжелой, снег мешал на каждом шагу. Вскоре перчатки у них порвались, ноги и руки покрывали синяки, икры мучительно ныли, но, избавившись от тяжелой ноши в рюкзаках, они быстро продвигались вперед, и настроение у них было хорошее.

Они вышли к одной из тропинок, которые пересекали горы во всех направлениях. Там, где тропинка раздваивалась, они всегда выбирали ту, что вела вверх, в горы. В долине были деревни, а на этой высоте поселений было очень мало.

– Нам лучше держаться где повыше, – сказал Роузмонт, – и… и надеяться, что мы никого не встретим.

– Вы полагаете, они поведут себя враждебно?

– Конечно. В этих краях люди настроены не просто против шаха, но и против Хомейни, вообще против всех. – Роузмонт тяжело дышал. – Тут почти все время одна деревня враждует с другой, просто рай для бандитов. – Он махнул рукой Тензингу, чтобы тот двигался вперед, благодаря судьбу за яркую луну и за то, что был здесь не один, а вместе с ними.

Тензинг шел, не снижая скорости, но это был шаг горца, размеренный, неторопливый, постоянный и – изматывающий. Через час впереди оказался Гуэнг, потом Росс, Роузмонт, затем снова Тензинг.

Луна теперь висела ниже на небе. Они уже отошли на значительное расстояние от пещеры, идти стало легче, они двигались по склону. Тропа петляла, но в целом вела на восток, к любопытной формы распадку в горной гряде. Роузмонту он был знаком.

– Внизу в той долине есть небольшая дорога, которая ведет в Тебриз. Зимой она немногим отличается от тропы, но двигаться по ней нетрудно. Я предлагаю идти, пока не рассветет, потом мы передохнем и подумаем, как нам быть дальше. О'кей?

Теперь они спустились ниже крон деревьев и шли между нечастых сосен, которые дальше сгущались и превращались в лес. Их шаг замедлился, чувствовалась усталость.

Тензинг по-прежнему был впереди. Снег приглушал звук их шагов, и чистый, здоровый воздух доставлял ему большое удовольствие. Внезапно он почувствовал опасность и остановился. Росс шел за ним следом и тоже замер. Все застыли неподвижно. Потом Росс осторожно проскользнул вперед. Тензинг вглядывался в темноту, луна отбрасывала причудливые тени. Вместе с Россом он медленно осматривал местность, используя периферийное зрение. Ничего. Ни знака, ни запаха. Они ждали. Где-то снег обрушился с ветки. Никто не пошевелился. Затем ночная птица взлетела с ветки где-то впереди и с шумом унеслась прочь. Тензинг показал в ту сторону, знаком

предложил Россу подождать, бесшумно извлек кукри из ножен и двинулся вперед в одиночку, растворившись во тьме.

Пройдя несколько шагов, Тензинг увидел человека, притаившегося на корточках под деревом шагах в пятидесяти впереди, и его возбуждение возросло. Подобравшись ближе, он обнаружил, что человек сидит, не замечая его присутствия. Еще ближе. Тут боковым зрением он уловил, как левее него промелькнула тень, справа шевельнулась еще одна.

– Засада! – крикнул он во весь голос и нырнул в сторону, уходя с линии огня.

Первый залп ударил рядом с ним, но его не задел. При втором пуля пробила ему легкое, вырвав кусок мяса из спины и пригвоздив к поваленному дереву. С противоположной стороны тропы открыла стрельбу другая группа, накрывая перекрестным огнем Росса и остальных, которые бросились врассыпную, стараясь укрыться в рытвинах и за стволами деревьев.

Какое-то мгновение Тензинг беспомощно лежал у дерева. Он слышал звуки стрельбы, но ему казалось, что они долетают откуда-то издалека, хотя и знал, что они должны раздаваться рядом с ним. Последним неимоверным усилием он заставил себя подняться на ноги и бросился вперед на автоматы, которые убили его. Он увидел, как некоторые из нападавших повернулись в его сторону, услышал свист пролетавших мимо пуль, две или три дернули его за комбинезон, одна прошла навылет через плечо, но он ее не почувствовал, довольный тем, что умирает так, как должны умирать солдаты его полка. В атаке. Без страха. Я действительно не чувствую страха. Я – индус и со спокойным сердцем иду к Шиве, и когда мне придет время родиться вновь, я буду умолять Браму, Вишну и Шиву, чтобы мне довелось опять родиться гуркхи.

Он добежал до засады, его кукри отсек кому-то руку, потом ноги под ним подкосились, чудовищный, невиданный доселе свет вспыхнул в его голове, и он, не чувствуя боли, шагнул в смерть.

– Не стрелять, – крикнул Росс, пытаясь сориентироваться, снова собирая в руку нити боя. Он определил местоположение двух групп, которые их обстреливали, но добраться до одной или другой было невозможно. Засада была устроена со знанием дела, и перекрестный огонь был убийственным. Он видел, как упал Тензинг. Ему

потребовалась вся его воля, чтобы не броситься к нему на помощь, но ему прежде всего нужно было выиграть этот бой и защитить остальных. Эхо выстрелов прыгало по горам, многократно от них отражаясь. Извиваясь всем телом, Росс выскользнул из рюкзака, отыскал гранаты, убедился, что его карабин поставлен на автоматический огонь, не представляя себе, как им выбраться из этой ловушки. В этот момент он увидел, как Тензинг поднялся во весь рост и с боевым кличем бросился вперед, вверх по склону, давая Россу шанс, который был ему так нужен. Росс тут же приказал Роузмонту:

– Прикрывайте меня! – и бросил Гуэнгу: – Вперед! – показывая рукой на ту же группу, которую атаковал Тензинг.

Гуэнг мигом выпрыгнул из промоины, в которой прятался, и бросился на врагов, чье внимание отвлек на себя Тензинг. Когда он увидел, как пал его товарищ, его ярость вырвалась наружу, кольцо предохранительной чеки гранаты полетело в сторону, он швырнул ее между них и упал в снег. Едва прогремел взрыв, он вскочил, поливая из карабина раздававшиеся вокруг вопли, погасив большинство из них. Он увидел, как один из нападавших убегает прочь, второй отчаянно пытается доползти до подлеска. Взмахнув кукри, Гуэнг снес ползущему полголовы. Короткая очередь превратила в месиво спину убегавшего. Гуэнг, круто развернувшись, снова нырнул в укрытие, не зная, откуда придет новая опасность. Взрыв второй гранаты привлек его внимание к другой стороне тропы.

Росс ползком выбрался из своего укрытия. Пули чавкнули по обе стороны от него, но тут Роузмонт начал стрелять короткими очередями, отвлекая огонь на себя, оказывая Россу нужную ему помощь, и британец благополучно добрался до следующего дерева, нашел глубокую канаву в снегу и упал в нее. Секунду он ждал, переводя дух, потом начал карабкаться по твердому, замерзшему снегу туда, где раздавалась стрельба. Теперь нападавшие не могли его видеть, и он быстро продвигался вперед. Он услышал взрыв второй гранаты и вопли и помолился про себя, чтобы с Гуэнгом и Тензингом все было в порядке.

Огонь противника раздавался все ближе, и когда, по его расчетам, он добрался до нужного места, Росс выдернул чеку из первой гранаты и, с карабином в левой руке, выскочил на край канавы. Едва оказавшись наверху, он сразу увидел нападавших, но не там, где

ожидал. Их было пятеро, и до них было не больше двадцати шагов. Их винтовки повернулись в его сторону, но он среагировал на долю секунды раньше и распластался за деревом, отпустив отскочивший спусковой рычаг запала и отсчитывая секунды, прежде чем первые пули ударили в толстый ствол. На четвертой секунде он вытянул руку вбок от ствола, швырнул гранату в сторону противника и накрыл голову руками. Взрыв подбросил его на месте, на куски разнес ствол дерева поближе, забросав Росса ветками и комьями снега.

Сзади него у тропы Роузмонт опорожнил первый магазин, стреляя в ту сторону, где, по его мнению, должны были находиться нападавшие. Чертыхаясь от волнения, он со щелчком вставил новый и дал еще одну очередь.

По ту сторону тропы на другом склоне Гуэнг скорчился за камнем, ожидая, пока кто-нибудь шевельнется. Рядом с развороченным взрывом деревом он вдруг заметил человека, который, согнувшись пополам, побежал прочь. Гуэнг прицелился, и человек умер; эхо выстрела прокатилось по горам. Потом все стихло.

Роузмонт чувствовал, как колотится в груди сердце. Дольше ждать было невыносимо.

– Прикрой меня, Гуэнг, – прокричал он и, вскочив на ноги, бросился к дереву.

Справа грохнули выстрелы, пули прошипели где-то рядом, потом Гуэнг открыл огонь со своего склона. Раздался захлебывающийся вопль, и стрельба прекратилась. Роузмонт продолжал бежать, пока не накрыл место засады, держа карабин наперевес. Три человека лежали перед ним, разорванные в клочья, последний еще дышал, рядом валялись исковерканные, с погнутыми стволами винтовки. Все трое были в грубых одеждах кочевников. На его глазах последний из них захлебнулся кровью и умер. Роузмонт отвернулся и бросился к другому дереву, под которым лежал Росс; он принялся растаскивать ветви и разгребать снег, чтобы добраться до британца.

На своем склоне Гуэнг ждал, готовый убить все, что шевельнется. Затем уловил какое-то движение среди трупов позади камней, где его граната разорвала на части трех человек. Он подождал, затаив дыхание, но это оказался всего лишь какой-то грызун, решивший перекусить. Скоро они тут все подчистят, и это место снова обретет здоровье и покой, подумал он, благоговея перед круговоротом,

налаженным богами. Его взгляд медленно передвигался по местности. Он увидел Тензинга, чье тело привалилось к камню, его рука еще сжимала кукри. Перед уходом обязательно заберу нож, подумал Гуэнг, его семья будет хранить кукри как реликвию, а сын потом будет носить его с такой же честью. Тензинг Шенг-хан жил и умер как мужчина и возродится к новой жизни, как положат боги. Карма.

Опять какое-то движение. Впереди в лесу. Он сосредоточился.

С другой стороны тропы Роузмонт, превозмогая боль в руках, дергал за ветви, пытаясь растащить их в стороны. Наконец он добрался до Росса, и его сердце едва не остановилось. Росс скрючившись лежал на земле, обхватив голову руками, его карабин был рядом. Пятна крови на снегу и на спине его белого защитного комбинезона. Роузмонт опустился на колени, перевернул его и едва не разрыдался от облегчения, увидев, что Росс еще дышит. Некоторое время глаза британца оставались пустыми, потом взгляд стал осмысленным. Росс сел и поморщился:

– Тензинг? И Гуэнг?

– Тензинга прикончили, Гуэнг на другой стороне, прикрывает нас. С ним все в порядке.

– Слава Богу. Бедняга Тензинг.

– Проверьте руки и ноги.

Росс осторожно пошевелил конечностями. Они его слушались.

– Башка раскалывается, как в аду, но я в порядке. – Его взгляд упал на растерзанные трупы нападавших. – Кто они?

– Кочевники. Может быть, бандиты. – Роузмонт изучающе вглядывался вперед, вдоль тропы. Никакого движения. Ночь была ясной. – Нам лучше убираться отсюда к чертовой матери, прежде чем на нас набросится новая свора этих ублюдков. Как вы думаете, вы в состоянии идти?

– Да. Дайте мне пару секунд. – Росс протер лицо снегом. Холод помог. – Спасибо, а? Ну, вы понимаете меня. Спасибо.

Роузмонт улыбнулся в ответ.

– Входит в стоимость услуг, – произнес он с кривой ухмылкой. Его взгляд вернулся к кочевникам. Пригнувшись пониже, он подобрался к ним и обыскал. Ничего не нашел. – Наверное, местные. Или просто бандиты. Эти сукины дети могут быть очень жестоки, если возьмут вас живьем.

Росс кивнул, и голову пронзила новая боль.

– Думаю, теперь я в порядке. Нам лучше отправляться: стрельбу, наверное, было слышно за много миль, и торчать тут не стоит.

Роузмонт заметил, что ему больно.

– Подождите еще немного.

– Нет. На ходу мне станет лучше. – Росс собрал силы, потом крикнул на непальском: – Гуэнг, мы отправляемся дальше. – Он начал было подниматься на ноги и замер, когда в ответ ему прозвучал короткий пронзительный крик, предупреждающий об опасности. – Ложись! – выдохнул он и дернул Роузмонта вниз.

Одинокая винтовочная пуля вылетела из темноты ночи и выбрала себе Роузмонта, ударив его в грудь и смертельно ранив. Потом прогремели выстрелы с другой стороны, раздался вопль, и опять все стихло.

Через какое-то время Гуэнг присоединился к Россу.

– Сахиб, я думаю, это был последний. На данный момент.

– Да. – Они оставались рядом с Вьеном Роузмонтом, пока тот не умер, потом сделали для него и Тензинга то, что должны были сделать. И двинулись дальше.

ГЛАВА 22

База ВВС в Исфахане. 05.40. На востоке темная ночь начала светлеть, встречая рассвет. На базе было тихо, не было видно никого, кроме «стражей ислама», которые, вместе с тысячами жителей Исфахана под предводительством мулл, взяли вчера базу штурмом и были здесь теперь полными хозяевами: все солдаты и офицеры армии и ВВС находились под охраной в своих казармах – или были на свободе, открыто провозгласив свою верность Хомейни и революции.

Часовому Релази было восемнадцать лет, и он очень гордился своей зеленой повязкой и тем, что охранял сарай, в котором заперли предателя генерала Валика с его семьей; их поймали вчера, когда они прятались в офицерской столовой вместе с их чужеземным пилотом из ЦРУ. Бог велик, думал он. Завтра их низвергнут в ад вместе со всеми погаными «людьми левой руки».

Из поколения в поколение Релази чинили обувь в крошечной лавке на старом базаре Исфахана. Да, думал он, еще неделю назад я

был базаари, базарным торговцем, а потом наш мулла призвал меня и всех правоверных на Божью битву, дал мне повязку от Бога и это оружие и научил, как им пользоваться. Поистине неисповедимы пути Господни.

От снега его прикрывала стена небольшого строения, но сырой холод понемногу добирался до него, хотя он надел всю одежду, какая у него была на этом свете: майку, грубую рубаху поверх нее, пальто и штаны, купленные с рук, старый свитер и древнюю армейскую шинель, которая когда-то принадлежала его отцу. Ноги у него совсем онемели.

– На все воля Аллаха, – произнес он вслух и почувствовал себя лучше. – Скоро меня сменят, и тогда я снова поем: клянусь Аллахом, солдаты жили не хуже настоящего паши, еда не реже двух раз в день, один раз с рисом, подумать только, и каждую неделю зарплата… деньги Сатаны, конечно, но все равно зарплата. – Он тяжело закашлял, дыша с присвистом и хрипом, перекинул американский армейский карабин на другое плечо, достал прибереженный на крайний случай окурок сигареты и закурил.

Клянусь Пророком, радостно думал он, кто бы мог подумать, что мы возьмем базу с такой легкостью, так мало наших были убиты и вознеслись в рай, когда мы лавиной сокрушили войска у ворот и ворвались в лагерь, а наши братья на базе перегородили взлетные полосы грузовиками, пока другие захватывали самолеты и вертолеты, чтобы не дать шахским предателям ускользнуть. Мы бежали прямо на пули врага с именем Аллаха на устах. «Присоединяйтесь к нам, братья, – кричали мы, – присоединяйтесь к Божьей революции, помогайте исполнить Божий труд! Придите в рай… не обрекайте себя на муки ада…»

Юноша задрожал и начал выговаривать слова, вбитые в него дюжиной мулл, читавших из Корана, а потом переводивших: «где пребудут вечно со всеми грешниками и проклятыми людьми левой руки, не вкушая ни освежающих плодов, ни какого-либо питья, но лишь одну кипящую воду или расплавленный металл и смрадные испражнения. А когда пламя ада сжигает их кожу, новая кожа вырастает на них, дабы страдания их не имели конца…»

Он стиснул веки в напряженной молитве: «Дай мне умереть с одним из имен Бога на устах, чтобы я наверняка мог отправиться

прямо в райский сад со всеми людьми правой руки и пребывать там вечно, никогда больше не чувствовать голода, не видеть, как братья и сестры из окрестных деревень с жалобным плачем умирают с раздутыми животами, никогда не просыпаться ночью с криком от невыносимости жизни, но быть в раю и там возлежать на шелковых диванах в одеждах из зеленого шелка, где прислуживают чистые цветущие юноши, подносящие кубки, и кувшины, и чаши, истекающие вином, и такие плоды, что тешат нас более всего, и мясо таких птиц, каких мы только пожелаем. И нашими будут гурии с огромными темными глазами, подобными жемчужинам, скрытым в своих раковинах, вечно юные, вечно девственные, среди деревьев, унизанных плодами, в прохладной тени рядом со струящимися водами, не стареющие, вечн…»

Приклад автомата разбил ему нос в лепешку и вдавил в череп, безвозвратно лишив зрения и навсегда превратив в калеку, но не убив, и он без сознания рухнул на снег. Напавший на Релази был солдатом одного с ним возраста. Этот человек торопливо поднял его карабин, прикладом вышиб замок хлипкой двери и распахнул ее.

– Скорей, – прошептал нападавший, потея от страха. Через мгновение в дверь осторожно высунулась голова генерала Валика. Солдат схватил его за рукав. – Быстрей, торопитесь же, ради Аллаха, – тихо скомандовал он.

– Да благословит тебя Аллах, – произнес Валик, стуча зубами, потом бросился назад и вернулся с двумя пачками риалов. Человек запихнул их в свой боевой комбинезон и исчез так же бесшумно, как и появился. Валик мгновение постоял в нерешительности, слыша в ушах частые удары сердца. Увидев на снегу карабин, он поднял его, зарядил и повесил на плечо, потом схватил свой дипломат, благословляя Бога за то, что революционеры слишком торопились при обыске и не обнаружили двойного дна, прежде чем затолкать их в этот сарай в ожидании предстоящего трибунала.

– Следуйте за мной, – прошептал он своей семье. – Но, во имя Аллаха, не издавайте ни звука. Идите за мной осторожно.

Он плотнее запахнулся в пальто и первым ступил на снег. Его жена Аннуш, восьмилетний сын Джалал и дочь Сетарем шести лет замерли на пороге. Все были в горнолыжных костюмах, Аннуш поверх своего носила еще норковую горжетку, которая при аресте вызвала

издевки «стражей ислама» как открытое свидетельство греховных доходов. «Оставь ее себе, – с презрением бросили они ей, – одного этого достаточно, чтобы осудить тебя!» Ночью она была рада ее теплу, съежившись на грязном полу холодного сарая, она обернула в нее детей, прижимая их к себе.

– Пойдемте, мои милые, – прошептала она, пытаясь скрыть от них испытываемый ею ужас.

Тело часового мешало им пройти, юноша тихо стонал, лежа в снегу.

– Мама, а почему он спит на снегу? – шепотом спросила девочка.

– Не обращай внимания, милая. Давай поторопимся. А сейчас – ни звука!

Они молча перешагнули через него. У девочки перешагнуть не получилось, и она нечаянно наступила на часового, запнулась и растянулась на снегу. Но не вскрикнула, просто быстро поднялась на ноги с помощью брата. Взявшись за руки, они заспешили вперед.

Валик осторожно вел их по территории. Когда они добрались до ангара, где все еще стоял их 212-й, он вздохнул чуть свободнее.

Этот участок находился на изрядном удалении от основной базы, по другую сторону огромной взлетно-посадочной полосы. Убедившись, что часовых поблизости нет, генерал подбежал к вертолету и осторожно заглянул внутрь кабины. К его огромному облегчению спящего часового внутри нее не оказалось. Он попробовал дверцу. Она была незаперта. Как можно тише он отодвинул ее в сторону и махнул рукой остальным. Они молча присоединились к нему. Он помог им забраться внутрь и сам влез за ними следом, осторожно закрыв дверь за собой и заперев ее изнутри. Генерал быстро помог детям устроиться поудобнее на каких-то одеялах под откидными сиденьями, предупредив их, чтобы они ни при каких обстоятельствах не выдавали своего присутствия. Потом сел рядом с женой, накинул на плечи одеяло, потому что сильно замерз, и взял ее за руку. Ее щеки были влажными от слез.

– Потерпи, не плачь. Теперь уже недолго, – прошептал он, успокаивая ее. – Долго ждать нам не придется. Иншаллах.

– Иншаллах, – покорно отозвалась она, – но весь мир вокруг обезумел… бросить нас в грязный сарай, как преступников… что же с нами будет…

– С Божьей помощью сюда мы добрались, так почему нам не добраться до самого Кувейта?

Они прилетели сюда вчера перед самым полуднем. Перелет с места встречи под Тегераном прошел без приключений, радиоэфир безмолвствовал. Его верный шофер, проработавший у него пятнадцать лет, отогнал машину назад в Тегеран с приказом никому не говорить, что они «отправились в свой дом на Каспии».

– В этом побеге мы не доверяем никому, – сказал Валик жене, пока они ждали вертолета.

– Разумеется, – ответила она, но нам нужно было взять с собой Шахразаду. Это помогло бы ей и Тому Локарту и гарантировало бы, что он повезет нас дальше.

– Нет, она бы ни за что не согласилась. С чего ей уезжать? – возразил Валик. – С Шахразадой или без Шахразады, ему доверять нельзя. Он чужак, он не один из нас.

– Было бы разумнее взять ее с собой.

– Нет, – отрезал он, зная, как придется поступить с Локартом.

Весь полет от Тегерана до Исфахана он просидел впереди рядом с Локартом. Они шли на малой высоте, избегая населенных пунктов и аэродромов. Когда Локарт вызвал по радио диспетчера военной базы в Исфахане, их явно ждали. Диспетчерская вышка дала им указания, где садиться, и приказала на связь больше не выходить и соблюдать радиомолчание. Бригадный генерал ВВС Мохаммед Селади, дядя Валика, который договаривался об их посадке и дозаправке, встретил их на вертолетной площадке. Приветствия генерала были сдержанными. Поскольку время шло к обеду, он предложил им поесть на базе, прежде чем лететь дальше.

– Но Мохаммед, ваше превосходительство, у нас полно еды на борту, – возразил было Валик.

– Я вынужден настоять, – нервничая, ответил Селади. – Я должен, ваше превосходительство. Вам следует засвидетельствовать почтение командующему базой. Это необходимо, и… э-э… нам надо поговорить.

Как раз в это время «зеленые повязки» и толпа прорвались в главные ворота, заполонили всю ее территорию, арестовали их всех и отделили от них Локарта, уведя его на другую сторону базы. Собачьи дети, со злобой думал Валик, чтоб им всем гореть в аду! Знал ведь я

тогда, что нам нужно просто заправиться и немедленно улетать отсюда. Селади – тупоголовый кретин. Это все его вина…

На верхнем этаже казармы в четверти мили от них Том Локарт беспокойно спал. Внезапно его разбудил шум шагов в коридоре, дверь распахнулась, и в лицо ему уперся слепящий луч фонаря.

– Быстро, – сказал голос по-английски с американским акцентом, и два человека помогли Локарту подняться на ноги. Тут же эти две едва различимые фигуры повернулись и выбежали из комнаты. Доля секунды, чтобы прийти в себя, и Локарт бросился за ними следом, вдоль по коридору, три пролета вниз по лестнице, дверь наружу. Снаружи все трое остановились, тяжело дыша. Локарт едва успел разглядеть, что оба человека офицеры – капитан и майор, – как они вновь пустились бежать в полутьме. Небо на востоке начинало светлеть. Падал легкий снег, прикрывая их от чужих глаз, заглушая звук их шагов.

Впереди показалось караульное помещение, перед ним горел костер, несколько полусонных, ни на что не обращающих внимания революционеров сгрудились вокруг него. Они свернули в сторону и побежали между казармами, свернули еще раз в какой-то проулок, когда из-за угла показался грузовик со скандирующими что-то охранниками, потом побежали по открытой местности вдоль дороги, шедшей по периметру базы, к дальнему ангару и стоявшему там вертолету. Добежав до ангара, они остановились, чтобы перевести дух.

– Слушайте, пилот, – заговорил майор, тяжело дыша, – когда я скажу, мы бежим к вертолету и взлетаем. Готовы?

– А остальные? – спросил Локарт; в боку кололо так, что он едва мог говорить. – Как быть с генералом Валиком и его сем…

– Забудьте про них. Али, – майор дернул большим пальцем в сторону второго офицера, – Али полетит впереди рядом с вами, я – сзади. Сколько времени вам понадобится, чтобы поднять машину в воздух, после запуска двигателя?

– Минимум.

– Уложитесь еще быстрее, – сказал майор. – Пошли!

Они бросились к 212-му; Локарт и Али, капитан, бежали к кабине пилота. В этот миг Локарт увидел машину, которая с выключенными

фарами неслась к ним по объездной дороге, и его сердце словно остановилось.

– Смотрите!

– Ради Бога, шевелитесь, пилот!

Локарт удвоил усилия, запрыгнул на свое сиденье, нажал прерыватели, щелкнул выключателем и начал разгонять двигатель. В этот момент майор добежал до боковой дверцы и рывком распахнул ее. Он едва не потерял сознание, когда в лицо ему уперся карабин Валика.

– О, это вы, майор! Хвала Аллаху…

– Хвала Аллаху, что вы здесь и сумели бежать, ваше превосходительство, – выдавил из себя майор, пытаясь погасить вспыхнувшую панику, и забрался внутрь; двигатели уже вращали лопасти винта, но еще с далеко недостаточной скоростью, чтобы поднять машину в воздух. – Хвала Аллаху, вам удалось бежать… но где этот солдат?

– Он просто взял деньги и смылся.

– А оружие он принес?

– Нет, это все, что о…

– Сын собаки! – взорвался майор, потом крикнул Локарту: – Ради Бога, быстреееей!

Он резко обернулся и увидел приближавшуюся машину. Расстояние быстро сокращалось. Выхватив карабин у Валика, он упал на колено у дверцы, прицелился в водителя и нажал на курок. Очередь прошла слишком высоко – Аннуш и дети за его спиной невовремя вскрикнули от ужаса, – машина вильнула в сторону с дороги, уходя из-под огня, скрылась за рядом подсобных помещений, промелькнула в проеме, метнулась за ангар и снова исчезла из виду.

Локарт, надев наушники, смотрел, как стрелки приборов забираются все выше, мысленно подгоняя их: «Давай, черт подери, ну, давай же!»; руки и ноги в готовности лежали на рычагах управления, вой двигателей нарастал, капитан на соседнем сиденье открыто молился. Локарт не слышал ни всхлипываний Аннуш за спиной, ни вскрикиваний насмерть перепуганных детей, которые выбрались из своего укрытия и зарылись в ее горжетке, ни яростных голосов Валика и майора, требовавших, чтобы он взлетал скорее.

Стрелки ползут вверх. Ползут дальше. Все еще ползут. Почти на зеленом. Пора! Его левая рука потянула на себя рычаг управления

коллективным шагом винта, но тут из-за ангара вылетела машина, помчалась прямо на них и остановилась шагах в пятнадцати. Из нее выскочили пять человек, один бросился прямо к кабине и прицелился в Локарта из автоматической винтовки, другие побежали к боковой дверце. Он почти поднял вертолет в воздух, но понимал, что стоит ему сдвинуться на эти несколько дюймов, и он труп. Иранец сердито качнул винтовкой, приказывая ему остановиться. Он подчинился. Потом оглянулся назад. Остальные четверо забирались внутрь. Все они были офицерами, Валик и майор обнимали их, принимали их объятия, потом он услышал в наушниках:

– Взлетайте же, ради бога! – и ощутил тычок под ребра. Это был Али, капитан, сидевший рядом.

– Взлетайте! – повторил Али по-английски с американским акцентом и показал большой палец человеку с винтовкой, который все еще держал Локарта на мушке. Тот кивнул, метнулся к дверце, забрался внутрь и захлопнул ее за собой. – Быстрее, черт возьми, смотрите, вон там! – Он показал рукой на другой край взлетно-посадочной полосы.

К ним мчались еще машины. Локарт увидел короткие вспышки автоматной очереди нападавшего, высунувшегося из окна одной из них. Через несколько секунд он был в воздухе; все его органы чувств сосредоточились на том, чтобы убраться отсюда целым и невредимым.

Позади него некоторые из офицеров разразились радостными криками, цепляясь за что попало, пока вертолет метался из стороны в сторону, уходя от обстрела, потом они добрались до сидений и расселись по местам. Большинство из них были в чине полковника. Некоторые имели потрясенный вид, особенно генерал Селади, сидевший между Валиком и майором.

– Я не был уверен, что это были вы, генерал, ваше превосходительство, – говорил майор, – поэтому выстрелил поверх голов в качестве предупреждения. Хвала Аллаху, что план так хорошо сработал.

– Но вы собирались взлетать! Вы собирались оставить нас! Вы…

– Да нет же, ваше превосходительство дядя, – мягко прервал его Валик, – это все пилот-британец. Он запаниковал и решил никого не ждать! У них храбрости ни на грош, у этих британцев! Ладно, Бог с ним, – добавил он, – у нас есть оружие, есть еда, и мы в безопасности!

Хвала Аллаху! И еще большая хвала тому, что у меня было время все спланировать. – Да, подумал он, если бы не я и не мои деньги, мы все были бы мертвы – деньги, чтобы подкупить человека, который освободил нас и вас, и майора и капитана, чтобы освободить Локарта, которые нужен мне еще совсем немного.

– Если бы мы остались, нас бы расстреляли! – Генерал Селади был в ярости, его лицо налилось кровью и побагровело. – Будь проклят этот чертов пилот! Зачем вообще было тратить время и освобождать его? Али может летать на 212-м!

– Да. Но Локарт опытнее, и он нужен нам, чтобы пробраться через лабиринт.

Валик ободряюще улыбнулся Аннуш, которая сидела напротив него через проход, сжимая в объятиях дрожащую дочь, его сын дремал, сидя на полу у ее ног и положив голову ей на колени. Она слабо улыбнулась ему в ответ, чуть сдвинув ребенка на руках, чтобы немного унять ноющую боль во всем теле. Он подался вперед и коснулся ее, потом поудобнее устроился в своем кресле и закрыл глаза, измотанный, но бесконечно довольный собой. Ты очень умный человек, сказал он себе. В самой потаенной глубине своего сердца он знал, что без этой хитрости, когда он притворился в разговоре с Мак-Айвером, что САВАК собирается арестовать его – и особенно его семью, – ни Мак-Айвер, ни Локарт не стали бы помогать ему бежать. Ты измерил и взвесил их безошибочно, как и Гаваллана.

Дураки! – с презрением подумал он.

А что до тебя, Селади, мой тупой и жадный дядюшка, который выторговал в обмен на безопасную дозаправку в Исфахане – которую ты так и не смог обеспечить, – место в вертолете для себя и одиннадцати своих друзей, то ты еще хуже. Ты предатель. Если бы я долгие годы не прикармливал своего информатора в главном управлении Генерального штаба, я бы ни за что не узнал о великом предательстве генералов вовремя, чтобы подготовить побег, и мы в Тегеране попались бы как мухи на мед. Лоялисты еще могут победить, битва еще не проиграна, но, пока она длится, моя семья и я будем наблюдать за развитием событий из Англии, Сент-Морица или Нью-Йорка.

Он позволил себе раствориться в возбуждающей, чудесной мощи реактивных двигателей, уносивших их к безопасности, к дому в

Лондоне, к поместью в Сюррее, еще одному загородному дому в Калифорнии и к банковским счетам в Швейцарии и Бахрейне. Ах да, радостно напомнил себе он, чуть не забыл о нашем заблокированном совместном с S-G счете на Багамах, еще четыре миллиона долларов в нашу копилку – и теперь их будет нетрудно выцарапать из загребущих лап Гаваллана. Более чем достаточно, чтобы я и моя семья не бедствовали, как бы ни обернулись дела здесь, пока мы не сможем возвратиться. Хомейни не будет жить вечно. Даже если одержит победу – да проклянет его Аллах! Скоро мы сможем вернуться домой, скоро Иран опять станет нормальным, а у нас тем временем есть все, что нам нужно.

Его слух уловил бормотание Селади, все еще негодовавшего по поводу Локарта и того, что их едва не оставили.

– Успокойтесь, ваше превосходительство, – сказал он и взял его за руку, мягко ее поглаживая и думая про себя: «Ты и твои цепные псы еще имеют некоторую ценность, временную ценность. Может быть, в качестве заложников, может быть, в качестве наживки – кто знает? Из родственников среди них – только вы, а вы нас предали». – Успокойтесь, мой досточтимый дядюшка, с Божьей помощью, пилот получит все, что ему причитается.

Да. Локарту не следовало ударяться в панику. Он должен был дождаться моего приказа. Отвратительная это вещь – паниковать.

Валик закрыл глаза и уснул, очень довольный собой.

ГЛАВА 23

Нефтеперерабатывающий завод компании «Иран-Тода», Бендер-Делам. 12.04. Скраггер насвистывал себе под нос, вручную перекачивая топливо в свои главные баки из больших бочек, рядами стоявших на маленьком японском полуприцепе, припаркованном рядом с его только что вымытым 206-м, сверкавшем на солнце. Рядом в тени на корточках примостился молодой парень из «зеленых повязок», он сидел, опираясь на свою М16, и дремал.

Полуденное солнце было теплым, и легкий ветерок делал день очень приятным, прогоняя из воздуха влажность, постоянно присутствующую здесь, на побережье. Скраггер был одет легко: белая

рубашка с капитанскими погонами, летние черные брюки из тонкой ткани, неизменные черные очки и фуражка с козырьком.

Баки наполнились до краев.

– Ну вот и ладно, сынок, – сказал он японцу, которого отрядили ему в помощь.

– *Хай, андзин-сан.* Да, господин пилот, – ответил японец. Как и все сотрудники на нефтеперерабатывающем заводе он был одет в белоснежный комбинезон и перчатки, на спине были вышиты английские слова «Иран-Тода Индастриз», потом, как дань вежливости, то же самое на фарси чуть выше и эквивалент японскими иероглифами чуть ниже.

– *Хай* и есть, – произнес Скраггер, воспользовавшись одним из слов, которые он перенял у Касиги вчера на пути сюда из Ленге. Он показал пальцем. – Теперь наши баки для дальних полетов, а потом заполним запасные. Для полета, на который де Плесси с величественной щедростью дал разрешение в воскресенье вечером – чтобы отметить победу над саботажниками. – Скраггер снял заднее сиденье и закрепил на освободившемся пространстве две сорокагаллонные бочки.

– На всякий случай, мистер Касиги. Я подсоединил их к главным бакам. Мы можем воспользоваться ручным насосом и даже произвести дозаправку в воздухе, если понадобится – коль скоро вы возьмете насос на себя. С погодой в Персидском заливе никогда не угадаешь, тут всегда возникают неожиданные штормы, шквалы, туман ложится, ветер выкидывает всякие фокусы. Наш лучший шанс – держаться на некотором удалении от берега.

– А «Челюсти»?

Скраггер рассмеялся вместе с ним:

– Старая акула-молот Харка? Если повезет, мы ее увидим. Если заберемся так далеко, и нас не уведут с маршрута.

– Радар Киша так и не откликнулся?

– Нет, но это не имеет значения. Мы получили разрешение на перелет до Бендер-Делама. Вы уверены, что сможете заправить меня на своем заводе?

– Да, у нас там есть хранилища, капитан. Вертолетные площадки, ангар и ремонтная мастерская. Это было первое, что мы там построили. У нас был контракт с «Герни».

– Да-да, я об этом знаю, но они ведь ушли, нет?

– Да, ушли, с неделю назад или около того. Может быть, ваша компания возьмет на себя их контракт? Возможно, вас могли бы поставить старшим. Пока идет строительство, у нас есть постоянная работа для трех 212-х и двух 206-х.

Скраггер весело хмыкнул:

– Старина Энди и Гав были бы довольны, как кот в бадье с рыбными палочками, а резвый Дункан забил бы копытом так, что хоть прикуривай.

– Извините?

Скраггер попытался объяснить ему шутку про Мак-Айвера. Но когда он закончил, Касиги не рассмеялся, просто сказал: «О, теперь понятно».

Ну и странный же народ, подумал Скраггер.

Закончив с заправкой, он провел еще один наземный осмотр – двигатель, винты, корпус, – хотя и не рассчитывал вылететь сегодня. Де Плесси попросил его дождаться Касиги, отвезти его, куда тому понадобится, и привезти назад в Ленге в четверг. 206-й прошел осмотр безукоризненно. Удовлетворенный, Скраггер посмотрел на часы, потом показал себе на живот и потер его. – Есть пора, *хай?*

– *Хай!* – Его помощник улыбнулся и показал рукой на грузовичок, стоявший поблизости, потом на главное четырехэтажное административное здание шагах в двухстах от них, где располагалось управление предприятия.

Скраггер покачал головой.

– Я пешком пройдусь, – сказал он и изобразил двумя пальцами идущего человечка, после чего молодой японец поклонился, сел в грузовичок и уехал.

Скраггер некоторое время стоял на месте, глядя по сторонам и чувствуя на себе взгляд охранника. Теперь, когда грузовик уехал и баки были закрыты, он чувствовал запах моря и гниющих водорослей на берегу недалеко от них. Близилось время нижней точки отлива – в Персидском заливе прилив и отлив сменялись только один раз в сутки, как и во всем Красном море, потому что оно было мелким и со всех сторон окружено сушей, за исключением узкого Ормузского пролива.

Скраггеру нравился запах моря. Он вырос в Сиднее, море всегда было у него перед глазами. После войны он опять поселился там. По

крайней мере, напомнил он себе, там я жил в перерывах между работами, и миссис с детишками там жили, и до сих пор живут более-менее. Его сын женился, обе дочери вышли замуж, у всех теперь подрастали свои дети. Всякий раз приезжая домой в отпуск – примерно раз в год, – он их навещал. Отношения между ними установились дружеские и отстраненные.

В первый год работы в заливе жена с детьми приехала сюда, чтобы жить с ним. И месяца не прошло, как все отправились назад, домой в Сидней. «Мы будем жить в Бонди, Скрэг, – сказала она тогда. – Хватит с нас этих заграничных земель, дружок. – Во время одного из его двухлетних контрактов в Кувейте она встретила другого мужчину. – Думаю, мы разведемся, дружок. Так оно лучше для детишек. Да и для тебя и для меня». И они развелись. Ее новый муж прожил с нею несколько лет, потом умер. Скраггер и она понемногу вернулись к своей старой форме дружеских отношений – не то что бы мы от нее когда-то отступали, подумал он. Она хорошая женщина, дети счастливы, я летаю. Он по-прежнему каждый месяц посылал ей деньги. Она каждый раз говорила, что они ей не нужны. «Тогда отложи их на черный день, Нелл», – каждый раз говорил он ей. Пока, постучи по дереву, черных дней у них не выдавалось, ни у нее, ни у их детей, ни у детей их детей.

Ближайшим к нему куском дерева был приклад винтовки, которую революционер держал теперь на коленях. Иранец злобно смотрел на него из тени. Ублюдок вонючий, я не дам тебе испортить мне день. Скраггер лучезарно улыбнулся ему, повернулся спиной, потянулся и огляделся вокруг.

Отличное место для нефтеперерабатывающего завода, отметил он про себя. Достаточно близко к Абадану, к магистральному нефтепроводу, соединявшему нефтяные разработки на севере и на юге, – отличная это мысль попробовать использовать весь этот газ, который сейчас просто сжигается, миллиарды тонн по всему миру. Преступное недомыслие, если разобраться.

Завод строился на мысу, с собственным причалом, вытянувшимся в море почти на четыреста метров, и искусственно углубленным дном. Касиги говорил ему, что со временем этот причал сможет обслуживать одновременно два супертанкера любого размера, какие только смогут построить. Вокруг вертолетных площадок раскинулись акры

крекинговых установок, строений, сооружений; все они, казалось, были соединены друг с другом километрами стальных и пластмассовых труб всех размеров: целые лабиринты труб с огромными вентилями и затворами, насосными станциями – и повсюду подъемные краны, бульдозеры и огромные штабеля всевозможных строительных материалов, горы цемента и песка, разбросанная тут и там стальная арматурная сетка – наряду с аккуратными складскими площадками размером с футбольное поле, где стояли ящики и контейнеры, укрытые пластиковыми тентами, – и полудостроенные дороги, фундаменты, причалы и котлованы. Но почти нигде никакого движения, ни людей, ни машин.

Когда они сели, на вертолетной площадке их ждала наскоро собранная приветственная комиссия из двадцати-тридцати японцев вместе с примерно сотней бастующих иранцев и вооруженных «стражей ислама», некоторые носили на рукаве повязки МООП, первые, которые Скраггер видел своими глазами. После долгого крика, угроз, проверки их документов и разрешения, выданного станцией радиолокационного контроля на Кише, представитель иранцев сказал, что они двое могут остаться, но ни им, ни вертолету нельзя покидать территорию завода без разрешения комитета.

По дороге к административному зданию главный инженер Ватанабэ, который немного говорил по-английски, объяснил, что стачечный комитет фактически взял предприятие в свои руки почти два месяца назад. За это время стройка практически не сдвинулась с места, и все работы прекратились.

– Нам не разрешают даже следить за состоянием нашего оборудования. – Ватанабэ был жилистым мужчиной на шестом десятке с твердым лицом, седыми волосами и очень сильными руками рабочего человека. Он прикурил новую сигарету от лишь наполовину докуренной старой.

– А ваша радиостанция?

– Шесть дней назад они заперли радиорубку, запретив ею пользоваться, и унесли ключ с собой. Телефоны, разумеется, не работают уже много недель, а телекс – неделю или чуть дольше. У нас здесь до сих пор около тысячи работников-японцев – членов семей сюда, естественно, не допускали с самого начала, – запасы продовольствия на исходе, почты не было полтора месяца. Мы не

можем отсюда выехать, не можем работать. Мы все равно что пленники, и чтобы добиться любой малости, нам приходится прилагать неимоверные усилия. Однако мы по крайней мере живы, чтобы сохранить то, что создали, и терпеливо ждать, когда нам разрешат продолжить. Для нас действительно огромная честь видеть вас, Касиги-сан, и вас, капитан.

Скраггер оставил их вести свои разговоры, почувствовав напряженность в отношениях между этими двумя людьми, несмотря на то что оба очень старались ее скрыть. Вечером он по обыкновению легко поужинал, позволил себе одну банку ледяного японского пива – «Черт меня раздери, оно не такое хорошее, как „Фостерз“», – потом одиннадцать минут выполнял физзарядку по уставу Канадских королевских ВВС, после чего отправился спать.

Перед самой полуночью, когда он еще читал, раздался тихий стук в дверь. В комнату вошел возбужденный Касиги, извинился за беспокойство, но сказал, что, по его мнению, Скраггеру следовало узнать об этом немедленно: они только что слышали по радио выступление представителя Хомейни, который сообщил, что все вооруженные силы объявили о своем переходе на его сторону, премьер-министр Бахтияр подал в отставку, что теперь Иран окончательно избавился от шахского ига, что по личному приказу Хомейни все боевые действия и все забастовки должны немедленно прекратиться, производство нефти обязаны возобновить немедленно, все базары, лавки и магазины следует открыть, все мужчины могут сдать оружие и вернуться к работе, и, превыше всего, все должны возблагодарить Аллаха за дарованную им победу.

Касиги сиял:

– Теперь мы сможем снова приступить к работе. Хвала всем богам, а? Теперь все опять придет в норму.

Когда Касиги ушел, Скраггер остался лежать в постели, не гася свет. Мысли сменяли одна другую в его голове, пока он перебирал возможные варианты того, что может теперь произойти. Разрази меня гром, думал он, как же быстро все это произошло. В свое время я был бы готов крупно поставить на то, что шаха выпереть вообще не удастся, еще крупнее на то, что Хомейни никогда не разрешат вернуться, а потом поставил бы все, что осталось, на военный переворот.

Он выключил свет.

– Что опять же говорит о том, что, Скрэг, старина, ни хрена-то ты в этом во всем не смыслишь.

Утром Скраггер проснулся рано, выпил чашку японского зеленого чая вместо чая для завтрака, который употреблял обычно – индийского, очень крепкого и всегда со сгущенным молоком, – отправился осматривать, чистить, заправлять свой вертолет и теперь, когда все было приведено в полный порядок, он изрядно проголодался. Коротко кивнув охраннику, который не обратил на него никакого внимания, Скраггер зашагал к четырехэтажному зданию управления.

Касиги стоял у одного из окон на верхнем этаже, где располагались кабинеты директора и его заместителей. Он находился в комнате для совещаний, просторном угловом кабинете с огромным столом и креслами на двадцать человек, рассеянно наблюдая за Скраггером и вертолетом. Его разум был в смятении, он с трудом сдерживал гнев. С самого раннего утра он разбирался со сметами затрат, отчетами, счетами дебиторов, планами производства работ и так далее, и все они в итоге давали один и тот же результат: нужны, как минимум, еще один миллиард долларов и еще один год времени, чтобы запустить производство. Он лишь второй раз посещал этот завод, который находился не в его сфере ответственности, хотя Касиги являлся директором и членом Исполнительного комитета при председателе, который в их конгломерате являлся высшим руководящим органом.

Позади него главный инженер Ватанабэ, внешне спокойный и терпеливый, в одиночестве сидел за огромным столом и по обыкновению курил сигарету за сигаретой. Он руководил работами последние два года, а до этого был заместителем главного инженера с самого начала проекта в 1971 году – человек большого опыта. Предыдущий главный инженер умер здесь, прямо на стройке, от сердечного приступа.

Не мудрено, сердито думал про себя Касиги. Два года назад – а то и все четыре – главному инженеру должно было стать совершенно ясно, что их абсолютно предельный бюджет в три с половиной миллиарда долларов окажется недостаточным, что перерасход уже был очень серьезным, а сроки сдачи – совершенно невыполнимыми.

– Почему главный инженер Касусака не проинформировал нас? Почему не подготовил специальный отчет?

– Он это сделал, Касиги-сан, – вежливо ответил Ватанабэ, – но по положениям Верховного соглашения о совместном предприятии здесь все отчеты должны проходить через наших назначенных двором партнеров. Это иранская модель – изначально всегда предполагается, что предприятие будет совместным, пятьдесят на пятьдесят, с соответствующим разделением обязанностей, но постепенно иранцы начинают манипулировать встречами, контрактами, пунктами соглашений, обычно ссылаясь на двор в качестве оправдания до тех пор, пока не получают фактический контроль надо всем, а потом… – Он пожал плечами. – Вы даже не представляете себе, насколько они хитроумны, хуже китайского торговца, гораздо хуже. Они соглашаются купить животное целиком, но отказываются от своего обещания и забирают себе только вырезку, оставляя вас со всей остальной тушей на руках. – Он затушил недокуренную сигарету и закурил другую. – Состоялась встреча всего партнерского совета с Гёкотомо-сама – с самим Ёси Гёкотомо, председателем синдиката – здесь, вот в этом самом кабинете, как раз перед тем как умер главный инженер Касусака-сан. Я присутствовал на этой встрече. Касусака-сан предупредил всех, что иранская практика бюрократических проволочек и давления – правильнее сказать, выжимания денег – отодвинет сроки пуска производства и приведет к огромным перерасходам. Я был там. Я слышал это собственными ушами, но его слова утонули в хоре иранских партнеров, которые заверили председателя, что все пойдет по-новому, что Касусака-сан не понимает Ирана, не понимает, как в Иране делаются дела. – Ватанабэ пристально рассматривал кончик сигареты. – Касусака-сан даже повторил то же самое в частной беседе с Гёкотомо-сама, умоляя его остерегаться иранцев, и передал ему подробный письменный отчет.

Лицо Касиги словно окаменело.

– Вы присутствовали при этой встрече?

– Нет… но он рассказал мне все, что говорил на ней, сказал, что Гёкотомо-сама принял его отчет и пообещал, что лично доведет его до сведения лиц на самом высоком уровне, в Тегеране и дома, в Японии. Но ничего не произошло, Касиги-сан, ровным счетом ничего.

– Где копия этого отчета?

– Никаких копий нет. На следующий день, перед отъездом в Тегеран, Гёкотомо приказал их все уничтожить. – Пожилой японец опять пожал плечами. – Работа главного инженера Касусаки, и моя тоже, состояла и состоит в том, чтобы построить этот завод, какие бы проблемы при этом перед нами ни вставали, а не вмешиваться в деятельность синдиката. – Ватанабэ закурил очередную сигарету от выкуренной наполовину старой, глубоко затянулся, аккуратно затушил окурок, страстно желая раздавить его о пепельницу в труху, а саму пепельницу расколотить вместе со столом, кабинетом и всем заводом на мелкие кусочки заодно с этим Касиги, который сует нос не в свои дела, осмеливается ставить под сомнение его действия, хотя сам ничего не знает и не понимает, никогда не работал в Иране и своей должностью в компании обязан исключительно своему родству с кланом Тода. – В отличие от главного инженера Касусаки, – мягко добавил он, – я все эти годы сохранял копии своих ежемесячных отчетов.

– *Со ка?* Это действительно правда? – произнес Касиги, стараясь, чтобы его голос звучал вполне буднично.

– Да, – сказал Ватанабэ. И копии этих копий в очень укромном месте, подумал он в самом потаенном уголке своего сердца, доставая из дипломата толстую папку и кладя ее на стол, как раз на случай, если ты попытаешься свалить на меня всю вину за неудачи. – Вы можете ознакомиться с ними, если пожелаете.

– Благодарю вас. – Касиги усилием воли подавил в себе острое желание тут же схватить папку обеими руками.

Ватанабэ устало потер ладонями лицо. Он не спал почти всю ночь, готовясь к этой встрече.

– Как только ситуация нормализуется, работа будет продвигаться быстро. Строительство завершено на восемьдесят процентов. Я уверен, что мы сможем его закончить при правильном планировании, – все это содержится в моих отчетах, включая вопрос выступления Касусаки на встрече с партнерами и, позже, его встречу с Гёкотомо-сама.

– Что вы предлагаете в качестве генерального решения проблемы «Иран-Тода»?

– Такого решения нет, пока ситуация не нормализуется.

– Она уже нормализовалась. Вы слышали радиопередачу.

– Я слышал ее, Касиги-сан, но для меня нормализация означает установление правительством Базаргана полного контроля над ситуацией в стране.

– Это произойдет в течение нескольких дней. Ваше решение?

– Решение простое: получить новых партнеров, которые готовы работать вместе, договориться о необходимом для нас финансировании, и в течение года, даже меньше, чем года, мы запустим производство.

– А мы можем менять партнеров?

Голос Ватанабэ стал таким же натянутым, как его тонкие губы.

– Старые все назначались двором или утверждались им, таким образом все они – ставленники шаха, а потому для новой власти лица подозрительные и враги. С тех пор как вернулся Хомейни, мы не видели и не слышали ни одного из них. До нас дошли слухи, что все они бежали из страны, но… – Ватанабэ пожал своими широкими плечами. – У меня нет возможности проверить эти слухи без телекса, телефонов, без транспорта. Я сомневаюсь, что отношение к предприятию новых «партнеров» будет принципиально иным.

Касиги кивнул и снова бросил взгляд в окно, ничего перед собой не видя. Легко обвинять иранцев, мертвецов, тайные встречи, уничтоженные отчеты. Ни разу председатель Ёси Гёкотомо ни словом не обмолвился ни о встрече с Касусакой, ни о каком-либо письменном отчете. Зачем Гёкотомо хоронить с концами столь важный документ? Это смешно, потому что он и его компания рискуют в той же мере, что и наша. Так почему же? Если Ватанабэ говорит правду и его собственные отчеты способны доказать это, то почему?

И тут, в течение одного мгновения, которое не осталось незамеченным для Ватанабэ, лицо Касиги словно разбилось на осколки, ибо ответ вдруг сам пришел к нему: потому что гигантский перерасход средств и неспособность эффективно управлять комплексом «Иран-Тода», в добавление к катастрофическому сокращению объемов перевозок во всем мире, уничтожит компанию «Тода Шипинг Индастриз», уничтожит Хиро Тода лично и сделает нас безнадежно уязвимыми для враждебного поглощения! Поглощения кем? Разумеется, Ёси Гёкотомо. Разумеется, этим крестьянином-выскочкой, который всегда ненавидел нас за благородство происхождения, за то, что мы – потомки самураев с древних вре…

И снова Касиги почувствовал, что его мозг вот-вот взорвется.

Конечно же, Ёси Гёкотомо, но при помощи и пособничестве наших извечных врагов, «Мицувари Индастриз»! О, Гёкотомо потеряет целое состояние, но они смогут позволить себе понести свою долю убытков, подмазав нужных людей и предложив совместно взять на себя убытки компании «Тода», расчленить ее и, с благословения «Мицувари Индастриз», поставить в ее главе нужное им руководство. Вместе с Тода на свалку отправятся все их родственники: кланы Касиги и Каяма. Для меня это равносильно смерти.

А теперь именно я должен принести в Японию эту ужасную весть. Отчеты Ватанабэ ничего не докажут, потому что Гёкотомо, естественно, будет все отрицать, обвиняя меня в стремлении свалить вину на него, и будет вопить с каждой крыши о том, что отчеты Ватанабэ неоспоримо доказывают, что Хиро Тода в течение долгих лет управлял компанией без царя в голове. Так что мне несдобровать в любом случае! Возможно, это был план Хиро Тода засунуть меня в самую середину этой навозной кучи! Может быть, он хочет заменить меня одним из своих братьев или племян…

В этот момент раздался стук в дверь, и она распахнулась. В комнату торопливо вошел молодой помощник Ватанабэ с расстроенным лицом, пространно извиняясь за то, что нарушил их уединение.

– О, прошу простить, Ватанабэ-сан, да, приношу свои глубочай…

– Что случилось? – оборвал его Ватанабэ.

– Комитет прибывает сюда со множеством людей, Ватанабэ-сан, Касиги-сама! Смотрите! – С побелевшим лицом молодой человек показал на другие окна, расположенные по фасаду здания.

Касиги оказался у окна первым. Перед главным входом появился грузовик с революционерами, за ним следовали другие грузовики и автомобили. Из них выпрыгивали люди, собираясь тут и там в группы.

Скраггер направлялся к зданию, и они увидели, как он остановился, потом снова двинулся вперед к главному входу, но на него замахали руками, прогоняя прочь, и к зданию подъехал большой «мерседес». Открылась задняя дверца, и из машины вылез грузный человек с белой бородой в черном халате и черной чалме. Его сопровождал другой человек, гораздо моложе годами, с усами, одетый

в светлое, с расстегнутой у горла рубашкой. Оба были в очках. Ватанабэ с шумом втянул в себя воздух.

– Кто они такие? – спросил Касиги.

– Не знаю, но аятолла означает большие неприятности. Муллы ходят в белых чалмах, аятоллы – в черных. – В окружении полудюжины охранников оба иранца проследовали в здание. – Проводи их сюда наверх, Такео, со всеми церемониями. – Молодой японец тут же бросился исполнять. – Аятолла посещал нас только один раз, в прошлом году, сразу после пожара в Абадане. Он созвал собрание всех наших иранских работников, минуты три распекал их на все лады, потом именем Хомейни приказал выйти на забастовку. – Его лицо превратилось в маску. – Это было началом всех наших бед; с тех самых пор мы, иностранцы, перебиваемся здесь как можем.

– Что теперь? – спросил Касиги.

Ватанабэ пожал плечами, подошел к бюро, взял обрамленную фотографию Хомейни, которую Касиги там не заметил, и повесил ее на стену.

– Простая вежливость, – сказал он с сардонической усмешкой. – Присядем? Они будут ожидать от нас торжественности и официальности. Пожалуйста, займите место во главе стола.

– Нет, Ватанабэ-сан. Прошу вас, вы здесь старший. Я всего лишь посетитель.

– Как вам угодно. – Ватанабэ занял свое привычное место и повернулся лицом к двери.

Касиги нарушил молчание:

– Вы упомянули пожар в Абадане?

– А, прошу прощения, – сказал Ватанабэ извиняющимся тоном; на самом деле он испытывал отвращение из-за того, что Касиги не знал о событии такой важности. – Это произошло в прошлом августе, во время священного для них месяца рамадан, когда ни одному правоверному не разрешается ни есть, ни пить от восхода до заката солнца, и люди обычно раздражительны и вспыльчивы. В те времена национальных выступлений против шаха было немного, большей частью в Тегеране и в Куме, но ничего серьезного на ту пору, и со всеми столкновениями без труда справлялись полиция и САВАК. Пятнадцатого августа поджигатели устроили пожар в кинотеатре «Рекс Синема» в Абадане. Все двери оказались запертыми или

забаррикадированными, пожарные и полиция «по случайности» прибыли с опозданием, и в панике погибло почти пятьсот человек, главным образом женщины и дети.

– Какой ужас!

– Да. Вся страна была вне себя от гнева. Тут же во всем обвинили САВАК, а раз САВАК – значит, и шаха, шах обвинил левых и поклялся, что ни полиция, ни САВАК не имели к пожару никакого отношения. Разумеется, он назначил расследование, которое тянулось неделю за неделей. К сожалению, вопрос об ответственности за происшедшее так и остался открытым. – Ватанабэ прислушался, не раздастся ли звук шагов. – Все это оказалось той искрой, которая объединила враждующие оппозиционные группировки вокруг Хомейни и сбросила Пехлеви с их трона.

После паузы Касиги спросил:

– А кто, по вашему мнению, поджег кинотеатр?

– Кто хотел уничтожить Пехлеви? Так легко кричать САВАК! – Ватанабэ услышал, как в коридоре остановился лифт. – Что такое пять сотен женщин и детей для фанатика любого вероисповедания?

Дверь открыл помощник Такео. Аятолла и иранец в гражданском с важным видом вошли, следом за ними в большой кабинет ввалились шесть вооруженных охранников. Ватанабэ и Касиги вежливо встали и поклонились.

– Добро пожаловать, – сказал Ватанабэ по-японски, хотя и говорил на очень хорошем фарси. – Я Нага Ватанабэ, старший здесь, это господин Касиги из штаб-квартиры нашей компании в Японии. С кем я имею удовольствие разговаривать?

Такео, идеально говоривший на фарси, начал было переводить, но человек в гражданском, уже усевшийся в кресло, оборвал его на полуслове.

– *Vous parlez français?*[40] — грубо спросил он у Ватанабэ.

– *Иие.* Нет, – ответил Ватанабэ по-японски.

– *Bien sûr, m'sieur,* – неуверенно произнес Касиги, по-французски он говорил очень средне. – *Je parle un peu, mais je parle anglais mieux, et M'sieur Watanabe aussi.* Я немного говорю по-французски, но по-английски я говорю лучше, и мистер Ватанабэ тоже.

– Очень хорошо, – отрывисто бросил иранец, по-английски он говорил с парижским акцентом. – Тогда мы будем говорить на

английском. Меня зовут Музаде, я являюсь заместителем министра по району Абадана и представляю премьер-министра Базаргана и…

– Но Базарган не устанавливает законы, их устанавливает имам, – резко прервал его аятолла. – Имам назначил Базаргана временным премьер-министром, пока, с Божьей помощью, не будет образовано исламское государство. – Аятолле было под семьдесят, брови у него были такими же белыми, как и борода, черный халат был безукоризненно чист. – Под руководством имама, – с нажимом добавил он.

– Да, разумеется, – произнес Музаде и продолжил, словно его никто не прерывал: – И я официально информирую вас о том, что «Иран-Тода» теперь находится под нашим непосредственным контролем. Через три дня состоится встреча для обсуждения механизмов управления и будущей деятельности. Все предыдущие инициированные шахом и потому незаконные контракты объявляются утратившими силу. Я назначу новый руководящий совет, в который войду я как председатель, представители рабочих, один японский работник и вы. Вам бу…

– И я, а также мулла из Бендер-Делама, – произнес аятолла, испепеляя его взглядом.

Музаде, сердясь перешел на фарси:

– Мы сможем обговорить состав комитета позже. – В его голосе появились резкие нотки: – Главное, чтобы в нем были представлены рабочие.

– Главное – исполнять труд Божий.

– В этом деле труд народный и труд Божий совпадают.

– Не совпадают, если «труд народный» служит прикрытием для сатанинских дел!

Все шесть иранских охранников обеспокоено зашевелились. Они непроизвольно разделились на две группы из четырех и двух человек. В молчании они переводили взгляды с одного из сидящих за столом иранцев на другого. Один из них бесшумно снял автомат с предохранителя.

– Так вы говорили? – быстро произнес Ватанабэ и едва не добавил *банзай* от облегчения, увидев, что все иранцы повернулись к нему. – Вы хотите сформировать новый комитет?

– Да. – С усилием Музаде оторвал взгляд от аятоллы и продолжил: – Вы подготовите все бухгалтерские книги и отчеты и предоставите их в наше распоряжение, и вы будете нести ответственность за любые… все без исключения проблемы, в прошлом или будущем, и за все преступления против Ирана, в прошлом или будущем.

– Мы являлись партнерами по совместному предприятию с правительством Ирана с нача…

– С шахом, а не с иранским народом, – оборвал его Музаде.

Позади него среди охранников – молодых людей, кто-то был еще совсем подростком, у других только-только начала пробиваться борода – послышалось бормотание.

– Это верно, господин Музаде, – произнес Ватанабэ, не испугавшись. За последние несколько месяцев ему уже много раз доводилось участвовать в подобных перепалках. – Но мы японцы. «Иран-Тода» возводится японскими инженерами и техниками при максимальной помощи со стороны иранских стажеров и рабочих; строительство целиком оплачивается японскими деньгами.

– Это не имеет никако…

– Да, мы знаем, – произнес аятолла громко и доброжелательно, заглушая Музаде, – мы знаем это, и вы желанные гости в Иране. Мы знаем, что японцы – это не подлые американцы и не коварные англичане, и хотя вы не являетесь мусульманами – к несчастью для вас самих, ваши глаза еще не открыты Аллаху, – мы говорим вам «добро пожаловать». Но сейчас, сейчас, с Божьей помощью, мы вернули себе свою страну, и теперь мы должны сделать… создать новые договоренности для будущей работы. Наши люди останутся здесь, будут задавать вопросы. Пожалуйста, сотрудничайте с ними – вам нечего бояться. Помните, мы так же, как и вы, хотим, чтобы завод был построен и начал работать. Меня зовут Ишмаэль Ахвази, и я – аятолла в этом районе. – Он поднялся с кресла с внезапностью, которая заставила многих вздрогнуть. – Мы вернемся на четвертый день от сегодняшнего!

Музаде, вспыхнув, заговорил на фарси:

– Есть и другие приказы для этих чужезем…

Но аятолла уже покинул кабинет. Презрительно скривившись, Музаде встал и с гордым видом вышел, его люди последовали за ним.

Когда они остались совершенно одни, Касиги позволил себе достать платок и промокнуть вспотевший лоб. Молодой Такео стоял, окаменев от потрясения. Ватанабэ полез в карман за сигаретами, но пачка оказалась пустой. Он смял ее в кулаке. Такео вернулся к жизни, торопливо подошел к ящику стола, достал новую пачку, открыл ее и предложил ему сигарету.

– Спасибо, Такео. – Ватанабэ сел и закурил от поднесенной зажигалки. – Вы можете идти. – Он посмотрел на Касиги. – Итак, – произнес он, – теперь все начинается снова.

– Да, – ответил Касиги; мысли о новом комитете, приверженном успешному завершению строительства, и последствиях такого поворота событий целиком захватили его. – Эта лучшая новость, какую мы могли услышать. Это новость будет очень желанной в Японии. – По сути, думал он с возрастающим возбуждением, эта новость снимет проклятье с отчетов Ватанабэ и, может быть, нам – Хиро Тоде и мне – вместе каким-то образом удастся нейтрализовать Гёкотомо. А если, еще лучше, Хиро ушел бы в отставку вместо своего брата, это было бы идеально!

– Что? – переспросил он, увидев, что Ватанабэ смотрит на него.

– Я не имел в виду, что это строительство начнется снова, Касига-сан, – резко произнес главный инженер. – Новый комитет будет ничем не лучше прежнего… на самом деле он будет хуже прежнего. Со старыми партнерами неизбежный пешкеш открывал нам двери, и ты всегда знал, каков расклад. Но с этими фанатиками, с этими недоучками? – Ватанабэ в раздражении провел пятерней по волосам. Все боги и духи, дайте мне силы не обругать этого дурака за его нескончаемую глупость, подумал он. Будь мудр, успокойся, он всего лишь обезьяна, не такого благородного происхождения, как ты, прямой потомок повелителей севера.

– Значит, аятолла солгал? – радость Касиги улетучилась.

– Нет. Этот бедный дурень верил в то, что говорил, но только ничего не произойдет. Полиция и САВАК, под каким бы новым названием они теперь не проходили, по-прежнему контролируют Абадан и его окрестности – местное население состоит в основном из арабов-суннитов, а не иранцев-шиитов. Я хотел сказать, что снова начинаются резня и убийства. – Ватанабэ объяснил ему суть спора,

который вспыхнул между их гостями на фарси. – Теперь, когда каждая группировка устремится к власти, все будет гораздо хуже.

– Эти варвары не подчинятся Хомейни? Не станут разоружаться?

– Я говорю, что левые, вроде этого Музаде, продолжат свою войну, поддерживаемые и подстрекаемые Советами, которым отчаянно хочется прибрать к рукам Иран – и даже не из-за нефти, а из-за Ормузского пролива. Потому что перекрыв своим сапогом этот пролив, они наступят на горло всему Западному миру – и Японии. Что касается меня, Запад, Америка и весь остальной мир могут катиться ко всем чертям, но мы должны *будем* начать войну, если нашим кораблям запретят проходить через пролив.

– Согласен. Конечно же, я согласен. – Касиги испытывал не меньшее раздражение. – Мы все это знаем. Разумеется, это будет означать войну… пока мы зависим от нефти.

– Да, – Ватанабэ мрачно усмехнулся. – Десять лет, не более.

– Да. – Оба они знали об огромном проекте, запущенном на национальном уровне, по проведению исследований, открытых и засекреченных, для разработки альтернативных источников энергии, которые сделали бы Японию энергетически самодостаточной – их главный национальный проект. Источник энергии: солнце и море. – Десять лет, да, всего десять лет. – Касиги был уверен. – Если у нас будут десять лет мира и свободного доступа на рынок США, то у нас появится своя альтернатива нефти, и мир будет принадлежать нам. Но до тех пор, – добавил он, и гнев вернулся к нему, – следующие десять лет нам придется кланяться варварам и бандитам всех мастей!

– Ведь Хрущев говорил, что Советам ничего не нужно было делать с Ираном, потому что «Иран – это гнилое яблоко, которое само упадет к нам в руки». – Ватанабэ был в ярости. – Я готов поклясться, что эти поганцы сейчас трясут яблоню изо всех сил.

– Однажды мы их побили, – мрачно сказал Касиги, вспоминая японско-русскую войну на море 1904 года, в которой участвовал его дед. – Сможем побить и еще раз. Этот человек… Музаде? Может быть, он просто придерживается прогрессивных взглядов и настроен против мулл. Не все они фанатично преданы Хомейни.

– Согласен, Касиги-сан. Но некоторые так же фанатично преданы своему богу Ленину-Марксу и так же глупы. Однако я готов поспорить, что этот Музаде – один из так называемых интеллектуалов,

какой-нибудь бывший студент французского университета, чье обучение было оплачено шахскими грантами, которого приняли, обучили и взлелеяли французские учителя левого толка. Я провел два года в Сорбонне, обучаясь в аспирантуре. Я знаю этих интеллектуалов, этих кретинов, а также некоторых из их учителей. Они и меня пытались обратить. Однажды ко…

Короткая автоматная очередь снаружи оборвала его на полуслове. На мгновение оба они застыли неподвижно, потом бросились к окну. Четырьмя этажами ниже аятолла и Музаде стояли на ступенях главного входа. Ниже них, на площадке перед зданием стоял человек, угрожая им автоматом. Он стоял один в полукруге других вооруженных людей, остальные бросились поближе к грузовикам, некоторые что-то кричали, все были настроены враждебно. Скраггер находился у края площадки, и они видели, как он осторожно переместился на более безопасную позицию. Аятолла воздел руки и обрушился на всех с гневной речью. Ватанабэ не было слышно, что он говорил. Японец осторожно приоткрыл окно и выглянул.

– Он говорит: «Во имя Аллаха, сложите оружие, это приказ имама, вы все слушали выступление по радио и его слова, повторяю еще раз, подчинитесь ему и сложите оружие!»

Раздались новые злобные выкрики, в ответ на них зазвучали другие, люди трясли кулаками, угрожая друг другу. В этой сумятице он увидел, как Скраггер скользнул в сторону и исчез за каким-то строением. Ватанабэ высунулся подальше, напряженно прислушиваясь. – Этот человек, который угрожает им оружием… я не вижу, есть у него зеленая повязка или нет… ага, повязки нет, значит, он должен быть из федаин или Туде…

Над площадкой теперь повисло глубокое молчание. Люди неуловимыми движениями стали пытаться занять более удобную позицию, держа оружие наготове, каждый с подозрением косился на соседа, нервы у всех были натянуты до предела. Иранец, угрожавший аятолле и Музаде на ступенях, поднял автомат и проревел, обращаясь к аятолле:

– Прикажите своим людям опустить оружие!

Музаде сделал шаг вперед, не желая столкновения, понимая, что численный перевес не на их стороне:

– Прекрати, Хасан! Ты должен пе…

– Не для того мы сражались и не для того умирали наши братья, чтобы отдать свое оружие и власть муллам!

– Власть принадлежит правительству! Правительству! – Музаде заговорил еще громче. – Сейчас все оставят оружие при себе, но потом принесут и сдадут его в моем кабинете, поскольку я представляю новое правительство, и на…

– Нет, не представляешь, – вскричал аятолла. – Во-первых, именем Аллаха, каждый, кто не является «стражем ислама», положит свое оружие на землю и уйдет с миром. Во-вторых, правительство подчиняется Революционному комитету под непосредственным руководством имама, и этот человек, Музаде, еще не утвержден, поэтому никакой власти у него нет!

– Я здесь правительство!

– Нет, не ты!

– Аллах-у акбаррр! – прокричал кто-то и нажал на курок; Хасан, юноша, стоявший в центре, получил очередь в спину и сделал пируэт в своем танце смерти. Тут же затрещали другие автоматы, люди бросились врассыпную, ища укрытия, или атаковали тех, кто стоял рядом. Бой был коротким и жестоким. Многие погибли, но людей Музаде были слишком мало. «Зеленые повязки» были безжалостны. Несколько человек схватили Музаде, и теперь он стоял на коленях в пыли, умоляя о пощаде.

Аятолла остался на ступенях. Автоматная очередь попала ему в грудь и в живот, и он лежал на руках у одного из своих людей; кровь быстро пятнала его одежду. Струйка крови сбежала из уголка рта на бороду.

– Бог велик… Бог велик… – бормотал он, потом издал протяжный стон, не в силах превозмочь боль.

– Учитель, – произнес человек, державший его на руках; по его щекам катились слезы, – скажи Аллаху, что мы пытались защитить тебя, скажи Пророку.

– Бог… ве… лик, – пробормотал аятолла.

– Что с этим Музаде? – спросил кто-то. – Что нам с ним делать?

– Исполните Божий труд. Убейте его… убейте его, как вы должны убить всех врагов ислама. Нет Бога, кроме Аллаха…

Приказ был выполнен мгновенно. И жестоко. Аятолла умер улыбаясь, с именем Бога на устах. Другие открыто плакали, завидуя

вступившему в рай.

ГЛАВА 24

База ВВС в Ковиссе. 14.32. Мануэла Старк была занята приготовлением чили на кухне своего бунгало. Кассетный магнитофон на батарейках, стоявший на подоконнике, наполнял маленькую комнату музыкой в стиле кантри. На газовой плитке стоял большой сотейник с густым бульоном и кое-какой заправкой, и когда варево закипело, она убавила газ и взглянула на часы на руке, рассчитывая время. Как раз, подумала она. Мы сядем ужинать около семи, а свечи замечательно украсят стол.

Нужно было еще покрошить лук и другие овощи и перекрутить козлятину в мясорубке, и она с удовольствием продолжила свои хлопоты, рассеянно напевая или пританцовывая в такт музыке. Кухонька была маленькой, работать в ней было трудно; не то что в огромной, с балками под высоким потолком кухне в очаровательной, старой, широко раскинувшейся испанской асьенде в Лаббоке, где ее семья жила почти целый век, где выросли она, ее брат и сестра. Но она не расстраивалась из-за тесноты или необходимости готовить, не имея под рукой нормальной кухонной утвари. Она была рада заняться чем-нибудь, что могло отвлечь ее от вопроса, когда она снова увидит своего мужа.

Конрой улетел в субботу, отправившись в Бендер-Делам вместе с муллой, подумала она, пытаясь успокоить себя. Сегодня вторник, прошло всего три дня, да и сегодняшний день еще не закончился. Вчера вечером он говорил с ней по высокочастотной связи: «Привет, милая, здесь все в порядке… никаких причин для беспокойства. Извини, мне нужно идти… эфирное время сейчас ограничено, люблю тебя, скоро увидимся». Его голос звучал так уверенно и свободно, и все равно она была убеждена, и эта убежденность иглой засела в сердце, что уловила в нем какую-то нервозность, которая заполнила ее мысли и отравила сон. Это всего лишь твое воображение. Он скоро вернется – оставь сны для ночи и держись за мечты о том, что все просто замечательно. Сосредоточься на готовке!

Она привезла пакетики молотого чили с собой из Лондона вместе с другими пряностями, паприкой, кайенским перцем, имбирем, свежим

чесноком, сушеными стручками перца-чили, сушеной фасолью и кое-чем еще помимо ночного белья и туалетной бумаги – все в одной большой сумке, которую ей разрешили взять на борт «Боинга-747». Все для чили, потому что Старк обожал мексиканскую кухню и особенно чили, и они оба соглашались, что, помимо карри, это был единственный способ сделать козлятину съедобной. Одежду или что-то еще везти с собой не было нужды, потому что какие-то вещи оставалась у нее в тегеранской квартире. Единственным другим подарком, который она привезла, была баночка мармайта[41] – она знала, что Дженни и Дункан Мак-Айверы так любили мазать эту пасту на горячий, поджаренный на масле хлеб, который пекла Дженни, когда ей удавалось достать муку и дрожжи.

Сегодня Мануэла пекла хлеб. Три буханки лежали на кухонном столе в своих формах для выпечки и остывали, накрытые муслином, чтобы уберечь их от мух. Черт бы побрал всех мух на свете, подумала она. Мухи губят все лето, даже в Лаббоке… Ах, Лаббок, интересно, как там дети.

Биллиджо, Конрой-младший и Сарита. Семь, пять лет и три годика. Ах, мои милые, подумала она со счастливой улыбкой. Я так рада, что отправила вас домой к папе и к нашим десяти тысячам акров – есть где разгуляться. И дедушка Старк рядышком: «Только не забудьте надеть сапоги от змей, слышите, вы там!» С этим своим очаровательным техасским выговором, таким грубоватым и одновременно мягким.

– Да здравствует Техас, – произнесла она вслух и рассмеялась сама себе, пока ее ловкие пальцы резали, давили, орудовали ложкой; время от времени она пробовала чили, добавляя еще немного соли или чеснока. В окно она видела, как Фредди Эйр прошел через небольшую площадь, чтобы подняться на их радиовышку. С ним был Павуд, их старший клерк. Он славный человек, подумала она. Нам повезло, что у нас такие преданные работники. Позади них ей была видна основная взлетно-посадочная полоса и большая часть базы. Ее территорию покрывал снег, полуденное небо было затянуто облаками, скрывавшими вершины гор. Несколько их пилотов и механиков рассеянно гоняли мяч, среди них она увидела Марка Дюбуа, который привез муллу назад из Бендер-Делама.

Больше здесь ничего не происходило, только обслуживание вертолетов, проверка запчастей, покраска – никаких полетов с воскресенья и нападения на базу. И бунта. В воскресенье вечером трех бунтовщиков, одного человека из летного состава и двух сержантов из танкового полка, судили военно-полевым судом и на рассвете расстреляли. Весь день вчера и сегодня на базе было тихо. Один раз, вчера, они увидели, как два истребителя взмыли в небо, но других полетов не было, что казалось странным, потому что база являлась учебной и полетов обычно происходило много. Все движение, казалось, замерло. Только несколько грузовиков, никаких танков и колонн или посетителей по эту сторону. Ночью слышалась какая-то стрельба, крики, но они скоро прекратились.

Она критически взглянула на себя в зеркало, висевшее на крюке над раковиной, заваленной грязными сковородками, тарелками, мерными ложками и чашками. Она повертела головой в одну сторону, потом в другую, придирчиво осмотрела свою фигуру, сколько могла ее видеть.

– Пока ты в порядке, милочка, – сказала она своему отражению, – но тебе все-таки придется оторвать задницу от стула и начать бегать, и отказаться от хлеба, чили, вина, тостадас, буритос, такос и пережаренной фасоли, и маминых блинчиков, капающих медом с собственных пасек, яичницы, и хрустящего поджаренного бекона, и всего жареного…

Ее отвлекло шкворчание в сотейнике, чили забулькало, разбрызгиваясь. Она чуть-чуть убавила газ, попробовала густеющее красноватое рагу, все еще огненно-острое, потому что стояло на плите недостаточно долго.

– Мама дорогая, – сказала она, причмокнув, – Конрой будет счастлив, как поросенок в луже. – На ее лицо легла тень. Был бы счастлив, подумала она, если бы был здесь. Ладно, ребятам точно понравится.

Мануэла принялась за посуду, но никак не могла прогнать из головы Бендер-Делам. Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

– О черт! Да возьми же ты себя в руки!

– Экстренная эвакуация!

Чуть слышный крик снаружи заставил ее вздрогнуть, и она выглянула в окно. Футбольный матч прекратился. Все игроки смотрели на Эйра, который сбегал вниз по наружным ступеням вышки, подзывая их к себе. Она видела, как они столпились вокруг него, потом заторопились каждый в свою сторону. Эйр направился к ее бунгало. Мануэла торопливо сняла передник, поправила волосы, смахнула слезы и встретила его на пороге.

– Что случилось, Фредди?

Эйр лучился от радости.

– Просто подумал, что стоит тебе сообщить. Их вышка только что дозвонилась до меня и распорядилась подготовить 212-й для немедленного вылета в Исфахан для экстренной эвакуации пострадавших – они получили разрешение от «Иран Ойл».

– А это не далековато?

– Да нет. Всего двести миль, пара часов лета; светлого времени хватит за глаза. Марк там заночует и вернется завтра. – Эйр снова улыбнулся. – Хорошо, что есть чем заняться. Любопытно, они специально попросили, чтобы полетел Марк.

– А почему он?

– Не знаю. Может потому, что он француз, а французы помогли Хомейни. Ладно, надо бежать. Чили у тебя пахнет великолепно. Марк уже расстроился, что его не попробует. – Эйр зашагал к своему офису, высокий и красивый.

Мануэла осталась стоять на пороге. Механики выкатывали 212-й из ангара; Марк Дюбуа, застегивая молнию на зимнем летном комбинезоне, весело помахал ей рукой, быстрым шагом направляясь к вертолету, чтобы понаблюдать за предполетной проверкой. В этот миг она увидела колонну из четырех автомобилей, приближавшихся к ним по дороге вдоль периметра базы. Фредди Эйр тоже их заметил. Нахмурившись, он вошел к себе в кабинет.

– Разрешение на полет готово, господин Павуд?

– Да, ваше превосходительство. – Павуд протянул ему бумагу.

Эйр не заметил, насколько тот напряжен, как не заметил и дрожи в руках иранца.

– Спасибо. Вам, наверное, лучше пойти со мной на тот случай, если там все говорят только на фарси.

– Но, ваше п…

– Пошли! – Застегнув летную куртку от холодного ветра, Эйр быстро вышел.

Павуд вытер вспотевшие ладони. Остальные иранцы смотрели на него, встревоженные не меньше, чем он.

– На все воля Бога, – произнес один из них, благословляя Аллаха, что Эйр выбрал Павуда, а не его.

У ангара продолжалась наземная проверка 212-го. Эйр подошел к вертолету как раз тогда, когда к нему подъехали машины. Улыбка сползла с его лица. Машины были набиты вооруженными людьми, «зелеными повязками»; они быстро развернулись в цепь вокруг вертолета. Он увидел среди них несколько иранских летчиков в форме.

Мулла Хусейн Ковисси выбрался с переднего сиденья головной машины: белоснежная чалма, новый темный халат, старые поношенные сапоги. На плече у него висел его АК-47. Он явно был у них главным. Другие открыли заднюю дверцу головной машины и выволокли из нее полковника Пешади, а за ним – его жену. Пешади обрушился на них с ругательствами и проклятиями, и они чуть-чуть отступили. Полковник одернул на себе шинель, поправил фуражку с галуном. Его жена была в добротном зимнем пальто и перчатках, в маленькой шапочке и с сумочкой на плече. Ее лицо было бледным и напряженным, но, как и ее муж, голову она держала высоко и гордо. Она наклонилась к машине, чтобы достать оттуда небольшую дорожную сумку, но один из «зеленых повязок» схватил сумку раньше нее и, после короткого колебания, протянул ее ей.

Эйр постарался, чтобы его лицо не выдало шока, который он испытал.

– Что происходит, сэр?

– Мы… нас отправляют в Исфахан под охраной! Под охраной! Моя база… мою базу предали, и она находится в руках мятежников! – Полковник не скрывал ярости на своем лице, когда круто повернулся к Хусейну и произнес на фарси: – Я повторяю, при чем здесь моя жена? А? – добавил он, переходя на крик. Один из нервничающих «зеленых повязок» ткнул его в спину автоматом. Не оборачиваясь, полковник резким движением отбросил автомат в сторону. – Сын шелудивой собаки!

– Прекратить! – крикнул Хусейн на фарси. – Это приказ из Исфахана. Я показал вам этот приказ. Согласно ему вы и ваша жена

должны быть немедленно отправлены в…

– Приказ? Грязный клочок паршивой бумаги, на котором безграмотной рукой нацарапано что-то неразборчивое и стоит подпись аятоллы, о котором я раньше никогда не слышал?

Хусейн подошел к нему вплотную.

– Садитесь в вертолет, вы оба, – предупредил он, – или я прикажу затащить вас туда.

– Сразу же, как только машина будет готова! – Полковник с презрительной миной достал сигарету. – Дай мне прикурить, – приказал он стоявшему рядом иранцу, и, когда тот заколебался, рявкнул: – Ты что, оглох? Прикурить дай!

Человек криво ухмыльнулся и достал коробок спичек. Все вокруг одобрительно закивали, даже мулла, восхищаясь таким мужеством перед лицом смерти – мужеством перед лицом ада, потому что этот человек – человек шаха, и ему, конечно же, уготован только ад. Естественно, ад! Разве вы не слышали, как он кричал «Да здравствует шах!» всего несколько часов назад, когда глубокой ночью мы проникли на территорию лагеря и захватили ее вместе с его прекрасным домом, и все солдаты базы, армейские и ВВС, помогали нам, и даже некоторые из офицеров, а остальные офицеры сидят сейчас по камерам. Бог велик! На то была воля Аллаха, Божье чудо, что генералы пали перед нами, как стены из дерьма, чем они, как нам говорили муллы, и являются. Имам снова был прав, да хранит его Бог!

Хусейн подошел к Эйру, который неподвижно застыл в ужасе от происходящего, пытаясь как-то уложить все это в голове. Марк Дюбуа стоял рядом с ним, такой же потрясенный; проверка вертолета прекратилась.

– Салам, – сказал мулла, стараясь быть вежливым. – Вам нечего бояться. Имам приказал, чтобы все возвращалось к нормальной жизни.

– Нормальной? – зло переспросил Эйр. – Это же полковник Пешади, танковый командир, герой экспедиционных войск, которые были посланы в Оман, чтобы подавить поддержанное марксистами восстание и отразить вторжение из Южного Йемена! – Это было в семьдесят третьем году, когда султан Омана обратился к шаху за помощью. – Разве полковнику Пешади не был вручен «Зольфагар», ваша высшая награда, которая дается только за личное мужество, проявленное в бою?

– Да. Но сейчас полковник Пешади нужен, чтобы ответить на вопросы, касающиеся преступлений против иранского народа и против законов Бога! Салам, капитан Дюбуа, я рад, что вы будете пилотировать вертолет.

– Меня попросили выполнить рейс по экстренной эвакуации пострадавших. Это не экстренная эвакуация, – сказал Дюбуа.

– Это эвакуация пострадавших: полковник и его жена должны быть эвакуированы в штаб командования в Исфахане. – Хусейн добавил с сардонической усмешкой: – Может быть, они и есть пострадавшие.

– Извините, наши вертолеты находятся на лицензии у «Иран Ойл», – сказал Эйр. – Мы не можем сделать то, о чем вы просите.

Хусейн повернулся и крикнул:

– Ваше превосходительство Эсвандиари!

Кураму Эсвандиари по прозвищу Мастак было чуть больше тридцати. Он был очень популярен у иностранцев: деловой, очень эффективный, прошедший обучение в S-G – он два года обучался в штаб-квартире компании в Абердине по шахскому гранту. Эсвандиари вышел из задних рядов, и в первое мгновение никто из сотрудников S-G не узнал своего начальника базы. Обычно он одевался с предельной аккуратностью и всегда был чисто выбрит, теперь же его лицо покрывала густая трех-четырехдневная щетина, и одет он был в грубую одежду с зеленой повязкой на рукаве, мягкую фетровую шляпу, на плече висела M16.

– Полет санкционирован. Вот, – сказал он, протягивая Эйру обычные бланки. – Я подписал их и поставил печати.

– Но, Мастак, ты же не можешь не понимать, что это не настоящая экстренная эвакуация пострадавших?

– Меня зовут Эсвандиари… господин Эсвандиари, – ответил иранец без тени улыбки, и Эйр вспыхнул. – И я вручил вам законное распоряжение «Иран Ойл», на которую вы работаете по контракту здесь в Иране. – Его лицо стало жестким. – Если вы откажетесь выполнить законное распоряжение при нормальных летных условиях, вы нарушите контракт. Если вы сделаете это без достаточных оснований, мы будем вправе арестовать все ваше имущество – вертолеты, ангары, запчасти, оборудование – и приказать вам немедленно покинуть Иран.

– Вы не можете так поступить.

– Я сейчас здесь главный представитель «Иран Ойл», – резко произнес Эсвандиари. – «Иран Ойл» принадлежит правительству. Правительством является Революционный комитет под руководством имама Хомейни, да пребудет с ним мир. Прочтите свой контракт с «Иран Ойл», а также контракт между S-G и вертолетной компанией Ирана. Итак, вы будете выполнять этот чартерный рейс или отказываетесь?

Эйр пытался держать себя в руках.

– А как быть… как насчет премьер-министра Бахтияра и прави…

– Бахтияра? – Эсвандиари и мулла уставились на него. – Вы разве еще не слышали? Он подал в отставку и бежал, генералы капитулировали вчера утром, правительством Ирана теперь являются имам и Революционный комитет.

Эйр, Дюбуа и все стоявшие рядом иностранцы смотрели на него открыв рот. Мулла сказал на фарси что-то непонятное для них. Его люди рассмеялись.

– Капитулировали? – только и смог произнести Эйр.

– На то была воля Бога, что генералы прозрели к истине, – сказал Хусейн, глаза его сверкали. – Они арестованы, весь Генеральный штаб. Все до единого. Как теперь будут арестованы все враги ислама. Нассири мы тоже взяли. Вы слышали о таком? – поинтересовался Хусейн с глубоким сарказмом. Нассири был ненавистным главой САВАК, которого шах арестовал несколько недель назад и который сидел в тюрьме в ожидании суда. – Нассири был признан виновным в преступлениях против человечности и расстрелян. Вместе с тремя другими генералами: военным комендантом Тегерана Рахими, генерал-губернатором Исфахана Наджи и командующим воздушно-десантными войсками Хосровдадом. Вы теряете время. Так вы летите или нет?

Эйр едва был в состоянии соображать. Если то, что они говорили, было правдой, то Пешади и его жена все равно что покойники. Все это так быстро, так невозможно.

– Мы… разумеется, мы выполним… э-э… законный рейс. А что именно вам нужно?

– Немедленно перевезти его превосходительство муллу Хусейна Ковисси в Исфахан… вместе с его людьми. Немедленно, –

нетерпеливо вмешался Эсвандиари. – С пленником и его женой.

– Они… Полковник и миссис Пешади не внесены в пассажирскую декларацию.

Еще более нетерпеливо Эсвандиари вырвал бумагу из его рук, что-то написал в ней.

– Вот, теперь вписаны! – Он ткнул рукой мимо Эйра и Дюбуа туда, где позади всех стояла Мануэла. Она была в комбинезоне, волосы аккуратно убраны под шляпу. Он заметил ее сразу же, как только они прибыли – как всегда соблазнительную, как всегда тревожащую. – Мне следует арестовать ее за незаконное проникновение на территорию, – произнес он грубо. – Она не имеет права находиться на базе, здесь нет помещений для супружеских пар, да они и не допускаются правилами базы и S-G.

Стоя рядом с 212-м, полковник Пешади сердито крикнул по-английски:

– Так мы летим сегодня или нет? Мы замерзли. Поторопитесь, Эйр, я хочу как можно меньше времени провести в обществе этих крыс!

Эсвандиари и мулла вспыхнули. Эйр отозвался, храбрость этого человека подняла ему настроение:

– Да, сэр. Виноват. О'кей, Марк?

– Да. – Дюбуа обратился к Эсвандиари: – Где мое разрешение от военных?

– Приколото к декларации. Также и для вашего обратного рейса завтра. – Эсвандиари повернулся к мулле и сказал на фарси: – Я предлагаю вам садиться в вертолет, ваше превосходительство.

Мулла удалился. Охранники показали Пешади и его жене, чтобы они забирались внутрь. С высоко поднятыми головами они твердым шагом поднялись по ступеням. Вооруженные охранники поднялись следом за ними, а мулла занял переднее сиденье слева от Дюбуа.

– Минуточку, – начал было Эйр, оправившись от шока. – Мы не повезем вооруженных людей. Это против правил – и ваших, и наших!

Эсвандиари выкрикнул приказ, ткнул большим пальцем в сторону Мануэлы. Четверо вооруженных охранников тут же окружили ее. Остальные придвинулись гораздо ближе к Эйру.

– А сейчас дайте Дюбуа добро на взлет!

Осознавая опасность, Эйр с мрачным видом подчинился. Дюбуа кивнул в ответ и запустил двигатели. Скоро вертолет уже оторвался от земли.

– А теперь в управление, – распорядился Эсвандиари, перекрикивая вой двигателей. Он отозвал своих людей от Мануэлы и приказал им вернуться в машины. – Оставьте здесь одну машину и четырех охранников, у меня есть еще приказы для этих чужеземцев. Ты, – жестко обратился он к Павуду, – собери все документы с последней информацией по всем летательным аппаратам на этой базе, по всем запчастям, всем транспортным средствам, а также количеству топлива, числу сотрудников, иностранных и иранских, их имена, должности, паспортные данные, виды на жительство, разрешения на работу, летные удостоверения. Понятно?

– Да, да, ваше превосходительство. Да, разуме…

– И я хочу видеть все паспорта и разрешения завтра. За дело!

Павуд поспешно удалился. Эсвандиари с поклонами проводили в центральную дверь. Он прошел в кабинет Старка и уселся в его кресло за письменным столом. Эйр вошел следом за ним.

– Садитесь.

– Благодарю вас, вы так добры, – язвительно произнес Эйр, усаживаясь в кресло напротив. Оба человека были одного возраста и некоторое время смотрели друг на друга.

Иранец достал сигарету и закурил.

– С этого момента это будет мой кабинет, – сказал он. – Теперь, когда Иран наконец вновь в руках иранцев, мы можем начать осуществлять необходимые изменения. Следующие две недели вы будете работать под моим личным руководством, пока я не уверюсь, что новый порядок правильно понят. Я главный представитель «Иран Ойл» по Ковиссу, и я буду выдавать все разрешения на полеты. Никто не имеет права взлетать без письменного разрешения, и всегда на борту должен присутствовать вооруженный охранник, и…

– Это противоречит воздушному законодательству и законам Ирана, и это запрещено. Помимо всего прочего, это просто опасно, черт подери. Точка!

Повисло долгое молчание. Затем Эсвандиари кивнул.

– Вы будете летать с охранниками, у которых будет оружие… но не будет патронов. – Он улыбнулся. – Вот видите, мы можем идти на

компромисс. Мы можем быть разумными, о да. Вы увидите, новая эра и для вас тоже окажется хорошей.

– Надеюсь, что так. И для вас тоже.

– То есть?

– То есть всякая революция, о которой я читал, неизменно начинается с того, что пожирает сама себя, друзья быстро становятся врагами и еще быстрее погибают.

– Но не в нашем случае. – Эсвандиари говорил с полной уверенностью. – У нас так не будет. Наша революция была подлинно народной – революцией всего народа. Каждый хотел, чтобы шаха выкинули из страны… и его чужеземных хозяев.

– Надеюсь, вы правы. – Бедолага ты, бедолага, подумал про себя Эйр, потому что когда-то этот человек ему нравился. Если ваши люди способны судить, приговорить и расстрелять четырех главных генералов – хороших людей, за исключением Нассири – менее чем за сутки, способны арестовывать и унижать таких замечательных патриотов, как Пешади и его жена, да поможет вам Господь. – Вы закончили со мной на сегодня?

– Почти. – Разряд гнева прокатился по Эсвандиари. В окно он видел, как Мануэла возвращается к своему бунгало в сопровождении нескольких пилотов, и его похоть подстегнула его гнев. – Было бы хорошо усвоить хорошие манеры и тот факт, что Иран – азиатская, восточная страна, мировая держава, которую никогда, никогда больше не будут эксплуатировать британцы, американцы или даже Советы. Больше никогда. – Он съехал вниз в кресле и закинул ноги на стол, как это тысячу раз делали Старк и Эйр, уткнув свои подошвы в лицо Эйру – неизменно оскорбительное поведение в этой части света. – Британцы были еще хуже американцев. Они полтора века заставляли наш народ испытывать жгучий стыд, обращаясь с нашим древним Павлиньим троном и всей страной как со своим личным феодом, пользуясь обороной Индии как предлогом. Они диктовали свою волю нашим правителям, трижды оккупировали нас, навязывали нам несправедливые договоры, подкупали наших руководителей, чтобы получать концессии. Сто пятьдесят лет британцы и русские делили между собой мою страну, британцы помогли тем, другим гиенам украсть наши северные провинции, наш Кавказ, и помогли возвести на трон Реза-хана. Они оккупировали нас вместе с Советами во время

вашей мировой войны, и только наши нечеловеческие усилия смогли разорвать эту цепь и вышвырнуть их вон. – Внезапно его лицо исказила дикая гримаса и он взвизгнул: – Разве нет?!

Все это время Эйр просидел не шевельнувшись, даже ни разу не моргнув.

– Мастак, и я больше никогда тебя так не назову, – тихо проговорил он, – мне не нужны лекции, я просто хочу делать свою работу. Если мы не сможем выработать удовлетворительный для этого механизм, тогда это будет другое дело. Нам придется подождать и посмотреть. Если тебе нужен этот кабинет – чудесно. Если тебе хочется устраивать представления с громом и молниями – прекрасно… в разумных пределах – тебе есть что праздновать. Вы победили, у вас оружие, у вас власть, и теперь вы за все в ответе. И ты прав, это ваша страна. Так что давай на этом и остановимся. А?

Эсвандиари в упор смотрел на него, его голова болела от годами сдерживаемой ненависти, которую больше не нужно было сдерживать. И хотя он понимал, что Эйр ни в чем не виноват, он в той же мере был уверен, что изрешетил бы пулями его и всех остальных, откажись они подчиниться и доставить муллу и предателя Пешади на суд и в ад, которого он заслуживает. Я не забыл солдата, которого убил Пешади, – того самого, пытавшегося открыть нам ворота, – или тех, кто был убит два дня назад, когда Пешади сумел отбросить нас и погибли сотни людей, среди них был мой брат и два моих лучших друга. И всех других – сотни, тысячи, возможно, десятки тысяч, – убитых по всему Ирану… Я не забыл их, ни одного.

Нитка слюны стекла ему на подбородок. Он вытер ее тыльной стороной ладони и вернул себе самообладание, вспомнив о важности миссии, которая была ему поручена.

– Хорошо, Фредди. – «Фредди» вырвалось у него непроизвольно. – Хорошо, и… и это последний раз, когда я тебя так назвал. Хорошо, на этом мы и остановимся.

Он поднялся, чувствуя большую усталость, но при этом гордясь тем, как он сумел навязать им свою волю, и бесконечно уверенный в своей способности заставить этих иностранцев работать и ходить по струнке, пока их не вышвырнут отсюда насовсем. Теперь уже недолго, подумал он. У меня не возникнет никаких проблем с осуществлением здесь долгосрочного плана иранских партнеров. Я согласен с Валиком.

У нас довольно иранских пилотов, и чужеземцы нам здесь не нужны. Я смогу управлять этим предприятием – в качестве партнера, – хвала Творцу, что Валик всегда тайно поддерживал Хомейни! Скоро у меня будет большой дом в Тегеране, и два моих сына пойдут там в университет, как и моя дорогая маленькая Фатме, хотя, наверное, ей тоже следует поучиться в Сорбонне годик-другой.

– Я вернусь в девять утра. – Эсвандиари вышел, не закрыв за собой дверь.

– Черт, ну и дела, – пробормотал Эйр. В оконное стекло начала биться муха. Он не замечал ни ее, ни производимого ею шума. Внезапно ему пришла в голову мысль, и он вышел в приемную. Павуд и остальные служащие стояли у окон, наблюдая за отъездом пришельцев. – Павуд!

– Да… да, ваше превосходительство?

Эйр обратил внимание, что лицо Павуда приобрело сероватый оттенок, и он выглядел гораздо старше, чем обычно.

– Вы знали о генералах, о том, что они сдались? – спросил Эйр, испытывая жалость к иранцу.

– Нет, ваше превосходительство. – Ложь далась Павуду легко, он привык лгать. Все его мысли сейчас были замкнуты в его сознании; холодея от страха, он рылся в памяти, пытаясь вспомнить, не мог ли он за последние три года где-то оступиться и выдать себя Эсвандиари – все это время он даже помыслить не мог, что этот человек мог быть тайным «стражем ислама». – Мы… до нас доходили слухи об их капитуляции… но вы же знаете, слухи есть всегда и самые разные.

– Да… да, наверное, вы правы.

– Я… вы не возражаете, если я присяду, вы позволите? – Павуд нашарил рукой стул, чувствуя себя совсем старым. Он плохо спал эту неделю, и двухмильная поездка на велосипеде сюда сегодня утром из маленького четырехкомнатного дома в Ковиссе, который он делил с семьей брата – пятеро взрослых и шестеро детей, – была более утомительной, чем обычно. Разумеется, он и все жители Ковисса слышали о том, что генералы смиренно сдались – впервые эта новость прозвучала в мечети из уст муллы Хусейна, который сказал, что слышал ее по тайному радиоканалу из штаба Хомейни в Тегеране, так что она, вероятнее всего, была правдой.

Руководитель их ячейки Туде немедленно созвал их на встречу, все они были поражены трусостью генералов: «Это как раз свидетельствует о тлетворном влиянии американцев, которые их предали и так их околдовали, что они сами себя кастрировали и совершили самоубийство, потому что всех их, конечно же, прикончат, не важно, сделаем это мы или этот безумец Хомейни!»

Все были полны решимости и в то же время страшились предстоящей схватки с фанатиками и муллами, с опиумом народа, и сам Павуд покрылся потом от облегчения, когда руководитель сказал, что им приказано на улицы пока не выходить, а оставаться в тени и ждать, ждать, пока не поступит приказ о всеобщем восстании. «Товарищ Павуд, жизненно необходимо, чтобы вы поддерживали наилучшие отношения с иностранными пилотами на базе. Нам понадобятся они и их вертолеты – или нам нужно будет помешать их использованию врагами народа. Наш приказ – залечь на дно и ждать, набраться терпения. Когда мы наконец получим приказ выйти на улицы против Хомейни, наши товарищи на севере хлынут через границу несметными рядами…»

Он увидел, что Эйр внимательно смотрит на него.

– Со мной все в порядке, капитан, меня просто тревожит все это и… и новая эра.

– Просто выполните распоряжение Эсвандиари. – Эйр задумался на секунду. – Я отправляюсь на вышку, чтобы сообщить в головной офис о том, что произошло. Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Да-да, спасибо.

Эйр нахмурился, потом прошел по коридору и поднялся по лестнице. Поразительное преображение Эсвандиари, который столько лет был таким дружелюбным, приятным в общении – ни намека на антибританские настроения, – потрясло его до глубины души. Впервые за все годы, проведенные в Иране, он почувствовал, что их будущее здесь обречено.

К его удивлению, радиорубка на вышке была пуста. С воскресного бунта здесь постоянно находился охранник. Майор Чангиз с пятнами крови на мундире пожал в тот день плечами:

– Я уверен, вы понимаете. Чрезвычайное положение. Сегодня мы потеряли здесь убитыми много преданных людей, и мы еще не выявили всех предателей – пока что. До дальнейших распоряжений вы

будете выходить в эфир только в дневные часы, сократив радиопередачи до абсолютного минимума. Все полеты отменяются до последующего распоряжения.

– Хорошо, майор. Кстати, а где наш радист Массил?

– Ах да, палестинец. Его допрашивают.

– Могу я узнать почему?

– Членство в ООП и террористическая деятельность.

Вчера его проинформировали, что Массил сознался и был расстрелян. Иранцы не предоставили британцам возможности ни ознакомиться с доказательствами, ни поговорить с ним, ни увидеть его. Бедняга, подумал Эйр, закрывая за собой дверь в радиорубку и включая оборудование. Массил всегда был предан нам и благодарен за то, что ему дали это место, хотя его квалификация была намного выше – диплом радиоинженера Каирского университета, лучший в своей группе, но без работы и вида на жительство. Черт подери! Мы воспринимаем свои паспорта как нечто само собой разумеющееся, а каково бы оно было жить без паспорта и быть, скажем, палестинцем? Жизнь не медом мазана, когда не знаешь, что произойдет на каждом пограничном пункте, когда любой сотрудник иммиграционной службы, любой полицейский, бюрократ или работодатель может оказаться твоим инквизитором.

Благодарение Богу, я родился британцем, и даже английская королева не может этого у меня отнять, хотя чертово лейбористское правительство сейчас пересматривает наше зарубежное наследие. Что ж, чума их забери за каждого австралийца, канадца, новозеландца, южноафриканца, кенийца, китайца и сотню других британцев, которым скоро понадобится виза, чтобы съездить домой!

– Задницы поганые, – пробормотал он, – неужели они не понимают, что это все сыновья и дочери тех, кто создал нашу империю и во многих случаях отдал за нее жизнь?

Он подождал, пока высокочастотный передатчик и другое оборудование радиосвязи разогреется. Их гудение доставляло ему удовольствие, красные и зеленые лампочки мигали, и он больше не чувствовал себя оторванным от остального мира. Надеюсь, с Анджелой и маленьким Фредериком все хорошо. Это же ужас, когда нет ни почты, ни телефонов, и телекс молчит, как мертвый. Ладно, может быть, скоро все опять заработает.

Он протянул руку к переключателю на передачу, надеясь, что Мак-Айвер или кто-нибудь сейчас слушают у аппарата. Тут он заметил, что по привычке вместе с УКВ– и ВЧ-приемопередатчиками он включил и их радар. Эйр потянулся через стол, чтобы его отключить. В этот момент на наружном ободе – двадцатимильная зона – возникла точка, на северо-западе, почти затененная плотной картинкой гор. Пораженный, он присмотрелся внимательнее. Опыт подсказывал ему, что это вертолет. Он убедился, что настроен на все частоты приема, а когда снова взглянул на экран радара, то увидел, что точка исчезла. Он подождал. Она так и не появилась. Либо он сел, либо его сбили, либо он специально держится ниже радара. Выбирай!

Секунды шли. Никаких изменений, лишь все та же толстая белая линия бежит по кругу, оставляя за собой картинку окружающей местности с высоты птичьего полета. По-прежнему никаких признаков точки.

Его пальцы щелкнули переключателем на УКВ-станции, переведя ее в режим передачи, и он приблизил микрофон ко рту, замер в нерешительности, потом передумал и выключил его. Не стоит будоражить операторов на вышке базы, если там вообще кто-то сейчас дежурит, подумал он. Нахмурившись, он взглянул на экран. Мягким красным фломастером отметил вероятный маршрут подлета на скорости восемьдесят узлов. Шли минуты. Он мог переключиться на сканирование на более близком расстоянии, но не стал этого делать на тот крайне маловероятный случай, что точка означала не подлетающий, а удаляющийся объект, который пытается незаметно проскользнуть мимо них.

Теперь вертолет должен быть от них милях в пяти-шести, подумал он. Эйр взял бинокль и принялся осматривать небо, с севера на запад и на юг. Его уши уловили легкий звук шагов на последних нескольких ступенях лестницы. Сердце забилось быстрее, он щелкнул выключателем на радаре. Экран начал гаснуть, когда дверь открылась.

– Капитан Эйр? – Вошедший был военнослужащим ВВС: выглаженная униформа, волевое красивое персидское лицо, гладко выбрит, возраст лет под тридцать, в руках – стандартный американский армейский карабин.

– Да-да, это я.

– Сержант Вазари, ваш новый авиадиспетчер. – Иранец прислонил карабин к стене, протянул руку, и Эйр пожал ее. – Привет, я прошел обучение в ВВС США, три года, военный авиадиспетчер. Даже поработал полгода в аэропорту Ван-Найс. – Одним взглядом он окинул все оборудование. – Хороший у вас комплект.

– Да… э-э… да, спасибо. – Эйр покрутил бинокль в руках и положил на стол. – Как там… э-э… дела в аэропорту Ван Найс?

– Это крошечная, неприметная взлетно-посадочная полоска в долине Сан-Фернандо в Лос-Анджелесе, но при этом третий по загруженности аэропорт в Штатах, и диспетчеров нагружает так, что мама не горюй! – Вазари просиял. – Все движение – сплошные любители, большинство из этих шуткарей совсем еще зеленые и не отличат пропеллера от собственной задницы, и в любой момент в системе таких балбесов человек двадцать, из них восемь – заходят на посадку и все хотят быть Рихтхофенами[42]. – Он рассмеялся. – Классное место для учебы на диспетчера, но после шести месяцев этой свистопляски хочется на стену лезть.

Эйр выдавил из себя улыбку, заставляя себя не смотреть на небо.

– Тут у нас все довольно тихо. Даже в нормальном режиме. Мы… э-э… вылетов у нас сейчас нет, как вам известно, – боюсь, делать здесь сейчас нечего.

– Конечно, нечего. Я просто хотел глянуть быстренько, как тут и что, потому что завтра мы начинаем с утра пораньше. – Он засунул руку в карман гимнастерки, достал оттуда какой-то список и протянул его Эйру. – У вас по графику три полета на местные нефтяные вышки с восьми утра, о'кей? – Он механически взял тряпку и стер след маркера на экране радара, привел в порядок рабочий стол. Красный фломастер отправился в стакан к остальным.

Эйр еще раз посмотрел на список.

– Эсвандиари дал на них свое разрешение?

– А это кто такой?

Эйр объяснил ему.

Сержант рассмеялся:

– Ну, капитан, майор Чангиз лично распорядился насчет этих полетов, так что можете быть спокойны, они подтверждены.

– Он… его не арестовали вместе с полковником?

– Черт, нет, капитан. Мулла, Хусейн Ковисси, назначил майора Чангиза временным командующим базой до получения подтверждения из Тегерана. – Его пальцы быстро и безошибочно переключили каналы связи на частоту главной диспетчерской. – Алле, Главная, говорит Вазари с S-G. Нам обязательно заверять завтрашние полеты у Эсвандиари из «Иран Ойл»?

– Нет, – прозвучат ответ в динамиках, опять с американским акцентом. – Там все в порядке?

– Ага. Взлетевший ушел без проблем. Я сейчас с капитаном Эйром. – Во время разговора сержант привычно скользил взглядом по небу.

– Хорошо. Капитан Эйр, говорит старший диспетчер базы. Любые полеты, разрешенные майором Чангизом, автоматически утверждаются «Иран Ойл».

– Спасибо… благодарю вас.

– Спасибо, Главная, – сказал Вазари, приготовившись отключиться, как вдруг его взгляд замер. – Минутку, Главная, да у нас тут птичка на подлете! Вертолет, двести семьдесят градусов…

– Где? Где… вижу его! Черт побери, как ему удалось пройти под радаром? У тебя аппаратура включена?

– Нет. – Сержант навел бинокль. – 212-й, регистрационный… черт, не вижу, он к нам носом. – Вазари включил УКВ-связь. – Говорит военный центр радиолокационного контроля Ковисса! Борт на подлете, назовите свой регистрационный номер, куда вы направляетесь и из какого пункта вылетели?

Молчание, в динамиках только потрескивание. Главная диспетчерская служба базы повторила запрос. Никакого ответа.

– Этот сукин сын влип по самые уши, – пробормотал Вазари. Он снова навел бинокль на приближающийся вертолет.

У Эйра в руках был второй бинокль, и сердце колотилось в груди. Вертолет начал предпосадочный маневр, и он прочел регистрационный номер на борту: EP-HBX.

– Эхо Питер Хоутел Бостон Икс-рей! – одновременно с ним передал по буквам сержант.

– HBX, – подтвердила Главная. Они еще раз попробовали установить радиоконтакт. Никакого ответа. – Он выполняет ваш

стандартный маневр для посадки. Он местный? Капитан Эйр, это один из ваших вертолетов?

– Нет, сэр, это не один из моих, здесь он не базируется. – Эйр добавил, тщательно подбирая слова. – Однако HBX может быть регистрационным номером компании S-G.

– Базирующимся где?

– Я не знаю.

– Сержант, как только этот шутник сядет, арестуйте его и всех пассажиров, отправьте их сюда в штаб под охраной, потом кратко доложите мне, кто, зачем и откуда.

– Слушаюсь, сэр.

Вазари с задумчивым видом выбрал красный фломастер и провел им на экране ту же черту, которую там оставил Эйр и которую он стер тряпкой. Секунду он смотрел на нее, зная, что Эйр сейчас напряженно наблюдает за ним. Но ничего не сказал, просто снова начисто вытер экран и вновь сосредоточил все свое внимание на 212-м.

В молчании оба человека на вышке смотрели, как вертолет сделал обычный круг, потом корректно прервал его и направился в их сторону. Но попытки сесть не сделал, просто остался на положенной высоте и сделал гораздо меньший круг, покачиваясь с боку на бок.

– Радиосвязь не работает. Он просит зеленый, – сказал Эйр и потянулся за сигнальным фонарем. – О'кей?

– Конечно, дайте ему зеленый… только его задница все равно останется на сковородке.

Эйр убедился, что мощный, с узким лучом фонарь поставлен на зеленый цвет – разрешение на посадку. Он навел его на вертолет и включил. Вертолет подтвердил сигнал, еще раз качнувшись с боку на бок, и начал заходить на посадку. Вазари взял свой карабин и вышел. Эйр снова навел бинокль, но не смог опознать ни пилота, ни человека, сидевшего рядом, – оба были в очках и с поднятыми воротниками зимних курток. Потом бросился вниз по лестнице.

Другие сотрудники S-G, пилоты и механики, собрались внизу и смотрели. Со стороны основной базы по дороге вдоль периметра к ним неслась машина. Мануэла стояла на пороге своего бунгало. Посадочные площадки располагались перед административным зданием компании. У подветренной стены сидели на корточках четыре «зеленых повязки», оставленные для охраны; Вазари теперь был рядом

с ними. Эйр заметил, что один из охранников был очень молод, почти подросток. Он возился со своим автоматом. От возбуждения молодой иранец, передергивая затвор, уронил автомат на бетон, дулом в сторону Эйра. Но выстрела не последовало. На глазах у британца парень поднял автомат за ствол, стукнул его прикладом о бетон, чтобы стряхнуть снег, потом небрежно поковырялся в скобе вокруг спускового крючка, удаляя снег и оттуда. На ремне у него висело несколько гранат – за кольца чеки. Эйр торопливо присоединился к группе механиков, отбежавших в безопасное место.

– Проклятый полудурок! – выругался один из них дрожащим голосом. – Он и себя взорвет к чертям собачьим, и нас заодно. Вы в порядке, капитан? Мы слышали, Мастаку вожжа под хвост попала.

– Да, верно, попала. НВХ, откуда он, Бенсон?

– Бендер-Делам, – ответил Бенсон, краснолицый англичанин, весь округлый, как колобок. – Ставлю пятьдесят фунтов, что это Дюк.

Едва 212-й сел и заглушил двигатели, охранники, возглавляемые Вазари, бросились к вертолету, некоторые с криком «Аллах-у акбаррр!», и окружили машину с оружием наготове.

– Чертовы полудурки, – нервно произнес Эйр, – прямо бравые полицейские из кистуонских комедий[43].

Он все еще не мог хорошенько разглядеть пилота, поэтому вышел из укрытия, молясь про себя, чтобы это оказался Старк. Дверь пассажирского отсека отъехала в сторону. Из нее выпрыгнули вооруженные люди, не обращая внимания на продолжавшие вращаться лопасти винта, выкрикивая приветствия, крича Вазари и его команде, чтобы те опустили оружие. В поднявшейся суматохе кто-то выпустил короткую приветственную очередь в воздух. В первый момент все бросились врассыпную, потом раздались новые крики, все вновь собрались у дверцы вертолета, тут как раз подъехала машина, из нее выскочили еще люди, присоединившиеся к остальным. Множество рук помогли мулле спуститься по трапу. Он был тяжело ранен. Потом появились носилки. За ними – еще раненые, и Эйр увидел, как Вазари побежал к нему.

– У вас здесь есть медики? – возбужденно спросил иранец.

– Есть. – Эйр обернулся и сложил ладони рупором. – Бенсон, давай сюда врача и фельдшера. Бегом. – Он заторопился вслед за

сержантом, возвращавшимся к вертолету, и спросил: – Что, черт побери, происходит?

– Они из Бендер-Делама… там контрреволюция, эти проклятые федаин…

Эйр увидел, как открылась дверца кабины пилота и вылез Старк. Не дослушав Вазари, он заспешил вперед.

– Привет, Дюк, старина. – Эйр нарочно придал лицу бесстрастный вид и голосом говорил самым обыденным, хотя внутри был так счастлив и взволнован, что ему казалось, будто он сейчас лопнет. – Где это ты пропадал?

Старк ухмыльнулся, он давно привык к английской сдержанности.

– Рыбку ловил, старина, – ответил он. Вдруг Мануэла пронеслась сквозь толпу и бросилась в его объятия, обхватив обеими руками. Он легко поднял ее и закружил. – Господи, милая, – произнес он с южным акцентом, растягивая гласные, – эдак получается, я тебе и впрямь по душе!

Она полусмеялась, полуплакала, не разжимая объятий.

– О, Конрой, когда я тебя увидела, я думала, я умру…

– Черт, с нами чуть так и не вышло, милая, – непроизвольно вырвалось у Старка, но она его не услышала, и он крепко обнял ее разок на удачу и опустил вниз. – Ты тут побудь минутку, пока я разберусь и все организую. Пошли, Фредди.

Он проложил путь сквозь толчею. Раненый мулла сидел на бетоне, привалившись к полозьям вертолета. Человек на носилках уже был мертв.

– Положите муллу на его носилки, – распорядился Старк на фарси.

«Зеленые повязки», прилетевшие с ним на 212-м немедленно подчинились. Вазари, единственный человек в военной форме на площадке, и все остальные иранцы с базы были поражены. Никто из них не обратил внимания на Затаки, революционного командира-суннита, принявшего на себя командование Бендер-Деламом, который теперь стоял, прислонившись к вертолету, и внимательно наблюдал за происходящим, не привлекая к себе внимания из-за летной куртки пилота S-G, в которую был одет.

– Дайте-ка я взгляну, Дюк, – произнес врач со стетоскопом на шее, немного запыхавшись от быстрой ходьбы, – так рад, что вы

вернулись. – Доктору Натту шел шестой десяток, это был обрюзгший человек с редкими волосами и носом пьяницы. Он опустился на колени рядом с муллой и принялся осматривать его грудь, мокрую от крови. – Надо бы его в лазарет, чем быстрей, тем лучше. Да и остальных тоже.

Старк приказал двум иранцам, стоявшим рядом, взять носилки и идти за доктором. Опять люди, прилетевшие с ним, беспрекословно подчинились его приказу – остальные «зеленые повязки» смотрели на него во все глаза. Их теперь было девять человек, включая Вазари и тех четверых, которые остались у управления компании.

– Вы арестованы, – сказал Вазари.

Старк посмотрел на него.

– За что?

Вазари нерешительно помялся.

– Приказ сверху, капитан. Я просто выполняю свою работу.

– Я тоже. Если со мной хотят поговорить, я буду здесь, сержант. – Старк ободряюще улыбнулся Мануэле, которая побелела лицом. – Ты бы шла в дом, милая. Тревожиться тут не из-за чего. – Он повернулся и подошел к боковой двери, чтобы заглянуть внутрь.

– Извините, капитан, но вы арестованы. Садитесь в машину. Вы отправляетесь на базу. Скорым ходом.

Когда Старк обернулся к нему, ему в лицо смотрело дуло карабина. Двое «зеленых повязок» подскочили к нему сзади, схватили за руки, обездвижив. Эйр было бросился к нему на выручку, но один из иранцев сунул ему автомат в живот, остановив на месте. Два иранца, державшие Старка за руки, поволокли его к машине. Другие подбежали, чтобы помочь им: Старк отчаянно пытался вырваться, осыпая их проклятиями. Мануэла, окаменев от ужаса, смотрела на них.

Раздался гневный рев, и Затаки прорвался сквозь охранников, выхватил карабин у сержанта Вазари и, размахнувшись, ударил его по голове прикладом. Только поразительная реакция Вазари, тренированного боксера, помогла ему вовремя увернуться и отскочить назад. Прежде чем он успел произнести хотя бы слово, Затаки прокричал:

– Что это пес делает с оружием в руках?! Вы что, дураки, не слышали приказ имама о том, что все военнослужащие должны быть разоружены?

– Послушайте, вы, – заносчиво начал Вазари, – я имею разрешение на… – Он в панике замолчал. Теперь в горло ему упиралось дуло пистолета.

– Ты не имеешь права даже штаны снять без разрешения местного комитета, – сказал Затаки. Он выглядел гораздо аккуратнее, чем раньше: чисто выбритое, с правильными чертами лицо. – Комитет рассмотрел твое дело?

– Нет… нет, но…

– Тогда, клянусь Богом и Пророком, ты под подозрением! – Затаки, прижимая пистолет вплотную к горлу Вазари, махнул другой рукой. – Отпустите пилота и сложите оружие, или, клянусь Богом и Пророком, я убью вас всех! – Когда он схватил карабин Вазари, его люди окружили остальных и теперь держали их под прицелом сзади. Два иранца, державшие Старка, занервничали и отпустили его.

– Почему мы должны тебе подчиняться? – сердито спросил один из них. – А? Кто ты такой, чтобы раздавать приказы?

– Я полковник Затаки, член Революционного комитета Бендер-Делама, хвала Господу. Этот американец помог нам спастись от контрнаступления федаин и привез сюда муллу и всех остальных, кому нужна медицинская помощь. – Внезапно его гнев прорвался наружу. Он толкнул Вазари, и сержант беспомощно растянулся на бетоне. – Пилота оставить в покое! Слышали?! – Он прицелился и нажал на курок, пуля пробила воротник овчинного полушубка на одном из двух иранцев рядом со Старком. Мануэла едва не потеряла сознание, а все остальные бросились врассыпную. – В следующий раз влеплю ее тебе между глаз! Ты, – рявкнул он на Вазари, – ты арестован. Мне кажется, что ты предатель, так что мы это выясним. Остальные могут идти с миром, передайте своему комитету, что я буду рад встретиться с ними. Здесь.

Он отпустил их взмахом руки. Люди начали приглушенно переговариваться между собой. Воспользовавшись моментом, Эйр скользнул к Мануэле и обнял ее за плечи.

– Держись, – прошептал он, – теперь уже все в порядке. – Он увидел, как Старк сделал им знак уходить. – Пойдем, Дюк говорит, чтобы мы ушли.

– Нет… пожалуйста, Фредди, я… я в порядке, я обещаю. – Она заставила себя улыбнуться, продолжая молиться про себя, чтобы

человек с пистолетом взял верх над остальными, и все это закончилось.

Они молча смотрели, пока Затаки ждал. Его рука с пистолетом висела свободно, сержант лежал у его ног, те, кто противостоял ему, сверлили его взглядами, Старк стоял посреди них, далеко не уверенный в том, что Затаки выйдет из этого противостояния победителем. Затаки проверил магазин.

– Идите с Богом, все вы, – повторил он, на этот раз жестче, начиная злиться. – Или вы все еще глухие?!

С явной неохотой они повернулись и ушли. Сержант поднялся на ноги и одернул гимнастерку. Эйр наблюдал, как Вазари храбро пытается скрыть охвативший его ужас.

– Встань здесь и не двигайся с места, пока я не скажу. – Затаки бросил взгляд на Старка, смотревшего на Мануэлу. – Пилот, нам нужно закончить разгрузку. Потом моим людям надо поесть.

– Да. И спасибо.

– Не за что. Эти люди не знали. Их не в чем винить. – Он опять посмотрел на Мануэлу; взгляд его темных глаз был пронзительным. – Ваша женщина, пилот? – спросил он.

– Моя жена, – ответил Старк.

– Моя жена мертва. Погибла в абаданском пожаре вместе с двумя моими сыновьями. Такова была воля Божья.

– Иногда воля Божья бывает невыносима.

– Воля Божья есть воля Божья. Нам следует завершить разгрузку.

– Да. – Старк забрался в вертолет. Опасность миновала лишь на время, поскольку Затаки был непредсказуем, как нитроглицерин. Еще двое раненых были пристегнуты к креслам, двое других лежали на носилках. Он опустился на колени возле одного из них. – Как дела, старина? – тихо спросил он по-английски.

Джон Тайрер открыл глаза и сморщился, его голова была обмотана пропитавшимся кровью бинтом.

– О'кей… да, о'кей. А что… что произошло?

– Ты можешь видеть?

Тайрер словно удивился. Он пристально посмотрел на Старка, потом потер глаза и лоб. Потом, к облегчению Старка, сказал:

– Конечно, это… ты чуть-чуть расплывчатым получаешься, и башка болит, как черт знает что, но я тебя вижу нормально. Конечно, я

тебя вижу, Дюк. Что, черт подери, произошло?

– Во время контрнаступлений федаин сегодня утром, на рассвете, ты где-то угодил под перекрестный огонь. Пуля задела тебя сбоку по голове, и когда ты поднялся, ты принялся бегать кругами, как безголовый цыпленок, и все кричал: «Я ничего не вижу, я ничего не вижу». Потом рухнул как подкошенный, и вот только сейчас пришел в себя.

– С тех самых пор? Черт подери! – Американец выглянул через дверь наружу. – А где мы сейчас?

– В Ковиссе. Я подумал, что лучше будет тебя и остальных поскорее доставить сюда.

Тайрер все еще потрясенно оглядывался.

– Ничего не помню. Совсем ничего. Федаин? Ради бога, Дюк, я даже не помню, как меня доставили на борт!

– Держись, старина. Я потом объясню. – Он повернулся и крикнул: – Фредди, найди кого-нибудь доставить Джона Тайрера к врачу, – добавив на фарси Затаки, который наблюдал за ним из дверного проема: – Ваше превосходительство Затаки, пожалуйста, попросите отнести ваших людей в лазарет. – Он помедлил секунду. – Мой заместитель, капитан Эйр, позаботится о том, чтобы всех накормили. Вы бы не хотели поужинать со мной? У меня дома?

Затаки улыбнулся странной улыбкой и покачал головой.

– Спасибо, пилот, – сказал он по-английски. – Я поем со своими людьми. Сегодня вечером нам нужно будет поговорить, вам и мне.

– Когда пожелаете. – Старк спрыгнул на площадку. Иранцы начали относить раненых. Он показал рукой на свое бунгало. – Это мой дом, вы в нем желанный гость, ваше превосходительство.

Затаки поблагодарил его и удалился, тычками подгоняя перед собой сержанта Вазари.

Эйр и Мануэла присоединились к Старку. Она взяла его за руку.

– Когда он нажал на курок, мне показалось… – она слабо улыбнулась, перешла на фарси. – Ах, возлюбленный, каким хорошим стал день, когда ты остался невредимым и теперь стоишь рядом со мной.

– А ты рядом со мной. – Старк улыбнулся ей.

– Что произошло? В Бендер-Деламе? – спросила она по-английски.

– Настоящая, черт возьми, битва между Затаки и его людьми и примерно пятью десятками левых на базе. Вчера Затаки захватил базу во имя Хомейни и революции – у меня с ним вышла небольшая стычка, когда я туда прибыл в первый раз, но сейчас он вроде бы нормально ко мне относится, хотя форменный псих, опасный, как гремучая змея. В общем, на рассвете левые федаин атаковали аэропорт на грузовиках и в пешем строю. Затаки спал со всеми своими людьми, часовых они не выставили, вообще ничего… ты слышала, что генералы капитулировали, и Хомейни теперь главный военачальник?

– Да, мы как раз только что об этом узнали.

– Когда я понял, что на нас напали, это было как будто вокруг нас весь ад взбесился, пули отовсюду, стенки трейлеров пробивают насквозь. Я, ну ты меня знаешь, я сразу нырнул на пол, кое-как из трейлера выбрался… Ты замерзла, милая?

– Нет-нет, дорогой. Пойдем домой… я бы тоже сейчас чего-нибудь выпила… о Боже!

– Что такое?

Но она уже бежала к дому.

– Чили… я оставила чили на плите!

– Господи Иисусе! – пробормотал Эйр. – Я уж думал, нас сейчас пристрелят или еще что-нибудь такое.

Старк улыбался во весь рот.

– Так у нас чили?

– Да. Бендер-Делам.

– Да рассказывать особо нечего, Фредди. – Они зашагали к дому. – Из трейлера я выбрался… думаю, нападавшие решили, что Затаки и его люди будут спать в трейлерах, но Затаки и все остальные улеглись в ангарах, охраняя вертолеты… Фредди, насчет вертолетов у них настоящая паранойя, все боятся, что мы на них улетим или воспользуемся, чтобы вывезти из страны САВАК, генералов или врагов революции. В общем, старина Руди и я, сидим мы, пригнув головы, за старым баком для бурового раствора, и тут эти новые сукины дети – одних от других отличить невозможно, разве что ребята Затаки кричали «Аллах-у акбар» перед смертью – несколько этих федаин открыли огонь из пулемета «Стен» по ангарам как раз в тот момент, когда Джон Тайрер выпрыгивал из своего трейлера. Я видел, как он упал, и тут меня такая злость охватила, ну натуральное

бешенство – ты только Мануэле не говори, – я у одного из них автомат забрал и начал свою маленькую войну, чтобы Джона вытащить. Руди… – Губы Старка начали расползаться в улыбке. – Ну, я тебе скажу, этот сукин сын драться умеет! Руди тоже раздобыл себе пушку, и мы там на пару, прямо как Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид…

– Боже милосердный, да вы с ума сошли!

Старк кивнул.

– Так оно и было, но Джона с линии огня мы вытащили, а потом Затаки и трое его ребят выскочили из ангара и атаковали основную группу, поливая их со всех стволов, словно завтра не наступит никогда. Но, черт, патроны-то у них раз и кончились. А эти бедные ублюдки просто стоят там, как стояли – в жизни не видел никого более голого и беззащитного. – Он пожал плечами. – Ну, мы с Руди прикинули, а какого, мол, черта, по сидячим уткам палить тоже нечестно, да и Затаки вроде ничего мужиком оказался, когда мулла – Хусейном звать – уехал, и мы с ним… э-э… пришли к соглашению. Так что мы выпустили очередь поверх голов этих федаин, и это дало Затаки и остальным, кто с ним был, время добраться до укрытия. – Старк опять пожал плечами. – Вот, собственно, и все, – сказал он. Они были почти рядом с бунгало. Он потянул носом. – У нас и вправду чили, Фредди?

– Да… если только не подгорело. Так это все, что случилось?

– Ага, кроме того, что, когда стрельба закончилась, я прикинул, что нам лучше лететь в Ковисс к доктору Натту. Мулла выглядел так себе, и я боялся за Джона. Затаки сказал: «Конечно, почему бы нет, мне все равно нужно в Исфахан», – вот мы и прилетели. По дороге радио отказало. Я тебя слышал, а передать ничего не мог. Ну и ладно.

Эйр увидел, как Старк опять принюхался, понимая, что такой психопат, как Затаки, никогда бы не предоставил Старку те полномочия, которые он ему дал, – и не стал бы защищать его – за столь незначительную помощь.

Техасец открыл дверь бунгало. В тот же миг великолепный острый аромат чили окружил его со всех сторон, перенеся его домой, в Техас, в божий край, к тысяче обедов и ужинов. Мануэла приготовила ему выпить, как раз то, что он любил. Но он не притронулся к бокалу, а сразу прошел в кухню, взял большую деревянную ложку и попробовал варево. Мануэла следила за ним, затаив дыхание. Еще одна ложка.

– Ну надо же, а! – радостно произнес он. Такого вкусного чили он не пробовал никогда в жизни.

ГЛАВА 25

Плотина Диз. 16.31. 212-й Локарта был припаркован у гаража, служившего одновременно и ангаром, недалеко от ухоженной посадочной площадки для вертолетов, которая находилась рядом с выложенным булыжником двором перед домом. Локарт забрался на вертолет и стоял там, осматривая колонку несущего винта с ее многочисленными соединениями, штифтами, фиксаторами и проблемными точками, но не обнаружил ничего подозрительного. Он осторожно спустился вниз и тщательно вытер руки от смазки.

– О'кей? – спросил Али Аббаси, растянувшийся рядом на солнце. Это был тот самый молодой иранец с очень красивым лицом, пилот вертолета, который перед самым рассветом помог освободить Локарта на базе ВВС в Исфахане и потом сидел рядом с ним на протяжении всего перелета сюда. – Все в порядке?

– Конечно, – ответил Локарт. – Машина проверена и готова лететь.

День выдался славный: безоблачный и теплый. Когда через час с небольшим солнце сядет, температура упадет градусов на двадцать, а то и больше, но это его не беспокоило. Он знал, что не замерзнет, потому что генералы всегда заботились о своем комфорте – и комфорте тех, кто был им необходим, чтобы выжить. В данный момент я необходим Валику и генералу Селади, но только в данный момент, подумал он.

Из дома до него донесся приглушенный смех, смех также доносился от людей, которые загорали или купались в прозрачной голубой воде озера внизу. Дом выглядел как инородное тело посреди царившего вокруг запустения – современное одноэтажное просторное бунгало на четыре комнаты с отдельным помещением для слуг. Дом стоял на небольшом возвышении над озером и плотиной – единственное жилое строение во всей округе. Во все стороны от озера и плотины простиралась голая пустыня – невысокие холмики, торчащие тут и там на высокогорном плато, лишенном всякой растительности. Добраться сюда можно было только пешком или по воздуху, на вертолете или легком самолете, для которого на этой

неровной местности была вырублена очень короткая и узкая взлетно-посадочная полоса.

Сомневаюсь, чтобы даже легкий двухмоторник смог здесь приземлиться, подумал Локарт, впервые увидев ее. Только одномоторные машины. И развернуться в воздухе негде: если уж пошел на посадку, передумать не получится. Но убежище просто классное, сомневаться не приходится, просто отличное.

Али поднялся на ноги и потянулся.

Они прилетели сюда сегодня утром, перелет прошел без приключений. Подчиняясь приказам и указаниям генерала Селади, подправляемым вполголоса капитаном Али, Локарт держался у самой земли, петляя в ущельях и горных проходах, избегая любых населенных пунктов. Их радиостанция была включена все время. Единственным сообщением, которое они услышали – оно повторялось несколько раз, – была желчная трансляция из Исфахана о 212-м вертолете, полном врагов и предателей, удиравших в южном направлении, который следовало перехватить и уничтожить. – Они не передали ни наших имен, ни нашего регистрационного номера, – возбужденно проговорил Али. – Наверное, забыли все это записать.

– Черт, да какая теперь разница? – отреагировал Локарт. – Мы наверняка единственный 212-й, который находится в воздухе.

– Ладно. Не поднимайтесь выше трехсот метров и сейчас поверните на запад.

Локарт был поражен: он полагал, что они летят в Бендер-Делам, находившийся почти строго на юге.

– Куда мы направляемся?

– Забудьте про компас. Дальше вас поведу я.

– Куда мы направляемся?

– В Багдад. – Али рассмеялся.

Ему не называли пункт назначения до тех пор, пока они не были готовы сесть в нужном месте. К тому времени они пролетели от Исфахана более двухсот миль на низкой высоте, все время против ветра и с максимальным потреблением горючего, значительно превысив расчетную дальность полета – индикатор топлива уже торчал на нуле, – и сидевший рядом Али молился в открытую.

– Если мы сядем в этой Богом забытой пустыне, из которой нам никогда не выбраться на своих двоих, как быть с топливом?

– Там, где мы сядем, топлива будет полно… хвала Аллаху! – возбужденно воскликнул Али, когда они перевалили через гребень и увидели озеро и плотину. – Хвала Аллаху!

Локарт возблагодарил Бога следом за ним и быстро сел. Рядом с посадочной площадкой оказалась врытая в землю цистерна с горючим на пять тысяч галлонов и ангар. В ангаре нашлись кое-какие инструменты, баллоны с воздухом для шин и стойки с водными лыжами и лодочным оборудованием.

– Давайте уберем его отсюда, – сказал Али.

Вместе они откатили 212-й в ангар, куда тот поместился впритирку, и зафиксировали колеса упорами. Проверяя стояночное крепление несущего винта, Локарт заметил на полке наверху три дельтаплана. Они были покрыты толстым слоем пыли, и ткань во многих местах была порвана.

– Чьи это?

– Раньше здесь проводил свои выходные генерал имперских ВВС Хассейн Ариани. Это его дельтапланы.

Локарт присвистнул. Ариани был легендарной фигурой, командующим ВВС, который, если верить слухам, являлся для шаха тем же, кем в Древнем Риме был для императора начальник преторианской гвардии, был его доверенным лицом и был женат на одной из его сестер. Он погиб во время полета на дельтаплане два года назад.

– Так это здесь он разбился?

– Да. – Али показал рукой на другую сторону озера. – Говорят, он попал в турбулентность на границе неподвижного холодного воздуха и врезался вон в те утесы.

Локарт внимательно посмотрел на него.

– Говорят? Вы в это не верите?

– Нет. Я уверен, что его убили. Большинство людей в ВВС в этом убеждены.

– Вы хотите сказать, что над его дельтапланом поработали?

Али пожал плечами.

– Не знаю. Может, да, может, нет, только он был слишком осторожным и расчетливым пилотом и дельтапланеристом, чтобы угодить в болтанку. Ариани никогда бы не отправился летать в плохую погоду. – Али вышел из ангара на солнце. Внизу слышались голоса и

смех некоторых из иранских офицеров и детей Валика, игравших на берегу озера. – Он пользовался моторным катером, чтобы подниматься в воздух. Надевал короткие водные лыжи, брался за длинный трос, закрепленный на катере, который несся по озеру, а когда набирал достаточную скорость, сбрасывал лыжи и взлетал, поднимаясь на сто пятьдесят, триста метров, потом бросал трос и кругами спускался вниз, приземляясь в каких-то дюймах от вон того плота.

– Он был настолько хорош?

– Да, он был настолько хорош. Он был слишком хорош, поэтому его и убили.

– Кто убил?

– Не знаю. Если бы знал, этот человек или эти люди давно уже были бы на том свете.

Локарт прочел в его лице преклонение.

– Вы, стало быть, знали его?

– Я был его адъютантом, одним из его адъютантов, в течение года. Он, без всякого сомнения, был самым замечательным человеком, какого я когда-либо знал: лучший генерал, лучший пилот, лучший спортсмен, лыжник – все, что угодно. Если бы он сейчас был жив, шах никогда бы не оказался в ловушке у иностранцев, не угодил бы в силок к нашему главному врагу Картеру, шах никогда бы не покинул страну, Ирану ни за что не дали соскользнуть в пропасть, и генералам никогда бы не позволили предать нас. – Лицо Али Аббаси исказила гримаса гнева. – Невозможно даже представить себе, что нас могли бы так предать, будь он жив.

– Так кто же его тогда убил? Сторонники Хомейни?

– Нет, уж никак не три года назад. Он был известным националистом, шиитом, хотя и с современными взглядами. Кто? Туде, федаин или любые другие фанатики – правые, левые, центристы, – которые хотели, чтобы Иран стал слабым. – Али посмотрел на Локарта – темные глаза на лице, словно высеченном из камня. – Есть даже такие, которые говорят, что его растущего влияния и популярности боялись люди на самом верху.

Локарт заморгал.

– Вы хотите сказать, что это шах мог приказать убрать его?

– Нет. Нет, конечно, нет. Но генерал был угрозой для тех, кто обманывал шаха. Он был народным военачальником. Он представлял

собой угрозу всем, куда ни посмотри: британским интересам, потому что поддерживал премьер-министра Моссадега, национализировавшего англо-иранскую нефтяную компанию, и он поддержал шаха и ОПЕК, когда те вчетвером подняли цену на нефть. Он поддерживал Израиль, хотя и не выступал против арабов, поэтому был угрозой для ООП и Ясира Арафата. Его можно было рассматривать как угрозу американским интересам – любой из «Семи сестер» или всем им вместе, поскольку ему было решительно наплевать на них или на кого-то другого. На кого угодно. Потому что прежде всего он был патриотом. – В глазах Али появилось странное выражение. – Заказные убийства – древнее иранское искусство. Разве ибн аль-Сабах не был одним из нас? – Его губы растянулись в улыбке, но глаза не улыбались. – Мы здесь не такие, как все.

– Извините… ибн аль-Сабах?

– Горный старец, Гасан ибн аль-Сабах, религиозный лидер исмаилитов, который в одиннадцатом веке создал хашишийя и их культ политических убийств.

– Ах да, извините, сразу не сообразил. Он ведь, кажется, был другом Омара Хайяма?

– Так говорится в некоторых легендах. – Лицо Али застыло. – Ариани убили, никто не знает, кто именно. Пока что. – Вместе они закрыли ворота ангара.

– Что теперь? – спросил Локарт.

– Теперь мы будем ждать. Потом полетим дальше. – В ссылку, подумал Али. Ладно, это лишь на время, и я, по крайней мере, знаю, куда направляюсь, в отличие от шаха – бедняга, он теперь изгой. Я могу отправиться в Штаты.

Только он и его родители знали, что у него был американский паспорт. Черт подери, подумал он, насколько же умен отец.

– Никогда не знаешь, сынок, что Бог приготовил нам на будущее, – серьезно сказал ему тогда отец. – Советую тебе подать заявление на паспорт, пока у тебя есть такая возможность. Династии никогда не живут вечно, вечной бывает только семья. Шахи приходят и уходят, шахи питаются друг другом, а оба Пехлеви именуются высочествами всего сорок четыре года на двоих – тоже мне, императорские величества! Кем был Реза-хан до того, как объявил себя

шахиншахом, царем царей? Солдатом-авантюристом, сыном безграмотных крестьян из Мазандарана на каспийском побережье.

– Но отец, конечно же, Реза-хан был особенным человеком. Не будь его и шаха Мохаммеда Резы, мы до сих пор были бы рабами британцев.

– Пехлеви были полезны нам, сын мой, это правда. Многим полезны. Но шах Реза проиграл, он подвел себя и подвел всех нас, когда глупо поверил в то, что немцы выиграют войну, и попытался поддержать страны Оси – и таким образом дал британским оккупантам предлог низложить его и отправить в изгнание.

– Но, отец, шах Мохаммед не может проиграть! Он сильнее, чем когда-либо был его отец. Наши вооруженные силы являются предметом зависти всего мира. У нас больше самолетов, чем у британцев, больше танков, чем у Германии, больше денег, чем у Крёза, Америка – наш союзник, мы – крупнейшая военная держава, полицейский всего Ближнего и Среднего Востока, и все иностранные лидеры склоняются перед ним – даже Брежнев.

– Это так. Но мы еще не знаем, какова будет воля Аллаха. Выправь себе паспорт.

– Но американский паспорт может быть крайне опасен; ты же знаешь, люди говорят, через САВАК почти все доходит до ушей шаха! Что, если он вдруг узнает, или узнает генерал Ариани? Это же уничтожит меня как офицера ВВС!

– С какой стати? Ибо ты, конечно же, с гордостью сообщишь им, что паспорт этот получил только что и держал его в секрете на случай, когда его можно было бы использовать на благо Пехлеви. А?

– Разумеется!

– Держи глаза открытыми для всего, что движет миром – обещания царей ничего не стоят, они всегда могут сослаться на обстоятельства. Если нынешнему шаху, или следующему за ним, или даже твоему великому генералу придется выбирать между твоей жизнью и чем-то, что имеет для них большую ценность, что они выберут? Не доверяй ни государям, ни генералам, ни политикам, они продадут тебя, твою семью, твое наследие за щепоть соли для тарелки риса, который даже не удосужатся попробовать…

И как же он был прав! Картер продал нас вместе со своими генералами, потом шах со своими генералами, и наши генералы

сделали с нами то же самое. Но как же они могли быть настолько глупы, что сами себя прикончили? – спросил он себя, передернувшись при мысли о том, как близко смерть подобралась к нему в Исфахане. Должно быть, они все сошли с ума!

– В тени прохладно, – заметил Локарт.

– Да-да, вы правы. – Али оглянулся на него и отбросил свои тревоги. Генералы все одинаковы. Отец был прав. Даже эти два ублюдка, Валик и Селади, они бы продали нас, если бы это им было нужно, еще продадут. Я им нужен, потому что я единственный, кто может управлять вертолетом, – кроме этого дурака, который и не подозревает, что он в смертельной опасности.

– Надо избавиться от этого Локарта, – сказал тогда Селади. – Зачем нам спасать его? Он бы оставил нас в Исфахане, почему нам не оставить его здесь? Мертвым. Живым мы его оставить не можем, он знает нас всех и всех нас предаст.

– Нет, ваше превосходительство дядя, – сказал Валик. – От него больше пользы как от подарка кувейтцам или иракцам; они смогут бросить его в тюрьму или выдать Ирану. Это ведь он украл иранский вертолет и согласился за деньги вывезти нас из страны. Разве нет?

– Да, конечно. И все равно, он может выдать наши имена революционерам.

– К тому времени мы и наши семьи будем в безопасности.

– А я говорю, давайте избавимся от него. Он же был готов принести нас в жертву. Избавимся от него и полетим в Багдад, а не в Кувейт.

– Прошу вас, ваше превосходительство, подумайте еще. Локарт – более опытный пилот…

Али посмотрел на часы. Всего тридцать минут до взлета. Он увидел, как Локарт бросил взгляд на дом, где находились Валик и Селади. Интересно, кто победил в том споре, Валик или Селади? Чем все кончится для этого бедолаги: тюремной камерой в Кувейте или Ираке или пулей в голову? Интересно, станут они зарывать его, после того как пристрелят, или оставят стервятникам?

– В чем дело? – спросил Локарт.

– Ничего. Ничего, капитан, просто подумал, как нам повезло, что нам удалось бежать из Исфахана.

– Да, я до сих пор считаю, что обязан вам жизнью. – Локарт был уверен, что, если бы Али и майор не освободили его, для него все кончилось бы мартышкиным судом перед лицом комитета. А если он попадется им сейчас? То же самое. Он не позволял себе думать о Шахразаде и Тегеране или строить какие-то планы. Для этого будет время потом, снова сказал себе он. Когда станет ясно, чем все это кончится и где ты окажешься.

Куда они планируют лететь? Кувейт? Или, может быть, короткий бросок через границу в Ирак? Ирак обычно враждебно относится к иранцам, так что этот вариант может оказаться для них очень рискованным. До Кувейта отсюда рукой подать, и большинство жителей там – сунниты, а значит, против Хомейни. Вот только чтобы туда добраться, нужно будет красться через многие мили опасного воздушного пространства, иранского и иракского – и иранцы, и иракцы сейчас на взводе, нервы у всех на пределе, палец – на курке. В радиусе восьмидесяти километров отсюда должно находиться не менее двух десятков иранских военно-воздушных баз с истребителями, которые приведены в состояние боевой готовности, и с десятками насмерть перепуганных пилотов, которым не терпится доказать свою преданность новому режиму.

И как быть с твоим обещанием Мак-Айверу не лететь с ними последний отрезок маршрута?

Из-за Исфахана ты теперь человек меченый: революционеры ни в коем случае не забудут ни твое имя, ни регистрационный номер вертолета. Ты видел, чтобы кто-то все это записывал? Нет, пожалуй, не видел. Все равно тебе лучше выбраться из страны, пока есть возможность, ты участвовал в побеге, в Исфахане были убиты люди – как ни крути, ты теперь мишень.

А как же Шахразада? Я не могу оставить ее.

Может быть, тебе придется это сделать. В Тегеране она в безопасности.

Что, если за тобой придут, а Шахразада им откроет, и ее заберут вместо тебя?

– Выпить бы чего-нибудь холодного, – произнес он, почувствовав, как у него внезапно пересохло в горле. – Как вы думаете, у них здесь есть кока-кола или еще что-нибудь?

– Пойду посмотрю. – Они оба повернулись, услышав веселый шум: дети Валика вприпрыжку примчались по тропинке, ведущей к озеру; Аннуш шла за ними следом, чуть отстав.

– Ах, – обратилась она к ним со своей всегдашней счастливой улыбкой, хотя под глазами лежали глубокие тени, – что за чудесный день, не правда ли? Нам так повезло.

– Да, – ответили они оба, одновременно гадая про себя, как такая замечательная женщина может быть женой такого человека. Смотреть на нее было одно удовольствие, и более прекрасной матери трудно было бы отыскать.

– Капитан Аббаси, вы не видели моего мужа?

– Он в доме, ваше высочество, вместе с остальными, – ответил Али. – Позвольте проводить вас, я как раз направлялся в ту сторону.

– Прошу вас, не могли бы вы разыскать его для меня и попросить присоединиться ко мне?

Али не хотелось оставлять ее наедине с Локартом, поскольку она присутствовала, когда Валик и Селади рассказывали ему о своих планах, спрашивая его совета по поводу конечного пункта их путешествия, хотя об устранении Локарта речь тогда не шла, об этом они говорили позже.

– Я не хотел бы беспокоить генерала лично, ваше высочество, может быть, мы могли бы пойти туда вместе?

– Прошу вас, найдите его для меня. – Ее тон был столь же повелительным, как и у генерала, хотя голос звучал мягко и не оскорбительно.

Али пожал плечами. Иншаллах, подумал он и зашагал к дому. Когда они остались совсем одни – дети забежали за ангар, играя в прятки, – Аннуш мягко коснулась Локарта.

– Я не поблагодарила вас за наши жизни, Томми.

Локарт был поражен. Она впервые назвала его по имени – для нее он всегда был «капитан Локарт», или «мой двоюродный зять», или «его превосходительство муж Шахразады».

– Я был рад помочь.

– Я знаю, что вы и милый старый Мак сделали для детей и меня… не нужно выглядеть таким удивленным, мой дорогой, я знаю сильные стороны своего мужа… и его слабости – какая жена не знает этого? – В ее глазах появились слезы. – Я знаю и то, что все это означает для вас.

Вы поставили под угрозу свою жизнь, жизнь Шахразады, ваше будущее в Иране, возможно, свою компанию.

– Жизнь Шахразады – нет. Она в полной безопасности. Ее отец, его превосходительство Бакраван, позаботится о ней, пока она не сможет выбраться из страны. Конечно же, ей ничего не грозит. – Он увидел темно-карие глаза Аннуш, прочел прятавшиеся в них мысли, и его душа свернулась жгутом.

– Я молюсь об этом всем своим сердцем, Томми, и молю Бога исполнить это желание. – Она вытерла слезы рукой. – Никогда в жизни я не испытывала такой печали. Я даже не подозревала, что могу так печалиться… печалиться из-за побега, печалиться из-за этого несчастного солдата, умиравшего на снегу, печалиться обо всех наших семьях и наших друзьях, которым пришлось остаться, печалиться из-за того, что теперь в Иране никто не может чувствовать себя в безопасности. Я так боюсь, что большинство людей нашего круга станут объектом преследований для мулл, мы всегда были… как это сказать? Слишком современными и… слишком прогрессивными. Здесь надо всеми нависла угроза… даже над самим Хомейни.

Локарт услышал собственный голос, произнесший «Иншаллах», но он ее не слушал, внезапно оледенев при мысли, что больше никогда не увидит Шахразаду, никогда не сможет вернуться в Иран, или она никогда не сможет покинуть страну.

– Скоро все опять придет в норму, людям разрешат выезд, и все будет хорошо. Конечно, все так и будет. Через несколько месяцев все так обязательно и будет. Конечно же, скоро все станет нормально.

– Я надеюсь на это, Томми, потому что я люблю вашу Шахразаду, и мне было бы очень плохо, если бы я не смогла больше увидеть ни ее, ни малышку.

– Как? – Он посмотрел на нее, разинув рот.

– О, ну конечно же, откуда вам знать, – сказал она и смахнула с ресниц остатки слез. – Было еще слишком рано, чтобы вы заметили. Шахразада сказала мне, что она уверена, что носит под сердцем своего первенца.

– Но… но… ну, она… – Он беспомощно замолчал, испытывая одновременно ужас и восторг. – Не может этого быть!

– О, она еще не была уверена, Томми, но она чувствовала, что это так. Иногда женщина просто знает – ты ощущаешь себя по-другому,

настолько иначе и настолько чудесно, настолько наполнено, – добавила она; теперь ее голос звучал радостно.

Локарт старался заставить свой мозг работать, прекрасно представляя себе, что Аннуш не в состоянии понять того смятения, которое вызвали в нем ее слова. Боже всемогущий, думал он, Шахразада!

– Осталось еще несколько дней, чтобы появилась уверенность, – говорила она. – Думаю, три или четыре. Дайте-ка подумать. Да, включая сегодняшний день, вторник, еще четыре дня, и все будет окончательно ясно. Это получается на следующий день после… после визита к ее отцу, – осторожно добавила она. – Вы ведь должны были навестить его в следующий священный день, пятницу, шестнадцатого числа, по вашему исчислению, не так ли?

– Да, – ответил Локарт. Как будто я могу забыть. – Вы знали об этом?

– Разумеется. – Аннуш поразил его вопрос. – Такая необычная просьба с вашей стороны, и такое важное решение обязательно должно быть известно всем нам. О, разве не чудесно это будет, если она окажется беременной; вы ведь говорили его превосходительству Бакравану, что хотите детей? Я так надеюсь, что Аллах благословил ее ребенком, потому что это, вне всякого сомнения, наполнит ее дни и ночи счастьем, пока мы не сможем вызволить ее. Кувейт недалеко. Я лишь об одном жалею, что она не полетела с нами. Тогда все получилось бы просто идеально.

– Кувейт?

– Да, но мы там не останемся, поедем дальше, в Лондон. – На ее лице опять проявилась мука. – Я не хочу оставлять наш дом и друзей, и… я не…

Локарт увидел поверх ее плеча, как отворилась дверь дома. Из нее вышли Валик и Селади. Их сопровождал Али. Он заметил, что теперь у всех троих на ремнях висели кобуры с пистолетами. Должно быть, здесь есть тайник с оружием, рассеянно подумал он, наблюдая, как Али отдал честь и заторопился по тропинке в сторону озера. Лучась от радости, дети выскочили из-за ангара и бросились прямо в руки Валику. Он подхватил девочку, покружил ее в воздухе и поставил на землю.

– Да, Аннуш? – обратился он к жене.

– Ты хотел, чтобы я и дети были здесь точно в это время.

– Да. Пожалуйста, приготовь Сетарем и Джалала. Мы скоро улетаем. – Дети тут же побежали к дому. – Капитан, вертолет готов?

– Да. Да, готов.

Валик посмотрел на жену.

– Пожалуйста, приготовься к отлету, дорогая.

Она улыбнулась и не тронулась с места.

– Мне нужно лишь захватить свое пальто. Я готова лететь.

Остальные офицеры теперь приближались к ним. Некоторые были вооружены автоматическим винтовками.

Локарт оторвался мыслями от Шахразады, от священного дня, еще четырех дней до полной ясности и нарушил молчание.

– Каков план?

– Багдад, – сказал Валик. – Мы взлетаем через несколько минут.

– Я думала, мы летим в Кувейт, – сказала Аннуш.

– Мы решили лететь в Багдад. Генерал Селади считает, что это безопаснее, чем лететь на юг. – Валик продолжал смотреть на Локарта. – Я хочу, чтобы мы были в воздухе через десять минут.

– Я бы посоветовал вам подождать до двух-трех часов ночи, а по…

Селади холодно оборвал его:

– Мы можем оказаться здесь в ловушке. Солдаты способны устроить нам засаду: тут неподалеку есть военно-воздушная база, они могли выслать патруль. Вы не разбираетесь в военных вопросах. Мы немедленно вылетаем в Багдад.

– Кувейт лучше и безопаснее, но в обеих странах прилетевший без разрешения иранских властей вертолет будет арестован, – сказал Локарт.

– Может, да, а может, нет, – спокойно произнес Валик. – Бакшиш и кое-какие связи помогут решить все вопросы. – Ты, чужак, пролезший в мою семью, благожелательно думал он, ты вместе с твоим 212-м окажетесь таким подарком, который сможет удовлетворить даже иракцев, потому что мы, безусловно, согласны с тем, что ты пилотировал его незаконно – даже разрешение, полученное в Тегеране, было незаконным. Иракцы поймут и ничего нам не сделают. Большинство из них ненавидят Хомейни и его вариант

ислама. Когда мы отдадим им тебя, 212-й и еще накинем кое-что сверху, у них не будет никаких причин доставлять мне проблемы.

Он увидел, что Локарт смотрит на него. – Да?

– Я думаю, что Багдад – неудачный выбор.

Генерал Селади резко бросил:

– Мы отправляемся немедленно.

Локарт вспыхнул от подобной грубости. Некоторые из иранцев нервно шевельнулись.

– Без сомнения, вы отправитесь, когда будет готов вертолет и когда будет готов пилот. Вам приходилось летать в этих горах?

– Нет… не приходилось, но у 212-го достаточный потолок, и Багдад – именно то место, куда мы вылетаем. Немедленно!

– Тогда желаю вам удачи. Я по-прежнему советую лететь в Кувейт и дождаться ночи, хотя вы можете поступать как вам угодно, потому что я вас не повезу.

Молчание стало еще более глубоким. Селади покраснел.

– Вы приготовитесь к отлету. Немедленно.

Локарт повернулся к Валику.

– На пути в Исфахан я сказал вам, что последний отрезок не полечу. Дальше я вас не повезу. Это может сделать Али, его квалификации вполне для этого достаточно.

– Но вас теперь разыскивают, как любого из нас, – сказал Валик, поражаясь его глупости. – Конечно же, вы полетите последний отрезок с нами.

– Нет, не полечу. Отсюда я выберусь пешком; вам, разумеется, нельзя тратить время на то, чтобы высадить меня где-нибудь. Вас доставит Али. Он служил в этих краях и знает местный радар. Просто оставьте мне винтовку, и я отправлюсь в Бендер-Делам. О'кей?

Остальные внимательно поглядывали на Локарта, Селади и Валика. Ожидая.

Валик продумал эту вновь возникшую проблему. То же самое сделал Селади. Оба пришли к одному и тому же выводу: Иншаллах! Локарт решил остаться, значит, Локарт выбрал для себя и последствия этого решения.

– Очень хорошо, – спокойно произнес Валик. – Вертолет поведет Али. – Он улыбнулся, а потом, поскольку уважал Локарта как пилота,

быстро добавил: – Так как мы народ очень демократичный, я предлагаю поставить вопрос на голосование: Кувейт или Ирак?

– Кувейт, – тут же сказала Аннуш, и остальные повторили это слово вслед за ней, прежде чем Селади успел вмешаться.

Хорошо, подумал Валик, там в доме я позволил, чтобы вместо моего решения принял решение Селади, потому что Селади заявил, что знает начальника полиции Багдада, и заверил меня, что беспрепятственный проезд для меня и моей семьи и для него обойдется не более чем в двадцать тысяч американских долларов наличными, что было бы неизмеримо дешевле Кувейта – сколько придется заплатить за себя остальным, это их дело; надеюсь, у них есть с собой деньги или способ быстро раздобыть достаточное их количество.

– Вы, разумеется, согласны, ваше превосходительство дядя? Стало быть, Кувейт. Благодарю вас, капитан. Может быть, вы сами скажете Али, что ему предстоит пилотировать вертолет? Он внизу, у озера.

– Конечно. Только захвачу свои вещи. Вы оставите мне одну винтовку?

– Разумеется.

Локарт подошел к ангару и исчез внутри.

– Кто-нибудь, выкатите вертолет, и мы взлетаем, – распорядился Селади.

Офицеры отправились выполнять приказание. Локарт вышел, положил свои сумки, летную и дорожную, у ворот и зашагал вниз по тропинке к озеру. Селади проводил его взглядом, потом нетерпеливо подошел к 212-му.

Валик увидел, что жена пристально смотрит на него.

– Да, Аннуш?

– Какие у тебя планы в отношении капитана Локарта? – тихо спросила она, хотя их никто не мог подслушать.

– Он… ты его слышала. Он отказывается везти нас и хочет остаться. Он выберется отсюда пешком.

– Я знаю, как работает твой ум, дорогой. Ты собираешься от него избавиться? – На ее лице лежала милая улыбка. – Убить?

– Убить – это неподходящее слово. – Валик улыбнулся одними губами. – Уверен, ты согласишься, что теперь Локарт представляет собой большую опасность. Он знает нас всех, все наши имена. Все

наши семьи пострадают, когда его схватят, подвергнут пыткам и вынесут приговор. Такова воля Аллаха. Он сам сделал выбор. Селади настаивал на этом в любом случае. Военное решение. Я сказал нет, сказал, что он должен везти нас дальше.

– Чтобы принести его в жертву в Кувейте? Или Багдаде?

– Селади отдал приказ Али, а не я. Локарт обречен, бедняга. Это трагично, но необходимо. Ты ведь согласна со мной, правда?

– Нет, мой дорогой, извини, но я не согласна. Поэтому, если здесь ему причинят вред, даже пальцем тронут, многие сильно пожалеют об этом. – Улыбка Аннуш оставалась все такой же мягкой. – Включая тебя, мой дорогой.

Валик вспыхнул. Позади него офицеры выкатили 212-й из ангара и теперь загружали в вертолет свои вещи. Он понизил голос.

– Ты что, не слышала меня, Аннуш, он – угроза для нас! Он не один из нас, Джаред едва его выносит, и я уверяю тебя, он представляет огромную опасность для нас, для всех, кого мы оставили дома – не только для моих родственников, но и для твоих тоже.

– Ты что, не слышал меня, муж? Уверяю тебя, я очень хорошо представляю все опасности, но если его здесь застрелят – убьют, – ты тоже умрешь.

– Не говори глупостей!

– Однажды ты уснешь и не проснешься. Это будет воля Аллаха. – Ее улыбка оставалась неизменной, как и мягкий тон ее голоса.

Валик поколебался секунду и заторопился вниз по тропинке. Дети выскочили из дома и побежали к нему, но он мягко сказал:

– Подождите меня здесь, милые мои. Я сейчас вернусь.

Над озером на опорах был устроен большой открытый помост для шашлыков и барбекю с баром под аккуратным навесом, несколько ступеней спускались в воду, предназначенные для водных лыжников или для спуска к катеру, пришвартованному рядом.

Локарт стоял у воды с поднятыми руками.

Автоматическая винтовка Али смотрела ему в живот. Приказ, полученный Али от Селади, был ясен: спуститься к озеру и ждать. Мы либо позовем тебя обратно, либо отправим к тебе пилота. Если пилот придет тебя искать, убей его и немедленно возвращайся.

Приказ пришелся ему не по душе – сбрасывать бомбы или вести огонь по революционерам или бунтовщикам из штурмового вертолета

не было убийством, а это было именно убийством. Лицо Али стало серым, он никогда раньше не убивал и просил у Бога прощения, но приказ есть приказ.

– Извините, – пробормотал он, едва в состоянии говорить, и начал давить на спусковой крючок.

В этот миг ноги Локарта словно подкосились, и он, извернувшись, нырнул в воду. Али механически проводил стволом это движение, целясь в центр спины, словно был на учебном стрельбище, зная, что с такого расстояния он просто не может промахнуться. Огонь!

– Стой!

Та доля секунды, на которую он замешкался, была достаточной для его мозга, чтобы воспринять приказ и с благодарностью ему подчиниться. С облегчением, от которого дрожь прошла по всему телу, он почувствовал, как его палец ослабил давление на спусковой крючок. Валик подскочил к нему, и они оба заглянули за край помоста, вглядываясь в воду: здесь в тени она была темной и глубокой. Они подождали, Локарт не появился.

– Может быть, он под помостом. Или под плотиком, – сказал Али, вытирая пот с лица и ладоней и благодаря Бога за то, что кровь пилота не легла пятном на его душу.

– Да. – Валик тоже был в поту, но в основном от страха. Никогда раньше он не видел такого выражения на лице жены, эту улыбку, которая обещала ему смерть в ночной тиши. Это все ее гнусные предки, подумал он. Она из рода каджаров, ее предки каджары на пути к трону с удовольствием ослепляли или убивали своих соперников – или детей своих соперников; разве за сто сорок шесть лет правления этой династии не всего один лишь шах оставил трон, умерев естественной смертью? Валик оглянулся, увидел жену стоящей наверху у начала тропинки, потом повернулся к Али. – Дай мне свою винтовку.

Трясущимися руками Валик положил винтовку на шершавые доски помоста и громко крикнул:

– Локарт, я оставил вам оружие. Все это было ошибкой. Капитан ошибся.

– Но генерал…

– Отправляйтесь к вертолету, – громко приказал Валик. – Селади – идиот, ему ни в коем случае не следовало приказывать вам убить этого

несчастного человека. Мы немедленно вылетаем и направляемся в Кувейт, а не в Багдад. Али, идите и запускайте двигатели!

Али ушел. Проходя мимо Аннуш, он с любопытством посмотрел на нее, потом торопливо двинулся дальше. Она спустилась к озеру и присоединилась к Валику.

– Ты видела? – спросил он.

– Да.

Они подождали. Ни звука, ни плеска воды об опоры помоста. Вокруг стояла тишина, поверхность озера была как зеркало, ни одного дуновения ветерка не нарушало ее гладь.

– Я… я молю Бога о том, чтобы он сейчас прятался где-нибудь там, – сказала она, чувствуя в душе огромную пустоту, но зная, что теперь у нее есть время, чтобы залечить этот разрыв. – Я рада, что его крови нет на наших руках. Селади – чудовище.

– Нам лучше вернуться. – Их было почти не видно оттуда, где стоял вертолет и где был дом. Он достал свой пистолет и выстрелил один раз в землю рядом с собой. – Для Селади. Я… э… мне кажется, я попал в Локарта, когда… когда он вынырнул на поверхность. А?

Она взяла его за руку.

– Ты мудрый и хороший человек. – Они направились вверх по тропинке, шагая рука об руку. – Без тебя, без твоего ума и мужества, мы бы никогда не выбрались из Исфахана. Но изгнание? Что…

– Временная ссылка, – весело произнес он, исполненный облегчения от того, что тяжелый момент между ними миновал. – Потом мы опять вернемся домой.

– Это было бы чудесно, – сказала она, заставляя себя в это поверить. Я должна в это верить или сойду с ума. Должна ради наших детей! – Я рада, что ты выбрал Кувейт. Багдад мне никогда не нравился, а эти иракцы… брр! – На ее глаза еще набегали тени. – Локарт говорил, что лучше дождаться темноты. Он был неправ?

– В нескольких милях отсюда база ВВС. Нас могли заметить на радаре, Аннуш, или наблюдатели в горах. В этом Селади прав: база пошлет патруль, чтобы задержать нас. – Они поднялись на вершину холма. Дети ждали их у дверцы вертолета, все остальные уже были внутри. Они ускорили шаг. – Кувейт гораздо безопаснее. Я уже решил про себя отменить приказ этого надутого осла Селади, ему нельзя доверять.

Через несколько минут они были в воздухе, держа курс на север через гребень этих гор, обходя скалистые выступы, прижимаясь к земле, чтобы избежать той опасности, которую таила в себе близлежащая база. Али Аббаси был хорошим пилотом и хорошо знал эту местность. Перевалив через гребень и спустившись в долину, он повернул на запад и проскочил через горный проход, чтобы не коснуться внешнего периметра летного поля; иракская граница лежала в пятидесяти милях прямо по курсу. Высоко над ними верхушки гор были покрыты снегом, который лежал кое-где и на склонах, хотя на дне долин тут и там посреди скалистой пустыни виднелась зелень. Они с грохотом пронеслись над неожиданно возникшей под ними неизвестной деревушкой, потом повернули почти строго на юг, опять следуя проложенному водой руслу, двигаясь параллельно границе, тянувшейся далеко справа от них. Весь перелет должен был занять часа два, в зависимости от ветра, а ветер был им благоприятен.

Те, кто сидели в салоне у иллюминаторов, радостно смотрели на проносящуюся под ними землю, обоим детям отдали лучшие места; майор держал на руках Джалала, Валик, сидевший рядом с Аннуш, – свою дочь. Все были довольны, некоторые беззвучно молились. До заката оставалось совсем немного, и он обещал быть красивым, с окрашенными багрянцем облаками. «К ночи красно небесам, будет радость пастухам», – тихонько пропела Аннуш дочери на английском. Впереди над головами ровно гудели двигатели, и все стрелки приборов были на зеленом.

Али радовался, что снова ведет вертолет, радовался, что не убил Локарта, который стоял перед ним, не говоря ни слова, не умоляя пощадить его и не произнося слов молитвы. Просто стоял там, подняв руки, и ждал. Я уверен, он уцелел меж опор там внизу, хвала Аллаху…

Он бросил быстрый взгляд на карту, освежая память. Но на самом деле он в этом не нуждался. Али провел в этих местах не один хороший год, летая по перевалам. Скоро он спустится с гор в болотистые равнины, все так же прижимаясь к земле, обогнет Дизфуль, потом Ахваз и Хорремшехр, потом ринется через дельту Шатт-аль-Араб и границу к Кувейту и свободе.

Впереди показался горный гребень с одинокой вершиной, который он ожидал увидеть, и он вынырнул из долины, чтобы тут же нырнуть в следующую, целиком отдаваясь радости полета. Слова

«НВС, поднимитесь на высоту триста метров и сбросьте скорость» заполнили его наушники и мозг. Они были в воздухе едва шесть минут.

Приказ прозвучал на фарси, потом его повторили на английском, потом – снова на фарси и опять на английском, и все это время он держал машину низко, отчаянно пытаясь заставить голову работать.

– Борт НВС, вы выполняете несанкционированный полет, поднимитесь из долины и сбросьте скорость!

Али Аббаси посмотрел вверх, окидывая взглядом небо, но не увидел никаких самолетов. Дно долины проносилось под ними. Впереди поднимался очередной горный гребень, за ним следовала череда гребней и долин, которая вела вниз, на равнины. К западу иракская граница лежала в сорока пяти милях – двадцать минут лета.

– Борт НВС, последнее предупреждение, вы выполняете несанкционированный полет, поднимитесь из долины и сбросьте скорость!

Его мозг кричал. У тебя три выбора: подчиниться и умереть, попытаться скрыться или посадить машину, дождаться ночи и попробовать еще раз, когда начнет светать – если ты уцелеешь под их ракетами или пулями.

Впереди слева он увидел деревья и убегающую вниз землю, там склоны долины становились круче, превращая ее в овраг, поэтому он устремился в него, приняв решение удирать. Теперь его голова работала отлично. Он сорвал наушники, поручил себя Аллаху и почувствовал себя лучше. Перед концом оврага он сбросил скорость, обогнул какие-то деревья и нырнул в другую небольшую долину, сбросил скорость еще больше, аккуратно следуя вдоль русла ручья внизу. Еще деревья и большие камни, вокруг которых он осторожно проскользнул.

Держаться внизу и на малой скорости, экономить горючее и понемногу забирать к югу, думал он с растущей уверенностью. Подбираться поближе к границе, когда будет время. Им ни за что не поймать тебя, если ты не потеряешь голову. Скоро стемнеет. В темноте ты сможешь от них оторваться, и ты знаешь достаточно о пилотировании вслепую, по приборам, чтобы добраться до Кувейта. Но как им удалось нас заметить? Впечатление такое, будто они нас поджидали. Может быть, они поймали нас на радаре, когда мы садились на плотине Диз… Смотри в оба-а-а-а!

Деревья стали гуще, он обогнул небольшую рощицу на склоне, прижался к скалам и начал набирать высоту, продвигаясь к гребню и следующей за ним долине. Благополучно перевалил через него и устремился вниз под защиту скал, оглядывая небо впереди и вверху и постоянно отыскивая подходящее место для посадки на случай, если откажет двигатель. Он был сосредоточен и уверен в себе и делал свое дело хорошо. Все приборы показывали норму. Минуты шли, и, хотя он тщательно осматривал небо, он не замечал ничего подозрительного. В начале следующей долины он завис и, поворачивая машину на триста шестьдесят градусов, осмотрел все небо. Над головой у них было чисто.

Спасены! Оторвались! Иншаллах! Он сделал глубокий вдох и, испытывая огромное удовлетворение, снова повернул на юг. Еще один гребень. Потом следующий, и за ним, впереди, уже лежали равнины. Два истребителя поджидали их. Это были F14.

ГЛАВА 26

Аэропорт Тегерана – управление компанией S-G. 17.48.

– Мы не даем вам разрешения на посадку! – проскрежетало в высокочастотном приемопередатчике пополам с помехами.

Гаваллан, Мак-Айвер и Роберт Армстронг сгрудились вокруг аппарата, напряженно вслушиваясь; вид за окнами был однообразный и тоскливый; приближалась ночь.

Они снова услышали невозмутимый голос Джона Хогга из подлетавшего к аэропорту 125-го:

– Службе управления полетами Тегерана, говорит Эхо Танго Лима-Лима, по состоянию на вчерашний день мы имеем разрешение из Киша на посадку и…

– Борт ETLL, мы не даем вам разрешения на посадку! – голос авиадиспетчера звучал напряженно и испуганно, и Мак-Айвер чертыхнулся себе под нос. – Повторяю, ответ отрицательный, все гражданские авиарейсы отменены, и никакие прибывающие рейсы не принимаются до последующего распоряжения имама… – За голосом авиадиспетчера они могли различить другие голоса, оживленно переговаривавшиеся на фарси; на данной частоте работали сразу несколько микрофонов. – Возвращайтесь в свой пункт вылета!

– Повторяю, у нас есть разрешение на посадку станции радиолокационного контроля на Кише, которая передала нас пункту диспетчерского управления Исфахана, подтвердившего наше разрешение. Да здравствует аятолла Хомейни и победа ислама… я в сорока милях к югу от контрольной точки Варамин, предполагаю садиться на ВВП левую. Пожалуйста, подтвердите, работает ли ваша система посадки по приборам. Есть ли в вашей системе другие рейсы?

На какое-то мгновение голоса на фарси заглушили все остальные на вышке, потом:

– Рейсы в системе отсутствуют, ETLL, система посадки по приборам не работает, но мы не да… – Голос на американском английском внезапно оборвался, и вместо него зазвучал другой, сердитый, с тяжелым акцентом: – Нет на посадки! Комитет дает приказ на Тегеран! Киш не Тегеран… Исфахан не Тегеран… мы даем приказ на Тегеран. Если посадки, вас арестовать.

Радостный голос Джона Хогга откликнулся тут же:

– Борт Эхо Танго Лима-Лима. Понял вас, Тегеран, вы не хотите, чтобы мы садились, и намерены не признавать наши разрешения, что, как я полагаю, является ошибкой, согласно закону о воздушных перевозках… Прошу режим ожидания номер один. – Потом, тут же, на собственной частоте компании S-G сквозь помехи прорезался его напряженный голос: – Центр, прошу совета!

Мак-Айвер немедленно переключил каналы и сказал в микрофон:

– Триста шестьдесят, режим ожидания номер один, – что означало, делай круг и жди ответа. Он посмотрел на помрачневшего Гаваллана. Роберт Армстронг насвистывал что-то невнятное. – Нам лучше протрубить ему отбой… если он сядет, они могут приписать ему неподчинение прямому распоряжению и конфисковать самолет, – сказал Мак-Айвер.

– При наличии официальных разрешений? – возмутился Гаваллан. – Вы сообщили на вышку, что у нас есть письмо британского посла, завизированное кабинетом Базаргана…

– Но не самим Базарганом, сэр, – заметил Роберт Армстронг, – да даже и в этом случае в практическом смысле эти сукины дети на вышке в данный момент сами себе закон. Я бы предложил… – Он вдруг замолчал и показал рукой; его лицо сделалось еще мрачнее. – Смотрите-ка! – По объездной дороге неслись два грузовика и машина

с системой радиоуправления, ее высокая антенна болталась во все стороны. Они увидели, как грузовики въехали прямо на левую полосу и остановились на самой ее середине. Вооруженные «зеленые повязки» начали выпрыгивать из кузова, занимая боевые позиции. Машина с системой радиоуправления продолжала двигаться в их сторону.

– Черт! – выругался Мак-Айвер.

– Мак, ты думаешь, они отслеживают передачи на нашей частоте?

– Безопасней предположить, что именно так оно и есть, Энди.

Гаваллан взял микрофон.

– Отбой. Б, повторяю, Б.

– Эхо Танго Лима-Лима! – И на частоте вышки, голосом мягким и доброжелательным: – Тегеран: мы принимаем вашу просьбу отменить наше разрешение и официально обращаемся за разрешением на посадку завтра в полдень для доставки запчастей, срочно, повторяю, срочно затребованных компанией «Иран Ойл», и вывоза сотрудников, отбывающих в давно просроченный отпуск, с немедленным взлетом после разгрузки-погрузки.

Мак-Айвер удовлетворенно хмыкнул.

– Джонни всегда был скор на ногу. – Он повернулся к Армстронгу: – Мы включим ва…

– Режим ожидания номер один, Эхо Танго Лима-Лима, – распоряжение с вышки оборвало его на полуслове.

– Мы включим вас в список пассажиров, когда сможем, мистер Армстронг. Извините, сегодня порадовать нечем. Как насчет ваших бумаг?

Армстронг оторвал взгляд от приближавшейся машины.

– Я… э… я предпочел бы оказаться специалистом-консультантом S-G, отправляющимся в отпуск, если вы не против. Неоплачиваемый, разумеется. – Он посмотрел на Гаваллана. – Что означает «Б, повторяю, Б»?

– Попробуй завтра, в то же время.

– А если они удовлетворят запрос ETLL?

– Значит, все произойдет завтра… будете специалистом-консультантом.

– Спасибо. Будем надеется, что это будет завтра. – Армстронг взглянул на приближавшуюся машину и быстро добавил: – Вы будете

у себя часов около десяти сегодня, мистер Гаваллан? Возможно, я мог бы заехать… просто поболтать, ничего серьезного.

– Конечно. Буду вас ждать. Мы ведь с вами уже встречались, не правда ли?

– Да. Если я не приеду до десяти пятнадцати, значит, у меня возникли задержки, и я не смогу приехать… вы знаете, как это бывает… и я свяжусь с вами утром. – Армстронг поднялся, готовясь уйти. – Спасибо.

– Хорошо. А где мы с вами встречались?

– Гонконг. – Роберт Армстронг вежливо кивнул и вышел, высокий и сутулый.

Они видели, как он прошел через офис и выбрал дверь, которая вела в ангар и к запасному выходу на стоянку где он оставил свою неприметную машину – машина Мак-Айвера была припаркована перед главным входом.

– Можно подумать, что он бывал здесь раньше, – задумчиво произнес Мак-Айвер.

– Гонконг? Совершенно его не помню. А ты?

– Тоже нет. – Мак-Айвер нахмурился. – Спрошу у Джен, у нее хорошая память на имена.

– Я не уверен, что этот Роберт чертов Армстронг мне нравится, или я ему доверяю, что бы там ни говорил Талбот.

Сегодня в полдень они навестили Талбота, чтобы выяснить все «кто», «что» и «почему» относительно Армстронга. Все, что Джордж Талбот им сказал, сводилось к следующему:

– О, вообще-то, он очень порядочный человек, и мы… э-э… мы были бы признательны, если бы вы его подбросили до дома и… э-э… не задавали слишком много вопросов. Вы, разумеется, останетесь отобедать? У нас еще остался очень приличный морской язык из Дувра, свежемороженый, полно икры или копченого лосося, если пожелаете, пара бутылочек «Де Лядусет» 76-го года на льду – или сосиски с картофельным пюре и домашний кларет, который я бы очень рекомендовал, если вы это предпочитаете. Шоколадный пудинг или бисквит с шерри, и у нас еще есть полкруга довольно приличного сыра стилтон. Весь мир может быть охвачен огнем, но мы по крайней мере сможем смотреть на этот пожар как джентльмены. Как насчет глоточка розового джина для аппетита?

Обед был очень хорош. Талбот говорил, что уход Бахтияра, оставившего поле боя Базаргану и Хомейни, может помочь избежать большинства неприятностей.

– Теперь, когда нет никакого риска военного переворота, все должно вернуться в нормальное состояние, со временем.

– А сколько, по вашему мнению, продлится это «со временем»?

– Пока у «них», кто бы «они» ни были, не кончатся патроны. Но, дорогой мой старина, мое мнение на самом деле ничего не значит. Значение имеет только мнение Хомейни, а один лишь Бог знает, что у Хомейни на уме.

Гаваллан вспомнил пронзительный хохоток, который вызвала у Талбота его собственная шутка, и улыбнулся.

– Что? – спросил Мак-Айвер.

– Да нет, просто вспомнил Талбота за обедом.

Машина иранцев все еще находилась метрах в ста от управления компании.

– Талбот хранит целую гору тайн и секретов. Как ты думаешь, о чем Армстронг хочет с тобой «поболтать»?

– Вероятно, напустит еще больше тумана… В конце концов, Мак, мы же ходили в посольство, наводили о нем справки. Любопытно! Обычно я не забываю… Гонконг? У меня он как будто ассоциируется со скачками в Счастливой Долине. Ладно, со временем вспомню. Одно могу сказать о нем, человек он пунктуальный. Я сказал ему, в пять часов, и он был здесь минута в минуту, даже хотя и возник, как домовой из темного угла. – Глаза Гаваллана блеснули под тяжелыми бровями, потом вернулись к машине, которая как раз подъезжала к зданию. – И так же, как Господь сотворил Шотландию, можно быть уверенным и в том, что он не хотел встречаться с нашим дружелюбным комитетом. Интересно, почему это?

Комитет состоял из двух вооруженных юношей, муллы – другого, не того, что был вчера, – и Саболира, изрядно вспотевшего начальника иммиграционной службы, все еще очень нервничающего.

– Добрый вечер, ваши превосходительства, – приветствовал их Мак-Айвер, чьи ноздри яростно протестовали против вторгшегося в кабинет запаха застарелого пота. – Не желаете ли чашку чаю?

– Нет-нет, благодарю вас, – ответил Саболир. Он все еще держал себя крайне настороженно, хотя и пытался скрыть это под маской

высокомерия. Он занял лучшее кресло в комнате. – У нас для вас новые правила.

– О? – Мак-Айверу за последние пару лет доводилось иметь с ним дело, и он иногда подбрасывал ему ящик виски, заправлял его машину и время от времени бесплатно перевозил на своих вертолетах и размещал его и его семью в летние каникулы на курортах Каспия: «Мы забронировали комнаты для нескольких наших директоров, но они не могут ими воспользоваться, дорогой господин Саболир. Жалко будет просто потерять эти номера, не правда ли?» Однажды он организовал для него недельную поездку в Дубай на двоих. Девушка была молода и очень красива, и, по беззастенчивому предложению Саболира, ее провели по бухгалтерским книгам S-G как иранского специалиста. – Чем мы можем быть вам полезны?

К их удивлению Саболир достал паспорт Гаваллана и лист бумаги с предыдущим разрешением на посадку и положил их на стол:

– Вот ваш паспорт и бумаги… э-э… подтвержденные и одобренные, – произнес он голосом, который, помимо его воли, делался маслянистым от торжественной официальности момента. – Имам приказал немедленно возобновить нормальное функционирование. Э-э… Исламское государство Иран вернулось к нормальной жизни, и аэропорт откроется… э-э… через три дня для всех обычных, предварительно согласованных воздушных сообщений. Вы должны теперь вернуться к нормальной работе.

– Мы снова начнем подготовку пилотов иранских ВВС? – поинтересовался Мак-Айвер, с трудом контролируя свой голос, чтобы тот не выдал охватившего его ликования, ибо это был очень большой и очень прибыльный контракт.

Саболир заколебался.

– Да, я полагаю, вы…

– Нет, – твердо произнес мулла на хорошем английском. – Нет. Пока имам или Революционный комитет не дадут своего согласия. Я прослежу за тем, чтобы вы получили твердый ответ. Я не думаю, что эта часть вашей деятельности возобновится в ближайшее время. Тем временем, к вашей обычной работе – доставке запчастей на ваши базы и полетам по контракту для оказания помощи «Иран Ойл» в возобновлении добычи нефти или «Иран Лес» и так далее – при

условии, что все полеты будут согласовываться заранее, – вы можете приступить послезавтра.

– Отлично! – сказал Гаваллан, и Мак-Айвер эхом повторил это слово вслед за ним.

– Сменные группы пилотов и вахты нефтяников, доставка и вывоз, при условии предварительного согласования и наличия у них необходимых документов, – продолжал мулла, – возобновляются послезавтра. Добыча нефти определяется как главный приоритет. «Страж ислама» будет сопровождать каждый полет.

– При условии предварительной заявки, и если этот человек не задержит вылет. Но без оружия, – вежливо ответил Мак-Айвер, готовясь к неизбежному столкновению.

– Вооруженный «страж ислама» будет с вами в рейсе для вашей защиты от захвата вертолета врагами государства! – отрезал мулла.

– Мы будем счастливы сотрудничать, ваше превосходительство, – спокойно вмешался Гаваллан, – очень счастливы, поверьте, но я уверен, вы не захотите ставить под угрозу человеческие жизни или безопасность исламского государства. Я официально прошу вас обратиться к имаму с просьбой согласиться на полное отсутствие оружия на борту – совершенно очевидно, что вы имеете к нему прямой доступ. Тем временем, все наши машины останутся на земле, пока я не получу подтверждения или разрешения моего правительства.

– Вы не станете отменять полеты, и вы вернетесь к нормальной работе! – Мулла рассердился не на шутку.

– Может быть, мы достигнем компромисса до получения согласия имама: ваши «стражи» оставляют при себе оружие, но капитан на время полета будет хранить у себя их патроны. Согласны?

Мулла колебался.

Голос Гаваллана стал тверже:

– Имам приказал сдать ВСЕ оружие, разве нет?

– Да. Очень хорошо, я согласен.

– Благодарю вас. Мак, подготовь соответствующую бумагу на подпись его превосходительству, это решит проблему для всех наших ребят. Теперь, нам нужны новые летные документы, ваше превосходительство, единственные, которые у нас есть, это старые… э-э… бесполезные бумаги, выданные предыдущим режимом. Вы дадите нам необходимые полномочия? Вы сами, ваше

превосходительство? Ясно, что вы человек значительный и в курсе всего, что происходит. – Он смотрел, как на его глазах мулла приосанился в ответ на лесть и стал выглядеть еще значительнее. Мулле было тридцать с небольшим, засаленная борода, изношенная одежда. По его выговору Гаваллан отнес его к бывшим британским студентам, одному из тысяч иранцев, которых шах по грантам отправил за границу для получения западного образования. – Вы, разумеется, немедленно выдадите нам новые бумаги, чтобы сделать нас законными для новой эры?

– Мы… э-э… мы подпишем новые документы для каждого из наших вертолетов, да. – Мулла достал какие-то бумаги из своего потрепанного портфеля и надел старые очки с толстыми линзами, одна из которых была с трещиной. Документ, который он искал, оказался в самом низу. – Вам доверено в управление тринадцать иранских 212-х, семь 206-х и четыре «Алуэтта» в разных местах базирования, все они имеют иранские регистрационные номера и принадлежат Иранской вертолетной компании – так?

Гаваллан покачал головой.

– Не совсем. На данный момент они фактически являются собственностью вертолетной компании S-G из Абердина. Иранская вертолетная компания, наше совместное предприятие с иранскими партнерами, не является владельцем этих вертолетов, пока они не оплачены.

Мулла нахмурился, потом поднес бумагу ближе к глазам.

– Но договор, по которому право собственности передается Иранской вертолетной компании, подписан, не так ли?

– Это так, но его вступление в силу зависит от производства платежей, которые… задерживаются.

– Имам сказал, что все долги будут оплачены, значит, они будут оплачены.

– Разумеется, но до тех пор право собственности передается по факту оплаты, – осторожно продолжал Гаваллан, надеясь, против всех ожиданий, что диспетчерская вышка удовлетворит хитро сформулированную просьбу Джонни Хогга о разрешении на посадку на завтрашний день. Интересно, может этот сладкоречивый сукин сын выдать такое разрешение? – спрашивал он себя. Если Хомейни приказал, чтобы все возвращалось к нормальной жизни, все придет в

норму, и я могу спокойно вернуться в Лондон. Если повезет, я успею заключить контракт с «ЭксТекс», которые предполагает выплату аренды за новые X63, до конца недели. – В течение многих месяцев мы осуществляли платежи от имени ИВК по всем этим вертолетам, с процентами, банковской комиссией и так далее, из наших собственных средств, и мы…

– Ислам запрещает ростовщичество и выплату процентов, – произнес мулла с полной непреложностью, которая совершенно потрясла Гаваллана и Мак-Айвера. – Банки не имеют права взимать проценты. Ни единого. Это ростовщичество.

Гаваллан бросил взгляд на Мак-Айвера, потом обеспокоенно обратил все свое внимание на муллу.

– Если банки не могут взимать проценты, то как будет функционировать бизнес, внутренне и внешне?

– Согласно исламскому закону. Только по исламскому закону. Коран запрещает ростовщичество. – Мулла с отвращением добавил: – То, чем занимаются иностранные банки, есть зло. Именно из-за них Иран пережил столько бед. Банки – организации, порожденные злом, и мы их не потерпим. Что касается Иранской вертолетной компании, Исламский революционный комитет приказал приостановить деятельность всех совместных предприятий до рассмотрения их деятельности. – Мулла помахал бумагами. – Все эти вертолеты – иранские, зарегистрированные в Иране, иранские! – Он снова, прищурившись, посмотрел в документ. – Здесь в Тегеране у вас три 212-х, четыре 206-х и один вертолет марки 47G4 здесь в аэропорту, не так ли?

– Они разбросаны по разным местам, – осторожно сообщил ему Мак-Айвер, – здесь, в Дошан-Таппехе и в Гелег-Морги.

– Но все они находятся здесь, в Тегеране?

Пока Гаваллан говорил, Мак-Айвер пристально наблюдал за муллой, стараясь понять, что это за человек; кроме того, он пытался прочесть вверх ногами текст на документах, чтобы понять их содержание. Тот, что мулла держал сейчас в руке, оказался списком всех их вертолетов с регистрационными номерами и являлся копией манифеста, постоянно хранившегося на диспетчерской вышке, который S-G была обязана постоянно обновлять. Его желудок

неприятно сжался, когда он заметил обведенные красным кружком EP-HBC – 212-й Локарта – и EP-HFC, 206-й Петтикина.

– Один 212-й у нас позаимствовал Бендер-Делам, – сказал он, решив не рисковать, проклиная в душе Валика и надеясь, что Том Локарт сейчас или в Бендер-Деламе или, живой и невредимый, добирается домой. – Остальные здесь.

– Позаимствовал… это у нас будет EP… EP-HBC? – вычислил мулла, очень довольный собой. – Так, где…

Его прервал голос авиадиспетчера:

– Эхо Танго Лима-Лима, в просьбе отказано. Свяжитесь с Исфаханом на частоте 118,3. Всего доброго.

– Совершенно правильно… хорошо. – Мулла удовлетворенно кивнул.

Гаваллан и Мак-Айвер еще крепче выругались про себя, а Саболир, который молча наблюдал и слушал эту сцену, прекрасно понимая игру, затеянную двумя британцами, пытающимися манипулировать муллой, мысленно фыркнул, избегая встречаться с кем-нибудь взглядами, безопасности ради, пристально глядя в пол. Один раз, секунду назад, когда внимание муллы было сосредоточено на чем-то другом, он ловко перехватил взгляд Мак-Айвера и ободряюще полуулыбнулся ему, изображая дружбу и цепенея от страха при мысли, что Мак-Айвер может неправильно истолковать все эти предыдущие одолжения и любезности, которые были лишь справедливой оплатой его трудов, обеспечивавших беспрепятственное прохождение через границу поступавших запчастей и выезжавших сотрудников. Сегодня утром по радио представитель Исламского революционного комитета призвал всех законопослушных граждан обличить любого, кто совершил преступления против ислама. За сегодняшний день были арестованы трое из его коллег, отчего по всему аэропорту прокатилась дрожь ужаса. «Стражи ислама» никаких особых причин не назвали, просто уволокли их с собой и бросили в тюрьму «Эвин» – ненавистную всем тюрьму САВАК – где, по слухам, полсотни «врагов ислама» были расстреляны сегодня после проведенных на скорую руку судов. Среди арестованных был один из его собственных людей, который вчера принял десять тысяч риалов и три двадцатилитровых канистры с бензином – человек оставил себе одну канистру, а другие две Саболир, как полагалось, отвез к себе

домой в качестве своей справедливой доли. О Аллах, сделай так, чтобы они не обыскивали мой дом.

По высокочастотному каналу прозвучал все такой же жизнерадостный голос Джонни Хогга:

– Эхо Танго Лима-Лима, спасибо. Да здравствует революция, и всего вам доброго. – Потом по их собственному каналу: – Центр, подтвердите.

Мак-Айвер протянул руку и переключился на их собственный канал.

– Режим ожидания номер один! – приказал он, остро ощущая на себе пытливый взгляд муллы. – Как вы считае…

– Ага. Вы переговариваетесь с самолетом напрямую. Частный канал связи?

– Это канал компании, ваше превосходительство. Нормальная практика.

– Нормальная. Да. Значит, EP-HBC находится в Бендер-Деламе? – спросил мулла и прочел вслух с документа: – «Доставка запчастей». Это действительно так?

– Да, – ответил Мак-Айвер, молясь про себя.

– Когда вертолет должен вернуться?

Мак-Айвер ощущал внимание муллы на себе как физическую тяжесть.

– Не знаю. Мне не удалось связаться с Бендер-Деламом. Я сообщу вам сразу же, как смогу. А теперь, ваше превосходительство, касательно разрешений для наших различных рейсов, как вы счи…

– EP-HFC. EP-HFC находится в Тебризе?

– Он находится на небольшом летном поле в Форша, – ответил Мак-Айвер, чувствуя себя совсем худо и молясь, чтобы это безумие у дорожной заставы в Казвине прошло незамеченным и было забыто. В который раз он спросил себя, куда подевался Эрикки. Они договорились, что он встретится с ними в его квартире в три часа дня, чтобы ехать в аэропорт, но финн так и не появился.

– Летное поле в Форша?

Мак-Айвер увидел, что мулла пристально смотрит на него, и, сделав над собой усилие, сосредоточился на разговоре.

– EP-HFC вылетел в Тебриз в субботу, чтобы доставить запчасти и забрать сменившуюся вахту. Вертолет вернулся вчера вечером. Завтра

он будет отмечен в новом манифесте.

Мулла внезапно нахмурился.

– Но обо всех вылетающих и прибывающих вертолетах вы должны докладывать немедленно. На вчерашний день у нас нет никаких записей о выдаче разрешения на прибытие сюда.

– Вчера капитан Петтикин не смог связаться с диспетчерским центром Тегерана. Полагаю, там распоряжались военные. Он пытался выйти на связь на всем протяжении полета. – Мак-Айвер тут же добавил: – Если мы должны возобновить нормальную работу, кто будет давать разрешения на полеты для «Иран Ойл»? Как всегда, господин Дариуш?

– Э-э… да, думаю, что он. Но почему о его возвращении не было доложено вчера?

Гаваллан вмешался с деланным воодушевлением:

– Эффективность ваших действий произвела на меня огромное впечатление, ваше превосходительство. Жаль, что военные авиадиспетчеры, дежурившие вчера, не могут похвастаться таким же отношением в работе. Мне совершенно ясно, что новая Исламская республика намного превзойдет любое западное предприятие. Для нас будет подлинным удовольствием служить нашим новым работодателям. Да здравствует новизна! Позвольте нам узнать ваше имя?

– Я… меня зовут Мохаммед Тегерани, – ответил иранец, снова попадаясь на удочку.

– Тогда, ваше превосходительство Тегерани, могу я просить вас воспользоваться своей властью? Если бы мой борт Эхо Танго Лима-Лима мог получить ваше разрешение совершить завтра посадку, мы могли бы безмерно повысить эффективность нашей работы, приблизив ее к вашей. В этом случае я мог бы гарантировать, что наша компания обеспечит для аятоллы Хомейни и его личных помощников – таких, как вы, – тот уровень обслуживания, какой он и они вправе ожидать. Запчасти, которые доставит ETLL, вернут в строй еще два 212-х вертолета, а я смогу вернуться в Лондон, чтобы еще более усилить нашу поддержку вашей великой революции. Вы, разумеется, согласитесь?

– Это невозможно. Комитет не…

– Я уверен, комитет прислушается к вашему совету. О, я заметил, что вы имели несчастье повредить свои очки. Это ужасно. Я сам без очков как без рук. Возможно, я мог бы распорядиться, чтобы 125-й привез вам завтра новую пару из Эль-Шаргаза?

Мулла не знал, что делать. Глаза его очень беспокоили. Желание получить новые очки, хорошие очки, было почти непреодолимым. О, это было бы невероятное сокровище, дар Бога. Конечно же, это Аллах вложил эту мысль в голову чужеземца.

– Не думаю… я не знаю. Комитет не смог бы сделать то, о чем вы просите, так быстро.

– Я понимаю, как это сложно, но если вы замолвите слово в нашу пользу перед комитетом, они, конечно же, к вам прислушаются. Это оказало бы нам неоценимую помощь, и мы были бы пред вами в неоплатном долгу, – добавил Гаваллан, воспользовавшись этой веками проверенной фразой, которая на любом языке означала: что вы хотите взамен? Он заметил, что Мак-Айвер переключился на частоту диспетчерской вышки и держит микрофон наготове. – Для передачи нужно нажать кнопку на микрофоне, ваше превосходительство, если вы почтите нас своим содействием…

Мулла Тегерани колебался, не зная, как ему поступить. Когда он посмотрел на микрофон, Мак-Айвер метнул многозначительный взгляд в сторону Саболира.

Саболир сразу его понял, реакция у него была отменной.

– Разумеется, что бы вы ни решили, ваше превосходительство Тегерани, комитет согласится с этим, – заговорил он елейным голосом. – Но завтра, завтра, как я понимаю, вам приказано посетить другие аэродромы, чтобы точно установить, где и сколько гражданских вертолетов располагаются на вашей территории, а это весь Тегеран? Да?

– Таков приказ, да, – кивнул мулла. – Я и некоторые члены моего комитета должны завтра посетить другие аэродромы.

Саболир тяжело вздохнул, изображая глубокое разочарование; Мак-Айвер с трудом удержался от смеха, настолько иранец переигрывал.

– К сожалению, вам будет невозможно посетить их все на машине или пешком и успеть вернуться, чтобы проследить, лично проследить за прибытием и немедленным отлетом этого единичного самолета,

который, совершенно не по его вине, завернули обратно единственно из-за высокомерия диспетчеров Киша и Исфахана, которые осмелились принять решение, не проконсультировавшись с вами.

– Верно, верно, – закивал мулла. – Это их вина!

– Семь часов утра вас устроят, ваше превосходительство Тегерани? – тут же произнес Мак-Айвер. – Мы будем счастливы помочь комитету нашего аэропорта. Я дам вам нашего лучшего пилота, и вы успеете вернуться, имея более чем достаточно времени, чтобы… э-э… лично проследить за немедленным отлетом севшего самолета. Сколько человек полетят с вами?

– Шесть… – рассеянно произнес мулла, ошеломленный мыслью о том, что он сможет выполнить полученные им приказания – Божий труд – с таким удобством и с такой роскошью, как настоящий аятолла. – Это… это можно было бы устроить?

– Разумеется! – воскликнул Мак-Айвер. – В семь утра здесь, у нас. Капитан… э-э… старший капитан Натаниэль Лейн подготовит 212-й к полету. Семь человек, включая вас, и до семи жен. Вы, разумеется, полетите в кабине, рядом с пилотом. Считайте, что все уже готово.

Мулла летал всего два раза в жизни: в Англию, на учебу в университет, и обратно домой, специальным чартерным рейсом «Иран Эйр» для студентов в битком набитом самолете. Он широко улыбнулся и протянул руку за микрофоном:

– В семь утра.

Мак-Айвер и Гаваллан ничем не выдали своего облегчения, добившись этой победы. Как и Саболир.

Саболир был доволен, что мулла угодил в ловушку. На все воля Аллаха! Теперь, если меня ложно обвинят, у меня есть союзник, сказал он себе. Этот дуралей, этот лже-мулла, сын собаки, разве он только что не принял взятку – ясно, что это не пешкеш, – на самом деле даже две взятки: новые очки и несогласованный, неоправданно дорогой перелет на вертолете? Разве он сознательно не позволил обвести себя вокруг пальца этим медоточивым, бесконечно вероломным англичанам, которые до сих пор считают, что могут соблазнить нас своими побрякушками и украсть все наше достояние за несколько риалов? Только послушайте, как этот тупица дает чужеземцам все, что им нужно!

Он посмотрел на Мак-Айвера. Со значением. И поймал его взгляд. Потом снова уставился в пол. Ну а теперь ты, высокомерный сын собаки с Запада, думал он, какую ценную услугу ты должен будешь оказать мне в обмен на мою помощь?

Французский клуб. 19.10. Гаваллан принял от одетого в форменную одежду французского официанта бокал красного вина, Мак-Айвер – белого.

Они чокнулись и сделали по живительному глотку, чувствуя себя уставшими после возвращения из аэропорта. Они сидели в просторном зале вместе с другими гостями, большей частью европейцами, мужчинами и женщинами. Зал выходил окнами на покрытые снегом сады и теннисные корты, кресла были современными и удобными, стойка бара – длинной. В разных частях этого прекрасного здания, расположенного в лучшей части Тегерана, имелось множество других залов и комнат для банкетов, танцевальных вечеров, званых обедов, карточных игр, сауны. Французский клуб оставался единственным клубом для иностранцев, который еще функционировал. Клуб Американских Вооруженных сил с его огромным комплексом развлекательных и спортивных площадок и бейсбольным полем, а также Британский, Немецкий и большинство других клубов, включая клубы американских стран помимо США, были закрыты, их барные стойки и запасы алкогольных напитков разбиты.

– Господи, до чего же хорошая штука, – заметил Мак-Айвер; холодное как лед вино очистило рот и горло, унеся с собой образовавшийся за день неприятный налет. – Только Джен не говори, что мы сюда заезжали.

– Это и ни к чему, Мак. Она и так узнает.

Мак-Айвер кивнул.

– Ты прав, ладно. Мне удалось заказать здесь на вечер столик для ужина, и это влетело мне в изрядную копеечку, но оно того стоит. Раньше в это время здесь столиков не ставили, обслуживали только стоя… – Он обернулся на взрыв смеха, раздавшийся из дальнего угла, где сидели какие-то французы. – В первый момент мне показалось, что это Жан-Люк. Такое чувство, что целые годы прошли с тех пор, как мы собрались здесь на его предрождественский вечер… Интересно, соберемся ли мы когда-нибудь еще на такой же.

– Конечно соберетесь, – сказал Гаваллан, чтобы приободрить его, озабоченный тем, что огонь, всегда горевший в сердце его старого друга, словно угасает. – Не давай этому мулле испортить тебе настроение.

– У меня от него мурашки по коже… как и от Армстронга, если уж на то пошло. И от Талбота. Но ты прав, Энди, я не должен позволять всему этому меня расстраивать. Сегодня мы в лучшей форме, чем были два дня назад… – Новый взрыв смеха отвлек его, и он начал вспоминать все те замечательные вечера, которые провел здесь с Дженни, и Петтикином, и Локартом – сейчас о нем думать не буду, – и со всеми остальными пилотами и их многочисленными друзьями, британцами, американцами, иранцами. Никого не осталось, большинства из них уже не осталось. Раньше ведь как бывало: «Джен, давай-ка сходим во Французский клуб, там сегодня днем финал теннисного турнира…», или: «Валик сегодня вечером с восьми часов устраивает коктейль в Иранском офицерском клубе…», или: «Сегодня матч по поло, матч по бейсболу, вечер с купаньем, вечер с катанием на лыжах…», или: «Извини, в этот уик-энд мы приглашены на посольский прием на Каспии…», или: «Я бы с удовольствием, но Джен не может, она поехала в Исфахан посмотреть ковры для дома…»

– Раньше у нас здесь было столько всего, Энди, светская жизнь тут была лучшая на свете, и думать нечего, – сказал он. – Теперь нам трудно даже просто поддерживать связь со своими базами.

Гаваллан кивнул.

– Мак, – мягко сказал он, – прямой ответ на прямой вопрос. Ты хочешь уехать из Ирана и чтобы кто-то другой встал на твое место?

Мак-Айвер непонимающе уставился на него.

– Боже всемогущий, откуда у тебя такие мысли? Нет, абсолютно нет! Ты хочешь сказать, ты подумал, раз я слегка расстроился, так… Боже милостивый, нет, – произнес он, но его сознание, будто пробудившись от толчка, задало ему тот же самый вопрос, о котором он всего несколько дней назад и помыслить не мог: а не теряешь ли ты действительно все это: свою волю, хватку, свою потребность идти дальше – не пришло ли время уйти? Не знаю, подумал он, с ноющей болью ощутив холод правды, однако лицо его улыбалось. – Все в порядке, Энди. Нет ничего такого, с чем бы мы не справились.

– Хорошо. Извини, я надеюсь, ты не в обиде за этот вопрос. Я думаю, то, что сказал мулла, меня приободрило – за исключением того, когда он заговорил о «наших иранских вертолетах».

– На самом деле, Валик и партнеры вели себя так, будто наши вертолеты принадлежат им с момента подписания контракта.

– Слава богу, контракт британский, и обязательность его исполнения регулируется британским законодательством. – Гаваллан посмотрел поверх плеча Мак-Айвера, и глаза его чуть заметно расширились. Девушке, входившей в зал, было лет двадцать восемь: черные волосы, темные глаза, поразительно красивые лицо и фигура.

Мак-Айвер проследил за его взглядом, оживился, встал.

– Привет, Сайада, – сказал он, подзывая ее. – Позволь представить тебе Эндрю Гаваллана? Энди, это Сайада Бертолен, подруга Жан-Люка. Ты к нам присоединишься?

– Спасибо, Мак, но извини, не могу, я как раз собиралась сыграть партию в сквош с подругой. Ты хорошо выглядишь. Рада познакомиться с вами, мистер Гаваллан. – Она протянула руку, и Гаваллан пожал ее. – Простите, мне нужно бежать, передай Дженни мою любовь.

Они снова сели.

– Официант, пожалуйста, еще раз то же самое, – заказал Гаваллан. – Мак, между нами говоря, эта птичка заставила меня почувствовать настоящую слабость во всем теле!

Мак-Айвер расхохотался.

– Обычно эффект бывает прямо противоположным! Она, без сомнения, очень популярна, работает в кувейтском посольстве, сама – ливанка, и Жан-Люк от нее совершенно без ума.

– Черт подери, я его не виню… – Улыбка Гаваллана растаяла: в дальнюю дверь в зал вошел Роберт Армстронг; его сопровождал высокий иранец с волевым лицом лет пятидесяти с небольшим. Армстронг заметил Гаваллана, коротко кивнул, потом вернулся к разговору со своим спутником, вышел с ним из зала и поднялся по лестнице туда, где располагались другие залы и комнаты. – Интересно, какого дьявола этот человек со… – Гаваллан замолчал: воспоминания вдруг нахлынули потоком. – Роберт Армстронг, старший суперинтендант Департамента уголовного розыска Кулуна, вот кто он такой… вернее, кто он был такой!

– Департамента уголовного розыска? Ты уверен?

– Да. Департамент или Специальная служба[44]… погоди минутку… он… да, верно, он был другом Иэна, если разобраться, там-то я с ним и познакомился, в Большом доме на Пике, а не на скачках вовсе, хотя я его и там мог видеть с Иэном. Если память мне не изменяет, это было как раз в тот вечер, когда Квиллан Горнт явился туда очень незваным гостем… точно уже не помню, но, думаю, это была годовщина свадьбы Иэна и Пенелопы, как раз перед тем, как я уехал из Гонконга… Господи, это было почти шестнадцать лет назад; неудивительно, что я не мог его вспомнить.

– У меня было такое чувство, что он вспомнил тебя сразу же, как только мы встретились вчера в аэропорту.

– У меня тоже. – Они допили вино и ушли, оба ощущая странное беспокойство.

Тегеранский университет. 19.32. Митинг левых, собравший на прямоугольном дворе перед университетом больше тысячи студентов, проходил шумно и был сопряжен с немалой опасностью: слишком много фракций, слишком много фанатиков и слишком многие из них при оружии. Вечер был сырым и холодным; ночная тьма еще не опустилась, хотя в сумерках в студенческой массе уже зажглись несколько фонарей и факелов.

Ракоци стоял в толпе в задних рядах, полностью слившись с нею. Он был одет во что попало, как и остальные, и выглядел так же, как они, хотя теперь его легенда изменилась, и он перестал быть Смитом или Федором Ракоци, русским мусульманином, сторонником исламского марксизма; здесь, в Тегеране, он превратился в Дмитрия Язернова, советского представителя Центрального комитета Туде – должность, которую он время от времени занимал последние несколько лет. Он стоял в углу прямоугольника вместе с пятью студенческими вожаками из Туде, прикрытый стеной от пронизывающего ветра; его автомат висел у него на плече, взведенный и готовый к бою, и он ждал, когда раздастся первый выстрел.

– Теперь уже в любой момент, – тихо сказал он.

– Дмитрий, кого мне снимать первым? – нервно спросил один из студентов.

– Моджахеда, этого не знающего своей матери ублюдка, вон того, который вон там стоит, – терпеливо ответил он, указав на человека с черной бородой, который по возрасту был гораздо старше остальных. – Только не спеши, Фармад, и вперед меня не лезь. Он профессионал и член ООП.

Его товарищи остолбенело уставились на него.

– А почему его, если он из ООП? – спросил Фармад, низкорослый юноша, почти карлик, с крупной головой и маленькими умными глазами. – Все эти годы люди из ООП были нашими большими друзьями, обучали нас, поддерживали, снабжали оружием.

– Потому что теперь ООП станет поддерживать Хомейни, – все так же терпеливо объяснил Ракоци. – Разве Хомейни не пригласил Арафата сюда на следующей неделе? Разве он не передал ООП здание израильской миссии в качестве их постоянной штаб-квартиры? ООП может поставить Ирану всех технических специалистов, которые нужны Базаргану и Хомейни, чтобы заменить израильтян и американцев – особенно на нефтяных промыслах. Ты же не хочешь, чтобы положение Хомейни упрочилось, а?

– Нет, но ООП нам так…

– Иран – не Палестина. Палестинцам следует оставаться в Палестине. Вы выиграли революцию. Зачем отдавать свою победу чужакам?

– Но ведь ООП была нашим союзником, – настаивал Фармад, и Ракоци обрадовался, что обнаружил изъян до того, как этому человеку была передана некоторая доля власти.

– Союзники, ставшие врагами, теряют свою ценность. Помни о главной цели.

– Я согласен с товарищем Дмитрием, – отозвался другой, голос его звучал взвинченно, глаза были холодными и очень жесткими. – Нам не нужно, чтобы ООП тут раздавала приказы. Если ты не хочешь его устранять, Фармад, его устраню я. Всех их, и всех собак с зелеными повязками тоже!

– ООП доверять нельзя, – сказал Ракоци, продолжая один и тот же урок, сея все те же семена. – Посмотрите только, как они все время виляют, хитрят, меняют позицию даже у себя на родине: в один момент заявляют, что они марксисты, в другой – что мусульмане, в следующий – заигрывают с архипредателем Садатом, потом нападают на него. У

нас есть документальные свидетельства всего этого, – добавил он, с привычной ловкостью внедряя дезинформацию, – а также документы, доказывающие, что они планируют убийство короля Хусейна и захват Иордании, а потом заключение сепаратного мира с Израилем и Америкой. У них уже прошли тайные встречи с ЦРУ и израильтянами. На самом деле они вовсе не против Израиля…

Ах, Израиль, размышлял он, пока его рот выговаривал давно продуманный и подготовленный текст, насколько же ты важен для матушки-России, так чудесно усевшийся в этом котле – постоянный источник раздражения, который будет гарантированно приводить всех мусульман в бешенство до скончания веков, особенно этих шейхов с их такими богатыми нефтью вотчинами, который так же гарантированно будет натравливать всех мусульман на христиан, на нашего главного врага – твоих американских, британских и французских союзников, – при этом ограничивая их мощь и держа их и весь Запад в состоянии неустойчивости, пока мы захватываем жизненно важные куски пирога: в этом году – Иран, в следующем – Афганистан, потом – Никарагуа, дальше – Панама, следом – другие, всегда реализуя один неизменный план: обладание Ормузским проливом, Панамой, Константинополем и сокровищницей Южной Африки. Ах, Израиль, ты – наша козырная карта в мировой игре в «Монополию». Но мы никогда не выложим тебя на стол и не продадим! Мы не оставим тебя! О, мы позволим тебе проиграть много сражений, но не всю войну; мы позволим тебе умирать с голоду, но никогда не дадим умереть; мы позволим твоим соотечественникам-банкирам финансировать нас и, таким образом, свое собственное уничтожение; мы дадим тебе сосать из Америки кровь, пока она не сдохнет; мы укрепим твоих врагов – но не слишком – и поможем им трахнуть тебя всем скопом. Но не волнуйся, мы никогда не дадим тебе исчезнуть с лица земли. О нет! Никогда. Для нас ты – слишком большая ценность.

– Люди из ООП смотрят на всех свысока, слишком важничают, – мрачно заметил высокий студент. – Вежливого слова от них не услышишь, и они совсем не признают мирового значения Ирана и ничего не знают о нашей древней истории.

– Правильно! Они – тупые селяне, а сами паразитами присосались ко всем странам Ближнего Востока и Персидского залива, захапав себе

все лучшие рабочие места.

– Верно, – согласился другой, – они хуже евреев…

Ракоци расхохотался про себя. Ему очень нравилась его работа, нравилось работать со студентами университетов – всегда благодатная почва, – нравилось быть учителем. Так ведь я учитель и есть, удовлетворенно думал он, профессор терроризма, власти и захвата власти. Хотя, наверное, я больше землепашец, крестьянин: бросаю семена в почву, поливаю, пестую, оберегаю их, потом собираю урожай, трудясь с утра до ночи круглый год, как и пристало крестьянину. Некоторые годы выдаются урожайными, другие – худыми, но каждый год я чуть-чуть прибавляю, становлюсь опытнее, мудрее, глубже узнаю землю, набираюсь еще больше терпения – весна-лето-осень-зима – хозяйство всегда одно и то же, Иран, всегда одна и та же цель: в лучшем случае сделать Иран частью России, в худшем – российским сателлитом для защиты моей священной родины. Став ногой на Ормузском проливе…

Да, думал он, наполняясь изнутри неземным, всепоглощающим, религиозным светом, если бы я смог подарить Иран матушке-России, моя жизнь не была бы прожита напрасно.

Запад заслуживает поражения, особенно американцы. Они такие идиоты, настолько эгоцентричны, но самое главное их качество – тупость. Не укладывается в голове, как этот Картер может не понимать значения Ормузского пролива вообще и Ирана в частности, и какой катастрофой обернется для Запада их потеря. Ах, каким ценным союзником для нас оказался Картер. Если бы я верил в Бога, я бы вознес молитву: Бог велик, Бог велик, защити нашего главного союзника, президента Гороха, дай ему переизбраться на второй срок! Если он будет президентом еще четыре года, мы положим Америку в карман и станем править миром! Бог велик, Бог…

Внезапно он похолодел. Он так долго притворялся мусульманином, что это прикрытие иногда брало верх над его внутренним я, и тогда он начинал задавать вопросы и сомневаться.

Все тот же ли я Игорь Мзитрюк, капитан КГБ, женатый на моей обожаемой Делоре, моей такой прекрасной армянке, которая живет в Тбилиси и ждет, когда я вернусь домой? Дома ли она сейчас, эта женщина, которая тайно, очень тайно, верит в Бога – Бога христиан, который ничем не отличается от Бога мусульман и евреев?

Бог. Бог, имеющий тысячу имен. А есть ли Бог?

Бога нет, сказал он себе, словно повторяя затверженный урок, и убрал эту мысль в ее ячейку, сосредоточившись на бунте, который должен был сейчас вспыхнуть.

Напряжение вокруг него уверенно нарастало, над огромной толпой студентов тут и там взвивались обозленные выкрики:

– Мы проливали кровь не для того, чтобы муллы захапали себе всю власть! Объединяйтесь, братья и сестры! Объединяйтесь под знаменами Туде…

– Долой Туде! Объединяйтесь во имя священного исламо-марксистского дела, мы, моджахедин, проливали свою кровь и мы – мученики имама Али, первого среди мучеников, и Ленина…

– Долой мулл, долой Хомейни, архипредателя Ирана…

Громкие крики приветствовали последний лозунг, к ним присоединились другие, потом постепенно на первый план вновь вышел голос, кричавший:

– Объединяйтесь, братья и сестры, объединяйтесь вокруг истинных вождей революции, Туде, объединяйтесь для защи…

Ракоци критическим взглядом окинул это скопление людей. Оно все еще было разрозненным, бесформенным, еще не превратилось в толпу, которую можно было бы направлять и использовать как оружие. Несколько случайных участников, очевидных исламистов, наблюдали за происходящим с разной степенью отвращения или гнева. Студенты более умеренных взглядов, послушав, отходили, качая головами, и оставляли сцену тому подавляющему большинству своих сверстников, которое состояло из студентов, глубоко преданных делу и настроенных против Хомейни.

Вокруг них возвышались кирпичные здания университета, построенного шахом Резой в тридцатых годах. Пять лет назад Ракоци проучился здесь несколько семестров под видом азербайджанского студента, хотя в Туде его знали как Дмитрия Язернова, который был прислан – согласно сложившейся модели – для создания студенческих ячеек. С момента своего существования университет был источником инакомыслия, антишахских настроений, хотя шах Мохаммед поддерживал образование более щедро, чем любой другой монарх в персидской истории. Тегеранские студенты стояли в авангарде

восстания задолго до того, как Хомейни стал его объединяющим стержнем.

Без Хомейни мы бы никогда не одержали победы, подумал он. Хомейни стал тем пламенем, вокруг которого мы все смогли собраться и объединиться, чтобы сбросить шаха с трона и вышвырнуть американцев. Он вовсе не выживший из ума старик и узколобый фанатик, как многие говорят, на самом деле он безжалостный лидер с опасно четким планом, опасно большим обаянием и опасно огромным влиянием среди шиитов – поэтому теперь пришло ему время воссоединиться с его Богом, которого никогда не было.

Ракоци вдруг рассмеялся.

– Что это ты? – спросил Фармад.

– Я просто подумал, что скажут Хомейни и все муллы, когда обнаружат, что Бога нет и никогда не было, что нет ни рая, ни ада, ни девственных гурий, что все это – миф.

Другие рассмеялись вместе с ним. Не засмеялся только один человек. Ибрагим Кияби. В нем не осталось места смеху, в нем жило одно лишь желание мстить. Вернувшись к себе вчера днем, он застал весь дом в смятении, мать лежала в слезах, братья и сестры ходили с лицами, полными боли и горя. Только что пришло известие, что его отец-инженер был убит «стражами ислама» перед зданием управления «Иран Ойл» в Ахвазе, где он работал, и что тело его оставили кормить стервятников.

– За что?! – возопил он.

– За… за преступления против ислама, – сказал сквозь слезы его дядя, Девар Кияби, принесший горестную весть. – Это то, что они нам сказали, его убийцы. Они были из Абадана, фанатики, большей частью неграмотные, и они сказали нам, что он был американским наймитом, что год за годом он сотрудничал с врагами ислама, разрешая и помогая им красть нашу нефть, чт…

– Ложь, все ложь, – закричал на него Ибрагим. – Отец был против шаха, он был патриотом – правоверным! Кто были эти собаки? Кто? Я сожгу их вместе с их отцами. Как их имена?

– Это была воля Аллаха, Ибрагим, что они сделали это. Иншаллах! О, мой бедный брат. Божья воля…

– Нет никакого Бога!

Все пораженно уставились на него. Впервые Ибрагим облек в слова мысль, которая росла в нем долгие годы, подпитываемая друзьями-студентами, возвращавшимися из-за границы, друзьями в университете, некоторыми учителями, которые никогда не говорили об этом вслух, лишь поощряли его ставить под сомнение все и вся.

– Иншаллах – это для дураков, – сказал он тогда, – проклятое суеверие, за которое прячутся идиоты.

– Ты не должен говорить так, сын мой! – воскликнула мать в испуге. – Ступай в мечеть, моли Бога о прощении. То, что твой отец мертв, – лишь воля Божья, ничего больше. Ступай в мечеть.

– Хорошо, я пойду туда, – ответил он, но в сердце своем Ибрагим знал, что жизнь его изменилась навсегда: никакой Бог не допустил бы того, что произошло. – Кто были эти люди, дядя? Опишите мне их.

– Самые обыкновенные, простые люди, Ибрагим, как я тебе уже рассказывал, моложе тебя, большинство из них – ни вожака, ни муллы с ними не было, хотя был один, который прилетел в вертолете иностранцев из Бендер-Делама. Но мой бедный брат умер, проклиная Хомейни. Если бы он только не вернулся туда с вертолетами чужеземцев, если бы только… хотя, Иншаллах, они все равно поджидали его.

– В вертолете был мулла?

– Да-да, мулла.

– Ты пойдешь в мечеть, Ибрагим? – снова спросила его мать.

– Да, – ответил он, солгав ей впервые в жизни.

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы отыскать университетских лидеров Туде и Дмитрия Язернова, принести клятву верности, получить автомат и, главное, попросить их выяснить имя муллы, прилетевшего на вертолете из Бендер-Делама. И вот теперь он стоял здесь и ждал, ждал отмщения, душа его кричала на весь мир, протестуя против чудовищного злодеяния, совершенного над его отцом во имя ложного Бога.

– Дмитрий, давай начнем! – проговорил он; крики толпы подстегивали клокотавшую в нем ярость.

– Мы должны подождать, Ибрагим, – мягко ответил Ракоци, очень довольный, что этот юноша присоединился к ним. – Не забывай, толпа – это средство для достижения некой цели. Помни о нашем плане! – Когда он час назад посвятил их в этот план, они были потрясены.

– Нападение на американское посольство?

– Да, – спокойно подтвердил он, – быстрый налет, туда и обратно, завтра или на следующий день. Сегодня вечером митинг превратится в толпу. До посольства отсюда чуть больше двух километров. Будет нетрудно направить разъяренную толпу в этом направлении в качестве эксперимента. Какое более подходящее прикрытие для нападения, чем беснующаяся толпа, мы могли бы найти? Мы дадим нашим врагам моджахедин и федаин напасть на исламистов и поубивать друг друга, а сами тем временем возьмем инициативу в свои руки. Сегодня мы посеем новые зерна. Завтра или на следующий день мы совершим налет на американское посольство.

– Но это невозможно, Дмитрий, невозможно!

– Наоборот, легко. Просто налет, не попытка захвата, это будет позже. Нападение окажется неожиданным, его нетрудно будет осуществить. Можно легко захватить посольство на час, продержать посла и всех остальных заложниками с час или около того, пока вы там все выпотрошите. У американцев нет воли к сопротивлению. Это ключ к ним! Вот планы зданий, здесь же указано количество морских пехотинцев, и я буду с вами, буду вам помогать. Удар, который вы нанесете, будет невероятно мощным – первые полосы всех газет мира, Базарган и Хомейни окажутся в дерьме по самые уши, американцы – еще глубже. Не забывайте, кто наш настоящий враг и что теперь вам необходимо действовать быстро, дабы перехватить инициативу у Хомейни…

Убедить их не составило труда. Будет легко организовать этот отвлекающий маневр, подумал он. И будет легко проникнуть прямо в офис ЦРУ в подвале и в комнату радиосвязи, взорвать сейф, забрать оттуда все документы и шифровальные книги, потом подняться по лестнице на площадку второго этажа, повернуть налево, войти в третью комнату слева, спальню посла, найти сейф за картиной, висящей над кроватью, взорвать его и выпотрошить тем же образом. Внезапно, быстро и безжалостно – если возникнет сопротивление.

– Дмитрий! Смотри!

Ракоци круто обернулся. По улице к ним приближались сотни молодых людей, впереди – «зеленые повязки» и муллы. Ракоци тут же проревел:

– Смерть Хомейни! – и выпустил очередь в воздух.

Внезапность выстрелов привела всех в неистовство, раздались крики, крики в ответ на эти крики, одновременно в разных местах площади раздались новые выстрелы, и все бросились врассыпную, сбивая с ног и давя друг друга, раздались первые вопли.

Ракоци увидел, как Ибрагим прицелился в приближавшихся «зеленых повязок» и, прежде чем он успел его остановить, нажал на курок. Несколько человек в переднем ряду упали, раздался вой ярости, и в их сторону затрещали винтовки и автоматы. Ракоци, чертыхнувшись, бросился на асфальт. Лавина пуль миновала его, ударила в Фармада и остальных рядом с ним, но не задела ни Ибрагима, ни трех остальных студенческих вожаков Туде. Он заорал на них, и они распластались рядом с ним, а охваченные паникой студенты открыли ответный огонь из карабинов и пистолетов.

Многие были ранены, прежде чем высокий моджахед, которого Ракоци приговорил к смерти, не собрал вокруг себя своих людей и не повел их на исламистов, заставив их отступить. Тут же к нему на помощь поспешили другие, отступление сменилось паническим бегством, по рядам студентов прокатился торжествующий рев, и митинг превратился в толпу.

Ракоци схватил за плечо Ибрагима, готового бездумно броситься в атаку.

– За мной! – приказал он, подтолкнув Ибрагима и остальных дальше под стену здания, потом, убедившись, что они идут за ним следом, со всех ног, так, что заболело в груди, пустился наутек.

На пересечении тропинок в заснеженном парке он на мгновение остановился, чтобы перевести дух. Ветер был ледяным, ночь уже накрыла их.

– А Фармад? – задыхаясь, спросил Ибрагим. – Его ранили!

– Нет, – ответил Ракоци, – он уже умирал. Пошли!

Он снова повел бегущих через парк, безошибочно выбирая дорогу, вдоль по улице рядом с факультетом естественных наук, через стоянку для машин на следующую улицу. Он не останавливался до тех пор, пока крики и выстрелы не стали звучать ощутимо глуше. В боку у него словно торчал нож, и дыхание было судорожным, раздирало грудь и горло. Когда Ракоци смог говорить, он сказал:

– Ни о чем не беспокойтесь. Возвращайтесь к себе домой или в общежитие. Подготовьте всех к налету, завтра или на следующий день.

Комитет отдаст приказ, когда выступать. – Он повернулся и заторопился в сгущающуюся темноту.

Квартира Локарта. 19.30. Шахразада лежала в пенной ванне, опершись головой на непромокаемую подушку; ее глаза были закрыты, волосы спрятаны под завязанным узлом полотенцем.

– О Азадэ, дорогая, – сонным голосом проговорила она; лоб ее покрывали бисеринки пота. – Я так счастлива.

Азадэ тоже лежала в ванне, головой на другом ее краю, наслаждаясь теплом, интимным покоем, сладко пахнущей водой, роскошью и негой; ее длинные черные волосы тоже были замотаны в белоснежное полотенце. Ванна была большой и глубокой, обе женщины помещались в ней с комфортом. Но под глазами у нее еще лежали темные круги, и она еще не вполне оправилась от ужаса, пережитого сначала у заставы на дороге, а потом в вертолете. По ту сторону зашторенных окон опустилась ночь. Где-то вдалеке раздавались выстрелы. Ни одна из женщин не обращала ни них никакого внимания.

– Как бы я хотела, чтобы Эрикки уже вернулся, – сказала Азадэ.

– Он не задержится надолго, времени еще много, дорогая. Ужин подадут не раньше девяти, так что у нас почти два часа, чтобы приготовиться. – Шахразада открыла глаза и положила руку на тонкое бедро Азадэ, наслаждаясь нежностью ее кожи. – Не тревожься, дорогая Азадэ, он скоро вернется, твой рыжеволосый исполин! И не забудь, что я сегодня ночую у родителей, поэтому вы оба можете носиться тут голышом всю ночь напролет! Наслаждайся нашей ванной, веселись и радуйся, а когда он вернется, упади без памяти в его объятия. – Они вместе рассмеялись. – Теперь все чудесно, ты в безопасности, мы все в безопасности, Иран в безопасности. С помощью Аллаха имам победил, и Иран снова спокоен и свободен.

– Как бы мне хотелось в это верить, как бы я хотела верить в это так же, как ты, – ответила Азадэ. – Я не могу даже объяснить, какими ужасными были те люди у дороги. Их ненависть душила меня, словно удавка. Почему они нас так ненавидят? Ненавидят меня и Эрикки? Что мы им сделали? Ничего совершенно, а они нас все равно ненавидят.

– Не думай о них, дорогая моя. – Шахразада подавила зевок. – Левые все сумасшедшие, заявляют, что они мусульмане и в то же

время марксисты. Они безбожники и потому прокляты. Люди в деревнях? Они необразованны, как тебе хорошо известно, и большинство из них – люди простые, недалекие. Не волнуйся, все это в прошлом, теперь все будет только лучше и лучше, вот увидишь.

– Надеюсь, о, как я надеюсь, что ты права. Я не хочу, чтобы было лучше, пусть все просто будет как было, обычным, как было всегда, снова нормальным.

– О, так оно и будет. – Шахразада испытывала огромное умиротворение, вода была такой шелковистой и такой теплой и похожей на лоно матери. Ах, подумала она, еще только три дня до полной уверенности, а потом Томми скажет отцу, что, о да, конечно, он хочет, чтобы у него были сыновья и дочери, а потом, на следующий день, великий день, я буду знать наверняка, хотя я и сейчас уверена. Разве мои месячные не наступали всегда так регулярно? Тогда я смогу преподнести Томми свой Божий дар, и он будет так горд. – Имам исполняет труд Божий. Как же в таком случае все может быть иначе, чем хорошо?

– Не знаю, Шахразада, но во всей нашей истории муллы никогда не заслуживали доверия, просто сидели, как пиявки, на спине у крестьян.

– Ах, но теперь все по-другому, – сказала ей Шахразада, совсем не желая обсуждать такие серьезные вопросы. – Теперь у нас есть настоящий лидер. Сейчас он впервые контролирует Иран. Разве он не самый набожный из людей, наиболее сведущий в исламе и в законе? Разве он не исполняет Божий труд? Разве он не достиг невозможного, выбросив из страны шаха и то отвратительное растление, которое тот нес с собой, а потом помешал генералам совершить военный переворот вместе с американцами? Отец говорит, что мы теперь в большей безопасности, чем когда-либо.

– Так ли это? – Азадэ вспомнила Ракоци в вертолете и то, что он говорил о Хомейни и обращении истории вспять, и она поняла, что он говорил правду, в его словах было много правды, и она набросилась на него, чтобы выцарапать ему глаза, ненавидя его, желая его смерти, потому что он, разумеется, был одним из тех, кто сумеет использовать простодушных мулл, чтобы закабалить всех остальных людей. – Ты хочешь жить по исламским законам времен Пророка, законам почти полуторатысячелетней давности, ходить в чадре, потерять наше с

таким трудом завоеванное право голоса, право работать, быть равными?

– Я не хочу голосовать, работать или быть равной. Как может женщина быть равной с мужчиной? Я просто хочу быть хорошей женой моему Томми, и в Иране на улице я предпочту носить чадру. – Шахразада аккуратно прикрыла рукой еще один зевок, убаюканная теплотой. – Иншаллах, Азадэ, дорогая. Конечно же, все станет как раньше, только отец говорит, что все будет еще чудеснее, потому что теперь мы сами принадлежим себе, владеем нашей землей, нашей нефтью и всем, что есть в нашей стране. Не будет никаких противных иностранных генералов или политиков, которые станут нас унижать, и теперь, когда злого шаха больше нет, мы будем жить счастливо до скончания дней, ты – с Эрикки, я – с Томми, и у нас будет много-много детей. Как же все может быть иначе? Бог – с имамом, а имам – с нами! Нам так повезло. – Она улыбнулась и нежно обхватила рукой ноги своей подруги. – Я так рада, что ты живешь у меня, Азадэ. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как ты была в Тегеране.

– Да.

Они были подругами много лет. Сначала в Швейцарии, где познакомились в школе, высоко в горах, хотя Шахразада пробыла там всего полгода, не в силах побороть безмерную тоску по семье и по Ирану. Потом в Тегеранском университете. А в последнее время, чуть больше года, выйдя замуж за иностранцев, работавших в одной компании, они еще больше сблизились, стали ближе, чем сестры, помогая друг другу приспособиться к непостижимым чужеземным обычаям и нравам.

– Иногда я совершенно не понимаю моего Томми, Азадэ, – говорила Шахразада со слезами на глазах в первые дни замужества. – Он любит быть один, я имею в виду, совсем один, только он и я, дом стоит пустой, даже ни одного слуги нет. Он даже сказал мне, что любит побыть в полном одиночестве, просто почитать, без семьи вокруг, без детей, без бесед и разговоров, без друзей. О, иногда это просто ужасно.

– Эрикки точно такой же, – призналась ей Азадэ. – Иностранцы не такие, как мы. Они очень странные. Я хочу проводить целые дни напролет с подругами, детьми, родственниками, а Эрикки нет. Хорошо, что Эрикки и Томми работают днем. Тебе еще больше повезло, Томми

иногда уезжает сразу на две недели подряд, и ты можешь пожить нормально. И еще одно, знаешь, Шахразада, у меня целые месяцы ушли на то, чтобы привыкнуть спать в кровати и…

– А я так и не привыкла! О, так высоко над полом, так легко свалиться, а на его стороне всегда такая яма, отчего спать всегда неудобно, и ты все время просыпаешься среди ночи с ломотой в спине. Кровати эти просто ужас в сравнении с мягкими одеялами, брошенными на прекрасные ковры на полу, – куда как удобней и цивилизованней.

– Да. Но Эрикки не стал спать на одеялах и коврах, он настаивает на том, чтобы мы спали в кровати. Он просто отказывается попробовать снова… иногда это такое облегчение, когда он уезжает.

– О, а мы теперь спим как положено, Азадэ. Я положила конец этой чепухе с западными кроватями после первого же месяца.

– Как же это тебе удалось?

– О, я вздыхала всю ночь напролет и не давала моему любимому спать, потом днем высыпалась хорошенько, а ночью опять была готова вздыхать без остановки. – Шахразада восторженно расхохоталась. – Семь таких ночей, и мой любимый уже на ногах не стоял, а следующие три ночи спал как младенец правильным образом, на полу, и теперь всегда спит как подобает цивилизованному человеку. Теперь он спит на полу даже в Загросе! Почему бы тебе не попробовать сделать так же? Я гарантирую, что у тебя все получится, дорогая, особенно если ты еще самую чуточку пожалуешься, что от кровати у тебя спина ноет, и ты, конечно же, обожаешь заниматься любовью, но пусть он будет немножко осторожнее.

Азадэ рассмеялась.

– Мой Эрикки похитрее твоего Томми. Когда Эрикки попробовал спать на одеялах на нашем ковре, это он всю ночь вздыхал, и ворочался, и не давал мне спать. После трех таких ночей я так измучилась, что кровать мне вполне понравилась. Когда я навещаю семью, я сплю цивилизованным образом, хотя когда Эрикки тоже во дворце, мы пользуемся кроватью. Знаешь, дорогая, есть еще одна проблема: я люблю моего Эрикки, но иногда он настолько груб, что я готова умереть. Повторяет без конца только «да» или «нет», когда я у него что-нибудь спрашиваю – как можно вести беседу, когда слышишь в ответ просто «да» или «нет»?

Сейчас она улыбнулась этим воспоминаниям. Да, жить с ним очень трудно, но жизнь без него немыслима – вся его любовь, и добродушие, и огромный рост, и сила, и он всегда делает то, что я хочу, но только соглашается чуть-чуть слишком быстро, поэтому у меня мало возможностей оттачивать свои уловки и маленькие хитрости.

– Нам обеим очень повезло, Шахразада, правда?

– О да, дорогая. А ты не можешь остаться на неделю или две? Даже если Эрикки придется вернуться, может быть, ты останешься, ну пожалуйста?

– Мне бы очень хотелось. Когда Эрикки вернется… может быть, я спрошу у него.

Шахразада шевельнулась в ванне, подогнала пену себе на грудь, сдула ее с рук.

– Мак сказал, они приедут из аэропорта прямо сюда, если задержатся. Дженни приедет прямо из их квартиры, но не раньше девяти. Я еще попросила Паулу присоединиться к нам, эту итальянскую девушку, но не ради Ноггера, а ради Чарли. – Она хохотнула. – Чарли буквально теряет сознание, едва она взглянет в его сторону!

– Чарли Петтикин? О, но это же чудесно. О, это очень хорошо. Тогда мы должны помочь ему. Мы стольким ему обязаны! Давай поможем ему поймать в силок эту соблазнительную итальянку!

– Чудесно! Давай составим план, как отдать ему Паулу.

– Как любовницу или как жену?

– Как любовницу. Та-ак… дай-ка подумать! Сколько ему лет? Ей должно быть не меньше двадцати семи. Как ты думаешь, из нее выйдет хорошая жена для него? Ему следует обзавестись женой. Все эти девушки, которых Томми и я ему потихоньку показывали, – он только улыбается и пожимает плечами. Я даже привела свою троюродную сестру, которой пятнадцать лет, думая, что это станет для него искушением, но – ничего. О, прекрасно, теперь нам есть чем заняться. Времени у нас полно, чтобы составить план, одеться и приготовиться, и у меня для тебя есть несколько очень милых платьев, из которых ты сможешь выбрать.

– Это такое странное чувство, Шахразада, ничего не иметь, ничего совершенно. Ни денег, ни документов… – На мгновение Азадэ опять перенеслась мыслями в «рейнжровер» у дорожной заставы, и перед

ней возник толсторожий моджахед, укравший их документы, его автомат строчил, а Эрикки впечатал его в другую машину, раздавив, как таракана, и изо рта у него потекла кровь и всякая мерзость. – Ничего не иметь, – произнесла она, с усилием прогоняя кошмар, – даже губной помады.

– Не беда, у меня всего полно. И Томми будет так рад, что вы с Эрикки остановились у нас. Он тоже не любит, когда я остаюсь одна. Бедная моя голубка, не тревожься. Теперь тебе ничего не грозит.

Я совсем не чувствую себя в безопасности, сказала себе Азадэ, ненавидя этот страх, который был столь чужд всему ее воспитанию, который даже теперь, в ванне, словно забирал у воды тепло. Я не чувствовала себя в безопасности с того самого момента, когда мы оставили Ракоци на земле, да и тогда это чувство продлилось всего мгновение, безумный восторг от того, что мы избавились от этого дьявола, и я, Эрикки и Чарли были целы и невредимы. Даже радость, которую я испытала, когда мы нашли на маленьком аэродроме машину с бензином в баке, не прогнала мой страх. Как же я ненавижу бояться.

Она чуть ниже погрузилась в ванну, потом вытянула руку и включила горячую воду, перемешивая под водой горячие струи.

– Это так приятно, – промурлыкала Шахразада; пена лежала сверху толстым слоем, движение воды под ней было чувственным. – Я так рада, что ты захотела остаться.

Вчера вечером, когда Азадэ, Эрикки и Чарли добрались до квартиры Мак-Айвера, было уже совсем темно. Они обнаружили там Гаваллана, так что места для них не было. Азадэ была слишком напугана и не хотела ехать в квартиру своего отца даже с Эрикки, поэтому она спросила у Шахразады, не могут ли они остановиться у нее, пока Локарт не вернется. Шахразада тут же с восторгом согласилась их принять, радуясь неожиданной компании. Все начало складываться прекрасно, и тут, во время ужина, где-то совсем рядом раздалась стрельба, и Азадэ зримо вздрогнула всем телом.

– Не стоит так тревожиться, Азадэ, – постарался успокоить ее Мак-Айвер. – Это всего лишь какие-нибудь горячие головы, которые выпускают пар. Наверное, празднуют что-нибудь. Разве вы не слышали, что Хомейни приказал всем сложить оружие?

Все дружно согласились с ним, а Шахразада добавила:

– Имаму подчинятся, – постоянно называя Хомейни «имамом», едва не отождествляя его с двенадцатью имамами шиизма – прямыми потомками Пророка Мухаммада, почти божествами – что, конечно же, являлось святотатством: – Ведь то, чего достиг имам, это почти чудо, не правда ли? – произнесла Шахразада со своей очаровательной невинностью. – Конечно же, наша свобода – дар Божий?

Потом столько тепла и уюта в постели с Эрикки, только он был таким отстраненным и задумчивым, совсем не тем Эрикки, которого она знала.

– Что случилось? Что-то не так?

– Ничего, Азадэ, ничего. Завтра я составлю план. Сегодня не было времени поговорить с Маком или Гавалланом. Завтра мы все спланируем, а сейчас спи, моя любовь.

Дважды ночью она просыпалась от кошмаров, дрожащая и испуганная, криком призывая к себе Эрикки.

– Все хорошо, Азадэ, я здесь. Это был просто сон, тебе теперь ничего не грозит, все хорошо.

– Нет, нет, грозит. Я все время чего-то боюсь, Эрикки. Что со мной происходит? Давай вернемся в Тебриз или совсем уедем отсюда, уедем от этих ужасных людей.

Утром Эрикки оставил ее, чтобы встретиться с Мак-Айвером и Гавалланом, а она поспала еще немного, но сил ей этот сон не прибавил. Остальная часть утра была заполнена видениями, рассказами Шахразады о ее походах в Гелег-Морги или выслушиванием ежечасного урожая слухов от ее слуг: еще многих генералов расстреляли, много новых арестовали, толпы людей штурмуют тюрьмы и выпускают заключенных на свободу, где-то сожгли или обстреляли западный отель. Слухи о том, что Базарган полностью взял бразды правления в свои руки; об открытом восстании моджахедин на юге; курды взбунтовались на севере; Восточный Азербайджан объявил о своей независимости; кочевые племена кашкайцев и бахтиаров сбросили иго Тегерана; все складывают оружие; никто не складывает оружие. Слухи о том, что премьер-министра Бахтияра поймали и расстреляли, что ему удалось бежать в горы, или к туркам, или в Америку; президент Картер готовит вторжение; президент Картер признает правительство Хомейни; советские войска группируются на границе, готовясь вторгнуться в

Иран; Брежнев приезжает в Тегеран, чтобы поздравить Хомейни с победой; шах высадился в Курдистане при поддержке американских войск, шах умер в изгнании.

Потом обед с родителями Шахразады в доме Бакравана рядом с базаром, но только после того, как Шахразада настояла, чтобы Азадэ надела чадру, которую Азадэ терпеть не могла, как и все, что чадра олицетворяла. В огромном семейном доме – новые слухи, но там атмосфера была вполне благополучной: никакого страха и полная уверенность в добром исходе. Изобилие всего, как всегда, точно так же, как и в ее собственном доме в Тебризе; слуги улыбаются, ощущение полной безопасности и хвала Творцу за победу, как сказал им Джаред Бакраван, а теперь, когда базары скоро откроются, и все западные банки позакрывали, дела пойдут просто чудесно, как шли раньше, пока шах не ввел свои безбожные законы.

После обеда они вернулись в квартиру Шахразады. Пешком. Закутавшись в чадру. Никаких проблем, и все мужчины относились к ним с почтением. Базар был переполнен людьми, в лавках на продажу было выставлено ничтожно мало, хотя каждый торговец предсказывал изобилие, которое придет, приедет, прилетит в самом скором времени: все порты забиты сотнями кораблей, ломящихся от товаров. На улицах тысячи людей бродили туда-сюда, имя Хомейни на устах у всех, крики «Аллаху акбаррр», почти все мужчины и юноши вооружены – ни одного старика с оружием. В некоторых местах «зеленые повязки» вместо полиции время от времени бестолково пытались регулировать уличное движение или просто стояли тут и там с вызывающим видом. В других местах обычным порядком действовала полиция. Два танка, управляемых солдатами, прогрохотали мимо; на броне – туча «стражей» и просто гражданских лиц, махавших руками прохожим, которые приветствовали их громкими криками.

Но и в этом случае в каждом человеке под личиной ликования угадывалась напряженность, особенно в женщинах, закутанных в непроницаемый для глаз саван чадры. Один раз, повернув за угол, они увидели впереди группу молодых иранцев, окруживших темноволосую женщину, одетую на западный манер; они издевались над ней, толкали ее, осыпали оскорблениями, делали непристойные жесты, несколько юнцов достали из штанов пенисы и махали ими перед ней. Женщине было лет тридцать пять: аккуратно одетая,

короткое пальто поверх юбки, длинные ноги, длинные волосы под маленькой шляпкой. Какой-то мужчина протолкался к ней через толпу. Он тут же начал кричать, что они англичане и чтобы их оставили в покое, но молодежь не обратила на него никакого внимания, толкая его со всех сторон и сосредоточив внимание на женщине. Она была вне себя от ужаса.

Быстро растущая толпа не давала Шахразаде и Азадэ обойти эту сцену стороной, поэтому они были вынуждены стоять и смотреть. Потом появился мулла, который приказал толпе разойтись и принялся гневно выговаривать обоим иностранцам, что они обязаны почитать исламские обычаи. К тому времени, когда Шахразада и Азадэ добрались домой, обе устали и чувствовали себя так, словно их вываляли в грязи. Они сняли одежду и повалились на постель из мягких одеял.

– Я рада, что вышла сегодня на улицу, – устало произнесла Азадэ, глубоко озабоченная. – Но нам, женщинам, нужно организовать протесты, пока еще не поздно. Нужно устроить демонстрацию, пройти по улицам без чадры и с открытыми лицами, чтобы муллы раз и навсегда поняли: мы не имущество, у нас есть права, и ношение чадры – наше личное дело, наше решение, а не их.

– Да, давай! В конце концов, мы тоже помогали добиваться победы! – Шахразада коротко зевнула, полусонная. – О, я так устала.

Короткий сон оказался очень кстати.

Азадэ лениво смотрела, как лопаются пузырьки пены, вода в ванне теперь была горячее, поднимавшийся от нее сладковатый запах доставлял огромное удовольствие. Потом она не секунду села, зачерпнула пены и разгладила ее по груди и плечам.

– Интересно, Шахразада, но сегодня я была рада, что вышла на улицу в чадре. Эти мужчины такие ужасные.

– Мужчины на улице всегда ужасные, милая Азадэ. – Шахразада открыла глаза и смотрела на нее, на ее блестящую золотистую кожу, торчащие соски. – Ты так прекрасна, Азадэ, дорогая.

– А, спасибо, но из нас двоих прекрасная – ты. – Азадэ положила руку на живот подруги и похлопала по нему. – Маленькая мамочка, а?

– О, я так на это надеюсь, – вздохнула Шахразада, закрыла глаза и снова отдалась блаженному теплу. – Я едва могу представить себя

матерью. Еще три дня, и тогда я буду знать наверняка. А когда у тебя с Эрикки будут дети?

– Через год-два. – Голос Азадэ звучал спокойно: эту ложь она произносила уже много раз. Но глубоко в ней жил неизбывный страх, что она бесплодна, потому что она не пользовалась противозачаточными средствами со дня свадьбы и всем сердцем желала понести от Эрикки с самого начала. Всегда один и тот же кошмар поднимался в ней: что сделанный аборт навсегда украл у нее шанс иметь детей, как бы доктор-немец ни пытался ее успокоить и заверить в обратном. Как я могла быть такой глупой?

Легко. Я была влюблена. Мне было семнадцать, и я была влюблена, о, как глубоко я любила. Не так, как Эрикки, за которого я с радостью отдам жизнь. С Эрикки все по-настоящему, все навсегда, наполнено добротой, страстью и покоем. С моим ясноглазым Джонни все было как во сне.

Ах, Джонни, интересно, где ты сейчас, что поделываешь, такой высокий, красивый, голубоглазый и, о, такой англичанин. Кого ты выберешь в жены? Сколько сердец ты разобьешь так же, как разбил мое, мой дорогой?

В то лето он учился в школе в Ружмон, деревне по соседству с той, где она оканчивала свое обучение. Он приехал якобы за тем, чтобы освоить французский. Это случилось после того, как уехала Шахразада. Она встретила его в «Сонненхофе», загорающего на солнышке, любующегося красотой Гштаада, лежавшего в своей чаше гор. Ему тогда было девятнадцать, ей три дня назад исполнилось семнадцать, и все то лето они провели, бродя по горной Швейцарии – такой прекрасной! – по ее горам и лесам, купаясь в речушках, играя, занимаясь любовью, с каждым разом все смелее, забираясь выше облаков.

Ох уже эти облака, думать о них не хочется, сонно сказала она себе, моя голова проплавала в облаках все то лето: она знала правду о мужчинах, о жизни, и одновременно не знала ее. Потом осенью он сказал: «Извини, мне пора уезжать, возвращаться в университет, но я вернусь к Рождеству». Он не вернулся. А потом, задолго до Рождества, она узнала. Столько боли и ужаса там, где должно было быть одно лишь счастье. Холод страха, что узнают в школе, потому что тогда обо всем расскажут ее родителям. Аборты без согласия родителей были в

Швейцарии запрещены законом, поэтому ей пришлось пробраться в Германию, где можно было договориться об операции. Каким-то образом ей удалось разыскать добросердечного врача, который уверял и успокаивал ее как мог. Было не больно, все обошлось без проблем совершенно – лишь небольшие сложности с тем, где раздобыть деньги. И она все еще любила Джонни. Потом, на следующий год, она окончила школу, все оставалось в секрете, она вернулась домой в Тебриз. Мачеха каким-то образом прознала – я уверена, это Наджуд, моя сводная сестра, меня выдала, разве не она одолжила мне деньги на операцию? Потом узнал отец.

Целый год ее продержали, как мотылька, приколотого булавкой. Потом прощение, примирение – некая форма примирения. Она начала учиться в Тегеранском университете. «Я согласен, при условии, что ты поклянешься Аллахом: никаких любовных историй, полное повиновение, и ты выйдешь замуж только за того, кого я сам выберу», – сказал ей тогда хан.

Лучшая студентка в группе. Потом она умоляла, упрашивала позволить ей вступить в Учительский корпус – все что угодно, лишь бы вырваться из дворца. «Я согласен, но только на нашей земле. Деревень, где ты сможешь работать, у нас больше, чем достаточно», – сказал он.

Многие мужчины в Тебризе добивались ее руки, но ее отец всем отказывал, стыдясь за нее. Потом появился Эрикки.

– А когда этот чужеземец, этот… этот без гроша за душой, грубый, невоспитанный, поклоняющийся духам монстр, который не знает ни слова на фарси или турецком, который не имеет никакого понятия о наших обычаях, нашей истории, о том, как вести себя в цивилизованном обществе, чей единственный талант заключается в том, что он может выпить невообразимое количество водки и летать на вертолете… когда он узнает, что ты не девственна, что ты грязная, порченная и, может быть, навсегда изувеченная внутри?

– Я уже сказала ему, отец, – произнесла она сквозь слезы. – И еще что я не могу выйти замуж без твоего согласия.

Потом, словно чудо, случилось нападение на дворец, и отец едва не погиб, а Эрикки оказался словно воин-мститель из древних сказок. Разрешение на брак – еще одно чудо. Эрикки отнесся ко всему с пониманием – опять чудо. Но детей пока нет. Старый доктор Натт

говорит, что я в полном порядке и все у меня нормально, нужно лишь запастись терпением. С Божьей помощью, скоро у меня будет сын, и на этот раз будет одно лишь счастье, как у Шахразады, такой прекрасной, с дивным лицом, и грудью, и боками, с шелковыми волосами и шелковой кожей.

Она ощутила гладкую кожу подруги под рукой, и это доставило ей огромное удовольствие. Азадэ рассеянно начала поглаживать ее, отдаваясь волнам тепла и нежности. Это благословение, что мы женщины, подумала она, что мы можем купаться вместе, спать вместе, целовать, трогать и любить без чувства вины.

– Ах, Шахразада, – пробормотала она, уступая, – как мне нравятся твои прикосновения.

В старом городе. 19.52. Человек торопливо пересек покрытую снегом площадь рядом с древней мечетью и вошел через главные ворота в крытый базар, ступив из ледяного холода в теплую, заполненную людьми, знакомую полутьму. Ему было за пятьдесят, дородный мужчина, запыхавшийся от спешки, со съехавшей набок каракулевой шапкой, в дорогой одежде. Тяжело нагруженный осел преградил ему дорогу в узком проулке, он выругался и отступил к стене, давая животному и его хозяину протиснуться мимо, потом заторопился дальше, свернул в проход и вышел на улицу торговцев одеждой.

Не спеши, повторял он себе снова и снова; в груди кололо, ноги болели. Теперь ты в безопасности, не беги так. Но ужас застилал разум, и, не преодолев паники, он заспешил дальше и исчез в огромном лабиринте базара. Следом за ним, отстав на несколько минут, двигалась группа вооруженных «зеленых повязок». Они не спешили.

Впереди узкая улочка торговцев рисом была запружена более плотной, чем обычно, толпой, стремившейся приобрести те небольшие количества крупы, которые еще продавались. Он на мгновение остановился, вытер лоб и двинулся дальше. Базар, словно пчелиные соты, был наполнен жизнью: сотни немощеных улочек, переулков и проходов, уставленных по обе стороны тускло освещенными магазинчиками – иной раз двухэтажными, – лавками, киосками, некоторые из них не больше, чем ниши, выдолбленные в стене. В них

продавались товары и услуги самые разнообразные, от продуктов питания до заграничных часов, от свежего мяса до золотых и серебряных слитков, от денег в долг до оружия – каждая лавка поджидала клиентов, хотя торговать было почти нечем, да и других дел особо не находилось. В высоком сводчатом потолке, вознесшемся поверх всего этого шума, грохота, увлеченно торгующихся голосов, были устроены слуховые окна, через которые вниз попадал свежий воздух, а в дневное время солнечный свет. Воздух был тяжелым от особых запахов базара: запахи дыма, прогорклого кулинарного жира, гниющих фруктов и жареного мяса, еды, пряностей, мочи, фекалий, пыли, бензина, меда, фиников, навоза смешивались с запахом тел и пота огромного количества людей, которые рождались, жили и умирали здесь.

Улочки были забиты людьми всех возрастов и типов – тегеранцы, турки, курды, кашкайцы, армяне и арабы, ливанцы и левантинцы, – но спешивший человек не обращал никакого внимания ни на них, ни на постоянные уговоры остановиться и купить что-нибудь, он просто проталкивался и протискивался сквозь толпу, быстро пересек свою собственную улицу ювелиров, еще больше углубляясь в лабиринт базара; волосы под каракулевой шапкой слиплись от пота, лицо раскраснелось. Два лавочника, заметившие его, рассмеялись, и один сказал другому:

– Клянусь Аллахом, никогда раньше не видел, чтобы старик Пакнури ковылял куда-то с такой скоростью. Наверное, старый пес торопится взыскать должок риалов в десять, не меньше.

– Скорее, скрягу Пакнури поджидает сочный деревенский мальчик, чей зад подмигивает ему с ковра!

Их веселье быстро замерло, когда мимо прошагали «зеленые повязки». Когда «стражи революции» благополучно скрылись из виду, кто-то пробормотал:

– Чего это здесь понадобилось этим щенкам, не знающим своей матери?

– Ищут кого-то. Должно быть так. Пусть их отцы сгинут в пламени! Ты слышал, они весь день людей хватают?

– Хватают людей? А что они с ними делают?

– Бросают в тюрьму. Они теперь захватили все тюрьмы. Разве ты не слышал? Они взломали ворота тюрьмы «Эвин», выпустили всех на

свободу, тюремщиков рассажали по камерам, и теперь сами этой тюрьмой управляют. Завели свои собственные расстрельные команды и суды, как я слышал, и уже расстреляли многих генералов и полицейских. А тут сегодня еще и беспорядки начались, прямо сейчас, возле университета.

– Да охранит нас Аллах! Мой сын Фармад пошел туда на митинг, дурень бестолковый! Говорил же я ему, чтобы сегодня он никуда не ходил.

Джаред Бакраван, отец Шахразады, находился на верхнем этаже, в недоступной для посетителей внутренней комнате над лавкой, выходившей фасадом на улицу заимодавцев. Эта лавка принадлежала его семье на протяжении пяти поколений и занимала на улице одно из лучших мест. Главным занятием Бакравана была банковская деятельность и финансирование. Он сидел на коврах с толстым ворсом и пил чай со своим старым другом Али Киа, который сумел устроить так, что его назначили чиновником в правительстве Базаргана. Старший сын Бакравана Мешанг сидел сразу за отцом, слушая и учась – чисто выбритый мужчина на середине четвертого десятка с красивым лицом, склонный к приятной полноте. Али Киа тоже был гладко выбрит, в очках; Бакраван был грузным, с седой бородой. Обоим перевалило за шестьдесят, оба знали друг друга большую часть своей жизни.

– А как эта ссуда будет возвращена, за какой период времени? – спрашивал Бакраван.

– Из поступлений от продажи нефти, как обычно, – терпеливо произнес Киа, – так же, как это сделал бы шах. Срок возврата – пять лет, при обычной ставке в один процент в месяц. Мой друг Мехди, Мехди Базарган, говорит, что Парламент гарантирует возврат ссуды сразу же, как только соберется. – Он улыбнулся и добавил, слегка преувеличив: – Поскольку я не просто вхожу в кабинет министров Мехди, но являюсь и членом его внутреннего кабинета, я могу лично проследить за законодательной стороной вопроса. Ты, разумеется, знаешь, как важна для нас эта ссуда и как она равно важна и для базара.

– Разумеется. – Бакраван подергал волоски на своей бороде, чтобы не расхохотаться ему в лицо. Бедный Али, подумал он, все такой

же помпезный и надутый! – Конечно, не по чину мне упоминать об этом, старый друг, но некоторые из базаари уже спрашивали меня насчет тех миллионов в золотых слитках, которые они уже авансировали в поддержку революции! Внесли в фонд для аятоллы Хомейни, да охранит его Аллах, – вежливо добавил он, думая про себя: пусть Аллах побыстрее уберет его от нас теперь, когда мы одержали победу, пока он и его алчные, зашоренные муллы-паразиты не наделали слишком большого вреда. Что до тебя, Али, мой старый друг, искажающий правду, преувеличивающий свое значение, ты можешь быть моим старейшим другом, но если ты думаешь, что мое доверие к тебе простирается дальше, чем лепешка навоза падает от верблюжьего зада… Как будто любой из нас мог бы довериться иранцу, если тот не является ближайшим родственником, да и в этом случае только с большой опаской.

– Конечно, я знаю, что аятолла никогда не видел, не нуждался и не прикасался ни к единому риалу, – сказал он, искренне веря в это, – но все равно, мы, базаари, предоставили огромные суммы наличными, золотом и иностранной валютой в его поддержку, финансируя его кампанию – разумеется, ко славе Аллаха и нашего любимого Ирана.

– Да, мы это знаем. И Аллах благословит вас за это. Как вас благословляет аятолла. Разумеется, эти ссуды будут выплачены сразу же, как только у нас будут деньги, в ту же секунду! Ссуды тегеранских базаари стоят первой строкой в списке выплат по всем внутренним долгам. Мы в правительстве понимаем, насколько важной была ваша помощь. Но, Джаред, ваше превосходительство, мой старый друг, прежде чем мы сможем что-то сделать, нам необходимо восстановить добычу нефти, а для этого нам необходимы некоторые средства. Те пять миллионов американских долларов, которые нам немедленно нужны, будут подобны зернышку риса в большой корзине теперь, когда на все зарубежные банки будет наброшена узда, все они будут поставлены под контроль, и большинство из них будет изгнано из страны. Пре…

– Ирану вообще не нужны никакие иностранные банки. Мы, базаари, могли бы сделать все, что нужно, если нас попросят. Все. Если мы хорошо поищем, ради славы Ирана, возможно, мы выясним, что у нас, в нашей среде, есть все необходимые умения и связи. – Бакраван с нарочитой элегантностью сделал глоток чая. – Мой сын

Мешанг имеет степень Гарвардской школы бизнеса. – Эта ложь не озаботила никого из них. – С помощью таких блестящих студентов, как он… – Бакраван замолчал, не договаривая свою мысль.

Али Киа тут же ее подхватил:

– Разумеется, ты и не помыслишь о том, чтобы одолжить его моему Министерству финансов и банковской деятельности? Вне всякого сомнения, его услуги слишком ценны для тебя и твоих коллег? Конечно, как может быть иначе!

– Да-да, это так. Но на первом месте должна стоять наша любимая страна, а не личные интересы… конечно, если правительство захочет воспользоваться его уникальными талантами.

– Я упомяну об этом Мехди завтра же утром. Да, на моей ежедневной утренней встрече с моим старым другом и коллегой, – пообещал Али Киа, отвлекшись на одно мгновение и гадая, когда ему дадут его давно уже просроченную аудиенцию у премьер-министра, первую с тех пор, как он был назначен заместителем министра финансов. – Могу я также сказать ему, что ты согласен предоставить ссуду?

– Я немедленно проконсультируюсь с коллегами. Решение, разумеется, будут принимать они, а не я, – добавил Бакраван с напускной грустью, которая никого не обманула. – Но я поддержу твою просьбу, мой старый друг.

– Благодарю тебя, – улыбнулся Али Киа. – Мы, в правительстве, и аятолла высоко оценим помощь базаари.

– Мы всегда готовы помочь. Как ты знаешь, мы всегда помогали, – мягко произнес седобородый базаари, памятуя об огромной финансовой поддержке, предоставлявшейся базаром на протяжении последних лет муллам и Хомейни – или любой достойной политической фигуре вроде Али Киа, который противостоял обоим шахам.

Да проклянет Аллах этих Пехлеви, подумал про себя Бакраван, они – источник всех наших бед. Пусть они будут прокляты за все проблемы, вызванные их настойчивым, слишком поспешным стремлением к модернизации, за их безумное решение пренебречь нашим советом и влиянием и пригласить в страну иностранцев – всего год назад сюда прибыли целых пятьдесят тысяч американцев, – позволить им прибрать к рукам лучшие рабочие места и весь

банковский бизнес. Шах высокомерно отверг нашу помощь, разрушил нашу монополию, взял нас за горло и вырвал наше историческое наследие у нас из рук. Везде, по всему Ирану.

Но мы отомстили. Мы поставили остатки нашего влияния и средств на неугасимую ненависть Хомейни, на ту власть, которую он обрел над немытой, безграмотной чернью. И мы победили. И теперь, когда нет ни иностранных банков, ни иностранцев, мы увеличим свое богатство и влияние как никогда раньше. Устроить эту ссуду будет нетрудно, но пусть Али Киа и его правительство немного попотеют. Мы единственные, кто может раздобыть такие деньги. Предложенное возмещение еще не достаточно, далеко не достаточно, чтобы компенсировать закрытие базара на все эти долгие месяцы. Так, а каким ему следует быть? – спросил он себя, удовлетворенный прошедшими переговорами. Возможно, процент следу…

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Эмир Пакнури.

– Джаред, меня собираются арестовать! – воскликнул он; слезы струились по его лицу.

– Кто? Кто собирается тебя арестовать и за что? – пролепетал Бакраван. Привычный покой его дома был в один миг нарушен, в дверях скопились испуганные помощники, клерки, мальчишка, подававший чай, управляющие.

– За… за преступления против ислама! – Пакнури открыто зарыдал.

– Это, должно быть, какая-то ошибка! Это невозможно!

– Да, это невозможно, но они… они пришли ко мне в дом, у них было мое имя… полчаса назад мы…

– Кто? Назови мне их имена, и я уничтожу их отцов! Кто пришел?

– Говорю же тебе! Стражи, «стражи революции», «зеленые повязки», да, они, конечно, – сказал Пакнури и торопливо продолжал, не замечая внезапно наступившего молчания. Али Киа побледнел, кто-то пробормотал: «Да охранит нас Аллах!» – Полчаса назад или около того, с моим именем на листе бумаги… мое имя, Эмир Пакнури, глава гильдии ювелиров, который дал миллионы риалов… пришли в мой дом, обвиняя меня, но слуги… и моя жена была там, а я… клянусь Аллахом и Пророком, Джаред, – вскричал он, падая на колени, – я не совершил никакого преступления… я старейшина базара, я дал миллионы и… – Внезапно он замолчал, увидев Али Киа. – Киа, Али

Киа, ваше превосходительство, вам же очень хорошо известно все, что я делал, чтобы помочь революции!

– Конечно. – Киа был белым как мел, сердце колотилось в груди. – Это какая-то ошибка. – Он знал Пакнури как очень влиятельного базаари. Уважаемого человека, первого мужа Шахразады и одного из своих долговременных спонсоров. – Это должна быть какая-то ошибка!

– Конечно, это ошибка! – Бакраван обнял беднягу за плечи и постарался успокоить. – Свежий чай, немедленно! – приказал он.

– Виски. Пожалуйста, у вас есть виски? – промямлил Пакнури. – Чай я выпью потом, есть у вас виски?

– Здесь нет, мой бедный друг, но, разумеется, есть водка.

Она появилась в то же мгновение. Пакнури выпил залпом, слегка закашлявшись. От второй отказался. Через минуту-другую он немного успокоился и принялся заново рассказывать о том, что произошло. Первое, что заставило его заподозрить, что что-то не так, это громкие голоса в передней его похожего на дворец дома, стоявшего возле самого базара.

– Начальник «стражей» – их было пять человек – размахивал этим своим листом бумаги и требовал, чтобы его пропустили ко мне. Разумеется, слуги не посмели бы потревожить меня или впустить в дом такую обезьяну, поэтому мой старший слуга сказал, что узнает, дома ли я, и поднялся наверх. Он сообщил нам, что бумага была подписана неким Увари, от имени Революционного комитета… во имя Аллаха, кто они такие? Кто такой этот Увари? Ты когда-нибудь слышал это имя, Джаред?

– Имя вполне обычное, – ответил Бакраван, следуя иранской традиции всегда давать быстрый ответ на то, чего ты не знаешь. – А вы, ваше превосходительство Али?

– Как ты сказал, имя самое обычное. Это человек упоминал кого-нибудь еще, ваше превосходительство Пакнури?

– Может быть. Да защитит нас Аллах! Но кто они, этот Революционный комитет? Али Киа, вы, конечно, знаете?

– Много названий упоминалось, – с важностью произнес Али Киа, пряча тревогу, немедленно возникавшую всякий раз, когда упоминался Революционный комитет. Как и все остальные люди в правительстве или вне правительства, с отвращением подумал он, я не располагаю

никакой достоверной информацией о его фактическом составе, о том, когда и где он заседает, знаю лишь, что он, судя по всему, возник сразу же, как только Хомейни вернулся в Иран, то есть чуть больше двух недель назад, и со вчерашнего дня, когда Бахтияр пустился в бега, комитет ведет себя так, будто он сам себе закон, управляя от имени Хомейни и его властью, тут же назначив судей, большинство из которых не имеют никакой юридической подготовки, выдавая ордера на арест, устраивая революционные суды с немедленным приведением смертных приговоров в исполнение, совершенно против нормальных законов и юриспруденции – и в нарушение нашей Конституции! Пусть все дома их обратятся в пепел, а сами они отправятся в ад, где им самое место!

– Только сегодня утром мой друг Мехди… – начал он доверительным тоном, потом замолчал, притворившись, что только что заметил слуг и сотрудников, толпившихся в дверях, и повелительно махнул им рукой, чтобы они удалились. Когда дверь с большой неохотой была закрыта, он понизил голос, сообщив им очередной слух так, словно это была секретная информация: – Только сегодня утром он, с… э-э… нашими благословениями, отправился к аятолле и пригрозил подать в отставку, если Революционный комитет не прекратит действовать в обход него и его полномочий, и таким образом раз и навсегда поставил их на место.

– Хвала Аллаху! – воскликнул Пакнури, испытывая огромное облегчение. – Мы не для того совершили революцию, чтобы позволить новым беззакониям прийти на смену САВАК, иностранному господству и шаху!

– Конечно, нет! Хвала Аллаху, что теперь правительство находится в самых достойных руках. Но прошу вас, ваше превосходительство Пакнури, пожалуйста, продолжайте ваш леденящий кровь рассказ.

– Рассказывать, собственно, осталось совсем немного, Али, – сказал Пакнури, чувствуя себя спокойнее и храбрее в окружении своих могущественных друзей. – Я… э-э… я немедленно спустился к этим незваным гостям и сказал им, что все это было дурацкой ошибкой, но этот тупоголовый, безграмотный кусок собачьего дерьма просто замахал бумагой у меня перед носом, сказал, что я арестован и должен отправиться с ними. Я сказал им, чтобы они подождали… сказал,

чтобы они подождали и пошел захватить с собой кое-какие документы, но моя жена… моя жена сказала мне, чтобы я им не доверял, что, возможно, это переодетые Туде, или моджахедин, или федаин. Я согласился с ней и решил, что мне лучше всего прийти сюда, чтобы посоветоваться с вами и с остальными. – Он изгнал из головы подлинные факты: то, что пустился бежать сразу же, как только начальник стражей выкрикнул от имени Революционного комитета и лично Увари, что скряга Пакнури должен отдать себя в руки Бога за преступления против Бога.

– Мой бедный друг, – произнес Бакраван. – Мой бедный друг, какие страдания выпали на твою долю! Ничего, теперь ты в безопасности. Останься у меня на ночь. Али, сразу же после первой утренней молитвы отправляйся в кабинет к премьер-министру и проследи, чтобы с этим делом разобрались, а этих дураков наказали. Мы все знаем, что Эмир Пакнури – патриот, что он и все ювелиры поддерживали революцию и являются необходимым элементом предоставления этой ссуды. – Он устало отключил свой слух от всех банальностей, которые Али Киа начал произносить в следующий момент.

Бакраван изучающее смотрел на Пакнури, отметив про себя его все еще бледное лицо и слипшиеся от пота волосы. Бедолага, здорово же они его напугали. Стыд какой, учитывая все его богатство и доброе имя, а также и то, что через жену кузена Валика Аннуш он является потомком Каджаров, что все усилия, которые я предпринял ради Шахразады, окончились ничем. Как жаль, что он не зачал с ней детей и не скрепил таким образом наши семьи; хотя бы одного ребенка, ибо ясно, что тогда не было бы никакого развода, и неприятности мои не усугубились бы с появлением этого чужеземца Локарта. Сколько бы этот чужак ни пытался усвоить наши обычаи и порядки, это у него никогда не получится. И как дорого мне обходится помогать ему поддерживать репутацию нашей семьи! Я должен поговорить с кузеном Валиком и еще раз попросить его устроить так, чтобы у Локарта были дополнительные доходы, – Валик и его алчные партнеры по Иранской вертолетной компании легко могут позволить себе сделать это для меня из тех миллионов, которые они зарабатывают, да еще теперь и в твердой валюте! Во что им это встанет? Ни во что! Затраты все равно переведут на Гаваллана и S-G. Партнеры должны

мне тысячу услуг, мне, который годами советовал им, как добиться такой власти и богатства такими малыми усилиями!

– Платите Локарту сами, Джаред, ваше превосходительство, – грубо сказал ему Валик в последний раз, когда он попросил его об этом. – Он же, в конце концов, ваш подопечный. Вы имеете долю во всем, что мы зарабатываем, и это такая ничтожная сумма для моего любимого кузена и самого богатого базаари Тегерана!

– Но этот расход должны нести партнеры. Мы сможем использовать его, когда получим все сто процентов акций. С новыми планами относительно будущего ИВК, партнеры станут еще богаче, чем прежде, и…

– Я незамедлительно посоветуюсь с остальными партнерами. Разумеется, решение принимать им, а не мне…

Лжец, подумал старик, потягивая чай, с другой стороны, я бы сказал то же самое. Он подавил зевок, чувствуя усталость и голод. Короткий сон перед ужином пойдет мне на пользу.

– Прошу прощения, ваши превосходительства, очень прошу извинить меня, но мне необходимо заняться одним срочным делом. Пакнури, старый друг, я рад, что все разрешилось. Останься здесь на ночь, Мешанг принесет одеяла и подушки, устроит постель, и ни о чем не тревожься! Али, мой друг, проводи меня до ворот базара… у тебя есть на чем доехать? – небрежно поинтересовался он, зная, что одной из первых привилегий заместителя министра была машина с личным шофером и неограниченный доступ к бензину.

– Да, спасибо, премьер-министр настоял, чтобы я выбил себе автомобиль, буквально настоял… значение нашего министерства, я полагаю.

– На все воля Аллаха! – произнес Бакраван.

Вполне удовлетворенные, они все вышли из комнаты, спустились по узкой лесенке и вышли в небольшой проход, который вел в лавку, выходившую открытым фасадом на улицу. Улыбки слетели с их лиц, и рты наполнились желчью.

Внизу их поджидали те самые пятеро «зеленых повязок»; они сидели, покачиваясь, на столах и стульях, все вооруженные американскими армейскими карабинами, все возрастом едва за двадцать, небритые или с бородами, в бедной и грязной одежде, некоторые в дырявой обуви, некоторые без носков. Их начальник

молча ковырялся в зубах, остальные курили, небрежно стряхивая пепел на бесценные кашкайские ковры Бакравана. Один из юнцов, затянувшись сигаретой, закашлялся, натужно и с присвистом дыша.

Бакраван почувствовал, как у него подгибаются колени. Все его сотрудники стояли замерев у одной из стен. Все до единого. Даже его любимый мальчик, подносивший чай. На улице снаружи было очень тихо, не было видно ни одного человека, даже владельцы заимодавческих лавок через дорогу от него словно испарились.

– Салам, ага, да пребудет с вами благословение Аллаха, – вежливо произнес он, и звук собственного голоса показался ему чужим. – Чем я могу быть вам полезен?

Начальник не обратил на него никакого внимания, просто сидел и сверлил взглядом Пакнури; у него было красивое лицо, но все в шрамах от заражения паразитами, которых разносили песчаные мухи – почти повсеместное заболевание в Иране. Ему было года двадцать два – двадцать три, глаза и волосы – темные, покрытые шрамами руки рабочего поигрывали карабином. Его звали Юсуф Сенвар – Юсуф-каменщик.

Молчание затянулось, и Пакнури больше не мог выносить это напряжение.

– Это все ошибка, – завопил он. – Вы совершаете ошибку!

– Ты думал, что сможешь уйти от Божьего возмездия, убежав от нас? – Юсуф говорил мягко, почти сочувственно, хотя и с деревенским акцентом, который Бакраван не смог определить.

– Какое еще Божье возмездие? – вопил Пакнури. – Я не сделал ничего дурного, ничего.

– Ничего? Разве ты годами не работал на чужеземцев и вместе с ними, помогая им вывозить сокровища нашей страны?

– Конечно, не для того, чтобы их вывезти, а чтобы создавать рабочие места и помогать эконо…

– Ничего? Разве ты не служил годами сатане-шаху?

Пакнури снова закричал:

– Нет, я был против него, все это знают, я… я был про…

– Но ты все равно служил ему и выполнял его приказы?

Лицо Пакнури кривилось и дергалось, он почти не владел им. Рот шевелился, но он не мог произнести ни слова. Потом проскрипел кое-как:

– Все служили ему… конечно, все ему служили, он был шахом, но мы работали на революцию… Шах был шахом, конечно, все служили ему, пока он был у власти…

– Имам не служил, – сказал Юсуф, и его голос внезапно сделался жестким. – Имам Хомейни никогда не служил шаху. Именем Аллаха, разве служил? – Он медленно переводил взгляд с одного человека на другого. Ему никто не ответил.

В тишине Бакраван видел, как Юсуф потянулся рукой в рваный карман, извлек оттуда лист бумаги и поднес к глазам, и он понял, что только он среди всех присутствующих может остановить этот кошмар.

– По приказу Революционного комитета, – начал Юсуф, – и Али Увари: Пакнури, прозванный Скряга, ты призываешься на суд. Отдай се…

– Нет, ваше превосходительство, – произнес Бакраван вежливо, но твердо, чувствуя стук сердца в ушах. – Здесь базар. С начала времен, как вы знаете, базар имел свои законы, своих руководителей. Эмир Пакнури – один из них, его нельзя арестовать и увести против его воли. Его нельзя трогать – таков закон базара с начала времен. – Он, не моргнув, без страха, встретил тяжелый взгляд молодого человека, зная, что шах, даже САВАК, никогда не осмеливались бросать вызов их законам или их праву убежища.

– Закон базара стоит выше Божьего закона, заимодавец Бакраван?

Бакраван почувствовал, как по нему прокатилась волна ледяного холода.

– Нет… нет, разумеется, нет.

– Хорошо. Я подчиняюсь Божьему закону и исполняю Божий труд.

– Но вы не можете арес…

– Я подчиняюсь Божьему закону и только исполняю Божий труд. – Карие глаза мужчины под черными бровями смотрели прямо и бесхитростно. Он показал на свой карабин. – Мне не нужно оружие. Никому из нас не нужно оружие, чтобы исполнять Божий труд. Я всем сердцем молюсь, чтобы стать мучеником во имя Аллаха, ибо тогда я войду прямо в рай, и не будет нужды судить меня, и грехи мои простятся мне. Если это случится сегодня, я умру, благословляя того, кто убьет меня, ибо знаю, что умру, исполняя труд Божий.

– Бог велик, – произнес один из его людей, и остальные повторили это вслед за ним.

– Да, Бог велик. Но ты, заимодавец Бакраван, молился ли ты сегодня пять раз, как предписал Пророк?

– Конечно, конечно, – услышал Бакраван собственный голос, зная, что эта ложь безгрешна, благодаря *такийа* — «осторожность», «благоразумное сокрытие» – разрешению, дарованному Пророком любому мусульманину, солгать об исламе, если человек считает, что его жизни грозит опасность.

– Хорошо. Молчи и молись, я приду к тебе позже. – Еще одна волна холода сотрясла его, и он увидел, что человек обратил все свое внимание на Пакнури. – По приказу Революционного комитета и Али Увари: Пакнури, прозванный Скряга, отдай себя Богу за преступления против Бога.

Рот Пакнури беззвучно шевелился.

– Я… я… вы не можете… тут… – Его голос смолк. Капельки пены выступили в уголках губ. Они все смотрели на него: «зеленые повязки» – бесстрастно, остальные – с ужасом.

Али Киа прочистил горло.

– Так, послушайте, может быть, лучше отложить это все до завтра, – начал он, стараясь, чтобы его голос звучал значительно. – Эмир Пакнури явно расстроен этой ошиб…

– Кто вы такой? – Глаза начальника стражей революции впились в него так же, как до этого буравили Пакнури и Бакравана. – А?

– Я заместитель министра Али Киа, – ответил Али, сохранив мужество под силой сверлившего его взгляда, – из министерства финансов, член кабинета премьер-министра Базаргана, и я предлагаю вам подождать до…

– Во имя Аллаха: вы, ваше министерство финансов, ваш кабинет, ваш Базарган не имеют никакого отношения ни ко мне, ни к нам. Мы подчиняемся мулле Увари, который подчиняется комитету, который подчиняется имаму, который подчиняется Богу. – Иранец рассеянно почесался и вновь обратил свой взгляд на Пакнури. – На улицу! – приказал он; голос его звучал все так же мягко. – Или мы выволочем тебя за шкирку.

Пакнури со стоном повалился на пол и остался лежать без движения. Остальные беспомощно смотрели на него, кто-то

пробормотал «воля Божья», а маленький мальчик, разносивший чай, заплакал.

– Мальчик, замолчи, – без гнева сказал Юсуф. – Он мертв?

Один из его людей подошел к Пакнури и присел рядом на корточки.

– Нет. На все воля Божья.

– На все воля Божья. Хасан, подними его, опусти головой в корыто с водой, если он не очнется, понесем его на руках.

– Нет, – храбро прервал его Бакраван, – нет, он останется здесь, он болен и…

– Ты что, глухой, старик? – В голосе Юсуфа появились звенящие нотки. Страх пополз по углам комнаты. Маленький мальчик засунул себе кулак в рот, чтобы не вскрикнуть. Юсуф в упор смотрел на Бакравана, а тем временем человек, которого он назвал Хасаном, широкоплечий и сильный, легко поднял Пакнури и выволок его из лавки на улицу. – На все воля Божья, – произнес Юсуф, не сводя глаз с Бакравана. – А?

– Куда… пожалуйста, куда вы его забираете?

– В тюрьму, конечно. Куда еще его забирать?

– В какую… в какую тюрьму, прошу вас?

Один из людей Юсуфа расхохотался:

– Какая разница, в какую тюрьму?

Бакравану и всем остальным показалось, что в комнате стало невыносимо душно, словно в тюремной камере, хотя воздух в ней был все тот же, и выходивший на улицу фасад по-прежнему оставался открытым.

– Все же я бы хотел знать, ваше превосходительство, – тяжело произнес Бакраван, пытаясь спрятать свою ненависть. – Прошу вас.

– «Эвин».

Это была самая страшная из всех тегеранских тюрем. Юсуф ощутил, как по комнате прокатилась еще одна волна страха. Должно быть, они все виновны, если так боятся, подумал он. Он оглянулся на своего брата.

– Дай-ка мне бумагу.

Его брату едва исполнилось пятнадцать, он был грязным и тяжело кашлял. Брат достал с полдюжины листов и начал перебирать их. Он нашел тот, что искал:

– Держи, Юсуф.

Командир, прищурившись, вгляделся в нее:

– Ты уверен, что это та самая?

– Да. – Юноша ткнул коротким пальцем в имя. Медленно он прочел его по буквам: – Д-ж-а-р-е-д Б-а-к-р-а-в-а-н.

Кто-то пробормотал: «Храни нас Аллах!», и в наступившей бездонной тишине Юсуф поднял бумагу и протянул ее Бакравану. Остальные, замерев, смотрели.

Едва дыша, старик взял документ; пальцы его дрожали. Ему не сразу удалось поймать строчки в фокус. Потом он увидел слова: «Джаред Бакраван с тегеранского базара, по приказу Революционного комитета и муллы Увари, вы должны явиться в Революционный трибунал в тюрьме „Эвин“ завтра, сразу же после утренней молитвы, и дать ответы на вопросы». Бумага была подписана «Увари», вид подписи выдавал человека безграмотного.

– Какие вопросы? – тупо спросил он.

– На все воля Бога. – Начальник стражи вскинул карабин на плечо и поднялся. – До рассвета. Принесите бумагу с собой и не опаздывайте. – В этот момент он увидел серебряный поднос, бокалы резного хрусталя и наполовину полную бутылку водки, стоявшие на низком столике в темном проходе, почти скрытые занавеской, поблескивавшие в пламени зажженных свечей. – Клянусь Аллахом и Пророком, – зло проговорил он, – вы что, забыли законы Аллаха?

Служащие лавки бросились с его дороги, когда он подошел к столику, перевернул бутылку вверх дном, опорожнив ее на пол, и отшвырнул прочь. Немного жидкости добежало до одного из ковров. Мальчик, разносивший чай, не думая, упал на колени и начал промокать ее с ковра.

– Оставь это!

Ребенок в страхе отскочил. Юсуф ногой небрежно отвел от ковра большую часть растекавшейся по полу водки.

– Пусть это пятно напоминает тебе о законах Аллаха, старик, – сказал он. – Если пятно останется. – Мгновение он рассматривал ковер. – Какие цвета! Великолепно! Великолепно! – Он вздохнул, почесался и повернулся к Бакравану и Киа. – Если взять все богатство всех нас, стоящих здесь, и добавить его к богатству всех наших семей и семей наших отцов, даже тогда мы не сможем купить хотя бы

краешек такого ковра. – Юсуф криво усмехнулся. – С другой стороны, если бы я был так же богат, как ты, заимодавец Бакраван, – тебе известно, что законы Аллаха запрещают и ростовщичество тоже? – даже если бы я был столь же богат, я все равно не стал бы покупать такой ковер. Мне не нужно это сокровище. У меня ничего нет, у нас ничего нет, и нам ничего не нужно. Только Бог.

Он вышел.

У американского посольства. 20.15. Эрикки ждал уже почти четыре часа. Со своего стула у окна первого этажа в квартире его друга Кристиана Толлонена он видел высокие стены, окружавшие залитый светом комплекс зданий американского посольства дальше по улице; морские пехотинцы в форме притопывали ногами от холода у огромных чугунных ворот, за которыми высилось большое здание самого посольства. Машин на улице было по-прежнему много, тут и там вспыхивали громкие ссоры, каждый давил на клаксон и пытался пролезть вперед; пешеходы, по обыкновению, вели себя нетерпеливо и думали только о себе. Светофоры не работали. Полиции не было. Да и будь она здесь, толку все равно было бы мало, подумал Эрикки, тегеранцы плевать хотели на правила дорожного движения, всегда плевали и всегда будут плевать. Как те безумцы на дороге в горах, которые себя угробили. Как тебризцы. Или казвинцы.

Его огромный кулак сжался при воспоминании о Казвине. Сегодня утром в финском посольстве он узнал, что Казвин находится в состоянии бунта, что азербайджанские националисты в Тебризе снова подняли восстание и ведут бои с войсками, преданными правительству Хомейни, и что вся эта стратегически важная и богатая нефтью приграничная провинция снова объявила себя независимой от Тегерана; за эту независимость она боролась веками, неизменно подстрекаемая и поддерживаемая Россией. Иран там воспринимался как извечный враг и захватчик ее территории. Ракоци и другие вроде него сейчас, должно быть, кишат во всем Восточном Азербайджане.

– Конечно, Советы хотят нас заполучить, – сердито говорил хан Абдолла Горгон во время их спора, как раз перед тем, как они с Азадэ покинули Тебриз. – Конечно, твой Ракоци и его люди расползлись тут повсюду, как муравьи. Мы ступаем по самому тонкому канату во всем мире, потому что мы для них – ключ к Персидскому заливу и ключ к

Ормузу, становой жиле Запада. Если бы не Горгоны, если бы не связи нашего клана и если бы не некоторые из наших курдских союзников, мы бы уже были советской провинцией, присоединенной к другой половине Азербайджана, которую Советы украли у нас много лет назад, украли с помощью все тех же подлых британцев… О, как я ненавижу британцев, даже больше, чем американцев, которые являются просто тупыми невоспитанными варварами. Ведь это так, не правда ли?

– Они не такие, по крайней мере те, с кем я встречался. И S-G обходилась со мной честно.

– Пока что. Но они предадут тебя. Британцы предают всех, кто не является британцем, хотя и тех они предадут, если так им будет удобнее.

– Иншаллах.

Абдолла Горнгон невесело рассмеялся:

– Иншаллах! И Иншаллах, что в сорок шестом году Советская Армия отступила за границу, и тогда мы разгромили их приспешников и раздавили их Демократическую Республику Азербайджан и Курдскую Народную Республику. Но я восхищаюсь Советами, они играют только на победу и меняют правила как им угодно. Настоящим победителем в вашей мировой войне был Сталин. Вот это колосс! Как он подавил всех в Потсдаме, Ялте и Тегеране – обошел и Черчилля, и Рузвельта! Рузвельт в Тегеране, кажется, даже остановился в советском посольстве, нет? Как мы, иранцы, хохотали! Великий президент отдал Сталину будущее, когда имел власть затолкать его назад в свои границы. Какой гений! Рядом с ним ваш союзник Гитлер – просто трусливый сапожник! На все воля Аллаха, а?

– Финляндия объединилась с Гитлером только затем, чтобы сражаться со Сталиным и отвоевать свои земли.

– Но вы проиграли, вы ошиблись с выбором и проиграли. И дураку было понятно, что Гитлер проиграет. Как шах Реза мог оказаться таким глупым? Ах, капитан, я никогда не мог понять, почему Сталин оставил вас, финнов, в живых. На его месте я бы опустошил Финляндию в назидание другим, как он это сделал с десятком других стран. Почему он оставил вас всех жить дальше? Потому что вы бросили ему вызов в этой своей «зимней войне»?

– Не знаю. Может быть. Я согласен, что Советы никогда не сдадутся.

– Никогда, капитан. Но и мы не сдадимся. Мы, азербайджанцы, всегда сумеем их перехитрить и удержать на безопасном расстоянии. Как в сорок шестом.

Но в ту пору Запад был в силе, тогда в отношении Советов действовала доктрина Трумана: руки прочь или пеняйте на себя, мрачно подумал Эрикки. А теперь? Теперь у руля Картер. Какого руля?

Он тяжело поднялся и снова наполнил свой бокал; ему не терпелось вернуться к Азадэ. В квартире было холодно, и он не снимал верхней одежды – центральное отопление было отключено, из щелей в окнах тянуло холодом. Но комната была большой, оставляла приятное впечатление мужского жилища: старые кресла, на стенах – небольшие, но хорошие персидские ковры, бронза. Повсюду были разбросаны книги, журналы, газеты – финские, русские, иранские, – на одной из полок стояла забытая пара женских туфель. Эрикки пригубил водку, наслаждаясь теплом, которое она ему дарила, потом еще раз взглянул в сторону американского посольства. На мгновение он задумался, а не стоит или ему эмигрировать в США вместе с Азадэ.

– Бастионы рушатся, – пробормотал он. – Иран перестал быть безопасным, Европа так уязвима, Финляндия балансирует на лезвии меча…

Его внимание сосредоточилось на ситуации внизу. Теперь движение было полностью остановлено кучками молодежи, собиравшейся на обеих улицах – посольство США располагалось на пересечении Тахт-э-Джамшид и главной улицы, носившей имя Рузвельта. Раньше носившей имя Рузвельта, лениво поправил он себя. Как ее теперь называют? Улица Хомейни? Улица Революции?

Входная дверь квартиры распахнулась.

– Эй, Эрикки, – крикнул с порога, ухмыляясь, молодой финн. Кристиан Толлонен был в меховой ушанке, какие носят русские, и военной дубленке, которую он купил в Ленинграде, куда приехал в один из уик-эндов, чтобы напиться с друзьями по университету. – Что новенького?

– Я жду уже четыре часа.

– Три часа двадцать две минуты, да еще прикончил полбутылки моей лучшей контрабандной «Московской», какую только можно

купить за деньги, а мы условились, что меня не будет три или четыре часа. – Кристиану Толлонену было тридцать с небольшим, это был светловолосый, сероглазый холостяк, работавший заместителем атташе по культурным связям в финском посольстве. Они были друзьями с тех пор, как он несколько лет назад приехал в Иран. – Налей-ка и мне, клянусь Создателем, мне это нужно. Тут еще одна демонстрация назревает, и я сюда насилу протолкался. – Не снимая дубленки, он подошел к окну.

Обе части толпы теперь соединились, люди скопились перед оградой посольства. Все ворота были закрыты. Эрикки с тревогой отметил, что среди молодежи не было ни одного муллы. Снизу до него доносились крики.

– Смерть Америке, смерть Картеру! – перевел Кристиан; он свободно говорил на фарси, потому что его отец тоже служил здесь дипломатом, и Кристиан в юные годы провел пять лет в тегеранской школе. – Обычная ерунда, долой Картера и американский империализм.

– Никаких «Аллах-у акбар», – заметил Эрикки. На мгновение его мысли перенеслись к дорожной заставе, и в желудке осел ледяной ком. – Ни одного муллы.

– Действительно. Я там внизу вообще ни одного не встретил. – События на улице набирали темп, различные группы молодежи крутились у чугунных ворот. – Большинство из них – студенты университета. Они приняли меня за русского, сказали, что около университета произошло настоящее сражение, левые против «зеленых повязок»; человек, наверное, двадцать-тридцать убиты или ранены, и стрельба все еще продолжается. – На их глазах пятьдесят-шестьдесят человек студентов начали раскачивать чугунные ворота. – Они напрашиваются на драку.

– И полиции нет, чтобы их остановить. – Эрикки протянул ему бокал.

– Ох, что бы мы делали без водки?

Эрикки рассмеялся:

– Пили бренди. Ты все принес?

– Нет, но начало положено. – Кристиан опустился в одно из кресел у низкого столика напротив Эрикки и открыл свой дипломат. Вот копия твоего брачного свидетельства и свидетельства о рождении

– слава Богу, что мы делаем копии. Новые паспорта для вас обоих; мне удалось уговорить человека из конторы Базаргана шлепнуть тебе печать с временным видом на жительство, годится на три месяца.

– Ты просто волшебник!

– Они пообещали выдать тебе новое иранское летное удостоверение, но не сказали когда. Посмотрев на твое удостоверение сотрудника S-G и фотокопию твоего британского летного удостоверения, они сказали, что с юридической стороны у тебя все более-менее в порядке. Теперь паспорт Азадэ – временный. – Он открыл книжечку и показал ему фотографию. – Фотография не отвечает требованиям: я сделал «Поляроидом» снимок с той, которую ты мне дал, но паспорт сгодится, пока мы не раздобудем нормальный. Пусть она его подпишет сразу же, как только ты ее увидишь. Она выезжала из страны с тех пор, как вы поженились?

– Нет, а почему ты спрашиваешь?

– Если она выедет из страны с финским паспортом… ну, я не знаю, как это повлияет на ее иранский статус. Власти всегда были чувствительны к подобным вещам, особенно в отношении своих собственных граждан. Хомейни, похоже, еще больший ксенофоб, поэтому его режим закрутит гайки еще туже. Им может показаться, что она отказалась от своего иранского гражданства. Не думаю, что ее пустят обратно.

Приглушенный взрыв криков из толпы молодежи на улице на секунду отвлек их обоих. Сотни студентов размахивали сжатыми кулаками, и где-то кто-то с громкоговорителем подстегивал их.

– Сейчас у меня такой настрой, что лишь бы вытащить ее отсюда, а там хоть трава не расти, – сказал Эрикки.

Его друг бросил на него внимательный взгляд. Помолчав, сказал:

– Наверное, ей следует знать о риске, на который она идет, Эрикки. Мне никак не удастся раздобыть ей документы взамен отнятых или выправить какой-нибудь иранский паспорт, но она будет очень сильно рисковать, если выедет из страны без них. Почему бы тебе не попросить ее отца добыть для нее эти документы? Ему бы это труда не составило. Он ведь владеет половиной Тебриза, а?

Эрикки кивнул с убитым видом:

– Да, только мы опять поссорились перед самым отъездом. Он по-прежнему не одобряет наш брак.

После паузы Кристиан произнес:

– Может быть, это потому, что у вас до сих пор нет ребенка, ты же знаешь, как иранцы к этому относятся.

– У нас еще полно времени, чтобы завести детей, – ответил Эрикки, чувствуя холод в сердце. Придет время, и у нас будут дети, сказал он себе. Спешить некуда, и старина Натт утверждает, что с ней все в порядке. Черт! Если я скажу ей то, что Кристиан рассказал мне про ее иранские документы, она ни за что не поедет. Если я ей ничего не скажу, а ее потом не пустят обратно, она никогда мне этого не простит, да и в любом случае она никуда не уедет без разрешения отца. – Чтобы раздобыть для нее новые документы, нам придется вернуться назад, а я… ну, я не хочу возвращаться назад.

– Почему, Эрикки? Обычно ты ждешь не дождешься, чтобы улететь в Тебриз.

– Ракоци. – Эрикки рассказал другу обо всем, что произошло; умолчал только об убитом им у заставы моджахеде и о тех, кого убил Ракоци, выручая их: есть вещи, которые должны оставаться нерассказанными, угрюмо подумал он.

Кристиан Толлонен пригубил свой бокал.

– В чем заключается настоящая проблема?

– Ракоци. – Эрикки выдержал его испытующий взгляд.

Кристиан пожал плечами, разлил водку по двум бокалам, опорожнив бутылку.

– *Прозит!*

– *Прозит!* Спасибо за документы и паспорта.

Крики снаружи снова привлекли их внимание. Толпа вела себя очень дисциплинированно, хотя и становилась шумнее. Во дворе американского посольства теперь зажглись дополнительные фонари, и они могли отчетливо разглядеть лица в окнах посольства.

– Хорошо, что у них свои собственные генераторы.

– Да. И еще собственная система отопления, запасы топлива, автономная телефонная служба – вообще все. – Кристиан сходил к буфету и принес новую бутылку. – Это да еще их особый статус в Иране – визы им никакие не нужны, иранские законы на них не распространяются, – и вызвали такую к ним ненависть.

– Господи, ну и холодрыга у тебя здесь, Кристиан. У тебя что, и дров нет?

– Ни единого полешка. Чертова система отопления не работает с тех самых пор, как я сюда въехал, а это уже три месяца – почти вся здешняя зима.

– Может, оно и к лучшему. – Эрикки показал на пару женских туфель. – Жара тебе вроде хватает, а?

Кристиан ухмыльнулся.

– Иногда. Признаюсь, Тегеран – один из… раньше был одним из самых замечательных мест на земле для любого рода удовольствий. Но теперь… теперь, старина… – На его лицо легла тень. – Теперь, я думаю, Иран не окажется тем раем, который, как верят эти бедолаги, они завоевали для себя; скорее адом на земле для большинства из них. Особенно для женщин. – Он сделал глоток водки. Рядом со стеной посольского комплекса возникло какое-то оживление: юноша с американской винтовкой за плечом взобрался на плечи своих товарищей и безуспешно пытался дотянуться до верхнего края стены. – Я спрашиваю себя, что бы я сделал, если бы это была моя стена, и эти ублюдки стали толпой карабкаться через нее в мой дом.

– Ты бы снес им башки… что было бы совершенно законно. Или нет?

Кристиан внезапно рассмеялся.

– Только если тебе повезет. – Он посмотрел на Эрикки. – А что насчет тебя? Какие у тебя планы?

– Планов пока нет. Сначала нужно поговорить с Мак-Айвером; сегодня утром не получилось. Они с Гавалланом были очень заняты, пытаясь разыскать иранских партнеров, потом ходили в британское посольство, там встречались с кем-то по имени… точно не помню, вроде они говорили Талбот…

Кристиан скрыл внезапно возникший интерес.

– Джордж Талбот?

– Да-да, именно. Ты его знаешь?

– Да. Это второй секретарь. – Кристиан не стал добавлять, что Талбот также являлся тайным шефом британской разведки в Иране уже много лет и очень важной фигурой. – Я и не знал, что он до сих пор в Тегеране. Думал, он улетел еще пару дней назад. А зачем он вдруг понадобился Мак-Айверу и Гаваллану?

Эрикки пожал плечами и отвернулся, рассеянно наблюдая, как другие юноши тоже пытались вскарабкаться на стену; мысли его в

основном были заняты вопросом, что ему делать с Азадэ и ее документами.

– Сказали, что хотели побольше узнать о его друге, с которым вчера случайно встретились в аэропорту. Какой-то Армстронг, Роберт Армстронг.

Кристиан Толлонен едва не выронил бокал из рук.

– Армстронг? – переспросил он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно, и радуясь, что Эрикки сидит к нему спиной.

– Ага. – Эрикки обернулся. – Это имя тебе что-нибудь говорит?

– Имя как имя, – ответил Кристиан, с удовольствием услышав, что тон его голоса остался безучастным. Роберт Армстронг, Эм-ай-шесть[45], бывший сотрудник Специальной службы, который уже несколько лет работал в Иране по контракту – насколько было известно, его одолжило иранцам британское правительство, – предположительно, главным советником крайне засекреченного иранского Департамента внутренней разведки; человек, редко появлявшийся на публике, известный лишь очень немногим лицам, большинство из которых относились к миру разведки и разведчиков.

Таким, как я, подумал он, прикидывая, что сказал бы Эрикки, если бы узнал, что он являлся экспертом по разведывательным данным, связанным с Ираном, что ему было многое известно о Ракоци и многих других иностранных агентах, что его основная работа состояла в том, чтобы постараться знать об Иране как можно больше, но никогда не вмешиваться в деятельность боевых единиц, внутренних и внешних, просто ждать, наблюдать, учиться и запоминать. Что Армстронг здесь до сих пор делает?

Он встал, чтобы скрыть свое беспокойство, притворившись, что хочет получше рассмотреть толпу.

– Они выяснили то, что хотели узнать? – спросил он.

Эрикки опять пожал плечами.

– Представления не имею. Я с ними потом так и не встретился. Я был… – Он внезапно замолчал и внимательно посмотрел на собеседника. – Это важно?

– Нет… совершенно не важно. Ты голоден? Вы с Азадэ поужинаете со мной?

– Извини, не сегодня. – Эрикки взглянул на часы. – Мне лучше отправляться в обратный путь. Еще раз спасибо за помощь.

– Не за что. Ты тут говорил о Мак-Айвере и Гаваллане. Они что, планируют внести изменения в свою работу здесь?

– Не думаю. Я должен был встретиться с ними в три часа, чтобы поехать в аэропорт, но встреча с тобой и получение паспортов были для меня важнее. – Эрикки встал и протянул руку, горой возвышаясь на своим другом. – Еще раз спасибо.

– Не за что. – Кристиан тепло пожал протянутую руку. – Увидимся завтра.

На улице тем временем все крики стихли и повисла зловещая тишина. Оба финна бросились к окну. Все их внимание обратилось к главной улице, когда-то носившей имя Рузвельта. Потом они услышали нарастающее «Аллах-ууууу акбарррр!»

Эрикки пробормотал:

– В этом здании есть запасной выход?

– Нет.

Впереди новой надвигавшейся орды шли муллы и «зеленые повязки», большинство из них были вооружены, как и следовавшая за ними масса молодых людей. Все они скандировали как один человек «Бог велик, Бог велик», намного превышая числом студенческую демонстрацию у посольства, хотя и там люди тоже были вооружены.

Левые немедленно заняли с толком выбранные оборонительные позиции в дверных проемах и среди автомобилей на улице. Мужчины, женщины и дети, запертые в пробках, начали выбираться из своих машин и разбегаться во все стороны. Исламисты быстро приближались. По мере того как их передние ряды заливали тротуары, просачивались между машинами и приближались к залитым светом стенам, темп их скандирования возрастал, шаг становился быстрее, и все приготовились. Потом, ко всеобщему огромному удивлению, студенты начали отходить. Молча. «Зеленые повязки» остановились, сбитые с толку.

Отступление студентов было мирным, поэтому и толпа исламистов успокоилась и не проявляла враждебности. Вскоре протестанты исчезли, и никто больше не угрожал посольству. Муллы и «зеленые повязки» начали управлять движением на улицах. Прохожие и те, кто выбрался из своих машин и убежал, протяжно выдохнули, возблагодарили Бога за Его вмешательство и хлынули обратно. Тут же автомобильные гудки, проклятия и ругань возобновились с

нарастающей силой – машины и пешеходы снова начали борьбу за свободное пространство. Огромные чугунные ворота посольства остались закрытыми, хотя в них открылась боковая дверца.

В горле у Кристиана пересохло.

– Я был готов жизнь поставить на то, что сейчас начнется кровавая баня.

Эрикки был поражен не меньше него.

– Такое чувство, будто они поджидали «зеленых повязок» и знали, откуда те появятся и когда. Все это выглядело словно какая-то репети… – Он замолчал и подошел ближе к окну. Его лицо внезапно вспыхнуло. – Смотри! Вон там, на крыльце, это же Ракоци!

– Где? Ку… А, ты имеешь в виду человека в летной куртке, который разговаривает с каким-то коротышкой? – Кристиан прищурился, вглядываясь в темноту внизу. Оба человека в дверном проеме были полускрыты тенью, потом они пожали друг другу руки и вышли на свет. Это действительно был Ракоци. – Ты уверен, что…

Но Эрикки уже рванул входную дверь на себя и был на лестнице. Кристиан мельком заметил, как он выхватил огромный нож-пукко из чехла на ремне и спрятал его в рукаве, оставив половину в ладони.

– Эрикки, не будь дураком, – крикнул он, но Эрикки уже исчез. Кристиан бросился назад к окну и как раз успел заметить Эрикки, выбежавшего из дверей дома на улицу и проталкивавшегося через толпу в погоне за Ракоци, которого нигде не было видно.

Но Эрикки не потерял своего врага из виду. Ракоци находился в полусотне шагов впереди, и Эрикки успел заметить, как он повернул на юг, на улицу Рузвельта, и исчез. Когда Эрикки добрался до угла, он снова отыскал русского глазами, тот шагал быстро, но не слишком торопился, между ними было много пешеходов, движение машин на улице было медленным и очень шумным. Обходя несколько стоявших вплотную друг к другу автомобилей, Ракоци шагнул на проезжую часть, подождал, пока старый избитый «фольксваген», без конца бибикая, протиснется мимо, и оглянулся вокруг. И увидел Эрикки. Его было почти невозможно не заметить: финн на целую голову поднимался над толпой. Не раздумывая ни секунды, Ракоци бросился наутек. Петляя в толпе, он добрался до боковой улочки, свернул на нее и побежал изо всех сил. Эрикки увидел, что он убегает, и бросился за ним следом. Прохожие осыпали их обоих проклятиями, какой-то

старик полетел в грязь, когда Ракоци проталкивался мимо, сворачивая в очередной проулок.

Улочка оказалось узкой, заваленной отбросами, ни одна лавка, ни один магазин не были открыты, ни один фонарь не горел, несколько усталых прохожих тащились к себе домой, по обеим сторонам можно было видеть огромное количество дверей и арок, которые вели в жалкие лачуги и к лестницам в другие жалкие лачуги – воздух здесь пропах мочой, отбросами, навозом и гнилыми овощами.

Ракоци бежал шагов на сорок с небольшим впереди. Он повернул в еще более узкий переулок, продрался сквозь уличные лавки, в которых спали семьи торговцев, – за его спиной поднялся рев ярости, – поменял направление, забежал в какой-то проход, потом еще в один, выскочил в новый переулок, теперь уже совершенно запутавшись, потом нырнул еще в один, пробежал его до конца, снова повернул. В ужасе он остановился – тупик. Его рука потянулась к автомату, но тут он заметил узкий проход в двух шагах впереди и бросился туда.

Стены домов здесь стояли так близко, что он мог коснуться руками обеих сразу, несясь между ними, забираясь все глубже в этот петляющий, вертящийся под ногами человеческий садок; грудь его часто вздымалась. Впереди него какая-то старуха вышла, чтобы опорожнить ведро с ночным содержимым в смердящий джуб. Он сшиб ее с ног, остальные испуганно попятились к стенам, освобождая ему дорогу. Эрикки теперь отставал всего шагов на двадцать, ярость придавала ему сил. Он перепрыгнул через женщину, растянувшуюся перед ним – половина в джубе, половина на улице, – и удвоил усилия, сокращая расстояние. Сразу за следующим углом его противник остановился и, ухватившись за верх древней уличной лавки, повалил ее поперек улицы. Эрикки не успел подпрыгнуть и со всего размаха врезался в нее, рухнув сверху, наполовину оглушенный. Заревев от ярости, он кое-как поднялся на ноги, какое-то мгновение стоял, пьяно покачиваясь, потом пробрался через обломки, снова бросился вперед, уже открыто держа нож в руке, и повернул за угол.

Но проулок впереди был пуст. Эрикки остановился как вкопанный. Он хватал воздух огромными, терзающими грудь вздохами и был весь в поту. Разглядеть что-то было трудно, хотя ночью он обычно видел как кошка. Потом он заметил небольшую арку. Он осторожно проскользнул в нее, держа нож наготове. Проход привел его

на открытый двор, усеянный мусором; тут же стоял ржавый остов растащенного по частям автомобиля. На этот неопрятный пятачок земли выходило множество дверей и проходов, некоторые были закрыты, некоторые вели к шатким лестницам на верхние этажи. Вокруг было тихо, тишина была зловещей. Он чувствовал на себе взгляд множества глаз. Из кучи отбросов выскочили крысы и, промелькнув через двор, исчезли под горой мусора.

С одной стороны двора виднелась еще одна арка. Над ней на древнем фарси была начертана надпись, которую он не смог прочесть. Когда он ступил под арку, тьма, казалась, еще более сгустилась. Полуразрушенный сводчатый вход оканчивался открытой дверью. Дверь была деревянная, обитая древними железными полосами, наполовину снятая с петель. За ней, как ему показалось, была какая-то комната. Подойдя ближе, он увидел оплывающую свечу.

– Что вам нужно?

Мужской голос воззвал к нему из темноты, и Эрикки почувствовал, как у него зашевелились волоски на спине. Голос говорил по-английски – не Ракоци, – с иностранным акцентом, от него веяло какой-то неприветливой жутью.

– Кто… кто вы? – спросил он нервно; всеми органами чувств исследуя темноту вокруг. Может быть, это Ракоци, притворяющийся кем-то другим? – спрашивал он себя.

– Что вам нужно?

– Я… мне нужно… я преследовал одного человека, – произнес он, не зная, в какую сторону ему говорить; его голос отражался жутковатым эхо от невидимой высокой сводчатой крыши над головой.

– Человека, которого вы ищете, здесь нет. Уходите.

– Кто вы?

– Это не важно. Уходите.

Пламя свечи было лишь крошечной точкой света в непроглядной тьме, делавшей ее еще более плотной.

– Вы видели кого-нибудь, кто прошел здесь… пробежал здесь сейчас?

Человек тихо рассмеялся и что-то произнес на фарси. Тотчас же шорохи и приглушенный смех окружили Эрикки со всех сторон, и он крутанулся на месте, покачивая ножом перед собой, готовый защищаться.

– Кто вы?

Шорохи продолжались. Повсюду вокруг него. Где-то вода тонкой струйкой падала в цистерну. Воздух был влажным и затхлым. Звуки далекой стрельбы. Снова шорох. Эрикки опять повернулся на месте, чувствуя кого-то рядом с собой, но никого не видя, только арку входа и неясную ночь за ней. Пот ручьями тек по его лицу. Он осторожно переместился к дверному проему и прижался спиной к стене, уверенный теперь, что Ракоци где-то здесь. Тишина становилась все тяжелее.

– Почему вы не отвечаете? – спросил он. – Вы видели кого-нибудь?

Снова негромкий хохоток.

– Уходите. – Потом молчание.

– Почему вы боитесь? Кто вы?

– Кто я, ничего для вас не значит, и страха здесь нет, кроме вашего собственного. – Голос звучал так же мягко, как и раньше. Потом человек добавил что-то на фарси, и новый ветерок веселья прошелестел вокруг Эрикки.

– Почему вы говорите со мной по-английски?

– Я говорю с вами по-английски потому, что ни один иранец и ни один человек, способный читать на языке Книги, не войдет сюда ни днем, ни ночью. Только дурак вошел бы сюда.

Периферийным зрением Эрикки уловил кого-то или что-то между ним и свечой. Его нож тут же замер, готовый к защите.

– Ракоци?

– Так зовут человека, которого вы ищете?

– Да… да, это его имя. Он ведь здесь, не так ли?

– Нет.

– Кто бы вы ни были, я вам не верю!

Молчание, потом глубокий вздох.

– На все воля Бога, – произнес человек и отдал какое-то распоряжение на фарси, которое Эрикки не понял.

Вокруг него зачиркали спички. Загорелись свечи и небольшие масляные лампы. Эрикки охнул. У стен и колонн этой пещеры с высоким сводом он увидел свертки тряпья в человеческий рост. Сотни свертков. Мужчины и женщины. Пораженные болезнью, гниющие остатки мужчин и женщин, лежавшие на соломе или подстилках из

лохмотьев. Глаза неподвижно смотрели на него с изуродованных болезнью лиц. Беспалые культи рук и ног. Одна старуха лежала почти у самых его ног, и он в панике отпрыгнул в центр дверного прохода.

– Мы все здесь прокаженные, – сказал человек. Он сидел, прислонившись к соседней колонне, – беспомощная груда тряпья. Еще одна тряпка покрывала его глазницы. От лица не осталось почти ничего, кроме губ. Человек слабо махнул культей руки. – Мы здесь все прокаженные. Нечистые. Это приют прокаженных. Ты видишь своего человека среди нас?

– Нет… нет. Я… мне очень жаль, – потрясенно пробормотал Эрикки.

– Жаль? – В голосе человека звучала тяжелая ирония. – Да. Нам всем очень жаль. Иншаллах! Иншаллах.

Эрикки отчаянно хотелось повернуться и бежать, но ноги его не слушались. Кто-то закашлялся – резкий, пугающий кашель. Потом его рот произнес:

– Кто… кто вы?

– Когда-то я был учителем английского. Теперь я нечистый, один из живых мертвецов. На все воля Аллаха. Уходите. Благословляйте Бога за его милость.

Онемев, Эрикки видел, как человек махнул тем, что оставалось от его рук. Подчиняясь жесту, огоньки в пещере начали гаснуть; глаза по-прежнему смотрели на него.

Когда он оказался снаружи на ночном воздухе, ему пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не броситься сломя голову прочь. Он чувствовал себя грязным, ему хотелось тут же содрать с себя всю одежду и вымыться, намылиться и вымыться снова, снова мылиться и снова мыться.

– Прекрати, – пробормотал он, чувствуя, как мурашки ползут по коже, – тебе нечего бояться.

СРЕДА
14 февраля

ГЛАВА 27

Тюрьма «Эвин». 06.29. Тюрьма «Эвин» выглядела как любая другая современная тюрьма – в хороший ли день, в пасмурный ли – серая, навевающая мрачные мысли, огороженная высокими стенами и уродливая.

Сегодня предрассветная полоска на востоке смотрелась необычно, свет солнца, еще не поднявшегося над горизонтом, был удивительного красного оттенка. Небо очистилось от плотных туч и облаков – впервые за последние несколько недель, – и хотя воздух оставался по-прежнему холодным, день обещал быть на редкость ясным. Никакого смога. Воздух хрустящий от мороза и прозрачный, какого не было уже много дней. Легкий ветерок разгонял дым от догоравших автомобилей и баррикад, напоминавших о вчерашних столкновениях между теперь законными «зелеными повязками» и поставленными вне закона сторонниками шаха и левыми, а также полицией и вооруженными силами, вечно находящимися у властей под подозрением, и еще дым от бесчисленных очагов, на которых готовили еду и у которых грелись миллионы тегеранцев.

Редкие пешеходы, проходившие мимо стен тюрьмы и ее огромных ворот, искореженных и сбитых с петель, мимо «зеленых повязок», лениво стоявших или сидевших развалившись у временных рогаток, перекрывавших вход, прятали глаза и ускоряли шаг. Машин на улице было мало. Очередной грузовик, набитый «стражами» и арестованными, скрежеща коробкой передач, остановился у главных ворот для короткого осмотра. Рогатку отодвинули, пропуская его, и тут же вернули на место. Внутри за стенами неожиданно громыхнул винтовочный залп. Снаружи «зеленые повязки» зевали и потягивались.

С восходом солнца с верхушек минаретов зазвучали голоса муэдзинов – в большинстве случаев эти голоса, записанные на кассету, транслировались громкоговорителями. И везде, где был слышен их

призыв, правоверные бросали свои дела, поворачивались лицом к Мекке и опускались на колени для молитвы.

Джаред Бакраван остановил машину, немного не доехав до тюрьмы. Сейчас он вместе с шофером и остальными стоял на коленях и молился. Всю ночь он провел, пытаясь связаться со своими наиболее влиятельными друзьями и союзниками. Новость о незаконном аресте Пакнури и о его собственном незаконном вызове в суд разлетелась по всему базару. Все тут же пришли в негодование, но ни один не вызвался собрать тысячи базаари, чтобы провести акцию протеста, забастовку или закрыть базар. Советов ему надавали предостаточно: выразить протест лично Хомейни, выразить протест лично премьер-министру Базаргану, не ходить в суд, пойти в суд, но отказаться отвечать на вопросы, пойти и ответить на некоторые вопросы, пойти и ответить на все вопросы. «На все воля Аллаха», но никто не предложил отправиться в суд вместе с ним, даже его большой друг и один из наиболее известных адвокатов Тегерана, который поклялся, что будет гораздо больше пользы, если он от имени Бакравана встретится с судьями Верховного суда. Идти с ним не вызвался никто, кроме жены, сына и трех дочерей, молившихся сейчас позади него на своих ковриках для молитвы.

Он завершил молитву и поднялся на нетвердые нога. Шофер тут же начал сворачивать коврики. Джаред зябко поежился. Сегодня утром он оделся с большой тщательностью, на нем было толстое пальто, костюм и каракулевая шапка, но никаких колец или иных украшений.

– Я… отсюда я пройду пешком, – сказал он.

– Нет, Джаред, – начала его заплаканная жена, едва обращая внимание на звуки стрельбы вдалеке. – Тебе, конечно же, лучше прибыть туда так, как подобает лицу значительному. Разве ты не самый влиятельный базаари во всем Тегеране? Не пристало человеку твоего положения ходить пешком.

– Да-да, ты права. – Он сел на заднее сиденье машины, большого голубого «мерседеса», нового и содержавшегося в образцовом порядке. Его жена, дородная матрона, чью шикарную прическу скрывала чадра, которая покрывала и ее длинную шубу из бурой норки, села рядом с ним и взяла его под руку; ее косметика размазалась от постоянного плача. Его сын Мешанг тоже не мог сдержать слез. И его дочери, Шахразада среди них, все были в

чадрах. – Да… да, ты права. Да проклянет Аллах этих революционеров!

– Не тревожься, отец, – сказала Шахразада. – Аллах защитит тебя, ведь «стражи революции» только выполняют приказы имама, и имам следует только повелениям Аллаха. – Ее голос был таким уверенным, но выглядела она настолько расстроенной, что Бакраван забыл сказать ей, чтобы она не называла Хомейни «имамом».

– Да, – подтвердил он, – разумеется, все это лишь ошибка.

– Али Киа поклялся на Коране, что премьер-министр Базарган положит конец всей этой нелепости, – сказала жена. – Он поклялся, что постарается встретиться с ним еще вечером. Распоряжения премьер-министра, наверное, уже в… уже там.

Вчера вечером Бакраван сказал Киа, что без Пакнури ни о какой ссуде не может идти и речи, а если потревожат и его самого, весь базар взбунтуется, и всякое финансирование правительства, Хомейни, мечетей и лично Али Киа будет прекращено.

– Али не подведет, – хмуро проговорил Бакраван. – Он не посмеет. Я слишком много знаю о них всех.

Автомобиль остановился у главных ворот тюрьмы. «Зеленые повязки» уставились на него безо всякого интереса. Джаред Бакраван собрал все свое мужество.

– Я недолго.

– Да охранит тебя Аллах. Мы подождем тебя… мы подождем здесь. – Жена поцеловала его, потом остальные, пролились новые слезы, и в следующее мгновение он стоял перед «зелеными повязками».

– Салам, – произнес он. – Я… я являюсь свидетелем на суде муллы Увари.

Начальник «стражей» взял его повестку, бросил на бумагу мимолетный взгляд, держа ее вверх ногами, и сунул одному из своих людей, который умел читать.

– Он с базара, – сообщил ему молодой человек. – Джаред Бакраван.

Начальник пожал плечами.

– Покажи ему, куда идти.

Молодой «страж» пошел вперед через разбитые ворота. Бакраван двинулся за ним следом, и когда рогатка закрылась за его спиной,

большая часть его мужества оставила его. В тесном немощеном пространстве между стенами и основным зданием тюрьмы было темно и сыро. В воздухе стояла вонь. В восточной части охранники собрали вместе сотни мужчин, они сидели или лежали, сбившись в жалкие кучки и прижимаясь друг к другу от холода. Многие были в мундирах – офицеры. В западной части пространство оставалось свободным. Впереди оказались высокие ворота из железного прута, которые распахнулись, пропуская его. В комнате для ожидания он увидел десятки других людей, усталых и напуганных, сидевших на рядах скамеек, стоявших или просто расположившихся на полу; среди них были офицеры в мундирах, и Бакраван заметил одного полковника. Некоторых людей в комнате он знал в лицо: влиятельные бизнесмены, любимцы двора, администраторы, депутаты, но ни с кем из них не был знаком близко. Кто-то узнал его. Наступила внезапная тишина.

– Поживее, – раздраженно бросил молодой «страж». Лицо юноши было все изрыто оспинами. Он протолкался к письменному столу, за которым сидел измученный клерк. – Тут у нас еще один к его превосходительству мулле Увари.

Клерк взял его повестку и махнул Бакравану:

– Садитесь. Вас вызовут, когда понадобитесь.

– Салам, ваше превосходительство, – поздоровался Бакраван, шокированный его грубостью. – Когда это произойдет? Я должен был прийти сюда сразу после пе…

– На все воля Аллаха. Вас вызовут, когда вы понадобитесь, – повторил человек, жестом отсылая его прочь.

– Но я Джаред Бакраван с ба…

– Я умею читать, ага! – оборвал его человек еще более грубо. – Когда вы понадобитесь, вас позовут! Иран теперь исламское государство, где действует один закон для всех, а не один – для богатых, другой – для бедных.

Бакравана отпихнули другие люди, которых охранники подталкивали к столу. Слабея от ярости, он пробрался к стене. С одной стороны от него человек пользовался уже переполненным нужником, моча переливалась через край на пол. Несколько пар глаз внимательно рассматривали Бакравана. Несколько человек пробормотали: «Мир вам». Запах в комнате стоял отвратительный. Сердце гулко стучало в

груди. Кто-то подвинулся на скамье, освобождая ему место, и он благодарно опустился на нее.

– Благословения Аллаха да пребудут с вами, ваши превосходительства.

– И с тобой, ага, – ответил один из людей на скамье. – Вы обвиняемый?

– Нет-нет, меня вызвали как свидетеля, – ответил он потрясенно.

– Ваше превосходительство выступает как свидетель перед муллой Увари?

– Да-да, именно так, ваше превосходительство. Кто он?

– Судья, революционный судья, – пробормотал его собеседник. Это был невысокий человек на середине шестого десятка, его лицо было более морщинистым, чем у Бакравана, волосы свалялись. Он нервно подергивался. – Похоже, никто здесь не знает, что происходит, или почему их вызвали, или кто такой Увари, только то, что его назначил аятолла и он правит суд от его имени.

Бакраван заглянул человеку в глаза, прочел в них ужас и ощутил еще больший страх.

– Ваше превосходительство тоже свидетель?

– Да-да, свидетель, хотя зачем они вызвали меня, простого управляющего из почтового отделения, я не знаю.

– Почта – дело очень важное. Возможно, им нужен ваш совет. Как вы думаете, нас здесь долго продержат?

– Иншаллах. Меня вызвали вчера после четвертой молитвы, и я сижу здесь с тех самых пор. Меня продержали всю ночь. Мы должны ждать, когда нас вызовут. Это единственный туалет, – добавил старик, показывая рукой на нужник. – Самая жуткая ночь в моей жизни, кошмарная. Ночью они… было много стрельбы. Говорят, расстреляли трех генералов и с десяток сотрудников САВАК.

– Пятьдесят или шестьдесят человек, – поправил старика его сосед с другой стороны, выходя из оцепенения. – Должно быть, ближе к шестидесяти. Все тюрьма забита людьми, как деревенский матрас – клопами. Все камеры заполнены. Два дня назад «зеленые повязки» разбили ворота, смяли охрану и затолкали их всех в подземелье, выпустили большинство узников на свободу, а потом начали заполнять камеры местными, – он еще больше понизил голос, – все камеры набиты битком, заключенных теперь больше, чем во времена шаха, да

проклянет его Аллах за то, что он не… Каждый час «зеленые повязки» доставляют новых узников, федаин, моджахедин, Туде вперемешку с нами, невинными людьми, правоверными… – он заговорил еще тише, закатывая глаза и сверкая белками, – и добрыми людьми, которых вовсе не следовало бы трогать и… когда толпа ворвалась в тюрьму, они нашли здесь электрические щупы и кнуты… и столы для пыток, и… – В уголках его рта стала скапливаться пена. – … говорят, но… новые тюремщики их используют и… и, если вы сюда попали, ваше превосходительство, они вас уже не выпустят. – В маленьких глазках на опухшем лице появились слезы. – Еда ужасная, тюрьма ужасная, а… а у меня язвы в желудке, а этот клерк, сын собаки, он… он не хочет понять, что мне необходимо особое питание…

В дальнем конце комнаты с треском распахнулась дверь, и поднялся большой шум. В комнате появилось с полдюжины «зеленых повязок», которые начали прикладами расчищать проход. Позади них другие охранники окружали офицера ВВС, который гордо шел, высоко подняв голову; его руки были связаны у него за спиной, мундир растерзан, погоны сорваны. Бакраван ахнул. Это был полковник Пешади, командующий базой ВВС в Ковиссе – еще один его родственник.

Другие люди тоже узнали полковника, ибо много в свое время говорили о победоносной иранской экспедиции, посланной несколько лет назад в Дайое Дхофар в Южном Омане, успешном разгроме почти смертоносного нападения марксистов из Южного Йемена на Оман, а также о личной храбрости Пешади, который командовал иранскими танками в решающем сражении.

– Это же герой Дхофара? – произнес кто-то, не веря своим глазам.

– Да, это он…

– Храни нас Аллах! Если уж его арестовали…

Один из «стражей» нетерпеливо толкнул Пешади в спину, пытаясь заставить его идти быстрее. Полковник тут же бросился на него, хотя наручники сильно стесняли его движения.

– Сын собаки, – прокричал он, дав волю ярости. – Я и так иду так быстро, как могу. Чтоб твоему отцу гореть в аду! – «Страж» обрушил на него ответный поток проклятий, потом ударил прикладом винтовки в живот. Полковник потерял равновесие и упал, оказавшись полностью во власти обидчика. Но он не замолчал, все так же проклиная своих

тюремщиков. И продолжал проклинать их, когда они подняли его на ноги, по двое с каждой стороны, и, держа за руки, вывели на улицу, в западную часть пространства между стенами. И там он проклинал их, и Хомейни, и лже-мулл всеми именами Бога, потом воскликнул: – Да здравствует шах, нет Бога, кроме А… – Пули оборвали его на полуслове.

В комнате ожидания повисло жуткое молчание. Кто-то всхлипнул. Какого-то старика вырвало. Другие начали перешептываться, многие молиться, а Бакраван был уверен, что все это – кошмар, его усталый мозг отвергал реальность происходящего. Зловонный воздух вокруг был холодным, но ему вдруг показалось, что он задыхается в огненной печи. Я умираю? – беспомощно спросил он себя и рванул ворот рубашки. Потом почувствовал чье-то прикосновение и открыл глаза. Несколько мгновений он не мог сфокусировать взгляд или сообразить, где находится. Он лежал на полу, невысокий сосед по лавке встревожено склонился над ним.

– Вы в порядке?

– Да-да, кажется, в порядке, – слабым голосом ответил он.

– Вы упали в обморок, ваше превосходительство. Вы уверены, что вам лучше?

Со всех сторон протянулись руки и помогли ему снова сесть на лавку. Он тупо поблагодарил их. Его тело казалось ему очень тяжелым, все чувства притупились, веки налились свинцом.

– Послушайте, – шептал человек с язвой желудка, – все это как Французская революция, гильотина, террор, но как это может происходить, когда у власти стоит аятолла Хомейни, вот что мне не понятно.

– Он не знает, – произнес невысокий иранец тем же испуганным шепотом. – Не может быть, чтобы он знал, он же человек Бога, набожный и самый ученый аятолла среди всех них…

Усталость навалилась на Бакравана, и он прислонился к стене, безвольно закрыв глаза и погрузившись в сон.

Через какое-то время его встряхнула грубая рука:

– Бакраван, тебя вызывают. Пошли!

– Да-да, – промямлил он и, пошатываясь, поднялся на ноги. Слова застряли у него в горле, когда он узнал Юсуфа, начальника «зеленых повязок», которые приходили вчера вечером на базар. Спотыкаясь, он

двинулся следом за ним, проталкиваясь сквозь остальных, вышел из комнаты в какой-то коридор, поднялся по лестнице и зашагал по еще одному холодному коридору с камерами по обеим сторонам, в каждой двери – глазок, мимо охранников и других людей, которые бросали на него странные взгляды; где-то рядом раздавался чей-то плач. – Куда… куда вы меня ведете?

– Побереги силы, они тебе понадобятся.

Юсуф остановился у двери, открыл ее и втолкнул его в комнату. Комната была тесной, вызывала клаустрофобию и была битком набита людьми. В середине стоял деревянный стол, за которым сидели мулла и четыре молодых человека по обе стороны от него; на столе лежали какие-то бумаги и Коран; зарешеченное оконце высоко в стене голубело ясным небом и роняло в комнату косой столб солнечного света. У стен, прислонившись к ним, стояли «зеленые повязки».

– Джаред Бакраван, базаари, заимодавец, – сказал Юсуф.

Мулла поднял глаза от листа бумаги, который изучал.

– А, Бакраван, салам.

– Салам, ваше превосходительство, – дрожащим голосом ответил Бакраван. Мулле было лет сорок с небольшим: черные глаза и черная борода, белая чалма и потертый черный халат. Людям рядом с ним не было и тридцати, они сидели небритые или с бородами, бедно одетые; их оружие стояло у стены позади них. – Чем… чем я… могу вам помочь? – спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

– Я Увари, назначенный Революционным комитетом в качестве судьи, и эти люди тоже судьи. В этом суде правят слово Аллаха и Священная Книга. – Голос муллы был суровым, выговор выдавал в нем казвинца. – Ты знаешь Пакнури, прозванного Скрягой?

– Да, но позвольте сказать, ваше превосходительство, согласно нашей Конституции и древнему закону база…

– Просто отвечай на вопрос, – оборвал его один из молодых людей, – у нас нет времени выслушивать всякие речи. Ты знаешь его или не знаешь?

– Да, знаю, разу…

– Ваше превосходительство Увари, – прервал его Юсуф с порога. – Прошу вас, кого привести следующим?

– Пакнури, потом… – Мулла прищурился на список имен перед собой. – Потом сержанта полиции Джафруди.

Один из сидевших за столом сказал:

– Этого пса вчера ночью судил наш другой революционный суд, и сегодня утром его расстреляли.

– На все воля Аллаха. – Мулла длинной чертой вымарал имя из списка. Все имена, стоявшие в списке выше него, были зачеркнуты. – Тогда приведите Хассена Турлака, он в камере пятьсот семьдесят три.

Бакраван едва не вскрикнул. Турлак был журналистом и писателем, пользовавшимся огромным уважением; наполовину иранец, наполовину афганец, он был мужественным и страстным критиком шахского режима и даже провел несколько лет в тюрьме за свои убеждения.

Небритый молодой человек рядом с муллой раздраженно поскреб ногтями воспаленное красное пятно на лице.

– Кто этот Турлак, ваше превосходительство?

Мулла заглянул в список.

– Газетный репортер.

– Чего на него время тратить? Конечно, он виновен, – сказал третий. – Разве это не он заявлял, что слово можно менять, что слова Пророка не подходят для сегодняшнего дня? Он виновен, конечно же, виновен.

– На все воля Аллаха. – Мулла перевел внимание на Бакравана. – Пакнури. Он когда-нибудь занимался ростовщичеством?

Бакраван с усилием оторвался мыслями от Турлака.

– Нет, никогда, и он не…

– Он давал деньги взаймы под проценты?

Желудок Бакравана болезненно сжался. Он видел эти холодные черные глаза и изо всех сил пытался заставит мозг работать.

– Да, но в современном обществе про…

– Разве не ясно записано в Священном Коране, что одалживание денег под проценты является ростовщичеством и противно законам Аллаха?

– Да, ростовщичество противно законам Бога, но в современном обще…

– Священный Коран безупречен. Слово является ясным и вечным. Ростовщичество есть ростовщичество. Закон есть закон. – Глаза муллы сделались пустыми. – Вы поддерживаете закон?

– Да-да, ваше превосходительство, конечно, разумеется, поддерживаю.

– Блюдешь ли ты пять столпов ислама? – Они были обязательными для всех мусульман: произнесение шахады; совершение ритуальной молитвы пять раз в день; добровольная уплата закята, налога в размере одной десятой части годового дохода; соблюдение поста с рассвета до заката во время священного месяца рамадан и последнее – совершение хаджа, паломничества в Мекку один раз в жизни.

– Да-да, соблюдаю, кроме… кроме последнего. Я… я еще не совершил паломничества в Мекку… пока что.

– Почему же нет? – спросил молодой человек с пятнами на лице. – Денег у тебя больше, чем мух на навозной куче. С такими деньгами ты мог бы перенестись туда в любой машине, летающей по воздуху, в любой! Так почему нет?

– Я… это мое здоровье, – сказал Бакраван, боясь поднять глаза и молясь про себя, чтобы ложь прозвучала убедительно. – Мне… у меня слабое сердце.

– Когда ты в последний раз был в мечети? – спросил мулла.

– В пятницу, в прошлую пятницу, в базарной мечети, – ответил он. Это была правда, он действительно ходил туда, но не молиться, а на деловую встречу.

– Этот Пакнури, он блюдет пять столпов, как приличествует истинному правоверному? – спросил один из юношей.

– Я… я так думаю.

– Всем известно, что не блюдет, хорошо известно, что он был сторонником шаха. А?

– Он был патриотом, патриотом, который финансово поддерживал революцию и поддерживал аятоллу Хомейни, да пребудут с ним благословения Аллаха, многие годы оказывал финансовую поддержку муллам и…

– Но он говорил по-американски и работал на американцев и шаха, помогая им эксплуатировать и грабить богатства нашей земли, разве нет?

– Он… он был патриотом, который работал с иностранцами на благо Ирана.

– Когда сатана-шах незаконно создал свою партию, Пакнури вступил в нее, служил шаху в меджлисе, разве нет? – спросил мулла.

– Он был депутатом, да, – ответил Бакраван. – Но он работал для революю…

– И он голосовал за шахскую так называемую «Белую революцию», которая отняла земли у мечетей, объявила равенство женщин, насадила в стране гражданские суды и государственное образование вопреки повелениям Священного Корана…

Конечно, он голосовал за нее, хотелось закричать Бакравану; пот ручейками стекал по его лицу и спине. Конечно, мы все за нее голосовали! Разве подавляющее большинство народа не проголосовало за нее и даже многие аятоллы и муллы? Разве шах не контролировал правительство, полицию, секретные службы, САВАК, вооруженные силы и не владел большей частью страны? Шаху принадлежала верховная власть! Будь он проклят, этот шах, думал он, вне себя от ярости, будь проклят он и его «Белая революция» 1963 года, которая положила начало всей этой гнили, взбесила мулл и до сих пор продолжает преследовать нас, как чума, все эти его «современные реформы», которые являются прямой причиной подъема тогда еще мало кому известного аятоллы Хомейни к вершинам власти. Разве мы, базаари, не предупреждали шахских советников тысячу раз! Как будто хоть одна из этих реформ имела какое-то значение. Как будто хоть одна из этих реформ мо…

– Да или нет?

Вздрогнув, он очнулся от своих мыслей и обругал себя. Сосредоточься! – в панике думал он. Этот шелудивый сын прокаженной собаки пытается поймать тебя в ловушку? О чем он спрашивал? Будь осторожен… ради собственной жизни, будь осторожен! Ах, да, «Белая революция»! – Эмир Пак…

– Во имя Аллаха, да или нет? – сурово оборвал его мулла.

– Он… да… да, он голосовал за «Белую… Белую революцию», когда был депутатом меджлиса. Да-да, голосовал.

Мулла протяжно выдохнул, и юноши шевельнулись в своих креслах. Один из них зевнул и почесал себе промежность, рассеянно поигрывая со своим членом.

– Ты депутат?

– Нет… нет, я подал в отставку, когда аятолла Хомейни отдал такой приказ. В…

– Ты хочешь сказать, когда имам Хомейни, *имам* приказал это?

– Да-да, – выпалил Бакраван, плохо соображая, – я подал в отставку… э-э… сразу же, когда имам приказал это, я… я тут же подал в отставку, – сказал он и не добавил: «Мы все подали в отставку» – это была идея Пакнури, – когда это стало безопасно и когда стало ясно, что шах решил уйти и передать власть умеренному и рассудительному премьер-министру Бахтияру, но не для того, чтобы власть узурпировал Хомейни, хотелось проорать ему, этого никто не планировал! Будь прокляты американцы, которые нас продали, генералы, которые нас продали, шах, который виноват во всем! – Все знают… знают, как я поддерживал имама, да живет он вечно.

– Да, пусть пребудут с ним благословения Аллаха, – эхом отозвался мулла вместе с остальными. – Но ты, Джаред Бакраван, базаари. Ты когда-нибудь занимался ростовщичеством?

– Никогда, – тут же произнес Бакраван, искренне веря в это, хотя страх и терзал его. Все свою жизнь я давал деньги в долг, но процент всегда был справедливым и разумным, ни в коем случае не ростовщическим, думал он, никогда в жизни. И все это время я был советником различных лиц и министров, договариваясь о ссудах, частных и государственных, зарабатывая деньги, очень много денег, это был хороший бизнес и совершенно законный. – Я противодействовал… противодействовал «Белой революции» и шаху везде, где мог… все знают, что я был про…

– Шах совершил преступления против Бога, против ислама, против Священного Корана, против имама, да охранит его Аллах, против шиитской веры. Все, кто помогал ему, виновны в равной степени. – Взгляд муллы был непреклонным. – Какие преступления ты совершил против Аллаха и слова Аллаха?

– Никаких, – вскричал Бакраван, доведенный почти до предела. – Именем Аллаха клянусь, никаких!

Дверь распахнулась. В комнату вошел Юсуф, он привел Пакнури. Бакраван едва опять не упал в обморок. Руки Пакнури были скованы наручниками у него за спиной. Брюки покрывали пятна мочи и кала, перед пальто был испачкан блевотиной. Голова бесконтрольно

подергивалась, волосы свалялись и перепачкались, разум оставил его. Когда Пакнури увидел Бакравана, лицо его исказила гримаса.

– Ах, Джаред, Джаред, мой старый друг и коллега, ваше превосходительство, ты тоже оказался в аду вместе со всеми нами? – На мгновение он захлебнулся истерическим хохотом. – Он не такой, каким я его представлял, дьяволы еще не явились, нет пока ни кипящего масла, ни пламени, но вместо воздуха одна только вонь, и ты прижат к другим, нельзя ни сесть, ни лечь, можно только стоять, а потом снова начинаются вопли и выстрелы, и ты все время стоишь на икринке, набитый в банку, как черная икринка, только… только… только… – Его бессвязное бормотание смолкло, едва он увидел муллу. Ужас поглотил его целиком. – Ты… ты Бог?

– Пакнури, – мягко произнес мулла, – ты обвиняешься в преступлениях против Бога. Этот человек, свидетельствующий против тебя, говорит, что ты…

– Да-да, я совершал преступления против Бога, – пронзительно закричал Пакнури. – За что же еще я попал в ад? – Он упал на колени, обливаясь слезами, и бессвязно затараторил: – Нет Бога, кроме Бога, и нет Бога, нет Бога, и Мухаммад посланник Его, не от Бога и… – Внезапно он замолчал. Его лицо исказилось еще больше, когда он поднял его от пола. – Я Бог, ты – Сатана!

Один из юношей нарушил потрясенное молчание:

– Он богохульствует. Он одержим Сатаной. Он признал себя виновным. На все воля Аллаха.

Все остальные согласно кивнули. Мулла произнес:

– На все воля Аллаха. – Он сделал знак одному из «зеленых повязок», который рывком поднял Пакнури на ноги и вывел его из комнаты, потом перевел взгляд на Бакравана, который стоял, уставившись вслед своему другу, ужасаясь тому, как быстро – всего за одну ночь – его уничтожили. – Так, Бакраван, ты до…

– Я привел этого Турлака, он ждет снаружи, – прервал его Юсуф.

– Хорошо, – кивнул мулла.

Он вперил свой взгляд в Бакравана, и Бакраван понял, что погиб так же, как погиб его друг Пакнури, и что приговор будет таким же. Кровь застучала у него в ушах. Он увидел, как задвигались губы муллы, потом они перестали двигаться, и все уставились на него.

– Простите? – оцепенело проговорил он. – Я… простите, я не расслышал, что вы… что вы сказали.

– Вы можете идти. Пока что. Исполняйте труд Божий. – Мулла бросил нетерпеливый взгляд на одного из «зеленых повязок», высокого человека с уродливым лицом. – Ахмед, выведи его! – Потом Юсуфу: – После Турлака – капитана полиции Мохаммеда Дези, камера девятьсот семнадцать…

Бакраван почувствовал, как его дергают за руку, повернулся и вышел. В коридоре он едва не упал, но Ахмед подхватил его и с неожиданной добротой прислонил к стене.

– Отдышитесь, ваше превосходительство, – сказал он.

– Я… я свободен и могу идти?

– Я уж точно удивлен не меньше вашего, ага, – сказал охранник. – Клянусь Аллахом и Пророком, вы – первый, кого сегодня отпустили, без разницы, свидетеля или обвиняемого.

– Я… есть тут… есть тут где-нибудь вода?

– Здесь нет. Зато ее полно снаружи. Вам лучше всего покинуть это место. – Ахмед понизил голос: – Лучше уйти, а? Обопритесь о мою руку.

Бакраван благодарно уцепился за него, едва дыша. Медленно они вернулись тем же путем, каким он сюда пришел. Он едва замечал других охранников, заключенных, свидетелей. В коридоре, который вел в комнату ожидания, Ахмед толкнул плечом боковую дверь, которая вела на западную площадку. Расстрельная команда стояла в готовности, три человека были привязаны к столбам перед ними. Один столб пустовал. Мочевой пузырь и кишечник Бакравана опорожнились сами по себе.

– Шевелись, Ахмед! – раздраженно бросил начальник.

– На все воля Бога, – произнес Ахмед. С радостным лицом он полуволоком подтащил Бакравана к пустому столбу рядом с Пакнури, который все так же бессвязно бормотал, заблудившись в своем собственном аду. – Стало быть, убежать у тебя все-таки не получилось. Вот и правильно, мы все слышали твои лживые слова, которые ты произносил перед лицом Бога. Мы все тебя знаем, знаем твои повадки, знаем твое безбожие, даже то, как ты пытался купить себе путь на небеса своими подарками имаму, да хранит его Аллах. Откуда у тебя взялись все эти деньги, как не через ростовщичество и воровство?

Залп получился неточным. Начальник лениво воспользовался револьвером, чтобы добить одного из приговоренных, потом – Бакравана.

– Я бы ни за что не узнал его, – коротко бросил он. – Лишний раз показывает всю мерзость этих газет, и как они врут.

– Это не Хассен Турлак, – сказал Ахмед, – он будет следующим.

Начальник тупо уставился на него.

– Тогда кто же этот?

– Базаари, – ответил Ахмед. – Базаари все ростовщики и безбожники. Я знаю. Много лет я проработал там на Фаразана, собирая по утрам ночные нечистоты, как мой отец до меня, пока не стал каменщиком вместе с Юсуфом. Но этот вот… – Он рыгнул. – Этот был самым богатым ростовщиком. Я про него много не помню, только то, какой он был богатый, но я помню все про его женщин, он никогда не держал своих женщин в узде и не учил их, и они никогда не носили чадру, выставляя себя напоказ. Я все помню про его дочь-дьяволицу, которая иногда приходила на улицу заимодавцев, сама полуголая, кожа, как свежие сливки, волосы развеваются, груди качаются, ягодицы манят – та, которую звали Шахразада, которая должна быть похожа на тех гурий, которых нам обещают в раю. Я все помню про нее, и как я проклял ее за то, что она поселила зло в моей голове, сводя меня с ума, как мы все ее прокляли за то, что она искушала нас. – Он почесался в паху, чувствуя, как твердеет его член. Пусть Аллах проклянет ее и всех женщин, которые нарушают закон Бога и вызывают в нас злые мысли вопреки слову Аллаха. О Аллах, дай мне войти в нее или сделай меня мучеником и впусти прямо в рай, чтобы я мог сделать это там. – Он был виновен в каждом преступлении, – сказал он, повернулся и пошел.

– Но… но был ли он приговорен? – крикнул начальник расстрельной команды ему в спину.

– Аллах приговорил его, разумеется. Он и приговорил. Столб ждал, и ты велел мне поторопиться. Это была воля Бога. Бог велик, Бог велик. Сейчас я приведу Турлака, богохульника. – Ахмед пожал плечами. – Это была воля Бога.

ГЛАВА 28

Недалеко от Бендер-Делама. 11.58. Настало время полуденной молитвы, и древний, ветхий, полуразвалившийся автобус остановился на обочине дороги. Послушно, следуя примеру муллы, который оказался серди пассажиров, все мусульмане вышли из автобуса, расстелили свои коврики для молитвы и сейчас посвящали души свои Богу. Кроме семьи индусов, которая боялась потерять свои места, большинство остальных пассажиров-немусульман тоже вышли – Том Локарт среди них, – радуясь возможности размять ноги или справить нужду. Армянские христиане, восточные евреи, чета кочевников-кашкайцев, которым, хотя они и были мусульманами, древний обычай разрешал пропускать полуденную молитву, а их женщинам не носить чадру, два японца, несколько арабов-христиан – все они ощущали присутствие одинокого европейца.

День выдался теплым, чуть туманным; воздух был влажным из-за близости Персидского залива. Том Локарт устало прислонился спиной к капоту, из-под которого шел парок – двигатель перегрелся. После форсированного марш-броска от плотины Диз, оставшейся теперь в трехстах с лишним километрах к северу, и езды в переполненном, шумном, невыносимо неудобном автобусе у него болела голова, ныли все мышцы и суставы. Все дорогу от Ахваза, где ему удалось уговорить «зеленых повязок» пропустить его в автобус, он просидел зажатым на сиденье для двух человек между еще двумя мужчинами, один из которых оказался молодым «стражем ислама», который держал на коленях свою М14 вместе с ребенком, которого он взял у своей беременной жены, стоявшей в узком проходе, рассчитанном на пятнадцать человек, вместе с тремя десятками других пассажиров. Каждое сиденье было точно так же забито мужчинами, женщинами и детьми всех возрастов. Воздух в автобусе был спертым, люди бормотали на множестве языков. Над головой и под ногами – сумки, свертки, ящики, набитые овощами или полумертвыми курами, пара маленьких, недокормленных коз со спутанными ногами; багажная полка на крыше автобуса так же переполнена.

Но мне чертовски повезло, что я здесь, думал он, и горькое чувство вернулось к нему, пока он вполуха слушал размеренный речитатив шахады.

Вчера, незадолго до заката, когда он услышал, как 212-й взлетел с плотины Диз, он вылез из-под низенькой пристани, благословляя

Господа за свое спасение. Вода была очень холодной, и его бил озноб, но он подобрал оставленный на помосте автоматический пистолет, проверил, исправно ли он работает, и направился в дом. Дверь оказалась не заперта. В приятно урчащем холодильнике, который питался от генератора, он нашел еду и питье. Внутри дома было тепло. Он снял с себя одежду и высушил ее над калорифером, проклиная Валика и Селади и посылая их в преисподнюю:

– Сукины дети! Что, черт подери, я им сделал такого, кроме того, что спас их вонючие шеи?

Тепло и уют роскошного дома искушали его. Усталость отзывалась нытьем во всем теле. Прошлую ночь в Исфахане он провел почти без сна. Я мог бы выспаться и уйти с рассветом, подумал он. У меня есть компас, и я более-менее знаю, куда идти: обогнуть летное поле, про которое говорил Али Аббаси, потом двигаться почти строго на восток, чтобы выйти на шоссе Керманшах – Ахваз – Абадан. Там, должно быть, нетрудно сесть в автобус или найти попутную машину. Или я мог бы отправиться прямо сейчас; луна светлая, дорогу будет хорошо видно, и я тогда не окажусь здесь в ловушке, если военная база пришлет патруль, – Али тревожился на этот счет не меньше Селади, и нас легко могли заметить на подлете. Легко. Но в любом случае, если тебя остановят, какую историю ты им расскажешь?

Он думал об этом, пока наливал себе бренди с содовой и готовил поесть. Валик с остальными открыли две полукилограммовые банки лучшей белужьей икры и беспечно оставили обе недоеденными на маленьком столике в гостиной. Он с удовольствием поел, потом бросил банки в мусорное ведро, стоявшее под дверью у дальней стены дома. После чего он запер дом на ключ и отправился в путь.

Дорога скорым шагом через горы оказалась тяжелой, но не такой, как он ожидал. Вскоре после рассвета он спустился к шоссе Керманшах – Ахваз – Абадан. Почти сразу же его подобрали какие-то корейские строители; их эвакуировали со сталелитейного завода, который по контракту они строили в Керманшахе, – помогать другим иностранцам на иранских дорогах стало почти обычаем для иностранцев в Иране. Они направлялись в аэропорт Абадана, где, как им сказали, их будет ждать транспорт, чтобы доставить домой в Корею.

– Много сражайся в Керманшах, – рассказали они ему на ломаном английском. – Каждый в оружии. Иранцы убивай иранцы. Все как без ума, варвары – хужей, чем японцев.

Они высадили его у автобусной станции в Ахвазе. Каким-то чудом ему удалось уговорить иранцев продать ему билет на автобус, который проезжал через Бендер-Делам.

Да. Но что теперь? Он с угрюмым видом вспоминал, как, выбросив банки из-под черной икры, он, после минутного размышления, достал их из ведра и зарыл, потом вернулся в комнату и протер бокал, из которого пил, и даже дверную ручку. Тебе бы надо на голову провериться; как будто они и в самом деле стали бы снимать отпечатки пальцев! Н-да, но в тот момент я думал, что будет лучше не оставлять никаких следов моего там пребывания.

Ты сошел с ума! Ты внесен в разрешение на полет, выданное в Тегеране, потом тебе еще отчитываться за несанкционированную остановку, чтобы забрать Валика и его семью, побег из Исфахана, транспортировку «врагов государства» и оказание им помощи при побеге – будь то перед САВАК или Хомейни, никакой разницы! И как S-G и Мак-Айвер объяснят пропажу иранского вертолета, который всплывет в Кувейте или Багдаде или куда он там еще направится, черт его раздери?

Ну и кавардак!

Да. А потом еще есть Шахразада…

– Не тревожьтесь, ага, – нарушили его мысли слова на фарси, – все мы в руках Божьих. – Это был мулла, который стоял перед ним с улыбкой на лице. Это был моложавый человек с бородой, он сел в автобус в Ахвазе с женой и тремя детьми. За плечом у него висела винтовка. – Водитель сказал, что вы говорите на фарси и что вы из Канады и человек Книги.

– Да-да, так и есть, ага, – ответил Локарт, собираясь с мыслями. Он увидел, что молитва закончилась, и все теперь столпились у двери в автобус.

– Тогда вы тоже попадете в рай, как обещал Пророк, если вас сочтут достойным, хотя и не в нашу его часть. – Мулла смущенно улыбнулся. – Иран станет первым подлинно исламским государством в мире со времен Пророка. – Снова робкая улыбка. – Вы… вы первый

человек Книги, которого я встретил и с которым говорил. Вы научились говорить на фарси в школе?

– Я ходил в школу, ваше превосходительство, но в основном я учился у частных преподавателей.

Локарт поднял свою летную сумку, которую из предосторожности взял с собой, выходя из автобуса, и встал в очередь у двери. Его место оказалось занятым. Рядом с дорогой несколько пассажиров справляли нужду, маленькую и большую – мужчины, женщины, дети.

– А его превосходительство работает в нефтяном бизнесе? – Мулла встал в очередь рядом с ним, и люди тотчас отступили в сторону, пропуская его вперед. Внутри автобуса пассажиры уже ссорились, несколько человек кричали водителю, чтобы он трогался.

– Да, на вашу великую «Иран Ойл», – ответил Локарт, остро чувствуя любопытство тех, кто стоял рядом, они толкались, чтобы подобраться поближе и ничего не пропустить. Теперь уже недолго, подумал он, до аэропорта должно оставаться никак не более нескольких миль. Перед самым полуднем он разглядел в небе 212-й, летевший со стороны залива. Вертолет был слишком далеко, чтобы определить, гражданский он или военный, но двигался он в общем направлении аэропорта. Здорово будет повидать Руди и остальных, выспаться хорошенько и…

– Водитель говорит, вы были в отпуске недалеко от Керманшаха.

– В Луристане, южнее Керманшаха. – Локарт сосредоточился. Он повторил мулле историю, на которой в итоге остановился, ту самую, которую он рассказал продавцу автобусных билетов в Ахвазе и «зеленым повязкам», тоже пожелавшим узнать, кто он такой и как оказался в Ахвазе. – Я проводил отпуск к северу от Луристана, бродил пешком по тамошним горам и застрял в одной деревеньке из-за снегопада – целую неделю не мог выбраться. Вы едете в Шираз? – Это был конечный пункт данного автобусного маршрута.

– В Ширазе стоит моя мечеть, и я там родился. Пойдемте, мы сядем вместе. – Мулла занял ближайшее место рядом с каким-то стариком, посадил одного из детей к себе на коленку, поставил винтовку между ног и оставил Локарту как раз достаточно места на сиденье со стороны прохода. Локарт неохотно подчинился: ему вовсе не улыбалось сидеть рядом с разговорчивым и любопытным муллой, с другой стороны, он был благодарен ему за место. Автобус быстро

заполнялся. Люди проталкивались мимо, стараясь найти себе местечко или продвинуться дальше в автобус. – Ваша страна Канада граничит с Великим Сатаной, не так ли?

– Канада имеет общую границу с Америкой, – сказал Локарт, чувствуя, как в нем нарастает злость. – Подавляющее большинство американцев – люди Книги.

– Ах да, но многие из них евреи и сионисты, а евреи, сионисты и христиане против Ислама, враги ислама и потому против Бога. Правда ли, что евреи и сионисты правят Великим Сатаной?

– Если вы имеете в виду Америку, то нет, ага, это не правда.

– Но если имам так говорит, так оно и есть. – Мулла был вполне уверен, говорил мягко и процитировал Коран: – «Ибо Бог рассердился на них, и в муках пребудут они веки вечные». – Потом он добавил: – Если има…

В хвосте автобуса возникла суматоха, и, обернувшись, они увидели, как один из иранцев зло выдернул индуса в чалме с его сиденья и уселся на его место. Индиец выдавил на лице улыбку и остался стоять. Согласно обычаю, занявший место первым получал право сидеть на нем беспрепятственно. Новая волна голосов поднялась, когда другой иранец, зажатый в проходе, начал громко проклинать всех иноземцев. Он был одет в грубую одежду, вооружен и стоял рядом с двумя японцами, теснившимися на сиденье рядом со старым курдом в лохмотьях, и испепелял их взглядом.

– Почему это неверные из чужих земель сидят, когда мы стоим? Хвала Аллаху, мы больше не являемся лакеями неверных! – еще злее проговорил иранец и дернул большим пальцем. – Вставай!

Японцы не шевельнулись. Один из них снял очки и улыбнулся иранцу. Тот поколебался, начал было бушевать, но передумал, потом повернулся к водителю и прокричал, чтобы тот побыстрее отправлялся. За секунду до того как опять надеть очки, японец поймал взгляд Локарта, кивнул и улыбнулся.

Локарт улыбнулся в ответ. В Ахвазе, где все они проталкивались в автобус, один из японцев сказал Локарту на неплохом английском: «Держитесь за нами, сэр, в час пик влезть в токийские автобусы и поезда гораздо труднее». С подчеркнутой и неизменной вежливостью эти двое ловко пробрались внутрь, нашли место ему и сами устроились на заднем сиденье. Во время полуденной остановки они

перебросились парой слов, рассказав ему, что они инженеры, возвращающиеся из отпуска, и направляются на предприятие «Иран-Тода».

– А, – с удовлетворением произнес мулла, увидев, как водитель забирается на свое сиденье, – теперь мы тронемся дальше, хвала Аллаху.

С большой помпой водитель завел мотор, и автобус покатил вперед.

– Следующая остановка – Бендер-Делам, – объявил водитель. – Если будет угодно Богу.

– Если будет угодно Богу. – Мулла был очень доволен. Он снова повернулся к Локарту и прокричал, перекрывая гул голосов в автобусе: – Ага, вы говорили о Великом Сатане?

Локарт уже успел закрыть глаза и притвориться, что не слышит.

Мулла коснулся его.

– Вы говорили, ага, про Великого Сатану?

– Я ничего не говорил, ага.

– Что? Я вас не расслышал.

Локарт сохранял вежливое выражение лица, понимая, в какой он опасности, и повторил погромче:

– Я ничего не говорил, ага. Ехать в автобусе так утомительно, не правда ли? – Он снова закрыл глаза. – Наверное, я вздремну немного.

– Почему вы ничего не говорите? – прокричал ему молодой иранец, стоявший рядом в проходе, перекрывая натужный рев мотора. – Америка виновата во всех наших бедах. Если бы не было Америки, во всем мире был бы мир!

Локарт угрюмо продолжал держать глаза закрытыми и постарался отключить слух, чувствуя, что он вот-вот сорвется, – половина его желала сейчас, чтобы пистолет был у него в кармане, вторая половина радовалась, что он лежит у него в сумке. Он почувствовал, как мулла трясет его за плечо.

– Прежде чем вы уснете, ага, скажите, разве вы не согласны, что без американского зла мир был бы лучше?

Локарт подавил в себе гнев и просто остался сидеть с закрытыми глазами. Его снова тряхнули, гораздо грубее, на этот раз со стороны прохода, и человек прокричал ему в самое ухо:

– Отвечайте его превосходительству!

Локарту вдруг до смерти осточертела вся эта антиамериканская пропаганда, вся эта ложь, которой их постоянно кормили. Побелев от ярости, он открыл глаза, спихнул с плеча руку молодого иранца и разразился на английском:

– Что ж, я скажу тебе, мулла. Я скажу, что тебе лучше возблагодарить Аллаха за то, что Америка существует, потому что, если бы ее не было, во всем мире ни черта бы не было, и мы все торчали бы в каком-нибудь проклятом концлагере или лежали бы в чертовой земле, вы, я, этот дурень и даже Хомейни!

– Что?

Он увидел, что мулла смотрит на него, разинув рот, и осознал, что говорил по-английски. Накинув себе на рот жесткую узду, он заговорил на фарси, понимая, что логически он никогда ничего не объяснит:

– Я цитировал Библию на английском, – сказал он, сочиняя на ходу. – Это место, когда Авраам разгневался. Разве не сказал Авраам, что зло ходит по земле во многих обличьях? Долг верующего состоит в том, чтобы… в том, чтобы остерегаться зла, любого зла, всякого зла! Не так ли?

Мулла странно посмотрел на него и процитировал из Корана:

– «И сказал Бог Ибрахиму: я сделаю тебя для людей имамом. Сказал Ибрахим: и из моего потомства? Сказал Бог: не объемлет завет мой неправедных».

– Я согласен, – ответил Локарт. – А теперь я должен обратить свои мысли к Богу, Богу Единому, Богу Авраама, и Моисея, и Иисуса, и Мухаммада, да славится имя Его! – Локарт закрыл глаза. Сердце колотилось в груди. В любой момент он ждал удара прикладом в лицо от разозлившегося молодого иранца или крика муллы, требующего остановить автобус. Пощады он не ждал. Но момент прошел, и его оставили наедине с его, как они думали, молитвами.

Мулла вздохнул, теснота заставляла его прижиматься к этому неверному. Интересно, как неверный совершает молитву? Что он говорит Богу – даже человек Книги? Воистину, они достойны жалости!

Аэропорт Бендер-Делама. 12.32. Машина с эмблемой иранских ВВС пролетела мимо сонных охранников у ворот, на которых трепетал зеленый флаг Хомейни, и в клубах пыли остановилась возле трейлера,

в котором размещался рабочий кабинет Руди. Из машины вышли два офицера в чистых аккуратных мундирах. Их сопровождали три человека из «зеленых повязок».

Руди Лутц вышел из трейлера, чтобы поприветствовать офицеров – майора и капитана. Когда он узнал капитана, его лицо просветлело.

– Привет, Хушанг, а я тут все гадал, как ты…

Тот из офицеров, что был постарше, оборвал его:

– Я майор Казани, служба разведки ВВС. Что делал подконтрольный вам иранский вертолет, пытаясь покинуть воздушное пространство Ирана, раз за разом отказываясь подчиниться указаниям перехвата и полностью игнорируя приказы наземной службы радиолокационного контроля?

Руди непонимающе уставился на него.

– Только один из моих вертолетов находится в воздухе, и он выполняет экстренную эвакуацию пострадавших, которую запросил центр радиолокационного контроля Абадана.

– Его регистрационный номер?

– EP-HXX. Что все это значит?

– Именно это я и хочу выяснить. – Майор Казани прошел мимо него в трейлер и опустился на стул. «Зеленые повязки» и второй офицер вошли за ним следом и закрыли дверь.

– Что такое этот HXX? Это 206-й или 212-й? – спросил майор.

– Это 206-й. Что в…

– Сколько 212-х у вас здесь?

– Два. HXX и HGC. Абаданский радар вчера выдал HXX разрешение на рейс в Ковисс для экстренной эвакуации пострадавших во время нападения федаин на рассвете вчерашне…

– Да, мы об этом слышали. И о том, как вы помогли «стражам» отправить их в ад, которого они заслуживают, за что вам большое спасибо. Является ли EP-HBC регистрационным номером 212-го вертолета компании S-G?

Руди замешкался с ответом.

– Так сразу я сказать не могу, майор. У меня нет здесь списка всех наших 212-х машин, но я мог бы выяснить. Если мне удастся связаться с нашей базой в Ковиссе. Радиосвязи нет уже сутки. А теперь, пожалуйста, я помогу, чем могу, но что все это значит?

Майор Казани закурил сигарету, предложил одну и Руди, но тот покачал головой.

– Речь идет о 212-м, EP-HBC, мы полагаем, это 212-й, на котором летают пилоты S-G, с неизвестным количеством людей на борту, который пересек иракскую границу перед самым закатом прошлой ночью, не имея никаких разрешений, игнорируя, как я уже сказал, совершенно игнорируя прямые приказы по радио посадить машину.

– Мне об этом ничего не известно. – Мозг Руди лихорадочно работал. Должно быть, кто-то пытался сбежать, думал он. – Это не наша птичка. Мы здесь даже двигатели завести не можем без разрешения абаданского центра радиолокационного контроля. Это стандартная процедура.

– Как вы тогда объясните появление этого HBC?

– Это мог быть вертолет компании «Герни», вывозивший их сотрудников, или «Белл», или любой другой вертолетной компании. В последнее время было очень трудно, иногда невозможно, подать на утверждение план полета. Вы знаете, насколько… э-э… подвижным был радар последние несколько недель.

– «Подвижный» – неудачное слово, – сказал капитан Хушанг Аббаси. Это был стройный, очень красивый офицер с аккуратно подстриженными усиками, в черных очках, на своем мундире он носил крылья. Весь прошлый год он прослужил на Харке, где они с Руди и познакомились. – А если это был вертолет S-G?

– Тогда всему будет дано надлежащее объяснение. – Руди был рад, что Хушанг пережил революцию, особенно учитывая то, что он всегда открыто критиковал вмешательство мулл в дела государства. – Вы уверены, что полет был несанкционированным?

– Я уверен, что законно летающие вертолеты имеют соответствующие разрешения, законно летающие вертолеты подчиняются приказам наземного управления воздушным движением и законно летающие вертолеты не совершают уклоняющихся маневров и не торопятся за границу, – ответил Хушанг. – И я почти уверен, что видел эмблему S-G при первом заходе, Руди.

Глаза Руди прищурились. Хушанг был очень хорошим пилотом.

– Вы пилотировали перехватчик?

– Я возглавлял звено, которое было поднято по тревоге.

Молчание в трейлере сгустилось.

– Вы не возражаете, если я приоткрою окно, майор? Этот дым, у меня от него голова разболелась.

– Если НВС окажется вертолетом S-G, у кого-то проблем окажется побольше, чем просто головная боль, – раздраженно проговорил майор.

Руди открыл окно. НВС похоже на один из наших регистрационных номеров. Что же, черт подери, пошло не так? Последние несколько дней нас словно злой рок преследует: сначала этот психопат Затаки и убийство нашего механика, потом бедный старина Кияби, потом эти богом проклятые федаин из левых устроили вчера нападение, едва не переубивав нас и ранив Джона Тайрера – Господи, я надеюсь, он поправится! – а теперь вот еще на тебе!

Он опустился на стул, чувствуя себя очень усталым.

– Максимум, что я могу сделать, это спросить.

– Как далеко на север простирается ваша зона обслуживания? – спросил майор.

– В обычных условиях? До Ахваза. Дизфуль будет, пожалуй, крайней точкой для на… – Зазвонил телефон внутренней связи. Он поднял трубку и не заметил многозначительного взгляда, которым обменялись офицеры. – Алло?

Это был Фаулер Джойнз, его старший механик.

– Ты в порядке?

– Да. Спасибо. Никаких проблем.

– Кричи, если понадобится помощь, старина, мы мигом придем на выручку. – Трубку положили.

Руди повернулся к майору, чувствуя себя лучше. С того момента, когда он сцепился с Затаки, все его люди и пилоты относились к нему так, будто он был самим Лэрдом Гавалланом. А со вчерашнего дня, когда отбили нападение федаин, даже «зеленые повязки» из комитета относились к нему почтительно – все, кроме директора базы Йемени, который все еще пытался показать ему, кто тут главный. – Дизфуль будет крайней досягаемой точкой. В один конец. Один раз мы… – Руди замолчал. Он собирался сказать: «Один раз мы доставили нашего территориального директора в Керманшах», но тут нахлынули воспоминания о зверском и бессмысленном убийстве босса, Кияби, и он опять ощутил приступ дурноты.

Он увидел, что майор и Хушанг пристально смотрят на него.

– Извините, я хотел сказать, майор, что один раз мы сделали чартерный рейс до Керманшаха. С дозаправкой, как вы знаете, мы можем покрывать большие расстояния.

– Да, капитан Лутц, да, мы знаем. – Майор затушил окурок сигареты и закурил другую. – Премьер-министр Базарган, с предварительного, разумеется, одобрения аятоллы Хомейни, – осторожно добавил он, не доверяя ни Аббаси, ни «зеленым повязкам», среди которых тоже мог найтись человек, тайно понимавший английский, – выдал строгие указания касательно всех воздушных средств передвижения в Иране, в особенности вертолетов. Мы попробуем связаться с Ковиссом прямо сейчас.

Они отправились в радиорубку. Йемени тут же заявил, что не может дать разрешения на установление связи без одобрения местного комитета, членом которого он себя назначил как единственный человек, умеющий читать и писать. Один из «зеленых повязок» отправился, чтобы привести их, но майор отменил решение Йемени и сумел настоять на своем. Ковисс на их вызовы не откликнулся.

– На все воля Аллаха. Когда стемнеет, связь будет лучше, ага, – сказал на фарси радист Джахан.

– Да, благодарю вас, – ответил майор.

– А что вам нужно, ага? – грубо спросил Йемени, разозленный этим вторжением; шахские мундиры доводили его едва не до исступления. – Я узнаю для вас, что вам нужно!

– Ты мне ни за чем не нужен, сын собаки, – зло рявкнул на него майор, и все вздрогнули, а Йемени словно парализовало. – Если будешь мне надоедать, я поставлю тебя перед нашим трибуналом за препятствование работе премьер-министра Базаргана и самого Хомейни! Вон отсюда!

Йемени сиганул за дверь. «Зеленые повязки» расхохотались, и один из них сказал:

– Хотите, я расколочу ему башку для вас, ага?

– Нет-нет, спасибо. Он значит не больше, чем муха, усевшаяся на верблюжью какашку. – Майор Казани задымил свой сигаретой, утонув в клубах дыма, и задумчиво посмотрел на Руди. Весть о том, как этот немец спас Затаки, самого влиятельного командира «стражей революции» в округе, облетела всю их военную базу.

Он встал и подошел к окну. За окном ему была видна его машина, зеленый флаг Хомейни и слоняющиеся без дела «зеленые повязки». Мразь, подумал он. Сыновья собаки, все до единого. Мы избавились от американских пут и влияния и помогли вышвырнуть шаха не для того, чтобы отдать власть над нашими жизнями и нашими прекрасными самолетами завшивевшим муллам, как бы храбры ни были некоторые из них.

– Ты остаешься здесь, Хушанг. Я дам тебе двух «стражей», – сказал он. – Жди здесь, поговоришь с Ковиссом вместе с ним. Я потом пришлю за тобой машину.

– Есть, сэр.

Майор посмотрел на Руди, взгляд его был тяжелым. По-английски он сказал:

– Я хочу знать, является ли НВС вертолетом компании S-G, где он базировался, как попал в эти края и кто был на борту. – Снаружи он отдал необходимые распоряжения и умчался в вихре пыли.

Хушанг послал «стражей» рассказать остальным, что происходит. Теперь они с Руди остались одни.

– Ну вот, – сказал он, улыбнулся и протянул руку. – Я рад видеть тебя, Руди.

– Я тоже. – Руди тепло пожал протянутую руку. – Я тут все спрашивал себя, как ты… э-э… как там у тебя дела.

Хушанг рассмеялся:

– Ты имеешь в виду, не пустили ли меня в расход? О, не верь всем этим россказням, Руди. Нет. Все просто отлично. Когда меня перевели из Харка, некоторое время я провел в Дошан-Таппехе, потом приехал на базу ВВС в Абадане.

Руди ждал.

– А потом?

– Потом? – Хушанг задумался на мгновение. – Потом, когда его им… когда шах покинул Иран, наш начальник базы выстроил нас на плацу, всех до единого, и объявил, что считает принесенные нами клятвы верности исполненными. Все мы в вооруженных силах присягали лично шаху, но когда он уехал, наши клятвы выглядели как бы отвергнутыми. Наш командир спросил нас всех, офицеров и рядовых, что мы были намерены делать, остаться или уехать, но в конце он сказал: «На этой базе передача власти новому законному

правительству пройдет организованно и без всяких беспорядков». Нам дали двенадцать часов на раздумье. – Хушанг нахмурился. – Некоторые предпочли уйти, главным образом старшие офицеры. А что бы ты сделал, Руди?

– Остался бы. Конечно. *Heimat ist immer Heimat.*

– Что?

– Родина всегда остается родиной.

– О да. Да, так я и подумал. – Тень легла на его лицо. – После того как мы все сделали свой выбор, наш начальник пригласил аятоллу Ахвази, нашего главного аятоллу, и официально передал ему власть. Потом застрелился. Он оставил посмертную записку, в которой говорилось: «Все свою жизнь я служил шаху Мохаммеду Резе, как мой отец служил Реза-шаху, его отцу. Я не могу служить муллам или политикам или жить, дыша вонью предательства, которая заполнила эту землю».

Руди поколебался.

– Он имел в виду американцев?

– Майор думает, что он имел в виду генералов. Некоторые из нас полагают, что он имел в виду… предательство ислама.

– Предательство ислама Хомейни? – Руди увидел, что Хушанг смотрит на него, взгляд карих глаз бесхитростен и прям, лицо словно высечено рукой скульптора, и на секунду у Руди появилось тревожное чувство, что это уже не его друг, а кто-то другой, надевший то же самое лицо. Кто-то, кто может быть готов поймать его в ловушку. В какую ловушку?

– Думать так – значит совершить государственную измену. Не правда ли? – произнес Хушанг. Это было скорее утверждение, а не вопрос, и еще один предостерегающий разряд пробежал по Руди. – Мне страшно за Иран, Руди. Мы так беззащитны, так ценны для обеих супердержав, и столь многие рядом с нами ненавидят и завидуют нам.

– О, но ваши вооруженные силы самые крупные и наиболее хорошо оснащенные в этой части мира. Вы – главная сила в заливе. – Он подошел к маленькому встроенному холодильнику. – Как насчет бутылочки ледяного пива на двоих?

– Нет, спасибо.

Обычно они с удовольствием распивали одну на двоих.

– Ты на диете? – спросил Руди.

Его собеседник покачал головой и улыбнулся странной улыбкой.

– Нет, я совсем бросил пить. Это мой подарок новому режиму.

– Тогда мы выпьем чаю, как в былые времена, – сказал Руди, как ни в чем не бывало прошел на кухню и поставил чайник на плиту. Но про себя подумал: Хушанг действительно изменился. С другой стороны, будь ты на его месте, ты бы тоже изменился, весь его мир перевернулся вверх тормашками – вроде Западной и Восточной Германии, но не настолько сильно. – Как Али? – спросил он. Али был обожаемым старшим братом Хушанга, вертолетчиком, с которым Руди не был лично знаком, но о котором Хушанг говорил постоянно, хохоча над его легендарными приключениями и победами в Тегеране, Париже и Риме в старые дни, в добрые старые дни, отметил Руди про себя.

– Али Великий тоже в порядке, – ответил Хушанг с восхищенной улыбкой. Как раз перед тем как шах бежал, они тайно обсудили свои перспективы и согласились, что, что бы ни произошло, они останутся: – Мы все равно элита вооруженных сил, у нас все равно будут отпуска в Европе! – Он просиял. Хушанг гордился своим братом, ничуть не завидовал его успехам, а стремился сам достичь хотя бы десятой их части. – Но теперь ему придется поумерить свой пыл. По крайней мере, в Иране.

Чайник начал посвистывать. Руди заварил чай.

– Не возражаешь, если я спрошу про НВС? – Он бросил взгляд через дверь в другую комнату. Его друг смотрел на него. – Это ничего?

– Что ты хочешь знать?

– Что произошло?

Помолчав немного, Хушанг заговорил:

– Я был командиром дежурного полета. Нас подняли по тревоге и приказали перехватить вертолет, который засекли летящим на малой высоте через нашу территорию. Вертолет оказался гражданским, он нырял из одной долины в другую в горах вокруг Дизфуля. На вызовы по радио не отвечал ни на фарси, ни на английском. Мы подождали, вися у них на хвосте. Один раз, когда он вынырнул из-за гребня, я пронесся рядом с ним, тогда-то мне и показалось, что я узнал эмблему S-G. Но вертолет меня совершенно проигнорировал, просто повернул к границе и поддал жару. Мой ведомый тоже тряхнул его, промчавшись рядом, но он просто продолжал маневрировать, уходя от атаки.

Глаза Хушанга сузились, когда он вспомнил охватившее его возбуждение: охотник и добыча. Раньше он никогда не охотился, уши его наполнял сладкий рев двигателей, треск помех, слова приказа: «Ракеты к бою!» Руки и пальцы подчинились команде.

Нажатие кнопки, первая ракета прошла мимо, вертолет вертелся волчком, метался туда и сюда, проворный, как стрекоза; его ведомый тоже выпустил ракету и тоже промахнулся, совсем чуть-чуть – ракеты не имели систем инфракрасного самонаведения. Еще одна ракета – и еще один промах. Вертолет теперь уже пересек границу. Пересек границу и был в безопасности, но не в безопасности от меня, от правосудия, поэтому я сделал еще заход, поливая его из пушек – оттиски лиц на иллюминаторах, на моих глазах вертолет растворяется в огненном шаре, а когда я вышел из этого виража, от которого затрещали кости, чтобы взглянуть еще раз, он уже исчез. Осталось только облачко дыма. И удовольствие.

– Я разнес его в клочья, – сказал он. – Сбил его.

Руди отвернулся, чтобы скрыть свой шок. Он-то полагал, что НВС удалось ускользнуть – кто бы там его ни пилотировал.

– Никто… никто не выжил?

– Нет, Руди. Он взорвался в воздухе, – сказал Хушанг, стараясь, чтобы его голос оставался спокойным. И профессиональным. – Это был… это был мой первый сбитый вертолет. Я никогда не думал, что это будет так трудно.

Не слишком-то равный поединок, подумал Руди, испытывая гнев и отвращение. Ракеты и пушки против ничего, но, как я понимаю, приказ есть приказ, и вина на стороне НВС, кто бы его ни пилотировал, кто бы в нем ни сидел. Ему нужно было садиться. Я бы сел. А сел ли? Если бы я сидел в кабине истребителя, и это была бы Германия, и вертолет бы удирал за границу вражеского государства Бог знает с кем на борту, и у меня был бы приказ… Погоди-ка, Хушанг сделал это в воздушном пространстве Ирака? Что ж, я его об этом спрашивать не собираюсь.

Так же точно, как то, что Бог не разговаривает с Хомейни, Хушанг мне ничего не скажет, если я спрошу, – я бы не сказал.

Он хмуро налил кипятку в заварочный чайник, вспомнил о другом чайнике из своего детства, потом выглянул в окно. Старый автобус останавливался на дороге за периметром аэропорта. Он увидел, как из

автобуса вышел высокий человек. В первые мгновения он его не узнал. Потом, с восторженным воплем, узнал и бросил на бегу:

– Извини, я на секундочку…

Они встретились у ворот. «Зеленые повязки» с любопытством наблюдали за ними.

– Том! *Wie geht's?* Как поживаешь? Каким ветром тебя сюда занесло? Почему ты не сообщил нам, что приедешь? Как там Загрос и Жан-Люк? – Он был так счастлив, что не заметил усталости Локарта, состояния его одежды, пыльной, рваной, в пятнах от долгого пути.

– Долго рассказывать, Руди, – ответил Локарт. – Долго рассказывать, но я буквально с ног валюсь. Мне отчаянно нужна чашка чая… и поспать. О'кей?

– Конечно. – Руди улыбался во весь рот. – Конечно. Пойдем, я открою свою последнюю припрятанную бутылочку виски – я даже наедине с собой притворяюсь, что ее у меня нет, – и мы с то… – Тут он как-то разом вдруг увидел, в каком состоянии его друг, и улыбка погасла. – Черт подери, что с тобой случилось? Ты выглядишь так, словно тебя за ноги по бушу протащили. – Он увидел, как Локарт бросил неприметный взгляд на охранников, которые стояли рядом и прислушивались.

– Ничего, Руди, ровным счетом ничего. Сначала умыться, а? – сказал он.

– Конечно… Да, а как же. Ты… э-э… можешь воспользоваться моим трейлером. – Крайне встревоженный, он зашагал рядом с Локартом, направляясь на территорию аэропорта. Он никогда не видел его таким старым и медлительным. Он выглядит потрясенным, почти… почти как если бы он вылетел по экстренному вызову и грохнул машину при посадке…

Дойдя с Локартом до ангара, он увидел, что Йемени внимательно наблюдает за ними из окна офиса. Фаулер Джойнз и другие механики бросили работу и зашагали в их сторону. Потом, уже у дальнего края лагеря, он увидел, как Хушанг вышел и остановился на верхней ступеньке его трейлера, и тут Руди показалось, что в его голове полыхнул взрыв.

– О Господи, – охнул он, – неужели НВС?

Локарт остановился как вкопанный; его лицо побелело.

– Откуда ты знаешь про НВС?

– Но он же сказал, что разнес НВС в клочья, сбил его! Как тебе удалось выбраться? Как?

– В клочья? – Локарт был в шоке. – Боже милостивый, кто… кто это сказал?

Реакция в который раз выручила Руди, и он естественно, без всякой нарочитости, повернулся спиной к Хушангу.

– Иранский офицер на пороге… нет, не смотри туда, ради бога!.. он пилотировал истребитель-перехватчик, F14… это он сбил вертолет! – Руди нацепил на лицо стеклянную улыбку, схватил Локарта за руку и, опять стараясь двигаться естественно, подвел его к ближайшему трейлеру. – Можешь пока расположиться на месте Джона Тайрера, – произнес он с наигранной веселостью, и едва дверь закрылась за ними, торопливо зашептал: – Хушанг сказал, что сбил НВС рядом с иракской границей вчера на закате! Разнес на куски. Как тебе удалось выбраться? Кто был на борту? Быстро, расскажи мне, что произошло? Быстро!

– Я… я не полетел последний отрезок пути, меня в нем не было, – стараясь собраться с мыслями, произнес Локарт таким же приглушенным голосом, потому что стенки трейлера были очень тонкими. – Они оставили меня у плотины Диз. Я пешком выбрал…

– Плотина Диз? А какого черта ты там делал? Кто оставил тебя?

Локарт замолчал в нерешительности. Все происходило так быстро.

– Не знаю, следует ли мне… следует ли мне говорить, потому что…

– Ради всех святых, они копают под НВС, нам нужно срочно что-то предпринять. Кто его пилотировал, кто был на борту?

– Все они – иранцы, эвакуировавшиеся из Ирана… все офицеры ВВС из Исфахана… генерал Селади, восемь полковников и майоров из Исфахана… имен я не знаю… и генерал Валик, его жена и… – Локарт едва смог заставить себя выговорить это, – и двое его детей.

Руди пришел в ужас. Он слышал об Аннуш и двух детях и несколько раз встречался с Валиком.

– Это ужасно, ужасно. Что же, черт возьми, мне им теперь сказать?

– Что? Про что?

Слова посыпались из него:

– Майор Казани и Хушанг, они прибыли каких-то полчаса назад… майор уехал, но мне приказано выяснить все про НВС компании S-G, где вертолет базируется, кто был на борту. Мне приказано связаться с Ковиссом и все выяснить, а Хушанг должен прослушивать весь разговор, а он не дурак, совсем не дурак, и он уверен, что видел эмблему S-G на борту перед тем, как расстрелял его. Ковисс должен будет подтвердить, что это наша машина, они позвонят в Тегеран, и это будет конец.

Локарт опустился на одну из встроенных коек. Ничего не соображая и не чувствуя.

– Я предупредил их… я предупредил, чтобы они дождались темноты! Черт, что же мне делать?

– Бежать. Может быть, те… – В дверь постучали, и они замерли.

– Шкипер, это я, Фаулер. Принес чайку. Я подумал, Тому не помешает.

– Спасибо, погоди минутку, Фаулер, – откликнулся Руди и спросил, понизив голос: – Том, какая у тебя легенда? Ты приготовил что-нибудь?

– Лучшее, что мне пришло в голову, это то, что я возвращаюсь после отпуска из Луристана, южнее Керманшаха, где я бродил по горам. Из-за снегопадов я застрял в горной деревушке примерно на неделю и теперь кое-как добираюсь домой пешком и на попутках.

– Это хорошая история. Где твоя база?

Локарт пожал плечами.

– Загрос.

– Хорошо. Кто-нибудь уже спрашивал у тебя документы?

– Да. Кондуктор в Ахвазе и какие-то «зеленые повязки».

– *Scheisse!* – Руди уныло открыл дверь.

Фаулер внес поднос с чаем.

– Как дела, Том? – спросил он, широко улыбаясь своим беззубым ртом.

– Рад тебя видеть, Фаулер. Все материшься?

– Ну, поменьше Долбаря Джордона. Как там мой старый друг?

Усталость накатила на Локарта, и он откинулся спиной к стене.

Ему показалось, что Загрос и Долбарь Джордон, Родригес, Жан-Люк, Скот Гаваллан и все остальные были так далеко.

– По-прежнему ходит в своей шапке, – произнес он с огромным усилием, благодарно принял чашку чая и сделал большой глоток. Горячий, густой, крепкий, со сладким сгущенным молоком – такой и мертвого на ноги поднимет. Что там говорил Руди? Бежать? Не могу, подумал он, соскальзывая в сон. Без Шахразады никак не мо…

Руди закончил рассказывать Фаулеру придуманную Томом историю.

– Передай это всем остальным.

Механик заморгал.

– Отпуск пешком в горах? Том Локарт? Сам по себе, без никого? Когда у него в этом чертовом Тегеране сам знаешь кто? Ты что, спятил Руди, старый хрен?

Руди в упор посмотрел на него.

– Как скажешь, старина. – Фаулер повернулся, чтобы поговорить с Локартом, но тот уже спал, его изможденное лицо осунулось. – Фу-фф! Он… – Хитрые глазки Фаулера, глубоко сидящие на морщинистом лице, взглянули на Руди. – Расскажу всем до единого, словно это сама чертова Книга Бытия. – Он вышел.

Как раз перед тем как дверь закрылась за ним, Руди заметил Хушанга, который ждал его снаружи, и пожалел, что оставил его одного так надолго. Он бросил взгляд на Локарта. Бедный старина Том. Какого черта он делал в Исфахане? Боже всемогущий, ну и заваруха! Черт, что же мне теперь делать? Он осторожно забрал чашку из руки Локарта, но канадец, вздрогнув, пробудился.

Секунду Локарт не мог сообразить, где он, сон это или явь. Сердце колотилось как сумасшедшее, голова раскалывалась от боли, он снова был на плотине у воды на краю помоста, Руди стоял спиной к свету, совсем как Али, и Локарт не знал, прыгать ему на него или рискнуть нырнуть в воду, ему хотелось кричат: не стреляй, не стреляй…

– Господи, я подумал, что ты Али, – выдохнул он. – Извини, теперь я в порядке. Все нормально.

– Али?

– Пилот, который полетел на НВС, Али Аббаси, он собирался меня убить. – Полусонный, Локарт рассказал ему о том, что произошло. Лицо Руди сделалось белым как мел. – Что такое?

Руди дернул большим пальцем в сторону двери.

– Это его брат… Хушанг Аббаси… это он расстрелял НВС…

ГЛАВА 29

Тегеран. 16.17. Оба человека озабоченно сверлили взглядом телекс в управлении иранским отделением S-G на верхнем этаже.

– Ну давай, давай же, черт возьми! – пробормотал Мак-Айвер и посмотрел на часы. 125-й должен был прибыть в пять тридцать. – Нам скоро нужно будет идти, Энди, с этими пробками на улицах никогда не угадаешь.

Гаваллан рассеянно покачивался в старом скрипучем кресле.

– Да, но Дженни еще не приехала. Как только она будет здесь, мы тронемся в путь. Если уж совсем ничего не получится, я могу позвонить в Абердин из Эль-Шаргаза.

– Если Джонни Хогг сумеет пройти воздушное пространство Киша и Исфахана, а разрешение останется в силе в Тегеране.

– В этот раз он сядет, у меня доброе предчувствие, что мулла Тегерани очень хочет получить новые очки. От души надеюсь, что Джонни сумел их ему купить.

– Я тоже.

Это был первый день, когда комитет разрешил кому-либо из иностранцев вернуться в это здание. Большая часть утра ушла на то, чтобы прибраться и запустить их генератор, в котором, конечно же, кончилось горючее. Телекс почти немедленно ожил и застрочил: «Срочно! Пожалуйста, подтвердите, что ваш телекс работает, и сообщите г-ну Мак-Айверу, что у меня телекс из Авис-ярда для его босса. Он все еще в Тегеране?» Сообщение было прислано Элизабет Чен из Абердина. «Авис-ярд» был кодовым словом компании, использовавшимся крайне редко и означавшим сверхсекретное послание, предназначенное только для глаз Мак-Айвера, который должен сам находиться у аппарата. Ему удалось передать в Абердин подтверждение получения только с четвертой попытки.

– Только бы не оказалось, что мы потеряли один из вертолетов, – сказал Гаваллан, молясь про себя.

– Я тоже об этом подумал. – Мак-Айвер пошевелил затекшими плечами. – Есть какие-нибудь соображения насчет того, что заслуживало бы «Авис-ярда»?

– Нет. – Гаваллан скрыл свою печаль, вспоминая настоящий Авис-ярд, Замок Авис-ярд, где он провел столько счастливых лет с Кэти, которая и предложила использовать это название как код. Не думай сейчас о Кэти, приказал он себе. Сейчас нельзя.

– Ненавижу я эти проклятые телексы: вечно с ними что-нибудь не так, – говорил между тем Мак-Айвер. На душе у него было скверно, главным образом из-за бурной ссоры, которая вчера вечером вышла у него с Дженни – он настаивал, чтобы она улетела сегодня на 125-м, – и еще из-за того, что не было никаких вестей от Локарта. В добавление ко всему этому, опять никто из иранских сотрудников офиса не вышел на работу, только пилоты, которые приходили сегодня утром. Мак-Айвер отослал их всех домой, кроме Петтикина, оставил его дежурным. Около полудня в управление забрел Ноггер Лейн, сообщив, что его полет с муллой Тегерани, шестью «зелеными повязками» и пятью женщинами прошел успешно. – Думаю, наш дружелюбный мулла хочет прокатиться и завтра тоже. Он ждет вас ровно в пять тридцать в аэропорту.

– Хорошо. Ноггер, смени Чарли.

– Да ладно, Мак, старина, я в поте лица проработал все утро, со рвением, значительно превышающим служебный долг, и Паула все еще в городе.

– А то я не знал, старина, и, судя по всему, она пробудет здесь всю эту неделю! – сказал ему Мак-Айвер. – Сменишь Чарли, усадишь свою не в меру горячую задницу на стул, обновишь все наши летные журналы по сегодняшний день, и если я услышу от тебя еще хоть слово, отправишься у меня работать в чертову Нигерию!

Они ждали, угрюмо осознавая, что сообщение по телексу часть пути проходило по телефонным линиям.

– Чертова куча проводов отсюда до Абердина, – пробормотал Мак-Айвер.

Гаваллан сказал:

– Как только Дженни приедет, мы отправимся в аэропорт. Я прослежу, чтобы ее хорошо устроили в Эль-Шаргазе, прежде чем полечу домой. Ты был совершенно прав, что настоял на ее отъезде.

– Я это знаю, ты это знаешь, весь растреклятый Иран это знает, а вот она, видишь ли, нет!

– Женщины, – дипломатично заметил Гаваллан. – Я могу еще что-то сделать?

– Не думаю. То, что ты выжал из двух наших оставшихся партнеров, здорово помогло. – Гаваллан сумел-таки их разыскать: Мохаммеда Сиамаки и Туриза Бахтияра – распространенная фамилия в Иране для: тех, кто происходил из богатого, влиятельного и многочисленного племени бахтиаров, одним из вождей которого был бывший премьер-министр. Гаваллан выдавил из них пять миллионов риалов наличными – чуть больше шестидесяти тысяч долларов, крохи в сравнении с тем, что партнеры были им должны, – вместе с обещаниями дополнительных выплат каждую неделю в обмен на письменное обязательство возместить им эти средства лично «за пределами страны, если возникнет такая необходимость, и предоставить место на 125-м, если возникнет такая необходимость».

– Хорошо, но где Валик, как мне с ним связаться? – спросил их Гаваллан, притворяясь, что ничего не знает о побеге генерала.

– Мы уже сказали вам: он в отпуске со всей семьей, – ответил Сиамаки, как всегда грубый и высокомерный. – Он свяжется с вами в Лондоне или в Абердине: есть давно требующий внимания вопрос, касающийся наших фондов на Багамах.

– Наших совместных фондов, дорогой партнер, и есть вопрос долга почти в четыре миллиона долларов за уже выполненную работу, помимо арендных выплат за наши вертолеты, уже давно, очень давно просроченных.

– Если бы банки были открыты, вы тут же получили бы эти деньги. Не наша вина, что мерзкие союзники шаха, чума на них, погубили его и погубили Иран. Нас нельзя винить ни в одной из случившихся катастроф, ни в одной. Что касается денег, которые мы должны, разве мы не выплачивали их в прошлом?

– Да. Обычно с полугодовым опозданием, но я согласен, дорогие друзья, в итоге нам всегда удавалось получить свою долю. Но если деятельность всех совместных предприятий приостановлена, как сказал мне мулла Тегерани, как мы станем теперь работать?

– Некоторые совместные предприятия, не все – ваша информация преувеличена и недостоверна, Гаваллан. Нам направлено уведомление, что мы должны вернуться к нормальной работе как можно быстрее – смены пилотов могут уехать сразу же, как только их замена

благополучно прибудет сюда. Нефтяные промыслы должны вернуться к производству в полном объеме. Проблем не будет. Но дабы предотвратить любые неприятности в будущем, мы в очередной раз выручили наше партнерство. Завтра мой светлейший кузен, министр финансов Али Киа, войдет в правление, и…

– Погодите минуточку! У меня есть право предварительного утверждения любых изменений в составе правления!

– У вас было такое право, но совет проголосовал за изменение этого пункта устава. Если вы хотите выступить против совета, вы можете поднять этот вопрос на следующем заседании в Лондоне, но в сложившихся обстоятельствах это изменение необходимо и разумно. Министр Киа заверил нас, что наше совместное предприятие не будет включено в список приостановленных. Разумеется, гонорар и проценты, следуемые министру Киа как члену правления, будут удерживаться из вашей доли…

Гаваллан старался не смотреть на телекс, но обнаружил, что это нелегко; он пытался найти выход из ловушки, в которую его загнали.

– В один момент все выглядит нормально, в другой – все опять катится к чертям собачьим!

– Да. Да, Энди, согласен. Талбот сегодня был последней каплей.

Сегодня рано утром они имели краткую встречу с Талботом.

– О да, старина, совместные предприятия теперь определенно персона нон грата, очень сожалею, – сухо сообщил им Талбот. – Верхи постановили, что деятельность всех совместных предприятий приостанавливается до последующих указаний, хотя каких указаний и от кого, они не сообщили. Как не сообщили и того, что это за «верхи». Мы полагаем, что сей олимпийский указ исходит от милого старого комитета, кто бы они там ни были! Другая сторона медали, старина, такова, что аятолла Хомейни и премьер-министр Базарган оба заявили, что все иностранные долги будут оплачены. Разумеется, Хомейни отменяет решения Базаргана и отдает собственные распоряжения, Базарган выдает распоряжения, которые отменяются Революционным комитетом, местные комитеты представляют собой самодеятельных борцов за справедливость, которые не признают иного закона, кроме своего собственного, и ни один шелудивый мальчишка до сих пор не сдал ни одной единицы оружия. Тюрьмы заполняются уверенными темпами, головы катятся с плеч – все тот же веселый, старый,

утомительно знакомый круг, разве что гильотины не хватает, старина; и круг этот в общем-то предполагает, что нам бы всем следовало удалиться куда-нибудь в Маргейт и подождать там, пока все это не кончится.

– Вы серьезно?

– Наш совет вывезти всех сотрудников, не являющихся безусловно необходимыми для работы, остается в силе, сразу же как откроется аэропорт, что произойдет бог знает когда, но обещано на субботу – мы договорились с «Британскими авиалиниями» о сотрудничестве, они пришлют 747-е для чартерных рейсов. Что же до светлейшего Али Киа, он мелкий чиновник, даже очень мелкий; он не имеет никакой власти и является, смотря по погоде, добрым другом любой из сторон. Кстати, мы только что получили сообщение, что посол США в Кабуле был похищен антикоммунистом, моджахедом из шиитских фундаменталистов, который попытался обменять его на других моджахедов, арестованных просоветским правительством. В последовавшей перестрелке он был убит. Ситуация накаляется самым милым образом…

Телекс щелкнул, их внимание немедленно переключилось на него, но машина не заработала. Оба громко выругались.

– Сразу же, как только я доберусь до Эль-Шаргаза, я смогу позвонить в офис и выяснить, что там стряслось…

Гаваллан повернулся к открывшейся двери. К их удивлению на пороге стоял Эрикки; он и Азадэ должны были ждать их в аэропорту. Эрикки улыбался своей обычной улыбкой, только радости в ней не было.

– Хеллоу, босс, привет, Мак.

– Привет, Эрикки. Что стряслось? – Мак-Айвер бросил на него проницательный взгляд.

– Небольшое изменение в плане. Мы… э-э… в общем, мы с Азадэ сначала возвращаемся в Тебриз.

Вчера вечером Гаваллан предложил, чтобы Эрикки и Азадэ улетели немедленно. «Мы найдем замену. Как насчет того, чтобы полететь со мной завтра? Может быть, нам удастся раздобыть Азадэ документы взамен украденных в Лондоне…»

– Почему вдруг такие перемены, Эрикки? – спросил он сейчас. – Азадэ передумала уезжать из Ирана без иранских документов?

– Нет. Час назад мы получили записку… я получил записку от ее отца. Вот, прочтите сами. – Эрикки протянул ее Гаваллану, который прочел ее вместе с Мак-Айвером. Написанное от руки послание гласило: «От Абдоллы-хана капитану Йокконену! Мне необходимо, чтобы моя дочь немедленно вернулась сюда, и я прошу вас дать ей такое разрешение». Внизу стояла подпись: Абдолла-хан. Послание повторялось на фарси на другой стороне листа.

– Вы уверены, что это его почерк? – спросил Гаваллан.

– Азадэ уверена, к тому же она знает посланца, который ее принес. – Эрикки добавил: – Посланец больше ничего нам не сказал, только то, что в тех краях идут ожесточенные бои.

– О том, чтобы ехать на машине, не может быть и речи. – Мак-Айвер повернулся к Гаваллану. – Может быть, наш мулла Тегерани выдаст Эрикки разрешение? Если верить Ноггеру, после сегодняшней утренней прогулки он был как поедающий собак валах. Мы могли бы оснастить 206-й Чарли баками для дальних перелетов, и Эрикки мог бы отправиться на нем, может быть, с Ноггером или с кем-то другим, чтобы тут же пригнать его обратно.

Гаваллан спросил:

– Эрикки, ты понимаешь, на какой риск ты идешь?

– Да. – Эрикки еще не рассказал им про убийства.

– Ты все предусмотрел, обо всем подумал? Ракоци, застава на дороге, сама Азадэ? – Мы могли бы отправить Азадэ назад одну, ты мог бы сесть на 125-й, а ее мы заберем с воскресным рейсом.

– Полно вам, босс, вы бы сами так никогда не поступили, и я тоже. Я не могу ее оставить.

– Конечно, но это надо было сказать. Хорошо. Эрикки, займись баками, а мы попробуем раздобыть разрешение. Я бы советовал вам обоим как можно быстрее вернуться в Тегеран и сесть на 125-й в воскресенье. Обоим. Наверное, тебе было бы разумно перевестись в другое место, отлетать один срок где-нибудь еще, в Австралии, например, или в Сингапуре, или в Абердине, хотя там Азадэ, наверное, будет слишком холодно, ты дай мне знать. – Гаваллан с бодрым видом протянул ему руку. – Счастливой поездки в Тебриз, а?

– Спасибо. – Эрикки помялся в нерешительности. – Есть новости о Томе Локарте?

– Нет, пока нет. Мы до сих пор не можем связаться ни с Ковиссом, ни с Бендер-Деламом. А почему ты спрашиваешь? Шахразада начинает тревожиться?

– Больше, чем тревожиться. Ее отец в тюрьме «Эвин», и…

– Господи Иисусе, – взорвался Мак-Айвер; Гаваллан был потрясен не меньше него, до них дошли слухи об арестах и расстрелах. – За что?

– Его вызвали, чтобы он ответил на вопросы… вызвал комитет. Никто не знает, за что или как долго его там продержат.

Гаваллан обеспокоено произнес:

– Ну, если только для ответов на вопросы… а что произошло, Эрикки?

– Шахразада пришла домой полчаса назад или около того, вся в слезах. Когда вчера вечером после ужина она вернулась в дом родителей, там такое творилось… Судя по всему, какие-то «зеленые повязки» пришли на базар, схватили Эмира Пакнури – вы помните? ее бывшего мужа? – схватили за «преступления против ислама» и приказали Бакравану явиться на рассвете для дачи показаний, никто не знает, по какой причине. – Эрикки перевел дыхание. – Сегодня утром они отправились в тюрьму вместе с ним, она, ее мать, сестры и брат. Они пришли туда сразу после рассвета, а потом все ждали и ждали, и ждали бы до сих пор, если бы в два часа один их тамошних «зеленых повязок» не приказал им убираться.

В комнате повисло молчание, Гаваллан и Мак-Айвер были потрясены.

Молчание нарушил Эрикки.

– Мак, попробуйте связаться с Ковиссом. Пусть они свяжутся с Бендер-Деламом. Том должен знать про отца Шахразады. – Он заметил взгляд, которым они обменялись. – Что происходит с Томом?

– Он выполняет чартерный рейс в Бендер-Делам.

– Да, это вы мне уже говорили. Мак говорил мне, и Шахразада тоже. Том сказал ей, что вернется через несколько дней. – Эрикки ждал. Гаваллан просто сидел и смотрел на него. – Что ж, – сказал Эрикки, – у вас, должно быть, есть веские причины.

– Я так думаю, – ответил Гаваллан. Они с Мак-Айвером были оба убеждены, что Том по своей воле не полетит дальше, в Кувейт, какую

бы взятку Валик ему ни предлагал – и в равной степени оба боялись, что его заставили это сделать.

– Хорошо, вы начальник. Что ж, я пойду. Извините, что принес дурные вести, но я подумал, что вам лучше быть в курсе. – Эрикки натянуто улыбнулся. – Шахразада была не в лучшей форме. Увидимся в Эль-Шаргазе!

– Чем скорее, тем лучше, Эрикки!

Мак-Айвер добавил:

– Если наткнешься на Джен… не говори ей про отца Шахразады, а?

– Конечно.

Когда Эрикки ушел, Мак-Айвер сказал:

– Бакраван – весьма влиятельный базаари, чтобы арестовать его вот так, на скорую руку.

– Согласен, – помолчав, Гаваллан добавил: – Всей душой надеюсь, что Эрикки не отправляется в ловушку. Эта история с посланием очень неприятно попахивает, очень непри…

Треск телекса заставил их обоих вздрогнуть. Они прочли сообщение, строчка за строчкой, по мере того как оно выползало из аппарата. Гаваллан разразился проклятиями и продолжал ругаться до тех пор, пока аппарат не умолк.

– Будь проклята эта «Импириал Хеликоптерз» ко всем чертям на веки вечные! – Он вырвал лист из телекса. Мак отослал в ответ их позывной и распоряжение «режим ожидания номер один». Гаваллан заново перечел сообщение.

Оно опять было от Лиз Чен: «Дорогой босс! Мы пытались связаться с вами каждый круглый час с тех пор, как Джонни Хогг сообщил нам, что вы остались в Тегеране. Извините, что передаю дурные вести, но рано утром в понедельник „Импириал Эйр“ и „Импириал Хеликоптерз“ сделали совместное заявление о „новых финансовых договоренностях, которые позволят им восстановить свою конкурентоспособность в Северном море“. „Импириал Хеликоптерз“ разрешили списать семнадцать миллионов фунтов стерлингов из денег налогоплательщиков, и компания обратила в капитал еще сорок восемь миллионов из своей шестидесятивосьмимиллионной задолженности, выдав акции головной компании в счет погашения долга. Мы только что по секрету узнали, что восемнадцать из наших девятнадцати

контрактов в Северном море были переданы „Импириал Хеликоптерз“ по цене ниже фактической себестоимости услуг. Терстону Деллу из „ЭксТекс“ необходимо срочно с вами поговорить. Для нашей работы в Нигерии срочно требуются три, повторяю, три 212-х – вы не можете дать их из числа лишних машин в Иране? Полагаю, сегодня вы полетите с Джоном Хоггом в Эль-Шаргаз или Дубай. Прошу указаний! Мак, если босс уже улетел, прошу ваших указаний. Теплый привет Дженни».

– Нас вздрючили! – сказал Гаваллан. – Это чистый разбой на большой дороге с использованием средств налогоплательщиков.

– Тогда… тогда подай на них в суд, – нервно предложил Мак-Айвер, пораженный лиловым цветом лица Гаваллана. – Нечестная конкуренция!

– Я не могу, черт подери, – потом еще громче и злее, – если только правительство не завопит, я ни черта не могу с этим поделать! Если им не нужно будет обслуживать свой законный долг, они смогут выставлять на тендере суммы ниже даже нашей себестоимости! *Дью не ло мо* на Каллагана и всю его «розовую» братию!

– Полно, Энди, они не все «розовые»!

– Да знаю я, ради бога, – проревел Гаваллан, – просто выражение подходит! – Потом его добродушие побороло ярость, и он расхохотался, хотя сердце продолжало учащенно биться. – Чертово правительство, – добавил он с кислой миной, – они не отличат свою задницу от дыры в земле.

Мак-Айвер чувствовал, что у него до сих пор дрожат руки.

– Господи, Энди, я уже подумал, что у тебя сейчас какой-нибудь сосуд лопнет. – Он хорошо представлял себе последствия того, о чем говорилось в телексе. Вся его собственная кубышка состояла из акций и опционов S-G. – Восемнадцать контрактов из девятнадцати, это подорвет всю нашу деятельность в Северном море.

– Это подорвет нашу деятельность везде. С такими суммами списанной задолженности IH сможет подрезать нас по всему миру. И Терстон срочно хочет мне позвонить? Это должно означать, что «Экс-Текс» выйдет из сделки, по крайней мере, захочет провести новые переговоры, ввиду новых «скорректированных» предложений IH, а я уже подписал контракт на наши Х63-е. – Гаваллан достал платок и

промокнул лоб. Потом увидел Ноггера Лейна, смотревшего на него разинув рот с порога. – А тебе какого черта надо?

– Э-э… э-э… никакого, сэр. Я просто подумал, что в кабинете пожар. – Ноггер Лейн торопливо закрыл за собой дверь.

– Энди, – тихо заговорил Мак-Айвер, подождав несколько секунд для верности. – Компания Струана. Разве они не помогут тебе устранить этот люфт?

– Они могли бы, хотя в этом году не так вот запросто. Только Линбар не станет этого делать. – Гаваллан тоже говорил, понизив голос. – Когда он прознает про все это, он в пляс пустится, черт бы его побрал. Момент для него самый удачный, лучше не придумаешь. – Он криво усмехнулся, вспоминая звонок Иэна Данросса и его предостережения. Гаваллан не рассказывал о них Мак-Айверу – Мак-Айвер не входил в компанию Струана, хотя и был его старым другом и другом Иэна тоже. Дьявольщина, где только Иэн добывает свою информацию?

Он расправил скомканный лист с телексом. Это был пик в целой череде проблем с «Импириал Хеликоптерз». Шесть месяцев назад IH намеренно переманила одного из его старших менеджеров, который забрал с собой много секретов S-G. Всего лишь в прошлом месяце Гаваллан проиграл IH очень важный тендер, объявленный Торговым советом Северного моря, – после года работы и огромных капиталовложений. Техническое задание от Торгового совета заключалось в разработке электронного оборудования для спасательных вертолетных операций «воздух-море» при любой погоде, днем или ночью, чтобы вертолеты могли безопасно вылетать на сотню миль в Северное море, зависать, подбирать с воды восемь человек и благополучно возвращаться – при почти нулевой видимости и штормовом ветре. Быстро. В зимние месяцы даже в специальном костюме для выживания в море максимальная ожидаемая продолжительность жизни в этих водах составляла не более часа.

Подбадриваемый личным энтузиазмом Иэна Данросса: «Не забывай, Энди, такие знания и оборудование идеально впишутся в наши предполагаемые разработки в китайских морях», Гаваллан выделил полмиллиона фунтов стерлингов и год работы на создание вместе с электронной компанией необходимого электронного оборудования и систем навигации. Потом настал великий день, и

официально назначенный пилот-испытатель заключил, что работать на этом оборудовании невозможно, хотя шесть штатных пилотов S-G, включая Тома Локарта и Руди Лутца, впоследствии не встретили никаких проблем. Как бы то ни было, S-G не смогла вовремя получить необходимый сертификат. «Несправедливость всего этого гнусного дела, – написал он Мак-Айверу, – заключается в том, что IH заполучила контракт, используя „Герни 661-й“ с несертифицированным датским оборудованием на борту. Мерзкая история – кстати, я не могу доказать это, но готов поставить серьезные деньги на то, что с пилотом-испытателем поработали: он вдруг уехал в длительный отпуск. О, через год или чуть больше мы и деньги вернем, и контракт этот получим, потому что наше оборудование лучше, безопаснее и сделано в Великобритании. А тем временем „Империал“ работает на уровнях безопасности, которые, как мне думается, можно улучшить».

Именно это на самом деле и имеет значение, подумал он, перечитывая телекс: безопасность, все начинается с безопасности и все ею кончается.

– Мак, ты не пошлешь Лиз ответ от меня: «Улетаю в Эль-Шаргаз в данный момент, позвоню по прилете»? Пошли телекс Терстону и спроси, какие условия он предложит, если я удвою количество Х6З-х, заказанных на настоящий момент. По…

– А?

– Ну, спросить-то ведь ничего не стоит; IH обязательно услышит о наших проблемах здесь, и я не дам этим сукиным детям показывать нам нос – пусть поломают голову, лучше будет вывести их из равновесия. В любом случае мы могли бы использовать два Х6З-х здесь для обслуживания всех контрактов «Герни» – если бы ситуация складывалась по-иному. Заканчивай с телексом, до скорой встречи.

– О'кей.

Гаваллан откинулся на спинку кресла и предоставил разуму плыть по течению, собираясь с силами. Сил мне понадобится очень много. И ума. Это как раз та ситуация, которая способна похоронить меня и S-G и дать Линбару все, чего он добивается, – это на пару с Ираном. Н-да, глупо было так терять самообладание. Что тебе сейчас нужно, так это Дерево Крика, о котором рассказывала Кэти… Ах, Кэти, Кэти.

Дерево Крика было старинным обычаем клана, особым деревом, которое выбирал самый старый человек в клане где-нибудь поблизости, куда можно было пойти – в полном одиночестве, – когда Диавол, как его называла старая бабушка Данросс, «влезал к тебе в душу, и где ты мог ругаться, кричать, бесноваться и неистовствовать, а потом снова кричать и ругаться, пока в тебе не оставалось ни одного проклятья. Тогда в доме всегда был мир и покой, и не нужно было осыпать настоящими проклятиями мужа, или жену, или возлюбленную, или ребенка. Да-да, просто маленькое деревце, потому как дерево способно вынести любые проклятия и ругань, даже такие, которые понавыдумывал сам Диавол».

Впервые он воспользовался Деревом Криков Кэти в Гонконге. В саду Большого дома, резиденции тайпэна компании Струана – тайпэном тогда был брат Кэти Иэн – росло палисандровое дерево. Гаваллан точно помнил дату: это было в среду, 21 августа 1963 года, именно в ту ночь она ему все рассказала.

Бедная Кэти, моя Кэти, думал он, до сих пор любя ее, Кэти, рожденная под злосчастной звездой. Потерявшая голову из-за одного из «избранных» – Джон Селкирк, капитан Королевских ВВС, кавалер креста «За летные боевые заслуги», – тут же вышедшая замуж, ей еще и восемнадцати не было, тут же овдовевшая, и трех месяцев не прошло после свадьбы, как он пылающим факелом упал с неба и исчез. Потом страшные годы войны и новая трагедия: два любимых брата погибли на поле боя, один из них был твоим близнецом. Встреча с тобой в Гонконге в 46-м: я тут же влюбился без памяти, надеясь всем сердцем, что смогу хоть отчасти компенсировать свалившиеся на тебя несчастья. Я знаю, что Скотт и Мелинда явились такой компенсацией – чудесные получились дети, и все у них просто здорово. А потом, в 63-м, как раз перед твоим тридцать восьмым днем рождения – рассеянный склероз.

Возвращение в Шотландию, чего тебе всегда хотелось: я – чтобы претворять в жизнь планы Иэна, ты – поправить здоровье. Только вот со здоровьем ничего не вышло. Я смотрел, как ты умираешь, смотрел на эту милую улыбку, за которой ты прятала ад, свирепствовавший внутри, такая храбрая и нежная, мудрая и любящая, но уходящая все дальше и дальше, плато за плато. Так медленно, и при этом так быстро, так неотвратимо. К 68-му – инвалидное кресло, разум по-прежнему

кристально ясен, голос чист, а все остальное – оболочка, неконтролируемая и трясущаяся. Потом наступил 70-й.

В то Рождество они были в замке Авис-ярд. На второй день нового года, когда все остальные уехали, а Мелинда и Скотт катались на горных лыжах в Швейцарии, она сказала:

– Энди, дорогой мой, я не могу вынести еще один год, еще один месяц или еще один день.

– Да, – просто произнес он.

– Прости, но мне понадобится помощь. Мне нужно уйти, и я… мне так жаль, так жаль, что это длилось так долго… но теперь мне нужно уйти, Энди. Я должна сделать это сама, но мне понадобится помощь. Да?

– Да, милая.

Они провели день и ночь, беседуя друг с другом, разговаривали о хорошем и добром, о славных временах, о том, что ему следует сделать для Мелинды и Скотта, и что она хотела, чтобы он снова женился, она говорила ему, какой чудесной была для нее жизнь с ним, и они вместе смеялись, и слезы закапали у него из глаз лишь много позже. Он держал в своей руке ее высохшую руку с таблетками снотворного, прижимал ее трясущуюся голову к своей груди, помог ей поднести к губам стакан воды – с каплей виски на удачу – и не выпускал ее из объятий, пока подрагивания не затихли.

Врач сказал добрым голосом:

– Я ее не виню… будь я на ее месте, я бы сделал это много лет назад, бедная женщина.

Потом он отправился к Дереву Крика. Но кричал не словами, не издал ни звука – одни только слезы.

– Энди?

– Да, Кэти?

Гаваллан поднял голову и увидел, что это Дженни. Мак-Айвер стоял у двери, они оба смотрели на него.

– О, привет, Дженни, извини, задумался о своем. – Он поднялся. – Это… полагаю, это Авис-ярд заставил меня так глубоко задуматься.

Глаза Дженни широко раскрылись.

– О, телекс из Авис-ярда? Надеюсь, не крушение?

– Нет-нет, слава Богу, нет. Просто «Империал Хеликоптерз» снова принялась за свои старые трюки.

– О, действительно слава Богу, – сказала Дженни с видимым облегчением. На ней было теплое пальто и красивая шляпка. Ее большой чемодан остался в приемной, где ждали Ноггер Лейн и Чарли Петтикин. – Что ж, Энди, если только ты своей властью не отменишь решения мистера Мак-Айвера, полагаю, нам надо ехать. Я готова, и готовее уже не буду.

– Ладно тебе, Джен, вовсе нам ни к че… – Мак-Айвер замолчал, когда она повелительно подняла руку.

– Энди, – ласково произнесла она, – пожалуйста, скажи мистеру Мак-Айверу, что я принимаю бой.

– Джен! Может, ты…

– Принимаю, клянусь Создателем! – Повелительным жестом она приказала Ноггеру Лейну отойти от ее чемодана, подняла его, чуть покачнувшись от тяжести, и вышла, бросив через плечо еще более повелительно: – Свой чемодан я и сама донесу, можете не беспокоиться.

В воздухе после ее ухода осталась зияющая дыра. Мак-Айвер вздохнул. Ноггер Лейн из всех сил сдерживался, чтобы не расхохотаться. Гаваллан и Чарли Петтикин решили, что им лучше сохранять нейтралитет.

– Что ж… э-э… тебе не нужно ехать с нами, Чарли, – угрюмо заметил Гаваллан.

– Я бы все же поехал, если вы не возражаете, – ответил Петтикин; ехать ему не хотелось, но Мак-Айвер тайком попросил поддержать его с Дженни. «Очень милая шляпка, Дженни», – сказал ей Петтикин после восхитительного завтрака с Паулой. Дженни сладко улыбнулась: «Не пытайся меня умаслить, Чарли Петтикин, а то и тебе достанется. Мужчины мне осточертели… если разобраться, я вообще не на шутку разозлилась…»

Гаваллан надел свою парку. Он взял лист с телексом и засунул его в карман.

– Вообще-то, Чарли, – сказал он, и его озабоченность отчасти выглянула наружу, – если ты не возражаешь, я бы предпочел, чтобы ты не ездил… у меня тут кое-какие дела с Маком, о которых мы не договорили.

– Конечно, нет проблем. – Петтикин протянул руку и спрятал довольную улыбку. То, что он не поедет в аэропорт, давало ему

несколько дополнительных часов наедине с Паулой. Паулой Светозарной, как он стал называть ее про себя после завтрака, хотя она и была брюнеткой. Мак-Айверу он сказал: – Увидимся дома.

– Может, лучше здесь подождать. Я хочу связаться со всеми базами сразу же, как только стемнеет, а потом вместе поедем домой. Я бы хотел, чтобы ты побыл тут пока за главного. Ноггер, ты можешь быть свободен.

Ноггер Лейн просиял, а Петтикин выругался про себя.

В машине Мак-Айвер сел за руль, Гаваллан расположился рядом с ним, Дженни – на заднем сиденье.

– Мак, давай поговорим об Иране.

Они обсудили возможные варианты. Каждый раз возвращаясь к одному и тому же безрадостному выводу: им приходилось надеяться, что ситуация нормализуется, банки вновь откроются, им вернут причитающиеся им деньги, что их совместное предприятие не включат в список закрытых и что их не кинули.

– Вам просто придется работать, как работали, Мак. Пока мы можем работать, тебе придется продолжать это делать, какие бы проблемы ни возникали.

Мак-Айвер был в таком же мрачном расположении духа.

– Знаю. Но как мне работать без денег? И как быть с арендными выплатами?

– Как-нибудь деньги для работы я тебе раздобуду. Через неделю привезу из Лондона наличные. Я смогу проплачивать аренду за твои вертолеты и запчасти еще несколько месяцев; может, мне даже удастся провернуть то же самое и с Х6З-ми, если получится изменить график выплат, но… ну, в мои планы не входило терять столько контрактов в пользу IH – может, какие-то мне удастся отвоевать назад. Как ни крути, некоторое время дела будут идти по краю, но ты не переживай. Надеюсь, Джонни сумеет пробраться сюда; мне просто необходимо сейчас попасть домой, столько дел…

Мак-Айвер едва избежал лобового столкновения с машиной, вылетевшей из переулка, почти врезался в джуб, потом снова вывернул на дорогу.

– Чертов идиот! Ты в порядке, Джен? – Он взглянул на нее в зеркало заднего вида и съежился, увидев ее каменное лицо.

Гаваллан тоже почувствовал струю ледяного презрения, начал было говорить что-то, но передумал. Интересно, удастся ли мне связаться с Иэном; может, он смог бы подсказать, как мне выбраться из этой пропасти, – эти слова напомнили ему о трагической гибели Дэвида Мак-Струана. Сколько же их, Струанов, Мак-Струанов, Данроссов, и их врагов – Горнтов, Ротуэллов, Броков в стародавние времена – умерли насильственной смертью, исчезли – пропали в море, – или погибли при странных обстоятельствах. Иэн пока что выживает. Но долго ли это продлится? Сколько еще раз? Явно не много.

– Если не ошибаюсь, из моих девяти жизней у меня теперь осталось две, Энди, – сказал Данросс, когда они виделись в последний раз.

– Что на этот раз?

– Ничего особенного. Заминированный автомобиль взорвался в Бейруте, едва только я проехал мимо. Ничего страшного; я и раньше говорил, никакой закономерности тут нет. Так уж просто вышло, что я живуч как заговоренный.

– Как в Макао?

Данросс был заядлым автогонщиком и принимал участие во многих гонках Гран-при в Макао. В 65-м – в гонках тогда еще участвовали любители – он выиграл гонку, но первая передняя шина его «Ягуара Е-тайп» лопнула у самого финишного столба, и его швырнуло на ограждение, а потом кувырком понесло по трассе; остальные машины завиляли, пытаясь уклониться, одну из них занесло, и она юзом врезалась в него всем бортом. Когда искореженный автомобиль разрезали и вытащили оттуда Иэна, он оказался цел и невредим, только на левой ноге не хватало стопы.

– Как в Макао, Энди, – сказал тогда Данросс, улыбаясь своей странной улыбкой. – Просто случайность. Оба раза. – Во второй раз взорвался двигатель его автомобиля, Иэн опять не пострадал. Пробежал шепоток, что в его двигателе кто-то покопался – обвиняющий палец указывал на его врага Квиллана Горнта, но не публично.

Квиллан мертв, а Иэн жив, подумал Гаваллан. Как и я. Как и Линбар; этот сукин сын вообще будет жить вечно… Боже милосердный, я глупею, и в голову лезут какие-то больные мысли –

надо взять себя в руки. Мак и без того достаточно встревожен. Надо придумать, как выбраться из этих тисков.

– Если возникнет что-то экстренное, я передам послание через Талбота, ты сделаешь то же самое. Через несколько дней я обязательно вернусь, и к тому времени у меня уже будут кое-какие ответы. А пока я оставляю 125-й в твоем распоряжении до дальнейших указаний – Джонни может поработать курьером между нами. Это все, что я могу сейчас сделать…

* * *

Дженни, которая не проронила ни слова и вежливо уклонялась от всех попыток втянуть ее в разговор, хотя и слушала их, ничего не пропуская, тоже была не на шутку встревожена. Ясно, что будущего у нас здесь нет, и я буду очень даже рада уехать – при условии, что и Дункан тоже уедет. И тем не менее мы не можем просто потихоньку удрать, поджав хвост, и позволить им украсть все плоды его труда и накопления всей жизни – это убьет его так же верно, как любая пуля. Брр! Господи, да когда же он научится делать, что ему говорят, – ему нужно было уходить на пенсию еще в прошлом году, когда шах был у власти. Мужчины! Непроходимо тупой народ, все до единого! Боже ты мой Боже! Какие же мужики все-таки идиоты!

Теперь они продвигались вперед очень медленно. Два раза им пришлось сворачивать в объезд из-за баррикад, воздвигнутых поперек улиц, – в обоих случаях баррикады охранялись вооруженными людьми, не «зелеными повязками», которые сердито махали им руками, приказывая поворачивать. Среди гор мусора, сгоревших машин и одного танка тут и там валялись тела. Собаки рылись в мусорных кучах. Один раз где-то совсем рядом началась стрельба, и они свернули в переулок, объезжая новую стычку между группировками, которые так и остались для них неизвестными. Шальная граната из ручного гранатомета врезалась в стену здания рядом с ними, но их не задела. Мак-Айвер осторожно объезжал обгоревший автобус, в очередной раз радуясь, что сумел настоять на отъезде Дженни из Ирана.

Он снова взглянул на нее в зеркало заднего вида, увидел побелевшее лицо под шляпкой, и его сердце распахнулось ей навстречу. Какая же она молодчина, с гордостью подумал он, столько мужества! Огромная молодчина, вот только упрямая, как черт. Ненавижу эту ее шляпку! Шляпы ей не идут. Когда она уже научится делать, что ей говорят, без пререканий и споров? Бедная старушка Джен, мне будет настолько легче, когда ей перестанет грозить опасность.

Перед аэропортом движение почти совсем остановилось: сотни машин, битком набитых людьми, много европейцев, мужчин, женщин, детей, которые ринулись сюда в ответ на слухи о том, что аэропорт открыли; взбешенные «зеленые повязки» поворачивают всех назад; к деревьям и стенам прибиты наспех сделанные объявления на фарси и корявом английском: АЭРПОРТ ЗАПРИСЧЕН ПОКА. АЭРПОРТ ОТКРЫТЫЙ В ПОНЕДЕЛЬНИК – ЕСЛИ БЕЛЕТ И МОЖНО НА ВЫЕЗД.

У них ушло полчаса на то, чтобы уговорить охранников пропустить их. Именно Дженни в конце концов удалось этого добиться. Как и большинство домохозяек, которым приходилось ходить по лавкам, общаться со слугами и решать множество вопросов повседневной жизни, она немного говорила на фарси, – и хотя всю дорогу до аэропорта она проделала молча, здесь она нагнулась вперед и приятным голосом сказала одному из «зеленых повязок» несколько слов. Их тут же пропустили.

– Боже мой, Джен, это чудо какое-то, – удивился Мак-Айвер. – Что ты сказала этому ублюдку?

– Энди, – высокомерно ответила Дженни, – пожалуйста, передай мистеру Мак-Айверу, что я сказала им, что у мистера Мак-Айвера подозрение на черную оспу и его срочно высылают из страны.

Новые «зеленые повязки» стояли у ворот, которые вели на грузовую территорию, где находился их офис, но на этот раз больших проблем не возникло: их явно ожидали. 125-й уже стоял на полосе в окружении вооруженных «зеленых повязок» и грузовиков. Двое «зеленых повязок» на мотоциклах махнули Мак-Айверу рукой, чтобы он следовал за ними, и с ревом понеслись вперед по бетонной площадке.

– Почему вы так поздно? – раздраженно встретил их мулла Тегерани, спускаясь по трапу 125-го; два вооруженных революционера шли за ним следом. И Гаваллан, и Мак-Айвер отметили, что он был в новых очках. За стеклом кабины мелькнуло лицо Джона Хогга; один из охранников стоял на верхних ступенях трапа с автоматом наперевес. – Самолет должен взлететь немедленно. Почему вы опоздали?

– Просим простить нас, ваше превосходительство, пробки на дорогах… Иншаллах! Извините нас, – осторожно проговорил Мак-Айвер. – Как я понял со слов капитана Лейна, ваша работа для аятоллы, да живет он вечно, прошла удовлетворительно?

– Времени было недостаточно, чтобы завершить мою работу полностью. На все воля Бога. Э-э… необходимо будет полететь еще раз завтра. Подготовьте все, пожалуйста. На девять часов утра.

– С удовольствием. Вот манифест с указанием пассажиров. – Мак-Айвер протянул ему документ.

В списке значились Гаваллан, Дженни и Армстронг. Армстронг был указан как сотрудник компании, отправляющийся в отпуск.

Тегерани на этот раз без труда прочел бумагу, он был в явном восторге от новых очков.

– Где он, этот Армстронг?

– О, я полагал, что он уже на борту.

– В самолете никого нет, кроме экипажа, – раздраженно бросил мулла; огромное удовольствие четко видеть все вокруг пересиливало нервозность, которую он испытывал от того, что дал разрешение на посадку этого самолета. Но он был рад, что согласился на это, очки были даром Бога, и пилот пообещал привезти ему еще одну пару на следующей неделе в качестве запасной, а потом еще одну специально для чтения… О, Бог велик. Бог велик, хвала Аллаху, что он поместил эту мысль в голову пилота и что он позволил мне видеть так хорошо. – Самолет должен вылететь немедленно.

– Мистер Армстронг обычно не опаздывает, ваше превосходительство, – нахмурившись, произнес Гаваллан. Ни он, ни Мак-Айвер не виделись с Армстронгом со вчерашнего дня; на квартиру к Мак-Айверу прошлой ночью он тоже не пришел. Талбот сегодня утром пожал плечами, сообщив, что Армстронг задержался, но беспокоиться не о чем, в аэропорт он прибудет вовремя. – Может быть, он ждет в конторе, – заметил Гаваллан.

– В конторе нет никого, кому там быть не положено. Самолет вылетает немедленно. Ждать не будет. Пожалуйста, поднимайтесь на борт! Самолет взлетает немедленно.

– Отлично, – сказал Гаваллан. – На все воля Бога. Кстати, мы бы хотели получить разрешение на посадку для 125-го на субботу и разрешение для 206-го на перелет в Тебриз завтра. – С большой официальностью он протянул мулле аккуратно заполненные требования.

– Э-э… 125-й может вернуться, но никаких полетов в Тебриз. Может быть, в субботу.

– Но, ваше превосходительство, разве вы не…

– Нет, – отрезал мулла, чувствуя на себе взгляды «зеленых повязок». Он приказал грузовику, блокировавшему взлетно-посадочную полосу, отъехать в сторону, посмотрел на Дженни, выбиравшуюся из машины, и одобрительно кивнул. Гаваллан и Мак-Айвер с удивлением увидели, что она убрала волосы под шарф, прикрепленный к ее шляпке, так, что их совершенно не было видно, и, в сочетании с ее длинным пальто, создавалось впечатление, что она носит чадру. – Пожалуйста, проходите в самолет.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – ответила она на хорошем фарси, проведя все утро в неустанных репетициях со словарем, и с необходимой, точно выверенной долей серьезности, – но я, с вашего позволения, останусь. Мой муж не так здоров на голову, как следовало бы, но вы, будучи человеком большого ума, вы поймете, что, хотя жена не может идти против воли своего мужа, записано, что даже сам Пророк нуждался, чтобы о нем было кому заботиться.

– Верно, верно, – сказал мулла и задумчиво посмотрел на Мак-Айвера. Мак-Айвер озадаченно уставился на него в ответ, ничего не понимая. – Оставайтесь, если вам угодно.

– Благодарю вас, – ответила Дженни с большим почтением. – Тогда я останусь. Благодарю вас, ваше превосходительство, за ваше согласие и за вашу мудрость. – Она спрятала торжествующую улыбку, поздравляя себя с удавшейся хитростью, и сказала на английском: – Дункан, мулла Тегерани согласен с тем, что мне следует остаться. – Она увидела, как его глаза поехали к носу, и торопливо добавила: – Я подожду в машине.

Мак-Айвер вырос перед ней.

– Садись, черт меня подери, в эту пичугу, – произнес он, – или я, черт меня подери, сам тебя туда засуну.

– Не говори глупостей, Дункан, дорогой мой! – В ее голосе было столько заботы. – И не кричи, это очень вредно для твоего давления. – Она увидела направившегося к ним Гаваллана, и часть ее уверенности покинула ее. Ее окружали грязный снег, и мрачное небо, и угрюмые юноши, пялившиеся на нее с разинутым ртом. – Ты же знаешь, что я просто влюблена в эту страну, – сказала она с яркой улыбкой, – как я могу отсюда уехать?

– Ты… ты, черт меня подери, поедешь сейчас же и… – Мак-Айвер был так зол, что едва мог говорить, и на секунду Дженни испугалась, что зашла слишком далеко.

– Я уеду, если ты уедешь, Дункан. Прямо сейчас. Я никуда, повторяю, никуда не поеду без тебя, и если ты попробуешь заставить меня силой, я подниму такой тарарам, что 125-й и весь аэропорт вместе с ним взлетят до небес! Энди, объясни этому… этому человеку! О, я знаю, что вы вдвоем сумеете затащить меня на борт, но если вы это сделаете, вы оба потеряете лицо совершенно и навсегда, а я вас слишком хорошо знаю! Энди!

Гаваллан расхохотался.

– Мак, тебе каюк!

Несмотря на всю свою злость, Мак-Айвер рассмеялся вместе с ним, а мулла, наблюдавший и слушавший эту сцену, пораженно покачал головой, удивляясь невозможным выходкам этих неверных.

– Джен, ты… ты планировала это с самого начала, – запинаясь от возмущения, выговорил Мак-Айвер.

– Кто? Я? – Она была сама невинность. – Как ты мог такое подумать!

– Хорошо, Джен, – сказал Мак-Айвер; его челюсть по-прежнему сердито выпирала вперед. – Хорошо, ты победила, но ты не просто потеряла лицо, ты потеряла и хвост.

– На борт! – приказал мулла.

– Как быть с Армстронгом? – спросил Мак-Айвер.

– Ему известны правила и время. – Гаваллан обнял Дженни и пожал руку Мак-Айверу. – До скорой встречи и берегите себя.

Он двинулся к самолету, машина поднялась в воздух, и весь долгий путь до главного управления компании ни Дженни, ни Дункан

не замечали течения времени. Оба были глубоко погружены в свои мысли.

– Ты – хорошая женщина, Джен, – сказал он, едва они остались наедине, – но я тебя не прощаю.

– Да, Дункан, – смиренно произнесла она, как и подобает хорошей жене – время от времени.

– Я, черт подери, не прощаю тебя совершенно.

– Да, Дункан.

– И оставь эти свои «да Дункан» при себе! – Некоторое время он вел машину молча, потом сказал угрюмо: – Я бы предпочел, чтобы ты была в безопасности в Эль-Шаргазе, но я рад, что ты осталась.

Она ничего не ответила, мудрая женщина. Только улыбнулась. И положила руку ему на колено. Оба теперь ощущали в душе покой и умиротворение.

Поездка снова получилась отвратной, с многочисленными объездами, стрельбой невдалеке, трупами, собаками, толпами обозленных иранцев, кучами мусора – улицы не чистили уже несколько месяцев, джубы давно были забиты отбросами. Ночь опустилась быстро, и стало намного холоднее. Случайные автомобили и набитые людьми армейские грузовики с ревом проносились мимо, нимало не заботясь о безопасности движения.

– Ты не устал, Дункан? Хочешь, я поведу?

– Нет, спасибо, я в порядке, – ответил он, чувствуя огромную усталость; он был очень рад, когда много времени спустя они свернули на свою улицу, темную и зловещую, как все остальные; единственными горящими окнами на ней были окна их офиса на верхнем этаже. Мак-Айвер предпочел бы оставить машину на улице, но он был уверен, что, вернувшись, он найдет топливный бак пустым, несмотря на то что крышка запиралась на замок, если сама машина вообще окажется на месте. Он въехал в их гараж, запер машину, запер гаражную дверь, и они по лестнице поднялись наверх.

Чарли Петтикин встретил их на лестничной площадке с бледным, встревоженным лицом.

– Привет, Мак. Слава Богу, ты… – Тут он увидел Дженни и осекся. – О, Дженни! Что… что случилось? 125-й что, так и не прилетел?

– Прилетел, – ответил за нее Мак-Айвер. – Черт возьми, что тут у вас стряслось?

Петтикин закрыл за ними дверь кабинета, бросил взгляд на Дженни, которая сказала устало:

– Ладно, я пошла в туалет.

Боже всемогущий, подумала она, все это так чертовски глупо, неужели они никогда не поумнеют? Дункан расскажет мне все сразу же, как только мы окажемся вдвоем, так что я все равно все узнаю, а для меня гораздо предпочтительнее было бы услышать все из первоначального источника. Она устало направилась к двери.

– Нет, Джен, – произнес Мак-Айвер, и она остановилась, пораженная. – Ты решила остаться, так что… – Он пожал плечами. Она видела, что в нем что-то изменилось, и не знала, было это хорошо или плохо. – Выкладывай, Чарли.

– Руди вышел на связь по высокочастотке меньше получаса назад. – Торопливо заговорил Петтикин. – НВС сбит перехватчиком, расстрелян и взорвался в воздухе, выживших нет, то…

Дженни и Мак-Айвер побелели как мел.

– О боже! – Она нашарила рукой спинку кресла.

– Я не понимаю, что происходит, – беспомощно продолжал Петтикин. – Это безумие какое-то, как в дурном сне, только Том Локарт уцелел, он сейчас в Бендер-Деламе с Руди. Он…

Мак-Айвер вернулся к жизни.

– Том в порядке? – выдохнул он. – Он выбрался?

– Никто не может выбраться из вертолета, который «взорвался в воздухе». Получается вообще какая-то ерунда, если только это все не прикрытие. Том отвозил запчасти, никаких пассажиров у него не было, но этот офицер, он сказал, что в вертолете было полно народу, а Руди сказал: «Передай мистеру Мак-Айверу, что капитан Локарт вернулся из отпуска». Я даже с ним разговаривал!

Мак-Айвер уставился на него разинув рот.

– Ты разговаривал с ним? Он в порядке? Ты уверен? Из какого еще отпуска, черт подери?

– Понятия не имею, но я с ним разговаривал. Он подошел к микрофону.

– Погоди минутку, Чарли. Как Руди вышел на нас? Он в Ковиссе?

– Нет, он сказал, что говорит из диспетчерского центра Абадана.

Мак-Айвер пробормотал себе под нос непристойное ругательство, испытывая огромное облегчение, что Локарт жив, и одновременно ужасаясь тому, что случилось с Валиком и его семьей. Полно народу? Их должно было быть там всего четверо! В голове роилось полсотни вопросов, на которые ему требовался немедленный ответ, и он понимал, что выхода из ловушки, в которую угодили они с Томом, нет. Ни одной живой душе, кроме Гаваллана, он не рассказывал о настоящем задании Локарта и о дилемме, перед которой встал сам, давая разрешение на полет.

– Давай-ка обо всем сначала и по порядку, Чарли, в точности как было. – Мак-Айвер взглянул на жену, которая стояла замерев. – Ты хорошо себя чувствуешь, Джен?

– Да-да. Я… пойду приготовлю чайку. – Обоим мужчинам ее голос показался очень высоким и слабым, и она прошла на маленькую кухоньку.

Петтикин, дрожа, присел на край стола.

– Насколько точно я запомнил, Руди сказал следующее: «У меня здесь офицер из иранских ВВС и я должен официально знать…» Потом другой голос заговорил по громкой связи: «Говорит майор Казани, служба разведки ВВС! Я требую немедленного ответа. НВС 212 принадлежит компании S-G или нет?» Чтобы выиграть время, я сказал: «Погодите минутку, я найду папку». Я подождал, надеясь, что Руди мне что-нибудь подскажет, но ничего не услышал, поэтому решил, что информацию дать можно. «Да», говорю, «ЕР-НВС – один из наших 212-х». Руди тут же взорвался и разразился такой руганью, какой я от него раньше никогда не слышал, а потом сказал что-то вроде: «Клянусь Богом, это ужасно, потому что НВС попытался удрать в Ирак, и иранские ВВС совершенно правильно сбили этот вертолет, разнесли его и всех, кто в нем был, к чертям собачьим, чего они и заслуживали… кто, черт подери, его пилотировал, и кто, черт подери, был на борту?!» – Петтикин смахнул со лба ручеек пота. – Наверное, я и сам выругался, немножко расклеился, точно даже не помню, Мак, потом сказал что-то вроде: «Это ужасно! Погоди… я возьму журнал полетов», надеясь из последних сил, что мой голос звучал более-менее нормально. Я взял журнал, увидел зачеркнутое имя Ноггера Лейна и рядом приписку «болен», потом имя Тома Локарта и твою подпись, разрешающую выполнение чартерного рейса. – Он беспомощно

посмотрел на Мак-Айвера – Было ясно, что Руди не хотел, чтобы я называл Тома, поэтому я просто сказал: «Согласно нашему журналу вертолет никому не приписан для выполнения рейса…»

Мак-Айвер побагровел.

– Но если ты ска…

– Это было лучшее, что я смог придумать на тот момент, черт возьми. Я сказал: «Вертолет никому не приписан для полета». Руди опять начал чертыхаться, но мне показалось, что голос у него теперь звучал по-другому, с каким-то облегчением, что ли. «Черт подери, о чем вы говорите?» – сказал он.

«Я просто говорю вам, капитан Лутц, что согласно нашим записям в журнале полетов, НВС по-прежнему находится в ангаре в Дошан-Таппехе. Если его там нет, его, должно быть, угнали», – говорю я, предполагая, что голос мой прозвучал убедительно. Мак, я шарил наугад, я и до сих пор не знаю, в чем тут проблема. Потом этот другой голос сказал: «Этот вопрос будет немедленно передан наверх по инстанциям. Я требую, чтобы вы немедленно предоставили ваш журнал с записями разрешений на полеты в мое распоряжение». Я ему говорю, хорошо, куда вам его прислать. Это его немного сбило с толку, потому что, конечно же, мы никак не могли бы предоставить ему журнал немедленно. В конце концов, он сказал, чтобы мы сохраняли все наши записи в неприкосновенности, а указания нам пришлют позже. Потом к микрофону подошел Том и сказал что-то вроде: «Капитан Петтикин, пожалуйста, передайте мистеру Мак-Айверу мои извинения за опоздание из отпуска, но из-за снегопадов я оказался запертым в деревеньке к югу от Керманшаха. Я прибуду сразу же, как только смогу». – Петтикин выдохнул, бросил взгляд на Дженни, потом опять на Мак-Айвера. – Вот и все. Больше ничего. Ну, и что вы думаете?

– По поводу Тома? Не знаю. – Мак-Айвер, тяжело ступая, подошел к окну, и Петтикин и Дженни увидели, какой тяжестью легло на него все это.

На подоконнике лежал снег, и ветер немного усилился. Вдалеке раздавалась беспорядочная стрельба, винтовочная и автоматическая, но никто из них ее не замечал.

– Дженни?

– Я… это лишено всякого смысла, Чарли, совершенно всякого смысла, если говорить о Томми. – Слабея, она налила закипевшую воду в заварочный чайник, чашки уже стояли на столе, она была рада, что ее рукам нашлось хоть какое-то занятие, чувствуя себя беспомощной, и ей хотелось разрыдаться, хотелось закричать от несправедливости всего произошедшего, она понимала, что Том и Дункан в ловушке – ее Дункан подписал план полета, – знала, что не может ни словом обмолвиться ни об Аннуш, ни о детях, ни о Валике – если они были на борту, они должны были быть на борту, но тогда кто пилотировал вертолет, если это был не Томми? – Угон… ну, Томми ясно указан в разрешении здесь, и Дункан тоже. Разрешение на полет также находится у тегеранских властей. В этом разрешении стоит имя Дункана, поэтому угон не… особого смысла в этой идее нет.

– Теперь я и сам вижу, но в тот момент эта история показалась мне подходящей. – Петтикин чувствовал себя ужасно. Он поднял со стола журнал с записями. – Мак, а может, нам это потерять, избавиться от него?

– В тегеранском центре управления полетами все равно остается оригинал, Чарли. Том дозаправлялся, об этом тоже где-то будет запись.

– В обычное время да. Но теперь? Со всей этой неразберихой?

– Возможно.

– А может, нам удастся заполучить обратно и оригинал?

– Да брось ты, ради Бога, на это ни единого шанса нет, скорее ад замерзнет.

Дженни начала разливать чай в три чашки. Молчание сгущалось. Терзаясь и мучаясь, Петтикин сказал:

– Я все-таки не понимаю, как это получается, если Том взлетел из Дошан-Таппеха, а потом… если только вертолет не угнали по дороге или когда он дозаправлялся. – Он раздраженно взъерошил пятерней волосы. – Это должен быть угон. Где он дозаправлялся? В Ковиссе? Может, они смогут помочь?

Мак-Айвер не ответил, он просто стоял и смотрел в ночь. Петтикин подождал, потом полистал журнал, нашел нужный дубликат и снова поднял глаза.

– Исфахан? – удивленно пробормотал он. – Почему Исфахан?

Мак-Айвер опять не ответил.

Дженни добавила в чай сгущенного молока и протянула одну чашку Петтикину.

– Мне кажется, ты очень хорошо справился, Чарли, – сказала она, не зная, что еще сказать. Потом она отнесла вторую чашку Мак-Айверу.

– Спасибо, Джен.

Она увидела его слезы, и ее собственные слезы хлынули из глаз. Он обнял ее одной рукой за плечи, думая об Аннуш и о рождественской вечеринке, которую они с Дженни устроили для детишек всех своих друзей, так недавно это было – маленькие Сетарем и Джалал, звезды всех игр и конкурсов, такие удивительные дети, теперь обугленные тела или мясо для стервятников.

– Хорошо, что с Томми так получилось, дорогой, не правда ли? – произнесла она сквозь слезы, забыв о Петтикине. Петтикин, смущенный, вышел и закрыл за собой дверь, они и не заметили его ухода. – Хорошо, что с Томми так получилось, – сказала она снова. – Хоть это-то хорошо.

– Да, Джен, хоть это-то хорошо.

– Что мы можем сделать?

– Ждать. Мы подождем и посмотрим. Будем надеяться всем сердцем, что они не погибли, но… почему-то я знаю, что они были на борту. – Он нежно вытер ее слезы со щек. – Только вот в воскресенье, Джен, когда полетит 125-й, ты отправишься на нем, – мягко сказал он. – Я обещаю, что только до тех пор, пока мы со всем этим не разберемся – но в этот раз ты должна полететь.

Она кивнула. Он выпил свой чай. Вкус у чая был превосходный. Он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз.

– Умеешь же ты приготовить чашку чая, Джен, – сказал он, но его слова не прогнали ее страх, не унесли с собой ее горя и не утолили ее ярости, вызванной всеми этими убийствами, бесполезным и трагичным насилием, беззастенчивым присвоением их средств к существованию, или тем, что все это старило ее мужа сильнее, чем годы. Тревога убивает его. Она убивает его, думала Джен с нарастающим гневом. И тут в одно мгновение ответ пришел к ней.

Она огляделась, чтобы убедиться, что Петтикина нет рядом.

– Дункан, – прошептала она, – если ты не хочешь, чтобы эти ублюдки украли наше будущее, то почему бы нам не убраться отсюда и

не захватить все с собой?

– А?

– Вертолеты, запчасти, людей.

– Мы не можем этого сделать, Джен. Я уже пятьдесят раз тебе говорил.

– О нет, мы можем, если захотим, и если у нас будет план. – Она произнесла это с такой непоколебимой уверенностью, что его захлестнуло с головой. – Есть Энди, он поможет. Энди может составить план, мы не можем. Ты можешь его осуществить, он – нет. Они не хотят, чтобы мы здесь оставались, так тому и быть, мы уйдем – но уйдем со своими вертолетами, со своими запчастями и с чувством собственного достоинства. Нам нужно будет вести себя очень скрытно, но мы можем это сделать. Мы можем это сделать. Я знаю, что можем.

КНИГА ВТОРАЯ

СУББОТА
17 февраля

ГЛАВА 30

Ковисс. 06.38. Мулла Хусейн сидел скрестив нога на тонком матрасе и проверял исправность своего АК-47. Коротким отработанным движением он со щелчком вставил в автомат новый рожок с патронами.

– Хорошо, – сказал он.

– Сегодня опять будут стычки? – спросила его жена. Она стояла у противоположной стены комнаты рядом с топившейся дровами печкой, на которой закипала кастрюлька с водой для первого кофе дня. Ее черная чадра зашелестела, когда она шевельнулась, скрывая то, что она снова носит ребенка.

– Как будет угодно Аллаху.

Она повторила эти слова вслед за мужем, пряча свой страх, опасаясь того, что станется с ними со всеми, когда ее муж обретет мученичество, которое он так истово искал, желая в самой потаенной глубине своего сердца кричать со всех минаретов о том, как невыносимо то, что Бог требовал подобной жертвы от нее и от их детей. Семь лет замужества, три живых ребенка, четыре мертвых ребенка и глубокая бедность на протяжении всех этих лет – такой разительный контраст с ее предыдущей жизнью в семье родителей, которые владели мясной лавкой на базаре, где всегда было в достатке еды, и много смеха, и прогулок без чадры, и пикников, и даже походов в кино – оставили глубокие морщины на ее некогда привлекательном лице. Как будет угодно Аллаху, но только это не честно, не честно! Мы умрем с голоду – кто захочет кормить семью мертвого муллы?

Их старший сын Али, маленький мальчик шести лет, сидел на корточках у двери их однокомнатной хижины, стоявшей рядом с мечетью, и внимательно наблюдал за каждым движением отца; два его младших брата, трех и двух лет, спали на своем соломенном матрасе на земляном полу, завернувшись в старое армейское одеяло. Они свернулись калачиком, как котята. В комнате помещались грубый

дощатый стол с двумя скамьями, несколько горшков и кастрюль, большой матрас родителей и маленький матрас Али на старых коврах. Светильником служила масляная лампа. Джуб снаружи служил как для стирки, так и для отправления отходов. Никаких украшений на выбеленных глинобитных стенах. Водопроводный кран, который иногда работал. Мухи и насекомые. И в нише, обращенной в сторону Мекки, на почетном месте – старый зачитанный Коран.

Только что рассвело, день был холодным и хмурым, и Хусейн уже призвал правоверных на утреннюю молитву в мечети, протер автомат от пыли и тщательно смазал его маслом, прочистил ствол и дозарядил магазин. Теперь он как новый, удовлетворенно думал Хусейн, готовый и далее исполнять Божий труд, а для такого оружия сейчас много работы – насколько же АК-47 все-таки лучше М14, проще, надежнее, и такой же точный на небольших расстояниях. Глупые американцы. Надо же быть такими глупцами, чтобы создать винтовку для пехоты со сложной конструкцией и точно бьющей на девятьсот шагов, когда драться в большинстве случаев приходится шагов с трехсот, а АК-47 можно хоть весь день по грязи волочить, и он все равно будет делать то, что должен делать: убивать. Смерть всем врагам Аллаха!

Уже были вооруженные столкновения между «зелеными повязками» и марксистами-исламистами и другими левыми группировками в Ковиссе, и еще больше их было в Гач-Саране, близлежащем городке к северо-западу от Ковисса, где был построен нефтеперерабатывающий завод. Вчера после наступления темноты он возглавил налет «зеленых повязок» на одну из конспиративных квартир Туде: один из членов ячейки выдал им место собрания в обмен на надежду, что их пощадят. Пощады не будет. Бой был внезапным, коротким и кровавым. Одиннадцать человек убитых, Хусейн надеялся, что среди них были лидеры. Пока что Туде не выступала открыто большими силами, но на завтра они призвали к проведению массовой демонстрации в поддержку демонстрации Туде в Тегеране, хотя Хомейни прямо предупредил их против такого выступления. Столкновение было уже запланировано. Обе стороны знали это. Многие погибнут, угрюмо подумал Хусейн. Смерть всем врагам ислама!

– Держи, – сказала она, протягивая ему горячий, сладкий черный кофейный нектар, единственную роскошь, которую он позволял себе в

жизни, кроме пятниц – священных дней – и других особых дней и всего священного месяца рамадан, когда он с радостным сердцем отказывался и от кофе.

– Спасибо, Фатима, – вежливо сказал он. Когда его назначили сюда муллой, его отец и мать нашли ее для него, и его наставник, аятолла Исфахана, сказал ему, чтобы он женился, поэтому он подчинился.

Он выпил кофе, получив огромное удовольствие, и вернул ей маленькую чашечку. Женитьба не увела его с выбранного пути, хотя время от времени ему нравилось спать рядом с ней, чувствуя в зимнем холоде ее большие и теплые ягодицы, иногда он поворачивал ее к себе, входил в нее, потом снова засыпал, но никогда не знал настоящего покоя. Покой я обрету только в раю, только там, думал он, чувствуя, как волнение нарастает в груди, – теперь уже скоро. Хвала Аллаху, что меня назвали в честь имама Хусейна, покровителя мучеников, второго сына имама Али, принявшего великое мученичество тринадцать веков назад в битве под Куфой, теперь Кербелой.

Мы никогда не забудем его, думал Хусейн, наполняясь экстазом, заново переживая боль ашуры, десятого дня месяца мухаррам, – всего несколько недель назад – годовщину этого мученичества, самый священный день траура для всех шиитов. На спине Хусейна еще оставались рубцы. В тот день он снова посетил Кум, как в прошлом году и в позапрошлом, приняв участие в процессиях ашуры, процессиях очищения, вместе с десятками тысяч других иранцев, которые бичевали себя, чтобы помнить о божественном мученичестве, хлестали себя бичами и цепями, умерщвляли плоть крючьями.

Много недель у него ушло на то, чтобы залечить эти раны, чтобы он мог стоять, не испытывая боли. Как угодно Аллаху, с гордостью говорил он себе. Боль – ничто, мир – ничто, я стоял против Пешади на военно-воздушной базе, и завладел базой, и подчинил и усмирил ее, и привез его в Исфахан в оковах, как мне было приказано. И сейчас, сегодня, я снова пойду на базу, чтобы провести расследование в отношении этих чужеземцев и обуздать их и этого суннита Затаки, который мнит себя Чингисханом, и сегодня днем я снова поведу правоверных против безбожников Туде, исполняя Божий труд по воле имама, который подчиняется одному лишь Богу. Я молюсь, чтобы сегодня передо мной открылся вход в рай, где я возлягу на диванах,

устланных парчой, и плоды двух садов будут под самой рукой моей, столь знакомые слова Корана навеки отпечатались в его мозгу.

– Нам нечего есть, – сказал жена, нарушив строй его мыслей.

– Сегодня будет еда в мечети, – сказал Хусейн; и его сын Али стал слушать еще внимательнее, тут же отвлекшись от расчесывания укусов мух и других насекомых. – Отныне ты с детьми никогда не будешь голодать. Мы будем раздавать каждый день хореш и рис нуждающимся, как делали это на протяжении всей нашей истории. – Он улыбнулся Али, протянул руку и взъерошил ему голову. – Бог знает, что уж мы-то точно нуждающиеся. – С возвращением Хомейни мечети снова взяли на себя старинную роль кормильцев, ежедневно раздавая простую, но питательную пищу, пищу, которая передавалась им как часть закята – добровольной милостыни в пользу неимущих, которая взимается со всех имущих мусульман, – или приобреталась на деньги от закята, который теперь снова стал прерогативой мечетей. Хусейн обрушил новые проклятия на шаха, который два года назад отменил эту ежегодную субсидию муллам и мечетям, что стало для них причиной такой бедности и мучений.

– Присоединись к людям, ждущим в мечети, – сказал он жене. – Когда они все поедят, возьми, сколько нужно, для себя и детей. Так ты будешь делать каждый день.

– Благодарю тебя.

– Благодари Бога.

– Я благодарю Его, о да, я благодарю.

Он надел сапоги и вскинул автомат на плечо.

– Можно мне с тобой, отец? – спросил Али своим тоненьким, пронзительным голоском. – Я тоже хочу исполнять Божий труд.

– Конечно, пойдем.

Она закрыла за ними дверь и опустилась на скамью. Желудок у нее урчал от голода, она чувствовала себя больной и слабой, слишком усталой, чтобы отгонять мух, садившихся на лицо. Она была на восьмом месяце. Повивальная бабка сказала ей, что роды в этот раз будут тяжелее, чем раньше, потому что младенец лежит неправильно. Она заплакала, вспоминая разрывающую, заставлявшую кричать во весь голос боль последних родов, и тех, что были до этого, и всех остальных. «Не беспокойся, – самодовольно сказала ей старая

повитуха, – ты в руках Божьих. Немного свежего верблюжьего навоза на живот, и боли пройдут. Долг женщины рожать детей, а ты молода».

Молода? Мне двадцать два года, и я старая, старая, старая. Я знаю это, и знаю почему, у меня есть ум и есть глаза, и я даже могу написать свое имя, и я знаю, что наша жизнь может быть лучше, как это знает имам, едва только будут изгнаны чужеземцы, и зло чужеземных обычаев будет вырвано с корнем. Имам, да защитит его Аллах, мудр и добр и говорит с Богом, подчиняется одному только Богу, а Бог знает, что женщины – не имущество, которым можно распоряжаться как угодно, их нельзя низвергнуть назад во времена Пророка, как того хотят некоторые фанатики. Имам защитит нас от экстремистов и не позволит им отменить шахский закон о семье, который дал нам право голоса и защиту от необоснованного развода, – он не допустит, чтобы у нас отняли наши права и свободы, наше право выбирать, носить нам чадру или нет, ни за что не допустит, когда увидит, как сильно мы этого не хотим. Не допустит, когда увидит нашу непоколебимую решимость. По всей стране.

Фатима вытерла слезы и почувствовала прилив радости при мысли о запланированной через три дня демонстрации, и боль в теле немного утихла. Да, мы, женщины, пройдем демонстрацией по улицам Ковисса, с гордостью поддерживая наших сестер в больших городах, в Тегеране, Куме и Исфахане, только я, конечно, надену чадру, по собственному свободному выбору, из-за Хусейна. О, как это чудесно иметь возможность проявить нашу солидарность и как женщинам, и как сторонницам революции.

Новость о планировавшихся демонстрациях в Тегеране разлетелась по всему Ирану – никто не мог толком сказать, каким образом. Но все женщины знали. По всей стране женщины принимали решение последовать этому примеру, и все женщины одобряли его – даже те, кто не осмеливался сказать об этом открыто.

База ВВС. 10.20. Старк сидел на диспетчерской вышке S-G, наблюдая, как 125-й зашел на посадку с выпущенными закрылками, коснулся колесами полосы и включил двигатели на полный реверс. Затаки и Эсвандиари тоже были здесь с двумя «зелеными повязками» – Затаки теперь был чисто выбрит.

– Поверните направо в конце полосы, Эхо Танго Лима-Лима, – гортанно выговорил сержант Вазари, молодой диспетчер, прошедший обучение в ВВС США. Вместо аккуратного мундира он теперь был в грубой гражданской одежде. Его лицо покрывали кровоподтеки, нос был разбит, трех зубов не хватало и уши распухли после публичного избиения, которому его подверг Затаки. Он не мог дышать через нос. – Паркуйтесь перед главной вышкой базы.

– Вас понял, – прозвучал в громкоговорителе голос Джонни Хогга. – Повторяю, у нас разрешение забрать трех пассажиров и доставить срочно требующиеся запчасти с немедленным вылетом в направлении Эль-Шаргаза. Прошу подтверждения.

Вазари повернулся к Затаки, глядя на него с неприкрытым страхом.

– Ваше превосходительство, пожалуйста, извините меня, но что мне ему сказать?

– Ничего не говори, мразь. – Затаки взял свой короткоствольный автомат. Повернувшись к Старку, он произнес: – Скажите своему пилоту, чтобы он поставил самолет на парковку, заглушил двигатели, потом вывел на бетон всех, кто находится на борту. Самолет будет обыскан, и если я решу, что все в порядке, он сможет лететь дальше, а если решу, что не в порядке, он дальше не полетит. Вы пойдете со мной, и ты тоже, – добавил он, обращаясь к Эсвандиари. Затаки вышел.

Старк выполнил, что ему приказали, и повернулся, чтобы выйти вслед за остальными. На секунду он и молодой сержант остались одни. Вазари схватил его за руку и жалобно зашептал:

– Во имя всего святого, помогите мне пробраться на борт, капитан, я сделаю все, что угодно, все…

– Не могу… это невозможно, – ответил Старк, испытывая к нему жалость.

Два дня назад Затаки выстроил всех на плацу и избил Вазари до потери сознания «за преступления против революции», привел его в чувство, заставил есть испражнения, потом снова избил до беспамятства. Только Мануэле и тяжелобольным было разрешено не выходить на плац.

– Пожалуйста… умоляю. Затаки сумасшедший, он у…

Вазари в панике отвернулся, когда на пороге вновь появился охранник с зеленой повязкой на рукаве. Старк прошел мимо него, спустился по лестнице и вышел на бетонированную площадку, пряча тревогу. Фредди Эйр стоял у колеса поджидавшего его джипа. В машине сидела Мануэла вместе с одним из британских пилотов и Джоном Тайрером, глаза которого были замотаны марлевым бинтом. Мануэла была в свободных брюках и длинном пальто, ее волосы были убраны наверх под пилотскую фуражку.

– Следуй за нами, Фредди, – сказал Старк, усаживаясь рядом с Затаки на заднем сиденье другого автомобиля. Эсвандиари отпустил сцепление и понесся наперерез 125-му, который уже поворачивал с главной взлетно-посадочной полосы. Сопровождавшие их машины с «зелеными повязками» и два мотоциклиста опасно перестраивались и петляли на полной скорости. – Сумасшедшие! – пробормотал Старк.

Затаки рассмеялся, обнажив белые зубы.

– Энтузиасты, пилот, не сумасшедшие.

– Как угодно Аллаху.

Затаки посмотрел на него, оставив добродушный тон:

– Вы говорите на нашем языке, вы читали Коран, и вы знаете наши обычаи. Пора вам произнести шахаду в присутствии двух свидетелей и стать мусульманином. Я почел бы за честь быть вашим свидетелем.

– Я тоже, – тут же откликнулся Эсвандиари, тоже желавший помочь спасти человеческую душу, хотя и по иным причинам: компании «Иран Ойл» понадобятся опытные пилоты, чтобы полностью восстановить объемы добычи, пока идет обучение иранских пилотов, готовившихся на замену, и мусульманин Старк мог бы быть одним из них. – Я тоже счел бы для себя честью быть вашим свидетелем.

– Спасибо, – ответил Старк на фарси.

За годы, проведенные в Иране, эта мысль приходила ему в голову. Однажды, когда в Иране было спокойно, и все, что ему нужно было делать, это выполнять как можно больше рейсов, заботиться о своих людях и смеяться вместе с Мануэлой и детьми – неужели это было всего полгода назад? – он сказал ей:

– Знаешь, Мануэла, в исламе столько всего по-настоящему замечательного.

– Это ты о четырех женах подумываешь, дорогой? – ласково спросила она, и он тут же насторожился.

– Брось, Мануэла, я говорю серьезно. В исламе есть много хорошего.

– Для мужчин, не для женщин. Разве в Коране не говорится: «И правоверные – кстати, все мужчины – возлягут на шелковых диванах и придут гурии, которых не касался ни человек, ни джинн». Конрой, милый, я так и не смогла разобраться, почему они должны быть вечно девственными? Это имеет какое-то особое значение для мужчины? И получают ли женщины тот же приз: молодость и столько любвеобильных юношей, сколько они пожелают?

– Почему ты, черт побери, совсем меня не слушаешь! Я хотел сказать, что если ты живешь в пустыне, глубоко в пустыне Саудовской Аравии или в Сахаре… помнишь, когда мы были в Кувейте и отправились за город, только мы вдвоем, отправились в пустыню, и звезды были огромные, как устрицы, и тишина такая необъятная, и ночь такая чистая и беспредельная, а мы такие ничтожные, несущественные, помнишь, как тронула нас тогда бесконечность? Помнишь, как я сказал тогда, что понимаю теперь, как, если ты был кочевником и родился в шатре, человек может быть одержим исламом?

– А ты вспомни, дорогой, как я сказала, что нас с тобой ни в каком чертовом шатре не рожали.

Он улыбнулся, вспоминая, как он схватил и поцеловал ее тогда под звездами, и они любили друг друга. Позже он сказал ей:

– Я имел в виду чистое учение Мухаммада, имел в виду, как на таких просторах, наводящих ужас своей огромностью, человеку необходимо иметь надежное убежище, и что ислам мог быть таким убежищем, может быть, единственным, его изначальное учение, а не узкие, вывернутые наизнанку толкования фанатиков.

– Господи, да конечно, дорогой, – ответила она самым сладким тоном, – только мы не живем в пустыне, и никогда не будем в ней жить, и ты Конрой «Дюк» Старк, пилот вертолета, и едва лишь ты только начнешь прикидывать насчет этих четырех жен, как меня здесь не будет в ту же секунду, меня и детей, и даже весь Техас окажется слишком мал, чтобы ты смог укрыться от праведного гнева Мануэлы Розиты Санта де Куэллар Перес, сладкий ты мой медовый ягненочек…

Он увидел, что Затаки смотрит на него, и вдохнул резкий запах бензина, снега и зимы.

– Возможно, однажды я сделаю это, – сказал он Затаки и Эсвандиари. – Возможно, сделаю… но Аллах выберет это время, не я.

– Пусть Аллах приблизит это время. Вы растрачиваете себя как неверный.

Но сейчас все внимание Старка было сосредоточено на 125-м, который въезжал на парковочную площадку, и на Мануэле, которая должна была сегодня улететь. Ей трудно это сделать, чертовски трудно, но она должна уехать.

Сегодня рано утром Мак-Айвер сообщил Старку по коротковолновой связи, что они получили для 125-го разрешение остановиться в Ковиссе, при условии, что будет также получено разрешение Ковисса, что самолет доставит запчасти, и на борту есть место для трех пассажиров для отправки из Ирана. Майор Чангиз и Эсвандиари в конце концов согласились принять самолет, но только после того, как Старк раздраженно заявил им в присутствии Затаки: «Вам известно, что наши люди давно ждут смены. Один из наших 212-х ждет запчастей, и два 206-х готовы к плановой проверке, которая проводится после полутора тысяч часов полетов. Если у меня не будет свежих людей и запчастей, я не смогу работать, и отвечать за неподчинение аятолле Хомейни будете вы, а не я».

Машина остановилась рядом со 125-м, шум двигателей которого постепенно затихал. Дверца еще оставалась закрытой, и Старк увидел Джона Хогга, выглядывавшего из окна кабины пилота. Машины и вооруженные люди окружили самолет, «зеленые повязки» возбужденно сновали туда-сюда.

Затаки некоторое время пытался докричаться до них, потом, бросив эти попытки, дал автоматную очередь в воздух.

– Всем отойти от самолета, – приказал он. – Клянусь Аллахом и Пророком, обыск будут производить только мои люди! Назад! – Нахмурившись, остальные «зеленые повязки» немного отступили. – Пилот, скажите ему, чтобы он быстро открыл дверь и быстро вывел всех наружу, пока я не отменил своего согласия!

Старк поднял вверх большие пальцы, показывая Хоггу, что все в порядке. Через мгновение второй пилот открыл дверцу. Сверху на

бетон опустился трап. Затаки тут же вспрыгнул на ступеньки и остановился на верхней, держа автомат наготове.

– Ваше превосходительство, это вам не понадобится, – сказал ему Старк. – Все выходим как можно быстрее, о'кей? – Пассажиров было восемь человек: четыре пилота, три механика и Дженни Мак-Айвер. – Господи, Дженни! Вот уж не ожидал тебя увидеть.

– Привет, Дюк. Дункан решил, что так будет лучше, и… в общем, ладно. Мануэла собирается ле… – Она увидела ее и подошла к ней. Женщины обнялись, и Старк заметил, что Дженни выглядит постаревшей.

Он проследовал за Затаки в пустой, с низким потолком салон. Внутри были закреплены дополнительные сиденья. В хвостовой части, рядом с туалетом, стояло несколько ящиков.

– Запчасти и запасной двигатель, который был вам нужен, – крикнул Хогг со своего места, протягивая ему манифест. – Привет, Дюк!

Затаки взял манифест и жестом приказал:

– Выходите!

– Если не возражаете, я отвечаю за этот самолет, извините, – ответил Хогг.

– Последний раз говорю. Выходите.

– Оставь свое кресло на минутку, Джонни, – сказал Старк. – Он просто хочет удостовериться, что на борту нет оружия. Ваше превосходительство, было бы безопаснее, если бы пилоту было позволено остаться в своем кресле. Я готов поручиться за него.

– Выходите!

Джон Хогг неохотно выбрался из своей крошечной кабинки. Затаки убедился, что в боковых карманах ничего нет, потом махнул ему рукой, разрешая вернуться на место, и внимательно оглядел салон.

– Это запчасти, которые вам нужны?

– Да, – ответил Старк и вежливо подвинулся на верхней площадке трапа, откуда Затаки крикнул своим людям, чтобы они вынесли ящики из самолета.

Они небрежно выволокли их, несколько раз задев края дверного проема и ступени, каждый раз заставляя пилотов морщиться. Потом Затаки тщательно обыскал самолет, не найдя ничего, что вызвало бы

его раздражение. За исключением вина на льду и крепких напитков в шкафчике.

– Больше никакого алкоголя в Иране. Никакого. Конфисковано! – Он приказал разбить бутылки на бетонной площадке и открыть ящики. Один запасной двигатель и много других запчастей. Все указаны в манифесте. Старк наблюдал с порога двери в салон, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Кто эти пассажиры? – спросил Затаки. Второй пилот протянул ему список имен. Список был озаглавлен на английском и на фарси «Временно сокращенные пилоты и механики, давно ожидающие отпуска и замены». Он начал изучать список и их самих.

– Дюк, – осторожно проговорил Хогг из кабины, – у меня для тебя кое-какие деньги и письмо от Мак-Айвера. Как тут, никто не видит?

– Пока нет.

– Два конверта во внутреннем кармане моего форменного пиджака, который висит на вешалке. Письмо только для твоих глаз, Мак сказал.

Старк нашел конверты и запихнул их во внутренний карман своей парки.

– Что там в Тегеране? – спросил он краем рта.

– Аэропорт похож на сумасшедший дом, тысячи человек пытаются попасть на три-четыре самолета, которым они пока что разрешили сесть, – быстро заговорил Хогг, – и еще не менее шести 747-х, которые бесцельно болтаются в воздухе в режиме ожидания, надеясь получить разрешение на посадку. Я… э-э… я просто проскочил без очереди, влез, не получив настоящего подтверждения, а потом говорю, извините, мол, я думал, что все в порядке, тут же забрал наших – и наутек. Едва успел перемолвиться парой слов с Мак-Айвером. Вокруг него была целая толпа революционеров с пальцами на курке да еще один-два муллы, но по виду с ним все в порядке. Петтикин, Ноггер и остальные тоже вроде в порядке. Я по крайней мере неделю буду базироваться в Эль-Шаргазе, летать туда-сюда, когда получится. – Эль-Шаргаз находился недалеко от Дубая, где у S-G располагался головной офис по эту сторону Персидского залива. – У нас есть разрешение авиадиспетчерской службы Тегерана привозить запчасти и людей в количестве, соответствующем числу тех, кого мы намереваемся вывезти. Судя по всему, они собираются поддерживать

нашу численность один в один и на достаточном уровне. Рейсы запланированы по субботам и средам. – Он остановился, чтобы перевести дух. – Мак говорит, чтобы ты придумывал поводы, чтобы я мог прилетать сюда время от времени: я теперь вроде курьера между ним и Энди Гавалланом, пока обстановка не нормализу…

– Осторожно, – сказал Старк из-под руки, увидев, что Затаки поднял глаза и посмотрел на самолет. Он наблюдал, как иранец проверяет пассажиров и их документы. Потом увидел, что Затаки подзывает его к себе, и спустился по трапу. – Да, ваше превосходительство?

– У этого человека нет разрешения на выезд.

Человека звали Робертс, это был один из слесарей, средних лет, очень опытный. Тревога глубоко отпечаталась на его изборожденном морщинами лице.

– Я сказал ему, что не смог его получить, капитан Старк, мы не смогли его получить, иммиграционные службы по-прежнему все не работают. В Тегеране с этим проблем не было.

Старк взглянул на документ. Тот был просрочен всего на четыре дня.

– Может быть, вы могли бы отпустить его на этот раз, ваше превосходительство. Это правда, что служ…

– Нет действительного разрешения на выезд, нет выезда. Он остается!

Робертс побелел.

– Но Тегеран меня пропустил, и я должен быть в Лон…

Затаки схватил его за куртку и выдернул его из строя, тот запнулся и распластался на земле. В ярости Робертс поднялся на ноги.

– Клянусь Богом, мне дали разрешение и… – Он замолчал. Один из «зеленых повязок» упер винтовку ему в грудь, второй встал сзади, оба были готовы в любой миг нажать на курок.

Старк сказал:

– Подожди возле джипа, Робертс. Черт подери, подожди возле джипа!

Один из «зеленых повязок» грубо подтолкнул механика к машине, пока Старк пытался скрыть свое собственное беспокойство. У Джона Тайрера и Мануэлы тоже не было действительных разрешений на выезд.

– Нет разрешения на выезд, нет выезда! – злобно повторил Затаки и взял документы у следующего человека.

Дженни, стоявшая следующей после него, была сильно напугана. Она ненавидела Затаки, и насилие, и запах страха, окружавший ее, ей было жаль Робертса, которому требовалось срочно вернуться в Англию, потому что один из его детей тяжело заболел, подозрение на полиомиелит, и не было ни почты, ни телефона, и телекс работал лишь изредка. Она смотрела, как Затаки медленно проверяет документы пилота, стоявшего рядом с ней. Гнусный ублюдок! – подумала она. Я должна сесть на этот самолет, должна. О, как бы мне хотелось, чтобы сейчас мы уезжали вместе. Бедный Дункан, он просто не станет заботиться о себе, не станет есть как следует, и у него обязательно опять откроются его язвы.

– Мое разрешение на выезд просрочено, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал робко, и позволила слезам блеснуть в ее глазах.

– Мое тоже, – испуганно произнесла Мануэла.

Затаки посмотрел на них. Он колебался.

– Женщины ответственности не несут, виноваты мужчины. Вы, две женщины, можете лететь. На этот раз. Поднимайтесь в самолет.

– А нельзя мистеру Робертсу тоже с нами? – попросила Дженни, указывая на механика. – Ему дейст…

– Поднимайтесь в самолет! – заорал вдруг Затаки, впадая в один из своих неожиданных, маниакальных приступов ярости; кровь бросилась ему в лицо.

Обе женщины торопливо поднялись по ступеням трапа, всех остальных на миг охватила паника, и даже его собственные «зеленые повязки» нервно поежились.

– Ваше превосходительство, вы были правы, – сказал Старк на фарси, заставляя себя сохранять внешнее спокойствие. – Женщины не должны перечить. – Он ждал, затаив дыхание, и все ждали. Черные глаза сверлили его. Но Старк не отвел бесстрастного взгляда. Затаки кивнул и с сердитым видом вернулся к изучению документов, которые держал в руке.

Вчера Затаки вернулся из Исфахана, и Эсвандиари выдал разрешение на полет на завтра, чтобы отвезти его назад в Бендер-Делам. Чем скорее, тем лучше, угрюмо подумал Старк.

И при этом ему было жаль Затаки. Прошлой ночью он нашел его прислонившимся к вертолету, Затаки сжимал виски руками, очевидно испытывая дикую боль.

– Что с вами, ага?

– Голова. Я… моя голова.

Старк уговорил его сходить к доктору Натту и сам потихоньку проводил иранца в бунгало врача.

– Просто дайте мне таблетку аспирина или кодеина, доктор, что у вас там есть, – сказал Затаки.

– Может быть, вы позволите мне осмотреть вас, и то…

– Никаких осмотров! – вскричал Затаки. – Я знаю, что со мной не так. САВАК со мной не так, тюрьма со мной не так… – Позже, когда кодеин немного унял боль, Затаки рассказал Старку, что примерно полтора года назад его арестовали и обвинили в антишахской пропаганде. В то время он работал журналистом в одной из абаданских газет. Восемь месяцев его продержали в тюрьме, потом, сразу после абаданского пожара, выпустили. Он не стал рассказывать Старку, что с ним делали в тюрьме. – На все воля Бога, пилот, – произнес он с горечью. – Но с того дня я благословляю Аллаха за каждый новый день жизни, который дарован мне, чтобы я мог раздавить новых людей из САВАК и людей шаха, его лакеев-полицейских и лакеев-солдат, а также всех и каждого, кто потворствовал его злу. Когда-то я поддерживал его, разве не он заплатил за мое образование, и здесь, и в Англии? Но САВАК – это его вина! Его вина! И эта часть моей мести – только за меня. Я еще не начал мстить за жену и сына, убитых в абаданском пожаре.

Старк промолчал. Все как, кто и почему, связанные с пожаром, унесшим жизни пятисот человек, так никогда и не выплыли на свет.

Он смотрел, как Затаки медленно и скрупулезно продвигается по короткой шеренге будущих пассажиров самолета – Старк не знал, сколько еще человек окажутся с неполными или просроченными бумагами; люди стояли в напряжении, мрачная пелена страха повисла над ними. Скоро наступит очередь Тайрера, а Тайрер должен улететь. Доктор Натт сказал, что Тайрера для верности необходимо было как можно скорее осмотреть в Эль-Шаргазе или Дубае, где имелись замечательные больницы.

– Я уверен, что он в порядке, но для него пока будет лучше всего дать глазам полный отдых. И послушай, Дюк, ради всех святых, не путайся у Затаки под ногами и скажи другим, чтобы они тоже держались от него подальше. Он готов взорваться в любой момент, и одному Богу известно, что тогда произойдет.

– Что с ним такое?

– С медицинской точки зрения я не знаю. Психологически он опасен, очень опасен. Я бы сказал, маниакально-депрессивный психоз, выраженная паранойя, вероятно, напрямую вызванная тем, что он пережил в тюрьме. Он рассказал вам, что с ним сделали?

– Нет, не рассказывал.

– Если бы это зависело от меня, я бы рекомендовал держать его на успокоительных препаратах и даже близко не подпускать к огнестрельному оружию.

Здорово, беспомощно подумал Старк, как бы мне это, черт возьми, устроить? По крайней мере, Дженни и Мануэла на борту, и скоро они будут в Эль-Шаргазе, а это рай в сравне…

Тревожный окрик отвлек его. Позади 125-го, со стороны выхода из главной диспетчерской башни в их сторону направлялся мулла Хусейн с новым отрядом «зеленых повязок», и выглядели они очень враждебно.

Затаки тут же забыл про пассажиров, скинул свой автомат с плеча и, свободно держа его в одной руке, занял позицию между Хусейном и самолетом. Двое из его людей встали рядом с ним, остальные подтянулись поближе к самолету и заняли оборонительные позиции, прикрывая его.

– Черт бы их всех подрал, – пробормотал кто-то, – что это еще за новая напасть?

– Готовьтесь пригнуться, – буркнул Эйр.

– Капитан, – убито прошептал Робертс, – я должен попасть на этот самолет, должен, моя младшенькая дочка очень, очень больна, может, вы сможете что-нибудь сделать с этим гадом?

– Я постараюсь.

Затаки с ненавистью смотрел на Хусейна. Два дня назад он летал в Исфахан, куда его пригласили на консультацию с их тайным комитетом. Все одиннадцать членов были аятоллами и муллами, и там впервые ему открылось подлинное лицо революции, за победу которой

он столько сражался и во имя которой перенес столько мук: «Еретики будут истребляться, пока о них не забудут. Работать будут только революционные суды. Воздаяние будет быстрым и окончательным, никаких апелляций…» Муллы были так уверены в себе, так убеждены в своем божественном праве управлять и вершить правосудие, ибо они одни толковали Коран и шариат. Затаки проявил осторожность, поглубже спрятав ужас этого открытия и держа свои мысли при себе, но теперь он знал, что его опять предали.

– Что вам нужно, мулла? – спросил он, последнее слово прозвучало как ругательство.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы поняли, что здесь у вас власти нет. Что вы делаете в Абадане, это дело аятолл Абадана, но здесь у вас нет власти ни на этой базе, ни над этими людьми, ни над этим самолетом. – Хусейна окружала дюжина вооруженных молодых людей с суровыми лицами, все «зеленые повязки».

– Нет власти, да? – Презрительно скривившись, Затаки повернулся к нему спиной и прокричал по-английски: – Самолет взлетает немедленно! Всем пассажирам подняться на борт! – Он сердито махнул рукой пилоту, чтобы тот убирался, потом снова повернулся к Хусейну. – Итак? Что во-вторых? – произнес он, а за его спиной пассажиры бросились выполнять его приказ, и, поскольку все внимание «зеленых повязок» было приковано к Затаки и Хусейну, Старк приказал Робертсу садиться в самолет, потом знаком попросил Эйра помочь ему прикрыть исчезновение механика. Вместе они помогли Тайреру выбраться из джипа.

Затаки поигрывал автоматом, не сводя глаз с Хусейна.

– Ну? Что во-вторых? – снова повторил он.

Хусейн был в замешательстве, его люди тоже отчетливо видели наведенные на них стволы. Реактивные двигатели самолета ожили. Хусейн видел, как пассажиры торопливо садились в самолет, Старк и Эйр помогли какому-то человеку с забинтованными глазами подняться по ступеням, потом оба пилота вернулись к джипу, рев двигателей стал громче, и, как только последний человек исчез внутри, трап поднялся, и самолет покатил прочь.

– Итак, ага, что дальше?

– Дальше… дальше комитет Ковисса приказывает вам и вашим людям покинуть Ковисс.

С презрением Затаки прокричал своим людям, перекрывая рев двигателей, впечатав ноги в бетон, готовый драться, если будет нужно, и умереть, если будет нужно, перегретый воздух из турбин волной прошел по нему, когда самолет выруливал на взлетно-посадочную полосу:

– Вы слышите, комитет Ковисса приказывает нам убираться отсюда!

Его люди захохотали, и один из «зеленых повязок» Хусейна, безбородый подросток, стоявший у дальнего края группы, вскинул свой карабин и тут же умер, почти перерезанный пополам точным автоматным огнем людей Затаки, которые аккуратно ликвидировали его, не задев остальных. Наступившее молчание нарушал лишь отдаленный гул самолетных двигателей. На мгновение Хусейн был ошеломлен внезапностью случившегося и огромной лужей крови, растекшейся по бетону.

– На все воля Бога, – произнес Затаки. – Что вам нужно, мулла?

Именно в этот момент Затаки заметил насмерть перепуганного мальчугана, глядевшего на него во все глаза; ребенок прятался за халатом муллы, вцепившись в складки в поиске защиты. Он был так похож на его собственного сына, его старшего, что Затаки на миг перенесся в те счастливые дни до того пожара, когда все казалось правильным и когда впереди проглядывало какое-то будущее: замечательная «Белая революция» шаха, земельная реформа, обуздание мулл, всеобщее образование и прочие вещи – те славные дни, когда я был отцом, но теперь уже больше никогда не смогу им быть. Никогда. Электроды и щипцы навсегда уничтожили эту возможность.

Дикая боль резанула промежность и ринулась в голову при этом воспоминании, и ему захотелось закричать. Но он не закричал, просто задвинул эту пытку назад в подсознание, как всегда это делал, и сосредоточился на сиюминутной необходимости убивать. Он прочел неумолимость на лице муллы и приготовился. Убивать из автомата доставляло ему огромное удовольствие. Горячее стаккато, автомат оживает короткими разящими очередями, резкий запах кордита, текущая кровь врагов Аллаха и Ирана. Муллы – враги, и больше всех – Хомейни, который совершает святотатство, позволяя поклоняться своим фотографиям, позволяя своим сторонникам называть себя

имамом, и ставит мулл между нами и Богом – вопреки всем учениям Пророка.

– Скорей, – проревел Затаки. – Я теряю терпение!

– Я… мне нужен вон тот человек, – сказал Хусейн, указав пальцем.

Затаки обернулся. Мулла показывал на Старка.

– Пилот? Почему он? Зачем? – озадаченно спросил он.

– Чтобы допросить. Я хочу допросить его.

– О чем?

– О побеге армейских офицеров из Исфахана.

– А что он может знать про них? Он был со мной в Бендер-Деламе за сотни миль отсюда, когда это произошло, помогая революции против врагов Аллаха! – злобно добавил Затаки. – Врага Аллаха повсюду, повсюду! Повсюду святотатство, повсюду идолопоклонство, не так ли?

– Да-да, врагов полно, и святотатство есть святотатство. Но он пилот вертолета, а вертолет, на котором они бежали, пилотировал неверный, он может что-то знать об этом. Я хочу допросить его.

– Этого не будет, пока я здесь.

– Почему? Почему нет? Почему вы…

– Никаких допросов, пока я здесь, клянусь Аллахом! Пока я здесь – нет! Позже, или завтра, или на следующий день, как будет угодно Аллаху, но сейчас – нет.

Затаки оценивающе посмотрел на Хусейна и прочел в его лице и глазах, что он уступил и перестал быть угрозой. Он внимательно посмотрел на «зеленых повязок», окружавших муллу, переводя взгляд с одного лица на другое, но уже не увидел в них опасности – быстрая и внезапная смерть одного, подумал он, без всякой вины, как обычно, ставит остальных под контроль.

– Вам сейчас лучше вернуться в мечеть, почти настало время молитвы. – Он повернулся к нему спиной и зашагал к джипу, зная, что его люди по-прежнему охраняют его, знаком подозвал к себе Старка и Эйра и уселся на переднее сиденье, держа автомат наготове, но уже не так открыто. Один за другим его люди отступили к своим машинам. Машины тронулись.

Хусейн стоял с посеревшим лицом. Его «зеленые повязки» ждали. Один из них закурил сигарету, все они остро ощущали присутствие

тела, лежавшего у их ног. И крови, которая продолжала сочиться на бетон.

– Почему ты их отпустил, отец? – спросил маленький мальчик своим тонким голоском.

– Я не отпустил их, сын мой. Сейчас у нас есть более важные дела, потом мы вернемся.

ГЛАВА 31

База «Загрос-3». 12.05. Скот Гаваллан смотрел в черный глаз ствола взведенного британского автомата «Стен». Он только что посадил 212-й после первого рейса дня на вышку «Роза», куда он доставил очередной груз стальных труб и цемента. Едва он выключил двигатели, как из ангара выскочили вооруженные «зеленые повязки» и окружили вертолет.

Ненавидя страх, который овладел им, он оторвал взгляд от дула автомата и посмотрел в черные, наполненные злобой глаза поверх него.

– Что… что вам нужно? – произнес он на запинающемся фарси.

Человек с автоматом обрушил на него поток злых непонятных слов.

Скот снял с головы наушники.

– Я не говорю на вашем языке, ваше превосходительство, – прокричал он, перекрывая вой двигателей и проглотив ругательство, которое ему очень хотелось добавить.

На него выплеснулась новая порция сердитых слов, потом человек знаком показал ему, чтобы он выбирался из кабины. Тут Скот увидел Насири, директора базы из компании «Иран Ойл», с всклокоченными волосами и синяками на лице; два других «стража революции» тащили его от конторы к 212-му. Скот немного высунулся из окна кабины.

– Что, черт возьми, тут происходит?

– Они… они хотят, чтобы вы вышли из вертолета, капитан, – отозвался Насири. – Они… пожалуйста, скорее!

– Подождите, пока я заглушу двигатели! – Скот, нервничая, закончил процедуру. Ствол автомата не шелохнулся, и враждебность вокруг него не стала меньше. Лопасти винта теперь быстро замедляли свое вращение, и когда их скорость упала до положенной, он

расстегнул ремень безопасности и выбрался наружу. Его тут же отпихнули в сторону. Возбужденные, галдящие люди распахнули дверь кабины шире, заглянули внутрь, другие открыли дверь пассажирского салона и забрались в вертолет. – Что, черт возьми, случилось с вами, ага? – спросил Скот у Насири, увидев вблизи, насколько жестоко тот был избит.

– Ко… новый комитет совершил ошибку, – ответил Насири, стараясь сохранять достоинство, – полагая, что я был… сторонником шаха, а не человеком революции и имама.

– Кто вообще эти люди? Они не из Яздека.

Но прежде чем Насири успел ответить, «зеленая повязка» с автоматом «Стен» локтями проложил себе дорогу через толпящихся соратников.

– В контору! ДАВАЙ! – рявкнул он на плохом английском, потом вытянул руку и схватил Скота за рукав его летной куртки, подталкивая его вперед.

Скот механически дернул рукой, пытаясь освободиться. Тут же в ребра ему уперся ствол винтовки.

– Ладно, ладно, черт подери, – пробормотал он и зашагал к конторе с хмурым лицом.

В конторе он увидел Ничак-хана, старосту деревни, и старого муллу, они стояли перед письменным столом спиной к стене с открытым окном. Лица у обоих были угрюмыми. Он поздоровался с ними, и они кивнули в ответ, чувствуя себя неуютно. Позади Скота много «зеленых повязок» ввалились в комнату следом за Насири.

– Что происходит? – спросил Скот.

– Эти люди… они заявляют, что они наш новый комитет, – с трудом ответил Ничак-хан. – Их прислали из Шарпура, чтобы они управляли нашей… нашей деревней и нашим… аэродромом.

Скот озадаченно посмотрел на него. То, что сказал староста, было лишено всякого смысла. Хотя Шарпур и являлся ближайшим к ним городом, и номинально этот район находился в его юрисдикции, обычай всегда оставлял за кашкайскими племенами в горах право на самоуправление – до тех пор пока они признавали верховную власть шаха и Тегерана, подчинялись законам страны и оставались невооруженными и мирными.

– Но вы же всегда управля…

– Молчать! – приказал командир «зеленых повязок», размахивая «Стеном», и Скот увидел, как лицо Ничак-хана вспыхнуло. Командир был бородатым мужчиной на середине четвертого десятка, бедно одетый, с темными глазами, в которых таилось что-то плохое. Он выволок Насири вперед, поставил перед всей группой и протараторил что-то еще на фарси.

– Я… я должен переводить вам, капитан, – нервно проговорил Насири. – Командир, Алисадр, говорит, что вы должны ответить на следующие вопросы. Я ответил на большинство из них, но он хочет… – Алисадр обругал его и начал допрос, читая вопросы по заранее подготовленному списку. Насири переводил.

– Вы здесь главный?

– Да, временно.

– Ваша национальность?

– Британец. Послушайте, какого че…

– Здесь есть американцы?

– Насколько мне известно, нет, – тут же ответил Скот, сохраняя невозмутимое выражение лица и надеясь, что Насири, который знал, что Родригес, механик, был американцем с фальшивым британским удостоверением личности, не задавали этого вопроса. Насири перевел без колебаний. Один из «зеленых повязок» записывал ответы.

– Сколько здесь пилотов?

– В данный момент только я один.

– Где остальные, как их имена и какой они национальности?

– Наш старший пилот, капитан Локарт, канадец, находится в Тегеране. Кажется, он выполняет чартерный рейс из Тегерана, мы ожидаем его со дня на день. Второму, его заместителю, капитану Сессону, он француз, пришлось сегодня вылететь в Тегеран, срочный чартерный рейс для «Иран Ойл».

Командир поднял на него глаза и тяжело прищурился.

– Что за срочность?

– Вышка «Роза» готова произвести каротаж в новой скважине. – Он подождал, пока Насири объяснит, что означало это слово «исследование» и то, что буровикам была срочно нужна помощь специалистов из компании «Шлумбергер», которая теперь базировалась в Тегеране. Сегодня утром Жан-Люк связался с местной авиадиспетчерской службой в Ширазе в слепой надежде получить

разрешение на вылет в Тегеран. К его огромному изумлению и восторгу ширазский центр тут же это разрешение выдал. «Имам постановил, что добыча нефти возобновится, – сказали ему, – значит, она возобновится».

Жан-Люк был в воздухе уже через несколько минут. Скот Гаваллан усмехнулся про себя, доподлинно зная, почему Жан-Люк скрутил на ходу три «колеса», когда бежал к 206-му – теперь-то он сможет нанести Сайаде давно просроченный тайный визит. Скот видел ее один раз. «У нее есть сестра?» – спросил он тогда с затаенной надеждой.

Командир нетерпеливо выслушал Насири, потом снова оборвал его, и Насири вздрогнул.

– Он, Алисадр, он говорит, что в будущем разрешения на все полеты будет выдавать он или вот этот человек… – Насири показал на молодого иранца, который записывал ответы Скота. – В будущем каждый полет будет сопровождать один из его людей. В будущем – никаких взлетов без заранее полученного разрешения. Примерно через час вы доставите его и его людей на все буровые вышки в этом районе.

– Объясните ему, что это невозможно, потому что нам необходимо доставить новую партию труб и цемента на «Розу». Иначе, когда Жан-Люк вернется завтра со специалистом, они не успеют все подготовить вовремя.

Насири начал объяснять. Командир «зеленых повязок» грубо оборвал его и поднялся с места.

– Скажи этому неверному пилоту, чтобы он был готов примерно через час, а потом… нет, лучше скажи ему, что он пойдет с нами в деревню, где я смогу за ним присматривать. Ты тоже пойдешь. И скажи ему, чтобы он был очень послушным, ибо, хотя имам хочет, чтобы добыча нефти возобновилась быстро, все лица в Иране подчиняются закону ислама, иранцы они или нет. Чужеземцы нам здесь не нужны. – Он бросил взгляд на Ничак-хана. – А сейчас мы вернемся в нашу деревню, – сказал он и вышел. Ничак-хан покраснел. Он и мулла вышли следом.

– Капитан, – сказал Насири, – мы должны пойти с ним в деревню.

– Зачем?

– Ну, вы здесь единственный пилот и хорошо знаете местность, – с готовностью ответил Насири, гадая, в чем заключалась истинная

причина. Он был очень напуган. Он не получил никакого предупреждения о грядущих изменениях; более того, люди в деревне даже не знали, стала ли проходимой дорога после последнего снегопада. Но сегодня утром в деревню приехал грузовик с двенадцатью «зелеными повязками». Руководитель комитета тут же предъявил лист бумаги, подписанный Революционным комитетом Шарпура, который ставил под его юрисдикцию Яздек и «все производственные площадки, оборудование и вертолеты „Иран Ойл“ в данном районе». Когда, по просьбе Ничак-хана, Насири сказал, что свяжется по радио с «Иран Ойл» и заявит протест, один из «зеленых повязок» начал его избивать. Командир остановил своего человека, но извиняться не стал, как и не выказал должного уважения Ничак-хану как каландару этого ответвления племени кашкайцев. Новая волна страха прокатилась по Насири, и он пожалел, что он сейчас не в Шарпуре со своей женой и семьей. Да проклянет Аллах все эти комитеты, всех фанатиков и всех чужеземцев, и Великого Американского Сатану, который стал корнем всех наших проблем. – Мы… нам лучше идти, – пробормотал он.

Они вышли. Остальные уже прошагали порядочное расстояние по тропе, которая вела в деревню. Проходя мимо ангара, Скот заметил, что шесть его механиков стояли все вместе под бдительным взглядом вооруженного охранника. Охранник курил, и Скот буквально передернулся всем телом. Все территория была увешана знаками на английском и фарси: НЕ КУРИТЬ – ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ! С одной стороны внутри ангара стоял их второй 212-й, находившийся на завершающей стадии плановой проверки после налета полутора тысяч часов, но без обоих 206-х, которые дополняли их парк вертолетов на сегодняшний день, ангар выглядел пустым и покинутым.

– Ага, – обратился Скот к Насири, мотнув головой в сторону их собственных охранников, – скажите им, что мне нужно распорядиться насчет вертолета, и прикажите этому сукину сыну не курить в ангаре.

Насири выполнил его просьбу.

– Они сказали: ладно, только поторапливайтесь.

Куривший охранник, лениво щелкнув пальцем, отшвырнул сигарету на бетон. Один из механиков торопливо затоптал ее. Насири предпочел бы остаться, но охранники жестами показали ему, чтобы он шел с ними. Он неохотно подчинился.

– Заполните баки на FBC и выполните наземную проверку, – осторожно распорядился Скот, не зная, понимает ли кто-нибудь из охранников по-английски. – Через час я должен везти наш комитет с государственным визитом по всем объектам. Похоже, у нас теперь новый комитет из Шарпура.

– О черт! – выругался кто-то.

– Как насчет труб и прочего для вышки «Роза»? – спросил Долбарь Джордон. Рядом с ним стоял Род Родригес. Скот видел, как он нервничает.

– С этим придется подождать. Просто заправь FBC, Долбарь, и все пусть займутся его проверкой. Род, – сказал он, чтобы приободрить старшего товарища, – теперь, когда все приходит в норму, ты скоро отправишься домой в отпуск, в Лондон, *capito*[46]*?*

– Конечно, спасибо, Скот.

Охранник рядом со Скотом махнул рукой, показывая, что пора идти.

– *Бали, ага.* Да, хорошо, ваше превосходительство, – сказал Скот, потом добавил, обращаясь к Родригесу: – Род, ты уж проведи для меня проверку потщательнее.

– Сделаем.

Скот зашагал прочь, охранник – за ним следом. Джордон встревоженно крикнул:

– Что происходит и куда ты направляешься?

– Иду прогуляться, – с сарказмом откликнулся Скот. – Откуда, черт возьми, мне знать? Я же летал все утро. – Он побрел по тропинке, чувствуя себя усталым, беспомощным и никуда не годным как руководитель, жалея, что на его месте не оказались Локарт или Жан-Люк. Проклятые комитетские ублюдки! Банда чертовых громил.

Насири быстро шагал в сотне шагов впереди, остальные уже скрылись за поворотом тропинки, петлявшей меж деревьев. Температура была чуть ниже нуля, снег похрустывал под ногами, и хотя Скоту было тепло в его летной экипировке, идти в летных ботинках было неудобно, и он задумчиво топал вперед, безуспешно пытаясь догнать Насири. Сугробы тянулись по обе стороны тропинки, и снег толстым слоем лежал на ветвях деревьев. Небо над головой было чистым. В полумиле впереди, в конце изгибающейся тропинки лежала деревня.

Яздек расположилась на небольшом плато, удобно защищенная от сильных ветров. Хижины и дома были сделаны из бревен, камня и глиняных кирпичей и теснились вокруг площади перед небольшой мечетью. В отличие от большинства деревень, Яздек процветала: зимой здесь было полно дров, чтобы не мерзнуть, в лесах вокруг водилось много дичи, деревня владела общинными стадами коз и овец, несколькими верблюдами и тремя десятками лошадей и племенных кобылиц, составлявших предмет их особой гордости. Жилище Ничак-хана представляло собой двухэтажный дом с черепичной крышей на четыре комнаты рядом с мечетью и было больше всех остальных домов в деревне.

Рядом стояла школа, самое современное здание в поселке. Том Локарт спроектировал простую постройку и в прошлом году уговорил Мак-Айвера профинансировать ее строительство. Все это время школой управлял молодой человек из шахского Учительского корпуса – деревня была почти поголовно неграмотной. Когда шах уехал, молодой человек исчез. Время от времени Том Локарт и другие люди с базы проводили здесь беседы – скорее вечера вопросов и ответов, – отчасти для поддержания добрых отношений, отчасти чтобы хоть чем-то заняться в свободное от полетов время. На эти беседы приходило много народа, и взрослых, и детей, поощряемые к этому Ничак-ханом и его женой.

Спускаясь по склону, Скот увидел, что остальные вошли в здание школы. Грузовик, на котором приехали «зеленые повязки», стоял у входа. Жители деревни собрались небольшими группками и молча смотрели. Мужчины, женщины, дети – ни у кого не было никакого оружия. Кашкайские женщины не носили чадры и не закрывали лица, они были одеты в многоцветные халаты.

Скот поднялся по ступенькам и вошел в школу. Последний раз, когда он был здесь, несколько недель назад, он рассказывал о Гонконге, который узнал, когда его отец еще работал там, а он приезжал к нему на каникулы из английской школы-интерната. Ему было трудно объяснить, как выглядел Гонконг с его переполненными людьми улицами, тайфунами, палочками для еды и иероглифической письменностью, всевозможной едой и его пиратским капитализмом, огромность всего Китая вообще. Я рад, что мы вернулись в

Шотландию, подумал он. Рад, что Старик основал S-G, которой однажды стану управлять я.

– Вам нужно сесть, капитан, – сказал Насири. – Вон там. – Он показал на стул в глубине заполненной людьми комнаты с низким потолком.

Алисадр и четверо «зеленых повязок» сидели за столом, за которым обычно сидел учитель. Ничак-хан и мулла сидели перед ними. Остальные стояли вокруг.

– Что происходит?

– Это… это собрание.

Скот увидел переполнявший Насири страх, и подумал, что он станет делать, если «зеленые повязки» начнут избивать его. Мне следовало бы быть обладателем черного пояса или боксером, с тоской подумал он, пытаясь понять фарси, изливавшийся из командира «зеленых повязок».

– Что он говорит, ага? – шепотом спросил он у Насири.

– Я… он… он говорит… он рассказывает Ничак-хану, как деревня будет управляться в будущем. Прошу вас, я объясню вам позже. – Насири отодвинулся от него.

Через некоторое время монолог закончился. Все смотрели на Ничак-хана. Он медленно поднялся со своего стула. Лицо его было мрачным, а слова – немногочисленными. Даже Скот их понял.

– Яздек – кашкайская деревня. Яздек останется кашкайской деревней. – Он повернулся спиной к столу и двинулся к выходу; мулла последовал за ним.

Командир злобно отдал команду, и двое «зеленых повязок» преградили ему путь. Ничак-хан презрительно отшвырнул их в сторону, тогда другие схватили его, напряжение в комнате подскочило до предела, и Скот увидел, как один из жителей деревни незаметно выскользнул за дверь. Удерживавшие Ничак-хана «зеленые повязки» развернули его лицом к Алисадру и тем четверым, что были за столом, – все они вскочили на ноги и гневно кричали что-то. Ни один человек не коснулся старика, который был муллой. Он поднял руку и начал говорить, но руководитель комитета крикнул ему, чтобы он замолчал, и по рядам деревенских жителей прокатился вздох. Ничак-хан не сопротивлялся тем, кто крепко держал его за руки, он просто

посмотрел на Алисадра, и Скот ощутил ненависть этого взгляда как физический удар.

Командир обратился ко всем жителям с горячей речью, потом направил обвиняющий палец на Ничак-хана и еще раз приказал ему подчиниться, и снова Ничак-хан спокойно произнес:

– Яздек – кашкайская деревня. Яздек останется кашкайской деревней.

Алисадр сел. Сели и четверо остальных за столом. Снова Алисадр указал пальцем и произнес несколько слов. Жители приглушенно охнули. Четыре человека рядом с Алисардом кивнули в знак согласия. Алисадр произнес одно слово. Оно рассекло молчание, как взмах косы.

– Смерть!

Он поднялся и вышел из комнаты, жители деревни и «зеленые повязки», державшие Ничак-хана, последовали за ним; о Скоте все забыли. Британец пригнулся, стараясь остаться незамеченным. Вскоре он остался один.

Снаружи «зеленые повязки» подтащили Ничак-хана к стене мечети и оставили там стоять. На площади теперь не было ни одного жителя деревни. Остальные жители, выходя на площадь из здания школы, тут же торопливо исчезали. Кроме муллы. Медленно он подошел к Ничак-хану и встал рядом с ним лицом к «зеленым повязкам», которые щелкали затворами винтовок в двадцати шагах от них. По приказу Алисадра двое из них оттащили старого муллу в сторону. Ничак-хан молча ждал у стены с гордым видом, потом сплюнул в грязь.

Одинокий выстрел прогремел из ниоткуда. Алисадр был мертв еще до того, как его тело осело на землю. Тишина была внезапной и огромной, и «зеленые повязки» завертелись в панике, потом замерли, когда голос прокричал:

– Аллах-у акбарр, бросайте оружие!

Никто не шевельнулся, потом один человек из расстрельной команды развернулся и вскинул винтовку, целясь в Ничак-хана, но умер прежде, чем успел нажать на курок.

– Бог велик, бросайте оружие!

Один из «зеленых повязок» выпустил винтовку из рук, и она с клацаньем упала на землю. Другой последовал его примеру, третий бросился к грузовику, но умер, не пробежав и десяти шагов. Теперь все

оружие попадало на землю. И те, кто стояли, стояли боясь пошевелиться.

Потом открылась дверь дома Ничак-хана, и на площадь вышла его жена с карабином наперевес, следом за ней – молодой человек, тоже с карабином. Женщину наполняла яростная гордость, она была на десять лет моложе своего мужа, позвякивание ее серег и цепочек и свистящий шелест темно-желтого с красным халата были единственными звуками на площади.

Прищуренные глаза Ничак-хана на его скуластом лице сузились еще больше, и глубокие морщины в уголках глаз собрались в пучок. Но он ничего не сказал ей, просто смотрел на оставшихся восьмерых «зеленых повязок». Безжалостно. Они не мигая смотрели на него, потом один из них потянулся за винтовкой, и она выстрелила ему в живот. Он закричал, корчась на снегу. Она оставила его выть там на несколько секунд. Второй выстрел – и крики смолкли.

Теперь их осталось семеро.

Ничак-хан молча улыбнулся. Теперь изо всех хижин и домов взрослые мужчины и женщины выходили на площадь. Все были вооружены. Он обратил свое внимание на семерых «стражей революции».

– Забирайтесь в грузовик, ложитесь в кузове и держите руки за спиной. – С угрюмыми лицами они подчинились. Он приказал четырем жителям караулить их, потом повернулся к молодому человеку, который вышел из его дома. – На аэродроме есть еще один, сын мой. Возьми с собой кого-нибудь и разберись с ним. Принеси его тело сюда, только прикройте лица шарфами, чтобы неверные не узнали вас.

– Как будет угодно Аллаху. – Молодой человек показал рукой на школу. Дверь была все еще открыта, но Скота нигде не было видно. – Тот неверный, – тихо сказал молодой человек. – Он не из нашей деревни. – Потом он быстро зашагал прочь.

Деревня ждала. Ничак-хан в задумчивости почесывал бороду. Потом его взгляд упал на Насири, съежившегося на корточках рядом со школьными ступенями.

В лице Насири не было ни кровинки.

– Я… я не… я ничего не видел, ничего, Ничак-хан, – прохрипел он, поднимаясь на ноги и обходя мертвые тела. – Я всегда… те два

года, что я здесь, я всегда делал все, что мог, для деревни. Я… я ничего не видел, – произнес он громче, умоляющим голосом, потом ужас накрыл его с головой и он бросился бежать с площади. И умер. С десяток людей выстрелили в него.

– Верно, единственным свидетелем зла, принесенного этими людьми, должен быть Бог. – Ничак-хан вздохнул. Насири ему нравился. Но он не принадлежал к их народу. Жена подошла и встала рядом с ним, и он улыбнулся ей. Она достала сигарету, протянула ему и дала прикурить, потом убрала сигареты и спички обратно в карман. Он попыхивал с задумчивым видом. Какие-то собаки залаяли меж домов, и где-то заплакал ребенок, которого быстро успокоили.

– Небольшая лавина сойдет, обрушив дорогу в том месте, где ее снесло в прошлый раз, чтобы все остальные не могли сюда добраться, пока не сойдет снег, – сказал он после долгого молчания. – Мы положим тела в грузовик, обольем бензином их и машину и столкнем его с дороги в ущелье Объезженных Верблюдов. Похоже, комитет решил, что мы можем управлять сами собой, как всегда, и что нас, как всегда, следует оставить в покое, потом они уехали и забрали с собой труп Насири. Они застрелили Насири здесь, на площади, все мы видели это, когда он попытался избежать правосудия. К сожалению, на обратном пути с ними случилось несчастье. Дорога эта, как все вы знаете, очень опасная. Вероятно, они забрали с собой тело Насири как доказательство того, что они исполнили свой долг, и очистили наши горы от известного шахского пособника, и застрелили его, когда он попытался бежать. Он, безусловно, был шахским сторонником, когда у шаха была власть и до того, как шах бежал.

Жители деревни согласно кивали и ждали. Все хотели услышать ответ на последний вопрос: как быть с последним свидетелем? Как быть с неверным, который до сих пор находился в здании школы?

Ничак-хан поскреб бороду. Это всегда помогало ему принять трудное решение.

– Скоро придут новые «зеленые повязки», притянутые магнитом летающих машин, сделанных чужеземцами и пилотируемых чужеземцами на пользу чужеземцам из-за нефти, которую забирают из нашей земли на пользу врагам-тегеранцам, врагам-сборщикам налогов и другим чужеземцам. Если бы не было скважин, не было бы и чужеземцев, поэтому не было бы и «зеленых повязок». Земля богата

нефтью и в других местах, в других местах ее легко добывать. В наших – трудно. Наши несколько скважин значения не имеют, и одиннадцать баз в округе труднодоступны и опасны для жизни и работы – разве не пришлось им всего несколько дней назад взорвать верхушку горы, чтобы спасти одну из них от лавины?

Все на площади согласились с ним. Он не спеша попыхивал сигаретой. Люди смотрели на него с уверенностью – он был их вождем, который мудро правил ими восемнадцать лет и в хорошие времена, и в плохие.

– Если бы не было летающих машин, не было бы и нефтяных скважин. Поэтому, если чужеземцы уйдут, – продолжал он тем же чуть хриплым неторопливым голосом, – я сомневаюсь, что другие чужаки сунутся сюда, чтобы отремонтировать и снова открыть эти одиннадцать баз, потому что базы эти, конечно же, быстро придут в запустение, возможно, даже окажутся разграбленными бандитами и поврежденными. Поэтому нас оставят в покое. Без нашего доброго отношения никто не может работать в наших горах. Мы, кашкайцы, стремимся жить в мире – мы будем жить свободными, подчиняясь нашим собственным обычаям и нашим собственным традициям. Поэтому чужеземцы должны уйти по своей доброй воле. И уйти быстро. Так же должны уйти и скважины. И все чужеземное. – Он аккуратно затушил сигарету в снегу под ногами. – Давайте начнем: поджигайте школу.

Ему подчинились без промедления. Немного бензина и сухих дров вскоре превратили всю школу в огромный пылающий факел. Все ждали. Но неверный так и не появился, и даже когда они потом обыскали пепелище, они не нашли его останков.

ГЛАВА 32

Недалеко от Тебриза. 11.49. Эрикки Йокконен поднимался на 206-м на высокий перевал, который в итоге выводил к городу. Ноггер Лейн сидел рядом с ним, Азадэ – сзади. Она была в мешковатой летной куртке, надетой поверх ее горнолыжного костюма, но в большой сумке рядом с ней лежала чадра. «Так, на всякий случай», – сказала она перед отлетом. На голове у нее сидела третья пара наушников, которую Эрикки подогнал под ее размер.

– «Тебриз-1», как слышите меня? – снова повторил он. Они подождали. Ответа не последовало, хотя они находились в зоне уверенного приема. – Может, все ушли, а может, это ловушка, как с Чарли.

– Лучше хорошенько тут все осмотреть перед посадкой, – обеспокоенно заметил Лейн; его глаза внимательно шарили по небу и по земле внизу.

Небо было чистое. Температура упала существенно ниже нуля, горы лежали под тяжелым снежным покровом. Они без всяких проблем дозаправились на складе «Иран Ойл» совсем рядом с Бендер-э-Пехлеви по договоренности с авиадиспетчерской службой Тегерана. «Хомейни всех прижал к ногтю: и диспетчерский центр рвется помогать, и аэропорт снова открыли», – сказал тогда Эрикки, стараясь развеять подавленное настроение, которое довлело над ними всеми.

Азадэ до сих пор не оправилась от потрясения, вызванного новостью о казни Эмира Пакнури за «преступления против ислама» и еще более ужасной вестью о смерти отца Шахразады. «Это убийство, – выпалила она, услышав о случившемся. – Какие преступления он мог совершить, человек, поддерживавший Хомейни и мулл в течение жизни?»

Никто из них никакого ответа не получил. Семье велели забрать тело, и теперь они пребывали в глубоком и смиренном трауре. Шахразада была без ума от горя – дом был закрыт даже для Азадэ и Эрикки. Азадэ не хотела покидать Тегеран, но от отца пришло второе послание Эрикки, повторявшее содержание первого: «Капитан, моя дочь срочно необходима мне в Тебризе». И вот теперь они были почти дома.

Когда-то это был дом, думал Эрикки. Теперь я не уверен.

Рядом с Казвином он пролетел над тем местом, где у его «рейнжровера» опустел топливный бак, и где Петтикин и Ракоци спасли Азадэ и его самого от толпы. «Рейнжровера» нигде не было видно. Потом они пролетели над несчастной деревней, возле которой была устроена дорожная застава и откуда он сбежал, чтобы раздавить толсторожего моджахеда, укравшего их документы. Это безумие – возвращаться сюда, подумал он.

– Мак прав, – умоляла его Азадэ. – Отправляйся в Эль-Шаргаз. Пусть Ноггер довезет меня до Тебриза, а потом назад, чтобы я успела

на следующий рейс. Я приеду к тебе в Эль-Шаргаз, что бы ни сказал мой отец.

– Я отвезу тебя домой и привезу назад, – сказал он тогда. – Хватит об этом.

Они вылетели из Дошан-Таппеха сразу после рассвета. База была почти пустой, многие здания и ангары теперь представляли собой лишь выжженные стены, повсюду искореженные самолеты иранских ВВС, грузовики и один обгоревший танк с эмблемой «бессмертных» на броне. Никто не занимался уборкой. Не было ни одного охранника. Люди искали и уносили все, что горело, – мазута по-прежнему почти не было в продаже, как и продовольствия, зато каждый день и каждую ночь происходили новые стычки между «зелеными повязками» и левыми.

Ангар и ремонтная мастерская S-G почти не пострадали. Множество пулевых отверстий в стенах, но ничего не было украдено, и они функционировали более или менее, небольшая команда механиков и административного персонала занималась своими обычными повседневными делами. Выплата части зарплаты за прошлые месяцы из тех денег, которые Мак-Айвер выжал из Валика и других партнеров, послужила магнитом. Мак-Айвер передал немного наличных Эрикки, чтобы заплатить сотрудникам базы «Тебриз-1»: «Начинай молиться, Эрикки! Сегодня у меня назначена встреча в министерстве, чтобы привести в порядок наши финансы и получить причитающиеся нам деньги, – сказал он ему перед самым отлетом, – и возобновить все наши просроченные лицензии. Талбот из посольства устроил ее для меня. Он полагает, что есть более чем хороший шанс, что Базарган и Хомейни сумеют взять ситуацию под контроль и разоружить левых. Нам просто нужно продержаться, не паниковать и не дергаться».

Легко ему говорить, подумал Эрикки.

Они достигли вершины перевала. Эрикки заложил вираж и быстро пошел вниз.

– Вон она, база! – Оба пилота сосредоточились. «Колдун» на мачте был единственным, что шевелилось. Никаких транспортных средств нигде. Ни над одним из трейлеров не поднимался дым. – Дым должен быть. – Он сделал плотный круг на высоте двести метров. Никто не вышел, чтобы встретить их. – Я спущусь пониже.

Они быстро спустились и тут же поднялись. По-прежнему никакого движения внизу, поэтому они вернулись на высоту триста метров. Эрикки ненадолго задумался.

– Азадэ, я мог бы посадить вертолет во дворе перед дворцом или сразу за стенами снаружи.

Азадэ тут же покачала головой.

– Нет, Эрикки, ты знаешь, какие нервные у него охранники, и как… как он чувствительно относится к незваным и неожиданным визитам.

– Но нас-то пригласили, по крайней мере тебя. Приказали, вернее сказать. Мы могли бы подлететь туда, сделать круг, осмотреть все хорошенько, и, если там все в порядке, мы могли бы сесть.

– Мы могли бы приземлиться где-нибудь вдалеке и пройти пешком до…

– Никаких пешком. Только не без оружия. – Ему не удалось раздобыть пистолет в Тегеране. У каждого бандюги его сколько угодно, черт бы их побрал, раздраженно подумал он. Я должен достать себе ствол. Я больше не чувствую себя в безопасности. – Мы подлетим туда, посмотрим, а потом я приму решение. – Он переключился на частоту вышки в Тебризе и вышел на связь. Никакого ответа. Он попробовал связаться еще раз, потом развернулся и полетел в сторону города.

Когда они пролетали над деревней Абу-Мард, Эрикки показал рукой вниз, и Азадэ увидела маленькое здание школы, где она провела столько счастливых часов, поляны рядом с ним и там, у самого ручья, то место, где она впервые увидела Эрикки, и приняла его за лесного великана, и влюбилась в него – чудо из чудес, – чтобы он потом спас ее от жизни, полной мук. Она протянула руку и коснулась его через маленькое окошко в перегородке.

– Ты в порядке? Не замерзла? – Он улыбнулся ей.

– О да, Эрикки. Эта деревня была для нас такой удачей, не правда ли? – Ее рука осталась лежать на его плече. Это прикосновение доставляло удовольствие обоим.

Вскоре они увидели аэропорт и железную дорогу, которая уходила на север к Советскому Азербайджану в нескольких милях отсюда, потом дальше – к Москве; на юго-востоке она изгибалась назад к Тегерану, до которого было триста пятьдесят миль. Город был

большой. Теперь они уже могли разглядеть крепость и Голубую мечеть и дымящие трубы сталелитейных заводов, хижины, лачуги и дома, служившие домом шестистам тысячам горожан.

– Смотрите-ка! – Часть здания железнодорожного вокзала горела, дым тяжелыми клубами поднимался в небо. Еще пожары ближе к крепости, и диспетчерская вышка Тебриза по-прежнему молчала, а на летном поле внизу не было заметно никакой активности, хотя там стояло несколько маленьких самолетов для местных рейсов. Зато на военной базе было очень оживленно, грузовики и машины приезжали и уезжали постоянно, но, насколько они могли видеть, ни стрельбы, ни сражений, ни толп народа на улицах не было, все пространство рядом с мечетью было странно пустым. – Я не хочу спускаться слишком низко, – сказал Эрикки, – не хочу искушать какого-нибудь идиота с пальцем на курке.

– Тебе нравится Тебриз, Эрикки? – спросил Ноггер, чтобы скрыть свою тревогу. Он никогда не был здесь раньше.

– Это великолепный город, старый, мудрый, открытый и свободный – самый космополитичный во всем Иране. Я несколько раз чудесно проводил здесь время, еда и выпивка со всего мира, дешево и в изобилии – черная икра и русская водка, копченая лососина из Шотландии, а раз в неделю, в добрые времена, «Эр Франс» привозила свежие французские булки и сыры. Товары из Турции, с Кавказа, британские, американские, японские – все, что душа пожелает. Город знаменит своими коврами, Ноггер, и красотой своих девушек… – Он почувствовал, как рука Азадэ ущипнула его за мочку уха, и рассмеялся. – Это правда, Азадэ, ты сама разве не тебризка? Прекрасный город, Ноггер. Здесь говорят на диалекте фарси, который больше похож просто на турецкий язык. Веками Тебриз был большим торговым центром, частью иранским, частью русским, частью турецким, частью курдским, частью армянским, и всегда оставался бунтарским и независимым, и всегда был предметом вожделения царей, а теперь Советов…

Тут и там группки людей поднимали головы, пристально глядя на них.

– Ноггер, оружие у кого-нибудь видишь?

– Полно, но в нас никто не стреляет. Пока.

Эрикки осторожно обогнул город с края и взял курс на восток. В этом направлении местность поднималась, переходя в тесные предгорья, и там, на вершине холма, стоял опоясанный стеной дворец Горгонов. К нему вела дорога. Она была пуста. Высокие стены заключали внутри много акров земли: сады, ковровую фабрику, гаражи на двадцать машин, крытые загоны для зимующих отар овец, жилые помещения для ста с лишним слуг и охранников, широко раскинувшееся, увенчанное куполом главное здание с его пятьюдесятью комнатами, и небольшую мечеть и крошечный минарет. Несколько машин стояли у главного входа. Эрикки сделал круг на высоте двухсот метров.

– Ничего себе домик, – пораженно пробормотал Ноггер Лейн.

– Он был выстроен для моего прадедушки князем Сергеевым по приказу царей из династии Романовых, Ноггер, в качестве пешкеша, – рассеянно сказала Азадэ, внимательно осматривая территорию внизу. – Это было в 1890 году, когда Романовы уже украли наши кавказские провинции и в очередной раз попытались отделить Азербайджан от Ирана, для чего им нужна была помощь ханов Горгонов. Но наш род всегда был верен Ирану, хотя и старался поддерживать некий баланс. – Она смотрела на дворец внизу. Из главного дома и нескольких флигелей выходили люди – слуги и вооруженные охранники. – Мечеть была построена в 1907 году в ознаменование подписания российско-британского соглашения о разделе ими наших земель и сферах влия… Смотри, Эрикки, по-моему это Наджуд, Фазулия и Зади… и, о, смотри, Эрикки, это же мой брат Хаким! Что он здесь делает?

– Где? А, я вижу его. Не ду…

– Может быть… может быть, Абдолла-хан простил его, – взволнованно произнесла она. – О, как бы это было чудесно!

Эрикки вглядывался в людей внизу. Ее брата он видел всего один раз, на их свадьбе, но он ему очень понравился. Абдолла-хан снял с Хакима изгнание только на тот день, потом отослал его назад в Хой в северной части иранского Азербайджана, недалеко от турецкой границы, где у него были значительные горнодобывающие интересы. «Все, чего Хакиму когда-либо хотелось, это поехать в Париж, чтобы учиться игре на фортепиано, – сказала тогда Азадэ Эрикки. – Но отец и слушать не пожелал, просто проклял его и изгнал за организацию заговора…»

– Это не Хаким, – сказал Эрикки, зрение у него было гораздо острее, чем у жены.

– О! – Азадэ прищурилась от ветра. – О! – Она была так разочарована. – Да-да, ты прав, Эрикки.

– Вон и Абдолла-хан! – Внушительного дородного мужчину с длинной бородой, который вышел из главных дверей в сопровождении двух вооруженных охранников и остановился на ступенях, ни с кем нельзя было спутать. С ним были еще два человека. Все были одеты в толстые длинные пальто от холода. – Кто эти люди?

– Чужие, – ответила она, стараясь преодолеть свое разочарование. – Оружия у них нет, и муллы с ними не видно, значит, это не «зеленые повязки».

– Это европейцы, – сказал Ноггер. – Эрикки, у тебя есть бинокль?

– Нет. – Эрикки перестал кружить, опустился до полутораста метров и завис, пристально вглядываясь в Абдоллу-хана. Он увидел, как тот показал рукой на вертолет, обменялся несколькими фразами с загадочными гостями, потом снова начал наблюдать за вертолетом. Снаружи собралось еще больше ее сестер и родственников, некоторые в чадрах, и слуг – все кутались от холода. Вертолет опустился еще на тридцать метров. Эрикки снял темные очки и головные телефоны и отодвинул назад оконное стекло кабины. Жгучая струя морозного воздуха заставила его охнуть, он высунул голову в окно, чтобы его было хорошо видно, и помахал рукой. Все глаза на земле обратились на Абдоллу-хана. После недолгой паузы хан помахал рукой в ответ. Без радости.

– Азадэ! Сними свои наушники и сделай так же, как я.

Она тут же подчинилась. Некоторые из ее сестер возбужденно замахали ей в ответ. Абдолла-хан никак не отреагировал на ее появление, просто стоял и ждал. Твою мать, подумал Эрикки, потом высунулся из кабины и показал на широкую площадку позади мозаичного замерзшего водоема во дворе перед домом, явно спрашивая разрешения сесть. Абдолла-хан кивнул и показал туда рукой, отдал короткое распоряжение охранникам, потом повернулся на каблуках и вошел в дом. Двое гостей последовали за ним. Один охранник остался. Он спустился по ступеням к месту посадки, проверяя на ходу, исправно ли работает его автоматическая винтовка.

– Нет ничего лучше дружелюбного приема, – пробормотал Ноггер.

– Не волнуйся, Ноггер, – сказала Азадэ с нервным смешком. – Я выйду первой, Эрикки, будет безопаснее, если я выйду первой.

Они тут же приземлились. Азадэ открыла свою дверь и вышла, чтобы поприветствовать сестер и мачеху, третью жену отца, которая была моложе ее. Его первая жена, Ханша, была одного с ним возраста, но теперь была прикована к постели и никогда не покидала своей комнаты. Его вторая жена, мать Азадэ, умерла много лет назад.

Охранник остановил Азадэ. Вежливо. Эрикки задышал свободнее. Они были слишком далеко, чтобы он мог слышать, о чем шла речь, – да и в любом случае ни он, ни Ноггер не говорили ни на фарси, ни на турецком. Охранник сделал жест в сторону вертолета. Она кивнула, потом повернулась и махнула рукой, подзывая их. Эрикки и Ноггер закончили остановку двигателей, следя за охранником, который с серьезным лицом наблюдал за ними.

– Ты же оружие любишь так же сильно, как и я, Эрикки? – проговорил Ноггер.

– Еще сильнее. Но этот человек, по крайней мере, профессионал, он умеет им пользоваться – кто меня пугает, так это любители. – Эрикки вынул блок прерывателей сети и сунул в карман ключ зажигания.

Они пошли присоединиться к Азадэ и ее сестрам, но охранник встал у них на пути. Азадэ крикнула им:

– Он говорит, что мы должны немедленно пройти в Зал для приемов и там подождать. Пожалуйста, идите за мной.

Ноггер шел последним. На глаза ему попалась одна из красавиц сестер, и он улыбнулся про себя, взлетев по лестнице через ступеньку.

Зал для приемов был огромным и холодным, по нему гуляли сквозняки, и в воздухе пахло сыростью; зал был обставлен тяжелой викторианской мебелью со множеством ковров и подушек на полу и старомодными водяными батареями-обогревателями. Азадэ поправила волосы перед одним из зеркал. Ее лыжный костюм был модным и элегантным. Абдолла-хан никогда не требовал, чтобы его жены, дочери или служанки носили чадру, он не одобрял ношение чадры. Тогда почему Наджуд сегодня вышла в чадре? – спросила себя Азадэ, нервничая все больше. Слуга принес чай. Они прождали полчаса,

потом в зал вошел другой охранник и что-то сказал Азадэ. Она сделала глубокий вдох.

– Ноггер, тебе нужно будет подождать здесь, – сказала она. – Эрикки, мы с тобой пойдем с этим охранником.

Эрикки пошел за ней следом, напряженный, но уверенный, что вооруженное перемирие, заключенное им с Абдоллой-ханом, выдержит эту встречу. Прикосновение ножа пукко к спине добавляло ему спокойствия. Охранник открыл дверь в конце коридора и знаком показал им, чтобы они прошли вперед.

Абдолла-хан полулежал на ковре лицом к двери, опершись спиной на подушки; позади него стояли охранники, комната была богато обставлена в викторианском стиле, выглядела очень официальной – и какой-то упадочной и грязной. Два незнакомых человека, которых они видели на ступенях дворца, сидели рядом с ним скрестив ноги. Один был европейцем, крупным, хорошо сохранившимся мужчиной лет под семьдесят, с тяжелыми плечами и светлыми глазами, смотревшими с дружелюбного славянского лица. Второй был моложе, лет тридцати с небольшим; черты его лица были азиатскими и кожа имела желтоватый оттенок. Оба гостя были в зимних костюмах из плотной шерсти. Настороженность Эрикки тут же подскочила, и он остановился у дверей, пока Азадэ прошла к отцу, опустилась перед ним на колени, поцеловала его толстые, унизанные перстнями руки и благословила его. Бесстрастным жестом отец предложил ей сесть сбоку и уставился своими темными, почти черными глазами на Эрикки, который вежливо приветствовал его, но остался стоять рядом с дверью. Пряча свой стыд и страх, Азадэ снова села на колени, опустившись на ковер лицом к нему. Эрикки заметил, как оба гостя окинули ее оценивающе одобрительным взглядом, и его температура поднялась еще на градус. Молчание сгущалось.

Рядом с ханом стояло блюдо с пахлавой, маленькими квадратиками медовых турецких сладостей, которые он обожал, и он время от времени выбирал себе кусочек, сверкая перстнями.

– Итак, – заговорил он суровым тоном, – похоже, ты убиваешь людей без разбора, как бешеный пес.

Глаза Эрикки сузились, но он не сказал ни слова.

– Ну?

– Если я убиваю, то не как бешеный пес. И кого же это я, как предполагается, убил?

– Старика в толпе недалеко от Казвина ударом локтя, проломившим ему грудь. Есть свидетели. Потом трех человек в машине и одного снаружи, он был видным борцом за свободу. Там тоже были свидетели. Дальше по дороге пятеро убитых и еще больше раненых после спасательного рейда вертолета. Опять есть свидетели. – Снова молчание. Азадэ сидела не шевелясь, хотя в лице у нее не было ни кровинки. – Итак?

– Если есть свидетели, то вы тогда знаете и то, что мы мирно пытались проехать в Тегеран, мы не были вооружены, на нас набросилась толпа, и если бы не Чарли Петтикин и не Ракоци, мы, вероятно, были… – Эрикки на мгновение замолк, заметив взгляд, которым внезапно обменялись между собой незнакомцы. Потом, еще более осторожно, он продолжил: – Мы, вероятно, были бы мертвы. У нас не было оружия, у Ракоци оно было, в нас стреляли первыми.

Абдолла-хан тоже заметил перемену в лицах людей, сидевших рядом с ним. Он задумчиво перевел взгляд на Эрикки.

– Ракоци? Тот же самый, что и в истории об исламско-марксистском мулле и людях, которые напали на вашу базу? Советский мусульманин?

– Да. – Эрикки тяжелым взглядом окинул незнакомцев. – Агент КГБ, который заявил, что он из Грузии, из Тбилиси.

Абдолла-хан улыбнулся одними уголками губ.

– КГБ? Откуда ты знаешь?

– Я достаточно повидал их, чтобы знать. – Оба незнакомца смотрели на него; тот, что был постарше, дружелюбно улыбался, и от этой улыбки у Эрикки мурашки пробежали по коже.

– Этот Ракоци, как он оказался в вертолете? – спросил хан.

– Он захватил капитана Петтикина на моей базе в прошлое воскресенье. Петтикин – один из наших пилотов, он прилетел в Тебриз, чтобы забрать нас, Азадэ и меня. Мое посольство пригласило меня по поводу моего паспорта; это было в тот день, когда большинство правительств, включая мое, приказали всем иностранцам, чье пребывание здесь не являлось необходимостью, покинуть Иран, – сказал Эрикки, без труда вставляя это преувеличение. – В понедельник, когда мы тронулись отсюда, Ракоци

заставил Петтикина отвезти его в Тегеран на вертолете. – Он кратко рассказал о том, что произошло. – Если бы он не заметил финский флаг на крыше машины, мы были бы мертвы.

Человек с азиатскими чертами лица мягко рассмеялся.

– Это было бы огромной потерей, капитан Йокконен, – сказал он по-русски.

Тот, что был постарше, со славянской внешностью, спросил на безукоризненном английском:

– Этот Ракоци, где он сейчас?

– Не знаю. Где-то в Тегеране. Могу я спросить, кто вы? – Эрикки пытался выиграть время и не ждал, что ему ответят. Он хотел определить, был Ракоци врагом или другом этих двоих, явно советских, явно из КГБ или ГРУ, тайной армейской полиции.

– Пожалуйста, как его звали по имени? – спросил старший приятным голосом.

– Федор, как и венгерского революционера. – Эрикки не заметил никакой новой реакции и мог бы продолжать, если бы не был слишком умен, чтобы сообщать какую бы то ни было информацию КГБ ил ГРУ. Азадэ сидела на коленях на ковре с прямой спиной, неподвижная, сложив руки на коленях, ее губы алели на бледном лице. Внезапно Эрикки стало очень страшно за нее.

– Ты признаешь, что убил этих людей? – проговорил хан и съел еще один кусочек пахлавы.

– Я признаю, что убил людей около года назад, чтобы спасти вам жизнь, ваше высочество, и…

– И свою собственную! – сердито оборвал его Абдолла-хан. – Убийцы прикончили бы и тебя тоже. Это была воля Бога, что мы остались живы.

– Я не начинал той драки и не искал ее. – Эрикки старался подбирать слова с большой осмотрительностью, чувствуя себя поглупевшим, уязвимым и ни на что не годным. – Если я и убил тех остальных, то сделал это не по своей воле, а лишь затем, чтобы защитить вашу дочь и мою жену. Наши жизни были в опасности.

– А, ты считаешь, у тебя есть право убивать всякий раз, когда полагаешь, что твоей жизни угрожает опасность?

Эрикки видел, как кровь бросилась в лицо хану, видел, как оба советских гостя наблюдают за ним, и подумал о своем собственном

наследии и рассказах своего деда о старых временах в северных краях, когда по земле ходили великаны, и тролли и гули не были просто мифическими существами, о стародавних временах, когда земля была чистой, и зло знали как зло, а добро как добро, и зло не могло спрятаться под его маской.

– Если жизни Азадэ или моей будет грозить опасность, я убью любого, – произнес он ровным голосом.

Трое мужчин на ковре почувствовали себя так, словно их пронизал ледяной холод. Азадэ пришла в ужас от этой угрозы, а охранники, не говорившие ни по-английски, ни по-русски, шевельнулись, уловив в его словах холодную жестокость.

Вена на лбу Абдоллы-хана пошла узелками.

– Ты отправишься с этим человеком, – мрачно сказал он. – Ты отправишься с этим человеком и сделаешь все, что он скажет.

Эрикки посмотрел на человека с азиатскими чертами.

– Что вам нужно от меня?

– Только ваш опыт пилота и ваш 212-й, – ответил тот не без дружелюбия по-русски.

– Извините, 212-й проходит плановую проверку после полуторы тысяч часов полетов, а я работаю на S-G и «Иран Лес».

– 212-й полностью собран и уже прошел наземную проверку вашими механиками, а «Иран Лес» передала вас в… передала вас мне.

– Чтобы делать что?

– Летать, – раздраженно сказал человек. – У вас что, со слухом не в порядке?

– Нет, а вот у вас, похоже, да.

Воздух с шипением вырвался меж губ азиата. Тот, что был старше, улыбнулся странной улыбкой. Абдолла-хан повернулся к Азадэ, и она едва не дернулась от страха.

– Ступай к ханум и засвидетельствуй ей свое почтение!

– Да… да… отец, – запинаясь, пробормотала она и вскочила на ноги. Эрикки сделал в ее сторону полшага, но охранники были наготове, один из них держал его под прицелом, и Азадэ сказала, чуть не плача: – Нет, Эрикки, это… мне… я должна идти… – Она выбежала, прежде чем он успел остановить ее.

Человек с азиатскими чертами лица нарушил молчание:

– Вам нечего бояться. Нам просто нужны ваши навыки.

Эрикки не ответил ему, уверенный, что его держат на поводке, что они оба, и он, и Азадэ, попались в ловушку и погибли, зная, что если бы в комнате не было охранников, он бы сейчас напал безо всяких колебаний, убил бы Абдоллу-хана и, вероятно, и этих двоих тоже. Три человека на ковре понимали это.

– Почему вы посылали за моей женой, ваше высочество? – спросил он тем же спокойным голосом, зная теперь ответ. – Вы прислали две записки.

Абдолла-хан ответил с издевкой:

– Для меня она не представляет никакой ценности, но она представляет ценность для моих друзей: чтобы заполучить тебя сюда и заставить хорошо вести себя. И, клянусь Аллахом и Пророком, ты будешь себя хорошо вести. Ты сделаешь то, что нужно этому человеку.

Один из охранников чуть-чуть шевельнул своим короткоствольным автоматом, и произведенный им шум эхом прокатился по комнате. Человек с азиатскими чертами поднялся.

– Сначала ваш нож, пожалуйста.

– Вы можете подойти и забрать его. Если он вам серьезно нужен.

Человек заколебался. Абдолла-хан вдруг расхохотался. Его смех был жестоким и резанул по всем ним.

– Нож вы ему оставите. Это сделает вашу жизнь более интересной. – Он повернулся к Эрикки. – Было бы мудро проявлять послушание и вести себя хорошо.

– Было бы мудро отпустить нас с миром.

– Вы бы хотели видеть вашего второго пилота подвешенным за большие пальцы? – Глаза Эрикки сделались еще более стеклянными. Пожилой гость нагнулся и зашептал что-то на ухо хану, не сводившему глаз с Эрикки. Рука хана поигрывала украшенным каменьями кинжалом. Когда человек закончил говорить, он кивнул. – Эрикки, ты скажешь своему второму пилоту, что он тоже должен быть послушным, пока находится в Тебризе. Мы отошлем его на базу, но твой маленький вертолет останется здесь. Пока что. – Он жестом показал человеку с азиатскими чертами, что тот может идти.

– Меня зовут Чимтарга, капитан. – Человек был намного ниже Эрикки ростом, но сложения был крепкого, с широкими плечами. – Сначала мы от…

– Чимтарга – название горы к востоку от Самарканда. Как ваше настоящее имя? И звание?

Человек пожал плечами.

– Мои предки ходили в поход с Тимуром, Тамерланом, монголом, которому нравилось сооружать горы из черепов. Сначала мы отправимся на вашу базу. Поедем на машине. – Он прошел мимо финна к двери и открыл ее, но Эрикки не двинулся с места, продолжая смотреть на хана.

– Сегодня вечером я хочу увидеть свою жену.

– Ты увидишь ее, когда… – Абдолла-хан замолчал, когда пожилой гость опять наклонился к нему и что-то прошептал на ухо. Снова Абдолла-хан кивнул: – Хорошо. Да, капитан, ты увидишь ее сегодня вечером и потом каждый второй вечер. При условии… – Он не стал договаривать.

Эрикки круто повернулся и вышел.

Когда дверь закрылась за ним, напряжение в комнате спало. Пожилой весело хмыкнул:

– Ваше высочество, вы были великолепны, великолепны, как всегда.

Абдолла-хан покрутил левым плечом, боль в пораженном артритом суставе донимала его.

– Он будет послушным, Петр, – сказал он, – но только пока моя непослушная и неблагодарная дочь остается у меня под рукой.

– С дочерьми всегда трудно, – согласился Петр Олегович Мзитрюк. Он пришел с севера, из-за границы, из Тбилиси – Тифлиса.

– Нет, Петр. Остальные послушны и не причиняют мне хлопот, только эта. Она бесит меня больше, чем можно выразить словами.

– Тогда отошли ее, как только финн выполнит все, что от него требуется. Отошли их обоих. – Его светлые глаза прищурились на добром лице, и он благодушно добавил: – Будь я лет на тридцать помоложе, а она свободна, я бы обратился к тебе с просьбой позволить мне снять это бремя с твоих плеч.

– Если бы попросил об этом до того, как появился этот сумасшедший, то смог бы забрать ее с моим благословением, – с досадой произнес Абдолла-хан, хотя он отметил про себя прятавшуюся за этими словами надежду, скрыл свое удивление и отложил в сторону, чтобы обдумать впоследствии. – Я жалею, что отдал ее ему, – я думал,

она и его доведет до сумасшествия, – жалею, что поклялся перед Богом сохранить ему жизнь. Это была минута слабости.

– Может быть, и нет. Великодушным быть хорошо, иногда. Он действительно спас тебе жизнь.

– Иншаллах! Это был Божий промысел, он оставался всего лишь орудием.

– Разумеется, – успокаивающе проговорил Мзитрюк. – Разумеется.

– Этот человек – дьявол, не верующий в Бога дьявол, от которого разит кровожадностью. Если бы не мои охранники… ты и сам все видел… мы бы дрались за свою жизнь.

– Нет, только не пока она находится в твоей власти и ты можешь поступить с ней… неподобающе. – Петр улыбнулся странной улыбкой.

– Если Богу будет угодно, скоро оба они окажутся в аду, – сказал хан, все еще в ярости от того, что ему пришлось оставить Эрикки в живых, дабы помочь Петру Олеговичу Мзитрюку, когда он мог бы отдать его левым моджахедин и таким образом избавиться от него раз и навсегда.

Мулла Махмуд, один из лидеров тебризской организации исламо-марксистских моджахедов, которые напали на базу, пришел к нему два дня назад и рассказал о том, что произошло у дорожной заставы.

– Вот их документы в качестве доказательства, – с вызовом сказал он, – и этого чужеземца, который должен быть агентом ЦРУ, и госпожи, вашей дочери. Как только он вернется в Тебриз, он предстанет перед судом нашего комитета, мы вынесем ему приговор, отвезем в Казвин и предадим казни.

– Клянусь Пророком, вы этого не сделаете. Не раньше, чем я дам свое разрешение, – повелительно произнес хан, забирая документы. – Этот бешеный пес-чужеземец женат на моей дочери, он не из ЦРУ, и он под моей защитой, пока я ее не сниму, и если вы тронете хоть один мерзкий рыжий волосок на его голове, будете преследовать его или что-то сделаете с базой, пока я не дам на это согласия, я прекращу всю свою тайную поддержку, и тогда ничто не помешает «зеленым повязкам» выбросить всех левых из Тебриза! Он будет отдан вам, когда так решу я, а не вы. – Мулла, нахмурившись, ушел, и Абдолла тут же добавил Махмуда в список своих самых неотложных проблем. Внимательно просмотрев документы, он обнаружил среди них паспорт

Азадэ, а также удостоверения и другие разрешения и пришел в восторг, потому что они давали ему дополнительную власть над ней и над ее мужем.

Да, подумал он, глядя на своего советского гостя, теперь она сделает все, что я от нее потребую. Все. – На все воля Аллаха, но она скоро может остаться вдовой.

– Будем надеяться, что не слишком скоро! – Смех Мзитрюка был добрым и заразительным. – Не раньше, чем ее муж завершит свое задание.

Абдолла-хан был согрет присутствием этого человека и его мудрыми советами и был доволен тем, что Мзитрюк выполнит то, что от него требуется. Но и в этом случае мне нужно быть таким кукловодом, каким я еще никогда не был, если я хочу выжить и хочу, чтобы выжил Азербайджан.

Во всем остане и в Тебризе ситуация теперь сложилась очень хрупкая: всевозможные бунты и восстания, вооруженная борьба одних группировок с другими, десятки тысяч советских солдат, сосредоточенных у самой границы. И танки. И ничего между ними и заливом, что могло бы остановить их. Кроме меня, подумал он. А как только они завладеют Азербайджаном – Тегеран, как история доказывала это раз за разом, не умеет защищаться, – весь Иран упадет к ним в руки, как то гнилое яблоко, о котором говорил Хрущев. А вместе с Ираном – Персидский залив, нефть мира и Ормуз.

Ему хотелось выть от ярости. Да проклянет Аллах шаха, который не пожелал слушать, не пожелал ждать, которому двадцать лет назад не хватило ума раздавить в зародыше мелкое восстание, поднятое муллами, и отправить аятоллу Хомейни в преисподнюю, как я советовал, и который поставил под угрозу достижение такого положения вещей, при котором мы бы неоспоримо, непобедимо и неотвратимо держали бы за горло весь мир за пределами России, царской или советской – нашего настоящего врага.

Мы были так близко: США ели у нас с рук, ублажали нас и совали нам в руки свое самое современное оружие, умоляя нас играть в заливе роль полицейского с большой дубинкой и таким образом подчинить себе подлых арабов, впитать их нефть, сделать вассалов из них и их засиженных мухами, гнусных суннитских эмиратов от Саудовской Аравии до Омана. Мы могли бы подмять под себя Кувейт за один день,

Ирак – за неделю, саудовские и эмиратские шейхи бросились бы спасаться в своей пустыне, вопя о пощаде! Мы могли получить любые технологии, какие только душе угодно, любые корабли, авиацию, танки, оружие – только попроси. Даже бомбу, клянусь Аллахом! – наши реакторы германского производства сделали бы нам ее!

Мы были так близко к исполнению воли Аллаха, мы – шииты Ирана с нашим непревзойденным интеллектом, нашей древней историей, нашей нефтью и нашим господством над Ормузским проливом, которые в конце концов должны были поставить всех людей левой руки на колени. Так близко к тому, чтобы получить Иерусалим и Мекку, контроль над Меккой – святая святых.

Так близко к тому, чтобы быть первыми на Земле, исполнить наше заветное право, а теперь, теперь все висит на волоске, и нам приходится начинать сначала, снова хитрить и обводить вокруг пальца этих сатанистских варваров с севера – и все из-за одного человека.

Иншаллах, подумал он, и часть его гнева улетучилась. Но и в этом случае, не будь в комнате Мзитрюка, он бы рвал и метал, и избил бы кого-нибудь, не важно кого. Но Мзитрюк был здесь, и с ним надо было разбираться, устраивать проблемы Азербайджана, поэтому он подчинил себе свой гнев и задумался над следующим ходом. Его пальцы подобрали последний кусочек пахлавы и отправили его в рот.

– Ты бы хотел жениться на Азадэ, Петр?

– Ты пожелал бы меня, который старше тебя, себе в зятья? – спросил тот с презрительным смешком.

– Если бы на то была воля Аллаха, – ответил хан с выверенной долей искренности и улыбнулся про себя, ибо заметил искру, вдруг вспыхнувшую в глазах своего друга, искру, которая тут же погасла. Стало быть, подумал он, едва увидев ее, ты ее захотел. Теперь, если бы я действительно отдал ее тебе, когда с этим монстром будет покончено, что бы это мне дало? Много всего! Ты – завидный жених, ты влиятелен, политически это было бы мудро, очень мудро, и ты бы вколотил в нее ума и поступал бы с ней так, как с ней следует поступать, а не как этот финн, который с нее пылинки сдувает. Ты был бы орудием моей мести ей. Преимуществ много…

Три года назад Петр Олегович Мзитрюк стал владельцем огромной дачи и земель, принадлежавших его отцу – тоже старому другу Горгонов – недалеко от Тбилиси, где Горгоны в течение

поколений поддерживали очень важные деловые связи. С тех пор Абдолла-хан очень близко узнал его, останавливаясь на этой даче во время своих многочисленных деловых поездок. Он обнаружил, что Петр Олегович, как все русские, был скрытен и информацией делился скупо. Но, в отличие от большинства, был всегда готов помочь, держался крайне дружелюбно и был могущественнее любого советского функционера, которого он знал: вдовец с дочерью, вышедшей замуж, сыном, который служил на флоте, внуками – и редкими привычками. Он жил один на этой огромной даче, за исключением слуг и странно красивой, странно злобной русской евроазиатки по фамилии Вертинская, женщины лет под сорок, которую он показал ему дважды за эти три года, почти как уникальное сокровище из частной коллекции. Она показалась Абдолле-хану отчасти рабыней, отчасти пленницей, отчасти собутыльницей, отчасти шлюхой, отчасти садисткой, отчасти дикой кошкой.

– Почему ты просто не убьешь ее и не покончишь со всем этим, Петр? – спросил он его однажды после дикой, яростной ссоры, вспыхнувшей за столом, когда Мзитрюк настоящей плеткой погнал ее из комнаты, а женщина плевалась, ругалась, царапалась и дралась, пока слуги не выволокли ее вон.

– Нет… пока еще нет, – сказал тогда Мзитрюк; его руки дрожали, – она слишком… слишком ценная вещь.

– А, да… да, теперь я понимаю, – ответил Абдолла-хан, тоже испытывая возбуждение; почти то же самое он чувствовал по отношению к Азадэ – нежелание выбросить такой предмет, пока она не была подчинена его воле окончательно, по-настоящему унижена, пока не ползала у ног, – и он вспомнил, как позавидовал Мзитрюку, что Вертинская была наложницей, а не дочерью, и поэтому окончательный акт мести с ней можно было довести до конца.

Будь проклята эта Азадэ, подумал он. Будь проклята за то, что оказалась живым воплощением своей матери, которая доставляла мне такое наслаждение, за то, что постоянно напоминает мне о моей утрате. Она и ее проклятый брат, оба – копии своей матери лицом и манерами, но не по качеству, ибо та была подобна гурии из Эдемского сада. Я-то думал, что оба наши ребенка любят и почитают меня, но нет, едва Нафала переселилась в рай, их подлинная сущность вышла наружу. Я знаю, что Азадэ планировала со своим братом убить меня –

разве у меня нет доказательств этого? О Аллах, как бы я хотел избить ее так же, как Петр избивает свою немезиду, но я не могу, не могу. Каждый раз, когда я поднимаю на нее руку, чтобы ударить ее, я вижу перед собой свою возлюбленную. Да проклянет Аллах Азадэ на веки вечные…

– Успокойся, – мягко проговорил Мзитрюк.

– Что?

– Ты выглядел таким расстроенным, мой друг. Не волнуйся, все будет хорошо. Ты найдешь способ изгнать ее из себя.

Абдолла-хан тяжело кивнул.

– Ты знаешь меня слишком хорошо. – Это так, подумал он, приказывая принести чаю себе и водки Мзитрюку, единственному человеку, с которым он чувствовал себя легко.

Интересно, кто ты на самом деле, думал он, наблюдая за ним. В прошлые годы, еще при жизни твоего отца на даче, где мы познакомились, ты говорил, что приезжал туда в отпуск, но никогда не говорил, откуда именно или где ты работал, и мне так и не удалось это выяснить, как я ни старался. Поначалу я полагал, что это была Красная Армия, потому что однажды, напившись, ты сказал мне, что был командиром танка во время Второй мировой, прошел от Севастополя до Берлина. Но потом я изменил свое мнение и подумал, что ты и твой отец относились скорее к КГБ или ГРУ, потому что никто в целом СССР не удалялся на покой на такую дачу и с такими землями в Грузии, лучшем месте во всей империи, если не располагал особыми знаниями и влиянием. Ты теперь говоришь, что вышел на пенсию, – чем же ты занимался?

Экспериментируя в первые дни, чтобы установить объем влияния Мзитрюка, Абдолла-хан упомянул однажды тайную ячейку коммунистической партии Туде в Тебризе, которая готовила заговор с целью убить его; он хотел бы, чтобы ячейку ликвидировали. Это было правдой лишь отчасти; подлинная причина заключалась в том, что сын человека, которого он тайно ненавидел, но на которого не мог напасть открыто, входил в состав этой группы. Не прошло и недели, как все их головы торчали на кольях рядом с мечетью с табличкой ТАК ПОГИБНУТ ВСЕ ВРАГИ АЛЛАХА, и Абдолла-хан пролил холодные слезы на похоронах и хохотал наедине с собой. То, что Петр Мзитрюк имел власть уничтожить одну из их собственных ячеек, было

проявлением подлинной власти, а также, как знал Абдолла-хан, являлось мерилом его собственного значения для них.

Он взглянул на гостя.

– На какое время вам понадобится финн?

– Несколько недель.

– Что, если «зеленые повязки» не разрешат ему летать или перехватят его?

Мзитрюк пожал плечами.

– Будем надеяться, что он выполнит свое задание. Сомневаюсь, что останутся уцелевшие – он или Чимтарга, – если их найдут по эту сторону границы.

– Хорошо. А теперь, возвращаясь к тому, о чем мы говорили, когда нас прервали: вы согласны не оказывать массированной поддержки Туде здесь, покуда американцы сюда не полезут, и если Хомейни не запустит программу по ее ликвидации?

– Азербайджан всегда находился в рамках наших интересов. Мы всегда говорили, что он должен стать независимым государством, – он имеет более чем достаточно богатств, влияния, природных ископаемых и нефти, чтобы быть самодостаточным, и… – Мзитрюк улыбнулся, – просвещенных лидеров. Ты мог бы поднять знамя, Абдолла, я уверен, ты получишь всю необходимую поддержку, чтобы стать президентом – и наше немедленное признание.

После чего меня убьют на следующий же день, пока танки будут с грохотом ползти через границу, сказал себе Абдолла-хан безо всякой обиды. О нет, мой милый друг, залив – слишком большой соблазн даже для тебя.

– Это замечательная мысль, – искренне согласился он, – но мне понадобится время. А пока могу я рассчитывать также на то, что коммунистическая Туде повернет свое оружие против повстанцев?

Улыбка на лице Петра Мзитрюка осталась той же, но что-то поменялось в выражении глаз.

– Для Туде было бы странным напасть на своих сводных братьев. Исламо-марксизм имеет много последователей среди интеллектуалов-мусульман – я слышал, даже ты их поддерживаешь.

– Я согласен, что в Азербайджане необходимо поддерживать некое равновесие. Но кто приказал левым захватить летное поле? Кто приказал им напасть на наш железнодорожный вокзал и сжечь его?

Кто приказал взорвать нефтепровод? Ясно, что не кто-то из разумных людей. Я слышал, это был мулла Махмуд из мечети Хаджста. – Он внимательно вглядывался в Петра. – Один из ваших.

– Никогда о нем не слышал.

– А, – произнес Абдолла-хан с напускной веселостью, не веря ему. – Я рад, Петр, потому что это лже-мулла, он даже не истинный исламо-марксист, просто подстрекатель. Это он напал на базу Йокконена. К сожалению, на его стороне пять сотен бойцов, таких же недисциплинированных. И деньги неизвестно откуда. И помощники вроде Федора Ракоци. Что это имя означает для тебя?

– Немного, – тут же ответил Петр, и улыбка, и голос его не изменились, он был слишком умен, чтобы избежать ответа на этот вопрос. – Инженер-нефтепроводчик из Астары на границе, один из наших советских мусульман, который, как полагают, вступил в моджахеды в качестве борца за свободу, безусловно, без какого-либо разрешения или одобрения.

Лицо Петра оставалось бесстрастным, но про себя он ругался последними словами; ему хотелось кричать. Сын, мой сын, неужели ты нас предал? Тебе было поручено шпионить, проникнуть в ряды моджахедов и вернуться с информацией, и все! И в этот раз тебя послали попытаться завербовать этого финна, потом отправиться в Тегеран и там мобилизовать студентов университета, а не объединяться с этим муллой, этой бешеной собакой, и не нападать на аэродромы или расстреливать какую-то мразь возле дороги. Ты что, с ума сошел? Тупой идиот, а если бы тебя ранили и ты бы попался? Сколько раз я говорил тебе, что они – и мы – способны со временем расколоть кого угодно, выпотрошить из него или из нее все секреты? Глупо так рисковать! Финн временно важен, но не настолько, чтобы не подчиняться приказам, рисковать своим будущим, будущим своего брата – и моим!

Если сын под подозрением, под подозрением и его отец. Если под подозрением отец, под подозрением вся семья. Сколько раз я говорил тебе, что КГБ работает по правилам, уничтожает тех, кто не подчиняется правилам, кто думает сам, идет на риск и превышает инструкции.

– Этот Ракоци значения не имеет, – ровно произнес он. Спокойно, приказал он себе, начиная про себя свою литанию. Тревожиться не о

чем. Ты знаешь слишком много секретов, чтобы тебя могли тронуть. Как и мой сын. Он хороший сотрудник, они наверняка ошибаются на его счет. Он прошел многократные проверки, проведенные тобой и другими экспертами. Ты в безопасности. Ты силен, твое здоровье с тобой, ты можешь избить и взять эту маленькую красавицу Азадэ и при этом изнасиловать Вертинскую в тот же день. – Значение имеет то, что ты – фокусная точка всего Азербайджана, мой друг, – сказал он тем же успокаивающим тоном. – Ты получишь всю необходимую тебе поддержку, и твои взгляды на исламских марксистов достигнут нужного источника. Равновесие, которое тебе требуется, ты получишь.

– Хорошо, я буду на это рассчитывать, – сказал хан.

– Тем временем, – продолжил Мзитрюк, возвращаясь к главной причине своего неожиданного визита сюда. – Как быть с тем британским капитаном? Ты сможешь нам помочь?

Позавчера у себя дома под Тбилиси он получил сверхсекретный и сверхсрочный телекс из Центра, в котором ему сообщали, что тайный пункт радиолокационного наблюдения ЦРУ на северном склоне Сабалана был взорван диверсантами как раз перед тем, как туда прибыли дружественные местные команды, посланные забрать оттуда все шифровальные книги, шифровальные машины и компьютеры. «Немедленно проведите личную встречу с Иванычем» – говорилось далее в телексе, используя конспиративное имя Абдоллы-хана. – «Сообщите ему, что диверсантами были британцы – капитан и два гуркхи – и агент ЦРУ, американец Роузмонт (кодовое имя Абу Курд), проводником у которых был один из наших наемников, убитый ими до того, как он успел привести их в засаду. Один солдат и агент ЦРУ были убиты во время побега, и двое уцелевших диверсантов, как предполагается, движутся в сторону сектора Иваныча – договоритесь с ним о сотрудничестве. Секция 16/а. Подтвердите получение». Команда «Секция 16» означала: данный человек или люди являются противником первоочередной важности, их необходимо перехватить, задержать и доставить для допроса любыми необходимыми средствами. Добавленное «/а» означало: если это невозможно осуществить, они должны быть уничтожены в обязательном порядке.

Мзитрюк пригубил водки, ожидая.

– Мы были бы признательны за помощь.

– Моя помощь всегда в вашем распоряжении, – сказал Абдолла. – Но найти в Азербайджане двух опытных диверсантов, которые к этому времени уже наверняка переоделись под местных жителей, почти невозможно. У них обязательно будут конспиративные дома, куда они могут обратиться, – в Тебризе есть британское консульство, – и в горах есть десятки путей, которые выведут их к Тебризу, минуя нас. – Он встал, подошел к окну и долго смотрел в него. Отсюда ему был виден 206-й, стоявший на переднем дворе под охраной. День все еще был безоблачным. – Если бы я руководил этой операцией, я бы притворился, что направляюсь в Тебриз, но потом я вернулся бы назад и выбрался из гор через Каспий. Как они пробрались сюда?

– Каспий. Но их выследили на этом пути. Два тела были найдены в снегу, и следы двух остальных ведут в этом направлении.

Провал Сабаланской операции вызвал дрожь гнева по всей цепочке до самого верха. То, что столько сверхсекретного оборудования ЦРУ находилось так близко, совсем под рукой, много лет служило магнитом для попыток тайного приобретения и проникновения. За последние две недели информация о том, что некоторые из пунктов радиолокационного наблюдения были эвакуированы, но не уничтожены при спешном отступлении и панике, которую они помогали сеять, подталкивала «ястребов» к тому, чтобы действовать немедленно, большими силами. Мзитрюк, старший советник в этом регионе, рекомендовал осторожность: использовать местные, а не советские группы, чтобы не вызвать враждебность Абдоллы-хана – его уникального связного и ценнейшего агента, – и избежать риска возникновения международного инцидента.

– Совершенно неразумно рисковать и провоцировать конфронтацию, – говорил он, следуя правилам и своему тайному плану. – Чего мы добьемся немедленными действиями, и это при условии, что нам не скормили дезинформацию и Сабалан не является одной большой миной-ловушкой, что возможно? Получим несколько шифровальных книг, которые у нас уже, может быть, есть, а может быть, нет. Что же касается новейших компьютеров, вся наша операция «Затопек» полностью контролирует решение этого вопроса.

Речь шла о крайне противоречивой и инновационной тайной операции КГБ – названной именем чешского бегуна на длинные дистанции, – запущенной в 1965 году. С начальным бюджетом в десять

миллионов американских долларов, выделенных из крайне скудных твердовалютных запасов, операция «Затопек» должна была наладить постоянное поступление самых современных и лучших западных технологий посредством простых коммерческих закупок через сеть подставных компаний, а не традиционным и очень дорогостоящим методом краж и шпионажа.

«Эти деньга – ничто в сравнении с тем, что мы выигрываем, – гласил его сверхсекретный первоначальный доклад в Центр, когда он впервые вернулся с Дальнего Востока в 64-м. – Есть десятки тысяч продажных бизнесменов и просто попутчиков, которые продадут нам все самое лучшее и современное, если смогут на этом заработать. Прибыль, которая будет огромной для одного человека, для нас окажется пустяковым расходом, потому что мы сэкономим миллиарды на научных исследованиях и опытно-конструкторских разработках, миллиарды, которые мы сможем потратить на наш военно-морской флот, военно-воздушные силы и армию. И, что столь же важно, мы сэкономим годы тяжелого, кропотливого труда и неудач. Почти бесплатно мы сможем оставаться наравне со всем, что произведут на свет их умы. Несколько долларов, переданных под их прогнившим прилавком, принесут нам все их сокровища».

Петр Мзитрюк наполнился теплым светом изнутри, когда вспомнил, как был принят его план, хотя – что было естественно и правильно – его руководство представило эту идею как свою собственную, так же как и он перенял ее у одного из своих глубоко законспирированных агентов в Гонконге, француза по имени Жак де Виль, работавшего в большом конгломерате «Струанз», который открыл ему глаза: «Американский закон не запрещает продавать технологии во Францию или Западную Германию или дюжину других стран, и законы этих стран не запрещают какой-либо компании поставлять ее в другие страны, где не действуют швейцарские законы против продажи товаров Советскому Союзу. Бизнес есть бизнес, Григорий, и на деньгах весь мир держится. Через одну только компанию Струана мы могли бы поставлять вам тонны оборудования, которое США запретили вам продавать. Мы же обслуживаем Китай – почему бы и не вас тоже? Григорий, вы, моряки, ничего не смыслите в бизнесе…»

Мзитрюк улыбнулся про себя. В те дни он был известен как Григорий Суслев, капитан небольшого советского торгового судна, курсировавшего между Владивостоком и Гонконгом, – его прикрытие на сверхсекретной работе в качестве заместителя резидента по Азии в Первом управлении КГБ.

За годы, прошедшие после 64-го, когда я впервые предложил эту схему, с гордостью думал он, при общих затратах на сегодняшний день в восемьдесят пять миллионов долларов операция «Затопек» сэкономила матушке-России миллиарды и обеспечила постоянный, неуклонно растущий приток разработанных в НАСА, Японии и Европе технических новинок, чудес электроники, оборудования, программного обеспечения, планов, роботов, чипов, микросхем, лекарственных препаратов и прочих всевозможных волшебных штуковин, которые можно было воспроизводить и тиражировать в свое удовольствие, – на оборудовании, разработанном тем же самым противником и приобретенным и оплаченным из ссуд, которые они нам предоставляют и которые мы не собираемся возвращать. Какие же они дураки!

Он едва не рассмеялся вслух. Что еще важнее, операция «Затопек» дает мне возможность продолжать свободно действовать и маневрировать в этом регионе так, как я считаю нужным, играть в большую игру, которую эти тупые британцы выпустили из рук.

Он смотрел на Абдоллу-хана, стоящего у окна, терпеливо ожидая, когда тот решит, какую услугу ему попросить в обмен на поимку диверсантов. Давай, Толстопуз, угрюмо думал он, называя Абдоллу тайным прозвищем, которое он для него придумал, мы оба знаем, что ты можешь поймать этих сукиных детей, если захочешь – если они еще в Восточном Азербайджане.

– Я сделаю что смогу, – произнес Абдолла-хан, все так же стоя спиной к нему, и Мзитрюку не пришлось прятать улыбку. – Если мне удастся перехватить их, что тогда, Петр?

– Сообщи Чимтарге. Он все организует.

– Очень хорошо. – Абдолла-хан кивнул сам себе и вернулся на ковер и подушки. – Значит, об этом договорились.

– Спасибо, – ответил Петр с большим удовлетворением. Подобная окончательность в тоне Абдоллы-хана сулила быстрый успех.

– Этот мулла, о котором мы говорили, Махмуд, – сказал хан, – он очень опасен. И эта его банда головорезов. Мне думается, они угроза для всякого. Туде следует получить указание разобраться с ним. Тайно, разумеется.

Мзитрюк спрашивал себя, сколько известно Абдолле-хану об их тайной поддержке Махмуда, одного из их лучших и наиболее фанатичных новообращенных.

– Туде должна охраняться, и их друзья тоже. – Он увидел мгновенно промелькнувшее раздражение, поэтому пошел на компромисс и тут же добавил: – Возможно, этого человека могли бы перевести в другое место и заменить. Общий раскол и братоубийство будет только на руку врагу.

– Этот мулла на самом деле лже-мулла, он ни во что искренне не верит.

– Тогда он должен исчезнуть. Быстро. – Петр Мзитрюк улыбнулся, Абдолла-хан – нет.

– Очень быстро, Петр. Навсегда. А его группа распущена.

Цена была высокой, но секция 16/а давала ему достаточные полномочия.

– Почему бы и не быстро и не навсегда, раз ты говоришь, что это необходимо? Я согласен… э-э… передать твою рекомендацию далее. – Мзитрюк улыбнулся, и на этот раз Абдолла-хан улыбнулся вместе с ним, столь же удовлетворенный.

– Я рад, что мы договорились, Петр. Становись мусульманином ради своей бессмертной души.

Петр Мзитрюк рассмеялся.

– Со временем. А пока становись коммунистом ради своих земных удовольствий.

Хан рассмеялся, наклонился вперед и наполнил рюмку Петра.

– Я не смогу уговорить тебя остаться на несколько дней?

– Нет, но спасибо. Когда мы поедим, думаю, я отправляюсь в обратный путь домой. – Улыбка стала шире. – У меня много дел.

Хан был очень доволен. Значит, теперь я могу забыть об этом надоедливом мулле и его банде, и еще один гнилой зуб будет вырван. Но мне интересно, что бы ты сделал, Петр, если бы узнал, что твои диверсанты, капитан и солдат, находятся на другом краю моего

поместья, ожидая безопасного прохода дальше? Но куда? В Тегеран или к тебе? Я еще не решил.

О, я знал, что ты придешь ко мне молить о помощи, почему же еще я стал бы держать их здесь целыми и невредимыми, почему еще я бы встретился с ними два дня назад в Тебризе и тайком привел их сюда, как не для тебя? Может быть. Жаль, что Вьена Роузмонта убили, он был полезен. Даже после смерти информация и предупреждение, содержавшиеся в коде, который он передал капитану для меня, были более чем полезны. Его будет трудно заменить.

Да, но также верно и то, что если ты принимаешь услугу, ты должен и вернуть услугу. Этот неверный Эрикки – всего одна такая. Он позвонил в колокольчик, и когда появился слуга, хан приказал:

– Скажи моей дочери Азадэ, что она присоединится к нам за столом.

ГЛАВА 33

Тегеран. 16.17. Жан-Люк Сессон ударил бронзовой колотушкой на двери квартиры Мак-Айвера. Рядом с ним стояла Сайада Бертолен. Теперь, когда они были не на улице и одни, он накрыл ладонью ее грудь и поцеловал ее.

– Обещаю, мы тут недолго, потом назад в постель!

Она рассмеялась.

– Хорошо.

– Ты заказала ужин во Французском клубе?

– Разумеется. У нас еще много времени!

– *Да, chérie.*

На нем был элегантный плащ из плотной ткани, наброшенный поверх его летной формы. Перелет из Загроса получился нелегким, никто не отвечал на его частые радиовызовы, хотя эфир был переполнен возбужденными голосами, говорившими на фарси, которого он не понимал.

Он держался на предписанной правилами высоте и сделал стандартный заход на посадку в международном аэропорту Тегерана. По-прежнему никто не отвечал на его запросы по радио. «Колдун» был наполнен и показывал сильный боковой ветер. На площадке перед зданием вокзала стояли четыре огромных «боинга» вместе с

несколькими другими лайнерами, от одного из которых остался лишь выгоревший остов. Он увидел, что на некоторые из них производилась посадка, самолеты были окружены слишком большим количеством людей – мужчин, женщин, детей, – никакого порядка не поддерживалось, передний и задний трапы в салон были опасно перегружены людьми, повсюду валялись брошенные чемоданы и сумки. Он не заметил ни полицейских, ни регулировщиков движения, как не было их и на другом конце терминала, где все подъездные дороги были запружены вплотную стоящими автомобилями. Все парковочное пространство было заполнено, тем не менее новые машины постоянно пытались пролезть на стоянку; боковые дорожки были забиты людьми с чемоданами.

Жан-Люк возблагодарил Бога за то, что был в вертолете, а не пришел сюда пешком, и без всяких затруднений приземлился на близлежащем летном поле Гелег-Морги, отогнал 206-й на ночь в ангар S-G и с помощью десятидолларовой купюры организовал себе немедленный переезд в город. Первую остановку он сделал в представительстве компании «Шлумбергер», где договорился о вылете в Загрос с их специалистами завтра на рассвете. Потом он поехал на квартиру к ней. Сайада была дома. Как всегда, первый раз после долгой разлуки был немедленным, полным нетерпения, грубости, эгоизма, и закончился обоюдным взрывом.

Он познакомился с ней на рождественской вечеринке в Тегеране год два месяца и три дня назад. Он отчетливо помнил тот вечер. В комнате было полно гостей, но, едва приехав, он увидел ее так, словно комната была пустой. Она была одна, с бокалом в руке, в белом облегающем платье.

– *Vous parlez français, madame?*[47] — спросил он, ошеломленный ее красотой.

– Извините, мсье, всего несколько слов. Я бы предпочла английский.

– Тогда по-английски: я ужасно рад познакомиться с вами, но передо мной стоит дилемма.

– О? Какая же?

– Я хочу немедленно заняться с вами любовью. – А?

– Вы – воплощенная мечта… – По-французски это звучало бы гораздо лучше, ну да ладно, подумал он. – Я искал вас целую вечность,

и мне просто необходимо заняться с вами любовью, вы так желанны.

– Но… но мой… вон там стоит мой муж. Я замужем.

– Это состояние, мадам, а не препятствие.

Она рассмеялась, и он понял, что она его. Еще всего одна деталь, и все будет просто идеально.

– Вы умеете готовить?

– Да, – ответила она с такой уверенностью, что он сразу понял, что готовит она великолепно, что в постели она божественна и что всему, чего она не умеет, он ее научит. Как ей повезло, что она меня встретила, радостно подумал он, и еще раз постучал в дверь.

Месяцы вместе пролетели как один миг. Ее муж редко приезжал в Тегеран. Он был банкиром в Бейруте, ливанцем французского происхождения, «и потому человеком цивилизованным, – заметил тогда Жан-Люк с полной уверенностью, – поэтому он, разумеется, одобрит нашу связь, *chérie,* если вдруг когда-нибудь о ней узнает. Он ведь довольно стар в сравнении с тобой, разумеется, он ее одобрит».

– Я в этом не так уверена, *cheri,* и ему всего пятьдесят, а тебе п…

– Подходит определение «божественный», – вставил он, приходя ей на помощь. – Как и тебе. – Для него это было правдой. Он никогда не встречал такой кожи, таких шелковистых волос, длинных ног и рук и волнообразной страсти, которая была даром небес. *«Mon Dieu,* – ахнул он однажды ночью, когда ее магия долго удерживала его на самом пике блаженства. – Я умираю в твоих объятиях». – Потом она поцеловала его, принесла ему горячее полотенце и снова скользнула под одеяло. Это было во время отпуска в Стамбуле осенью прошлого года, и бесконечная чувственность этого города окружала их обоих.

Для нее эта связь была увлекательной, но не из тех, что кладут конец всем другим связям. Она обсудила Жан-Люка со своим мужем ночью той рождественской вечеринки.

– А, – сказал он тогда, – так вот почему ты хотела с ним встретиться!

– Да. Он показался мне интересным. Даже хотя он и француз и, как все они, сосредоточен только на самом себе. Но он взволновал меня, да-да, взволновал.

– Что ж, ты пробудешь здесь, в Тегеране, два года. Я не могу проводить здесь больше нескольких дней в месяц – слишком опасно, –

и было бы печально, если бы ты оставалась совсем одна каждую ночь. Не так ли?

– О, так ты даешь мне свое разрешение?

– Где его жена?

– Во Франции. Он работает два месяца в Иране, потом проводит один месяц с ней.

– Возможно, эта связь окажется очень хорошей идеей – хорошей для твоей души, для твоего тела и для нашей работы. Что еще более важно, это отвлечет внимание.

– Да, я тоже об этом подумала. Я сказала ему, что не говорю по-французски, и у него есть много преимуществ – он член Французского клуба!

– А! Тогда я согласен. Хорошо, Сайада. Скажи ему, что я банкир французского происхождения. Это отчасти правда, разве мой прапрадед не был пехотинцем в армии Наполеона во время его ближневосточной кампании, когда он стремился в сторону Индии? Скажи своему французу, что мы – ливанцы уже несколько поколений, а не просто несколько лет.

– Хорошо, ты, как всегда, мудр.

– Добейся, чтобы он сделал тебя членом Французского клуба. Это было бы идеально! Там сосредоточено много влияния. Каким-то образом этот «сердечный союз» между Ираном и Израилем должен быть разрушен, шаха каким-то образом необходимо обуздать, каким-то образом нам необходимо отделить Израиль от иранской нефти, иначе этот архидьявол Бегин почувствует искушение вторгнуться в Ливан, чтобы изгнать оттуда наших бойцов. С иранской нефтью ему это удастся, и это станет концом еще одной цивилизации. Я устал переезжать с места на место.

– Да-да, я согласна…

Сайада была очень горда. Столько достигнуто за год, поверить невозможно сколько! На следующей неделе лидера Ясира Арафата пригласили в Тегеран для триумфальной встречи с Хомейни в качестве благодарности за его помощь революции; экспорт нефти в Израиль прекратился, фанатичный противник Израиля Хомейни утвердился на вершине власти – а произраильский шах изгнан и предан позору, такой прогресс с тех пор, как она впервые встретила Жан-Люка. Невообразимый прогресс! И она знала, что помогала своему мужу,

занимавшему высокий пост в ООП, действуя в качестве особого курьера для передачи посланий и кассет в Стамбул и из Стамбула, во Французский клуб в Тегеране и из него – о, сколько интриг потребовалось, чтобы убедить иракцев позволить Хомейни уехать и обрести безопасное убежище во Франции, где ему уже нельзя было затыкать рот, – во всевозможные другие места, куда меня сопровождал мой красивый любовник, и из них. О да, удовлетворенно подумала она, друзья и контакты Жан-Люка оказались очень полезными. Скоро настанет день, когда мы вернемся в Газу и вернем себе наши земли и дома, магазины и виноградники…

Дверь в квартиру Мак-Айвера распахнулась. На пороге стоял Чарли Петтикин.

– Боже милостивый, Жан-Люк, откуда ты, черт побери, взялся? Привет, Сайада, ты выглядишь еще красивее, чем всегда, заходите, заходите! – Он пожал руку Жан-Люку и дружески чмокнул ее в обе щеки, ощутив ее тепло.

Ее длинное плотное пальто с капюшоном скрывало ее почти целиком. Ей были известны опасности Тегерана, и она одевалась соответственно.

– Это спасает от стольких хлопот и неприятностей, Жан-Люк. Я согласна, это глупо, пережиток прошлого, но я не хочу, чтобы в меня плевали или чтобы какой-то вонючий полудурок махал членом в мою сторону или мастурбировал, когда я прохожу мимо, – Иран не Франция, и никогда ею не будет. Я согласна, это невероятно, что теперь в Тегеране я вынуждена носить некое подобие чадры, чтобы чувствовать себя в безопасности, когда всего месяц назад в этом не было никакой нужды. Что бы ты ни говорил, *cheri*, былой Тегеран навсегда канул в Лету…

Отчасти жаль, что так, подумала она, входя в квартиру. В нем было все лучшее от Запада и все лучшее от Востока – и все худшее. Но теперь, теперь я жалею иранцев, особенно женщин. Почему мусульмане, особенно шииты, такие зашоренные и никак не хотят позволить своим женщинам одеваться по-современному? Потому, что они такие подавленные и так одержимы сексом? Или потому, что боятся выдать себя? Почему они не могут смотреть на мир шире, как смотрим мы, палестинцы, или египтяне, или жители Дубая,

Индонезии, Пакистана и стольких еще стран? Дело действительно должно быть в импотенции. Ладно, ничто не удержит меня от участия в Женском марше протеста. Как смеет Хомейни пытаться предать нас, женщин, которые шли ради него на баррикады!

В квартире было холодно, электрический камин по-прежнему работал на половинной мощности, поэтому она не стала снимать пальто, просто расстегнула его, чтобы не было слишком жарко, и села на один из диванов. Ее платье было из теплой ткани – парижская модель с разрезом на бедре. Оба мужчины это заметили. Сайада бывала здесь много раз, и квартира всегда казалась ей тусклой и неуютной, хотя Дженни ей очень нравилась.

– А где Дженни?

– Она улетела в Эль-Шаргаз сегодня утром, на 125-м.

– Так Мак тоже уехал? – спросил Жан-Люк.

– Нет, только она, Мак сейчас в офи…

– Я тебе не верю! – воскликнул Жан-Люк. – Она клялась, что никуда не уедет без Грязного Дункана!

Петтикин рассмеялся.

– Я и сам в это не верил, но она улетела, покорная, как овечка. – У меня еще будет время рассказать Жан-Люку о подлинной причине ее отъезда, подумал он.

– Дела тут плохи?

– Да, и делаются еще хуже. Казней становится гораздо больше. – Петтикин решил про себя не упоминать при Сайаде об отце Шахразады. Нет смысла ее расстраивать. – Как насчет чашечки чая? Я как раз приготовил. Вы слышали сегодня про тюрьму Каср?

– А что с ней такое?

– Толпа взяла ее штурмом, – сказал Петтикин, отправившись на кухню за чашками. – Они снесли ворота и выпустили всех на свободу, вздернули несколько человек из САВАК и полиции, а теперь ходят слухи, что «зеленые повязки» открыли там свой бизнес с мартышкиными судами и заполняют камеры кем только ни попадя, так же быстро освобождая их с помощью расстрельных команд.

Сайада сказала бы, что тюрьма была освобождена и что теперь враги революции, враги Палестины, несут заслуженное наказание. Но она промолчала, внимательно слушая Петтикина, который продолжал:

– Мак рано утром проводил Дженни в аэропорт, потом ездил в министерство, потом сюда. Он скоро будет. Как там с проездом к аэропорту, Жан-Люк?

– Глухая пробка в несколько километров.

– Старик оставил 125-й в Эль-Шаргазе на пару недель, чтобы вывозить наших людей – если понадобится – или доставлять сюда новые смены людей.

– Хорошо. Скот Гаваллан давно уже просрочил свой отпуск, и пара наших механиков тоже. 125-й может получить разрешение сделать посадку в Ширазе?

– Мы пытаемся договориться на следующую неделю. Хомейни и Базарган хотят полностью восстановить добычу нефти, поэтому, я думаю, они пойдут навстречу.

– Вы сможете доставлять сюда новые смены, Чарли? – поинтересовалась Сайада, спрашивая себя, следует ли позволять британскому 125-му действовать столь свободно. Проклятые британцы, всегда пытаются обо всем договориться потихоньку!

– Таков план, Сайада. – Петтикин добавлял в чайник кипятка и не заметил гримасы на лице Жан-Люка. – Британское посольство нам, по сути, приказало вывезти из страны весь неосновной персонал и родственников. Мы вывезли несколько сотрудников и Дженни, а потом Джон Хогг отправился забрать Мануэлу Старк из Ковисса.

– Мануэла в Ковиссе? – Сайада была удивлена так же, как Жан-Люк.

Петтикин рассказал им, как она прилетела сюда, и Мак-Айвер отправил ее в Ковисс.

– Столько всего происходит, что трудно за всем уследить. Что ты здесь делаешь и как дела в Загросе? Вы остаетесь на ужин – я сегодня готовлю.

Жан-Люк скрыл свой ужас.

– Извини, *mon vieux*[48], сегодня вечером никак не получится. Что касается Загроса, то там обстановка идеальная, как и всегда; в конце концов, это же французский сектор. Я здесь, чтобы привезти людей из «Шлумбергер», мы вылетаем завтра на рассвете, и мне придется вернуться с ними через два дня – как я могу удержаться, чтобы не слетать сюда лишний разок? – Он улыбнулся Сайаде, и она улыбнулась

ему в ответ. – По сути, Чарли, мне давно полагается свободный уик-энд. Где Том Локарт? Когда он возвращается в Загрос?

Желудок Петтикина болезненно сжался. С тех пор как Руди Лутц три дня назад связался с ними из диспетчерского центра Абадана и сообщил о том, что ИБС был сбит при попытке тайного пересечения границы и что Том Локарт «возвращался из отпуска», у них не было никакой новой информации, за исключением одного официального сообщения, переданного через Ковисс, что Том Локарт отправился в Тегеран автодорожным транспортом. Никаких официальных запросов пока что по поводу угона вертолета.

Господи, как бы я хотел, чтобы Том был здесь, подумал Петтикин. Если бы не Сайада, я бы рассказал Жан-Люку о случившемся, он Тому больший друг, чем я, но вот насчет Сайады я не знаю. В конце концов, она не член семьи, работает на кувейтцев, а всю эту историю с НВС вполне можно рассматривать как государственную измену.

Он рассеянно наполнил чашку и протянул ее Сайаде, передал вторую Жан-Люку – горячий черный чай с сахаром и козьим молоком, который ни он, ни она не любили, но приняли из вежливости.

– Том сделал все, что должен был сделать, – осторожно произнес он, стараясь, чтобы все звучало обыденно. – Позавчера он отправился из Бендер-Делама в обратный путь, по дорогам. Один Бог знает, сколько времени у него это займет, но он должен был бы приехать сюда вчера вечером. Это с запасом. Будем надеяться, что он приедет сегодня.

– Это было бы идеально, – заметил Жан-Люк. – Тогда он смог бы отвезти «шлумбергеровцев» в Загрос, а я бы взял пару дней выходных.

– Ты только что вернулся из отпуска. И ты там старший.

– Ну, он, как минимум, мог бы вернуться туда вместе со мной, принять управление базой, а я вернусь сюда в воскресенье. – Жан-Люк широко улыбнулся Сайаде. – *Voilà,* вот все и устроилось. – Он механически поднес чашку к губам, сделал глоток и едва не поперхнулся. – *Mon Dieu,* Чарли, я люблю тебя как брата, но это *merde.*

Сайада рассмеялась, и Петтикин позавидовал ему. Ладно, подумал он, и его сердце забилось быстрее, рейс «Алиталии» с Паулой должен прибыть со дня на день… чего бы я только не отдал, чтобы ее глаза загорались для меня так же, как глаза Сайады загораются для мсье соблазнителя.

Тебе лучше не торопиться, Чарли Петтикин. Ты можешь выставить себя полным дураком. Ей двадцать девять, тебе пятьдесят шесть, и ты всего лишь поболтал с ней пару раз. Да. Но она волнует меня так, как никто не волновал уже много лет, и теперь я понимаю Тома Локарта, который совершенно потерял голову из-за Шахразады.

Зуммер высокочастотного приемопередатчика на комоде загудел. Петтикин встал и прибавил громкости.

– Тегеран слушает, говорите!

– Говорит капитан Эйр из Ковисса. Сообщения для капитана Мак-Айвера. Срочно. – Голос звучал глухо и перемешивался с помехами.

– Говорит капитан Петтикин, капитан Мак-Айвер в данный момент отсутствует. Вы проходите на два из пяти. – Так по пятибалльной шкале обозначалась чистота сигнала. – Я могу вам помочь?

– Режим ожидания один.

Жан-Люк хмыкнул.

– Что это с тобой и Фредди? Капитан Эйр, капитан Петтикин?

– Это просто код, – сказал Петтикин, рассеянно глядя на приемник, и Сайада тут же насторожилась. – Он как бы сам собой сложился и означает, что там рядом стоит и слушает кто-то, кому там быть не полагается. Лицо враждебное. Ответ в том же официальном тоне означает, что ты все понял.

– Это очень умно, – сказала Сайада. – А у вас много всяких кодов, Чарли?

– Нет, но я уже начинаю об этом жалеть. Чертовски это достает, когда не знаешь, что там происходит на самом деле; личных контактов нет, почта не работает, телефонная и телексная связь функционирует из рук вон плохо, и множество полудурков, у которых палец на курке чешется, тыркают нас со всех сторон. Почему бы им не сдать оружие, и все бы зажили мирно и счастливо.

Аппарат тихо гудел. За окнами был хмурый, тусклый день, тяжелые облака обещали новый снегопад, в темнеющем к концу дня свете все крыши города выглядели уныло, даже горы вдали наводили тоску. Они нетерпеливо ждали.

– Говорит капитан Эйр из Ковисса… – Голос опять искажали помехи, им приходилось напряженно вслушиваться, чтобы разобрать слова. – …во-первых, я передаю послание, полученное из «Загроса-3»

несколько минут назад от капитана Гаваллана. – Жан-Люк напрягся. – Послание гласило дословно: «Пэн пэн пэн» – международный авиационный сигнал бедствия, предшествующий по срочности сигналу «терплю бедствие», – «местный комитет мне только что сообщил, что мы больше не являемся в Загросе *персона грата* и должны покинуть этот район в течение сорока восьми часов вместе со всеми иностранцами со всех буровых вышек, иначе, мол, пеняйте на себя. Запрашиваю немедленный совет по процедуре». Конец послания. Как поняли?

– Понял вас, – торопливо проговорил Петтикин, царапая какие-то заметки.

– Больше он ничего не сказал, но голос у него был как у придушенного.

– Я проинформирую капитана Мак-Айвера и свяжусь с вами как можно быстрее. – Жан-Люк подался вперед, и Петтикин позволил ему взять микрофон.

– Говорит Жан-Люк, Фредди, пожалуйста, свяжись со Скотом и передай ему, что я буду завтра до полудня, как планировали. Рад был поговорить с тобой, спасибо, передаю микрофон Чарли. – Он протянул Петтикину микрофон; все его благодушие как рукой сняло.

– Сделаю, капитан Сессон. Приятно было поговорить с вами. Далее: 125-й забрал всех улетающих, включая миссис Старк и капитана Джона Тайрера, раненного в ходе пресеченного контрнаступления, проведенного левыми группировками в Бендер-Деламе…

– Какого еще контрнаступления? – пробормотал Жан-Люк.

– Впервые о нем слышу. – Петтикин был встревожен не меньше француза.

– …и, согласно плану, через несколько дней доставит сюда новую смену. Далее: капитан Старк. – Они все уловили в голосе секундное колебание, глубоко спрятанную тревогу и отметили странный высокопарный тон сообщения, словно информация читалась по бумажке: – Капитан Старк был доставлен в Ковисс для дачи показаний перед комитетом… – Оба мужчины охнули. – …с целью установления фактов, касающихся массового побега с использованием вертолета, совершенного прошахскими офицерами ВВС из Исфахана тринадцатого числа сего месяца, в прошлый вторник; есть

предположение, что вертолет пилотировался европейцем. Далее: ситуация с воздушными операциями продолжает улучшаться под пристальным наблюдением нового руководства. Мистер Эсвандиари теперь является территориальным директором «Иран Ойл» в нашем регионе и хочет, чтобы мы взяли на себя все контракты компании «Герни». Для этого нам потребуются еще три 212-х и одна 206-я машина. Прошу указаний. Нам нужны запчасти для HBN, HKJ и HGX, а также деньги для выплаты просроченных зарплат. Пока все.

Петтикин продолжал строчить по бумаге, его мозг отказывался работать.

– Я… э-э… все записал и проинформирую капитана Мак-Айвера сразу же, как только он вернется. Вы говорили… э-э… вы упомянули «наступление в Бендер-Деламе». Прошу подробностей.

Эфир молчал, был слышен только треск помех. Они ждали. Потом снова возник голос Эйра, уже нормальный:

– У меня нет другой информации, кроме того, что произошло нападение, направленное против аятоллы Хомейни, которое капитаны Старк и Лутц помогли пресечь. Впоследствии капитан Старк доставил раненых сюда для лечения. Из наших сотрудников задело только Тайрера. Это все.

Петтикин ощутил на лице каплю пота и стер ее рукой.

– Что… что случилось с Тайрером?

Молчание. Потом:

– Легкое ранение в голову. Доктор Натт сказал, что с ним все будет в порядке.

– Чарли, спроси его, что он там говорил про Исфахан, – прошептал Жан-Люк.

Словно во сне Петтикин смотрел, как его пальцы щелкают выключателем, переходя на передачу.

– Что вы говорили насчет Исфахана?

Они ждали в тишине. Потом:

– Я не располагаю иной информацией кроме той, которую уже передал вам.

– Кто-то говорит ему, что он должен нам отвечать, – пробормотал Жан-Люк.

Петтикин нажал кнопку передачи, потом передумал. Так много вопросов, на которые Эйр явно не имел возможности отвечать.

– Благодарю вас, капитан, – сказал он, довольный, что его голос звучал тверже. – Пожалуйста, попросите Мастака изложить свое требование дополнительных вертолетов на бумаге с предлагаемыми сроками контрактов и графиком выплат. Передайте все это со 125-м, когда он привезет вам новую смену. Держите… держите нас в курсе касательно капитана Старка. Мак-Айвер свяжется с вами сразу же, как только сможет.

– Хорошо, понял. Конец связи.

Теперь были слышны только помехи. Петтикин пощелкал выключателями. Оба мужчины посмотрели друг на друга, забыв о Сайаде, которая тихо сидела на диване, не пропуская ни слова.

– «Под пристальным наблюдением»? Звучит скверно, Жан-Люк.

– Да. Вероятно, означает, что они вынуждены летать с вооруженными «зелеными повязками» на борту. – Жан-Люк выругался, все его мысли были о Загросе и о том, как молодой Скот Гаваллан справится со всеми вопросами без его руководства. – *Merde!* Когда я улетал оттуда сегодня утром, все было пять на пять, и авиадиспетчерская служба в Ширазе была услужлива, как швейцарский отель в мертвый сезон. *Merde!*

Петтикин вдруг вспомнил о Ракоци и о том, как они едва не разбились, как близка была смерть. Секунду он раздумывал, не рассказать ли об этом Жан-Люку, потом решил не говорить. Дело прошлое!

– Может быть, нам стоит связаться с авиадиспетчерской службой Шираза, попросить их помочь?

– Возможно, у Мака появится какая-то идея. *Mon Dieu,* для Дюка ни так, ни эдак ничего хорошего не выходит – эти комитеты плодятся, как вши. Базаргану и Хомейни лучше побыстрее с ними разобраться, пока эти вши их обоих не закусали до смерти. – Жан-Люк поднялся, глубоко встревоженный, и потянулся, потом увидел Сайаду, она свернулась калачиком на софе и улыбалась ему, нетронутая чашка чая стояла на маленьком столике рядом с ней.

Хорошее настроение тут же вернулось к нему. В данный момент я пока ничего больше не могу сделать для юного Скота или для Дюка, а вот для Сайады – могу.

– Извини, *chérie,* – сказал он, просияв. – Видишь, без меня на Загросе всегда проблемы. Чарли, мы пойдем. Мне нужно проверить,

все ли в порядке с квартирой, но к ужину мы вернемся. Скажем, часам к восьми. Мак ведь к этому времени уже будет здесь, а?

– Да. Выпить не хотите? Извините только, вина нет. Виски? – Он предложил виски без особой настойчивости, последняя бутылка была уже полна лишь на три четверти.

– Нет, спасибо, *mon vieux*. – Жан-Люк надел пальто, отметил, глянув в зеркало, что выглядит, как всегда, сногсшибательно, и подумал о ящиках вина и банках с сыром, которые он в своей мудрости приказал жене запасти в квартире. – À *bientôt*[49], вина я принесу.

– Чарли, – сказала Сайада, внимательно глядя на них обоих, как она это делала с того момента, как заработал аппарат высокочастотной связи, – что Скотти имел в виду, когда говорил о побеге на вертолете?

Петтикин пожал плечами.

– Полно самых разных слухов о самых разных побегах, по земле, по морю, по воздуху. И считается, что всегда в этом замешаны «европейцы», – сказал он, надеясь, что говорит убедительно. – Во всем винят только нас.

А почему нет, вы во всем и виноваты, без всякой злобы подумала про себя Сайада Бертолен. Политически, она была в восторге, видя их тревогу. С личной точки зрения, она восторга не испытывала. Ей нравились они оба и вообще большинство пилотов, особенно Жан-Люк, который умел доставить ей огромное наслаждение и постоянно ее веселил. Мне повезло, что я палестинка, сказала она себе, и коптская христианка с древней родословной. Это дает мне силы, которых у них нет, осознание наследия, которое восходит к библейским временам, такое понимание жизни, какое недостижимо для них, вместе со способностью отделять политику от дружбы и постели – покуда это необходимо и разумно. Разве мы не имеем за плечами тридцати веков опыта и умения выживать? Разве Газа не была решенным вопросом в течение трех тысячелетий?

– Ходит слух, что Бахтияр улизнул из Ирана и сбежал в Париж.

– Я в это не верю, Чарли, – сказала Сайада. – Но есть другой слух, которому я верю, – добавила она, отметив про себя, что он так и не ответил на ее вопрос об исфаханском вертолете. – Похоже, что генерал Валик и его семья бежали, чтобы присоединиться к другим партнерам Иранской вертолетной компании в Лондоне. Говорят, они прибрали к рукам миллионы долларов.

– Партнеры? – презрительно скривился Жан-Люк. – Грабители, все до единого, что здесь, что в Лондоне, и год от года делаются только хуже.

– Ну, не все они такие уж плохие, – сказал Петтикин.

– Эти *crétins*[50] наживаются на нашем поте, Сайада, – сказал Жан-Люк. – Я поражаюсь, как Старк Гаваллан дозволяет, чтобы это сходило им с рук.

– Брось, Жан-Люк, не говори ерунды, – поморщился Петтикин. – Он воюет с ними за каждую пядь.

– За каждую нашу пядь, мой старый друг. На вертолетах летаем мы, а не он. Что до Валика… – Жан-Люк пожал плечами с чисто галльской выразительностью. – Если бы я был богатым иранцем, я бы уехал отсюда много месяцев назад со всем, что мне бы удалось увезти с собой. Уже много месяцев было ясно, что шах не контролирует ситуацию. Теперь тут заново повторяются Французская революция и террор, но без нашего стиля, смысла, цивилизованного наследия и манер. – Он с отвращением покачал головой. – Сколько трудов коту под хвост! Стоит только подумать о тех столетиях обучения, о тех богатствах, которые мы, французы, потратили, пытаясь помочь этому народу выкарабкаться из глухого Средневековья, – и чему они научились? Даже нормальную булку до сих пор спечь не могут!

Сайада расхохоталась и, поднявшись на цыпочки, чмокнула его в губы.

– Ах, Жан-Люк, как же я люблю тебя и твою непоколебимую уверенность. А теперь, *mon vieux,* нам пора отправляться, тебе еще столько нужно успеть сделать!

Когда они ушли, Петтикин подошел к окну и стал смотреть на крыши домов. Где-то время от времени раздавалась неизбежная стрельба, недалеко от Джалеха поднимался столб дыма. Пожар не большой, но и не маленький. Тугой бриз разгонял черные клубы. Облака опустились на вершины гор. От окон сильно тянуло холодом, на подоконнике лежал снег и намерз лед. На улице внизу было много «зеленых повязок». Пеших или в грузовиках. Потом с минаретов отовсюду муэдзины начали призывать к дневной молитве. Ему казалось, что их голоса окружают его со всех сторон.

Внезапно его душу заполнил страх.

Министерство авиации. 17.04. Дункан Мак-Айвер устало сидел на деревянном стуле в углу переполненной приемной в кабинете заместителя министра. Он продрог, хотел есть и был очень раздражителен. Часы на руке говорили ему, что он прождал здесь почти три часа.

По всей комнате была рассыпана дюжина других людей, иранцы, несколько французов, американцев, британцев и один кувейтец в *галабии* – длинном просторном арабском халате – и с головной повязкой. Несколько мгновений назад европейцы вежливо прекратили всякие разговоры в ответ на призыв муэдзинов, который все же проник сквозь высокие окна, мусульмане опустились на колени лицом к Мекке и совершили дневную молитву. Молитва была короткой и быстро закончилась, и голоса снова завели свой бесцельный разговор – в приемных правительственных кабинетов никогда не считалось разумным обсуждать между собой что-либо серьезное, а теперь и подавно. По комнате гуляли сквозняки, холодный воздух вызывал озноб. Все присутствующие оставались в своих пальто, все в равной степени устали, некоторые переносили ожидание стоически, другие кипели от возмущения, потому что назначенное каждому из них время встречи, как и у Мак-Айвера, давно прошло.

– Иншаллах, – пробормотал Мак-Айвер, но это ему не помогло.

Если нам хоть немного повезет, то Дженни уже в Эль-Шаргазе, подумал он. Я чертовски рад, что она благополучно выбралась отсюда, и чертовски рад, что она сама назвала главную причину своего отъезда. – Именно я и смогу поговорить с Энди. Ты ничего не можешь доверить бумаге.

– Это правда, – сказал он тогда, несмотря на все свои опасения, и добавил с неохотой: – Возможно, Энди сумеет составить план, который мы сможем осуществить… может быть, смогли бы осуществить. Всем сердцем надеюсь, что в этом не будет нужды. Слишком, черт побери, опасно. Слишком много ребят и слишком много машин разбросано по всей стране. Слишком опасно. Джен, ты забываешь, что мы в этой войне не участвуем, хотя и оказались в самой ее гуще.

– Да, Дункан, но терять нам нечего.

– Мы можем потерять людей, а также и вертолеты.

– Мы ведь просто собираемся посмотреть, возможно ли это в принципе, не правда ли, Дункан?

Старушка Джен, несомненно, самый лучший связной, какого мы могли бы пожелать, – если нам действительно понадобится связной. Она права, слишком опасно излагать все это в письме: «Энди, единственный способ для нас выбраться невредимыми и без потерь из этой кутерьмы, это посмотреть, не сможем ли мы подготовить план для вывоза всех наших вертолетов – и запчастей, – которые в настоящее время зарегистрированы как иранские и с технической точки зрения принадлежат иранской компании под названием ИВК…»

Господи! Что же это, как не заговор с целью совершения мошенничества!

Уйти из страны – не выход. Мы должны остаться, должны работать, должны вернуть свои деньги, когда откроются банки. Так или иначе, мне нужно будет договориться, чтобы партнеры нам помогли. А то, может быть, этот министр сможет для нас что-то сделать. Если он поможет, во что бы это ни обошлось, мы смогли бы переждать эту бурю здесь. Любому правительству понадобится помощь, чтобы снова наладить добычу нефти, им не обойтись без вертолетов, и мы получим свои деньги…

Он поднял глаза, когда дверь во внутренний кабинет открылась, и какой-то чиновник пригласил одного из ожидающих войти. По имени. Похоже, никакой логики в том, кого и когда вызывали, не было совершенно. Даже во времена шаха принцип «первым пришел – первым обслужили» никогда не соблюдался. Стало быть, все решало влияние. Или деньги.

Талбот из британского посольства договорился для него об этой встрече с заместителем премьер-министра и дал ему рекомендательное письмо. «Извините, старина, даже я не могу выйти на самого премьер-министра, но его заместитель Антазам – славный парень, говорит на хорошем английском, совсем не из этих балбесов-революционеров. Он для вас все устроит».

Мак-Айвер вернулся из аэропорта перед самым обедом и поставил машину как можно ближе к зданию правительства. Когда он предъявил письмо, на английском и фарси, охраннику у главного входа задолго до назначенного срока, тот послал его с другим охранником в другое здание дальше по улице, где его снова долго расспрашивали, а

потом направили оттуда на другую улицу вот в это здание, где отсылали из кабинета в кабинет, пока он не оказался здесь, опоздав на час и едва не дымясь от злости.

– А, не волнуйтесь, ага, времени у вас еще много, – сказал, к его облегчению, дружелюбный клерк у двери в приемную на хорошем английском и протянул ему назад конверт с рекомендательным письмом. – Это именно тот кабинет, который вам нужен. Пожалуйста, входите в эту дверь и присаживайтесь в приемной. Министр Киа примет вас сразу же, как только сможет.

– Я не хочу встречаться с ним, – едва не взорвался Мак-Айвер. – У меня назначена встреча с заместителем премьер-министра Антазамом!

– А-а, замминистра Антазам… да, ага, но он больше не входит в правительство премьер-министра Базаргана. Иншаллах, – пояснил молодой человек приятным голосом. – Министр Киа занимается всем, что связано с… э-э… иностранцами, финансами и гражданской авиацией.

– Но я должен настаивать на… – Мак-Айвер замолчал, осознав, что уже слышал это имя, и вспомнив рассказ Талбота о том, как оставшиеся партнеры ИВК посадили этого человека в правление компании с огромным окладом и без всяких гарантий содействия с его стороны. – Министр Али Киа?

– Да, ага. Министр Али Киа примет вас сразу же, как только сможет.

Секретарь был приятным, хорошо одетым молодым человеком в костюме и белой рубашке с голубым галстуком, совсем как в былые дни. Мак-Айвер предусмотрительно вложил в конверт с письмом пешкеш в пять тысяч риалов так же, как в былые дни. Деньги исчезли.

Возможно, все действительно приходит в норму, подумал Мак-Айвер, прошел в другую комнату, уселся на стул в углу и стал ждать. В кармане у него лежала еще одна пачка риалов, и он спросил себя, следует ли ему снова наполнить конверт надлежащей суммой. Почему бы нет, подумал он, мы в Иране, мелким чиновникам нужны малые деньги, крупным чиновникам – большие деньги… извините, пешкеш. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он вложил в конверт несколько купюр большого достоинства, потом добавил еще несколько, для верности. Может быть, этот сукин сын действительно сможет нам помочь – партнерам обычно удавалось заручаться

благоволением двора, возможно, им и с Базарганом удался тот же трюк.

Время от времени издерганные чиновники торопливым шагом и со значительным лицом проходили через приемную внутрь, держа в руках какие-то бумаги, потом выходили. Время от времени одного из ожидающих вежливо провожали во внутренний кабинет. Все без исключения проводили внутри не более нескольких минут и выходили с натянутыми или багровыми лицами, кипя от негодования и явно с пустыми руками. Те, что пока ждали, чувствовали себя все более расстроенно. Время тянулось очень медленно.

– Ага Мак-Айвер? – Дверь внутреннего кабинета была открыта, на пороге стоял чиновник и подзывал его рукой.

Али Киа сидел за очень большим столом, на котором не было никаких бумаг. На его лице играла улыбка, но маленькие глазки смотрели жестко, и Мак-Айвер почувствовал инстинктивную антипатию к этому человеку.

– А, министр, как любезно с вашей стороны принять меня, – произнес Мак-Айвер, с трудом надевая личину добродушия и протягивая руку.

Али Киа вежливо улыбнулся и вяло пожал протянутую руку.

– Прошу вас, присаживайтесь, мистер Мак-Айвер. Спасибо, что пришли повидать меня. У вас, я полагаю, есть рекомендации? – По-английски он говорил хорошо, с оксфордским акцентом, куда он перед самой Второй мировой войной приехал учиться в университете по шахскому гранту и где оставался до конца войны. Усталой рукой он махнул чиновнику у двери. Человек вышел.

– Да, оно… э-э… было адресовано заместителю министра Антазаму, но, как я понимаю, его следовало адресовать вам. – Мак-Айвер протянул ему конверт.

Киа извлек письмо, наметанным глазом установил точное число купюр, небрежно швырнул конверт на стол, чтобы показать, что ожидает дальнейших поступлений, внимательно прочел написанное от руки письмо и положил его перед собой.

– Мистер Талбот – почитаемый друг Ирана, хотя и является представителем враждебного нам правительства, – сказал Киа гладким голосом. – Какую именно помощь я могу оказать другу столь уважаемого лица?

– У нас три вопроса, министр. Но сначала, надеюсь, мне будет позволено заметить, как счастливы мы в компании S-G, что вы сочли возможным предоставить нам все преимущества вашего бесценного опыта, войдя в правление компании.

– Мой кузен был так настойчив. Сомневаюсь, что могу помочь, но как угодно Аллаху.

– Как угодно Аллаху. – Мак-Айвер внимательно наблюдал за Киа, пытаясь разобраться, что он за человек, и не нашел объяснений той немедленной антипатии, которую он с большим трудом прятал. – Во-первых, ходят слухи, что деятельность всех совместных предприятий приостановлена вплоть до решения Революционного комитета.

– Вплоть до решения правительства, – резко поправил его Киа. – И что?

– Каким образом это повлияет на нашу совместную компанию, ИВК?

– Сомневаюсь, что это вообще на нее как-то повлияет, мистер Мак-Айвер. Ирану нужны вертолеты для добычи нефти. «Герни Авиэйшн» удрали. Похоже, будущее нашей компании выглядит лучше, чем когда-либо.

Мак-Айвер, тщательно подбирая слова, сказал:

– Но нам уже много месяцев не платили за работы, проведенные в Иране. Все лизинговые платежи по вертолетам мы осуществляли из Абердина, а здесь у нас сейчас задействовано слишком много машин для тех объемов работ, которые у нас есть по действующим контрактам.

– Завтра банки… Центральный банк должен открыться. По приказу премьер-министра… и аятоллы, разумеется. Часть следуемых вам денег, я уверен, поступит в ближайшее время.

– Вы бы не могли дать мне представление о том, какую сумму мы можем ожидать, министр? – В сердце Мак-Айвера затеплилась надежда.

– Более чем достаточно, чтобы… чтобы мы могли продолжать нашу деятельность. Я уже договорился о том, чтобы вы могли вывозить из страны наших людей, как только сюда прибудет их замена. – Али Киа достал из ящика тонкую папку и протянул ему лист бумаги. Это было распоряжение, адресованное иммиграционной службе в аэропортах Тегерана, Абадана и Шираза, беспрепятственно

выпускать аккредитованных пилотов и инженерно-технических работников ИВК при прибытии их замены, человека на человека. Распоряжение на фарси и английском было напечатано блекло, но вполне разборчиво, подписано от имени комитета, отвечавшего за «Иран Ойл», и датировано вчерашним днем. Мак-Айвер никогда не слышал о таком комитете.

– Благодарю вас. Могу я также получить ваше разрешение на выполнение нашим 125-м не менее трех рейсов в неделю в течение следующих нескольких недель… разумеется, только до тех пор, пока не восстановится нормальная работа ваших международных аэропортов… для доставки сюда новых смен, запчастей и оборудования, агрегатов для замены и так далее, и, – добавил он как бы между делом, – для вывоза лишних сотрудников.

– Вполне возможно, что такое разрешение может быть дано, – сказал Киа.

Мак-Айвер протянул ему несколько документов.

– Я взял на себя смелость подготовить необходимые бумаги, дабы избавить вас от лишних хлопот, министр, и копии, адресованные авиадиспетчерским службам Киша, Ковисса, Шираза, Абадана и Тегерана.

Киа внимательно прочел верхний экземпляр. Текст был изложен на фарси и английском, простой, ясный и с правильной долей официальности. Его пальцы дрожали. Подписать эти бумаги означало бы для него серьезное превышение своих полномочий, но теперь, когда заместитель премьер-министра впал в немилость, как и его собственный начальник – оба они, как полагали, были уволены со своих постов все тем же таинственным Революционным комитетом, – и когда хаос в правительстве нарастал как снежный ком, он понимал, что должен пойти на этот риск. Абсолютная необходимость для него, его семьи и его друзей иметь быстрый доступ к частному самолету, особенно скоростному реактивному, делал этот риск оправданным.

Я всегда могу сказать, что мой начальник велел мне подписать это, подумал он, стараясь, чтобы его нервозность не проявилась на лице и в глазах. Этот 125-й – дар Божий, как раз на случай, если против меня будут распространяться лживые домыслы. Дьявол забери Джареда Бакравана! Моя дружба с этим базарным псом едва не впутала меня в его изменническую деятельность против государства;

я никогда в жизни не давал деньги в долг, не устраивал заговоры с чужеземцами и не поддерживал шаха.

Чтобы держать Мак-Айвера в напряжении, он почти сердито швырнул бумаги на стол рядом с рекомендательным письмом.

– Возможно, что такое разрешение может быть дано. Будет назначен посадочный сбор в размере пятисот долларов за каждую посадку. У вас все, мистер Мак-Айвер? – спросил он, зная, что это не так. Коварный британский пес! Неужели ты думаешь, что можешь обдурить меня?

– Еще всего один момент, ваше превосходительство. – Мак-Айвер протянул ему последний лист бумаги. – У нас три вертолета, которые отчаянно нуждаются в обслуживании и ремонте. Мне необходимо подписанное разрешение на их вывоз, чтобы я мог отправить их в Эль-Шаргаз. – Он затаил дыхание.

– Совсем необязательно вывозить из страны ценные вертолеты, мистер Мак-Айвер. Отремонтируйте их здесь.

– О, я бы отремонтировал, если бы мог, ваше превосходительство, но у меня это просто никак не получится. У нас здесь ни нужных запчастей нет, ни инженеров – и каждый день, когда один из наших вертолетов не находится в работе, обходится партнерам в целое состояние. Целое состояние, – повторил он.

– Конечно же, вы можете отремонтировать их здесь, мистер Мак-Айвер, просто привезите сюда запчасти и инженеров из Эль-Шаргаза.

– Помимо затрат, связанных с вертолетами, у нас еще есть команды людей, которых необходимо содержать и оплачивать. Все это очень дорого. Возможно, мне следует упомянуть, что эти затраты относятся на наших иранских партнеров – это прописано в договоре… обеспечивать все необходимые разрешения на вывоз. – Мак-Айвер продолжал плести свою паутину: – Нам необходимо привести в готовность все имеющиеся единицы оборудования для обслуживания новых контрактов «Герни», если мы хотим, чтобы указ ая… чтобы… э-э… указ правительства о восстановлении объемов добычи нефти действительно исполнялся. Без оборудования… – Он не стал заканчивать предложение и снова затаил дыхание, молясь про себя, что выбрал нужную наживку.

Киа нахмурился. Все, что стоило денег иранским партнерам, теперь оплачивалось отчасти и из его кармана.

– Как быстро они смогут быть отремонтированы и возвращены назад?

– Если мне удастся отправить их в течение пары дней, то две недели. Может быть, больше, может быть, меньше.

Киа опять колебался. Контракты «Герни», если их добавить к существующим контрактам ИВК, вертолеты, оборудование, детали и запчасти стоили миллионы, из которых ему теперь принадлежала шестая часть – без всяких капиталовложений, довольно хмыкнул он глубоко внутри. Особенно когда все предоставляется без затрат, этими чужеземцами! Разрешения на вывоз для трех вертолетов? Он взглянул на часы. «Картье», с драгоценными камнями – пешкеш от банкира, которому две недели назад понадобилось провести полчаса наедине с работающим телексом. Через несколько минут у него назначена встреча с председателем авиадиспетчерской службы, и он смог бы без труда привязать его к этому решению.

– Очень хорошо, – сказал он в восторге от ощущения подобного могущества: крупный чиновник, идущий в гору, способный помочь в реализации нефтяной политики правительства и одновременно сэкономить средства партнеров. – Очень хорошо, но документы на вывоз будут действовать только две недели, плата за разрешение составит, – он на мгновение задумался, – пять тысяч долларов за каждую машину наличными перед ее вывозом, и они должны быть возвращены в течение двух недель.

– Я… мне не удастся вовремя собрать такие суммы наличными. Я мог бы выдать вам вексель или чеки на швейцарский банк… в размере двух тысяч долларов за вертолет.

Несколько секунд они торговались и сошлись на трех тысячах ста долларах.

– Благодарю вас, ага Мак-Айвер, – вежливо произнес Киа. – Пожалуйста, когда будете выходить из кабинета, сделайте расстроенное лицо, чтобы не ободрять тех негодяев, которые ждут в приемной.

Вернувшись в машину, Мак-Айвер достал бумаги и долго смотрел на подписи и официальные печати.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – пробормотал он вслух. 125-й теперь узаконен, Киа говорит, что закрытие совместных предприятий нас не коснется, у нас есть разрешения на вывоз трех

212-х, которые нужны в Нигерии, а девять тысяч триста долларов при их стоимости в три миллиона – более чем справедливая цена! Вот уж не думал, что мне удастся это провернуть! Мак-Айвер, – радостно заметил он, – ты заслуживаешь бокал скотча! Очень большой бокал скотча!

Северный пригород. 18.50. Том Локарт выбрался из разбитого старого такси и протянул водителю двадцатидолларовую бумажку. Его плащ и летная форма были сильно измяты, и он очень устал, был небрит, немыт и чувствовал себя грязным, но радость стоять перед домом, где располагалась его квартира, быть наконец-то совсем близко от Шахразады разом прогнала все это из головы. Редкие снежинки падали вокруг, но он едва замечал их, торопливо входя в дом и поднимаясь по лестнице – нет смысла проверять лифт, он не работал уже много месяцев.

В машине, которую он позаимствовал у одного из пилотов в Бендер-Деламе, горючее кончилось вчера, на полпути до Тегерана: индикатор топлива оказался неисправным. Он оставил ее в каком-то гараже, протолкался в еще один автобус, потом в другой, и, после поломок, задержек и заездов не туда, два часа назад добрался до главной автобусной станции в Тегеране. Помыться было негде, проточная вода отсутствовала, туалеты – обычные вонючие, засорившиеся, засиженные мухами дыры в земле.

Никаких такси ни на стоянке, ни на улицах. Пешком идти слишком далеко. Потом какое-то такси появилось, и он остановил его, хотя оно было почти полным, согласно местным обычаям, распахнул дверцу и влез-таки внутрь, умоляя пассажиров позволить ему разделить с ними машину. Был достигнут разумный компромисс. Они почтут за честь, если он останется, а он почтет за честь заплатить за них всех и выйти последним, и заплатить водителю наличными. Американскими деньгами. Это была его последняя купюра.

Он достал ключи и отпер замок, но дверь оказалась запертой изнутри на засов, поэтому он нажал кнопку звонка, нетерпеливо ожидая, когда горничная откроет ему, – Шахразада сама никогда не подошла бы к двери. Его пальцы барабанили, выстукивая веселый ритм, сердце наполняла любовь к ней. Его волнение подскочило, когда он услышал приближающиеся шаги горничной, звук отодвигаемого

засова. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров. На него смотрело незнакомое лицо в чадре.

– Что вам нужно, ага? – Ее голос был таким же грубым, как и ее фарси.

Его радость исчезла, оставив в душе тошнотворную дыру.

– Кто вы? – спросил он так же грубо. Женщина попыталась было закрыть дверь, но он просунул ногу в щель и резко распахнул ее. – Что вы делаете в моем доме? Я его превосходительство Локарт, и это мой дом! Где ее высочество, моя жена? А?

Женщина злобно посмотрела на него, потом повернулась, прошлепала назад по его коридору к двери в его гостиную и открыла ее. Локарт увидел внутри чужих людей, мужчин и женщин – и оружие, прислоненное к его стене.

– Что, черт побери, тут происходит? – пробормотал он по-английски и широкими шагами прошел в свою гостиную. Двое мужчин и четыре женщины уставились на него с его ковров, где они сидели скрестив ноги или опершись спиной на его подушки, они ужинали перед камином, в котором весело танцевали языки пламени, если с его тарелок, небрежно расставленных повсюду, скинув обувь, с грязными ногами. Мужчина постарше других годами, ближе к сорока, держал руку на автоматическом пистолете, засунутом за ремень.

Ослепляющая ярость поднялась внутри Локарта, присутствие этих чужаков было отвратительным вторжением и святотатством.

– Кто вы такие? Где моя жена? Клянусь Богом, убирайтесь из м… – Он замолчал. Пистолет смотрел ему прямо в живот.

– Кто вы, ага?

Нечеловеческим усилием Локарт обуздал свой гнев; в груди мучительно ныло.

– Я… я… это… это мой дом… я владелец.

– А, владелец? Вы владелец? – с коротким смешком оборвал его человек, которого звали Теймуром. – Чужеземец, муж этой женщины из семьи Бакравана? Вы… – Пистолет щелкнул, взведенный, когда Локарт приготовился броситься на него. – Не надо! Я умею стрелять быстро и очень точно. Обыщи его, – приказал он второму мужчине, который тут же вскочил на ноги. Человек опытными руками пробежался по Локарту, вырвал у него летную сумку и заглянул внутрь.

– Оружия нет. Руководства для пилотов, компас… вы и есть пилот Локарт?

– Да, – ответил Локарт; сердце бешено колотилось в груди.

– Сядьте вон там! Живо!

Локарт опустился на стул, далеко от огня в камине. Человек положил пистолет на ковер рядом с собой и достал лист бумаги.

– Передайте ему.

Второй мужчина подчинился. Бумага была на фарси. Они внимательно смотрели на него. Локарту понадобилось какое-то время, чтобы разобрать написанное: «Постановление о конфискации. За преступления против исламского государства вся собственность Джареда Бакравана конфискуется, за исключением дома, где живет его семья, и его лавки на базаре». Бумага была подписана от имени какого-то комитета, имени он разобрать не смог, и датирована двумя днями раньше.

– Это… это смешно, – беспомощно проговорил Локарт. – Его… его превосходительство Бакраван был огромным сторонником аятоллы Хомейни. Огромным. Тут должна быть какая-то ошибка!

– Ошибки нет. Его посадили в тюрьму, нашли виновным в ростовщичестве и расстреляли.

Локарт посмотрел на него разинув рот.

– Это… это должна быть ошибка!

– Ошибки нет, ага. Никакой, – сказал Теймур голосом, не лишенным сочувствия; он внимательно наблюдал за Локартом, чувствуя в нем опасность. – Мы знаем, что вы канадец, что вы были в командировке, что вы женаты на одной из дочерей предателя и не отвечаете за его преступления, или ее, если она совершила какие-либо. – Локарт вспыхнул, и рука иранца потянулась к пистолету. – Я сказал «если», ага, контролируйте свой гнев. – Он подождал и не стал поднимать тускло отсвечивавший заботливо ухоженный «люгер», хотя и оставался в полной готовности. – Мы не бестолковое необученное отребье, мы борцы за свободу, профессионалы, и нам передали эту квартиру, чтобы мы охраняли ее для высокопоставленных лиц, которые прибудут позже. Мы знаем, что вы не враг, поэтому сохраняйте спокойствие. Конечно, для вас все это должно быть шоком. Мы понимаем, разумеется, мы понимаем, но мы имеем право взять то, что нам принадлежит.

– Право? По какому праву вы…

– По праву победителей, ага – разве когда-нибудь было иначе? Вам это должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было. – Его голос оставался ровным. Женщины холодно смотрели на Локарта. – Успокойтесь. Ваше имущество осталось нетронутым. Пока что. – Он махнул рукой. – Убедитесь сами.

– Где моя жена?

– Мы не знаем, ага. Здесь никого не было, когда мы пришли. Мы пришли сегодня утром.

Локарт едва с ума не сходил от тревоги. Если ее отца признали виновным, пострадает ли семья? Каждый ее член? Погодите минутку! Все конфисковано, «…кроме дома, где проживает семья», разве не так было написано в постановлении? Она должна быть там… Господи, до этого дома немало километров, а у меня нет машины…

Он пытался заставить свой мозг работать.

– Вы говорили… вы говорили, что ничего не тронуто «пока что». Вы хотите сказать, что скоро тронут?

– Мудрый человек оберегает свое имущество. Было бы мудро перенести ваше имущество в безопасное место. Все, что принадлежит Бакравану, останется здесь, но ваши вещи? – Он пожал плечами. – Их вы, конечно, можете забрать, мы не воры.

– А вещи моей жены?

– Ее тоже. Разумеется. Личные вещи. Я же сказал вам, мы не воры.

– Сколько… сколько у меня времени?

– До пяти вечера завтрашнего дня.

– Этого времени мало. Может быть, послезавтрашнего?

– До пяти вечера завтра. Поесть хотите?

– Нет-нет, спасибо.

– Тогда до свидания, ага, только сначала, пожалуйста, оставьте нам ваши ключи.

Локарт почувствовал, как кровь прихлынула к щекам, несмотря на его самообладание. Он достал ключи, и второй иранец, сидевший ближе, забрал их.

– Вы сказали, высокопоставленные лица. Какие высокопоставленные лица?

– Высокопоставленные лица, ага. Эта квартира принадлежала врагу государства; теперь она стала собственностью государства для любого человека по усмотрению государства. Извините, но вы, конечно, понимаете.

Локарт посмотрел на него, потом на второго мужчину, потом снова на него. Усталость навалилась, пригибая к земле. И чувство беспомощности.

– Я… э-э… прежде чем уйти, я хотел бы переодеться и… и побриться. О'кей?

Помолчав секунду, Теймур кивнул.

– Да. Хасан, отправляйся с ним.

Локарт вышел из гостиной, ненавидя его, ненавидя их всех и все, что сейчас происходило с ним. Хасан вышел за ним следом. Локарт прошел по коридору в свою комнату. Все было на своих местах, хотя шкафы стояли открытыми, и ящики комода были выдвинуты, и в комнате висел запах табачного дыма, но не было следов ни поспешного бегства, ни насилия. Кроватью кто-то пользовался. Соберись и составь план действий. Я не могу. Хорошо, тогда побрейся, прими душ и переоденься, а потом отправляйся к Маку, до него тут недалеко, туда ты сможешь дойти пешком, и он тебе поможет, одолжит тебе денег и машину, и ты найдешь ее в доме ее семьи – и не думай о Джареде, просто не думай.

Недалеко от университета. 20.10. Ракоци подвинул масляный светильник поближе к кипе бумаг, дневников, папок и документов, которые он украл из сейфа на верхнем этаже американского посольства, продолжая их сортировать. Он был один в маленькой комнате, сдававшейся внаем, одной из многих таких же комнаток в этом кроличьем садке, предназначенных в основном для студентов, – ее снял для него Фармад, студенческий лидер Туде, которого убили в ночь беспорядков перед университетом. Комнатенка была убогой, без отопления, просто кровать, шаткий стол со стулом и одно крошечное окошко. Стекла в окне были в трещинах и наполовину прикрыты картонками.

Он громко рассмеялся. Так много достигнуто и такой малой ценой. Он отлично все спланировал. Наш отвлекающий бунт перед воротами посольства был разыгран как по нотам – потом внезапная

стрельба с крыш зданий напротив, мгновенная паника, они быстро сломали ворота и хлынули на территорию – наши единственные противники, морские пехотинцы, были вооружены только дробовиками, да и то получили приказ не стрелять, – времени как раз достаточно, чтобы успеть до появления сторонников Хомейни, которые появятся, чтобы прекратить беспорядки и убить или захватить нас. Под прикрытием шума и неразберихи, бегом за дальнюю стену здания, ударом ноги выбить дверь черного хода, пулей вверх по лестнице, пока мои ребята снаружи добавляли хаоса, стреляя в воздух, – осторожно, чтобы никого не убить, но создавая много шуму и вызывая нескончаемые вопли. Одна лестничная площадка, потом другая, потом бегом по коридору, крича на ходу американцам, двум пожилым женщинам и одному молодому человеку: «На пол, все на пол, или вас всех поубивают!»

Они лихорадочно подчинились, как и все остальные, – я не виню их: нападение было внезапным, застало их врасплох, безоружными; паника была посеяна умело. Наконец спальня. Там никого, кроме слуги-иранца, прикрывшего голову руками и наполовину залезшего под кровать. Взорвать сейф – дело нескольких секунд, содержимое – в большую сумку, потом бегом прочь, вниз по лестнице, прыгая через три ступеньки, потом нырок в возбужденную толпу. Ибрагим Кияби с остальными прикрывали меня, отход выполнили безукоризненно, все задачи выполнены.

На источника это должно произвести впечатление, снова подумал он, можно не сомневаться, что я получу майора, отец будет так мной гордиться.

– Клянусь Аллахом и Его Пророком, – непроизвольно вырвалось у него, когда новая волна ликования прокатилась по нему, – он даже не заметил, что заговорил вслух. – Никогда еще я не испытывал такого удовлетворения.

Он радостно вернулся к работе. Пока что сейф не подарил ему никаких сокровищ, но много документов о работе ЦРУ в Иране, несколько личных резиновых печатей посла, одну шифровальную книгу, которая могла оказаться особенной, частные счета, немного недорогих украшений, несколько древних монет. Ничего, думал он. Еще целую кучу всего предстоит просмотреть, дневники и личные бумаги.

Время текло для него легко. Скоро сюда придет Ибрагим Кияби, чтобы обсудить Марш женщин. Он хотел знать, как его можно будет сорвать, чтобы продвинуть дело Туде и навредить Хомейни и шиизму. Хомейни – вот настоящая опасность, подумал он, единственная опасность. Этот странный старик, он и его гранитная твердость. Чем быстрее он предстанет перед лицом Бога, Которого Нет, тем лучше.

Струя морозного воздуха проникла в комнату через разбитые стекла окна. Он не обратил на нее внимания. Ему было тепло в кожаной куртке, свитере, рубашке и майке, в шерстяных носках и крепких ботинках. «Всегда следи за тем, чтобы у тебя были хорошие носки и обувь, на случай если придется убегать, – говорили ему наставники. – Всегда будь готов бежать…»

Он с усмешкой вспомнил, как убежал от Эрикки Йокконена, заведя его в лабиринт улочек и оторвавшись от него возле Дома смерти прокаженных. Я уверен, что однажды мне придется убить его, подумал он. И его жену, эту кошку из преисподней. Как быть с Азадэ? Как быть с дочерью Абдоллы-хана, Абдоллы Жестокого, который, хотя и остается ценным двойным агентом, становится слишком заносчивым, слишком независимым и слишком значительным для нашей безопасности? Да, но сейчас я бы хотел, чтобы оба они, и муж, и жена, были снова в Тебризе, делая то, что от них требуется. Что до меня, я бы желал снова отправиться в отпуск, снова приехать домой, снова почувствовать себя в безопасности, снова стать Игорем Мзитрюком, капитаном КГБ, очутиться дома с Делорой, обнять ее на нашей великолепной кровати с самыми лучшими простынями из Ирландии, увидеть ее искрящиеся зеленые глаза, почувствовать под рукой нежную кожу, наслаждаться ее неземной красотой. Еще всего семь недель, и наш первенец появится на свет. О, надеюсь, что это сын…

Вполуха – как всегда, большая часть его слуха была настроена на то, чтобы уловить опасность, – он услышал крики муэдзинов, призывавших к вечерней молитве. Он начал убирать бумаги с маленького стола. Очень скоро Ибрагим Кияби будет здесь, и молодому человеку совсем не нужно видеть то, что его не касается. Все быстро исчезло в его дорожной сумке. Он поднял половую доску и опустил сумку в пустое пространство под ней, где также лежал заряженный запасной пистолет, аккуратно завернутый в клеенку, и полдюжины осколочных гранат британского производства. Немного

сухой грязи скатилось в щели, и теперь его тайник был совершенно незаметен. Он отрегулировал масляный светильник так, чтобы горел только самый кончик фитиля, и распахнул занавески. Внутри на подоконнике намело немного снега. Ракоци удовлетворенно опустился на стул и начал ждать. Прошло полчаса. Обычно Кияби не опаздывал.

Потом он услышал шаги. Ракоци достал пистолет и навел его в сторону двери. Условный стук был выполнен безукоризненно, тем не менее отперев дверь, он скользнул в засаду к стене, где было относительно безопасно, прежде чем распахнуть дверь, готовый разнести противника в клочья, если бы это оказался противник. Но это был Ибрагим Кияби, закутавшийся от холода и довольный тем, что добрался сюда.

– Извини, Дмитрий, – сказал он, притопывая, чтобы стряхнуть снег с обуви; немного снега лежало на его курчавых черных волосах, – но автобусы почти перестали существовать.

Ракоци запер за ним дверь.

– Пунктуальность очень важна. Ты хотел знать, кто был тот мулла в вертолете в Бендер-Деламе, когда убили твоего отца, несчастного человека. Я узнал для тебя его имя. – Он увидел, как вспыхнули глаза молодого человека, и скрыл улыбку. – Его зовут Хусейн Ковисси, и он мулла Ковисса. Ты знаешь этот город?

– Нет-нет, я никогда там не был. Хусейн Ковисси? Хорошо, спасибо.

– Я о нем кое-что выяснил для тебя. Он представляется фанатиком-антикоммунистом, фанатичным сторонником Хомейни, но на самом деле он тайный агент ЦРУ.

– Что?

– Да, – кивнул Ракоци, его дезинформация была отменно обоснована. – Он провел несколько лет в США, его туда отправил шах, он свободно говорит по-английски, и его тайно завербовали, когда он был студентом. Его антиамериканизм такой же фальшивый, как и его фанатичность.

– Как тебе это удается, Дмитрий? Как ты узнаешь так много и так быстро, без телефонов, телексов, вообще без всего?

– Ты забываешь, что наши люди есть в каждом автобусе, каждом такси, грузовике, деревне, на почте. Не забывай, – добавил он,

искренне веря в это, – не забывай, что народные массы на нашей стороне. Мы и есть народные массы.

– Да.

Он прочел нетерпеливое рвение в глазах молодого человека и понял, что Ибрагим как орудие был выбран правильно и готов.

– Мулла Хусейн приказал «зеленым повязкам» расстрелять твоего отца, обвинив его в том, что он шпион и пособник чужеземцев.

Лицо Кияби стало белым как снег.

– Тогда… тогда я хочу, чтобы он был мой. Он мой.

– Его следует оставить профессионалам. Я договорюсь о…

– Нет. Прошу тебя. Я должен отомстить.

Ракоци притворился, что раздумывает, пряча улыбку удовольствия. Хусейн Ковисси уже некоторое время был намечен к переходу в небытие.

– Через несколько дней я подготовлю оружие, машину и группу людей, которые поедут с тобой.

– Спасибо. Но мне понадобится только вот это, – Кияби достал карманный нож. Пальцы его тряслись. – Это и еще час или два времени и кусок колючей проволоки, и я покажу ему меру сыновней мести.

– Хорошо. Теперь Марш женщин. Он точно назначен через три дня. Ко… – Он в ужасе замолчал, внезапно прыгнул к боковой стене, дернул за полускрытый узел. Часть стены распахнулась на петлях, открыв проем, за которым начиналась темная ветхая пожарная лестница. – Быстро, – приказал он и нырнул вниз по лестнице навстречу свободе.

Кияби слепо бросился за ним следом, охваченный паникой. В тот же миг без всякого предупреждения дверь в комнату с грохотом распахнулась, почти сорванная с петель, и два человека, ударившие в нее плечами, влетели в комнату, едва не упав, сразу следом за ними в комнату ворвались еще люди. Все они были иранцами, у всех на рукаве виднелись зеленые повязки, и они тут же бросились в погоню с оружием наготове.

Вниз по лестнице, через три ступеньки, преследуемые и преследователи, спотыкаясь, чуть не падая, опять вскакивая на ноги и вырываясь на улицу, в темноту ночи, в толпу людей – и тут Ракоци угодил в засаду, прямо к ним в руки. Ибрагим Кияби не мешкал ни

секунды, он просто поменял направление, метнулся на другую сторону улицы, свернул в людный переулок, и ночная тьма проглотила его.

Из старой машины, припаркованной на другой стороне напротив черного выхода, Роберт Армстронг видел, как их люди вошли в здание, как поймали Ракоци, и как сбежал Кияби. Ракоци быстро запихнули в стоявший рядом фургон, и многие на улице даже не успели сообразить, что произошло. Двое из «зеленых повязок» направились в сторону Армстронга, оба были одеты лучше, чем остальные. У обоих на ремне висели кобуры для их маузеров. Люди обеспокоенно уступали им дорогу, смотрели на них не глядя, не желая для себя никаких неприятностей. Оба человека сели в машину, и Армстронг отпустил сцепление и тронулся. Остальные «зеленые повязки» смешались с пешеходами.

Через несколько мгновений Роберт Армстронг слился с плотным потоком автомобилей, какой бывает в час пик. Его пассажиры стащили с себя свои нарукавные зеленые повязки и спрятали их в карманы.

– Извини, того молодого ублюдка мы упустили, Роберт, – сказал на чистом английском с американским акцентом тот, что был постарше. Это был чисто выбритый человек на середине шестого десятка – полковник Хашеми Фазир, заместитель начальника внутренней разведки, прошедший обучение в США и работавший в САВАК до преобразования этой секретной службы в отдельный департамент.

– Не о чем тревожиться, Хашеми, – сказал Армстронг.

Второй иранец, помоложе, сидевший на заднем сиденье, заметил:

– Кияби мы засняли на пленку во время беспорядков у посольства. И перед университетом. – Ему не было и тридцати, роскошные усы поползли вверх, когда губы искривились в жестокой усмешке. – Возьмем его завтра.

– Теперь, когда он в бегах, я бы не стал торопиться, будь я на вашем месте, лейтенант, – произнес Армстронг, внимательно ведя машину. – Раз уж он помечен, просто сядьте ему на хвост – он приведет вас к рыбе покрупнее. Привел же он вас к Дмитрию Язернову.

Иранцы рассмеялись.

– Да уж, что верно – то верно.

– А Язернов приведет нас ко всяким интересным людям и местам. – Хашеми закурил сигарету, предложил им. – Роберт?

– Спасибо. – Армстронг затянулся и скривился. – Бог мой, Хашеми, это же ужас какой-то, они действительно тебя прикончат.

– На все воля Аллаха. – Хашеми вдруг продекламировал на фарси: – Как умру я, вином вы омойте меня. / Про вино вслух прочтите, меня хороня. / В Судный день захотите меня отыскать вы, / В винной лавке в пыли поищите меня.

– Сигареты, а не вино тебя прикончат, – сухо заметил Армстронг, оценив напевность и красоту персидских звуков.

– Полковник декламировал из «Рубайата» Омара Хайяма, – услужливо подсказал на английском молодой человек с заднего сиденья. – Это означает, ч…

– Он знает, что это означает, Мохаммед, – оборвал его Хашеми. – Мистер Армстронг превосходно говорит на фарси – тебе еще многому нужно учиться. – Некоторое время он попыхивал сигаретой, наблюдая за машинами. – Притормози на секунду у обочины, хорошо, Роберт?

Когда машина остановилась, Хашеми сказал:

– Мохаммед, возвращайся в управление и жди меня там. Проследи за тем, чтобы никто – никто – до меня не занимался Язерновым. Скажи группе, чтобы они просто все приготовили. Я хочу начать в полночь.

– Слушаюсь, господин полковник. – Молодой человек оставил их.

Хашеми смотрел, как он исчезает в толпе.

– Мне бы сейчас не помешал большой бокал виски с содовой. Прокати меня еще немного, Роберт.

– Конечно. – Армстронг отпустил сцепление, бросил на него мимолетный взгляд, уловив в его голосе что-то подспудное. – Проблемы?

– Полно. – Хашеми с застывшим лицом изучал машины и пешеходов. – Я не знаю, сколько еще нам позволят работать, как долго мы будем в безопасности или кому доверять.

– Что еще новенького? – Армстронг невесело усмехнулся. – Профессиональный риск, – добавил он, хорошо усвоив этот урок за одиннадцать лет, которые он провел в качестве советника внутренней разведки, и за двадцать лет в гонконгской полиции до этого.

– Ты хочешь присутствовать, когда этого Язернова будут допрашивать, Роберт?

– Да, если я не помешаю.

– А что Эм-ай-шесть от него нужно?

– Я всего лишь бывший сотрудник Специальной службы Департамента уголовного розыска, который по частному контракту помогает вам, ребята, наладить работу эквивалентной службы здесь, помнишь?

– Помню очень хорошо. Два пятилетних контракта, второй с радостью продлен до следующего года, когда ты уйдешь на покой с пенсией в кармане.

– Держи карман шире, – с отвращением произнес Армстронг. – Хомейни и правительство будут платить мне пенсию? Как же, разбежались. – Его постоянно донимали мысли о том, что весь срок его службы в Иране пошел коту под хвост, а с учетом девальвации гонконгского доллара после 66-го, когда он вышел в отставку, его фактическое пенсионное содержание будет скудноватым. – Моя пенсия накрылась.

– Роберт, что Эм-ай-шесть нужно от этого ублюдка?

Армстронг нахмурился. Что-то сегодня вечером было совсем не так. Этот мальчишка Кияби не должен был выскользнуть из сети, и Хашеми нервничает, как зеленый агент перед своим первым забросом в тыл врага.

– Насколько я знаю, ничего не нужно. Я им интересуюсь. Я сам, – небрежно заметил он.

– С чего бы?

Такой долгий рассказ, подумал Армстронг. Следует ли рассказать тебе, что Дмитрий Язернов – это прикрытие для Федора Ракоци, русского исламского марксиста, которого вы уже много месяцев пытаетесь поймать? Следует ли рассказать, что подлинная причина, по которой мне приказали помочь вам схватить его сегодня, заключается в том, что, совершенно случайно, MI6 только что узнала от чешского перебежчика, что его настоящее имя Игорь Мзитрюк, сын Петра Олеговича Мзитрюка, который в мои гонконгские времена был известен как Григорий Суслев, супершпион, давно, как мы полагали, умерший.

– Я думаю – мы думаем, – что Язернов более важная персона, чем просто связной между Туде и студентами. Он точная копия вашего курдского диссидента, Али ибн Хасана Каракозе.

– Ты хочешь сказать, это один и тот же человек?

– Да.

– Невозможно.

Армстронг пожал плечами. Он бросил иранцу кость, если тот не хотел обгладывать ее, это его проблема. Движение опять застопорилось, водители без конца гудели и сыпали проклятиями. Англичанин закрыл свои уши для внешнего шума, затушил местную иранскую сигарету.

Хашеми нахмурился, наблюдая за ним.

– А почему вы интересуетесь Каракозе и курдами… если то, что ты говоришь, правда?

– Курды сидят по все стороны границы, советской, иракской, турецкой, иранской, – невозмутимо ответил Армстронг. – Все курдское национальное движение очень неустойчиво, и Советам легко его эксплуатировать – с серьезными международными последствиями для всей Малой Азии. Конечно, нам это интересно.

Полковник смотрел в окно, погруженный в свои мысли; падал легкий снег. Мимо протиснулся велосипедист, неосторожно задев бок их автомобиля. К удивлению Армстронга – обычно Хашеми был очень сдержанным человеком, – полковник яростно закрутил ручкой, опуская стекло, и обрушился с проклятьями на юношу и все его поколения. Иранец угрюмо раздавил окурок.

– Высади меня здесь, Роберт. Мы начнем с Язерновым в полночь. Приходи, добро пожаловать. – Он начал открывать дверцу.

– Погоди минутку, старина, – сказал Армстронг. – Мы долгое время были друзьями. Что, черт возьми, случилось?

Полковник колебался. Потом закрыл дверь.

– Правительство поставило САВАК вне закона, а также все разведывательные управления, включая нас, и приказало их немедленно расформировать.

– Да, но администрация премьер-министра уже приказала вам продолжать работу, нелегально. Тебе нечего бояться, Хашеми. Ты не запятнан. Тебе приказали раздавить Туде, федаин и исламских

марксистов… ты показывал мне приказ. Разве сегодняшняя операция не проводилась в рамках его выполнения?

– Да. Да, именно. – Хашеми снова сделал паузу, лицо его словно окаменело, голос звучал глухо. – Да, это так… но! Что тебе известно об Исламском революционном комитете?

– Только то, что он, как полагают, состоит из людей, лично отобранных Хомейни. – Искренне начал Армстронг. – Его полномочия размыты, мы не знаем ни имен, ни количества, ни когда или где он проводит заседания, не знаем даже, председательствует ли на них Хомейни, или что там вообще.

– Я теперь доподлинно знаю, что, с одобрения Хомейни, в будущем верховная власть должна принадлежать этому комитету, что Базарган – лишь кратковременная фигура, нужная только до тех пор, пока комитет не представит новую Исламскую Конституцию, которая вернет нас во времена Пророка.

– Дьявольщина! – пробормотал Армстронг. – И что, никакого выборного правительства?

– Никакого. – Хашеми был вне себя от бешенства. – Не в том смысле, в каком оно известно нам.

– Возможно, эта Конституция будет отвергнута, Хашеми. Народ же должен будет за нее проголосовать, не все в Иране фанатичные сторон…

– Клянусь Аллахом и Пророком, не обманывай себя, Роберт! – резко бросил полковник. – Подавляющее большинство – фундаменталисты, это все, что у них есть, за что они могут держаться. Наша буржуазия, богачи, средний класс – все из Тегерана, Тебриза, Абадана, Исфахана, все выросли на деньгах шаха, их горстка в сравнении с остальными тридцатью шестью миллионам нас, большинство из которых не умеют даже ни читать, ни писать. Конечно же, они проголосуют за все, что одобрит Хомейни! А мы оба знаем его взгляды на ислам, Коран и шариат.

– Как скоро… как скоро они подготовят новую Конституцию?

– Неужели ты так мало нас знаешь, после стольких лет? – раздраженно проговорил Хашеми. – Как только мы захватываем власть, мы сразу используем ее, пока она не ускользнула. Новая Конституция вступила в силу с того момента, когда этого бедолагу Бахтияра предал Картер, когда его предали генералы и вынудили

бежать из страны. Что касается Базаргана, набожного, честного, справедливого и демократически настроенного, назначенного Хомейни премьер-министром до проведения выборов, то этот несчастный сукин сын – всего лишь чурбан, на которого свалят все, что пойдет не так между нынешним моментом и будущим.

– Ты хочешь сказать, его сделают козлом отпущения? Будут судить?

– Суд? Какой суд? Разве я не говорил тебе, что этот комитет называет судом? Если ему предъявят обвинение, его расстреляют. Иншаллах! Последнее, и почему я не могу нормально соображать и настолько зол, что мне нужно напиться. Сегодня днем я услышал, очень частным образом, что САВАК тайно реорганизован, его перекрестят в САВАМА – и Абрим Пахмуди назначен его директором!

– Боже милосердный! – Армстронг почувствовал себя так, словно получил пинок ногой в живот. Абрим Пахмуди был одним из трех друзей шаха с младенческих лет, который ходил с ним в школу в Тегеране, а потом в Швейцарии, который поднялся до высоких должностей в Имперском совете, САВАК и, по слухам, стал для шаха самым желанным, после членов семьи, советником и который в это самое время, как считалось, прячется, выжидая возможности провести переговоры с правительством Базаргана от имени шаха об установлении конституционной монархии и отречения шаха от престола в пользу его сына Резы. – Боже милосердный! Это многое объясняет.

– Да уж, – с горечью согласился Хашеми. – Долгие годы этот ублюдок был участником практически каждой ключевой военной или политической встречи, каждой конференции глав государств, каждого тайного соглашения, а в последние дни еще и участником каждой встречи с американским послом, с американскими генералами, был причастен к каждому важному решению шаха, наших генералов, и он присутствовал всякий раз, когда обсуждался – и отклонялся – план государственного переворота. – Иранец был настолько зол, что по его щекам струились слезы. – Нас всех предали. Шаха, революцию, народ, тебя, меня – всех! Сколько раз за эти годы мы ходили к нему на доклад вместе, и еще я один в десятках других случаев? Со списками, именами, банковскими счетами, связями, секретами, которые только мы одни могли обнаружить и знать. Все… все в письменном виде, но

только в одном экземпляре… разве не такое было правило? Нас всех предали.

Армстронг похолодел. Пахмуди, конечно, было известно о его связи со внутренней разведкой. Пахмуди должно быть известно все мало-мальски ценное о Джордже Талботе, о Мастерсоне, выполнявшем те же функции в ЦРУ, о Лавенове, его советском коллеге, все детали нашего планирования на случай чрезвычайных ситуаций, планов вторжения, операций по нейтрализации сверхсекретных точек радиолокационного наблюдения ЦРУ такими людьми, как молодой капитан Росс.

– Будь я проклят, – пробормотал он, одновременно испытывая ярость от того, что его собственные источники не предупредили его. Пахмуди, обходительный, умный, говорящий на трех языках и умеющий держать язык за зубами. Ни разу за все эти годы в отношении него не возникало ни малейших подозрений. Никогда. Как ему удавалось все время выходить сухим из воды, обманывать даже шаха, который постоянно устраивал людям из своего ближайшего окружения проверки, двойные проверки и перепроверки. И с полным правом, подумал Армстронг. Пять попыток покушения на него, пули у него в теле и в лице, разве не был он правителем народа, известного своей жестокостью к правителям и жестокостью правителей к нему?

Господи! Чем все это закончится?

В том же потоке машин. 21.15. Мак-Айвер дюйм за дюймом продвигался вперед, намного южнее, направляясь в район базара, где стоял дом Джареда Бакравана и его семьи. Том Локарт сидел рядом на переднем сиденье.

– Все образуется, – говорил Мак-Айвер, которого подташнивало от тревоги.

– Конечно, Мак. Никаких проблем.

– Да, можно не волноваться.

Когда Мак-Айвер в приподнятом настроении вернулся домой из министерства после встречи с Али Киа, он обнаружил в квартире Тома Локарта, прибывшего минутами раньше него. Новый всплеск радости при виде Тома, живого и невредимого, тут же погас, едва он увидел его лицо и услышал от Петтикина новости о переданном Фредди Эйром сообщении от Скота Гаваллана из Загроса, и о том, что Старка

доставили в комитет Ковисса для допроса по поводу «исфаханского побега».

– Это все моя вина, Мак, больше ничья, – сказал Том Локарт.

– Нет, не твоя, Том. Мы оба угодили в ловушку. В любом случае, это я дал разрешение на полет, хотя Валику это и не помогло. Они все были на борту? Как, черт возьми, тебе удалось выбраться? Расскажи нам, что произошло, потом я свяжусь с Фредди. Хочешь выпить?

– Нет-нет, спасибо. Послушай, Мак, я должен разыскать Шахразаду. Ее не было дома, я надеюсь, она в доме у своих родственников, и мне нужно…

– Она там и есть, я точно это знаю, Том. Эрикки сказал мне об этом перед самым отлетом в Тебриз сегодня утром. Ты слышал про ее отца?

– Да, слышал, ужасно, как это ужасно! Ты уверен, что она там?

– Да. – Мак-Айвер тяжело шагнул к буфету и налил себе выпить, продолжая говорить: – Она не жила в твоей квартире с тех самых пор, как ты улетел, и с ней все было в порядке, пока… Эрикки и Азадэ видели ее позавчера. Вчера они…

– Эрикки говорил, как она?

– Он сказал, что она чувствует себя настолько хорошо, насколько можно было ожидать. Ты знаешь, как тесны отношения в иранских семьях. Мы ничего не знаем о ее отце, кроме того, что нам рассказал Эрикки: что ему приказали явиться в тюрьму как свидетелю, и вдруг семью извещают, что они должны прийти и забрать тело, его расстреляли за «преступления против ислама». Эрикки сказал, что они забрали… э-э… тело и… ну, в общем, вчера они все были в трауре. Извини, но вот такие дела. – Он сделал большой глоток чудесного, с торфяным привкусом напитка и почувствовал себя лучше. – Она дома и в безопасности. Сначала расскажи нам, что случилось с тобой, потом я свяжусь с Фредди, и мы поедем разыщем Шахразаду.

Локарт быстро рассказал им все. Они слушали его, онемев от ужаса.

– Когда Руди сказал мне, что этот офицер иранских ВВС, Аббаси, как раз и был тем пилотом, который сбил НВС, я чуть не сошел с ума. Я… я вроде бы рухнул на пол, и следующее, что я помню, был уже другой день. Аббаси и остальных к тому времени на базе уже не было,

и все шло как обычно. Мак, эта идея Чарли с «угоном»… она не выдержит проверки, никак не выдержит!

– Мы это знаем, Том, – сказал Мак-Айвер. – Сначала закончи свой рассказ.

– Разрешения на перелет сюда мне получить не удалось, поэтому я позаимствовал машину, вернулся сюда буквально пару часов назад и сразу отправился домой. Самое гадство заключается в том, что квартиру конфисковали «зеленые повязки», вместе со всем имуществом мистера Бакравана, кроме его магазина на базаре и дома, где живет его семья.

Локарт рассказал им о том, что произошло в квартире, добавив:

– Я… я бездомный бродяга, застигнутый бурей. У меня теперь нет ничего, у нас нет ничего, у Шахразады и у меня. – Он рассмеялся, и это был плохой смех. – Здание действительно принадлежало Джареду, квартира и все, что было в ней, хотя… хотя часть… э-э… приданого Шахразады… Поехали, а, Мак?

– Сначала я поговорю с Фредди. По…

– Ах да, конечно, извини. Я так беспокоюсь, что уже ничего не соображаю.

Мак-Айвер допил свой виски и прошел к аппарату коротковолновой связи.

– Том, – печально спросил он, – что ты планируешь по поводу Загроса?

Том Локарт помолчал в нерешительности.

– Я мог бы забрать Шахразаду туда с собой.

– Слишком опасно, парень. Извини, но я говорю как есть. – Мак-Айвер наблюдал, как Локарт ушел в себя, и вздохнул, чувствуя себя очень старым.

– Если Шахразада в порядке, я полечу с Жан-Люком завтра утром, и мы разберемся с ситуацией в Загросе, а она полетит в Эль-Шаргаз со следующим челночным рейсом, – сказал Локарт. – В зависимости от того, что мы обнаружим в Загросе… если нам придется закрыться, иншааллах, мы переправим наших бурильщиков в Шираз, чтобы они выбирались регулярными рейсами… их компания укажет им, куда им лететь… а мы переместим все в Ковисс, вертолеты, запчасти и людей. О'кей?

– Да. Тем временем я завтра с утра первым делом отправлюсь в министерство и посмотрю, удастся ли мне все это поправить. – Мак-Айвер включил рацию на передачу. – Ковисс, говорит Тегеран. Как слышите меня?

Почти немедленно:

– Тегеран, это Ковисс, говорит капитан Эйр, прошу, продолжайте, капитан Мак-Айвер.

– Во-первых, по «Загросу-3». Передайте капитану Гаваллану, что капитаны Локарт и Сессон возвращаются завтра около полудня с указаниями. До того времени подготовьте планы для выполнения распоряжений комитета. – Мерзкие проклятые содомиты, подумал он, потом продолжил для чужих ушей, слушавших его: – Директору базы «Иран Ойл» в Загросе следует напомнить комитету, что аятолла и правительство особо приказали восстановить нормальную добычу нефти. Закрытие Загроса серьезно нарушит регулярную добычу нефти в этом районе. Сообщите капитану Гаваллану, что я немедленно доведу этот вопрос до сведения лично министра Киа, который час назад подтвердил мне все вышесказанное и дал письменные разрешения на вывоз и замену наших людей на нашем собственном 125-м до тех пор…

– Господи, Мак, это отличная новость! – прозвучало в эфире невольное восклицание.

– Да… на нашем собственном 125-м до тех пор, пока не будет восстановлено регулярное воздушное сообщение. Новые смены людей и новые вертолеты для обеспечения всего дополнительного объема работ и контрактов «Герни», которые правительство просит нас взять на себя, поэтому я не понимаю действий местного комитета. Вы поняли меня, капитан Эйр?

– Так точно, сэр. Сообщение получено пять на пять.

– Капитан Старк уже вернулся?

Длительное молчание, потом:

– Никак нет, Тегеран.

Тон Мак-Айвера стал еще более холодным:

– Свяжитесь со мной сразу же, как он появится. Капитан Эйр, строго между нами и не для чужих ушей: если у него возникнут хоть какие-то проблемы, и он не вернется на базу до рассвета целым и невредимым, я сажаю наши вертолеты по всей стране, полностью

прекращаю всю нашу деятельность и отдаю распоряжение о стопроцентной эвакуации всех наших сотрудников из Ирана.

– Правильно, Мак, – тихо проговорил Петтикин.

Мак-Айвер был слишком сосредоточен, чтобы услышать его.

– Вы поняли меня, Ковисс?

Молчание, потом:

– Так точно, сэр.

– Что касается вас, – добавил Мак-Айвер, развивая неожиданно возникшую у него мысль, – проинформируйте от меня майора Чангиза и Мастака, что я прямо сейчас приказываю вам прекратить все операции, включая любые экстренные эвакуации, до тех пор, пока Старк не вернется на базу. Поняли меня?

Молчание, потом:

– Так точно, сэр. Информация будет передана немедленно.

– Хорошо. Но только информация, касающаяся вашей базы. Все остальное остается конфиденциальным до рассвета. – Он хмуро улыбнулся, потом добавил: – Как только 125-й вернется, я произведу инспекционную поездку, поэтому позаботьтесь, чтобы все манифесты были в наличии. Что-нибудь еще?

– Нет, сэр. На данный момент – ничего. Будем рады видеть вас и будем ждать ваших сообщений, как обычно.

– Тегеран, конец связи.

Петтикин сказал:

– Это должно сработать, Мак, это как пустить шмеля им под хвост.

– Может, да, а может, нет. Мы не можем прекратить операции по экстренной эвакуации; помимо гуманитарных соображений, это поставит нас вне закона и позволит им отобрать у нас все. – Мак-Айвер допил виски и посмотрел на часы. – Поехали, Том, мы не будем ждать Жан-Люка, поедем отыщем Шахразаду.

Поток машин теперь немного поредел, но они по-прежнему еле продвигались вперед. Снег залеплял ветровое стекло. Дорога была скользкая, на обочинах выросли грязные сугробы.

– У следующего угла – направо, – сказал Локарт.

– О'кей, Том. – Они опять поехали молча. За углом Мак-Айвер повернул. – Том, в Исфахане ты расписывался за топливо?

– Нет, не расписывался.

– С тобой кто-нибудь беседовал, спрашивал твое имя, что-нибудь подобное? «Зеленые повязки»? Вообще кто-нибудь?

Локарт оторвался мыслями от Шахразады.

– Нет, не припоминаю. Я был просто «капитаном», частью пейзажа. Насколько помню, меня никому не представляли. Валик и… и Аннуш с детишками, они ушли обедать с другим генералом сразу же, как только мы сели… господи, я даже не могу вспомнить его имя… ах да, Селади, вот. Все называли меня «капитан»… я был просто частью антуража. По сути, я оставался с вертолетом в ангаре практически все время, пока мы были там, наблюдал за дозаправкой и проверял машину… мне даже принесли еду на подносе, и я съел ее, сидя в салоне. Я никуда оттуда не выходил, пока эти чертовы «зеленые повязки» не набросились на меня и не уволокли, чтобы запереть в этой комнатенке. Все произошло мгновенно, Мак. Они наводнили всю базу разом, как цунами, им наверняка здорово помогли изнутри, никак не иначе. Ублюдки, которые схватили меня, все словно с цепи сорвались, орали, что я из ЦРУ, американец, без конца долдонили одно и то же, хотя больше их волновал захват базы, чем я… Здесь возьми влево, Мак. Теперь уже недалеко.

Мак-Айвер ощущал за рулем изрядное беспокойство: район был совсем бедным, и прохожие смотрели на их машину с ненавистью.

– Возможно, нам и удастся выкрутиться, притвориться, что НВС был угнан из Дошан-Таппеха неизвестным лицом. Может быть, они не станут раскручивать все это из Исфахана.

– Тогда зачем им было хватать Дюка Старка?

– Обычная процедура, – тяжело вздохнул Мак-Айвер. – Я понимаю, загадывать сложно, но это могло бы сработать. Может быть, у них в головах застрянет только «американец из ЦРУ» и все. Отрасти усы или там бороду. На всякий случай.

Локарт покачал головой.

– Это не поможет. Мое имя стоит в изначальном разрешении. Оба наших имени… вот в чем загвоздка.

– Когда ты взлетал из Дошан-Таппеха, кто тебя провожал?

Локарт на мгновение задумался.

– Никто. По-моему, за заправкой вертолета днем раньше следил Ноггер. То…

– Правильно, теперь я вспомнил, он все ныл и жаловался, что я перегружаю его работой, пока Паула была в городе. А там был кто-нибудь из иранских сотрудников? Охранников? Бакшиш ты кому-нибудь давал?

– Нет, никого не было. Но я могу оказаться у них в системе автоматической записи… – Локарт выглянул в окно. Его сердце забилось быстрее, и он показал рукой. – Вон поворот, теперь уже рядом.

Мак-Айвер повернул на узкую улочку, едва двум машинам разъехаться. Мак-Айвер никогда не бывал здесь раньше и удивился про себя, что такой богач, как Бакраван, жил в таком явно бедном районе. Был богач, напомнил себе он, невольно вздрогнув, а теперь – мертвее мертвого, за «преступления против государства». А что, собственно, считается преступлением против государства? Его опять передернуло.

– Вон их дверь, вон та, слева.

Они остановились у сугроба, заваленного отбросами. Неприметная дверь была врезана в высокую, в пятнах плесени стену. Дверь была обита железными полосами, железо заржавело.

– Пойдем, Мак.

– Я подожду минуту, потом, если все в порядке, уеду. Я что-то совсем выдохся. – Есть только одно решение, подумал Мак-Айвер. Он вытянул руку и остановил Локарта. – Том, мы получили разрешение на вывоз трех 212-х. Бери один из них. Завтра. Черт с ним, с Загросом, Жан-Люк и без тебя справится. Я не знаю насчет Шахразады, отпустят ее или нет, но тебе лучше выбираться из страны, и как можно быстрее. Это единственный выход, выбирайся, пока есть возможность. Ее мы посадим на следующий рейс 125-го.

– А ты, что будет с тобой, Мак?

– Со мной? Не о чем беспокоиться. А ты давай выбирайся. Если ее отпустят, забирай ее с собой. Жан-Люк справится с Загросом. Нам, похоже, все равно придется там закрываться. Договорились?

Локарт взглянул на него.

– Дай мне подумать, Мак. Но спасибо. – Он вылез из машины. – Я зайду сразу после рассвета. Не отпускай Жан-Люка без меня. Тогда все и решим, о'кей?

– Да. – Мак-Айвер смотрел, как его друг берется за старинный дверной молоток. Стук был громким. Они оба ждали. Локарта подташнивало от тревоги, он готовился к тому, как семья сейчас окружит его, к слезам, словам приветствия, вопросам, он готовился быть вежливым, хотя все, чего ему хотелось, это увести ее в их комнаты, обнять и ощутить себя в безопасности, почувствовать, что весь этот кошмар рассеялся. Он ждал перед дверью. Потом постучал снова, громче. Ожидание. Мак-Айвер заглушил мотор, экономя бензин. В тишине ждать стало еще мучительнее. На ветровом стекле копились снежинки. Люди проходили мимо как призраки; каждый смотрел на них с подозрением и враждебностью.

Он услышал приближающиеся приглушенные шаги, и зарешеченное окошечко в двери чуть-чуть приоткрылось. Глаза, смотревшие на Локарта, одарили его холодным взглядом, и он не узнал, кто это: окошечко было совсем маленьким.

– Это я, его превосходительство Локарт, – начал он на фарси, стараясь, чтобы голос звучал обычно. – Моя жена, госпожа Шахразада, находится здесь.

Глаза приблизились к решетке, выясняя, один он или с провожатыми, внимательно осмотрели машину позади него и Мак-Айвера за рулем.

– Пожалуйста, подождите, ага.

Окошечко закрылось. Снова ожидание. Он начал притопывать замерзающими ногами, потом нетерпеливо стукнул в дверь еще раз; ему хотелось выбить ее к чертям, но он знал, что нельзя. Снова звук шагов за дверью. Окошечко открылось во второй раз. Другие глаза, другое лицо.

– Как ваше имя, ага?

Локарту захотелось заорать на иранца, но он этого не сделал.

– Меня зовут ага пилот Томас Локарт, муж Шахразады. Откройте дверь. На улице холодно, и я устал. Я пришел за женой.

Окошечко в молчании закрылось. Мгновение мучительного ожидания, потом, к своему облегчению, Локарт услышал звук отодвигаемых засовов. Дверь распахнулась. Слуга держал в руке высоко поднятую масляную лампу. Позади него виднелся двор, огороженный высокими стенами, в центре – великолепный фонтан, деревья и растения были укутаны от зимнего холода. В дальней стене

Локарт обнаружил еще одну дверь, обитую железными гвоздями. Дверь была открыта, и он разглядел ее силуэт на фоне света ламп. Он бросился вперед, и она с плачем и стоном упала в его объятия.

Дверь на улицу громко захлопнулась, клацнули засовы.

– Погодите! – крикнул Локарт слуге, вспомнив про Мак-Айвера. Тут он услышал звук отъезжающей машины.

– Что случилось, ага? – спросил слуга.

– Ничего, – ответил он и помог Шахразаде войти в дом и в уютное тепло.

Когда он увидел ее лицо при свете, вся его радость улетучилась, и в желудке осел ледяной ком. Ее лицо было опухшим и грязным, немытые волосы висели безвольными прядями, глаза смотрели не видя, одежда измялась.

– Господи Иисусе… – пробормотал он, но она не обратила на его слова никакого внимания, просто бессмысленно прижималась к нему и что-то стонала на смеси фарси и английского; по щекам струились слезы. – Шахразада, все хорошо, все хорошо теперь… – произнес он, стараясь успокоить ее. Но она лишь продолжала свое монотонное бессмысленное бормотание. – Шахразада, Шахразада, милая. Я уже вернулся… все хорошо… – Локарт замолчал. Она стояла так, словно он и не говорил ничего, и он вдруг похолодел от мысли, что она лишилась рассудка. Он начал легонько встряхивать ее, но и это не дало никакого эффекта. Тут Локарт заметил старого слугу, стоявшего рядом с лестницей, ожидавшего приказаний. – Где… где ее высочество госпожа Бакраван? – спросил он; руки Шахразады крепко обнимали его за шею.

– Она в своих покоях, ага.

– Пожалуйста, передайте ей, что я здесь, и… и что я хотел бы ее видеть.

– О, она сейчас никого не примет, ага. Никого. На все воля Бога. Она никого не видела с того самого дня. – В старческих глазах блеснули слезы. – Ваше превосходительство были в отсутствии, возможно, вы не знаете, что его пре…

– Я слышал. Да, я слышал.

– Иншаллах, ага, иншааллах, но какие преступления мог совершить наш хозяин? Иншаллах, что на него пал выбор, ин…

– Иншаллах. Пожалуйста, передайте ее высочеству… Шахразада, прекрати это! Ну же, дорогая, – сказал он по-английски: ее стоны сводили его с ума. – Прекрати! – Потом слуге на фарси: – Пожалуйста, попросите ее высочество принять меня.

– О да, я попрошу, ага, но ее высочество не откроет мне дверь, и не ответит мне, и не примет вас, но я немедленно пойду и выполню ваше пожелание. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Погодите. Где все?

– Кто, ага?

– Семья? Где остальные члены семьи?

– А, семья. Ее высочество у себя, госпожа Шахразада здесь.

Локарт снова почувствовал, как ее стоны подстегивают его гнев.

– Я имел в виду, где его превосходительство Мешанг и его жена и дети, и сестры моей жены, и их мужья?

– Где же им еще быть, как не у себя дома, ага?

– Тогда сообщите его превосходительству Мешангу, что я вернулся, – распорядился Локарт. Мешанг, старший сын, и его семья были единственными людьми, постоянно проживавшими здесь.

– Непременно, ага. На все воля Аллаха, я сам немедленно отправлюсь на базар.

– Он на базаре?

Старик кивнул:

– Разумеется, ага, сегодня вечером он там, он и его семья. Теперь он хозяин, и ему надлежит вести дела. На все воля Бога, ага, теперь он – глава дома Бакраван. Я отправлюсь немедленно.

– Нет, пошлите кого-нибудь. – Базар был рядом, выполнить его просьбу было нетрудно. – Есть кто-нибудь… Шахразада, Шахразада, прекрати! – грубо сказал он, но она как будто не слышала его. – Есть в доме горячая вода?

– Должна быть, ага. Печь у нас очень хорошая, только она не разожжена.

– У вас нет солярки?

– О, солярка должна где-то быть. Вы хотите, чтобы я проверил?

– Да, пожалуйста, разожгите печь и принесите нам что-нибудь поесть и чаю.

– Непременно, ага. Что бы его превосходительству хотелось покушать?

Локарт с трудом сохранял здравомыслие, всхлипывания Шахразады толкали его за грань самообладания.

– Что угодно… нет, рис и хореш, хореш с курицей, – поправился он, назвав обычное блюдо, которое легко приготовить. – Куриный хореш.

– Как пожелаете, ага, только повар весьма гордится своим умением готовить куриный хореш, и у него уйдет несколько часов, чтобы приготовить его к вашему удовлетворению. – Старик вежливо ждал, переводя взгляд с Локарта на девушку и обратно.

– Тогда… тогда, о господи, пусть будут просто фрукты. Фрукты и чай, любые фрукты какие есть… – Локарт больше не мог этого выносить, он подхватил Шахразаду на руки, поднялся с ней по лестнице и прошел по коридорам в комнаты, которые они обычно занимали в этом трехэтажном, с плоской крышей доме, похожем на дворец, богатый, с бесконечным лабиринтом комнат. Он открыл дверь и захлопнул за собой.

– Шахразада, послушай меня… Шахразада, послушай! Да послушай же, ради всего святого!

Но она лишь приникла к нему всем телом, постанывая и бессвязно бормоча. Он отнес ее в душную внутреннюю комнату с плотно закрытыми окнами и ставнями и заставил ее сесть на неубранную кровать, потом метнулся в ванную, которая была вполне современной, – то есть почти все тут было современным, кроме туалета.

Горячей воды нет. Холодная течет и, кажется, не слишком грязная. Он нашел несколько полотенец, намочил их и вернулся в комнату. В груди поселилась ноющая боль, он понимал, что плохо представляет, что ему делать. Шахразада сидела там же, где он ее оставил. Он попытался вытереть ей лицо, но она стала сопротивляться и начала рыдать в голос, от чего стала еще уродливее. С уголков губ вниз потянулись ниточки слюны.

– Шахразада… Шахразада, милая моя, ради всего святого, родная… – Он обнял ее, прижал к себе, но ее ничто не трогало. Только стоны постоянно слетали с ее губ, толкая его все ближе и ближе к опасному краю. – Возьми себя в руки, – громко, но беспомощно произнес он и поднялся, но ее руки уцепились за его одежду и постарались притянуть его назад.

– О Боже, дай мне силы… – Он увидел, как его рука хлестнула ее по лицу. На мгновение стоны прекратились, она, не веря, уставилась на него, потом ее глаза опять затянуло пеленой, бессвязное бормотание возобновилось, пальцы снова заскребли по его одежде. – Боже, помоги мне! – пробормотал он и начал бить ее наотмашь по лицу, все сильнее и сильнее, отчаянно пытаясь, чтобы удары были сильными, но не слишком, потом ткнул ее лицом в постель и начал с размаху хлестать ее по ягодицам, пока не заболела ладонь, и вся кисть, и тут же он услышал вопли, настоящие вопли, а не тупое, жалобное причитание:

– Томмиииии… прекрати, о Томмиии, прошу тебя, перестаааань… Томми, мне больно, за что, что я сделала? Клянусь, я ни о ком не думала, ни о ком, о Томми, пожалуйста, не наааадоооо…

Он остановился. Пот заливал ему глаза, рубашка промокла насквозь, и он, тяжело дыша и пошатываясь, отступил от кровати. Она корчилась от боли, ягодицы багровели, багровели и щеки, но ее слезы теперь были настоящими слезами, и ее глаза стали ее собственными глазами, и мозг – ее собственным мозгом.

– О Томмиии, мне больно, так больно, – всхлипывала она, как ребенок, которому дали ремня. – За чтооо? За чтооо? Клянусь, я люблю тебя… Я ничего не сделала… ничего, что… что причинило бы тебе боль и заставило бы… заставило бы тебя сделать больно мне… – Мучаясь от боли и стыда, что так разгневала его, не понимая причины, зная лишь, что она должна помочь ему выбраться из паутины ярости, Шахразада сползла с кровати и рухнула у его ног, сквозь слезы умоляя его о прощении.

Слезы вдруг прекратились, когда реальность хлынула в ее сознание, и она подняла на него глаза.

– О, Томми, – беспомощно проговорила она. – Отец мертв… его убили… убили «зеленые повязки»… убили…

– Да… да, дорогая, я знаю, о, я знаю… мне так жаль…

Он поднял ее на ноги, и его слезы смешались с ее слезами, и он крепко прижал ее к себе, и дал ей сил от своей силы, и излечил ее так же, как она дала ему сил от своей силы и излечила его. Потом они беспокойно уснули, иногда просыпаясь, но снова мирно погружаясь в сон, вбирая в себя жизнь, и пламя масляных светильников отбрасывало добрые тени. Перед самой полуночью Локарт проснулся. Ее глаза

смотрели на него. Она осторожно придвинулась, чтобы поцеловать его, но острая боль остановила ее.

– О, ты в порядке? – Его руки тут же обвились вокруг нее.

– Ой, осторожнее… извини, да… это… – Болезненно сморщившись, она попыталась заглянуть себе за спину, потом заметила, что вся ее одежда грязная. Лицо скривилось в гримасе. – Ух, эта одежда, пожалуйста, извини меня, дорогой… – Она неуклюже встала и сорвала ее с себя. Морщась от боли, Шахразада подняла с пола влажное полотенце и начисто вытерла лицо и расчесала волосы. Потом, подойдя ближе к свету, она увидела, что один глаз у нее уже чуть-чуть потемнел, а ягодицы покрывали багровые синяки. – Пожалуйста, прости меня… что я сделала… чем я оскорбила тебя?

– Ничем, ничем, – торопливо заверил он ее, ужасаясь, и рассказал, в каком состоянии он ее нашел.

Она тупо смотрела на него.

– Но… ты говоришь, что я… я ничего такого не помню… только… помню только, как меня били.

– Мне так жаль, но мне больше никак не удалось бы… прости меня.

– О, а мне не жаль, теперь не жаль, мой милый. – Стараясь вспомнить, она вернулась к кровати и легла ничком. – Если бы не ты… На все воля Бога, но если я была, как ты говоришь… странно, и я ничего не помню, совсем ничего с того момента, когда я… – Ее голос вдруг надломился, потом она продолжила, стараясь быть мужественной: – Если бы не ты, я, наверное, потеряла бы разум навсегда. – Она придвинулась к нему и поцеловала. – Я люблю тебя, возлюбленный мой, – сказала она на фарси.

– Я люблю тебя, возлюбленная моя, – ответил он, завороженный.

Помолчав мгновение, она произнесла странным голосом:

– Томми, я думаю, то, что свело меня с ума… я видела отца… видела его вчера, позавчера… не помню… то, что, мертвый, он выглядел таким маленьким, таким крошечным, мертвый, и все эти дырки в нем, и в лице, и в голове… я не помню, чтобы он когда-нибудь был таким маленьким, но они сделали его маленьким, они забрали его…

– Не нужно, – мягко сказал он, видя, как ее глаза наполняются слезами. – Это иншааллах. Не думай об этом.

– Конечно, муж мой, как ты скажешь, – тут же ответила она на фарси с отстраненной вежливостью. – Конечно, это все по воле Бога, да, но мне важно рассказать тебе, очиститься от стыда, раз ты застал меня такой… Когда-нибудь мне хотелось бы тебе это рассказать.

– Тогда расскажи сейчас, Шахразада, и мы сможем навсегда оставить это в прошлом, – так же официально ответил Локарт. – Пожалуйста, расскажи мне сейчас.

– Все дело в том, что они сделали самого большого человека в мире – после тебя – сделали его незначительным. Без всякой причины. Он всегда был против шаха, когда мог, и был настоящим сторонником этого муллы Хомейни. – Она произнесла это спокойно, и он услышал слово «мулла», а не аятолла, не имам, и все его существо забило тревогу. – Они убили моего отца без всяких причин и не по закону, и они сделали его маленьким, они забрали все, что он имел как человек, как отец, любимый отец. На все воля Бога, следует говорить мне, и я постараюсь. Но я не могу верить в то, что этого желает Бог. Возможно, это то, чего желает Хомейни. Я не знаю. Мы, женщины, скоро это узнаем.

– Что? Что ты хочешь сказать?

– Через три дня мы, женщины, выйдем на марш протеста – все женщины Тегерана.

– Протеста против чего?

– Против Хомейни и мулл, которые против прав женщин. Когда он увидит, как мы идем все вместе без чадры, он перестанет делать то, что неправильно.

Локарт слушал ее вполуха, вспоминая ее, какой она была несколько дней назад, – неужели прошло всего несколько дней с тех пор, как начался этот кошмар? – такой всем довольной, носившей чадру, счастливой уже тем, что она просто мужнина жена, и совсем не современной, как Азадэ. Он видел ее глаза, видел ее непреклонность и знал, что для себя она уже все решила.

– Я не хочу, чтобы ты принимала участие в этом протесте.

– Да, разумеется, муж мой, но каждая женщина в Тегеране пойдет на эту демонстрацию, и я уверена, ты не хочешь, чтобы я покрыла себя позором перед памятью своего отца – против представителей его убийц, не правда ли?

– Это все пустая трата времени, – сказал Локарт, зная, что проиграет этот спор, и все равно увлекаемый им далее. – Боюсь, любовь моя, что марш протеста всех женщин Ирана, или даже всего ислама, ничуть Хомейни не тронет. Женщины в его исламском государстве не получат ничего, что не дает им Коран, ничего. Как и все остальные. Он несгибаем. Разве не в этом его сила?

– Разумеется, ты прав. Но мы пройдем маршем протеста, и Бог откроет ему глаза и все ему прояснит. Дело ведь в том, чего хочет Бог, а не в том, чего хочет Хомейни. В Иране у нас за долгую историю сложились способы управляться с такими людьми.

Его руки сомкнулись вокруг нее. Марши протеста – не ответ, думал он. О, Шахразада, столько решений надо принять, столько сказать, рассказать, а сейчас не время. Но есть Загрос, и есть 212-й, который надо вывезти. Только в этом случае Мак останется один на один со всеми заботами, если заботы еще останутся. Что, если я и его с собой возьму? Не получится, разве что силой.

– Шахразада, возможно, мне придется выполнить перегон. Доставить 212-й в Нигерию. Может быть, ты тоже поедешь?

– Конечно, Томми. Как долго нас не будет?

Он поколебался.

– Несколько недель… может, дольше. – Он почувствовал, как она стала другой в его объятьях, едва уловимо.

– Когда бы ты хотел уехать?

– Очень скоро. Возможно, завтра.

Она выскользнула из его объятий, он даже не понял, что она шевельнулась.

– Я не смогу оставить маму еще какое-то время. Она… горе раздирает ее на части, Томми, и… и если бы я уехала, я бы боялась за нее все время. И потом есть еще бедный Мешанг. Он должен вести дела, ему нужно помогать. Столько дел, за стольким нужно приглядывать.

– Ты знаешь про постановление о конфискации?

– Какое постановление?

Он рассказал ей. Ее глаза снова наполнились слезами, и она села прямо, забыв на мгновение про боль. Шахразада не мигая смотрела на пламя светильника и на тени, которое оно отбрасывало.

– Стало быть, у нас нет дома, ничего нет. На все воля Аллаха, – тупо проговорила она. Потом тут же добавила совсем другим голосом: – Нет, это не воля Аллаха! Это воля «зеленых повязок»! Теперь мы должны объединиться, чтобы спасти семью, иначе получится, что они одержали победу над отцом. Мы не можем позволить им убить его, а потом еще и одержать над ним победу, это было бы ужасно.

– Да, я согласен, но этот перелет решил бы наши проблемы на несколько недель…

– Ты прав, Томми, как всегда, да-да, он решил бы их, если бы нам нужно было уезжать отсюда, но здесь наш дом, он остался им в той же степени, если не больше, о, как мы будем здесь счастливы! Утром я соберу слуг и перенесу сюда все наше из квартиры… ба! Что такое несколько ковров и безделушек, когда у нас есть этот дом, когда у нас есть мы? Я обо всем распоряжусь… О, мы будем счастливы здесь!

– Но если т…

– Это воровство делает еще более важным то, чтобы мы остались здесь, чтобы сопротивлялись, протестовали. Оно делает марш, о, гораздо более важным. – Она приложила палец к его губам, видя, что он собирается что-то сказать. – Если тебе необходимо выполнить этот рейс – а ты, конечно же, должен выполнять свою работу, – тогда отправляйся, мой дорогой. Только побыстрей возвращайся назад. Через несколько недель Тегеран будет таким же, как всегда, снова добрым, и я знаю, что именно этого хочет Бог.

О да, уверенно думала она, и ее счастье пересиливало боль, к тому времени я буду уже на втором месяце, и Томми будет так гордиться мной, а тем временем так замечательно будет жить здесь, в кругу семьи, и отец будет отомщен, а дом снова наполнится смехом.

– Все будут нам помогать, – сказала она, ложась в его объятия, такая усталая, но такая счастливая. – О, Томми, я так рада, что ты вернулся домой, мы вернулись домой, все будет так чудесно, Томми. – Ее речь становилась медленнее по мере того, как волны сна накатывались на нее. – Мы все поможем Мешангу… и те, кто за границей, вернутся назад, тетя Аннуш и их дети… они помогут… а дядя Валик будет направлять Мешанга…

У Локарта не хватило мужества рассказать ей.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
18 февраля

ГЛАВА 34

Дворец хана. Тебриз. 03.13. В темноте маленькой комнатки капитан Росс откинул кожаную крышечку с циферблата наручных часов и всмотрелся во флюоресцирующие цифры.

– Все готово, Гуэнг? – прошептал он по-гуркхски.

– Да, сахиб, – прошептал Гуэнг, радуясь, что ожидание закончилось.

Осторожно и бесшумно оба мужчины поднялись со своих соломенных тюфяков, которые лежали на старых, попахивающих коврах, брошенных на твердо утрамбованный земляной пол. Они были полностью одеты, и Росс на ощупь пробрался к окну и выглянул наружу. Их охранник сидел привалившись к стене рядом с дверью и крепко спал; его винтовка лежала у него на коленях. В двух сотнях шагов, по ту сторону заснеженных садов и флигелей и надворных построек, стоял четырехэтажный дворец Горгон-хана. Ночь была темной и холодной, небо было затянуто облаками, сквозь которые время от времени проглядывала яркая луна, окруженная нимбом.

Снегу прибыло, подумал он, потом, осторожно надавливая, открыл дверь. Они оба встали в проеме, всеми своими органами чувств исследуя темноту вокруг. Нигде ни огонька. Росс бесшумно приблизился к охраннику и потряс его за плечо, но тот не проснулся, погруженный в искусственно вызванный сон, который должен был продлиться еще не менее двух часов. Подсунуть ему снотворное в плитке шоколада, хранившейся в их неприкосновенном запасе как раз для таких случаев, оказалось нетрудно; одни шоколадки в наборе были со снотворным, другие – с ядом. Росс еще раз сосредоточился на темноте, терпеливо ожидая, пока луна не спрячется за облаком. Он рассеянно почесал укус клопа. Он был вооружен только кукри и одной гранатой.

– Если нас остановят, Гуэнг, то мы просто вышли прогуляться, – сказал он ему ранее. – Оружие лучше оставить здесь. А почему у нас с

собой кукри и граната? Так это старинный гуркхский обычай – мы опозорим честь нашего полка, если будем совсем без оружия.

– Думаю, я хотел бы забрать с собой все наше оружие и ускользнуть в горы, а потом пробираться на юг, сахиб.

– Если это не сработает, так нам и придется сделать, но шансы у нас паршивые, – сказал тогда Росс. – Совсем никудышные. На открытой местности мы будем как в ловушке: эти охотники все еще преследуют нас и не отступятся, пока не поймают. Не забывай, нам едва-едва удалось добраться до конспиративного дома. Только одежда нас и спасла. – После засады, в которой погибли Вьен Роузмонт и Тензинг, Росс и Гуэнг раздели некоторых из нападавших и надели одежду горцев поверх своей военной формы. Он было подумал совсем избавиться от последней, но потом решил, что это будет неумно. – Если нас поймают, значит, поймают, и дело с концом.

Гуэнг улыбнулся:

– Поэтому лучше вам стать хорошим индусом прямо сейчас. Тогда, если нас убьют, это будет не конец, а начало.

– А как мне это сделать, Гуэнг? Стать индусом? – Он криво усмехнулся, вспомнив озадаченное выражение на лице Гуэнга и его долгое пожатие плечами. Потом они привели в порядок тела Вьена Роузмонта и Тензинга и оставили их вместе в снегу, согласно обычаю гор: Тело уже не имеет ценности для духа, и из-за непреложности возрождения его оставляют животным и птицам, которые суть другие духи, пробирающиеся по своей собственной карме в нирвану – место божественного покоя.

На следующее утро они заметили тех, кто их преследовал. Когда они спустились с гор в предместья Тебриза, их преследователи отставали от них на каких-то полмили. Их спас только камуфляж, позволив раствориться в толпах людей: многие из горцев были такими же голубоглазыми и были так же хорошо вооружены. Удача сопутствовала им, и Росс с первого раза отыскал черный вход в грязный маленький гараж, назвал имя Вьена Роузмонта, и человек в гараже спрятал их. В ту же ночь к ним пришел Абдолла-хан со своими охранниками, настроенный очень враждебно и подозрительно.

– Кто сказал вам спросить меня?

– Вьен Роузмонт. Он также рассказал нам об этом месте.

– Кто он такой, этот Роузмонт? Где он сейчас?

Росс рассказал ему, что произошло в засаде, и заметил в глубине глаз иранца что-то новое, хотя тот по-прежнему держался враждебно.

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду? Кто вы такие?

– Перед смертью Вьен попросил меня передать вам послание. Он был в бреду, умирал тяжело, но заставил меня повторить его три раза, чтобы быть уверенным. Он сказал: «Передайте Абдолле-хану, что Питеру нужна голова Горгоны, а сын Питера еще хуже, чем сам Питер. Сын играет с курдюками в бабки, как и его отец, который постарается использовать Медузу, чтобы поймать Горгону». – Росс увидел, как глаза иранца вспыхнули, но нерадостно. – Это имеет для вас какой-нибудь смысл?

– Да. Это означает, что вы знали Вьена. Стало быть, Вьен мертв. На все воля Аллаха, но мне жаль, что так вышло. Вьен знал свое дело, знал очень хорошо, и был великим патриотом. Кто вы? Какое у вас задание? Что вы делали в наших горах?

Росс снова заколебался, вспомнив, как Армстронг говорил ему во время инструктажа, что слишком этому человеку доверяться нельзя. И все же Роузмонт, которому он доверял, сказал ему перед смертью: «Этому сукину сыну ты можешь доверить свою жизнь. Я доверял много раз, и он ни разу не подвел меня. Идите к нему, он вас вытащит…»

Абдолла-хан улыбался, его скривившийся рот говорил о жестокости, как и глаза.

– Вы можете мне доверять… думаю, вам придется.

– Да. – Но только не слишком, добавил он про себя. Росс ненавидел это слово, слово, которое миллионам людей стоило жизни и еще большим миллионам – свободы и каждому взрослому человек на земле – душевного покоя в тот или иной момент. – Мы должны были нейтрализовать Сабалан, – ответил Росс и рассказал ему о том, что произошло.

– Хвала Аллаху! Я передам новость Вессону и Талботу.

– Кому?

– А, не имеет значения. Я помогу вам пробраться на юг. Идемте со мной, здесь небезопасно… людям уже крикнули «ату его» и пообещали награду за «двух британских диверсантов, двух врагов ислама». Как вас зовут?

– Росс. Капитан Росс, а это капрал Гуэнг. Кто эти люди, которые нас преследовали? Иранцы? Или из Советов? Или следуют по указке Советов?

– Советы в моем Азербайджане открыто не действуют, пока еще нет. – Губы хана изогнулись в странную ухмылку. – У меня снаружи машина, универсал. Быстро забирайтесь в нее и ложитесь сзади. Я пока спрячу вас, а когда будет безопасно, доставлю обоих в Тегеран. Но вы должны подчиняться моим приказам. Беспрекословно.

Это было два дня назад, но потом визит советских незнакомцев и появление вертолета изменили все. Росс увидел, как луна спряталась за облако, и похлопал Гуэнга по плечу. Маленький гуркха исчез в саду. Когда из темноты ночи прилетел сигнал «все чисто», Росс последовал за ним. Они по очереди пробегали вперед, продвигаясь очень быстро, пока не достигли угла западного крыла большого дома. Им не встретились ни охранники, ни собаки, хотя Гуэнг видел раньше несколько доберманов на цепи.

Они без труда взобрались по балюстраде на балкон второго этажа. Гуэнг шел впереди. Он торопливо преодолел половину его длины, миновал ряд окон с закрытыми ставнями и подошел к лестнице, которая поднималась на следующий балкон. Наверху он остановился, чтобы сориентироваться. Росс появился рядом с ним. Гуэнг показал на второй ряд окон и вынул свой кукри, но Росс отрицательно помотал головой и кивнул в сторону боковой двери, прятавшейся глубоко в тени, которую сумел разглядеть. Он нажал на дверную ручку. Дверь громко скрипнула. Какие-то птицы стайкой выпорхнули из сада, перекликаясь друг с другом. Они оба уперлись взглядом туда, откуда вылетели птицы, ожидая увидеть патруль. Никто не появился. Они подождали еще чуть-чуть, чтобы быть уверенными, потом Росс первым скользнул внутрь, чувствуя, как прилив адреналина натягивает нервы.

Коридор за дверью оказался длинным, со множеством дверей по обе стороны и несколькими окнами на юг. Перед второй дверью он остановился, осторожно попробовал ручку. Дверь бесшумно открылась, и Росс быстро вошел; Гуэнг проскользнул следом с кукри и гранатой наготове. Комната была похожа на приемную: ковры, подушки, старомодная викторианская мебель и диваны. Из комнаты вели две двери. Молясь про себя, чтобы выбор был правильным, Росс

открыл дверь, расположенную ближе всего к углу здания, и вошел в нее. Шторы были задернуты, но в лунном свете, проникавшем через щель с одной стороны, было хорошо видно кровать и человека, которого он искал. Человек спал рядом с женщиной под толстым одеялом. Человек был именно тот, который был ему нужен, но Росс не ожидал, что он будет с женщиной. Гуэнг аккуратно прикрыл за собой дверь. Без колебаний они подошли к кровати, каждый со своей стороны. Росс взял на себя мужчину, Гуэнг – женщину. Одновременно они приложили носовые платки ко ртам спящих, прижимая их как раз настолько, чтобы они не вскрикнули.

– Мы друзья, пилот, не кричите, – прошептал Росс в самое ухо Эрикки. Он не знал его имени или кто была эта женщина, он помнил лишь, что этот человек – пилот. Он увидел, как животный испуг от внезапного пробуждения сменился ослепляющей яростью, когда сон исчез, и две огромные руки пошли вверх, чтобы разорвать его пополам. Он уклонился от них, сильнее надавив под носом Эрикки, без труда удерживая его внизу. – Сейчас я отпущу вас, не кричите, пилот. Мы друзья, мы британцы. Британские солдаты. Просто кивните, если вы проснулись и поняли меня. – Он подождал, потом скорее почувствовал, чем увидел кивок великана, глядя ему в глаза. Эти глаза кричали ему: опасность. – Не убирай платка, Гуэнг, пока у нас с этой стороны все не уладится, – тихо сказал он по-непальски, потом опять обратился к Эрикки: – Пилот, не бойтесь, мы друзья.

Он отпустил руку и отпрыгнул в сторону, когда Эрикки бросился на него, потом выгнулся на кровати, пытаясь достать Гуэнга, но замер на середине движения. Лунный свет поблескивал на кривом лезвии рядом с ее горлом. Глаза Азадэ были широко раскрыты, она окаменела от ужаса.

– Нет! Оставьте ее… – хрипло произнес Эрикки по-русски, видя только раскосые азиатские глаза Гуэнга, думая, что это, наверное, один из людей Чимтарги, все еще плохо соображая и не до конца оправившись от паники. Он спал глубоко, голова болела после многих часов полета, главным образом по приборам и в тяжелых условиях. – Что вам нужно?

– Говорите на английском. Вы же англичанин, не правда ли?

– Нет, я финн. – Эрикки прищурившись всматривался в Росса, который был немногим больше силуэта в полосе лунного света. –

Какого черта вам надо?

– Извините, что пришлось разбудить вас таким вот образом, пилот, – торопливо заговорил Росс, подойдя чуть ближе. Он старался говорить тихо. – Извините, но мне нужно было поговорить с вами тайным образом. Это очень важ…

– Скажите этому ублюдку, чтобы он отпустил мою жену! Быстро!

– Жену? Ах да… да, конечно, извините. Она… она не станет кричать? Пожалуйста, попросите ее не кричать. – Он смотрел, как великан повернулся к женщине, которая неподвижно лежала под толстым одеялом, рот ее по-прежнему был накрыт платком, кукри застыл у горла. Росс увидел, как финн медленно протянул руку и коснулся ее, не сводя глаз с кукри. Его голос звучал мягко и ободряюще, но он говорил не на английском и не на фарси, а на каком-то другом языке. Росс в панике подумал, что это был русский, и это еще больше сбило его с толку: он ожидал встретить британского пилота компании S-G и без спутницы в постели, а встретил финна, у которого жена – русская. Росс похолодел от страха, что завел Гуэнга в ловушку. Великан снова перевел взгляд на него, и паники в его глазах теперь стало больше.

– Скажите ему, чтобы он отпустил мою жену, – произнес Эрикки по-английски, с трудом стараясь сосредоточиться. – Она не станет кричать.

– Что вы сказали ей? Это был русский?

– Да, это был русский, и я сказал: «Этот ублюдок через секунду отпустит тебя. Не кричи. Не кричи, просто расположись сзади меня. Не делай резких движений, просто передвинься ко мне за спину. Ничего не делай, если только я не брошусь на второго ублюдка, и тогда – сражайся за свою жизнь».

– Вы русский?

– Я же говорил вам, я финн, и мне быстро надоедают люди с ножами посреди ночи, будь они британцы, русские или даже финны.

– Вы пилот вертолетной компании S-G?

– Да, быстрее отпустите ее, а то я что-нибудь сделаю.

Росс еще не до конца справился с собственной паникой.

– Она русская?

– Моя жена иранка, она говорит по-русски, как и я, – ледяным тоном объяснил Эрикки, чуть передвинувшись, чтобы выйти из узкой

полосы лунного света в тень. – Выйдите на свет, я вас не вижу, и в последний раз прикажите этому ублюдку-коротышке отпустить мою жену, скажите, что вам нужно, и убирайтесь отсюда.

– Извините за все это. Гуэнг, теперь ее можно отпустить.

Гуэнг не шевельнулся. Не шевельнулся и изогнутый клинок. Гуркха сказал по-непальски:

– Да, сахиб, только сначала заберите нож из-под его подушки.

Росс ответил, тоже на непальском:

– Если он попытается схватить его, брат, даже просто коснется его, убей ее, я займусь им. – Потом мягко добавил по-английски: – Пилот, у вас под подушкой нож. Пожалуйста, не трогайте его. Извините, но если вы это сделаете до того, как это можно будет сделать… пожалуйста, наберитесь терпения. Отпусти ее, Гуэнг, – приказал он гуркхе, не сводя глаз с финна. Боковым зрением он увидел неясные очертания лица, спутанные длинные волосы, наполовину закрывавшие женщину, потом она скользнула за широкие плечи, плотнее укутавшись в теплую зимнюю пижаму с длинными рукавами. Росс стоял спиной к свету и не мог ее хорошенько разглядеть, он видел только ненависть в глазах, полускрытых темнотой, но заметную даже оттуда. – Извините, что проник сюда, как вор в ночи. Прошу простить меня, – сказал он ей. Она не ответила. Он повторил свои извинения на фарси. Они опять остались без ответа. – Пожалуйста, извинитесь за меня перед своей женой.

– Она говорит по-английски. Что, черт подери, вам нужно? – Теперь, когда Азадэ была в безопасности, Эрикки чувствовал себя немного лучше, хотя и остро ощущал близость маленького человека с большим изогнутым ножом.

– Мы своего рода пленники хана, пилот, и я пришел предупредить вас и попросить о помощи.

– Предупредить меня о чем?

– Несколько дней назад я помог одному из ваших капитанов, Чарльзу Петтикину. – Росс увидел, что имя тут же сработало, и чуть-чуть расслабился. Он быстро рассказал Эрикки о Дошан-Таппехе, нападении САВАК и о том, как они выбрались оттуда, точно описав Петтикина, так что ошибки быть не могло.

– Чарли рассказал нам про вас, – кивнул Эрикки; он был поражен, и его страх исчез, – но не говорил, что высадил недалеко от Бендер-э-

Пехлеви. Сказал только, что какие-то десантники-британцы спасли его от людей из САВАК, которые собирались разнести ему голову.

– Я попросил его забыть мое имя. Я… э-э… мы были на задании.

– Чарли повезло, что вы… – Росс увидел, как женщина что-то зашептала на ухо мужу, прервав его. Финн кивнул и снова посмотрел на британца. – Вы меня видите, я вас не вижу, выйдите на свет. Что же до Абдоллы, если бы вы были его пленниками, вы были бы в цепях или сидели в подземелье, а не бродили свободно по дворцу.

– Мне сказали, что хан поможет нам, если у нас возникнут проблемы. У нас возникли проблемы, и он сказал нам, что спрячет нас, пока не появится возможность отправить нас в Тегеран. До тех пор он поместил нас в какую-то хибару, подальше от глаз, на другом конце поместья. Нас постоянно охраняют.

– Спрячет вас от чего?

– Мы выполняли… э-э… секретное задание, и за нами охотятся и…

– Какое секретное задание? Я вас не вижу, выйдите на свет.

Росс передвинулся, но не до конца.

– Мы должны были взорвать кое-какое секретное радарное оборудование американцев, чтобы до него не добрались Советы или их сторонники. Я по…

– Сабалан?

– Откуда, черт возьми, вам это известно?

– Меня заставляют летать с одним русским и несколькими иранцами из левых по радарным установкам рядом с границей, они забирают все, что можно, потом доставляют это в Астару на побережье. Одна из них на северном склоне оказалась разрушенной, оттуда им не удалось извлечь ничего, и остальные пока что не принесли ничего стоящего, насколько я знаю. Продолжайте. О чем вы хотели меня предупредить?

– Вас заставляют?

– Моя жена – заложница хана и русских, гарантия моего сотрудничества и хорошего поведения, – сказал Эрикки просто.

– Господи! – Мозг Росса работал с перегрузкой. – Я… э-э… я узнал эмблему S-G, когда вы делали круги над дворцом, и пришел предупредить вас, что Советы побывали здесь, они прибыли сегодня рано утром, и они планируют похитить вас с дружеской помощью хана

– он, похоже, играет на оба конца от центра, двойной агент. – Росс увидел изумление на лице Эрикки. – Наши люди должны срочно узнать об этом.

– Похитить меня, чтобы я сделал что?

– Точно не знаю. Я отправил Гуэнга на разведку, когда ваш вертолет прилетел. Он выбрался через окно в задней стене. Расскажи им, Гуэнг.

– Это было после того, как они пообедали, сахиб-хан и этот, советский, – и они стояли возле машины советского, когда тот собирался уезжать. Я был в кустах совсем рядом с ними и хорошо все слышал. Сначала я не понимал, что они говорят, потом хан сказал: «Давай перейдем на английский, тут рядом слуги». Советский сказал: «Спасибо за всю информацию и за предложение». Потом хан сказал: «Значит, мы договорились? Обо всем, Патар?» Советский сказал: «Да, я буду рекомендовать сделать все, что тебе нужно. Я позабочусь, чтобы этот пилот тебя больше не беспокоил. Когда он закончит здесь, его доставят на север…» – Гуэнг замолчал, услышав, как воздух с шипением вырвался из груди Азадэ. – Да, мэм сахиб?

– Нет, ничего.

Гуэнг сосредоточился, стремясь передать им все в точности:

– Советский сказал: «Я позабочусь, чтобы этот пилот тебя больше не беспокоил. Когда он закончит здесь, его доставят на север, навсегда». Потом… – Он задумался на мгновение. – Ах да! Потом он сказал: «Мулла тебя больше не потревожит, а ты в обмен поймаешь мне британских диверсантов? Живыми, я бы хотел получить их живыми, если возможно». Хан сказал: «Хорошо, я поймаю их, Патар, у те…»

– Петр, – произнесла Азадэ; ее рука лежала на плече Эрикки. – Его зовут Петр Мзитрюк.

– О господи! – охнул Росс, и все встало на свои места.

– Что такое? – спросил Эрикки.

– Потом расскажу. Заканчивай, Гуэнг.

– Слушаюсь, сахиб. Хан сказал: «Я поймаю их, Патар, живыми, если получится. Какую услугу я получу, если они будут живыми?» Советский рассмеялся. «Любую, в разумных пределах, а какую получу я?» Хан сказал: «Я возьму ее с собой, когда приеду к тебе в следующий раз». Это все, сахиб. Потом советский сел в машину и уехал.

Азадэ передернулась всем телом.

– Что? – спросил Эрикки.

– Он имел в виду меня, – произнесла она чуть слышно.

– Я не понимаю, – сказал Росс.

Эрикки колебался, сдавливающее ощущение в голове стало сильнее, чем когда-либо. Азадэ рассказала ему, что отец приглашал ее на обед и что Петр Мзитрюк приглашал ее в Тбилиси: «…и вашего мужа, разумеется, если он будет свободен; я бы очень хотел показать вам наши края…» – и был очень внимателен к ней.

– Это… это личное. Не имеет значения, – сказал он. – Похоже, вы оказали мне большую услугу. Чем я могу помочь? – Эрикки устало улыбнулся и протянул руку. – Меня зовут Иокконен, Эрикки Йокконен, а это моя жена Аза…

– Сахиб! – предостерегающе прошипел Гуэнг.

Вытянутая рука Росса застыла на полпути. Теперь и он увидел, что вторая рука Эрикки была под подушкой.

– Не двигаться! – приказал он; кукри из ножен в одно мгновение переместился в его руку. Эрикки знал этот тон, поэтому подчинился. Росс осторожно отодвинул подушку, но рука финна лежала не рядом с ножом. Британец взял нож. Лезвие блеснуло в полосе лунного света. Росс подумал секунду, потом протянул нож Эрикки, рукояткой вперед. – Извините, но лучше убедиться заранее. – Он пожал протянутую руку, которая, не шелохнувшись, провисела в воздухе все это время, и почувствовал ее недюжинную силу. Он улыбнулся финну и слегка повернулся, впервые позволяя свету упасть на его лицо. – Меня зовут Росс, капитан Джон Росс, а это Гуэнг…

Азадэ ахнула и рывком выпрямилась. Они все посмотрели на нее, и теперь Росс впервые мог хорошенько разглядеть ее лицо. Это была Азадэ, его Азадэ десятилетней давности, Азадэ Горден, как он знал ее тогда, Азадэ Горден из далекой страны гор, она смотрела на него огромными глазами, более прекрасная, чем когда-либо, все такая же посланная небом.

– Бог мой, Азадэ, я не видел твоего лица…

– А я твоего, Джонни.

– Азадэ… Боже, ну надо же, – запинаясь, пробормотал Росс. Он широко улыбался, и она тоже, потом он услышал голос Эрикки и

увидел, как тот в упор смотрит на него, зажав в кулаке огромный нож, и страх электрическим разрядом пробежал по нему и по ней.

– Ты Джонни Ясноглазый? – монотонно произнес Эрикки.

– Да-да, он самый… Мне выпала честь познакомиться с вашей женой много лет назад, много лет назад… Боже милосердный, Азадэ, как же чудесно тебя снова видеть!

– И тебя. – Ее рука не оставляла плеча Эрикки.

Эрикки чувствовал ее руку, и она жгла его, но он не двигался, завороженный человеком, стоявшим перед ним. Она рассказала ему о Джоне Россе, о проведенном с ним лете и о результате того лета, о том, что этот человек не знал про ребенка, который так и не родился, да она и не пыталась отыскать его и сообщить ему об этом, она не хотела, чтобы он когда-нибудь об этом узнал. «Вина была моя, Эрикки, а не его, – сказала она ему тогда просто. – Я была влюблена, мне только что исполнилось семнадцать, ему было девятнадцать. Я звала его Джонни Ясноглазый; никогда раньше я не встречала человека с такими голубыми глазами. Мы глубоко любили друг друга, но это была просто летняя любовь, не такая, как наша, которая навсегда, моя – навсегда, и – да, я согласна стать твоей женой, если отец позволит, о да, прошу тебя, Боже, но только если ты сможешь жить счастливо, зная, что когда-то, давным-давно, я росла и становилась взрослой. Ты должен пообещать мне, поклясться мне, что сможешь быть счастлив как мужчина и как муж, потому что, возможно, в один день мы встретим его – я буду рада видеть его, и я улыбнусь ему, но душа моя будет твоей, мое тело – твоим, моя жизнь – твоей, и все, что у меня есть…»

Он дал ей клятву, как она того хотела, поклялся искренне и всей душой, с радостью отметая в сторону ее тревогу. Он был современным, понимающим, он был финном – разве Финляндия не была второй страной в мире после Новой Зеландии, которая дала женщинам право голоса? В нем не поселилось никакого беспокойства. Никакого совершенно. Он лишь печалился за нее, за то, что она не была более осторожна, потому что она рассказала ему о гневе своего отца, гневе, который он понимал.

И вот теперь этот мужчина был здесь, красивый, сильный, молодой, гораздо более подходящий ей по размеру, гораздо ближе ей по возрасту. Ревность раздирала его на части.

Росс пытался собраться с мыслями; ее присутствие завораживало его. Он оторвал взгляд от Азадэ, мысли – от своих воспоминаний о ней и посмотрел на Эрикки. Он прочитал чувство в его глазах как открытую книгу.

– Много лет назад я знал вашу жену, в Швейцарии в… я учился там в школе, недолго.

– Да, я знаю, – сказал Эрикки. – Азадэ рассказала мне о вас. Я… я… это… это неожиданная встреча для всех нас. – Он встал с кровати, горой возвышаясь над Россом, все еще держа нож в руке – все они остро ощущали этот нож в его руке. Он видел, что Гуэнг, стоявший по другую сторону кровати, так и не убрал свой кукри в ножны. – Итак. Еще раз, капитан, еще раз спасибо за предупреждение.

– Вы говорили, что Советы заставляют вас летать?

– Азадэ – заложница, чтобы я вел себя хорошо, – ответил Эрикки ровным тоном.

Росс в задумчивости кивнул.

– Вы мало что можете тут сделать, если хан вас недолюбливает. Господи, ну и каша! Я-то думал, что, раз уж и вам тут грозит опасность, вы тоже захотите сбежать и заберете нас с собой на своем вертолете.

– Если бы я мог, я бы забрал, да… да, конечно. Но со мной два десятка охранников все время, пока я летаю, а Азадэ… за моей женой и мной внимательно присматривают, когда мы здесь. Есть тут еще один советский, по имени Чимтарга, он словно моя тень, и Абдолла-хан… очень осторожен. – Он еще не решил про себя, что ему делать с этим Россом. Эрикки бросил взгляд на Азадэ и увидел, что ее улыбка была искренней, в ее прикосновении к его плечу не было фальши, и что этот человек теперь явно значил для нее не больше, чем старый друг. Но это не избавило его от почти ослепляющего желания дать волю бездумной ярости. Он заставил себя улыбнуться ей в ответ. – Мы должны быть осторожны, Азадэ.

– Очень. – Она почувствовала, как под ее рукой на его плече пробежала судорожная волна, когда он произнес «Джонни Ясноглазый», и знала, что из них троих только она способна справиться с этой новой опасностью. Одновременно с этим ревность Эрикки, которую он так старался скрыть, возбуждала ее, как и открытое восхищение в глазах человека, который был ее давно

утраченной любовью. О да, думала она, Джонни Ясноглазый, ты еще чудесней, чем тогда, стройнее, сильнее – более волнующий со своим кривым кинжалом, небритым лицом, грязной одеждой и мужским запахом. – Как я могла не узнать тебя минуту назад, когда я исправила имя этого человека с «Патар» на «Петр», это что-то сказало тебе, Джонни. Что именно?

– Это было закодированное послание, которое я должен был передать хану, – ответил Росс, с болью осознавая, что она по-прежнему чарует, околдовывает его. – «Передай Абдолле-хану, что Питеру – это мог бы быть Патар Гуэнга или Петр, русский, – что Питеру нужна голова Горгоны, а сын Питера еще хуже, чем сам Питер. Сын играет с курдюками в бабки, как и его отец, который постарается использовать Медузу, чтобы поймать Горгону».

– Это просто. Эрикки? – сказала Азадэ.

– Да, – кивнул Эрикки, отвлекаясь от своих мыслей. – Вот только при чем тут «курдюки и бабки»?

– Может быть, так, – сказала она, приходя в волнение. – Передай Абдолле-хану, что Петр Мзитрюк из КГБ охотится за его головой, что сын Мзитрюка – давайте предположим, что он тоже из КГБ, – еще хуже, чем его отец. Сын играет с курдюками в бабки… возможно, это означает, что сын связан с курдами и с их восстанием, которое угрожает влиянию Абдоллы-хана в Азербайджане, что КГБ, отец и сын тоже замешаны… и что Петр Мзитрюк воспользуется Медузой, чтобы поймать Горгона. – Она задумалась на мгновение. – Может быть, это еще одна игра слов, означающая «использует женщину», возможно, даже злую женщину, чтобы поймать моего отца?

– Так хан… Боже, хан – твой отец? – потрясенно проговорил Росс.

– Да, боюсь, что так. Моя фамилия – Горгон, – сказала Азадэ. – Не Горден. Но директриса школы в Шато д'Ор сказала мне в самый первый день, что мне едва ли стоит зваться Горгон – меня задразнят до смерти, – поэтому я стала просто Азадэ Горден. Для меня это было забавным, и директриса думала, что мне лучше быть обыкновенной Азадэ Горден, а не дочерью настоящего хана.

Эрикки нарушил образовавшееся молчание:

– Если послание было понято правильно, то хан не станет верить этому сукину сыну ни на грош.

– Да, Эрикки. Но отец вообще никому не верит. Ни одному человеку. Если отец играет на обе стороны, как полагает Джонни, предугадать, как он поступит, невозможно. Джонни, кто передал тебе это послание для отца?

– Агент ЦРУ, который сказал, что я могу доверить твоему отцу свою жизнь.

– Я всегда знал, что эти ребята из ЦРУ… без царя в голове, – процедил Эрикки сквозь зубы, сверкнув глазами.

– Этот был в полном порядке. – Росс произнес эти слова резче, чем хотел. Он увидел, как Эрикки вспыхнул, а улыбка Азадэ погасла.

Снова молчание. Более напряженное на этот раз. Лунный свет в комнате погас: луна скрылась за тучей. В темноте все чувствовали себя неуютно. Гуэнг, который смотрел и слушал, ощутил растущее беспокойство и молча призвал всех богов избавить их от этой Медузы, языческого демона со змеями вместо волос, о которой рассказывали миссионеры в его первой школе в Непале. Потом его особое чутье сообщило ему о приближающейся опасности, он прошипел предостережение, подошел к окну и выглянул наружу. Два вооруженных охранника с доберманом на поводке поднимались по ступеням лестницы напротив.

Остальные в комнате тоже застыли неподвижно. Они слышали, как охранники протопали по террасе, как принюхивался и натягивал поводок пес. Потом направились к двери снаружи. Она снова скрипнула, открываясь. Охранники вошли в здание.

Приглушенные голоса за дверью в спальню, сопение принюхивавшейся собаки. Потом у двери приемной. Гуэнг и Росс заняли места в засаде с кукри наготове. Через некоторое время охранники двинулись дальше по коридору, вышли из здания и снова спустились по лестнице. Азадэ нервно шевельнулась.

– Обычно они сюда не заходят. Никогда.

Росс торопливо прошептал в ответ:

– Может быть, они видели, как мы сюда поднимались. Нам лучше уйти. Если услышите стрельбу, вы нас не знаете. Если завтра ночью мы еще будем свободны, вы нам разрешите прийти сюда, скажем, сразу после полуночи? Тогда мы могли бы разработать план?

– Да, – сказал Эрикки. – Только приходите раньше. Чимтарга предупредил меня, что нам, возможно, придется вылететь до рассвета.

Приходите часов в одиннадцать. Нам лучше проработать несколько планов – выбраться отсюда будет очень трудно, очень.

– Как долго вы еще будете работать на них? Прежде чем закончите?

– Не знаю. Может, дня три-четыре.

– Хорошо. Если мы с вами не свяжемся, забудьте про нас. Хорошо?

– Аллах да хранит тебя, Джонни, – встревоженно сказала ему Азадэ. – Не доверяй моему отцу, ты не должен позволить ему… позволить ему или им взять тебя.

Росс улыбнулся, и его улыбка осветила всю комнату, даже для Эрикки.

– Нет проблем, удачи нам всем. – Он лихо взмахнул рукой, отдавая честь, и открыл дверь.

Через несколько секунд он и Гуэнг исчезли так же тихо, как и появились. Эрикки наблюдал за ними из окна и заметил лишь какие-то тени, скользнувшие вниз по лестнице. Он обратил внимание на то, как умело и бесшумно они оба использовали темноту ночи, завидуя небрежному изяществу манер и движений Росса.

Азадэ стояла рядом с ним, на голову ниже него, обняв его рукой за талию, и вместе с ним смотрела в окно. Его рука поднялась и обняла ее за плечи. Они прислушивались, ожидая криков или стрельбы, но ночь оставалась непотревоженной. Луна снова вышла из-за облаков. Нигде никакого движения. Эрикки посмотрел на часы. Четыре двадцать три.

Он поднял глаза к небу: пока никаких признаков рассвета. На рассвете он должен был вылетать, не на северный склон Сабалана, а на другой пункт радиолокационного наблюдения дальше к западу. Чимтарга сказал ему, что ЦРУ еще использовало кое-какие точки рядом с турецкой границей, но сегодня правительство Хомейни приказало закрыть их, вывезти людей и оставить нетронутыми.

– Они никогда этого не сделают, – сказал ему Эрикки. – Никогда.

– Может, сделают, может, нет, – рассмеялся Чимтарга. – Как только мы получим приказ, мы с тобой полетим туда с моими «горцами» и слегка поторопим их…

Твою мать! А тут еще этот Джонни Ясноглазый откуда-то взялся, мать его за ногу, словно без него у нас проблем мало. Все равно спасибо богам за предупреждение, которое он нам принес. Что же

Абдолла задумал для Азадэ? Мне следует убить эту грязную свинью и покончить со всем этим. Да, только я не могу, я принес древним богам нерушимую клятву, что не трону ее отца, – так же, как и он поклялся Богом Единым не препятствовать нам, хотя он найдет способ нарушить свою клятву. Мог бы и я сделать то же самое? Нет, клятва есть клятва. Как и та, которую ты принес ей, пообещав жить с ней счастливым, зная про него – про него! – не так ли? Его разум почернел, и он порадовался, что вокруг темно.

Значит, КГБ планирует меня похитить. Если этот план реален, мне крышка. Азадэ? Что, черт возьми, готовит ей теперь Абдолла? А тут и этот Джонни появился, чтобы всех нас преследовать… я и не думал, что он окажется таким красивым и крепким, с этим человеком шутки плохи, особенно когда у него этот нож чертов, такими ножами убивают…

– Пойдем в постель, Эрикки, – сказала Азадэ. – Очень холодно, нет?

Он кивнул и последовал за ней, улегся на свой край, глубоко встревоженный. Когда они снова оказались под теплым одеялом, она прижалась к нему. Не настолько, чтобы спровоцировать у него реакцию, но достаточно тесно, чтобы показать пренебрежение к происшедшему. – Как удивительно, что это оказался он, Эрикки! Джон Росс… встретив на улице, я бы его точно не узнала. О, как же давно это было, я уже совсем забыла про него. Я так рада, что ты на мне женился, Эрикки, – говорила она голосом спокойным и любящим, уверенная, что он сейчас мысленно стирает ее давно утраченную любовь в порошок. – С тобой я чувствую себя такой защищенной… если бы не ты, я бы умерла от страха. – Она сказала это так, словно ожидала ответа. Но я не жду его, мой милый, удовлетворенно подумала она и вздохнула.

Эрикки услышал ее вздох и спросил себя, что он означал, ощущая ее тепло рядом с собой, ненавидя ярость, которая владела им. Она вздохнула, потому что жалеет, что улыбнулась своему любовнику так, как улыбнулась? Или она на меня злится – она не могла не заметить моей ревности. Или она опечалена тем, что я забыл свою клятву, или ненавидит меня за то, что я ненавижу этого человека? Клянусь, я изгоню его из нее…

Ах, Джонни Ясноглазый, думала она, какое блаженство я испытала в твоих объятиях даже в первый раз, когда должно было быть больно, но больно не было. Просто резь, ставшая жжением, которое стало плавящим жаром, вырвавшим из меня жизнь и снова мне ее вернувшим, жизнь более яркую, чем раньше, о, гораздо более прекрасную, чем всегда. А потом Эрикки…

Под одеялом теперь стало намного теплее. Ее рука легла поперек его чресел. Она почувствовала, как он шевельнулся, и спрятала улыбку, уверенная, что ее тепло уже добралось до него, и будет так легко разогреть его дальше. Но не разумно. Очень не разумно, ибо она знала, что тогда он возьмет ее, думая только о Джонни, возьмет ее, чтобы досадить Джонни, а не из любви к ней – может быть, даже подумает, что она отдается ему из чувства вины и пытается эту вину как-то смягчить, загладить. О нет, моя любовь, я не глупый ребенок, это ведь ты виноват, а не я. И хотя ты будешь сильнее и крепче, чем обычно, и грубее со мной, что доставляет мне больше наслаждения, в этот раз наслаждения мне это не доставит, потому что, хочешь ты этого или нет, я стала бы сопротивляться еще больше, чем ты, помня о своей другой любви. Поэтому, мой родной, нам в десять тысяч раз лучше будет подождать. До рассвета. К тому времени, мой милый, если мне повезет, ты уже убедишь себя, что ты неправ, испытывая ненависть и ревность, и снова станешь моим Эрикки. А если не убедишь? Тогда я начну сначала – есть десять тысяч способов излечить моего мужчину.

– Я люблю тебя, Эрикки, – сказала она и поцеловала ткань, покрывавшую его грудь, повернулась на другой бок, прижалась к нему спиной и уснула с улыбкой на губах.

ГЛАВА 35

Военно-воздушная база в Ковиссе. 08.11. Фредди Эйр сжал кулаки.

– Нет, клянусь Богом! Вы слышали приказ мистера Мак-Айвера: Если Старк не вернется до рассвета, все полеты отменяются. Времени уже девятый час, а Старка нет, поэтому все вер…

– Вы подчинитесь моим распоряжениям о полетах! – прокричал ему Эсвандиари, менеджер «Иран Ойл», и эхо его слов прокатилось по

базе S-G. – Я приказал вам доставить контейнер для бурильного раствора и трубы по контракту «Герни» на вышку си…

– Никаких полетов, пока не вернется капитан Старк! – прорычал Эйр. Они стояли на площадке для стоянки и обслуживания вертолетов рядом с тремя 212-ми, которые Эсвандиари назначил для выполнения сегодняшних рейсов; три пилота были готовы и ждали с рассвета, остальные иностранцы наблюдали за происходящим с различной степенью страха или злобы. Их окружали враждебно настроенные «зеленые повязки» и военнослужащие с базы, которые только что прибыли вместе с Эсвандиари на грузовике. Четверо из людей Затаки сидели на корточках у вертолетов, но ни один из них не шевельнулся с тех пор, как вспыхнула эта ссора, хотя все четверо внимательно наблюдали за ними. – Все машины останутся на земле! – повторил Эйр.

Эсвандиари в бешенстве повернулся и прокричал на фарси:

– Эти чужеземцы отказываются подчиниться законным приказам «Иран Ойл». – По рядам его сторонников прокатился возмущенный рокот, стволы повернулись в сторону иностранцев. Эсвандиари ткнул пальцем в Эйра. – Им нужно преподать урок!

Без предупреждения грубые руки схватили Эйра, и началось избиение. Один из пилотов, Шандор Петрофи, бросился вперед, чтобы вмешаться, но его оттолкнули, он поскользнулся, и его пинками прогнали к остальным, беспомощно стоявшим под дулами автоматов.

– Прекратите! – крикнул Поп Келли, рослый капитан, его лицо было белым как мел. – Оставьте Эйра в покое, мы выполним рейсы!

– Хорошо. – Эсвандиари остановил своих людей. Они подняли Эйра на ноги. – Отправляйте все машины в рейсы. Немедленно!

Когда вертолеты были в воздухе, Эсвандиари грубо сказал остальным иностранцам, что они могут быть свободны.

– Я не потерплю больше никаких бунтов против Исламского государства. Клянусь Аллахом, все приказы «Иран Ойл» будут… будут исполняться незамедлительно! – Очень довольный собой, довольный тем, что подавил этот бунт, как и обещал коменданту базы, он величаво проследовал в главное здание, прошел по коридору в кабинет Старка, который сделал своим, и подошел к окну, озирая свои владения.

Он увидел, что два вертолета были уже далеко, а третий завис в шести метрах над контейнером для бурового раствора шагах в ста от

здания, ожидая, пока наземные работники заведут его подвесной крюк в кольцо, перехватывавшее наверху стальные тросы. Перед зданием управления Эйру, окруженному другими иностранцами, оказывал первую помощь доктор Натт. Надо же, какой мерзавец, столько хлопот мне доставил, подумал Эсвандиари и посмотрел на свои часы, восхищаясь ими. Это был золотой «Ролекс», который он купил на черном рынке сегодня утром как приличествующий его новому статусу, расплатившись за часы пешкешем, полученным от одного базаари, который хотел пристроить сына в «Иран Ойл».

– Вам что-нибудь принести, ваше превосходительство? – елейным голосом спросил Павуд с порога. – Позвольте присовокупить мои поздравления с тем, как вы разобрались с чужеземцами. Уже много лет им была нужна хорошая трепка, чтобы поставить их на место, вы поступили так мудро.

– Да, отныне база будет работать без сбоев. Едва лишь возникнет какая-нибудь проблема, ответственный за нее подвергнется примерному наказанию. Хвала Аллаху, что этот пес Затаки через час улетает со своими головорезами в Абадан.

– Вот уж этот-то рейс улетит вовремя, ваше превосходительство. – Они оба рассмеялись.

– Да. Принеси мне чаю, Павуд. – Эсвандиари нарочно опустил общепринятую вежливую форму обращения и заметил, как выражение лица Павуда стало еще раболепнее. Он снова повернулся к окну. Док Натт ватным тампоном промокал Эйру рассеченную бровь. Мне понравилось смотреть, как Фредди избивали, подумал он. Да-да, понравилось.

На ледяном ветру док Натт закутал Эйра в запасную парку.

– Давай-ка, дружок, прогуляемся до хирургического отделения, – сказал он.

– Я в порядке, – ответил Эйр, у которого болело все с ног до головы. – Кажется… не думаю, что мне что-то повредили.

– Ублюдки, – сказал кто-то. – Фредди, нам лучше прикинуть, как выбираться отсюда к чертям собачьим.

– Я улетаю с первым же самолетом… Я не собираюсь рисковать сво…

Они услышали нарастающий рев реактивных двигателей и повернули головы в сторону вертолета, висевшего над контейнером.

Поднять в воздух такой тяжелый груз было делом непростым, особенно при таком ветре, но для профессионала, каким был Шандор, проблемы не представляло. Крюк зацепился с первого раза, и едва стропальщики убрали руки, Шандор прибавил мощности, двигатели взвыли на ноту выше, принимая нагрузку, и вертолет вместе с грузом медленно поднялся в небо. Охранник на переднем сиденье рядом с Шандором возбужденно помахал рукой, как и тот, что находился в пассажирском отсеке.

– У вас все в порядке, капитан… проблем никаких, – раздался в наушниках Шандора голос Вазари с их вышки. Шандор прикинул расстояние, набирая высоту, движения его рук и ног были скоординированы идеально, глаза видели только Эсвандиари в окне кабинета, душу переполняло негодование, что Эйра дико избила толпа вооруженных людей по приказу, отданному трусом. Эта картина перенесла Шандора в его детство во время Венгерской революции. Тогда он был беспомощным, но теперь – нет.

– У вас все нормально, HFD, только вы, пожалуй, близковато, – предостерег его голос Вазари. – Вы как-то близко от здания, забирайте южнее…

Шандор еще прибавил мощности, передвигаясь в сторону диспетчерской вышки, расположенной над управлением их компании. – С грузом все в порядке? – спросил он в микрофон. – Ощущение какое-то странное.

– Выглядит нормально, нет проблем, только забирайте южнее, когда будете подниматься выше. Все пять на пять… забирайте южнее, вы слышите меня?

– Вы уверены, черт подери? Ощущение такое, будто он отяжелел, что твоя преисподняя… – Стрелка прошла отметку тридцать метров. Лицо Шандора замкнулось, и рука качнула ручку управления вправо, одновременно с этим он резко увеличил шаг рулевого винта, поворачивая хвост в ту же сторону. Вертолет тут же пьяно качнулся, охранник рядом с ним потерял равновесие, врезался в дверцу, потом ухватился руками за Шандора, пытаясь выпрямиться, и дернул его за руку на ручке управления. Шандор снова провел избыточную коррекцию, осыпая охранника проклятиями, словно насмерть перепуганный иранец и был настоящей причиной происходящего.

Мгновение казалось, что от нового качка вертолет завалится на бок и рухнет, потом Шандор отпихнул оцепеневшего охранника.

– Внимание, опасность… груз сместился, – прокричал он, не слушая Вазари, сосредоточив взгляд на здании внизу, забыв обо всем, кроме желания отомстить. – Груз сместился!

Его рука дернула за рычаг экстренного сброса груза, крюк отцепился, и стальной контейнер рухнул с неба прямо на управление. Полторы тонны стали проломили крышу, вдребезги разнеся балки, стены, окна, столы, смяли весь угол здания и застыли, привалившись торчком к остаткам внутренней стены.

Мгновение потрясенного молчания повисло над базой, потом небо наполнил рев двигателей, когда разом освободившийся от огромной тяжести вертолет взмыл в небо, теряя управление. Шандор инстинктивно пытался вернуть себе контроль над машиной, хотя в душе ему было все равно, справится он с ней или нет, сумеет сесть или нет, все заполняло сознание того, что он отомстил этому зверю. Охранника рядом с ним рвало, в наушниках стояли вопли «господиииисусе… господиииисусе…» с вышки.

– Черт, берегиииись! – крикнул кто-то на площадке, когда вертолет развернуло и швырнуло на них. Все бросились врассыпную, но Шандор среагировал молниеносно, сбросив мощность, и приступил к выполнению невозможной экстренной посадки. Полозья шасси врезались в снег на травяном газоне, выдержали удар, и вертолет заскользил вперед и остановился, целый и невредимый, в сорока шагах дальше.

Эйр первым появился у окна кабины. Он рывком распахнул дверь. Шандор сидел белый как простыня, онемев, тупо глядя перед собой.

– Груз сместился… – проскрипел он.

– Да, – только и мог сказать Эйр, зная, что это ложь, потом к ним подбежали другие, помогли Шандору, которого на мгновение перестали слушаться и руки и ноги, выбраться из кабины. Позади него, рядом со зданием, Эйр увидел «зеленых повязок», глазеющих с разинутыми ртами на развалины, потом Павуд и второй клерк, пошатывающиеся и оглушенные, вышли из главного входа. Окно и весь угол, где стоял Эсвандиари, превратились в груду обломков. Док Натт протолкался сквозь толпу и заспешил к развалинам, Вазари спустился с вышки по запасной металлической лестнице, опасно

погнутой и наполовину отошедшей от стены здания. Господи, подумал Эйр, Вазари, должно быть, все видел. Он опустился на колени рядом с другом. – Ты в порядке, Шанди?

– Нет, – дрожащим голосом ответил венгр. – Думаю, я сошел с ума. Я не мог остановиться.

Вазари проталкивался сквозь людей, обступивших вертолет, еще не придя в себя от паники, охватившей его, когда контейнер рухнул вниз на него, зная, что пилот намеренно не послушался его указаний.

– Вы что, взбесились, черт вас подери? – обрушился он на Шандора, перекрикивая затихающий вой двигателей.

Эйр не выдержал и сорвался.

– Дьявольщина, груз сместился! Мы все это видели, и ты это видел!

– Вы правы, черт подери, я все видел, и вы все видели. – Глаза Вазари затравленно метались из стороны в сторону, боясь заметить «зеленых повязок», но ни одного из них поблизости не было. Потом он увидел, как от одного из бунгало к ним приближается Затаки. Ужас обуял его. Он до сих пор ходил с кровоподтеками после публичного избиения, которое устроил ему Затаки, нос его был разбит, рот ныл от выбитых зубов, и он знал, что признается в чем угодно, лишь бы избежать новых побоев. Он упал на колени рядом с Шандором, притянув к себе Эйра. – Послушайте, – отчаянно зашептал он, – вы клянетесь Богом, что поможете мне? Обещаете, да?

– Я сказал, что сделаю, что смогу! – Эйр сердито вырвал свою руку, стоять согнувшись было очень больно. Он выпрямился и тут же уперся взглядом в лицо Затаки. От неожиданности по спине пробежала дрожь, усилившаяся от выражения глаз иранца. Все остальные отступили подальше.

– Пилот, вы сделали это, чтобы убить Эсвандиари. А?

Шандор поднял на него глаза со снега.

– Груз сместился, полковник.

Затаки перевел взгляд на Эйра, который вспомнил, что док Натт сказал тогда про этого человека; у Эйра болела голова, болело в паху, болело везде.

– Э-э… работать сложно, это все из-за ветра. Груз сместился. Форс-мажор, сила стихии, ваше превосходительство…

Вазари отступил на шаг, когда Затаки повернулся к нему.

– Это правда, ваше превосходительство, – тут же произнес он. – Наверху ветры налетают поры… – Он вскрикнул, когда кулак Затаки врезался ему в живот, согнув пополам от дикой боли, потом Затаки схватил его за шкирку и рывком прижал к борту вертолета. – А теперь говори правду, мразь!

– Это и есть правда, – всхлипнул Вазари, подступившая к горлу тошнота почти лишила его способности говорить. – Это правда! Иншаллах! – Он увидел, как Затаки снова отвел кулак, и заголосил на смеси фарси и английского: – Если вы меня ударите, я скажу все, что вы хотите, мне не вынести еще одного раза, и я поклянусь всем, чем вам будет угодно, всем, но груз действительно сместился… клянусь Аллахом, груз сместился, я Аллахом клянусь, что груз сместился…

Затаки не мигая смотрел на него.

– Аллах бросит тебя в огненный котел на веки вечные, если ты поклялся во лжи Его именем, – произнес он. – Ты клянешься, что это была только воля Бога? Что груз сместился? Ты клянешься, что это была сила стихии?

– Да, да, клянусь! – Вазари дрожал всем телом, беспомощный в его руке. Он попытался сделать свой взгляд бесхитростным, понимая, что его единственный шанс выжить связан с Эйром, с возможностью доказать ему свою полезность. – Я клянусь Аллахом и Пророком, что это был несчастный случай, си… сила стихии. Иншаллах…

– На все воля Аллаха. – Затаки кивнул, успокоившись, и отпустил его. Вазари сполз на снег, поперхнулся рвотой, а все остальные возблагодарили Бога, небеса или карму за то, что на данный момент кризис миновал. Затаки дернул большим пальцем в сторону развалин: – Вытащите оттуда то, что осталось от Эсвандиари.

– Да… да, немедленно, – ответил Эйр.

– Если капитан не вернется, вы отвезете меня и моих людей в Бендер-Делам. – Затаки зашагал прочь. Его «зеленые повязки» последовали за ним.

– Господи! – выдохнул кто-то, их всех едва не тошнило от облегчения. Они помогли Шандору и Вазари подняться на ноги. – Вы в порядке, сержант?

– Нет, черт меня подери, нет, я не в порядке! – Вазари сплюнул комок рвоты. Когда он увидел, что «зеленые повязки» ушли вместе с

Затаки, его лицо перекосилось от ненависти. – Этот мерзавец! Надеюсь, ему гореть в аду!

Эйр оттащил Вазари в сторону и понизил голос:

– Я не забуду, что обещал помочь. Когда Затаки улетит, вы будете в порядке. Я не забуду.

– И я тоже, – слабым голосом проговорил Шандор. – Спасибо, сержант.

– Вы обязаны мне своей чертовой жизнью, – сказал молодой человек и снова сплюнул, ноги у него подгибались, в груди болело. – Вы и меня могли убить этим чертовым контейнером!

– Извините. – Шандор протянул руку.

Вазари посмотрел на нее, потом ему в лицо.

– Я пожму вам руку, когда живым выберусь из этой проклятой Богом страны. – Он повернулся и хромая пошел прочь.

– Фредди! – Доктор Натт, трудившийся у развалин вместе с парой механиков, поднимая обломки балок и разгребая щебень, рукой подзывал его к себе. «Зеленые повязки» стояли рядом и смотрели. – Помогите-ка нам здесь, а?

Все они пошли помогать. Никто из них не хотел быть первым, кто найдет Эсвандиари.

Они нашли его, скорчившегося, в крохотном пространстве под одной из стенок контейнера. Доктор Натт протиснулся внутрь и наскоро его осмотрел.

– Он жив, – крикнул он, и у Шандора все перевернулось в животе. Они быстро помогли разгрести остатки разбитых в щепу потолочных балок, оттащили в сторону то, что оставалось от письменного стола Старка, и аккуратно вытащили иранца наружу. – Я думаю, с ним все в порядке, – хрипло произнес доктор Натт. – Отнесите его в лазарет. На голове скверная шишка, но руки и ноги, кажется, в порядке, и переломов нет. Кто-нибудь, принесите носилки.

Народ бросился исполнять его распоряжение, траурное настроение теперь покинуло их, все они ненавидели Мастака, но надеялись, что он уцелеет. Шандор незамеченным зашел за здание управления, едва не плача от облегчения, и его тяжко вырвало.

Когда он вернулся, его ждали Эйр и Натт.

– Шанди, тебе бы тоже стоило туда прогуляться, надо бы тебя слегка подправить, – сказал Натт. – Прямо палата скорой помощи у нас

теперь, черт подери, одни жертвы.

– Ты уверен, что с Мастаком все будет в порядке?

– Вполне уверен. – Глаза у доктора были водянистые, бледно-голубые и слегка покрасневшие. – А что там приключилось, Шанди? – тихо спросил он.

– Даже не знаю, док. Все, что мне хотелось, это достать этого ублюдка, а на тот момент сбросить на него контейнер показалось мне отличным способом этого добиться.

– Ты понимаешь, что это было бы убийство?

Эйр встревожено вмешался:

– Док, вам не кажется, что лучше оставить все это?

– Нет, не кажется. – Голос Натта стал жестче: – Шанди, ты понимаешь, что это была осознанная попытка убийства?

– Да. – Шандор посмотрел ему в глаза. – Да, я понимаю, и мне очень жаль.

– Тебе жаль, что он не сдох?

– Богом клянусь, док, я благодарю Бога, что он остался жив. Я по-прежнему считаю, что он стал злобным и гнусным, всем, что я ненавижу в людях, и я не могу простить его за… за то, что он приказал избить Фредди, но это не извиняет того, что я сделал. То, что я сделал, было безумием, и этому нет оправдания, и я действительно благодарю Бога, что он остался жив.

– Шанди, – заговорил Натт, еще больше понизив голос, – тебе лучше не летать денек-другой. Тебя толкнуло за грань – ничего страшного тут нет, парень, пока ты все правильно понимаешь. Просто отдохни день или два. Сегодня ночью тебя будет колотить, но ты не пугайся. Ты тоже, Фредди. Понятно, что все это останется между нами троими, и груз сместился. Я видел, как он сместился. – Он провел ладонью по своей лысой макушке, приглаживая редкие пряди растрепанных ветром волос. – Жизнь – странная штука, очень странная, но между нами тремя, Бог сегодня был с тобой, Шанди, если эта штука вообще существует. – Он зашагал прочь, весь мятый, как старый мешок с картошкой.

Эйр смотрел ему вслед.

– Знаешь, а док прав, нам чертовски повезло, до непоправимого было так близко, так бли…

Раздался громкий крик, и они повернулись в ту сторону. Один из пилотов возле главных ворот базы крикнул еще раз и показал рукой. Сердца прыгнули им в горла. По дороге со стороны города шагал Старк. Он был один. Насколько они могли видеть, он был в порядке и шел не прячась. Они возбужденно замахали ему руками, и он махнул им в ответ, новость молнией облетела лагерь, а Эйр уже бегом несся ему навстречу, забыв про боль. Может, в конце концов, и есть Бог на небесах, радостно думал он.

ГЛАВА 36

Ленге. 14.15. Скраггер загорал, лежа на большом понтоне, который стоял на якоре метрах в ста от берега: к понтону была привязана маленькая резиновая лодка. Понтон был сделан из досок, примотанных к пустым бочкам. В лодке лежали рыболовные снасти и портативная рация, в воде под понтоном висел прочный садок из металлической проволоки с дюжиной рыбин, которых они с Вилли Нойхтрайтером уже поймали на ужин – в заливе было полно креветок, королевской макрели, тунца, морского окуня, групера и другой поживы.

Вилли, еще один пилот, лениво плавал в теплой неглубокой воде недалеко от понтона. На берегу расположилась их база: с полдюжины трейлеров, кухня, бараки, где спали работники-иранцы, офисный трейлер рядом с диспетчерской вышкой и антенной, ангары на дюжину 212-х и 206-х.

В данный момент контингент базы состоял из пяти пилотов, семи механиков, пятнадцати иранцев – поденщиков, поваров и домашней прислуги – и менеджера из «Иран Ойл» по имени Кормани, который был болен. Из остальных трех пилотов два были британцами, а один, Эд Восси – американцем.

На базе сейчас стояли три 212-х, из которых работы теперь едва хватало одному, и два 206-х «Джет Рейнджера», для которых работы не было почти совсем. Помимо французского консорциума с их контрактами на обслуживание Сирри от Жоржа де Плесси все остальные контракты были расторгнуты или приостановлены до окончания беспорядков. Все еще ходили слухи о серьезных столкновениях на большой военно-морской базе в Бендер-Аббасе к

востоку от них и о продолжающихся боях по всему побережью. Два дня назад вся эта кутерьма докатилась и до их базы. Теперь у них был постоянный комитет из «зеленых повязок», полицейских и одного муллы:

– Для защиты базы от левых элементов, ваше превосходительство капитан.

– Но, ваше превосходительство мулла, мы не нуждаемся в защите.

– На все воля Бога, но наши жизненно важные нефтяные объекты на острове Сирри подверглись нападению и пострадали от этих сыновей собаки. Наши вертолеты жизненно важны для нас, и мы не допустим, чтобы их повредили. Но вы не беспокойтесь, мы ничего менять не будем. Мы понимаем ваши опасения по поводу полетов с оружием на борту, поэтому никто из нас не будет вооружен, хотя один из нас будет летать с вами постоянно – для вашей защиты.

Скраггера и остальных несколько успокаивало присутствие в комитете сержанта местной полиции по имени Кешеми, с которым у них всегда были хорошие отношения. Вооруженные столкновения в Тегеране, Куме и Абадане едва коснулись их здесь, в районе Ормузского пролива. Забастовок было совсем мало и проходили они мирно и организовано. Де Плесси оплачивал счета EPF, так что все было прекрасно, вот только работы не хватало.

Скраггер лениво посмотрел в сторону берега. База выглядела чисто и аккуратно, люди занимались своими делами, убирались, чистили, ремонтировали, несколько членов комитета без дела сидели в тени тут и там. Эд Восси возился с дежурным 206-м, проводя наземную проверку.

– Просто работы не хватает, – пробормотал Скраггер.

Эта ситуация тянулась без изменений уже много месяцев, и он прекрасно знал, как дорого стоило безделье и какими катастрофическими могли быть его последствия. Именно недостаток регулярных полетов и необходимость обновления парка машин и заставили его много лет назад продать «Шейх Эвиэйшн» Эндрю Гаваллану.

Но я не жалею, подумал он. Эндрю – красавчик, со мной он обошелся честно, у меня есть маленький кусочек компании, и я могу летать до тех пор, пока здоровье позволяет. Но Иран сейчас для Энди – сущая беда: ему ни гроша не платят за текущую работу, и даже та,

которая уже давно сделана, остается без оплаты; мы тут – единственное исключение, а наши деньги – капля в море. Должно быть, прошло месяца четыре или пять, как банки закрылись; значит, иранские операции Энди оплачивает из своей собственной кубышки. Что-то надо делать. Пока работает только Сирри, этих денег не хватит, чтобы покрыть и половину расходов.

Три дня назад, когда Скраггер привез Касиги назад с завода «Иран-Тода» под Бендер-Деламом, Касиги спросил де Плесси, не может ли он заказать 206-й для чартерного рейса в Эль-Шаргаз или Дубай. «Мне нужно иметь немедленный доступ к телефонно-телексной связи с главным управлением компании в Японии, чтобы подтвердить наши с вами договоренности по вашим ценам и поговорить об увеличении поставок в будущем». Де Плесси согласился немедленно. Скраггер решил сам выполнить этот рейс и был рад, что сделал это. В Эль-Шаргазе он встретился с Джонни Хоггом и Мануэлой. И с Дженни.

Они побеседовали с глазу на глаз, и она рассказала ему о последних событиях, особенно о Локарте.

– Боже милосердный! – охнул он, пораженный тем, как быстро разваливается вся их деятельность и как революция подхватывает в свой водоворот их самих. – Бедняга Том.

– Том должен был вернуться из Бендер-Делама за день до того, как я уехала, но он так и не появился, и мы до сих пор не знаем, что же там действительно произошло. По крайней мере, я не знаю, – сказала она. – Скрэг, одному Богу известно, удастся ли нам еще раз поговорить наедине, но есть еще кое-что… только строго между нами.

– Честное благородное слово, пусть мне глотку перережут, если вру!

– Я не думаю, что правительство вообще когда-нибудь вернется к нормальной работе. Я хотела спросить тебя: даже если это случится, могли бы партнеры – с официальной помощью правительства или без нее – или «Иран Ойл» вынудить нас уйти из страны и оставить себе наши вертолеты и оборудование?

– Да зачем бы они стали это делать? Вертолеты-то им нужны… но, если бы они захотели, то, конечно, заставить смогли бы, это точно, – сказал он и присвистнул: этот вариант раньше никогда не приходил ему в голову. – Черт подери, если они решат, что мы им не

нужны, Дженни, им от нас избавиться – плюнуть и растереть, ничего не может быть проще. Пилотов они могли бы найти других, иранцев или наемников, мы сами разве не наемники? Конечно, они могут приказать нам убираться и оставить себе наши машины. А если мы тут всего лишимся, это выпустит кишки всей S-G.

– Вот и Дункан о том же подумал. А могли бы мы уйти отсюда с вертолетами и запчастями… если бы они попытались выкинуть такой фокус?

Он расхохотался.

– Это была бы кража века, вот что это было бы такое. Только сделать это невозможно, Дженни. Если бы мы попытались, и нас бы поймали. нам бы накрутили по полной. Да у нас это никак и не получится. Только с разрешения Иранского управления гражданской авиацией.

– А если бы это была, скажем, «Шейх Эвиэйшн»?

– Не было бы никакой разницы, Дженни.

– Ты бы просто позволил им украсть труд всей твоей жизни, Скрэг? Скрэг Скраггер, дважды кавалер креста «За летные боевые заслуги», дважды кавалер креста Британских ВВС? В жизни не поверю.

– Я тоже, – тут же сказал он, – хотя один Бог знает, что бы я сделал. – Он видел приятное лицо: черные очки подняты на лоб, в глубине глаз притаилась тревога, и он знал, что беспокоится она не только за Мак-Айвера и все, что он построил, не только за их собственную долю акций и пенсию, которые, как и его собственные, были накрепко связаны с S-G, но и за Гаваллана и всех остальных вместе с ним. – Что бы я сделал? – медленно проговорил он. – Ну, в Иране у нас запчастей почти на такую же сумму, что и самих пташек. Нам бы нужно было начать потихоньку вывозить их, хотя как это сделать, не возбуждая подозрений у местных ребят, я себе не представляю. Все нам бы вывезти не удалось, но общую сумму мы смогли бы уменьшить. Потом нам нужно было бы всем выбираться одновременно – всем людям и всем вертолетам – из Тегерана, Ковисса, Загроса, Бендер-Делама и отсюда. Нам… – он задумался на мгновение, – нам нужно было бы двигать сюда, в Эль-Шаргаз… Но, Дженни, нам всем бы пришлось пролететь разные расстояния, и некоторым пришлось бы дозаправляться один, а то и два раза, и даже

если бы мы добрались до Эль-Шаргаза, нас бы все равно арестовали без надлежащих разрешений. – Он изучающе посмотрел на нее. – Энди считает, что партнеры именно это и собираются сделать?

– Нет-нет, не считает, пока не считает, как и Дункан, они точно не знают. Но такая возможность есть, и в Иране обстановка ухудшается с каждым днем. Поэтому я и здесь, спросить Энди. Это… такое нельзя передавать письмом или по телексу.

– Ты Энди звонила?

– Да, и сказала так много, как осмелилась – Дункан предупредил меня, чтобы я была осторожна, – и Энди сказал мне, что постарается выяснить кое-что в Лондоне, и, когда он прилетит через пару дней, он решит, что нам следует спланировать. – Она опустила очки на нос. – Мы должны быть готовы, разве нет, Скрэг?

– А я-то все гадал, почему ты оставила старину Дункана. Это он тебя послал?

– Конечно. Энди будет здесь через два дня.

Мозг Скраггера напряженно гудел. Если мы свалим на сторону, кому-то обязательно придется худо. Что бы я сделал с радарами Киша, Лавана и Ленге, которые за считанные минуты могут поднять в воздух два десятка перехватчиков, прежде чем мы доберемся до дружественного воздушного пространства, если мы поднимемся в воздух без разрешения?

– Дункан полагает, что они собираются нас крепко вздрючить?

– Нет, – ответил она. – Он так не считает… А я считаю.

– В таком случае, Дженни, строго между нами, нам лучше разработать план.

Он вспомнил, как осветилось ее лицо, и опять подумал, какой же счастливчик этот Дункан Мак-Айвер, даже хотя второго такого вспыльчивого и упрямого мужика было еще поискать.

Его глаза смотрели в море, когда он услышал, как разгоняется винт 206-го, и увидел, что вертолет почти поднялся в воздух. Эд стал отличным пилотом, подумал он.

– Эй, Скрэг?

– Да, Вилли?

– Пойди поплавай, а я покараулю. – Вилли взобрался на понтон.

– Вот спасибо, приятель. – Наряду с обилием промысловой рыбы в воде было полно хищников, акул, скатов и прочих – иногда попадались ядовитые медузы, – но здесь, на мелководье, они встречались нечасто, и, если не зевать и поглядывать повнимательнее, их тени можно было заметить достаточно далеко, чтобы спокойно добраться до понтона. Скраггер постучал по дереву, как делал всегда перед купанием, и нырнул в шесть футов теплой воды.

Вилли Нойхтрайтер тоже был голым. Это был невысокий плотный человек сорока восьми лет, с каштановыми волосам и более чем пятью тысячами часов, которые он налетал в вертолетах; он десять лет прослужил в Германской армии и восемь – в S-G, работая в Нигерии, на Северном море, в Уганде и здесь. Его фуражка с козырьком лежала на понтоне, он надел ее и черные очки, прищурился на 206-й, уходивший в сторону залива, потом посмотрел на Скраггера. Через несколько секунд солнце высушило его кожу. Солнце он любил, как и купание, и вообще ему нравилось в Ленге.

Так не похоже на мои родные места, подумал он. Родными местами был город Киль в Северной Германии на балтийском побережье, где климат был по большей части холодным. В прошлом году его жена и трое детей уехали домой, детям нужно было учиться, а он решил поработать два месяца здесь и провести месяц отпуска в Киле и договорился о переводе его на Северное море, чтобы быть поближе к своим. В следующем месяце, после отпуска, он уже не вернется в Ленге.

Чума на это Северное море с его мерзкими капризами и постоянной опасностью; чума на тесную комнатенку и безбрежную скуку двух недель полетов с платформы за полторы сотни километров от берега, чтобы заработать на неделю дома, в Киле, и денег, которых едва хватает, чтобы платить за дом и за образование для детей и сводить концы с концами, откладывая совсем чуть-чуть на отпуск. Но зато ты будешь рядом с детьми, с Хильдой, и ма, и па, родина – всегда родина. Да, это так, и, если хоть немного повезет, скоро уже все немцы свободно перемешаются со всеми другими немцами, ма сможет навещать своих родителей в Шверине, когда захочет, а сам Шверин вместе со всеми остальными Шверинами уже не будет оккупированным городом. О Боже, позволь мне дожить до этого дня.

– Скрэг, тень сюда движется.

Скраггер увидел ее почти в тот же момент, он подплыл к понтону и вскарабкался на доски. Тень быстро приближалась. Это была акула.

– Черт возьми меня совсем, – ахнул он. – Ты только погляди на ее размеры!

Акула замедлила ход, потом принялась описывать ленивые круги, прорезая большим спинным плавником спокойную поверхность моря. Тускло-серая, смертоносная, неторопливая. Оба мужчины молча следили за ней с благоговейным страхом. Потом Скраггер хохотнул.

– Ну как, Вилли?

– Да, клянусь Богом, это не Челюсти, но это самая большая сукина дочь, какую я видел, поэтому, я думаю, мы ее поймаем, клянусь Богом! – Радостно скалясь, он достал рыболовные снасти из резиновой лодки. – Как насчет наживки? Как ты думаешь, чего наживлять?

– Морского окуня, который побольше!

Вилли со смехом сунул руку в садок, вытащил оттуда трепыхающуюся рыбу и нацепил ее на стальной акулий крюк. Он перепачкал руки в крови и сполоснул их в воде, не сводя глаз с добычи. Потом выпрямился, проверил короткую стальную цепочку, на которой держался крюк, аккуратно привязал его к толстой нейлоновой леске на катушке удилища. – Держи, Скрэг.

– Нет, приятель. Ты заметил ее первым!

Вилли возбужденно вытер морскую соль со лба тыльной стороной ладони, лихо заломил фуражку на затылок и посмотрел на акулу, которая продолжала кружить шагах в двадцати от них. С большой тщательностью он закинул наживку; окунь плюхнулся в воду прямо на ее пути, Вилли осторожно натянул леску. Акула проплыла мимо наживки и продолжала свои круги. Оба мужчины выругались. Вилли смотал леску. Морской окунь время от времени дергался, быстро умирая. Тонкая полоска крови тянулась за ним следом. Вилли выполнил еще один идеальный заброс. Опять безрезультатно.

– Черт подери! – чертыхнулся Вилли. На этот раз он оставил наживку где она была, глядя, как окунь опускается все ниже и ниже, пока совсем не лег на дно, держа леску слегка внатяг. Акула вернулась, прошла над живцом, почти касаясь его брюхом, и продолжила кружить.

– Может, она не голодная?

– Эти сукины дочери всегда голодные. Может, она знает, что мы ее поджидаем, или собирается перехитрить нас. Скрэг, достань рыбеху помельче и брось ее туда, где наш окунь, когда она будет там проходить.

Скраггер выбрал групера. Он ловко кинул его в нужное место. Групер упал в воду метрах в трех от акульей морды, почуял опасность и бросился наутек к песчаному дну. Акула не обратила никакого внимания ни на него, ни на окуня рядом, просто качнула хвостом и пошла на новый круг.

– Оставь наживку где лежит, – сказал Скраггер. – Эта гадина не могла ее не учуять.

Теперь они разглядели желтые глаза акулы и трех рыб-лоцманов, державшихся у нее над головой, тонкую линию огромной пасти под тупым носом, гладкую шкуру и мощь огромного хвоста. Еще один круг. На этот раз поуже.

– Готов поспорить, в ней все восемь футов, а не шесть, Вилли.

– Эта гадина смотрит на нас, Скрэг, – проговорил Вилли встревоженно; его радостное возбуждение пропало, сменившись ощущением какой-то пустоты.

Скраггер нахмурился, у него возникло то же ощущение. Он перевел взгляд с глаз акулы на лодку. Никакого приличного оружия в ней не было, только небольшой нож в чехле, легкая алюминиевая острога с трезубцем и весла. И все равно он ухватился за фалинь, чтобы подтащить лодку поближе, встал на колени и потянулся за ножом и острогой. Эх, сюда бы ружьишко, подумал он.

Внезапный предостерегающий крик Вилли заставил его отскочить, и он едва успел заметить акулу, несущуюся на него на полной скорости. Она врезалась в борт резиновой лодки, и ее уродливая морда показалась над водой, когда она попыталась достать его разинутой пастью. Акула ударилась о бочки, нос лодки задрался торчком. Потом она исчезла, оставив их онемевшими от ужаса.

– Господи, – крикнул Вилли и показал рукой. Акула неслась к наживке. Они увидели, как она схватила окуня и поплыла прочь; леска со свистом сматывалась с катушки. Вилли перестал дышать, натянул леску, потом, держа удилище обеими руками, резко подсек. – Попалааась! – завопил он, упираясь всем телом, леску с визгом стаскивало с катушки, крюк зацепился как надо.

– Эта чертова гадина едва меня не уделала, – сказал Скраггер, чувствуя, как сердце стучит в ушах. Он посмотрел на натянутую леску. – Не дай этой сволочи тебя обдурить.

Вилли подтянул фрикцион и начал борьбу с рыбой, держа леску внатяг.

– Смотри за ней, Вилли, сейчас она развернется и бросится назад… – Но акула этого не сделала, она замедлила ход и бешено боролась с леской и крючком, вспенивая воду вокруг, до половины поднимаясь над водой, вертясь и переворачиваясь. Но крюк выдержал, и леска была достаточно прочной, и Вилли дал рыбе немного слабины, позволяя отплыть чуть дальше, а потом снова начал наматывать леску. Минуты шли. Напряжение от борьбы с такой рыбой без специального кресла или ремней, не имея возможности упираться и помогать себе ногами, было изнуряющим. Но Вилли держался. Внезапно акула перестала бороться и опять начала описывать круги. Более медленные.

– Молодчина, Вилли, теперь она твоя, Вилли.

– Скрэг, если она метнется сюда, попробуй проследить, чтобы леска не запуталась, а когда я подтяну ее достаточно близко, бей ее своим гарпуном. – Спина и руки у Вилли мучительно болели, но сейчас его переполнял восторг, и он ждал следующего хода. Акула не заставила себя ждать.

Резко развернувшись, она направилась к ним. Вилли лихорадочно наматывал провисшую леску, чтобы акула, вновь развернувшись, не порвала ее, но акула продолжала двигаться вперед и прошла прямо под понтоном. Каким-то чудом леска не спуталась, и когда акула появилась с другой стороны и устремилась на глубину, Вилли дал ей выбрать леску и постепенно вернул ее в натянутое положение. Акула снова попыталась освободиться от крюка, яростно дергаясь и взбивая вокруг себя пену, и снова Вилли удалось ее удержать. Но мышцы его слабели, он понял, что одному ему не справиться, и выругался про себя. – Помоги-ка мне, Скрэг.

– О'кей, приятель.

Теперь они держали удилище вдвоем. Вилли работал катушкой, подтягивая акулу, отпуская, снова подтягивая, все ближе и ближе. Акула двигалась заметно медленнее.

– Она начинает уставать, Вилли.

Дюйм за дюймом они подтягивали огромную рыбину к себе. Теперь акула была в тридцати шагах от понтона, она просто продвигалась вперед, медленно работая огромным хвостом, почти нежась в воде. Чтобы дышать, акула должна постоянно двигаться. Если остановится, она утонет.

Они терпеливо боролись с ней, превозмогая боль, которую вызывал в мышцах ее громадный вес. Теперь они видели ее огромные размеры, ее желтые глаза, крепко сомкнутую пасть, рыбок-лоцманов. Двадцать пять шагов, двадцать, восемнадцать, семнадцать…

А потом это произошло. Акула ожила и рванулась прочь; леска с визгом начала разматываться с катушки. С невероятной быстротой преодолев полсотни метров, акула вдруг резко повернула на девяносто градусов, не снижая скорости, и начала уходить, но Вилли каким-то образом удалось восстановить натяжение лески, заставив акулу идти по кругу, но подтянуть ее ближе он не смог. Еще один круг, Вилли давил на катушку со всех сил, но все было напрасно. На следующем круге он сумел чуть-чуть подтянуть ее. Дюйм. Еще дюйм, и в следующий миг они оба рухнули на понтон, едва не свалившись за борт: леска безвольно обмякла.

– Ушла, паскуда…

Оба тяжело дышали, руки и все тело болели, горькому разочарованию не было предела. Акулы нигде не было видно.

– Проклятая леска, – бормотал Вилли, сматывая ее на катушку. Но леска оказалась ни при чем. Дело было в цепочке. Ближайшие к крюку звенья были раздавлены. – Должно быть, эта гадина ее просто перекусила! – пораженно воскликнул Скраггер.

– Она просто играла с нами, Скрэг, – с отвращением бросил Вилли. – Она могла перекусить ее в любой момент. Она просто дразнила нас и показывала фигу. – Они осмотрели воду вокруг, но нигде не заметили никаких ее следов. – Наверное, ушла на дно и затаилась, – задумчиво проговорил он.

– Скорей всего, она уже в двух милях отсюда, обезумевшая, как бешеная динго.

– Что обезумевшая, готов поспорить, Скрэг. Этот крюк ей радости не прибавит, точно говорю. – Они оба вглядывались в залив. Ничего. Потом они заметили, что резиновая лодка накренилась к носу и

наполовину была под водой. Скраггер нагнулся и осмотрел ее, постоянно поглядывая на воду и под понтон.

– Гляди, – сказал он. В одном из надувных отсеков виднелась рваная дыра. – Должно быть, эта паскудница продырявила лодку, когда бросилась на нас. – Воздух быстро выходил наружу. – Нет проблем. До берега добраться мы успеем. Поехали.

Вилли посмотрел на понтон, потом на воду.

– Езжай один, Скрэг. Я лучше дождусь деревянной лодки, и чтобы кто-нибудь на носу сидел с пулеметом.

– Да она в порядке, черт подери. Поехали.

– Скрэг, – нежно заговорил Вилли, – я люблю тебя как брата, но я с места не сдвинусь. Эта сукина дочь перепугала меня до полусмерти. – Он уселся посреди понтона и обхватил руками колени. – Эта гадина проклятая где-то прячется у дна. Если хочешь ехать, езжай, но я, я-то знаю, что в Священной Книге записано: если сомневаешься, пригнись. Вызови другую лодку по рации.

– Я сам ее пригоню. – Резиновая лодка захлюпала, когда Скраггер осторожно вступил на нее, и едва не перевернулась, а он, чертыхаясь, вскарабкался на понтон резвее, чем ему хотелось бы показать. – Чего ты, черт тебя подери, расхохотался?

– Ты из воды выскочил так, словно тебе в зад медуза вцепилась. – Вилли все еще хохотал. – Скрэг, а почему бы тебе не пуститься домой вплавь?

– Иди в задницу. – Скраггер поглядел на берег; сердце учащенно билось в груди. Сегодня берег казался далеким, хотя все эти дни смотрелся совсем близким.

– Если поплывешь, значит, ты сумасшедший, – сказал Вилли, уже серьезно. – Не делай этого.

Скраггер не обращал на него внимания. Знаешь что? – думал он. Ты перепуган до смерти. Эта сучья дочь была небольшой, и ты подцепил ее на крючок, а она сорвалась и сейчас где-то в заливе за много миль отсюда. Да, но где?

Он осторожно опустил в воду большой палец ноги. Что-то внизу привлекло его внимание. Он встал на колени у края понтона и поднял наверх садок. Он был пуст. Одна его стенка была отодрана напрочь.

– Дьявольщина!

– Я вызову лодку, – сказал Вилли, протягивая руку за портативной рацией. – С пулеметом.

– Да ни к чему это, Вилли, – сказал Скраггер с напускной бравадой. – Давай наперегонки до берега, кто первый, а?

– Да ты рехнулся! Скрэг, ради Бога, не надо… – Вилли с ужасом увидел, как Скрэг нырнул с понтона в воду. Скрэг вынырнул и уверенно поплыл к берегу, потом тут же повернул и проворно вскарабкался на понтон, отплевываясь и заходясь от хохота.

– Ну что, купился, а? Ты прав, сын мой, любой, кто поплывет к берегу, сумасшедший! Вызывай лодку. Я пока половлю нам ужин.

*** * ***

Когда лодка пришла, у руля сидел один из механиков, а на носу расположилась пара возбужденных «зеленых повязок», остальные смотрели на них с берега. Они были на полпути к берегу, когда акула появилась из ниоткуда и начала ходить кругами. «Зеленые повязки» открыли по ней стрельбу, и в суматохе один из них свалился за борт. Скраггер успел выхватить у него автомат и выпустил очередь в акулу, которая метнулась к иранцу, стоявшему по пояс в воде, окаменев от ужаса. Пули прошили акуле голову и глаза, и хотя она была почти мертва, она в это не верила, просто перевернулась и судорожно забилась, работая челюстями и хвостом, потом ринулась на свою жертву. Но потеряв зрение и обоняние, она проскочила мимо него и продолжала переть вперед в мельчающей воде, пока не выбросилась на берег и не забилась там, наполовину в воде, наполовину на суше.

– Скрэг, – прохрипел Вилли, когда дар речи вернулся к нему, – у тебя везение просто дьявольское. Если бы ты поплыл, она бы тебя слопала. Точно говорю, тебе сам дьявол ворожит.

ГЛАВА 37

Буровая вышка «Роза». Загрос. 15.05. Том Локарт устало выбрался из 206-го и пожал руку Миммо Сере, «человеку компании», который тепло его приветствовал. С Локартом прилетел специалист из «Шлумбергер», высокий швед по имени Йеспер Алмквист, молодой

человек, которому было лет под тридцать. Он нес в руке специальный кейс с необходимым скважинным инструментарием – все его остальное оборудование было уже здесь, на месте.

– *Buon jiorno*[51], Йеспер, рад вас видеть. Она ждет вас.

– О'кей, мистер Сера. Я иду работать. – Молодой человек зашагал к буровой. Он проводил каротаж на большинстве скважин здешнего месторождения.

– Зайди на секундочку, Том. – Сера двинулся по снегу к офисному трейлеру. Внутри было тепло, и на пузатой чугунной дровяной печке у дальней стены пыхтел кофейник. – Кофе?

– Не откажусь, я совсем вымотался, перелет из Тегерана был таким тоскливым.

Сера протянул ему чашку.

– Что, черт меня возьми, происходит?

– Спасибо. Точно и не знаю… я просто высадил Жан-Люка на базе, перекинулся словом со Скотом, потом решил, что лучше будет сразу доставить Йеспера сюда, да и самому тебя повидать. Ничак-хана я еще не видел; встречусь с ним сразу же, как только вернусь, но Скот выразился вполне однозначно: Ничак-хан сказал ему, что комитет дал нам сорок восемь часов, чтобы убраться отсюда. Мак-Ай…

– Но почему? Mamma mia, если вас здесь не будет, нам придется закрыть месторождение полностью.

– Знаю. Господи, до чего хорош у тебя кофе! В прошлом Ничак всегда вел себя разумно. Ты слышал, что этот комитет расстрелял Насири и сжег здание школы?

– Да, ужасно. Он был славным парнем, хотя и поддерживал шаха.

– Как и все мы… когда шах был у власти, – сказал Локарт, думая о Шахразаде, Джареде Бакраване, Эмире Пакнури и НВС, всегда возвращаясь мыслями к НВС и к Шахразаде. На рассвете он покинул ее, покинул через силу. Она все еще глубоко спала. Он было подумал о том, чтобы разбудить ее, но сказать ему, по сути, было нечего. Он отвечал за Загрос… а она выглядела такой изможденной; синяк теперь отчетливо проступил на ее лице. Он оставил ей записку: «Вернусь через пару дней. Любая проблема – обращайся к Маку или Чарли. Люблю тебя весь». Он снова посмотрел на Серу. – Мак-Айвер договорился о встрече сегодня утром с каким-то шишкой в правительстве, так что, если повезет, ему удастся все исправить. Он

пообещал передать нам о результатах встречи сразу же, как только вернется. Рация у вас работает?

Сера пожал плечами.

– Как водится: когда работает, когда нет.

– Если я что-нибудь разузнаю, я с тобой свяжусь, либо сегодня вечером, либо с утра пораньше. Надеюсь, все это – буря в стакане. Но если нам придется выметаться, Мак-Айвер сказал, чтобы мы пока устроились в Ковиссе. Оттуда мы вас не сможем обслуживать, хоть тресни. Что ты думаешь по этому поводу?

– Если вас заставят свернуться, нам придется эвакуироваться. Вам нужно будет перебросить нас в Шираз. Там у нас главное представительство компании; они смогут пристроить нас куда-то еще или вывезти из страны, пока нам не разрешат вернуться. Мадонна, тут надо будет двенадцать площадок закрывать, по две смены людей на каждой.

– Мы сможем использовать оба 212-х, проблем не возникнет.

– Проблем-то как раз хоть отбавляй. – Сера был крайне встревожен. – За сорок восемь часов мы никак не успеем закрыться и вывезти всех людей. Никаким образом.

– Может быть, это и не понадобится. Будем надеяться, а? – Локарт поднялся.

– Если нам придется эвакуироваться, большинство ребят обрадуются. Замены не было уже несколько недель, и у них у всех просрочен отпуск. – Сера тоже встал и выглянул в окно. Они могли видеть отблеск дневного солнца на гребне над вышкой «Беллиссима». – Ты слышал, как здорово Скот тут сработал, вместе с Пьетро?

– Да. Наши ребята теперь зовут его Пьетро Бомбист. Жаль Марио Гинеппу.

– *Che sarà, sarà*![52] Все доктора – *stronzo*[53]. Он прошел медицинское освидетельствование месяц назад или около того. Здоров как бык, сказали. *Stronzo!* – Итальянец проницательно посмотрел на него. – Что с тобой, Том?

– Ничего.

– Как Тегеран?

– Плохо.

– Скот сказал тебе что-нибудь, чего я не знаю?

– Причина такого приказа комитета? Нет. Нет, не говорил. Может быть, мне удастся что-нибудь выудить из Ничак-хана. – Локарт пожал ему руку и вышел. Поднявшись в воздух, он вспомнил рассказ Скота Жан-Люку, ему и Йесперу о том, что произошло в деревне после того, как комитет приговорил Ничак-хана к смерти.

– Как только они вывели Ничак-хана из здания школы и я остался один, я выбрался в окно в задней стене и прокрался в лес так тихо, как только смог. Через пару минут я услышал шумную пальбу и со всех ног бросился на базу… должен признаться, я готов был в штаны наложить со страху. Времени у меня дорога заняла довольно много, чертова снега местами намело выше головы. Вскоре после того, как я добрался до базы, туда пришли Ничак-хан, мулла и с ними несколько деревенских. Господи, какое я испытал облегчение! Я думал, что Ничака и муллу точно расстреляли, и я так думаю, когда они меня увидели, им тоже полегчало, потому что они смотрели на меня вытаращив глаза, словно я с того света вернулся. Думали, меня тоже убили.

– Почему? – спросил Том.

– Ничак сказал, что, перед тем как уехать, комитет поджег школу, а они думали, что я был все еще внутри. Он сказал, что всем иностранцам приказано покинуть Загрос. Всем, особенно нам с нашими вертолетами. К завтрашнему вечеру.

Локарт смотрел на землю внизу; база была недалеко, деревня рядом. Солнце соскальзывало с нее, опускаясь за горы. Света оставалось еще довольно, но солнца, чтобы согревать их, уже не было. Прямо перед его отлетом с Йеспером на «Розу», когда никого не было рядом, Скот рассказал ему, что там произошло на самом деле.

– Я все это видел, Том. Я не убежал, как вам тогда рассказывал. Я никому не осмелился рассказать об этом, но я смотрел из окна школы, перепуганный до смерти, и я видел все. Это произошло так быстро. Бог мой, ты бы видел жену старика Ничака с винтовкой, куда там до нее тигрице. И лихая! Выстрелила одному в живот, потом оставила его визжать и корчиться, а потом – бабах! – и конец. Готов поспорить, это она пристрелила того первого ублюдка, главного у них, даже не знаю, как его звали, черт. Никогда не видел такой женщины, никогда бы не поверил, что она может быть такой.

– А что с Насири?

– У Насири не было никаких шансов. Он просто побежал, и они его пристрелили. Я уверен, они убили его только потому, что он был свидетелем и не из их деревни. Тут у меня башка заработала и ноги тоже, так что я вылез в окно, как рассказывал, и когда Ничак здесь появился, я притворился, что поверил его рассказу. Но я Богом клянусь, Том, все эти ублюдки из комитета были трупами до того, как я убежал из деревни, поэтому школу сжечь должен был приказать сам Ничак.

– Ничак-хан не стал бы этого делать, только не с тобой внутри. Должно быть, кто-то видел, как ты выбрался оттуда.

– От всей души надеюсь, что ты ошибаешься, потому что тогда я – живая угроза для деревни. Единственный свидетель.

Локарт посадил вертолет и спустился в деревню. Он пошел один. Ничак-хан и мулла ждали его в кофейне, как они и договаривались. И много деревенских, но ни одной женщины. Кофейня была общим местом встреч, однокомнатная бревенчатая глинобитная лачуга с покатой крышей и грубой трубой. Ее стропила почернели от очажного дыма. Для сидения на пол были брошены грубые ковры.

– Салам, Ничак-хан, мир вам, – приветствовал его Локарт.

– Мир вам, командир летающих людей, – вежливо ответил старик. Локарт услышал в его словах угрозу и увидел, что в его глазах уже нет дружелюбия былых времен. – Пожалуйста, садитесь, устраивайтесь поудобней. Благополучным ли было ваше путешествие?

– На все воля Бога. Я скучал по своему дому здесь в Загросе и по моим друзьям в Загросских горах. Вы воистину благословенны Богом. – Локарт уселся на неудобный ковер и продолжал обмениваться бесконечными любезностями, ожидая, пока Ничак-хан позволит ему перейти к делу. Тесная комната давила на него, в ней пахло прогорклым жиром, воздух отяжелел от запаха человеческих тел, коз, овец.

– Что привело его превосходительство в нашу деревню? – поинтересовался Ничак-хан, и по душной комнате пробежал ток ожидания.

– Я был потрясен, узнав, что чужие люди пришли в нашу деревню и имели наглость тронуть вас своими злыми руками.

– На все воля Аллаха. – Глаза Ничак-хана чуть-чуть сузились. – Чужаки пришли в нашу деревню, но они ушли, оставив нашу деревню

такой, какой она была всегда. Ваш лагерь, к сожалению, таким же уже не останется.

– Но почему? Мы приносили пользу деревне и брали на работу многих из ваших лю…

– Не пристало мне ставить под вопрос решения нашего правительства, или этих комитетов нашего правительства, или нашего вождя народа, самого аятоллы. Молодой летчик сам видел и слышал, поэтому говорить больше не о чем.

Локарт почувствовал ловушку.

– Молодой летчик видел и слышал только то, что случилось в школе. Я прошу, чтобы нам, как старым, но знакомым гостям… – он тщательно подобрал это слово, – было дано время, дабы попытаться изменить постановление, которое, как можно думать, наносит вред интересам Загроса.

– Загрос простирается на тысячу миль, проходя через земли кашкайцев и бахтияров и земли тысячи иных племен. Яздек есть Яздек, – проскрежетал Ничак-хан и продекламировал из «Рубайата». – «Свое тело смиренно судьбе поднеси, / Боль терпи, не ропща, молча горе сноси, / Ибо то, что тебе предначертано свыше, / Не сотрет Написавший, как ты не проси».

– Воистину так, но разве Омар Хайям не написал также: «Сердце наше и зло, и добро может холить, / Скорбь и радость судьбою даются нам в долю – / Круг Небесный за них не хули и не славь: / Он бессильней стократ, чем твой разум и воля».

Среди собравшихся в кофейне жителей деревни пробежал шепоток. Старый мулла кивнул, довольный, и промолчал. Глаза Ничак-хана улыбнулись, хотя рот остался тверд, и Локарт понял, что теперь встреча пойдет лучше. Он мысленно благословил Шахразаду, которая открыла его уши, глаза и чувства к рубаям, которые на фарси звучали невыразимо красиво и изящно.

Все ждали. Ничак-хан поскреб бороду, сунул руку в карман, вынул пачку сигарет. Локарт небрежно достал свой пешкеш, позолоченную зажигалку «Данхилл», купленную им у Долбаря Джордона специально для этого случая: «Долбарь, если эта штука не зажжется с первого раза, я, черт возьми, тебя прикончу!» Он легко тронул пальцем ребристый цилиндр сбоку. Фитилек мгновенно

вспыхнул, и Локарт незаметно выдохнул. Его рука была твердой и не дрожала, когда он подался вперед и поднес зажигалку старику.

Ничак-хан поколебался, потом почмокал сигаретой над огоньком и сделал глубокую затяжку.

– Благодарю вас. – Его глаза сузились, когда Локарт положил зажигалку на ковер перед ним.

– Может быть, вы не откажетесь принять этот дар от всех нас в нашем лагере в благодарность вам за ваши наставления и защиту? В конце концов, разве вы не разрушили ворота и не вступили во владение базой от имени народа? Разве вы не выиграли гонку на санках, обойдя лучших из нас, благодаря своему беспримерному мужеству?

По комнате снова прошелестело, все ждали, переполненные восторгом, видя, что состязание двух вождей становится острее, хотя все знали, что неверный сказал одну лишь правду. Молчание нарастало, потом хан протянул руку, подобрал зажигалку с ковра и внимательно ее рассмотрел. Его мозолистый палец со звонким щелчком откинул крышку вверх – он видел, как это делали чужеземцы в лагере. Едва шевельнув пальцем, он зажег фитилек, опять вспыхнувший с первого раза, и все вокруг, так же как и он, остались довольны качеством пешкеша.

– Какое наставление потребно вашему превосходительству?

– О, никакое конкретно, на самом деле, ваше превосходительство Ничак-хан, – как бы извиняясь ответил Локарт, продолжая игру в соответствии с древней традицией.

– Но должно быть что-то, что позволило бы его превосходительству почувствовать себя гораздо лучше. – Старик раздавил окурок о землю.

В конце концов Локарт дал себя уговорить.

– Что ж, раз уж ваше превосходительство столь великодушно, что спрашивает об этом, если бы вы, ваше превосходительство, замолвили за нас слово перед комитетом, чтобы он дал нам немного больше времени, я был бы очень признателен. Ваше превосходительство, который знает эти горы как нутро своей обеденной миски, понимает, что мы не можем исполнить приказ чужих здесь людей, которые явно не понимают, что мы не в состоянии вывезти с буровых всех людей, законсервировать вышки – загросскую собственность славной

яздекской ветви кашкайцев, – вывезти наши вертолеты и запчасти до завтрашнего захода солнца.

– Верно, чужаки не понимают ничего, – согласно кивнул хан. Да, подумал он, чужаки ничего не понимают, и эти сыновья собаки, которые посмели утвердить здесь свои вонючие чужеродные порядки, были быстро наказаны Аллахом. – Возможно, комитет даст один дополнительный день.

– Это было бы больше, чем я бы осмелился просить. Но едва ли было бы достаточно просто показать им, что они ничего не знают про Загрос. Возможно, им следовало бы преподать урок. Им следует сказать, что потребуется не менее двух недель – в конце концов, вы глава Яздека и всех одиннадцати буровых вышек, и весь Загрос знает Ничак-хана.

Ничак-хан испытал большую гордость, а с ним и жители его деревни, приятно пораженные логикой неверного. Он достал свои сигареты и свою зажигалку. Она вспыхнула с первого раза.

– Две недели, – произнес он, и все почувствовали большое удовлетворение, включая Локарта. Потом Ничак-хан добавил, чтобы дать себе время поразмыслить, не окажутся ли эти две недели слишком долгим сроком: – Я пошлю гонца и попрошу у них две недели.

Локарт поднялся и велеречиво поблагодарил хана. Две недели дадут Мак-Айверу время. Снаружи воздух был вкусным, как вино, и он благодарно наполнил им свои легкие, довольный тем, как он провел эти сложные и тонкие переговоры.

– Салам, Ничак-хан, мир вам.

– И вам.

Через площадь от них стояла мечеть, а рядом с ней разрушенная пожаром школа. С другой стороны мечети был двухэтажный дом Ничак-хана, и там, у порога, стояли его жена и двое из его детей с несколькими деревенскими женщинами, так же ярко одетыми.

– Почему сожгли школу?

– Люди слышали, как один из комитета сказал: «Так сгинет все чужеземное. Так сгинет база и все, что в ней есть, – нам не нужны здесь никакие чужеземцы, мы не хотим здесь никаких чужеземцев».

Локарт почувствовал печаль. Именно в это верит большинство из вас, если не все вы, подумал он. И все же многие из нас стараются стать частью Ирана, говорить на его языке, хотят быть принятыми

здесь, но никогда не будут. Тогда зачем мы остаемся, зачем стараемся? Может быть, по той же самой причине, по которой здесь остался Александр Великий, потому же, почему он и десять тысяч его офицеров женились на иранках, устроив одну огромную церемонию – потому что в них и в Иране есть какая-то магия, которую невозможно определить, вызывающая полную одержимость, которая поглощает тебя целиком, как был поглощен я.

Взрыв хохота раздался из группы женщин, окружавших жену Ничак-хана, когда она что-то сказала.

– Так лучше, когда жены радуются, а? Это дар Бога мужчинам, а? – весело заметил хан, и Локарт кивнул, думая про себя, как фантастически повезло Ничак-хану и каким даром Бога была его жена – как Шахразада для него. Он подумал о ней, и ужас прошлой ночи поднялся снова в его душе, вспомнился страх, что он ее едва не потерял, ее безумие и горе, вспомнилось, как он хлестал ее, как видел кровоподтеки на ее лице, когда хотел лишь одного: чтобы она была счастлива и в этом мире, и в следующем, если он есть, следующий.

– И мне повезло, что Аллах научил ее так хорошо стрелять, а?

– Да, – произнес Локарт, прежде чем успел остановиться. В желудке шевельнулся горячий ком, и он обругал себя за то, что потерял сосредоточенность. Он увидел умные глаза старика, пристально разглядывающие его, и торопливо добавил: – Стрелять? Ваша жена умеет стрелять? Пожалуйста, простите меня, ваше превосходительство, я не расслышал вас толком. Вы имеете в виду, из ружья?

Старик ничего не сказал, просто продолжал испытующе смотреть на него, потом задумчиво кивнул. Локарт глаз не опустил и спокойно посмотрел через площадь, гадая про себя, было ли это намеренно устроенной ловушкой.

– Я слышал, что многие кашкайские женщины умеют обращаться с оружием. Похоже, что… э-э… Аллах наградил вас многими благословениями.

Помолчав еще секунду, Ничак-хан сказал:

– Завтра я пришлю вам весть о длине срока, на который согласится комитет. Мир вам.

По дороге на базу Локарт спрашивал себя, угодил ли он в ловушку? Если фраза хана была непроизвольной, вырвалась от

гордости за жену, тогда, может быть, может быть, нам ничего не грозит и Скот в безопасности. В любом случае у нас есть время – может быть, есть время; может быть, у Скота его нет.

Солнце ушло с этой части горного плато, и температура быстро упала ниже нуля. Мороз помог ему очистить мозг, но не прогнал тревогу и не поборол его усталость.

Неделя, две недели, несколько дней – времени у тебя немного, думал он. В Тегеране Мак-Айвер рассказал ему, что получил разрешения на вывоз трех 212-х в Эль-Шаргаз для «ремонта». «Том, я пошлю одну из твоих машин, одну отсюда и одну из Ковисса; оттуда – в Нигерию, но, ради всего святого, держи это при себе. Вот документы на вывоз, датированные следующей средой. Я считаю, что лететь нужно тебе самому, выбираться отсюда, пока можно. Выбирайся и оставайся в Эль-Шаргазе, там полно пилотов, которые перегонят твой 212-й дальше».

Мак просто не понимает, думал Локарт. Он вышел из деревьев на открытое место и увидел базу; Скот и Жан-Люк ждали его рядом с 212-м.

Что бы ни случилось, с 212-м я пошлю Скота, подумал он, и приняв решение, почувствовал, что часть тревоги оставила его. Главное решение – начинать эвакуацию или нет? Чтобы принять его, ты должен решить, насколько можно доверять Ничак-хану. Получается, что не слишком.

ГЛАВА 38

Главное управление внутренней разведки. 18.42. Прошло всего двадцать три часа с того момента, как Ракоци схватили, а он уже был сломан и выдавал информацию третьего уровня – правду. Первые два уровня были легендами, состоявшими из полуправд, которые заучивались и повторялись всеми профессиональными агентами бессчетное число раз, пока не откладывались глубоко в подсознании в надежде на то, что эти полуправды смогут отвлечь допрашивающих от мысли, что надо копать глубже, или заставят их поверить, что они уже вытянули из допрашиваемого всю правду. К сожалению для Ракоци, люди, которые его допрашивали, были специалистами и все время стремились копнуть еще глубже. Их задача заключалась в том, чтобы

пытки не убили его раньше времени. Его задача заключалась в том, чтобы умереть быстро.

Когда его схватили вчера вечером, он тут же попытался ухватить зубами край воротника, где была зашита ампула с ядом, – отработанная реакция, ставшая инстинктивной. Но те, кто его схватил, опередили его, держа его голову откинутой назад, пока его усыпляли хлороформом. Потом его аккуратно раздели догола, осмотрели рот, ища пломбу с ядом, проверили, нет ли капсулы в заднем проходе.

Он ожидал побоев и психотомиметических препаратов: «Если они применят их к вам, капитан Мзитрюк, вам конец, – говорили ему его учителя. – Делать почти нечего, кроме как постараться умереть прежде, чем вы раскроете им все секреты. Лучше умереть до того, как они вас сломают. Не забывайте, что мы отомстим за вас. Мы можем достать людей и через пятьдесят лет, и мы найдем тех, кто вас предал».

Но он не ожидал такого уровня боли, на который они подняли его так быстро, не ожидал тех невыразимых вещей, которые они с ним проделывали: электроды внутрь, в нос, рот, желудок, прямую кишку, на мошонку и глазные яблоки – вкалывая ему наркотики, чтобы он уснул, наркотики, чтобы проснулся, минутами разделяя сон, пробуждение, сон, пробуждение, дезориентируя его, ставя сознание с ног на голову, выворачивая его наизнанку.

– Ради всех святых, Хашеми, – сказал Роберт Армстронг, морщась от дурноты, еще давным-давно, в самом начале, – почему вы просто не вколите ему сыворотку правды, она же у вас есть, к чему все это дерьмо.

Полковник Хашеми Фазир пожал плечами.

– Немного жестокости полезно для души. Клянусь Аллахом, ты же видел файлы, ты видел, что КГБ сделал с некоторыми из наших граждан, которые и шпионами-то не были.

– Это не оправдание.

– Нам нужна его информация быстро, клянусь Богом. Нам необходимо выйти на третий уровень, о котором ты постоянно распеваешь. У меня нет времени на твою запутанную этику, Роберт. Если не хочешь оставаться, можешь уйти.

Армстронг остался. Он закрыл уши звукопоглощающими накладками, чтобы не слышать воплей, всей душой восставая против

этих зверств. Это не нужно, теперь – уже нет, говорил он себе, зная, что сам бы уже давно умер на таком допросе.

Он наблюдал через одностороннее зеркало, как два иранца снова занялись Ракоци в маленькой, хорошо оборудованной камере, по-своему жалея его – в конце концов, Ракоци был профессионалом, как и он сам, мужественным человеком, который невероятно долго держался против них.

Внезапно крики стихли, и Ракоци снова замер неподвижно. Хашеми резко спросил в микрофон, соединенный с наушниками на человеке в камере:

– Он мертв? Я же говорил вам, тупые дети собаки, чтобы вы были осторожнее!

Один из двоих в камере был врачом. Наушники у него на голове заглушали все звуки, кроме указаний допрашивающих. Он раздраженно приподнял веки Ракоци и осмотрел глаза, потом проверил пульс.

– Он жив, полковник. Он… запас у него еще большой.

– Дайте ему пять минут, потом будите. И не прикончите его, пока я не прикажу. – Хашеми сердито щелкнул микрофоном и обругал врача. – Мне не нужно, чтобы он сдох, когда мы так близки к тому, чтобы выдоить его полностью. – Он бросил взгляд на Армстронга, его глаза искрились. – Он – лучшее, что нам когда-либо попадалось вообще, а? Клянусь Богом, Роберт, это настоящая золотая жила.

Ракоци уже давно рассказал две своих легенды и потом назвал свое настоящее имя, личный номер в КГБ, где получил образование, родился, женился, жил, назвал своих известных ему начальников в Тбилиси, рассказал об их работе в Иране, с Туде, моджахедами, как и где они поддерживали курдское движение за независимость, назвал имена своих агентов и связных.

– Кто главное лицо КГБ в Азербайджане?

– Я… не надо больше… прошу, остановитеееееесь… это Абдолла-хан из Тебриза… он, только он из значительных лиц и он… он был… он д… д… д… должен стать первым Президентом, когда Азер… Азербайджан с… станет независимым… но сейчас он слишком влиятелен и не… не… независим поэтому… поэтому теперь он Секция 16/а…

– Ты не говоришь нам всей правды. Ну-ка проучите его!

– Но я говорюяговорюяговоааааааа…

Потом его опять привели в чувство и бормотание возобновилось, про Ибрагима Кияби, отца Ибрагима, муллу Ковисси, имена студенческих лидеров Туде, про свою жену, про отца и где он жил в Тбилиси и про деда, который работал в царской охранке до того, как стал одним из создателей чека, потом ОГПУ, НКВД и, наконец, КГБ, созданного Хрущевым в 54-м после расстрела Берии как шпиона западных держав.

– Ты полагаешь, Берия шпионил для нас, Мзитрюк?

– Да… да… да шпионил, у КГБ есть доказательства… о да… прошу, не наааааадо… пожалуйста… прошуууууу… я все вам расскажу…

– Как у них могут быть доказательства такой лжи?

– Да… это была ложь… но мы должны были верить ей… мы должны… нам при… при… приходилось… аааааа не надо уууу… умоляюуууууу…

– Перестаньте его мучить, дьяволы, – возник в динамиках голос Армстронга в нужный момент. – Не надо его пытать, если он сотрудничает… Сколько раз мне вам это повторять? Пока он говорит правду, не трогайте его. Дайте ему стакан воды. Так, Мзитрюк, что вам известно о Григории Суслеве?

– Он… я думаю, он шпион.

– Он не говорит нам правды, – взревел по поданному знаку голос Хашеми. – Преподайте-ка ему урок!

– Нет… нет… нетненадоненаааадаааабожененадооуууу он… его зовут Петр Олегович Мзитрюк… он мой отец… мой отец он… Суслев было… было его прикрытие на Дальнем Востоке… он работал из Вла… Владивостока и другой псевдоним Броднин… и он живет в Тбилиси… он комиссар и главный со… советник по Ирану и он кон… контролирующий Абдоллы… Абдоллы-хана…

– Ты снова врешь. Откуда ты можешь знать такую секретную информацию? Ну-ка пока…

– Пожалуйста… не надо… я клянусь… я не лгу… я… читал его секретное личное дело и я знаю… что это правда… Броднин был последний псевдоним… а потом он… Аллах помогииимнееееее… – Он опять потерял сознание. Его снова привели в чувство.

– Как Абдолла-хан выходит на контакт со своим контролирующим?

– Он… мой… они встречаются… когда… всегда когда… и… иногда на… на даче… иногда в Тебризе…

– Где в Тебризе?

– Во… во дворце хана…

– Как они договариваются о встрече?

– По коду… кодированный телекс из Тегерана… из штаба…

– Назови код?

– Г… G16… G16…

– Какое у Абдоллы-хана кодовое имя?

– Иваныч.

– А у его контролирующего? – Армстронг позаботился о том, чтобы не волновать беспомощного человека, напоминая ему, что он предает своего отца.

– Али… Али Хой…

– Кто были связные Броднина?

– Я… я не… я не пом… не помню…

– Помогите ему вспомнить!

– Ненадопрошууууу… о Боже… о Божееее… погодите… дайте мне подумать… я не могу вспомнить… это был… это был… погодите… он говорил мне… там были… там было трое… что-то как бы словно… как бы один из них был цветом… был… погодите… да… Грэй, да, именно так… и другой был… другой был Брод или как-то так… Брод как-то еще… думаю… там «у», это был Джулиан Брод, как-то так…

– Кто еще? – спросил Армстронг, скрыв свой шок. – Кто третий?

– Я… я не пом… нееееет погодитеее дайте мнеееее… был был еще другой… говорил мне там было мне про… про четверых… один… один… был… Тэд… Эвер… Эвер как-то… Эверли и другой был… если… я… пожалуйста… если я подумаю… дайте мне подумать… это был… это был Питер… нет, Перси… Перси Смедли… да, Смедли Тайллер или Смидли…

Кровь отхлынула от лица Армстронга.

– … это было… это было… это все… что он говорил мне…

– Расскажите нам, что вам известно о Роджере Кроссе!

Ответа не последовало.

Через прозрачное с их стороны зеркало они видели человека, корчившегося на операционном столе, выгибаясь под проводами, которые накачивали его болью, и, пополам со стонами, снова потекли слова:

– Он он… хватииитненадоооуууу… он был руко… руководителем… нет, помощником руководителя MI6 и почти нашим главным английским тайным агентом два… двадцать лет или больше для нас и… Броднин Юрод… мой отец узнал… узнал… что он был двойным… тройным агентом и приказал его по секции 16/а… Кросс обманывал нас годами… обманывал нас…

– Кто выдал Броднину Кросса?

– Янезнаю… клянусьнезнаю… я не могу знать все… всего… только что было в его личном деле и что он мне сам рассказывал…

– Кто был контролирующим Роджера Кросса?

– Я не знаю, не знаю, откуда я мог бы знать, я только знаю, что прочел тайком в личном деле моего отца в его лич… вы должны мне верить… мнееееаааааа.

– Расскажи мне все, что было в досье, – сказал Хашеми, теперь так же живо заинтересованный, как и Армстронг.

Они слушали, отсеивая слова от воплей. Иногда это была почти бессмысленная смесь русского и фарси, а Ракоци продолжал выдавать имена, явки, псевдонимы, звания, отвечая на их вопросы, его память подстегивалась новыми ярусами боли, пока он не излился весь, не начал повторяться, сам путаясь в своих словах и мыслях и потеряв всякую ценность.

– … Пах… муд… Пах… муди…

– Что про Пахмуди? – встрепенулся Хашеми.

– Я… он… помогитееее мнееее.

– Что про Пахмуди? Он советский агент?

В ответ только бессвязные обрывки речи, стоны и путаница.

– Лучше дать ему отдохнуть, Хашеми. У него слишком хорошая память, чтобы мы спекли ее за раз. Мы можем выяснить, что там с Пахмуди, завтра и пройтись по всем материалам. – Армстронг чувствовал себя таким же выжатым, втайне поражаясь той информации, которую предоставил Ракоци. – Я рекомендую период отдыха, дайте ему поспать пять часов, потом мы можем начать снова.

Два иранца в камере ждали указаний. Доктор бросил взгляд на часы. Он занимался этим шесть часов без перерыва, у него ныла спина и болела голова. Но он был специалистом САВАК с большим стажем и был очень доволен собой, доведя Ракоци до уровня правды без наркотиков. Безбожный сын горящего в аду отца! – с отвращением подумал он.

– Дайте ему поспать пять часов, потом начнем снова, – раздалось в динамике.

– Да, полковник. Очень хорошо. – Он осмотрел глаза Ракоци, приподняв веки, потом сказал своему помощнику, который был глухонемым, но умел читать по губам: – Оставь его как есть, это сэкономит нам время, когда мы вернемся. Ему понадобится укол, чтобы проснуться. – Помощник кивнул и, когда снаружи отрыли дверь, они оба вышли.

В комнате за зеркальным стеклом было накурено.

– Что насчет Пахмуди?

– Он должен быть как-то связан с Мзитрюком, Петром Олеговичем. – Армстронг просматривал информацию Ракоци и поражался.

Хашеми оторвал взгляд от человека, лежавшего на столе, и выключил кассетный магнитофон, потом нажал клавишу перемотки. В приоткрытом ящике стола лежали еще семь кассет.

– Могу я получить копии? – спросил Армстронг.

– Почему бы нет? – Глаза Хашеми были красными, и щетина густой бороды отсвечивала синевой, хотя он побрился всего несколько часов назад. – Что такого важного было в этом Броднине и остальных именах: Грей, Джулиан Брод-как-то-там-еще, Тэд Эвер-как-то-там-еще и Перси Смедли или Смидли Тайллер?

Армстронг поднялся, чтобы размять ноющие плечи и чтобы дать себе немного времени подумать.

– Броднин был советским бизнесменом, из КГБ, но двойным агентом для нас. Не было ни малейших подозрений, что он водит нас за нос. Джулиан Брод-как-то-там-еще, должно быть, означает Джулиана Бродхерста. У нас никогда на него ничего не было, ни шепотка, ничего совершенно. Он – светоч «Фабианского общества», многоуважаемый член лейбористской партии, в кабинет министров

входит и выходит по собственной прихоти, советник и доверенное лицо премьер-министров. – Он добавил с отвращением: – Патриот.

– Что ж, теперь он у вас в руках. Предатель. Так подержите его на столе несколько часов, выжмите досуха, потом утопите в Темзе. Грэй?

– Лорд Грэй, вдохновитель левого движения, бывший профсоюзник, одержимый вожак антикитайского и антигонконгского лобби, вежливый антикоммунист, несколько лет назад вошел в палату лордов, чтобы разжечь там новые скандалы. Мы его тщательно проверили несколько лет назад, в итоге он вышел чистым как стеклышко – ничего предосудительного, кроме политических убеждений. – Бог мой, думал Армстронг, если они оба шпионы и предатели – и нам удалось бы это доказать, – это разорвало бы лейбористов на части, не говоря уже о том взрыве, который Перси вызвал бы в партии тори. Но как доказать это и остаться в живых? – У нас на него никогда ничего не было.

– Что ж, теперь есть. Предатель. Вылущите его и пристрелите. Тэд Эвер-как-то-там-еще?

– Эверли, золотой ребенок Британского конгресса тред-юнионов, которого готовят к большим должностям. Безупречная центристская политика. Ни даже намека на розоватость, не говоря уже о коммунистических пристрастиях.

– Теперь он ваш. На дыбу его. Смедли или Смидли Тайллер?

Роберт Армстронг протянул ему сигареты. Перси Смедли-Тэйлор: аристократ-землевладелец, богат, окончил Тринити-колледж – чуждый политике извращенец, которому удается делать так, что его отклонения не появляются на страницах прессы, когда он попадается; известный балетный критик, издатель журналов для эрудитов с безукоризненными, неприкосновенными связями в самых высоких и деликатных кругах британской власти. Боже всемогущий, если он советский шпион… Это невозможно! Не будь чертовым идиотом, ты на этой работе слишком много лет, знаешь слишком много секретов, чтобы удивляться по поводу кого бы то ни было.

– Здесь ничего в голову не приходит, белиберда какая-то, но я проверю, Хашеми, – сказал он, не желая делиться этой информацией, не продумав тщательно, как ему следует поступить.

Перемотка закончилась, и магнитофон громко щелкнул, выбросив крышку с кассетой. Хашеми достал ее, положил рядом с другими в

нижний ящик стола и тщательно запер его на ключ.

– Тогда разберись с ними по-старинке: пошли к ним человека, Роберт, к ним и к их вшивым друзьям наверху. Они быстро дадут тебе хороший пешкеш, который компенсирует тебе потерянную пенсию. – Хашеми невесело рассмеялся, вставляя в крышку магнитофона новую кассету. – Только сам не ходи или закончишь в темном переулке с ножом между лопаток или с ядом в бокале пива – эти высокопоставленные ублюдки везде одинаковы. – Он очень устал, но тот подъем, который в нем вызывала вся эта волшебная информация, полученная от Ракоци, прогонял потребность во сне. Мы уже выжали из него достаточно, чтобы взорвать Туде ко всем чертям, поставить под контроль курдов, прекратить бунтарские выступления в Азербайджане, обезопасить Тегеран, обезопасить Ковисс – и накрепко утвердить Хомейни у власти, сказал он себе.

– Ты этого хочешь? Что насчет Абрима Пахмуди?

Лицо Хашеми помрачнело.

– Аллах, дай мне возможность разобраться с ним как следует! Ракоци дал мне золотой ключик, может быть, даже к нему. – Он взглянул на Армстронга. – Золотой и для тебя тоже, а? Этот Суслев – Петр Олегович, – который убил великого Роджера Кросса? А?

– Да. Для тебя тоже. Теперь ты знаешь, кто твой враг номер один.

– А что тебе до Мзитрюка, этого Суслева?

– Была у меня с ним стычка много лет назад в Гонконге. – Армстронг отхлебнул холодного кофе, цепляя наживку на крючок. – Он мог бы принести тебе – и мне – больше золота, чем его сын. Он мог бы ткнуть пальцем в Абрима Пахмуди, а если в него, то один Бог знает, в кого еще… может быть, в Революционный комитет? Дорого бы я дал, чтобы побеседовать с Суслевым. Как бы нам это устроить?

Хашеми оторвался мыслями от Пахмуди и снова сосредоточился на опасности, которая грозила лично ему и его семье.

– В обмен ты добудешь мне британский паспорт, безопасный выезд из страны и приличную пенсию – если она мне понадобится?

Армстронг протянул руку.

– Договорились, – сказал он.

Они пожали друг другу руки, хотя ни тот ни другой не верил, что этот жест имеет какую-либо ценность, кроме простой вежливости, оба

знали, что выполнят свою сторону сделки, если смогут, но только если на тот момент это будет полезно им самим.

– Если мы его заполучим, Роберт, я контролирую допрос и первым спрашиваю то, что мне нужно.

– Разумеется, ты начальник. – Глаза Армстронга прятали охватившее его возбуждение. – А ты смог бы его заполучить?

– Возможно, мне удастся уговорить Абдоллу-хана назначить ему встречу по эту сторону границы. Ракоци дал нам достаточно, чтобы заставить юлить даже его, хотя мне придется быть очень осторожным… он ведь и один из наших лучших агентов!

– Предложи в обмен информацию о секции 16/а: готов поспорить, он не знает, что они его предали.

Хашеми кивнул.

– Если мы выманим Петра Олеговича через границу, сюда его привозить будет не нужно. Мы сможем выдоить его в нашем месте в Тебризе.

– Я и не знал, что у вас есть место в Тебризе.

– Ты многого не знаешь про Иран, Роберт. – Хашеми затушил окурок сигареты. Сколько времени у меня осталось? – нервно спросил он себя, совершенно не привыкший чувствовать себя дичью, а не охотником. – Знаешь что, пожалуй, дай мне паспорт завтра.

– Как скоро ты сможешь «уговорить» Абдоллу-хана?

– Нам все равно придется действовать осторожно. В Азербайджане тот ублюдок всесилен. – Они повернулись и посмотрели на Ракоци, который шевельнулся и застонал, потом снова провалился в свой кошмар. – Нужно быть очень осторожным.

– Когда?

– Завтра. Как только мы закончим с Ракоци, нанесем визит Абдолле. Ты обеспечишь самолет… или вертолет. Ты ведь теперь большой друг ИВК, не так ли?

Армстронг улыбнулся.

– Все тебе известно, а?

– Только то, что касается Тегерана, ислама, Ирана. – Интересно, подумал Хошеми, что бы сказали Мак-Айвер и остальные иностранцы, обслуживающие добычу нефти, если бы узнали, что заместитель министра Али Киа, недавно введенный в совет Управления гражданской авиации, рекомендовал несколько дней назад провести

немедленную национализацию всех обслуживающих добычу нефти иностранных компаний, всех самолетов и вертолетов с иранскими регистрационными номерами, всех авиационных компаний и выдворение из страны всех иностранных пилотов и работников этих компаний.

– Как вы собираетесь обслуживать нефтяные месторождения, ваше превосходительство министр? – спросил он, когда узнал об этом.

– Нам не нужны иностранцы. Наши собственные пилоты будут обслуживать наши собственные месторождения. Разве у нас нет сотен и сотен пилотов, которым необходимо доказать свою преданность? Я полагаю, у вас есть секретные досье на всех иностранных пилотов, менеджеров, директоров и так далее. Мы… э-э… комитету необходимы эти документы.

– Я не думаю, что у нас есть что-нибудь, ваше превосходительство. Эти досье были заведены САВАК, – гладко проговорил Хашеми. – Полагаю, вам известно, что у этих ужасных людей имелось обширное досье на ваше превосходительство?

– Какое досье? На меня? У САВАК? Вы, должно быть, ошибаетесь.

– Может быть. Сам я его не читал, ваше превосходительство, но мне говорили о его существовании. Сказали, что оно было начато более двадцати лет назад. Вероятно, в нем нет ничего, кроме лживых измышлений…

Он оставил замминистра Киа глубоко потрясенным, пообещав, что постарается тайно раздобыть это досье и передать ему, и хохотал все дорогу до Главного управления внутренней разведки. Досье на Али Киа – его досье – действительно охватывало двадцать лет и содержало неопровержимые доказательства сомнительных сделок, ростовщичества, голосования в пользу шахского режима и доносительства вместе с крайне изобретательными – и запечатленными на снимках – приемами половых соитий, при виде которых консервативные фундаменталисты потеряли бы дар речи.

– В чем шутка? – спросил Армстронг.

– Жизнь, Роберт, большая шутка. Пару недель назад у меня в распоряжении были все военно-воздушные силы, если понадобится, теперь я должен просить тебя устроить мне чартерный рейс. Ты договорись о чартере, я получу разрешение. – Он улыбнулся. – Ты

передашь мне британский паспорт, очень сильно действительный, как сказал бы Талбот, перед взлетом. Договорились?

– Договорились. – Армстронг подавил зевок. – Пока мы ждем, могу я прослушать последнюю кассету?

Хашеми потянулся за ключом, замер, услышав стук в дверь. Устало подошел к ней и открыл. Его усталость как рукой сняло. Снаружи стояли четыре человека. Один из его собственных людей с побелевшим лицом и трое «зеленых повязок». Вооруженных. Он знал самого старшего из них.

– Салам, генерал, – вежливо поздоровался он. Его сердце готово было остановиться. – Мир вам.

– Салам, полковник. Мир вам. – Лицо генерала Джанана было словно высечено из камня, рот сложился в тонкую линию. САВАК. Он холодно посмотрел на Армстронга, потом достал лист бумаги, протянул его Хашеми. – Вы должны немедленно передать мне задержанного Язернова.

Хашеми взял бумагу, благодаря Бога, что рискнул всем, чтобы захватить Ракоци и быстро протащить его до третьего уровня. «Полковнику Хашеми Фазиру, внутренняя разведка. Срочно. Постановлением Революционного комитета Управление внутренней разведки распускается и весь его личный состав немедленно передается в настоящую организацию под командование генерала Джанана. Вы отстраняетесь от работы до дальнейших указаний. Вам предписывается без промедления передать генералу Джанану задержанного Язернова и все записи проведенных допросов. Абрим Пахмуди, директор САВАМА».

– Этот шпион все еще на втором уровне, и вам придется подождать. Сейчас трогать его опасно и…

– Это уже не ваша забота. – Генерал сделал знак одному из своих людей, который вышел, махнул рукой остальным в коридоре, потом спустился по ступеням в камеру внизу; врач с белым как мел лицом уже был с ними. Когда «зеленые повязки» увидели голого человека на столе, инструменты и то, куда были подсоединены провода, их глаза заблестели. Врач начал снимать провода.

В комнате для допросов наверху Хашеми обернулся к генералу.

– Я официально заявляю вам, что перевозить его опасно. Под вашу ответственность.

– Иншаллах. Просто передайте мне кассеты.

Хашеми пожал плечами, отпер верхний ящик и протянул ему дюжину почти бесполезных кассет с информацией первого и второго уровня.

– И остальные! Быстро!

– Больше никаких нет.

– Откройте второй ящик!

Хашеми снова пожал плечами, выбрал ключ и аккуратно им воспользовался. Если повернуть ключ как следовало, то включалось размагничивающее устройство, которое стирало с кассет всю информацию. Только он и Армстронг знали об этом секрете и о тайной установке второго комплекта записывающих кассетных магнитофонов. «Никогда не знаешь, Хашеми, когда и кто может тебя предать, – сказал ему Армстронг много лет назад, когда они вместе устанавливали эти магнитофоны. – Тебе может понадобиться размагнитить пленки, а потом воспользоваться секретными кассетами, чтобы выторговать себе свободу. В этой игре осторожность никогда не бывает чрезмерной».

Хашеми выдвинул ящик, молясь про себя, чтобы оба устройства работали исправно. Иншаллах, подумал он и протянул генералу восемь кассет. – Они пустые, говорю вам.

– Если так, я приношу свои извинения, если нет… Иншаллах! – Генерал перевел на Армстронга тяжелый взгляд. – Вам лучше поскорее покинуть Иран. Даю вам день и ночь за прошлые заслуги.

Дом Бакравана рядом с базаром. 20.57. Шахразада лежала на животе на кровати, ей делали массаж, и она постанывала от удовольствия, когда старая женщина ласкающими движениями втирала масло в ее синяки и в кожу.

– Ох, осторожнее, Джари…

– Да-да, моя принцесса, – ворковала Джари, ее руки действовали мягко и сильно, убирая боль. Она была няней и служанкой Шахразады с ее рождения, выкармливала ее, когда ее собственный ребенок, родившийся на неделю позже, умер. Два года она кормила Шахразаду грудью, а потом, поскольку Джари была спокойной и мягкой женщиной, теперь вдовой, девочку полностью поручили ее заботам. Когда Шахразада вышла замуж за Эмира Пакнури, Джари перешла с ней в его дом, а когда брак распался, они с радостью вернулись назад.

Глупо было отдавать такой цветок человеку, который предпочитает мальчиков, сколько бы денег у него ни было, всегда думала Джари, но никогда не говорила этого вслух. Никогда. Опасно идти против главы дома – любого главы семьи, а уж против такого алчного скареда, как Джаред Бакраван, и подавно, думала она, ничуть не жалея, что его не стало.

Когда Шахразада вышла замуж во второй раз, Джари не переехала к ним в квартиру. Но это не имело значения, потому что Шахразада проводила дни здесь, когда неверный был в отлучке. Все домашние так его звали и терпели его только из-за ее счастья с ним, понятного одним лишь женщинам.

– Иии, какие же дьяволы эти мужчины, – сказала она и спрятала улыбку, очень хорошо все понимая. Вчера ночью они все слышали ее вопли и плач, и хотя они знали, что муж имеет право бить свою жену и что Аллах позволил ударам неверного встряхнуть их госпожу и прекратить ее ужасное состояние, сама Джари слышала и другие крики сегодня утром, перед рассветом – крики ее и его, пребывавших в саду Аллаха.

Сама она там ни разу не побывала. Другие рассказывали ей о том, как их уносит, и Шахразада тоже, но те несколько раз, что ее собственный муж ложился с ней, доставляли удовольствие ему, а не ей. На ее долю выпало шесть родов, прежде чем ей исполнилось двадцать, и четыре ребенка, умерших во младенчестве. Потом он умер, избавив ее от смерти родами, которая, как она знала, была для нее в противном случае неизбежна. На все воля Аллаха! О да, довольно говорила она себе, Бог спас меня и сделал так, что он умер, и теперь, конечно, он горит в аду, ибо он был грязным богохульником, который молился едва один раз в день. И Бог также дал мне Шахразаду!

Она взглянула на прекрасное тело и длинные темные-темные волосы. Иии, сказала она себе, какое это благословение – быть молодой, такой влажной, такой упругой, такой готовой – наконец-то – исполнить угодный Богу труд.

– Перевернись, принцесса, и…

– Нет, Джари, это так больно.

– Да, но я должна промять твои мышцы живота и подтянуть их, – хмыкнула Джари. – Скоро они тебе понадобятся очень сильными.

Шахразада тут же перевернулась и посмотрела на нее, забыв про боль.

– О, Джари, ты уверена?

– Уверен бывает только Аллах, принцесса. Но разве у тебя когда-нибудь раньше бывала такая задержка? Разве твоему периоду не давно пора было бы начаться, а тебе – родить сына?

Обе женщины рассмеялись, потом Шахразада откинулась на спину и предоставила себя умелым и заботливым рукам, и будущему, и тому счастливому моменту, который настанет у нее, когда она скажет ему: Томми, для меня честь сообщить… нет, это не годится. Томми, Аллах благословил нас… нет, это тоже не годится, хотя это правда. Если бы он только был мусульманином и иранцем, все было бы настолько легче. О Аллах и Пророк Аллаха, сделайте Томми мусульманином и спасите его от адского пламени, сделайте моего сына сильным, и пусть он вырастет, и у него будут свои сыновья и дочери, и у них – сыновья… о, как же мы благословенны Аллахом…

Она позволила себе расслабиться и уплыть. Ночь была спокойной, падал легкий снег, и стрельбы было мало. Скоро у них будет вечернее застолье, а потом она будет играть в нарды с двоюродным братом Каремом или с Зарой, женой ее брата Мешанга, потом уснет довольная: день прошел хорошо.

Утром, когда Джари разбудила ее, солнце уже встало, и, хотя она немного поплакала от боли, масло и массаж скоро прогнали большую ее часть. Потом ритуальное омовение и первая молитва дня, на коленях перед небольшой домашней мечетью, устроенной в углу спальни, с ее *саджада,* маленьким квадратным, прекрасно сотканным ковриком для молитвы, с ее чашей с чистым песком и, за ней, четки и ее книга Корана с прекрасными узорами. Быстрый завтрак, состоявший из чая, свежего хлеба, еще горячего, из печи, масла, меда и молока, вареного яйца, как всегда – даже в самые тяжелые дни яйца редко оказывались дефицитом, – потом быстро на базар, в чадре, чтобы повидаться с Мешангом, ее обожаемым братом.

– О, Мешанг, мой дорогой, ты выглядишь таким усталым. Ты слышал про нашу квартиру?

– Да-да, слышал, – ответил он грустным голосом; под глазами у него лежали темные тени. Четыре дня, прошедшие с тех пор, как его отец вошел в ворота тюрьмы «Эвин», состарили его. – Сыновья

собаки, все они! Они не иранцы. Я слышал, они из ООП и действуют по указанию этого Революционного комитета. – По его телу пробежала дрожь. – На все воля Аллаха.

– На все воля Аллаха, да. Но мой муж сказал, что человек по имени Теймур, их начальник, сказал ему, что до времени дневной молитвы сегодня мы можем забрать наши вещи.

– Да, я знаю. Твой муж оставил мне записку, перед тем как улететь сегодня утром в Загрос. Я послал Али и Хасана и несколько других слуг с ними, сказал им, чтобы они притворились грузчиками и вывезли оттуда все, что смогут.

– О, спасибо тебе, Мешанг, ты такой умный. – Она испытала большое облегчение. Было бы немыслимо идти туда ей самой. Ее глаза наполнились слезами. – Я знаю, это была воля Аллаха, но я ощущаю такую пустоту без отца.

– Да-да, и со мной то же самое… Иншаллах. – Больше он ничего не мог предпринять. Он все сделал правильно, проследил за омовением тела, которое потом завернули в лучший муслин, затем распоряжался на похоронах. Теперь первая часть траура окончилась. На четвертый день будет еще одна церемония на кладбище, когда они снова будут рыдать и рвать на себе одежды, и все будут безутешны. Но потом, как сейчас, каждый снова взвалит на себя груз бренной жизни: нужно было читать шахаду пять раз в день, соблюдать пять столпов ислама, чтобы обеспечить своей душе дорогу в рай, а не в ад – единственная причина земного существования.

Они молча сидели в маленькой комнате над лавкой, которая еще так недавно была личными покоями Джареда Бакравана. Неужели всего четыре дня прошло с тех пор, как отец вел с Али Киа переговоры о новом займе – который нам каким-то образом нужно будет предоставить, – и Пакнури ворвался сюда, и начались все наши беды. Сын собаки! Это все его вина. Это он привел сюда «зеленых повязок». Да, и он много лет был сущим проклятием. Если бы он не был так слаб, у Шахразады уже было бы пять или шесть детей, и у нас на плечах не сидел бы этот неверный, который делает нас объектом тысячи базарных насмешек.

Он увидел темный синяк у нее под глазом и не стал ничего говорить. Сегодня утром он возблагодарил Бога и согласился со своей женой, что эти побои вывели ее из страшного ступора. «Нет беды в

том, чтобы время от времени получать хорошую трепку, Зара», – сказал он с наслаждением и подумал, что всем женщинам время от времени нужна хорошая трепка, с их постоянным нытьем, и сплетнями, и плачем, и дрязгами, и ревностью, и стремлением всюду влезть, и всеми этими безбожными разговорами о праве голоса, маршах и протестах. Против чего? Против законов Бога?

Я никогда не пойму женщин. С другой стороны, даже Пророк, да славится Его имя, самый совершенный из когда-либо живших людей, даже у него были проблемы с женщинами и несколько жен после Хадиджи, его первой, которая умерла, подарив ему шестерых детей, – как жаль, что ни один сын не пережил его, только дочь, Фатима. И даже после всего этого опыта с женщинами записано, что даже Пророк, даже он должен был время от времени уединяться, уходить в сторону, чтобы обрести покой.

Почему женщины не могут довольствоваться жизнью дома, быть послушными, вести себя тихо и не лезть не в свои дела?

Столько дел. Столько нитей нужно подобрать и разыскать, секретов открыть, счетов, расписок и долгов обнаружить – и так мало времени. Все наше имущество украдено, деревни, поместье на Каспии, дома, квартиры и здания по всему Тегерану – все, о которых известно этим дьяволам! Дьяволам! Этот Революционный комитет, и муллы, и «зеленые повязки» – дьяволы на земле. Как мне с ними со всеми справиться? Но я должен, так или иначе. Должен, потом, в следующем году, я совершу паломничество в Мекку.

– На все воля Бога, – сказал он вслух и почувствовал себя лучше. И так было угодно Богу, что я стал старшим в семье гораздо раньше, чем ожидал, хотя я уже давно готов, готов не хуже любого другого сына, которому предстоит вступить во владение империей отца, даже такой, как империя Бакравана.

И на то была воля Бога, что мне уже известно, где сокрыто большинство секретов, отец шепотом рассказывал мне о них эти последние несколько лет, когда обнаружил, что мне можно доверять и я умней, чем он предполагал. Разве не я подсказал ему почти семь лет назад про номерные счета в швейцарских банках и объяснил про американские казначейские векселя, про инвестиции в недвижимость в США и главное – про «Семь сестер»? Мы заработали миллионы, и все они в безопасности, этим сынам собаки до них не добраться, хвала

Аллаху! В целости и сохранности в Швейцарии, в золоте, землях, надежных ценных бумагах, долларах, немецких марках, иенах и швейцарских франках.

Он увидел, что Шахразада смотрит на него и ждет.

– Слуги управятся со всем до заката, Шахразада, не волнуйся, – сказал он, любя ее, хотя и желая, чтобы она ушла, и он мог продолжать работать. Но пришло время подобрать в горсть и другие нити. – Этот твой муж, он ведь согласился стать мусульманином, не так ли?

– Как любезно с твоей стороны, что ты помнишь об этом, дорогой Мешанг. Мой муж согласился подумать об этом, – сказала она обиженно. – Я учу его всякий раз, когда выпадает возможность.

– Хорошо. Когда он вернется, пожалуйста, передай ему, чтобы он зашел ко мне.

– Да, конечно, – тут же сказала она. Мешанг был теперь главой семьи, и его указаниям полагалось подчиняться беспрекословно.

– Год и один день давным-давно прошли, разве нет?

Шахразада просияла.

– Для меня честь сообщить тебе, дорогой Мешанг, что Аллах, возможно, благословил нас, у меня задержка на день или два.

– Хвала Аллаху. Это стоит отпраздновать! Отец был бы так доволен. – Он похлопал ее по руке. – Хорошо. Теперь, как быть с ним, с твоим мужем? Сейчас был бы самый подходящий момент для развода, не правда ли?

– Нет! О, как ты можешь говорить такие вещи? – вырвалось у нее прежде, чем она успела остановиться. – О, ни в коем случае, о нет, это было бы ужасно, я скорее умру, это было бы кош…

– Замолчи, Шахразада! Подумай! – Мешанг был поражен ее дурным поведением. – Он не иранец, не мусульманин, у него нет денег, нет будущего, он едва ли достоин быть частью рода Бакраванов, разве ты не согласна?

– Да-да, конечно, я… я согласна со всем, что ты говоришь, но, если мне будет позволено добавить… – торопливо заговорила она, опустив глаза, чтобы скрыть свой шок, проклиная себя за то, что не сумела разглядеть, насколько Мешанг был против ее Томми, что он стал врагом, с которым надо вести себя осмотрительно. Как я могла быть такой наивной и глупой? – Я согласна, что тут могут быть проблемы, мой дорогой, согласна со всем, что ты говоришь… –

услышала она свой голос, говоривший ему это самым медоточивым тоном, пока ее мозг работал со скоростью света, анализируя, отбрасывая, пытаясь составить план – на сейчас и на будущее, – потому что без благоволения Мешанга жизнь стала бы очень трудной. – Ты самый мудрый из всех, кого я знаю… но, может быть, мне будет позволено сказать, что это Аллах поставил его на моем пути, отец согласился на мой брак, поэтому, пока Аллах не уберет его с моего пути и пока Он направ…

– Но теперь я глава семьи, и все изменилось. Аятолла все изменил, – резко выговорил он. Локарт ему никогда не нравился, он был противен ему как один из неверных – главной причины всех их бед, прошлых и настоящих, он презирал его как человека, вторгшегося туда, где ему не место, как ненужную статью расходов, но, поскольку у него не было власти вмешаться и из-за молчаливого согласия отца, он держал эти чувства при себе. – Тебе не нужно забивать свою милую головку такими вещами, но революция изменила все. Мы живем сейчас в другом мире, и в свете этого я должен думать о твоем будущем и о будущем твоего сына.

– Ты совершенно прав, Мешанг, и я благословляю тебя за заботу обо мне и моем ребенке, какой ты чудесный, и как нам повезло, что ты печешься обо всех нас, – сказала она, вернув себе самообладание. Она продолжала льстить, уговаривать, извиняться за дурное поведение, используя всю свою хитрость, не давая ему вставить ни слова и переводя разговор на другие темы. Потом, в нужный момент, она сказала: – Я знаю, что ты, должно быть, очень занят. – Она встала с улыбкой. – Вы с Зарой будете дома к ужину? Кузен Карим придет, если его отпустят с базы, это будет так весело, правда? Я не видела его с… – она вовремя спохватилась, – с неделю, а то и больше, но самое главное, Мешанг, повар готовит твой любимый хореш, как раз такой, какой ты любишь больше всего.

– О? В самом деле? О, ну да, да, мы придем… только скажи ему, чтобы не клал слишком много чеснока… теперь по поводу твоего му…

– О, чуть не забыла, Мешанг, дорогой, – выпалила Шахразада, выкладывая последнюю – на данный момент – карту. – Я слышала, ты дал Заре разрешение принять участие в Марше женщин послезавтра, ты такой внимательный и понимающий.

Она увидела, как он вспыхнул, и рассмеялась про себя, зная, что Зара была настроена пойти так же решительно, как он против этого возражал. Гнев вскипел в нем и прорвался наружу. Шахразада терпеливо его слушала, взирая на него чистыми, бесхитростными глазами, послушно кивая во всякий подходящий момент.

– Мой муж согласен с тобой полностью, дорогой Мешанг, – сказала она с должной долей убежденности. – Да, совершенно согласен, дражайший брат, и я обязательно напомню Заре, если она меня спросит, о том, что ты чувствуешь… Не то чтобы это что-то изменило для нее, или для меня, потому что в этом марше протеста мы примем участие. – Она легко чмокнула его в щеку. – До свидания, мой дорогой, постарайся не работать слишком много. Я обязательно передам повару про хореш.

Потом она тут же пошла к Заре и предупредила ее, что Мешанг все еще в бешенстве из-за предстоящей демонстрации.

– Это смешно! Все наши подруги там будут, Шахразада. Он что, хочет нас опозорить перед нашими подругами?

Вместе они составили план. К этому времени было уже далеко за полдень, и Шахразада поспешила домой, чтобы распорядиться насчет хореша:

– В точности так, как господин любит, и если ты переложишь чеснока и хореш не будет идеальным, я… я скажу Ашабагеху-прорицателю, чтобы он навел на тебя дурной глаз! Отправляйся на рынок и купи дыню, он их обожает!

– Но, госпожа, дынь на рынке не было уже с…

– Найди! – прикрикнула она и топнула ножкой. – Не может быть, чтобы ее нельзя было найти!

Потом она следила за тем, как Джари аккуратно складывает всю ее одежду и одежду Томми, проливая время от времени слезинку, не из-за потери квартиры, которую Томми так хотел и которой радовался больше, чем она, а просто от счастья, что она снова дома. Короткий отдых, последняя молитва дня, потом ванна и сейчас – массаж.

– Ну вот, принцесса, – сказала Джари, ее руки устали. – Теперь тебе надо одеться к ужину. Что бы ты хотела надеть?

Наряд, который доставит Мешангу больше всего удовольствия: многоцветная шерстяная юбка и рубашка, которые ему так нравились. Потом она еще раз проверила хореш и праздничное блюдо поло –

приготовленный по-иранski рис с золотистой корочкой, от которого слюнки текли, – и другое любимое лакомство Мешанга, дыню, сладкопахнущую, сочную, совершенной формы.

Потом она ждала, когда придет ее двоюродный брат Карим, которого она так любила, вспоминая то чудесное время, когда они вместе росли, их семьи всегда тесно общались, лето в их поместьях на Каспии, с купанием и катанием на яхтах, зимой – катание на горных лыжах под Тегераном; нескончаемые вечеринки, танцы, смех, Карим – такой же высокий, как и его отец, полковник, начальник базы в Ковиссе, и такой же безупречной внешности. Карим у нее всегда ассоциировался с тем первым сентябрьским вечером, когда она увидела этого странного высокого чужеземца с серо-голубыми глазами, глазами, которые засветились тем небесным огнем, о котором пишут поэты, едва он увидел ее…

– Ваше высочество, его превосходительство капитан Карим Пешади просит позволения увидеть вас.

Шахразада весело выбежала, чтобы приветствовать его. Он стоял и смотрел в окно в малой приемной их дома, где стены были все из маленьких зеркал и окон, складывавшихся в художественный персидский узор, а единственная мебель – непрерывная тахта вдоль стен, на ладонь возвышавшаяся над ковром с коротко стриженным ворсом, мягкая, обтянутая прекраснейшей персидской тканью, как и спинка, также раскинувшаяся вдоль всех стен.

– Милый Карим, как чу… – Шахразада осеклась. Сегодня она видела его в первый раз с того дня, когда, неделю назад, они вместе участвовали в выступлениях в Дошан-Таппехе, и она видела перед собой незнакомца – натянутая кожа на высоких скулах, мертвенная бледность, темные круги вокруг глаз, щетина на небритых щеках, мятая одежда – раньше он всегда был безукоризненно одет, выбрит и причесан. – О, Карим, что случилось?

Его рот шевельнулся, но никаких звуков не последовало. Он попробовал еще раз.

– Отец мертв, расстрелян за преступления против ислама, я под подозрением и отстранен от работы, меня могут арестовать в любой момент, – с горечью выговорил он. – Большинство наших друзей под подозрением, полковник Джабани исчез, его обвиняют в измене… Ты

помнишь его, тот самый, который повел людей против «бессмертных», ему тогда еще большую часть руки оторвало…

Онемев, она слушала, глядя на него.

– …но это еще не самое плохое, дорогая Шахразада. Дядя… Дядя Валик, и Аннуш, и маленький Джалал, и Сетарем – все мертвы, их убили, когда они пытались бежать в Ирак на гражданском 212-м…

Ее сердце словно остановилось, и мир начал рушиться.

– … истребители-перехватчики сбили их возле иракской границы. Сегодня я был в штабе, ждал там, чтобы ответить на вопросы нашего комитета, когда с нашей базы в Абадане пришел телекс – эти комитетские сыновья собаки все неграмотные, поэтому они попросили меня прочитать им текст вслух, не зная, что я как-то связан с Валиком, что мы все родственники. Телекс был помечен грифом «секретно», и в нем говорилось, что предатели генерал Валик и генерал Селади были опознаны на месте падения 212-го по своим удостоверениям вместе с остальными и… и женщина и два ребенка… а нас просили заняться вертолетом, предположительно он из компании Тома, и его угнали, EP-HBC…

Она потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, Джари промакивала ей лоб холодным влажным полотенцем, остальные слуги встревоженно толпились вокруг, Карим стоял позади них с извиняющимся выражением на бледном лице. Она тупо посмотрела на него. Потом все, что он говорил, хлынуло назад в ее сознание, в этом потоке она вспомнила, что говорил Эрикки, и странное поведение Тома. И как только эти три стороны соединились, новая волна ужаса начала накрывать ее с головой.

– Его… его превосходительство Мешанг уже приехал? – спросила она слабым голосом.

– Нет, принцесса, нет еще. Позвольте проводить вас в кровать, вам станет лучше, ес…

– Я… нет, спасибо, Джари, я… я в порядке. Пожалуйста, оставьте нас.

– Но, прин…

– Оставьте нас!

Они подчинились. Карим был полон душевной муки.

– Пожалуйста, извини меня, дорогая Шахразада, не надо мне было волновать тебя всеми этими проблемами, но я… я узнал про… про отца только сегодня утром, прости меня, Шахразада, не женское это дело, тревожиться по поводу… э…

– Карим, послушай меня, умоляю, – оборвала она его с растущим отчаянием. – Что бы ты ни делал, не упоминай про дядю Валика, не говори Мешангу ни про него, ни про… остальных, пока не надо, прошу тебя, не надо пока! Не говори про Валика!

– Но почему?

– Потому что… потому что… – О Аллах, о Аллах, что же мне делать? – думала она. Ей хотелось кричать. Я уверена, что НВС пилотировал Томми. О Аллах, сделай так, чтобы я ошибалась, но я уверена, что Эрикки сказал именно это, когда я спросила его, как долго Томми не будет. Разве он не говорил: «Не волнуйся, у Томми рейс до Бендер-Делама, НВС с запчастями, это не должно занять больше дня-двух»? Разве Бендер-Делам не рядом с Абаданом, а это рядом с границей? Разве дядя Валик не приходил к Томми поздно вечером, слишком поздно, если это не было делом особой срочности, а потом, когда он ушел, разве Томми не изменился, не смотрел с несчастным лицом на огонь в камине? «Родственники должны заботиться о родственниках», – разве не это он тогда пробормотал? О Аллах, помоги мне…

– Что такое, Шахразада, в чем дело?

– Я не осмелюсь рассказать тебе, Карим, хотя тебе я доверила бы свою жизнь, я должна защитить Томми… если Мешанг узнает про Томми, это будет для нас концом, концом всего! Без Томми я… я умру, я знаю, что умру, я… что там Томми говорил о том, что нужно перегнать вертолет? Перегнать в Эль-Шаргаз? Туда или в Нигерию? Я не смею сказать тебе, Карим, не смею…

Но когда ее глаза вобрали в себя всю огромность его озабоченности и тревоги, ее рот открылся, и она выпалила ему все, что боялась произнести.

– Но это невозможно, – запинаясь, пробормотал он, – невозможно, в телексе говорилось, что в вертолете не выжил никто, невозможно, чтобы он был там пилотом.

– Да, но он был, он был, я уверена, я уверена в этом. О, Карим, что мне делать? Пожалуйста, помоги мне, пожалуйста, умоляю, помоги

мнееееe! – По ее щекам струились слезы, и он обнял ее, стараясь успокоить. – Пожалуйста, не говори Мешангу, прошу, помоги мне, если мой Томми… я умру.

– Но Мешанг все равно об этом услышит! Он должен знать.

– Пожалуйста, помоги мне. Не может быть, чтобы ты ничего не мог сделать, не мо…

Дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошел Мешанг, он был с Зарой.

– Шахразада, моя дорогая, Джари сказала, что у тебя был обморок, что случилось, ты в порядке? Карим, здравствуй, как поживаешь? – Мешанг замолчал, пораженный переменой во внешности Карима и его бледностью. – Что, ради всего святого, произошло?

В молчании Шахразада поднесла руку к губам, холодея от страха, что она опять все сейчас расскажет. Она видела, что Карим колеблется. Молчание сгущалось, потом она услышала, как он торопливо заговорил:

– У меня ужасные новости. Во-первых… во-первых про моего… моего отца. Его расстреляли, расстреляли за… преступления против ислама…

– Это невозможно! – вырвалось у Мешанга. – Героя Дхофара? Это, должно быть, ошибка!

– Про его превосходительство Джареда Бакравана тоже говорили «невозможно», но он мертв, и отец убит, как и он, и есть еще новости, такие же плохие…

Шахразада беспомощно расплакалась, Зара обняла ее, и сердце Карима потянулось к ней, и он похоронил Валика, его жену и детей, предоставив другим принести эту весть.

– Иншаллах, – сказал он, ненавидя это оправдание, которое уже не мог принимать для тех святотатственных преступлений, которые люди совершали именем Бога, Бога, которого этим людям никогда не дано узнать. Аятолла – истинный дар Аллаха. Нам нужно лишь следовать за ним, чтобы очистить ислам от этих гнусных богохульников, думал он. Аллах накажет их после смерти, а мы, живые, должны покарать их смертью.

– Мои новости все плохие, я под подозрением, как и большинство моих друзей, все военно-воздушные силы под судом. Я по глупости

рассказал Шахразаде… я хотел, чтобы ты знал, Мешанг, но я сделал глупость и рассказал ей, вот почему она… она упала в обморок. Пожалуйста, извините меня, мне жаль, но я не могу остаться, не могу, мне нужно… нужно возвращаться. Я просто хотел сказать вам про… мне нужно было сказать кому-то…

Кабинет Мак-Айвера. 22.20. Мак-Айвер был один в офисе на верхнем этаже, он сидел в скрипучем кресле, удобно забросив ноги на стол, и читал. Освещение было хорошим, и в кабинете тепло благодаря их собственному генератору. Телекс он включил, высокочастотную рацию тоже. Время стояло позднее, но смысла торопиться домой, где холодно, сыро, и где нет Дженни, он пока не видел. Он поднял глаза. На лестнице снаружи послышались торопливые шаги. Стук в дверь прозвучал нервно.

– Кто там?

– Капитан Мак-Айвер? Это я, капитан Пешади, Карим Пешади.

Пораженный, Мак-Айвер отпер дверь. Он хорошо знал этого молодого человека, и как студента вертолетной школы, и как любимого двоюродного брата Шахразады. Он протянул ему руку, пряча еще больше удивление, которое в нем вызвал вид молодого офицера.

– Входите, Карим, чем я могу быть вам полезен? Я был ужасно расстроен, узнав об аресте вашего отца.

– Его расстреляли два дня назад.

– О Господи!

– Да. Извините, я не могу сообщить вам ничего приятного. – Карим торопливо закрыл дверь и понизил голос. – Простите, но мне нужно спешить, я уже на несколько часов опаздываю из увольнительной, но я только что был у Шахразады… Я зашел к вам на квартиру, но капитан Петтикин сказал, что вы здесь. Сегодня я прочел секретный телекс с нашей базы в Абадане. – Он передал Мак-Айверу его содержание.

Мак-Айвер пришел в ужас, который постарался скрыть.

– Вы говорили об этом капитану Петтикину?

– Нет-нет, я подумал, что мне следует сказать это только вам.

– Насколько нам известно, НВС был угнан. Ни один из наших пилотов не…

– Я здесь не в официальном качестве, я просто пришел к вам, потому что Тома здесь нет. Я не знал, что мне еще делать. Сегодня вечером я видел Шахразаду и узнал, совершенно случайно, про Тома. – Он повторил то, что ему сказала Шахразада. – Как Том может быть жив, когда все они погибли?

Мак-Айвер почувствовал, как в груди опять поднимается боль.

– Она ошибается.

– Именем Бога, скажите мне правду! Вы не можете не знать! Том должен был вам рассказать, вы можете доверять мне, – взорвался молодой иранец, вне себя от тревоги. – Возможно, я смогу помочь. Том в ужасной опасности, как и Шахразада и все наши семьи! Вы должны мне верить! Как Тому удалось выбраться?

Мак-Айвер почувствовал, как узел все туже затягивается вокруг них – Локарта, Петтикина, его самого. Не теряй головы, приказал он себе, будь осторожен. Тебе нельзя ни в чем сознаваться. Не признавайся ни в чем.

– Насколько я знаю, Тома даже близко не было от НВС.

– Вы лжете! – в ярости воскликнул Карим, и сказал ему все, до чего додумался по дороге сюда, пока шагал пешком, толкался в автобусе, снова шел пешком, а вокруг падал снег, и он чувствовал внутри холод и отчаяние – ему еще предстояло предстать перед комитетом. – Вы должны были подписать разрешение на полет, вы или Петтикин, и в нем должно стоять имя Тома. Я слишком хорошо вас всех знаю, я помню, как вы постоянно вколачивали нам в голову, что летать нужно с соблюдением всех формальностей, с подписанием бланков, что всегда надо ставить подпись на бланке. Говорили ведь, разве нет? Разве нет?! – уже прокричал он.

– Думаю, вам лучше уйти, капитан, – сухо произнес Мак-Айвер.

– Вы замешаны в этом так же, как и Том, неужели вы не видите? У вас такие же проблемы, как и…

– Думаю, вам лучше оставить этот разговор. Я понимаю, что вы измучены, и то, что случилось с вашим отцом, ужасно, – мягко проговорил он. – Мне действительно ужасно жаль.

В наступившей тишине было слышно лишь тихое гудение рации и генератора, расположенного над ними на крыше. Мак-Айвер ждал. Потом молодой человек слегка кивнул.

– Вы правы, – расстроенно произнес он, – с чего вам мне доверять? Мы утратили доверие, оно покинуло нас. Наш мир стал адом на земле, и все из-за шаха. Мы доверились ему, а он подвел нас, дал нам фальшивых союзников, надел намордники на наших генералов, сбежал и оставил нас в этой яме, опозоренных, оставил нас ложным муллам. Я клянусь Богом, что вы можете мне доверять, но какая от этого разница вам или всем остальным? Доверие ушло из нас. – Его лицо передернулось. – Может быть, Бог ушел из нас. – Коротковолновая рация в соседней комнате издала едва уловимое потрескивание, помехи от грозы, бушевавшей где-то. – Вы можете связаться с Загросом? Шахразада сказала, что Том вернулся туда сегодня утром.

– Я уже пытался, но связаться с ними не получилось, – искренне ответил Мак-Айвер. – В это время года связь с ними установить почти невозможно, но я слышал, что они долетели нормально. Наша база в Ковиссе передала сюда их сообщение сразу после полудня.

– Вам… вам лучше передать Тому то, что я вам рассказал. Передайте ему, чтобы выбирался из страны. – Голос Карима звучал бесцветно и глухо. – Вы все счастливчики, вы все можете отправиться домой. – Тут его отчаяние прорвалось, и слезы побежали по щекам.

– Эх, парень… – Мак-Айвер сочувственно обнял его за плечи, успокаивая юношу одних лет с его сыном, который мирно жил в Англии, был в безопасности на земле, работал врачом, не имел с полетами ничего общего… Боже милосердный, да кто, черт возьми, когда бывает в безопасности?

Через некоторое время он почувствовал, что грудь молодого иранца вздымается и вздрагивает уже не так сильно. Чтобы сохранить Кариму лицо, он отошел, повернулся и посмотрел в сторону их кухоньки.

– Я как раз собирался выпить чаю, вы не составите мне компанию?

– Я… я просто выпью воды, а потом пойду, спасибо.

Мак-Айвер тут же принес ему стакан. Бедняга, думал он, какая ужасная новость про его отца, такого замечательного человека, жесткого, бескомпромиссного, но честного и преданного, и никогда не пытавшегося заработать на стороне. Ужасно. Боже ты мой, если они

расстреляли его, они расстреляют кого угодно. Нам всем скоро крышка, хоть так, хоть этак.

– Держите, – холодея, произнес он, подавая Кариму воду.

Молодой человек взял стакан, стыдясь, что потерял самообладание перед чужеземцем.

– Спасибо. Доброй ночи. – Он увидел, что Мак-Айвер странно смотрит на него. – Что?

– Просто мысль вдруг в голову пришла, Карим. Вы могли бы попасть на диспетчерскую вышку в Дошан-Таппехе?

– Не знаю. А зачем?

– Если бы смогли, – так, чтобы никто не знал, что вам нужно, – может быть, вы смогли бы отыскать разрешение на полет НВС, оно должно быть в журнале вылетов, если они в тот день пользовались журналом. Тогда мы могли бы посмотреть, кто его пилотировал, не так ли? А?

– Да. Но что от этого толку? – Карим вглядывался в светлые глаза на изрезанном морщинами лице. – У них были бы включены магнитофоны автоматической записи.

– Может быть. А может быть, и нет. Там тогда шли бои, может быть, они работали не столь эффективно. Насколько нам известно, человек, пилотировавший НВС, не передавал и не получал устного разрешения на взлет с диспетчерской вышки. Он просто взлетел. Может быть, во всей этой кутерьме они даже не записали никакого разрешения. – В Мак-Айвере затеплилась надежда, когда он стал развивать эту мысль. – Только в журнале это будет видно, в журнале разрешений на вылет. Нет?

Карим старался сообразить, к чему Мак-Айвер клонит.

– А что, если в разрешении стоит Том Локарт?

– Я не понимаю, как там могло оказаться это имя, потому что тогда там будет стоять и моя подпись, и тогда это… э-э… это будет подделка. – Мак-Айверу были крайне неприятны все эти увертки и ухищрения, его наскоро состряпанная история с каждой минутой выглядела все менее убедительно. – Единственное разрешение, которое я подписал, касалось Ноггера Лейна, который должен был доставить запчасти в Бендер-Делам, но я отменил полет и снял его до того, как он мог успеть вылететь. С запчастями срочности не было, ну

а потом пошло одно, другое, третье, а когда разобрались, НВС уже угнали.

– Это разрешение является единственной уликой?

– Только Богу это известно наверняка. Если в разрешении стоит Том Локарт и оно подписано мной, значит, оно подделано. Такой поддельный документ может наделать много бед. Как таковой он вообще не должен существовать. А?

Карим медленно покачал головой, мысленно уже поднимаясь на вышку, мимо охранников – там будет охрана? – открывая журнал, отыскивая нужную страницу и видя… видя одного из «зеленых повязок» на пороге, но убивая его, забирая журнал и торопясь прочь, так же бесшумно и незаметно, как и пришел, направляясь прямиком к аятолле, рассказывая ему о чудовищном преступлении, совершенном против его отца, мудрый аятолла слушает его внимательно, а не как эти псы, которые перевирают слово Аллаха, и тут же приказывает отомстить именем Бога Единого. Потом он идет к Мешангу и говорит ему, что его семье ничего не грозит, но, что еще важнее, он знает, что Шахразада, которую он любил и желал до умопомрачения, но которой никак не мог обладать в этой жизни, будучи ее двоюродным братом, что Шахразада тоже спасена.

– Это разрешение не должно существовать, – сказал он, почувствовав себя очень усталым. Он поднялся. – Я постараюсь. Да. Я постараюсь. Что случилось с Томом?

Позади Мак-Айвер услышал стрекотание телекса. Оба вздрогнули. Мак-Айвер снова сосредоточил свое внимание на Кариме.

– Когда увидите его, спросите у него, это будет правильно. Не так ли? Спросите у Тома.

– Салам.

Они пожали руки, и он ушел, а Мак-Айвер запер за ним дверь. Телекс был от Дженни из Эль-Шаргаза. «Привет, ребенок номер один. Долго беседовала с Китайцем, который прилетает завтра вечером, в понедельник, и будет на борту 125-го на рейсе в Тегеран во вторник. Он говорит, чтобы ты совершенно обязательно встретил его для разговора в аэропорту. Здесь все готово для ремонта 212-х и их быстрого возвращения. Подтверди получение. Говорила с детьми в Англии, у них все хорошо. Я здесь чудесно провожу время, совершаю

налеты на город, рада, что тебя здесь нет, почему тебя здесь нет? Мак-Аллистер».

Мак-Аллистер была ее девичья фамилия, и она пользовалась ею, только когда была сильно зла на него.

– Добрая старушка Джен, – произнес он вслух; мысль о ней подняла ему настроение. Он был рад, что она в безопасности, далеко от здешней неразберихи. Был рад, что она звонила детям: для нее это всегда радость. Добрая старушка Джен. Он перечел телекс. Что, черт возьми, такого совершенно обязательного может быть у Энди? Ладно, скоро узнаю. По крайней мере, мы можем общаться через Эль-Шаргаз. Он уселся в кресло и начал набивать подтверждение.

Когда стемнело, он получил телекс из штаб-квартиры в Абердине, но текст прошел смазанным, разобрать удалось только подпись: Гаваллан. Он тут же запросил повтор и с тех пор все ждал. Радиосвязь сегодня тоже была плохая. Ходили слухи о снежных бурях в горах, и Всемирная служба Би-би-си, затухая быстрее и надольше, чем обычно, рассказала о сильных бурях над всей Европой и восточным побережьем Америки, ужасных наводнениях в Бразилии. Новости в целом были поганые: в Британии продолжаются забастовки, во Вьетнаме идут тяжелые сражения между вьетнамской и китайской армиями, родезийский лайнер сбит партизанами при заходе на посадку, Картер, как ожидается, введет талоны на бензин, Советы провели испытание крылатой ракеты с радиусом действия более двух тысяч километров, а в Иране «председатель Ясир Арафат встретился с аятоллой Хомейни и был очень тепло принят, оба лидера публично обнялись, и ООП заняла здание израильской миссии в Тегеране. По сообщениям, были расстреляны еще четыре генерала. В Азербайджане продолжаются тяжелые бои между сторонниками и противниками Хомейни, премьер-министр Базарган приказал США закрыть два пункта радиолокационного наблюдения на советско-иранской границе и организовал встречу между советским послом и аятоллой Хомейни в течение последующих нескольких дней для обсуждения имеющихся между странами разногласий…»

Расстроенный, Мак-Айвер выключил приемник, от постоянного напряжения, с которым ему приходилось отделять новости от помех, у него разболелась голова. Голова у него, собственно, болела весь день. Все началось после его встречи сегодня утром с министром Али Киа.

Киа принял векселя, выданные на швейцарский банк, «лицензионный сбор», за вывоз трех 212-х, а также за шесть взлетов и посадок 125-го, и пообещал выяснить насчет изгнания из Загроса: «Передайте пока загросскому комитету, что их решение отменяется нашим министерством до расследования ситуации».

Много от этого будет толку, когда ты смотришь в зрачок автоматного дула! – подумал Мак-Айвер. Интересно, как там дела у Эрикки и Ноггера. Сегодня днем прошел телекс, переданный службой управления воздушным движением Тебриза от «Иран Ойл»: «Капитаны Иокконен и Лейн требуются здесь для проведения экстренных работ в течение трех дней. Обычные условия для чартерных рейсов. Спасибо». Текст, как обычно, был подписан местным менеджером компании и выглядел как стандартная просьба. Пусть Ноггер лучше летает, чем протирает тут задницу, подумал Мак-Айвер. Интересно, зачем Азадэ понадобилась своему отцу?

Ровно в семь тридцать Ковисс вышел на связь, но качество связи было едва два на пять, слова были еле различимы и постоянно затухали. Фредди Эйр доложил, что Старк вернулся невредимым.

– Слава богу!

– Повто… ышу вас… дин на пять, капи… ем.

– Повторяю, – произнес он медленно и отчетливо. – Передайте Старку, я очень рад, что он вернулся. Он в порядке?

– …тан Старк…тил на воп… тета…тельно.

– Повторите еще раз, Ковисс.

– Повторяю, капита… рк отве… росы комите… удовл…

– Вы проходите всего один на пять. Попробуйте еще раз вечером в девять; еще лучше, я буду здесь допоздна и попробую связаться около одиннадцати.

– Понял ва… юсь позже… коло… иннадцати сегодня?

– Да. Около одиннадцати сегодня вечером?

– Капи… харт и Жан-Люк при… Загрос… получно.

Остальное разобрать было невозможно. Потом он сел и стал ждать. Немного подремал, немного почитал и сейчас, сидя за телексом, снова взглянул на часы: десять тридцать девять.

– Как только закончу с этим, буду вызывать Ковисс, – сказал он вслух. Он аккуратно набирал послание жене и добавил для Мануэлы,

что в Ковиссе все в порядке, – в порядке и есть, подумал он, раз Старк вернулся живой-здоровый, и с ребятами все нормально.

Он вставил перфорированную ленту в отправляющее устройство с зубчатыми колесиками, набрал номер Эль-Шаргаза, бесконечно долго ждал, пока установится соединение, потом нажал на клавишу передачи. Лента с клацаньем потянулась через колесики. Еще одно длительное ожидание, но в итоге на аппарате появился код приема послания Эль-Шаргазом.

– Хорошо. – Он встал и потянулся. В ящике письменного стола лежали его таблетки, и он достал вторую за сегодня. – Чертово давление, – пробормотал он. При последнем медицинском осмотре давление у него было сто шестьдесят на сто пятнадцать. Таблетки снизили его до позволявших чувствовать себя нормально сто тридцать пять на восемьдесят пять.

– Но послушай, Мак, это не означает, что ты можешь хлестать виски, вино, есть яйца и сливки. Твой уровень холестерина слишком вы…

– Какие еще, к черту, виски и сливки, док? Это Иран…

Он вспомнил, каким был раздражительным в тот день, и когда Дженни спросила: «Ну, как там дела?» – он ответил: «Отлично. Лучше, чем в прошлый раз, так что не нужно зудеть!»

А, к черту все это! Я не могу сделать ничего, кроме того, что и так делаю, но вот уж что бы мне точно не помешало, так это большой бокал виски с содовой и со льдом, а потом – еще один. Обычно в сейфе у него стояла бутылка, а в маленьком холодильнике были лед и содовая. Теперь уже нет. Запасы на нуле. Он сделал себе чашку чая. Как быть с Каримом и НВС? Об этом позже. Двадцать три часа.

– Ковисс, говорит Тегеран, как слышите? – Он терпеливо повторял эту фразу раз за разом, потом прекратил. Через четверть часа попробовал снова. Связи не было. – Наверное, буря, – сказал он, исчерпав терпение. – К черту все это, попробую еще раз из дома.

Он надел толстое пальто и поднялся по винтовой лестнице на крышу проверить уровень топлива в генераторе. Ночь была очень темная и тихая, стрельбы почти не было, а ту, что была, приглушал падающий снег. Нигде он не увидел ни одного фонаря или светящегося окна. Снег по-прежнему падал, легко кружась, с утра его слой поднялся сантиметров на десять. Он смахнул снежинки с лица и

посветил фонариком на датчик. Уровень топлива был нормальным, но им каким-то образом придется обновить свои запасы горючего в течение нескольких следующих дней. Как некстати, черт подери! Что же делать с НВС? Если бы Карим смог достать журнал, и журнал можно было бы уничтожить, то улик не останется, так? Так, но как быть с Исфаханом, дозаправкой в Исфахане?

Погруженный в мысли, он спустился вниз, запер двери, и, освещая фонарем дорогу, начал спускаться по лестнице на первый этаж. Он не услышал, как телекс вновь ожил за его спиной.

В гараже он подошел к машине и отпер ее. Сердце скакнуло в горло, когда он увидел высокую фигуру, направлявшуюся к нему. Слова «САВАК» и «НВС» запрыгали в мозгу, и он едва не выронил фонарь, но человек оказался Армстронгом, в темном плаще и шляпе.

– Извините, капитан Мак-Айвер, я не хотел напугать вас.

– Черт, а напугали! – гневно бросил он, ощущая гулкие удары сердца. – Какого черта вы не сказали, что это вы, а то вообще поднялись бы в офис, чем прятаться по темным углам, как злодею?

– У вас могли появиться и другие посетители. Я видел, как один выходил от вас, поэтому подумал, что лучше подожду вас здесь. Извините. Пожалуйста, опустите фонарь.

Мак-Айвер сердито опустил фонарь. С тех пор как Гаваллан вспомнил, где он встречал Армстронга, Мак-Айвер копался в собственной памяти, но так и не припомнил, пересекались ли они. Специальная служба и Управление уголовного розыска не способствовали смягчению его неприязни к этому человеку.

– Где вы были, черт побери? Мы ждали вас в аэропорту, но вы так и не появились.

– Да, извините, что так получилось. Когда 125-й возвращается в Тегеран?

– Во вторник, если на то будет воля Аллаха. А что?

– Когда примерно?

– В полдень, а что?

– Отлично. Это было бы то, что надо. Мне нужно в Тебриз, могли бы мы с другом его зафрахтовать?

– Никоим образом. Мне в жизни не получить разрешения, а кто ваш друг?

– Получение разрешения я гарантирую. Извините, капитан, но это крайне важно.

– Я слышал, в Тебризе идут ожесточенные бои, сегодня в новостях передавали. Извините, никак не могу дать разрешения, это был бы неоправданный риск для экипажа.

– Мистер Талбот будет рад добавить свой голос к этой просьбе, – произнес Армстронг все тем же ровным, терпеливым голосом.

– Нет. Извините. – Мак-Айвер повернулся, но его остановила внезапно появившаяся в голосе Армстронга желчь.

– Прежде чем вы уйдете, могу я поинтересоваться насчет НВС и Локарта и вашего партнера Валика, его жены, детей?

Мак-Айвер застыл на месте. Он видел перед собой каменное лицо, твердо сжатый рот, глаза, поблескивавшие в отраженном свете его фонаря.

– Я… я не понимаю, о чем вы.

Армстронг опустил руку в карман, достал оттуда лист бумаги, развернул его и поднес к лицу Мак-Айвера. Мак-Айвер направил на бумагу кружок яркого света. Лист представлял собой ксерокопию записи в журнале разрешений на вылет. Почерк был четким. «EP-HBC разрешен вылет в 06.20 для осуществления чартерного рейса ИВК в Бендер-Делам, доставка запчастей; пилот – капитан Т. Локарт, разрешение на полет выдано капитаном Мак-Айвером». В нижней части листа была фотокопия самого разрешения, подписанного им, где имя капитана Н. Лейна было зачеркнуто с пометкой «болен» и вместо него вписано имя капитана Т. Локарта.

– Подарок вам, с моими поздравлениями.

– Где вы это раздобыли?

– Когда 125-й войдет в воздушное пространство Тегерана, радируйте капитану Хоггу, что у него немедленный чартерный рейс в Тебриз. Разрешение вы получите заранее.

– Нет. Я не стану по…

– Если вы не организуете все по-хорошему, никого в это особо не посвящая, то есть сохранив все строго между нами, – произнес Армстронг с такой непреложностью, что Мак-Айвер не на шутку испугался, – оригиналы этих документов отправятся в САВАК, переименованный теперь в САВАМА.

– Это шантаж!

– Это бартер. – Армстронг сунул лист ему в руки и повернулся, чтобы уйти.

– Погодите! Где… где оригиналы сейчас?

– Не в их руках… пока что.

– Если… если я сделаю, как вы говорите, я получу их назад, хорошо?

– Вы, наверное, шутите? Назад вы не получите ничего.

– Это нечестно… так нечестно, черт подери!

Армстронг вернулся и встал перед ним; его лицо было похоже на маску.

– Конечно нечестно. Получив их назад, вы выскользнете из тисков, не так ли? Все вы. Пока эти документы существуют, вы будете делать то, что от вас требуется, не правда ли?

– Ты чертов сукин сын!

– А ты дурак, которому нужно следить за своим давлением.

Мак-Айвер разинул рот.

– Откуда вы знаете?

– Вы поразитесь тому, сколько я знаю всего про вас, Гиневру Мак-Аллистер, Эндрю Гаваллана, Благородный дом и еще кучу всего, чем я еще не начал пользоваться. – Голос Армстронга стал грубее, усталость и тревога мешали ему владеть собой. – Вы что, черт подери, не понимаете, насколько велика вероятность, что советские танки и самолеты придут и навсегда останутся по эту сторону Ормуза, а Иран превратится в чертову советскую провинцию? Я устал играть в веселых полудурков с вами, страусами. Просто сделайте, что я прошу, без всяких споров, а если не сделаете, я сдам вас всех к чертям.

ВТОРНИК
20 февраля

ГЛАВА 39

Тебриз. 05.12. В маленькой лачужке на краю родового поместья хана Росс внезапно пробудился. Он остался лежать неподвижно, следя, чтобы дыхание оставалось таким же ровным, но все его органы чувств обострились. Как будто ничего неподобающего, только звон неисчезающих насекомых и спертый воздух в комнате. В окно ему было видно, что ночь еще темная, небо по большей части затянуто тучами. На втором топчане спал, свернувшись калачиком, Гуэнг; его дыхание было спокойным. Из-за холода оба мужчины легли спать не раздеваясь. Росс бесшумно скользнул к окну и вперился взглядом в ночную темень. По-прежнему ничего. В следующий миг он услышал рядом с ухом шепот Гуэнга:

– Что такое, сахиб?

– Не знаю. Наверное, ничего.

Гуэнг легко толкнул его в бок и показал рукой. Часового на стуле на веранде снаружи не было.

– Может, пошел отлить.

Раньше с ними всегда был хотя бы один охранник. И днем и ночью. Прошлой ночью их было двое, поэтому Росс сделал в своей кровати чучело и оставил Гуэнга отвлекать их, а сам выскользнул из заднего окна и отправился к Эрикки и Азадэ один. На обратном пути он едва не налетел на патруль, но охранники были сонные и невнимательные, и ему удалось проскользнуть мимо.

– Посмотри, что там сзади, – прошептал Росс.

Они снова смотрели и ждали. Рассвет примерно через час, прикинул Росс.

– Сахиб, может, это был просто дух гор, – тихо предположил Гуэнг. В краю на вершине мира бытовало поверье, что ночью духи посещают кровати спящих мужчин, женщин и детей, когда с доброй целью, когда с дурной, и что сны на самом деле не что иное, как истории, которые эти духи нашептывали.

Маленький гуркха продолжал ощупывать темноту глазами и ушами.

– Думаю нам стоит уделить духам должное внимание. – Он вернулся к своей кровати и надел ботинки, переложил талисман, который держал под подушкой, в карман своей форменной рубашки, потом надел сверху халат горца и чалму. С привычной ловкостью он проверил гранаты и карабин и уложил в грубый заплечный мешок патроны, гранаты, воду и небольшой запас провизии. Кукри проверять не было нужды, нож всегда был под рукой, всегда смазанный и вычищенный на ночь – и наточенный на ночь – перед самым сном.

Теперь и Росс был полностью готов. Только вот к чему? – спрашивал он себя. И пяти минут не прошло, как ты проснулся, и вот, погляди на себя: кукри свободно ходит в ножнах, предохранитель снят – и чего ради? Если бы Абдолла желал тебе вреда, он бы уже забрал у тебя оружие или попытался забрать.

Вчера днем они слышали, как 206-й поднялся в воздух, и вскоре после этого их навестил Абдолла-хан.

– А, капитан, извините за задержку, но охота за вашими головами стала только хуже. Наши советские друзья назначили за вас очень высокую цену, – весело сообщил он им. – Достаточную, чтобы даже я, может быть, почувствовал искушение.

– Будем надеяться, что этого не случится, сэр. Как долго еще нам придется ждать?

– Несколько дней, не больше. Похоже, что вы зачем-то очень сильно нужны Советам. У меня была еще одна депутация от них, просили помочь им схватить вас, первая была здесь еще до вашего появления. Но не волнуйтесь, я знаю, где лежит будущее Ирана.

Вчера вечером Эрикки подтвердил информацию о награде:

– Сегодня я был рядом с Сабаланом, они зачищали еще один пункт радиолокационного наблюдения. Некоторые из рабочих подумали, что я русский, – среди приграничного населения многие говорят по-русски – и сказали, что надеются первыми поймать британского диверсанта и его помощника. Награда – пять лошадей, пять верблюдов и пятьдесят овец. Это целое состояние, и если о вас знают даже так далеко на севере, можете быть уверены, что вас и здесь ищут.

– Русские наблюдают за вами?

– Только Чимтарга, но даже и он, похоже, там не командует. Распоряжается только мной и вертолетом. Те, кто говорили по-русски, все спрашивали меня, когда мы двинемся через границу большими силами.

– Бог мой… а у них есть основания для таких вопросов?

– Сомневаюсь, скорее просто слухи. Люди здесь ими живут. Я одному такому говорю: «Никогда», а он только фыркнул и сказал, что у нас тут «километры» танков и войск стоят, ждут, дескать, своими глазами видел. На фарси я не говорю, поэтому не знаю, может, это был еще один кэгэбэшник, переодетый горцем.

– А этот «груз» который вы вывозите оттуда? Что-нибудь важное?

– Не знаю. Несколько компьютеров, множество черных коробок и бумаг – они держат меня подальше от них, но ничего из оборудования не демонтировалось специалистами, его просто вырывали из стены, обрезали провода, складывали кое-как с болтающимися концами. Единственное, что рабочих по-настоящему интересует, это содержимое кладовок, особенно сигареты.

Они поговорили о побеге. Планы строить невозможно. Слишком много непредсказуемого.

– Не знаю, как долго они будут заставлять меня летать, – сказал Эрикки. – Этот ублюдок Чимтарга сказал мне, что премьер-министр Базарган приказал американцам покинуть еще две точки, далеко на востоке, ближе к Турции, последние, что у них здесь оставались, приказал им немедленно эвакуировать персонал, а оборудование не трогать. Мы вроде бы должны лететь туда завтра.

– Это вы сегодня пользовались 206-м?

– Нет, это был Ноггер Лейн, один из наших капитанов. Он прилетел сюда с нами, чтобы отогнать 206-й назад в Тегеран. Управляющий нашей базы сообщил мне, что они задействовали Ноггера, чтобы осмотреть кое-какие районы, где идут боевые действия. Когда Мак-Айвер перестанет слышать о нас, у него будет шок, и он пошлет поисковую группу. Это, возможно, даст нам еще один шанс. А как у вас обстоят дела?

– Мы, наверное, улизнем. Я что-то начинаю сильно нервничать в этой мерзкой лачужке. Если мы снимемся с места, то, возможно, направимся к вашей базе и спрячемся в лесу. Если сможем, дадим вам знать, но вы нас не ждите. Хорошо?

– Хорошо, только на базе никому не доверяйте, кроме двух механиков, Диббла и Арберри.

– Я могу для вас что-нибудь сделать?

– Вы могли бы оставить мне одну гранату?

– Конечно. Вы ими когда-нибудь пользовались?

– Нет, но я знаю, как они работают.

– Хорошо. Держите. Выдерните чеку и сосчитайте до трех, не до четырех, потом бросайте. Оружие вам нужно?

– Нет-нет, спасибо. У меня есть мой нож, но вот граната может пригодиться.

– Помните, они иногда оставляют за собой изрядный кавардак. Ну, мне пора. Удачи.

Росс взглянул на Азадэ, когда говорил это, видя, какая она красивая, и так остро чувствуя, что их время уже начертано среди звезд, или на ветре, или в звоне колоколов, который летом был такой же неотъемлемой частью горной страны, как и сами ее пики. Он все спрашивал себя, почему она ни разу не ответила на его письма, потом школа сообщила ему, что она уехала. Уехала домой. Уехала. В их последний день она сказал ему:

– Все то, что произошло, может не повториться снова, мой Ясноглазый Джонни.

– Знаю. Если не повторится, я умру счастливым, потому что знаю, что такое любовь. Правда. Я люблю тебя, Азадэ.

Последний поцелуй. Потом он спустился к поезду, помахал рукой на прощанье, продолжал махать, пока она не пропала из виду. Пропала навсегда. Может быть, мы оба знали, что расставались навсегда, подумал он, ожидая здесь, в темноте их крошечной хибары, стараясь решить, что им делать, ждать дальше, спать или бежать. Может быть, все именно так, как сказал хан, и нам здесь ничего не грозит – пока что. Нет причин не доверять ему совершенно. Вьен Роузмонт был не дурак, а он сказал, что ему можно доверии…

– Сахиб!

Звук крадущихся шагов он услышал одновременно с предостережением. Оба мужчины встали в засаду, прикрывая друг друга, оба радовались, что наконец пришло время действовать. Дверь тихо открылась. На пороге стоял похожий на гули дух гор, вглядываясь в еще более глубокую черноту комнаты, – им видны были лишь

очертания и размытое пятно лица. К своему огромному удивлению Росс узнал Азадэ: чадра почти растворяла ее в темноте, лицо припухло от слез.

– Джонни? – встревожено прошептала она.

Мгновение Росс не шевелился, его пистолет оставался поднятым в ожидании врагов.

– Азадэ, я здесь, позади двери, – прошептал он в ответ, пытаясь приспособиться к неожиданному повороту.

– Быстро идите за мной, вы оба в опасности! Скорей! – Она тут же повернулась и побежала в темноту.

Росс увидел, как Гуэнг обеспокоенно покачал головой, и засомневался. Потом принял решение, схватил свой рюкзак.

– Мы идем.

Он проскользнул в дверь и побежал за ней следом в тусклом и неверном лунном свете, Гуэнг двигался чуть сзади и сбоку, инстинктивно прикрывая его. Она ждала их у деревьев. Прежде чем он добежал до нее, она махнула ему рукой, чтобы он следовал за ней, и, безошибочно выбирая дорогу, повела их через сад и вокруг каких-то сельскохозяйственных построек. Снег приглушал их шаги, но оставлял следы, и он очень остро ощущал спиной тянувшуюся за ними цепочку. Он бежал шагов на десять позади нее, внимательно оглядывая местность, спрашивая себя, что за опасность она имела в виду, почему плакала и где Эрикки.

Облака играли с луной, большей частью полностью закрывая ее. Всякий раз, когда она появлялась из-за облаков, Азадэ останавливалась и ждала, потом двигалась дальше, хорошо используя местность для прикрытия, и Россу стало любопытно, где она научилась искусству жизни в лесу, потом он вспомнил Эрикки, его огромный нож, финнов и Финляндию – страну озер и лесов, гор, троллей и охоты. Сосредоточься, идиот, позже у тебя будет время блуждать мыслями, но не сейчас, когда ты подвергаешь опасности всех! Сосредоточься!

Его глаза ощупывали все вокруг, ожидая неприятностей, желая, чтобы они начались. Вскоре они подошли к наружной стене, опоясывавшей все поместье по периметру. Стена была высотой три метра сложенная из отесанных камней, с широкой открытой полосой между нею и деревьями. Она снова знаком приказала им остановиться в тени деревьев, а сама прошла вперед, на открытое пространство,

отыскивая особое место. Она нашла его без труда и знаком подозвала Росса к себе. Он еще не добежал до нее, а она уже карабкалась на стену; ее ноги легко находили упор в трещинах и уступах, пальцы цеплялись за щели и выбоины, некоторые были естественными, другие – специально углубленными, чтобы облегчить подъем. Луна выплыла в широкую черную полынью между облаками, Росс почувствовал себя голым и ускорил движения. Добравшись до вершины стены, он увидел, что Азадэ уже наполовину спустилась по внешней стороне. Росс перевалился через стену, нащупал ногами какие-то уступы и пригнулся, поджидая Гуэнга. В нем уже начала подниматься тревога, когда он увидел тень, метнувшуюся через открытое пространство и благополучно достигшую стены.

Спускаться вниз оказалась трудней, чем подниматься, он поскользнулся и пролетел последние метра полтора, выругался и огляделся, пытаясь сориентироваться. Азадэ уже перебежала дорогу, тянувшуюся вдоль стены, и направлялась к торчащему обломку скалы на склоне горы шагах в двухстах от него. Внизу и левее виднелась часть Тебриза, на дальнем конце города, рядом с аэропортом, полыхали пожары. Теперь до него доносился треск далекой стрельбы. Гуэнг аккуратно спрыгнул на землю рядом с ним, ухмыльнулся и показал рукой вперед. Когда они добежали до торчащего камня, Азадэ уже исчезла.

– Джонни! Сюда!

Он увидел узкую щель в скале и двинулся вперед. Места как раз, чтобы кое-как протиснуться. Росс подождал, пока Гуэнг присоединится к нему, затем двинулся сквозь скалу в темноту. Ее рука возникла из темного пространства и направила его вбок. Азадэ, подзывая, махнула Гуэнгу и сделала то же самое для него, потом закрыла щель тяжелой кожаной занавесью. Росс полез в рюкзак за фонарем, но прежде чем он его вытащил, вспыхнула спичка. Азадэ прикрывала ее полусогнутой ладонью. Она, стоя на коленях, зажгла свечу, которая была в низкой нише. Росс быстро огляделся. Занавесь на щели казалась непроницаемой для света, пещера была просторной, теплой и сухой, на земле валялись несколько одеял, старые ковры, кое-какая посуда для еды и питья; на естественной каменной полке стояло несколько книг и игрушек. Ага, убежище детских лет, подумал он, и повернулся к ней. Она по-прежнему стояла на коленях рядом со

свечой, спиной к нему, и теперь, когда откинула чадру с головы, она снова превратилась в Азадэ.

– Держи. – Он протянул ей свою фляжку с водой. Она с благодарностью приняла ее, избегая смотреть ему в глаза. Он бросил взгляд на Гуэнга и прочел его мысли. – Азадэ, ты не будешь возражать, если мы погасим свет – теперь мы знаем, где мы, – тогда мы сможем откинуть занавесь, и нам будет лучше видно и слышно. У меня есть фонарик, если понадобится посветить.

– Да… да, конечно. – Она отвернулась. – Я… о, минутку, извини… – На полке стояло зеркальце, которого он не заметил. Она взяла его и внимательно рассмотрела свое лицо, расстроившись от увиденного: ручейки пота, глаза припухли. Она торопливо стерла несколько грязных пятен, взяла расческу и как могла привела себя в порядок. Последний взгляд в зеркало, и она задула свечу. – Извините, – сказала она.

Гуэнг отодвинул занавесь, проскользнул в щель и встал там, прислушиваясь. Со стороны города снова донеслась стрельба. Внизу справа, по ту сторону единственной взлетно-посадочной полосы аэропорта, горело несколько зданий. В аэропорту никаких огней, да и в самом городе они увидели их очень мало. На улицах – фары редких машин. Дворец был все еще погружен в темноту и тишину, и Гуэнг не почувствовал никакой опасности с той стороны. Он вернулся в пещеру и рассказал Россу о том, что обнаружил, говоря на непальском, потом добавил:

– Лучше я побуду снаружи, безопаснее, времени у нас немного, сахиб.

– Да. – Росс уловил тревогу в его голосе, но промолчал. Он знал причину. – Ты в порядке, Азадэ? – мягко спросил он.

– Да. Да, теперь в порядке. В темноте лучше… извини, я выглядела кошмарно. Да, теперь мне лучше.

– Что все это значит? И где твой муж? – Он произнес это слово сознательно и услышал, как она шевельнулась в темноте.

– Вчера ночью, едва ты ушел, появился Чимтарга с охранником и велел Эрикки немедленно одеваться и идти с ним… этот Чимтарга извинился, сказал, что планы поменялись, и он хотел вылететь немедленно. А меня, меня вызывали к отцу. Перед тем как войти в его комнату, я услышала, как отец отдает приказ схватить и разоружить вас

обоих сразу после рассвета. – Ее голос звучал так, словно она порой говорила через силу. – Он планировал послать за вами обоими, чтобы обсудить ваш отъезд назавтра, но рядом с фермерскими постройками вы должны были попасть в засаду, вас должны были связать, бросить в машину и тут же отправить на север.

– Куда на север?

– В Тбилиси. – Нервничая, она торопливо продолжила: – Я не знала, что делать, вас никак нельзя было предупредить: за мной следят так же внимательно, как и за вами, и держат в стороне от остальных. Когда я увидела отца, он сказал, что Эрикки не будет несколько дней, что сегодня он, мой отец, отправляется в деловую поездку в Тбилиси, и что… что я поеду с ним. Он… он сказал, что поездка продлится два-три дня, и Эрикки к этому времени закончит все дела, и потом мы вернемся в Тегеран. – Она едва не рыдала. – Мне так страшно. Я так боюсь, что с Эрикки что-то случилось.

– Эрикки будет в порядке, – сказал он, ничего не поняв про Тбилиси, стараясь что-то решить для себя в отношении хана. В голове постоянно всплывали слова Вьена: «Доверь Абдолле свою жизнь и не верь той лжи, которую о нем говорят». И тем не менее вот перед ним сидит Азадэ и говорит совершенно противоположное. Он, ненавидя эту темноту, желая видеть ее лицо, ее глаза, думал, что, возможно, мог бы прочесть в них что-нибудь. Черт, хотел бы я, чтобы она рассказала мне все это по ту сторону чертовой стены или в лачуге, думал он, нервничая все больше и больше. Господи, охранник! – Азадэ, наш охранник, ты не знаешь, куда он подевался?

– А, да, я… я подкупила его, Джонни. Я подкупила его, чтобы он исчез на полчаса. Это был единственный способ для меня добраться… единственный способ.

– Боже милостивый, – пробормотал он. – Ты можешь ему доверять?

– О да. Али… он с отцом уже многие годы. Я знаю его с семи лет, и я дала ему пешкеш из кое-каких драгоценностей, ему и его семье этого хватит на много лет. Но, Джонни, я об Эрикки… мне так тревожно.

– Не нужно переживать, Азадэ. Разве Эрикки не говорил, что они могут послать его ближе к Турции? – ободрил ее Росс, беспокоясь о том, как безопасно доставить ее назад во дворец. – Я не знаю, как

благодарить тебя за то, что ты нас предупредила. Пойдем, сначала нам лучше доставить тебя обратно и…

– О нет, мне нельзя, – вырвалось у нее. – Неужели ты не понимаешь? Отец отвезет меня на север, и мне никогда оттуда не вырваться, никогда… Отец ненавидит меня и оставит меня Мзитрюку, я знаю, что он так и сделает, знаю.

– Но как же Эрикки? – ошарашенно спросил он. – Ты же не можешь просто убежать!

– О да, мне придется, Джонни, мне придется. Я не осмелюсь его дожидаться, не осмелюсь ехать в Тбилиси, для Эрикки будет гораздо безопаснее, если я убегу. Гораздо безопаснее.

– Что ты говоришь такое? Ты не можешь просто так взять и сбежать! Это безумие! Скажем, Эрикки вернется сегодня ночью, а тебя нет? Что…

– Я оставила ему записку… мы договорились, что в случае чего-то чрезвычайного я оставлю ему записку в потайном месте в нашей комнате. Нам никак нельзя было предугадать, что отец может сделать в его отсутствие. Эрикки поймет. И есть еще кое-что. Отец собирается сегодня в аэропорт около полудня. Ему надо встретить самолет, кого-то из Тегерана, я не знаю, кого или по какому поводу, но я подумала, что вы, возможно, могли бы… могли бы уговорить их взять нас в Тегеран, или мы могли бы тайком пролезть в самолет, или вы… или вы могли бы заставить их взять нас.

– Ты сошла с ума! Это все чистое сумасшествие, Азадэ. Безумие убегать и оставлять Эрикки: с чего, черт подери, ты взяла, что все будет не так, как говорит твой отец? Ты говоришь, что хан тебя ненавидит… Бог мой, если ты вот так вот сбежишь, то, ненавидит он тебя или нет, но он уж точно взбеленится. В любом случае ты подвергаешь Эрикки большей опасности.

– Как ты можешь быть настолько слеп? Неужели ты не видишь? Пока я здесь, у Эрикки нет никаких шансов, ни единого. Если меня здесь не будет, он сможет думать только о себе. Если он узнает, что я в Тбилиси, он поедет туда и пропадет навеки. Неужели ты не видишь? Я – наживка. Во имя Создателя, Джонни, открой глаза! Пожалуйста, помоги мне!

Он услышал, как она заплакала, тихо, но заплакала, и это только подстегнуло поднимавшуюся в нем ярость. Боже всемогущий, мы не

можем взять ее с собой. Я просто не могу, не должен. Это было бы равносильно убийству. Если то, что она говорит о хане, правда, облава на нас начнется через пару часов, и нам повезет, если мы дотянем до заката… черт подери, облава и так уже давно началась, прочисти мозги! Этот побег – полная белиберда!

– Тебе нужно вернуться. Так лучше, – сказал он.

Плач прекратился.

– Иншаллах, – произнесла она другим голосом. – Как скажешь, Джонни. Вам лучше уходить побыстрее. Времени у вас немного. Куда вы пойдете?

– Я… я не знаю. – Он был рад темноте, которая скрывала от нее его лицо. Господи, ну почему это должна была оказаться Азадэ? – Пойдем, я провожу тебя обратно.

– Не нужно. Я… я побуду здесь немного.

Он услышал в ее словах притворство, и его нервы натянулись и зазвенели еще больше. – Ты возвращаешься назад. Ты должна.

– Нет, – с вызовом бросила она. – Назад мне нельзя. Я остаюсь здесь. Он не найдет меня, я пряталась здесь и раньше. Однажды я просидела здесь два дня. Здесь я в безопасности. Не волнуйся за меня. Со мной все будет в порядке. Вы двигайтесь дальше. Вам это необходимо.

Сильно раздраженный, он сумел побороть в себе желание силком поднять ее на ноги и вместо этого привалился спиной к стене пещеры. Я не могу ее оставить, не могу отнести ее назад против ее воли, не могу взять с собой. Не могу оставить, не могу взять. О, ты можешь взять ее с собой, но как долго это продлится, и потом, когда ее схватят, она будет пособницей диверсантов, и один Бог знает, в чем еще ее обвинят, а они женщин за это побивают камнями.

– Когда обнаружат, что мы исчезли, если тебя тоже не будет, то хан поймет, что это ты нас предупредила. Если ты останешься здесь, тебя рано или поздно найдут, и хан все равно будет знать, что ты нас предупредила, и для тебя это будет хуже некуда, и хуже для твоего мужа. Ты должна вернуться.

– Нет, Джонни. Я в руках Бога, и мне не страшно.

– Ради всех святых, Азадэ, подумай головой!

– Я и думаю. Я в руках Бога, ты это знаешь. Разве мы с тобой не говорили об этом раз десять в нашей горной стране? Я не боюсь.

Просто оставь мне гранату, такую же, как ту, которую ты дал Эрикки. Я в руках Бога, и мне ничего не грозит. Пожалуйста, теперь уходи.

В прошлом они часто беседовали о Боге. На вершине швейцарской горы говорить о нем было легко, естественно, и он не испытывал никакого смущения – когда рядом с тобой любимая, которая знает Коран, и говорит по-арабски, и чувствует себя очень близкой к бесконечному, чья вера в ислам абсолютна. Здесь, в темноте маленькой пещеры, это было по-другому. Все было совсем по-другому.

– Что ж иншааллах так иншааллах, – произнес он и принял решение. – Мы вернемся, ты и я, а Гуэнга я отправлю дальше. – Он поднялся.

– Подожди. – Он услышал, как она тоже встает, и ощутил ее дыхание и близость. Ее ладонь коснулась его руки. – Нет, мой милый, – сказала она, и ее голос был таким же, как раньше. – Нет, мой милый, это погубило бы моего Эрикки. И тебя вместе с твоим солдатом. Разве ты не понимаешь, я – их путь к тому, чтобы уничтожить Эрикки. Закрой этот путь, и у него появится шанс. За стенами поместья моего отца у вас тоже есть шанс. Когда встретишь Эрикки, скажи ему… скажи ему.

Что мне ему сказать? – спрашивал он себя. В темноте он взял ее руку в свою, чувствуя ее тепло, перенесся во времени назад в темноту на широкой постели, где они вместе считали секунды между вспышками молний и раскатами грома, отскакивавшими от склонов долины высоко в горах, – иногда получалась всего секунда или две: «О, Джонни, она, должно быть, прямо над нами, иншааллах, если молния ударит в нас, это не страшно, если мы вместе», – и вот так же держали друг друга за руки. Нет, не так, с грустью подумал он. Он поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Ты сама ему скажешь, – произнес он. – Мы попробуем вместе. Ты готова?

– Ты хочешь сказать – пойдем дальше вместе?

– Да.

Помолчав, она сказала:

– Сначала спроси Гуэнга.

– Он делает то, что я говорю.

– Да, конечно. Пожалуйста, спроси его. Еще одна услуга. Пожалуйста.

Он подошел к щели в скале. Гуэнг стоял снаружи, прислонившись к камню спиной. Прежде чем Росс смог что-то сказать, Гуэнг тихо произнес на гуркхском:

– Опасности пока нет, сахиб. Снаружи.

– А ты слышал?

– Да, сахиб.

– И что ты думаешь?

Гуэнг улыбнулся.

– Что я думаю, сахиб, не имеет веса, ни на что не влияет. Карма есть карма. Я делаю то, что вы говорите.

Аэропорт Тебриза. 12.40. Абдолла-хан стоял рядом с своим пуленепробиваемым «роллс-ройсом» на покрытой снегом бетонной площадке рядом со зданием аэропорта. Он покраснел от злости, наблюдая, как 125-й заходит на посадку, молясь про себя, чтобы самолет разбился. Вчера его племянник, полковник Мазарди, начальник полиции, принес ему телекс, переданный на его имя через полицейское управление Тебриза. «Прошу встретить самолет G-ETLL. Ожидаемое время прибытия двенадцать сорок завтра, во вторник. Полковник Хашеми Фазир». Это имя тут же вызвало дрожь, пробежавшую по всему телу, у него и у всех, кто прочел это послание. Внутренняя разведка всегда стояла выше закона, а полковник Хашеми Фазир был ее великим инквизитором, человеком, о безжалостности которого ходили легенды даже в Иране, где безжалостность была ожидаемым атрибутом и предметом восхищения.

– Что ему здесь нужно, ваше высочество? – спросил Мазарди, сильно напуганный.

– Поговорить об Азербайджане, – ответил он, скрывая свой ужас и кипя от возмущения из-за грубой лаконичности телекса, совершенно сбитый с толку этим неожиданным и нежеланным визитом. – Разумеется, чтобы спросить, как он может помочь мне. Он уже много лет является моим тайным другом, – добавил он, привычно солгав.

– Я распоряжусь насчет почетного караула и приветственного комитета, и…

– Не будь дураком! Полковник Фазир не любит шума. Ничего не делай, даже не приближайся к аэропорту, просто проследи, чтобы на улицах было тихо и… ах да, надави на Туде. По сути, выполни приказ

Хомейни раздавить их. Сегодня вечером сожги их штаб и арестуй известных тебе лидеров. – Это будет идеальный пешкеш, если таковой понадобится, подумал он, восхищаясь своим умом. Разве Фазир не фанатичный противник Туде? Хвала Аллаху, что Петр Олегович дал свое согласие.

Потом он отослал Мазарди, обругал всех, кто стоял рядом, и отослал и их тоже. Так что же этому сыну собаки Фазиру от меня нужно?

За эти годы они встречались несколько раз и обменивались информацией ко взаимной выгоде. Но полковник Фазир был одним из тех, кто верил, что единственная защита Ирана кроется в абсолютно централизованном управлении, исходящем из Тегерана, и что вожди кланов и племен были архаическим пережитком и представляли опасность для государства. Кроме того, Фазир был тегеранцем, имевшим достаточно сил и влияния, чтобы разузнать много секретов, секретов, которые могли бы быть использованы против Абдоллы-хана. Да проклянет Аллах всех тегеранцев и отправит их в ад! И Азадэ, и ее Богом проклятого мужа!

Азадэ! Неужели это действительно я зачал этого демона? Невозможно! Кто-то, должно быть… Аллах, прости меня, что я усомнился в моей любимой Нафале! Азадэ одержима Сатаной. Но ей не избежать кары, о нет, клянусь, я доставлю ее в Тбилиси и отдам Петру, пусть пользуется ею как хочет…

Кровь снова застучала в ушах, и в груди началась раздирающая, не отпускающая боль. Прекрати, отчаянно приказал он себе, успокойся. Перестань пока думать о ней, свою месть ты осуществишь позже. Прекрати или убьешь себя! Прекрати, оставь мысли о ней и думай о Фазире, тебе понадобится вся твоя хитрость, чтобы справиться с ним. Ей не убежать.

Когда сразу после рассвета бледные от ужаса охранники прибежали к нему с вестью, что оба пленника исчезли, и почти одновременно с этим обнаружилось, что она тоже пропала, его гневу не было предела. Он тут же послал людей обыскать ее тайное убежище в скале, о котором знал уже много лет, и приказал им не возвращаться без нее и без диверсантов. Ночному охраннику он приказал отрезать нос, остальных высекли и бросили в тюрьму, обвинив в заговоре, ее

прислужниц подвергли порке. В конце концов он в бешенстве поехал в аэропорт, погрузив весь дворец в пучину ужаса.

Да проклянет их всех Аллах, думал он, изо всех сил стараясь успокоиться и не сводя глаз с самолета. Небо пестрело голубыми прорехами, которые в пелене зловещих туч продрал сильный ветер, гонявший поземки по заснеженной взлетно-посадочной полосе. Абдолла-хан был в каракулевой шапке, зимнем пальто с меховым воротником и в ботинках на меху. Холод туманил его очки. В кармане у него лежал маленький револьвер. В небольшом здании аэропорта за его спиной не было никого, кроме его собственных людей, которые контролировали само здание и подъездную дорогу к нему с противоположной стороны. Наверху, на крыше, он посадил в засаду снайпера с приказанием убить Фазира, если Абдолла-хан достанет из кармана белый платок и высморкается. Все, что можно, я сделал, думал он, теперь все в руках Аллаха. Ну, падай же, сын горящего в аду отца!

Но 125-й безукоризненно приземлился, взметнув колесами фонтаны снега. Его страх усилился. Как и удары его сердца.

– На все воля Бога, – пробормотал он и сел в машину на заднее сиденье, отделенное от шофера и Ахмеда, его самого доверенного советника и телохранителя, поднимающейся пуленепробиваемой перегородкой. – К самолету, – приказал он и проверил револьвер, сняв его с предохранителя.

125-й свернул у дальнего конца полосы на рулежку, развернулся носом к ветру и остановился. Здесь было холодно и неуютно, одни только снежные поземки и открытое пространство. Большой черный «роллс-ройс» подкатил сбоку, и дверца самолет открылась. Он увидел Хашеми Фазира, который рукой подзывал его.

– Салам! Мир вам, ваше высочество, поднимайтесь на борт.

Абдолла-хан опустил стекло и крикнул в ответ:

– Салам, мира вам, ваше превосходительство, присоединяйтесь ко мне в машине. – Ты, должно быть, считаешь меня дураком, если думаешь, что я суну голову в такую ловушку, подумал он. – Ахмед, поднимись на борт, отправляйся вооруженным и притворись, что не говоришь по-английски.

Ахмед Дурсак был туркменом-мусульманином, очень сильным, умевшим крайне быстро управляться с ножом и метко стрелять. Он

выбрался из автомобиля, держа свой автомат в свободно опущенной руке, и быстро взбежал по трапу; ветер дергал за полы его длинного пальто.

– Салам, ваше превосходительство полковник, – сказал он на фарси, остановившись снаружи на верхней ступеньке. – Мой господин умоляет вас, пожалуйста, присоединиться к нему в машине. Тесные салоны маленьких самолетов вызывают у него беспокойство. В машине вы можете говорить приватно и спокойно, совершенно наедине, если пожелаете. Он спрашивает, не окажете ли вы его бедному дому высокую честь и не остановитесь ли у него во время своего пребывания здесь.

Хашеми был шокирован тем, что у Абдоллы-хана хватило нахальства – и уверенности в себе – отправить своего посланника вооруженным. Встреча в машине его тоже не устраивала, слишком легко организовать прослушивание или подложить мину-ловушку.

– Передайте его высочеству, что в машине у меня иногда развивается клаустрофобия и я умоляю его подняться сюда. Здесь мы сможем поговорить приватно, тоже без посторонних, и я бы счел это одолжением. Разумеется, вам следует обыскать салон на случай, если в самолет прокрался какой-нибудь гнусный чужеземец.

– Мой господин предпочел бы, ваше превосходительство, чтобы вы при…

Хашеми придвинулся ближе, его губы сжались в тонкую линию, и голос стал таким же сдавленным:

– Обыщи самолет! Прямо сейчас! И сделай это быстро, Ахмед Дурсак, трижды убийца, один раз – женщины по имени Наджмэ, и делай, что я приказываю, или ты не проживешь и недели на этой земле.

– Тем скорее я попаду в рай, ибо, служа хану, я исполняю Божий труд, – ответил Ахмед Дурсак, – но я проведу обыск, если вы этого желаете. – Он шагнул в дверь и увидел двух пилотов в своей кабине. В салоне сидел Армстронг. Глаза Ахмеда сузились, но он ничего не сказал, лишь вежливо прошел мимо и открыл дверь туалета, убедившись, что внутри никого нет. Больше человеку здесь спрятаться было негде. – Если то, что вы предлагаете, ваше превосходительство, окажется возможным, пилоты покинут самолет?

Хашеми еще раньше спросил капитана, Джона Хогга, не обяжет ли он его, если это вдруг будет необходимо.

– Извините, сэр, – ответил Хогг, – но мне эта идея совсем не нравится.

– Это займет всего несколько минут. Вы можете забрать ключ зажигания с собой, и прерыватели, – добавил Роберт Армстронг. – Я лично прослежу за тем, чтобы никто не заходил в кабину и ничего не трогал.

– Мне это все равно не нравится, сэр.

– Я знаю, – сказал Армстронг. – Но капитан Мак-Айвер предупредил вас, что вы должны делать то, о чем вас попросят. В разумных пределах. А это – в разумных пределах.

Хашеми читал высокомерие на лице Ахмеда, и ему захотелось кулаками разбить эту маску. Ладно, это будет позже, пообещал он себе.

– Пилоты будут ждать в машине.

– А неверный?

– Этот неверный говорит на фарси лучше тебя, вошь, и если у тебя хватит ума, вошь, ты будешь держаться с ним вежливо и называть его ваше превосходительство, потому что, могу заверить тебя и твоих туркменских предков-собак, у него длинная память и он может быть более жестоким, чем ты способен себе вообразить.

Губы Ахмеда раздвинулись в улыбке.

– А его превосходительство неверный, он тоже будет ждать на полосе?

– Он останется здесь. Пилоты будут ждать в машине. Если его высочество захочет взять с собой одного телохранителя, дабы убедиться, что никакие убийцы не притаились в засаде, он, разумеется, может это сделать. Если этот вариант его не устраивает, тогда, возможно, нам следует встретиться в полицейском управлении. А теперь убирайся отсюда вместе со своими дурными манерами.

Ахмед вежливо поблагодарил его, вернулся к машине и передал хану все, что было сказано, добавив:

– Мне кажется, этот кусок собачьего дерьма должен быть очень уверен в себе, чтобы быть таким грубым.

А в самолете Хашеми говорил в этот момент по-английски:

– Роберт, этот сын собаки должен быть очень уверен в себе, чтобы иметь таких заносчивых слуг.

– Ты бы действительно потащил хана всех Горгонов в полицейское управление?

– Я мог бы попробовать. – Хашеми закурил сигарету. – Не думаю, что у меня получилось бы. Его племянник Мазарди все еще начальник здешней полиции и все еще сохраняет большую часть своей власти – «зеленые повязки» и комитеты не управляют тут ситуацией. Пока.

– Из-за Абдоллы?

– Разумеется, из-за Абдоллы. В течение месяцев, по его приказу, тебризская полиция поддерживала Хомейни. Единственная разница между временами шаха и временем Хомейни состоит в том, что одни портреты заменили на другие, шахский герб убрали со всех мундиров, и сейчас Абдолла держит здесь все в кулаке крепче, чем прежде. – Через приоткрытую дверь в салон проникла струя ледяного воздуха. – Азербайджанцы – порода коварная и жестокая. Шахская династия Каджаров родом из Тебриза, как и шах Аббас, который построил Исфахан и попытался обеспечить свое долголетие, убив своего старшего сына и ослепив второго…

Хашеми Фазир наблюдал за машиной в иллюминатор, пытаясь волевым усилием заставить Абдоллу-хана принять его предложение. Сейчас он чувствовал себя лучше и был больше уверен в том, что доживет до священного дня на этой неделе, чем в воскресенье вечером, когда генерал Джанан ворвался в его управление с постановлением о роспуске внутренней разведки и забрал у него магнитофонные кассеты и Ракоци. Всю ту ночь он провел в мучительных раздумьях, потом, вчера на рассвете, выйдя из дома он обнаружил, что за ним следят какие-то люди, а позже утром его жену и детей на улице толкала какая-то толпа. Весь день до обеда у него ушел на то, чтобы оторваться от тех, кто висел у него на хвосте. К тому времени один из руководителей его секретной «группы четыре» уже ждал его на конспиративной квартире, и в тот же вечер, когда генерал Джанан вышел из своего бронированного лимузина, чтобы войти в свой дом, припаркованная рядом машина, набитая пластитом, разорвала его и его двух доверенных помощников на куски, полностью разрушила его дом, убив его жену, троих детей и семь слуг, находившихся внутри, и его престарелого, прикованного к постели отца. Свидетели слышали, как какие-то люди, убегая, выкрикивали левые моджахедские лозунги. После них нашли разбросанные

листовки с грубо написанными словами: «Смерть САВАК, которое теперь САВАМА».

Сегодня рано утром, через полчаса после того, как Абрим Пахмуди тайком покинул постель своей очень тайной любовницы, ей нанесли визит какие-то жестокие люди. Снова люди слышали левые лозунги, и те же слова были написаны на стенах ее квартиры – ее кровью, блевотиной и калом вместо краски. В девять часов сегодня утром он отправился, договорившись об аудиенции, чтобы выразить свои соболезнования Абриму Пахмуди по поводу обеих трагедий: внутренняя разведка, разумеется, проинформировала его об обоих нападениях. В качестве пешкеша он принес с собой часть показаний Ракоци, якобы попавших к нему в руки из других источников, – как раз достаточную, чтобы представлять какую-то ценность.

– Я уверен, ваше превосходительство, если мне будет позволено возобновить свою работу, я смог бы собрать гораздо больше информации. И если бы моему управлению была оказана честь вашего доверия и ему было бы позволено функционировать как раньше – но подчиняться исключительно вам и никакому другому органу власти, – я смог бы предотвратить подобные гнусные деяния и, возможно, стереть этих собак-террористов с лица земли.

Пока Хашеми еще беседовал с Пахмуди, в кабинет с отчаянным лицом вбежал помощник и доложил, что террористы убили одного из самых значительных аятолл Тегерана – снова заминированный автомобиль, – и что Революционный комитет требует немедленного присутствия Пахмуди. Пахмуди тут же поднялся, но, прежде чем уйти, он отменил свое предыдущее распоряжение.

– Я согласен, ваше превосходительство полковник. На тридцать дней. У вас есть тридцать дней, чтобы доказать свою полезность.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, ваше доверие переполняет меня счастьем, вы можете быть уверены в моей преданности. Прошу вас, могу я забрать Ракоци назад?

– Этот пес, генерал Джанан, позволил ему сбежать.

Потом Фазир поехал в аэропорт и присоединился к Роберту Армстронгу на борту 125-го и, когда они были в воздухе, принялся хохотать без остановки. Это был первый раз, когда в Иране использовали заминированные автомобили с дистанционным взрывателем. – Клянусь Аллахом, Роберт, – весело сказал он, – это

идеально эффективная штука. Ты ждешь в ста метрах, пока не убеждаешься, что это он, потом просто нажимаешь на кнопку передатчика размером с пачку сигарет и… бум! Еще один враг навсегда устранен – и его отец! – Он вытер слезящиеся от смеха глаза; смех у него был заразительный. – Именно это и произвело впечатление на Пахмуди. Да, и без «группы четыре», это были бы я и моя семья.

«Группа четыре» выросла из поданного Армстронгом предложения, которое он принял и развил: небольшие подразделения из команд прошедших самый тщательный отбор мужчин и женщин, обученных самой современной тактике борьбы с терроризмом, очень высокооплачиваемых и всячески оберегаемых – ни одного иранца, каждый знает только членов своей команды, и все известны и преданы только Хашеми. Их анонимность означала, что при необходимости одних из них можно было использовать против других; индивидуально они были расходным материалом, легко заменяемым – на Ближнем и Среднем Востоке слишком много бедности, слишком много подло преданных движений, слишком много ненависти, слишком много бездомных, чтобы под рукой всегда не оказывалось море мужчин и женщин, отчаянно хотевших получить такую работу.

За эти годы его «группа четыре» окрепла и процветала, ее операции оставались тайной, большинство из них не были известны даже Армстронгу. Он посмотрел на англичанина и улыбнулся.

– Без них я был бы мертв.

– Я тоже, вероятно. Я чертовски перепугался, когда этот ублюдок Джанан сказал: «Даю вам день и ночь в счет былых заслуг». Эта сволочь никогда бы меня не выпустила живым.

– Верно.

В нескольких километрах под ними земля была покрыта глубоким снегом, и самолет уже летел высоко над горами, перелет до Тебриза занимал не больше получаса.

– Что насчет Ракоци? Ты веришь, когда Пахмуди говорит, что он сбежал?

– Конечно, нет, Роберт. Ракоци был товаром, пешкешем. Когда Пахмуди обнаружил, что кассеты пустые, а Ракоци в том состоянии, в каком он был, ценности не представляет – разве что в плане расплаты за прошлые услуги, – он никак не мог знать о его связи с твоим Петром Олеговичем Мзитрюком. Или мог?

– Маловероятно. Я бы сказал, невозможно.

– Он сейчас скорее всего в советском посольстве, если уже не мертв. Советы захотят узнать, что он нам рассказал… мог бы он им что-то сообщить?

– Сомневаюсь, он был уже на краю. – Армстронг покачал головой. – Сомневаюсь. Что ты будешь делать теперь, когда снова стал мистером Большим Боссом? Скормишь Пахмуди еще что-нибудь из информации русского за эти тридцать дней… если он еще будет жив через тридцать дней?

Хашеми натянуто улыбнулся и ничего не ответил. Я еще не твой мистер Большой Босс, я даже не в безопасности, пока Пахмуди не будет гореть в аду – вместе со многими другими. Возможно, мне еще придется воспользоваться твоим паспортом. Армстронг передал ему документ перед отлетом. Хашеми его очень тщательно проверил.

Потом он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, наслаждаясь роскошью и удобством частного реактивного самолета, который был уже над Казвином, всего в пятнадцати минутах лета от Тебриза. Но дремать не стал. Он потратил это время, раздумывая, что ему делать с САВАМА, Пахмуди и Абдоллой-ханом и что ему делать с Робертом Армстронгом, который слишком много знал.

Хашеми продолжал разглядывать «роллс» в иллюминатор салона, такой большой, безупречный, доступный в собственность столь немногим на этой земле. Клянусь Аллахом и Пророком, какое богатство, думал он, с ошеломленным благоговением взирая на это свидетельство положения и могущества хана. Какая сила у этого человека, если он так бесстрашно тычет своим автомобилем в лицо комитетам. И мне. Согнуть Абдоллу-хана будет нелегко.

Он понимал, что здесь, в самолете, их положение опасно уязвимо – они будут удобной мишенью, если Абдолла прикажет своим людям открыть по ним огонь. Но он отмел эту возможность, уверенный, что даже Абдолла-хан не осмелится на такое открытое убийство трех неверных и одного самолета, и его, Фазира. Однако на случай, если хан все-таки подготовил «несчастный случай», две команды «группы четыре» были уже в пути, двигаясь по дорогам, одна чтобы расправиться лично с Абдоллой, другая – с его семьей. Остановить их может только условный код, который он должен назвать им лично. Он

улыбнулся. Однажды Роберт Армстронг рассказал ему, что в старые времена китайским наказанием для важного лица была «смерть – и смерть всех его поколений».

«Мне это нравится, Роберт, – сказал он тогда. – В этом чувствуется стиль».

Он увидел, как передняя дверца машины открылась. Ахмед вышел из нее, как-то странно держа свой автомат, потом шагнул к задней дверце и открыл ее для Абдоллы.

– Первый раунд за тобой, Хашеми, – произнес Армстронг и прошел вперед, как они договорились. – Хорошо, капитан. Мы управимся как можно быстрее.

Оба пилота с неохотой выбрались из тесной кабинки, надели свои парки и торопливо вышли на холод, спускаясь по ступеням. Они вежливо отдали хану честь. Он показал им рукой на заднюю дверцу «роллс-ройса» и начат подниматься по трапу. Ахмед следовал за ним.

– Салам, ваше высочество, мир вам, – тепло произнес Хашеми, приветствуя его у двери в салон – уступка, которую Абдолла тут же заметил.

– И вам, ваше превосходительство полковник. – Они пожали руки. Абдолла прошел мимо него в салон, не сводя глаз с Армстронга, и сел в ближайшее к выходу кресло.

– Салам, ваше высочество, – произнес Армстронг. – Мир вам.

– Это мой коллега, – сказал Хашеми, усаживаясь напротив хана. – Англичанин, Роберт Армстронг.

– Ах да, его превосходительство, которое говорит на фарси лучше моего Ахмеда и знаменито своей памятью – и жестокостью. – Позади него Ахмед задернул тяжелую занавеску на наружной двери и встал спиной к кабине пилотов на страже, держа автомат наготове, но так, чтобы это не выглядело невежливо. – А?

Армстронг улыбнулся.

– Это просто полковник так приятно выразился, ваше высочество.

– Я не согласен. Даже в Тебризе мы слышали про эксперта Специальной службы, двенадцать лет служившего шаху, гончего пса для его гончих псов, – пренебрежительно произнес Абдолла на фарси. Улыбка исчезла с лица Армстронга, и они с Хашеми оба напряглись при подобном вопиющем проявлении дурных манер. – Я прочел ваш послужной список. – Он обратил свои черные глаза на Хашеми,

совершенно уверенный, что его план сработает: Ахмед убьет их по его сигналу, тайно заминирует самолет, прикажет пилотам вернуться в кабину, за чем последует поспешный взлет и смерть в огненном вихре – никак не связанная с ним, на все воля Аллаха, а он сам после такой замечательной беседы, во время которой он обещал «полную поддержку центрального правительства», будет переполнен скорбью.

– Итак, ваше превосходительство, – сказал он, мы снова встретились. Что я могу для вас сделать – я знаю, вы у нас, к сожалению, совсем ненадолго.

– Возможно, ваше высочество, дело в том, что я могу для вас сделать? Мо…

– Ближе к делу, полковник, – резко оборвал его хан, переходя на английский; он был совершенно уверен в себе. – Мы с вами знаем друг друга, мы можем обойтись без лести и комплиментов и сразу перейти к делу. Если бы у вас хватило любезности сесть ко мне в машину, одному, я чувствовал бы себя более уютно, мы могли бы побеседовать вольготно, не торопясь. А сейчас – к делу!

– Я хочу поговорить с вами о вашем контролирующем, генерал-полковнике Петре Олеговиче Мзитрюке, – произнес Хашеми так же грубо, но внезапно похолодев от страха, что угодил в ловушку и что Абдолла является тайным сторонником Пахмуди, – и о вашей долгой связи с КГБ через Мзитрюка, проходящего под кодовым именем Али Хой.

– Контролирующий? Какой еще контролирующий? Про кого вы говорите? – услышал Абдолла-хан собственный голос, в то время как рассудок вопил: ты не можешь этого знать, это невозможно, невозможно. И сквозь частокол ударов собственного сердца он видел, как рот полковника открылся и стал произносить другие вещи, от которых стало еще хуже, гораздо хуже, и самое худшее из всего, что он понял, в клочья разодрало его прекрасный план. Если полковник говорит о подобных секретах так открыто, в присутствии этого иностранца и Ахмеда, то эти секреты записаны где-то еще, в безопасном месте, откуда они в случае «трагического происшествия» попадут в Революционный комитет и к его врагам.

– Ваш контролирующий, – вколачивал в него Хашеми, почувствовав в нем перемену и развивая успех, – Петр Олегович, чья дача находится на берегу озера Цвенги в месте, которое называется

Скрытая Долина к востоку от Тбилиси, кодовое имя Али Хой, ваше – Ив…

– Погодите, – хрипло произнес Абдолла. Его лицо было мертвенно-бледным. Этого не знал даже Ахмед, не должен был знать. – Я… я… дайте мне воды.

Армстронг поднялся было с кресла, но замер, увидев наведенный на него автомат Ахмеда.

– Пожалуйста, сядьте, ваше превосходительство. Я принесу воды. Пристегнитесь ремнями, оба.

– Нет никакой ну…

– Пристегивайтесь, – рявкнул Ахмед, махнув автоматом. Он был поражен изменениями, произошедшими с лицом и тактикой хана, и был вполне готов самостоятельно осуществить запасной план. – Пристегните ремни!

Они подчинились. Ахмед был рядом с фонтанчиком для питья, он наполнил пластиковый стакан и подал его хану. Хашеми и Армстронг обеспокоенно наблюдали за ним. Ни тот ни другой не ожидали от хана мгновенной капитуляции. Он словно съежился у них на глазах, был очень бледен и болезненно, с присвистом дышал.

Хан выпил воду и взглянул на Хашеми; маленькие глазки за стеклами очков были в красных прожилках. Он снял очки и рассеянно протер их, стараясь вернуть себе силы. Все, казалось, занимало больше времени, чем обычно.

– Подожди меня возле машины, Ахмед.

Тревожно глядя на него, Ахмед подчинился. Армстронг расстегнул ремень безопасности и снова задернул занавеску на входной двери. Несколько секунд хан чувствовал себя лучше; ледяной воздух, ворвавшийся в салон, остудил голову, прочистив мысли.

– Теперь, что вам нужно?

– Ваша кличка Иваныч. Вы являетесь шпионом и помощником КГБ с января сорок четвертого года. За это время вы…

– Все ложь. Что вы хотите?

– Я хочу встретиться с Петром Олеговичем. Я хочу серьезно его порасспросить кое о чем. Тайно.

Хан слышал его слова и задумался над его словами. Если этот сын собаки знает кодовое имя Петра и его собственное, знает про Скрытую Долину и январь сорок четвертого, когда он тайно ездил в Москву,

чтобы поступить на службу в КГБ, он знает и другие вещи, более заслуживающие наказания. То, что хан водил обе стороны за нос на благо своему Азербайджану, не будет иметь никакого значения для наемных убийц, посланных как «справа», так и «слева».

– В обмен на что?

– Свободу действий в Азербайджане – пока вы делаете то, что принесет пользу Ирану, – и устойчивые рабочие отношения со мной. Я предоставлю вам информацию, с которой Туде, левые и курды окажутся у вас в руках. И предоставлю доказательства, что Советы действуют против вас. Например, вы объявлены как секция 16/а.

Хан посмотрел на него разинув рот. В его ушах начал подниматься оглушительный рев.

– Я вам не верю!

– К немедленному исполнению. Приказ подписан Петром Олеговичем Мзитрюком, – сказал Хашеми.

– До… доказательства, я… мне нужны доказательства, – выдавил из себя хан.

– Заманите его на эту сторону границы живым, и я предоставлю вам доказательства. По крайней мере, он предоставит.

– Вы… вы лжете.

– Разве вы не собирались сегодня или завтра отправиться в Тбилиси по его приглашению? Из этой поездки вы бы не вернулись. Легенда была бы такая, что вы, судя по всему, бежали из Ирана. Вас бы заклеймили как предателя, ваше имущество конфисковали, семью покрыли бесчестьем – и скормили муллам. – Теперь, когда Хашеми знал, что Абдолла-хан у него в руках, единственное, что его беспокоило, это состояние здоровья хана. Голова Абдоллы начала мелко подергиваться, обычно смуглое лицо стало бледным со странными покраснениями вокруг глаз и на висках, вена на лбу вздулась. – Вам лучше не ездить на север и удвоить охрану. Я мог бы обменять Петра Олеговича… даже лучше, я мог бы позволить вам спасти его и… ну, вариантов много, если он окажется у меня.

– Что… что вы хотите с ним сделать?

– Информация.

– Я… я получу к ней доступ?

Хашеми улыбнулся.

– Почему бы нет? Значит, мы договорились?

Рот хана беззвучно задвигался. Потом он произнес:

– Я попробую.

– Нет, – резко сказал полковник, сочтя, что пришло время добить поверженного врага одним ударом. – Нет. У вас четыре дня. Я вернусь в субботу. В полдень в субботу я буду в вашем дворце, чтобы забрать посылку. Или, если хотите, можете тайно доставить его по этому адресу. – Он положил лист бумаги на столик между ними. – Или третий вариант, если вы сообщите мне, где и когда он будет пересекать границу, я сам обо всем позабочусь. – Он расстегнул ремень безопасности и поднялся. – Четыре дня, Иваныч.

Ярость, бушевавшая внутри Абдоллы, едва не рвала ему барабанные перепонки. Он попробовал встать и не смог. Армстронг помог ему подняться, а Хашеми подошел к занавеске, но прежде чем открыть ее, достал пистолет из кобуры под мышкой. – Скажите Ахмеду, чтобы он не создавал нам проблем.

Хан, пошатываясь от слабости, встал в двери и выполнил то, что ему приказали. Ахмед был внизу у трапа с автоматом наперевес. Ветер поменял направление, дуя теперь в сторону дальнего от них конца взлетной полосы, и заметно усилился.

– Ты что, не слышал его высочество? – крикнул ему сверху полковник. – Все в порядке, но ему нужна помощь. – Его голос звучал успокаивающе. – Наверное, ему следует как можно быстрее показаться врачу.

Ахмед был сбит с толку и не знал, что предпринять. Вот стоит его господин, чувствуя себя явно хуже, чем раньше, но рядом стоят два человека, которые были причиной этого, которых следовало убить.

– Помоги мне сесть в машину, Ахмед, – сказал хан, выругавшись, и это решило дело.

Он тут же подчинился. Армстронг встал с другой стороны, и вместе они спустились по трапу. Пилоты быстро выбрались из автомобиля и торопливо поднялись на борт, пока Армстронг помогал больному сесть в машину. Абдолла с трудом опустился на заднее сиденье. Один, на открытом пространстве, Армстронг как никогда чувствовал себя голым и уязвимым. Хашеми в безопасности стоял в двери салона наверху трапа. Двигатели самолета ожили.

– Салам, ваше высочество, – попрощался Армстронг. – Надеюсь, вы в порядке.

– Вам лучше поскорее покинуть нашу страну, – ответил хан, потом бросил шоферу: – Возвращаемся во дворец.

Армстронг проводил взглядом стремительно удалявшуюся машину, потом повернулся. Он увидел странную улыбку на лице Хашеми, полускрытый пистолет в его руке и на мгновение подумал, что тот собирался в него выстрелить.

– Живей, Роберт!

Он взбежал по ступенькам на замерзающих ногах. Второй пилот уже нажал кнопку закрытия двери. Трап поднялся, дверь закрылась, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Окунувшись в тепло тесного салона, Армстронг снова ожил.

– Ну и холодно же там, – сказал он.

Хашеми не обратил на него внимания.

– Капитан, взлетайте как можно быстрее, – приказал он, стоя позади пилотов.

– Мне придется прокатиться до другого конца полосы, сэр. Я не рискну взлетать отсюда, когда такой ветер свистит нам в хвост.

Хашеми выругался, поскольку ему показалось, что до дальнего конца взлетной полосы не меньше миллиона миль. Снег сдувал с сугробов снежную пыль. Чтобы воспользоваться нужным выходом на полосу, им придется оказаться слишком близко от площадки перед зданием аэропорта. Им придется пересечь ее и использовать противоположный выход, чтобы добраться до места взлета. Вдалеке к терминалу спешил «роллс-ройс». Хашеми видел, как вооруженные люди собираются внизу, чтобы встретить машину.

– Выруливайте назад прямо по взлетной полосе и выполните короткий взлет.

– Без разрешения диспетчерской вышки это будет серьезным нарушением правил.

– Вы бы предпочли пулю в голову или тюрьму САВАК? Эти люди вон там – враги. Делайте, как я говорю.

Хогг видел автоматы. Он щелкнул переключателем передатчика.

– Эхо Танго Лима-Лима, прошу разрешения на обратное движение по полосе, – сказал он, не ожидая, впрочем, услышать ответа: после того как они покинули воздушное пространство Тегерана, эфир молчал всю дорогу сюда, и с местной вышкой у него контакта тоже не было. Он развернул самолет, пошедший юзом, назад

на взлетную полосу, потом немного прибавил обороты, держась левой стороны и двигаясь параллельно их собственным следам, оставленным в снегу при посадке. – Диспетчерская, говорит Эхо Танго Лима-Лима, возвращаюсь по полосе. – Гордон Джоунз, второй пилот, проверял приборы, готовясь лечь на обратный курс в Тегеран. Ветер толкал их, сцепление колес с полосой было ненадежным. Он увидел, что «роллс» остановился у аэровокзала, и люди с оружием окружили его.

– Давайте быстрее… разворачивайтесь, полосы вам хватит, – торопил его Хашеми.

– Сразу же, как только будет можно, – вежливо ответил Хогг, думая про себя, чертов вы полудурок, полковник как-вас-там, я не меньше вашего хотел бы побыстрее оказаться в воздухе, да только для этого мне надо разбежаться. Он заметил враждебность людей в машине и то, как Мак-Айвер нервничал в Тегеране. Но диспетчерская вышка Тегерана дала им добро в одну секунду, поставив его первым на взлет, словно он вез самого Хомейни. Черт побери, чего нам только не приходится делать во имя Англии и пинты пива! Его руки и ноги ощущали снег и лед под колесами и скользкую поверхность взлетной полосы. Он чуть сбавил обороты.

– Смотри-ка! – воскликнул второй пилот. Вертолет с реактивными двигателями пересекал воздушное пространство впереди, идя на низкой высоте примерно за милю от них. – Вроде, 212-й, а?

– Да. Не похоже, чтобы он направлялся сюда, – заметил Хогг, вертя головой во все стороны. У аэровокзала еще одна машина присоединилась к людям возле «роллс-ройса»; впереди слева возникла вспышка света; 212-й уже скрылся за холмом; справа появилась птичья стая; все стрелки приборов были на зеленом поле, порядок; около «роллса» собралось еще больше людей и кто-то расположился на крыше здания; топливо в норме; снег не слишком глубокий, под ним – голый лед; следить за поземкой впереди; взять чуть правее; рация настроена на нужный канал; ветер все еще в хвост; севернее собираются тучи; самую малость сбросить обороты левого двигателя!

Самолет пьяно качнулся, Хогг скорректировал: машина вела себя слишком чувствительно на заледеневшей поверхности.

– Может быть, вам лучше вернуться на место, полковник, – сказал он.

– Поднимайтесь в воздух как можно быстрее. – Хашеми вернулся в салон. Армстронг вглядывался в здание аэровокзала. – Чем они там заняты, Роберт? Какие-то проблемы? – спросил он.

– Пока нет. Поздравляю, ты великолепно обработал Абдоллу.

– Если он сдержит обещание. – Теперь, когда все было позади, Хашеми чувствовал легкую тошноту. В этот раз смерть была слишком близко, подумал он. Он сел и застегнул ремень безопасности, потом расстегнул его снова, достал пистолет из кармана, поставил его на предохранитель и засунул в кобуру под мышкой. Его пальцы коснулись его британского паспорта во внутреннем кармане пиджака. Может быть, он мне и не понадобится, подумал он. Хорошо. Было бы очень неприятно, если бы мне пришлось воспользоваться им, покрыв себя позором. Он закурил.

– Как ты думаешь, он продержится до субботы? Мне показалось, что его сейчас удар хватит.

– Он уже много лет живет таким толстым и таким мерзким.

Армстронг уловил в его голосе подспудную жестокость. Хашеми Фазир был всегда опасен, всегда на грани, фанатичный патриотизм уживался в нем с презрением к большинству иранцев.

– Ты чудесно провел разговор с ним, – сказал он и снова повернулся к иллюминатору. «Роллс», вторая машина и люди вокруг них были довольно далеко, полускрытые снежными сугробами, но он видел у них много автоматов, и время от времени кто-то показывал рукой в их сторону. Ну, давай же, ради бога, думал он, поднимай машину в воздух.

– Полковник, – раздался голос Хогга в динамиках, – вы не могли бы подойти, пожалуйста.

Хашеми расстегнул ремень и прошел в кабину.

– Вон там, сэр, – сказал Хогг, показывая вперед и вправо, за край взлетно-посадочной полосы, на сосновую рощицу перед лесом. – Как по-вашему, что там может быть? – Крошечная точка света снова начала пульсировать. – Это сигнал SOS.

– Роберт, – крикнул Хашеми, – взгляни вперед и вправо.

Все четверо сосредоточились. Вспышки опять повторили сигнал SOS.

– Ошибки быть не может, сэр, – сказал Хогг. – Я мог бы подать им ответный сигнал. – Он показал на мощный сигнальный фонарь для

аварийных ситуаций, который давал зеленый или красный световой сигнал, если отказывала бортовая рация.

Хашеми повернул голову и крикнул в салон:

– Что скажешь, Роберт?

– Это действительно сигнал SOS!

125-й быстро катил по полосе в сторону вспышек. Они подождали, потом увидели, как от деревьев отделились три крошечные фигурки, два мужчины и женщина в чадре. И они увидели у них оружие.

– Это ловушка, – тут же сказал Хашеми, – не приближайтесь, разворачивайтесь!

– Не могу, – ответил Хогг, – полосы нам не хватит для взлета. – Он еще больше приоткрыл дроссели. Самолет бежал вперед очень быстро, параллельно своим следам при посадке. Они увидели, что фигурки размахивают оружием.

– Давайте сматываться отсюда к всем чертям! – крикнул Армстронг из салона.

– Сразу же, как только получится, сэр. Полковник, вам, наверное, лучше вернуться на место, возможно, будет тряска, – сказал Хогг без всякой нервозности в голосе, потом выкинул из головы их обоих. – Гордон, присматривай повнимательнее за этими ублюдками впереди и за аэропортом.

– Сделаю. Раз плюнуть.

Капитан обернулся на мгновение, бросив взгляд на противоположный край полосы, решил, что на достаточное расстояние они еще не отъехали, но немного прикрыл дроссели и коснулся тормозов. Самолет начало заносить на льду, поэтому он отпустил их, удерживая машину как можно прямее; ветер менялся. Фигурки у сосен стали больше.

– Похожи на бедняков, горцы, я бы сказал. Два автоматических карабина. – Гордон Джоунз прищурился, глядя в сторону терминала. «Роллса» нет, а вот вторая машина движется по площадке в нашу сторону.

Газ теперь сброшен полностью. Но скорость все еще слишком высокая для разворота.

– Господи, мне кажется… Похоже, один из горцев выстрелил, – сказал Гордон; его голос стал громче.

– Поехали, – сказал Хогг в интерком, нажал на тормоза, почувствовал, как самолет заскользил, удержал его, потом начал разворот вправо поперек полосы; машина по инерции шла юзом, и ветер был по-прежнему против них.

В салоне Хашеми и Армстронг сидели, вцепившись в подлокотники, с угрюмыми лицами и смотрели в иллюминаторы. Они увидели, как одна из фигурок бросилась бежать к ним, размахивая своим карабином. Армстронг пробормотал:

– Мы тут как сидячие утки. – Он почувствовал, как самолет при повороте пошел юзом, потеряв сцепление с полосой, и выругался.

Хогг в кабине пилота что-то насвистывал без мелодии. Самолет пересек их посадочный след, все еще двигаясь юзом, дальний конец полосы обрамляли плотные тяжелые сугробы. Хогг пока не рисковал разгонять двигатели и ждал с пересохшим ртом, направляя всю свою волю на то, чтобы заставить самолет развернуться и встать носом к ветру. Но 125-й упрямо продолжал скользить на бесполезных колесах, пользоваться тормозами было опасно, двигатели тихонько ворчали, под снегом на полосе – лед.

Снежные сугробы неотвратимо приближались. Он видел торчащие ледяные глыбы, которые разорвут их тонкую обшивку на куски. Делать было нечего, только ждать. Тут порыв ветра ударил им в хвост, повернул его и теперь, хотя машина все еще скользила назад, самолет встал носом к ветру. Аккуратно Хогг запустил оба двигателя, почувствовал, как скольжение замедляется, и стал тут же прибавлять тяги, пока не добился движения вперед, потом еще, самолет побежал быстрее, стал более управляемым, потом полностью управляемым, и Хогг толкнул ручки газа вперед до упора. 125-й понесся вперед, его колеса оторвались от земли, Хогг нажал кнопку уборки шасси, и они взмыли в небо.

– Если хотите, можете курить, – лаконично объявил он по громкой связи, безмерно довольный собой.

На летном поле, недалеко от деревьев Росс остановился и перестал махать. В груди саднило.

– Проклятый ублюдок, – прокричал он вслед самолету. – У тебя что, глаз нет?

Горько разочарованный, он зашагал назад к остальным, которые послушно ждали его у кромки леса. Настроение у всех у них было подавленное. Так близко, подумал он. В бинокль он видел, как хан подъехал, потом поднялся в самолет, потом, немного позже, с ханом, поддерживая его, по трапу спустился Армстронг.

– О, дай мне посмотреть, Джонни, – встревоженно попросила Азадэ и подкрутила бинокль, настраивая его под свои глаза. – О Боже, отец выглядит совсем больным… я надеюсь, с ним все в порядке. Врачи постоянно твердят ему, чтобы он соблюдал диету и вел более спокойный образ жизни.

– Да у него все чудесно, Азадэ, – среагировал Росс, стараясь, чтобы голос не выдал его сарказма. Но она его все же уловила и произнесла извиняющимся тоном:

– Ой, прости, я не имела в виду… я знаю, он…

– Я ничего не хотел сказать, – обронил он и снова переключил внимание на Армстронга, вне себя от радости, что это был Армстронг, прикидывая, как им попасть на самолет. Пара пустяков. Самолет компании S-G – эмблему прекрасно видно – и Армстронг. Мы спасены! Но теперь спасение отменилось, теперь мы в дерьме, говорил он себе с еще большей досадой, пробираясь назад по снежной целине, чувствуя себя грязным, мечтая о ванне и обуреваемый бессильной злобой. Они не могли не заметить наши сигналы SOS. Или они головы себе в задницы позасовывали? Почему, черт подери, они не…

Он услышал пронзительный сигнал опасности Гуэнга и резко обернулся. В нескольких сотнях шагов он увидел машину, которая направлялась в их сторону. Росс бросился бегом, показывая на лес.

– Туда!

Ранее он разработал план. Сначала аэропорт, если там не получится, они двинутся на базу Эрикки. До базы было около четырех миль, к юго-востоку от Тебриза. Добежав до деревьев, он остановился и оглянулся. Машина остановилась в конце взлетной полосы, люди выскочили из нее и попытались бежать за ними, но убедились, что пробираться по сугробам слишком трудно. Они сели назад в машину и покатили прочь.

– Теперь они нас не поймают, – сказал Росс. Он повел их за собой в глубь леса, по необходимости придерживаясь чуть заметной тропинки.

Достигнув края этой рощи, они увидели замерзшие поля, дающие летом обильный урожай; несмотря на земельные реформы шаха, большинство этих полей принадлежали горстке землевладельцев. За полями начинались пригородные трущобы Тебриза. Они видели минареты Голубой мечети и дым, поднимавшийся от множества очагов и разносимый ветром.

– Мы можем обойти город стороной, Азадэ?

– Да, – ответила она, – только… только это очень длинный путь.

Они уловили в ее голосе подспудную тревогу. Пока что она передвигалась быстро и не жаловалась. Но она все равно оставалась обузой. Они были в одежде горцев поверх своего обмундирования. Их грубые поношенные ботинки вполне могли сойти за местные. Как и их оружие. И ее чадра. Он посмотрел на нее, так и не привыкнув к тому уродству, которое чадра ей сообщала. Она почувствовала его взгляд и попыталась улыбнуться. Она понимала и про чадру, и про то, что была обузой.

– Давайте пройдем через город, – предложила она. – Мы можем идти боковыми улочками. У меня есть немного… немного денег, и мы можем купить еды. Джонни, ты мог бы притвориться кавказцем из, ну скажем, Астары, я могла бы притвориться твоей женой. Гуэнг, ты будешь говорить по-гуркхски или на любом чужом языке и вести себя грубо и высокомерно, как туркмены с севера. Ты вполне сойдешь за одного из них, они произошли от монголов, многие иранцы произошли от монголов. Или, может быть, мне удастся купить какие-нибудь зеленые шарфы и превратить вас в «зеленых повязок»… Больше мне ничего не приходит в голову.

– Это хороший план, Азадэ. Наверное, нам лучше не держаться одной толпой. Гуэнг, ты пойдешь за нами следом, чуть отстав.

Азадэ сказала:

– На улице иранские жены ходят позади своих мужей. Я… я буду идти на шаг сзади тебя, Джонни.

– Это хороший план, мэм-сахиб, – сказал Гуэнг. – Очень хороший. Ведите нас.

Она поблагодарила его улыбкой. Вскоре они оказались среди рынков, улочек, закоулков и трущоб. Один раз какой-то мужчина, который шел не разбирая дороги, налетел на Гуэнга. Без колебаний Гуэнг ударил его кулаком в горло так, что тот без сознания свалился в

джуб, и разразился бранью на одном из непальских наречий. Вокруг возникло секундное замешательство, потом шум возобновился и те из толпы, кто был рядом, опустили глаза и двинулись дальше, несколько человек неприметно сделали жест, оберегающий от дурного глаза, ибо все знали, что эти северяне, потомки орд, не знавших Единого Бога, обладали способностью наводить порчу.

Азадэ купила у уличных торговцев свежий хлеб из печи, жаренный на углях шашлык из ягнятины и хореш с фасолью и большим количеством риса. Они расположились на грубых лавках, поели, потом отправились дальше. Никто не обращал на них никакого внимания. Иногда кто-то подходил к мужчинам, предлагая им что-нибудь приобрести, но Азадэ вмешивалась и хорошо их прикрывала, огрубляя голос и говоря на местном турецком диалекте. Когда раздались призывы муэдзинов на дневную молитву, она в страхе остановилась. Вокруг них мужчины и женщины искали кусок ковра, ткани, газеты, картона или что-нибудь, на что можно встать коленями, и начинали молиться. Росс поколебался, потом, подчиняясь ее умоляющему взгляду, притворился, что тоже молится, и опасный момент миновал. На всей улице только четыре или пять человек остались стоять, Гуэнг среди них, прислонившись к стене. Никто не трогал стоявших. Тебризцы происходили из многих народов, многих религий.

Они продолжили свой путь, продвигаясь на юго-восток, и теперь добрались до предместий со стороны скопища лачуг, заваленного мусором, среди которого бродили тощие, полуголодные собаки, где джуб был единственной канализацией. Вскоре трущобы окончатся, начнутся поля и сады, потом лес и шоссе на Тегеран, извиваясь, оно поднималось к перевалу, который приведет их в «Тебриз-1». Что они будут делать, когда туда доберутся, Росс не знал, но Азадэ сказала, что знает несколько пещер неподалеку, где они смогут прятаться, пока не появится вертолет.

Они миновали последние из лачуг, вышли на дорогу, обрамленную по обочинам сугробами. Снег на дороге был заляпан пометом мулов и ослов, скользкий и весь в предательских выбоинах; они присоединились к путникам, одни вели в поводу навьюченных ослов, вторые сами сгибались под тяжестью своей поклажи, третьи справляли нужду у обочины – мужчины, женщины, дети, горсть снега

в левой руке, потом снова в путь, – разноязыкое скопление людей, горцев, кочевников, горожан, общими у которых были только бедность и гордость.

Азадэ очень устала, постоянное напряжение при переходе через город отняло у нее много сил. Она все время боялась, что сделает ошибку, что их заметят, переживала и тревожилась за Эрикки, беспокоилась, что вот они доберутся до базы и что тогда? Иншаллах, говорила она себе раз за разом. Аллах присмотрит за тобой, за ним и за Джонни.

Когда они подошли к месту, где их дорога пересекалась с шоссе на Тегеран, они увидели «зеленых повязок» и вооруженных людей у импровизированной дорожной заставы, вглядывавшихся в стекла проезжавших машин и разглядывавших людей, по одному проходивших мимо. Обойти их было невозможно.

– Азадэ, пойдешь первой, – прошептал Росс. – Подожди нас дальше по дороге, если нас остановят, не вмешивайся, просто продолжай идти, иди на базу. Мы разделимся, так безопаснее. – Он улыбнулся ей. – Не волнуйся.

Она кивнула и пошла вперед. Она несла его рюкзак. Когда они вышли из города, Азадэ настояла на этом: «Посмотри на всех женщин вокруг, Джонни. Если я ничего не буду нести, я стану ужасно бросаться в глаза».

Они вдвоем подождали, потом подошли к обочине и помочились в снег. Люди шли мимо. Некоторые заметили их. Несколько человек прокляли их как неверных. Один или два подумали про себя: кто такие эти люди? Росс и Гуэнг, не подозревая об оплошности, мочились в сторону Мекки, чего никогда не сделает ни один мусульманин.

– Как только она пройдет, ты следующий, Гуэнг. Я пойду за тобой через десять минут.

– Лучше вы следующим, – прошептал в ответ Гуэнг. – Я туркмен.

– Хорошо, но если меня остановят, не вмешивайся. Проскользни вперед в суматохе и живым доберись до нее. Не подведи меня!

Маленький человек ухмыльнулся, блеснув ослепительно белыми зубами.

– Вы не подведите, сахиб. Вам еще столько предстоит сделать, прежде чем вы станете Повелителем горы. – Гуэнг посмотрел мимо него в сторону заставы шагах в ста впереди. Он увидел, что Азадэ уже

встала в очередь. Один из «зеленых повязок» что-то сказал ей, но она что-то ответила ему, и он взмахом руки пропустил ее. – Не ждите меня на дороге, сахиб, возможно, я пойду полем. Не волнуйтесь за меня, я найду вас по следам.

Он протолкался сквозь путников и присоединился к потоку, двигавшемуся в сторону города. Пройдя шагов сто, он сел на перевернутый ящик и расшнуровал ботинок, делая вид, что натер ногу. Его носок превратился в лохмотья, но это не имело значения. Подошвы его ног были твердыми как камень. Он не спеша заново зашнуровал ботинок. Ему очень нравилось быть туркменом.

Перед заставой Росс встал вместе с теми, кто покидал Тебриз. Он заметил рядом с «зелеными повязками» полицейских, которые разглядывали людей. Люди были раздражены, по обыкновению возмущаясь властями и любым покушением на свое право идти куда, как и когда им захочется. Многие открыто злились, а с некоторыми дело едва не дошло до потасовки.

– Ты, – крикнул ему один из «зеленых повязок», – где твои бумаги?

Росс зло сплюнул под ноги.

– Бумаги? Мой дом сгорел, мою жену сожгли, моего сына сожгли левацкие собаки. У меня ничего не осталось, кроме моего карабина и горсти патронов. На все воля Аллаха… а вот почему бы тебе не пойти жечь сатанистов и исполнять Божий труд вместо того, чтобы останавливать честных людей?

– Мы честные люди! – сердито возразил иранец. – Мы исполняем Божий труд. Откуда ты родом?

– Из Астары. Астара на побережье. – Он дал гневу прорваться наружу. – Астара, понятно? А ты?

Стоявший за ним иранец и тот, что стоял позади него, разразились руганью, торопя охранника, чтобы он не заставлял их ждать на холоде. Один из полицейских начал пробираться в их сторону, поэтому Росс решил рискнуть и с проклятьем протолкнулся вперед, следующий иранец – за ним, потом – следующий, и они миновали рогатку. Охранник с зеленой повязкой зло прокричал им вслед грубое ругательство, потом повернулся и занялся другими в очереди.

Прошло некоторое время, прежде чем Росс задышал спокойно. Он старался не спешить, глаза его все время искали ее впереди. Азадэ

нигде не было видно. Мимо проезжали машины и грузовики, натужно ревя моторами на подъеме или слишком быстро спускаясь вниз, время от времени заставляя людей шарахаться в сторону и поливать водителей неизбежным потоком проклятий. Человек, стоявший за ним в очереди у заставы, поравнялся с ним; пеших путников на дороге становилось меньше: многие сворачивали на тропинки, которые вели к лачугам у дороги или к деревням в лесу.

– Этот олух из «зеленых повязок» – настоящий сын собаки, – заговорил иранец с тяжелым акцентом. – Вы правы, ага, им следует заниматься Божьим трудом, трудом имама, а не Абдоллы-хана.

Росс тут же насторожился.

– Кого?

– Я сам родом из Астары и по вашему выговору я знаю, что вы не из Астары, ага. Астарцы никогда не станут мочиться в сторону Мекки или повернувшись к Мекке спиной – мы в Астаре все добрые мусульмане. По описанию вы, должно быть, и есть тот диверсант, за которого хан назначил большую цену. – Голос иранца звучал безмятежно, с любопытствующей дружелюбностью, на плече у него болталась винтовка «Энфилд».

Росс ничего не сказал, только хмыкнул, не сбавляя шага.

– Да, хан дает за вашу голову хорошую цену. Много лошадей, отару овец, десяток, если не больше, верблюдов. Для простых людей – шахский выкуп. И за живого выкуп еще больше, чем за мертвого, – больше овец, лошадей и верблюдов, достаточно, чтобы жить вечно.

Но где эта женщина Азадэ, его дочь, та самая, которую вы похитили, вы и ваш напарник?

Росс взглянул на него разинув рот, и иранец весело хмыкнул.

– Вы, должно быть, очень устали, что так легко себя выдали. – Внезапно его лицо озлобилось, рука скользнула в карман старой куртки, вытащила оттуда револьвер и ткнула его в бок Россу. – Пройдите вперед меня на один шаг, не пытайтесь бежать или выкинуть еще что-нибудь, я просто выстрелю вам в спину. Так, где женщина? За нее тоже обещана награда.

В этот момент грузовик, спускавшийся сверху, выскочил из-за поворота, опасно накренившись, выехал на встречную полосу и полетел прямо на них, громко сигналя. Люди бросились врассыпную. Реакция Росса была более быстрой, чем у противника: он сделал шаг в

сторону, двинул иранца плечом в бок, и тот полетел под колеса грузовика. Грузовик сбил его, переехал сначала передними колесами, потом и задними и, визжа тормозами и входя в занос, остановился в сотне шагов ниже по дороге.

– Да хранит нас Аллах, вы видели? – воскликнул кто-то. – Он бросился прямо под колеса.

Росс оттащил тело с дороги. Револьвер исчез в снегу.

– А, эта жертва Аллаху ваш отец, ага?

– Нет… нет, – с трудом выговорил Росс, борясь с паникой. Все произошло так быстро. – Я… не знаю его. Никогда не видел его раньше.

– Клянусь Пророком, как неосторожны эти путники! У них что, глаз нет? Он мертв? – крикнул издалека водитель грузовика, поднимаясь к ним. Это был бородатый, смуглый человек в грубой одежде. – Аллах свидетель, он сам бросился мне под колеса, все это видели! Вы, – сказал он Россу, – вы были рядом, вы должны были это видеть.

– Да… да, так оно и было, я шел позади него.

– На все воля Аллаха. – Водитель радостно зашагал обратно: все было правильно, и делу конец. – Его превосходительство все видел. Иншаллах!

Росс протолкался через небольшую толпу путников, которые предпочли остановиться и посмотреть, что случилось, и зашагал вверх по дороге, стараясь собраться и сосредоточиться и не оглядываясь назад. Пройдя поворот, он прибавил шагу, спрашивая себя, правильно ли было отреагировать так быстро, практически не думая. Но этот человек продал бы ее, продал бы их обоих. Забудь о нем, карма есть карма. Еще один поворот – Азадэ по-прежнему не видно. Его тревога возрастала.

Здесь шоссе изрядно петляло, и подъем был крутым. Он прошел несколько лачуг, полускрытых краем леса. Тощие собаки рылись в мусоре. Тех, что приближались, он отгонял криками и ругательствами: многие из них, как правило, были заражены бешенством. Еще один поворот. Пот заливал ему глаза. И тут он увидел ее, она сидела на корточках у обочины и отдыхала, как любая из дюжины старух рядом с ней. Она увидела его в ту же секунду, качнула головой, предостерегая, встала и двинулась дальше по дороге. Он приблизился метров на

двадцать и зашагал следом. Тут позади них раздалась стрельба. Вместе со всеми остальными они остановились и обернулись. Они ничего не увидели. Застава осталась далеко внизу, без малого за километр отсюда. Через мгновение стрельба стихла. Никто ничего не сказал, люди лишь стали более поспешно подниматься в гору.

Дорога была плохая. Они прошагали еще километра полтора, постоянно отступая в сторону, чтобы пропустить машины. Иногда мимо с кряхтением и грохотом проезжал автобус, но все они были переполнены, и ни один не останавливался. В эти дни даже на обычных остановках иногда приходилось ждать целый день, а то и два, прежде чем отыскивалось место. Грузовики порой останавливались. За плату.

Позже один из них с пыхтением проехал мимо него и, поравнявшись с Азадэ, притормозил и пополз с нею рядом.

– Зачем идти пешком, когда уставшие могут поехать с помощью Кира-дальнобойщика – и Аллаха, – крикнул ей водитель, плотоядно скалясь на нее и толкая локтем в бок своего соседа, иранца с черной бородой одних с ним лет. Они уже некоторое время наблюдали за ней, смотрели на покачивание ее бедер, которое даже чадра не могла скрыть. – Зачем божественному цветку идти пешком, когда она могла бы ехать в теплом грузовике или на ковре мужчины.

Она подняла на него глаза, обругала его последними словами и крикнула через плечо Россу:

– Муж мой, этот прокаженный сын собаки осмелился оскорбить меня и говорил непристойности вопреки закону Аллаха…

Росс уже был рядом, и водитель вдруг увидел, что смотрит в черный зрачок винтовочного дула.

– Ваше превосходительство… я только спрашивал… только спрашивал, не подвезти ли вас и вашу жену, – в панике забормотал водитель. – Там сзади есть место… если его превосходительство окажет честь моей машине…

Кузов был забит металлоломом, но это все равно было лучше, чем идти пешком.

– Головой отвечаешь, водитель. Куда вы направляетесь?

– В Казвин, ваше превосходительство, в Казвин. Вы почтите нас своим согласием?

Грузовик не стал останавливаться, но Россу было нетрудно подсадить ее сзади в кузов. Вместе они пригнулись, прячась от ветра. Ее ноги дрожали, она замерзла и очень нервничала. Он вытянул руки, обнял ее и прижал к себе.

– О Джонни, если бы тебя не оказалось рядом…

– Не волнуйся, не волнуйся. – Он делился с ней своим теплом. Казвин? Это не на полпути ли к Тегерану? Ну конечно! Мы просидим в грузовике до самого Казвина, сказал он себе, набираясь сил. Потом найдем другую попутку или сядем в автобус, или угоним машину, вот что мы сделаем.

– Поворот на базу километра через три-четыре, – сказала Азадэ, дрожа в его объятиях. – Направо.

База? Ах да, база. И Эрикки. Но главное, как быть с Гуэнгом? Как быть с Гуэнгом? Заставь свой ум работать. Что ты будешь делать?

– Какая… какая там местность? Открытая и ровная или овражистая, или какая? – спросил он.

– Довольно ровная. Скоро будет наша деревня. Абу-Мард. Мы проедем деревню, потом, скоро за ней, местность выравнивается, что-то вроде поросшего лесом плато, где проходит наша дорога. Дальше главное шоссе тянется выше, к перевалу.

Росс видел впереди изгиб дороги, иногда шоссе открывалось участком подлиннее, опасно петляя вдоль горного склона.

– Мы сойдем на другом конце деревни, до плато, пройдем кругом через лес и доберемся до базы. Это возможно?

– Да. Я хорошо знаю эти места. Я… я была учительницей в деревенской школе и часто водила детей на… на прогулки. Я знаю все тропинки. – Она опять задрожала.

– Пригнись от ветра. Ты скоро согреешься.

Старый грузовик, натужно пыхтя, поднимался по склону; он ехал не быстрее идущих пешеходов, но это было лучше, чем передвигаться пешком. Он все еще обнимал ее, и немного погодя она престала дрожать. Поверх дальнего борта грузовика Росс увидел машину, быстро догонявшую их, скрежеща коробкой передач, за ней спешил зеленый пятнистый легкий грузовик. Водитель легковушки не убирал руку с клаксона. Их грузовику некуда было прижиматься, поэтому машина вышла на встречную полосу и рванулась вперед. Надеюсь, черт подери, ты себя угробишь, подумал Росс, злясь на этот шум и

невероятную тупость. Он рассеянно заметил, что машина была набита вооруженными людьми. Как и следовавший за ней грузовичок, хотя в нем люди не сидели, а стояли вдоль бортов, держась за металлические опоры; задняя стенка кузова была откинута и с грохотом раскачивалась на ходу. Когда они проносились мимо, он заметил тело, лежавшее у них под ногами. Сначала он подумал, что это был тот старик. Но это был не он. Это был Гуэнг. Нельзя было ошибиться, глядя на остатки порванного обмундирования. Или на кукри, торчавший у одного из иранцев за поясом.

– Что случилось, Джонни?

Он очнулся рядом с ней, но не ощущая ее, не ощущая вообще ничего, зная только, что он подвел второго из своих людей. Его глаза наполнились слезами.

– Что случилось, в чем дело?

– Ничего. Просто ветер. – Он смахнул слезы, потом поднялся на колени и посмотрел вперед. За поворотом дорога исчезала, потом появлялась снова. Как и машина и грузовичок. Уже была видна деревня. Дорога за ней снова поднималась вверх, потом выравнивалась, в точности как рассказывала Азадэ. Легковушка и грузовичок неслись через деревню полным ходом. В кармане у него лежал маленький, но мощный бинокль. Пытаясь держаться неподвижно в трясущемся кузове, он поднес бинокль к глазам и навел его на машину. Как только легковушка поднялась на ровный участок дороги, она прибавила скорости, потом свернула направо, на боковую дорогу, которая вела к базе, и пропала из виду. Грузовичок, добравшись до этого поворота, остановился, перекрыв большую часть дороги, ведущей в сторону Тегерана. С полдюжины иранцев спрыгнули с кузова, развернулись цепью на дорожной полосе и встали лицом к Тебризу. Потом грузовичок повернул направо и поехал следом за машиной.

Их грузовик замедлил ход, пока водитель со скрежетом переходил на самую низкую передачу. Чуть впереди Росс увидел короткий крутой подъем, рядом – тропинку, пешеходов на этом участке не было.

– Куда ведет эта тропинка, Азадэ? – спросил он.

Она поднялась на колени и посмотрела туда, куда он показывал.

– К Абу-Мард, нашей деревне, – сказала она. – Тропинка петляет туда-сюда, но оканчивается именно там.

– Приготовься спрыгнуть. Впереди еще одна застава.

В нужный момент он скользнул через борт, помог ей спуститься, и они, пригнувшись, отбежали в сторону и притаились. Грузовик не остановился, и водитель не оборачивался. Скоро грузовик был уже далеко. Держась за руки, они побежали под прикрытие деревьев.

ГЛАВА 40

«Загрос-3». 16.05. Локарт стоял, прислонившись к кабине 212-го, он собирался снова лететь на буровую площадку «Роза» с новым грузом труб. Небо было безоблачным, горы были видны так ясно и четко, что ему казалось, протяни он руку, и их можно будет коснуться. Он наблюдал за Родригесом, его механиком, который стоял на коленях в снегу и вглядывался в утробу нижней смотровой панели.

– Такой день хорош для катания на лыжах и на санках, Род, а не для того, чтобы трудиться в поте лица.

– Этот день хорош для того, чтобы убираться отсюда ко всем чертям, Том.

– Может, нам и не придется, – сказал Локарт. С воскресенья, когда у него вышел большой разговор с Ничак-ханом, он больше ничего не слышал ни от него, ни от кого-то еще из деревни. – Может быть, комитет передумает, или Мак добьется отмены его распоряжения. Это безумие вышвыривать нас отсюда, когда им нужна вся нефть, какую они могут добыть, а новая скважина на «Розе» – это золотое дно: Йеспер Алмквист говорит, она, по его расчетам, будет давать восемнадцать тысяч баррелей в сутки. Это почти триста шестьдесят тысяч долларов в день, Род.

– Муллы плевать хотели на нефть и вообще на все, кроме Аллаха, Корана или рая. Ты сам это говорил миллион раз. – Родригес вытер потек машинного масла. – Нам всем нужно было вместе с Йеспером двигать в Шираз, а оттуда – из Ирана. Нас тут никто не хочет видеть. Насири башку отстрелили, так? За что, спрашивается? Он был таким славным парнем. Никогда никому не сделал никакого зла. Нам приказали выметаться, так какого черта мы тут ждем?

– Может быть, комитет передумал. Нам тут одиннадцать буровых обслуживать.

– Все площадки работают по минимуму, вахтам не терпится убраться отсюда к чертям, тем более они и так несколько недель сидят тут без замены. – Родригес поднялся и стал вытирать руки, перепачканные маслом. – Это безумие торчать там, где тебя не хотят видеть. Молодой Скот держится как-то странно совсем, да и ты тоже, если разобраться.

– Чепуха, – сказал Локарт. Он никому не говорил о том, что, по рассказу Скота, действительно произошло на деревенской площади. Тревога вернулась к нему – за Скота, базу, Шахразаду, НВС и снова за Шахразаду, всегда Шахразада.

– Ничего не чепуха, – говорил между тем Родригес, – с самого возвращения из Тегерана ты сам не свой, дерганый какой-то. Хочешь остаться в Иране, Том, о'кей, ты – другое дело, ты женат. Я лично хочу отсюда уехать.

Локарт оторвался мыслями от Шахразады. Он прочел страх на лице друга.

– В чем проблема, Род?

Здоровяк поддернул ремень на чуть обозначившемся брюшке и снова застегнул свою парку.

– Меня чертовски нервируют мои фальшивые бумаги, Том. Черт, мне стоит только рот открыть, и сразу становится ясно, что никакой я не британец. Все мои визы и разрешения просрочены. У некоторых ребят тоже, но я тут единственный американец, я и в школе тогда рассказывал про Штаты, а чертовы муллы и Хомейни кричат, что я Сатана – это я-то, который всю жизнь был добропорядочным католиком, черт бы меня побрал! Я тут ночами не сплю.

– Так что ты раньше об этом молчал? Тебе и не нужно здесь оставаться, Род. 212-й должен лететь завтра. Почему бы тебе не отправиться вместе со Скотом? Как только доберешься до Эль-Шаргаза, можешь перевестись на работу в Нигерию или вообще куда захочешь.

Некоторое время Родригес молчал с безрадостным лицом.

– Мне бы это подошло, Том. Конечно. Если ты можешь об этом договориться, ты снял бы огромный груз с моей души.

– Считай, что дело в шляпе. Нам все равно придется посылать механика, так почему не тебя, ты старший.

– Спасибо, Том. Вот спасибо. – Родригес просиял. – Я только подтяну ножную педаль, пташка будет как новая.

Локарт увидел, что на грузовой вертолетной площадке трубы уже подготовили к отправке. Двое иранских рабочих ждали, чтобы зацепить подвесной крюк вертолета за рым-болт. Он уже полез в кабину, но остановился, заметив на тропе из деревни метрах в ста двух человек, которые шагали к базе, – Ничак-хан и с ним еще один иранец с карабином. С этого расстояния было нетрудно разглядеть на его рукаве зеленую повязку.

Локарт двинулся им навстречу, готовя свой мозг к тому, чтобы думать и говорить на фарси.

– Салам, Ничак-хан, салам, ага, – поприветствовал он и второго гостя, тоже бородатого, но гораздо моложе.

– Салам, – сказал Ничак, – вам дали время до пятого заката.

Локарт постарался скрыть свой шок. Сегодня был вторник, пятый день будет воскресенье. – Но, ваше превосходительство, э…

– До пятого заката, – сказал человек с зеленой повязкой без всякой вежливости. – В священный день вам запрещается работать или летать, лучше воздайте хвалу Аллаху, а после пятого заката, считая от сегодняшнего вечера, если все чужеземцы и их вертолеты не уйдут отсюда, база будет сожжена.

Локарт взглянул на него. Позади иранца стояла их кухня, из нее вышел Жан-Люк и направился к ним.

– За четыре рабочих дня будет очень трудно управиться, ага, и я не думаю…

– Иншаллах.

– Если мы уйдем, все вышки тоже должны будут закрыться. Только мы можем обслуживать их и работающих там людей. Это нанесет ущерб Ирану, это…

– Исламу не нужна нефть. Чужеземцам нужна нефть. Пять закатов. Да падет вина на вашу голову, если вы останетесь.

Ничак-хан искоса взглянул на своего молодого спутника. Потом сказал Локарту:

– Ага, я хочу отправиться с этим человеком, чтобы увидеть начальника итальянских чужеземцев. Я бы хотел отправиться прямо сейчас, пожалуйста.

– Почту за честь, – ответил Локарт, думая про себя: Миммо Сера провел в этих горах много лет, он будет знать, что делать. – Я должен доставить груз труб на вышку «Роза»; мы можем вылететь немедленно.

– Трубы? – грубо переспросил молодой иранец. – Не надо никаких труб. Мы полетим прямо так. Никаких труб.

– «Иран Ойл» говорит, что трубы нужны, значит, трубы туда и полетят, или вы не полетите, – сердито выпалил Локарт. – Аятолла Хомейни приказал, чтобы добыча нефти была восстановлена, почему комитет не подчиняется его приказу?

Юноша вдруг посмотрел на хана, который спокойно произнес:

– На все воля Аллаха. Аятолла есть аятолла, комитеты подчиняются только ему. Давайте отправляться, ага.

Локарт оторвал взгляд от молодого иранца.

– Хорошо. Мы вылетаем немедленно.

– Салам, Ничак-хан, – сказал Жан-Люк, подходя к ним. – Том, каков ответ? – спросил он по-английски.

– До заката в воскресенье. Мы должны убраться до того времени, и нам запрещено летать в пятницу.

Жан-Люк проглотил готовое вырваться ругательство.

– И никаких переговоров?

– Никаких. Если только тебе не захочется поспорить с этим сучонком.

Юноша с карабином вызывающе уставился на Жан-Люка.

– Скажите этому сыну собаки, что от него дурно пахнет.

Локарт уловил легкий запах чеснока.

– Он говорит, что твои кулинарные ароматы великолепны, Жан-Люк. Послушай, они хотят отправиться и поговорить с Миммо Серой. Я вернусь сразу же, как только смогу, тогда мы решим, что делать дальше. Нам пора, – сказал он на фарси и открыл дверцу в пассажирский отсек вертолета.

– Смотрите! – внезапно воскликнул Родригес и показал рукой на север, на высокие горы. В небо поднимался столб дыма. – Это «Мария»?

– Может быть, «Беллиссима», – сказал Жан-Люк.

Ничак-хан, прищурившись, смотрел вдаль.

– Это близко к тому месту, куда мы должны полететь. Да?

– Немного в стороне.

Старик казался очень встревоженным.

– Возможно, будет лучше забрать трубы следующим рейсом, пилот. До нас уже несколько дней доходят слухи, что левые пробираются в горы, хотят устроить диверсии и вызвать беспорядки. Прошлой ночью одному из моих пастухов перерезали горло и отсекли гениталии; я послал людей искать его убийц. – С мрачным лицом он забрался в вертолет. «Зеленая повязка» последовал за ним.

– Род, – распорядился Локарт, – выкатывай 206-й. Жан-Люк, дежурь у рации, я свяжусь с вами.

– *Oui. Pas problème*[54]. — Жан-Люк снова взглянул на дым.

Локарт оставил груз труб на базе и поспешил на север. Это оказалась «Беллиссима», и она горела. Еще издалека он увидел языки пламени, поднимавшиеся метров на десять от одного из трейлеров, который, высохнув за годы на сухом горном воздухе, выгорел уже почти целиком. Сбоку, рядом с буровой вышкой, полыхал еще один пожар. Рядом со складом, где хранился динамит, в снегу лежало неподвижное тело. Снежная шапка горы над базой, видоизмененная взрывом Пьетро и сошедшей после него лавиной, мирно поблескивала. Ниже ущелье обрывалось вниз на два с лишним километра.

Подобравшись ближе, он заметил с полдюжины фигурок, бежавших по извилистой тропинке, которая вела в долину далеко внизу. Все они были вооружены. Не колеблясь, он заложил вираж и бросился за ними, видя их впереди, прямо по курсу, проклиная то, что он не в боевом вертолете, – он бы, не дрогнув, отправил их всех в ад. Шесть человек, с бородами, в неприметной одежде горских племен. Потом он увидел, как один из них остановился, прицелился, из ствола винтовки вырвались знакомые искорки, и Локарт пошел по дуге вбок, выполняя уклоняющийся маневр, а когда он снова развернулся, поднявшись выше, где было безопасно, фигурки уже исчезли.

Он обернулся назад, в пассажирский отсек. Ничак-хан и «зеленая повязка» приникли к иллюминаторам, расплющив носы о стекло. Он крикнул им, но они его не слышали, поэтому он замолотил по перегородке, привлекая их внимание, и жестом подозвал Ничак-хана. Старик прошел вперед, неуверенно раскинув руки – летать ему не нравилось.

– Вы видели их? – прокричал Локарт.

– Да, да, – прокричал в ответ Ничак-хан. – Это не люди гор, это террористы.

Локарт вернулся к пилотированию.

– Жан-Люк, слышишь меня?

– Слышу прекрасно, Том, говори.

Он рассказал ему об увиденном, приказал оставаться на связи, потом сосредоточился на посадке, заходя, как всегда, со стороны ущелья, восходящие потоки крепко тряхнули их, и ветер сегодня был сильным. Это был его первый визит на «Беллиссиму» после возвращения из Тегерана. После смерти Гинеппы персонал на площадке сократили до минимума, работала только одна вахта. Посадив вертолет, он увидел, как Пьетро, оставшийся после Гинеппы за старшего, оставил пожар у вышки и торопливо зашагал к ним.

– Том! Нам нужна помощь, – прокричал он в окно кабины пилота, едва не плача. – Джанни мертв, и пара ребят получили ожоги…

– Хорошо. Сделаем. – Локарт начал выключать двигатели. – Там сзади Ничак с «зеленой повязкой», ты не волнуйся, о'кей? – Он снова повернулся на сиденье и показал Ничаку на дверь. Старик кивнул. – Что, черт возьми, здесь произошло, Пьетро? – спросил он, автоматически щелкая выключателями на приборной доске.

– Не знаю… Я не знаю*, amico.* – Пьетро приблизил лицо к окошку кабины. – Мы обедали, когда эта чертова бутылка с бензином, заткнутая горящей тряпкой, влетела в окно, и вокруг все заполыхало… – Он оглянулся: пламя добралось до полупустой бочки с нефтью, которая взорвалась, подпрыгнув в воздух, извергая в небо столб черного дыма. Четыре человека, боровшиеся с пожаром, отскочили. – *Si,* у нас быстро начался пожар в столовой, а когда мы выскочили оттуда, увидели этих людей, горцев*, banditos… Mamma mia,* они начали пальбу, поэтому мы разбежались и попрятались. Потом Джанни увидел, как они поджигают генераторную, там же рядом динамит, и… и он просто выбежал, чтобы предупредить их, но один из них его застрелил. Mamma *mia,* зачем было в него стрелять! *Bastardi, stronzi bastardi…*[55]

Локарт и остальные быстро выбрались из вертолета. Единственными звуками на базе были вой ветра и пламени и шум одного оставшегося пожарного насоса – Пьетро отключил генераторы и насосы и провел аварийное закрытие всей площадки. Крыша

трейлера с грохотом провалилась, выбросив вверх сноп искр и углей, многие из которых упали на соседние крыши, но там лежал толстый слой снега, и беды они не наделали. Пожар рядом с вышкой никак не удавалось сдержать, пары и отходы нефти постоянно подпитывали его, и он представлял собой большую опасность. Люди поливали его пеной, но языки пламени упорно находили дорожку к складу с динамитом, облизывая стену из гофрированного железа.

– Сколько там его, Пьетро?

– Слишком много.

– Давай-ка вытащим его оттуда.

– *Mamma mia*… – Пьетро последовал за Локартом.

Прикрывая руками лицо от жара, они выломали дверь – ключ искать было некогда. Динамит хранился в аккуратных ящиках. Их было около дюжины. Локарт подхватил один и двинулся к выходу, волна жара окатила его, и в следующий момент он был снаружи. Один из оставшихся работников забрал у него ящик и торопливо засеменил с ним в безопасное место. Локарт вернулся за следующим.

Рядом с вертолетом Ничак-хан и «зеленая повязка» стояли с подветренной стороны в безопасности.

– На все воля Аллаха.

– На все воля Аллаха, – эхом отозвался юноша. – Что мы будем делать теперь?

– Нужно думать о террористах. И об убитом.

Молодой человек посмотрел туда, где в снегу лежало тело, похожее на сломанную куклу.

– Если бы он не пришел в наши горы, он остался бы жив. Это его вина, что он мертв, больше ничья.

– Верно. – Ничак-хан смотрел на огонь, на сражавшихся с ним людей, и к тому времени, когда Локарт и Пьетро вынесли из склада весь динамит, остальным удалось локализовать пожар.

Локарт прислонился к стене трейлера, чтобы перевести дух.

– Пьетро, нам дали время только до заката в воскресенье. После либо убирайтесь, либо пеняйте на себя.

Лицо Пьетро посуровело. Он взглянул на «зеленую повязку» и на Ничак-хана, стоявших рядом с вертолетом.

– Пять дней? Это избавляет меня от необходимости принимать решение, Том. Мы эвакуируемся в Шираз через вышку «Роза» или

напрямую. – Пьетро повернулся к огню и резко вздернул согнутую левую руку со сжатым кулаком, перехватив правой ее бицепс. – На данный момент «Беллиссима» разрушена. Мне понадобится Алмквист, чтобы закупорить скважины. *Mamma mia,* придется перевозить целую кучу людей. Сколько усилий и все напрасно! Я рад, что старик Гинеппа не дожил до этого мерзкого дня. Мне лучше отправиться повидать Миммо.

– Немедленно, вместе с пострадавшими. Как быть с Джанни?

Пьетро взглянул на тело.

– Оставим его здесь, заберем самым последним, моего бедного брата по крови, – печально произнес он. – На таком морозе он не запахнет.

Вышка «Роза». Миммо Сера, напротив Ничак-хан и «зеленая повязка», Локарт, Пьетро и три старших буровых мастера сидели за столом в столовой. В течение получаса Миммо, который хорошо говорил на фарси, пытался убедить «зеленую повязку» из комитета дать им больше времени или разрешить ему оставить на буровых минимальный контингент, пока он и Локарт вместе с ним съездят в Шираз, чтобы поговорить там со старшим представителем «Иран Ойл».

– Во имя Аллаха, довольно! – раздраженно бросил молодой иранец.

– Но, ваше превосходительство, без вертолетов нам придется закрыть все месторождение и немедленно начать эвакуацию. Конечно же, ваше превосходительство, поскольку великий аятолла, да будет он благословен, и ваш премьер-министр Базарган хотят восстановить добычу нефти, нам следует проконсультироваться с «Иран Ойл» в Ши…

– Довольно! Ага, – добавил молодой человек, обращаясь к Ничак-хану, – если эти люди с комариными мозгами не подчинятся, вы ответите за это головой, вам придет конец, Яздеку придет конец и всему вашему народу! Если хоть один чужеземец или одна летающая машина останется здесь после заката на пятый день и если вы не сожжете базу, то ее сожжем мы! Потом сожжем вашу деревню, сами или с воздуха. Вы, – рявкнул юноша Локарту, – заводите вертолет. Мы возвращаемся. Немедленно! – Он с шумом встал и вышел.

Они все расстроенно проводили его взглядом. Локарту было жаль всех тех, кто нашел здесь нефть и разрабатывал это месторождение, вложил в него столько энергии, денег, таланта, стольким рискнул, столько поставил на карту. Это безумие какое-то, подумал он, но вариантов у нас нет. Делать больше нечего. Мы эвакуируемся. Я отменю рейс Скота, мы задействуем все машины и выполним свою работу. Пять дней будем трудиться как проклятые, и я забуду про Тегеран, про Шахразаду и про то, что сегодня день проведения марша протеста, на который ей запретил ходить.

– Ничак-хан, – сказал он. – Без вашего благорасположения и помощи мы должны будем оставить эти места.

Ничак-хан видел, как все глаза обратились к нему.

– Мне приходится выбирать между базой и деревней, – грустно произнес он. – Выбора нет. Я постараюсь найти террористов и свершить над ними справедливый суд. Вам тем временем лучше не рисковать и быть начеку. В этих горах полно мест, где они могут прятаться.

С большим достоинством он поднялся и вышел, вполне уверенный, что теперь ему не придется жечь базу, хотя, если на то будет воля Аллаха, он знал, что сделает это, не колеблясь ни секунды, будут там люди или нет.

Он позволил себе тень улыбки. Его план сработал безукоризненно. Все чужеземцы приняли Хасана Козопаса за настоящего члена комитета, было сущим удовольствием наблюдать за его напускным высокомерием и вспышками гнева; чужеземцы проглотили его историю про «террористов», убивших его пастуха, и он видел их страх; эти же самые «террористы» разрушили буровую площадку, самую труднодоступную из всех одиннадцати; в самый темный час ночи эти же «террористы» сожгут часть буровой «Роза», а потом исчезнут навсегда – вернутся в деревню и к деревенской жизни, из которой они вышли. И к рассвету завтрашнего дня ужас распространится по всей округе, все чужеземцы будут изо всех сил стремиться убраться отсюда подальше, их эвакуация станет делом решенным, и в Яздек придут мир и покой.

Они дураки, что взялись играть в игру, где одни мы знаем правила! Но еще остается проблема молодого пилота. Видел он все или не видел? Старейшины посоветовали «несчастный случай», чтобы

не рисковать. Вчерашний день подошел бы для этого как нельзя лучше, когда молодой человек один охотился в лесу. Так нетрудно поскользнуться и упасть на свое ружье. Да. Но моя жена высказалась против «несчастного случая».

– Почему?

– Потому что школа была замечательной вещью, – сказала она. – Разве она не была самой первой, какая у нас появилась? Без пилотов этого никогда бы не произошло. Но теперь мы легко сможем построить еще одну, нашу собственную. Потому что пилоты хорошо относились к нам, без них мы бы не знали многое из того, что знаем сейчас, да и деревня наша не была бы такой богатой. Потому что, я думаю, молодой человек говорил правду. Я советую тебе отпустить его; вспомни, как этот молодой человек смешил нас своими сказками про место, которое называется Конг, в стране, которая называется Китай, где людей живет тысячу раз тысячу раз тысячу раз тысяча, где волосы у всех черные и глаза черные и пищу они едят деревянными щепками.

Он вспомнил, как тогда хохотал вместе с ней. Вообще, как столько народу может уместиться в одной стране?

– Остается опасность, что он солгал.

– Тогда проверь его, – сказала она. – Время еще есть.

Да, подумал он, у нас еще есть четыре дня, чтобы узнать правду, – пять, включая священный день.

ГЛАВА 41

Тегеран. 17.16. Марш женщин уже закончился.

Он начался утром в той же атмосфере нетерпеливого ожидания, которая уже два дня господствовала в Тегеране, – предстояло нечто невероятное: впервые в истории женщины сами целой группой должны были вот-вот выйти на улицы в знак протеста, чтобы продемонстрировать свое единство против любых посягательств на свои с таким трудом завоеванные права со стороны новых правителей, даже самого имама.

«Надлежащим одеянием для женщины является чадра, которая покрывает волосы, и руки, и ноги, и не показывает ее красы (зинат)».

– Я выбрала ношение чадры в знак протеста против шаха, Мешанг, – кричала ему Зара, его жена. – Я выбрала! Сама! Я никогда

не стану закрывать лицо, носить чадру или хиджаб против своей воли, никогда, никогда, никогда…

«Совместное обучение мальчиков и девочек, введенное сатаной-шахом несколько лет назад, прекращается, ибо на практике оно превратило многие наши школы в дома терпимости».

– Ложь, сплошная ложь! Это смешно! – говорила Шахразада Локарту. – Правду нужно кричать с каждой крыши! Это не имам говорит все эти вещи, это фанатики, окружающие его…

«Чудовищный закон сатаны-шаха о защите брака отвергается».

– Это, конечно же, ошибка, Хусейн, – осторожно сказала мулле его жена. – Имам не может сказать такое. Этот закон защищает нас от мужа, который может отвергнуть жену в любой момент, против многоженства, дает нам право на развод, право голоса, защищает имущество жены…

«В нашей исламской стране каждый руководствуется только Кораном и шариатом. Женщины не должны работать, они должны вернуться в дом, оставаться дома, исполнять свою благословенную Аллахом освященную обязанность рожать и воспитывать детей и заботиться о своем господине».

– Клянусь Пророком, Эрикки, как бы я ни хотела иметь от тебя детей и быть для тебя самой лучшей женой, – сказала Азадэ, – клянусь, я не буду сидеть сложа руки и смотреть, как моих менее удачливых сестер заталкивают назад в мрачное Средневековье, где нет ни свободы, ни прав. Это все попытки фанатиков, мракобесов, их рук дело, не Хомейни. Я пойду на эту демонстрацию, где бы я ни…

По всему Ирану женщины готовили марши солидарности – в Куме, Исфахане, Мешхеде, Абадане, Тебризе, даже в таких маленьких городках, как Ковисс, – но не в деревнях. По всему Ирану шли споры и ссоры между большинством отцов и дочерей, большинством мужей и жен, большинством братьев и сестер, одни и те же стычки, просьбы, уговоры, ругань, требования, обещания, мольбы, запреты и, Аллах защити нас, даже восстания – тайные и открытые. И по всему Ирану в женщинах жила одна и та же решимость.

– Я рада, что Томми здесь нет, так все получается гораздо легче, – сказала Шахразада своему отражению в зеркале сегодня утром; марш должен был начаться в полдень. – Я рада, что он уехал, потому что, что бы он ни говорил, я в конечном счете ослушаюсь его. – По ее телу

пробежала дрожь возбуждения, приятная и одновременно с этим болезненная.

Она в последний раз проверила перед зеркалом макияж, чтобы убедиться, что синяк под левым глазом был хорошо замазан и припудрен. Теперь его почти совсем было не видно. Она улыбнулась себе, довольная тем, что видела. Ее вьющиеся волосы рассыпались по плечам, она надела теплый зеленый свитер и зеленую юбку, колготки и высокие замшевые сапожки, а на улицу она решила надеть зеленые же, отороченные мехом пальто и шапку. Разве зеленый – не цвет ислама? – радостно думала она, забыв обо всех своих болячках.

Кровать позади нее была завалена лыжными костюмами и другой одеждой, которую она примеряла и откладывала. В конце концов, женщины никогда не протестовали как самостоятельная группа, поэтому мы, конечно же, должны быть во всем самом лучшем. Как жалко, что сейчас не весна, тогда я могла бы надеть свое светло-желтое шелковое платье и желтую шляпку и…

Внезапно ей стало грустно. Это платье в прошлом году на день рождения ей подарил отец, и очаровательное жемчужное ожерелье. Бедный дорогой отец! – подумала она, и в ней начала подниматься злость. Да проклянет Аллах тех злодеев, которые убили его. Пусть он навеки низринет их в ад! Да хранит Аллах Мешанга, и всю семью, и моего Томми и да не позволит он фанатикам отнять у нас наши свободы.

Теперь в ее глазах стояли слезы, и она смахнула их. Иншаллах, подумала она. Отец в раю, куда попадают все правоверные, поэтому подлинной причины печалиться нет. Нет. Только желание, чтобы его гнусным убийцам воздали по справедливости. Убийцы! Дядя Валик. НВС. Аннуш и дети. НВС! Как я ненавижу эти буквы! Что произошло с Каримом? Она не имела никаких вестей с воскресенья и не знала, осудили его, мертв он или свободен, не знала ничего нового по поводу того телекса – оставалось только молиться.

И она помолилась. Снова. И перекинула все эти проблемы из своего сознания на плечи Бога и почувствовала себя очищенной. Когда она надевала свою маленькую шапку на меху, дверь открылась и в комнату торопливо вошла Джари, тоже одетая во все самое лучшее.

– Пора, принцесса. Ее высочество Зара прибыли. О, как красиво вы выглядите!

Наполненная радостным возбуждением, Шахразада подхватила пальто, промчалась по коридору, спустилась по лестнице и приветствовала Зару, которая ждала ее в прихожей.

– О, ты выглядишь великолепно, Зара, дорогая! – воскликнула она, обнимая ее. – Я так боялась, что Мешанг остановит тебя в последний момент!

– У него не было возможности, – смеясь, ответила Зара; кокетливая меховая шляпа с небрежным изяществом сидела на ее темных волосах. – Я взялась за него вчера за завтраком и продолжала весь день и всю ночь и сегодня утром, донимая его собольей шубкой, которая мне абсолютно необходима, которую я бесспорно должна иметь, или я умру от стыда перед своими подругами. Он сбежал от меня на базар и напрочь забыл про марш. Пойдем, мы не должны опаздывать, на улице нас ждет такси. Снег перестал, день обещает быть ясным, хотя на улице холодно.

В такси уже сидели три другие женщины, подруги и родственницы, две с гордостью надели джинсы, высокие каблуки и яркие спортивные курточки, волосы у всех распущены, одна в лыжной шапочке – все возбужденные и радостные, словно собрались на пикник с шашлыками, как в старые времена. Никто из них не заметил, как водитель такси неодобрительно бормотал что-то себе под нос, да никто и не обращал на него внимания. «К университету», – распорядилась Зара, и когда машина тронулась, они принялись оживленно болтать друг с другом, щебеча, как стайка птиц. Они не доехали двух улиц до ворот университета, где собирались участницы демонстрации, когда такси пришлось остановиться: настолько огромным было скопление женщин.

Ожидалось, что их будет несколько сотен, но пришли тысячи, и с каждой минутой со всех сторон подходили все новые и новые участницы марша. Молодые, старые, образованные, неграмотные, крестьянки и аристократки, богатые и бедные – джинсы, юбки, брюки, сапоги, туфли, лохмотья, меха, – и все охвачены одинаковым нетерпением, даже те, кто пришли в чадрах. Некоторые из наиболее решительных уже выступали с речами, другие выкрикивали лозунга:

– Никакой чадры силой…

– Единство, борьба, победа….

– Женщины, объединяйтесь, не дадим затолкать себя в хиджаб или чадру…

– Я была в Дошан-Таппехе, сражалась с «бессмертными»… мы не затем сражались и страдали, чтобы отдать себя на волю деспотизму…

– Смерть деспотизму в любом обличье…

– Дааааа! Да здравствуют женщины! – закричала Шахразада. – Долой насильственную чадру и хиджабы! – Как и остальных, ее заражало всеобщее ликование.

Зара расплатилась с водителем, оставив ему щедрые чаевые, весело повернулась, взяв под руки Шахразаду и Джари, и никто из них не слышал, как таксист крикнул в окно, отъезжая:

– Шлюхи вы все!

Толпы повсюду, никто не знал, что делать дальше, большинство были ошеломлены огромным количеством собравшихся женщин и разнообразием одежд, возрастов – даже несколько мужчин с энтузиазмом присоединились к ним.

– Мы протестуем, Зара, мы действительно здесь, правда?

– О да, Шахразада! Сколько же нас тут собралось…

Крича в общем шуме, они старались прислушаться к хорошо одетой женщине, известному тегеранскому адвокату, активистке и поборнице прав женщин Намжэ Ленге – несколько групп мужчин, студентов и учителей, сторонников и противников, вместе с муллами, среди которых были одни противники, тоже слушали ее:

– Некоторые муллы говорят, что женщины не могут быть судьями, не должны получать образование и обязаны носить чадру. Три поколения мы ходим с открытыми лицами, три поколения мы пользуемся правом на образование и одно поколение мы имеем право голоса. Бог велик!..

– Бог велик! – прокричали тысячи в ответ.

– Некоторым из нас повезло больше, чем другим, некоторые получили лучшее образование, чем другие, некоторые образованы даже лучше определенных мужчин. Некоторые из этих женщин знают современные законы, даже законы Корана, лучше тех или иных мужчин – так почему эти женщины не могут быть судьями? Почему?

– Нет причин! В судьи этих женщин! – воскликнула Зара вместе с сотнями других женщин, заглушив мулл и их сторонников, которые подняли крик:

– Кощунство!

Когда шум немного затих, Намжэ Ленге продолжила:

– Мы поддерживали аятоллу всем сердцем… – Новый взрыв радостные криков прервал ее, огромное излияние искренней любви. – Мы благословляем его за все, что он сделал, и мы боролись как могли бок о бок с мужчинами, разделяя их страдания, их тюремные камеры, мы помогли революции победить и вышвырнули деспота, и теперь мы свободны, Иран освободился от его ига и от ига иностранцев. Но это не дает никому, ни муллам, ни даже великому аятолле, права поворачивать вспять часы истории…

Оглушительные крики:

– Нет! Нет! Нет! Нет деспотам! Право голоса для женщин! Нет деспотизму в любом обличье! Ленге – в меджлис! Ленге – в министры образования!

– О, Зара, разве это не чудесно? – воскликнула Шахразада. – Ты когда-нибудь голосовала?

– Нет, дорогая, конечно, нет. Но это не означает, что я не хочу, чтобы у меня было право голосовать, когда у меня возникнет такое желание. Сто раз я говорила Мешангу, что, разумеется, я бы спросила у него, за кого мне голосовать, но я все равно хочу сама участвовать в голосовании, хочу сама зайти в будку, если решу пойти!

– Ты права! – Шахразада повернулась и крикнула: – Да здравствует революция! Бог велик! Бог велик! Ленге – в Верховный суд! Женщин – в судьи! Мы требуем своих прав…

Теймур, иранец, прошедший подготовку в ООП, который поселился в квартире Шахразады, и которого послали наблюдать за маршем и запоминать его наиболее решительных участниц, узнал ее по фотографиям, которые видел в квартире. Его охватила злоба.

– Женщины должны подчиняться законам Аллаха! – прокричал он. – Долой женщин-судей! Женщины должны делать то, что положено Богом! – Но его заглушили тысячи голосов, и ни одна живая душа не обратила на него никакого внимания.

Никто не знал, как, собственно, начался марш. Они словно сами по себе сдвинулись вдруг с места и вскоре запрудили улицы, от стены до стены, перекрыв все движение, радостно шагая вперед – неудержимая сила. Люди в лавках, в окнах и на балконах стоявших рядом домов смотрели на демонстранток раскрыв рот.

Большинство мужчин были шокированы.

– Ты только посмотри вон на ту, вон, молодую шлюху в зеленом пальто, которое всю дорогу распахивается спереди, открывая ее промежность, вон, вон, гляди! Да проклянет ее Аллах за то, что она искушает меня…

– Ты лучше погляди вон на ту, в штанах в обтяжку, словно вторая кожа.

– Где?! Да, в синих таких штанах! Аллах, защити нас! Я вижу каждое подрагивание ее тела! Да она сама напрашивается! Как та, с которой она идет под ручку, та, что в зеленом пальто! Блудница! Эй ты, блудница, ты просто хочешь члена, вот чего вы все хотите…

Мужчины смотрели и негодовали. Похоть плыла вслед за демонстрацией.

Женщины удивлялись и размышляли. Все больше и больше их забывали, что вышли за покупками, или оставляли свои лавки и присоединялись к своим сестрам, теткам, матерям, бабушкам, бесстрашно стаскивая с головы хиджаб, снимая чадру – разве мы не в столице, разве мы не жители Тегерана, элита Ирана, уже давно не деревенщина? Здесь все совсем по-другому, не как в деревне, где они никогда не осмелились бы выкрикивать лозунги или снимать чадру и хиджаб.

– Женщины, объединяйтесь, Бог велик, Бог велик! Победа, единство, борьба! Равные права для женщин! Право голоса! Нет деспотизму, любому деспотизму…

Впереди демонстранток, позади них и вокруг них, на проспектах и в боковых улочках начали собираться группы мужчин. И тех, кто был за, и тех, кто был против. Споры становились все ожесточеннее – закон Корана требовал, чтобы мусульмане сопротивлялись любым действиям, направленным против ислама. Кое-где начались потасовки. Один мужчина вытащил нож и умер, получив удар ножом в спину от другого. Мелькнуло огнестрельное оружие, появились раненые. Столкновения множились. Тут и там вспыхивали схватки между либералами и фундаменталистами, между левыми и «зелеными повязками». Кому-то проламывали головы, еще один человек погиб, и тут и там под перекрестный огонь попадали вездесущие дети, некоторые из них поплатились жизнью, другие прятались, приседая за стоявшими вдоль улиц машинами.

Ибрагим Кияби, студенческий вожак Туде, которому удалось бежать в ту ночь, когда Ракоци попал в засаду, выскочил на улицу и подхватил насмерть перепуганного ребенка, пока его товарищи прикрывали его огнем. Он благополучно добрался до угла улицы. Убедившись, что девочка не ранена, он прокричал друзьям: «За мной!» – понимая, что их здесь слишком мало, и бросился наутек. Их было шесть человек, и они бежали по боковым улочкам и переулкам. Скоро они были в безопасности и направились в сторону проспекта Рузвельта. Туде приказали избегать открытых столкновений с «зелеными повязками», пройти маршем вместе с женщинами, смешаться с ними и вести пропагандистскую работу. Он был рад снова приступить к активной деятельности после того, как долго прятался.

Через полчаса после ареста Ракоци он доложил о предательстве своему руководителю в штабе Туде. Человек сказал ему, чтобы домой он не ходил, сбрил бороду и залег на дно в одном из конспиративных домов недалеко от университета:

– Ничего не предпринимай до женского марша протеста во вторник. Присоединись к нему со своей ячейкой, как было запланировано, а на другой день отправляйся в Ковисс – это должно уберечь тебя на время.

– А что будет с Дмитрием Язерновым? – Ракоци он знал только под этим именем.

– Не переживай, мы вызволим его из рук этой мрази. Еще раз расскажи мне, как выглядел этот человек.

Ибрагим снова повторил ему то немногое, что запомнил про «зеленых повязок» и засаду. Потом спросил:

– Сколько человек поедут со мной в Ковисс?

– Тебя и еще двоих должно быть достаточно для одного вонючего муллы.

Это так, подумал он, только мне никто не нужен, скоро мой отец будет отомщен. Его руки сжались на винтовке M16, которую он неделю назад украл из ружейного склада в Дошан-Таппехе.

– Свобода! – крикнул он и поспешил на проспект Рузвельта, чтобы присоединиться к первым рядам демонстрации; его друзья рассыпались в обе стороны.

В сотне шагов позади, окруженный тысячами демонстрантов, размахивавших руками и кричавших слова одобрения, медленно

двигался открытый грузовик с молодыми людьми. Это были военнослужащие ВВС без военной формы. Среди них был Карим Пешади. Он рассматривал демонстранток, пытаясь отыскать среди них Шахразаду, но так и не увидел ее. Он вместе с другими был расквартирован в Дошан-Таппехе, где порядок и дисциплина почти перестали существовать, власть забрали в свои руки комитеты, отдавая приказы, которые сменялись противоположными им приказами, другие приказы приходили от верховного командования, подчинившегося премьер-министру Базаргану, третьи – от Революционного комитета, а иные – по радио, где время от времени выступал и устанавливал законы аятолла Хомейни.

Как и всем остальным пилотам и офицерам по всей стране, Кариму приказали явиться в комитет для перекрестного допроса по поводу его послужного списка, политических убеждений и связей в дореволюционный период. Послужной список у него был прекрасным, и он мог искренне поклясться, что поддерживал ислам, Хомейни и революцию. Но призрак отца незримо висел над ним, и он тщательно упрятал свое желание отомстить в самом сокровенном тайнике своего сердца. Пока его не трогали.

Позапрошлой ночью он попытался проникнуть на диспетчерскую вышку Дошан-Таппеха и разыскать там журнал разрешений на вылет, но его повернули обратно. Сегодня ночью он собирался попробовать еще раз – он поклялся себе, что доведет дело до конца. Я должен, думал он, Шахразада надеется на меня… о Шахразада, ты, кто придает моей жизни смысл, хотя для меня ты и запретна.

Он встревоженно разыскивал ее среди толпы, зная, что она где-то здесь. Вчера вечером он и группа его друзей слышали по радио яростное подстрекательское выступление аятоллы-фундаменталиста, осуждавшего женский марш протеста и требовавшего, чтобы «правоверные» провели ответные акции протеста. Это вызвало у него большую тревогу за Шахразаду, его сестер и родственниц, которые, как он знал, тоже выйдут на демонстрацию. Его друзья также тревожились за своих женщин. Поэтому сегодня утром они взяли этот грузовик и присоединились к протестующим. С оружием.

– Равные права для женщин! – кричал он. – Да здравствует демократия! Да здравствует ислам! Да здравствуют демократия, законность и исла… – Слова застыли у него в горле.

Впереди, перед потоком демонстранток, мужчины образовали плотный заслон, блокируя улицу. Женщины в передних рядах видели их злобу и поднятые кулаки. Инстинктивно женщины в первой полудюжине рядов постарались замедлить ход, но не могли этого сделать. Напор тысяч человек сзади неудержимо нес их вперед.

– Почему эти мужчины так злы? – спросила Шахразада; ее радость улетучилась, напор сзади становился все сильнее.

– Они просто заблуждаются, деревенские жители в большинстве своем, – храбро сказала Намжэ Ленге. – Они хотят, чтобы мы были их рабынями, рабынями, не бойтесь! Бог велик…

– Сомкните руки, – крикнула Зара, – им не остановить нас! Аллаххххху акбаррр…

Среди мужчин, преградивших им путь, был человек, который в тюрьме «Эвин» отвел Джареда Бакравана на расстрел. Он узнал Шахразаду в передних рядах.

– Бог велик, – пробормотал он в экстазе; его слова утонули в криках, раздававшихся вокруг. – Аллах сделал меня своим орудием, чтобы отправить злого базаари в ад, а теперь Аллах предает мне в руки его блудницу дочь. – Он, ликуя, пожирал ее глазами, представляя ее голой на тахте, распаленной, с гордо торчащими грудями, глазами, в которых плавала похоть, слышал, как она умоляла его, шевеля влажными губами: «Возьми меня, возьми меня, для тебя – без денег, дай мне его, весь целиком, быстрей, быстрей, наполни меня, растяни меня, для тебя – все, что хочешь, быстрей, быстрей… о Сатана, помоги мне высосать Бога из его члена…»

Он выхватил нож – в паху у него пульсировал торчащий член – и бросился на нее с криком «Бог велиииик…». Его нападение было неожиданным, и он быстро преодолел пространство, отделявшее его от женщин, сбил полдесятка из них с ног, пытаясь дотянуться до нее, но в возбуждении поскользнулся и упал, взмахнув рукой с ножом. Те, кого он ранил, пронзительно вопили, и он с трудом поднялся на ноги в толчее, и опять протянул к ней руку, он видел только ее, ее широко раскрытые, полные ужаса глаза, нож в руке был готов распороть ей живот, всего три шага до нее, два, один… его голова наполнилась запахом ее духов, мерзкой вонью самого дьявола во плоти. Смертельный удар пошел, но так и не коснулся ее, и он понял, что Сатана поставил злого джинна на его пути, – в груди вспыхнуло

чудовищное жжение, глаза потеряли зрение, и он умер с именем Бога на устах.

Шахразада во все глаза смотрела на осевшую перед ней фигуру, Ибрагим теперь был рядом с ней, в руке – винтовка, кругом крики, вопли и рев гнева тысячи женщин позади них.

Снова раздался выстрел, и еще один мужчина с воплем упал.

– Вперед, во имя Аллаха! – воскликнула Ленге, преодолевая собственный страх, ее крик подхватил Ибрагим, подтолкнувший Шахразаду:

– Не бойся, вперед, за женщин…

Она прочла в его лице непоколебимую уверенность и на мгновение приняла его за своего двоюродного брата Карима, настолько похож он был ростом, фигурой и лицом, в следующий миг ее ужас и ненависть, вызванные произошедшим, прорвались наружу, и она закричала:

– Вперед, за моего отца… Долой фанатиков и «зеленых повязок»… долой убийц! – Она протиснулась к Заре. – Пошли! Вперед! – и сомкнула руки с ней и с Ибрагимом, ее спасителем, таким похожим на Карима, что они могли бы быть братьями, и они снова двинулись дальше.

Все больше мужчин бегом пробирались в первые ряды на помощь, грузовик с военными летчиками среди них. Еще один человек с ножом с воплем бросился на них.

– Бог велик… – крикнула Шахразада, толпа вместе с ней, и, прежде чем его нейтрализовали, вопящий юноша полоснул Ленге по руке. Передние ряды неудержимо напирали, обе стороны ревели «Бог велик», одинаково уверенные в своей правоте. И заслон рассыпался.

– Пусть проходят, – крикнул какой-то мужчина. – Наши женщины тоже там, некоторые из них, их слишком много… слишком много. – Те мужчины, что были впереди, подались назад, остальные отступили в сторону, и путь был свободен.

Торжествующий рев прокатился по рядам женщин:

– Аллахакбаррр… Бог с нами, сестры!

– Вперед! – снова закричала Шахразада, и демонстрация двинулась дальше.

Раненых относили или помогали им отойти в сторону, остальные сплошным потоком текли дальше. Марш снова обрел порядок и

управляемость. Никто больше не преграждал им дорогу, хотя многие мужчины продолжали угрюмо смотреть сбоку, Теймур и другие фотографировали особо активных.

– Это успех, – слабым голосом произнесла Ленге, все еще шагая в первом ряду; ее рука была перевязана шарфом, который остановил кровь. – У нас получилось. Даже аятолла будет знать о нашей решимости. Теперь мы можем вернуться домой к своим мужьям и семьям. Мы добились того, чего хотели, и теперь можем идти домой.

– Нет, – сказала Шахразада; ее лицо было бледным, заляпанным грязью, она еще не вполне преодолела свой испуг. – Мы должны выйти на демонстрацию завтра, и послезавтра, и каждый день, пока имам публично не скажет, что ношение чадры необязательно, и не поддержит наши права.

– Да, – сказал Ибрагим, – если вы сейчас остановитесь, муллы раздавят вас!

– Вы правы, ага, о, как я могу отблагодарить вас за то, что вы нас спасли?

– Да, – кивнула Зара, все еще потрясенная. – Мы выйдем и завтра или эти… эти безумцы уничтожат нас!

Марш продолжался без дальнейших столкновений, и то же самое повторилось в других городах: сначала стычки, а потом мирное продолжение демонстрации.

Но в деревнях и маленьких городках марш был остановлен прежде, чем успел начаться, и далеко на юге, в Ковиссе, над городской площадью висело молчание, нарушаемое лишь свистом бича и воплями. Когда демонстрантки собрались, мулла Хусейн встал перед ними.

– Этот протест запрещается. Все женщины, не одетые в хиджаб, подлежат наказанию за появление на людях в голом виде против велений Корана. – Лишь с полдюжины женщин из двух сотен собравшихся были в пальто и западной одежде.

– Где в Коране говорится, что мы выказываем неповиновение Аллаху, если не надеваем чадру? – крикнула одна из женщин. Она была женой управляющего банком и училась в Тегеранском университете. Она была одета скромно, в длинное пальто и юбку, но волосы ее остались непокрытыми.

– «О Пророк! Скажи женам твоим, и дочерям, и правоверным женщинам, чтобы опускали на себя покрывала свои…» Иран – Исламское государство… первое в истории. Имам своим указом объявил хиджаб. Значит, будет хиджаб. Немедленно ступайте и оденьтесь как подобает!

– Но правоверные женщины в других землях не должны носить чадру, и их вожди или мужья не заставляют их делать это.

– «Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими… Праведные женщины потому покорны… А тех женщин, непокорности которых вы опасаетесь, увещевайте, избегайте на супружеском ложе и побивайте. Если же они станут покорны вам, то не ищите пути против них». Отправляйтесь и покройте волосы!

– Я не пойду. Более сорока лет уже женщины ходят, не закрывая лица, и…

– Сорок плетей обуздают вашу непокорность! Бог велик! – Хусейн дал знак одному их своих учеников.

Другие схватили женщину и накрепко зажали ее между собой. Скоро кнут прорезал ткань на ее спине до кожи к восторгу наблюдавших за наказанием мужчин. Когда бичевание закончилось, потерявшую сознание женщину унесли другие женщины. Остальные разошлись по домам. В молчании.

Дома Хусейн посмотрел на свою жену с ее огромным животом.

– Как ты посмела присоединиться к протесту блудниц и женщин легкого поведения?

– Я… это была ошибка, – ответила она, холодея от страха. – Это была большая ошибка.

– Да. Два дня ты проведешь без пищи, будешь пить только воду, чтобы запомнить этот урок. Если бы ты не носила ребенка, тебя бы постигла та же участь там, на площади.

– Благодарю тебя за проявленное милосердие. Пусть Аллах благословит тебя и сохранит. Благодарю тебя…

Аэропорт Тегерана. 18.40. С Эндрю Гавалланом на соседнем сиденье, Мак-Айвер выехал с грузовой площадки на рулежку, направляясь к их 125-му, который встал на стоянку в грузовой зоне километрах в полутора впереди. Самолет вернулся из Тебриза около

часа назад, прошел дозаправку и был готов лететь назад через Персидский залив. Когда 125-й приземлился, Армстронг долго и сердечно благодарил их за разрешение воспользоваться самолетом компании. Как и полковник Хашеми Фазир.

– Капитан Хогг говорит, что 125-й возвращается в субботу, мистер Гаваллан, – вежливо произнес Хашеми. – Я подумал, не будете ли вы так добры, что подбросите нас до Тебриза. На этот раз только в одну сторону, ждать нас будет не нужно, назад мы доберемся сами.

– Конечно, полковник, – дружелюбно ответил Гаваллан, совсем не испытывая приятных чувств ни к тому ни к другому. Сегодня утром, когда он прибыл из Эль-Шаргаза, Мак-Айвер тут же рассказал ему наедине, почему было необходимо пойти им навстречу. «Я займусь этим прямо с ходу, Мак, поговорю с Талботом, – ответил Гаваллан, взбешенный этим шантажом. – Специальная там служба или Управление уголовных расследований, мне плевать».

Они все зажали уши обеими руками, когда гигантский транспортный самолет ВВС США проехал мимо, двигаясь к своей взлетной полосе вдалеке, – один из многих чартерных рейсов, организованных американским правительством, чтобы вывезти оставшихся американских военнослужащих и работников посольства, кроме самого необходимого персонала. Перегретый воздух из реактивных двигателей взметнул снег и обдал их жаром. Когда Гаваллана снова можно было услышать, он сказал:

– Талбот оставил вам послание, мистер Армстронг, и просил, чтобы вы встретились с ним как можно скорее. – Он заметил мимолетный взгляд, которым обменялись друг с другом британец и иранец, гадая, что бы он мог значить.

– Он не сказал где, сэр?

– Нет, просто просил встретиться с ним как можно скорее.

Гаваллана отвлек большой черный лимузин, быстро приближавшийся к ним; на крыле трепетал официальный флаг Хомейни. Два иранца с каменными лицами вышли из остановившейся машины и почтительно отдали честь Хашеми, распахнув для него дверцу.

– До субботы. И еще раз большое спасибо, мистер Гаваллан. – Хашеми сел на заднее сиденье.

– Как нам связаться с вами, полковник… на случай, если планы поменяются?

– Через Роберта. Он сможет передать мне ваше послание. Я могу быть вам чем-нибудь полезен? Здесь, в аэропорту?

– По поводу заправки самолета, – быстро вставил Мак-Айвер, – спасибо, что помогли ее устроить. Если бы вы могли распорядиться, чтобы нас каждый раз обслуживали так же быстро, я был бы весьма признателен. И то же самое по процедуре получения разрешений.

– Я позабочусь об этом. Вы получите приоритетное обслуживание для субботнего рейса. Если понадобится еще что-нибудь, пожалуйста, обратитесь к Роберту. Роберт, поехали!

– Еще раз спасибо, мистер Гаваллан, – сказал Армстронг. – Увидимся в субботу, если не раньше.

Когда сегодня Талбот заехал, чтобы спросить, во сколько Армстронг прибывает из Тебриза, Гаваллан отвел его в сторону и, едва не рыча от гнева, рассказал ему про шантаж.

– Бог ты мой, – воскликнул Талбот потрясенно. – Какое кошмарное обвинение, ужасно, это не по-английски с вашей стороны, Эндрю, если мне будет позволено заметить! Насколько я понимаю, Роберту пришлось изрядно потрудиться, многим рискнуть, чтобы постараться избавить вас, вашу компанию, Дункана и Локарта – он хороший человек, Локарт, очаровательная жена, жаль, что так вышло с ее отцом, – от катастрофы, которая в любой миг может поднять свою уродливую голову. Разве нет? – Талбот сладко улыбнулся. – Как я понимаю, Роберт попросил, только попросил о скромном одолжении, которое совсем не трудно оказать, а, Эндрю?

– Он из Специальной службы, бывший сотрудник Управления уголовных расследований Гонконга, не так ли?

Улыбка Талбота ни на миг не утратила своей сладости.

– Откуда мне знать. Но он, похоже, действительно хочет оказать вам услугу. Это с его стороны довольно любезно. Нет?

– Журнал разрешений на взлет действительно у него?

– Я ни про что такое и знать не могу ничего.

– Да и кто вообще этот полковник Фазир?

Талбот закурил сигарету.

– Просто друг. Человек, которого хорошо иметь своим другом.

– Это я вижу. Он организовал дозаправку и немедленное разрешение на взлет вне очереди, словно он сам Господь, черт меня подери, Бог.

– О, он не Бог, ни в коем случае. Близко, но не Бог. Бог – англичанин. – Талбот коротко хохотнул. – И к тому же женщина. Никакой мужской разум не сумеет так капитально поставить весь мир вверх тормашками. Полсловечка для умных, старина: я слышал, следуя рекомендации вашего коллеги по совету директоров Али Киа, они намереваются национализировать все иностранные авиационные компании, особенно вашу, если им удастся-таки составить нужную бумагу.

Гаваллан был шокирован.

– Кто это они?

– Это имеет какое-то значение?

После того как Талбот уехал, Гаваллан, кипя от возмущения, вернулся в управление S-G, где сегодня было довольно много сотрудников. Не как в былые дни нормальной работы, но уже ближе к ним – оператор радиостанций, оператор телекса, офис-менеджер, снабженцы, несколько секретарей; женщин сегодня не было, поскольку все отпросились для участия в марше протеста.

– Мак, давай-ка прогуляемся.

Мак-Айвер поднял голову от целой кипы отчетов.

– Конечно, – сказал он, увидев выражение лица Гаваллана.

Им пока еще не удалось побеседовать с глазу на глаз; в их офисе в аэропорту или где-то поблизости это было невозможно: стены тонкие, глаза и уши повсюду и широко открыты. Все время с момента прибытия Гаваллана, вот уже много часов, они занимались просмотром кассового журнала, действующих контрактов, контрактов приостановленных или аннулированных и текущим состоянием каждой из баз – все базы в осторожных выражениях докладывали о сокращении работ до минимума и росте проблем до максимума, – единственной хорошей новостью было полученное Мак-Айвером разрешение на вывоз трех 212-х, да и в этом не было полной уверенности. Пока.

Они вышли на площадку грузовой зоны. Огромный «боинг» японских авиалиний с ревом поднялся в небо.

– Говорят, в «Иран-Тода» не то две, не то три тысячи японских технарей до сих пор валяют дурака и ждут у моря погоды, – рассеянно заметил Мак-Айвер.

– Консорциуму приходится чертовски трудно. В сегодняшнем выпуске «Файнешнл таймс» пишут, что их начальный бюджет превышен уже больше чем на полмиллиарда долларов, в этом году строительство закончить им никак не удастся, и выйти из проекта они тоже не могут, – все это да еще переизбыток предложения на рынке грузовых перевозок не может не ударять по ним самым серьезным образом, – сказал Гаваллан, убедившись, что они совершенно одни. – Наши капиталовложения, по крайней мере, мобильны, Мак, большая их часть.

Мак-Айвер взглянул на него, на его изборожденное морщинами лицо, кустистые седые брови, карие глаза.

– Это и есть причина для «совершенно обязательного разговора»?

– Одна из них. – Гаваллан пересказал ему все, что услышал от Талбота. – «Национализировать»! Это означает, что мы потеряем все, если только не предпримем чего-нибудь по этому поводу. Ты знаешь, Дженни права. Нам придется сделать это самим.

– Я не думаю, что это возможно. Она тебе это сказала?

– Разумеется, но я считаю, что шанс у нас есть. Прикинь такой вариант. Скажем, сегодня у нас день первый. Весь неосновной персонал начинает выезжать из Ирана для перенаправления в другие места или в отпуск, мы вывозим все запчасти, какие сможем, – либо на нашем 125-м, либо на регулярных авиарейсах, когда они возобновятся, – проводим их как устаревшие, избыточные, требующие ремонта или вывозим с личным багажом. «Загрос-3» перебирается в Ковисс, Тебриз «временно» закрывается, и 212-й Эрикки перелетает в Эль-Шаргаз, а оттуда – в Нигерию вместе с Томом Локартом из Загроса и одним 212-м из Ковисса. Ты закрываешь главное представительство в Тегеране и переезжаешь в Эль-Шаргаз, чтобы руководить нашей деятельностью здесь и управлять тремя оставшимися базами в Ленге, Ковиссе и Бендер-Деламе оттуда «в ожидании нормализации обстановки», – для нас по-прежнему действует распоряжение нашего правительства об эвакуации из страны всего неосновного персонала.

– Это так, но…

– Позволь мне закончить, парень. Скажем, мы сможем осуществить подготовку, завершить планирование и все такое за тридцать дней. День тридцать первый – это день «Д». В определенное время в день «Д» – или день «Д» плюс один или два, в зависимости от погоды и Бог знает чего еще, – мы передаем по радио из Эль-Шаргаза условный код. Одновременно все наши оставшиеся вертолеты и пилоты поднимаются в воздух и летят через залив в Эль-Шаргаз. Там мы снимаем с них несущие винты, грузим вертолеты в 747-е, которые я зафрахтую где-нибудь, они летят в Абердин, и дело в шляпе, – закончил Гаваллан с широкой улыбкой.

Мак-Айвер тупо смотрел на него, не мигая.

– Ты сошел с ума! Обезумел окончательно и бесповоротно, Китаец. В твоем плане столько дыр… ты рехнулся.

– Назови хоть одну.

– Да я назову тебе полсотни, во-пер…

– По одной, дружок, по одной, и не забывай про свое чертово давление. Кстати, как оно? Дженни просила поинтересоваться.

– Прекрасно, и не заводи эту чертову шарманку. Во-первых, одновременный вылет: вертолетам с разных баз понадобится совершенно разное время, чтобы покрыть требуемое расстояние. Тем, что из Ковисса, придется дозаправляться – одним прыжком не получится, даже через залив.

– Знаю. Для каждой из трех баз мы составим отдельные подпланы. Начальник каждой из баз разработает свой собственный план, как ему выбираться. Скрэг через залив порхнет без труда, как и Руди из Бендер-Де…

– Не получится. Ни Руди из Бендер-Делама, ни Старк из Ковисса не смогут пересечь залив за один перелет – даже если они вообще смогут его пересечь. Им придется лететь через воздушное пространство Кувейта, Саудовской Аравии, Эмиратов, и один Бог знает, что они с нами сделают: конфискуют вертолеты, бросят в тюрьму, оштрафуют. И Эль-Шаргаз тоже, с какой стати им вести себя по-другому. – Мак-Айвер покачал головой. – Шейхи ничего не смогут поделать, если у нас не будет надлежащих иранских разрешений на перелет, – они все до смерти боятся, и с полным основанием, что революция Хомейни переползет и к ним тоже, у них у всех большие

общины шиитов, и в военном плане они иранским вооруженным силам противопоставить ничего не смогут, если Хомейни разозлится.

– Давай по порядку, – спокойно сказал Гаваллан. – Ты прав насчет вертолетов Руди и Старка, Мак. Но предположим, что у них будет разрешение на перелет по всем этим территориям?

– А?

– Я послал телекс всем национальным управлениям гражданской авиации стран Персидского залива и получил по телексу подтверждения, что вертолеты S-G могут транзитом пролетать по их территории.

– Да, но…

– По порядку, приятель, по порядку. Дальше, предположим, что все наши вертолеты снова получат британскую прописку. Они ведь и являются британскими, это наши вертолеты, мы за них платим, они – наша собственность, что бы партнеры ни пытались там провернуть. С британской регистрацией они не подчиняются Ирану, вообще не имеют к нему никакого отношения. Так?

– Когда они покинут пределы страны, да, но тебе не добиться от Иранского управления гражданской авиации согласия на их вывоз, поэтому ты не можешь вернуть им британскую регистрацию.

– Предположим, что я смогу внести их в британский реестр в любом случае.

– И как, черт побери, ты собираешься это сделать?

– Попросить. Ты просишь, дружище, просишь ребят из регистрационной службы в Лондоне сделать это для тебя. «Дела в Иране что-то совсем запутались», – говорю я. «Да, чертовская неразбериха, старина, это есть», – говорят они. «Я бы хотел на время снова прописать своих пташек в британском реестре, – говорю я. – Возможно, я их вывезу оттуда, пока ситуация не придет в норму… разумеется, власти предержащие в Иране дают свое разрешение, вот только сейчас я никак не могу получить от них эту чертову бумагу с подписью, ну, вы знаете, как это бывает». «Разумеется, старина, – говорят они, – с нашим чертовым правительством то же самое… вообще с любым чертовым правительством. Ну, пташки-то твои, тут сомнений нет, это, конечно, самую чуточку против правил, но я так думаю, все должно быть нормально. Тут у нас междусобойчик намечается для старых друзей, ты придешь?»

Мак-Айвер остановился и в изумлении уставился на него.

– Они согласились?

– Пока нет, приятель. Дальше?

– Да у меня этих «дальше» штук сто, вот только… – раздраженно выпалил Мак-Айвер, снова двинувшись вперед: стоять было холодно.

– Только что?

– Только если я тебе их буду выдавать по одному, у тебя всякий раз найдется ответ и возможное решение, но вот в одно целое они все вместе никогда не сложатся.

– Я согласен с Дженни, нам придется все делать самим.

– Может быть, но план должен быть по-настоящему реализуемым. И еще: мы получили разрешение вывезти три 212-х, возможно, мы могли бы таким образом вывезти и остальные?

– Эти три пока что в Иране, Мак. Партнеры, не говоря уже про Иранское управление гражданской авиации, их из своих захапистых лап не выпустят. Посмотри на «Герни» – у них все машины конфисковали. Сорок восемь штук, включая все 212-е – миллионов на тридцать вертолетов стоят и ржавеют, они даже техническое обслуживание наладить не в состоянии. – Они посмотрели на взлетно-посадочную полосу. Там садился «Геркулес» британских ВВС. – Талбот сказал мне, что к концу недели весь технический персонал и инструкторы британской армии, ВВС и военного флота будут эвакуированы, а в посольстве их останется три человека, включая его самого. Похоже, что во время беспорядков возле американского посольства кто-то, воспользовавшись неразберихой, проник внутрь, взорвал сейфы, вытащил шифры…

– У них там все еще хранилось что-то секретное? – спросил пораженный Мак-Айвер.

– Видимо, да. Как бы то ни было, Талбот говорит, что это проникновение заставило съежиться каждую дипломатическую задницу в христианском мире – равно как и в советском, да и в арабском. Все посольства закрываются. Арабы надулись сильнее всех остальных – ни одному из шейхов не хочется, чтобы хомейнизм пробрался на другую сторону залива, и они готовы и способны выложить свои нефтедоллары, чтобы этого не допустить. Талбот сказал: «Ставлю пятьдесят фунтов против сломанной заколки, что Ирак уже втихую раскрыл свою чековую книжку, курды тоже, и

вообще все арабы, которые за суннитов и против Хомейни. Весь залив теперь как пороховая бочка».

– А он тем временем…

– Тем временем он уже не такой грозный, каким был несколько дней назад, и уже не так уверен, что Хомейни тихо-мирно удалится на покой в Кум. «Все та же старая веселая песня про „Иран для иранцев“, старина, лишь бы только были Хомейни и муллы, – говорит он. – Мол, да здравствует хомейнизм, если только левые его раньше не прикончат, и долой все старое. Это они про нас». – Гаваллан похлопал руками в перчатках, чтобы разогнать кровь. – Черт, я замерз. Мак, из бухгалтерских книг ясно видно, что мы здесь по уши в дерьме. Нам нужно позаботиться о себе.

– Это чертовски большой риск. Думаю, несколько пичуг мы потеряем.

– Только если удача совсем от нас отвернется.

– Ты слишком многого ждешь от удачи, Энди. Помнишь тех двух механиков в Нигерии, которым впаяли по четырнадцать лет только за то, что они обслужили 125-е, которые потом вывезли из страны нелегально?

– То была Нигерия, и механики остались в стране. Мы здесь не оставим никого.

– Если здесь останется хоть один из наших иностранных работников, его схватят, бросят в тюрьму и будут держать заложником за всех нас и наши вертолеты – если только ты не будешь готов предоставить ему самому за все отдуваться. Если же не будешь, то они используют его, чтобы вынудить нас вернуться, а когда мы вернемся, они будут в крайне сильном раздражении. Как быть с нашими иранскими работниками?

Гаваллан упрямо произнес:

– Если удача отвернется от нас, это будет катастрофа, что бы мы ни сделали. Я думаю, нам следует подготовить настоящий план со всеми окончательными деталями, на всякий случай. На это уйдут недели. И нам придется держать все это планирование в строжайшем секрете, только ты и я.

Мак-Айвер покачал головой.

– Нам придется советоваться с Руди, Скраггером, Локартом и Старком, если ты хочешь подойти к этому серьезно.

– Как скажешь. – Гаваллан потянулся, прогоняя ломоту в спине. – Как только мы все спланируем как надо… Нам нет нужды жать на педаль газа, пока все не будет готово.

Некоторое время они шли молча; снег громко хрустел под ногами. Они уже приблизились почти к самому краю грузовой площадки.

– Мы чертовски много потребуем от ребят.

Гаваллан как будто не слышал его.

– Мы не можем просто взять и оставить пятнадцать лет труда, не можем выбросить коту под хвост все наши сбережения, твои, Скрэгга, – сказал он. – Нашего Ирана больше нет. Большинство людей, с которыми мы работали все эти годы, сбежало, другие прячутся или мертвы – или действуют против нас, нравится им это или нет. Заказов минимум. У нас здесь из двадцати шести вертолетов работают девять. Нам не платят и за ту малость, что мы делаем, и не возвращают долги. Я думаю, это все можно списывать в убыток.

– Все не так плохо, как тебе кажется, – упрямо возразил Мак-Айвер. – Партне…

– Мак, ты должен понять одну вещь: я не могу списать деньги, которые нам должны, плюс наши вертолеты и запчасти, и оставаться в деле. Не могу. Наши тринадцать 212-х стоят тринадцать миллионов, девять 206-х – еще миллион триста тысяч с гаком, три «Алуэтта» – еще полтора миллиона и на три миллиона запчастей – получается двадцать миллионов примерно. Я не могу списать такую сумму. Иэн предупредил меня, что «Струанз» в этом году понадобится помощь, свободной наличности у компании нет – Линбар принял ряд неудачных решений, и… ну, ты знаешь, что я думаю о нем, а он обо мне. Но он пока еще тайпэн. Я не могу списать Иран в убыток, не могу расторгнуть наши новые контракты на Х63, не могу воевать с «Империал», которая в настоящее время уделывает нас в Северном море с помощью своей проклятой подковерной бухгалтерии, жируя на деньги налогоплательщиков. Никак не могу.

– Ты чертовски много потребуешь от ребят, Китаец.

– И от тебя, Мак, не забывай про себя. Работать будем всей командой, не только на меня, но и на них тоже, потому что дело обстоит так: или мы это проворачиваем, или идем ко дну.

– Большинство наших ребят смогут найти работу без всяких проблем. Рынку отчаянно требуются подготовленные пилоты

вертолетов с опытом работы на нефтяных месторождениях.

– Ну так и что? Готов поспорить, все они предпочли бы остаться с нами: мы о них заботимся, платим самые большие зарплаты, у нас лучшие показатели по безопасности – S-G лучшая вертолетная компания на планете, и им это известно! Мы с тобой знаем, что мы – часть Благородного дома, клянусь Создателем, и это тоже кое-что значит. – В глазах Гаваллана вдруг запрыгали неудержимые искорки. – Это будет великая афера, если нам удастся ее провернуть. Как бы мне хотелось ткнуть Линбара в нее носом. Когда время придет, мы спросим у ребят. А пока все системы к запуску, а, дружище?

– Хорошо, – сказал Мак-Айвер без всякого энтузиазма. – В части планирования.

Гаваллан посмотрел на него.

– Я слишком хорошо тебя знаю, Мак. Скоро ты будешь рваться начать, и это я тебе буду говорить: «Остынь! Как насчет того-то и того-то…»

Мак-Айвер его не слушал. Его разум пытался сформулировать план, несмотря на всю невозможность этого – за исключением британской регистрации. Смогло бы это сыграть решающую роль?

– Энди, по поводу этого плана. Нам стоит придумать для него кодовое название.

– Дженни сказала, что мы должны назвать это «Шамал»[56] – именно он нас сейчас несет и кружит.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Оставить отзыв о книге

Все книги автора

---

notes

Примечания

1

Шахада — *араб,* «свидетельство»; выражение, вошедшее в большинство мусульманских молитв.

2

Дерьмо *(фр.)*.

3

Катастрофа *(фр)*.

4

Старина *(фр.)*.

5

Вранье *(дословно: дерьмо собачье)*

6

Фронт национального освобождения Алжира. – *Здесь и далее примеч. пер.*

7

Дорогой магазин экзотических продовольственных товаров в Лондоне.

8

Моя подружка *(фр.)*.

9

Кантонское ругательство, предлагающее «пойти и сделать это со своей матерью».

10

Мечеть *(араб. масджид)* — «место совершения поклонов».

11

Одно из названий полуострова и города Цзюлун.

12

Популярнейшая в Австралии песня, своего рода народный гимн страны.

13

Бог мой *(фр.)*.

14

Соответствует званию генерал-майора в сухопутных силах.

15

Ветроуказатель.

16

Мой дорогой друг *(фр.)*.

17

Спасибо *(яп.)*.

18

Мой храбрец *(фр.)*.

19

Недоумки *(фр.)*.

20

Приятного аппетита *(фр.)*.

21

Безумный *(нем.)*.

22

Какой ужас *(фр.)*.

23

Марк, давай в башню, быстро, не медли *(фр.)*.

24

Никаких проблем! *(фр.)*.

25

Глупцы *(фр.)*.

26

Черт возьми, вот это мужик *(фр.)*.

27

Дерьмо, друг мой *(фр.)*.

28

Слушай *(фр.)*..

29

Владельцы магазинов или лавок на базаре.

30

Ничего *(ит.)*.

31

Конечно! *(фр.)*.

32

Дипломатичный *(фр.)*.

33

Засранца *(груб. итал.)*.

34

Боров проклятый *(ит.)*.

35

Мой храбрец *(фр.)*.

36

Давайте! *(фр.)*

37

Хорошо? *(ит.)*

38

Не за что, дорогой *(ит.)*.

39

Вручался лейтенантам и капитанам британской армии за храбрость.

40

Вы говорите по-французски? *(фр.)*

41

Паста для бутербродов.

42

Легендарный немецкий летчик-истребитель времен Первой мировой войны.

43

«Кистоун» (Keystone) – американская компания, выпускавшая в начале XX века немые короткометражные балаганные комедии, в которых часто фигурировали растяпы-полицейские.

44

Отдел Департамента уголовного розыска, выполняющий функции политической полиции, а также охраняющий членов королевской семьи и государственных деятелей.

45

Разговорное название британской службы внешней разведки.

46

Понятно *(искаж. исп.)*.

47

Вы говорите по-французски, мадам? *(фр.)*

48

Старина *(фр.)*.

49

До скорого *(фр.)*.

50

Кретины *(фр.)*.

51

Добрый день *(ит)*.

52

Чему быть, того не миновать! *(ит.)*

53

Дерьмо *(ит.)*.

54

Да. Нет проблем *(фр.)*.

55

Ублюдки, тупые ублюдки… *(ит.)*

56

Устойчивый северо-западный ветер, иногда штормовой скорости, над побережьями Персидского залива и Красного моря, а также над равнинами Месопотамии и в Ираке.